*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ
ПРИ ГОССТРОЕ СССР

*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ
ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

*

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

В 12 ТОМАХ

*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. Я. КОЛЛИ (ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР),
Н. В. БАРАНОВ, В. В. БОЛЬШАКОВ, Н. П. БЫЛИНКИН,
Б. В. ВЕЙМАРН, А. А. ГУБЕР,
Г. М. ЛЮДВИГ, П. Н. МАКСИМОВ, И. Л. МАЦА,
Г. Б. МИНЕРВИН, И. С. НИКОЛАЕВ, А. Н. ПОПОВ,
Ю. Ю. САВИЦКИЙ, Г. А. САРКИСИАН, О. Х. ХАЛПАХЧЬЯН, А. Г. ЧИНЯКОВ,
В. А. ШКВАРИКОВ,
Ю. С. ЯРАЛОВ (ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ

АРХИТЕКТУРА РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

XIV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.

*

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

П. Н. МАКСИМОВА (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР),
А. И. ВЛАСЮКА, А. А. КИПАРИСОВОЙ,
Ю. А. НЕЛЬГОВСКОГО, М. И. РЗЯНИНА,
А. Г. ЧИНЯКОВА

· 6 ·

МОСКВА — 1968

ВВЕДЕНИЕ

VI том настоящего издания посвящен истории архитектуры России, Украины и Белоруссии XIV — начала XIX вв.

Составлявшие некогда Древнерусское государство, эти земли были в XIV—XV вв. местом формирования русской, украинской и белорусской народностей, их языка и культуры. Этот процесс, начавшийся еще в домонгольское время, протекал в исторических условиях, определивших разделение этих народностей, развивавшихся почти независимо друг от друга. Причиной этому были тяготевшее над Русью до конца XV в. татарское иго и присоединение Приднепровья и западнорусских земель к Литве и Польше. Это сказалось и на русской, украинской и белорусской архитектуре, долго развивавшейся также почти вне связи между собой, поэтому история их зодчества излагается в отдельных главах.

Для каждой из этих земель рассматриваемое время было временем господства феодализма: сначала феодальной раздробленности, затем сложения централизованных феодальных монархий и, наконец, зарождения и развития капитализма. В каждой из них развивалось крупное землевладение, закрепощались крестьяне, отвечавшие на это восстаниями и уходом в незаселенные тогда низовья Дона и Днепра и сохранившие относительную свободу лишь местами на севере России и востоке Украины.

В связи с развитием торговли и ремесел и зарождением крупной промышленности росли русские, украинские и белорусские города, увеличивалось их население и выделялась верхушка — городская буржуазия, роль которой в экономической жизни с течением веков все возрастала, тогда как политическая власть оставалась в руках феодалов. Возникновение и обострение (к XVIII — началу XIX в.) противоречий между капиталистическими формами производства и феодальным общественным и государственным строем было свойственно и России, и Украине, и Белоруссии.

С другой стороны, на Руси и в восточной части Украины, сильнее разоренных татарским нашествием, развитие капиталистических форм производства было замедленным. Здесь позже произошло окончательное закрепощение крестьян, медленнее развивались ремесла, торговля и города, сильнее были ослаблены былые связи с зарубежными странами, а в России дольше сохранялся устаревший государственный и бытовой уклад, что потребовало в начале XVIII в. его решительной ломки, неизвестной Украине и Белоруссии.

По-разному происходил на Руси, в Белоруссии и на Украине процесс сложения централизованного феодального государства. На Руси национальное государство складывалось в борьбе с внешними врагами при сравнительно слабых экономических связях между отдельными землями. Украина и Белоруссия входили в состав Польши и Литвы, в 1569 г. окончательно слившихся в одно государство. В XIV—XV вв. оно защищало украинские и белорусские земли от татарских набегов и давало им возможность развивать экономику, но затем все более ассимилировало верхи местного населения и эксплуатировало его широкие слои, до-

полняя социальный гнет национальным и религиозным. Это стало причиной начавшихся с конца XVI в. казацких восстаний, закончившихся свержением польской власти в Левобережной Украине, объединившейся в 1654 г. с Россией. Кроме того, на Руси центральная власть подчиняла себе и крупных феодалов, и города, а в Польско-Литовском государстве крупные феодалы обладали независимостью, имели свои войска и города, а с конца XVI в. выбирали королей. Более значительные города Украины и Белоруссии наряду с польскими уже с конца XIV в. получали право самоуправления.

В XVII и, особенно, в XVIII в. русская экономика и культура развивались быстрее, и правительство нередко заботилось о развитии не только дворянского землевладения, но и промышленности. Зарождение крупных промышленных предприятий, развитие товарно-денежных отношений, расширение внешней и внутренней торговли, укрепление экономического единства страны, оживление связей с Западом, рост городов, развитие научных знаний и усиление светского начала в мировоззрении характерны для России того времени. В Польше этого времени, наоборот, упадок экономики, обусловленный консерватизмом и своекорыстием магнатов, отразился на состоянии входивших в ее состав Белоруссии и частей Украины. Экономическому упадку сопутствовал и политический, приведший к разделам Польши между Россией, Пруссией и Австрией, к присоединению Белоруссии и большей части Украины к России и к распространению здесь общеимперских порядков.

Россия в XVIII — XIX вв. сильно расширила свои границы, а военные успехи подняли ее международный авторитет, но внутри страны уже намечался кризис феодально-крепостнической системы, все более мешавшей развитию производительных сил. Помещичье землевладение лишало промышленность рабочей силы и было источником крестьянских волнений, а рост привилегий дворянства (к которому с 1780-х годов была приравнена украинская казацкая старшина и литовское шляхетство) вызывал даже среди передовых представителей этого класса не только протесты против паразитизма и роскоши, но и критическое отношение к государственному строю.

Сходство и различие исторического развития России, Украины и Белоруссии были причиной сходства и различия их архитектуры.

Возникла типичная для феодализма архитектура города — административного и торгово-ремесленного центра, резиденции феодала (включая и носителя верховной власти). Жилища зажиточных горожан, крепости, церкви и монастыри по своему богатству и монументальности резко отличались от жилищ городской бедноты. Но в ряде городов Белоруссии и Украины наряду с замком, заменившим древнерусский кремль, возник второй центр — ратуша с торговой площадью — неизвестный русским городам, где безраздельно господствовал кремль. Сильной центральной властью на Руси объясняется отсутствие укрепленных феодальных замков обычных для Польско-Литовского государства и входивших в его состав Белоруссии и Украины.

Русская культовая архитектура развивалась на основе традиционных приемов более раннего времени, изменяясь в соответствии с новыми условиями. В Белоруссии и на Украине значительно раньше создались условия, благоприятствовавшие проникновению западных черт в церковную архитектуру, а усиленное строительство католических храмов и монастырей после Брестской церковной унии 1596 г. влияло и на архитектуру православных храмов.

В России рост национального самосознания способствовал усилению национального характера архитектуры. То же было и в Левобережной и Слободской Украине после 1654 г. В других частях Украины и в Белоруссии архитектура католических храмов и дворцов польских и литовских магнатов была противопоставлена местной, тем более что частое привлечение к постройке этих зданий иностранных архитекторов рано привело к резкому различию между профессиональной и народной архитектурой. В России и Левобережной Украине это произошло лишь в XVIII в. в результате сближения профессиональной архитектуры с западными ее образцами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АРХИТЕКТУРА РОССИИ

ГЛАВА 1
АРХИТЕКТУРА НОВГОРОДА И ПСКОВА КОНЦА XIII — НАЧАЛА XVI В.

В годы татарского ига, надолго прервавшего развитие каменной архитектуры многих русских земель, в Новгороде и Пскове строились каменные здания и развивались русские строительные и художественные традиции в соответствии с запросами этих вечевых республик, земли которых граничили со Швецией, Литвой и владениями Ливонского и Тевтонского орденов.

Из-за войн Новгорода и Пскова с их западными соседями в XIII и первой половине XIV в. даже крепости строились из дерева и лишь с конца XIII в. появляются новые каменные церкви. Зато вторая половина XIV в., когда Новгород расширял свои владения на Севере и Востоке и торговлю внешнюю и с другими русскими землями, была временем расцвета его каменной культовой и крепостной архитектуры. В XV в. в Новгороде, в то время богатейшем из русских городов, обостряются классовые противоречия и рознь между боярами московской и западной ориентации, а попытки экспансии в сторону Поволжья и Северной Двины и объединения с великим княжеством Литовским приводят к столкновениям с Москвой и к потере Новгородом независимости (1478 г.).

В Пскове, с 1348 г. ставшем самостоятельной вечевой республикой, внутренняя жизнь была спокойнее, чем в Новгороде, и уклад демократичнее. Здесь также строили крепости, защищавшие не только кремль, но и значительные части города, тем более что Псков, из-за его пограничного положения, вел постоянные войны с западными соседями и много раз подвергался осаде. При постройке церквей должны были учитываться запросы широких слоев растущего городского населения. Псков с его обширной торговлей с другими русскими и зарубежными землями старался сблизиться с Москвой, что в 1510 г. закончилось мирным включением его в Русское государство.

В Новгороде уже во второй половине XII в. был создан тип недорогой каменной церкви с приделом на хорах, но для дальнейшего удешевления зданий нужна была иная строительная техника.

Расширение связей с зарубежными странами новгородцев и псковичей, совершавших далекие путешествия, осваивавших земли на севере, занимавшихся ремеслами и торговлей, вело к изменению их мировоззрения, появлению первых на Руси рационалистических ересей (стригольников), усилению черт реализма в литературе и живописи, что влияло на появление новых форм в церковном зодчестве.

На крепостном строительстве отразился прогресс военной техники, в частности появление огнестрельного оружия, а рост строительства городских укреплений сказался и на планировке городов. В XII — начале XIII вв. архитектура Новгорода и Пскова была связана с архитектурой южной и западной Руси, а после татарского нашествия эти связи ослабели. Поэтому архитектура этих городов развивалась, опираясь главным образом на свое прошлое, на опыт западных соседей и на достижения архитектуры балканских стран, с которыми продолжали поддерживаться культурные связи.

Карта России

1. АРХИТЕКТУРА НОВГОРОДА

Новгород в XIII—XV вв. сохранял схему планировки с детинцем и Ярославовым дворищем — центрами Софийской и Торговой сторон, главными улицами, идущими параллельно Волхову, и второстепенными улицами, спускающимися к реке. Археологические раскопки последних лет на Неревском конце показали устойчивость направления улиц на протяжении XI—XV столетий.

Изменения в планировке Новгорода в описываемое время заключались в появлении новых улиц, идущих или к Волхову,

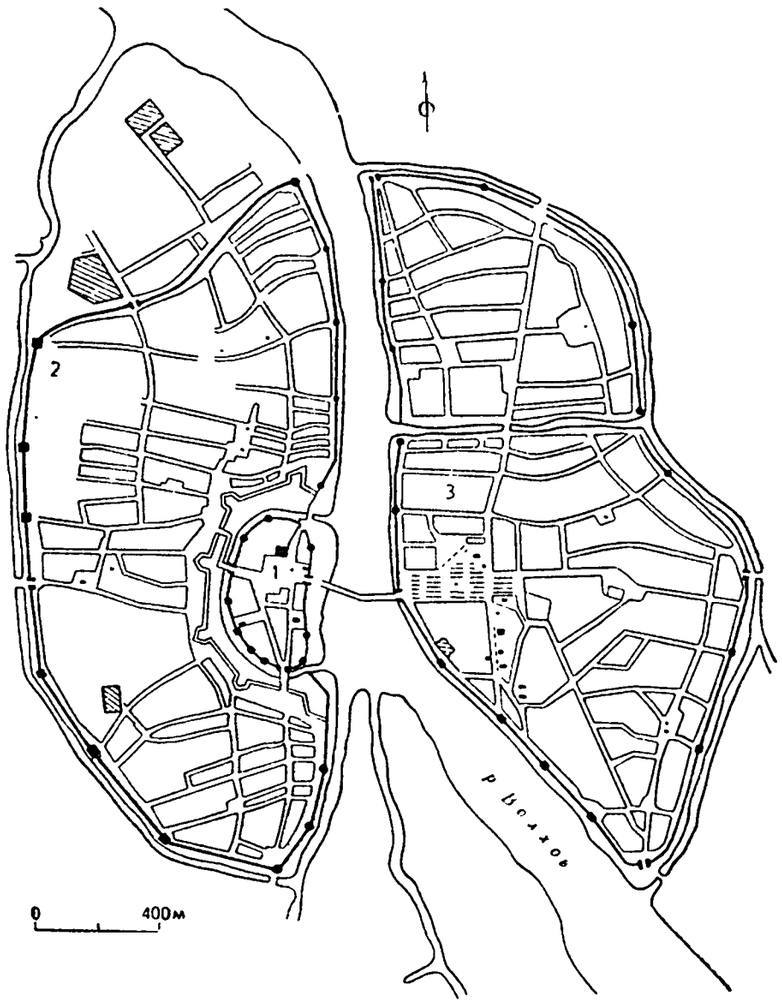
или (на Софийской стороне, в средней части Загородского конца) выходивших к детинцу и вместе со старыми улицами Гончарского конца усиливавших подобие радиальности в планировке этой части города. Постройка в XIV в. каменных стен Окольного города на месте старого вала не отразилась на планировке города, но сказалась на облике прилежащих улиц, замкнув башнями их перспективы.

Каменные церкви, разбросанные теперь по всему городу, также изменили его облик, став местными композиционными центрами, объединявшими вокруг себя деревянную застройку прилежащих районов. Особенно это было заметно, когда церкви стояли группами. Как и раньше, делались деревянные мостовые и дренажные устройства; летопись под 1469 г. сообщает об обсадке некоторых улиц деревьями.

О крепостном зодчестве Новгородской земли XII—XV вв. известно немного. Перестройки, разрушения, связанные с войнами, отсутствие поддержки в XVIII—XIX вв. были причиной того, что до наших дней сохранились лишь остатки этих сооружений.

В самом Новгороде сохранились укрепления детинца (рис. 1), получившего каменные стены в 1239, 1296, 1297 и 1305 гг., перестроенные в 1331—1334, 1400, 1437, 1484—1490 гг. Последняя перестройка не оставила почти ничего от более ранних стен и башен и наделила их чертами московского влияния. Только наружный фасад Владимирской башни (рис. 2) сохранил в своем убранстве сходство с деталями новгородских храмов XV в. и даже второй половины XIV в. Видимо, и в конце XV в. новгородские мастера пользовались привычными для них приемами.

Таким образом, от стен детинца времени независимости Новгорода сохранился лишь их план, чего нельзя сказать о башнях, число и размещение которых изменилось при перестройках. Ко времени последней перестройки новгородских укреплений относится, судя по ее особенностям и системе кладки, и Белая (Алексеевская) башня Окольного города. О постройке деревянного Окольного города летописи сообщают под 1262 г.; о возведении каменного — с 1335 г. В 1391 г. строились его башни «у всякой улицы». Возле древней Ильиной улицы открыты нижние части крепостных стен из типичного для XIV в. розоватого известняка-ракушечника с лицевой кладкой из камня,

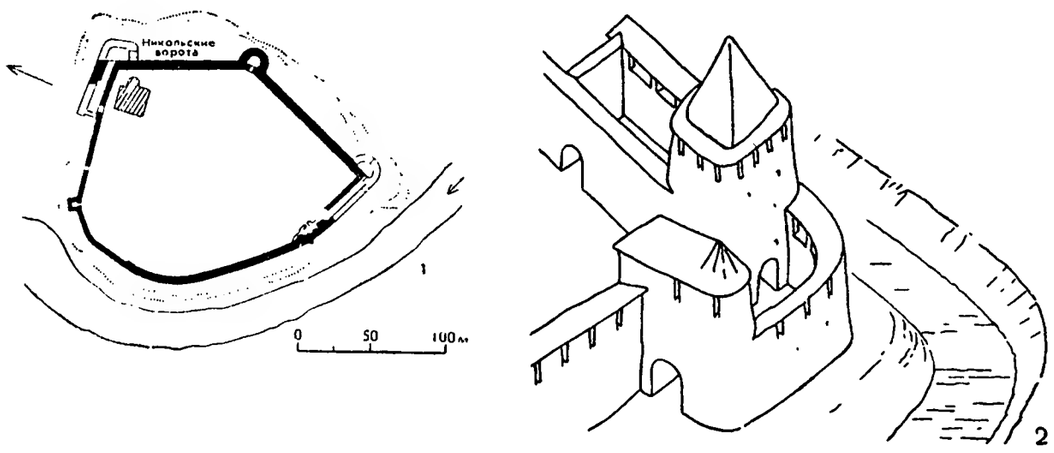


1. Новгород. Схема плана XV—XVII вв.
1 — Детинец; *2* — Софийская сторона; *3* — Торговая сторона

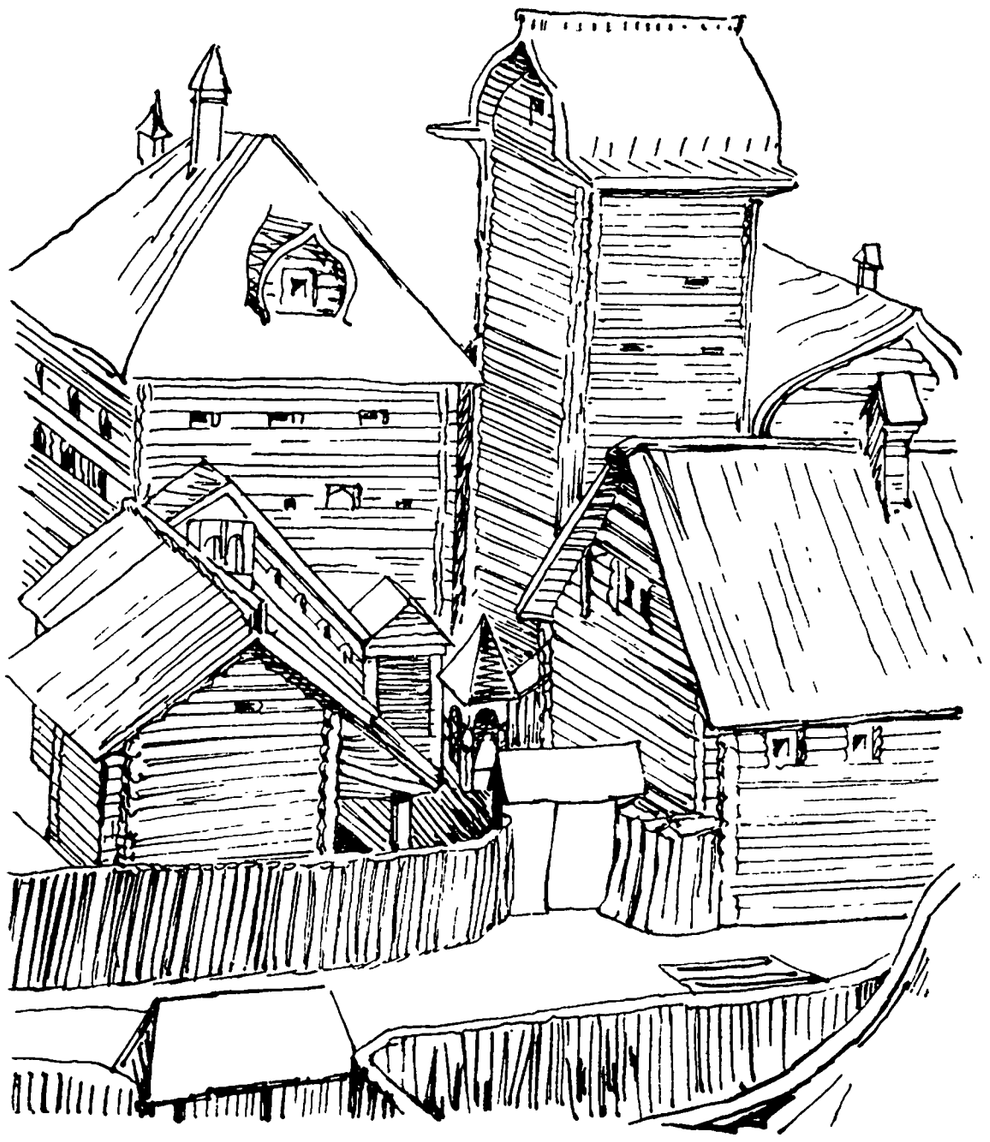
обтесанного в виде прямоугольных блоков, и забуткой стены, имевшей толщину 4,4—4,6 *м*, из валунов и мелкого камня.

В построенном новгородцами в 1387 г. Порхове (рис. 3) стены, сложенные из бо-

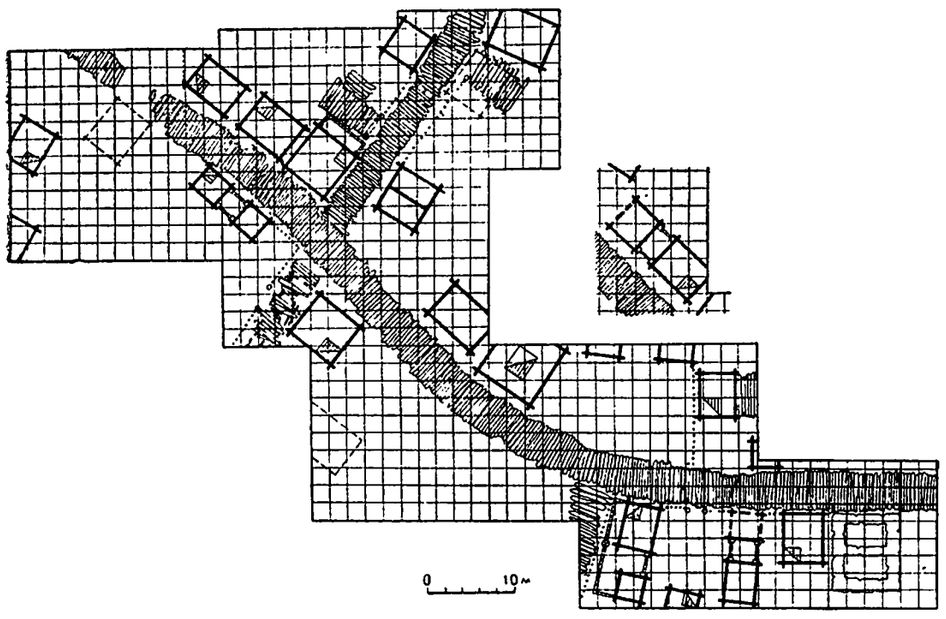
2. Новгород. Владимирская башня (фото А. А. Александрова)



3. Порхов. Крепость. *1* — план; *2* — изометрия Никольских ворот (рисунок П. Н. Максимова)



4. Новгород. Жилая застройка XIV в. (реконструкция Г. Борисевича, П. Тюрина и Г. Чистякова)



5. Новгород. Планы жилых домов XIV в. (по материалам Новгородской археологической экспедиции)

лее твердого плитняка, имеют толщину от 1,2 до 1,8 *м*. Порховская крепость уже в 1430 г., после ее осады литовцами, была перестроена, и стены местами утолщены до 4—4,5 *м*. В первоначальном виде сохранилась часть стен возле Малой башни, да сама сильно выступающая башня, прямоугольная в плане с сужающимися кверху стенами и тремя ярусами узких бойниц; верхние части стен не сохранились. В 1387 г. выстроены Никольские ворота. Они состояли из трех ворот, расположенных под углом и соединенных узким проходом между основной стеной крепости и дополнительной наружной стеной. Проход мог обстреливаться со стен и башен, а двое ворот под башнями имели опускные решетки. Перестроенные Никольская и полукруглая в плане Средняя башни отличаются и более широкими бойницами. На фасаде Средней башни и на отдельных пряслах стен выложены из камня рельефные кресты, подчеркивающие суровую простоту стен и башен.

О жилой архитектуре Новгорода второй половины XIII—XIV вв. судить еще труднее. Каменных жилых зданий в Новгороде этого времени было очень мало. Раскопками 1951—1955 гг. на Неревском конце обнаружены остатки 330 деревянных зданий, половина которых была жилыми, и одного каменного здания конца XIV в., перестроенного около середины XV в. Нижние венцы деревянных жилых построек позволяют судить о размерах (в плане) и типах новгородского рядового жилья до XVI в. Односрубные здания с печью в середине, квадратные или почти квадратные, были довольно обычными в XI — первой половине XII в. и служили, вероятно, пекарнями, коптильнями и т. п. Время постройки последнего дома со средней печью на раскопанном участке определяется стратиграфически как 40-е годы XIII в. (рис. 4, 5).

Дома с угловыми печами площадью от 20 до 40 *кв. м* нередко, подобно некоторым упомянутым домам, усложнялись пристройкой сеней, часто имевших стены из бревен, забранных в пазы вертикально поставленных столбов, как и стены сеней трехчастных домов, встречающихся с середины XII в. Сени отделяли теплое жилье от клети-кладовой, были самой малой частью здания и лишь изредка обладали значительной площадью. Так, в одном доме, относящемся к 10—40-м годам XIV в., сени располагались не только между избой и клетью, но и

сбоку, выходя вместе с избой на линию улицы. Возможно, что задняя половина сеней служила мастерской, а передняя, выходившая на улицу, — крыльцом. О существовании наружных крылец заставляет предполагать отсутствие в нижних венцах стен следов дверных проемов. Видимо, эти дома стояли на подызбицах или подклетах, входы в которые были устроены сверху.

Новгородские большие хоромы рассматриваемого времени состояли из ряда срубов разной высоты, связанных между собой непосредственно или переходами и имели башню и наружные крыльца и галереи на столбах.

Но точно судить о высоте новгородских деревянных жилых домов XII—XV вв., о характере их покрытий, о числе, размерах и размещении окон пока нельзя. Обломки резных оконных наличников и упомянутая в III томе настоящего издания деревянная резная колонка свидетельствуют о том, что внешний вид этих домов не был примитивным.

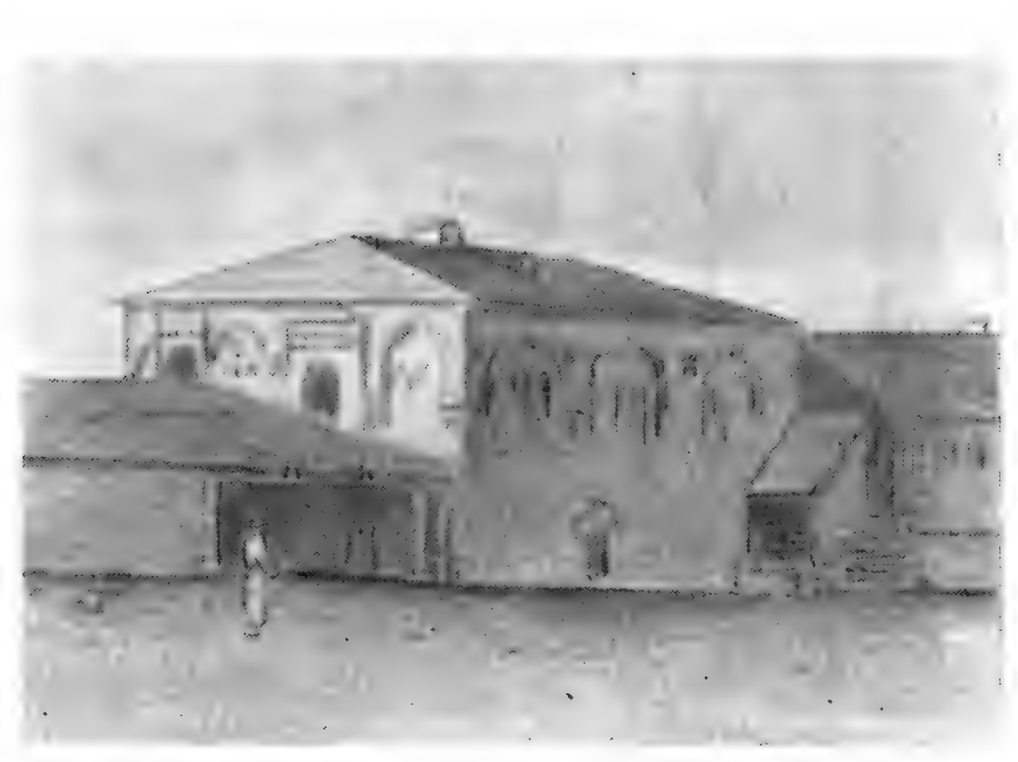
Единственный каменный дом, фундамент которого был обнаружен в слое конца XIV в., прямоугольный, разделенный поперечной стенкой надвое, похож по плану на первый этаж древнего дома на Торговой стороне в Вулковом переулке, полностью разрушенного в годы второй мировой войны. Этот дом, построенный целиком из кирпича, типичного для середины или второй половины XV в., сохранял своды и план первого этажа и обработку фасадов (рис. 6). Он отличался от предшествующего наличием дворовой пристройки со входом. Фасады, гладкие в первом этаже, во втором членились лопатками с килевидными арками: каждому помещению соответствовали две арки и два окна.

С этим домом был схож не существующий в настоящее время так называемый дом Марфы Посадницы на улице Рогатице на Торговой стороне (рис. 7). Остатки этого здания свидетельствуют, что оно было также кирпичным, а на рисунках первой половины XIX в. видны лопатки с килевидными арками на втором этаже и квадратные и пятиугольные или килевидные впадины на лопатках. Окна второго этажа, возможно, были парными с килевидными бровками, а между двумя помещениями второго этажа были сени, к которым должно было вести крыльцо. Можно отметить сходство каменных жилых домов Новгорода

6. Новгород. Дом XV в. в Вулковом переулке

с монастырскими трапезными палатами XVI в., явно подражавшими фасадам более ранних боярских жилых палат. Появление в новгородской архитектуре килевидных арок, возможно, свидетельствует о влиянии среднерусской архитектуры или позднеготических мотивов в постройках архиепископа Евфимия.

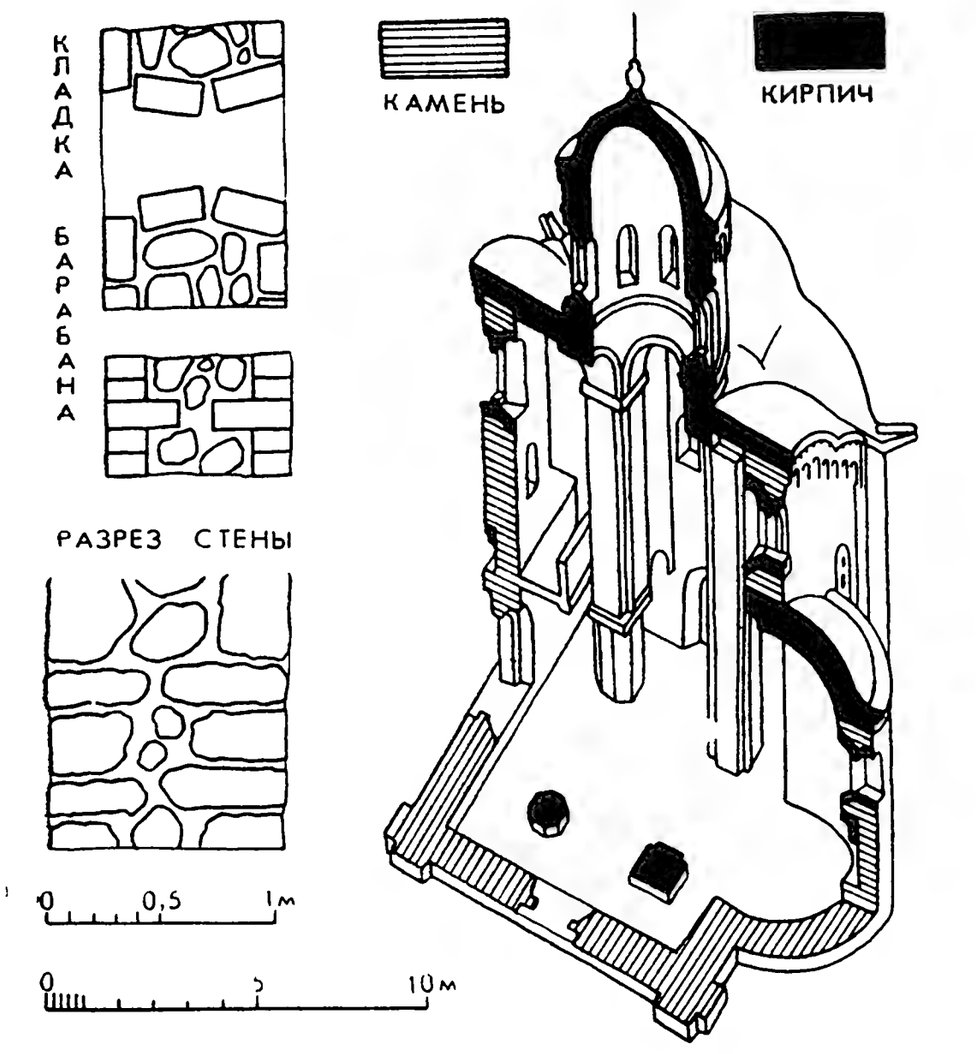
«Западничество» Евфимия, главного идеолога части новгородского боярства западной «литовской» ориентации, сказалось и в некоторых постройках Новгородского епископского двора, перестроенного в камне в 1430—1440-х годах, в частности в большой палате, где, возможно, заседал новгородский совет господ. Это квадратное в плане здание имеет посередине столб, на который опираются своды, цилиндрические в первых двух этажах и нервюрные, вспарушенно-крестовые — в верхнем этаже. Готический



7. Новгород. «Дом Марфы Посадницы», XV в. Рисунок Джеймса (ГРМ)

8. Новгород. Владычный двор. Евфимиева палата, 1433 г. *1* — план верхнего этажа; *2* — разрез

характер этих сводов объясняется в летописи о постройке палаты в 1433 г. мастерами «новгородскими и немецкими из-за моря». Но композиция здания, аналогичная композиции русских дворцовых залов и трапезных второй половины XV—XVI вв., могла восходить и к ранним, не сохранившимся постройкам такого рода, и к одностолпным монастырским залам западных соседей Руси. Фасадам этой палаты, еще не изученным, также не были чужды элементы готики — сильно выступающие лопатки-контрфорсы и соединенные попарно и по три узкие стрельчатые окна западной пристройки. Окна верхнего этажа на восточном фасаде имели снаружи обработку из профильного кирпича.



9. Церковь Николы на Липне близ Новгорода, 1292 г. Конструктивные особенности (рисунок П. Н. Максимова)

Палата 1433 г. (рис. 8) входила в состав целого комплекса зданий, включающего епископский дворец 1442 г., часовую башню 1443 г. с Сергиевской церковью 1459 г. и хлебные склады 1439 г., вошедшие в состав нижнего этажа Никитского корпуса XVII в. Дворец 1442 г. и Сергиевская церковь перестроены в XVII в., часовая башня также перестраивалась и ее высокий восьмерик относится ко второй половине XVII в. Но башня 1443 г. в соответствии со своим назначением дозорной также была высокой и, подобно существующей, объединяла вокруг себя другие постройки архиепископского двора.

Постройки Евфимия кажутся стоящими несколько в стороне от предшествовавшего развития новгородской архитектуры, но нельзя не отметить, что его зодчие создали целый ансамбль каменных светских зданий, органически связанный с более древними постройками кремля. Ко времени Евфимия относятся и первые для Новгорода попытки строить из одного кирпича, не вытеснив-

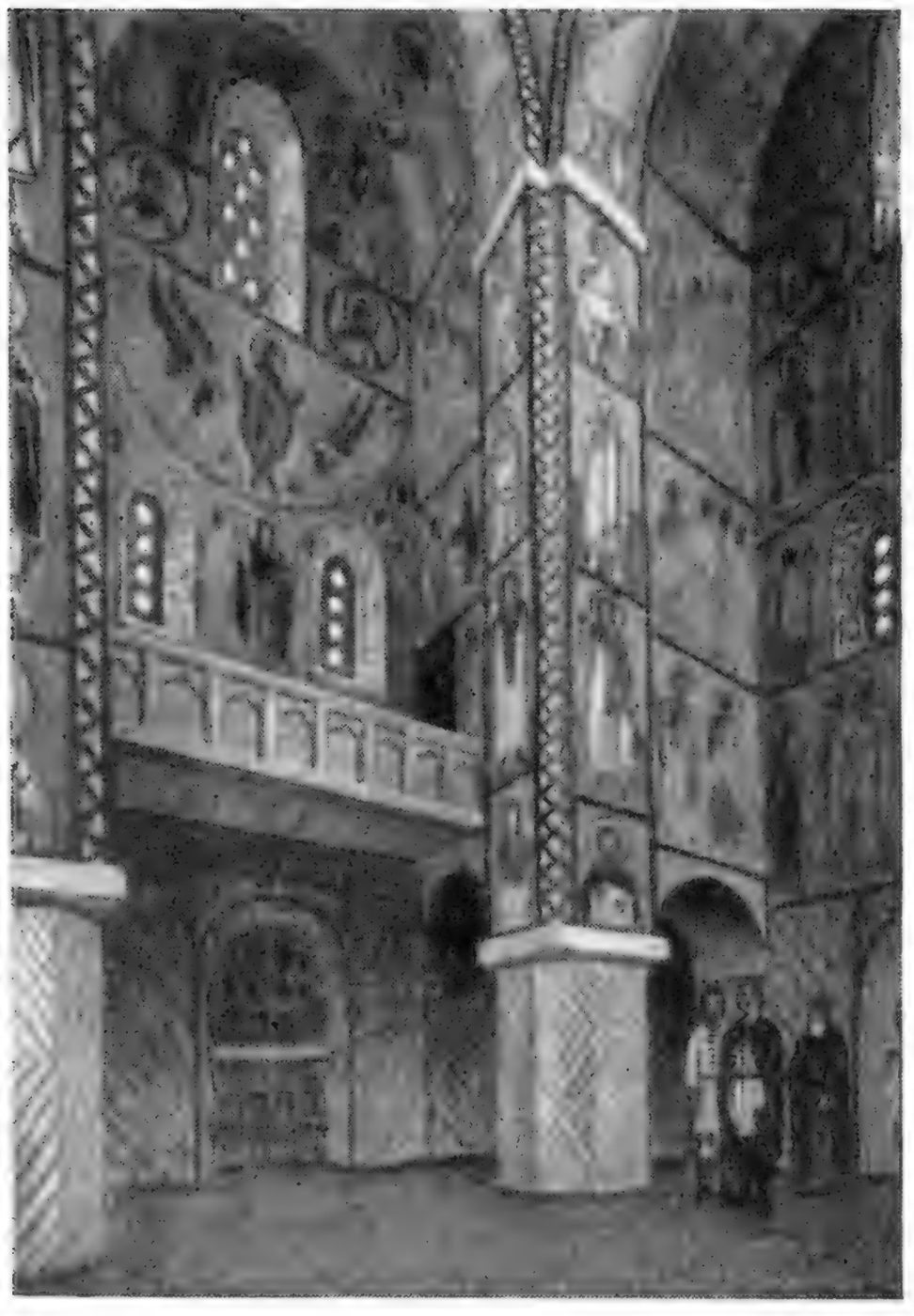
шего, правда, естественного камня, но применявшегося с этих пор новгородцами в большем количестве.

Как уже было сказано выше, в III томе настоящего издания, тип храма, отвечавший требованиям, предъявлявшимся к таким зданиям вечевой республикой, вырабатывался новгородскими зодчими уже во второй половине XII в. Но строительная техника оставалась такой же, как и в начале XII в., и изменения внешнего и внутреннего облика храмов были связаны больше с решением новых утилитарных задач, чем с поисками нового художественного образа. Дальнейшая разработка нового типа храма замедлилась из-за войн против немецких рыцарей и шведов и лишь в 1292 г. с постройки церкви Николо-Липненского монастыря близ Новгорода начинается новый этап истории новгородской архитектуры (рис. 9, 10).

В церкви впервые встречаются ставшие обычными для новгородских сооружений система кладки стен и распределение камня и кирпича. Стараясь еще более удешевить стоимость зданий, новгородцы клали стены из местного, грубо обработанного камня различной породы и размеров без кирпичных прослоек, замененных теперь рядами плитняка, глубоко заходившего в толщу стены. Из кирпича выкладывались столбы и подпружные арки, а также своды (клавшиеся иногда и из отборного камня), барабаны куполов, проемы и декоративные детали. Николо-Липненская церковь была последней новгородской постройкой, в которой применялся квадратный кирпич (более толстый, чем раньше) наряду с брусковым, ставшим позднее единственным. В составе раствора уже не было толченого кирпича.

Николо-Липненская церковь, одноглавая и одноапсидная с трехлопастным завершением фасадов, напоминает Перынскую. Завершение фасадов здесь не вполне соответствует сводам, так как западные угловые части покрыты не полуцилиндрическими сводами, как восточные, а сомкнутыми сводами с нервюрами, разделяющими прямые лотки.

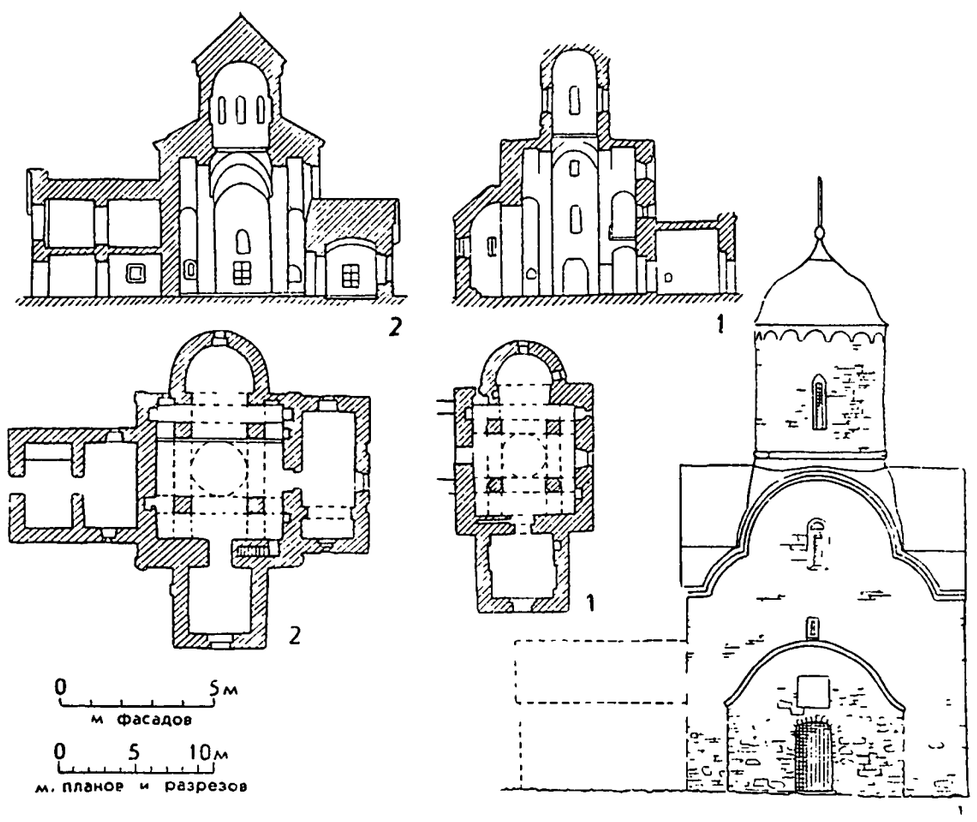
В Спасо-Нередицкой и Георгиевской в Старой Ладоге церквах многократное повторение вертикально вытянутых прясел стен и венчающих их закомар придавало зданиям строгое величие, лишь отчасти смягчавшееся их размерами, размещением окон, асимметрией боковых фасадов и фактурой



10. Церковь Николы на Липне. Вид с юго-востока и интерьер (реконструкции П. Н. Максимова)

11. Новгород. Церковь Спаса на Ковалеве, 1345 г.

поверхности. В Николо-Липненской церкви каждый фасад имеет не три, а одну ось, что придает зданию более интимный характер и еще большую целостность. Эта ось подчеркивается треугольным размещением окон и расположением входов с нишами для фресок. Впечатление живописности усилено увеличением количества и уменьшением размеров полуциркульных кривых на фасадах снизу вверх (вход и ниша над ним, ниши и окна, арочки под карнизом, окна с бровками и арочный поясок на барабане) и разнообразием деталей, где наряду с четвертями проемов и арочным поясом барабана можно отметить зубчатые карнизы трехлопастных кривых и апсиды, такие же бровки



12. Новгород. *1* — церковь Успения на Волотовом поле, 1352 г.; *2* — церковь Спаса на Ковалеве, 1345 г.

окон барабана, круглые отверстия между ними и ниши с фресками и с крестами — резными, выпуклыми и углубленными, выложенными из кирпича (служившими в юго-западной части храма световыми проемами). Наконец, это впечатление усиливалось пятнами фресок над входами и красно-коричневыми линиями карнизов и бровок.

В Николо-Липненской церкви впервые была сделана попытка с помощью убранства фасадов (частью романского характера) придать законченность новому художественному образу храма, свойственному вечевому Новгороду и намечавшемуся в размерах и объемной композиции более ранних церквей.

Новгородские церкви конца XIII — середины XIV в. отличались разнообразием типов. Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне (1294), замененная в конце XVII в. новой, могла иметь три апсиды. Церковь Успения на Волотовом поле (1352) следовала типу Николо-Липненской, но имела притворы с севера и запада; угловые части ее при трехлопастном завершении фасадов были покрыты цилиндрическими сводами. Такие своды были и в церкви Николы Белого на Неревском конце (1312—1313), однако ее фасады, как было установлено арх. Г. М. Штендером в процессе реставрации здания, завершались треугольными щипцами и членились лопатками, соединенными наверху трехлопастными и ползучими двухлопастными декоративными арочками.

Наряду с такими строились церкви с позакомарным покрытием. Такова церковь Благовещения на Городище (1342), фасады которой членились пучковыми пилястрами, и церковь Спаса на Ковалеве (1345) с одноапсидным, как предыдущая, алтарем, но с нерасчлененными из-за наличия притворов фасадами (рис. 11). Ее западный притвор был обычным, северный имел второй ярус — звонницу, а южный, одной ширины с церковью, завершался тремя закомарами. Казалось, что для новгородцев это было временем исканий, когда они еще пробовали возводить различные типы храма, не уделяя внимания убранству фасадов, остававшемуся простым. Лишь церковь Николы Белого, кроме указанных деталей, имела зубчатый карниз апсиды и простейшие порталы, а в церкви Успения на Волотовом поле не было даже угловых лопаток (рис. 12).

Но со второй половины XIV в. в Новгороде стал господствующим тип храма с четырьмя столбами, одной главой, одной апсидой, пониженными угловыми частями с полуцилиндрическими сводами, трехлопастным завершением каждого фасада и каморками на хорах, вмещавшими приделы или ризницу. Малые размеры и скромное убранство новгородских храмов предшествующего времени отвечали эпохе непрерывных войн Новгорода с его соседями, и вполне естественно, что изменение исторических условий со второй половины XIV в. отразилось на новгородской архитектуре, особенно на архитектуре общественных зданий — храмов. В это время их строилось больше, чем раньше, и размеры этих зданий значительно увеличились.

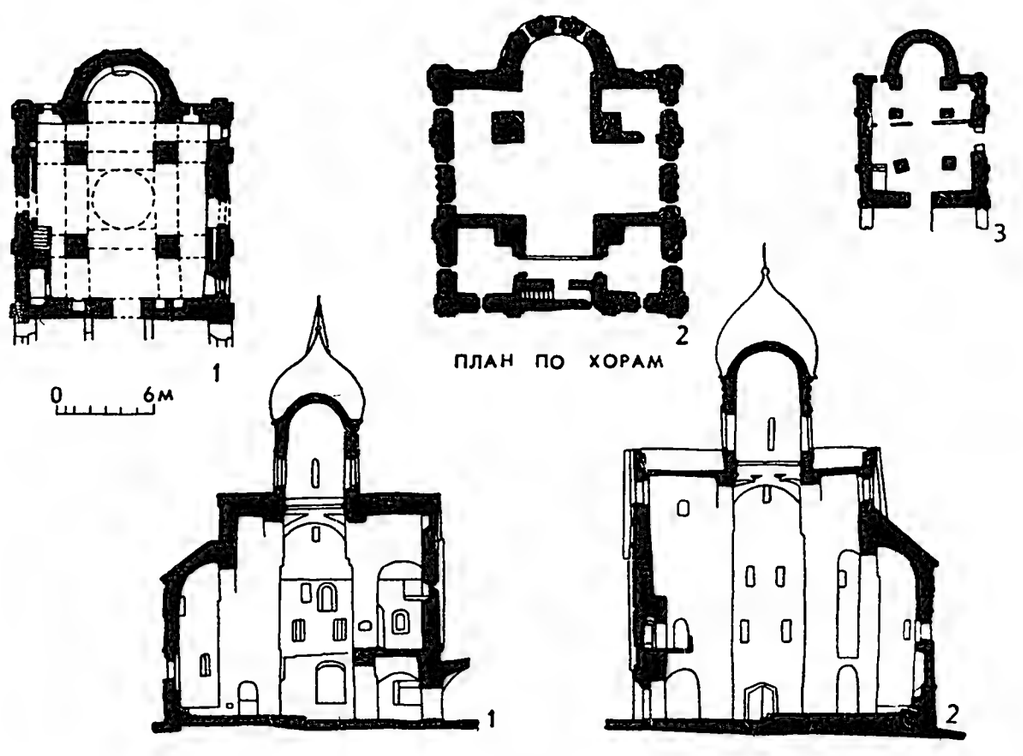
Выработанный к этому времени новгородскими зодчими тип храма удовлетворял практическим задачам второй половины XIV в., и в общей композиции храмов этого времени нет чего-либо нового. То же относится и к не изменившейся строительной технике, если не считать новых приемов кладки купольных барабанов с забуткой из горшков между наружной и внутренней стенками. Основным достижением новгородских зодчих второй половины XIV в. было создание облика храма, соответствующего эпохе расцвета Новгорода и представленного церквами Федора Стратилата на Ручье и Спаса Преображения на Ильине улице (рис. 13, 14).

Федоро-Стратилатская церковь, построенная в 1360—1361 гг. на средства посадника Семена Андреевича, значительно превосходит размерами более ранние церкви и выглядит более величественной. Рядом дополнительных средств строители усилили это впечатление. Они вернулись к расчленению фасадов лопатками, соответствующими внутренним столбам (что было уже сделано в церкви Николы Белого, 1312), и украсили апсиду подобием романской двухъярусной аркады. Кроме того, увеличилось количество окон, располагавшихся в два яруса даже в апсиде.

В то же время здесь появляются декоративные мотивы, широко распространившиеся затем в архитектуре не только Новгорода, но и Пскова. Таковы ползучие кривые, украшающие вверху боковые прясла стен, или трехлопастные, повторяющие очертания завершения фасада, над средним прясло м. На барабане между бровками окон распо-

13. Новгород. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице, 1374 г. (фото А. А. Александрова)

лагались круглые углубления — медальоны, а в основании арочного пояса проходила полоса углубленной узорной кирпичной



14. Новгород. Церкви: *1* — Федора Стратилата на Ручье; *2* — Спаса Преображения на Ильине; *3* — Иоанна Богослова на Витке, 1383 г.

кладки. Каждая арочка этого пояса повторялась дважды вписанными в нее миниатюрными нишками. Тот же прием повторения был применен в оконных проемах, обрамленных четвертью, и в северном и южном перспективных порталах, стрельчатая форма которых, как и убранство апсиды, говорит о знакомстве новгородских зодчих с западной архитектурой.

Еще богаче убранство фасадов церкви Спаса Преображения на Ильине улице на Торговой стороне, построенной в 1374 г. «уличанами» Ильиной улицы и боярином Василием Даниловичем. Более крупная, чем Федоро-Стратилатская, эта церковь помимо аналогичных декоративных деталей имеет еще группы окон и ниш, объединенных трех- и пятилопастными бровками, рельефные кирпичные кресты, второй арочный поясок на барабане, полукруглые и треугольные бровки над отдельными окнами и полоски «бегунца», разбросанные местами на фасадах. Обычные для XIV в. резные «поклонные кресты» также рассматриваются как пластические архитектурные детали. Выступающие рельефные кирпичные детали — бровки, наружные обломы порталов, аркады апсид, образуя красно-коричневые линии на фоне стен, еще более усиливают впечатление живописности, так же как пятна наружных фресок. Известковая затирка, необходимая из-за гигроскопичности некоторых пород камня, не скрывает неровную живописную фактуру поверхности стен.

Таким образом, новгородские зодчие, сохраняя выработанную в XIII в. общую композицию храма, но увеличивая его размеры и наделяя внешним убранством, придающим зданию торжественный и величественный характер и делающим его живописнее, создали совершенно новый образ культового здания, соответствующий эпохе наивысшего расцвета Новгорода. Храмы, подобные Федоро-Стратилатскому или Спасскому на Ильиной улице, отличались и от строгих и могучих храмов начала XII в., и от скромных монастырских церквей XIII — начала XIV в. своим более светским, чуждым аскетизма характером.

Новгородская живопись также переживала в XIV в. пору своего расцвета. Фрески второй половины XIV в. (в церквах Волотовской, Ковалевской, в Сковородском монастыре, Федора Стратилата, Спаса Преображения на Ильине улице, Рождества на поле) говорят о вторжении реальной жизни в религиозную живопись. Большое значение приобретают сложные многофигурные композиции на фоне архитектурных сооружений или пейзажа, показывающие жизнь людей и их взаимоотношения. Пропорции человеческой фигуры становятся близкими к реальным, позы и лица изображаемых людей — разнообразными, движение — более быстрым и подчас стремительным. И в живописи, и в архитектуре в равной степени сказались изменения, происходившие в это время, как было сказано выше, в мировоззрении новгородцев. Усиление черт реализма в новгородской монументальной живописи не нарушило тесной связи с архитектурой. По-прежнему относительно плоскостная манера письма способствовала тому, что поверхности стен, столбов и сводов не разрушались зрительно живописью, а размещение фигур и композиций подчинялось внутреннему пространству здания и его осям.

Церкви Федора Стратилата на ручье и Спаса на Ильине улице — церкви богатых городских приходов, что объясняет и богатство убранства их фасадов и их высоту (в последней из них объем, приходящийся на 1 *кв. м* полезной площади, равный 25,6 *куб. м,* превысил аналогичный «объемный коэффициент» даже Софийского собора). В более бедных приходах и монастырях во второй половине XIV в. строились церкви, более скромные по убранству и по размерам. Таковы церкви Петра и Павла на Славне (1367) и монастырские церкви Рождества на поле (1381—1382), Иоанна Богослова на Витке (1383) и др. (рис. 15). Эти церкви следуют композиции рассмотренных выше построек, но более приземисты, иногда меньше по площади, и обработка их фасадов проще. Впрочем, возможно, что некоторые из них лишились части убранства своих фасадов при последующих ремонтах, как это было с церковью на Витке, южный фасад которой оказался не таким простым (что выяснилось в результате исследования и реставрации).

На этом фасаде над стрельчатым перспективным порталом обнаружена группа из пяти окон и ниш с пятилопастной бровкой; над нею ниша с полуциркульным верхом и такой же бровкой, а выше окно с треугольной бровкой. Все это близко к деталям Спасской церкви на Ильине улице. Но здесь при вдвое меньших ширине и высоте фасада

эти детали давали храму иную масштабную характеристику. Там между отдельными деталями были значительные участки стены, а здесь они соприкасались друг с другом, упирались в лопатки и подходили вплотную под трехлопастную кривую среднего прясла. Это подчеркивало миниатюрность постройки, равно как и почти полное отсутствие декоративных деталей на боковых пряслах, апсиде и барабане. Пример церкви на Витке говорит о том, что даже при постройке такого дешевого здания (на 1 *кв. м* полезной площади в ней приходится лишь 9,6 *куб. м* объема) новгородские зодчие старались украсить его.

В дальнейшем, на протяжении первой половины XV в., предпочтение отдается более простой обработке фасадов церквей, своей общей композицией мало отличающихся от построек XIII—XIV вв. Новгородское боярство, становящееся все более консервативным и реакционным, не выдвигало новых задач перед архитектурой церквей. В Новгороде в XV в. было построено несколько храмов в формах построек XII в., на месте которых они возводились. Иногда это было связано с планом старой шестистолпной постройки (церковь Иоанна Предтечи на Опоках — 1127 и 1453, Мироносицкая церковь на Ярославовом дворище, существовавшая в 1229 г., возведенная вновь в 1445 г. и перестроенная в 1510 г.). Но и четырехстолпные храмы получали при их восстановлении архаичное позакомарное покрытие (Ильинская церковь на Славне, 1198—1202 и 1455, и Воскресенская церковь на Мячине, 1195—1196 и 1465). Возведение новых зданий в древних формах должно было, подобно литературе (жития новгородских святых) и живописи (иконы на тему «битвы новгородцев с суздальцами»), привлекать интерес к прошлому Новгорода, возбуждать местный патриотизм, противостоящий объединительной политике Москвы.

Главное новшество в новгородской церковной архитектуре XV в. заключалось в устройстве за счет уменьшения внутренней высоты церкви низкого подцерковья, служившего для хранения ценного имущества прихожан. Некоторые из старых церквей подверглись в это время внутренней перестройке для устройства таких кладовых, а новые уже строились с ними, что повлекло за собой появление наружных крылец или

15. Новгород. Церкви Иоанна Богослова на Витке и Иоанна Предтечи на Опоках, 1453 г. (фото А. А. Александрова)

папертей, ведших в церковь. Устройство в церквах подклетов-кладовых указывало на господство в архитектуре церквей частновладельческого начала, интересов бо-

16. Новгород. Церковь Петра и Павла в Кожевниках, 1406 г. Вид с запада (фото А. А. Александрова)

гатых горожан, обладавших ценностями, которые должны были оберегать не только каменные стены и железные двери, но и «святость» здания (из летописей видно, что при конфискации имущества какого-либо лица по приговору веча имущество, хранимое в церкви, не отбиралось).

Внешний вид церковных зданий становится проще, что заметно даже в таких крупных постройках, как церковь Петра и Павла в Кожевниках (1406, рис. 16). В этой прекрасной по пропорциям церкви боковые прясла основного объема не имеют декоративной обработки. Она сосредоточена на средних пряслах и близка деталям церкви Спаса на Ильиной улице. Этому соответствует и упрощенная обработка апсиды с одноярусной аркадой и полоской «бегунца» над ней и барабана, украшенного такой же полоской и простейшим арочным пояском. Другие новгородские церкви XV столетия были еще проще, а иногда и более приземисты. Такова занимавшая положение собора Гончарского конца церковь Власия (1407) или церковь Двенадцати апостолов в Пропастех (1454).

Новгородские церкви XV в. быстро утрачивали величественный и праздничный характер, свойственный Федоро-Стратилатской церкви или Спасской на Ильине улице, и становились скромными и по-домашнему уютными. Внутри этому впечатлению способствовало уменьшение высоты зданий, а снаружи — приземистые пропорции, несмотря на наличие подцерковья, крыльца и паперти, по высоте не отличавшиеся от одноэтажного жилого дома на подклете. Окна новгородских церквей XV в. сблизились с окнами светских построек: стали ниже и шире с наружной прямоугольной впадиной для ставней. Новгородские зодчие выработали и приемы убранства фасадов церквей, соответствующие их более скромному характеру. Вместо сравнительно крупных хорошо обозреваемых издали деталей в XV в. получили широкое распространение полосы, а затем и крупные пятна узорной кирпичной кладки.

Такие полосы украшают поле трехлопастного завершения средней трети север-

17. Новгород. Церковь Димитрия Солунского, 1463 г. (фото П. Н. Максимова)

ного фасада церкви Симеона Богоприимца в Зверине монастыре (1468). Так же были украшены верхи фасадов, барабана и апсиды церкви Лазаревского монастыря, построенной в 1462 г. и известной лишь по рисункам и чертежам XIX в., изображающим ее сильно обветшавшей, без кровель и с полуразрушенными верхними частями стен.

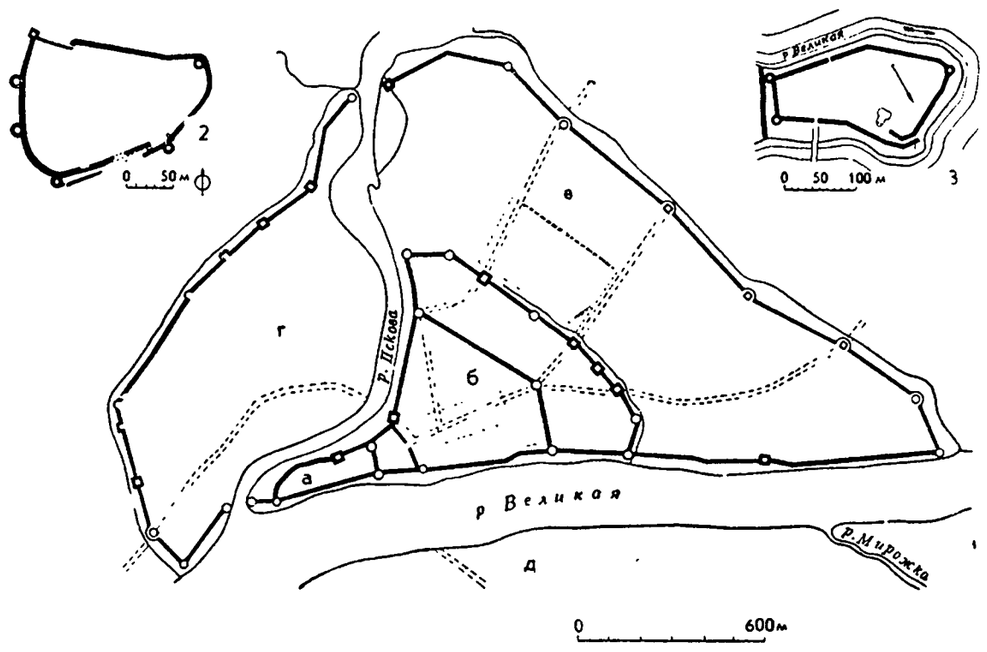
Наиболее интересное убранство фасадов имеют построенная в 1463 г. на старом (1382 г.) основании церковь Димитрия Солунского на Славкове на Торговой стороне Новгорода (рис. 17) и упомянутая уже церковь Воскресения на Мячине (1465). Димитриевская церковь, одноглавая и одноапсидная с трехлопастным завершением фасадов, отличается от более ранних построек наличием подцерковья и крылец, из которых сохранилось частично только южное. В ней полосы узорной кирпичной кладки не только шире, чем обычно, но и превратились в крупные пятна, заполняющие целиком трехлопастные кривые над средними частями южного и восточного фасадов. Эти пятна из чередующихся в различных сочетаниях рядов стоячего и лежачего поребрика и бегунца кажутся настоящим кружевом на фоне стен, выбеленных, как и эти украшения, известью. В церкви Воскресения на Мячине такой узор, заполняющий поля закомар северного фасада, обращенного в сторону города, был обнаружен арх. Л. Е. Красноречьевым при ее реставрации.

В развитии новгородского зодчества Димитриевская на Славкове церковь была последней яркой вспышкой. В дальнейшем или повторялись старые образцы (Климентовская церковь на Иворовой улице в Новгороде, 1520, и Никольская церковь в Папоротском монастыре, 1522), или строились здания, в которых сказалось московское влияние.

2. АРХИТЕКТУРА ПСКОВА

Отмеченные выше отличия Псковской вечевой республики от Новгородской сказались и на литературе и живописи Пскова, где народные черты еще более явны, чем в Новгороде. В псковской архитектуре более последовательно решались задачи увеличения вместимости храмов и удешевления их.

В то же время одинаковые задачи, стоявшие перед зодчими этих городов, тесно связанных между собой, обусловили сходство



18. Псков. *1* — схема плана города: *а* — Кром; *б* — Средний город; *в* — Окольный город; *г* — Запсковье; *д* — Завеличье; *2* — план Изборской крепости; *3* — план крепости Острова

между постройками Новгорода и Пскова. Поэтому процесс обособления псковской архитектуры от новгородской был длительным. В псковских постройках XII в. еще нет каких-либо специфически псковских особенностей, не известных Новгороду и получивших дальнейшее развитие лишь в Пскове.

Войны XIII в., еще более тяжелые для Пскова, чем для Новгорода, задержали развитие каменной архитектуры, и лишь в начале XIV в. появляются первые местные особенности, заключающиеся в том, что псковские здания строились целиком из местного плитняка на известковом растворе. Обильные залежи плитняка в Пскове и его окрестностях и легкость добычи и обработки этого камня были причиной его дешевизны, а его постелистость сама вносила регулярность в кладку. К тому же псковский плитняк пережигался на известь, почему псковские зодчие решили задачу удешевления стоимости каменной кладки по-своему, отказавшись от употребления кирпича и цемяночного раствора.

Изменения планировки Пскова в XIV—XVI вв. сказались на дальнейшем развитии сложившейся ранее композиции города. По-прежнему центром продолжал оставаться Кром, на юго-восток от него расстилался посад, улицы которого сходились радиально к Крому, подобно древним Великой и Новгородской улицам, превращавшимся за городом в дороги на Смоленск и Новгород (рис. 18, *1*). Их дополнил средний радиус — Кузнецкая улица, а на юго-восток от Крома возникли Довмон-

19. Псков. Гремячая башня, 1525 г. (фото О. И. Брайцевой)

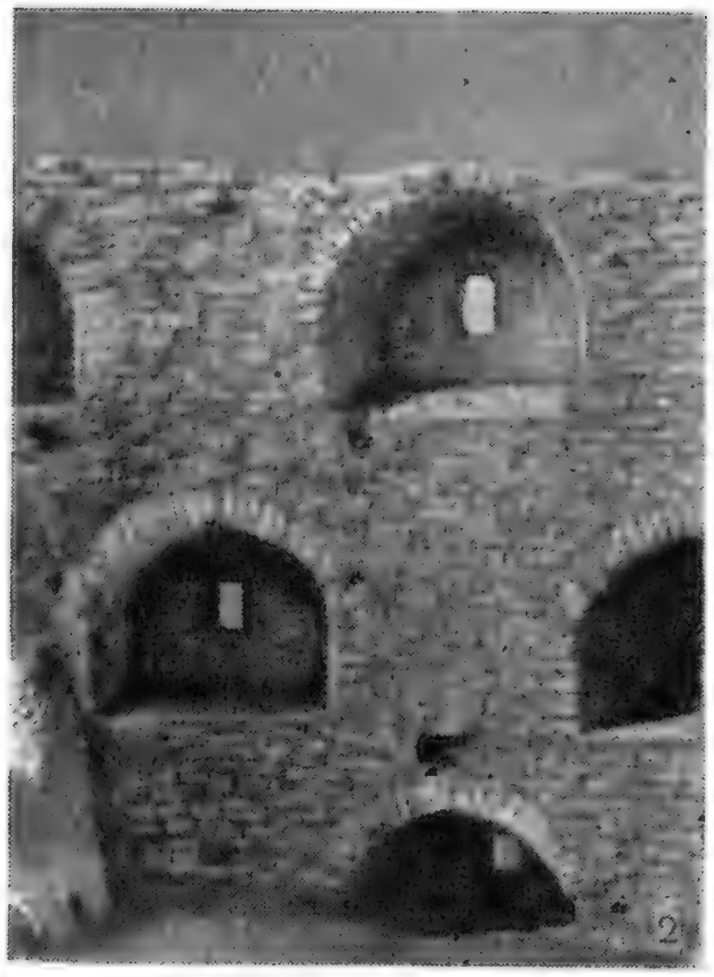
тов город (1266), Старое Застенье (каменные стены 1309 г.) и Новое Застенье (деревянные стены 1375 г., каменные башни начаты постройкой с 1387 г.). Речка Зрачка, вдоль которой шли стены 1375 г., была соединена с рекой Псковой и превращена в ров.

Главной улицей оставалась Великая, шедшая параллельно реке того же названия. За Псковой продолжением этой улицы была улица Мощенка, превращавшаяся за городом в дорогу на Гдов и к Балтийскому морю. На Великой улице в пределах Старого Застенья располагался Торг. После 1510 г. московскими властями часть псковичей была переселена за пределы Среднего города (Старого и Нового Застенья) в Окольный город. С 1465 г. Новгородская, Кузнецкая и Великая улицы прошли по Окольному городу, и сюда, на территорию между двумя улицами, после 1510 г. был переведен и Торг. Тогда же деревянные стены этой части города и Запсковья начали заменяться каменными. Увеличение числа каменных церквей изменило облик Пскова, причем наибольшее градостроительное значение имели главные церкви шести «концов» Пскова, что обусловливалось не только размерами этих церквей, но и наличием перед ними площади для «кончанского» веча. В Пскове улицы имели деревянные мостовые, как и Торг, о замощении которого летописи сообщают под 1308-м годом.

20. Схема захабов псковских стен. *1* — Свинузские ворота; *2* — Образский захаб; *3* — Сокольские ворота; *4* — Великие ворота

В Пскове, пограничном городе, ведшем много войн против своих западных соседей и часто подвергавшемся осадам, крепостное зодчество должно было иметь большое значение. С другой стороны, обилие и дешевизна местного камня облегчали и возведение каменных крепостных стен, как в самом Пскове, так и в пограничных крепостях Псковской земли. Конечно, и здесь разрушения во время войн и отсутствие ремонта стен в XVIII—XIX вв. сделали свое дело. Многие из крепостей Псковской земли исчезли совсем, а другие сохранились лишь частично. К началу XVI в. каменные стены с башнями несколькими поясами охватывали большую часть территории Пскова, сильно отличая его от большинства русских городов, где каменными стенами обносился обычно только кремль.

Каменные стены имели такие города Псковской земли, защищавшие границы и подступы к Пскову, как Изборск, Остров, Гдов, Кобыла, Воронач и другие, возведенные в XIV—XV столетиях и видоизменявшиеся позднее. Планировка их соответствовала естественным границам — обрывистым склонам холмов (Изборск) или берегам рек (Остров, рис. 18, *2,3*). Башни располагались по углам и делили на части длинные участки стен; наиболее часто они ставились на участках, менее защищенных природными условиями. Башни, круглые или квадратные в плане, были выше стен, сужались кверху и имели широкие прямоугольные зубцы. Внутри деревянные накаты



21. Крепостные башни. *1* — Изборск (фото А. Г. Чинякова); *2* — Псков. Покровская башня (XVI в.), вид изнутри (фото П. Н. Максимова)

делили их на ярусы, каждому из которых соответствовал ряд бойниц, расширяющихся внутрь и расположенных по оси простенков бойниц, находящихся выше и ниже (рис. 21). Входы в крепости защищались дополнительными укреплениями — «захабами» в виде стены, полукруглой или прямоугольной в плане, закрывавшей ворота в основной стене или башне (рис. 20). Нередко внешние и внутренние ворота соединялись между собой длинным проходом между двумя стенами (ворота у Талавской и Темной башен в Изборске, Никольские ворота в Острове).

Стены, с широкими прямыми зубцами и небольшим числом бойниц, обладали такой же суровой внешностью, как и башни (рис. 21). Это впечатление усиливалось серым цветом плитняка, который лишь в XVI—XVII вв. стали покрывать известковой побелкой, защищая его от выветривания. Побелка несколько смягчала впечатление суровости, как иногда и пояски узорной углубленной кладки, остатки которых видны в Изборске на башне Вышка и рядом с ней. Кроме того, на стене между башнями Вышка и Рябиновка выложены из плитняка три больших рельефных креста, похожих на кресты на стенах Порховской крепости, появившиеся, вероятно, при перестройке XV — начала XVI в. Такие кресты новгородцы и псковичи считали не столько украшением, сколько средством защиты от врагов, и располагали их на западных стенах, обращенных в сторону орденских земель, подобно тому как в немецких орденских замках такие же украшения делались на восточных стенах.

Жилая архитектура Пскова XIV — начала XVI в. изучена плохо, и о ней невозможно сказать даже того, что было сказано о жилой архитектуре Новгорода. Невозможно пока определить, когда появились в Пскове каменные жилые дома, хотя расцвет каменной жилой архитектуры в Пскове XVII в. был бы невозможен, если бы ему не предшествовал более ранний опыт.

Наиболее полное представление о псковской архитектуре XIV—XV вв. дают культовые постройки.

Они показывают, как псковская архитектура с XIV в. начала обособляться от новгородской и в соборе Снетогорского монастыря близ Пскова (1310) появились местные отличия в строительной технике. Он похож на перестроенный к этому времени собор Мирожского монастыря, уже имевший надстроенные западные углы. В Снетогорском соборе угловые надстройки были заняты приделами, куда вела лестница в толще западной стены. Западный фасад Снетогорского собора, на востоке не отличавшегося от Мирожского, был

22. Псков. Собор Снетогорского монастыря, 1310 г. План, продольный разрез и вид с северо-запада (реконструкция П. Н. Максимова)

увенчан тремя расположенными на одном уровне закомарами. Фасады были выбелены известью, с севера и юга над входами были ниши для наружных фресок, а верх барабана первоначально был украшен выложенными из плитняка подобиями маленьких треугольных фронтончиков (рис. 22).

23. Псков. Троицкий собор, 1365—1367 гг. Рисунок XVII в. (ГИМ)

Псковские зодчие начала XIV в. знали, конечно, о последних новгородских постройках, но предпочитали следовать не им, а более ранним сооружениям своего города. Это относится к Троицкому собору, сменившему в 1365—1367 гг. упоминавшуюся ранее постройку 1190-х гг. Он также уступил в конце XVII в. свое место существующему собору, но детальный рисунок XVII в. дает представление о постройке XIV столетия, уже подвергшейся пристройкам и переделкам покрытий. Собор XIV в. был четырехстолпным с тремя притворами, небольшими боковыми и широким и высоким западным, вмещавшим хоры с приделами. Западный фасад притвора увенчивался тремя фронтонами, и пучкообразные пилястры членили его фасад, как и фасад самого храма; средние трети фасадов были покрыты на два ската, а боковые — на один скат. Барабан главы стоял на постаменте, квадратном внизу и восьмигранном с треугольными фронтончиками вверху (рис. 23). На рисунке XVII в. добросовестно показаны тесовые кровли, заменившие первоначаль-

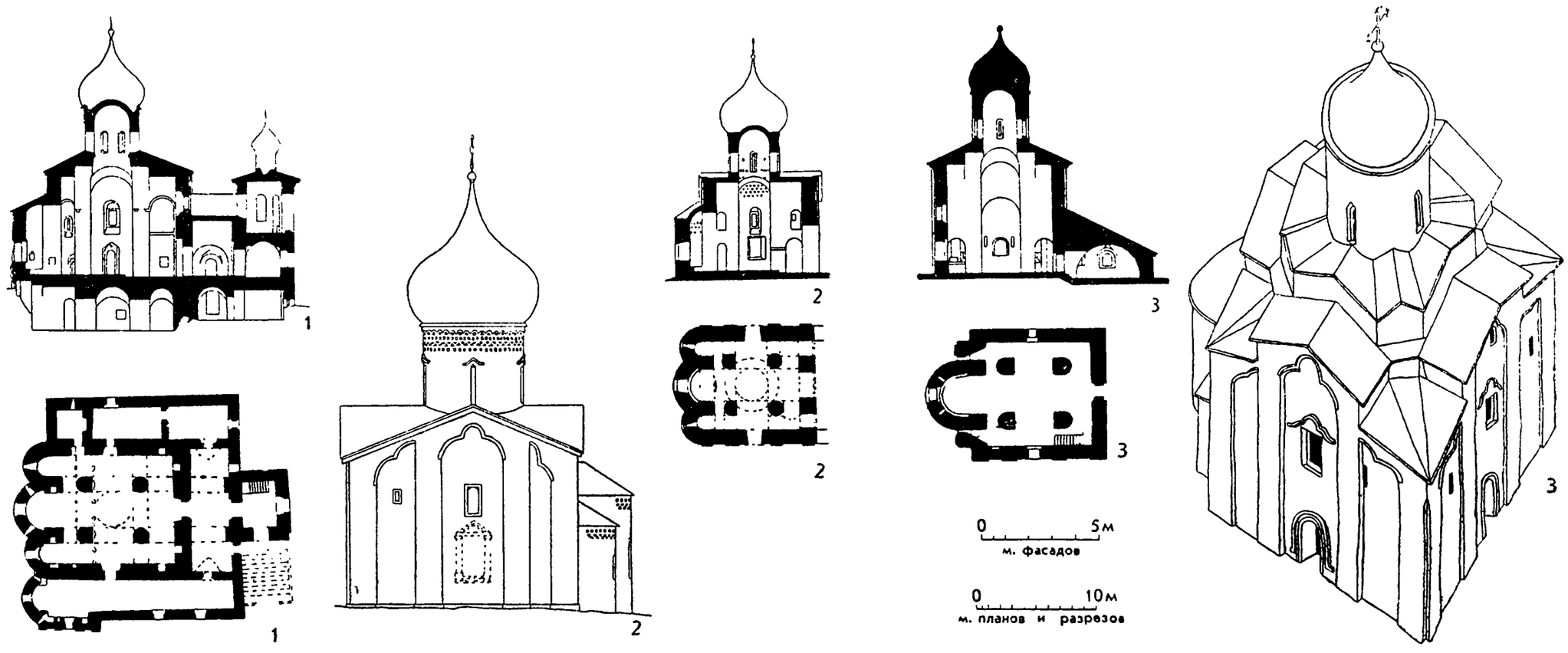
ную свинцовую кровлю в 1465 г. Применение свинца говорит о том, что сначала собор имел криволинейные позакомарные покрытия и западный притвор был увенчан тремя закомарами, на каждом фасаде основного объема средняя закомара была расположена выше боковых, а основание барабана украшалось восемью кокошниками.

Три притвора, пучкообразные пилястры и постамент под барабаном напоминают о соборе 1190-х гг. Расположение закомар на разных уровнях идет от Мирожского собора, и только в поясе барабана и в бровках над его окнами отразились некоторые новгородские мотивы. Чередование окон и ниш на барабане и ниша с двумя круглыми медальонами по бокам на западном фасаде аналогичны тому, что можно видеть в новгородской церкви Федора Стратилата на Ручье, законченной за четыре года до начала постройки Троицкого собора.

Кокошники в основании барабана, обычные и в московских храмах начала XV в., отвечали подпружным аркам, приподнятым выше сводов, и возможно, что такие арки были применены и в Троицком соборе 1365—1367 гг. Псковские зодчие редко прибегали к расположению подпружных арок ниже примыкающих к ним сводов (церкви Космы и Дамиана с Примостья, 1462, и Варлаама Хутынского со Званицы, 1495). Иногда подпружные арки сливались со сводами (церкви Георгия со Взвоза, 1494, Воскресения со Стадища начала 1530-х гг. и церкви сел Кобылье городище, 1462, и Выбуты неизвестного времени), но чаще всего в псковских церквах XV — начала XVI в. встречались приподнятые подпружные арки.

Эти арки применялись и в сравнительно редких в псковской архитектуре четырехстолпных церквах с позакомарным покрытием, как в построенной в 1413 г. церкви Василия с Горки, обладающей рядом особенностей, ставших почти обязательными для позднейших псковских церквей (рис. 24, 26). Такова композиция ее алтаря с тремя апсидами, средняя из которых чуть выше половины высоты основного объема, а боковые — еще ниже. Таково же и убранство апсид полосой узорной кладки, проходящей по верху каждой из них, и валиками с арочками, украшающими среднюю апсиду. Внутри Васильевская церковь также обладает некоторыми особенностями, получившими распространение позднее. Таковы круглые в плане западные столбы и восточные столбы, закругленные со стороны алтаря. Хор эта церковь не имеет, а ее придел, расположенный на одном уровне с самим храмом в северной пристройке, не был лич-

24—25. Псков. Церкви Василия с Горки, 1413 г., и Николы со Усохи, 1536 г. (фото А. А. Александрова); Кобылье городище, Церковь Михаила Архангела, 1462 г. (фото А. И. Целикова)



26. Псков. Церкви: *1* — Василия с Горки; *2* — Михаила Архангела в Кобыльем городище; *3* — Успения в с. Мелетово, 1462—1463 гг.

ной церковью какого-либо богатого прихожанина (как приделы на хорах), так как вмещал несколько десятков человек. Такие приделы и невысокие галереи, охватывающие церковь с трех сторон, позднее также стали обычными в псковских церквах.

Постамент в основании барабана, отвечавший снаружи приподнятым подпружным аркам и повторявший аналогичную деталь Троицкого собора, был в Успенской церкви села Мелетово (1462—1463, рис. 26, *3*). Она относится к типу четырехстолпных церквей с пониженными угловыми частями. Псковичи наделили это здание особенностями, свойственными только псковским постройкам. Это трехапсидный алтарь, хотя в Мелетовской и псковской Космодамианской с Примостья церквах боковые апсиды были прямоугольными в плане. Затем, псковичи покрывали угловые части не полуцилиндрическими, а цилиндрическими сводами и никогда не завершали фасады трехлопастными кривыми, храмы строили с прямоскатными тесовыми крышами с соответствующим завершением фасадов. В Мелетовской церкви было применено завершение средней части каждого фасада треугольным щипцом и покрытие боковых частей на один скат. Приподнятые подпружные арки вызвали появление восьмигранного с фронтончиками постамента под барабаном. Лишь хоры устроены в Мелетовской церкви, как в новгородских церквах, и лопатки на ее фасадах по-новгородски соединены вверху трехлопастными и ползучими декоративными кривыми.

Построенная также в 1462 г. церковь Космы и Дамиана с Примостья была окружена с трех сторон невысокой галереей, позволявшей увеличить полезную площадь храма без больших затрат. О том, что эта галерея даже в случае ее более поздней постройки была второй очередью строительства, предусмотренной с самого начала, говорит устройство ее западного крыльца. Стенка с дверным проемом на западном фасаде была построена в перевязь с круглыми столбами и аркой, а на боковых фасадах были сделаны открытые проемы, чтобы превратить крыльцо в часть галереи, пристройка которой была намечена заранее.

Таковы же крыльца и других псковских церквей второй половины XV — начала XVI в. (Богоявления с Запсковья, 1494, Успения с Пароменья, 1521, Николы со Усохи, 1536, рис. 24, и др.). Ясно, что псковские зодчие в интересах растущего населения города заранее предусматривали возможность расширения церквей пристройкой невысоких и недорогих галерей, особенно если они покрывались деревянными потолками. Нередко фасады псковских церквей членились лопатками только в верхней части в расчете на то, что низ будет закрыт пристройками. Завершение фасадов церкви Космы и Дамиана с Примостья было таким же, как и в Мелe-

товской церкви, но постамента под барабаном она не имела, как не имела она и приподнятых подпружных арок. Поэтому ее верх, как и верх более поздней (1540) церкви Петра и Павла «на брезе» (рис. 27), был проще, чем у Мелетовской церкви. Такие церкви с тесовыми крышами, похожими на крыши жилых зданий, и низкими пристройками казались уютнее и приветливее церквей, покрытых по закомарам или даже по трехлопастным кривым.

В 1462 г. в пограничной крепости Кобыла (ныне с. Кобылье городище) была построена церковь, покрытая простой восьмискатной крышей с завершением каждого фасада треугольным шипцом, уничтожающим даже то подобие трехчастности, которое можно было видеть в церквах в Мелетове (рис. 26, *3*) и Космы и Дамиана с Примостья. Асимметрия боковых фасадов с узкими восточными третями, непринужденность в размещении соединяющих лопатки трехлопастных и ползучих кривых, треугольные бровки окон барабана, «кружево» узорных дорожек барабана и апсид и простое восьмискатное покрытие повторялись во второй половине XV и в XVI столетии почти во всех псковских церквах. Типичными деталями интерьеров псковских церквей стали столбы, закругленные снизу на высоту 2—2,5 *м*, и многочисленные голосники, горшки-резонаторы, открытые внутрь церкви и образующие узор ниже пят сводов апсид, в люнетах цилиндрических сводов и в простенках барабанов.

Обилие голосников возможно в церквах, не имеющих фресок. В Пскове XV—XVI вв. стены и своды таких церквей обычно белились известью, и большое значение в их интерьерах получили иконы. Судя по летописным упоминаниям, многоярусные иконостасы существовали в Пскове уже в XIV в. Белизна стен и сводов делала церковь светлее, особенно при приподнятых подпружных арках, позволявших освещать окнами барабана и боковые части. Сравнивая интерьеры псковских и новгородских церквей, можно видеть, насколько приветливее и уютнее должны были казаться первые, тогда как в новгородских церквах XIV—XV вв. фрески делают их интерьеры более торжественными, а контраст между освещенным подкупольным пространством и погруженными в полумрак угловыми частями скрадывает действительные размеры здания, заставляя его казаться бóльшим. К тому же фрески

27. Псков. Церковь Петра и Павла, 1540 г. Вид с юго-запада (фото О. И. Брайцевой)

в известной степени лишают покрываемые ими поверхности ощущения материальности, сохраняемой выбеленными стенами и сводами псковских церквей. Еще уютнее и ближе к светским зданиям интерьеры псковских церквей, имевших пристройки, не превышавшие своей высотой жилого помещения и схожие с последними расположением и пропорциями окон.

К галереям псковских церквей примыкали нередко один или два придела, позволявшие служить в один день раннюю и позднюю обедни (чего по церковным правилам нельзя делать в церкви с одним престолом). Галереи, приделы и звонницы псковских церквей XV—XVI вв. придавали живописность их внешнему виду, тем более что эти пристройки располагались большей частью не вполне симметрично. Симметричное расположение пристроек, как в псковских церквах Космы и Дамиана с Примостья и Иоакима и Анны или в церкви села Доможирка с ее двумя одинаковыми приделами, встречалось редко. Чаще симметрия нарушалась разными размерами приделов (церковь Успения с Пароменья, где пристройка третьего придела еще более усилила асимметрию), пристройкой звон-

28. Псков. Церковь Богоявления в Запсковье, 1490-е годы. Вид с востока

ницы (церковь Богоявления с Запсковья, рис. 28) или надстройкой ее над боковым фасадом церкви (церкви Сергия с Залужья, Николы со Усохи). Были храмы с приделом с одной стороны (церкви Василия с Горки, Варлаама Хутынского на Званице, Воскресенья со Стадища и др.).

Благодаря пристройкам, ширина здания стала большей, чем высота, высота галерей и приделов была невелика, а высота главного храма скрадывалась окружающими его пристройками (включая апсиды), что изменяло соотношение между размерами основного объема и его главы. Последнее изменяло масштабную характеристику

29. Псков. Церковь Успения с Пароменья, 1521 г. Вид с востока (фото А. А. Александрова)

здания, которое казалось меньшего размера. Одинаковый наклон крыш храма, приделов, апсид, галереи и фронтончиков над звонницами придавал цельность всему комплексу, как и одинаковая для всех его частей простота обработки фасадов, белизна стен и слабый рельеф деталей. Контраст между гладью белых стен и узорными дорожками апсид и барабана усиливал впечатление приветливости, производимое этими зданиями.

Характерной особенностью псковских церквей являются звонницы, распространенные в Пскове больше, чем в других русских городах. Видимо, псковичи не располагали средствами для возведения колоколен-башен, а с другой стороны, этому способствовала распространенная в Пскове западная манера звонить, раскачивая весь колокол, а не язык его. Псковские звонницы, стоящие возле церквей, имели до пяти пролетов для колоколов и обширную сводчатую пристройку, способствовавшую устойчивости звонницы и служившую кладовой. Пролеты для колоколов были различной ширины, столбы, круглые посередине и прямоугольные вверху и внизу, также имели различную толщину. Вверху они соединялись арочками, украшенными четвертью, как в звонницах церквей Богоявления с Запсковья и Успения с Пароменья (рис. 29), относящихся к первой четверти XVI в. Увенчивались звонницы рядом фронтончиков, по числу пролетов.

Изредка звонницы надстраивались над церквами, и единственная сохранившаяся, например, звонница в церкви Сергия с Залужья относится, вероятно, лишь ко второй половине XVI века. Чаще небольшие звонницы надстраивались над притвором или с запада над главным входом (церкви Варлаама Хутынского, Иоакима и Анны, Преполовения, Никиты мученика, Спаса с Жабьей лавицы), или в стороне от него (церковь Воскресения со Стадища). Эти звонницы увенчивались или одним фронтоном (церкви Преполовения, Спаса с Жабьей лавицы и Никитская), или двумя или тремя, по числу пролетов. Столбы и арочки звонниц, повторяя в меньших размерах столбы и арки крылец, усиливали целостность и единство всего здания, что видно на примере церквей Иоакима и Анны и Преполовения.

Приделы, столь же характерные для псковских церквей, как и звонницы, пере-

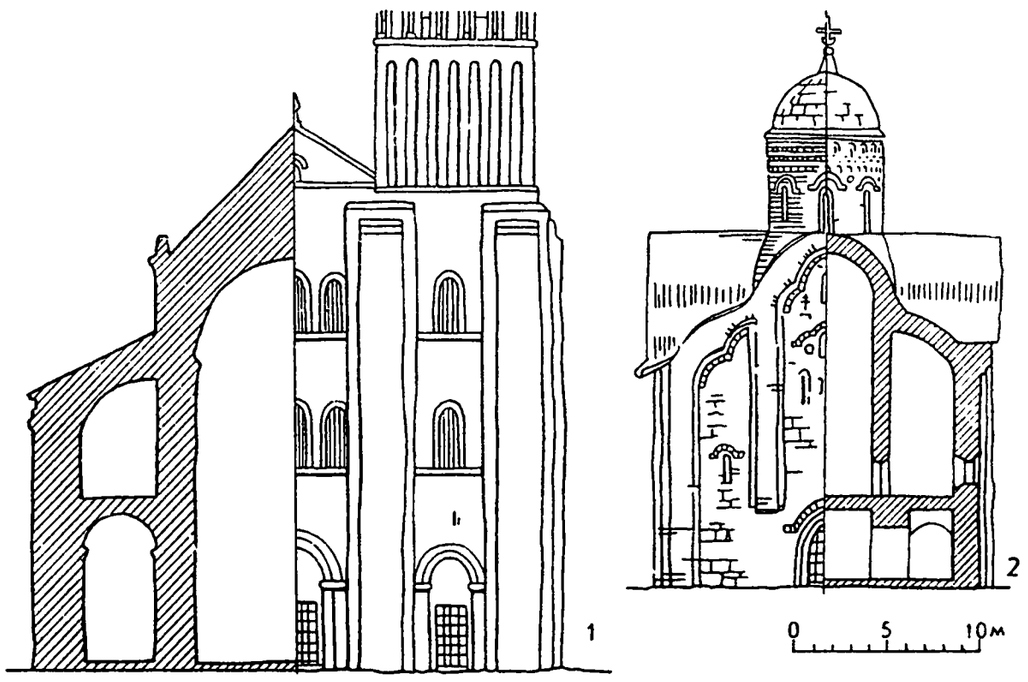
крывались сводами, опирающимися на боковые стены. Простейшие из них, с цилиндрическими сводами, покрыты на один или на два ската (в церкви Успения с Пароменья). В других случаях (церкви Богоявления с Запсковья, Николы со Усохи и церковь села Доможирка) приделы имеют такое же восьмискатное покрытие, как и сами церкви, полукруглую апсиду и главу на световом барабане. Имеют они и лопатки, членящие фасады, но перекрыты системой арок, опирающихся на боковые стены и друг на друга и поднимающихся ступенями к середине здания.

Применение таких перекрытий увеличивало вместимость небольших церквей, освобождая их интерьеры от столбов. Такие церкви, квадратные в плане или слегка вытянутые, площадью около 25—30 *кв. м,* покрывались или описанными выше ступенчатыми сводами (церковь Успения в Гдове, вероятно второй половины XVI в., церковь Середкина монастыря близ Пскова, неизвестного времени)или двумя пересекающимися цилиндрическими сводами — широким, опирающимся на боковые стены, и узким (Николо-Каменноградская церковь в Пскове неизвестного времени). Своими фасадами, расчлененными лопатками на три части, псковские бесстолпные церкви подражали большим четырехстолпным церквам, так же как и декором барабана главы и единственной апсиды. Такой внешний вид малых церквей не вполне соответствовал их интерьеру. Но в приделах это оправдывалось необходимостью художественной увязки с главной церковью, а в самостоятельных церквах — желанием наделить их представительностью.

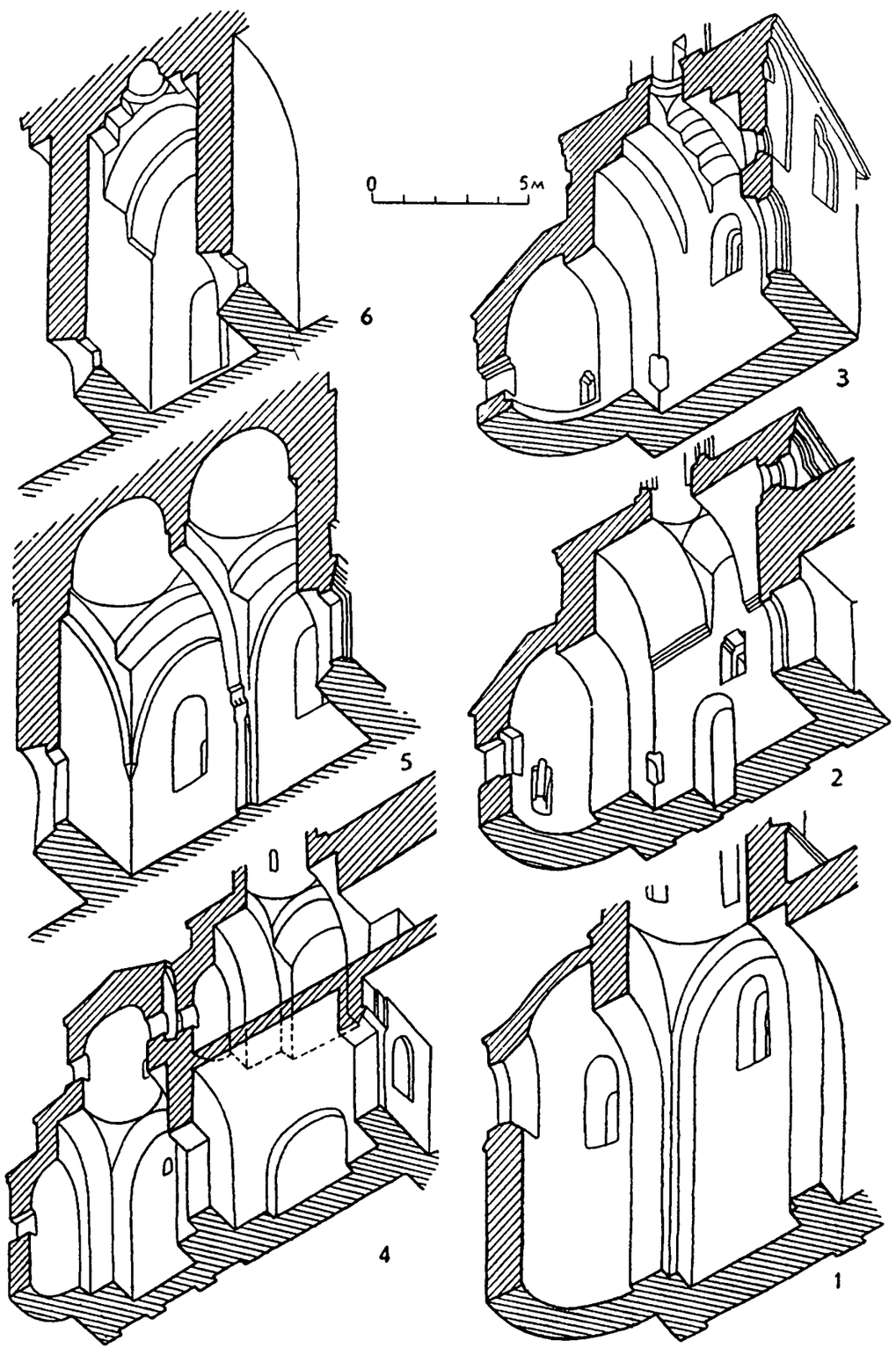
Архитектура севернорусских вольных городов Новгорода и Пскова развивалась самостоятельно, но в сходных условиях, обусловивших, вместе с общностью их происхождения от архитектуры Новгородской земли домонгольского времени, их внутреннее родство.

Архитектура этих городов в XIV—XV вв. представлена главным образом церквами, приходскими или монастырскими, строившимися на частные средства и совмещав-

30. Эволюция новгородских и псковских церквей. *1* — Спас Нередица, 1198 г.; *2* — Никола на Липне, 1292 г.; *3* — Федор Стратилат на Ручье, 1360—1361 гг.; *4* — Дмитрий на Славкове улице, 1463 г.; *5* — Климент на Иворове улице, 1520 г.; *6* — Собор Мирожского монастыря, до 1156 г.; *7* — Собор Снетогорского монастыря, 1310 г.; *8* — Троицкий собор, 1365—1367 гг.; *9* — Косма и Дамиан с Примостья, 1462—1463 гг.; *10* — в Кобыльем городище, 1462 г.; *11* — Богоявление с Запсковья, 1490-е годы — нач. XVI в. Чертеж П. Н. Максимова



31. Разрезы и фасады церквей. *1* — в Кане (Франция); *2* — в Новгороде



32. Ступенчатые своды балканских и русских построек (чертеж П. Н. Максимова). *1* — Чернигов; *2* — Псков; *3* — Гдов; *4* — Бояна; *5* — Байя; *6* — Добровац (чертеж П. Н. Максимова)

шими в своем облике монументальность с уютом и приветливостью. Как в Новгороде, так и в Пскове господствовал тип четырехстолпной крестовокупольной церкви с одной главой и пониженными угловыми частями: в Новгороде с одной апсидой и отвечавшими форме сводов трехлопастными верхами фасадов, в Пскове — с тремя апсидами и прямоскатными восьмискатными крышами. Дальнейшая эволюция этого типа проходила в каждом городе по-своему: в Новгороде — от небольших с простым убранством храмов времени войн XIII — первой половины XIV в. к крупным и нарядным постройкам времени расцвета и к более скромным и уютным церквам XV в. При этом композиция зданий и их конструктивные особенности оставались неизменными (если не считать устройства в церквах XV в. подцерковий-кладовых), а изменялись размеры церквей и убранство их фасадов (рис. 30, *1—5*). В Пскове, наоборот, при скромном и почти не изменявшемся убранстве фасадов изменялись композиция церквей — пристройка галерей и приделов — и конструкции — различные варианты расположения подпружных арок по отношению к сводам и разные виды покрытий без промежуточных опор. Это объясняется различием общественной жизни Новгорода, где бояре, все более усиливавшие свою власть над городом, заботились о представительном облике возводимых ими церквей, и более демократического Пскова, зодчие которого больше думали об удовлетворении запросов широких слоев растущего населения города (рис. 30, *6—11*).

Общими для архитектуры обоих городов являются присущее народному искусству умение понимать художественные возможности, заложенные в свойствах строительных материалов, и достигать большой выразительности простыми средствами. Своим живописным и праздничным характером храмы Новгорода и Пскова XIV—XV вв. отличаются от своих суровых предшественников XI—XII вв. примерно в такой же степени, как готика от романской архитектуры. Это не говорит, конечно, о стилистической близости построек Новгорода и Пскова к западной архитектуре: отдельные частности, родственные романским или готическим, подчинялись в них традиционно-русской основе.

1. Новгород. Церковь Федора Стратилата на Ручье, 1361 г. Вид с юго-востока. Фото *П. Н. Максимова.*

Такими частностями являются одноапсидные алтари, появившиеся еще в домонгольское время не только в Новгороде, Витебске и Полоцке, но и в Киеве, и близкие к таким же алтарям романских церквей на Рейне и в Англии, или полуцилиндрические своды, известные уже в XI—XII вв. как Новгороду, так и другим русским городам (Смоленск, Чернигов), а также известные романским церквам XII в., преимущественно французским — в Нормандии, Аквитании, Провансе и, особенно, в Оверни, но там эти своды скрыты под крышами базилик и внешне не выражены (рис. 31, *1*), а в Новгороде им отвечали трехлопастные верхи фасадов, породившие, в свою очередь, подобные декоративные арки, соединявшие лопатки (рис. 31, *2*) и перешедшие потом на фасады жилых домов Восточной Прибалтики. Таковы же и аркады апсид новгородских храмов и их перспективные стрельчатые порталы, тогда как «бровки», особенно трех- и пятилопастные, скорее напоминают такие же детали византийских и южнославянских построек. С ближним Востоком сходны и некоторые особенности архитектуры Пскова. Это относится к «ступенчатым» сводам псковских бесстолпных церквей и приделов, встречавшихся в XVI в. и в других местах на Руси (Белозерье и Подмосковье) и на Украине (Новгород-Северский), но особенно частых в Молдавии. Однако в молдавских церквах второй половины XV—XVI вв. такие своды покрывают не основные части их, а притворы, не имеют световых барабанов и по-иному ориентированы по странам света (рис. 32).

С каменной архитектурой других русских городов, в XIV—XV вв. развивавшейся слабо, архитектура Новгорода имела немного связей. Лишь появившиеся здесь во второй половине XV в. широкие полосы узорной кирпичной кладки имеют сходство с такими же мотивами среднерусских (Верхнее Поволжье, Белозерье) построек того же и позднейшего времени, обладающих, однако, большим разнообразием приемов узорной кладки, включающей и терракотовые детали, возможно, местного происхождения. Псковские храмы своими приподнятыми подпружными арками схожи с храмами великого княжества Московского конца XIV—XV вв., но в Пскове эта конструкция реже влияла на внешний вид зданий.

ГЛАВА 2

МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРА XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

Татарское нашествие задержало развитие производительных сил Руси и установление экономических связей между ее частями, но, с другой стороны, иноземное иго привело к необходимости военного союза между отдельными русскими землями для борьбы с поработителями. Должен был появиться и политический центр русских земель, и им стала Москва. Москва, впервые упоминаемая летописями под 1147 г., а в 1156 г. ставшая крепостью в юго-западной части великого княжества Владимирского, находилась на скрещении важных торговых путей. Ее возвышение начинается с конца XIII в., когда Даниил, первый московский князь, получивший титул великого князя, начал расширять границы своего княжества. Это продолжили его преемники, особенно Иван Калита и Дмитрий Донской.

При Иване Калите в Москве появились каменные постройки. При Дмитрии Донском, своей победой на Куликовом поле начавшем освобождение Руси от татарского ига, в камне строились не только княжеские, но и некоторые монастырские храмы, княжеские палаты и крепостные стены. Превращаясь в общерусский политический центр, Москва стала и религиозным центром Руси. В 1323 г. митрополит Петр переехал из Владимира в Москву, а его преемник Феогност окончательно обосновался здесь. Это оказало влияние на сооружение храмов, раньше других зданий начавших строиться в камне. Для своих храмов Москва заимствовала из владимиро-суздальской архитектуры тип четырехстолпного крестовокупольного покрытого по закомарам храма с тремя апсидами, куполом и иногда с тремя притворами.

Другой характерный для этого времени вид сооружений — крепости возводились и в Московском княжестве, тем более что объединение русских земель вокруг Москвы было связано с войнами против соседних княжеств, Золотой орды и Литвы. Кремли Москвы и других городов Московского княжества были резиденцией князя, митрополита и бояр и убежищем для населения города во время нашествия врагов, чему служили здесь и монастыри-крепости.

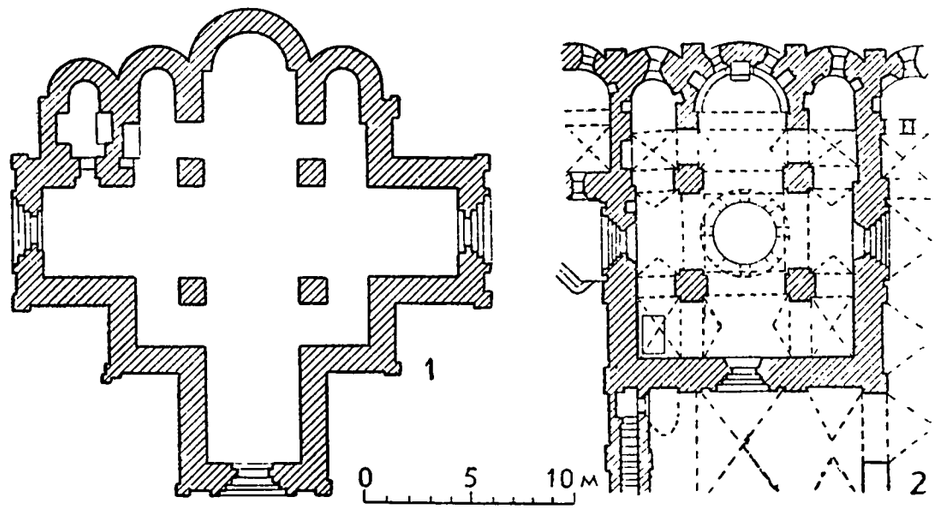
В условиях слабого развития производительных сил в области строительной техники московская каменная архитектура XIV — первой половины XV в. не дала ничего нового по сравнению с владимиро-суздальской. Московские постройки этого времени возводились из тесаного известняка на известковом растворе. Камень употреблялся таких же размеров, как и во Владимире, но теска его была менее тщательной, а швы кладки толще.

Возвышение Москвы влекло за собой и рост города, первоначально небольшого укрепления на вершине холма при слиянии рек Неглинной и Москвы. Это укрепление стало кремлем Москвы, а город расширялся на восток, вдоль берега Москвы-реки, сохраняя в плане форму неправильного треугольника, ограниченного реками. Территория кремля расширялась при постройке дубовых стен Иваном Калитой в 1339 г. и каменных стен Дмитрием Донским в 1367 г., и ее размеры почти достигали теперешних размеров.

При Иване Калите первые каменные церкви определили композицию центра Кремля, Соборной площади с Успенским собором в глубине, выдвинутым к южному склону холма Архангельским собором, Ивановской церковью-колокольней на востоке и дворцом на западе, за которым находился Спасский монастырь с каменной церковью. В этой группе зданий роль композиционного центра могла принадлежать и дворцу, и Успенскому собору, а Ивановская церковь была, вероятно, и дозорной башней, и самой высокой из кремлевских построек. Композиционным центром Кремля служила вся центральная группа зданий, господствовавшая над окружающей ее деревянной застройкой. В конце XIV — начале XV в. появились каменные соборы Чудова и Вознесенского монастырей в восточной части Кремля, а в центральной группе — каменные Благовещенский собор, церковь Рождества Богородицы и первые каменные дворцовые палаты. Постройка Благовещенского собора на одной линии с Архангельским усилила значение Успенского собора как главного здания Соборной площади и придала ей законченный вид.

Посад развивался по берегу Москвы-реки на восток от Кремля, и его главная, Великая улица шла параллельно реке. Вскоре он разросся на север до Неглинной, а позднейшие радиальные улицы, ведущие к Кремлю, были в XIV в. дорогами из Москвы в другие города. Возле дорог располагались села, слободы и монастыри, ставшие впоследствии частями города. Москва этого времени обладала некоторым благоустройством и имела деревянные мостовые. О застройке улиц, планировке дворовых участков и типах жилых зданий XIV — начала XV в. пока нет еще достаточных сведений. О дворцах этого времени летописи дают лишь некоторые частные сведения, сообщая о златоверхом тереме Дмитрия Донского или о фресковой росписи, выполненной в 1405 г. Феофаном Греком на каменной стене одного из дворцовых помещений. Мало сведений сохранилось и о деревянных церквах, которых в Москве того времени было, конечно, больше, чем каменных. Из летописи известно, что в Москве в 1408 г. были деревянные высокие церкви-башни.

Представление о московской архитектуре XIV — первой половины XV в. дают каменные церкви, часть которых (1390—1420-е гг.) сохранилась до наших дней,

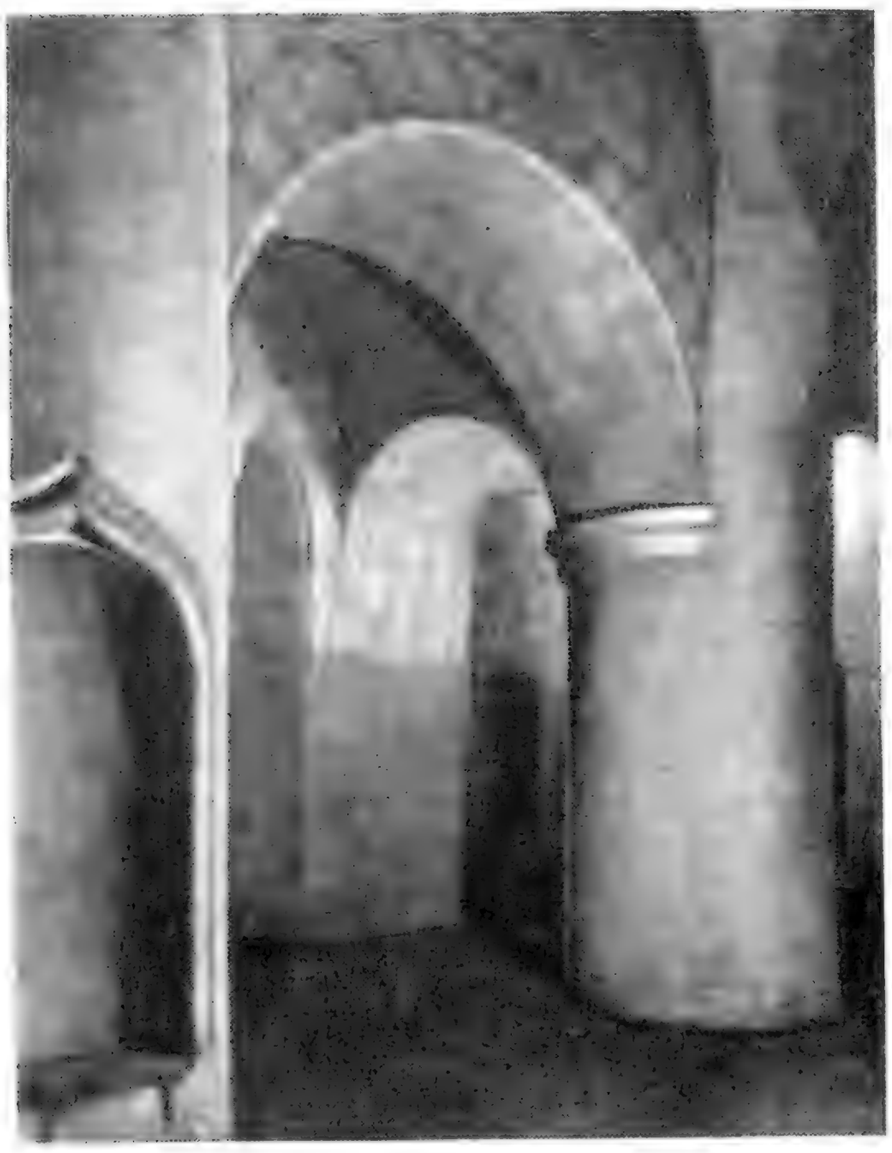


1. Московский Кремль. *1* — Успенский собор, 1326—1327 гг.; *2* —Собор Спаса на Бору, 1330 г.

а о более ранних можно судить по материалам археологических раскопок, старинным описаниям и изображениям. Во время Ивана Калиты в Москве были построены каменные Успенский собор (1326—1327), церковь-колокольня Иоанна Лествичника (1329), собор Спаса на Бору (1330) и Архангельский собор (1333), уступившие свое место позднейшим. Успенский собор, судя по летописям и изображениям на иконах, был четырехстолпным трехапсидным однокупольным зданием с тремя притворами и приделом-усыпальницей, примыкавшим к одному из них. Он повторял план собора в Юрьеве-Польском (1230—1234), имевшего такие же притворы и придел (рис. 1, *1*).

Собор Спаса на Бору, уже в XIV в. обстроенный притворами и приделами, в первой половине XVI в. был перестроен. В XVIII в. это здание было разобрано и заменено новым, точно воспроизводившим старое. Судя по этой копии, постройка Ивана Калиты была четырехстолпной трехапсидной однокупольной с крестообразными в плане столбами, лопатками на стенах и тремя перспективными порталами (рис. 1, *2*). Один из древних блоков тесаного камня, вошедших в качестве строительного материала в новую постройку, покрыт плоским резным орнаментом, близким по рисунку и технике выполнения к орнаменту на камне Успенского собора в Ростове (1213—1231). В соборе Спаса на Бору были применены приподнятые подпружные арки, но неизвестно, имел ли их собор 1330 г. или они появились при перестройках XVI и XVIII вв. О существовании их в произведениях московской архитектуры второй половины XIV в. можно говорить с уверенностью.

Сделанное в середине XVII в. Павлом Алеппским описание Успенского собора



2. Московский Кремль. Церковь Рождества Богородицы на Сенях, 1393 г. Интерьер

в Коломне 1379—1382 гг. говорит, что сверх закомар, венчавших основной объем, находился второй ярус закомар и третий ряд полукружий окружал основание барабана. Эти полукружия могли увенчивать пьедестал под барабаном, образованный приподнятыми подпружными арками (как в более поздних соборах в Звенигороде и Саввине-Сторожевском монастыре). Помимо этого, собор в Коломне обладал, судя по описанию, чертами владимирской архитектуры XII — начала XIII в. Это полоса рельефного орнамента на середине высоты стен, перспективные порталы и подобные им наружные откосы окон. Кроме того, в описании говорится о трех лестницах, ведущих в собор, стоявший, вероятно, на подклете и окруженный террасой на аркадах, делавшей его «как бы висячим», по словам Павла Алеппского.

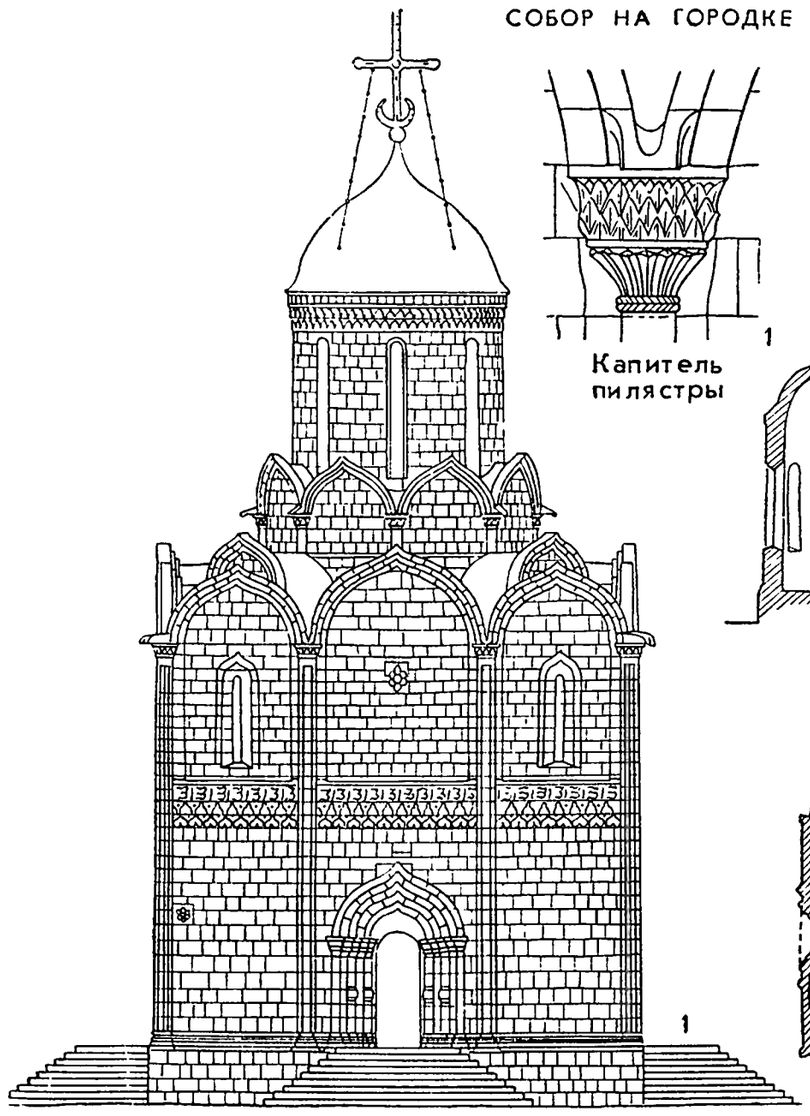
Собор подмосковного Симонова монастыря (1379—1405) был заменен новым в первой половине XVI в. Однако черты, свойственные не московской архитектуре XVI в., а владимирской XII в., такие, как профилированные наружные откосы окон и кокошники, венчающие барабан, позволяют думать, что собор XVI в. был построен наподобие своего предшественника. Возможно, что его открытые террасы на аркадах, кокошники, окружавшие подножие барабана и ярусы закомар, повторяли то, что было в постройке XIV в. В пользу этого говорит и сходство расположения верхних закомар в этом соборе и в сохранившихся соборах начала XV в. в Звенигороде, Троице-Сергиевом и Саввином монастырях. От Воскресенской церкви в Коломне 1360-х гг. сохранились фрагменты нижних частей стен, говорящие, что строительный материал и система кладки стен построек этого времени были такими же, как и при Иване Калите.

Больше можно сказать о постройках Василия I и Юрия Дмитриевича, сохранившихся до наших дней. Церковь Рождества Богородицы на Сенях в Московском Кремле, построенная в 1393 г. вдовой Дмитрия Донского Евдокией, сохранилась до половины высоты стен с порталом и частью окон. Четырехстолпная трехапсидная церковь имела, подобно церкви XII в. в Боголюбове под Владимиром, круглые в плане западные столбы, сохранившиеся ниже уровня хор (рис. 2, 3, *4*), о существовании которых говорит лестница в толще северной стены и их своды. В северо-западном углу сохранилось прямоугольное внутри и в четверть круга снаружи помещение, ведущее внутрь другого в толще западной стены. Эти помещения (возможно, хранилища ценностей) освещаются двумя круглыми окошками, обработанными снаружи розетками. Окно северной апсиды — высокое и очень узкое с гладкими откосами, дверные проемы лестницы на хоры имеют многолопастные перемычки.

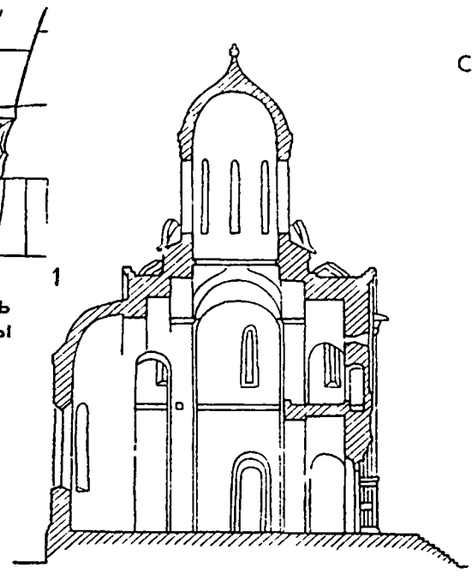
Западный портал, перспективный, как и владимирские порталы XII в., имеет такое же чередование колонок и прямоугольных выступов и аналогичный профиль баз и цоколя. Но его архивольт имеет килевидное очертание, известное во владимиро-суздальской архитектуре лишь в закомарах некоторых построек конца XII—XIII в. Отличают этот портал от владимиро-суздальских более приземистые пропорции, гладкие архивольт и колонки и наличие «дынек» на стволах всех внутренних колонок, а не на двух, как в южном портале собора в Суздале 1222—1225 гг.

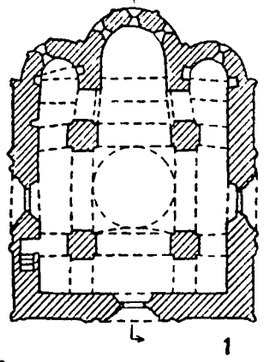
Полностью, но с поздними переделками, сохранились три храма, построенных при участии князя Юрия Дмитриевича. Успен-

СОБОР НА ГОРОДКЕ



Капитель пилястры

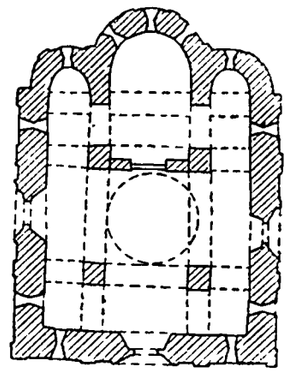


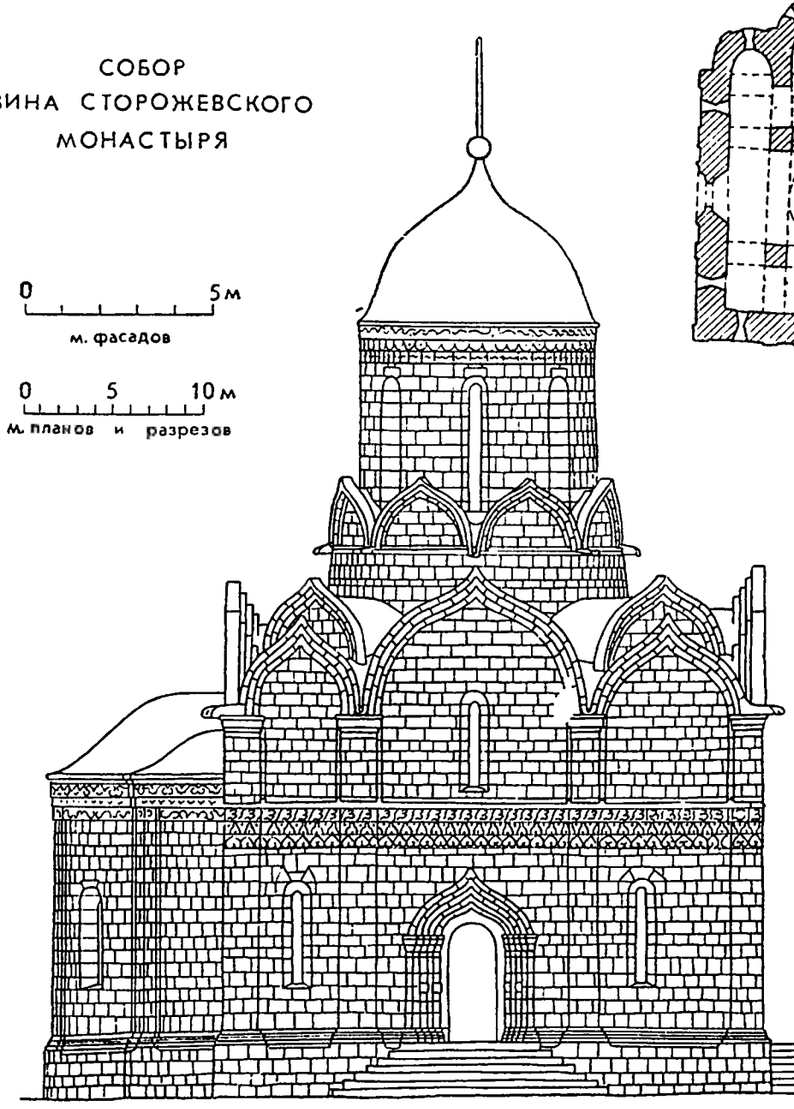


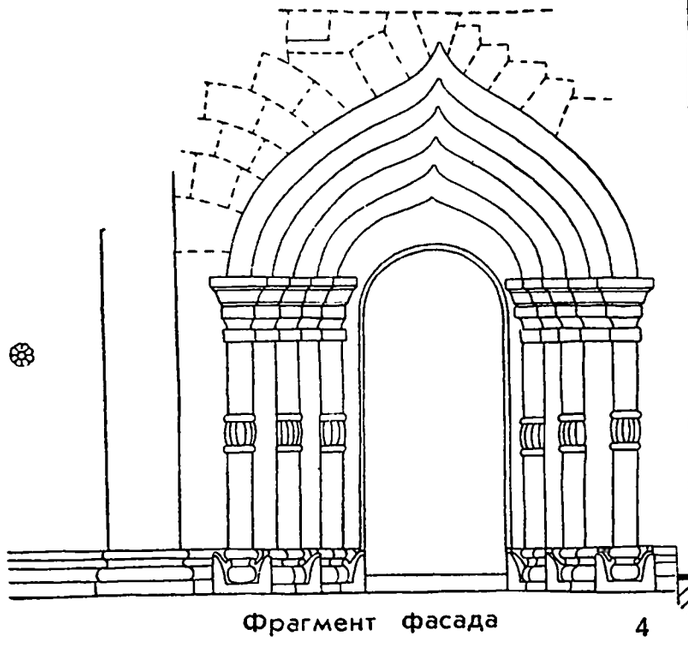
СОБОР САВИНА СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

0 5м
м. фасадов

0 5 10м
м. планов и разрезов

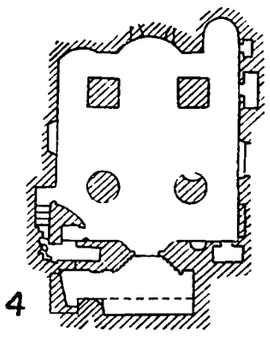




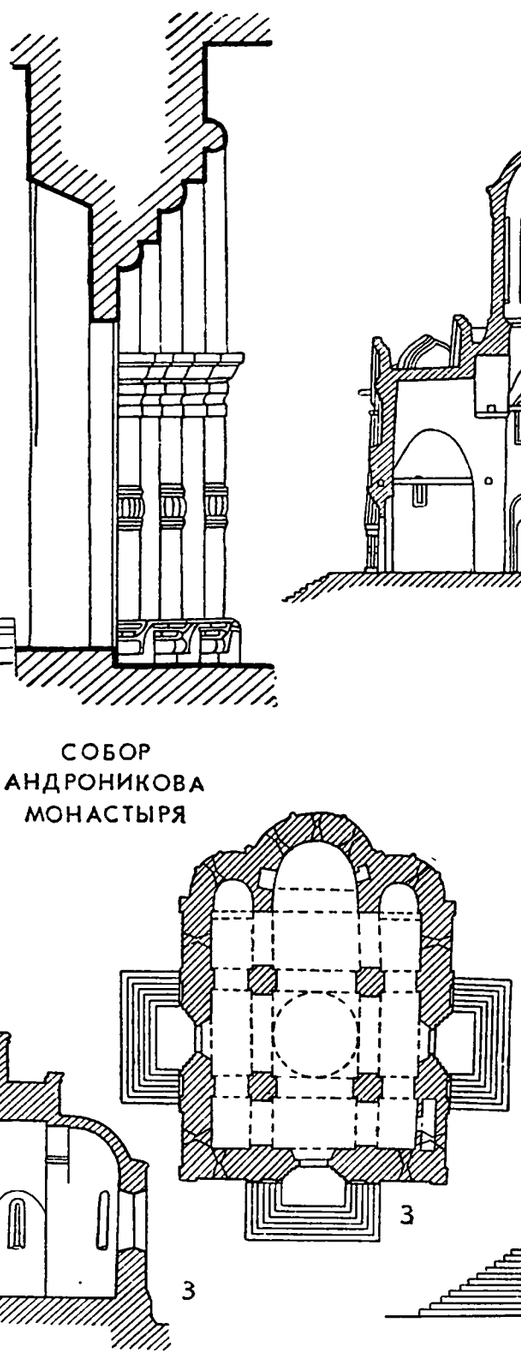

Фрагмент фасада

0 1 2м

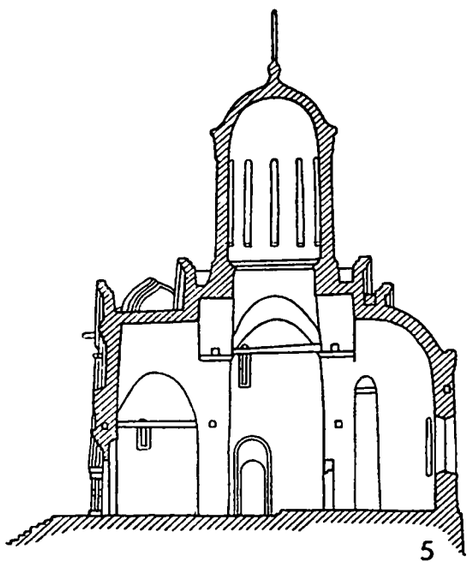
ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА

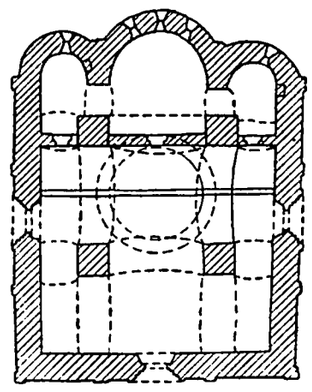


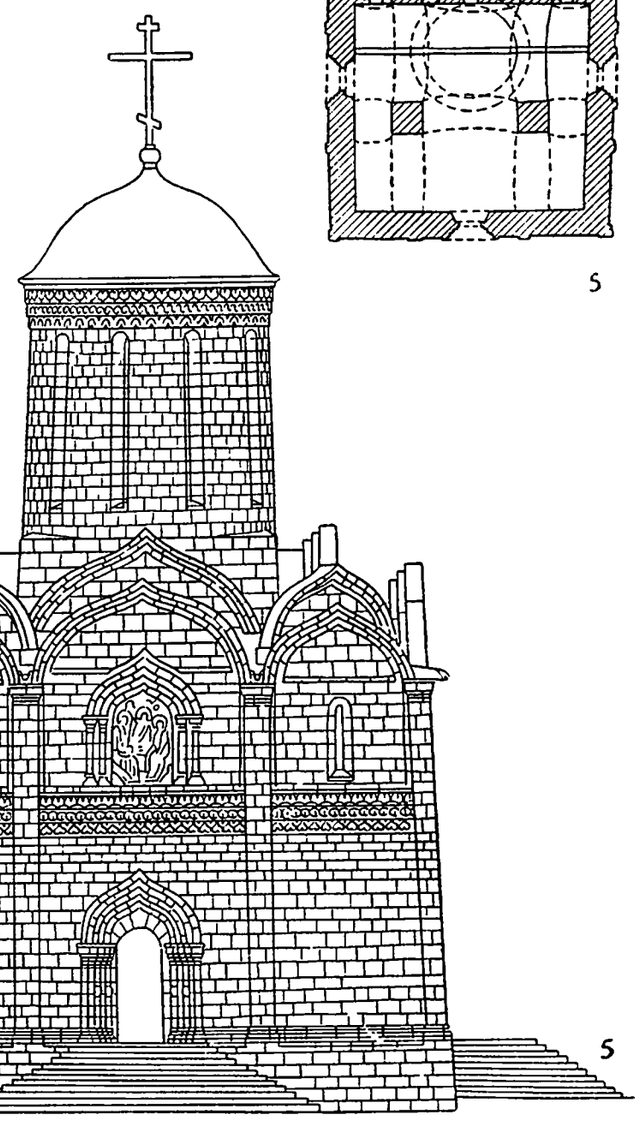
СОБОР АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ



ТРОИЦКИЙ СОБОР







3. *1* — Звенигород. Успенский собор на Городке, 1399 г.; *2* — собор Саввина Сторожевского монастыря близ Звенигорода, 1405 г. Реконструкции Б. А. Огнева; *3* — Москва, Спасский собор Андроникова монастыря, между 1410—1427 гг. Реконструкция Л. А. Давида при участии Б. Л. Альтшулера и С. С. Подъяпольского; *4* — Москва. Кремль. Церковь Рождества Богородицы на Сенях; *5* — Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря, 1422—1423 гг. (реконструкция В. И. Балдина)

4. Звенигород. Успенский собор на Городке. Портал

ский собор на Городке в Звенигороде (1399) — четырехстолпный трехапсидный и однокупольный белокаменный храм. Хоры с запада, лестница, ведущая на них в толще западной и северной стен, оконца-розетки, порталы и цоколь звенигородского собора такие же, как и в московской постройке. Но положение в плане крещатых столбов звенигородского собора не соответствует вертикальным членениям фасадов. Столбы сильно сдвинуты к востоку, чтобы правильно разделить площадь между храмом и алтарем, а северная и южная трети боковых фасадов имеют равную ширину. Звенигородский собор сохранил пояса из трех рядов резного орнамента на середине высоты стен и по верхам апсид и барабана, тонкие полуколонки на апсидах и основном объеме, имеющие на углах пучкообразную форму, и врезанные в стену обрамления части окон с килевидными верхами. Наконец, звенигородский собор сохранил частично закомары, остатки закомар второго яруса, отвечавших сводам-кровлям, идущим диагонально к барабану. На круглом в плане пьедестале барабана было восемь кокошников, опиравшихся на исчезнувшие капители коротеньких полуколонок (рис. 3, *1,* 4).

Здесь было три яруса полукружий и пояс рельефного орнамента, о которых говорил Павел Алеппский в описании коломенского Успенского собора. Стройные пропорции собора, его лопатки с тонкими полуколоннами, узкие окна, килевидная форма архивольтов порталов, оконных наличников и закомар и ярусное расположение закомар и кокошников, уменьшающихся снизу вверх, белизна стен, орнаментика поясов и игра света и теней на порталах и колонках — все это придавало собору изящество.

Соборы Саввина Сторожевского монастыря близ Звенигорода (1405) и Троице-Сергиева монастыря (1422—1423) имели, как монастырские храмы, более строгий облик. Их фасады членились простыми лопатками, не было колонок на апсидах (кроме находящихся между апсидами). Пропорции зданий были приземистее. Этому соответствовал и наружный откос стен Троицкого собора и его барабана, и орнаментальный пояс Саввинского собора, не прерываемый лопатками, но проходящий по ним. Внутри эти храмы также проще, чем звенигородский собор, чему помимо пропорций способствовала и простая форма квадратных в плане столбов.

Приподнятые подпружные арки вызвали появление пьедесталов под барабанами. В Саввинском соборе он круглый с восемью кокошниками, диагональные «своды-крыши» шли от барабана к углам здания, заканчиваясь ориентированными на эти углы закомарами второго яруса. Стройность и изящество звенигородского собора здесь сменились известного рода непринужденностью. (рис. 3, *2*). В Саввинском соборе лопатки фасадов соответствуют размещению столбов, поэтому восточные трети боковых фасадов были у́же западных, а боковые трети западного фасада обладали шириной, средней между ними, в отличие от звенигородского собора с его строгим ритмическим чередованием двух ширин — средней и боковой трети, одинаковых для каждого фасада.

Строители собора Троице-Сергиева монастыря вернулись к этой строгой ритмичности вертикальных членений фасадов независимо от положения столбов. Лопатки фасадов узки и перерезают орнаментальный пояс, пропорции барабана более стройны из-за отсутствия кокошников в его основании. Строитель Троицкого собора приставил к каждой стене квадратного в плане пьедестала по закомаре, соответствующей подпружной арке, причем эти закомары, расположенные выше угловых закомар второго яруса, опирались на отвечавшие им «своды-крыши», образуя подобие третьего яруса. Детали Троицкого собора — цоколь, портал, орнаментальные пояса, капители лопаток (которые здесь лучше называть пилястрами) — таковы же, как и в описанных выше зданиях. Лишь киот фрески верхней части середины западного фасада является чем-то новым (рис. 3, *5*).

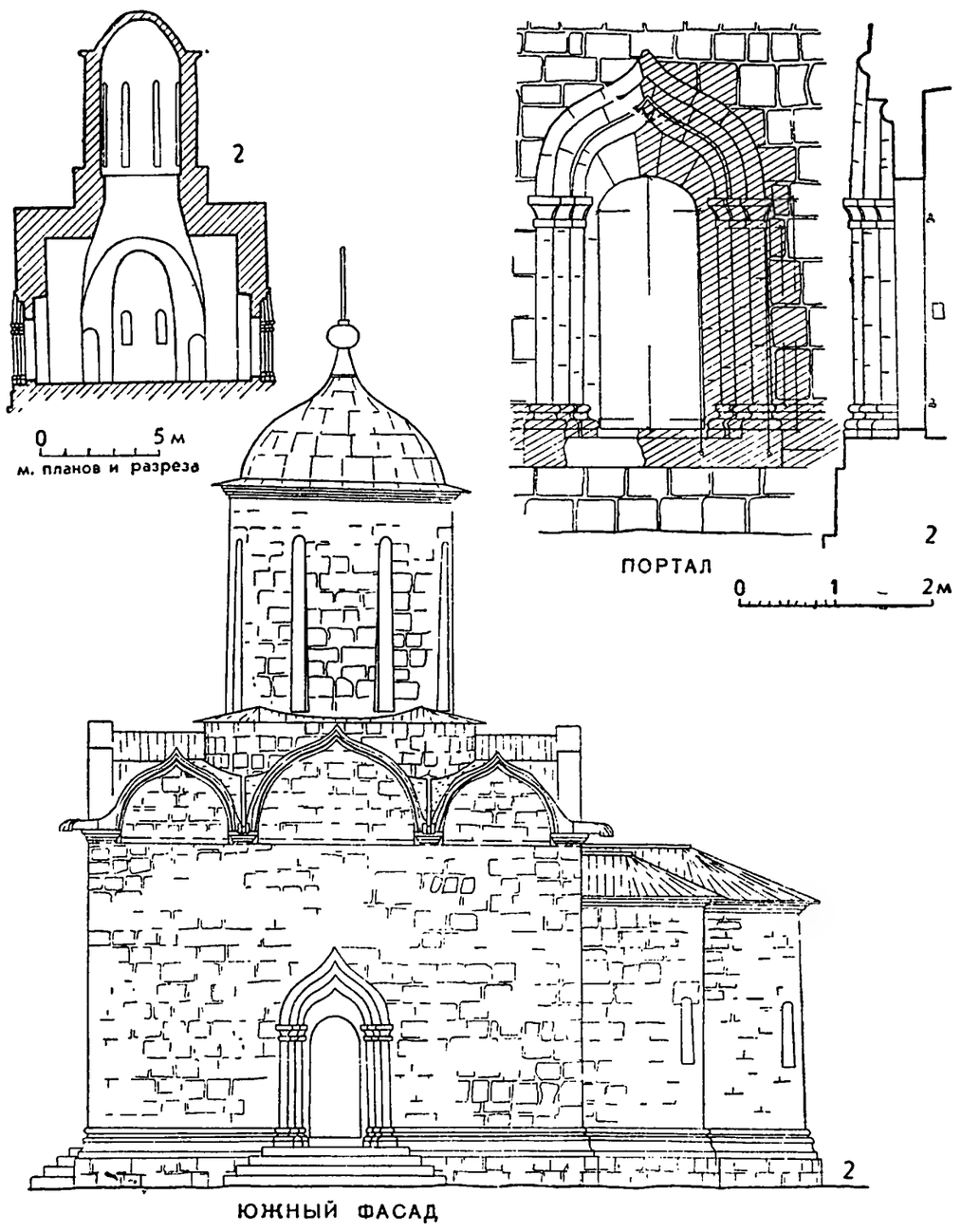
Ярусную композицию верхов и свободную, не связанную со столбами расстановку вертикальных членений московские зодчие конца XIV — начала XV в. внесли в традиционный тип четырехстолпного крестовокупольного храма. Русская архитектура знала и другой вариант такого храма с низкими угловыми частями, известный и архитектуре Византии, и южнославянских стран. Он приобрел на Руси особый характер, о чем свидетельствуют Пятницкая церковь в Чернигове, Михаило-Архангельская в Смоленске и новгородские и псковские церкви XIII—XV столетий.

В московской архитектуре XV в. этот вариант представлен собором Спасо-Андроникова монастыря в Москве (рис. 5), построенным между 1410 и 1427 гг., быть может при участии великого живописца Андрея Рублева. Четырехстолпная церковь с крещатыми столбами и отвечающими им наружными и внутренними пилястрами имеет одинаковую ширину боковых третей всех фасадов, средние части которых почти в полтора раза выше боковых и образуют крестообразное в плане основание второго яруса, соответствовавшего высоко поднятым подпружным аркам. Верх храма упал в 1812 г., но при восстановлении были использованы как строительный материал многие его фрагменты, позволившие составить представление о первоначальном виде. Закомары, закрывавшие подпружные арки, были трехлопастными с килевидными верхами и лопатками. Между верхними частями этих закомар находились равные им по размерам кокошники, ориентированные на углы здания, и восемь меньших кокошников украшали низ барабана, оформленного полуколонками и типично владимирским карнизом с «поребриком» и «городками».

Устремленность ввысь объемов здания подчеркивалась килевидной формой закомар и кокошников, убывающих по размерам кверху, как и нижние и верхние пилястры средних третей фасадов и пилястры второго яруса, и тонкими полуколоннами барабана и апсид (причем боковые апсиды были ниже средней). Внутри собор казался очень высоким благодаря подъему подпружных арок и контрасту между высотой подкупольного пространства и угловых частей, что подчеркивалось крестообразной в плане формой столбов и пилястрами на стенах.

Бесстолпных церквей в Москве XIV — первой половине XV в. строилось мало. Таким, судя по сохранившемуся подклету, был связанный с великокняжеским дворцом Благовещенский собор, построенный до 1397 г., — квадратное здание площадью около 48 *кв. м* с одной апсидой с востока (рис. 6). Своды подклета опираются на стены и средний столб, а о покрытии самого собора, уступившего в конце XV в. место теперешнему, судить невозможно. Можно предположить, что его фасады, несмотря на отсутствие столбов, были расчленены пилястрами с капителями, похожими на капители полуколонок звенигородского собора: остатки их найдены в закладке проемов подклета. Сохранила свой верх церковь села Каменского, Наро-Фоминского р-на, Московской области (бывшего в XIV в. пограничной крепостью), это небольшая (7,5 × 8 *м* внутри) постройка с куполом на световом барабане, вес которого с помощью параболических подпружных арок передается на четыре угловые опоры. Время постройки ее неизвестно, но строительный материал и манера кладки, такие же, как в описанных выше постройках, позволяют отнести эту церковь ко второй половине XIV — началу XV в. Каждая стена ее завершалась тремя килевидными кокошниками, и квадратный в плане постамент закрывает снаружи конический переход от подпружных арок к барабану. Такой же в плане была и церковь села Городище близ Коломны, перестроенная в XVI в.

5. Москва. Собор Андроникова монастыря. Вид с юго-востока (фото А. И. Петухова)

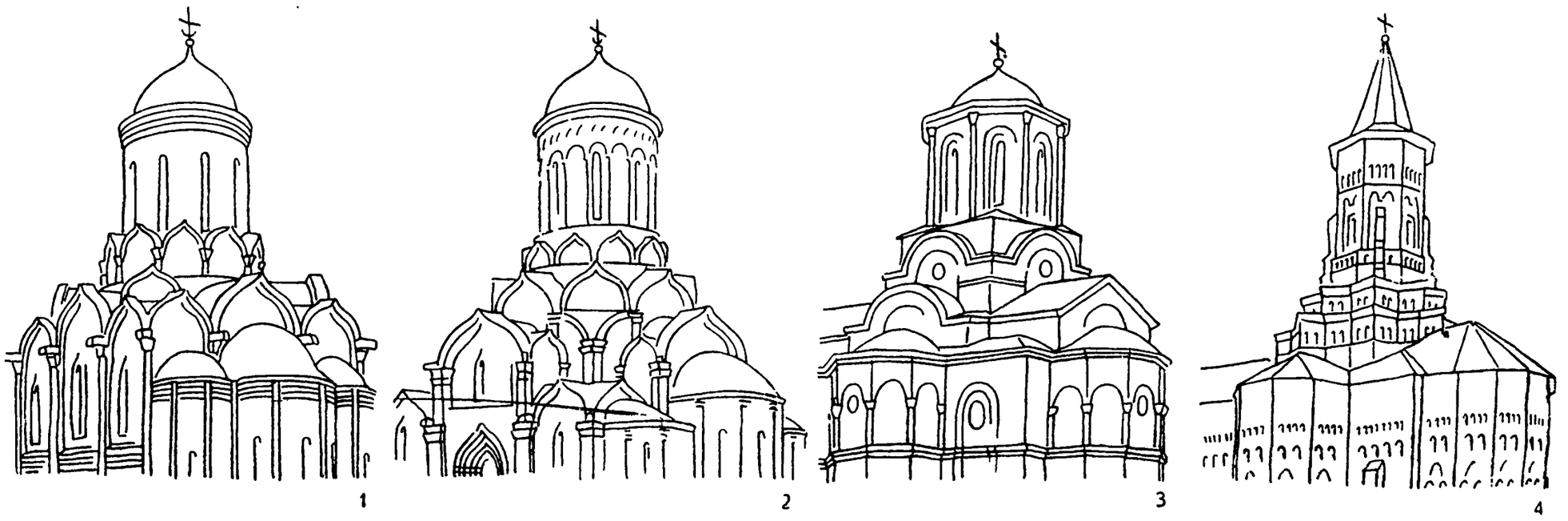


6. *1* — Благовещенский собор Московского Кремля XIV в., план подклета; *2* — с. Каменское, Московской обл. Церковь Николы, конец XIV—начало XV в. Реконструкция Б. Л. Альтшулера; *3* — Городище. Церковь Иоанна Предтечи, XIV в.

Архитектура Великого княжества Московского первой половины XV в. развивалась в то время, когда Москва в хозяйственном и политическом отношении еще не достигла уровня, на котором стоял Владимир домонгольского времени. Поэтому каменные постройки в Москве и Московском княжестве того времени были невелики, а малочисленность строительства не требовала изменения строительной техники.

Тогда в Москве не выдвигалось новых утилитарных задач перед архитектурой храмов, и старый тип четырехстолпного крестовокупольного храма с хорами или без них удовлетворял требованиям москвичей. Новое в московской церковной архитектуре вызывалось скорее ростом национального самосознания и надеждами на лучшее будущее после Куликовской победы. Все это нашло отражение и в живописи Андрея Рублева и его современников с ее светлым колоритом, гармонией цветов, красотой лиц, фигур и уравновешенностью композиции, и в желании зодчих сделать внутреннее пространство храмов просторнее, светлее, широко расставляя столбы, поднимая подпружные арки, и в живописности перехода от основного объема храмов к барабанам с помощью ярусов закомар и кокошников.

Вероятно, в Москве XIV — начала XV в. получили развитие многоярусные иконо-



7. Сравнение верхов русских и балканских церквей. *1* — Успенский собор на Городке в Звенигороде; *2* — собор Андроникова монастыря; *3* — церковь в Крушеваце; *4* — церковь в Хырлэу (чертеж П. Н. Максимова)

стасы каменных храмов. Некоторые раннемосковские храмы имели невысокие каменные алтарные преграды с фресками, но сохранились и многоярусные иконостасы того же времени. Написанный в 1405 г. Феофаном Греком, Прохором из Городца и Андреем Рублевым трехъярусный иконостас московского Благовещенского собора и написанные Андреем Рублевым и Даниилом Черным четырехъярусные иконостасы владимирского Успенского собора (1408) и собора Троице-Сергиева монастыря (между 1425 и 1428 гг.) уже имели вполне определившуюся композицию. Видимо, в Москве, где было много деревянных храмов, их многоярусные иконостасы перешли в каменную архитектуру и получили законченный вид раньше, чем в богатых каменными храмами Новгороде и Пскове.

Москва, начавшая дело объединения и политического возрождения Руси, возрождала и каменную архитектуру, опираясь на достижения русской архитектуры домонгольского времени, подобно тому, как автор «Задонщины» вдохновлялся «Словом о полку Игореве». Для москвичей Владимир долго олицетворял былую славу Руси, и Москва заимствовала из владимирской архитектуры XII — начала XIII в. композицию каменных храмов, строительную технику, перспективные порталы и пояса резного орнамента.

В то же время верхи раннемосковских храмов с приподнятыми подпружными арками и ярусами закомар напоминают и такие ранние постройки, как Пятницкая церковь в Чернигове.

Слабость экономических связей Московского великого княжества XIV — начала XV в. с зарубежными странами и другими русскими городами объясняет недостаточность связей архитектуры Москвы с их архитектурой. Лишь с архитектурой Пскова ее роднят приподнятые подпружные арки и ярусная композиция верхов церквей. Подобно псковской, раннемосковская архитектура имеет больше общего с балканской архитектурой. В частности, в архитектуре Сербии XIV—XV вв. можно видеть верхи храмов с двумя ярусами закомар, ступенчатые подпружные арки и расположение средней и боковых закомар каждого фасада на разных уровнях. Параболическое очертание подпружных арок собора Троице-Сергиева монастыря и церкви в Каменском близко к очертанию таких же арок некоторых сербских церквей; конструктивная схема церкви в Каменском обычна для небольших церквей Сербии и Болгарии, а круглые окна-розетки некоторых церквей Москвы и Звенигорода напоминают окна сербских церквей моравской школы (рис. 7).

Культурные связи между Русью и южными славянами наблюдались и ранее, а в конце XIV столетия, когда над Сербией и Болгарией нависла угроза турецкого завоевания, все больше южных славян приезжало на Русь. Их представители митрополит Киприан и Пахомий Логофет оказали влияние на развитие русской литературы того времени; южнославянские живописцы расписали в конце XIV в. Ковалевскую церковь близ Новгорода, а в Москве работал в начале XV в. искусный механик серб Лазарь, и возможно, что южнославянские зодчие также работали в это время на Руси.

Самобытность художественного облика скромных храмов Москвы XIV — начала XV в. была причиной того, что ряд их композиционных приемов и форм получил дальнейшее развитие в архитектуре Москвы второй половины XV—XVI в., превратившейся из столицы удельного княжества в столицу Московского государства.

ГЛАВА 3

АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV — НАЧАЛА XVII В.

Жизненная потребность в организованной обороне от внешних вторжений, необходимость прекращения внутренних междоусобий, тормозивших экономическое развитие страны, способствовали ускорению процесса образования единого централизованного русского государства. Этот процесс совпадает по времени с аналогичным явлением в Западной Европе, где в это же время образуется ряд крупных государственных объединений. Государственная централизация особенно способствовала окончательному освобождению страны от татарского ига, расширению внутренних экономических связей и укреплению политического единства русского народа. Она разрушала консервативные тенденции замкнутости и культурной ограниченности отдельных земель, создавала условия для формирования основ общерусской национальной культуры. Большая роль в этом отношении принадлежала Москве.

В конце XV в. Москва становится общепризнанным политическим, религиозным и культурным центром страны, наследницей древней культуры Киева, Новгорода, Владимира. Историческая преемственность сказывается и в московской архитектуре, продолжающей в новых условиях развивать традиционные особенности древнерусского зодчества.

Дерево и белый камень-известняк продолжали оставаться господствующими строительными материалами в московском строительстве до конца XV в. С середины XV в. в гражданском и церковном строительстве начинает применяться кирпич.

С образованием централизованного государства постепенно восстанавливаются международные связи, нарушенные дроблением Руси на уделы и татарским нашествием. В новой исторической обстановке приобретало особенно важное значение строительство в самой Москве, так как архитектурный облик столицы должен был соответствовать могуществу и важному международному значению Русского государства. В этом отношении Москва значительно уступала западным столицам, и правительство намечает обширные мероприятия по перестройке центра города. В течение сравнительно короткого времени (1475—1509) с большой последовательностью и настойчивостью заново перестраиваются крепостные стены, башни и все важнейшие сооружения Кремля. К строительству в Москве привлекаются лучшие зодчие из Ростова, Новгорода, Пскова. По примеру других европейских столиц в Москву приглашаются для работы опытные итальянские зодчие из Болоньи, Милана, Венеции.

В последней четверти XV в., особенно после появления в Москве итальянских зодчих, наблюдается значительное улучшение организации и качества строительных работ. В московском строительстве появляется много конструктивно-технических новшеств. Строятся крупные государственные кирпичные заводы, повышается качество обжига кирпича и вводится некоторая стандартизация его размеров («аристотелев кирпич», «алевизов кирпич»). В кладке стен и сводов начинают применять более

крепкие вяжущие растворы. Вместо традиционных деревянных связей вводятся железные связи с анкерами. Увеличивается глубина заложения фундамента для крупных сооружений. Техническим новшеством было также применение циркуля и линейки для придания геометрической правильности планам и фасадам зданий.

Однако наиболее важным и новым явлением в русской архитектуре этого времени было решение крупных градостроительных задач, как, например, перепланировка и перестройка центра столицы, создание выдающегося архитектурного ансамбля Московского Кремля. Задача такого грандиозного масштаба была поставлена впервые не только в русской, но и в западноевропейской архитектуре. В архитектуре итальянского Кватроченто основное внимание зодчих было сосредоточено на углубленной разработке главным образом архитектуры отдельного сооружения, вопросы градостроительства и архитектурного ансамбля не приобрели еще того первостепенного значения, которое они получили в последующее время.

Градостроительство. В первой половине XVI в. — ко времени сложения централизованного Русского государства, на его территории насчитывалось примерно 160 городов, включая также и крепости, где не было торгово-ремесленных посадов. Со второй половины XVI в., когда были постепенно ликвидированы удельные тенденции крупных феодалов и стали складываться предпосылки для образования «всероссийского рынка», начинается интенсивный рост новых городов, особенно на северных и восточных окраинах страны. Строительство этих городов было связано с развитием заморской торговли через Северный морской путь и освоением новых обширных территорий на востоке и юге, ранее находившихся под властью Золотой орды.

Исторические условия, в которых возникали и развивались древнерусские города, отчетливо сказались в их своеобразной планировочной структуре и системе внутригородской застройки, отличной от западноевропейских городов средневековья, где наиболее важные и крупные по масштабу сооружения, такие, как городской замок, собор, ратуша, обычно являются самостоятельными архитектурными комплексами, расположенными в различных частях территории города, окруженного крепостными стенами. Замок, как правило, занимает подчеркнуто обособленное положение в структуре города, он имеет самостоятельные укрепления не только и даже не столько для защиты от нападения внешних врагов, сколько для защиты своего владельца от горожан и для военно-стратегического господства над городом.

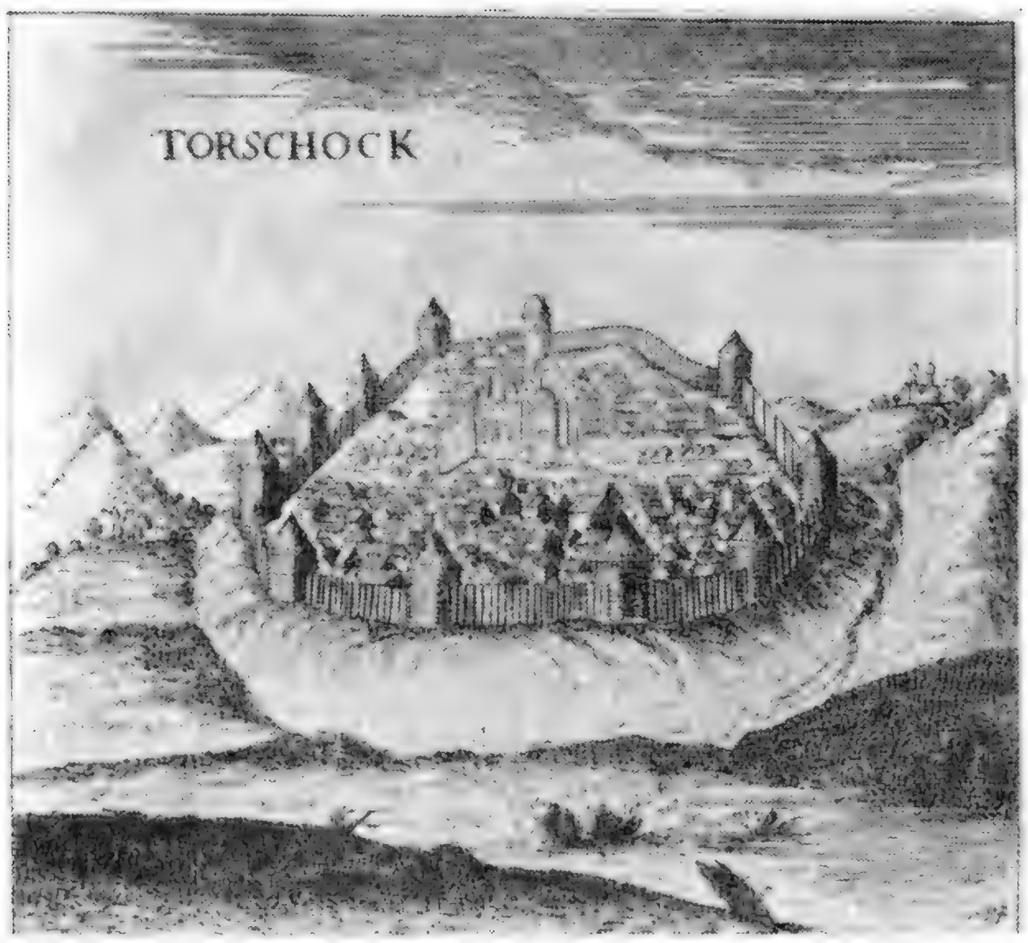
Подобная структура, по-видимому, складывалась и в древнейших русских городах, но со второй половины XIII в. после татаро-монгольского нашествия, постепенно все важнейшие административные и культовые сооружения, так же как и официальные резиденции светских и церковных властей в русских городах, соединяются в одном месте, преимущественно в центре города, и окружаются специальными укреплениями. Этот архитектурный комплекс уже с XIV в. получает название кремля и обычно занимает господствующее положение в структуре города. Во время вражеских нападений или осады кремль являлся убежищем не только для феодальных верхов, но и для жителей городского посада. На обширной территории кремля располагались также монастыри, усадьбы знатных и богатых горожан. Таким образом, в отличие от западноевропейского городского замка кремль являлся, в сущности, внутренним кольцом городских укреплений, где феодальная верхушка и состоятельные горожане имели постоянные резиденции или так называемые «осадные дворы» и куда переселялись в период военной опасности жители посада и окрестных селений.

Архитектурный комплекс городского кремля сложился в условиях татаро-монгольского ига, когда длительная и упорная борьба за освобождение страны от иноземных поработителей стала общенародным делом. В этих исторических условиях характерный для западноевропейского средневекового города острый антагонизм между горожанами и феодалами, уже не являлся решающим фактором в развитии русского города XIV—XV вв. Такое положение было обусловлено не только общим упадком городского ремесла и торговли в результате татарского разорения, но и настоятельной потребностью сохранения внутреннего единства.

Общественная роль кремля, его органическая связь с городским посадом сказы-

1. Москва. План города конца XVI—начала XVII в. (по Олеарию)

вается в системе его внутренней застройки, непосредственно связанной с улицами окружающего торгово-ремесленного посада, которые ведут к проездным башням и продолжаются внутри кремля, сходясь, как в фокусе, на его центральной площади. Ворота кремлевских укреплений всегда соответствуют главным улицам посада, сходящимся к кремлю и образующим радиальную систему плана. В более крупных городах в связи с ростом территории посада и расширением его оборонительных сооружений постепенно складывалась характерная для многих древнерусских городов центрическая радиально-кольцевая структура плана (Псков, Ростов Великий, Нижний Новгород, Углич и др.). В рисунках планов Москвы, выполненных в XVI—XVII веках, отчетливо видна радиально-кольцевая структура города. Но вследствие сложного



2. Город Торжок (по рисунку Герберштейна)

рельефа местности и стихийности застройки появились изломанные и кривые улицы с обилием тупиков и случайным расположением площадей (рис. 1). В отличие от западноевропейских городских замков, изолированных и обособленных в структуре города, древнерусский кремль являлся центральным ядром планировочной структуры средневекового города.

Архитектурный комплекс кремлевских сооружений господствовал также и в силуэте городской застройки. В отличие от западного замка или восточной цитадели древнерусский кремль не имел специального внутреннего укрепления в виде башни-донжона. Главным сооружением кремлевского комплекса было здание городского собора, выполнявшего функцию донжона-крепости, так как собор был нередко единственным каменным сооружением среди деревянной застройки кремля и посада (рис. 2). Городской собор всегда располагался на главной площади кремля. Расположение культового здания на открытой площади — характерная особенность древнерусского градостроительства, правило, которое одинаково соблюдалось как в сельском, так и в городском строительстве независимо от величины или значения культовой постройки. Церковное здание, которое в то время являлось, пожалуй, единственным типом общественного сооружения, никогда не включалось в рядовую застройку улицы или квартала, оно оставалось свободно стоящим даже в условиях плотной городской застройки.

Скученность и теснота в застройке западноевропейского средневекового города, зажатого в каменном обруче городских укреплений, не свойственны русским городам того времени, в подавляющем большинстве не имевшим никаких укреплений, кроме деревянных стен кремля. Вместо тесной фасадной застройки улиц торцами высоких каменных или фахверковых домов, часто нависавших верхними этажами над узким проездом, характерной особенностью русского города была свободная усадебная застройка, когда жилой дом располагался в глубине участка, а не на красной линии улицы. Сад или огород, так же как и хозяйственный двор, были обычно составной частью городской усадьбы. Почти все иностранные путешественники XV—XVI вв. отмечают в своих записях «просторную» застройку Москвы.

Укрепленная территория западноевропейского средневекового города редко превышала 50—60 *га*, в то время как укрепленные посады с территорией 100—200 *га* не редки для русских городов того времени. Так, например, территория сравнительно небольшого Углича (в пределах земляного вала) занимала в XIV в. 150 *га*, такую же площадь имел внутри крепостных стен выстроенный в середине XVI в. новый город Свияжск. Значительно более обширную территорию внутри городских укреплений имели в XV в. такие древние города, как Псков (220 *га* без Завеличья), Нижний Новгород (310 *га*), Новгород Великий (410 *га*).

Первые каменные укрепления московского посада (притом только его торговой части) появляются в 30-х гг. XVI в. Герберштейн, два раза посетивший Москву в первой четверти XVI в., писал о Москве: «город деревянный и довольно обширный... обширности города способствует то, что он не заключен ни в какие определенные границы и не укреплен достаточно ни стеною, ни рвом, ни раскатами». «Просторный вид» средневекового русского города, поражавший приезжих иностранцев, свидетельствовал о том, что горожане были еще тесно связаны с сельским хозяйством и процесс отделения ремесла от сельского хозяйства еще только начинался. Даже в конце XVI в. Поссевин с удивлением отмечает, что деревянные жилые дома московского посада

окружены усадьбами, отделенными друг от друга заборами и плетнями, за которыми везде виден домашний скот, и это создает впечатление сельского пейзажа внутри города.

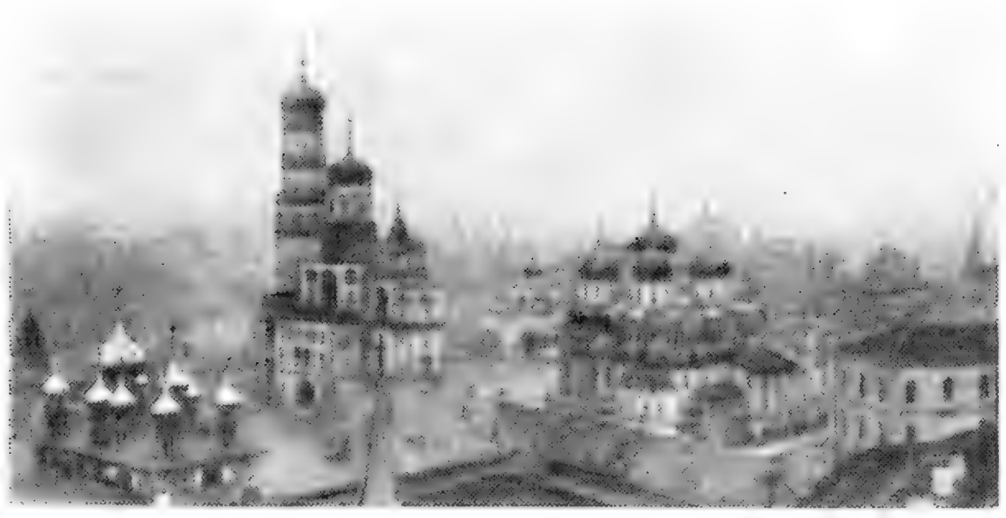
Не имея сплошной застройки по периметру, площади русских городов были более обширны и выглядели менее замкнутыми, и улицы — более просторными и широкими. Если обычная ширина улицы средневекового города на Западе редко превышала 3 *м*, то улицы русских городов обычно имели ширину не менее 5—6 *м*, что объясняется также и необходимостью противопожарных разрывов при наличии сплошной деревянной застройки города. Расширение узких улиц иногда проводилось административным путем; так, в начале XVI в. специальным правительственным распоряжением были указаны ширина главных улиц в Новгороде, не превышавшая 6 *м*, и увеличение их до ширины московских улиц. Указом 1585 г. установлена ширина для главных московских улиц около 24 *м*, а для второстепенных — 12 *м*. Главные радиальные улицы московского посада, как и других крупных городов, имели деревянные мостовые. Преобладание деревянной застройки способствовало тому, что городские пожары были обыденным явлением и часто носили опустошительный характер. Поэтому традиционный для древнерусского градостроительства прием расположения церковного здания на открытой площади, жилого дома среди участка, а не по красной линии улицы, стремление сохранить большие разрывы между отдельными постройками имели важное практическое значение для обеспечения пожарной безопасности.

В исторических условиях средневековья военно-оборонительный фактор имел важнейшее значение в градостроительстве. С развитием огнестрельного оружия потребовалась затрата значительных средств на возведение прочных каменных укреплений. С целью обеспечения наилучших условий обороны при максимальной экономии средств строители стремились к возможному сокращению периметра крепостных стен, что в конечном счете приводило к округлой конфигурации пояса городских укреплений.

Однако округлая конфигурация западноевропейского средневекового города имеет только внешнее сходство с аналогичной конфигурацией древнерусских городов, где округлая конфигурация плана города органически складывалась как следствие роста и расширения застройки посада вокруг центрального ядра города — его кремля. При изобилии строительного материала, сравнительной дешевизне и быстроте возведения деревянных укреплений в любое время года для русских городов стремление к максимальному сокращению периметра городских укреплений не имело такого важного значения. И если в древнерусских городах обычно наблюдается также округлая конфигурация городских укреплений, то в этом закономерно получила отражение стихийно сложившаяся центрическая структура города.

С образованием централизованного государства кремль как общественно-политический и административный центр города приобретает особенно важное значение, становится средоточием центральной власти, резиденцией ее представителей. Не случайно именно в это время — в конце XV и первой половине XVI в. — последовательно осуществляется грандиозная программа по реконструкции и строительству каменных кремлей в наиболее важных городах Московского государства, начало которой было положено коренной перестройкой архитектурного комплекса Московского Кремля. В этом первом, необычайном для своего времени по масштабу и темпам строительстве под руководством крупных итальянских зодчих наиболее примечательным является то, что в новом Кремле была полностью сохранена без каких-либо существенных изменений прежняя планировочная структура, сложившаяся еще в начале XIV в.

Несмотря на то что в строительстве нового комплекса архитектурных сооружений Московского Кремля руководящая роль принадлежала итальянским зодчим, в его общем плане и живописной, асимметричной объемной композиции воплощены традиционно-русские приемы. Ансамбль Кремля, свободно раскинувшийся на высоком холме у реки, не производит впечатления статичной замкнутости, присущей западноевропейским замкам и крепостям этого времени. Изменение в зависимости от рельефа высоты стен и башен, где каждая башня имеет неповторимо индивидуальный облик, придает архитектурному ансамблю живописный силуэт, одновременно и монументальный, и динамичный. Свободное сочетание архитектурных объемов, отсутствие какой-либо симметрии в архитектурной композиции



3. Московский Кремль. Вид Соборной площади. Фотография начала XX в.

создает каждый раз все новые точки обозрения (рис. 3). Живописный ансамбль Кремля с его златоглавыми соборами, причудливыми теремами, разбросанными среди зелени садов, опоясанный зубчатыми стенами и башнями, был органически связан с посадом и в то же время контрастно выделялся на фоне мелкой, разбросанной деревянной застройки и своим величественным обликом наглядно выражал идею централизованной власти — «представительницы порядка в беспорядке» (Энгельс).

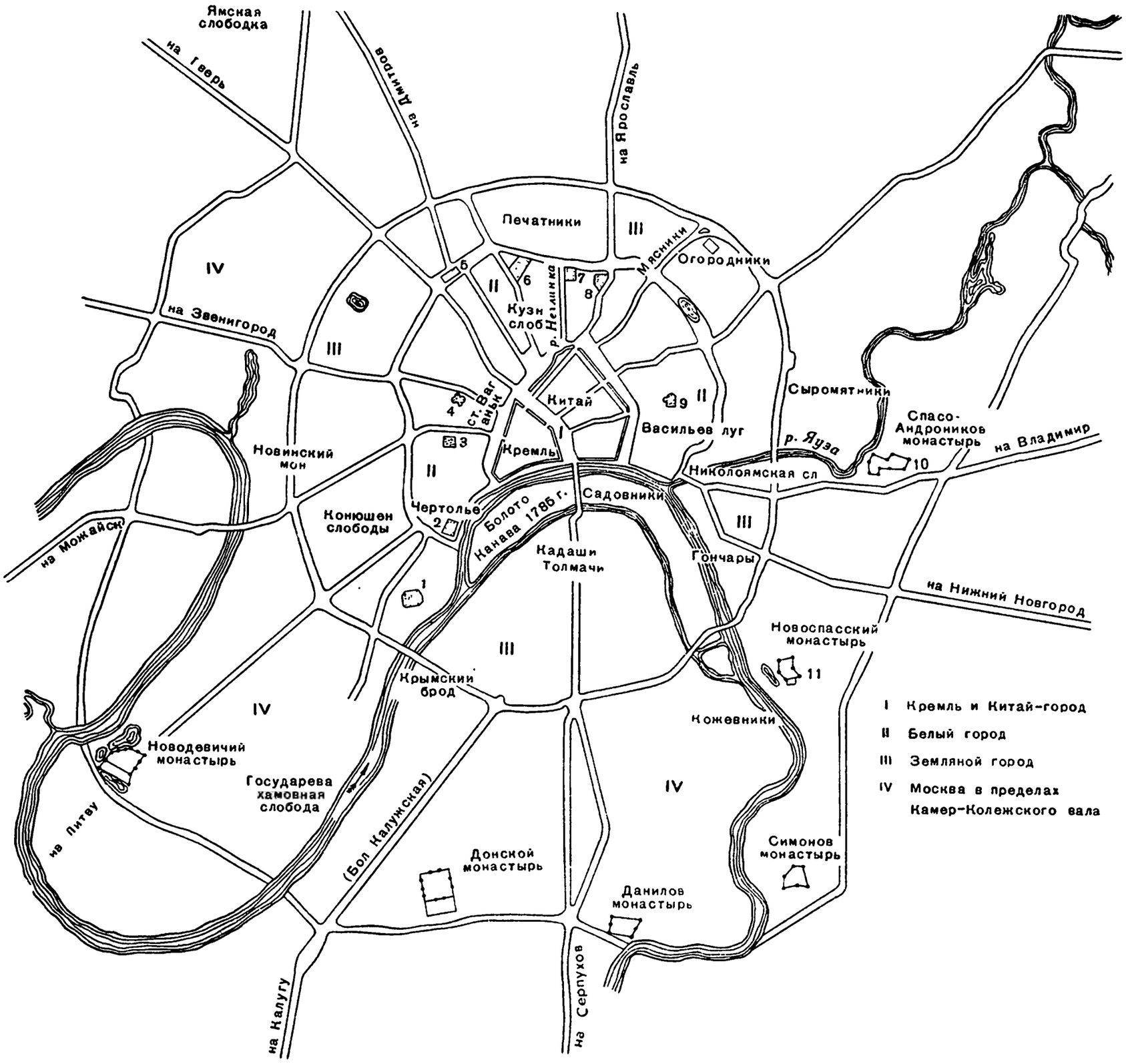
Одновременно с возведением новых кремлевских стен и башен была освобождена от застройки значительная зона вокруг Кремля. В 1493 г. специальным указом была полностью снесена городская застройка против Кремля по правому берегу р. Неглинной на расстоянии более 200 *м* от берега, а через два года освобождена от застройки территория против Кремля за Москвой-рекой. Эти крупные градостроительные мероприятия имели важное оборонное значение, создавая открытое пространство вокруг крепости. Одновременно это имело также и противопожарное значение, изолируя Кремль от окружавшей его сплошной деревянной застройки посада, где пожары были обычным явлением, достигая при сухой и ветреной погоде катастрофических масштабов.

Таким образом, архитектурный ансамбль Кремля оказался еще более выделен среди городской застройки и тем самым было положено начало государственному регулированию застройки города. Массовый снос большого количества жилых домов, церквей и лавок вокруг Кремля вызвал сильное недовольство жителей посада и духовенства. Однако это не остановило дальнейшего регулирования правительством городской застройки. Было проведено выпрямление и расширение главных радиальных улиц московского посада и продолжавших их улиц Кремля. Вероятно, ни в одной другой европейской стране того времени градостроительная деятельность не была подчинена столь властно и решительно общегосударственным задачам. Успешному проведению таких мероприятий способствовали два обстоятельства: государственная собственность на все городские земли, а также преобладание в городе мелкой деревянной застройки, снос или передвижение которой не представляли больших материально-технических трудностей.

С ростом экономического значения торгово-ремесленного центра столицы — Великого посада, оборона его от вражеских нападений приобретала важнейшее значение. Здесь были сосредоточены ремесленные мастерские, лавки и обширный Гостиный двор для русских и иноземных купцов, а по соседству с Кремлем располагалась главная торговая площадь столицы. В 1535—1538 гг. под руководством зодчего Петрока Малого и при активном участии торгово-ремесленного населения были выстроены укрепления Великого посада, получившие название Китай-города.

Новые укрепления опоясали каменной стеной с башнями, сухим рвом и валом всю территорию Великого посада — более 60 *га* — и примкнули к восточной стене Кремля. Таким образом, правительственно-церковный и торгово-ремесленный центры столицы объединились в кольце каменных укреплений. Кремль выделялся высокими, стройными башнями и стенами, торжественным ансамблем церковных и дворцовых сооружений, расположенных на высоком холме. Примыкавший к Кремлю Китай-город занимал более низменную, но обширную территорию с наиболее плотной и скученной деревянной застройкой, окруженной невысокими, приземистыми стенами и башнями новой крепостной стены (рис. 4).

В середине XVI в. на обширной площади, отделявшей Кремль от посада, получившей позднее название Красной площади, было выстроено мемориальное сооружение в честь «казанской победы» — Покровский собор — одно из самых выдающихся, национально-своеобразных сооружений древнерусского зодчества, ставшее связующим звеном между архитектурными комплексами, расположенными в центре города и составляющими его сердцевину. На рубеже XVI



4. Москва. Схематический план города с монастырями. Северное кольцо монастырей: *1* — Зачатьевский; *2* — Алексеевский; *3* — Крестовоздвиженский; *4*—Никитский; *5* — Страстной; *6* — Высокопетровский; *7* — Рождественский; *8* — Сретенский; *9* — Ивановский; *10* — Спасо-Андроников монастырь; *11* — Новоспасский монастырь

и XVII вв., когда была надстроена до современной ее высоты (около 80 *м*) колокольня Ивана Великого в Кремле, кремлевский ансамбль еще более выделился в силуэте города. Пятиярусная колокольня, возвышающаяся над уровнем Москвы-реки на 122 *м*, явилась величественной высотной композицией, объединившей в качестве основной вертикальной оси архитектурный ансамбль кремля и в продолжении нескольких столетий оставалась самым высоким сооружением Москвы, господствовавшим в силуэте города.

В конце XVI в. городской посад столицы был обнесен каменными стенами Белого города по линии современного Бульварного кольца и одновременно было создано и третье, деревянное кольцо московских укреплений по линии современного Садового кольца, опоясавшее многочисленные ремесленные слободы за пределами Белого города. Три кольца укреплений сделали столицу Русского государства мощной крепостью, ее укрепленная территория занимала около двух тысяч гектаров. Огромные размеры города поражали иностранцев, посещавших Москву. Так, в начале XVI в. польский ученый Матвей Меховский писал, что Москва «вдвое больше чешского города Праги и Флоренции в Тоскане», англичанин Ченслер, дважды посетивший Москву в середине XVI в., утверждал, что Москва «больше Лондона с его предместьями», а француз Маржерет, бывший в Москве в самом начале XVII в., считал, что внешнее кольцо московских укреплений больше парижского. Укрепленная территория Парижа достигала в то время 500 *га*.

Ансамбль Кремля неотделим от города, он сливается с ним в одно органическое целое. Господствующая роль кремля в структуре средневекового русского города сказывается не только в плане, где он является центральным узлом городских магистралей, но и в общем силуэте города, где архитектурный ансамбль кремля всегда выделяется своими монументальными сооружениями среди рядовой застройки посада. Это характерно и для деревянных кремлей, которых всегда было несравненно больше, чем каменных. Каменные кремли строились только в наиболее значительных городах — в крупных экономических центрах или важных узловых пунктах обороны, в остальных городах строили укрепления кремлей из дерева вплоть до конца XVII в., когда военно-оборонительные и административно-политические функции кремля постепенно теряют свое значение.

Во второй половине XVI в., после покорения царства Казанского и несколько позднее — Астраханского, начинается освоение и заселение вновь приобретенных земель по среднему и нижнему течению Волги, где закладывается ряд новых, хорошо укреп ленных городов. В конце XVI и начале XVII в. особенно широко градостроительная деятельность развертывается в Западной Сибири. После покорения Сибирского ханства (1582 г.) московское правительство начинает систематически отправлять за Урал своих посланцев для выбора подходящих мест и закладки новых городов с целью колонизации богатого пушниной края. Выбрав подходящее место, посланные должны были «город и острог на чертеж начертить и всякие крепости выписать, где станет город», после чего отправить в Москву, где эти проекты рассматривались и утверждались (рис. 5).

Место для закладки нового города выбиралось не только с учетом его географического расположения на водных и сухопутных путях, выгодных условий для его обороны, но также с учетом лучшего обеспечения хозяйственно-бытовых потребностей будущего населения. Кроме того, учитывалось также и красивое расположение города; так, например, о выборе места для закладки нового города — Красноярска в Москву сообщалось, что место выбрано «на реке Енисее, на яру; место угоже, высоко и красно и лес близко всякой есть, и пашенных мест, и сенных покосов много». В конце XVI — начале XVII в. в Западной Сибири был заложен ряд городов, таких, как Тобольск (1587), Тюмень (1586), Пелым (1592), Тара и Сургут (1594), Верхотурье (1598), Мангазея-Туруханск (1600), Томск (1604), Кузнецк (1618), Красноярск (1629) и др. Многие из них со временем стали крупными культурно-экономическими центрами этого обширного и богатого края.

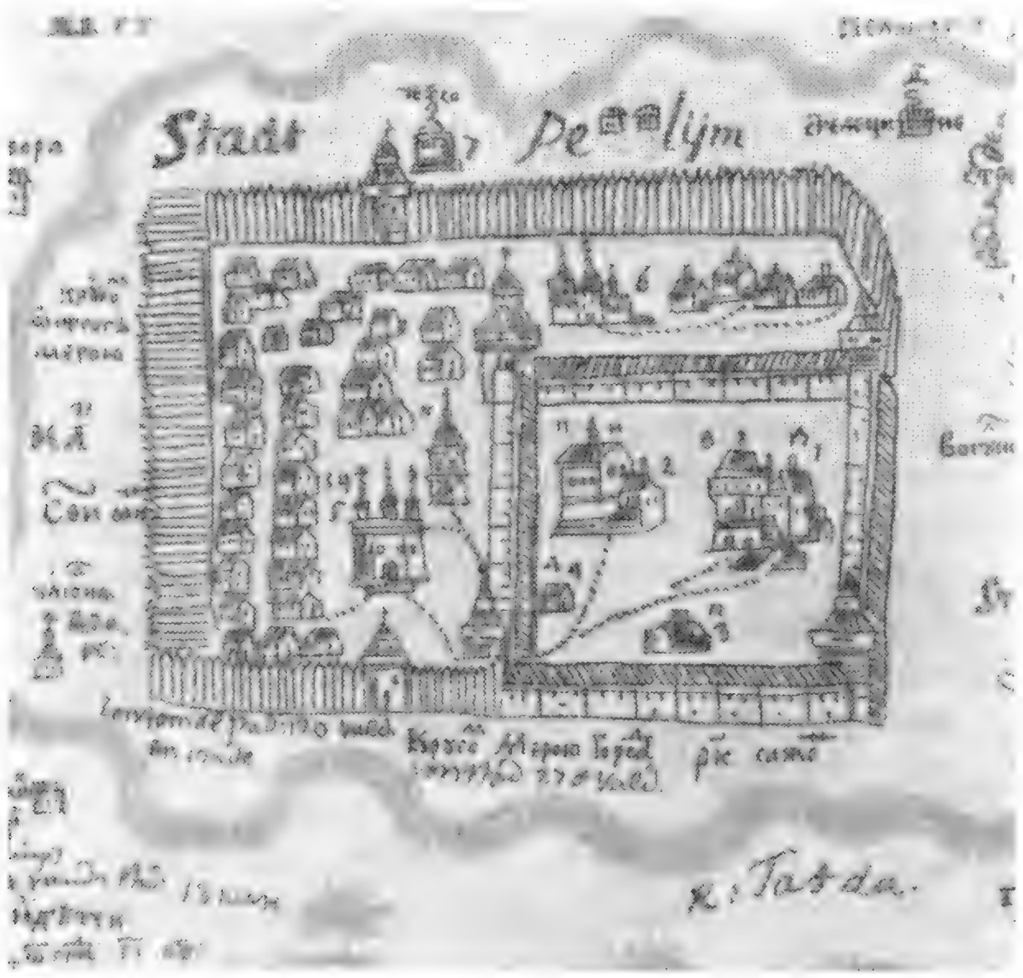
В сибирских городах деревянное укрепление, которым обносился посад, иногда дополнялось внутренней крепостью, по своим функциям соответствовавшей древнерусскому кремлю. Но во многих новых городах внутренняя крепость отсутствует и появляется новая система прямолинейной планировки улиц и жилых кварталов (Тара, Тюмень, Пелым, Красноярск). Нередко эти новые черты регулярности городской застройки сочетаются с приемами свободной планировки, приспособленной к специфическим условиям местной топографии, как это можно видеть на плане Тобольска, относящемся к концу XVII в., или на чертеже того же времени, изображающем Красноярск. Система прямоугольной планировки кварталов в новых сибирских городах, не имеющих внутренней крепости, получит дальнейшее развитие в градостроительстве XVIII в. и постепенно вытеснит традиционную центрическую радиально-кольцевую систему планировки средневекового города.

Крепостное зодчество. Объединение отдельных земель в единое централизованное государство происходило в условиях почти непрерывной борьбы с внешними врагами — с Ливонским орденом, захватившим Прибалтику и закрывшим выходы к морю, с татарскими ханствами — Казанским, Астраханским, Крымским, совершавшими опустошительные набеги на южные и восточные окраины страны и даже на Москву.

С подчинением удельных княжеств Москве последняя берет на себя заботы по обеспечению безопасности всех государственных границ. Если в период феодальной раздробленности существовал ряд не связанных между собой местных оборонительных центров, то уже в конце XV в. как в строительстве новых, так и в реконструкции старых укрепленных пунктов наблюдается стремление к созданию единой общегосударственной системы обороны. В последней четверти XV в. и первой четверти XVI в. постепенно перестраиваются старые укрепления на северо-западной границе,

создается новый оборонительный пояс городских и монастырских крепостей вокруг Москвы, строится сложная система укреплений Засечной черты на юго-востоке.

В строительстве деревянных укреплений помимо уже устаревших к этому времени фортификаций в виде глубоко врытых в землю и заостренных вверху бревен, плотно примыкающих одно к другому и называемых тыном «стоячим» или «косым», широко применяется система дерево-земляных укреплений в виде «городней» и «тарасов». Крепостная стена из городней представляла собой род срубов, приставленных друг к другу по периметру крепости, засыпанных землей и камнем внутри с деревянным настилом поверху. При рубке стены «тарасами» отдельные срубы заменялись двумя параллельными бревенчатыми стенами, соединенными внутри поперечными стенками примерно через каждые 6 *м*. Образованная таким образом внутренняя клетка-сруб засыпалась подобно городне землей и камнем, поверх стены устраивался «мост» с «забороламн», т. е. с бревенчатой стеной с бойницами. Устройство крепостной стены тарасами было более экономичным и совершенным, так как двойные поперечные стенки городней подвергались более быстрому гниению. Устройство стен тарасами впервые упоминается в середине XVI в. и постепенно вытесняет более древнюю систему городней.



5. Города Тара и Пелым (по рисункам Ремезова)

В это же время в крепостном зодчестве начинает применяться в крупном масштабе сборное строительство из заранее заготов-

6. Архангельск. Деревянная крепость (по рисунку XVII в.)

ленных элементов. В 1550 г. по стратегическим соображениям потребовалось быстро выстроить крепость Свияжск на ближних подступах к столице Казанского ханства. Новую крепость необходимо было строить на виду у противника, поэтому быстрота ее возведения имела чрезвычайно важное значение. В связи с этим строитель крепости Иван Выродков применил здесь, по-видимому впервые в таком крупном масштабе, предварительную заготовку всех строительных элементов и конструкций для крепостных стен, башен, а также и для жилых, административных и церковных построек внутри крепости. Все необходимые для новой крепости сооружения были полностью заготовлены зимой за тысячу километров от места постройки в богатом лесом районе Углича. Весной 1551 г. все это в разобранном и пронумерованном виде было сплавлено вниз по Волге к месту строительства, и потребовалось всего около 28 дней для того, чтобы почти на виду у противника неожиданно возник укрепленный город «нов и хитр строением».

Строительство нового города и его укреплений в такой поразительно короткий срок свидетельствует о большом мастерстве русских плотников и одновременно о прекрасной организации строительных работ. О том, что в деревянном крепостном строительстве русские плотники достигли большого совершенства, свидетельствует один из иностранцев, посетивший в конце XVI в. деревянную крепость Архангельска, бывшего в то время единственным морским портом Московского государства: «Постройка из бревен превосходна: нет ни гвоздей, ни железных скреп. Все так хорошо сделано, что нечего похулить. Ни один наш архитектор не сделает лучше того, как они делают». Деревянные укрепления Архангельска были выстроены в 1583—1584 гг. по чертежам, утвержденным в Москве (рис. 6).

В то время как отдельные укрепления на северо-востоке и оборонительные линии укреплений на южных и восточных окраинах состояли из деревоземляных сооружений, дополненных в системе Засечной черты естественными препятствиями в виде рек, болот и лесных завалов, на северо-западных рубежах, учитывая значительно более высокую военную технику противника, возводились преимущественно каменные крепости. Участившиеся в середине XV в. нападения Ливонского ордена на пограничные русские города вынуждают московское правительство обратить особое внимание

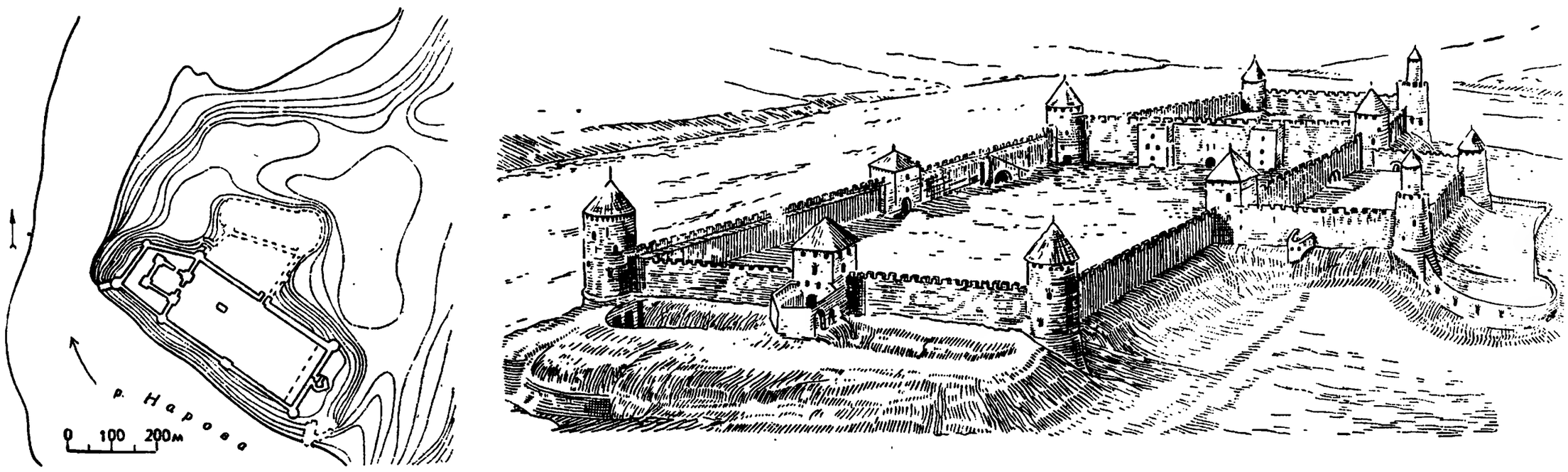
на усиление северо-западного оборонительного пояса. В 1492 г. здесь, «на немецком рубеже» так же с необычайной быстротой, как и в Свияжске, в один строительный сезон была возведена каменная крепость Ивангород. Новая крепость на высоком берегу пограничной р. Нарвы, против крупной военной базы Ливонского ордена — Нарвского замка, стала важнейшим узлом обороны северо-западных рубежей Русского государства. Геометрически правильный квадратный план крепости с четырьмя также квадратными в плане башнями по углам был необычен для русского крепостного зодчества. В 1496 г. небольшая крепость была обстроена новыми стенами, но уже с круглыми башнями по углам. Однако и новая, значительно более обширная территория сохранила прямоугольный план, где свободно располагались жилые постройки для гарнизона, административные здания и церковь (рис. 7).

Впервые примененный в Ивангороде прием строго симметричной, регулярной планировки не получил широкого распространения в русском крепостном зодчестве XVI в. В целом крепостное строительство XV—XVI вв. следует традиционным принципам свободной планировки, обусловленной рельефом местности, с использованием естественных препятствий, а в архитектурной композиции — живописной асимметрии, естественно возникающей в результате наиболее удобного расположения и целесообразной взаимосвязи отдельных сооружений. Все эти принципы получили наиболее блестящее завершение в строительстве нового Московского Кремля.

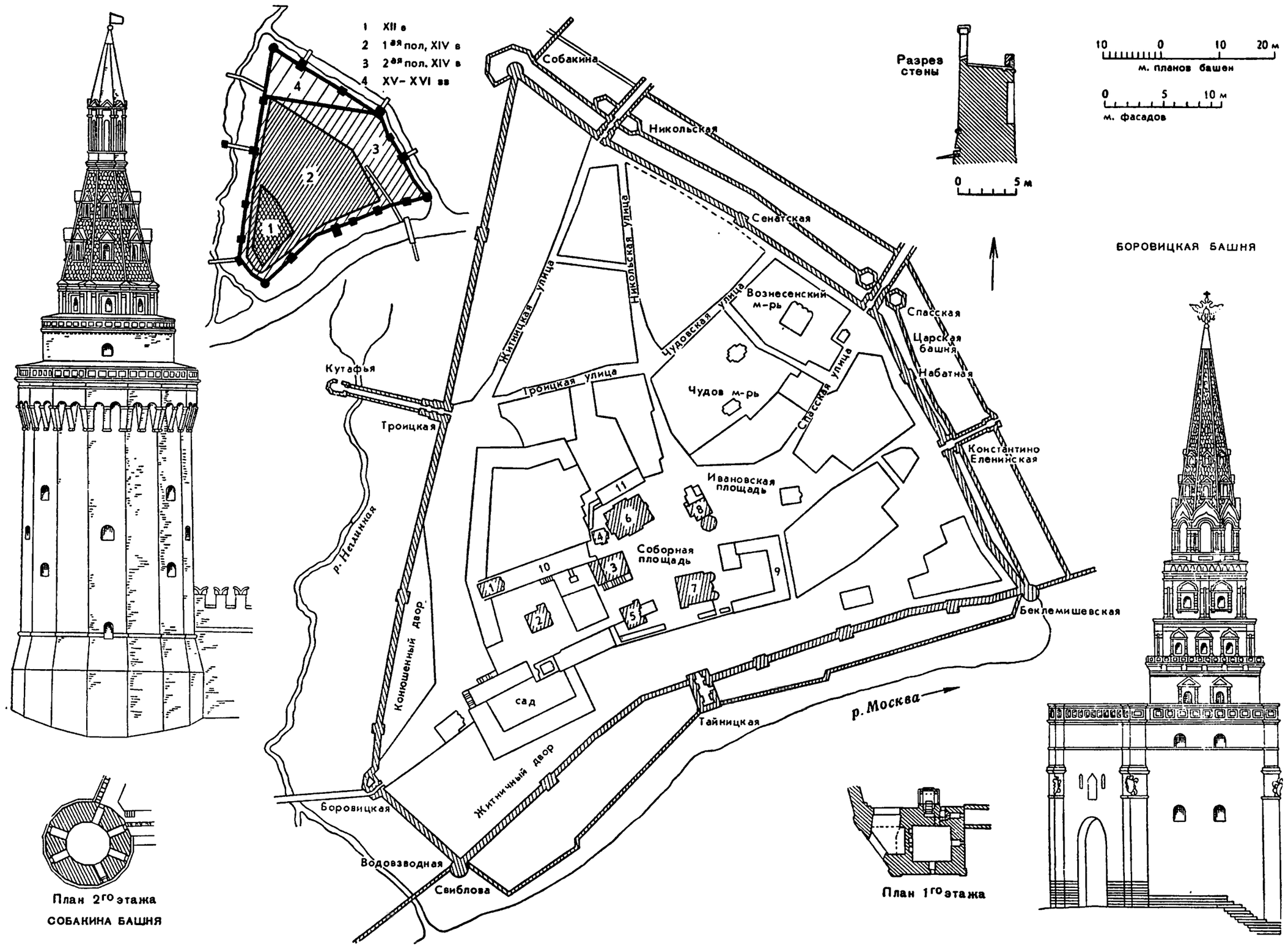
С превращением Москвы из обычного центра удельного княжества в столицу объединенного государства на первый план выдвигается задача создания нового архитектурного облика Московского Кремля — общерусского правительственного и церковного центра. Военная обстановка также требовала срочной перестройки сильно обветшавших кремлевских укреплений, возведенных еще до появления на Руси огнестрельного оружия. В XV в. развитие артиллерии изменяет старую тактику осады и обороны крепости и соответственно меняется крепостная архитектура — утолщаются стены, устраиваются мощные откосы в их нижней части, делаются специальные амбразуры, бойницы верхнего и нижнего боя.

Новые кремлевские укрепления, впервые в русском крепостном зодчестве выстроенные из кирпича, были возведены в 1485—1495 гг. под руководством итальянских зодчих, из которых нам известны Марк Фрязин (1484—1491), Антонио Джиларди из Виченцы (Антон Фрязин, 1485—1488), миланцы — Пьетро Антонио Солари (Петр Фрязин, 1490—1493) и Алоизий ди Каркано (Алевиз, 1494—1508). Кроме перечисленных мастеров в строительстве кремлевских соборов участвовали болонец Аристотель Фиораванти (1475—1485) и венецианец Алоизий (Алевиз Новый, 1504—1508).

Строительство новых укреплений не внесло существенных изменений в общую планировку Кремля, за исключением некоторого расширения территории в северо-восточной части. План Кремля, площадь которого увеличилась до 27 *га,* сохранил старую форму треугольника, занимающего возвышенный мыс при впадении р. Неглинной в Москву-реку (рис. 8). Углы треугольника крепостных стен закреплены тремя круглы-



7. Крепость Ивангород, 1492—1507 гг. (реконструкция В. В. Косточкина)



8. Москва. Генеральный план Кремля: *1* — церковь Рождества; *2* — церковь Спаса на Бору; *3* — Гранови-тая палата; *4* — церковь Ризположения; *5* — Благовещенский собор; *6* — Успенский собор; *7* — Архангельский собор; *8* — колокольня Ивана Великого; *9* — Приказы; *10* — Терема; *11* — Патриаршие палаты

ми башнями, выступающими из плоскости стены. Каждая сторона кремлевского треугольника имеет пять башен, причем средняя башня каждой стены является проездной и дополняется наружной пристройкой — отводной стрельницей. Кремлевские стены имеют 18 башен, расстояние между которыми обусловлено взаимодействием фланкирующего огня двух соседних башен. В зависимости от меняющегося рельефа местности и соображений военно-оборонительного характера высота крепостных стен, выложенных с откосом в нижней части, изменялась от 6 до 17 *м* (с зубцами) при толщине от 3 до 5 *м*. С внутренней стороны стены имеют характерную для русских крепостных сооружений глухую аркаду с боевой площадкой вверху, ширина которой варьируется от 2 до 4 *м*. Кирпичные стены выложены на белокаменном цоколе с внутренней забуткой из булыжника и белокаменного лома на известковом растворе.

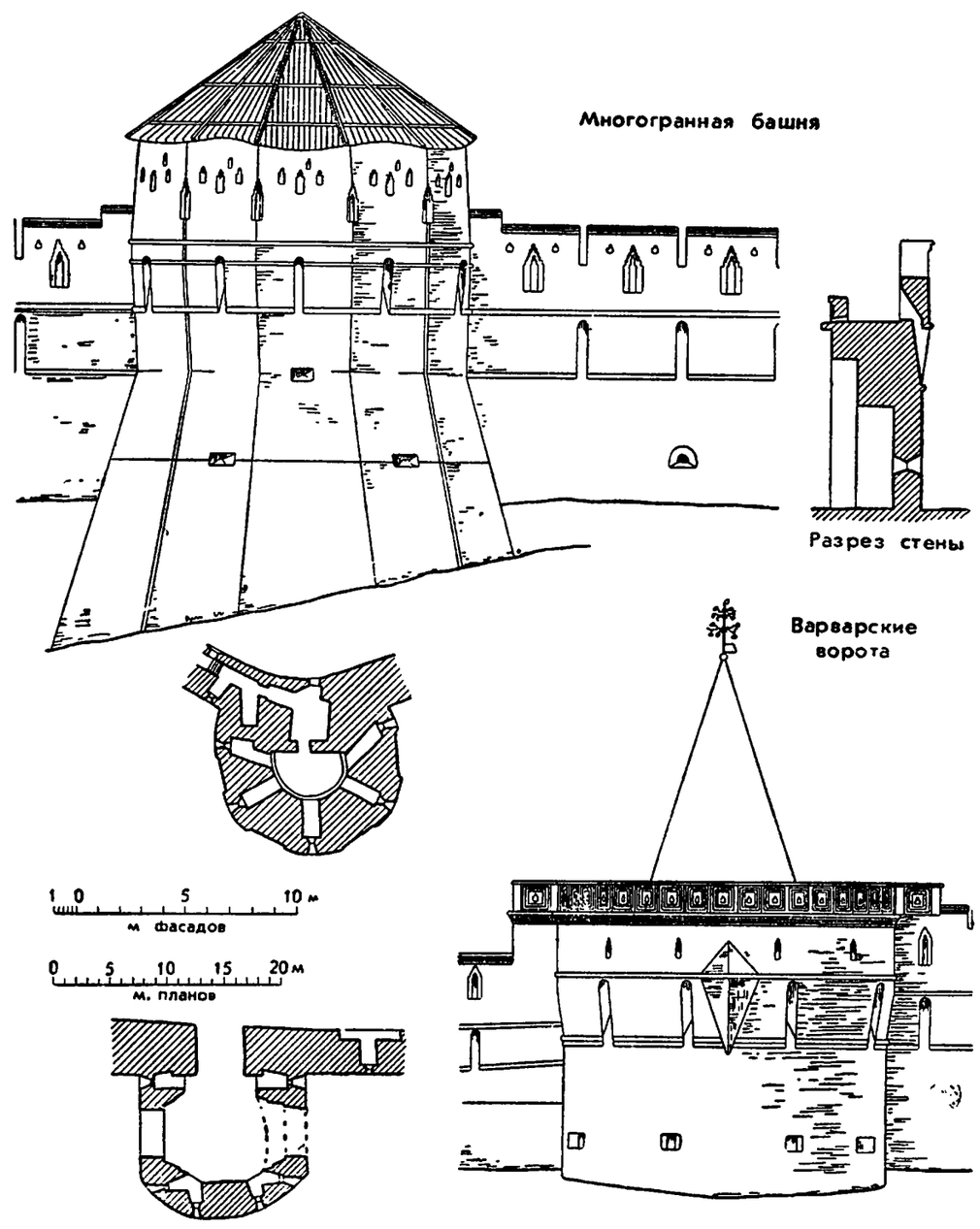
В восточной стене Кремля, обращенной к Великому посаду, т. е. главной торгово-ремесленной части столицы, были выстроены три проездные башни, из которых главные, парадные ворота (Фроловские или Спасские) располагались в центре и завершались высокой деревянной надстройкой с часами. Современное каменное шатровое завершение Спасской башни, как и других кремлевских башен, относится к XVII в. До этого башни, как и стены, завершались двурогими зубцами и имели деревянную скатную кровлю. Южная стена кремля, обращенная к Москве-реке, имела только одни

проездные ворота — Тайницкие, где был устроен потайной ход к реке и колодезь для снабжения водой во время осады крепости. Двое ворот северной стены Кремля также имели специальное назначение. Троицкие ворота были связаны с двором митрополита, а Боровицкие служили хозяйственными воротами великокняжеского двора. К Троицким воротам вел каменный мост через р. Неглинную, построенный в 1516 г. одновременно с предмостным укреплением — Кутафьей башней.

При впадении в Москву-реку р. Неглинная отклонялась в сторону от кремлевского холма, образуя низменный мыс, который мог быть использован противником во время осады крепости. Поэтому вдоль крепостной стены в 1508 г. здесь был устроен ров, соединивший обе реки. Второй, еще более глубокий и широкий ров, выложенный белым камнем и кирпичом, был вырыт вдоль восточной стены кремля — со стороны «приступа». После устройства плотины на р. Неглинной ров наполнялся водой и вся территория кремлевского треугольника превращалась в укрепленный остров. Окруженный водой, с высокими стенами и башнями, снабженными навесными бойницами, с подъемными мостами в проездных башнях восточной стены, окованными железом дубовыми воротами и опускными железными решетками — «герсами» Московский Кремль стал неприступной крепостью — одной из самых обширных и мощных в Европе.

Оборонительная система Московского Кремля в целом отвечала требованиям фортификационного искусства XV в. Крепостная архитектура кремлевских стен и башен имеет несомненно общие черты с итальянским крепостным зодчеством того времени, и в частности с замком Сфорца в Милане, построенном в середине XV в. и хорошо знакомом ломбардским зодчим, работавшим в Москве. Однако архитектура уже отставала от быстрого развития фортификационной науки — почти одновременно с кремлевским строительством в Москве Леонардо да Винчи делает обмеры и исследования укреплений Миланского замка и в 1502 г. предлагает уже новую систему фортификаций, которая удержалась в европейском крепостном зодчестве вплоть до XVIII в.

Построенные несколько позднее под руководством зодчего Петрока Малого укрепления торгово-ремесленного центра столицы — Китай-города (1535—1538) в отношении фортификационной техники являлись шагом вперед по сравнению с кремлевскими укреплениями. Низкие и толстые стены Китай-города с 12 приземистыми гранеными башнями, завершенные мерлонами, с навесным и нижним боем, окруженные сухим рвом и земляными бастионами, были построены с учетом новых фортификационных требований, впервые предложенных Леонардо да Винчи и разработанных в трактатах Франческо ди Джорджо Мартини и Альбрехта Дюрера. Аналогичная система земляных бастионов применяется в это же время в строительстве новых крепостей на западных границах, таких, как Себеж (1535) и Стародуб (1536). Стены Китай-города протяженностью свыше 2,5 *км* в среднем не превышали 9 *м* в высоту, имея свыше 6 *м* толщины. С внутренней стороны в стенах были устроены глубокие ниши-печуры для установки пушек «нижнего боя», чего не имели кремлевские стены. По верху стены проходила боевая площадка шириной свыше 4 *м*, защищенная мерлонами с амбразурами для верхнего боя и навесными стрельницами (машикули) для



9. Москва. Башни и стена Китай-города, 1535 — 1538 гг., зодчий Петрок Малый

«косого» боя, чего также не было у ранее выстроенных кремлевских стен (рис. 9).

Следующим после Кремля и Китай-города кольцевым укреплением столицы были стены и башни Белого города, построенные в 1585—1593 гг. под руководством «городового мастера» Федора Коня. Не сохранившиеся до нашего времени стены Белого города были, по-видимому, кирпичные с белокаменной облицовкой. Они имели 27 башен при общей длине свыше 9 *км*. Как и укрепления Китай-города, стены были окружены сухим рвом шириной 15 *м* и глубиной 5 *м*. Стены были выложены с откосом, имея в основании ширину около 6 *м* и вверху 4,5 *м*. Павел Алеппский, видевший укрепления Белого города в середине XVII в., сообщает, что эта крепостная стена «изумительной постройки, от земли и до половины высоты сделана откосом, а с половины до верху имеет выступ и потому на нее не действуют пушки. Ее бойницы, в коих находится множество пушек, наклонены к низу... Ворота не прямые, а устроены с изгибами и поворотами и непременно имеют решетчатую железную дверь, которую опускают и поднимают посредством во́рота».

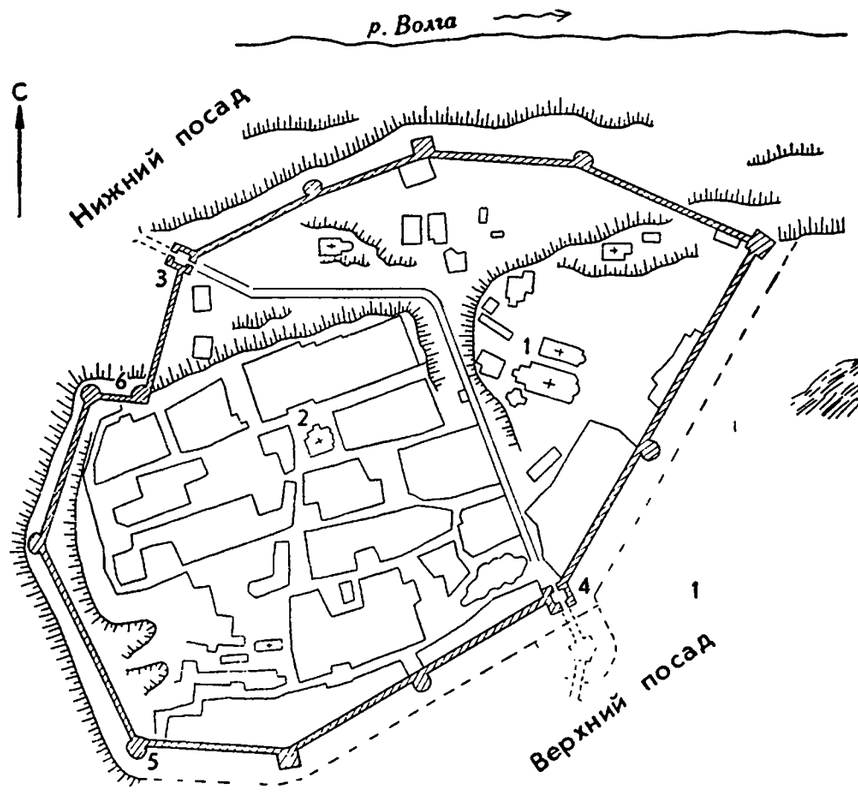
Стены Белого города имели 10 проездных башен на пересечении с главными радиальными улицами посада. Однако к этому времени городской посад слился уже с ремесленными слободами, ранее бывшими за чертой города. Укрепления Белого города не смогли охватить разросшуюся территорию московского посада и в 1591 г. — сразу же после одного из неожиданных татарских набегов, когда незащищенные слободы были разграблены и сожжены — было построено третье и самое большое кольцо городских укреплений протяженностью 15 *км*, получившее название Скородом. Его дубовые стены и 27 башен были срублены в течение года и были окружены снаружи сухим рвом и земляным валом.

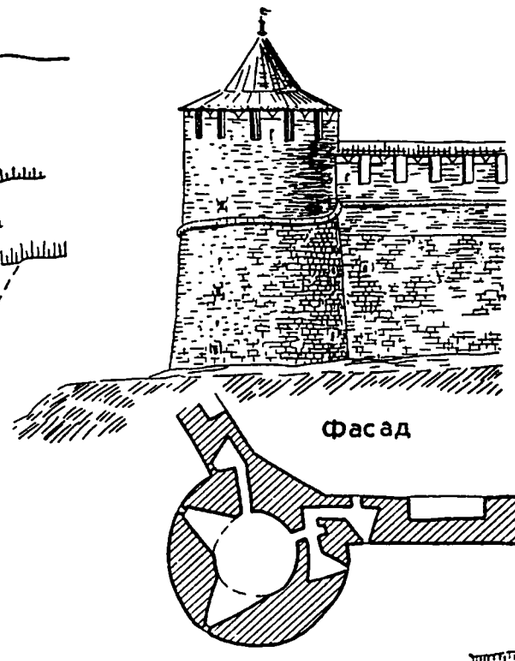
Крепостное строительство занимает значительное место в каменном зодчестве XVI в. Развитие артиллерии вызывает необходимость коренной перестройки ряда старых крепостей на северо-западных границах. Начиная с реконструкции укреплений Новгорода и создания новой крепости Ивангорода, где работы ведутся одновременно со строительством Московского Кремля, позднее постепенно и последовательно подвергаются коренной реконструкции старые укрепления Ладоги, Копорья, Орехова, Ямa, Пскова, Изборска, Острова и Великих Лук. Новая крепость Ивангород стала звеном, соединившим северный участок оборонительной линии с западным, и таким образом было создано мощное полукольцо боевых форпостов, защищавшее русские земли от агрессивных устремлений Ливонского ордена и Швеции, подобно тому как укрепления Засечной черты защищали юго-восточные рубежи от татар. Организация такой линейной системы военно-оборонительных сооружений, включающей отдельные крепости, укрепленные города, монастыри и различные естественные препятствия, была большим достижением русской фортификационной науки и архитектурно-строительной практики по сравнению с прежними изолированными центрами обороны отдельных феодальных владений, что было характерно для Руси периода феодальной раздробленности и для западноевропейских государств даже и в XV—XVI вв.

Сложная система оборонительных линий, созданных в XVI в. на северо-западных и юго-восточных окраинах страны и на ближних подступах к Москве, свидетельствует не только об энергичных действиях центрального правительства, но и о большой творческой работе русских зодчих «градодельцев», построивших в это время каменные укрепления кремлей в Нижнем Новгороде (1500—1511), Туле (1514—1521), Коломне (1525—1531), Зарайске (1531), Серпухове (1556), Казани (1555), Астрахани (1582—1589), Смоленске (1595—1602) (рис. 10, 11, 12, 13).

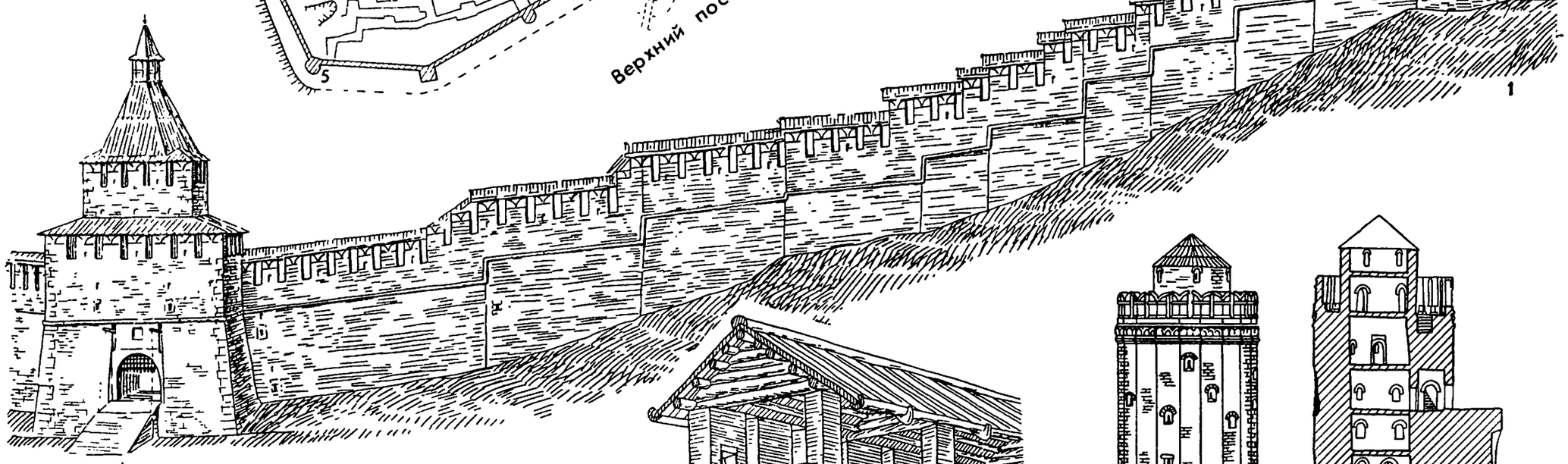
В государственной системе оборонительных линий важную роль играли также монастырские крепости, которые до XVI в. были в основном деревянными и только с этого времени в наиболее богатых монастырях их начинают заменять каменными. Возведение каменных укреплений вокруг монастырей приобретает широкий размах во второй половине XVI в., когда резко обостряются классовые противоречия в связи с усилением феодальной эксплуатации, облеченной в юридическую форму крепостного права, и это приводит к открытым крестьянским восстаниям против феодального гнета. Поэтому крепостные стены богатых монастырей возводились не только с целью обороны от внешних врагов, но и для защиты церковных богатств от стихийных крестьянских восстаний. Раньше других каменные укрепления возводят богатые под-

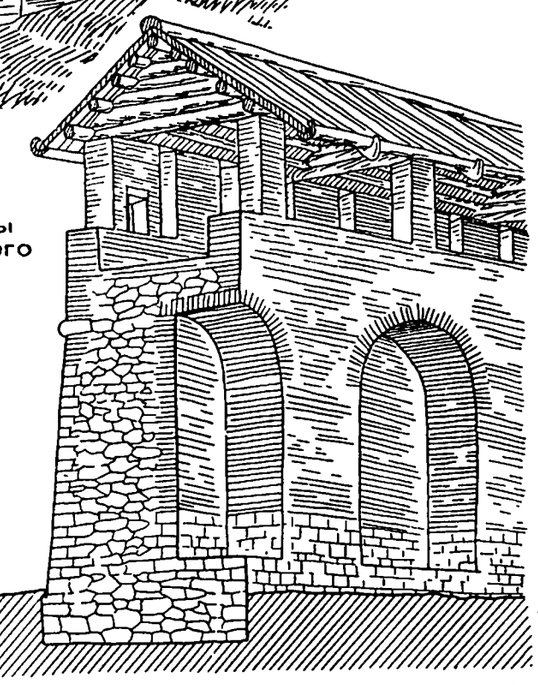
1. Спасский собор
2. Архангельский собор
3. Ивановские ворота
4. Дмитровские ворота
5. Коромыслова башня
6. Часовая башня



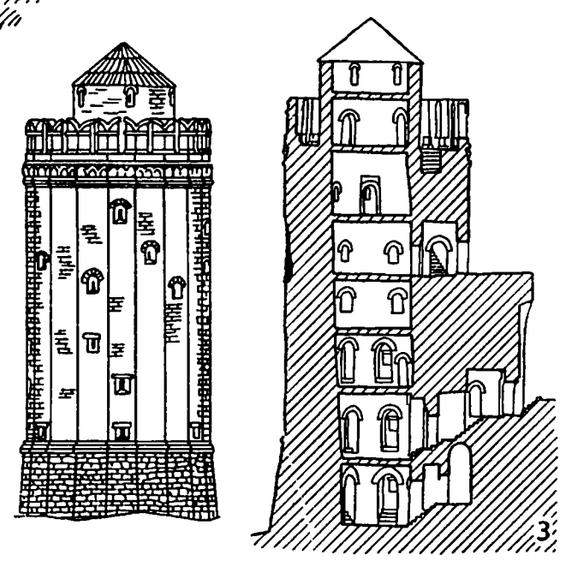


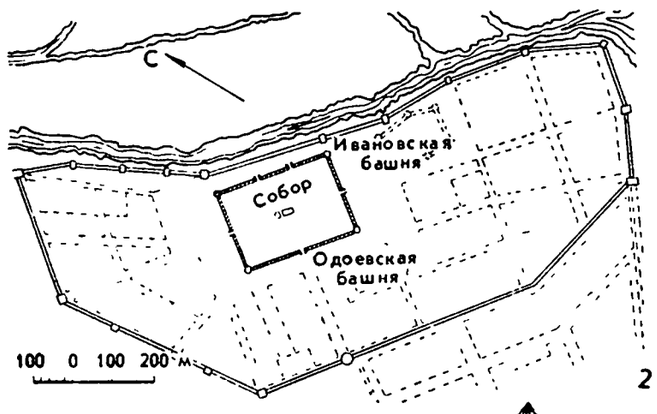
Нижегородский кремль



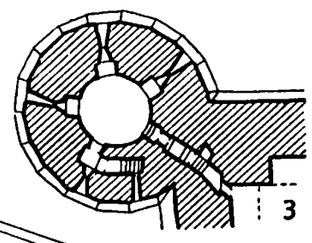


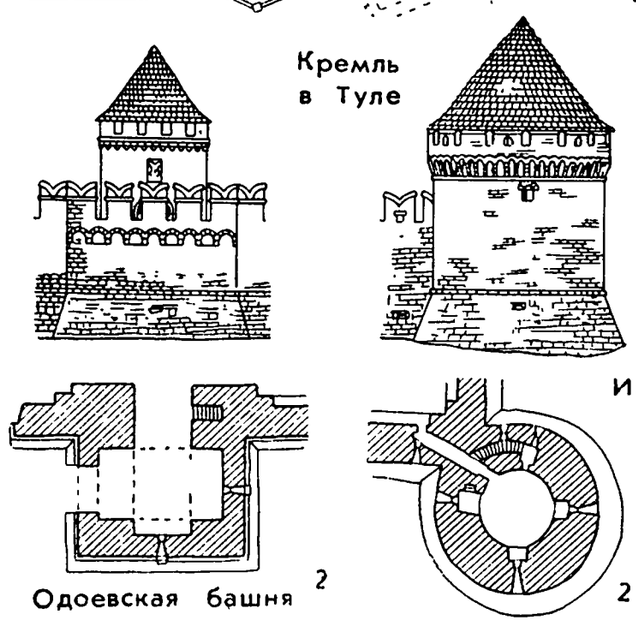
Разрез стены Нижегородского кремля



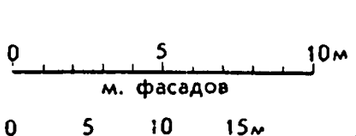


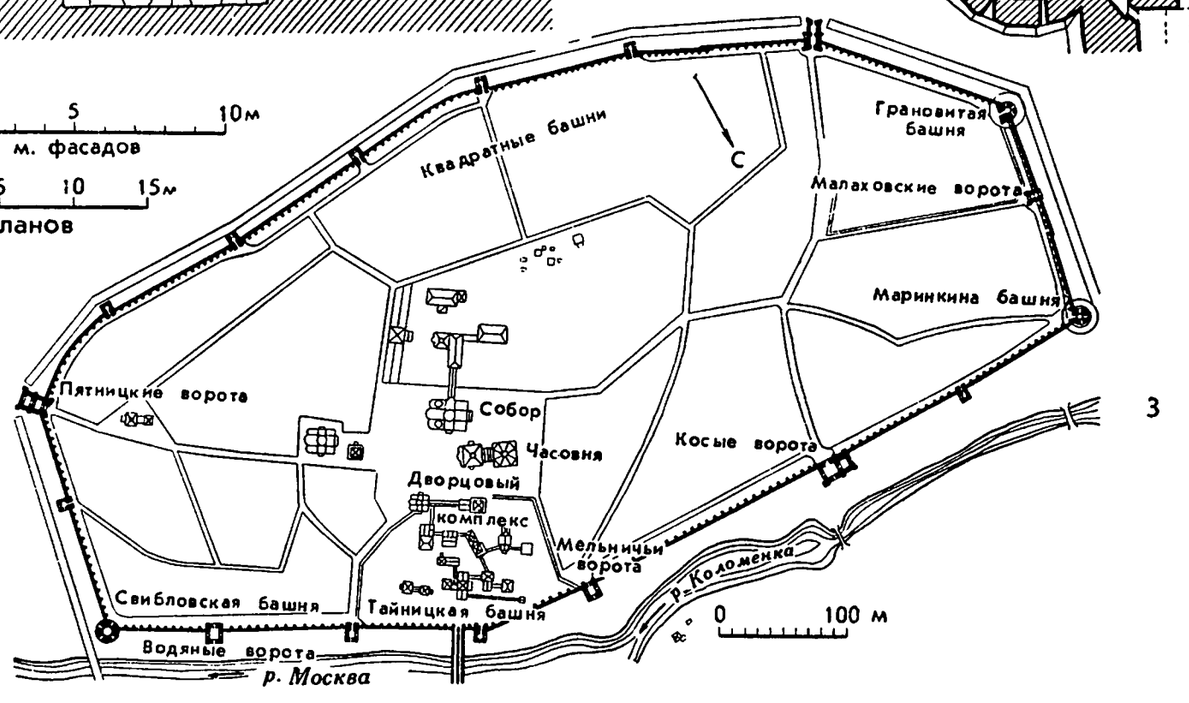
Кремль в Коломне





Кремль в Туле





10. Кремли: в Нижнем Новгороде, 1500—1511 гг. (реконструкция С. Л. Агафонова); в Коломне, 1525—1531 гг.; в Туле, 1514—1521 гг. (реконструкция А. М. Харламовой)

московные монастыри, имевшие важное стратегическое значение в обороне столицы, — Троице-Сергиев (1540—1550), Иосифов-Волоколамский (1543—1566), несколько позднее Симонов и Пафнутьев-Боровский (рис. 14).

11. Серпухов. Кремль, 1556 г.

По своей архитектуре и оборонительному устройству крепостные сооружения монастырей мало отличались от аналогичных городских укреплений. Крепостные стены и башни монастырей, окружающие разнообразные хозяйственные и жилые постройки, сосредоточенные вокруг здания собора в центре, создают живописный архитектурный ансамбль, гармонично связанный с окружающим природным ландшафтом. Реки, озера и специально устроенные системы прудов использовались монастырями не только в хозяйственных целях — они имели также важное значение для обороны, дополняя ее естественными водными препятствиями. Некоторым своеобразием отличаются крепостные сооружения монастырей в более отдаленных от центра местах и в пограничных районах, как, например, в Борисоглебском (1545), Кирилловом—Белозерском (1580—1590), Псково-Печерском (1553—1565), Соловецком (1584—1594) и др. (рис. 15, 16, 17).

Огромный масштаб государственного крепостного строительства, развернувшегося в XVI в. не только в столице, но и на периферии, настоятельная необходимость централизации руководства этим строительством — все это вынуждает правительство создать в 1585 г. специальное строительное учреждение — Приказ каменных дел. Организация Приказа способствовала планированию крупных работ, централизованному учету квалифицированных строительных кадров, более планомерной заготовке строительных материалов и даже введению некоторой стандартизации основных строительных материалов. Создание центрального учреждения обеспечило оперативное руководство наиболее важными с государственной точки зрения объектами строительства.

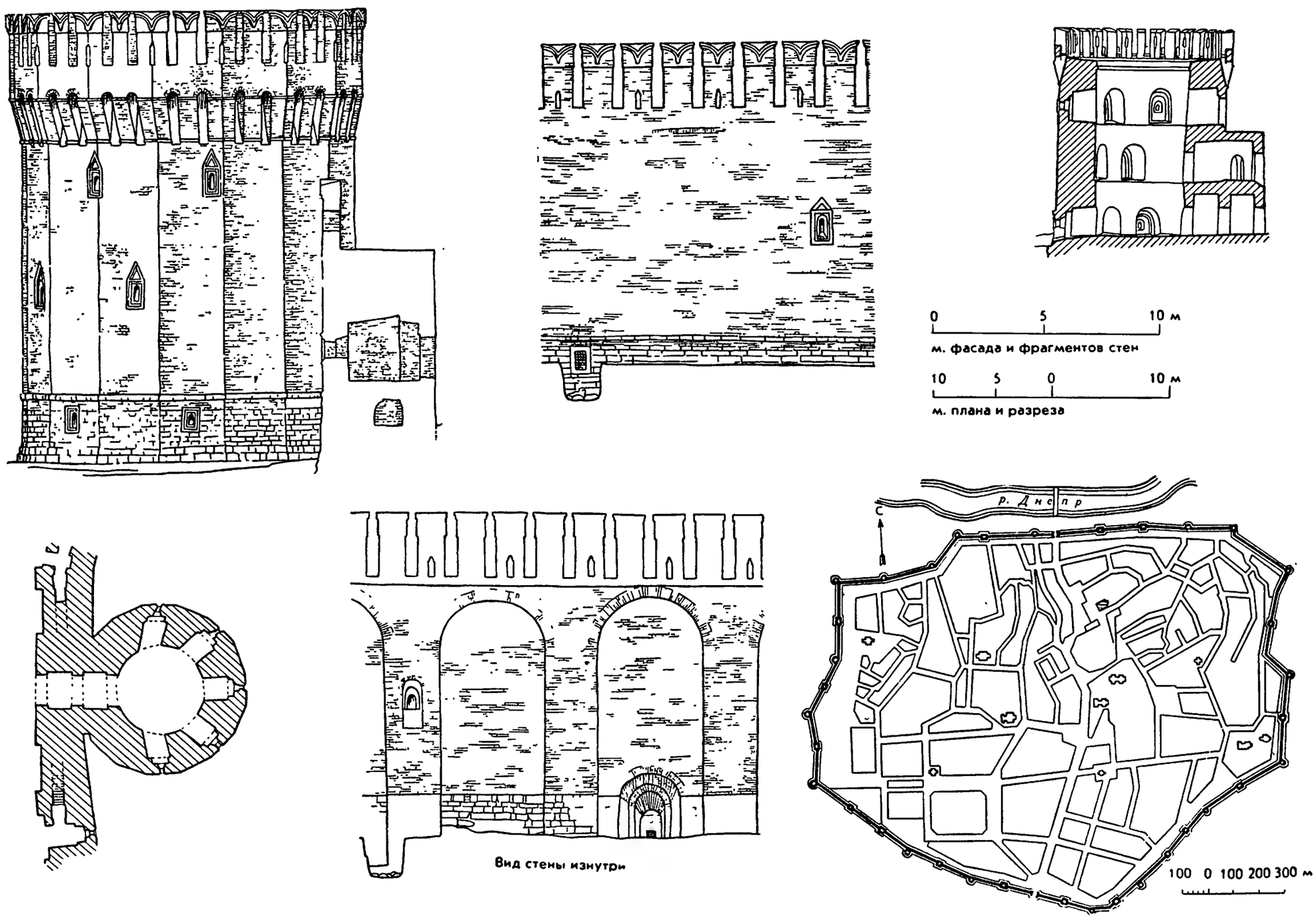
Гражданская архитектура. В русской архитектуре, как и в архитектуре других народов, на всех этапах ее развития самым распространенным и массовым видом строительства было жилое. Основным строительным материалом было дерево, а коллективным зодчим — творческий труд поколений безымянных народных зодчих, создавших своеобразный тип жилого дома — крестьянскую избу.

На протяжении столетий народные плотники совершенствовали свои композиционные и конструктивные приемы, которые постепенно становятся типовыми.

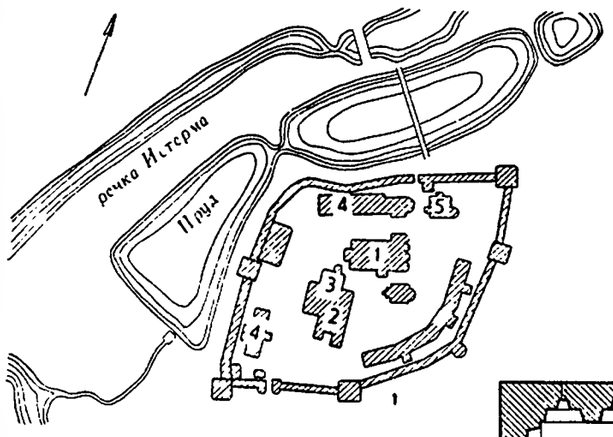
Как планировка жилых и хозяйственных построек, так и их объемная композиция отражали жизненный уклад крестьянина. В лаконичной художественной обработке архитектурных деталей умело сочетались специфические свойства дерева как строительного и декоративного материала. В силу консерватизма и замкнутости сельского быта в крестьянском зодчестве в течение столетий почти неизменно сохранялись ранее выработанные архитектурные приемы, вследствие чего точная датировка памятников деревянного зодчества довольно затруднительна. Народное зодчество развивалось наиболее самобытно, не испытывая каких-либо заметных внешних влияний, и если рубленые деревянные жилые постройки древней Руси имеют некоторые общие черты с аналогичными постройками соседних славянских народов и Скандинавии, то это объясняется в основном близостью жизненных условий — бытовых и климатических, а также применением аналогичного строительного материала.

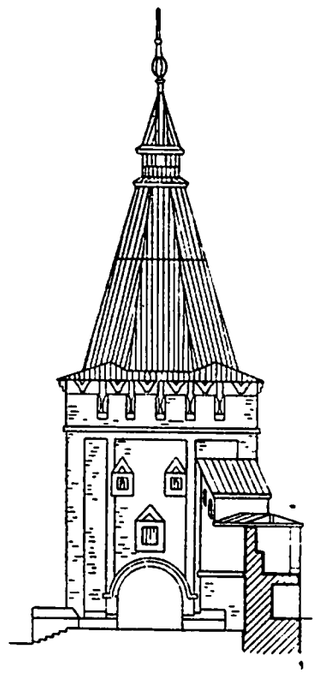
К сожалению, о жилых постройках XV—XVI вв. мы можем составить некоторое

12. Крепость Смоленска, 1595—1602 гг., зодчий Федор Конь

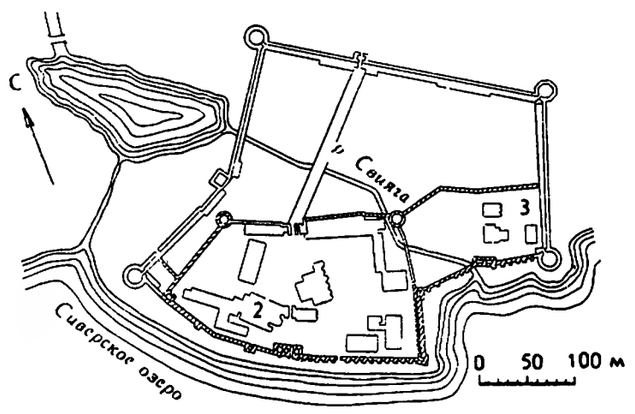


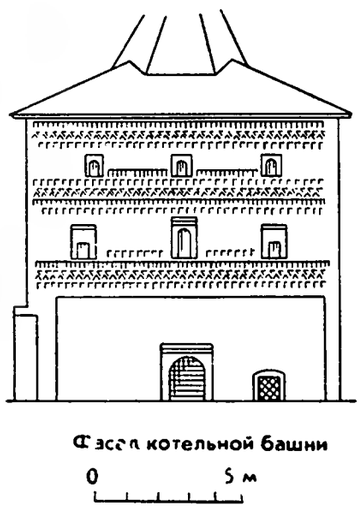
13. Смоленск. Крепостные стены

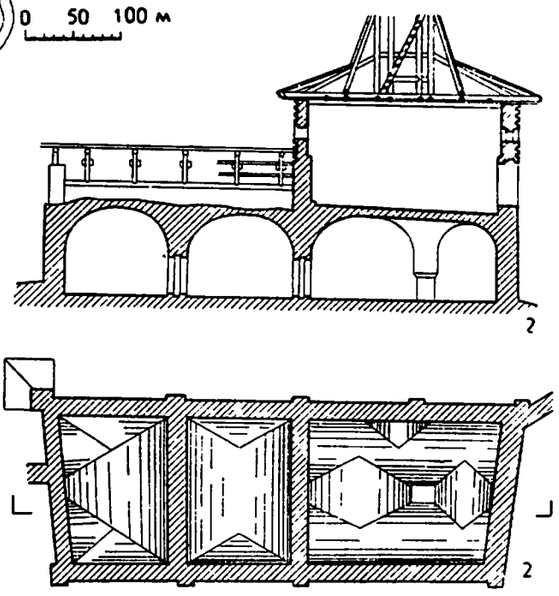




Фасад Георгиевской знаменской башни







14. Пафнутьев-Боровский монастырь, конец XVI в. (*1* и фото), и Кириллов-Белозерский монастырь (*2*)

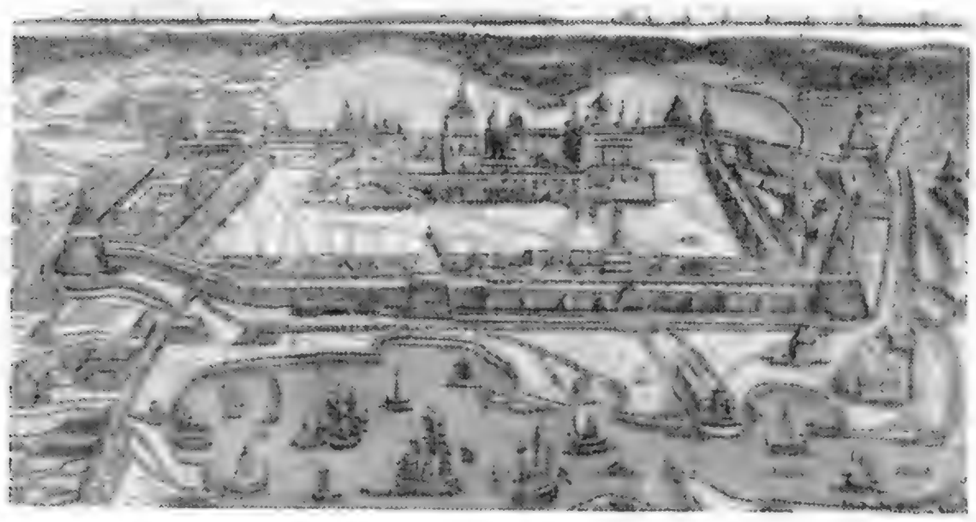
представление только на основании скудных данных археологических раскопок, старинных рисунков и отрывочных замечаний в записках современников, главным образом иноземных купцов и послов. Обычная крестьянская изба этого времени представляла в плане прямоугольный сруб со сторонами 5—6 *м* длины. По середине избы или у входа устраивалась большая печь с лежанкой, топившаяся по-черному, т. е. не имевшая специального дымохода. Вдоль стен стояли широкие деревянные скамьи со столом в переднем, или «красном», углу. Жилые дома более состоятельных крестьян представляли

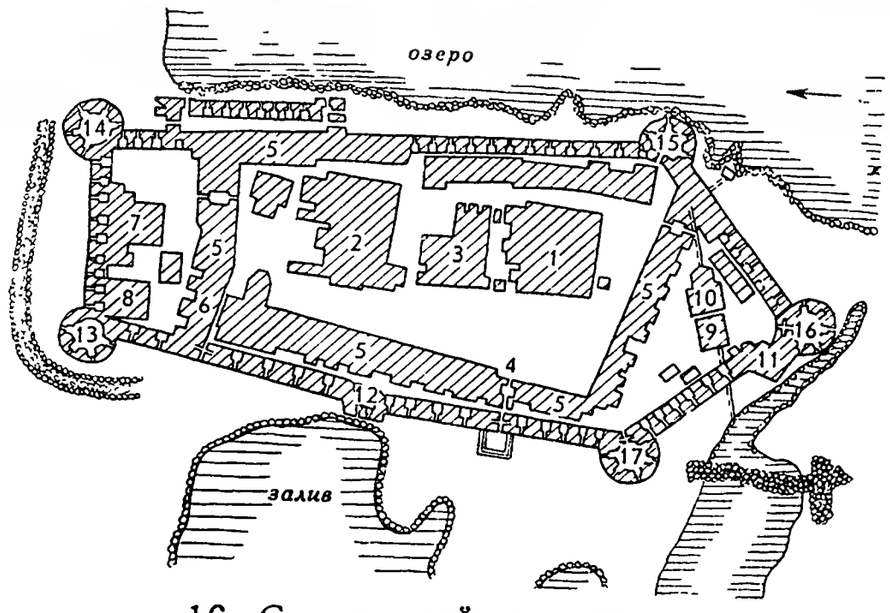
15. Борисоглебский монастырь, зодчий Григорий Борисов. Крепостная стена, 1545 г., вид изнутри

несколько отдельных срубов, поставленных рядом и объединявшихся между собой холодными сенями. К ним примыкали хозяйственные постройки — в зависимости от достатка хозяев дома.

Изба городского ремесленника мало отличалась от обычной крестьянской избы, так же как жилые постройки более состоятельных горожан от более богатого сельского жилья. Английский посол Флетчер так описывает русские жилые постройки конца XVI в.: «дома их деревянные, построены весьма прочно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха. Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты со двора или с улицы. Деревянная постройка для русских, по-видимому, гораздо удобнее, нежели каменная или кирпичная, потому что в последних больше сырости и они холоднее, чем деревянные дома, особенно из сухого соснового леса, который дает больше тепла. Можно выстроить порядочный дом рублей за 20 или за 30 или немного более, даже там, где мало леса».

На рисунке Москвы (Герберштейна), относящемся к началу XVI в., видно много деревянных однотипных домов, состоящих из двух срубов, объединенных сенями, имеющих нижний — подклетный этаж, с





16. Соловецкий монастырь

1 — Преображенский собор; *2* — Успенский собор и трапезная; *3* — Никольская церковь; *4* — Святые ворота; *5* — кельи; *6* — пороховые погреба; *7* и *8* — мастерские палаты; *9* и *10* — мельница; *11* — сушило; *12* — *17* — башни

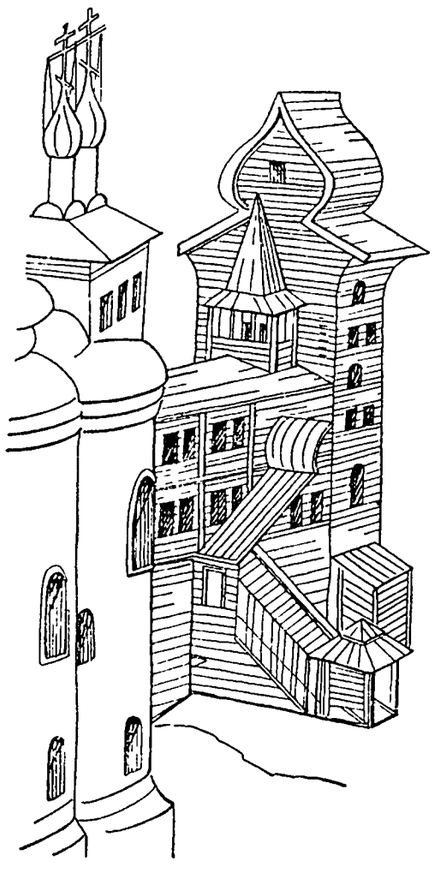
наружной лестницей и крыльцом. На другом рисунке, изображающем Москву в конце XVI в. (так называемый «сигизмундовский

17. Соловецкий монастырь. Крепостная стена и угловая башня, 1584—1594 гг., зодчий Трифон

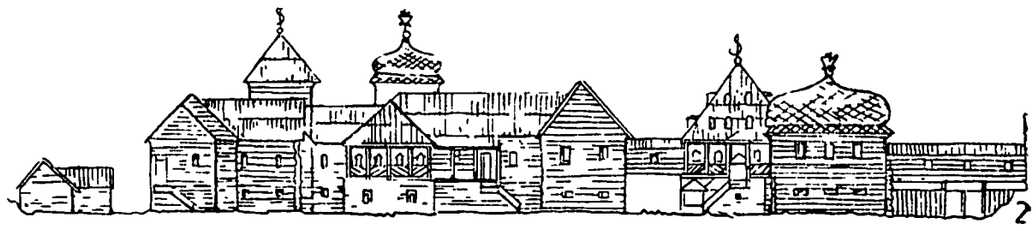
план» Москвы), можно видеть уже более разнообразные типы домов. Трехчастная композиция жилого дома (сруб — сени — сруб) преобладает, наряду с общей двускатной кровлей встречаются и самостоятельные четырехскатные покрытия каждого сруба, крытые крыльца и лестницы, ведущие во второй жилой этаж дома. Некоторые дома имели и третий этаж («чердак» или терем) с рубленными или каркасными стенами из брусьев, забранных тесом.

Хоромы богатых купцов Строгановых, построенные в Сольвычегодске в середине XVI в. и известные нам только по рисунку конца XVIII в. (рис. 18), дают некоторое представление об архитектуре жилых хором высших слоев общества. Это сложный комплекс примыкающих друг к другу трехэтажных срубов с высокой (около 30 *м*) башней на углу, покрытой «бочкой». Рядом с башней внутри хором располагались сени, куда со двора вела крытая лестница с крыльцом, покрытым нарядной шатровой кровлей. Над сенями, по-видимому, возвышался открытый бельведер, увенчанный также высоким шатром.

У нас нет достаточных данных для суждения о внутреннем устройстве древнерусских хором, обстановке и назначении различных помещений. Сохранившаяся опись (1577 г.) царских хором в Коломне дает некоторое представление о сложном комплексе отдельных помещений — срубов, имевших различное бытовое назначение: приемные комнаты, спальные, столовая и ряд других помещений, соединенных между собой сенями и крытыми переходами



18. Сольвычегодск. Хоромы Строгановых (рисунок 1793 г.), XVI в.



19. Коломна. Царские хоромы (реконструкция М. Г. Милославского)

(рис. 19). Парадный архитектурный облик богатых хором, выделявший их среди однообразной рядовой жилой застройки, создавался причудливой формой кровель в виде шатров и бочек, нарядной отделкой крылец, башнями-«повалушами», высотой трехэтажных срубов, большим количеством оконных проемов со слюдяными «окончинами». В крестьянских избах, как и у городской бедноты, для сохранения тепла окна и двери делались небольших размеров, а вместо дорогой слюды узкие «волоковые» окна затягивались бычьим пузырем.

Частые и опустошительные пожары, уничтожавшие деревянную застройку, способствовали каменному строительству. Однако каменные жилые палаты наиболее богатых горожан первоначально, по-видимому, возводились только как парадные покои — для приема гостей и семейных торжеств, а их подклеты использовались как кладовые. Обычные жилые помещения — даже в царском дворце — вплоть до конца XVII в. оставались деревянными. Наиболее ранние сведения о строительстве каменных жилых домов в Москве относятся к середине XV в.

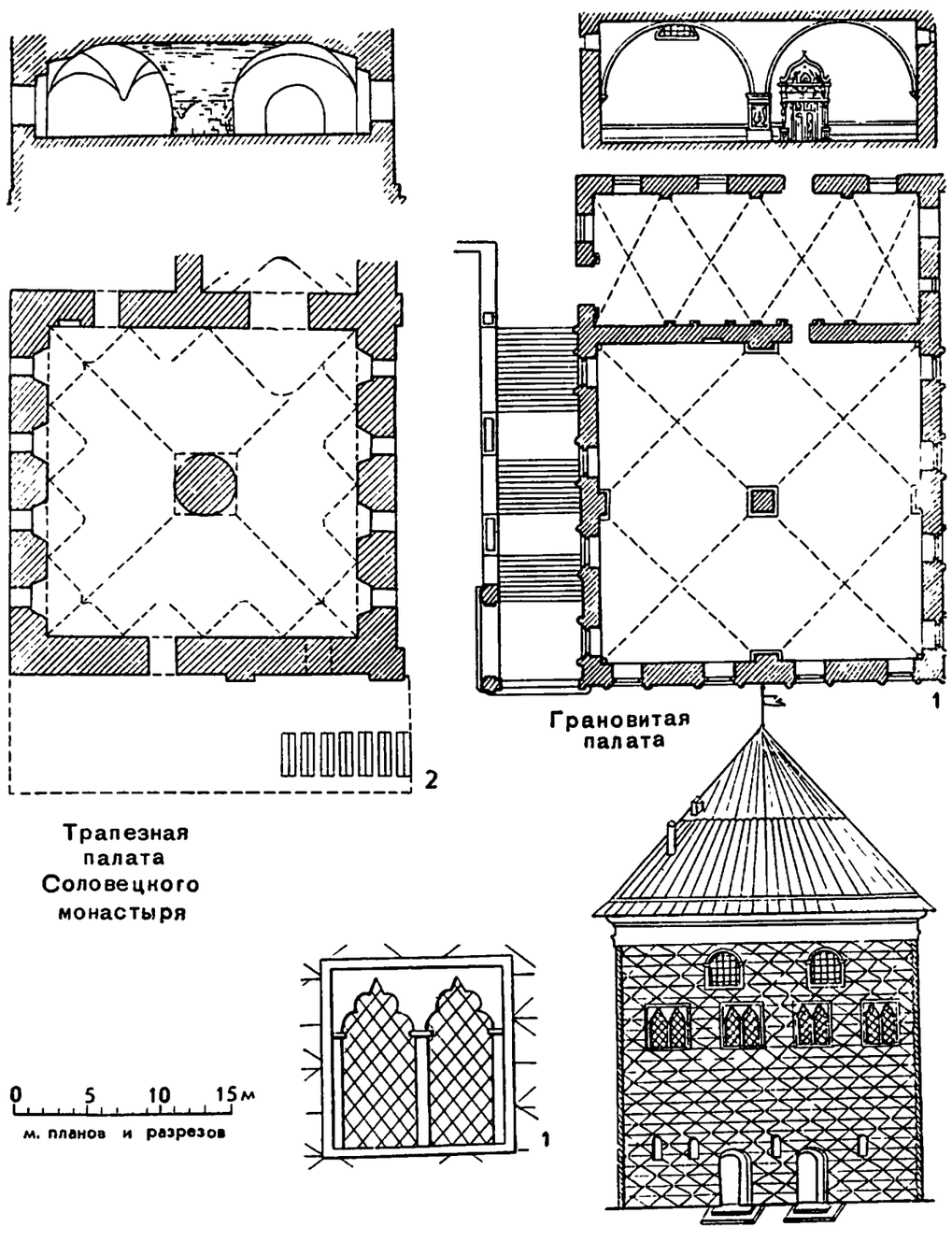
Старый деревянный великокняжеский дворец в Кремле, представлявший сложный комплекс отдельных помещений-срубов, объединенных сенями и переходами, уже не соответствовал новым требованиям парадности и представительности в связи с появлением в Москве пышных посольств из различных европейских государств и женитьбой Ивана III на византийской принцессе, воспитанной в Италии. Строительство нового великокняжеского дворца в Кремле начинается с возведения здания для парадных приемов — Грановитой палаты, заложенной в 1487 г. итальянским зодчим Марком Фрязиным и законченной в 1491 г. известным ломбардским архитектором Пьетро-Антонио Солари (рис. 20).

Двухэтажное кубическое здание Грановитой палаты состоит внутри из двух помещений — сеней-вестибюля и парадного зала, расположенных на втором этаже,

с открытой наружной лестницей, ведущей в сени. Приемный зал Грановитой палаты представляет квадратное в плане помещение площадью около 500 $м^2$, перекрытое системой четырех крестовых сводов, опирающихся на стены и квадратный в плане каменный столб в центре зала. Архитектура Грановитой палаты не имеет каких-либо итальянских черт, если не считать отдельных деталей в отделке фасадов, порталов дверей и наличников окон. В противоположность западно-европейской готике итальянская архитектура XIV—XV вв. не знала одностолпных зальных помещений, в то время как в русской архитектуре XV в. это был, по-видимому, самый распространенный тип общественного зала гражданского назначения — таковы наиболее ранние известные нам одностолпные палаты в Новгороде (1433) и трапезные палаты в богатых подмосковных монастырях — Троице-Сергиевом (1469) и Симоновом (1485). С конструктивной стороны применение центральной внутренней опоры в квадратных помеще-

20. Московский Кремль. Грановитая палата, 1487—1491 гг., Марк Фрязин и П. Солари (реконструкция)

21 Грановитая палата в Московском Кремле



22. *1* — Грановитая палата (по рисунку XVII в.) *2* — Соловецкий монастырь. Трапезная палата

ниях давало возможность относительно легко перекрывать сравнительно большие площади. В продолжении двух столетий зал Грановитой палаты оставался самым большим залом в русской архитектуре.

Стены и своды Грановитой палаты были расписаны фресками, белокаменный пол покрыт плоской резьбой. Вдоль стен на две ступени выше пола стояли скамьи для гостей, а в «красном», правом углу от входа был устроен трон для великого князя. Асимметричное расположение трона в углу зала было данью древней традиции, считавшей «красный» угол главным, наиболее почетным местом в избе. Величественный и торжественный зал Грановитой палаты соответствовал своему назначению главного парадного зала дворца, предназначенного для торжественных придворных церемоний, приема иностранных посольств и важных государственных собраний (рис. 21).

Здание Грановитой палаты своим главным, восточным фасадом обращено на Соборную площадь Кремля. Основой архитектурной композиции площади является сравнительно небольшое, но монументальное здание Успенского собора, построенное А. Фиораванти в 1479 г. Все другие сооружения, окружающие площадь, выстроены несколько позднее и разными зодчими с учетом уже существовавшего собора, но в них отчетливо видно стремление подчеркнуть величие архитектурного облика главного собора более мелкими объемными членениями, деталировкой декоративного убранства фасадов окружающих зданий. Монолитный кубический объем Грановитой палаты, возведенной Марком Фрязиным по соседству с Успенским собором, не представлял каких-либо возможностей для более расчлененной объемной композиции, подобно только что построенному Благовещенскому собору, поэтому заканчивавший постройку Солари сосредоточил внимание на мелкой декоративной обработке главного фасада здания, контрастирующего с простыми, монументальными формами Успенского собора.

Свое название Грановитая палата получила от граненого руста, примененного для облицовки ее восточного фасада, обращенного к Соборной площади. Декоративный прием обработки фасада «бриллиантовым» рустом, возможно, навеян Солари угловыми башнями Миланского замка, в строительстве которого он принимал участие вместе со своим отцом, а также, вероятно, известным ему палаццо Бевильаква в Болонье (1480 г.). Главный фасад здания имел четкое горизонтальное членение на два яруса с гладкой обработкой цокольного этажа. Переделанные в конце XVII в. окна, так же как и форма кровли здания, не сохранили своего первоначального вида (рис. 22). Первоначально оконные проемы имели имposты-колонки посередине, и их декоративная обработка была близка аналогичным деталям итальянских палаццо того времени.

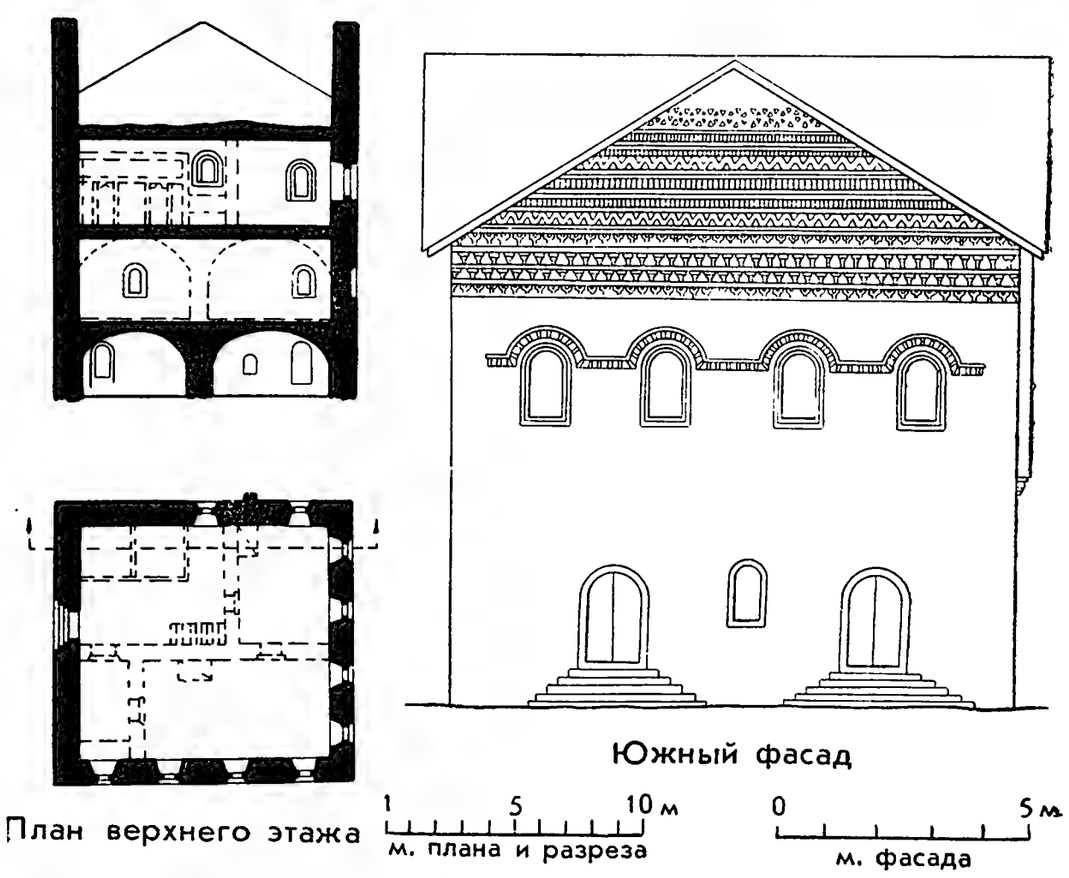
Огромный масштаб строительства новых стен и башен Кремля не давал возможности развернуть одновременную постройку сооружений нового великокняжеского дворца в Кремле, даже после того, как летом 1493 г. опустошительный пожар полностью уничтожил всю деревянную застройку на посаде и в Кремле, в том числе и великокняжеские хоромы. После смерти Солари в 1493 г. в Москву приглашается новый зодчий из Ломбардии Алоизий ди Каркано (Алевиз), закончивший строительство крем-

левской стены вдоль р. Неглинной, начатое его предшественниками. Только после этого он получает задание великого князя построить новый каменный дворец в Кремле наподобие Палаццо дукале Миланского замка. Однако дворцовое строительство было начато только в 1499 г.

В 1508 г. было закончено строительство Каменных палат, составлявших архитектурный комплекс нового дворца: Средней, Наугольной, Столовой, Набережной и т. д., в основном сохранивших наименования прежних деревянных палат старого дворца. Все дворцовые помещения, включая Грановитую палату, располагались на общей площадке, образующей букву П в плане и составлявшей нижний этаж (подклет) дворца, окруженный арочной галереей по периметру внутреннего двора. Таким образом, кроме П-образного плана, двухэтажного объема и аркады внутреннего двора, великокняжеский дворец, построенный ди Каркано в Кремле, пожалуй, не имел других аналогий с миланским палаццо. Использование древних традиций в архитектурной композиции хором как комплекса отдельных помещений — срубов отчетливо сказались в новом каменном дворце. Дворцовый комплекс состоял из отдельных самостоятельных приемных и служебных помещений — палат, поставленных на общем подклете с южной и восточной стороны внутреннего двора, в то время как с северной стороны на той же общей площадке располагались деревянные жилые помещения дворца. В расположении отдельных построек в дворцовом комплексе отсутствовала какая-либо симметрия, последовательность расположения отдельных построек была связана в основном с их практическим назначением.

Вместе с тем влияние итальянского Возрождения сказалось не только в архитектурных деталях, но и в плане прямоугольного внутреннего двора, окруженного с трех сторон аркадой, а с четвертой стороны — каменной стеной с парадными «Гербовыми» воротами, это заметно также и в отделке интерьеров приемных палат нового дворца.

С конца XV в. Москва начинает постепенно занимать ведущее место во всех областях архитектурно-строительной деятельности на обширной территории Русского государства. Укрепления Московского Кремля, новые культовые и гражданские сооружения кремлевского комплекса становятся в дальнейшем образцом для аналогичных



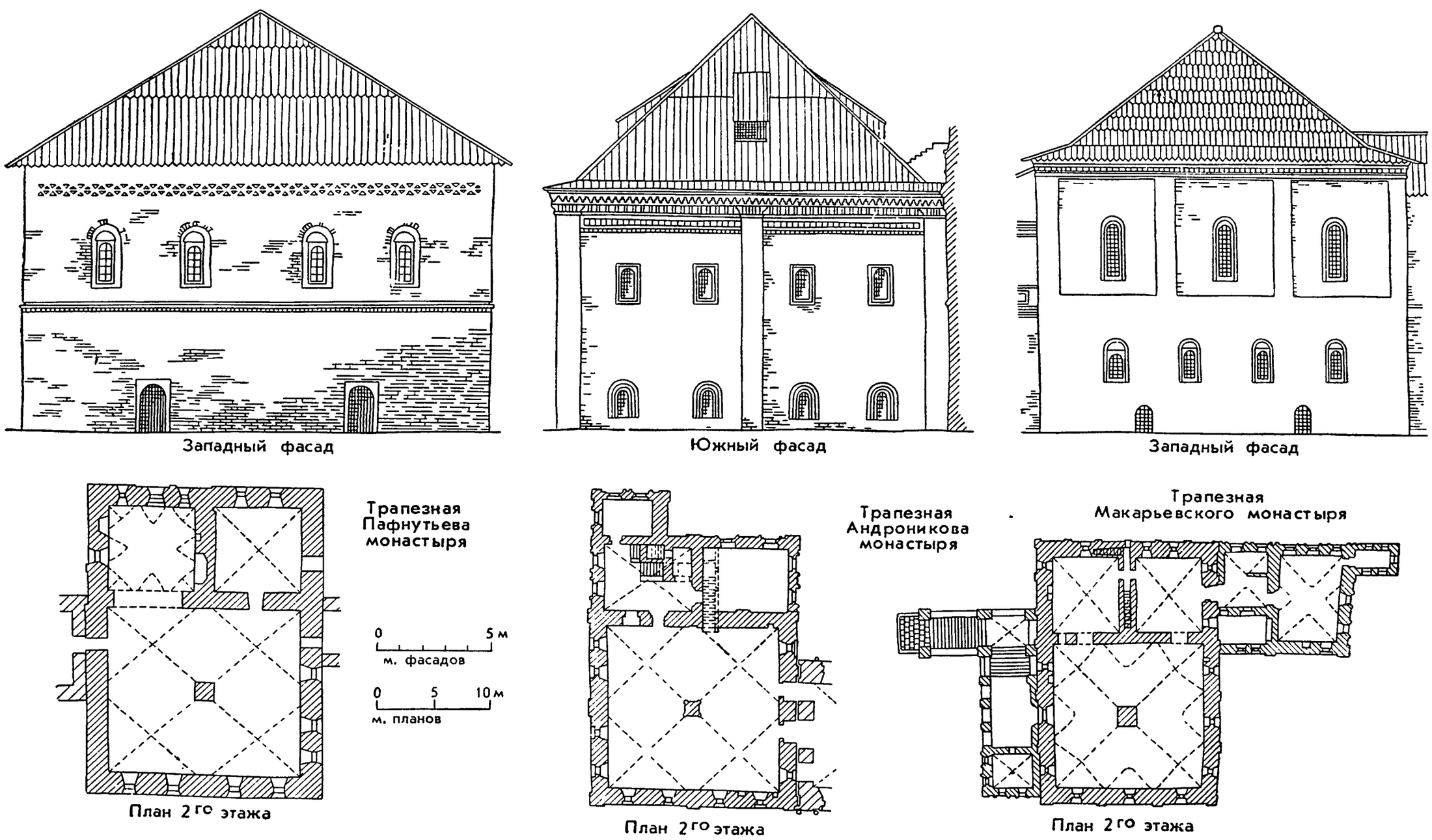
23. Углич. Княжеский дворец (около 1492 г.)

построек за пределами столицы, где местные зодчие более прочно держались старых традиций в архитектурно-строительной деятельности. Архитектурный комплекс сооружений княжеских палат в Угличе, построенный местным удельным князем Андреем Большим в конце XV в., во многом напоминает московский дворцовый комплекс, отличаясь от него только более

скромным масштабом своих построек. Он также состоял из отдельных помещений, в основном деревянных срубов, поставленных на общем каменном подклете вдоль высокого берега Волги внутри углицкого кремля. Княжеские палаты окружали с трех сторон центральную — соборную площадь кремля, замыкаясь с одной стороны придворной церковью — Спасским собором (1485), а с другой — трехэтажным кирпичным зданием приемной палаты (1492, рис. 23).

Основной конструктивной системой перекрытия древнерусских одностолпных палат была система четырех перекрещивающихся цилиндрических сводов, образующих четыре крестовых свода. Так перекрыта Грановитая палата — самый большой одностолпный зал в русской архитектуре. Такая конструктивная система перекрытия давала возможность сосредоточить распорные усилия в нескольких опорных точках: в центральном столпе, углах здания и в середине стены против центрального столпа. Своды обычно выкладывались толщиной в один кирпич, из того же кирпича, что и стены здания, хотя иногда для кладки сводов применялся кирпич меньшего размера. В кирпичные своды включалась и белокаменная кладка — в местах, испытывающих максимальное напряжение, как, например, в опорных пятах сводов.

Помещения одностолпных палат, перекрытых такой системой сводов, даже в наиболее ранних постройках отличались крупными размерами. Так, площадь трапезной палаты Симонова монастыря (1485) — около 150 $м^2$, трапезная Андроникова монастыря (1504—1506) превышает 200 $м^2$, Пафнутьева-Боровского монастыря (1511) — 250 $м^2$, Соловецкого (1552—1557) — около 450 $м^2$. Обширный одностолпный зал площадью около 450 $м^2$ был выстроен в это же время в монастыре Иосифа Волоцкого — вождя и идеолога воинствующей церкви, автора нового монастырского «общежительного устава». Согласно этому уставу, официально принятому в начале XVI в., вводился общий стол-трапеза для всех живущих в монастыре монахов взамен существовавшего ранее самостоятельного индивидуального келейного питания, что вызвало почти повсеместное возведение в монастырях обширных трапезных помещений (рис. 24).

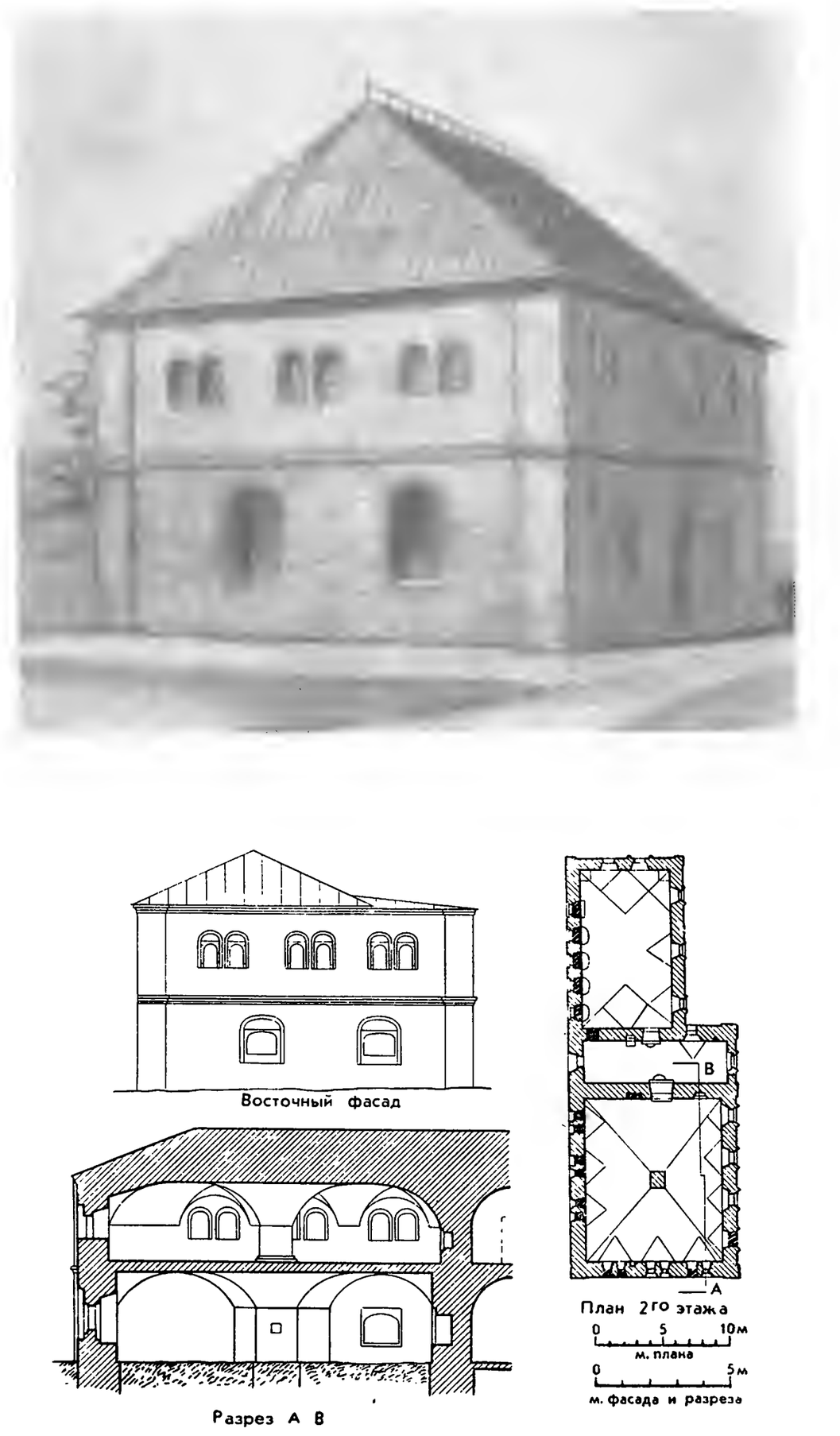


24. Трапезные палаты: Андроникова монастыря в Москве, 1504—1506 гг.; Пафнутьева-Боровского монастыря, 1511 г.; Макарьевского монастыря в Калязине, 1525—1530 гг.

Здание монастырской трапезной обычно было двухэтажным с залом-столовой на втором этаже. Кроме главного зала вверху находилось также два небольших помещения, служивших для хранения и раздачи готовой пищи и хлеба (хлебодарня). Внизу располагались помещения для приготовления пищи и кладовые. Обширный верхний зал имел воздушное отопление: нагретый воздух снизу подавался в верхний зал через специально устроенные каналы в междуэтажном перекрытии и центральном столпе. Первоначально трапезные палаты являлись чисто гражданскими зданиями и не имели внутри каких-либо церковных помещений. Наиболее ранняя каменная трапезная Троице-Сергиева монастыря (1469) была выстроена первоначально без церкви, которая «была прикладена к ней» только в 1621 г. Старая трапезная палата Симонова монастыря (1485 г.) также не имела помещения церковного назначения (рис. 25), а в трапезной Макарьева монастыря в Калязине (1525—1530) только позднее помещение «хлебодарни» перестраивается под церковь. С усилением церковной реакции во второй половине XVI в. новые трапезные палаты, как правило, возводятся с церковным помещением, примыкающим к главному залу, часто без алтарных апсид.

Как интерьеры, так и фасады трапезных палат XVI в. отличаются простотой и лаконизмом архитектурных деталей. Гладкая поверхность стены, иногда расчлененная лопатками, служит фоном для скромных обрамлений оконных проемов, имеет обычно междуэтажное членение в виде профилированной тяги и декоративного кирпичного пояса. В здании трапезной Пафнутьева-Боровского монастыря фасад завершается декоративным фризом из «бегунцов», в московском Андроникове монастыре — нарядным карнизом и поясом из красных изразцовых плиток. Трапезная палата являлась одним из главных сооружений монастырского комплекса и располагалась на центральной площади монастыря, поблизости от собора.

За исключением трапезных палат, почти не сохранилось других памятников гражданской архитектуры XV—XVI вв. Не сохранились до нашего времени построенные в Москве в 1595—1596 гг. Каменные ряды (Гостиный двор) в Китай-городе и Посольская палата в Кремле (1562). О здании



25. Москва. Старая трапезная палата Симонова монастыря, 1485 г. (реконструкция)

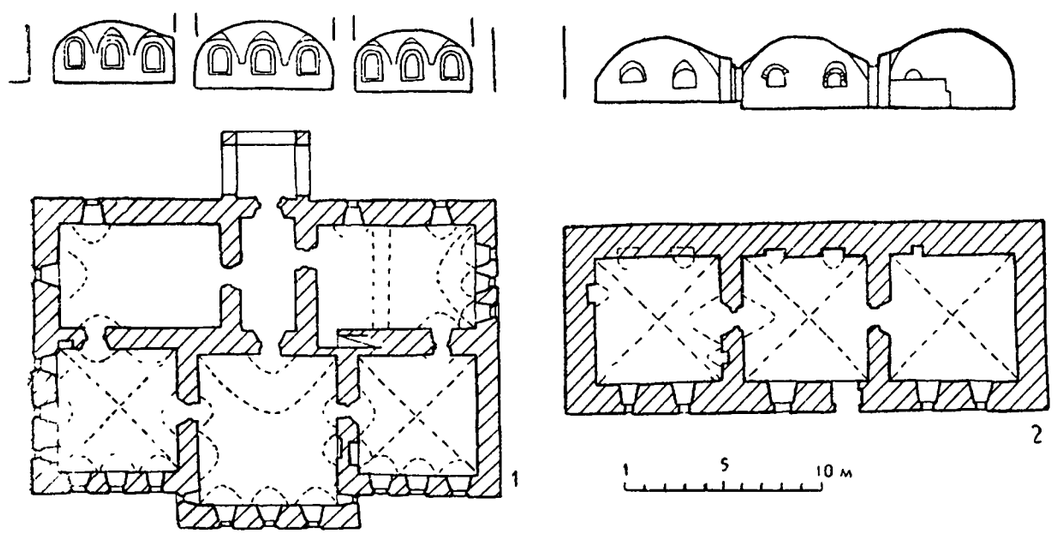
Посольской палаты можно иметь некоторое представление только по рисункам Пальмквиста, сделанным в 1674 г. (рис. 26). В конце XVI в. к Посольской палате было пристроено большое с П-образным планом здание Посольского приказа, которое нам известно также только по схематическим рисункам XVII в.

К концу XVI в., вероятно, относится также строительство московского Посольского двора на Ильинке (впервые упоминается в 1601 г.), который известен по рисунку Мейерберга (1662) и описаниям иностранных послов, резиденцией которых он являлся. Посольский двор представлял ком-

26. Московский Кремль. Посольская палата (по рисунку Пальмквиста)

плекс, состоявший из нескольких отдельных зданий, объединенных крытыми переходами и галереями. Главное здание было двухэтажным с деревянным «чердаком» наверху и стояло среди обширного двора, окруженного многочисленными деревянными хозяйственными постройками: кухнями, конюшнями, каретными сараями и т. д. Жилые комнаты для послов находились на втором этаже, куда вели со двора две симметрично поставленные крытые лестницы с нарядными шатровыми крыльцами.

Есть основания предполагать, что к гражданским постройкам XVI в. относятся некоторые каменные палаты в Москве, частично сохранившиеся до нашего времени (рис. 27), а также нижние этажи настоятельского корпуса в Борисоглебском монастыре, казенной палаты в Кирилловом-Белозерском монастыре, здание Больничной палаты в том же монастыре.



27. Москва. Палаты XVI в. *1* — (ул. Карла Маркса, д. 15); *2* — палаты М. Д. Волконского (ул. Волхонка, д. 8) (исследования Г. В. Алферовой)

Почти все эти сооружения позднее неоднократно перестраивались и надстраивались, вследствие чего довольно трудно судить об их первоначальном архитектурном облике.

Здание Больничной палаты в Кирилловом-Белозерском монастыре, вероятно, было построено в конце XVI в. или в самом начале XVII в. (рис. 28). Опись 1588 г. называет ее «мирской» больницей, но не указывает, была ли она уже каменной. Здание больницы состоит из двух просторных и светлых помещений — сеней (50 $м^2$) и одностолпного зала (120 $м^2$), имеющих с трех сторон 12 оконных проемов. Фасады больницы лишены каких-либо декоративных деталей, кроме нарядного карниза из нескольких рядов выступающих под углом кирпичей и простых лопаток, обрамляющих углы здания в одной плоскости с выступом цоколя. Небольшие окна не имеют обрамлений, и только глубокие откосы их проемов оживляют фасады игрой света и тени. На главном, южном фасаде введен более сложный ритм симметрично расположенных больших оконных проемов и небольших ниш, создающих глубокие контрасты света и тени. Ряд архитектурно-конструктивных деталей, как, например, карниз и цоколь, свидетельствует о московских архитектурных приемах.

Вероятно, уже к началу XVII в. относится здание водяной мельницы в Соловецком монастыре — древнейшей из сохранившихся построек производственного характера (рис. 29). Кирпичное здание мельницы, расположенное на хозяйственном дворе, имеет внутри деревянный настил, членящий его на два яруса. Верхний ярус, где находились мельничные постава, через пристроенную к зданию несколько позднее двухэтажную крытую аркаду галереи соединялся с помещениями сушильни, где сушилось перед помолом зерно, и суконовальней, которую также обслуживало водяное колесо мельницы. Фасады мельницы членятся широкими лопатками и завершаются под карнизом декоративным фризом — богатым на освещенном фасаде и более скромным на фасаде, затененном галереей. Торцовые фасады завершались щипцами, и линия карниза здесь соответство-

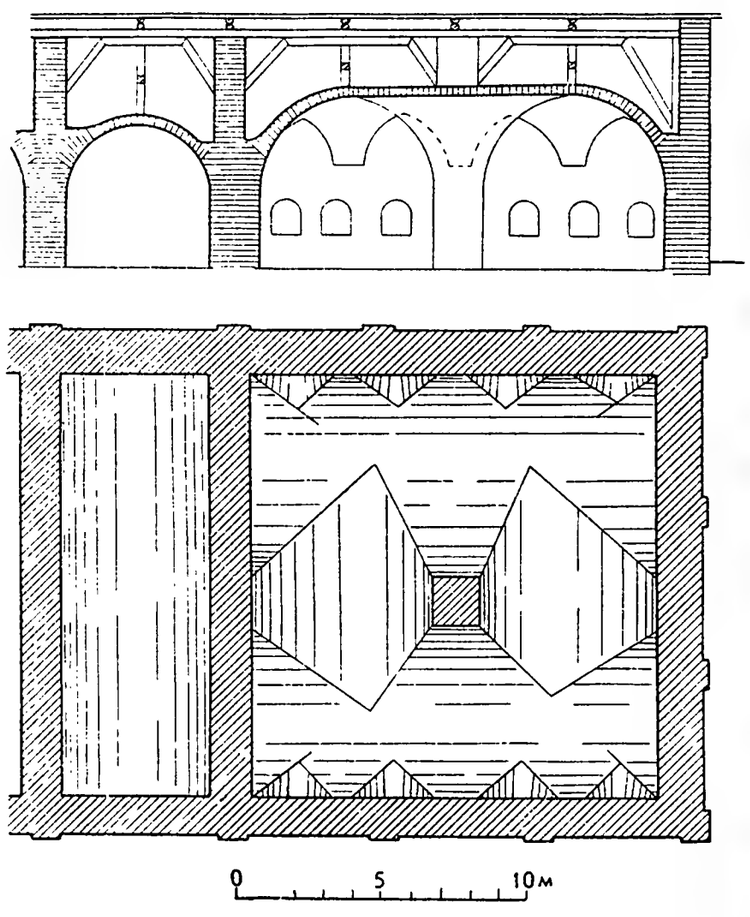
вала наклонным линиям двускатной кровли. Таким образом, декоративный пояс карниза изменялся в зависимости от линии кровли и условий освещения при одних и тех же декоративных элементах. Этот своеобразный архитектурный прием и асимметричное построение фасадов придают живописный характер небольшому по масштабу сооружению, где наглядно органическое единство декоративного убранства фасадов здания и его функциональных и конструктивных особенностей (рис. 30).

Здесь также уместно отметить еще одну черту, характерную для древнерусского зодчества, — стремление к высокому художественному совершенству в архитектуре скромного хозяйственного сооружения, имеющего узко утилитарное назначение и расположенного на скрытом от посторонних взоров хозяйственном дворе. Эта весьма интересная черта, свидетельствующая о тонком художественном чутье народных мастеров, может быть прослежена и в дальнейшем развитии архитектуры производственных и торговых сооружений, которые с XVII в. начинают занимать все более значительное место в архитектурном облике русского города.

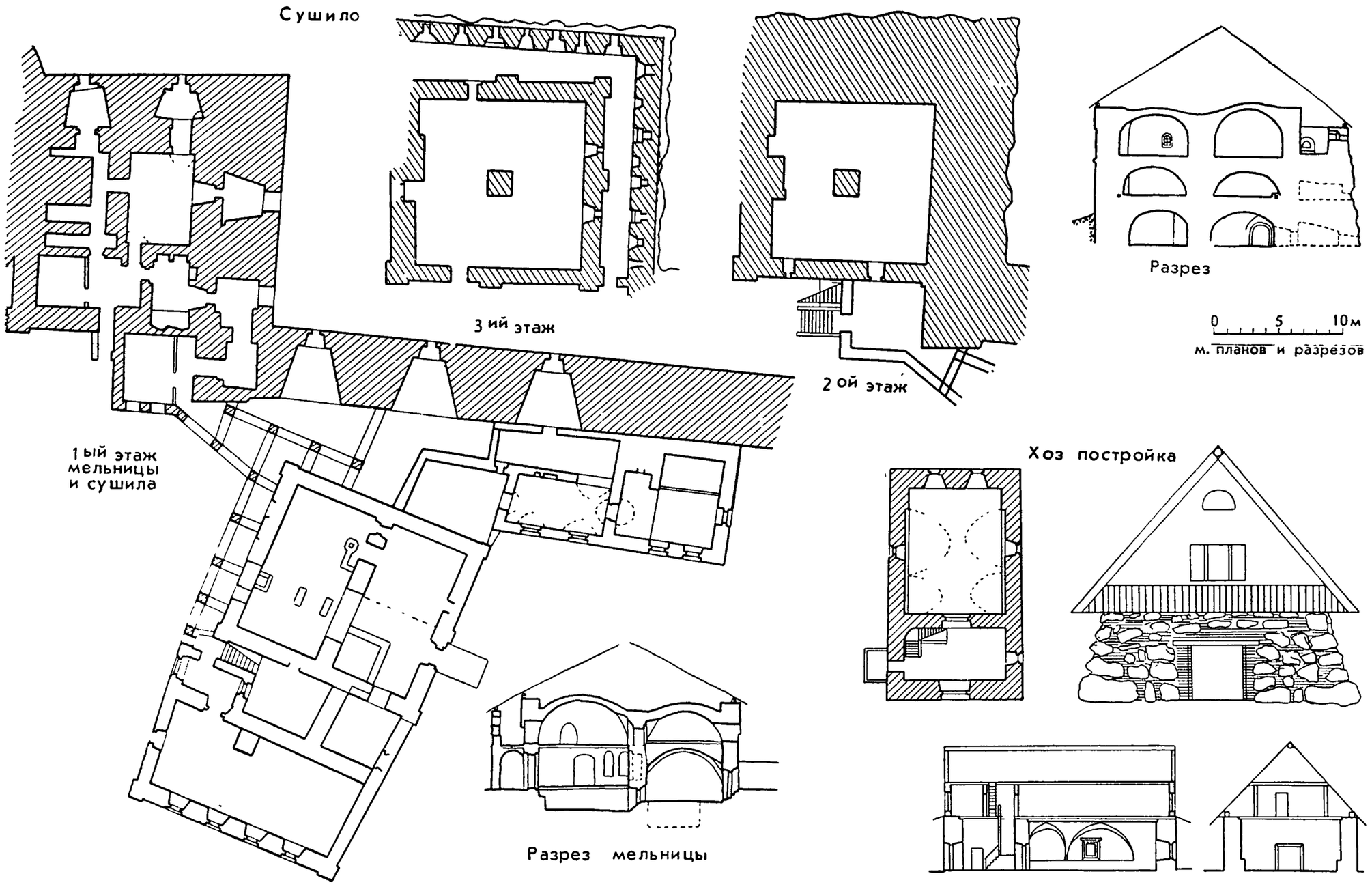
Культовое зодчество. В конце XV в., когда в столице все внимание было сосредоточено на возведении новых кремлевских укреплений, строительство каменных храмов продолжается главным образом в монастырях и некоторых удельных городах. В это время построены соборы в Волоколамске (1480-е гг.), Угличе (1485), Можайске (1481—1491). Это кубические, одноглавые сооружения, следующие традициям раннемосковского зодчества по плану, архитектурной композиции и декоративному убранству.

В строительстве монастырских соборов используется преимущественно кирпич и притом не только в столичных монастырях, где в это время строятся соборы Богоявленского (1480—1481) и Новоспасского (1491—1496) монастырей, но и в более отдаленных, как, например, Покровском в Угличе (1479—1483), Спасо-Каменном на Кубенском озере (1481), Иосифовом близ Волоколамска (1484—1486), Ферапонтовом (1491) и Кирилловом (1497) в Белозерье.

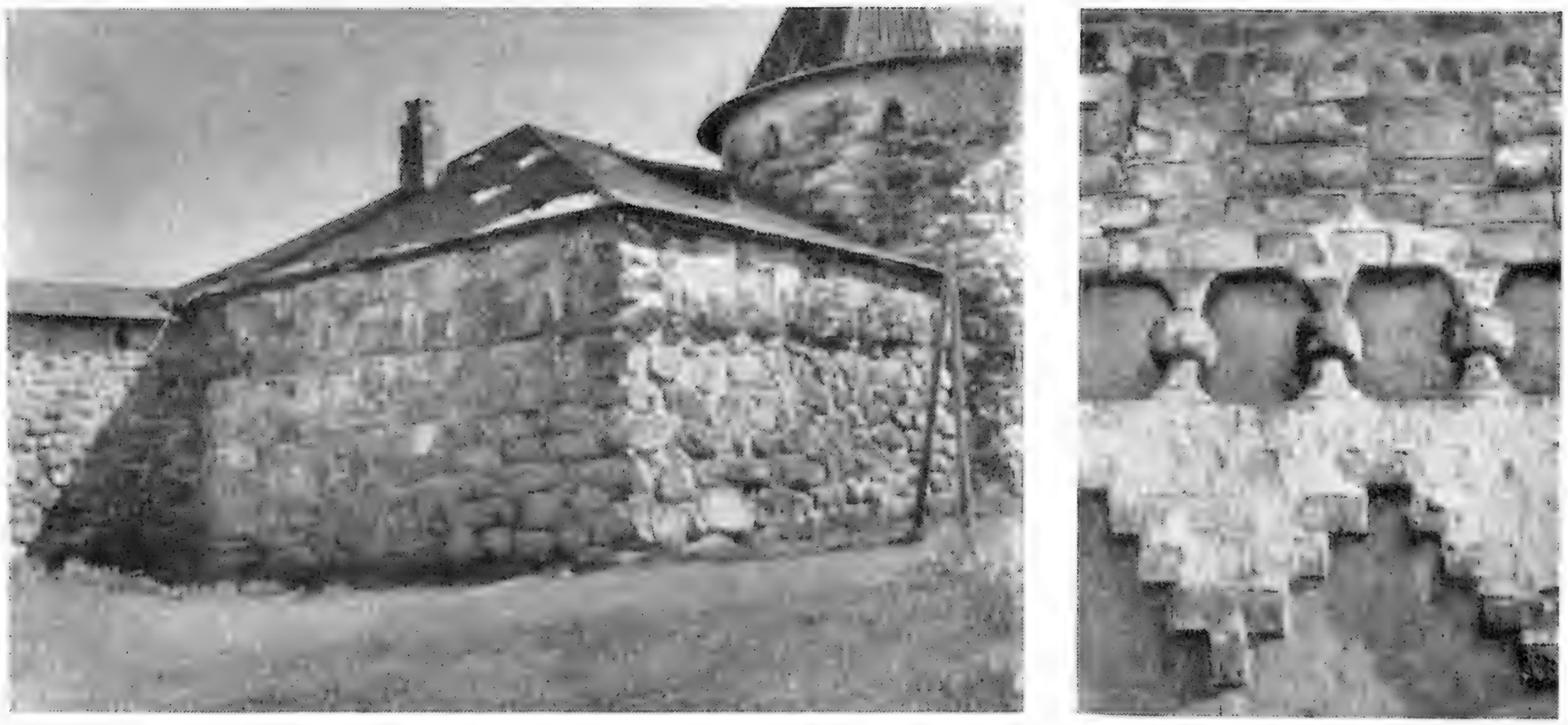
Строители монастырских соборов, следуя в основном традициям раннемосковского зодчества, создают более сложные объемные композиции. К основному зданию иногда пристраиваются самостоятельные приделы и звонница, соединенные с основным зданием открытой галереей-гульбищем. Богаче становится декоративное убранство фасадов из кирпича и красных изразцов (рис. 31).



28. Кириллов-Белозерский монастырь. Больничная палата, конец XVI в



29. Соловецкий монастырь. Сушило и мельница (до 1585 г.), хозяйственная постройка (исследования Г. В. Алферовой)



30. Соловецкий монастырь. Общий вид сушила и фрагмент декора мельницы

Новое здание московского Успенского собора, заложенное в 1472 г., строилось «по образцу» владимирского Успенского собора (XII в.), который московские мастера предварительно обмерили и хотели «превзойти» в новом сооружении, увеличив на полторы сажени в длину и ширину. Весной 1474 г. почти законченное здание рухнуло, и срочно вызванные из Пскова опытные мастера указали на плохой раствор белокаменной кладки как на главную причину катастрофы. Однако даже наиболее квалифицированные псковские мастера, которые, по словам летописи, «навыкше от немец каменосечной хитрости», решительно отказались от строительства такого крупного сооружения. Тогда московскому правительству не оставалось другого выхода, как пригласить опытных мастеров из-за рубежа.

Итальянские мастера эпохи Возрождения славились своим искусством далеко за пределами родины и приглашались почти во все европейские страны, от Испании до Турции и от Венгрии до Скандинавии. Вполне естественно, что специальное посольство с этой целью было направлено именно в Италию.

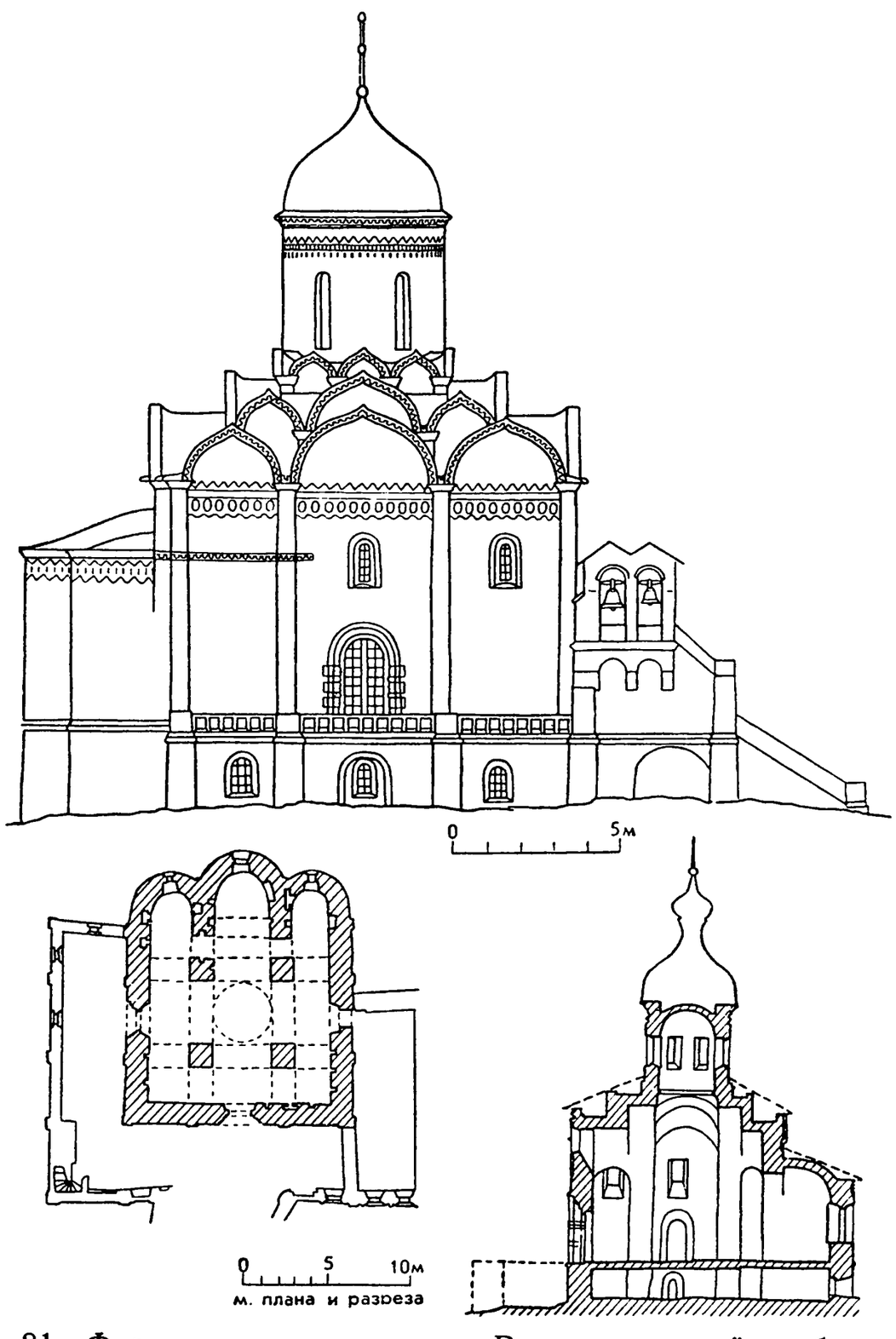
Таким образом, весной 1475 г. в Москву прибыл известный инженер и зодчий, работавший до того в Болонье, Милане и Риме, Аристотель Фиораванти.

В задуманной перестройке архитектурного ансамбля кремлевской Соборной площади здание Успенского собора занимало центральное место и было наиболее значительным общественным сооружением, предназначенным для совершения важнейших религиозных и государственных церемоний, как, например, «посажения на стол» (коронации) великого князя (ранее совершавшейся по традиции во владимирском Успенском соборе). Поэтому естественно было стремление сохранить в новом сооружении черты преемственности и Успенский собор во Владимире, построенный в конце XII в., был указан как образец для новой постройки.

Новый итальянский мастер, подобно его предшественникам, был направлен во Владимир для изучения этого образца, который произвел на него, по словам летописи, сильное впечатление.

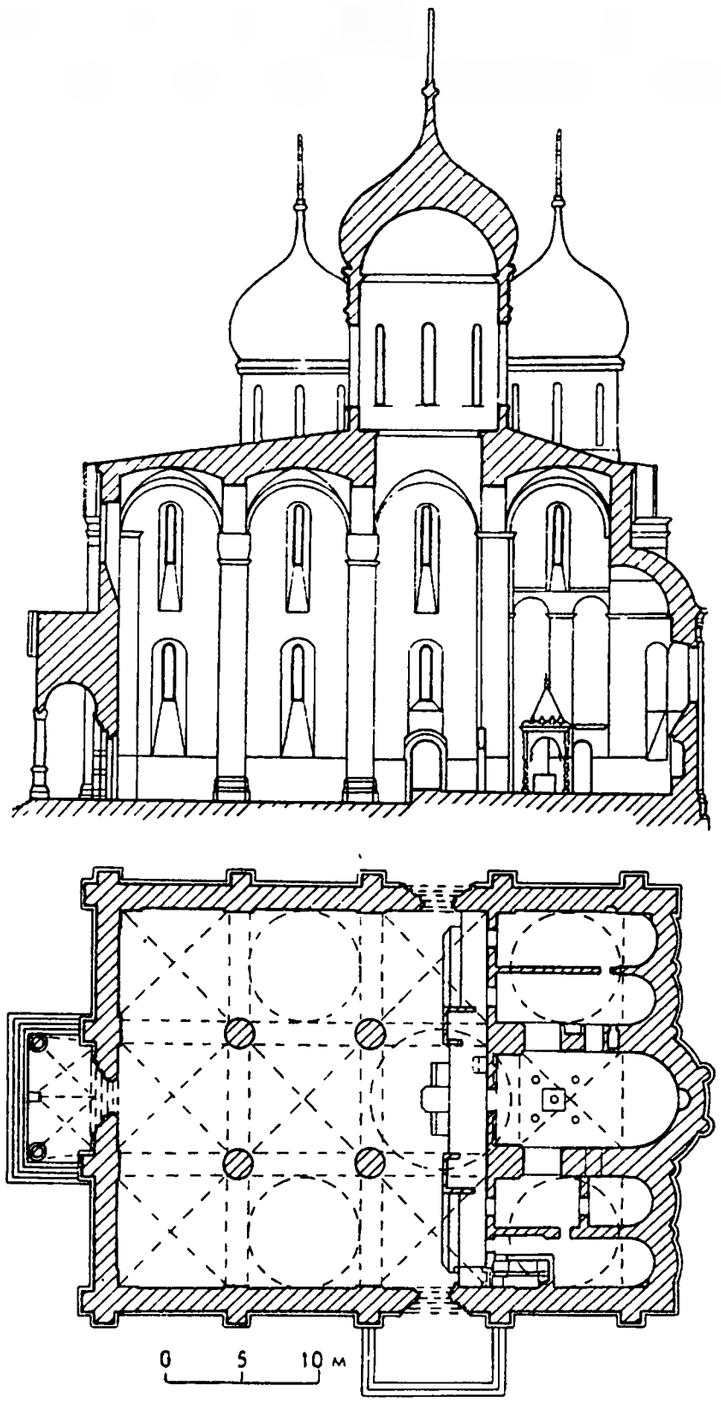
В строительстве Успенского собора (1475—1479) было впервые применено глубокое заложение фундамента (свыше 4 *м*), под который предварительно были забиты дубовые сваи. Последнее, видимо, было данью древней традиции, не являясь технически необходимым. Применение системы крестовых сводов в перекрытии здания, выложенных в один кирпич и стянутых железными связями, позволило сделать не только стены, но и круглые столпы-колонны внутри здания тонкими и стройными, «подобно древам» (рис. 32).

Трехнефный план собора состоит из 12 одинаковых квадратов по четыре в каждом нефе, что обусловлено применением однотипных крестовых сводов, для которых характерно средоточие распорных усилий в отдельных местах стены, дополненных снаружи здания пилястрами — контрфорсами. По сравнению с более ранними московскими постройками стены, своды и столбы здесь значительно тоньше, пролеты сводов больше, внутреннее пространство здания просторнее. В новом соборе отка-



31. Ферапонтов монастырь. Рождественский собор, 1490-е годы (реконструкция К. К. Романова)

32. Московский Кремль. Успенский собор, 1475—1479 гг., зодчий Аристотель Фиораванти. Интерьер



33. Успенский собор в Московском Кремле. План и продольный разрез

зались от устройства хор, как это первоначально предполагалось, и таким образом удалось создать обширное и хорошо освещенное внутреннее пространство. Современники отметили наиболее важную, новую черту в интерьере церковного здания, говоря, что собор построен «палатным образом», т. е. по образцу гражданских палат, и замечателен «величеством и высотою, и светлостью, и звонностью, и пространством». В 1514 г. собор был расписан фресками (которые позднее неоднократно переписывались, рис. 33).

Новаторский характер архитектуры Успенского собора по сравнению с аналогичными сооружениями более раннего периода сказался в геометрически правильном членении плана и фасадов здания. Традиционный трехнефный шестистолпный план храма своими пропорциями несколько напоминает итальянскую базилику, не подчеркивает и не выделяет центрального подкупольного пространства и дает новый вариант старой крестовокупольной системы. Для того чтобы выделить центральную главу в объемной композиции здания, Фиораванти сделал диаметр центрального барабана на 3 *м* больше угловых, поставив его тонкие, выложенные в два кирпича стены на внешний периметр столпов, на которые он опирается. Вследствие членения плана на равные квадраты все вертикальные членения фасада стали одинаковыми по ширине и главный фасад, выходящий на Соборную площадь Кремля, имеет четыре членения одинакового размера, завершенных полуциркульными закомарами равной высоты. Новым в архитектурной композиции Успенского собора было также применение пяти низких и плоских апсид при трехнефном

34. Успенский собор и Соборная площадь

плане, вследствие чего алтарная часть слабо выявлена снаружи здания и со стороны Соборной площади скрыта за угловым контрфорсом. Такой прием создает композиционную уравновешенность асимметричного южного фасада, обращенного к площади.

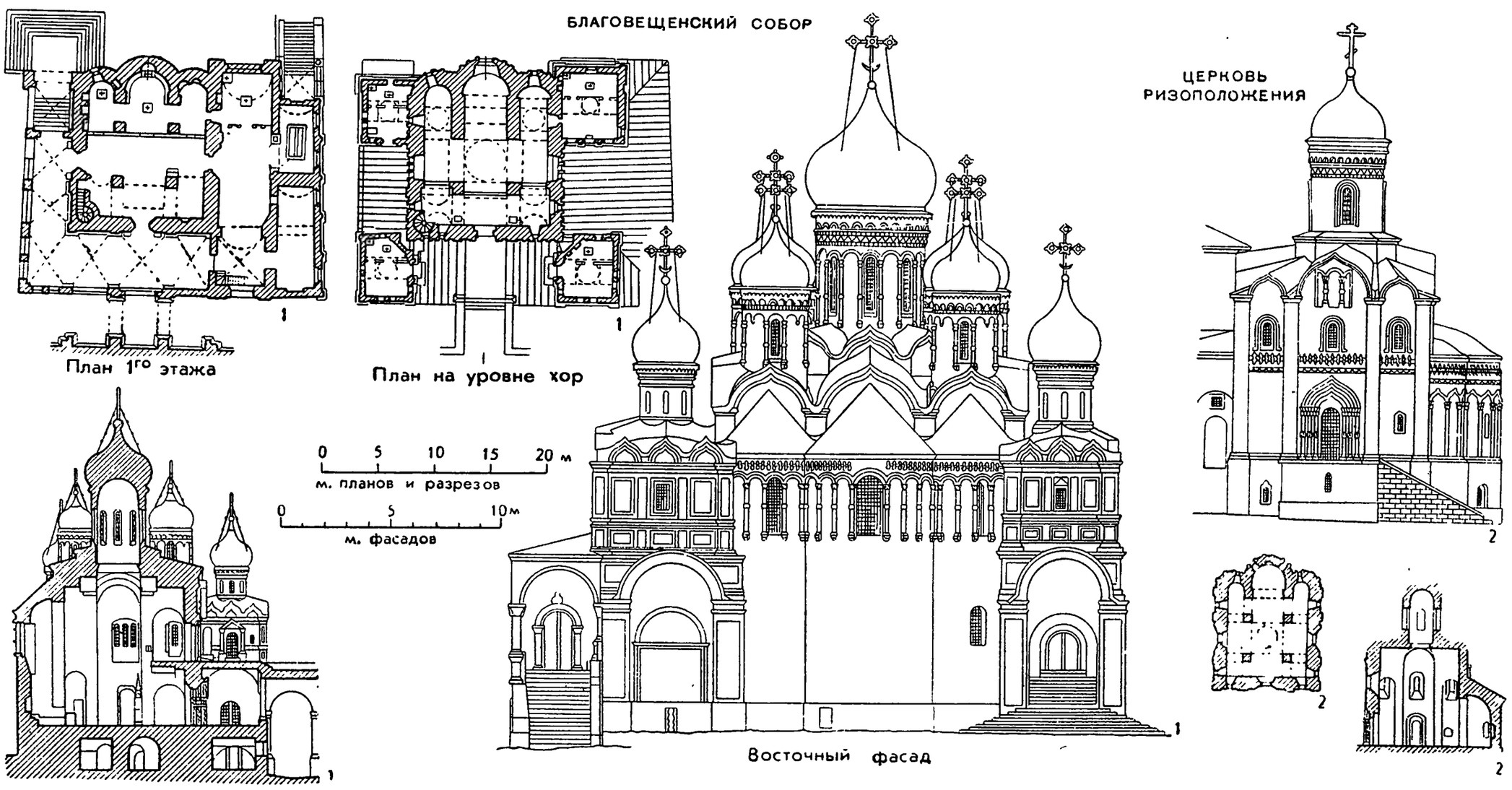
Архитектурные членения фасадов подчинены правилам «золотого сечения», полукружия закомар сделаны по циркулю, пилястры фасадов — строго вертикальны, белокаменная облицовка фасадов выполнена с безупречной тщательностью. Вместе с тем в архитектурной композиции сооружения отсутствует сухой математический расчет и сохраняется характерная для русской архитектуры асимметрия: пятиглавие, так же как и у Софии новгородской, смещено на восток, несимметрично расположены и боковые порталы входов. Здание не имеет венчающего карниза, а фасады членятся аркатурным поясом, что также придает известное своеобразие архитектурному облику собора (рис. 34).

В Успенском соборе нет прямого повторения каких-либо архитектурных деталей и приемов, характерных для архитектуры итальянского Возрождения, хотя его строителем был один из выдающихся зодчих Кватроченто. Это свидетельствует о том, что на Фиораванти произвели большое впечатление произведения древнерусского зодчества во Владимире и Новгороде, с которыми

Фиораванти также ознакомился и по образцу которых ему было указано выстроить новый собор. Русские мастера также внесли свой вклад в архитектурный облик сооружения, которое, по словам летописи, «делаша наши мастера по его (Фиораванти) указу». Работая в творческом содружестве с русскими мастерами, Фиораванти создал произведение, проникнутое духом раннего Возрождения, своей композиционной ясностью, строгостью и лаконизмом архитектурных форм близкое Брунеллески, новаторское для своего времени и выдающееся по своим художественным и техническим качествам, в котором традиционные особенности древнерусского культового зодчества получили свое дальнейшее развитие в новых исторических условиях.

Торжественный и строгий, полный внутреннего величия главный собор объединенного Русского государства отличается статичной объемной композицией и суровым лаконизмом художественных средств. Его простой и вместе с тем величественный образ соответствует создавшей его исторической эпохе сложения централизованного государства, когда «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» (Энгельс).

В создании нового архитектурного ансамбля Соборной площади Московского Кремля приняли участие также и московские мастера, построившие вскоре после возведения Успенского собора придворную церковь Благовещения и Церковь Ризположения — домовую церковь московских митрополитов, расположенную по соседству с Успенским собором (рис. 35). Скромное здание Благовещенского собора (1484—1489) было построено в юго-западном углу площади, на месте старой придворной церкви, поблизости от деревянных великокняжеских хором и было связано с ними переходами. Четырехстолпная в плане церковь выстроена из кирпича и поставлена на высоком белокаменном подклете, сохранившемся от предшествующего здания, служившем кладовой для хранения ценностей и окруженном галереей-гульбищем, которая в 1564 г. была надстроена четырьмя небольшими квадратными в плане приделами по углам. Эти пристройки совершенно изменили внешний вид храма, первоначально имевшего три главы с дополнительным ярусом кокошников вокруг нарядно обработанного центрального барабана, возвышавшегося на восьмигранном постаменте. Здание отличалось стройностью наружного облика благодаря высокому подклету, динамике заостренных полукружий закомар и кокошников, а также



35. Московский Кремль. *1* — Благовещенский собор, 1484—1489 гг.; *2* — церковь Ризположения, 1485—1486 гг.

благодаря легкому, воздушному завершению тремя стройными главами, отличному от монументального, статичного пятиглавия Успенского собора.

Еще большей миниатюрностью отличалась построенная теми же мастерами одноглавая церковь Ризположения (1485—1486), особенно по контрасту с возвышающимся рядом мощным кубом Успенского собора. Своеобразно завершение храма, перекрытого по-псковски цилиндрическими сводиками без подпружных арок, на которых покоится восьмигранный в плане постамент со световым барабаном главы. Здание было окружено с трех сторон открытой галереей, его фасады имеют нарядную обработку, во многом аналогичную Благовещенскому собору и Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря, построенной несколько ранее теми же мастерами.

Духовская (Троицкая) церковь (1476—1477) была, по-видимому, одним из первых кирпичных сооружений в московском зодчестве (рис. 36). Небольшое четырехстолпное в плане здание с приподнятыми подпружными арками завершается вышкой — звонницей с открытыми арочными проемами, служившей одновременно и дозорной башней монастырской крепости. Оригинальная по композиции Духовская церковь является наиболее древней из сохранившихся построек типа «церкви под колоколы», но отнюдь не первой, так как этот архитектурный тип известен уже с XIV в. (Ивановская церковь в Московском Кремле, 1329). Известно, что в XV в. центрические в плане церкви этого типа были построены в новгородском Хутынском монастыре (1445) и подмосковном Пешношском монастыре (1469).

Архитектурный ансамбль Соборной площади Московского Кремля завершается уже в начале XVI в., когда одновременно возводятся еще два церковных сооружения на южной и восточной сторонах площади. В 1505 г. на месте старого собора начала XIV в. итальянским архитектором Алевизом Новым, по-видимому венецианцем, прибывшим в Москву в конце 1504 г., закладывается новый собор Михаила Архангела. Законченный строительством в 1508 г. собор служил усыпальницей великих князей, а позднее — царей в продолжение двух столетий, пока Москва была столицей Русского государства.

Перед Алевизом несомненно стояла трудная задача — построить монументальное сооружение великокняжеской усыпальницы против Успенского собора и подчиненное ему в архитектурном ансамбле площади. Само назначение здания требовало, с одной стороны, пышности архитектурных форм, соответствующих царской усыпальнице, и с другой — строгого соблюдения древних, традиционных черт православного храма. Поэтому архитектурный образ Архангельского собора не отличается, подобно Успенскому собору, органическим единством внешней формы и внутреннего содержания. Богатый и торжественный внешний облик здания собора, выдержанный в формах позднего венецианского кватроченто, мало соответствует традиционному для православного храма шестистолпному интерьеру с применением древних цилиндрических сводов и крещатых в плане внутренних столпов, лишивших его «светлости и пространства», характерных для Успенского собора, но придавших ему сумрачную торжественность усыпальницы.

Архангельский собор — второе по значению после Успенского собора здание в ансамбле Соборной площади — по своей высоте мало разнится от последнего (высота основного куба с закомарами Успенского собора 22,5 *м*, Архангельского — 21 *м*), однако более мелкие вертикальные и горизонтальные членения фасадов Архангельского собора, богатое декоративное убранство с обилием архитектурных деталей создает контраст лаконичным формам Успенского собора, и этим архитектурным приемом подчеркивается господствующее положение последнего в ансамбле площади. Обращенный к дворцу западный фасад Архангельского собора выдержан в более простых и монументальных формах. Композиция западного фасада с выразительной лоджией центрального входа напоминает церковь Сант-Андреа в Мантуе (1470—1472), возможно, послужившую в данном случае образцом для Алевиза. Особенностью Архангельского собора является широкое применение ордерных форм в декоративном убранстве фасадов, выполненных в нижнем ярусе из камня, в то время как в верхнем, кроме капителей пилястр и карниза, они, как и все здание, кирпичные. Однако применение деталей в стиле пышной венецианской архитектуры конца XV в. не лишает русского характера архитектурный облик здания, которое даже

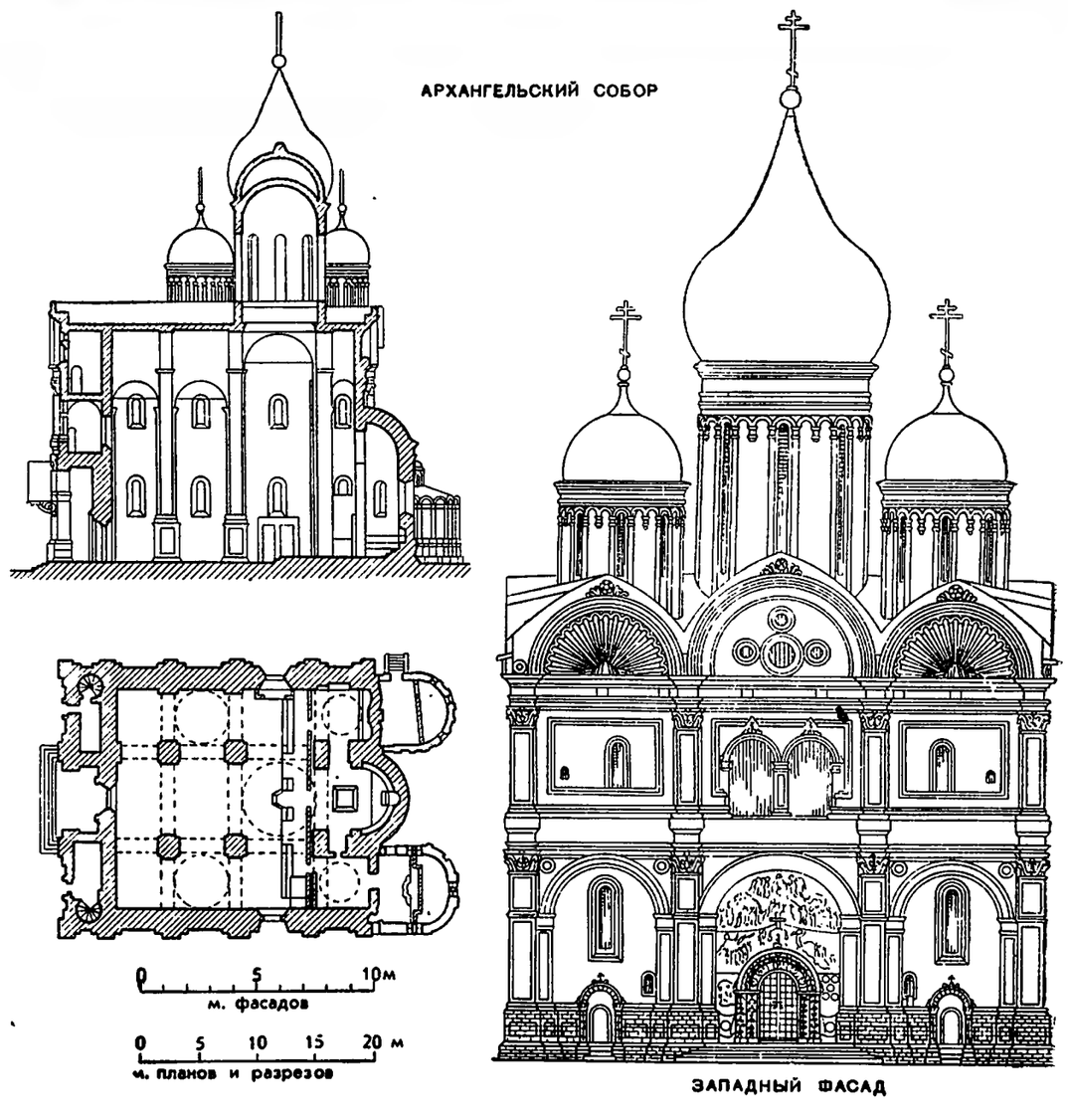
36. Троице-Сергиевский монастырь. Духовская церковь, 1476—1477 гг. (реставрация В. И. Балдина и И. В. Трофимова)

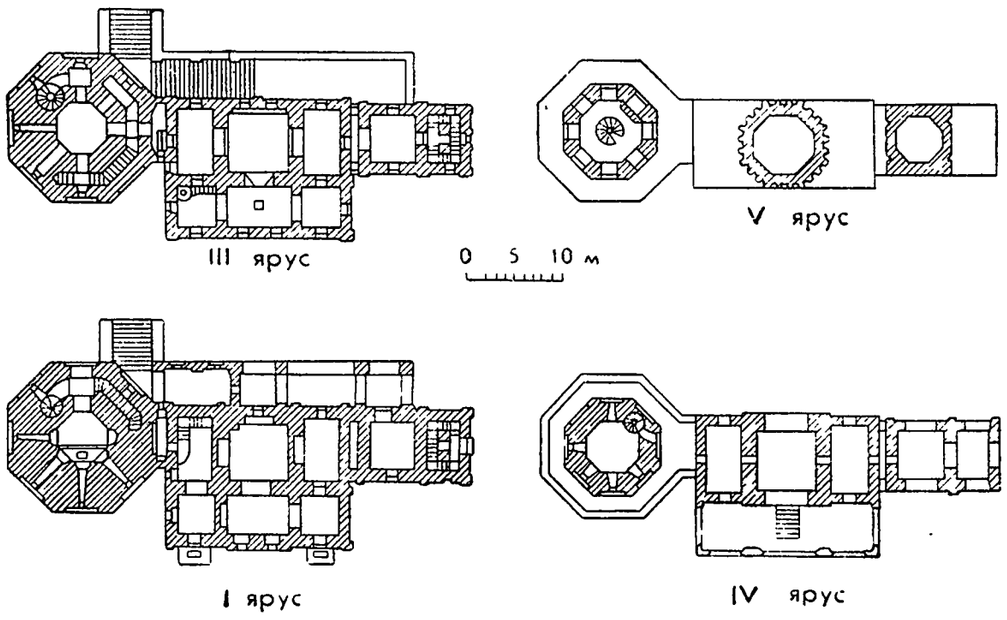
37. Московский Кремль. Архангельский собор, 1505—1508 гг.

облаченное в пышные одежды итальянского Возрождения остается традиционным русским крестовокупольным пятиглавым храмом. Вместе с тем, новым и необычным было появление в центральном ансамбле Кремля здания с ордерной декорацией фасадов, и этот важный факт в истории русского зодчества наглядно отразил новые веяния в развитии русской культуры. Русские зодчие в дальнейшем все более широко применяли и своеобразно перерабатывали новые элементы ордерной архитектуры, впервые в таком законченном виде появившиеся в архитектуре Архангельского собора (рис. 37).

Одновременно с Архангельским собором в 1505—1508 гг. архитектором Боном Фрязином была построена церковь «под колоколы» Ивана Лествичника — также на месте старой церкви времени Калиты. Трехъярусная, восьмигранная в плане башня Ивановской колокольни, первоначальная высота которой была около 60 *м,* одновременно выполняла функции сторожевой, наблюдательной башни кремлевской крепости. Возведение такого высокого сооружения было крупным техническим достижением для своего времени. Фундамент башни, заложенный на глубину более 10 *м,* представляет собой ступенчатую усеченную пирамиду, сложенную из тщательно отесанных плит белого камня на известковом растворе. Цоколь и карнизы восьмигранника выложены из белого камня, стены — из большемерного кирпича и в нижнем ярусе имеют более 5 *м* толщины, поэтому площадь внутренних помещений невелика и сама башня больше походит на донжон средневекового замка, чем на церковное сооружение. Стены и внутренние пролеты тщательно укреплены железными связями, все сооружение представляет прочно связанный монолит. Верхний цилиндрический ярус башни, окруженный в основании кокошниками, был надстроен Борисом Годуновым (1600). В 30-х гг. XVI в. с севера к основной башне была пристроена архитектором Петроком Малым церковь и звонница, а в 1624 г. к ней была добавлена шатровая пристройка (рис. 38).

Архитектурная композиция колокольни построена по принципу постепенного перехода от тяжелых, массивных объемов к бо-





38. Колокольня Ивана Великого. Планы

лее легким и стройным. Каждый следующий ярус уменьшается в диаметре и одновременно убывает по высоте, благодаря чему ярусная композиция башни как бы растет ввысь. Такому зрительному впечатлению способствует примененный здесь прием конического построения каждого яруса восьмигранника. Эти композиционные приемы придают массивному, прочному сооружению необычную легкость и стройность.

Возведением этой башни, получившей популярное название Ивана Великого, завершается строительство архитектурного ансамбля центра Кремля на рубеже XV и XVI вв. Если в ансамбле площади господствующим было здание Успенского собора, то в ансамбле Кремля в целом, который можно было видеть только на некотором расстоянии, господствовала вертикаль колокольни Ивана Великого. Композиционный принцип доминирующей в ансамбле стройной вертикальной оси является одной из типичных черт древнерусского зодчества, получившей блестящее развитие в городских и, особенно, монастырских ансамблях XVI—XVII вв. (рис. 39).

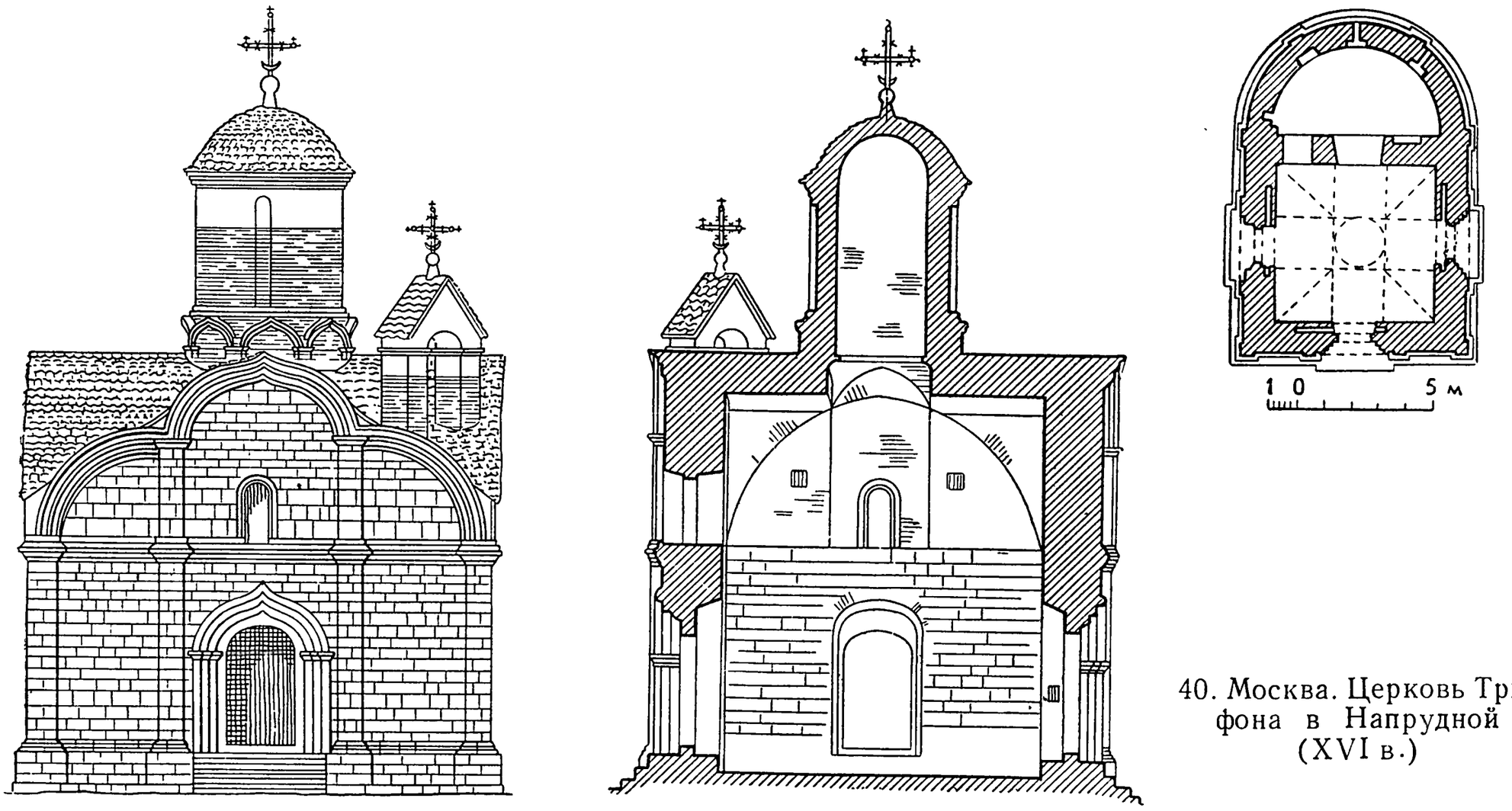
С ростом экономических возможностей торгово-ремесленного посада скромные деревянные посадские церкви постепенно начинают заменяться каменными, и в московском зодчестве появляется новый тип храма с единым не расчлененным столпами внутренним пространством, например церковь Трифона в Напрудной слободе. В небольших приходских и монастырских храмах зодчие стремятся избежать внутренних столпов, сужающих и без того тесное церковное помещение, и применяют новые системы бесстолпных перекрытий. Отойдя от традиционной в каменном зодчестве крестовокупольной системы, в новом типе бесстолпного храма московские зодчие применили оригинальную систему перекрытия крещатым сводом. Последний представляет собой систему сводчатого перекрытия, основанную на принципе работы двух пар перекрещивающихся у основания световой главы, но внешне не выявленных арок, составляющих внутренний каркас системы сводов.

Небольшие бесстолпные храмы с крещатым сводом строились вместо деревянных церквей на посадах и в слободах (московские церкви Благовещения на Ваганькове, 1514, Анны в Китай-городе и Трифона в Напрудной слободе, начало XVI в., рис. 40, Николы в Мясниках, середина XVI в., и др.), в монастырях (церковь Никиты Столпника в Никитском-Переславском монастыре, 1523, и др.), а также в помещичьих усадьбах, как, например, в подмосковном селе Юркине (конец XV в.). Все эти церкви имеют близкие к квадрату планы с одной апсидой, их фасады членятся пилястрами и завершены трехлопастными кривыми, обрамленными профилированными тягами и отделенными от плоскости стены нарядным поясом — карнизом. В церкви Антипия в Москве (вторая половина XVI в.) появляется небольшой придел, храм завершается пирамидальной группой кокошников, напоминающих московские храмы начала XV в.

В конце XVI в. небольшие бесстолпные церкви иногда дополняют двумя симметрично поставленными приделами, их архитектурный облик приобретает более парадный, представительный характер, что особенно свойственно архитектуре конца XVI в. — времени правления Бориса Годунова. Пирамидальная композиция архитектурных объемов приобретает известную торжественность, завершаясь декоративными кокошниками вокруг центрального барабана. Таковы храмы в подмосковных усадьбах, принадлежавших Годунову — Хорошеве (1584—1586) и Михневе (1593), и в некоторых других подмосковных усадьбах. В Донском монастыре на месте, где было успешно отбито последнее нападение крымских татар на Москву, в 1593 г. был построен бесстолпный храм с крещатым сводом. Здание имеет два пристроенных позднее и симметрично расположенных придела по сторонам и завершается тройным поясом декоративных кокошников, придающих торжественный облик этому скромному по масштабу мемориальному сооружению.

Среди немногочисленных построек «смутного времени» церковь Покрова в под-

39. Колокольня Ивана Великого, 1505—1600 гг.



40. Москва. Церковь Трифона в Напрудной (XVI в.)

московной царской усадьбе Рубцово, заложенная в 1619 г. в память победы над польско-литовскими интервентами, продолжает архитектурные традиции бесстолпных храмов XVI в. (рис. 41). Архитектурная композиция Покровской церкви в целом повторяет собор Донского монастыря, но крещатый свод здесь перекрывает уже вдвое большее пространство. Рубцовская церковь кажется приземистой и тяжеловесной, расплывшейся вширь благодаря окружающей здание двухъярусной галерее. Хотя церковь стоит на высоком подклете, ее приземистый и грузный объем не соответствует торжественно-мемориальному характеру памятника, что свидетельствует об ослаблении идейной насыщенности и образной выразительности в культовом зодчестве начала XVII в. по сравнению с предшествующим столетием.

Но для того чтобы иметь правильное представление об архитектуре культовых построек XV—XVI вв., следует помнить, что подавляющее большинство их было деревянными и каменные церковные сооружения возводились преимущественно представителями господствующих классов, богатыми горожанами и монастырями.

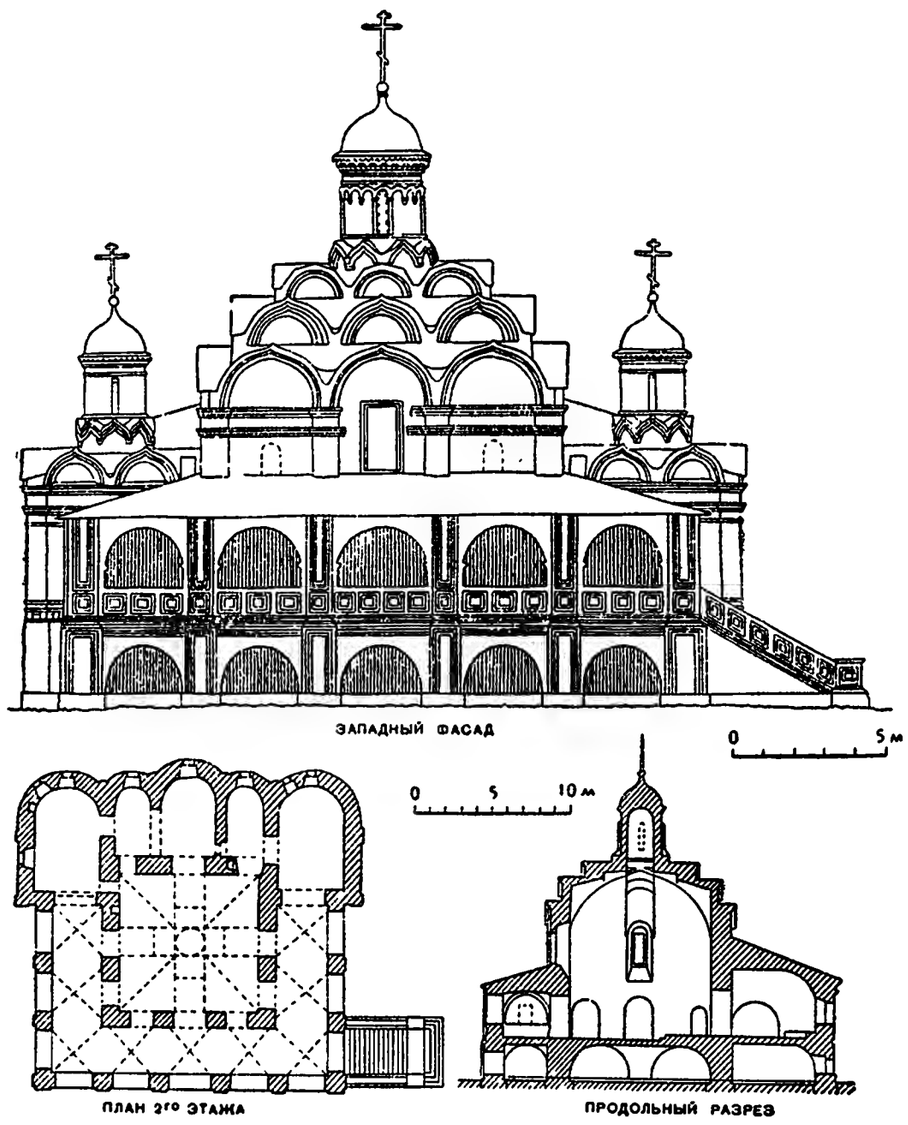
Крестьянское церковное зодчество, особенно в отдаленных местах северных районов страны, развивалось вне повседневного влияния официальных светских и церковных властей, в нем длительное время удерживались древние традиции, уже забытые или изжившие себя в городах. Вследствие некоторой обособленности и самобытности развития крестьянского деревянного зодчества здесь постепенно сложились своеобразные типы церковных сооружений, отличные от господствовавшего в городском и монастырском каменном зодчестве канонического типа крестовокупольного храма. В отличие от камня дерево не является долговечным строительным материалом, и немногие наиболее древние сохранившиеся до нашего времени деревянные церковные постройки с большой долей достоверности можно датировать едва-ли ранее XVI—XVII вв. Общепринятая датировка некоторых деревянных церковных построек XIV—XV веками не является вполне достоверной, так как основана на устных преданиях и легендах. Вместе с тем композиционные и технические приемы, разработанные сельскими строителями, неизменно повторялись и совершенствовались в течение длительного времени. Так, например, аналогичные композиционные и конструктивные приемы можно наблюдать в таких отдаленных по времени и месту постройках, как клетские церкви в с. Бородава в Белозерье (конец XV в.) и в с. Чухчерьме на Северной Двине (начало XIX в.); как шатровая церковь Ледского погоста, датируемая обычно серединой XV в., и аналогичного типа церкви в Верхней Тойме или Белой Слуде, построенные в середине XVII в. Композиционно сложный вариант

2. Село Коломенское. Церковь Вознесения, 1532 г. Вид с юго-востока.

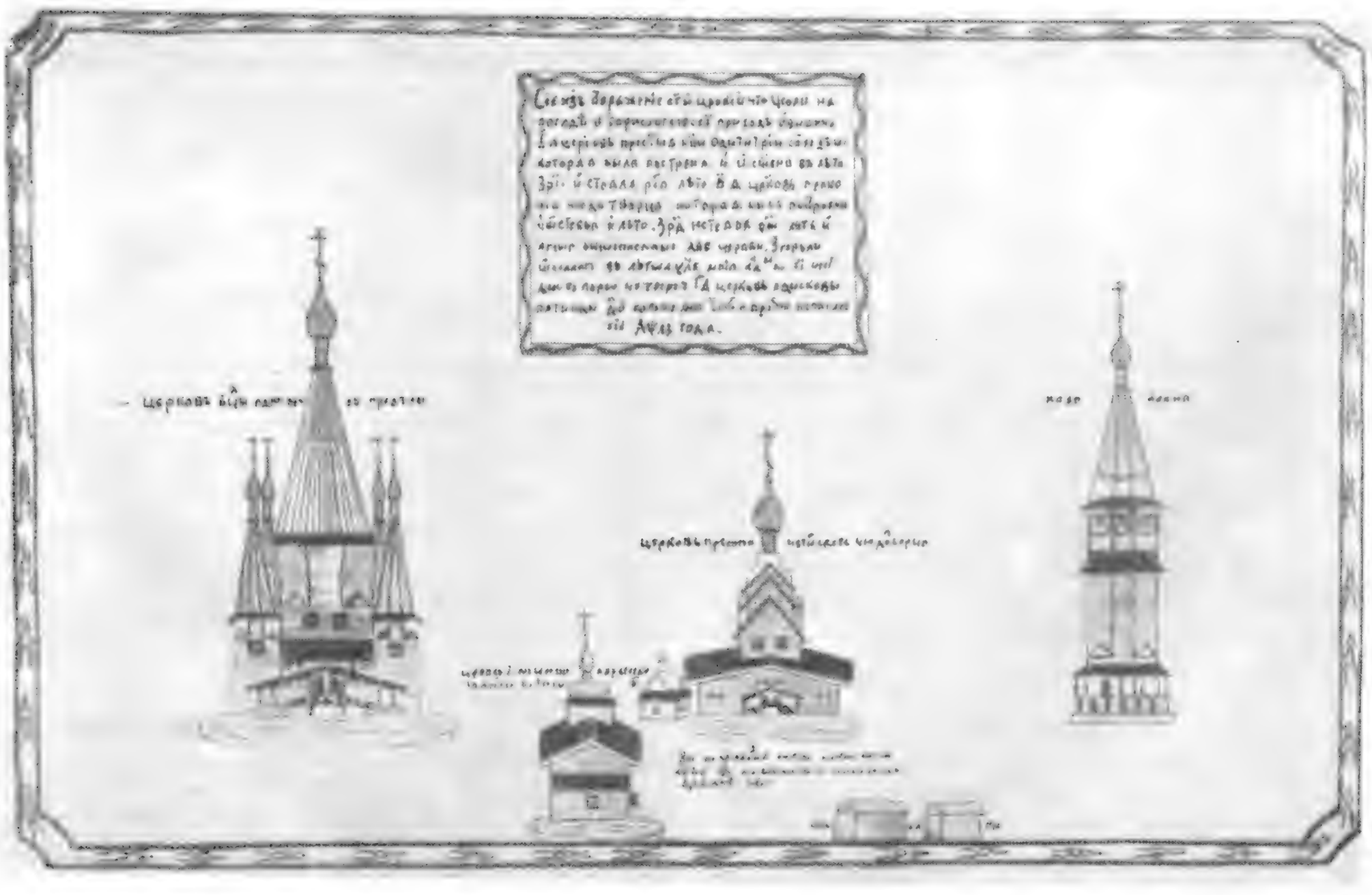
шатрового храма с бочками на прирубах — церковь в Уне, датируемая 1501 г., — повторяется в церкви с. Суланда спустя полтораста лет (1667), а пятишатровая церковь, построенная Строгановыми в Сольвычегодске в самом начале XVII в. (рис. 42), явилась предшественницей аналогичной церкви в Неноксе, построенной в 1727 г.

Немногие сохранившиеся церковные постройки XV—XVI вв., как и некоторые данные письменных источников этого времени, дают возможность кратко охарактеризовать два наиболее распространенных для того времени типа церковных деревянных построек: «клетские» церкви, представлявшие обычный, прямоугольный в плане сруб с двускатной кровлей и «круглые» церкви — восьмиугольные или крестообразные в плане срубные постройки с шатровым покрытием основного помещения.

Клетские церкви, как наиболее простые, дешевые и более приспособленные к эксплуатации в холодное время года, продолжающееся в северных районах страны от 8 до 9 месяцев, были, по-видимому, наиболее распространенным типом церкви в массовом строительстве. Письменные источ-



41. Церковь Покрова в Рубцове, 1619 г.



42. «Строгановские» деревянные церкви (по чертежу начала XVIII в.)

43. Церковь в с. Бородава, 1486 г.

ники упоминают клетские церкви с XIV в., и древнейшие из сохранившихся деревянных церковных построек относятся именно к этому типу культового здания.

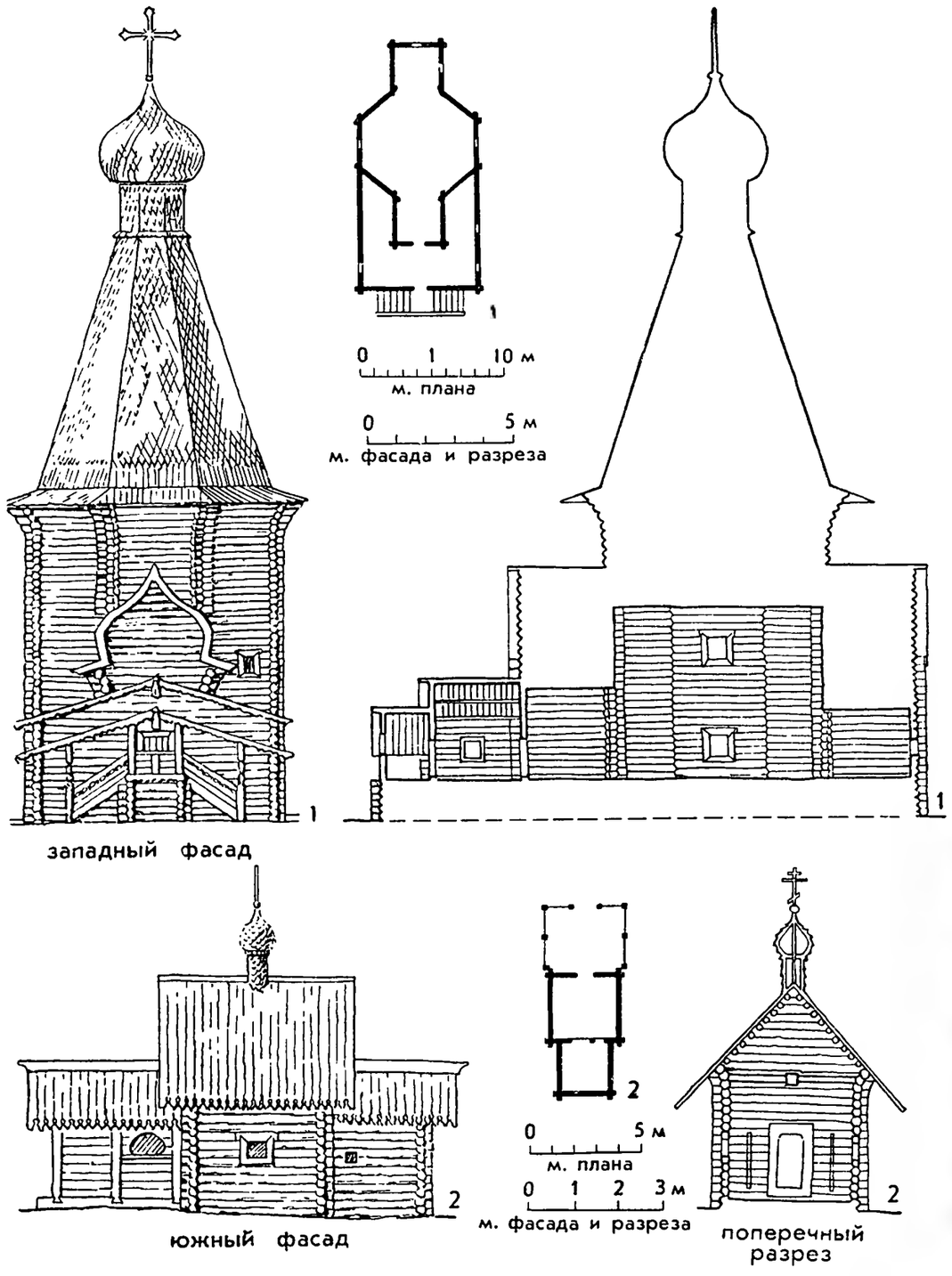
Лазаревскую церковь Муромского монастыря на Онежском озере принято считать древнейшей сохранившейся постройкой клетского типа (конец XIV в.). Церкви того же типа в с. Бородава (Вологодская обл., 1486, рис. 43) и с. Юксовичи (Ленинградской обл., 1493) имеют более высокие и вместительные срубы. Их высокие и крутые двускатные крыши с полицами и уступами выделяли церкви из общей рядовой сельской застройки. Обе церкви с трех сторон окружены галереями, что еще более подчеркивало их общественный характер в отличие от крестьянских изб.

В то время как крестьянскому двору на всем протяжении его многовекового развития свойственна рациональная асимметрия в архитектурной композиции и плане, которая закономерно отражала разнообразное назначение его жилых и хозяйственных построек, в сельских церковных сооружениях всегда преобладала строго симметричная композиция. Это было также закономерно, так как в данном случае здание имело одно основное назначение места общественно-религиозных собраний, и поэтому включало одно главное помещение, являвшееся центром архитектурной композиции.

Для того чтобы выделить церковное здание, являвшееся в то время единственным общественным сооружением среди рядовой застройки городского посада или села, существенное значение имела высота сооружения и его отличная от жилой застройки объемная композиция. Скромный размер внутреннего помещения в клетской церкви зависел от длины бревна сруба, обычно не превышавшей 5—6 *м* (наращивание длины бревен в древнерусском зодчестве не применялось). Поэтому наряду с клетским типом церкви с древнего времени был распространен также и тип «круглой» церкви, имеющей многоугольный в плане сруб. При таком плане значительно увеличивалась внутренняя площадь храма, который получал уже иное — шатровое покрытие, в данном случае конструктивно наиболее целесообразное и наиболее выразительное с архитектурно-художественной стороны. Как один из вариантов этого типа, следует рассматривать деревянные шатровые церкви «с крещатым» планом, которые назывались современниками церковью «о двенадцати», «о двадцати» и более стенах.

Одним из наиболее ранних известных нам вариантов типа «круглого» храма является высокий восьмиугольный увенчанный шатром сруб, к которому с запада и востока примыкали низкие квадратные прирубы притвора и алтаря с крышей, имеющей форму заостренной бочки. К этому типу относится ряд деревянных церквей Архангельской области, как, например, в Ледском погосте (1456), в селе Лявля (1589) и в Выйском погосте (1600). Они отличаются друг от друга различными пропорциями основного восьмерика сруба и шатра, создающими приземистый внешний облик церкви в Лявле и более стройный силуэт церкви Выйского погоста.

Никольская церковь в с. Панилове (Архангельской обл., 1600) может быть отнесена к классическим сооружениям этого типа. Она обладала рядом пропорциональных закономерностей: высота ее вось-



44. Деревянные церкви: *1* — в селе Панилове; *2* — в Муромском монастыре

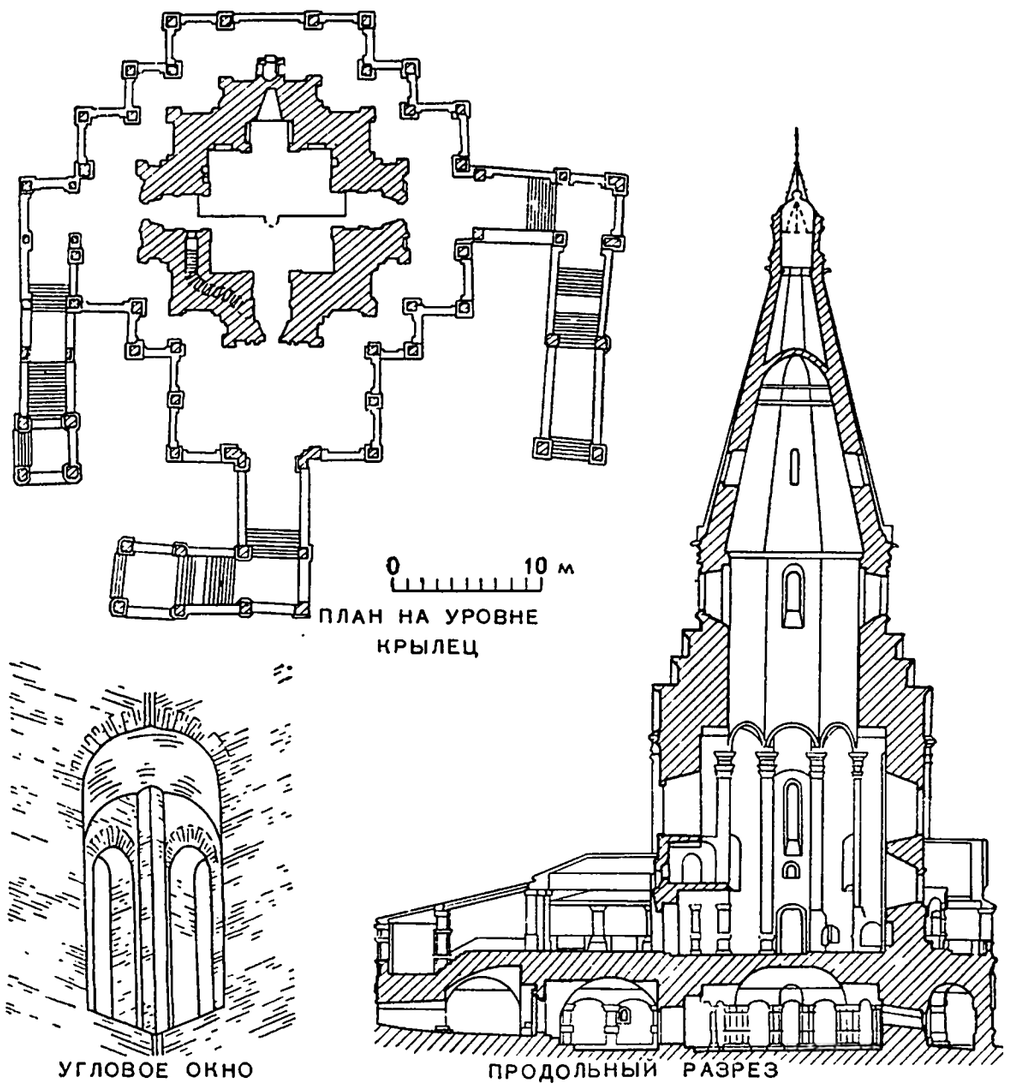
45. Церковь в селе Панилове, 1600 г.

мерика относилась к его ширине как диагональ квадрата к его стороне, а высота шатра равнялась высоте восьмерика или диагонали квадрата, в который может быть вписан восьмерик сруба. Аналогичные закономерности можно обнаружить и в ряде других сооружений деревянного церковного зодчества, что свидетельствует о широком применении приемов пропорционального построения в практике древнерусского зодчего (рис. 44, 45).

Своеобразные композиционные приемы, разработанные поколениями народных мастеров в деревянном церковном зодчестве, оказали свое влияние на развитие монументальной каменной архитектуры господствующих классов, особенно заметное в эпоху сложения централизованного государства и общего подъема национального самосознания. Об этом свидетельствует появление в XVI в. нового типа каменных шатровых храмов, где некоторые специфические особенности деревянного зодчества получили отражение в архитектуре каменных храмов. Вероятно, в деревянном зодчестве следует искать также истоки и таких распространенных деталей каменных храмов, как плоские резные белокаменные пояса на фасадах, резные дыньки порталов, заостренная форма закомар и архивольтов порталов, повторяющих в камне излюбленную в деревянном зодчестве форму «бочки».

Ведущее значение крепостной архитектуры в XVI в. также сказалось и в церковном зодчестве. Так, сам башнеобразный характер шатровых храмов обнаруживает их родство с крепостными башнями, с дозорными вышками. Возможно, что некоторые из них выполняли одновременно и функции сторожевых башен.

Церковь Вознесения в Коломенском, построенная в подмосковной царской усадьбе на берегу Москвы-реки, была одним из первых каменных шатровых сооружений. По



46. Село Коломенское близ Москвы. Церковь Вознесения, 1532 г.

своей высоте (около 60 *м*) церковь в Коломенском превосходила предшествующие ей высотные сооружения в русской архитектуре. Высотная архитектурная композиция коломенской церкви несомненно связана с народными традициями деревянного зодчества, что подтверждает летопись, отмечая, что она построена «вверх на деревянное дело».

Церковь Вознесения в Коломенском была построена в 1532 г., как предполагают, в честь рождения долгожданного наследника Василия III — будущего царя Ивана Грозного и, следовательно, носила мемориальный характер. Особенность плана храма составляет строгая центричность и отсутствие в нем существенного признака культового здания — апсид. Он напоминает план «крещатых» деревянных церквей (рис. 46).

Здание выстроено из кирпича, но архитектурные детали выполнены из белого камня. Вертикальный объем расчленен по высоте на три части: стоящий на подклете четверик, над ним восьмерик и, наконец, шатер с плоской главкой на небольшом барабане. Конструктивный прием перехода от четверика к восьмерику отличается своеобразием конструкции: в углах четверика устроены разгрузочные арки, переброшенные с опоры на опору и стянутые кольцом железных связей. Шатер выложен из кирпича с незначительным выступом каждого последующего ряда по отношению к предыдущему. Устройство светового шатра, восьмерика и двойных угловых оконных проемов в четверике создает равномерную освещенность внутреннего пространства церкви. Внутреннее помещение храма вследствие большой толщины стен, занимающих около $^2/_3$ площади застройки, незначительно. Внутри здания каменный шатер примерно на $^2/_3$ его высоты завершен сомкнутым сводом. Отсутствие росписей подчеркивает простоту и скромность отделки интерьера. Большая высота и обилие света, падающего сверху, создают впечатление необычайной воздушности небольшого внутреннего помещения храма-памятника.

«Скульптурность» и динамичность архитектуры сооружения достигнуты благодаря тому, что отдельные объемы башни не имеют явно выраженных горизонталей, не членятся резко друг от друга, а плавно переходят один в другой при посредстве промежуточных композиционных звеньев в виде уступов, имеющих форму кокошников. Архитектурный облик сооружения, простой и ясный, стремительный и монументальный, резко отличается от статичной композиции культовых построек более раннего времени.

Культовое назначение здания не определяло в данном случае планировку и архитектурную композицию сооружения: об этом свидетельствуют незначительная площадь внутреннего помещения церкви, не соответствующая огромной массе всего сооружения и обширным наружным террасам-гульбищам, а также отсутствие апсид. Расположение церкви Вознесения в ансамбле усадьбы подчеркивает ее значение как монумента: она не связана с дворцом и, следовательно, не была интимной дворцовой церковью, так как вынесена за ворота усадьбы на открытое, видное отовсюду место. Стройная башня церкви в Коломенском, поставленная на высоком и крутом берегу Москвы-реки, господствует над окружающей природой; она словно вырастает из высокого холма над рекой, с которым связана гульбищем и открытыми лестницами. Широкая наружная терраса-гульбище вокруг церкви была в XVI в. открытой: верхняя площадка ее была ограждена только парапетом. С гульбища, на котором устроено «царское место» в виде белокаменного трона, откры-

вался исключительный по живописности вид на Москву-реку, далекие леса, поля и луга заречья.

В архитектуре церкви Вознесения можно наглядно видеть, как древнерусские мастера творчески перерабатывали ордерные архитектурные формы, впервые появившиеся на Руси в архитектурном убранстве кремлевского Архангельского собора. Интерьер и углы фасадов здания обработаны пилястрами различной ширины, напоминающими классический ордер подобием антаблемента, капителями и базами.

Необычайная архитектура церкви в Коломенском была высоко оценена современниками. Летопись пишет о ней: «бе же церковь та велми чюдна высотою и красотою и светлостию, такова не бывала преже того в Руси». Художественная выразительность, конструктивная смелость, динамичность архитектурного образа до сих пор поражают в этом величайшем памятнике древнерусского искусства. В церкви Вознесения сочетаются лучшие достижения древнерусской архитектуры. Цельность и органичность форм, связанных с глубокой идейной насыщенностью архитектурного образа, отразившего народную, патриотическую идею независимости и торжества русской государственности, огромная сила эмоционального воздействия и гармоничная связь с окружающей природой позволяют отнести это сооружение к числу величайших памятников мирового зодчества.

Архитектура церкви Вознесения оказала огромное влияние на последующее развитие русского зодчества. Тип стройной высотной композиции в ансамбле стал с этого времени характерным для городской, сельской и монастырской архитектуры.

После постройки кремлевского Успенского собора в архитектуре городских и монастырских соборов отчетливо заметно стремление зодчих подражать его величавому и торжественному архитектурному облику. Это можно видеть в соборах Хутынского монастыря в Новгороде (1515), Новодевичьего монастыря в Москве (1524—1525), Данилова монастыря в Переславле-Залесском (1532), в городском Софийском соборе в Вологде (рис. 47, 1568—1570) и в Успенском соборе Троице-Сергиева монастыря (1585), так же как и в других монастырских и городских соборах. В монастырских соборах впервые появляется более сложная архитектурная композиция с добавлением двух самостоятельных приделов, симметрично поставленных по отношению к главному зданию и объединенных открытой папертью-галереей (соборы Новодевичьего монастыря в Москве, Никитского монастыря в Переславле-Залесском, 1561—1564). Такой прием в архитектурной композиции культового здания получает особенно широкое распространение со второй половины XVI в. Но одновременно со стремлением сохранить традиционный тип пятиглавого соборного храма, дополнив его симметричными объемами приделов, в XVI в. шел процесс творческой переработки архитектурной композиции и крестовокупольной системы не только приходских церквей, но и традиционного архитектурного облика соборного, т. е. главного монастырского или городского храма.

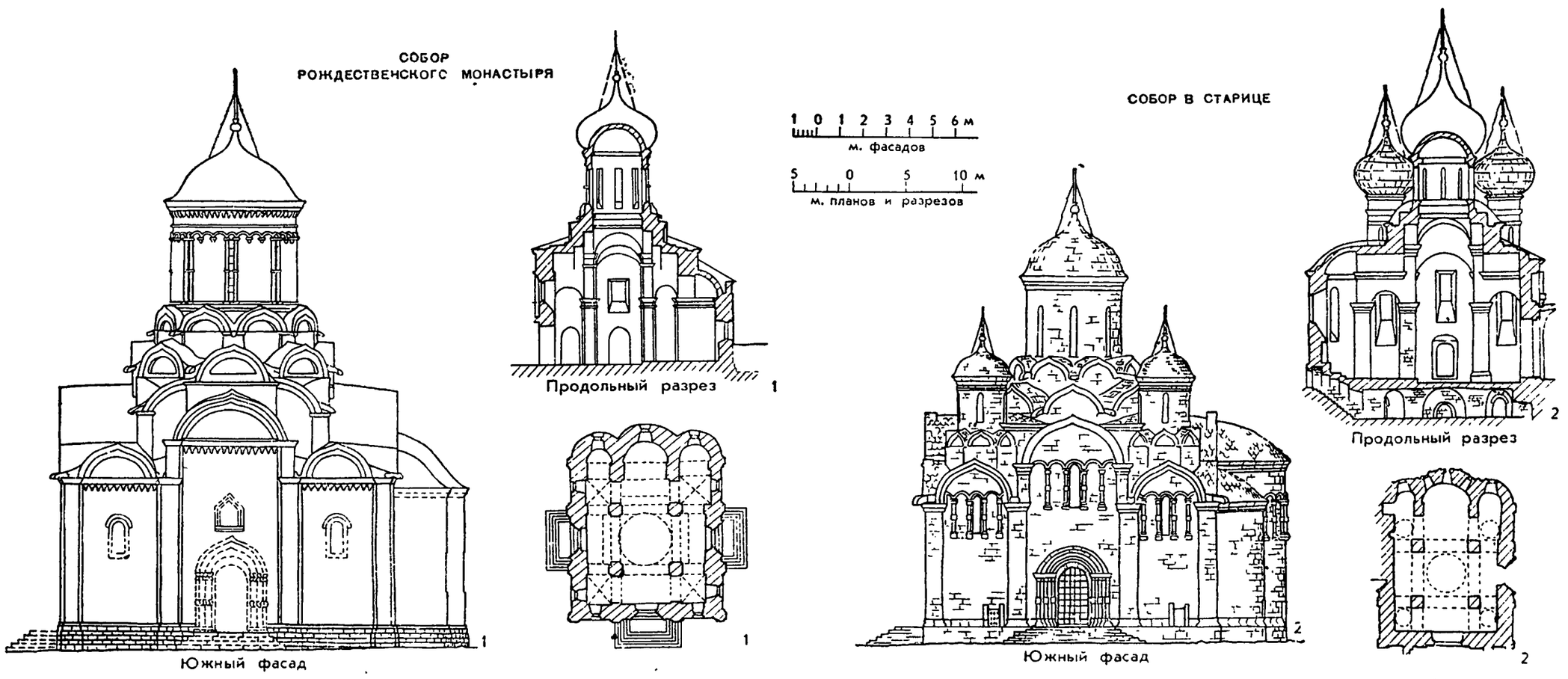
47. Вологда. Софийский собор, 1568—1570 гг.

Собор Рождественского монастыря в Москве, построенный в начале XVI в., сохраняет обычный четырехстолпный план, но в его объемной композиции с по-

ниженными угловыми частями выделяется центральная часть, увенчанная главой, как это имело место ранее в соборе Андроникова монастыря. На уступах постамента располагаются два ряда кокошников, поставленных «вперебежку». Угловые части кубического объема здания перекрываются крестовыми сводами, пониженными по отношению к центральной части, что создает пирамидальность композиции наружного объема (рис. 48).

Новые черты в архитектурной композиции здания монастырского собора получают дальнейшее развитие в белокаменном соборе Успенского монастыря в Старице, построенном в 30-х гг. XVI в. Хотя старицкий собор сохранил еще традиционное пятиглавие и четырехстолпный трехапсидный план, а в его декоративном убранстве заметно влияние московского Успенского собора (аркатурный пояс с оконными проемами между колонками, обработка порталов и барабанов глав), в целом его сложная пирамидальная архитектурная композиция принципиально отлична от массивного и статичного объема кремлевского собора. Зодчий старицкого собора развивал, по существу, новый композиционный принцип, подчеркнуто выделив центральную главу, поставленную на высоком постаменте, при пониженных угловых частях здания. Этот композиционный прием, вследствие постановки четырех дополнительных глав на пониженных угловых частях здания ведет к усложнению и некоторому расчленению единого архитектурного объема на группу из пяти соподчиненных объемов, создающих богатую и динамичную композицию целого. Этот прием, который только наметился в соборе Успенского монастыря в Старице, получил дальнейшее развитие в храме Иоанна Предтечи в селе Дьякове и нашел блестящее завершение в архитектурной композиции собора Покрова на Рву (Василия Блаженного) в Москве.

Основной элемент архитектурной композиции церкви в селе Дьякове, расположенном рядом с Коломенским и бывшем также подмосковной царской усадьбой, составляет восьмигранная башня в центре, увенчанная плоским куполом (вероятно, не сохранившим своей первоначальной формы) на высоком окруженном кокошниками барабане. Группировка пяти отдельных башен по диагоналям плана составляет существенное композиционное новшество плана дьяковской церкви и предвосхищает будущую группировку башен Покровского собора в Москве. Центральная башня дьяковской церкви господствует над четырьмя меньшими, ее окружающими, вследствие чего композиция здания имеет несомненную связь с архитектурной композицией старицкого собора и является данью каноническому пятиглавию. Благодаря контрастному сопоставлению величественной центральной башни и четырех малых башен достигнуто впечат-



48. Соборы Рождественского и Старицкого Успенского монастырей (реконструкция А. С. Фуфаева)

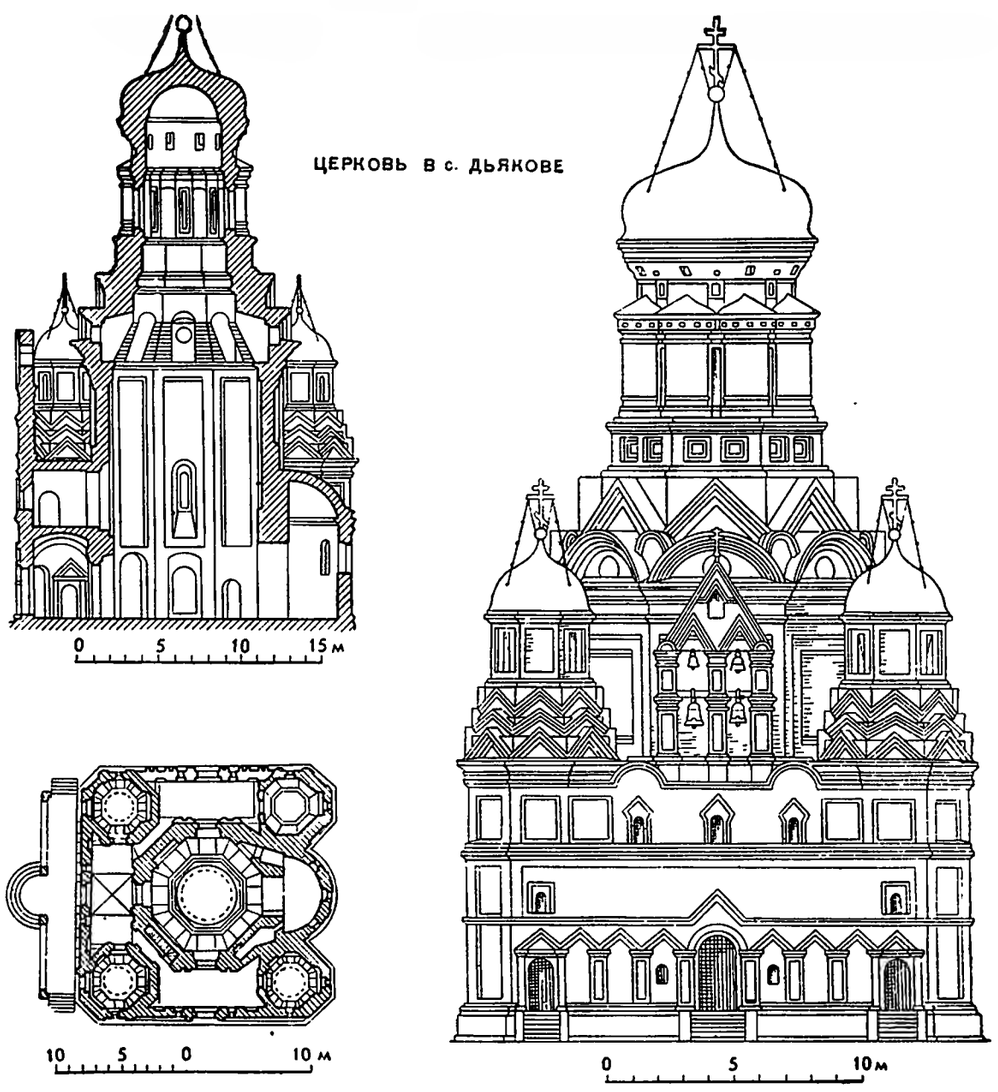
49—50. Село Дьяково. Церковь Иоанна Предтечи, 1547 г.

ление большой монументальности. Преобладание средней башни подчеркнуто и тем, что ее нарядный и массивный барабан окружен восемью мощными полуцилиндрами, возможно, первоначально завершавшимися самостоятельными главками вокруг центральной главы (рис. 49).

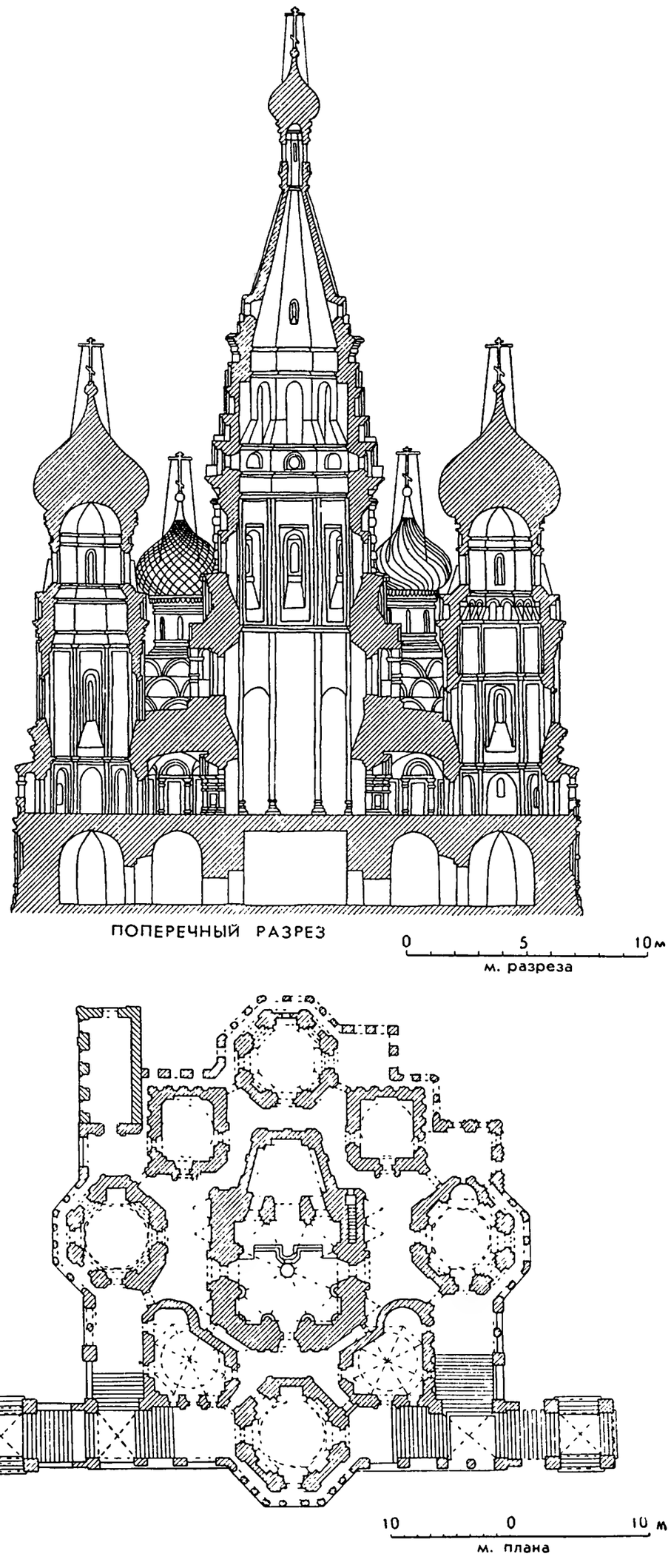
Внутри здания переход от верхнего барабана в стене восьмерика представляет собой воспроизведение навесных бойниц-машикулей крепостной архитектуры. Формы крепостного зодчества нашли свое отражение и во внешней архитектуре здания, где те же декоративные машикули обрамляют верхнюю часть и полукруглые контрфорсы барабана. Кроме элементов крепостного зодчества здесь можно видеть также переработку в камне некоторых форм, свойственных деревянному зодчеству (прямые остроконечные фронтоны вместо обычных кокошников, восьмигранная форма башен, обработанных снаружи прямоугольными впадинами, напоминающими деревянные филенки). Интересно также отметить, что пропорции средней башни церкви с. Дьякова повторяют пропорции деревянной церкви с. Панилова. В обоих сооружениях высота восьмерика относится к его ширине, как диагональ квадрата к его стороне, и равна высоте верхней части здания.

Как и в храме Вознесения в Коломенском, в архитектурном образе дьяковской церкви мы видим смелое нарушение древних традиций культового зодчества, создание новой архитектурной композиции, резко отличающейся от композиции кубических одноглавых и пятиглавых храмов, вызванное стремлением сильнее подчеркнуть мемориальный, светский характер сооружения. Хотя точная дата постройки церкви неизвестна, есть основание полагать, что храм Иоанна Предтечи в Дьякове построен в ознаменование принятия в 1547 г. Иваном IV Грозным царского титула. Пышный и торжественный архитектурный образ храма-памятника вполне соответствует величию исторического события в жизни Русского государства, которое он призван был увековечить (рис. 50).

Торжество русского народа, сумевшего без посторонней помощи освободиться от иноземного порабощения и подчинившего



себе Казанское ханство, получило художественное выражение в полном праздничного ликования архитектурном образе Покровского собора на Красной площади в Москве. Новое мемориальное сооружение, воздвигнутое, однако, не в Кремле, а на территории Великого посада, должно было ознаменовать исключительное по своей важности для народа событие, не имевшее аналогий в истории древней Руси. В необычайно живописной и динамичной композиции здания, в красочном богатстве и разнообразии его декоративного убранства с особой силой сказались народные черты русской архитектуры XVI в.



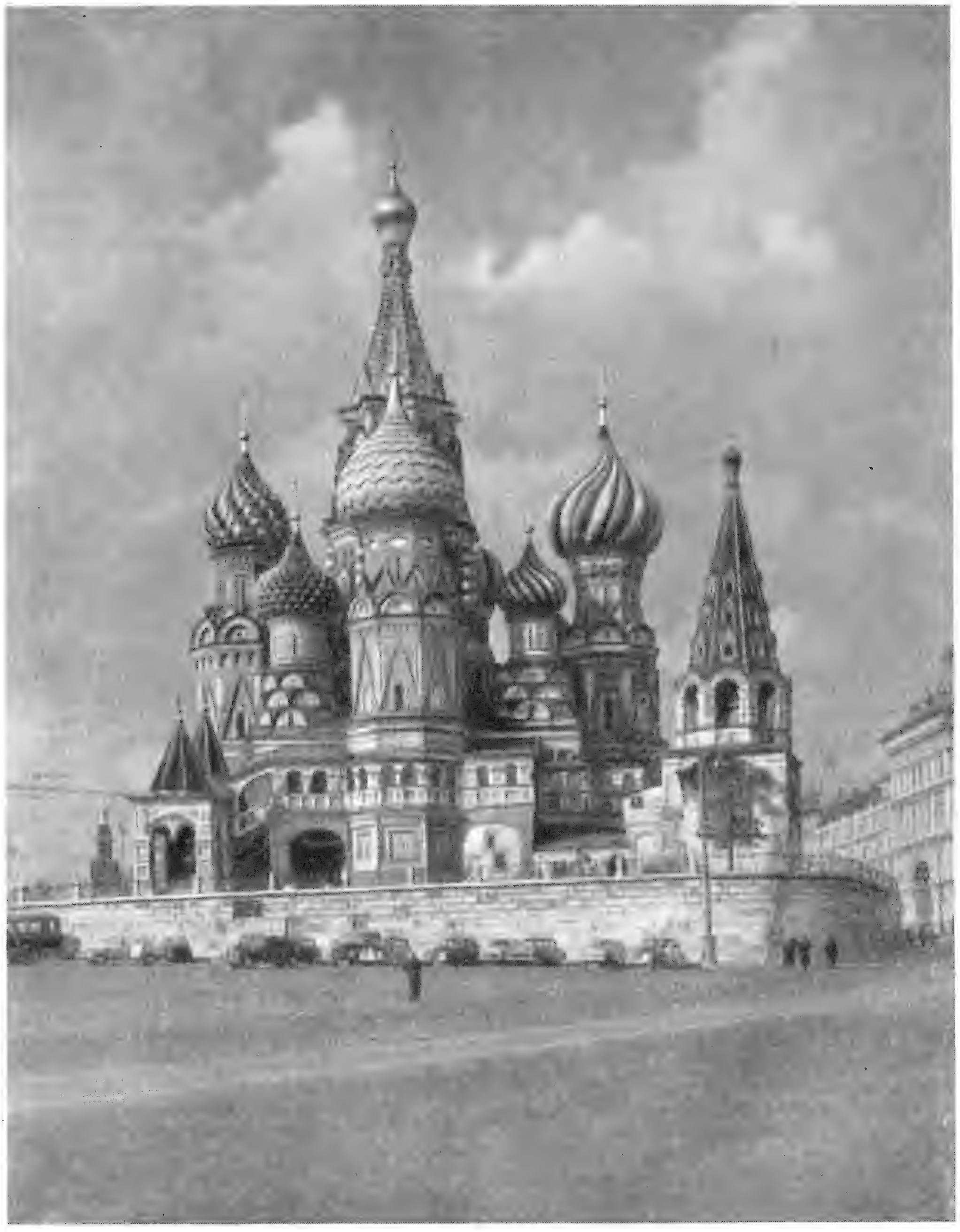
51. Москва. Покровский собор на Рву (храм Василия Блаженного), 1555—1560 гг., зодчие Барма и Посник

Покровский собор на Рву был построен русскими зодчими Бармой и Посником в 1555—1560 гг. Первоначально здание не имело яркой наружной окраски, и его строго симметричная композиция не нарушалась пристроенными в конце XVI в. приделом Василия Блаженного (по имени которого стал позднее именоваться собор) и шатровой колокольней с юго-востока, заменившей старую звонницу. Галерея, обходящая здание вокруг, была открытой и являлась как бы постаментом в его скульптурной композиции. Без пристроек и яркой окраски фасадов, сделанной позднее, здание собора выглядело несколько проще и строже. Вместе с тем пристройки не нарушают гармонии целого и в новом сочетании усиливают живописность и динамичность архитектурного образа.

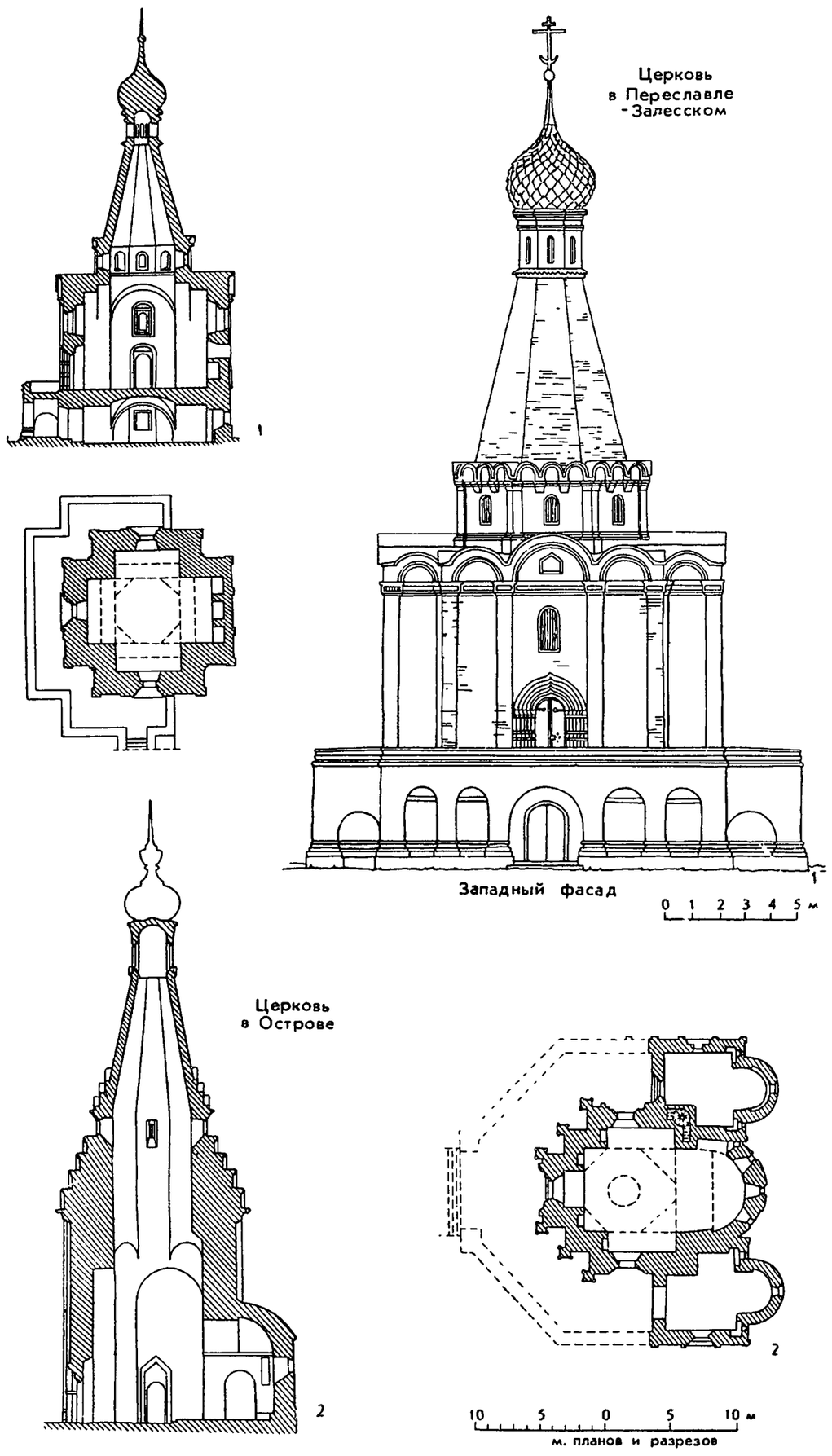
Сложная композиция Покровского собора не случайна. По заданию, полученному архитекторами, требовалось построить восемь церквей, посвященных праздникам и святым, дни почитания которых совпадали с днями решающих боев за Казань.

Но Барма и Посник внесли изменение в полученное задание, прибавив девятую церковь-башню, что можно объяснить стремлением зодчих создать симметричную архитектурную композицию. Здание выстроено из кирпича; фундаменты, цоколь и некоторые архитектурные детали выполнены из белого камня. В построении плана и пирамидальной композиции отдельных башен вокруг центральной, в конструкции перехода от стен к шатру световой главы центральной башни, в машикулях, примененных для наружной декорации, в системе кокошников и восьмигранной форме башен «столпов», в устройстве открытой галереи, объединяющей отдельные башни,— во всем этом имеется близкое сходство с архитектурой церкви в Дьякове; вместе с тем все эти приемы получили в новом памятнике дальнейшее развитие (рис. 51, 52).

В архитектуре Покровского собора можно отчетливо видеть основные источники, послужившие прообразами отдельных частей этого сложного по композиции здания.



52. Покровский собор на Рву



53. Каменные шатровые храмы. *1* — в Переславле-Залесском; *2* — в с. Острове

Несомненна глубокая и внутренняя связь его архитектуры с деревянным зодчеством, об этом свидетельствуют план и многие детали здания, например трехгранная форма апсиды центральной башни, восьмигранная форма башен типичная для деревянных церквей, или характерное украшение рельефными кругами углов четырех больших башен, сделанное, по-видимому, в подражание деревянному срубу. Имеются сведения о том, что до строительства каменного храма был выстроен деревянный, который, возможно, послужил для него моделью.

Скромные по архитектурной отделке и тесные внутренние помещения Покровского собора, так же как и других русских башнеобразных храмов-памятников, не соответствуют величию их монументального наружного объема. Центральная башня Покровского собора имеет внутреннюю площадь 8×8 *м* и высоту 46 *м*. Внутреннее помещение храма не было, как обычно, расписано фресками, но украшено орнаментальной росписью и мемориальной надписью в основании шатра, а также простыми архитектурными деталями — профилированными тягами, поясками, ширинками. Небольшое внутреннее пространство, скромная отделка интерьера, резко контрастирующая с нарядностью внешнего облика здания, составляют характерную черту всех трех храмов-памятников (церковь Вознесения в Коломенском, храм в Дьякове, Покровский собор). Эта особенность наряду с отсутствием ясно выраженного главного фасада здания сближает их со скульптурными монументами, рассчитанными на всестороннее обозрение.

Как уже отмечалось ранее, деревянный шатровый тип храма был издревле распространен в сельской архитектуре, где высокие шатровые церкви, легко обозримые на большом расстоянии, служили своеобразными ориентирами для отдельных селений и погостов. Во второй половине XVI в. каменный шатровый тип храма можно нередко встретить также в посадском и усадебном строительстве. Каменные шатровые храмы XVI в. послужили прообразом для создания нового типа высотного сооружения— шатровой колокольни. Старые звонницы, прекрасные образцы которых сохранились в Пскове, начинают уступать место высоким, стройным колокольням, призванным играть важную организующую роль в ансамбле городов, монастырей и сел, разбросанных на необъятных пространствах русской равнины. Для XV—XVI вв. характерно соединение церкви и колокольни в едином архитектурном объеме, как это имело место в Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря (1476), Ивановской колокольне Московского Кремля (1505—1508), церкви Григория в Хутынском монастыре в Новгороде (1535—1538) и шатровой церкви колокольни в Александровой слободе (1560-е гг.).

Чтобы правильно оценить значение церквей в Коломенском, в Дьякове и собора Покрова на Рву в Москве в развитии русской архитектуры, необходимо помнить, что это были только наиболее выдающиеся произве-

дения среди многих других, составлявших общий фон, на котором они ярко выделялись. Скромные шатровые храмы — Успенская церковь в Коломенском кремле (1552), церковь Косьмы и Демьяна (1565) в Муроме, церковь Никиты в Елизарове (1552) близ Переславля и в подмосковном селе Беседах наряду с более крупными сооружениями этого типа, как, например, церковь Петра Митрополита в Переславле-Залесском (1585) или церковь Преображения в подмосковном селе Острове, дают представление о художественном разнообразии каменных шатровых храмов второй половины XVI в. (рис. 53, 54).

В шатровых сооружениях начала XVII в. заметно утрачивается композиционное единство, монолитность и монументальность, свойственные шатровой архитектуре XVI в. Так, например, в Дивной церкви Алексеевского монастыря в Угличе (1628) центральный шатер симметрично дополняется двумя боковыми шатрами меньшей высоты, чем создается образ легкого воздушного сооружения, более нарядного и праздничного по сравнению с более строгими, монументальными композициями предшествующего столетия. Шатер приобретает подчеркнуто декоративный характер как во внешнем облике здания, так и внутри его, где он уже не составляет единого пространства с интерьером, но поставленный на своды становится только декоративным украшением в наружном облике здания. Архитектура церкви Покрова в с. Медведкове, построенной, вероятно, в 20-х гг. XVII в., хотя имеет открытый внутрь шатер, но уже не отличается монолитностью и лаконичностью композиционных объемов, характерных для построек XVI в. Здесь, как и в Дивной церкви в Угличе, отчетливо намечается новая тенденция к дробной, нарядной, декоративной композиции, где шатер является одним из элементов в декоративном убранстве здания (рис. 55).

Таким образом, заимствованная из народного зодчества архитектурная композиция шатрового храма постепенно вырождается и превращается в разновидность архитектурной декорации. Одновременно в деревянном народном зодчестве строгий и величественный тип шатрового храма продолжает длительное время сохранять лаконизм и монументальность архитектурной композиции — об этом свидетельствуют такие выдающиеся сооружения конца

54. Церковь Преображения в с. Острове (вторая половина XVI в.)

XVIII в., как церкви в Кондопоге на Онежском озере и в Верхней Уфтюге на Северной Двине.

*
* *

Объединение разрозненных русских земель вокруг Москвы и сложение централизованного государства создали условия для дальнейшего развития общерусской национальной культуры, способствовавшие рож-

55. Углич. «Дивная» церковь Алексеевского монастыря, 1628 г.

дению новых архитектурных типов, новых композиционных приемов, широкому размаху градостроительной деятельности.

Наиболее важным явлением в развитии русской архитектуры этого времени было широкое распространение художественно-стилистических и конструктивно-технических особенностей московской архитектуры далеко за пределы бывшего Московского княжества. Москва постепенно становится общерусским национальным культурным и архитектурным центром. Различные местные архитектурные школы (владимиро-суздальская, новгородская, псковская, ростовская и др.), сложившиеся в период феодальной раздробленности Руси, все более и более утрачивают свои специфические локальные особенности. Некоторые из них медленно, другие быстрее становятся только местными вариантами московской архитектурной школы, которая, творчески используя это богатое и разнообразное наследие, начинает оказывать решающее влияние на создание общерусской архитектуры.

Появление в московском зодчестве новых типов каменных храмов, свободных от внутренних столбов и перекрытых крещатым сводом или шатром, знаменовало не только решительный отход от старой, канонической системы крестовокупольного храма, но и создание новой архитектурной композиции общественно-культового сооружения, отличающейся необычайной простотой и цельностью, органическим единством конструктивной и художественной системы.

Политический и культурный подъем, характерный для эпохи формирования общерусского государства, ломает старые, застывшие традиции, создает условия для развития новых явлений в архитектуре. В последней четверти XV в. начинается решительная переработка традиционной крестовокупольной системы, в продолжение столетий неизменно господствовавшей в культовом зодчестве. Одним из ранних примеров изменения прочно установившихся канонов в церковном зодчестве был выстроенный «палатным образом» Успенский собор в Московском Кремле. В его архитектуре удачно сочетались традиции древней архитектуры Владимира и Новгорода с передовой европейской строительной техникой и высокой художественной культурой раннего итальянского Возрождения.

Обширное кремлевское строительство на рубеже XV—XVI столетий — выдающееся прогрессивное явление в истории русской архитектуры — привело к сложению московской школы архитектурного мастерства, наследовавшей и развивавшей лучшие традиции древнерусской архитектуры. Создание в центре столицы крупного архитектурного ансамбля сделало Москву ведущим архитектурным центром страны. В плане Москвы, сложившемся в конце XVI в., с постройкой кольцевых укреплений Белого города и Скородома древнерусские градостроительные традиции получили наиболее четкое и законченное выражение. Укрепленная территория города приобрела конфигурацию, близкую по форме к кругу, с тремя кольцевыми линиями укреплений и сетью радиальных улиц, сходившихся к центру города. По своей законченности радиально-кольцевая система плана Москвы с четко выраженным центром не имеет близких аналогий среди других крупных средневековых городов Европы и является следствием важной роли Кремля как ядра планировочной структуры древнерусского города.

Знаменательно, что уже с конца XV в. архитектурно-строительная деятельность перестает быть безымянной или связанной только с именем заказчика, как это было раньше. На страницах летописей, отмечающих важнейшие события своего времени, все чаще начинают появляться сообщения о строительстве тех или иных сооружений с указанием имен зодчих-строителей. Последние приобретают профессиональную специализацию, как, например, «церковный мастер», «палатный мастер», «городовой мастер». Постройки отдельных мастеров отличаются большой художественной индивидуальностью. Впервые в летописях появляются известия о своеобразных архитектурных конкурсах на строительство особо важных сооружений и сообщения о смерти наиболее известных мастеров-строителей.

Архитектурно-строительное дело приобретает большое государственное и общественное значение. Древнерусская архитектура не знала скульптурных монументов в память выдающихся событий и лиц, их заменяли архитектурные сооружения. В силу исторических условий эти памятники в честь важнейших событий в жизни Русского государства имели церковно-культовый характер. Вместе с тем сам факт создания монументальных церковных зданий, в которых главенствовала идея мемориального сооружения в честь важного исторического события, а культовое назначение имело уже второстепенное значение и не являлось определяющим для его объемной и плановой композиции, был прогрессивным явлением, так как свидетельствовал об укреплении реалистических черт в архитектуре и освобождении ее от безраздельного влияния церковно-религиозной идеологии.

Для блестящего развития русской архитектуры в XV—XVI вв. огромное значение имела ее глубокая, органическая связь с истоками народного зодчества. Это была одна из причин того, что русская архитектура этого времени могла с такой удивительной полнотой выразить в художественной форме и конструктивных приемах присущие ей своеобразные национальные особенности. Наиболее примечательной особенностью народного деревянного зодчества является постоянное стремление к комплексному решению утилитарных и художественно-идейных задач. Органическая связь между функциональным решением сооружения и его архитектурным обликом сказывается здесь во всем, начиная с плана и композиции объемов, вплоть до отдельных архитектурных деталей, которые имеют наряду с художественным также определенное конструктивное значение.

Вышедшие из народных низов древнерусские зодчие-профессионалы обращались в своем творчестве к сокровищнице народного деревянного зодчества, творчески перерабатывая его приемы в монументальной каменной архитектуре. На этой основе русские зодчие в XVI в. разработали новые композиционные приемы, архитектурные типы и формы, оказавшие глубокое влияние на развитие национальной архитектуры.

Образование централизованного государства и сопутствовавший этому подъем национального самосознания русского народа после освобождения от татарской зависимости создали предпосылки для дальнейшего развития русской культуры и развертывания обширного государственного строительства. В этих условиях естественно возникновение нового архитектурного типа — высотного храма-памятника, ярко отразившего новый этап в развитии Руси, во многом созвучный эпохе Возрождения на Западе.

Русская архитектура XV—XVI вв. — уже вполне сложившееся национальное искусство. После длительного периода сравнительно изолированного развития от архитектуры европейских народов начинается новый период постепенного восстановления нарушенных связей, появляются конструктивные приемы и архитектурные детали, характерные для западноевропейской ордерной архитектуры. Но у русских мастеров они получают глубокую творческую переработку и органически входят в русскую архитектуру как ее составные элементы, подобно тому как это было у всех народов, связанных взаимным общением.

Для этого времени характерен подъем в области строительной техники, что сказалось в разработке новых, смелых конструктивных приемов, в массовом изготовлении стандартных архитектурных элементов и деревянных сборных домов.

Русские зодчие XVI в. блестяще показали органическую связь, единство всех сторон архитектуры — идейной, художественной и функционально-технической. В этом единстве заключается высокое совершенство лучших произведений русского зодчества этой эпохи.

ГЛАВА 4
АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ — КОНЦА XVII В.

1625—1700 годы были временем укрепления Русского государства и усиления центральной государственной власти, расширения количества приказов, появления в боярской думе думных дворян и усиления зависимости от центра местной администрации. Все это было связано со строительством зданий административного назначения и отчасти с дворцовым строительством. Посылка русских зодчих в Смоленщину, на Левобережную Украину и в Киев для ремонта и постройки укреплений имела следствием их знакомство с новыми для них архитектурными формами и композициями, а белорусские и украинские резчики и керамисты работали в Москве. Необходимость защиты присоединенных к России земель требовала возведения крепостей. Прикрепление крестьян к земле повысило доходность помещичьих, боярских и монастырских хозяйств. Увеличение количества продуктов сельского хозяйства, шедших на продажу, расширило внутреннюю торговлю, вызвало строительство торговых рядов и гостиных дворов и способствовало обогащению городского купечества.

Образование единого всероссийского рынка усилило связи между отдельными городами и областями, что должно было сказаться и на постепенном стирании разницы между местными архитектурными школами.

В Москве XVII в. были известны трактаты Виньолы, Скамоцци, Ганса Блюма и Вредемана де Вриза, знакомство с которыми расширяло кругозор русских зодчих. Количество иностранных зодчих в России XVII в. и их значение было невелико. Больше приезжало из-за границы других специалистов: в это время создавались металлургические заводы в районе Тулы и в Заонежье, велись поиски полезных ископаемых на Урале и в Сибири, появились первые поташные, селитренные и стекольные заводы и наряду с увеличением числа мелких ткацких мастерских и кирпичных заводов появились крупные государственные предприятия.

Следствием этого было появление промышленных зданий, а также и развитие научных знаний на Руси. Промышленность требовала многих людей, сведущих в математике, физике, химии, геологии, а путешествия, связанные с торговлей и освоением новых владений на востоке, расширяли географические представления русских. В XVII в. появляются первые русские научные труды, оригинальные и переводные, содержащие сведения по перечисленным наукам. Мировоззрение русских людей XVII в. становилось более светским, основывающимся на опыте людей, изучающих мир, а не на старых схоластических представлениях. Значение церкви как общерусской организации, способствовавшей объединению русских земель, и как распространителя культуры ослабело в XVII в., а рост земельных владений церкви беспокоил правительство, которому нужны были земли для «испомещения» служилых людей, и оно пыталось установить контроль над церковным землевладением, что было одной из причин конфликта между церковной и светской властью при патриархе Никоне.

В таких условиях понятно усиление светского начала в русском искусстве XVII в., сказавшееся больше во вторжении в церковную живопись элементов реального мира — пейзажа и архитектурных фонов, бытовых аксессуаров и жанровых сцен и в более реалистической манере некоторых русских художников. В архитектуре усиление светского начала повысило значение светской тематики. В церковной архитектуре сказались взгляды служилого дворянства и верхов посадского населения, чуждых богословской изощренности, видевших в боге «царя небесного», подобного земному, а в церкви — «дом божий», подобный царскому дворцу.

Русская строительная техника в XVII в. развивалась по путям, намеченным в прошедшем столетии. Деревянные постройки XVII в. наряду с рубленными стенами и покрытиями сохранили и стены церковных папертей и холодных частей жилых зданий с каркасом из брусьев и дощатым заполнением, бревенчатые консоли под крыльцами и галереями, стоечную, лишь «одетую» срубом конструкцию колоколен, наслонные стропила их шатров и рубку шатров над церквами «в режь» с соединением бревен не в пол-, а в четверть дерева. Такие шатры отделялись от церквей потолками-накатом из пластин по открытым балкам. Таковы же потолки алтарей и трапезных, а балки последних при больших пролетах подпирались столбами из толстых бревен, имевших иногда подбалки или подкосы.

Главным строительным материалом в русской каменной архитектуре XVII в. оставался кирпич крупных размеров (7,5—8×14—14,5×28—30 *см*), и наряду с ним изготовлялся и трехчетвертной и разные виды профильного кирпича, такие же, как в XVI в., и более сложные. Как отделочный материал применялись терракота и многоцветная майолика, от простых изразцов до целых колонок. Резной камень до конца XVII в. применялся редко. Фундаменты были бутовыми, стены и своды подвалов при влажном грунте клались из тесаного камня и из него же часто выполнялись нижние части цоколей и углы плит карнизов. Кирпичные стены клались, как и раньше, на известковом растворе с песком, крестовой кладкой с забуткой их толщи кирпичным боем. Проемы перекрывались полуциркульными и коробовыми арками или (в конце столетия) плоскими кирпичными перемычками, армированными полосовым железом.

Своды в XVII в. чаще всего делались цилиндрическими или сомкнутыми с распалубками над проемами при низко опущенных пятах; в конце столетия появились восьмилотковые сомкнутые своды. Крестовые и крещатые своды были редки. Связи, погашавшие распор сводов, делали теперь железными. Тес и лемех с берестяной гидроизоляцией применялись как кровельный материал не только в деревянных, но и в каменных зданиях. Гончарная черепица XVII в. меньших, чем раньше, размеров с зеленой, желтой или коричневой глазурью укладывалась по сводам и шатрам, и лишь в Пскове делались кровли из неглазурованной черепицы, близкой по форме к голландской, по стропилам. Посводные кровли и главы делались и из медных листов и луженого железа с пропайкой швов, а плоские кровли — из каменных плит по забутке сводов и песчаной подготовке.

Кроме упоминаний в документах о «подобиях» (возможно, моделях) и «чертежах» от XVII в. сохранилось и несколько чертежей зданий, очень эскизных, но с указанием размеров. Несовершенство чертежей возмещалось отчасти «росписями» — описаниями зданий в строительных договорах, содержавшими иногда и ссылки на существовавшие здания как на образцы. При проектировании крепостей иногда для лучшего суждения о них строился фрагмент в натуральную величину. Наряду с хозяйственным методом постройки в XVII в. применялся и более отвечавший времени развития денежных отношений подрядный метод, при котором зодчий руководил всеми сторонами строительства. На крупных государственных постройках надзор помимо зодчего осуществлялся и чиновником каменного приказа, а в далеких от Москвы городах — местными воеводами.

Градостроительство. Наиболее крупные города России XVII в., включая и Москву, сложились задолго до этого времени и сохранили свою планировочную структуру с сетью улиц, площадями, кольцами укреплений, противопожарными разрывами между отдельными районами и крупными административными и общественными зданиями или архитектурными ансамблями кремлей и монастырей, бывшими композиционными центрами городов или их частей (рис. 1).

1. Москва. Панорама Кремля (с гравюры Пикара 1715 г.)

Поэтому рост городов в XVII в. происходил за счет роста окружавших их слобод, возникновения новых слобод и поглощения городом примыкавших к нему сел и деревень. Планировка новых, периферийных частей городов была развитием сложившейся ранее планировки центральных частей — удлинялись радиальные улицы, переходившие в дороги, ведущие в другие города, перпендикулярные им (если позволял рельеф места) переулки делили территорию на кварталы. В относительной прямизне улиц этих частей городов, в однородности размеров и очертаний дворовых участков, а иногда и кварталов наблюдалось стремление к регулярности. Некоторая однородность застройки придавала новым слободам известного рода архитектурное единство. Иногда над однородной рядовой жилой застройкой возвышалась деревянная или каменная церковь, выделявшаяся высотой, композицией и убранством фасадов.

В некоторых городах, в частности в Москве, в XVII в. вытеснение слобожан беломестцами привело к увеличению размеров дворовых участков, а иногда и к укрупнению кварталов. Более значительные изменения в облике старых частей городов произошли в XVII в. в связи со строительством новых крупных сооружений, занимавших целые кварталы. Такими зданиями были гостиные дворы (в Москве, Новгороде, Гурьеве, Архангельске, Тобольске), крупные промышленные здания, вроде московского печатного двора и монетных дворов в Китай-городе и в Кадашевской слободе, и административные здания. Так, земский приказ на Красной площади в Москве замкнул северную часть площади, подобно тому как на юге она замыкалась Покровским собором, но был ориентирован главным фасадом в сторону монетного двора. Эти два здания, расположенные на одной оси и родственные друг другу по ордерному убранству фасадов, образовали единый архитектурный ансамбль с Воскресенскими воротами, к которым выходил проезд между ними и которые в XVII в. были увенчаны двумя шатровыми башенками.

В провинциальных городах местными композиционными центрами были воеводские дома с подсобными зданиями, что составляло целый комплекс, занимавший значительную территорию (Новгород).

Определенное градостроительное значение имели и архиерейские дома, где кроме самого дома была и церковь (а иногда и несколько церквей), и служебные постройки, и стены с башнями (Ростов, Вологда, резиденция крутицких митрополитов в Мо-

скве). Архиерейский двор строился рядом с собором и колокольней и составлял с ними ансамбль, подчиняющий прилежащие части города. Обычная для XVII в. постройка высоких колоколен при соборах и в монастырях и надстройка шатровых верхов над крепостными башнями также была связана с ростом городов. Это было необходимо как для удобства обзора и для распространения колокольного звона на далекие расстояния, так и для приведения внешних размеров этих зданий в соответствие с растущими размерами города.

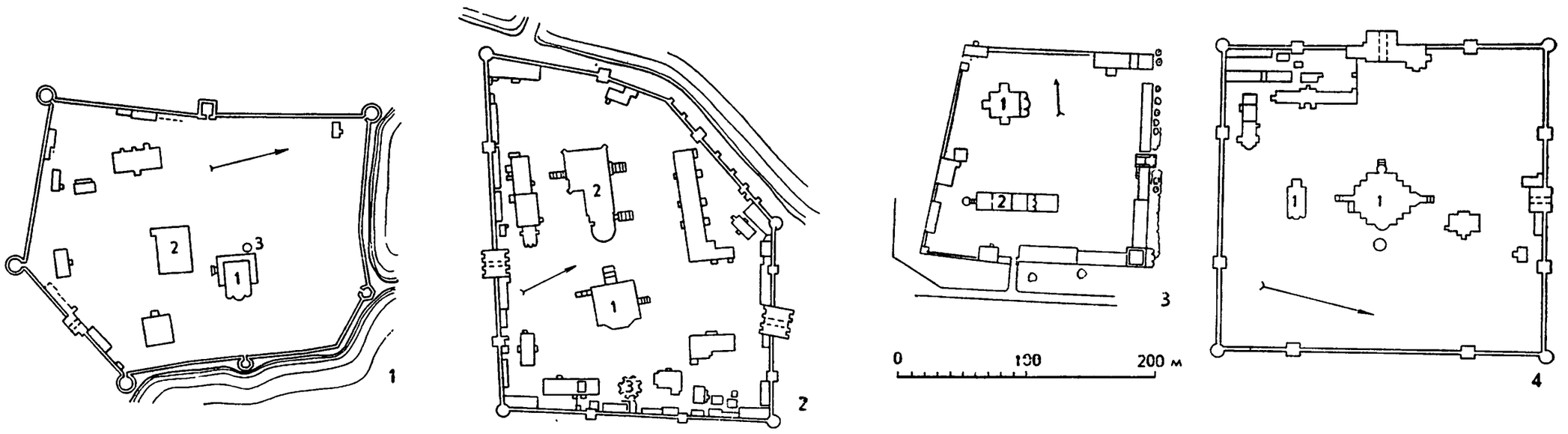
О значении, которое имели для облика русского города XVII в. церкви и колокольни, можно было еще недавно судить по застройке берегов рек в таких городах, как Вологда или Ярославль, где эти здания, возвышаясь над жилой застройкой, вносили в нее известную организованность и упорядоченность. В то же время XVII век внес бóльшую регулярность и в застройку сложившихся ранее архитектурных ансамблей. Такое значение для Соборной площади Московского Кремля имела постройка патриаршего дома, замкнувшего ее северную сторону, а для Ивановской площади — постройка нового здания приказов.

То же наблюдалось и при перестройке старых монастырей, где крепостные стены получали более правильные, чем раньше, очертания (Иосифов-Волоколамский монастырь), а застройка центров становилась более регулярной, как в московском Новодевичьем монастыре, где трапезная и колокольня конца XVII в. были размещены на одной оси с собором XVI в. Вновь возведенные в XVII в. монастыри уже имели ограды, образующие в плане правильный прямоугольник, и застраивались зданиями, оси которых были параллельны стенам ограды (Флорищева пустынь), а в конце столетия появились и такие регулярные комплексы, как московский Донской монастырь, где стены в плане имели вид квадрата, башни размещались с равными интервалами, ворота занимали середину северной и западной стен, а на пересечении проходящих через них осей квадрата был возведен новый собор (рис. 2).

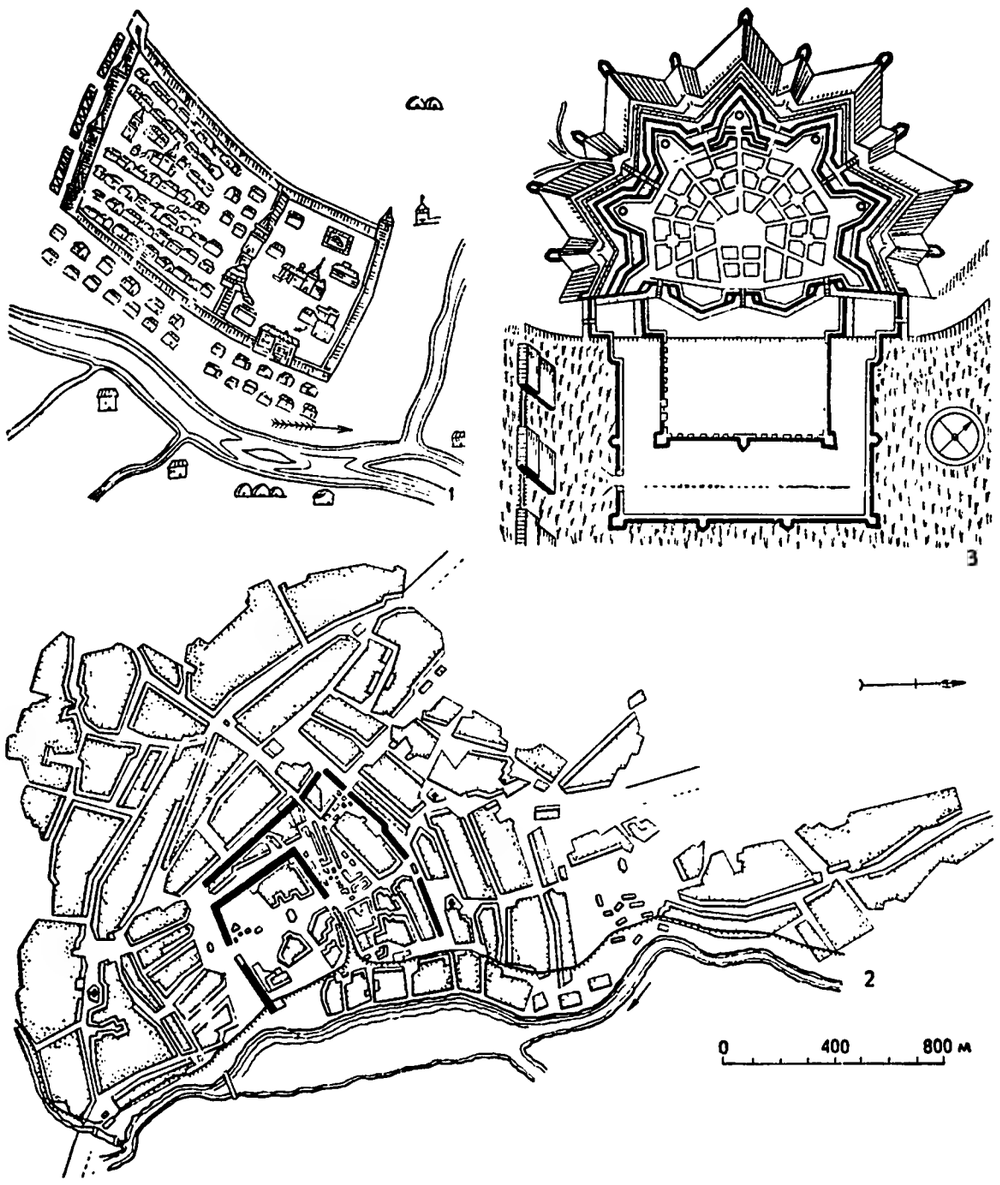
Новые города в XVII в. строились в большем количестве, чем раньше, как на юге и юго-западе страны, так и на востоке. На юге и юго-западе это было связано с продвижением на юг засечной черты и с воссоединением с Россией части Украины. С 1636 г. начинается строительство Козловско-Тамбовской и Белгородской линий городов-крепостей, причем новый порядок заселения их обедневшими и записанными в крестьяне служилыми людьми, которым предоставлялось право ухода от помещиков и вотчинников, обеспечил их устойчивым и достаточно многочисленным населением. С 1648 г. строится Симбирская черта — от Симбирска через Инсар до Тамбовской черты, с 1652 г. — Белый Яр, Новошешлинск, Заинск, Мензелинск и другие города Закамской черты, а в 1660-х гг. города южной Симбирской черты — Пенза, Сызрань и Саранск.

Новые города на юге и юго-западе состояли из крепости и примыкающих к ней слобод для стрельцов, солдат, казаков, пушкарей, ямщиков и т. п. Выбор места для городов диктовался и военными соображениями, и необходимостью обеспечить их население землей, годной для сельского хозяйства, нередко города располагались на крутых берегах рек, при слиянии их, т. е. в местах, защищенных самой природой и влиявших на особенности планировки городов.

В большинстве городов крепость имела в плане вид правильного прямоугольника, и планировка как внутренней части ее, так



2. Планы монастырей: *1* — Иосифов-Волоколамский; *2* — Новодевичий; *3* — Флорищев; *4* — Донской; *1* — собор, *2* — трапезная; *3* — колокольня

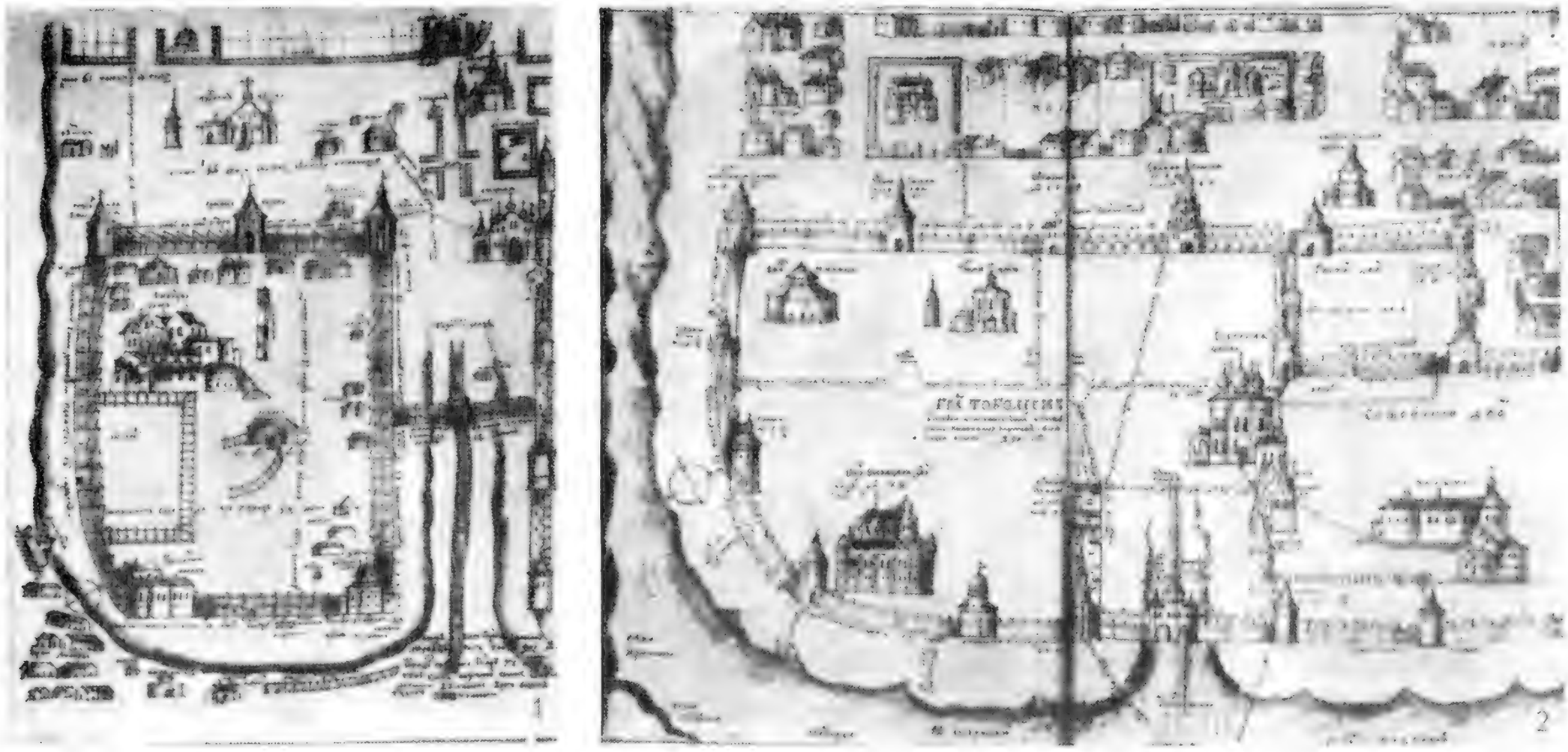


3. Планы городов. *1* — Красноярск (чертеж конца XVII в.); *2* — Козлов; *3* — Таганрог (чертеж конца XVII в.)

и слобод имела регулярный характер. Улицы, если позволял рельеф местности, были прямыми, а кварталы прямоугольными с более или менее одинаковой шириной, дворовые участки также имели правильную форму и одинаковые размеры (в слободах в пределах 6—8×10—15 сажен, а в крепости «осадные дворы» 3—3½×4—5 сажен). В некоторых случаях направление улиц к реке и параллельно ей или на соседние города нарушало прямоугольную сетку и делало часть кварталов косыми, но стремление к регулярности сохранялось и здесь в прямизне улиц и правильных очертаниях торговой площади, располагавшейся возле крепости. Иногда (Суджа, Лебедин) регулярную планировку имели лишь крепость да прилегающая к ней часть посада, окружавшаяся иногда рвом и валом, а слободы имели планировку, соответствующую рельефу местности и независимую от планировки центра.

Значительные градостроительные работы велись в XVII в. в Сибири, границы которой подвинулись на восток. Здесь строились не только города-крепости, но и главные административные и торговые центры. Возникшие в конце XVI в., через некоторое время они стали крупными городами с сложившейся планировкой. Сибирские города, о планировке и застройке которых дают хорошее представление чертежи в «Чертежной книге Сибири», составленной на рубеже XVII и XVIII вв. Семеном Ремезовым, являются примерами регулярно распланированных русских городов XVII в., создававшихся в различных природных условиях и обладавших различными размерами.

В Пелыми и Красноярске (рис. 3, *1*) к правильным прямоугольникам крепостей примыкает (с одной или с двух сторон) посад, окруженный острогом, также прямоугольным в плане, и дома внутри острога размещены правильными, параллельными рядами. В других городах, как в основанных еще в конце XVI в. Тюмени и Тобольске, их естественные границы и рельеф позволили применить прямоугольную сетку улиц лишь частично, о чем уже было сказано в предшествующей главе. То же наблюдалось и при расширении этих городов в XVII в. Тобольский кремль в конце этого века подвергся реконструкции, причем расширение его территории, снос некоторых старых и постройка новых зданий сделали его застройку более регулярной и свободной (рис. 4). Архитектурной целостности Тобольска помимо регулярной планировки верхнего посада и господствующего положения кремля с расположенным рядом меновым двором должна была способствовать и застройка части его улиц жилыми домами, выходящими на красную линию. Они возводились по типовым проектам, разработанным вместе с известными приемами застройки улиц в самом начале XVIII в., выступавшим здесь уже в качестве архитектора Семеном Ремезовым. Мастера-градодельцы XVII в. (Иван Андреев, Федор Сухотин и др.) были не только строителями укреплений, но и градостроителями в близком к нашему пониманию этого слова. Они выбирали места для постройки городов, учитывая и стратегические факторы и интересы населения, для которого они делали планировку посада, а иногда и слобод, и нарезку дворовых участков. Чертеж в их работе играл все бóльшую роль, и количество чертежей по отдельным городам доходило до восьми-девяти. В то же время возрастало значение чертежа как документа о городе, хранящегося в центральных учрежден-



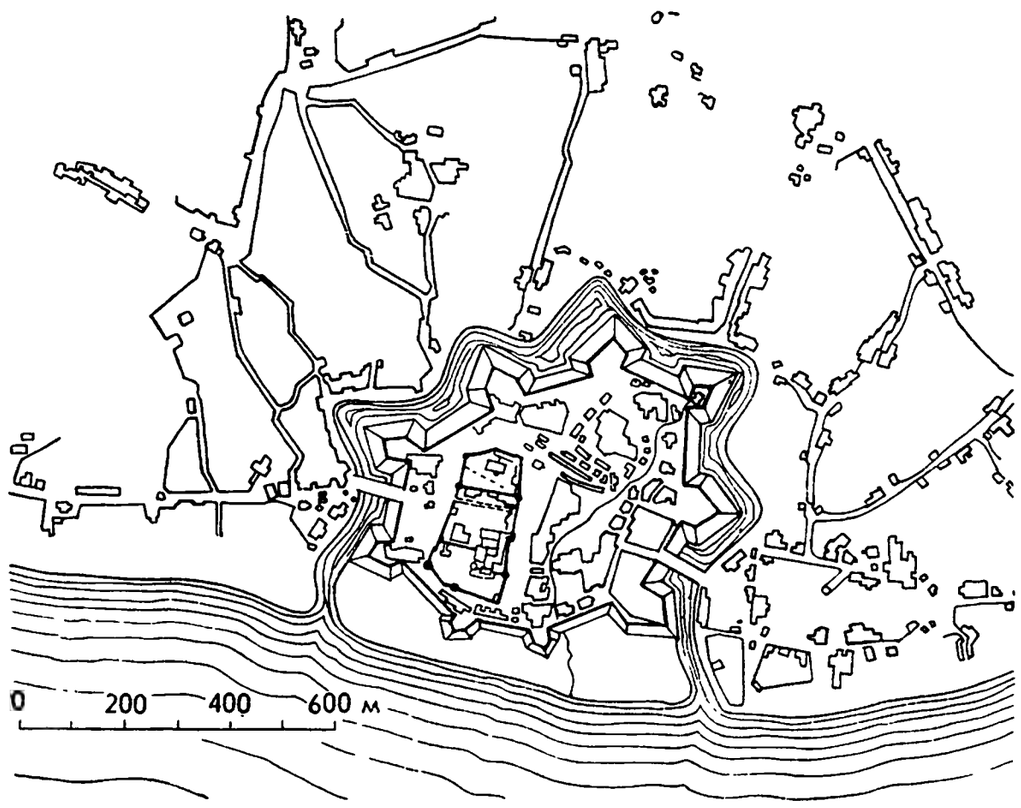
4. Тобольск. *1* — план центра города; *2* — проект реконструкции Кремля конца XVII в. С. Ремезова

ях. В разрядном приказе во второй половине XVII в. было более 250 чертежей городов, часть которых восходила еще к началу XVI в. Чертеж господствует и в плане Таганрога 1699 г. с его совершенно правильной радиальной и прямоугольной сеткой улиц, в плане, в равной степени относящиеся к XVII и XVIII вв. (рис. 3, *3*).

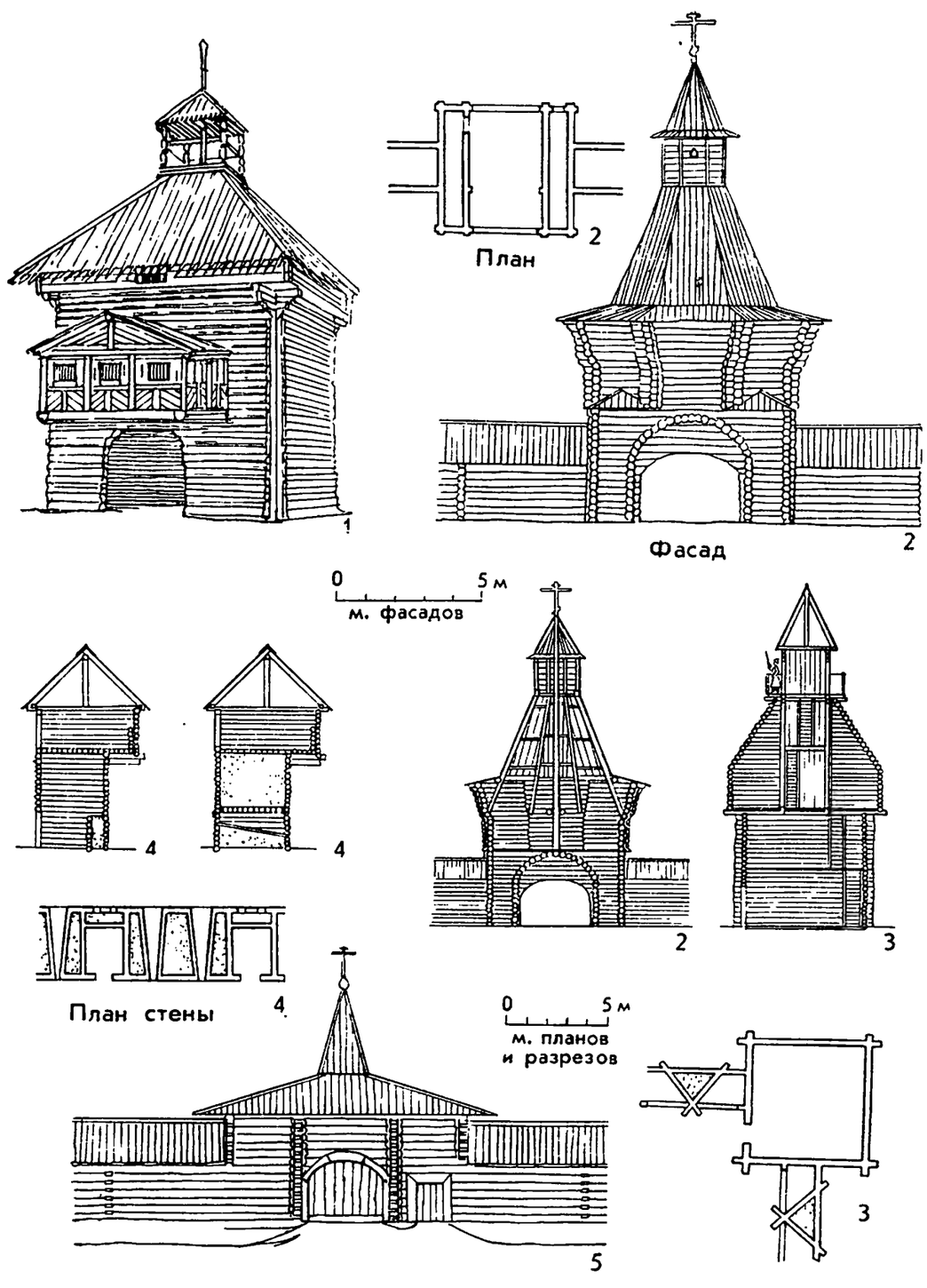
Крепостная архитектура. Строительство крепостей продолжало играть значительную роль в русской архитектуре XVII в. События начала столетия показали, что нужно было заботиться о безопасности городов, находящихся даже в центре страны, а возобновившееся с середины века расширение границ России на западе, юге и востоке также требовало постройки крепостей для защиты новых владений. На западе подновлялись и укреплялись существовавшие крепости русской и польской постройки. На юге на засечной черте возникали новые укрепленные города на всем ее протяжении от Нижнего Заволжья до Слободской Украины. В Сибири крепости, рассчитанные на сопротивление незнакомому с огнестрельным оружием местному населению, строились почти исключительно из дерева (каменными были только крепости Кузнецка и Тобольска).

В европейской части страны каменные городские крепости были выстроены в Можайске (1624—1626) и в Вязьме (1629—1633). В Ярославле в 1658—1668 гг. строились каменные башни деревоземляных городских укреплений, а вообще каменные крепостные стены все более становились уделом монастырей, где они начали утрачивать оборонительные свойства, приобретая зато бóльшую нарядность. Повышение мощности осадной артиллерии заставляло отдавать предпочтение земляным валам с бастионами, которые уже с начала XVI в. возводились на западе, а с 1530-х гг. появились и в России. Первыми строителями таких укреплений в России XVII в. были иностранцы, вроде голландского инженера Яна ван Роденбурга (Яна Корнилова), построившего в Ростове в 1630-х гг. сохранившиеся до сих пор земляные валы в виде неправильного многоугольника с девятью бастионами (рис. 5). Вскоре появились и русские специалисты по постройке таких крепостей, вроде «Уланки горододельца, ученика Яна Корнилова».

На засечной черте и в Сибири строились более архаичные деревянные и деревоземляные укрепления. Чертежи некоторых крепостей засечной черты, сохранявшихся еще в XVIII в., и изображения деревянных крепостей в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова говорят о том, что в XVII в. они следовали старым типам тына с рублеными башнями и двумя ярусами бойниц стен из засыпанных землей городней или тарас



5. Ростов. План крепости



6. Деревянное зодчество XVII в. *1* — Якутск. Башня острога (1683); *2* — Николо-Карельский монастырь Архангельской области. Надвратная башня (1691—1692); *3* — Красный Яр, Астраханской обл. Башня острога (1648); *4* — Олонец, Карельской АССР. Крепостные стены (1649); *5* — Маркушевский монастырь. Ворота (XVII в.)

(рис. 6, *4*) с дополнительным ярусом навесных бойниц (щель между стеной и нависающим над ней парапетом-заборалом верхнего хода) и более высокими рубленными в лапу шатровыми башнями, квадратными, шести- и восьмиугольными в плане. Такие башни сохранились в Якутске (Якутский острог, 1683), одна из которых, надвратная, имеет наружный закрытый балкон, нависающий над воротами (рис. 6, *1*), а также в Илимске и в Братском остроге — сейчас в музее села Коломенского под Москвой. Сюда же перевезена и башня ограды Николо-Корельского монастыря (1691—1692) — сооружение, наполовину утратившее свои оборонительные свойства. Прорезанный воротами четверик увенчан восьмериком, шатровой крышей и дозорной вышкой. Эта башня не имеет бойниц, а повал на середине высоты восьмерика служит лишь опорой для стропильных ног шатра (рис. 6, *2*).

Иногда деревянные рубленые стены делались облегченной конструкции. Так, в стенах города Коротояка на Засечной черте городни были засыпаны землей через одну, а от промежуточных остались лишь лицевые стенки, за которыми стояли пушки. В остроге в Красном Яру, в низовьях Волги (1648), городни были треугольными в плане (рис. 6, *3*). Такие стены предназначались для отражения набегов кочевников огнем через многочисленные бойницы.

В XVII в. навесные бойницы на каменных стенах стали применять чаще, чем в XVI в., а у некоторых стен делали и промежуточный, третий ярус бойниц. Таковы стены «нового города» в Кирилловом-Белозерском монастыре (1633—1666, рис. 7), имеющие изнутри два яруса ходов на аркадах (местами внизу устроены жилые помещения для гарнизона). Кроме того, здесь и в башнях Спасо-Прилуцкого монастыря близ Вологды (закончены в 1656 г.) каменные дозорные вышки опираются на восьмигранные «столпы», стоящие посередине башни. XVII век знал ворота с фланкирующими башнями, свойственные Ростову (ворота ограды митрополичьей резиденции 1670—1680-х гг. и Борисоглебского на Устье монастыря) и Верхнему Поволжью (Паисиев монастырь близ Углича, Толгский монастырь близ Ярославля). Наконец, в XVII в. появились каменные шатры крепостных башен, возводимые одновременно с ними (стены Иосифова-Волоколамского монастыря, 1670-х гг., мастер Трофим

3. Иосифов-Волоколамский монастырь. Петровская и Старицкая башни, вторая половина XVII в., мастер Трофим Игнатьев.

Игнатьев) или надстраиваемые над старыми башнями (в Москве — в Кремле в 1670—1680-х гг., Китай-городе и Симоновом монастыре). Спасская башня, главный въезд Кремля, первой получила новый верх в 1624—1625 гг., одновременно с устройством английским механиком Х. Галовеем новых часов для нее. Вместо зубцов появилась легкая аркада, окружающая двухъярусный верх, четырехгранный внизу и восьмигранный вверху, с открытыми пролетами звона и стройным шатром (рис. 8). В нарядном убранстве верха старые мотивы, вроде килевидных завершений арок, сочетались с фиалами, ордером и статуями. Остальные башни Кремля (кроме Никольской) получили свои верхи в 1670—1680-х гг.: Троицкая — подобный верху Спасской башни, Боровицкая — похожий на шатровую колокольню, а остальные башни — четырех- и восьмигранные шатры с дозорными вышками, причем их зубцы были заменены невысокими парапетами с ширинками.

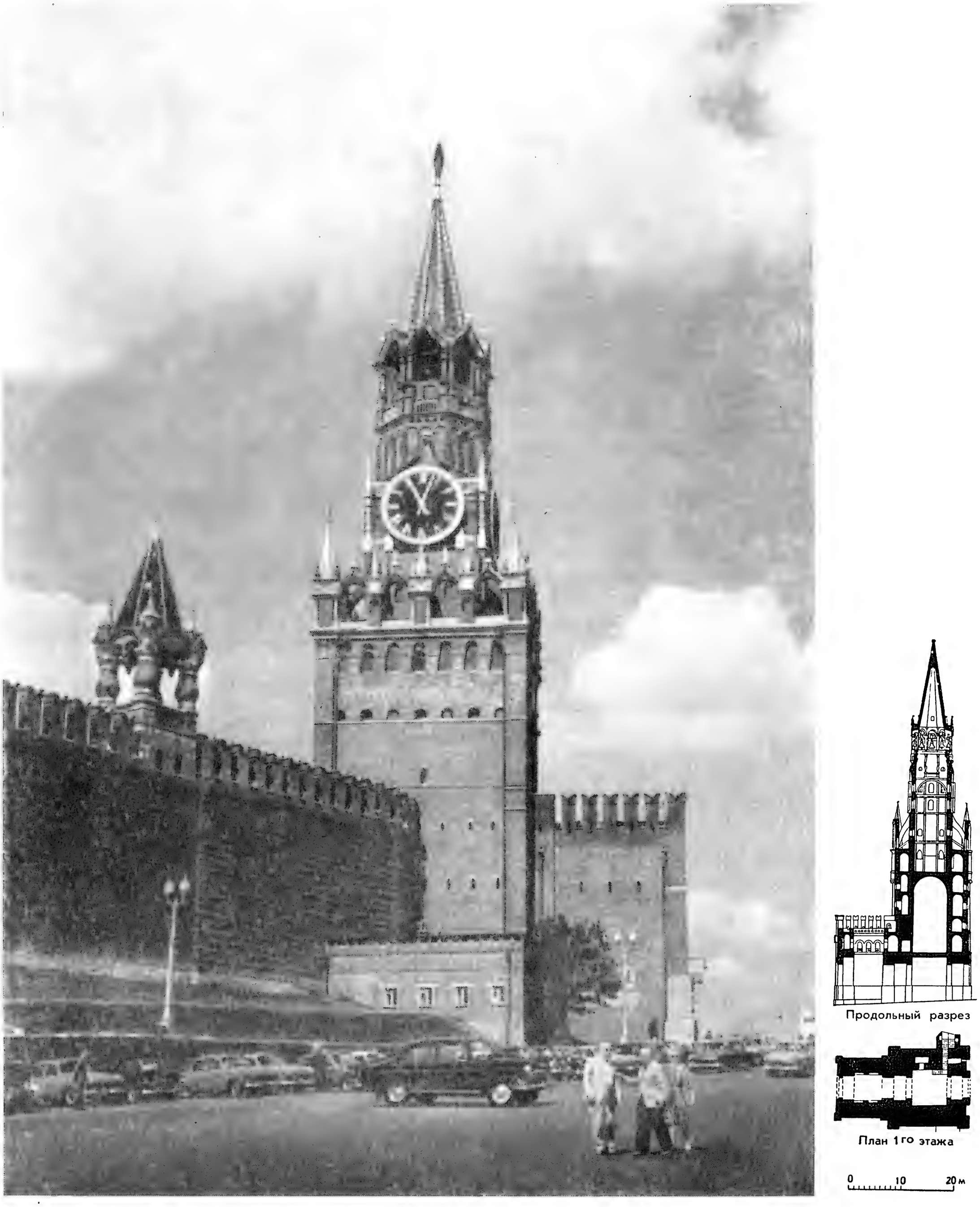
Много нового внес XVII век в декорировку каменных крепостных стен и башен. Даже в суровых башнях Кириллова-Белозерского монастыря дозорные вышки украшены полуколонками и ширинками с изразцами, а Вологодская башня расчленена лопатками и горизонтальными тягами. В башнях Иосифова-Волоколамского монастыря поливные изразцы заполняют поля ширинок (Германова башня) или расположены группами на основной части башен (Кузнечная и Мироносицкая башни). Основания шатров украшены полуколонками, а нижняя часть Петровской башни обработана декоративными арочками, опирающимися на тонкие колонки и консоли. Такими же арочками украшены некоторые башни Спасо-Прилуцкого монастыря, а в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре стены надвратной башни конца XVII в. украшены поясами ширинок, рустовкой углов и наличниками бойниц, образующими в верхнем ярусе узорный пояс, венчающий здание (рис. 9).

Особое внимание уделялось убранству ворот в монастырских оградах. В Горицком монастыре в Переславле-Залесском узорная кладка архивольтов, карниза и ширинок делает нарядной нижнюю часть ворот. В Иосифовом Волоколамском монастыре устои ворот украшены толстыми круглыми изразчатыми столбами, а выше проходит галерея, окружающая церковь. Такие же галереи у ворот ограды митрополичьего дома в Ростове, а в Борисоглебском монастыре галереи поставлены на стоящие перед воротами богато украшенные столбы, несущие арки с висячими гирьками. Монастырские ворота, не имеющие надвратных церквей, тоже получили богатое убранство. Таковы увенчанные двумя шатрами ворота Суздальского Ризположенского монастыря (конец XVII в., рис. 10, *2*).

7. Кириллов-Белозерский монастырь. Московская башня, 1633—1666 гг. (фото А. Г. Чинякова)

Ворота эти уже нельзя было назвать крепостными, что типично для конца XVII в. Так, в башнях Ростовской митрополии бойницы превратились в окна жилых помещений, как и в башнях Донского (1697—1711) и Новодевичьего (XVI в., перестроены в 1690-х гг.) монастырей в Москве. Завершения этих башен похожи скорее на нарядные беседки, чем на верхи крепостных башен (рис. 11).

Иногда небольшие монастыри XVII в. не имели ограды, так в Островоезерском



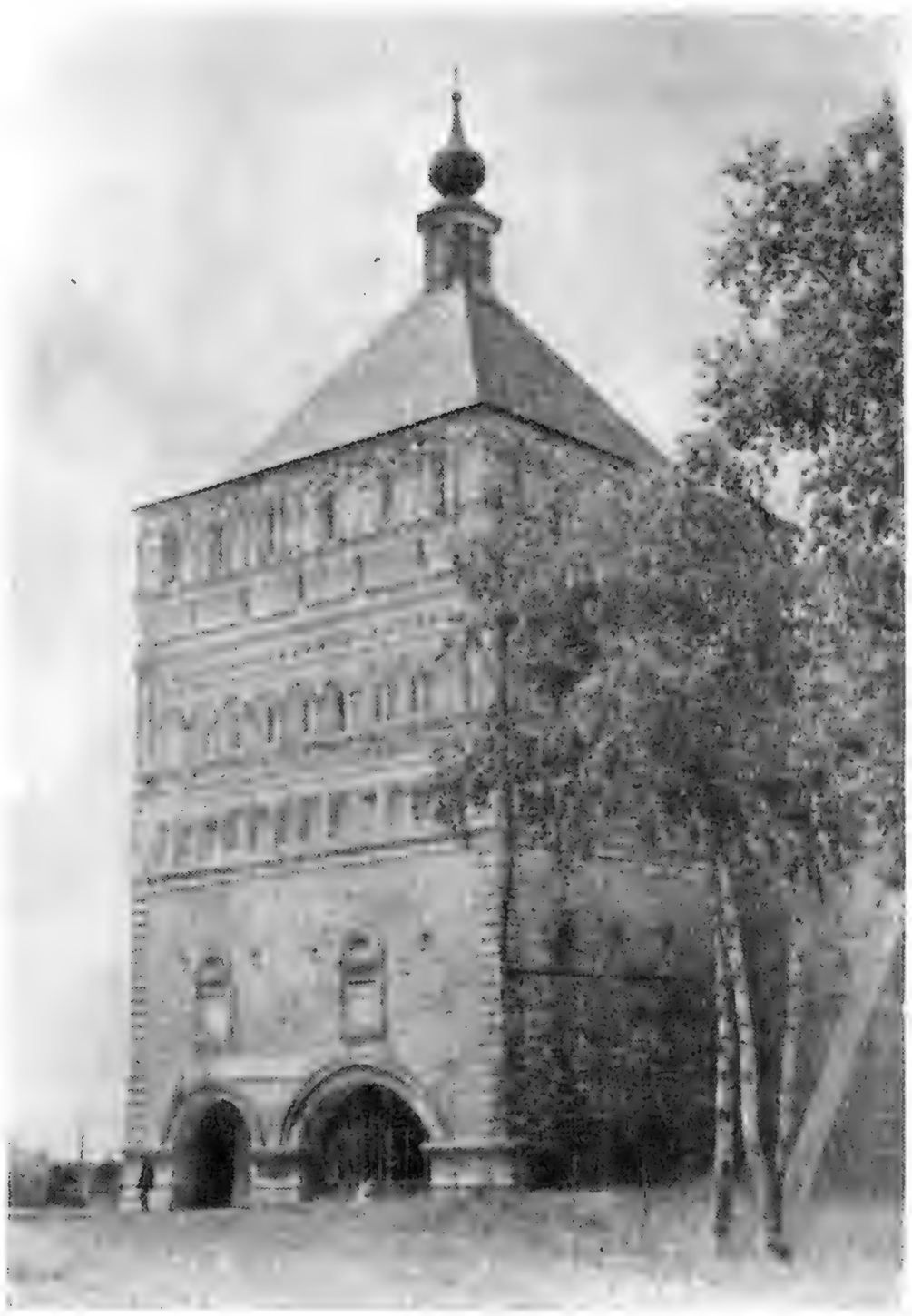
8. Москва. Спасская башня Кремля (фото О. И. Брайцевой)

9. Суздаль. Спасо-Евфимиев монастырь. Надвратная башня XVII в.

монастыре мастер Павел Потехин заменил ее жилыми корпусами, обращенными окнами внутрь монастыря.

Деревянные ограды и ворота небольших монастырей, вроде Маркушевского (Тотемский район, Вологодской области, рис. 6, *5*), напоминали ограды и ворота погостов (Спасский, Ошевенский, Каргопольского района, Архангельской области), подобно тому как каменные ворота суздальского Александровского монастыря напоминают ворота церковных оград в Коровниках и в Толчкове в Ярославле или Воскресенского собора в г. Тутаеве, получившие в XVIII в. сверх двускатных крыш восьмерики с главками.

Крепостной характер имели до известной степени ограды царских усадеб в Коломенском (1678) и Измайлове (1682, мастера М. Иванов и Н. Васильев), к простенкам



10. *1* — Измайлово. Ворота ограды дворца (1682), *2* — Суздаль. Ворота Ризположенского монастыря, XVII в. (фото Ф. П. Андреева)

11. Москва. Новодевичий монастырь, XVI—XVII вв. (фото П. В. Клепикова)

ворот которых приставлены колонны на пьедесталах, поддерживающие раскреповки антаблемента и делающие ворота похожими на триумфальные (см. рис. 10, *1*).

Гражданская архитектура. Хотя для русской архитектуры XVII в. характерно увеличение количества каменных гражданских построек, в жилищном строительстве главным строительным материалом оставалось дерево. Жилые дома крестьян и почти всех посадских людей строились только из дерева, и его свойства сказались на облике этих зданий не меньше, чем их назначение. Это были прямоугольные срубы, связанные между собой. Крестьянские дома состояли обычно из большого помещения с печью, клети-кладовой, сеней и крытого хозяйственного двора; отдельно от дома стояли амбар и баня.

На рисунках XVII в. можно видеть такие дома, большей частью невысокие, без наружных крылец, что заставляет предполагать отсутствие подклета, свойственного домам более зажиточных черносошных крестьян северных областей с более суровым климатом. Другие изображения деревянных домов XVII в. в лицевых рукописях и на иконах показывают «водотечники», «курицы» и «охлупни» крыш, деревянные дымники, заборы, ворота и окна. Эти изображения говорят о том, что бесстропильная и безгвоздевая конструкция двускатных крыш, сохранившихся в ряде построек XVIII—XIX вв., была известна и XVII веку.

Треугольное расположение волоковых окон торцовых фасадов, двух световых внизу и дымового наверху, показано на плане Тихвинского посада, нарисованном в 1679 г. И. Зелениным, в разных типах домов — односрубных, двухсрубных и трехсрубных с более низкими сенями между жилым помещением и клетью (рис. 12).

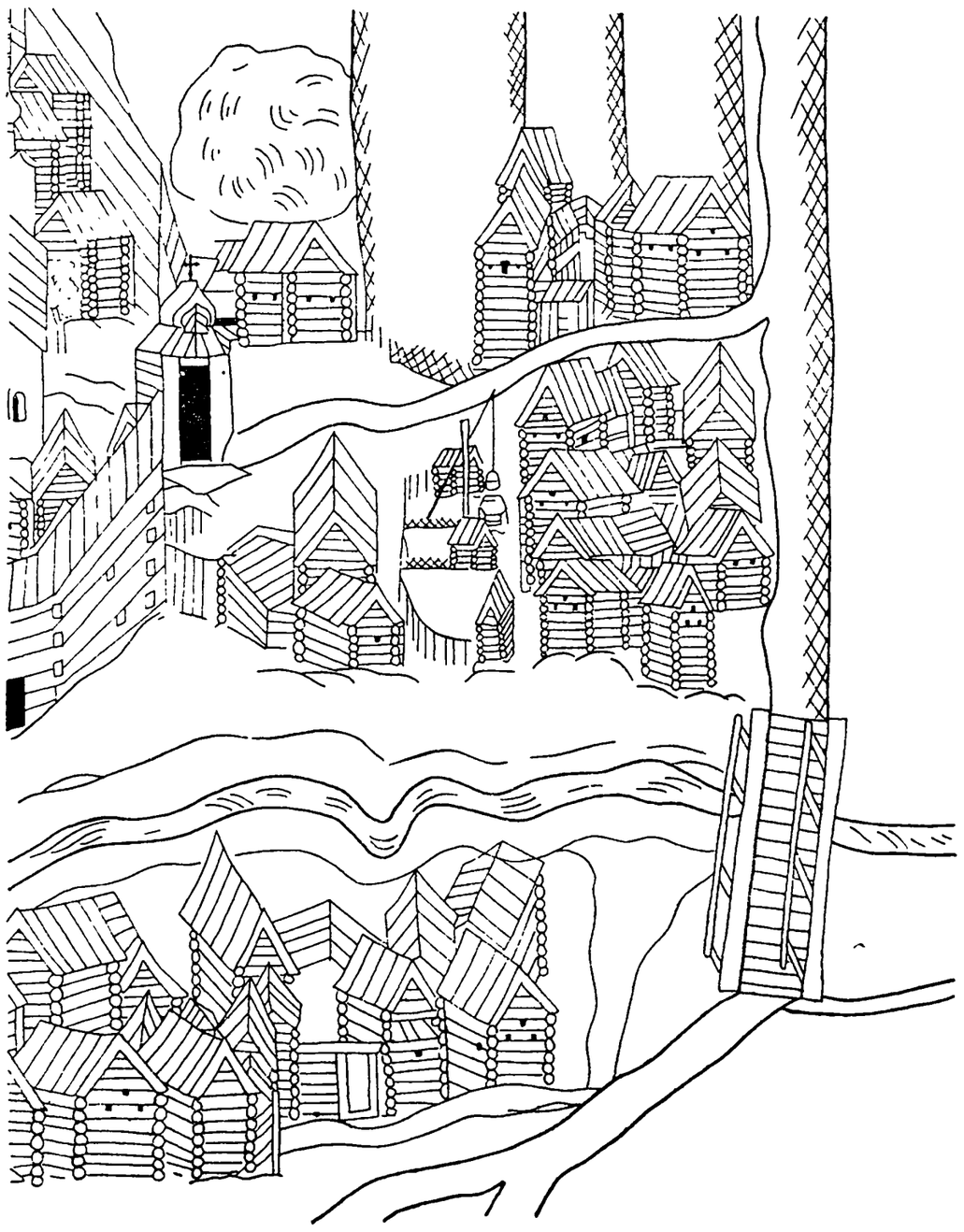
Подклеты и наружные крыльца были, видимо, в более богатых городских жилых домах с жилыми помещениями в двух или даже в трех этажах. Такими же были и не-

которые усадебные дома, как, например, дом в подмосковной усадьбе Никольское, изображенный в альбоме Мейерберга. Он состоял из трех срубов, средний из которых ниже боковых. В правом, покрытом на два ската, были, вероятно, небольшие жилые помещения, разделявшиеся рубленой стенкой, а левый с высокой и крутой четырехскатной крышей мог вмещать столовую, служившую для приема гостей. Высокое крытое крыльцо показано возле среднего сруба-сеней (рис. 13).

Такие хоромы отличались от рядовых жилых зданий сложным силуэтом, большей высотой, особенно при наличии «чердаков» — легких верхних этажей — и размещением посреди участка, отделенного от улицы оградой и воротами. На участке были также службы, жилые дома для дворовых людей и иногда домовая церковь с жильем причта; к хоромам часто примыкал сад, иногда с беседками. Нижний этаж-подклет дома, вмещавший кладовые, возводился из камня или кирпича, и возможно, что одноэтажные каменные и кирпичные постройки XVII в. в Пскове, Чебоксарах и др. были первоначально подклетами смешанных жилых домов.

Наиболее старые из сохранившихся каменных жилых зданий XVII в. имеют трехчастную композицию с центральными сенями и крыльцом, ведущим на второй этаж. Псковские дома Лапина и Меншикова (вероятно, первой половины XVII в.) в каждом сохранившемся этаже имеют по два помещения (площадью 80—90 *кв. м*), разделенных сенями. Подклеты вмещали кладовые, второй этаж — столовую и «комнату»-кабинет хозяина, а спальни и помещения для хозяйки и детей должны были находиться выше — на третьем этаже (сохранившемся в доме Меншикова и бывшем в доме Лапина) и, быть может, в четвертом, деревянном (рис. 14, *2*).

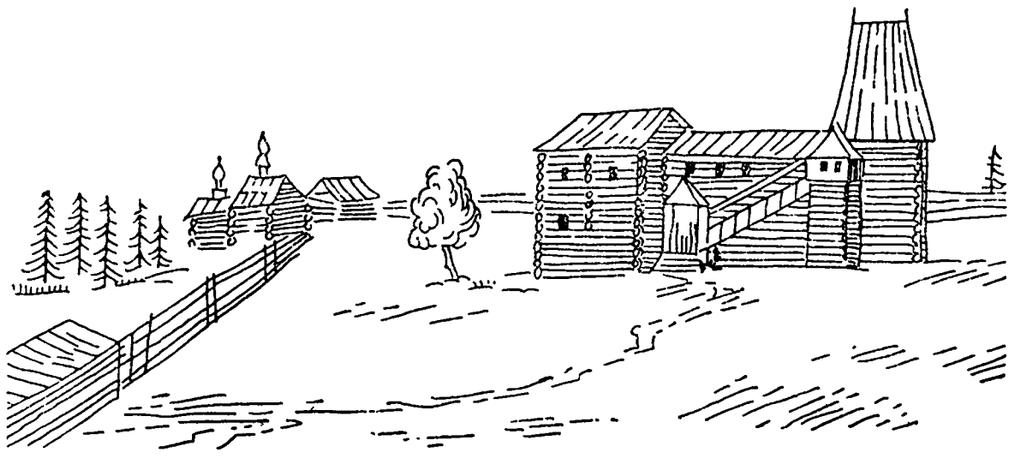
Четвертый, деревянный этаж имели псковские палаты Поганкиных, уже существовавшие в середине XVII в. Занимавшие целый квартал палаты состоят из трех расположенных «покоем» корпусов в один, два и три этажа (каменных); первый этаж, занятый складами, не имел проемов с улицы. Во втором этаже, куда вело со двора крыльцо, были помещения для приема гостей, для торговых сделок и, быть может, для производственных целей. Рас-



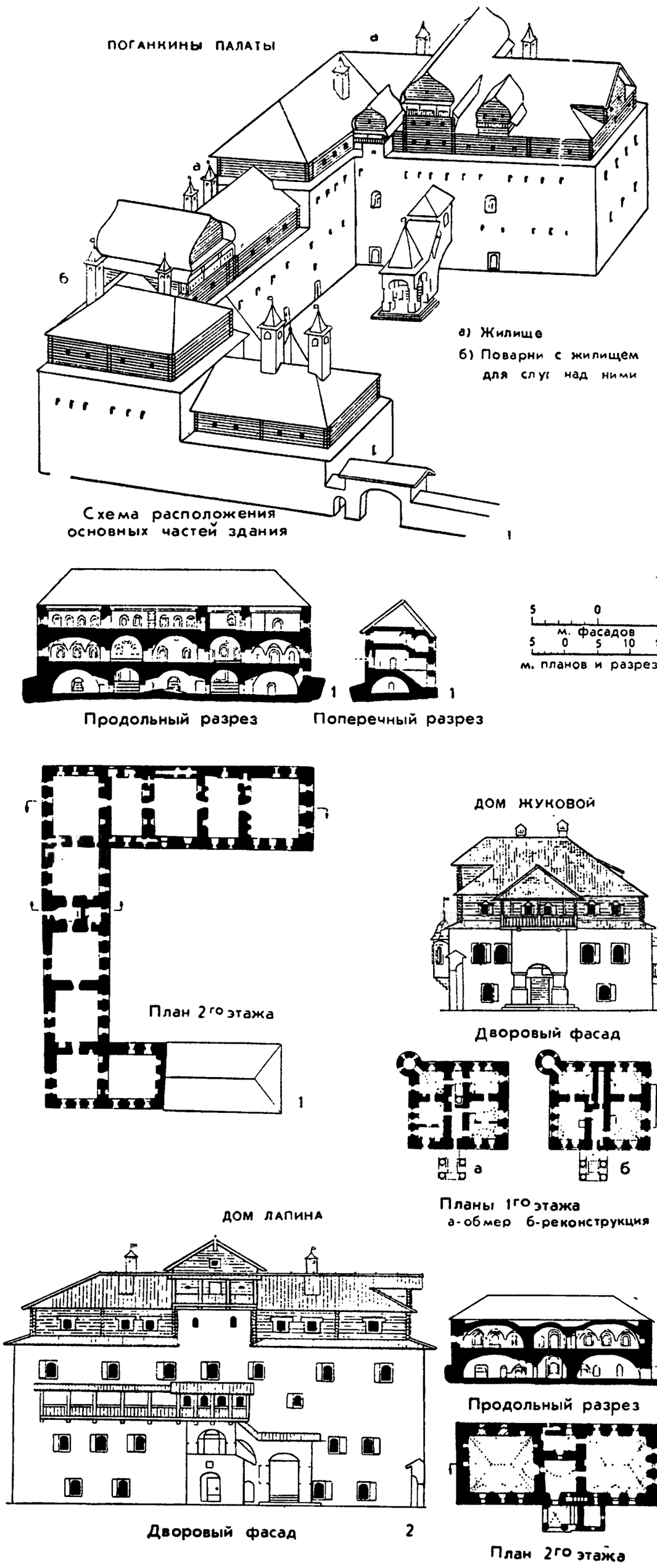
12. Тихвин. Жилые дома (рисунок Зеленина, 1679)

положенные в один ряд помещения освещены с двух, а угловые — с трех сторон; размещение дверей, соединявших помещения на одной оси, создавало намек на анфиладность. В толще стен находились лестницы и уборные с гончарными сточными трубами. Третий этаж, жилой, имел деревянные потолки, большее число окон и круглый каменный столб, поддерживающий главную балку перекрытия (рис. 14, *1*).

Псковским жилым домам с гладкими стенами без цоколей и карнизов и небольшими окнами с прямоугольными впадинами для ставней свойственна простота внешнего облика. Увеличение числа окон в верхних



13. Усадьба Никольское (рисунок из альбома Мейерберга, 1660)



14. Псков. Жилые дома XVII в. (реконструкция Ю. П. Спегальского). *1* — палаты Поганкиных; *2* — дом Лапина; *3* — дом Жукова

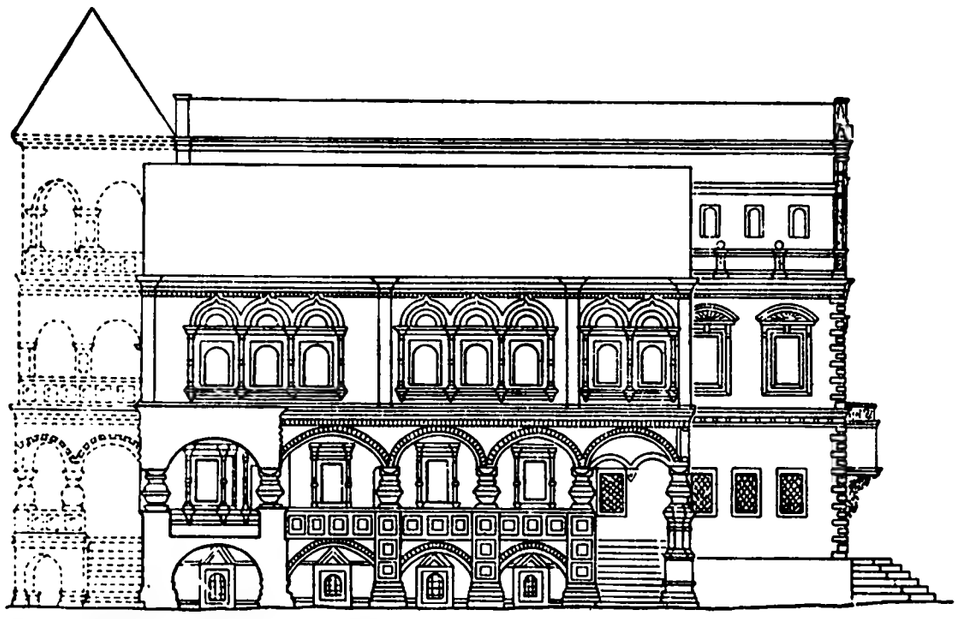
этажах, живописная асимметрия в их расположении и игра света и теней на круглых столбах и арках крылец вносили некоторую живописность и уют.

Простота фасадов псковских домов в известной степени была обусловлена свойствами местного строительного камня, а кирпичные дома того же времени в средней полосе России при сходной композиции имели карнизы, междуэтажные пояса, лопатки или пучки полуколонок, отвечающие поперечным стенам, и наличники окон. В ярославском доме Иванова окна второго этажа обработаны прямоугольной профилированной рамкой с килевидным кокошником наверху. В плане дом следовал обычной трехчастной схеме, а гладкая, без проемов, часть заднего фасада позволяет думать, что к ней примыкала рубленая жилая часть дома.

В палатах думного дьяка Аверкия Кириллова в Москве, построенных в 1657 г. и включивших в себя части более ранних зданий, во втором этаже, налево от сеней, находятся два помещения с крыльцом и переходом в церковь, а направо — пять меньших помещений. Это говорит о большей дифференциации помещений по их назначению и о размещении бóльшей части жилья в каменной части здания. В Москве, где были более высокие требования к пожарной безопасности (царский указ 1688 г. запретил постройку на палатах «деревянного хоромного строения»), замена деревянных жилых этажей каменными началась рано, и палаты Аверкия Кириллова имели и третий каменный этаж, и каменный «чердак» (рис. 15, *1*).

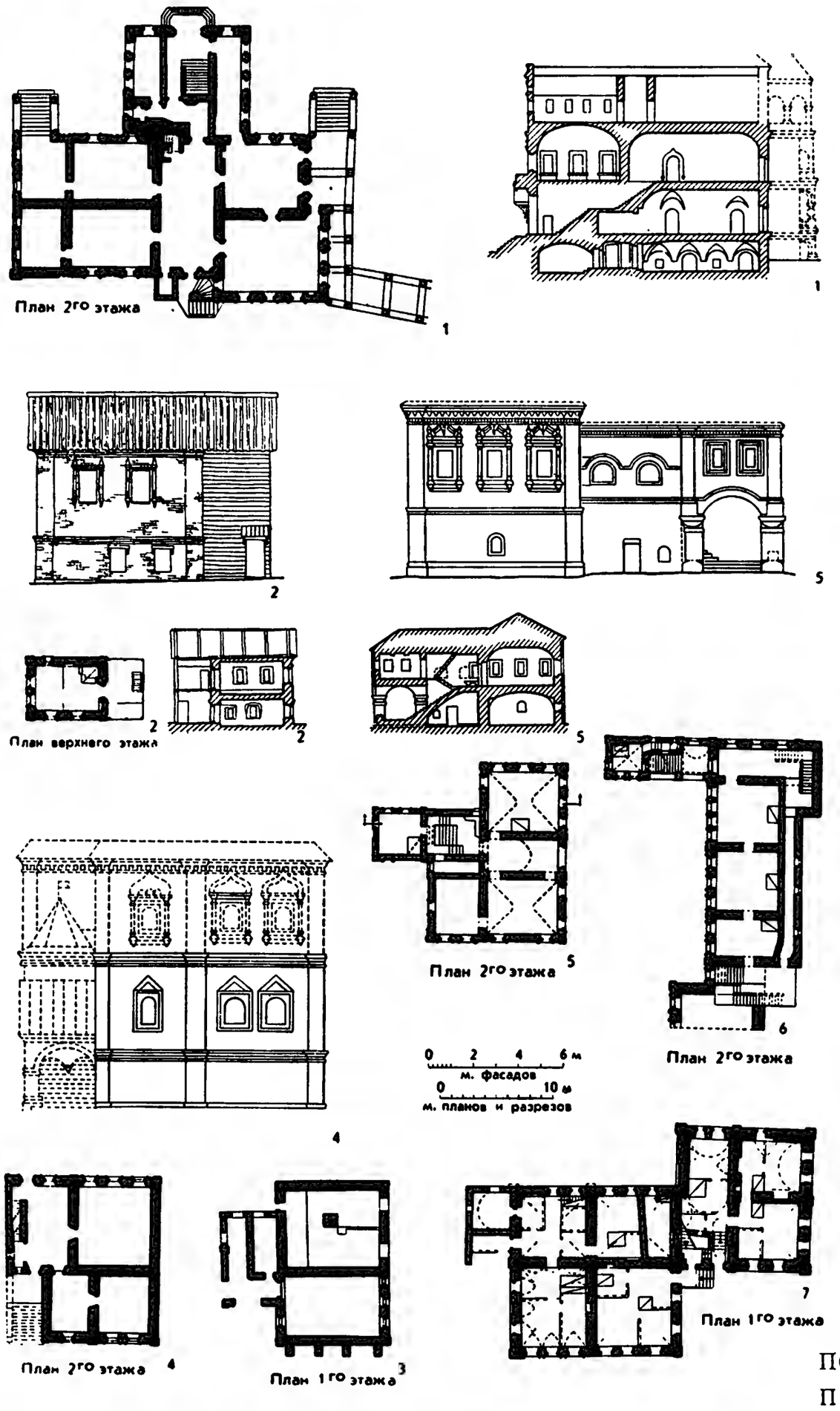
К концу XVII в. в русских городах увеличивается количество каменных жилых домов, строительство которых вызывалось частыми пожарами, а в Москве — и правительственными указами. В конце XVII в. появилось много каменных домов разных типов — и для посадских людей средней зажиточности, и для богатых купцов, и для дворян и бояр.

Наиболее простым был тип дома на сводчатом подклете с одним перекрытым деревянным потолком помещением и с каменными или деревянными сенями сбоку. Таков дом на Школьной улице в Пскове или дома Румянцева и Белова в Горохове (рис. 15, *2*), имеющие в отличие от первого деревянные сени, а также лопатки на фасадах, поясок и оконные наличники.



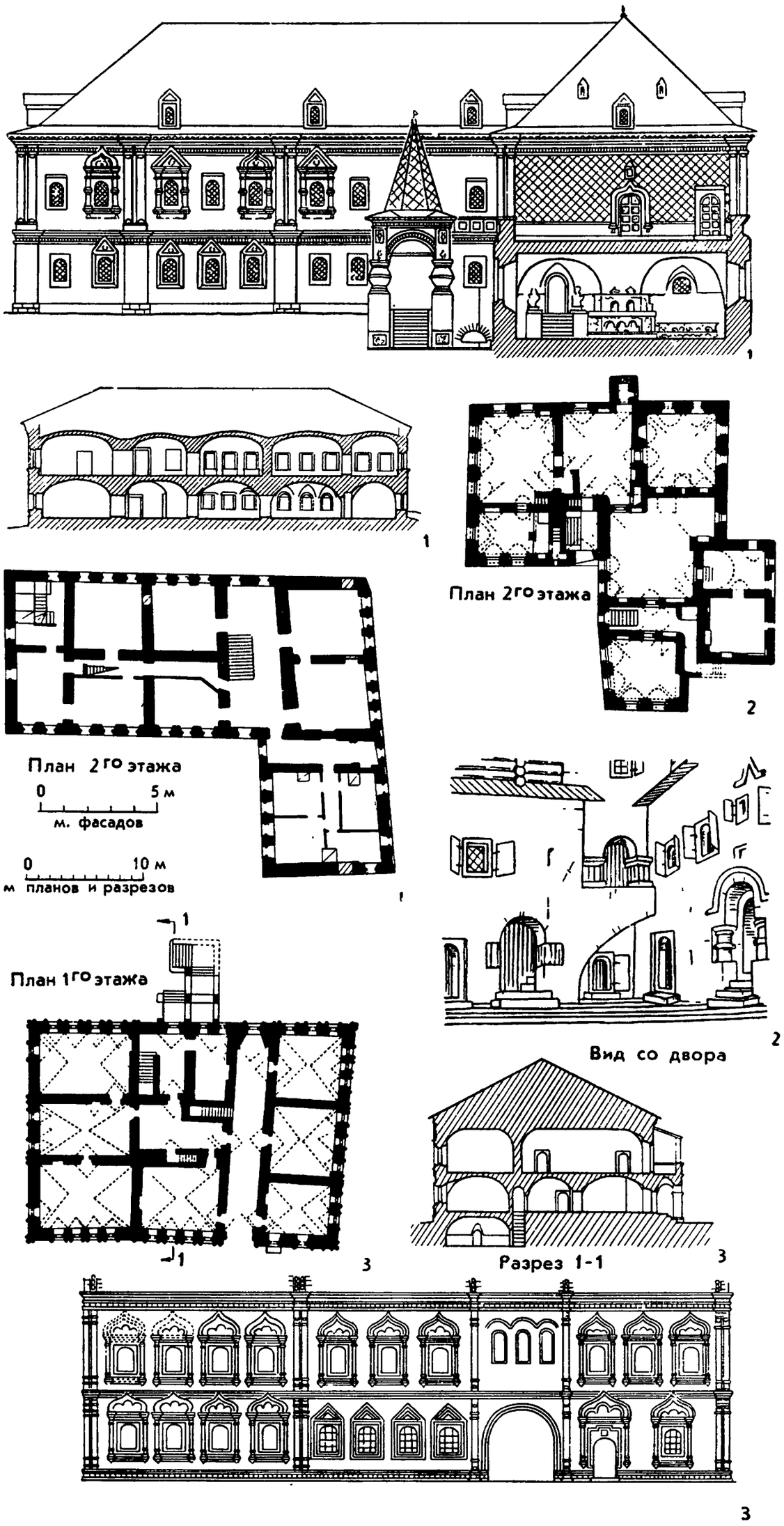
ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД

1



15. Жилые дома XVII в. *1* — Москва. Палаты Аверкия Кириллова, реконструкция; *2* — Гороховец. Дом Белова; *3* — Москва. Дом Яцковой, реконструкция; *4* — Москва. Дом Хованских, реконструкция; *5* — Гороховец. Дом Селина; *6* — дом Шумилиной; *7* — г. Горький. Дом Пушникова (фото Н. Ф. Муханова); *1—3*, *4* — реконструкции Г. В. Алферовой

К тому же типу относится и московский дом Яцковой в Кожевниках на подклете, с одностолпной палатой, сенями, превратившимися в дополнительную комнату, и пристройкой для лестницы входной лоджии и комнатки над ней, заменившей сени (рис. 15, *3*). В трехэтажных палатах Хованских в Москве сделан



16. *1* — Москва. Палаты Украинцева, реконструкция Д. В. Разова и Г. В. Алферовой; *2* — Псков. Дом Трубинских, вид со двора (рисунок П. Н. Максимова); *3* — Москва. Дом Сверчкова, реконструкция Г. В. Алферовой

следующий шаг в развитии этого типа дома: здесь и палата, и сени в каждом этаже разделены надвое, а наличие третьего этажа вызвало появление внутренней лестницы (рис. 15, *4*). Чаще применялась традиционная трехчастная схема дома, но в меньших размерах. Таковы дома в Сокольем переулке в Пскове, Селина (рис. 15, *5*) и Сапожникова в Горохове, Коробова в Калуге, Щетинина в Осташкове и др. Они имели наружные крыльца с круглыми столбами или «кубышками» (дом Коробова), деревянные верхние этажи (дом Селина и, может быть, псковский дом) или деревянные хоромы во дворе (Калуга). Трехчастную схему имели и дома с большим количеством помещений во втором этаже — с четырьмя (дома Жукова в Пскове, Ромодановских в Курске, в Крутом переулке в г. Горьком) или пятью (дома Зелейщикова в Чебоксарах, Симона Ушакова в Москве, Казанкина в Казани). Сени превратились в них в подобие коридора с крыльцом на главном фасаде. В доме Жукова, одно из помещений которого имело круглый в плане эркер — «жвыль», крыльцо увенчивалось светелкой (см. рис. 14, *3*), какую можно видеть и над двухъярусным с восьмигранными столбами крыльцом дома Ромодановских. Появились дома с коридором, идущим от сеней и объединяющим несколько помещений (дом Шумилиной в Гороховце, рис. 15, *6*). Изменение бытового уклада привело к утрате былого значения сеней. Теперь сени иногда располагались сбоку, особенно, если дом был разделен на четыре части внутренними стенами подобно «крестовой» избе (дом Пушникова в г. Горьком, рис. 15, *7*).

Наконец, большие дома получались из двух поставленных под прямым углом трехчастных домов. Ранние постройки такого рода были расширением более старых зданий. Таков дом купцов Меншиковых в Пскове, состоящий из более старого дома, описанного выше, и пристроенной позднее части, имевшей деревянный верхний этаж и окна с висячими гирьками и нарядными оконными наличниками.

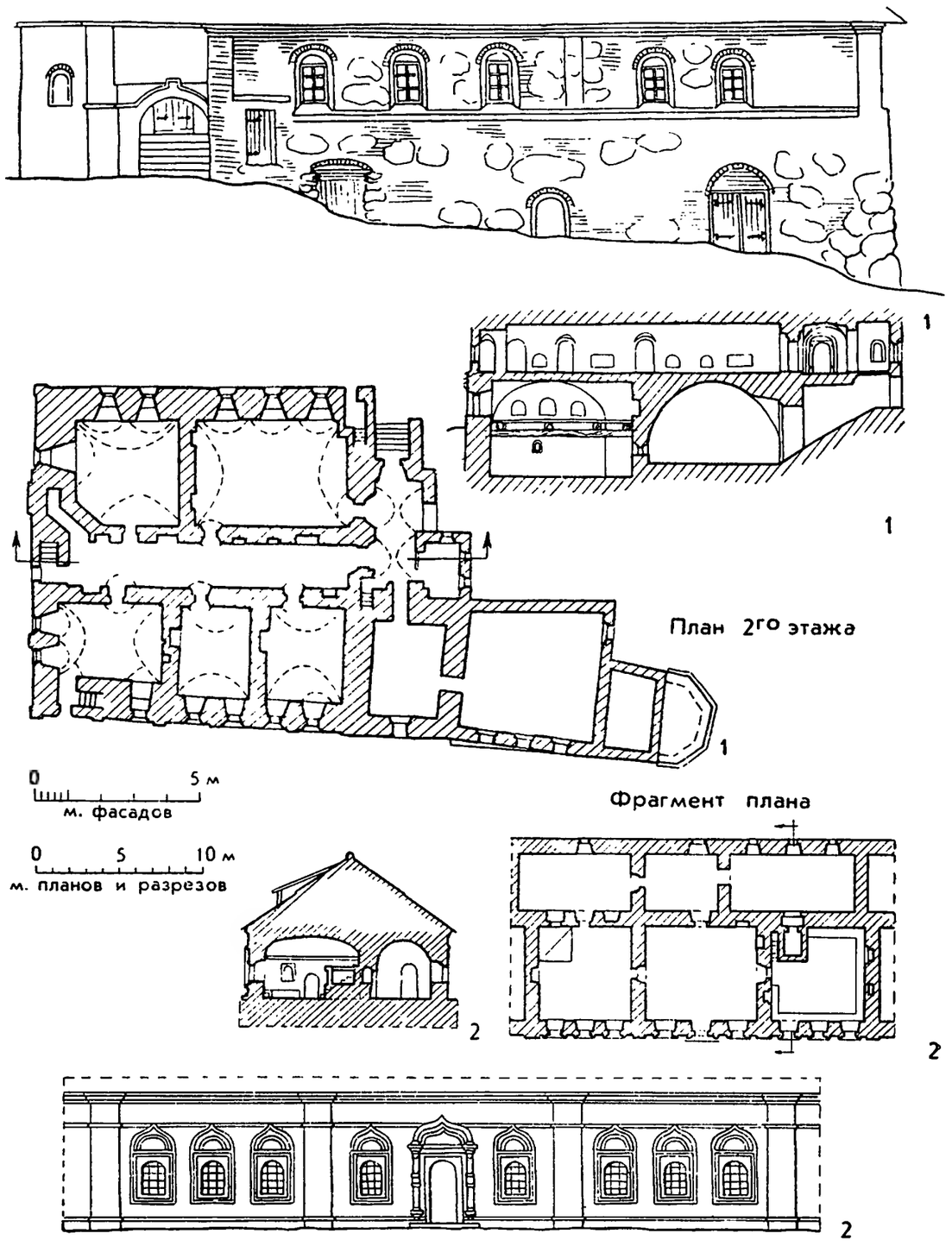
Примерами таких одновременно строившихся жилых домов конца XVII в. могут быть московский дом дьяка Посольского приказа Украинцева (рис. 16, *1*), где ведущее к внутреннему углу крыльцо связано с сенями как правой трехчастной, так и левой «крестовой» половины, и дома Трубинских и Ямских в Пскове. Первый из них состоит из покоев хозяина, которые выходят торцом на улицу и имеют деревянный верхний этаж, и находящихся в глубине двора меньших покоев

хозяйки. Наружные крыльца заменены здесь внутренними лестницами, входы которых обработаны более богато: вход в женскую половину имеет трехчетвертные столбики, валик входной арки, нишу для иконы над ней и треугольную бровку над окном, освещающим лестницу и сени. Устои арок входа и верхней площадки лестницы другой половины обработаны каннелюрами, и эти скромные детали очень изящны на фоне гладких стен (рис. 16, *2*).

В доме Ямских угловое помещение является общим для двух трехчастных половин, как и лестница, по расположению и характеру близкая к лестнице мужской половины дома Трубинских, но здесь имеющая выходы в каждую половину дома. Обработка входов, как и существовавший тогда деревянный верхний этаж с балконом-гульбищем, видна на чертежах дома, выполненных И. Годовиковым до 1855 г. Превращение наружного крыльца во внутреннюю лестницу характерно и для меньших домов. В московском доме Сверчкова она связана с внутренним въездом, открывающимся на фасад широкой аркой (рис. 16, *3*). В доме Канунникова в Гороховце главная лестница располагалась внутри, позади сеней. Здесь из традиционной трехчастной композиции рождается обычный для русской архитектуры XVIII в. тип дома, который предвосхищает архитектура дома Канунникова с симметричным фасадом и выдвинутым вперед средним ризалитом, что можно видеть в московском доме на Басманной, похожим по плану на левую половину дома Сверчкова.

Трехчастная ячейка с сенями была положена в основу планировки монастырских келий — единственного вида секционных жилых зданий в русской архитектуре XVII в. Кельи Успенского монастыря в Александрове (1670—1680-е гг.) состоят из ряда ячеек, в состав каждой из которых входило по две кельи с жилыми кухнями и передними и задними сенями (рис. 17, *2*). В кельях Солотчинского монастыря близ Рязани (конец XVII в.) сени разделены стенкой на две части, и каждая из келий имеет свой вход. При наличии подклета к каждым сеням примыкало крыльцо. Кельи Крестного монастыря на Кий-Острове, пристроенные в 1690-х гг. к более ранним покоям патриарха Никона, стоят на высоком подклете, служившем для хозяйственных келей, и имеют в жилом этаже пять помещений, разделенных коридором, связанным с внутренними лестницами и проходом к уборной. Простота нерасчлененных фасадов этого здания объясняется тем, что оно построено из местного почти необработанного камня (рис. 17, *1*). Для фасадов других келий характерно многократное повторение одинаковых групп окон и дверей и разделяющих их лопаток.

На фасадах обычных жилых домов вертикальные и горизонтальные членения отвечали поперечным стенам и междуэтажным перекрытиям, а главным украшением были крыльца, всегда несимметричные, и оконные наличники. Окна подклетов часто обрамлялись только прямоугольной впадиной для ставней или профилированной прямоугольной рамкой, иногда с фронтончиком. Окна жилых этажей имели треугольные, разорванные, килевидные и многолопастные фронтончики, поддерживаемые полуколонками на кронштейнах. Выполнение таких запад-



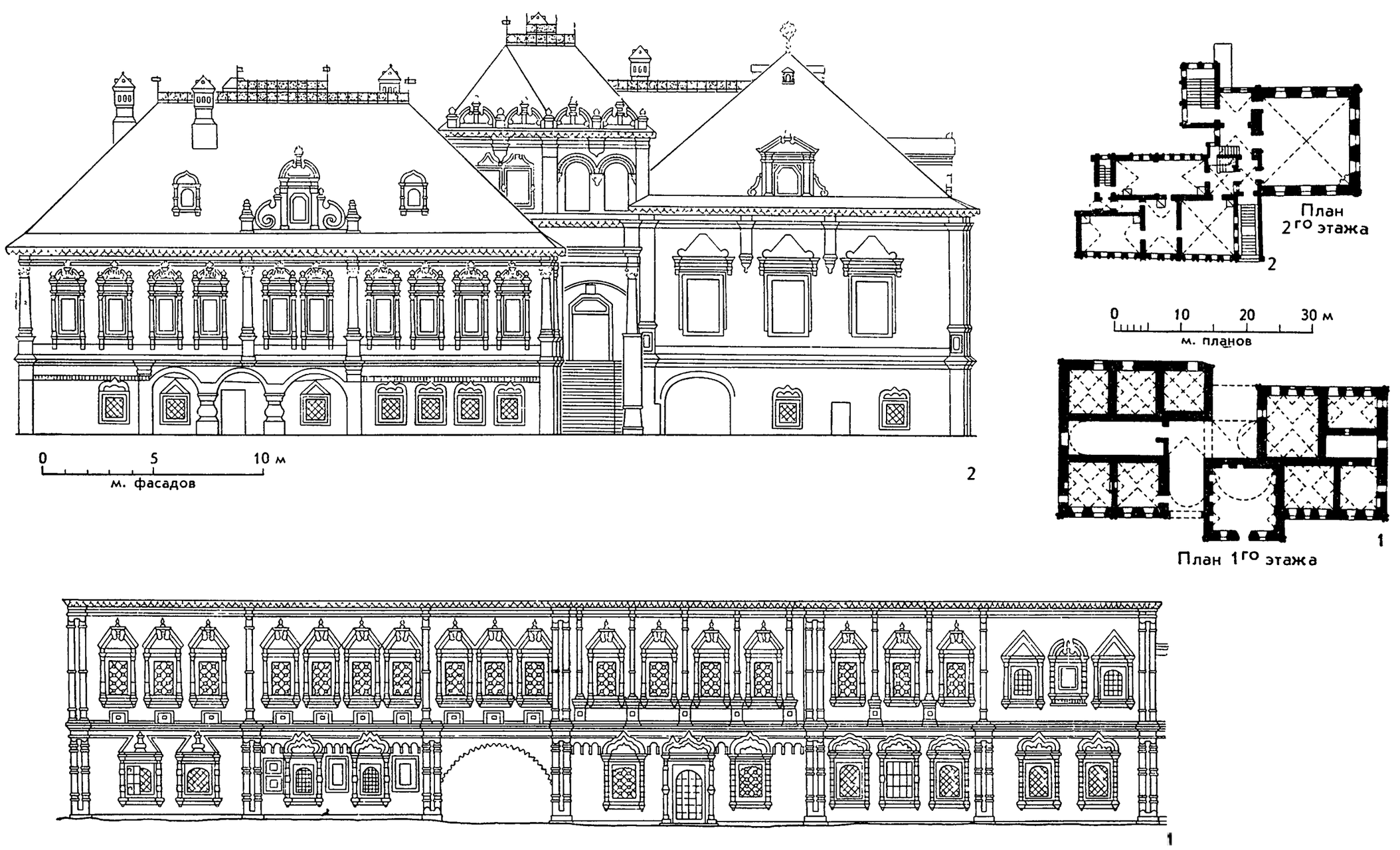
17. Кельи XVII в. *1* — Кий-Остров, Крестный монастырь, исследования Г. В. Алферовой; *2* — Александров, Успенский монастырь

ного происхождения наличников из профильного кирпича и терракоты придавало им особое своеобразие. В конце столетия полуколонки превратились в колонны с резными базами и капителями, раскрепованным антаблементом и сложным разорванным фронтоном.

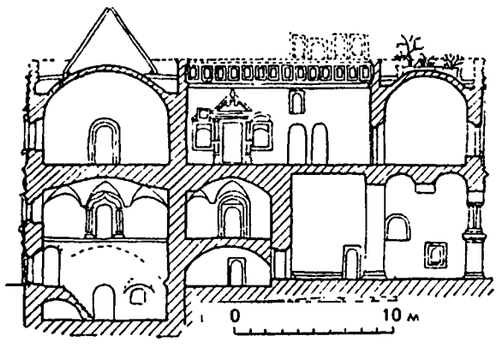
О сближении русской жилой архитектуры XVII в. с западной говорит трактовка венчающего карниза как трехчастного антаблемента, выполняющегося, правда, в кирпиче, с малым выносом и большей высотой. Об этом же говорит и замена лопаток полуколонками, одиночными или парными, хотя русские зодчие редко решались ставить их во всех простенках.

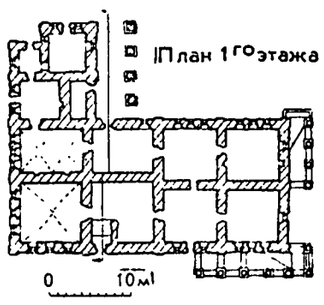
Планировка русских жилых зданий XVII в. обнаруживала меньше точек соприкосновения с западными и продолжала в основном следовать старой, трехчастной схеме. Русские боярские палаты конца XVII в. сильно отличались от дворцов западной аристократии того времени. Московские палаты Волкова (Юсупова) имели трехчастную композицию, где по одну сторону от наружной лестницы и сеней находился большой квадратный в плане, покрытый сомкнутым сводом зал, а с другой стороны — жилые помещения с лоджией-аркадой внизу (рис. 18, *2*).

Построенные незадолго до 1689 г. палаты В. В. Голицына в Москве, насчитывавшие в своих трех этажах 53 помещения, также имели трехчастную схему плана, но в каждой части было два или три ряда помещений. Средняя часть с входной дверью внизу была выдвинута вперед и обработана богаче боковых, но левая часть была больше правой, имела в нижнем этаже проезд, а к правой примыкал переход, связывавший палаты с церковью. Такой же двойственностью отмечена и обработка фасадов палат: в нижнем этаже — в формах третьей четверти XVII в., во втором — типичная для конца XVII в., причем в средней части колонки были в каждом простенке. Каменный третий этаж был разобран в XVIII в., но из описи 1689 г. видно, что там среди других помещений были гульбища и столовая с 46 окнами и четырехгранным шатром со слухами, освещавшим помещение через расписное стекло



18. Москва. *1* — палаты В. В. Голицына, около 1689 г., реконструкция фасада П. Д. Барановского и Н. Н. Соболева; *2* — палаты Волкова, конец XVII в.





19. Москва. Палаты Троекурова, реставрация П. Д. Барановского и Г. В. Алферовой (фото А. И. Петухова)

отверстий в деревянном потолке (рис. 18, *1*).

Московские палаты Троекурова в Охотном ряду, рядом с палатами Голицына, имели внутреннюю главную лестницу на стыке двух частей, образующих в плане подобие «глаголя» (рис. 19). Они включали и более ранние постройки, почему обработка фасадов первых двух этажей несколько архаична, тогда как пышные белокаменные наличники окон в верхнем этаже типичны для конца XVII столетия. Из каменных усадебных боярских домов не сохранилось ни одного, но рисунки А. Мартынова (1830-е гг.) и опись 1759 г. дают представление о доме Салтыкова в подмосковной усадьбе Софрино. Это было одноэтажное на подклете здание, связанное переходом с церковью 1691 г. и имевшее в жилом этаже пять комнат, включая двухсветную с верхними восьмиугольными окнами столовую, трое сеней и переходы (рис. 20).

К боярским домам были близки «соборный дом» в Ярославле (1690), построенный для приезда ростовских митрополитов, и построенный в 1688 г., вероятно, мастером Федором Спиридоновым архиерейский дом в Холмогорах. Их нижние этажи вмещали подсобные помещения, а приемные и жилые комнаты владыки были на втором этаже, как и сени с крыльцами. Холмогорский архиерейский дом был окружен невысокой каменной оградой с угловыми башенками, тогда как архиерейский дом в Вологде и митрополичий дом в Ростове имели ограды, подобные крепостным стенам. Ростовская митрополия (1670—1683) включает в себя помимо ограды с двумя надвратными церквами и жилых покоев митрополита еще большой одностолпный приемный зал — Белую палату с домовой церковью Спаса на Сенях — и Красную палату с таким же залом и меньшими помещениями, а также двухэтажные жилые и хозяйственные постройки, связанные между собой и с митрополичьими покоями переходами на арках (рис. 21).

20. Софрино. Палаты Салтыковых, конец XVII в. (рисунок А. Мартынова)

21. Ростов (Ярославский). Архиепископский двор, XVII в. Белая палата, терема, переходы и Садовые ворота

К нескольким строительным периодам относятся архиерейские палаты в Суздале. К древнейшей части архиерейских палат конца XV в. в 1559 г. с запада была пристроена трапезная с церковью и галереей, а в конце XVII в. к северу от древнейшей части был построен корпус с большой двухсветной крестовой палатой, передней, парадной лестницей, а также рядом комнат, расположенных в трех этажах. Зодчие конца XVII в., изменив фасады древнейшей части здания, соединили его галереей на арках с соборной колокольней и церковью при ней и пристроили к галерее крыльцо на оси южного портала собора. Строгие фасады палат с их кирпичными деталями казались архаичными для конца XVII в. Лишь восьмиугольное окно парадной лестницы да парапет с балясинами, известный по старым описям, были данью новому времени (рис. 22).

22. Суздаль. Архиепископский дворец, XVII в.

Резиденция Крутицких митрополитов в Москве состояла из владычных покоев, связанных переходами с летними покоями и двумя церквами. Наиболее наряден здесь надвратный теремок (1693—1694, Л. Ковалев и О. Старцев). Коринфские колонны, несущие раскреповки антаблементов, членят и нижний этаж с двумя арками проездов, и верхний, облицованный многоцветными изразцами, включая антаблементы, колонки и наличники окон (рис. 23).

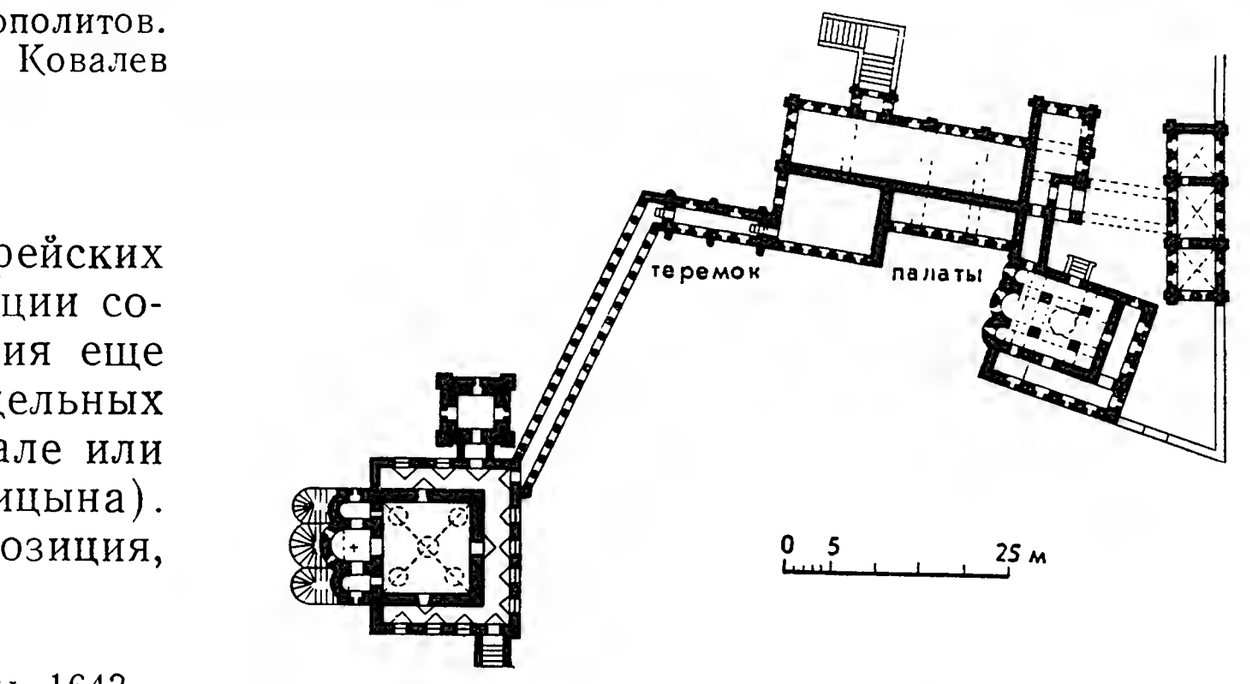
Большие крестовые палаты и парадные внутренние лестницы ряда архиерейских домов были, видимо, отзвуком патриарших палат в Московском Кремле, построенных в основном в 1643—1656 гг. при патриархе Никоне. Выходящее южным фасадом на Соборную площадь здание в своей западной половине имеет два этажа — подклет, а над ним крестовую палату, покрытую сомкнутым сводом с распалубками. Между ней и церковью, стоящей на арках проездов, находится трехэтажная часть, где помещались паперть, кельи, столовая и ризница (рис. 24). Выше была еще одна келья, а на плоской кровле-саду находилась звонница. Контрасту между величественными приемными помещениями и небольшими кельями отвечала разная обработка северного и южного фасадов. Северный фасад с лопатками, междуэтажными поясками, двухэтажной лоджией возле церкви имеет более жилой характер. На южном фасаде трехэтажная часть украшена такими же двумя аркатурными поясами, как и южный фасад церкви, что явно рассчитано на увязку с Успенским собором.

Скит патриарха Никона близ Ново-Иерусалимского монастыря (1658) — небольшое трехэтажное здание с башнеобразной пристройкой у юго-западного угла и апсидой в северной части восточного фасада. Этажи вмещают подсобные помещения в подклете, несколько келий, трапезную, приемную и церковь. Вторая церковь, маленькая, восьмигранная, стоит на плоской кровле, которая имела каменный парапет и вход из возвышающейся над ней западной пристройки.

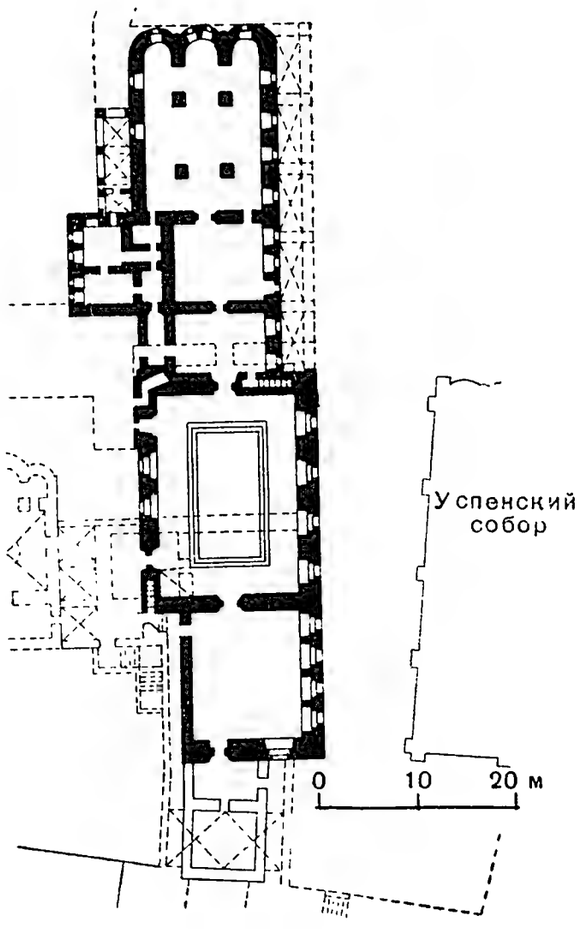
Русские каменные жилые дома к концу XVII в. стали компактными и простыми по

23. Москва. Резиденция Крутицких митрополитов. Надвратный терем, 1693—1694 гг., зодчие Л. Ковалев и О. Старцев

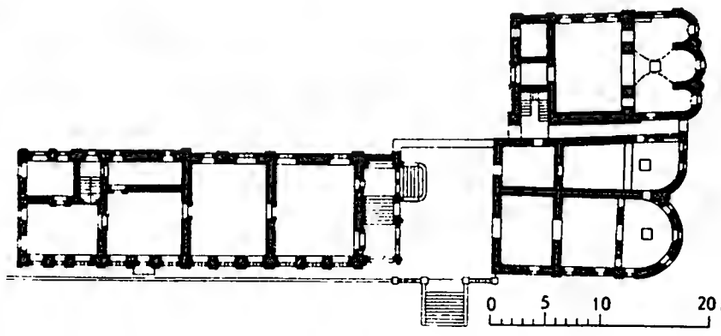
композиции, а в боярских и архиерейских палатах «хоромный» прием композиции сохранялся дольше, и в конце столетия еще строились здания, состоящие из отдельных объемов (архиерейский дом в Суздале или московские палаты Волкова и Голицына). В царских дворцах сложная композиция,

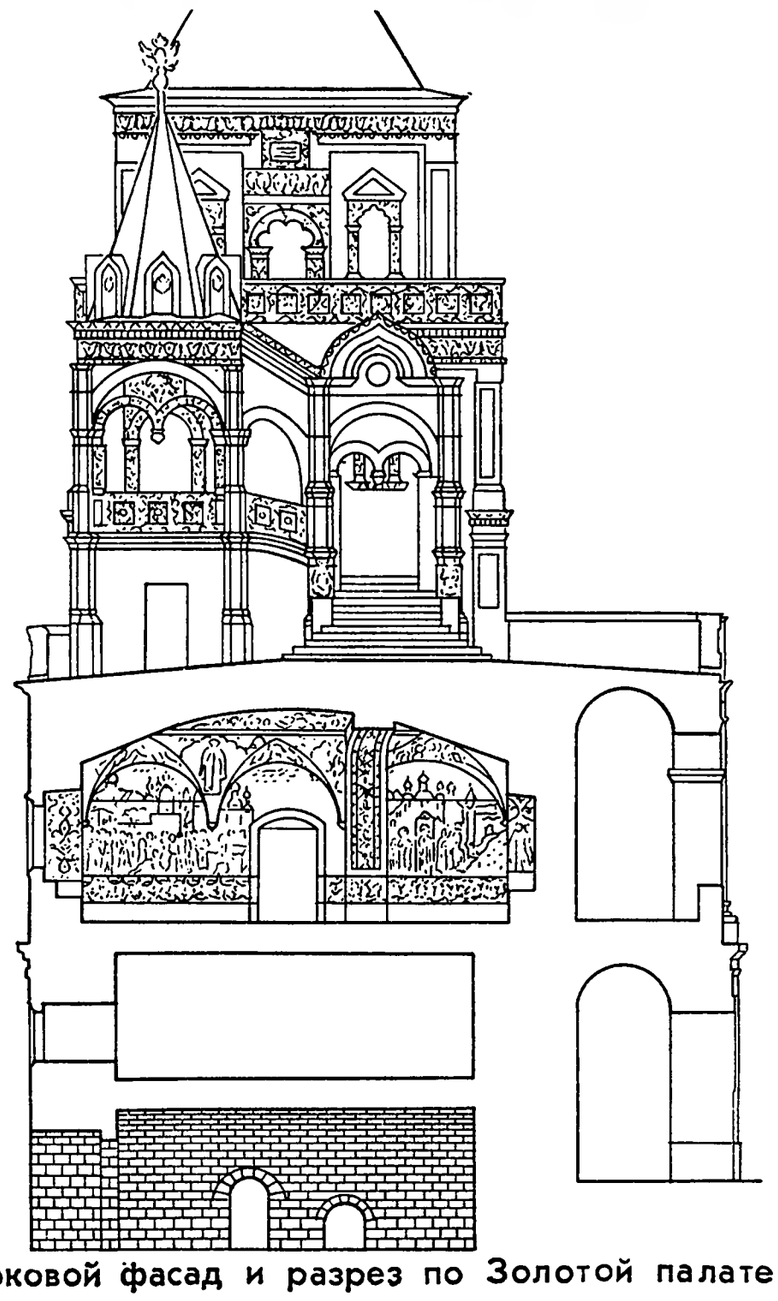


24. Московский Кремль. Патриаршие палаты, 1643—1656 гг. План второго этажа, реконструкция А. А. Тица. Вид с юга (фото М. Д. Бутырина)



кроме того, обусловливалась разновременностью постройки отдельных частей зда-





Боковой фасад и разрез по Золотой палате

0 5 10 м

25. Московский Кремль. Теремной дворец

ния. Так, московский Теремной дворец, построенный в 1635—1636 гг. Б. Огурцовым, А. Константиновым, Т. Шарутиным и Л. Ушаковым, был только жилой частью Кремлевского дворца, связанной с официальной частью (Грановитая, Золотая и Набережная палаты) с помощью открытой Боярской площадки, находящейся на уровне их главных вторых этажей. Сам Теремной дворец, надстроенный над двухэтажным зданием конца XVI в., связан с Боярской площадкой открытой лестницей с узорной золоченой решеткой наверху. За ней находилась вторая терраса, ведущая на восток в дворцовую церковь Спаса за золотой решеткой, на запад вдоль южного фасада в подклет дворца, а по переднему «золотому» крыльцу — во второй жилой этаж. Внутренняя лестница вела оттуда на террасу, окружающую верхний этаж — большую комнату, покрытую сомкнутым сводом с распалубками (рис. 25—26).

Живописность силуэта здания и его крылец усиливалась нарядной обработкой фасадов с пилястрами в каждом простенке, резными белокаменными наличниками окон с висячими гирьками и изразцами в ширинках парапетов террас. Подобные наличники и размещение полуколонок имеет и кремлевский Потешный дворец — дом боярина И. Милославского начала 1650-х гг., расширенный в 1668 г. для придворного театра, находившегося близ домовой церкви (рис. 27).

Ярко выраженный хоромный принцип строительства проявился в деревянном дворце в селе Коломенском, построенном в 1667—1668 гг. С. Петровым и И. Михайловым, частично перестроенном в 1681 г. С. Дементьевым и состоявшем из семи связанных переходами хором (для царя, царевича, царицы и четырех — для царевен). Поставленные на подклет хоромы имели два и три этажа; верхний этаж, каркасный, служил летним помещением. Хоромы царя были трехчастными и сени с крыльцом делили его на жилую и парадную половины. Остальные хоромы не имели парадной половины, и композиция их была проще. Фасады части хором были обшиты тесом в подражание гладким каменным стенам и расчленены междуэтажными поясками. Окна второго этажа имели резные наличники с разорванными фронтончиками. Нарядность здания усиливалась раскраской резных деталей и крыш, имевших шатро-

26. Московский Кремль. Теремной дворец, 1635—1636 гг., зодчие Б. Огурцов, А. Константинов, Т. Шарутин, Л. Ушаков. Акварель Д. Кваренги

вую, бочечную и «кубоватую» форму (рис. 28, *1*). Дворец был окружен каменной оградой и был видим по частям, что создавало ряд сменяющихся картин, где значение центра композиции приобретали то башня на стыке хором царевича и царя, то красное крыльцо, то хоромы царицы, то первые хоромы средних царевен. Единство впечатления было обусловлено одинаковой композицией фасадов всех частей с подклетом имеющим волоковые окна, вторым этажом с рядом больших окон и легкой каркасной стенкой третьего этажа.

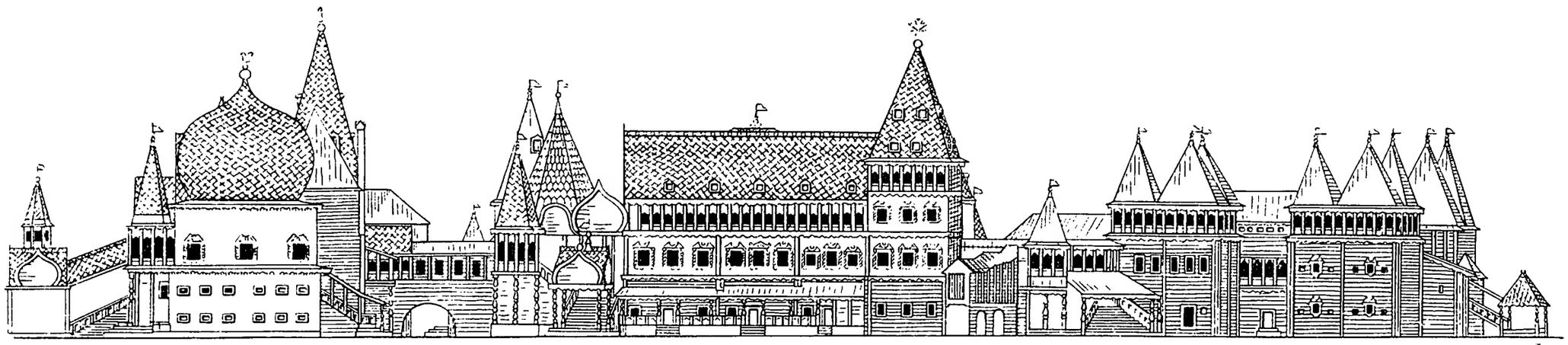
В это же время строились простые и единые по плану и объему дворцы. Таковы каменные дворцы царя и царицы в Саввином-Сторожевском монастыре начала 1650-х гг., прямоугольные в плане, с анфиладами небольших комнат (причем в царском дворце двери анфилады имеют одинаковые наличники) и «чертоги» в Троице-Сергиевой лавре конца XVII в. с четким ритмом парных окон и групп изразцов над простенками (рис. 28, *2*). Таков и деревянный на каменном подклете с гульбищем на всю длину царский Воробьевский дворец (1685—1690, зодчий Г. Вахрамеев). Ось симметрии этого 180-метрового фасада подчеркнута выступом средней части и ведущей к ней широкой открытой лестницей. Построенный в 1697—1698 гг. «каменного дела художником» Д. Аксамитовым Лефортовский дворец в Москве был также симметрич-

27. Московский Кремль. Потешный дворец, 1650—1670-е годы. Акварель Ф. Алексеева

ным с расположенными на главной оси наиболее крупным помещением и главным входом через лоджию-аркаду нижнего этажа. Дворец казался группой из пяти поставленных рядом обьемов со своей крышей каждый, но симметрия, ради которой зодчий сделал двое сеней, наличие больших парадных помещений и характер деталей делают его предшественником дворцовых построек XVIII в. (рис. 28, *3*).

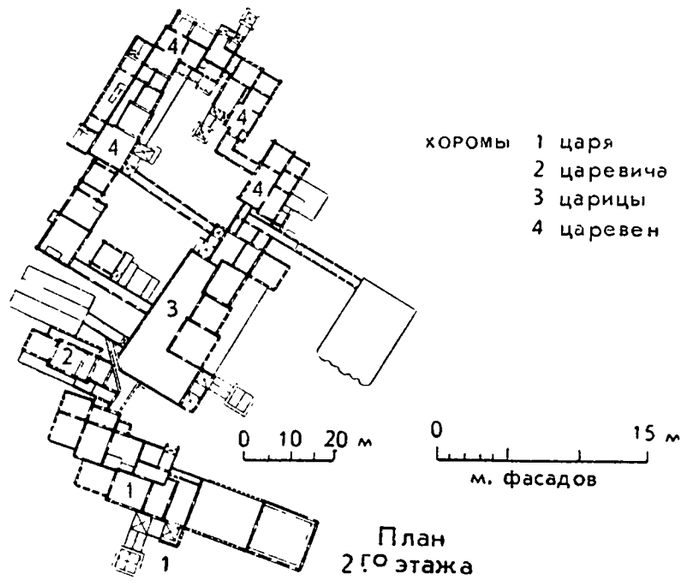
Помимо жилых зданий от XVII в. сохранились и **здания административного назначения,** нередко схожие с жилыми домами, особенно воеводские дома, служившие и жилищем воеводы. Таков воеводский дом в Соликамске, трехэтажный, трехчастный в плане, утративший наружные крыльца, но сохранивший убранство фасадов. Сходство с жилыми домами имели и приказы в Московском Кремле (1675 г.). Судя по планам XVIII в. и гравюре Пикара начала XVIII в., это были двухэтажные на подклете здания, поставленные рядом, но имевшие каждое свою четырехскатную крышу и открытое крыльцо. Таким же изображено и здание одного из приказов на чертеже конца XVII в., подписанном архитектором Григорием Устиновым. Иной характер имело здание Земского приказа на Красной площади, построенное в последние годы XVII в. П-образное в плане двухэтажное здание было обращено главным трехэтажным с башенкой фасадом в сторону Монетного двора и проезда к Воскресенским воротам (рис. 29, *1*). Симметрия здания, четкий ритм окон с разорванными и лучковыми фронтонами и колонны большого ордера, объединяющие первые два этажа, придавали зданию строгость, отличающую его от жилых построек. Примером административного здания меньших размеров может быть съезжая палата московской Кадашевской слободы с внутренней лестницей, связывающей все три этажа, — подклет с двумя обширными помещениями и сенями, первый этаж с одностолпной палатой (возможно, для посетителей) и примыкавшими к ней комнатами и верхний этаж со средним коридором.

Развитие торговли и промышленности вызвало необходимость постройки зданий складов и гостиных дворов. Первые нередко были деревянными, как соляные амбары близ Усолья конца XVII в., а вторые были схожи с восточными караван-сараями: прямоугольные в плане с большим внутренним двором и расположенными по периметру двухэтажными торговыми



Северо-Восточный фасад

1



хоромы 1 царя
2 царевича
3 царицы
4 царевен

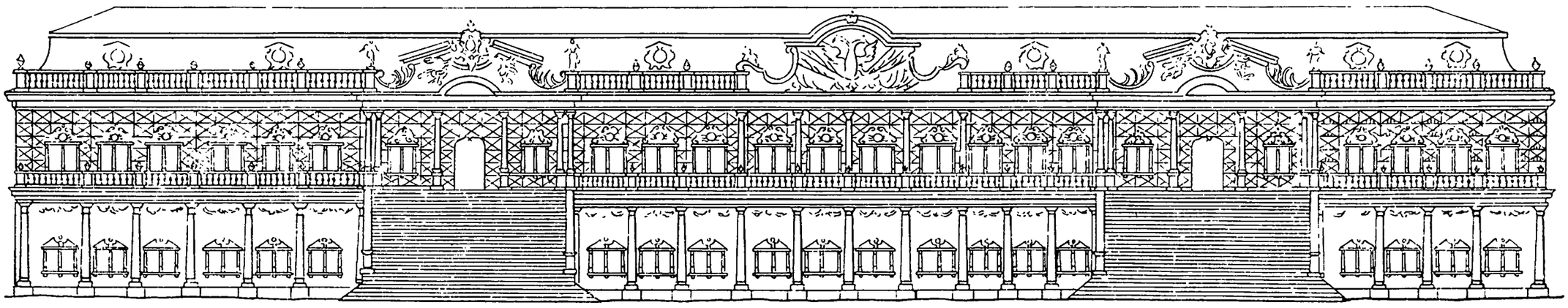
0 15 м
м. фасадов

План 2-го этажа

1

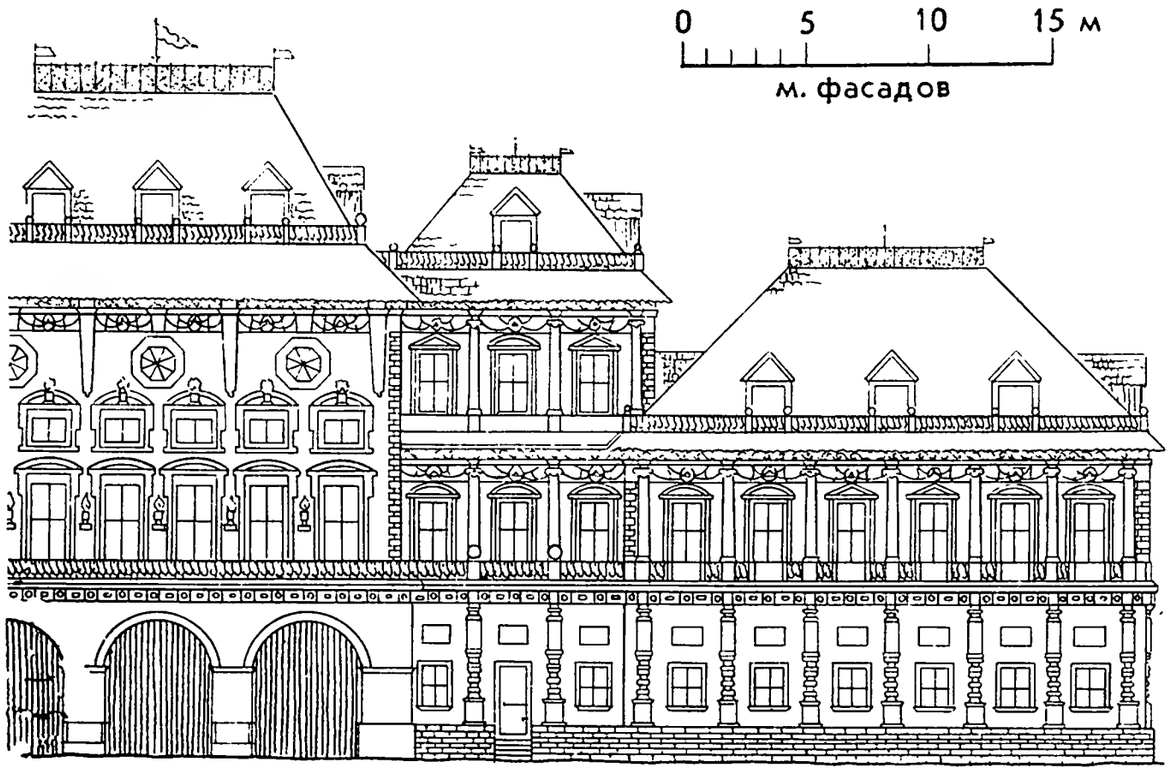
Юго-Восточный фасад

1

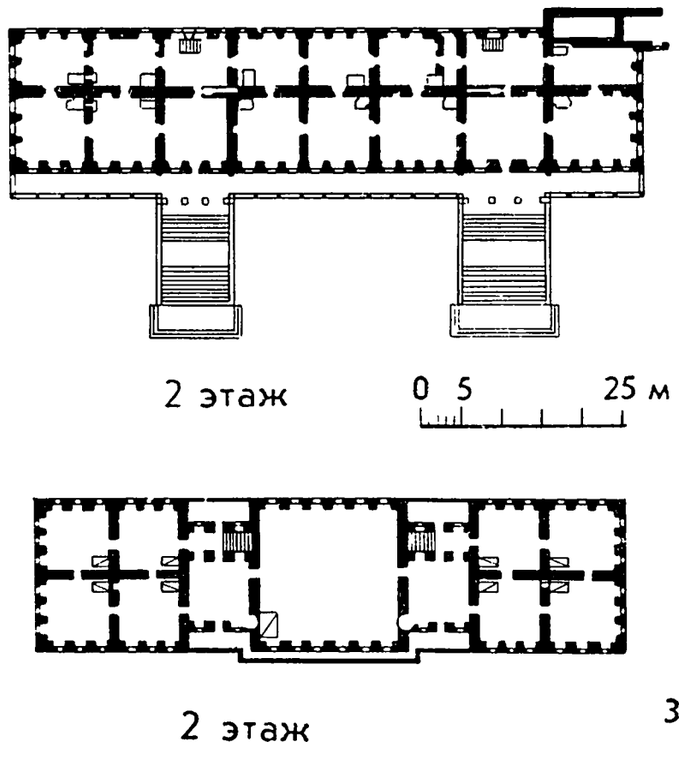


0 5 10 15 м
м. фасадов

2



3



2 этаж

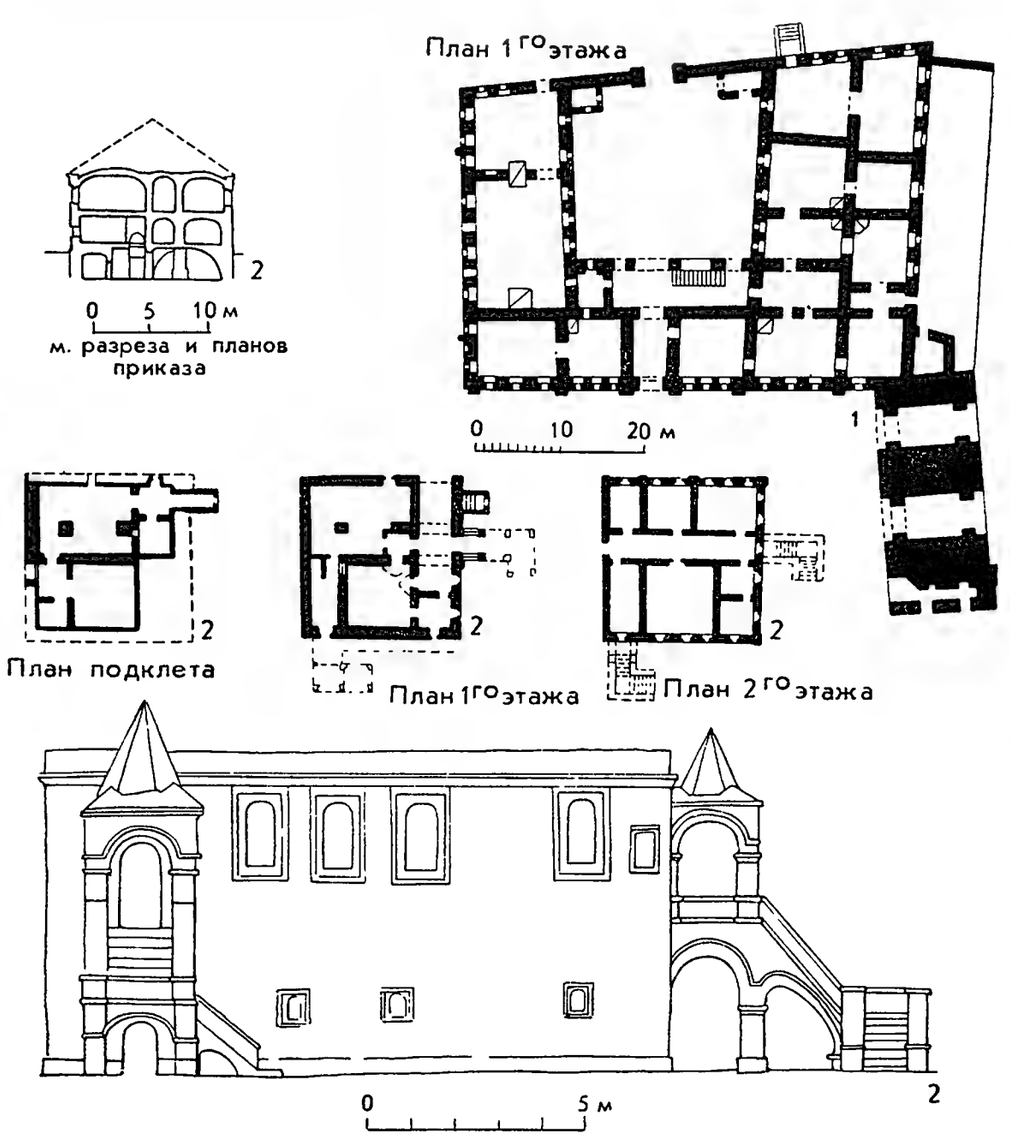
0 5 25 м

2

2 этаж

3

28. *1* — Коломенское близ Москвы. Дворец, 1667—1668 гг., зодчие С. Петров и И. Михайлов (частично перестроен в 1681 г. С. Дементьевым); *2* — царские чертоги Троице-Сергиева монастыря, конец XVII в.; *3* — Москва. Лефортовский дворец, 1697—1698 гг., зодчий Д. А. Аксамитов (реконструкция фасада В. Ю. Циркунова, план Р. П. Подольского)



29. Москва. *1* — Земский приказ на Красной площади. 90-е годы. XVII в.; *2* — Кадашевская съезжая палата, XVII в., реконструкция Г. В. Алферовой

помещениями, на углах стояли круглые башни, а на середине одной из сторон — въездная башня. Таков был новый гостиный двор в Москве в Китай-городе, построенный в 1661—1665 гг. зодчими А. Корольковым и Д. и Л. Костоусовыми, и Меновой двор в Тобольске рубежа XVII и XVIII вв. Самый большой гостиный двор в Архангельске, частью сохранившийся, был построен в основном московским зодчим Д. Старцевым в 1668—1684 гг. и состоял из дворов для русских и иностранных купцов и крепости между ними, вмещавшей приказную палату, «важню» и церковь. Крепость имела стены с зубцами и бойницами, а дворы были окружены двухэтажными корпусами со складами внизу и жильем наверху, с галереей-аркадой со двора (рис. 30; 31, *1*). Пять круглых башен и квадратная в плане проезжая башня придавали крепостной характер зданию, наружные фасады которого имели в первом этаже маленькие проемы, похожие на бойницы.

Крупные производственные постройки XVII в. были похожи на гостиные дворы, судя по поздним чертежам и рисункам московского Кадашевского хамовного двора, построенного в 1658—1661 гг. А. Корольковым и преобразованного затем в Монетный двор. Сначала на участке, обнесенном каменной стеной с угловыми башенками и богато украшенными воротами, находился двухэтажный корпус с сенями и ткацкими мастерскими по обе стороны от них. В конце XVII в. стены и башни были надстроены, а изнутри к стенам были пристроены двухэтажные здания, освещавшиеся окнами со двора да световым фонарем. Фонарь имел вид второго цилиндрического свода, устроенного сверх основного и образующего бочечную кровлю здания, прорезанную рядом парных окон, свет из которых попадал внутрь через отверстия в шелыге основного свода (рис. 31, *2*).

Таковы же были каменные здания складов (старый житный двор на Басманной, житный двор у Калужских ворот) — одноэтажные строения с внутренним двором, башнями по углам и воротами, увенчанными башней. Монументальные ворота с шатровой башней, украшенные коринфскими колоннами и скульптурами, были в средней части московского печатного двора, построенного в 1642—1645 гг. Т. Шарутиным и И. Неверовым и расширенного

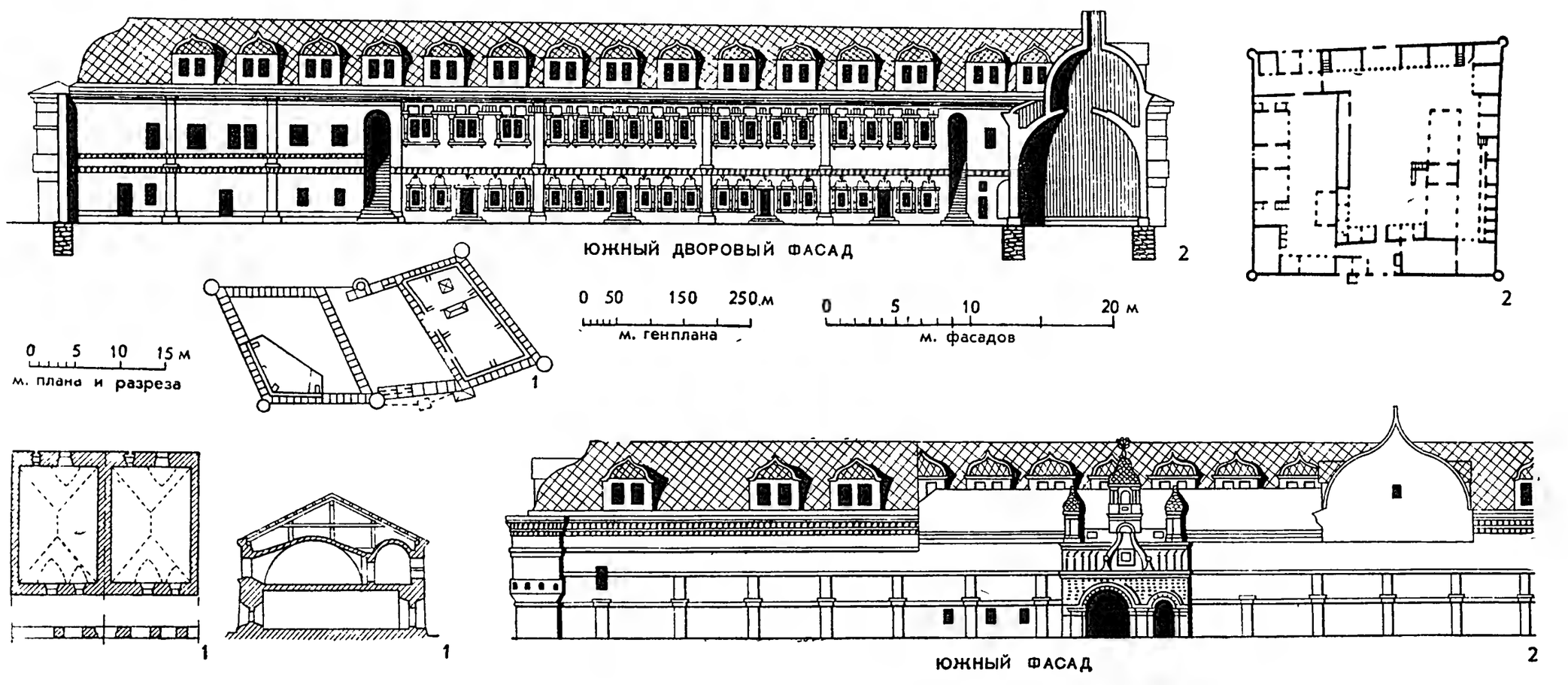
в 1656 г. (рис. 32, *1*). Во дворе (рядом со стеной Китай-города) в 1679 г. были построены правильная и книгохранильная палаты, поставленные на подклете и разделенные сенями, к которым примыкали два наружных крыльца (замененные новым крыльцом в 1879 г.). Такая планировка, так же как и убранство фасадов, сближала это здание с жилыми домами.

В построенном в 1697 г. монетном дворе в Китай-городе нижний этаж имел окна только во двор, а снаружи его глухая стена прорезалась лишь украшенными каменной резьбой воротами. Зато второй этаж этого фасада имеет коринфские колонки в каждом простенке, изразчатым фризом наверху и оконными наличниками с белокаменными завершениями орнаментального характера (рис. 32, *2*).

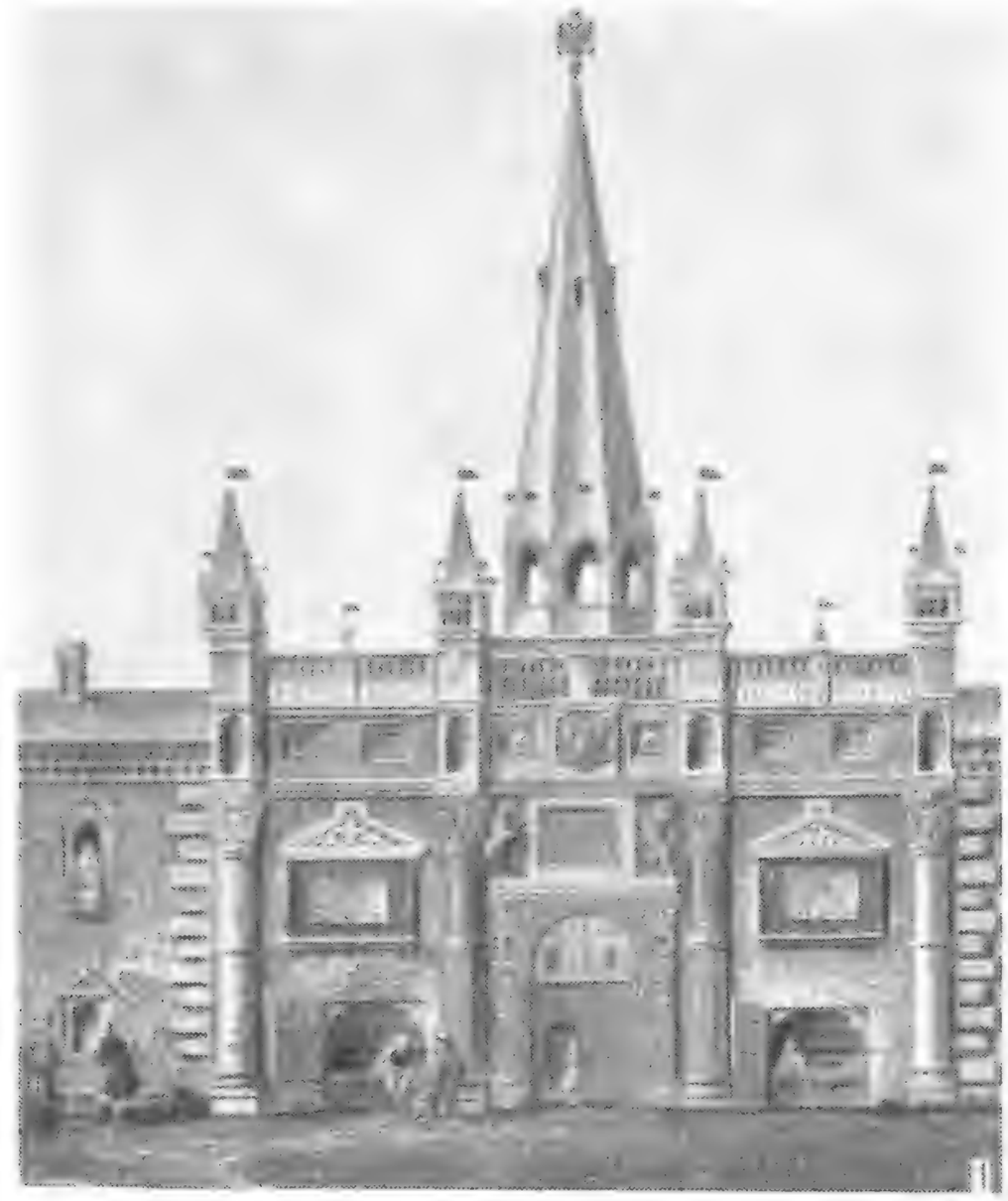
Монастырские трапезные середины и третьей четверти столетия часто еще покрывались сводами, опиравшимися на центральный столб, — трапезные Саввина Сторожевского монастыря начала 1650-х гг., московского Новоспасского монастыря того же времени, Иверского Валдайского монастыря (построенная в 1665 г., рис. 34, *1*) и др. В последней четверти XVII в. появились бесстолпные трапезные, имевшие вид вытянутого по продольной оси зала, поставленного на подклет, и покрытого опирающимся на стены сводом, сомкнутым в своей западной части и коробовым на востоке, где к трапезной примыкала церковь. С севера или юга к трапезной примыкали подсобные помещения, иногда будничная братская трапезная, связанные с подклетом, а с запада — сени с наружной открытой лестницей.

Таковы трапезные московских Симонова и Новодевичьего монастырей и Троице-Сергиевой лавры. Первая, начатая постройкой в 1677 г. Парфеном Потаповым, была закончена в 1680-х гг. О. Старцевым, украсившим ее окна нарядными наличниками, западный фасад — фигурным фронтоном, а башню над сенями — угловыми колонками и парапетом с балясинами (рис. 34, *2*).

30. Архангельск. Гостиный двор, 1668—1684 гг., зодчий Д. Старцев (фото Б. А. Васильева)

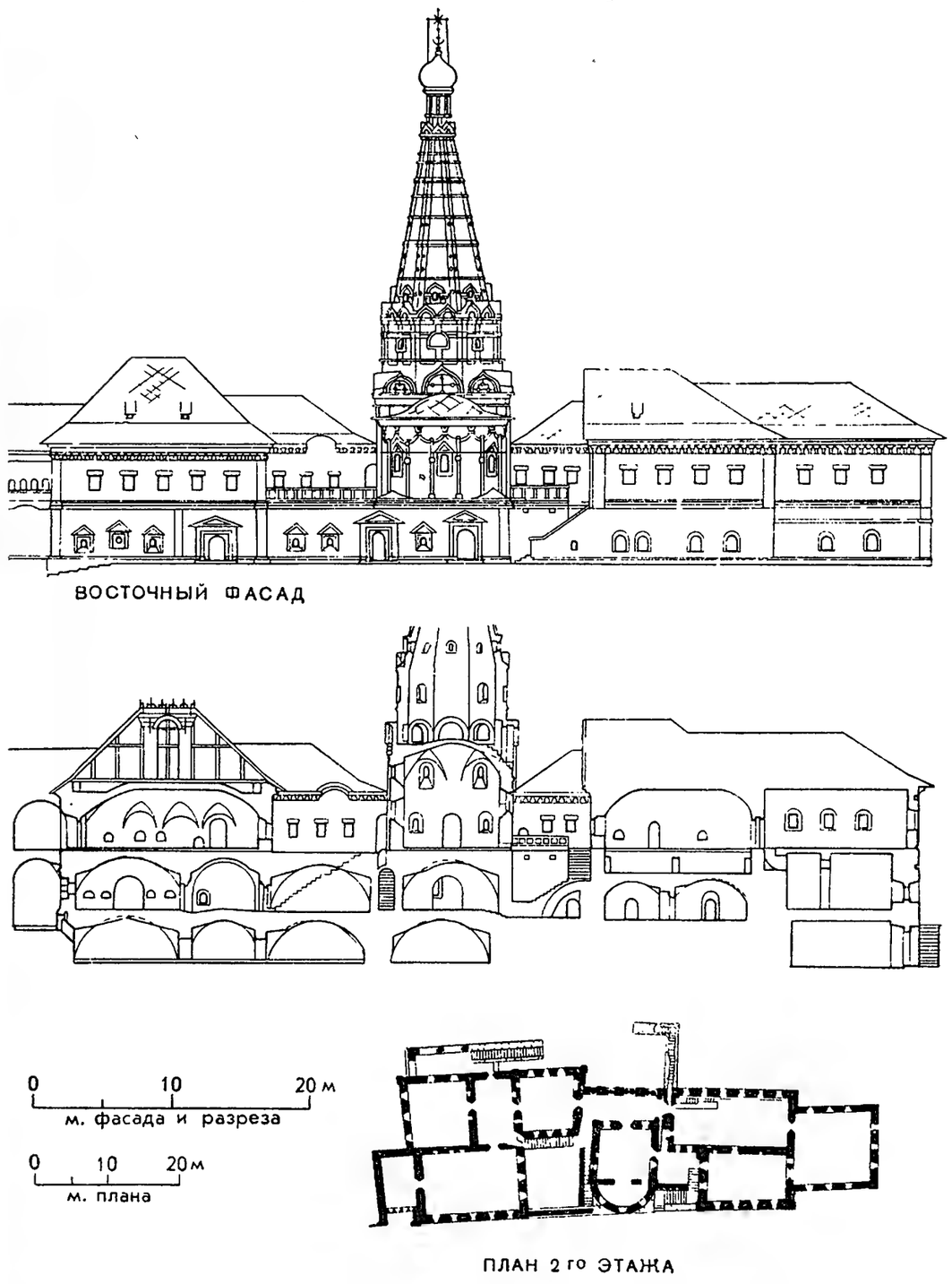


31. *1* — Архангельск. Гостиный двор; *2* — Москва. Монетный двор в Кадашевской слободе, 1658—1661 гг., зодчий А. Корольков

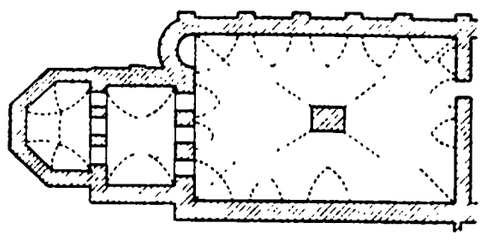


32. Москва. *1* — Печатный двор, 1642—1645 гг., зодчие Т. Шарутин и И. Неверов (со старинного рисунка); *2* — Монетный двор у Воскресенских ворот, реставрация Р. П. Подольского

Вторая была закончена в 1687 г., и ее крыша опиралась, возможно, на стенки, сложенные на некотором расстоянии от наружных стен, образуя круговой обход с парапетом. На фасадах в каждом простенке помещены сужающиеся книзу пилястры на кронштейнах (рис. 34, *3*). Трапезная Троице-Сергиевой лавры (1685—1692 гг.) имеет коринфские колонки в каждом простенке, а аттик украшен полукруглыми кокошниками с раковинами, аналогичными кокошникам церкви. Она сохранила гульбище на арках, утраченное другими трапезными, и наружную роспись стен под брильянтовый руст, а колонок — вьющейся виноградной лозой (рис. 34, *4*). К этим палатам близки трапезная Солотчинского монастыря близ Рязани и трапезная Вяжищского монастыря возле Новгорода, с изразцовыми украшениями фасадов.

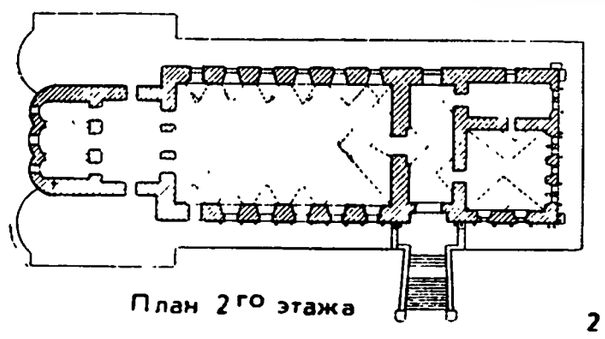


33. Троице-Сергиева Лавра. Больничные палаты XVII в., реконструкция И. В. Трофимова



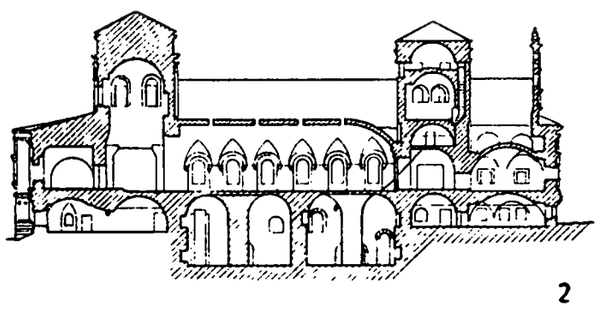
План 2го этажа

1

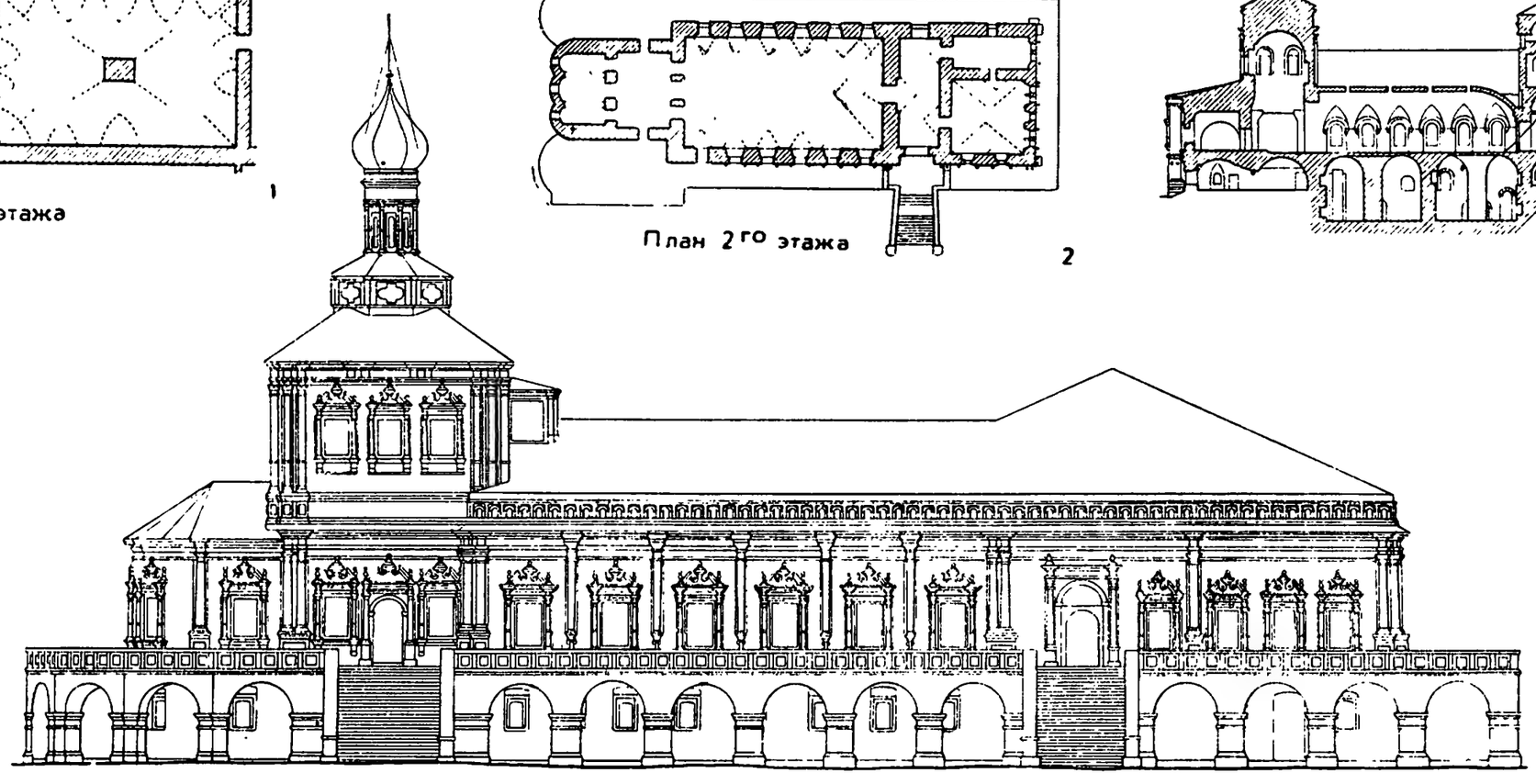


План 2го этажа

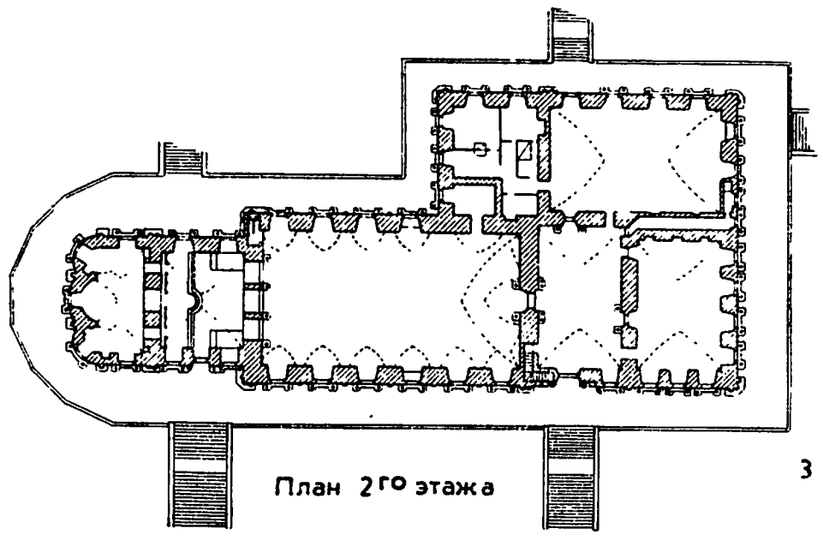
2



2

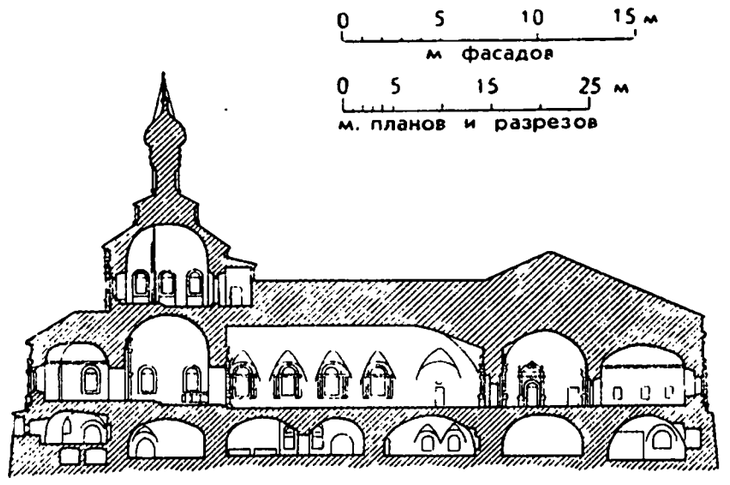


3

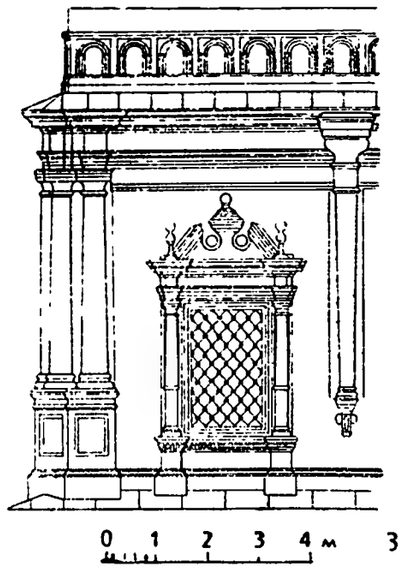


План 2го этажа

3



3



3

34. Трапезные палаты XVII в. монастырей: *1* — Валдайского-Иверского, середина XVII в.; *2* — Симонова, 1677—1680 гг.; *3* — Новодевичьего, 1685—1687 гг., реконструкция О. И. Брайцевой; *4* — Троице-Сергиева. Северный фасад (фото А. А. Александрова)

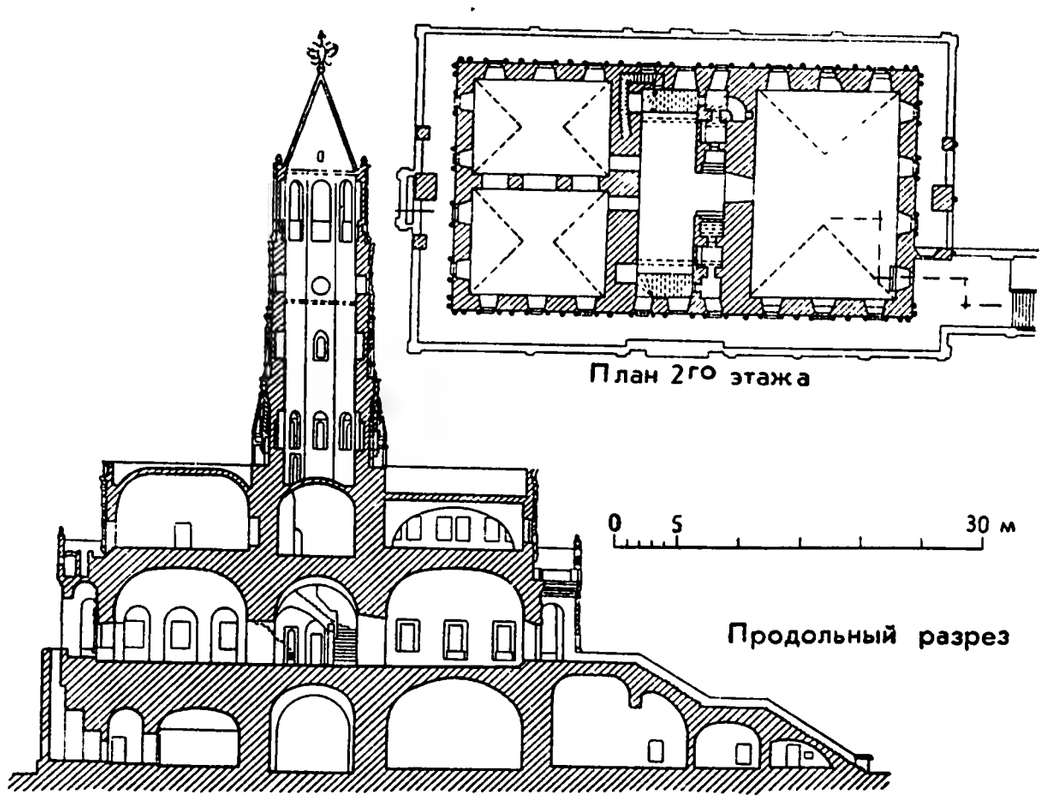
35. Москва. Большой Каменный мост, 1687—1692 гг. (с гравюры Пикара)

Больничные палаты XVII в., в отличие от более ранних, стояли на подклетах и были связаны с церковью. В Троице-Сергиевой лавре они располагались по обе стороны от церкви Зосимы и Савватия (1637 г.) и включали несколько небольших помещений (рис. 33), а в Ново-Иерусалимском монастыре (1686) имели в главном этаже три большие сводчатые палаты с двухсторонним освещением и выдвинутую на восток церковь посередине.

В XVII в. украшали парапетом с ширинками и цветными изразцами и такие инженерные сооружения, как «Виноградная» плотина в Измайлове (зодчие Д. Костоусов и И. Кузнечик, конец 1660-х — начало 1670 г.). Такие же парапеты имел Измайловский каменный мост, заканчивавшийся со стороны «государева двора» трехъярусной шатровой проезжей башней.

Большой каменный мост через Москву-реку (1687—1692) имел семь арочных пролетов, парапет с ширинками, каменные лавки и башни с запиравшимися на ночь воротами на обоих его концах. Башня со стороны Белого города была невысокой, а со стороны Замоскворечья это была «палата» с шестью проходами внизу, увенчанная двумя шатровыми башнями (рис. 35)

Гражданским сооружением были также построенные М. Чоглоковым в 1692—1695 гг. Сретенские ворота Земляного города (Сухарева башня), не имевшие в себе ничего оборонительного. В нижнем этаже были прорезаны большие окна, и широкая открытая лестница вела на гульбище второго этажа с невысоким парапетом. В 1695—1698 гг. тем же мастером был надстроен третий этаж для математической и навигационной школы, а в 1698—1701 гг. — еще три яруса над башней. Положение этого здания в городе, а может быть, и его мемориальное значение объясняют торжественный характер его архитектуры с широкой и пологой лестницей, ступенчатым силуэтом, высокой башней, богатым и строгим убранством фасадов (рис. 36, 37).



36. Москва. Сухарева башня, 1692—1695 гг. (надстроена в 1698—1701 гг. Зодчий М. Чоглоков

37. Москва. Сухарева башня. Вид с юго-востока

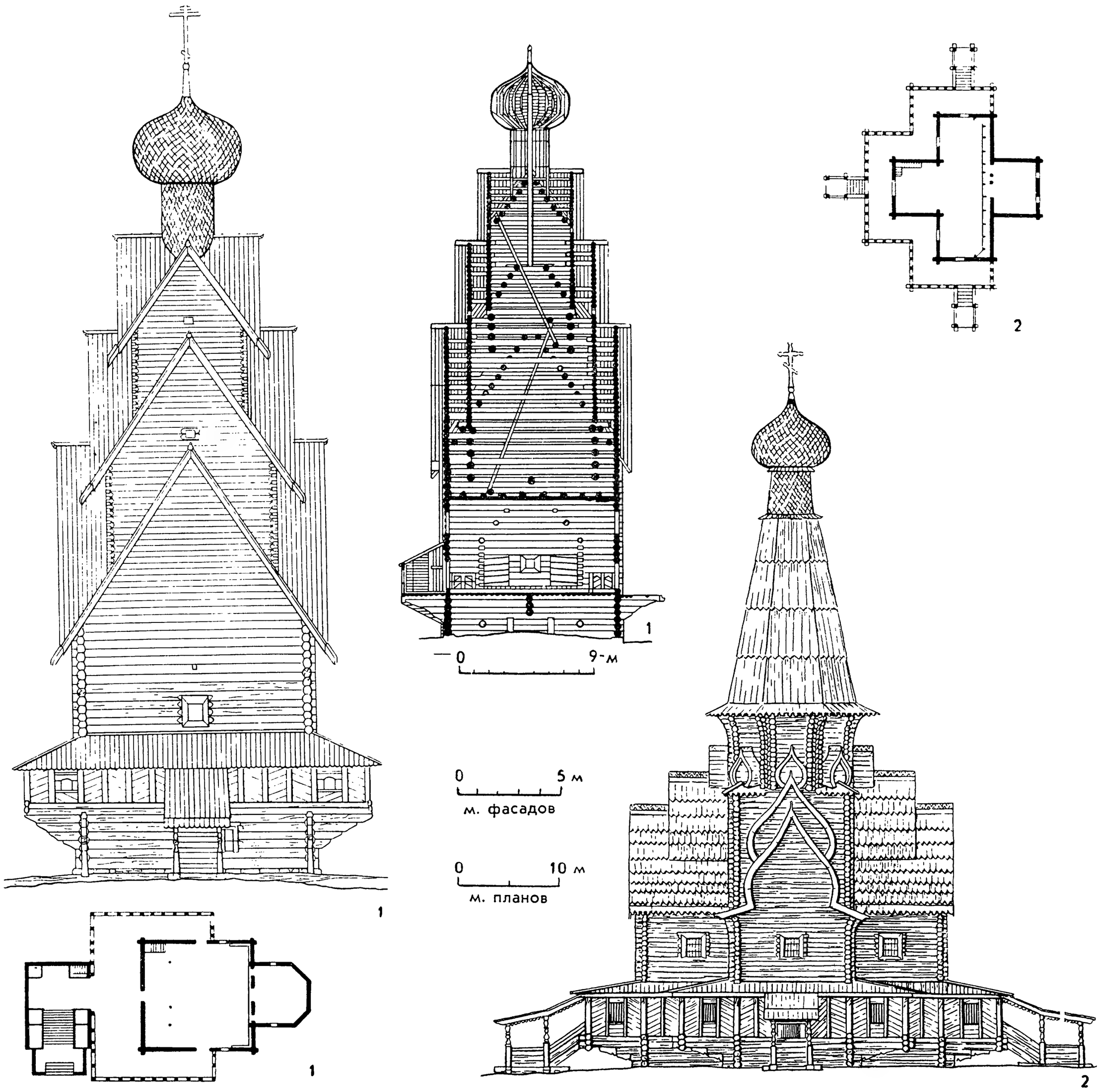
38. *1* — с. Спас-Вежа, Костромской обл. Церковь. 1628 г. Вид с запада; *2* — Торжок. Церковь Вознесения, 1653 г.

Культовая архитектура. Несмотря на усиление светского начала в русской культуре XVII в., особенности архитектуры этого времени были наиболее ярко выражены в культовом строительстве. Как и раньше, в архитектуре церквей отражались не столько религиозные идеи, сколько мировоззрение широких общественных слоев, а ставшее возможным для XVII в. сравнение церквей с современными им светскими постройками показывает, что многие приемы убранства и формы одинаковы и там и здесь. Одинаковым в культовой и светской архитектуре XVII в. было стремление к нарядности, а в конце века — к правильности композиции плана, объема и фасадов. В деревянных храмах XVII в. стремление к большой живописности и нарядности сказалось на их объемной композиции и силуэте, но обработка фасадов оставалась простой. Старые типы планов — прямоугольный, восьмиугольный с двумя и четырьмя прирубами и крещатый — были характерны и для XVII века. Алтарные прирубы иногда делали «круглыми», т. е. пятигранными, а с запада пристраивали невысокие, обширные трапезные. Трапезные не только увеличивали полезную площадь сельских церквей, но здесь оглашались правительственные указы, разбирались судебные дела, собирались мирские сходки, и это заставляло строителей делать трапезные по мере надобности изолируемыми от собственно храма. Такое помещение, будучи наполовину светским по назначению, придавало более светский характер интерьеру церкви.

Клетские церкви XVII в. по сравнению с более ранними были обычно выше, со стройными крышами простейшей формы (церковь села Спас-Вежа близ Костромы, 1628, рис. 38, *1*), или с полицами и повалами внизу (Богоявленская церковь Елгомского погоста Архангельской области, 1644), или с бочечными покрытиями прирубов (церковь села Усть-Паденга той

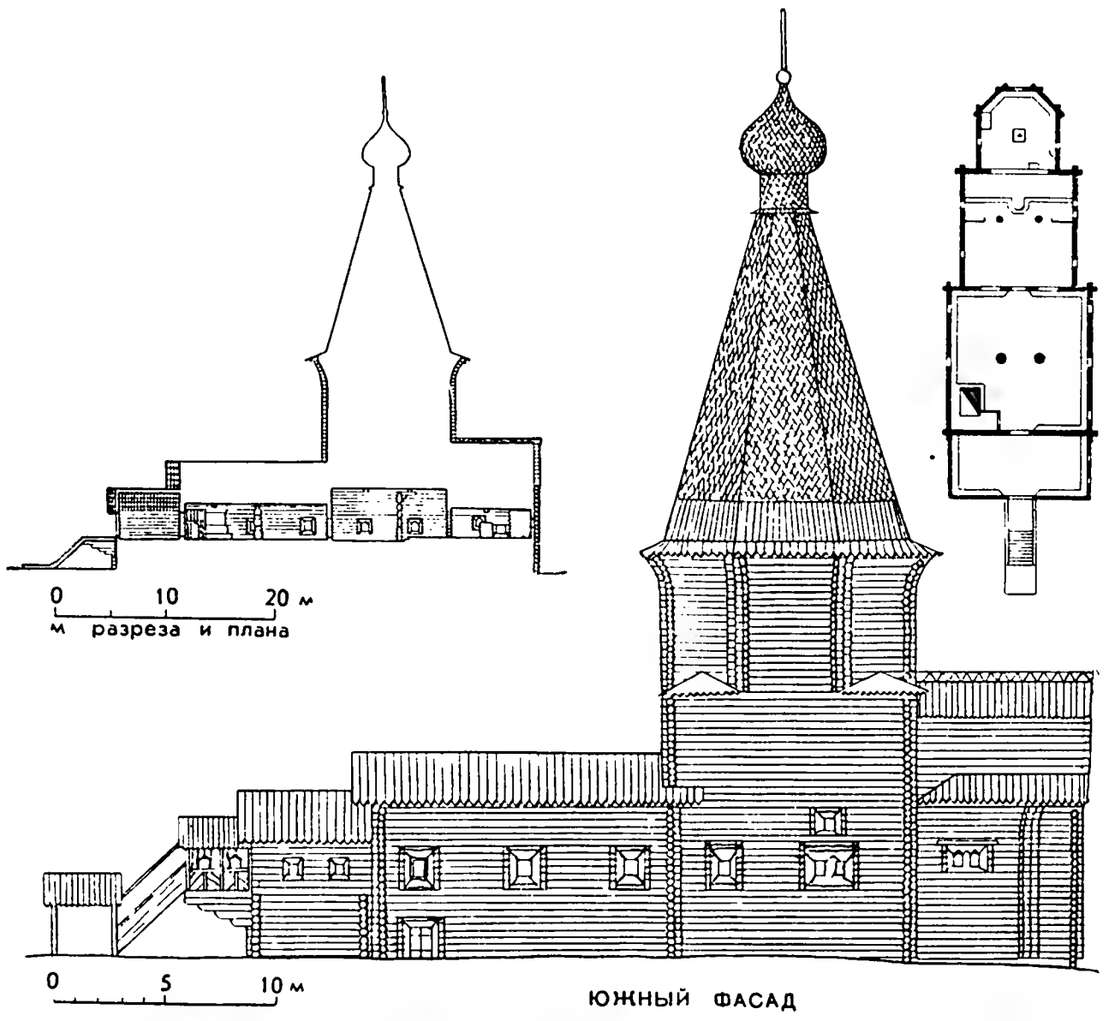
же области, 1675). Тип квадратной в плане церкви с восьмискатным покрытием и треугольным щипцом над каждым фасадом был местным в бассейне Волхова, Свири и южном Приладожье (церкви села Масельга, 1657, и Помялова, 1685) и, видимо, связанным с каменными храмами Новгорода XIII—XV вв.

Криволинейные восьмискатные покрытия применялись в деревянной архитектуре в виде крещатой бочки на четверике храма. Возможно, что они применялись чаще в де-



39. *1* — Ширков погост, Волоколамской обл. Церковь Иоанна Предтечи, 1697 г., реконструкция Б. В. Гнедовского; *2* — Варзуга, Мурманской обл. Церковь Успения, 1674 г., реконструкция А. В. Ополовникова

ревянных храмах средней Руси, меньших по размерам и более замысловатых по формам, чем северные. Так, церковь села Подсосенье под Москвой (1619, перенесенная в середине XIX в. в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры) была кубической с широким карнизом-повалом и крещатой бочкой, несшей ярусную шейку. Будучи поставлены одна на другую, крещатые бочки образовывали ярусный верх, какой имела зарисованная в альбоме Пальмквиста (1674) церковь Никольского монастыря под Москвой. Аналогичен ярусный верх из четвериков, покрытых простыми восьмискатными крышами, церкви конца XVI в. Ниловой Столобенской пустыни на озере Селигер. Такой верх сохранила церковь в Ширковом погосте (1697) в тех же местах, на озере Пено. Возможно, что и этот тип храма был местным, свойственным району истоков Волги (рис. 39, *1*).

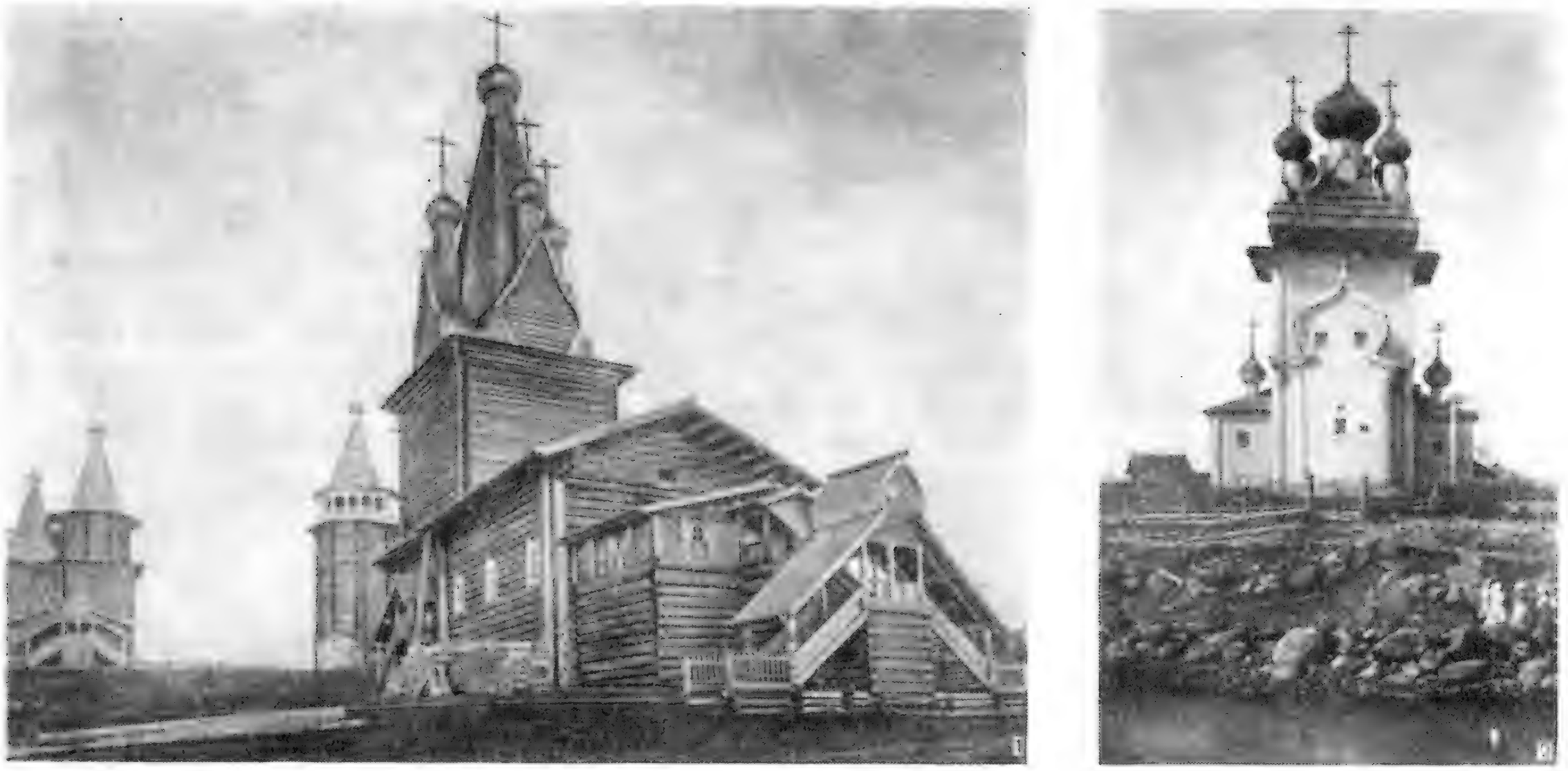


В XVII в. широкое распространение благодаря своей живописности получили ярусные верхи из восьмигранных срубов, отрезанные от внутреннего пространства храма потолком (церковь села Старые Ключищи, Горьковской области, 1650) или открытые внутрь для освещения здания (Вознесенская церковь в Торжке, 1653, см. рис. 38, *2*).

Шатровые деревянные церкви XVII в. были и восьмигранными с прирубами с востока и запада, отличавшимися от построек XVI в. большей легкостью шатра с небольшой главой (Георгиевская церковь погоста Вершино на р. Верхней Тойме, Архангельской области, 1674) и «круглыми, о двадцати стенах» (церковь в с. Водоватово, Горьковской области, 1652, до недавнего времени сохранявшая открытый изнутри шатер).

Наибольшее распространение в XVII в. получил новый тип деревянного шатрового храма — восьмерик на четверике. Эти храмы было удобно увеличивать пристройками или присоединением с запада обшир-

40. Пучуга, Архангельской обл. Петропавловская церковь, 1698 г.



41. *1* — Юромский погост, Архангельской обл. Церковь Гавриила Архангела, 1685 г.; *2* — с. Кушерецкое. Вознесенская церковь, 1669 г.

ной трапезной. Примеры первых — Вознесенская церковь в с. Пияла на р. Онега, Архангельской области (1651) и Успенская церковь в с. Варзуга, Мурманской области (1674, рис. 39, *2*). Здесь каждый прируб покрыт тремя насаженными одна на другую бочечными крышами, создающими постепенный переход к центральной части. Более характерны для XVII в. шатровые храмы этого типа с трапезной — церкви сел Кургоминского, Архангельской области (1623), Яндомозера Карельской АССР (1656), Саунина (1667) и Пучуги (1698, рис. 40); две последние — Архангельской области, именовавшиеся в документах XVII в. «древяна клетски верх шатром».

В прежних шатровых церквах из паперти через низкий западный прируб сразу открывался высокий восьмерик с теряющимся в темноте верхом и многокрасочным иконостасом, производящий впечатление величия и беспредельной высоты. В шатровых церквах XVII в. за папертью находилась обширная, но невысокая трапезная (рис. 40), а затем уже и самый храм, более высокий, но отделенный потолком от восьмерика и шатра. Вместе с увеличением размеров и освещенности увеличивалось и богатство убранства, сосредоточенного главным образом на восточных стенах. Сменяющие одно другое помещения создавали впечатление обширного и богатого «дома божьего». Также изменилось и впечатление, производимое внешним видом шатровых храмов, ставших более многообъемными с асимметричными боковыми фасадами и большим числом разнообразных по размерам окон. В трапезных применялось и типичное для жилой архитектуры сочетание красного окна с двумя волоковыми.

На берегах Пинеги и Мезени восьмигранный шатер ставился непосредственно на четверик, но переход от четверика к шатру маскировался крещатой бочкой с четырьмя главками на коньках (церковь Гавриила Архангела в Юромском погосте на Мезени, 1685, рис. 41, *1*).

Церкви с «кубоватым», рубленым, центрическим, квадратным в плане покрытием, силуэтом напоминающим луковичную главу, строились на южном берегу Белого моря и по р. Онега. Одна из них, Пятницкая церковь с. Шуерецкого Карельской АССР (1666) увенчана одной главой, но большинство были пятиглавыми (в селах Кушерецком, 1669, рис. 41, *2*, Макарьине на

42. *1* — Чухчерьма, Архангельской обл. Ильинская церковь, 1657 г.; *2* — Кулига (Дракованова), Архангельской обл. Колокольня, конец XVI в.(?)

р. Коже и Пияле, обе 1695, все в Архангельской области). Подобно шатровым церквам некоторые кубоватые церкви имели четыре прируба, как Преображенская церковь с. Чекуева на Онеге (1687), которую главки на бочечных крышах прирубов превратили в девятиглавую. В церкви в Бережно-Дубровском погосте на той же реке (1687) все девять глав посажены на самый куб.

Многоглавие применяли в зданиях разных типов. Девятью главами была увенчана церковь в Чухчерьме, Архангельской области (1657), где восемь глав стояли по периметру невысокой четырехскатной крыши, а девятая венчала маленький шатер, поставленный непосредственно на крышу (рис. 42, *1*). Если бы не этот шатер, то чухчерьменскую церковь можно было бы отнести к деревянным церквам «на каменное дело» с четырехскатной крышей с главами на ней, как церковь в с. Ижма, Архангельской области (1677) с пятью главами, массивным срубом и пятью парами высоких столбов, поддерживающих потолок.

Пятиглавый кубический сруб составлял основную часть деревянных соборов в городах Шенкурске и Коле (оба 1691). Первый имел четыре покрытые бочками пристройки, увенчанные четырьмя дополнительными главками, галерею и примыкавшие к ней с трех сторон крыльца. Еще сложнее был собор г. Кола, сгоревший в 1853 г. во время бомбардировки города англичанами. Неточные чертежи не позволяют с уверенностью судить о том, был ли покрыт каждый из трех главных объемов здания пятиглавым кубом или четырехскатной крышей с пятью главами. Помимо этих глав было еще по главе над каждым из трех алтарей и над круглой башенкой, стоявшей на запад от главного храма, напоминающей подобные башенки деревянных храмов Норвегии. Живописность Кольского собора усиливали его галереи и три шатровых крыльца.

От XVII в. до наших дней сохранилось несколько колоколен — от столба с двух- или четырехскатной крышей, под которой висели колокола, до больших семнадцатистолбных башен.

При пяти столбах один из них стоял посередине, поддерживая вершину шатра, а четыре угловых несли венцы, служившие опорой для низа крыши, площадку звона и лестницы. Нижняя часть таких колоколен не одевалась срубом, но толщина столбов и их наклон делали ее устойчивой и венчавший шатер (колокольня в Кимже на р. Мезени, уже XVIII в.) или пять шатров (колокольня Ракульского погоста на Северной Двине) не казались тяжелыми.

Восьмигранные колокольни одевались срубом до самого звона, что можно видеть на колокольне 1658 г. в с. Цывозеро, Архангельской области. В более сложной семнадцатистолбной колокольне с. Кулига (Дракованова), той же области, сруб состоит из низкого четверика и стоящего на четверике высокого восьмерика (рис. 42, *2*).

Отсутствие дат постройки большинства деревянных часовен затрудняет характеристику этих зданий XVII в. Они часто имели двускатные крыши с прямыми скатами (часовни в Васильевском и в Волкострове в Заонежье) или крутые с полицами внизу (часовни в Чаростров и Алферовском, Архангельской области). Колокольня над притвором имела обычно увенчанный шатром восьмерик звона на низком четверике.

Шатровые деревянные часовни чаще были с восьмериком на четверике (часовня в Устье-Вые, Архангельской области) или же имели квадратный в плане шатер, стоящий на срубе часовни, а пологая кровля, кажущаяся полицей по отношению к шатру, покрывала окружающую сруб галерею. Такие часовни были в Костромской и Владимирской областях.

Господствующее место в русской каменной культовой архитектуре XVII в. в связи с ростом городов и усилением в общественной жизни значения посадских людей занял тип бесстолпной приходской церкви, который не только развивался быстрее других, но и стал количественно преобладающим.

Тип церкви, построенной на «сборные деньги» прихожан и достаточно поместительной, вырабатывался самостоятельно в Пскове и Москве еще в конце XV—XVI вв. В Москве это был небольшой храм без внутренних столбов, псковичи расширяли свои церкви пристройками, о чем было сказано выше.

Московские архитекторы XVII в. увеличивали размеры храмового помещения, пристраивая обширные трапезные с приделами в восточных углах, не уступавшие по площади главному храму, или устраивали нижнюю церковь в подцерковье. На смену сложным крещатым сводам из гражданских построек был заимствован сомкнутый. Было улучшено освещение храмов. Сложная композиция здания, состоявшего из нескольких частей, позволяла вести строительство храмов постепенно по мере накопления средств у прихожан.

Упрощению кладки свода способствовало не только расположение окон ниже его пят; часто план храма был вытянут по линии север — юг, что уменьшало пролет свода. Приделы также имели обычно сомкнутые своды, а трапезные, одно- или двухстолпные, покрывались крестовыми, цилиндрическими и сомкнутыми сводами. Бесстолпные трапезные перекрывались цилиндрическим сводом, иногда с лотком с западной стороны. Малая высота трапезных заставляла делать распалубки над проемами, как в жилых помещениях. Для лучшего освещения храмов их окна размещались в два яруса — верхний под пятами сомкнутого свода, нижний на одном уровне с окнами трапезной. Окна делались более низкими и широкими, как в жилых помещениях.

Живописная композиция этих храмов была обусловлена сочетанием разных по высоте и очертаниям объемов главного храма, апсид, трапезной, приделов и колокольни. Внутри один за другим следовали различные по размерам, освещению и убранству притвор, обширная трапезная с низко расположенными окнами и высокий двухсветный главный храм со световой главой. Весь интерьер производил впечатление не строгого величия, как в более ранних храмах, но богатства и живописности. Такое изменение облика храмов было следствием как новых утилитарных задач и экономических возможностей, так и новых художественных веяний.

Храмы XVII в. увенчивались пятью главами, четыре из которых, а иногда и все пять были декоративными, или двумя-тремя декоративными шатрами. Главы приделов и шатры крылец и колоколен делали силуэт здания еще более живописным. В целях художественной выразительности русские архитекторы XVII в. превращали конструктивные формы ранних построек в чисто декоративные. Обычные для XVII в. кокошники — декоративные подобия преж-

них закомар — уже свободно размещались на поверхности сомкнутого свода ярусами, вперебежку, группами в основаниях барабанов, перегибаясь на углах, украшая аттиковые части стен. Членящие фасады лопатки или пучки полуколонн, в соборных храмах отвечавшие столбам, междуэтажные пояски, заимствованные из жилой архитектуры, в бесстолпных храмах с их единым внутренним пространством были также чисто декоративными.

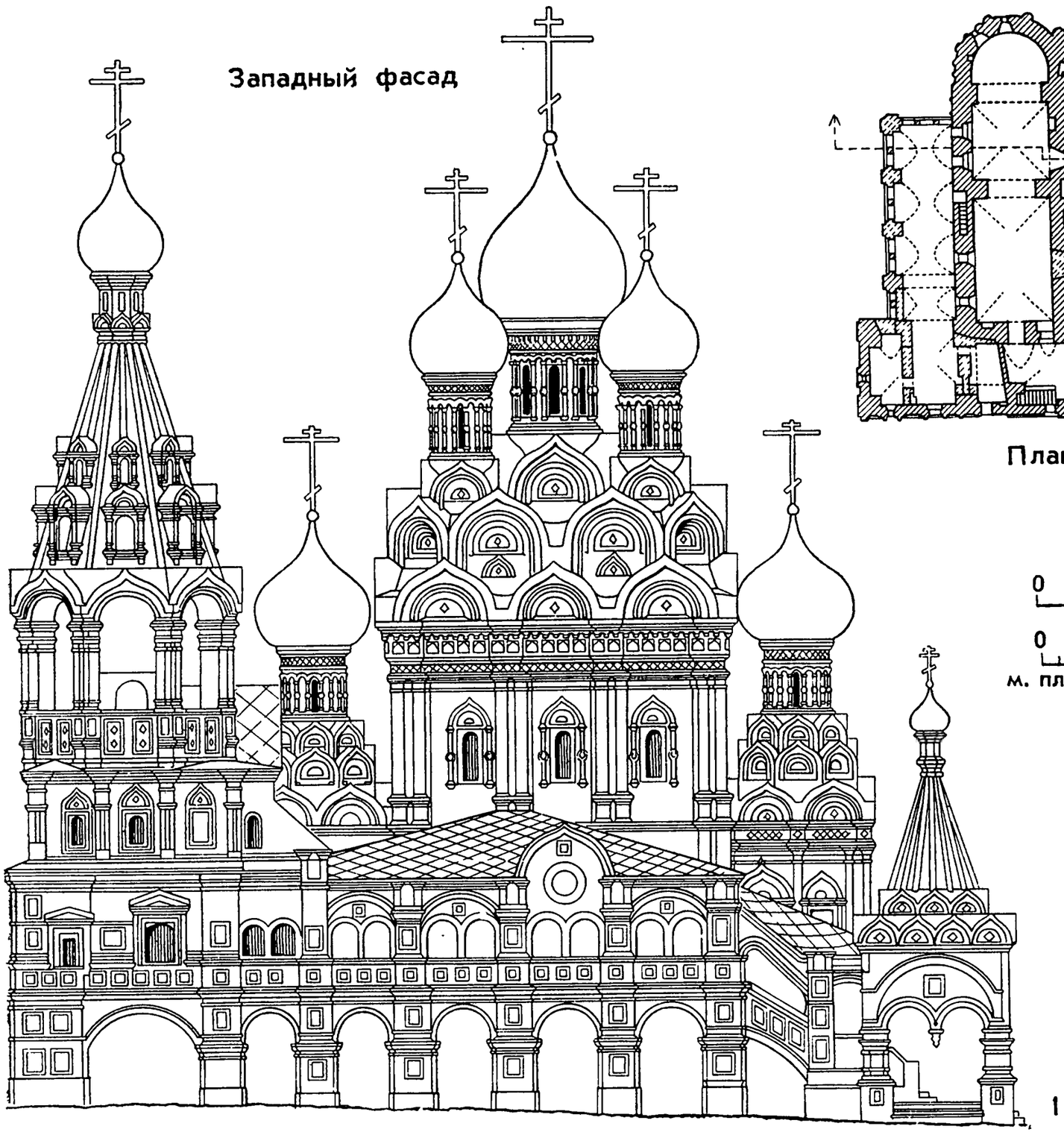
Оконные наличники, пропорции и размещение окон в русских храмах XVII в. перешли сюда из жилой архитектуры. В них сочетались впадины для ставней и профилировка откосов с сандриками из двух колонок (трактовка и пропорции которых соответствуют их декоративному характеру) и антаблемента с фронтоном. Столбики и арки перспективных порталов в XVII в. превращались в сложные жгуты из профильного кирпича и терракоты. В храмах XVII в. встречаются также порталы типа порталов московского Архангельского собора с боковыми откосами и колоннами. Но они стали приземистее, и их граненые колонки с поясками и профили антаблементов были далеки от классических прообразов.

Наряду со сложной профилировкой деталей, выполненных в кирпиче и терракоте, зодчие XVII в. применяли цветную покраску, часто применялась побелка или многоцветная раскраска кирпичных рельефных деталей при побелке стен или раскраске их «под кирпич». Большую роль играл цвет кровельного материала — луженого железа и золоченой меди, поливной желтой и зеленой черепицы и серебристо-серого теса и лемеха. Золоченые кресты сложной формы и наружные фрески дополняли живописный облик русского каменного храма XVII в.

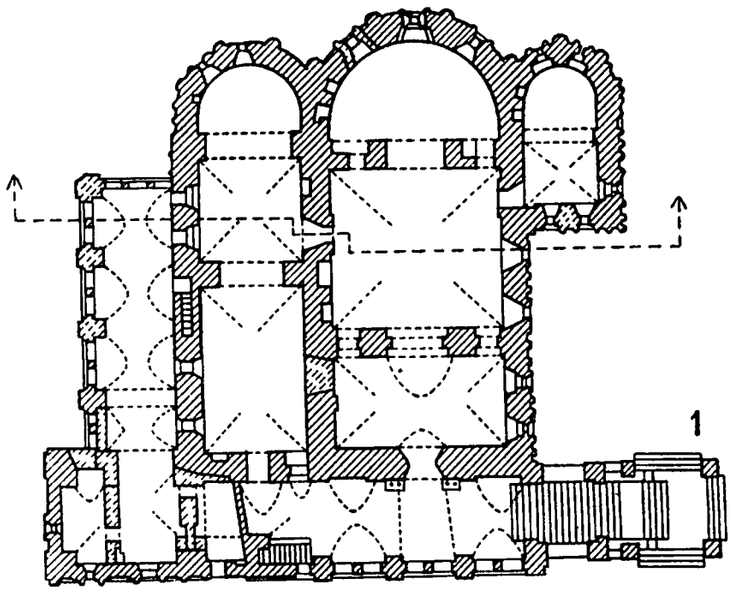
В сюжетах фресок XVII в. и в их трактовке сказалось усиление светского начала в русском искусстве: библейские и житийные сцены превращаются в жанровые картины со множеством действующих лиц и сложным пейзажным и архитектурным фоном. Увеличение числа и уменьшение размеров изображений и усложнение композиции привело к тому, что росписи уже не подчинялись осям внутреннего пространства, как раньше, но расстилались по стенам и сводам многоцветным узорным ковром. Относительная плоскостность изображений объединяла их в одно целое с архитектурой. Лишь размещение икон в иконостасах и композиционная трактовка отдельных фигур на иконах подчинялись продольной оси храма. В иконостасах применялись вертикальные колонки, разделявшие отдельные иконы, а тябла превратились в раскрепованные антаблементы. Стволы колонок украшались резьбой в виде вьющейся виноградной лозы, резные украшения появились и во фризах, а царские врата украшались мелкой сквозной золоченой резьбой на цветном — красном, темно-зеленом, темно-синем или черном — фоне.

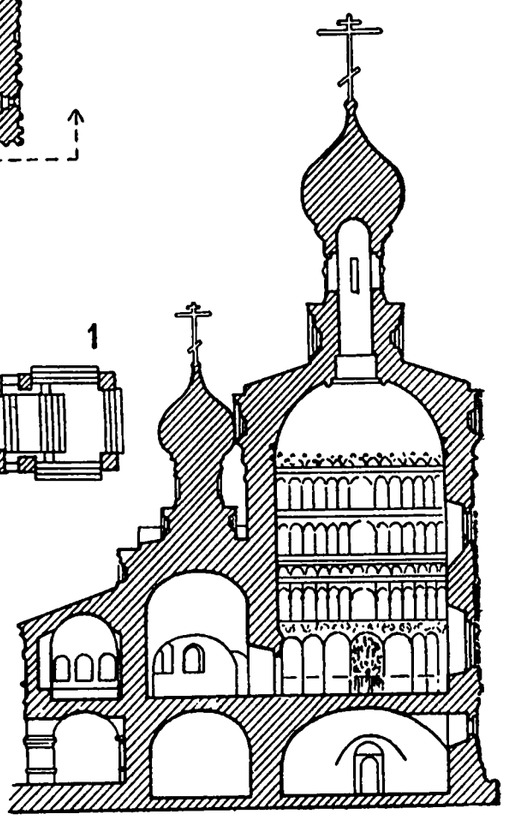
Храмы первой половины и середины XVII в. были асимметричными и живописными, подобно пятиглавым с двумя приделами и колокольней в северо-западном углу церквам Троицы в Никитниках в Москве, 1628—1653 гг. (рис. 43, *1*) Вознесения в Великом Устюге, 1648 г. (рис. 44, *1*) и трехшатровой с шатровым приделом и колокольней московской церкви Рождества Богородицы в Путинках 1649—1652 гг. (рис. 45). Свободной композиции храмов отвечала и свобода размещения убранства на их фасадах, где не только вертикальные и горизонтальные членения не связаны с интерьером, но, например, киот на южном фасаде здания церкви Троицы перерезает колонки, верхи наличников придела церкви в Путинках входят в венчающий его карниз, а ритм колонок не совпадает с ритмом кокошников. В дальнейшем такая непринужденность уступает место воспитанному в течение предшествующего времени чувству архитектурной логики — горизонтальные пояски сохраняются лишь в двухэтажных зданиях, а вертикальные членения — в местах сопряжений стен и иногда на глухих стенах восточных фасадов над апсидами (московская церковь Николы на Берсеневке, 1656, входившая в состав городской усадьбы дьяка Аверкия Кириллова).

Приходские церкви с трапезными были сначала асимметричными из-за одного придела (московская Путинковская церковь, церкви Рождества Богородицы в Каргополе, 1653, и подмосковного с. Комягина, 1678—1679). Позже церкви стали симметричными или почти симметричными с двумя приделами и колокольней над западным входом. Примерами таких вполне сложившихся образцов русского каменного приходского храма XVII в. могут быть мо-



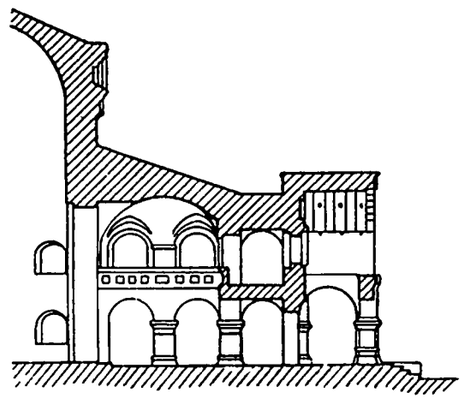
1



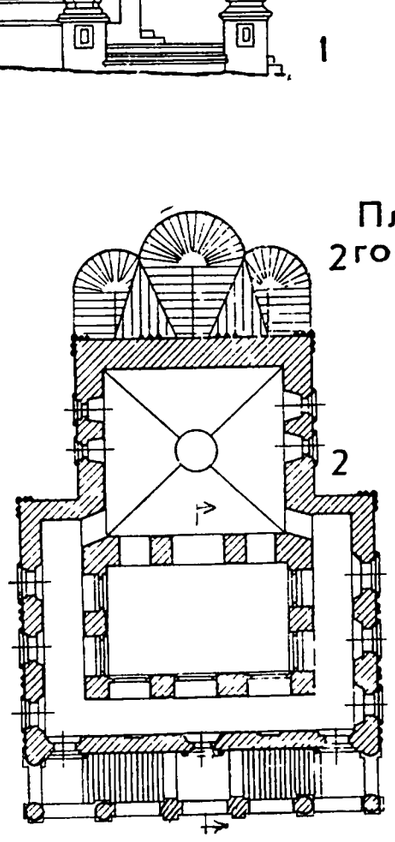


0 5 м
м. фасадов
0 10 м
м. планов и разрезов

1

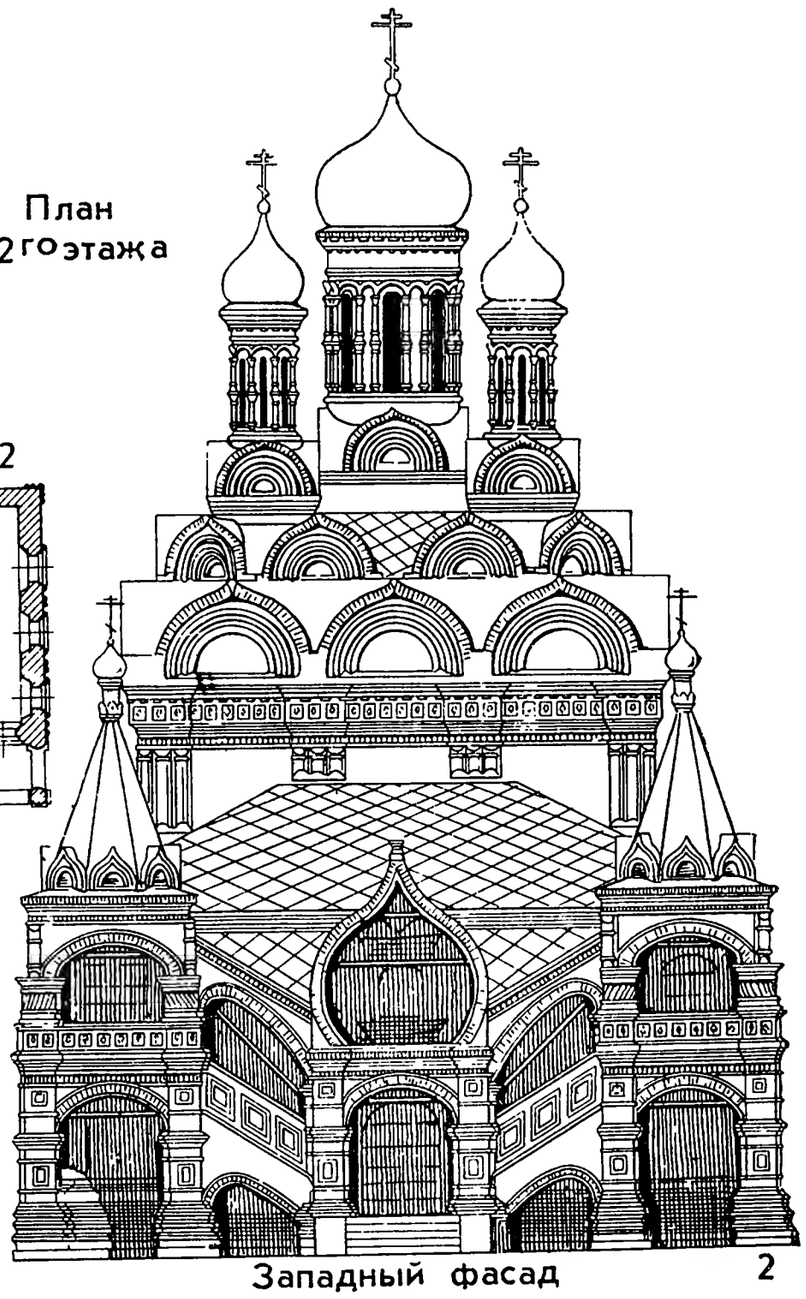


2

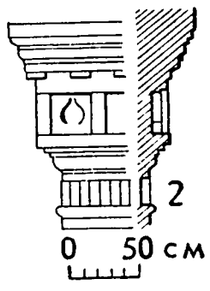


План 2го этажа

2



2



сковская церковь Николы в Хамовниках, 1679—1680 гг. (см. рис. 44, *2*), церковь с. Верхние Матигоры, Архангельской области, построенная в 1694 г. мастером Ф. Спиридоновым, и др. В соответствии с композицией зданий и убранство их фасадов стало более строгим и единообразным.

Желание сделать композицию храмов более уравновешенной привело и к устройству придела в подцерковье с апсидами, вынесенными больше, чем апсиды верхней церкви. Таковы московские церкви Николы в Столпах (время постройки неизвестно) и Трех святителей на Кулишках (1669), где симметрия несколько нарушалась угловым расположением колоколен. В московской церкви Григория Неокесарийского (1667—1669, мастера К. Губа и И. Кузнечик) колокольня стоит на главной оси, а придел расположен над трапезной.

43. Москва. *1* — церковь Троицы в Никитниках, 1628—1653 гг.; *2* — с. Тайнинское близ Москвы, 675—1677 гг.

44. Великий Устюг. *1* — Вознесенская церковь, 1648 г. Вид с юга. Москва. *2* — церковь Николы в Хамовниках, 1679 — 1680 гг. (фото О. И. Брайцевой);

Двухэтажные трапезные церквей дворцовых подмосковных сел Алексеевского (1677—1689), Тайнинского (1675—1677) и Котельников (1680) имеют расположенные по периметру хоры, предназначавшиеся для женщин из царской семьи. Средняя (нижняя) площадка западного крыльца церкви в Тайнинском покрыта бочкой, а боковые, служащие и колокольнями и входами на хоры, — шатрами (см. рис. 43, *2*).

Выполнение в камне деревянной формы бочки в Тайнинской церкви не было исключением. Имеют ее ворота ограды Воскресенского собора в г. Тутаеве (1652—1670), была она и над воротами Кадашевского Монетного двора в Москве (такую форму бочки имели здесь и покрытия производственных корпусов). Применялась иногда и крещатая бочка (крыльцо Троицкого собора в г. Соликамске, 1687, часовня Успенского монастыря в г. Тихвине, 1690-е гг., Успенская церковь в г. Горьком (1678). Основной объем Успенской церкви увенчан крещатой бочкой, несущей пять глав на кубических пьедесталах с кокошниками, причем боковые главы поставлены по странам света, что еще больше усиливает сходство этой церкви с деревянными (рис. 46, *1*).

Помимо бочечных покрытий применялись и двускатные крыши с полицами (в крыльцах ярославских церквей и над простейшими церквами с цилиндрическим сводом), а также шатровые покрытия. Но в XVII в. шатры чаще увенчивали колокольни, а не храмы, что было принято объяснять отрицательным отношением к шатровым храмам со стороны высшего духовенства и, в частности, патриарха Никона.

Трудно согласиться с таким объяснением деградации каменных шатровых храмов; взгляды высшего духовенства могли играть здесь лишь второстепенную роль. Деревянные шатровые храмы, особенно на севере, продолжали строиться в XVII и в XVIII вв., а ярусные верхи храмов, такие же деревянные и народные по происхождению, как и шатровые, обычны в каменной архитектуре конца XVII в. и в самой Москве. Каменные шатровые храмы строились, хотя и меньше, чем раньше, не только при Никоне и при его участии (собор и часовня Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой), но и после него — до начала 1690-х гг. (церкви подмосковных сел Петровское-Барятинских и Аннино). Основной задачей русской культовой архитектуры в XVII в. было создание типа недорогого

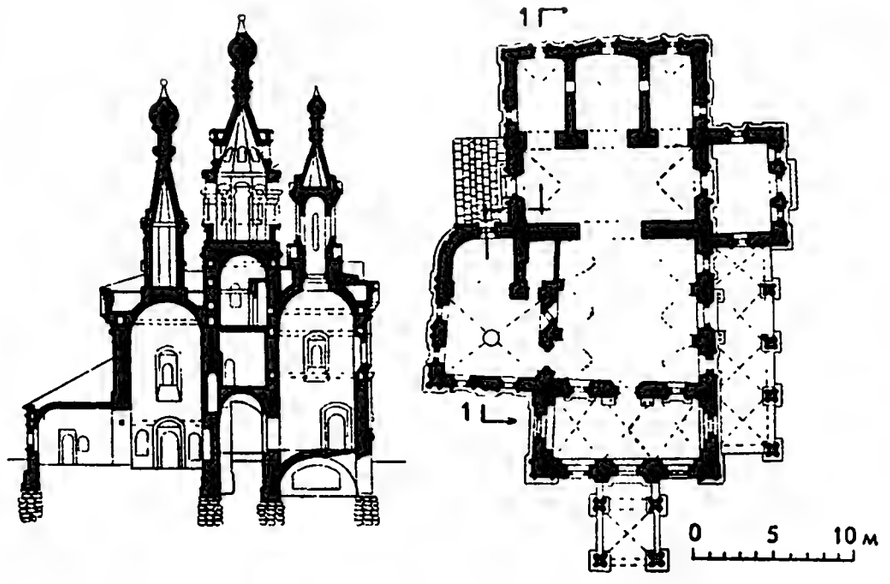
приходского храма, а шатровые церкви имели при той же полезной площади наибольшие высоту, объем и стоимость. Это и стало главной причиной отказа от строительства каменных шатровых церквей при сохранении и развитии этого типа зданий в таком дешевом строительном материале, как дерево.

Каменные шатровые церкви первой половины столетия близки к постройкам рубежа XVI и XVII вв. Такова описанная выше церковь в подмосковном селе Медведкове. Близки к ней церкви подмосковного села Троицкого-Голенищева (построенная в 1644 г. мастером Л. Ушаковым по чертежу А. Константинова, где шатер над храмом дополнялся двумя меньшими и более дробными по своим формам шатрами приделов), и села Вешняки (того же года, в которой возведение шатров над приделами было в 1655 г. запрещено патриархом Никоном).

Шатры приделов Голенищевской церкви, несмотря на световые отверстия в них, отделены от помещений под ними сомкнутыми сводами, как и в описанной выше угличской «Дивной» церкви. Это было в церквах в Петровском и Аннине, а шатер Казанской церкви Троицкого монастыря в Муроме (1648) своими пропорциями и силуэтом уже достаточно ясно свидетельствует, что он является только декоративным завершением. Для бóльшей живописности и нарядности такие маленькие декоративные шатры ставили по два (церковь при трапезной Нижегородского Благовещенского монастыря середины XVII в.) и по три (Одигитриевская церковь Ивановского монастыря в Вязьме, 1637, упомянутая выше московская Путинковская церковь и др.).

Силуэт и декоративная обработка этих шатров — кокошники, карнизы восьмериков, декоративные окна на гранях шатров и гурты на их ребрах — наделяли эти части зданий особым изяществом и связывали их с наиболее украшенными верхними частями зданий, где кокошники и карнизы повторяются в более крупных размерах.

Шатровые верхи имели в XVII в. и редкие в это время церкви под звоном (Спасская церковь в Киржаче, 1656, Ильинская церковь в Тейкове, Ивановской области, Мироносицкая церковь в Вологде), где восьмерик звона с шатровым верхом поставлен на сомкнутый свод церкви. Наибо-



45. Москва. Церковь Рождества в Путинках, 1649—1652 гг., реставрация Н. Н. Свешникова

лее интересна Спасская церковь в Киржаче. Восьмигранная колокольня стоит здесь на плоской окруженной парапетом кровле, куда ведет винтовая лестница в юго-западном углу здания, первоначально увенчанная шатровым верхом, которому соответствовал такой же четырехгранный шатер над часовой башенкой в северо-западном углу (рис. 46, *2*).

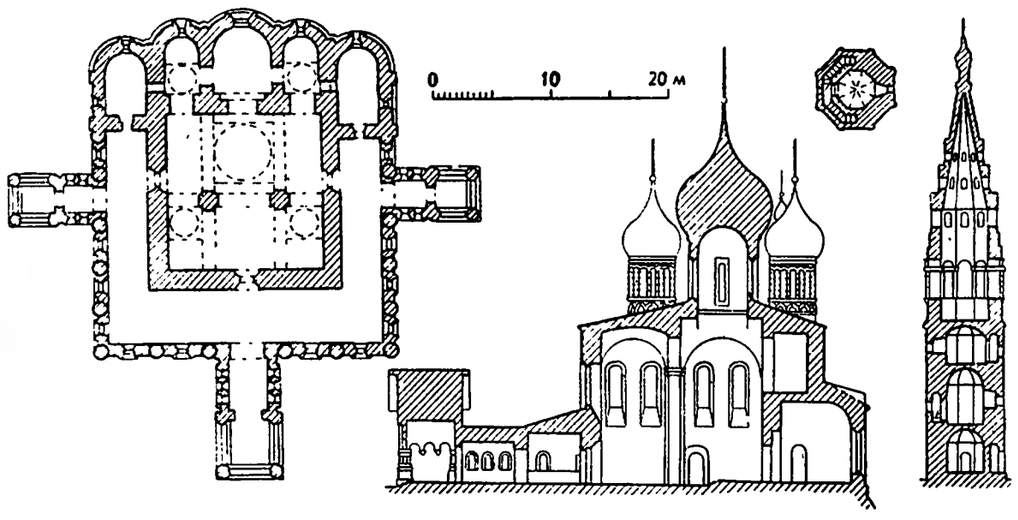
Двухстолпные церкви, как и раньше, были редки; теперь столбы ставились ближе к западной стене (Казанская церковь в Коломенском, 1654, и отличающиеся своим богатым убранством и четырьмя приделами

46. *1* — Горький. Успенская церковь, 1678 г., конструкция Е. Окишева; *2* — Киржач. Спасская церковь, 1656 г., реконструкция П. Н. Максимова

по углам церкви подмосковных сел Никольского-Урюпина, 1678, и Маркова, 1690) или к восточной стене (церковь Космы и Дамиана с Гремячей горы в Пскове) и поддерживали сомкнутый и цилиндрический своды. Снаружи такие церкви походили на обычные бесстолпные церкви того времени.

Храмы большей вместимости с внутренними столбами и куполами на световых барабанах, строившиеся в XVII в. в качестве городских (Коломна, 1670-е гг., Холмогоры, 1691—1695 и др.) и монастырских (московский Новоспасский монастырь, 1642—1647, Нижегородский Печерский монастырь, 1630—1640-е гг., мастера А. и Л. Возоулины, костромской Ипатьевский монастырь, 1650-е гг. и др.) соборов, а иногда в качестве приходских церквей (в Ярославле, Костроме, Каргополе), не дают чего-либо нового в отношении их планировки и композиции внутреннего пространства и объема.

Лишь декорировку фасадов да галерею с приделами, а иногда и трапезную внес XVII век в этот тип храма, развивая отчасти некоторые черты, появившиеся уже в предшествующем столетии. Трехчастные карнизы-антаблементы, отделяющие закомары от стен, примененные Алевизом еще в начале XVI в. в московском Архангельском соборе, в XVII в. в храмах соборного типа встречаются чаще, чем раньше. В этом, возможно, сказалось влияние бесстолпных церквей, где карниз отмечал по всему периметру здания пяту сомкнутого свода. В храмах соборного типа несоответствие карнизов интерьеру заставляло и в XVII в. отказываться иногда от них. В церкви Двенадцати апостолов при московском Патриаршем доме (1653—1656) с ее архаизирующим ради увязки с соседним Успенским собором южным фасадом желание связать фасад с интерьером привело к тому, что лишь восточной паре столбов, соответствующей границе между главным храмом и алтарем, на фасаде отвечает лопатка, тогда как против западной пары столбов ее нет, как и на стыке восточной части основного объема с апсидой, которым внутри соответствует одно помещение — алтарь (см. рис. 24).



47. Ярославль. Церковь Иоанна Златоуста в Коровниках, 1649—1654 гг.

48. Ярославль. Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове, 1671—1687 гг. Вид с запада (фото И. Ф. Борщевского)

К концу XVII в. относятся первые попытки применения в храмах соборного типа простых четырехскатных крыш, причем вместо закомары каждое членение фасада завершалось двумя меньшими полукружиями (Троицкий собор в Пскове, 1682—1699, Троицкий собор Александро-Свирского монастыря, 1690-е гг.) или горизонтальным карнизом, поддерживающим свес кровли (собор Михаило-Архангельского монастыря в Архангельске, 1690-е гг., мастер М. Лохоцкий).

Оконные наличники и порталы соборных храмов XVII в. были близки к тем, какие применялись и в бесстолпных храмах этого столетия, но их узорные пятна не заполняли фасады в такой степени. Контраст гладких стен и тонкой моделировки этих деталей придавал им особое изящество, а обилие гладких стен вместе со свойственными этим храмам пропорциями делало их более монументальными.

Храмы соборного типа с пристройками в XVII в. строились в городах, лежащих возле основных торговых путей, особенно в Ярославле. Некоторые из них были несимметричными, как, например, Ильинская церковь (1647—1650), где шатровый южный придел, вынесенный на запад, уравновешивался более высокой колокольней, а северный придел был отодвинут на восток. Большинство ярославских храмов было симметричными пятиглавыми с двумя шатровыми приделами и крыльцами, покрытыми крутыми двухскатными крышами с полицами, свойственными архитектуре XVII в. (Ярославские церкви Иоанна Златоуста

49. Ярославль. Церковь Николы Мокрого, 1672 г. Апсиды (фото А. А. Александрова)

в Коровниках, 1649—1654, рис. 47, Николы Мокрого, 1672, Спаса на городу, 1672, Крестовоздвиженский собор в Романове-Борисоглебске, 1657). Другие храмы имели приделы, каждый с одной (Воскресенский собор в Романове-Борисоглебске, 1652—1670, церкровь Воскресения на Дебре в Костроме, 1650—1652) или пятью главами (церковь Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле, 1671—1687, рис. 48). Декоративная обработка сосредоточивалась на галереях, окнах апсид, крыльцах и верхах храмов, их приделов и колоколен и выполнялась в профильном кирпиче с добавлением многоцветных изразцов, рисовавшихся на фоне кирпичных или выбеленных стен (рис. 49). Свободе, с какой ярославцы распределяли декоративную обработку на фасадах, соответствовала свобода в трактовке таких элементов, как закомары. Так, на восточном и западном фасадах Толчковской церкви сделано по четыре закомары, хотя изнутри к ним примыкают три свода.

50. Каргополь. Церковь Благовещения, XVII в. (фото А. Г. Чинякова)

Живописность ярославских храмов отличает их от северных построек, более массивных и суровых. Собор в Холмогорах, Воскресенская и Благовещенская церкви в Каргополе не имеют пристроек и окна их меньше, а гладких стен больше. Это позволило создать такие беспримерные по сочетанию изящества с монументальностью фасады, какими обладает каргопольская Благовещенская церковь (1690), с непринужденно разбросанными в три яруса окнами с узорными наличниками (рис. 50). Белокаменные детали подражают кирпичным своей композицией, многократным повторением немногочисленных обломов и малым выносом последних. Кирпичные детали северных построек нередко делались упрощенными: так, на барабанах Воскресенской церкви в Каргополе и собора Михаило-Архангельского монастыря в Архангельске вместо обычных арочек на колонках и консолях тесно поставлены ступенчатые ниши, а внутренние части боковых барабанов оставлены без обработки.

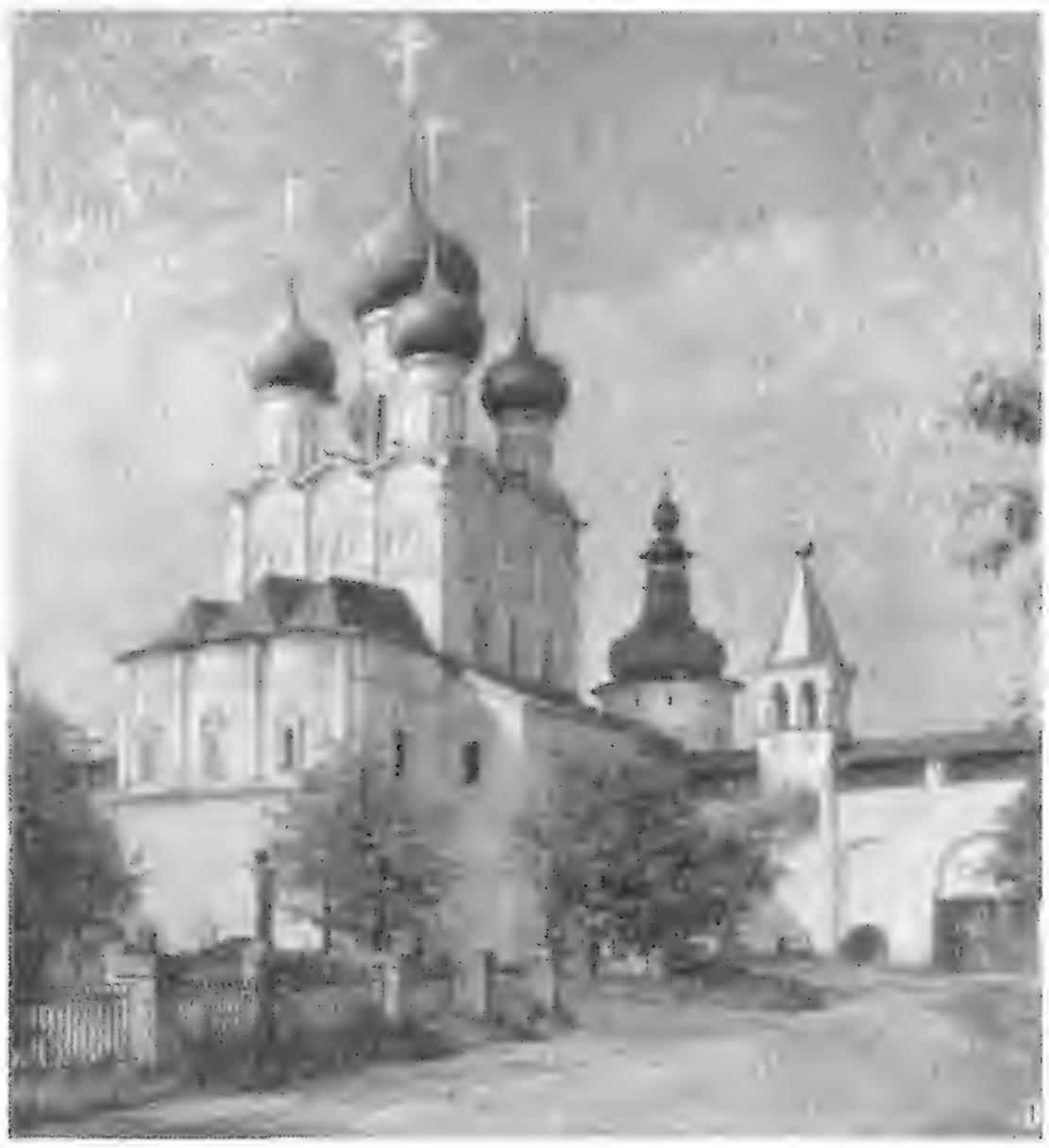
Иногда местные особенности некоторых русских построек XVII в. связаны с влиянием архитектуры более раннего времени. Так, в ростовских храмах широко применялся мотив аркатурного пояса на колонках, как во владимиро-суздальских храмах XII—XIII вв. Своеобразной чертой ростовских храмов является отсутствие в некоторых из них обычного иконостаса; все сюжеты иконостаса писались на восточной стене храма в технике фрески. Лишь местные иконы размещались между царскими и боковыми дверями, обработанными подобием перспективных порталов или двумя свободно стоящими колоннами, несущими арку (рис. 51).

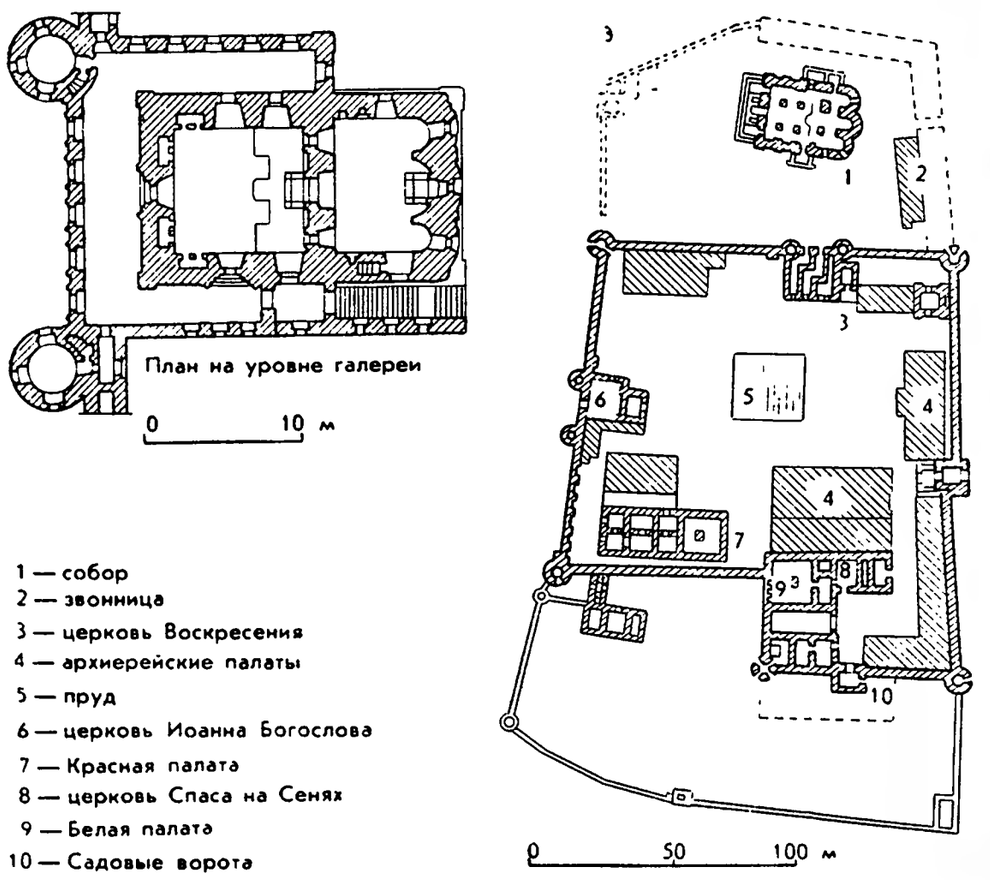
Отзвуки старых местных традиций сказывались и в архитектуре XVII в. в Новгороде и Пскове. Это уже отмечалось в псковских жилых домах этого времени, а в церковной архитектуре, за исключением построек, воспроизводивших среднерусские образцы (Знаменский собор в Новгороде, Троицкий собор в Пскове), сохранялась свойственная местной архитектуре простота форм.

Среди псковских каменных церквей XVII в. встречались постройки, в которых по-своему переработаны среднерусские мотивы. Такова Одигитриевская церковь четырехстолпная, с закомарами, напоминающими деревянные «бочки», с четырьмя боковыми главками на тонких шейках, расположенными по странам света, и поясами поливных изразцов на среднем барабане, основном объеме и на паперти.

Особую группу в русской культовой архитектуре XVII в. составляют постройки патриарха Никона, которые он старался наделить большей строгостью, величием и монументальностью. Одни из них, как две церкви Крестного монастыря на Кий-Острове Белого моря (1650-е гг.), были аскетично простыми, что было обусловлено и постройкой их из грубо околотого камня. Здесь впервые в русской архитектуре появляются восьмигранные световые барабаны, примененные и в соборе Иверского Валдайского монастыря (1653—1658), где они имеют еще арочки на колонках-кронштейнах. Построенная тогда же церковь при трапезной этого монастыря имеет и восьмилотковый сомкнутый свод, опирающийся непосредственно на стены четверика.

Крупнейшая из построек Никона — собор Ново-Иерусалимского мо-





51. Ростов Ярославский. Архиепископский двор, 1670—1683 гг.: *1* — церковь Иоанна Богослова, 1683 г., реставрация В. П. Баниге; *2* — церковь Спаса на Сенях, 1675 г., интерьер (фото А. А. Александрова); *3* — генеральный план

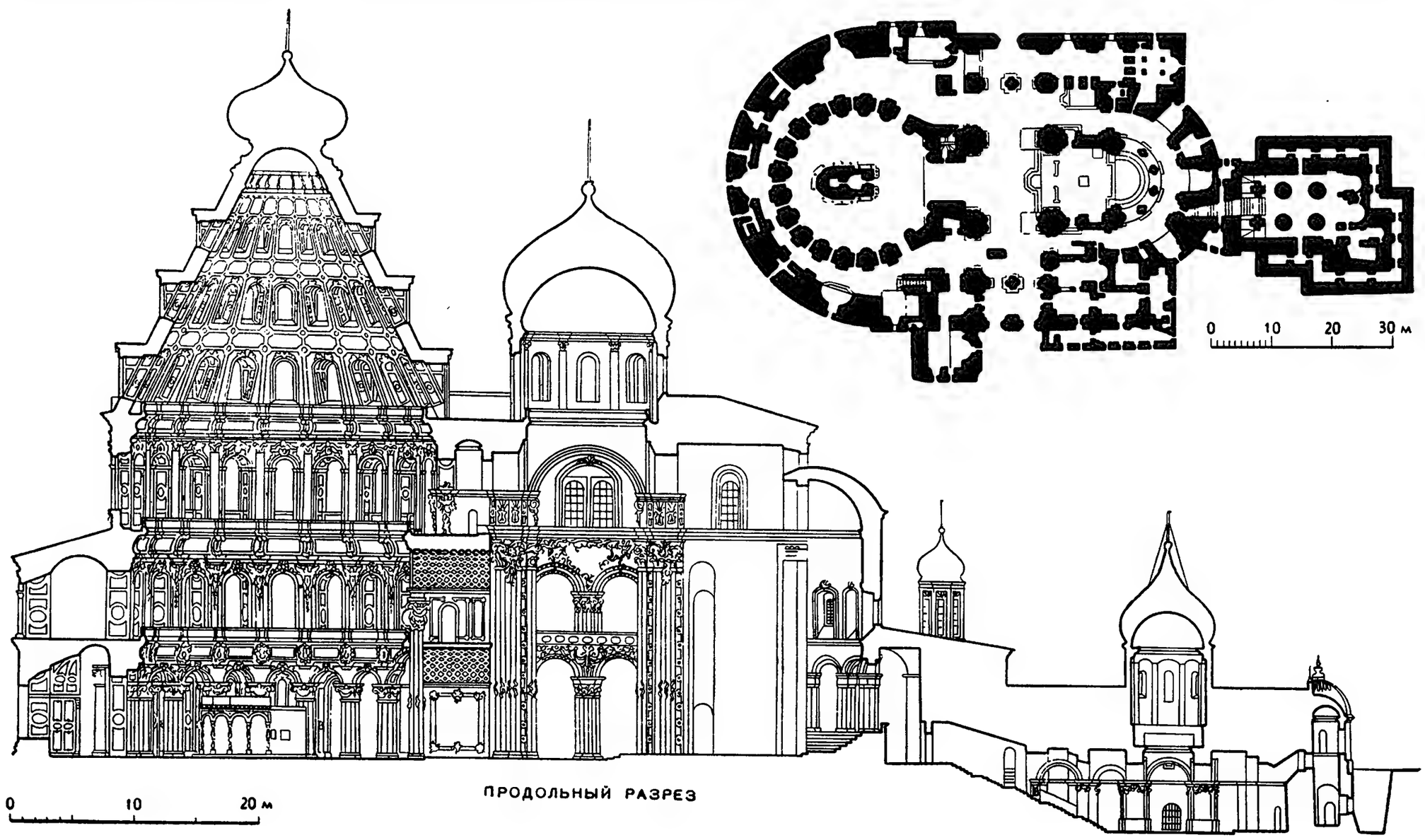
настыря под Москвой (1656—1685) — стоит несколько в стороне от путей развития русской архитектуры XVII в., так как патриарх требовал от своих зодчих воспроизвести в этой постройке храм Воскресения в Иерусалиме. Располагавшие, видимо, изданной в 1620 г. во Флоренции книгой Амико Бернардино, содержавшей гравированные чертежи иерусалимского храма, строители Ново-Иерусалимского собора точно воспроизвели сложный план его оригинала с крестообразным в плане храмом, окруженным двухэтажной пристройкой, восточной пещерной церковью, западной ротондой и колокольней с юга (рис. 52). Но русские мастера применяли при постройке Ново-Иерусалимского собора привычные для них приемы, вроде покрытия ротонды кирпичным шатром со слухами. Этот шатер, имевший 23 *м* в диаметре, обрушился в 1723 г. и был заменен деревянным, существовавшим до разрушения монастыря гитлеровцами в 1941 г. Декоративное убранство собора имело сходство не с его прообразом, а с западными ренессансом и барокко, с которыми были знакомы белорусские керамисты, изготовлявшие поливные изразчатые карнизы, пояса, наличники, порталы и целые иконостасы. Это декоративное убранство оказало сильное влияние на дальнейшее развитие русской архитектуры, способствуя и широкому применению поливных изразцов на фасадах, и лучшему освоению русскими зодчими ордерных форм.

Каменные часовни XVII в. часто были квадратными в плане с восьмигранным шатром, опирающимся непосредственно на четверик (часовня в Кинешме), или восьмигранными, более органично связанными с шатром (часовня близ Нового Иерусалима, 1656). Были и часовни в виде сенинавеса. Так близ Переславля-Залесского есть часовня над крестом, поставленным в память рождения царевича Федора Иоанновича — шатер на глухом восьмеричке, на четырех арках, опирающихся на кувшинообразные столбы.

Широкое распространение получили в XVII веке каменные колокольни, чаще всего восьмигранные шатровые. Одни из них стояли на четырехгранном основании и имели невысокий шатер, прорезанный рядом слуховых проемов (колокольни московских церквей в Никитниках и Путинках), а другие, как колокольня московской Николо-Хамовнической церкви, имели низкий четверик, высокий восьмерик и шатер с тремя рядами слухов. Отдельно стоящие колокольни часто делались восьмигранными с самого низа, подобно изысканной по пропорциям и убранству, сосредоточенному на ярусе звона и шатре, колокольне в Коровниках в Ярославле. Лучшей надвратной колокольней считается колокольня ярославской Рождественской церкви, 1644 г., где галерея из арок на кувшинообразных столбах окружает четверик с трех сторон, а примыкающие к нему башенки с четырехгранными шатриками создают переход от низа к восьмигранному ярусу звона, увенчанному шатром. В колокольне собора в Холмогорах (около 1690 г.) такой переход создается венчающими углы четверика тумбочками с шатровыми верхами. Изредка вместо шатра делался сомкнутый свод с ярусами кокошников и главой (в Ивановском монастыре в Казани, соборная колокольня в Соликамске, 1684, со шпилем, заменившем главу в 1830-х гг.).

Были в XVII в. и квадратные в плане колокольни, вроде колокольни Сийского монастыря на Северной Двине, над восьмискатной кровлей которой все же стоял восьмерик с шатром. Колокольня московской церкви Дмитрия Солунского была даже прямоугольной в плане с таким же шатром и имела по широким сторонам по три пролета, а по узким — по два. Звонницы, идущие от московской кремлевской звонницы Петрока Малого, строились в XVII в. в некоторых городах (соборная звонница в Ростове, 1680-е гг.) и монастырях. В Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре такая звонница была пристроена в XVII в. к церкви-колокольне начала XVI в., причем над их стыком надстроена башенка для часов. В звоннице Борисоглебского монастыря близ Ростова (около 1690 г.) часы вкомпонованы в один из пролетов звона, не нарушая целостности ее объема (рис. 53). Наконец, в звоннице Саввина-Сторожевского монастыря (1650-е гг.) средняя часть выше боковых и наличие над каждой из них шатра делает ее похожей на три стоящих рядом колокольни и лишь часовая башенка нарушает симметрию.

В конце XVII в. перед строителями культовых зданий стояли прежние практические задачи. Тип бесстолпного храма продолжал господствовать. Дальнейшее его развитие пошло по двум основным направлениям: по пути совершенствования старо-



52. Новый Иерусалим. Воскресенский монастырь на р. Истре. Собор (1656—1685) частично перестроен в середине XVIII в.

53. Борисоглебский монастырь близ Ростова. Звонница XVII в. (фото А. А. Александрова)

заветного храма с приделом, галереей или трапезной и по пути возрождения на новой основе центрических башнеобразных композиций. Значительно меньше возводили соборных храмов со столбами.

Задачи, намеченные русскими зодчими еще в середине XVII в., продолжали разрабатываться и в конце его. Так, например, увеличение вместимости храма — достигалась за счет роста его размеров в плане или путем перехода от прямоугольного плана к квадратному, что позволило делать помещение более светлым. Хорошая освещенность храма, имевшая не только практическое, но и эстетическое значение, становится одной из важнейших проблем русской архитектуры того времени, отражающей развитие светских реалистических тенденций [1]. Эту задачу русские мастера XVII в. решали путем увеличения количества и размеров окон и диаметра световых барабанов, иногда двухъярусных. Той же цели служили световые восьмерики над четвериками храмов, как и устройство над бесстолпным основным помещением светового пятиглавия; но с возрастанием пролетов сводов усиливались распор и давление на опорные стены, а при одновременном ослаблении их большими оконными проемами возникала необходимость перехода к новым типам перекрытий с иной передачей усилий на опоры. Так, обычные четырехлотковые сомкнутые своды прорезались глубокими распалубками, создающими сосредоточенные нагрузки в стенах, чему отвечало и осевое расположение простенков. Это же создавало предпосылки для новой художественной трактовки стены, не столь массивной, как раньше, с большими регулярно расположенными окнами. Общее впечатление легкости усиливалось и декоративным убранством, в котором перерабатывались мотивы не только более ранней русской, но и зарубежной архитектуры. Широко применялись и восьмилотковые сомкнутые своды на световых восьмериках, напоминающих купола на световых барабанах западноевропейских построек.

То новое, что появилось в XVII в. в силу решения утилитарных задач, получило свое художественное осмысление и определило во многом художественно-стилистические особенности сооружений. Объемно-пространственная структура их становится более простой и ясной. Принцип симметрии в композиции здания начинает быть господствующим. Характерна и вертикальность пропорций основных объемов, и ярусность их построения. В торжественно-праздничных образах архитектуры этого времени сказались новые, далекие от средневековых эстетические воззрения общества. Просторные, светлые интерьеры с многоярусными ордерными иконостасами, с новым характером иконописи говорили о глубоком проникновении светского реалистического начала в культовое зодчество. То же относится к пышно украшенным крыльцам и к ярусному членению фасадов основного объема ордером на своего рода этажи, сближающие церковные здания с зданием дворца. Это, как и новый характер стены, явилось одной из предпосылок к развитию своеобразно трактованного ордера (нередко близкого к каноническому), к созданию

[1] Так, отношение между площадями световых проемов и пола доходит до 1/1,4 (Введенский собор в г. Сольвычегодске, 1693) вместо прежних 1/7 (церковь Николы в Столпах в Москве, 1670-е гг.) или 1/3,5 (церковь Григория Неокесарийского в Москве, 1667—1669 гг.).

русских многоярусных ордерных композиций, что свидетельствовало о расширении кругозора русских зодчих, об их знакомстве с архитектурой запада. На основе ордерных форм строится архитектурная композиция фасадов, оконных и дверных наличников, а белокаменная орнаментальная резьба на фоне цветных стен в новой трактовке усиливала праздничный характер этих сооружений.

Новые черты в русской архитектуре обозначились достаточно рельефно в церкви Николы Большой Крест (1680—1688) в Москве (рис. 54). Здание повторяло традиционную композицию кубического пятиглавого храма на подклете с приделом. Но простота и ясность его объемов, вертикальность пропорций и многоярусная система ордерных расчленений четверика уже отличали это сооружение от сложной живописной асимметрии построек предшествовавшего периода: в архитектурной композиции здания ясно выражено преобладание его башнеобразной главной части. При старой системе верхнего света с небольшим барабаном ($d = 1{,}74$ *м*) зодчий, увеличивая высоту храма, ввел еще ряд восьмиугольных окон, приблизив их к пяте сомкнутого свода[1]. Это был шаг в сторону создания светлого торжественного интерьера, гармонирующего с внешним обликом храма, но здесь ордерный декор был поверхностным членением стены, и вместе с кокошниками являлся отзвуком закомар и лопаток старого соборного типа храма (например, Архангельский собор в Московском Кремле, откуда был заимствован и мотив раковин). Трактовка третьего яруса с восьмиугольными окнами, как аттикового, создавала органический переход от стены к кокошникам и пятиглавию.

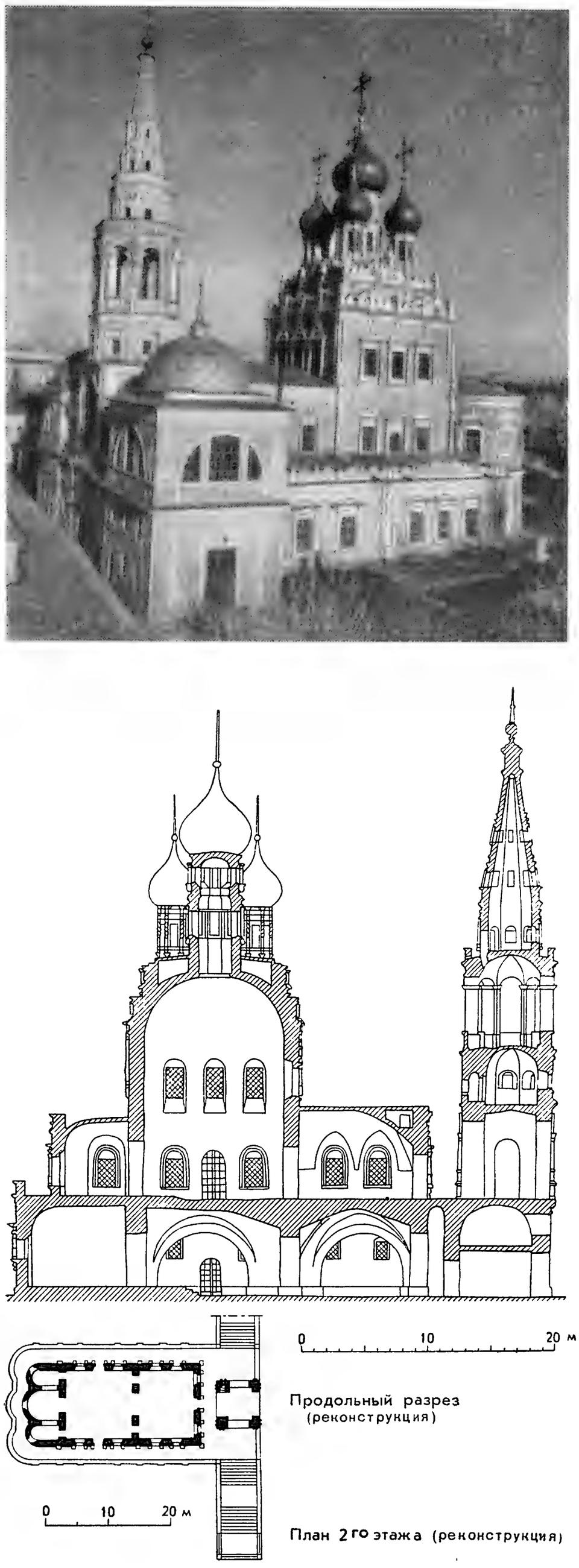
Новое в развитии традиционного типа храма выступает значительно ярче в церкви Воскресения в Кадашах в Москве, 1687 г. (рис. 55). Двухъярусный храм с зимней церковью внизу следует типу пятиглавого храма с трапезной, более короткой, чем обычно, и открытым гульбищем. Отсутствие боковых приделов позволило сделать четверик стройнее и лучше осветить интерьер, чему содействовало и появление впервые в этом храме двухъярусного светового барабана центральной главы большего, чем обычно, диаметра (2,5 *м*). Это, как и относительно тонкие стены четверика при значительном пролете сомкнутого свода (10×11 *м*), явилось конструктивным достижением мастеров. Впечатление легкости и стройности сооружения усиливалось и ярусно расположенными резными белокаменными парапетами четверика, заменившими прежние кокошники.

Новое начало в архитектуре сказалось очень ярко в так называемых «строгановских»[1] постройках — бесстолпных кубиче-

[1] Этот же прием усиления освещенности храма за счет увеличения рядов окон, еще более смелый, мы видим в надвратной церкви Преображения Новодевичьего монастыря в Москве (1688), интересной своей плановой и объемной композицией, где западная часть (притвор) почти симметрична восточной (алтарю).

[1] Эти соружения были возведены на средства крупного солепромышленника и мецената Г. Д. Строганова.

54. Москва. Церковь Никола Большой Крест, 1680—1688 гг.



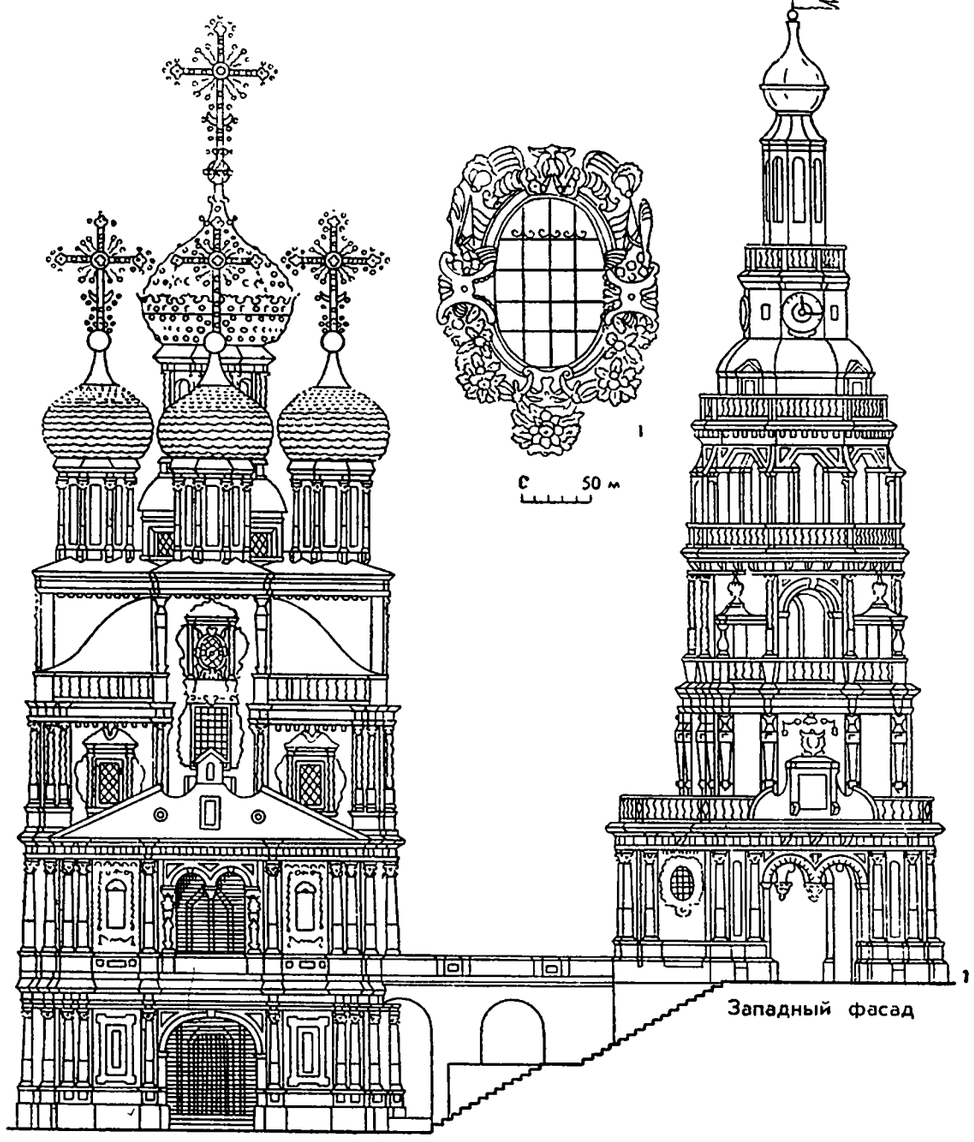
55. Церковь Воскресения в Кадашах, 1687 г., зодчий С. Турчанинов, реставрация Г. В. Алферовой (фото А. И. Петухова)

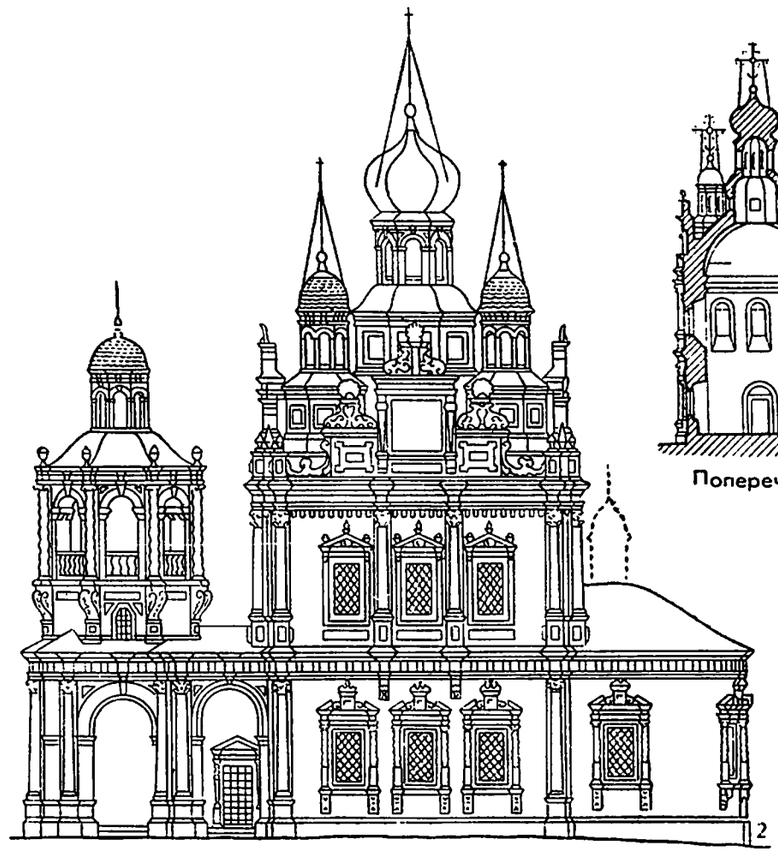
ских храмах традиционного типа, связанных между собой родственными чертами. В них наряду с развитием новых архитектурных форм были блестяще разрешены сложные технические задачи, связанные с проблемой освещения интерьера.

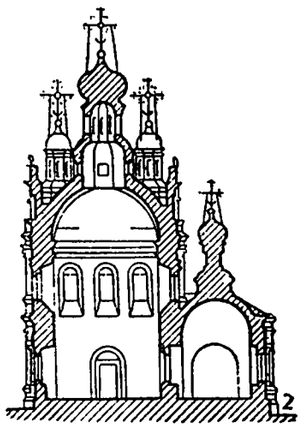
В Смоленской церкви в с. Гордеевке (1694—1697, рис. 56, *2*) — кубическом храме с приделом, эта задача решалась, как и в Кадашевской церкви, за счет двухъярусности и увеличения диаметра барабана центральной главы, что сообщало сомкнутому своду впечатление большей легкости (такова же в основном и Казанская церковь в г. Устюжне, 1694).

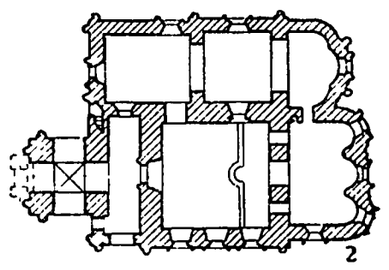
Новые черты проявились и в общей композиции храма, в тенденции к центричности, в общем регулярном строе здания. Колокольня, придел и апсиды подчинены увенчанному пятиглавием четверику, а фигурные парапеты, трактованные в виде люкарн, ритмически нарастая к середине, повторяют в своем общем очертании расстановку церковных глав и связывают их с четвериком. Это, как и выделение центра фасадов группировкой окон и колонн, создает иллюзию сложного нарастающего движения всей композиции ввысь. Своеобразно трактованный двухъярусный ордер, отмечая по традиции колоннами места пересечения стен, приводит к одной высоте разновысотные в более ранних постройках алтарь, придел и притвор, служа здесь не только украшением, но и элементом, объединяющим все здание. Широкое применение мотива раковин и люкарн, высокорельефной скульптурной резьбы и накладного орнамента, характерное для многих европейских стран в XVI—XVII вв., свидетельствует о расширении связей с западом. О том же говорит и наличие некоторых барочных тенденций в трактовке фасада четверика, в частности в сильном акцентировании его средней оси.

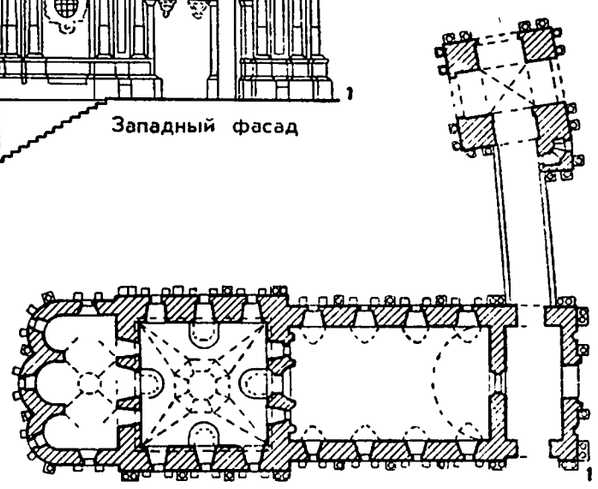
В монастырском Введенском соборе в Сольвычегодске (1689—1693, рис. 56, *3*), в основу композиции которого был положен традиционный тип храма на подклете с галереями, впервые в русской архитектуре появляются пять световых глав над значительным по размеру (13,6×13,5 *м*) помещением без столбов. В основу этого покрытия был положен четырехлотковый сомкнутый свод со световой главою в шелыге и четырьмя угловыми вырезами для световых барабанов

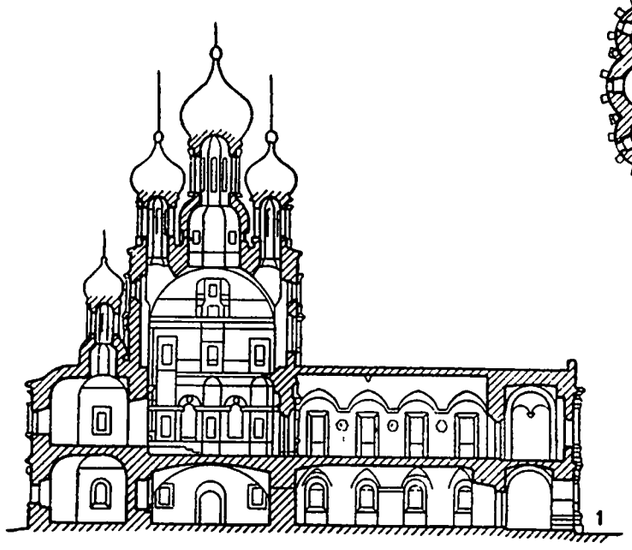


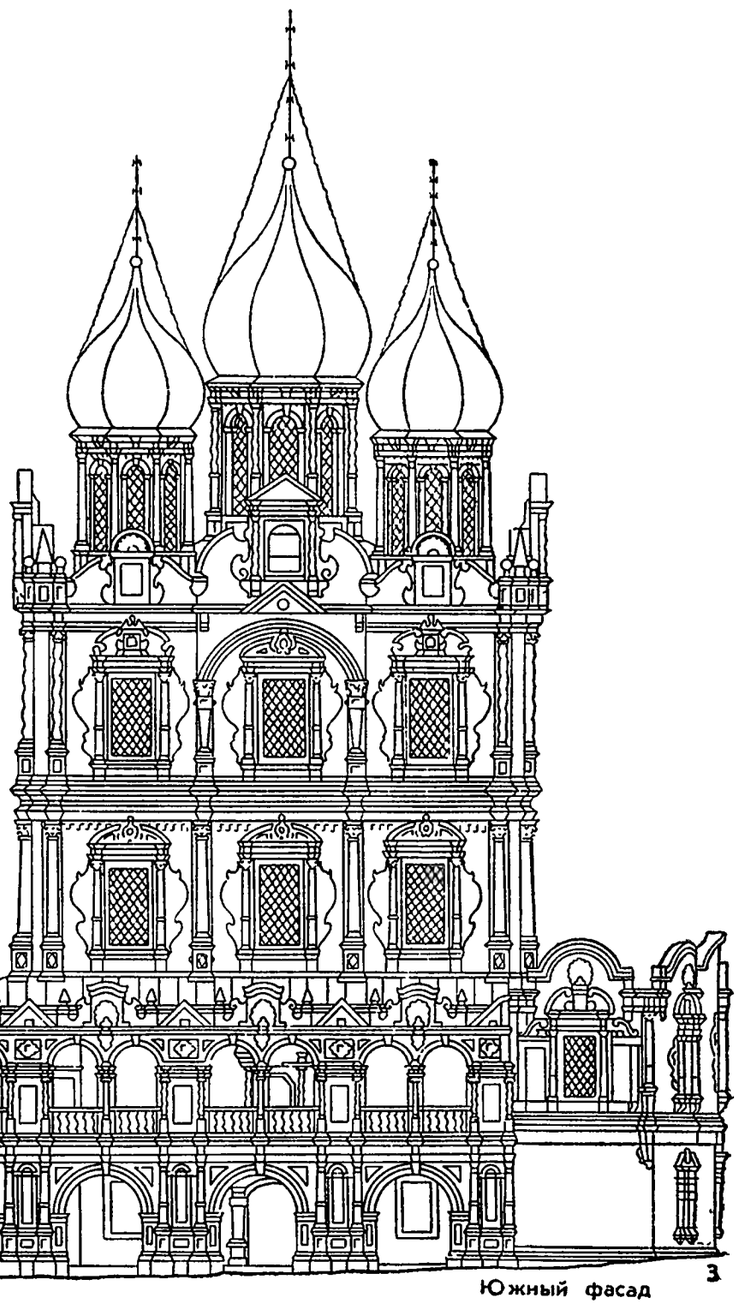


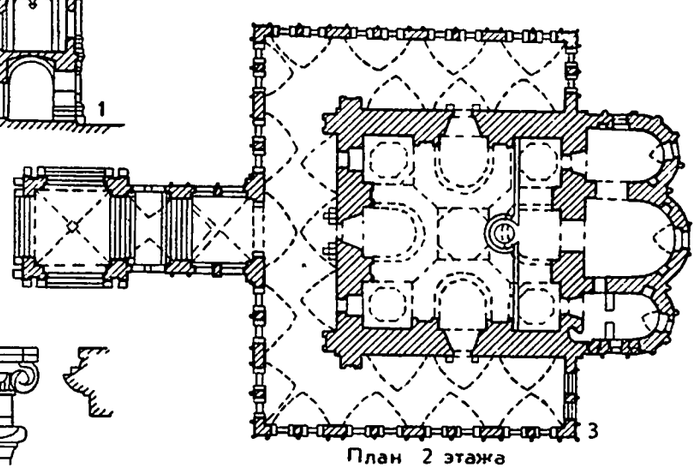


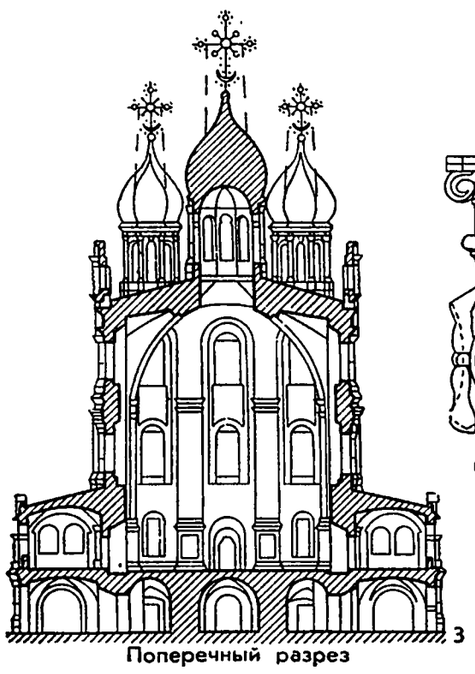


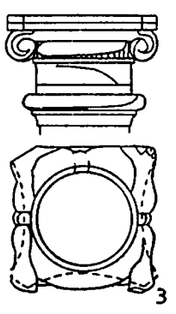












56. Строгановские храмы. *1* — Нижний Новгород. Церковь Рождества, конец XVII—начало XVIII вв.; *2* — Смоленская церковь в Гордеевке, 1694—1697 гг.; *3* — Сольвычегодск. Собор Введенского монастыря, 1689—1693 гг. (реконструкции О. И. Брайцевой)

малых глав; глубокие распалубки, прорезая лотки свода, освобождали центральные части стен четверика от распорных усилий. Это сделало глухой сомкнутый свод пространственным и легким, напоминающим более ранние крещатые своды.

Передача нагрузки от перекрытия на мощные пилястры-столбы, выступающие внутрь помещения, позволила уменьшить толщину стен и поднять окна выше пят свода. Благодаря этому освещенность храма стала лучше, чем в любой из предшествующих построек. Сохраняя величественность соборного храма, интерьер производит впечатление необычайного простора, легкости и жизнерадостности, идущих от светского, мирского начала (рис. 57). Взлет мощных арок свода, продолжающих пилястры, в сочетании со светом, льющимся из пяти световых барабанов, создает динамичный и праздничный внутренний облик храма. Высокий семиярусный иконостас на фоне белых стен выразительно контрастирует дробностью своих членений с крупными пилястрами, усиливая это впечатление.

Характерна башнеобразность четверика, подчеркнутая отсутствием приделов и венчанием его стен фигурными парапетами, ассоциирующимися с архитектурой гражданских сооружений Западной Украины [1] или Польши XVI—XVII вв. Аналогичные парапеты, завершая крыльцо, галерею и апсиды, подчеркивают строго осевое расположение проемов и создают впечатление легкости перехода от массы к пространству.

57. Сольвычегодск. Введенский собор. Интерьер

Конструктивная система сооружения отражена во внешнем облике здания. Колонны четверика подчеркивают места расположения внутренних пилястр, антаблемент ордера его первого яруса отмечает на фасадах уровень пят свода, а декоративные архивольты отвечают местоположению распалубок. Высокорельефная орнаментальная резьба по белому камню сосредоточивается на крыльце, обогащает наличники окон и украшает порталы. Цветные изразцовые панно на столбах галереи дополняют эффектное сочетание красных кирпичных стен и деталей из камня и беленого кирпича. Общие черты церкви в Гордеевке и Введенского собора — аттиковые завершения, мотив раковин и другие детали — говорят о работе одной артели мастеров, использовавших много образцов нерусского происхождения.

При сооружении Рождественской церкви в Нижнем Новгороде (освящена в 1719 г.), кубического храма с трапезной (рис. 56, *1*), стояла та же задача создания светлого бесстолпного интерьера с пятью световыми главами. Здесь был создан новый вариант свода и достигнуто большее единство наружного и внутреннего вида. Как и в гордеевской церкви, средняя глава стоит здесь на двухъярусном восьмигранном барабане, а четыре дополнительных треугольных лотка придают своду красивую звездообразную форму. На глубоких распалубках, подобных Введенскому собору, стоят световые барабаны, а сами распалубки выявлены снаружи дополнительным крещатым ярусом, похожим на верхи некоторых деревянных церквей. Новый, более совершенный тип свода Рождественской церкви сочетал в себе предшествующие покрытия Сольвычегодского собора и церквей в Устюжне и селе Гордеевке.

---

[1] Например, замки кн. Острожских в Остроге и в Старом селе или Черный дом во Львове XVI в. с аттиками XVII в.

4. Сольвычегодск. Собор Введенского монастыря, 1689—1693 гг. Фрагмент западного фасада. Фото *Н. Ф. Муханова.*

Рождественская церковь была построена в торговом центре нижнего посада на склоне горы против слияния Оки с Волгой. Высокая пятиярусная колокольня сдвинута к югу, на более высокий уровень, что позволило зрительно увеличить ее высоту и открыть западный фасад церкви. В этой живописно уравновешенной композиции принцип асимметрии целого выступает в единстве со строгой симметрией отдельных частей и чертами регулярности. Нижний этаж включал одностолпную палату и кладовые. На втором этаже невысокая трапезная ведет к небольшому проему в восточной стене, богато декорированной белокаменными пилястрами, антаблементом и резными картушами, через который неожиданно раскрывается высокий залитый светом храм с многоярусным ордерным иконостасом на фоне белых стен. Галерея этого помещения, гермообразные пилястры и живопись в виде панно в простенках между окнами придавали храму сходство с дворцовым залом, отличаясь в то же время от интерьера Сольвычегодского собора большей камерностью.

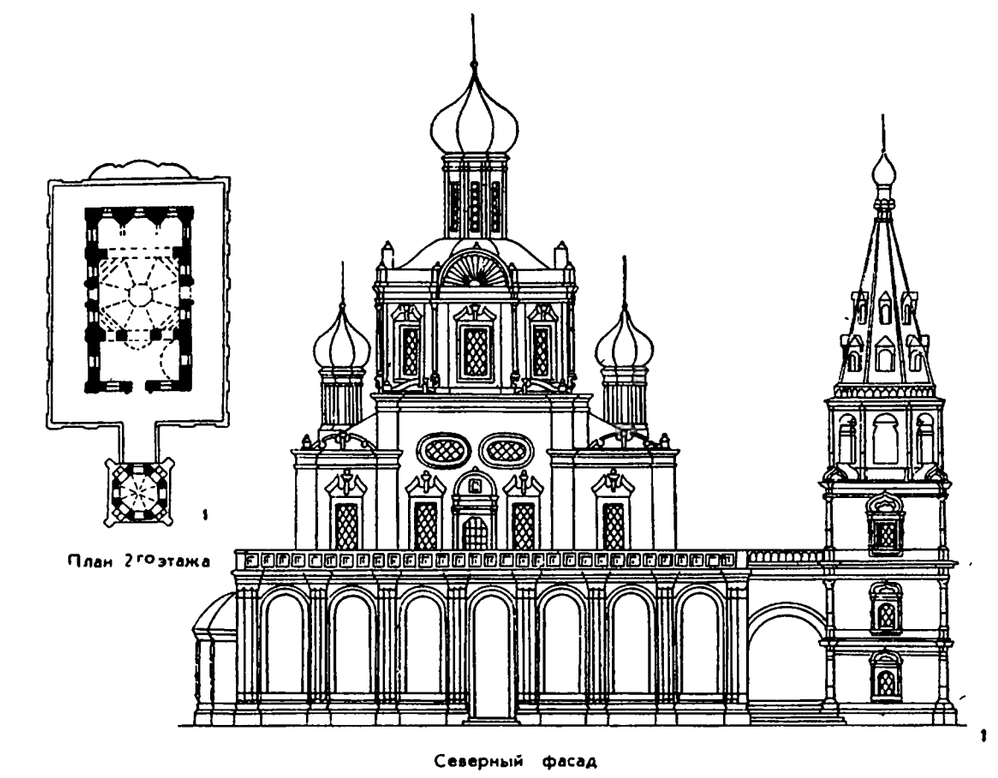
В создании торжественно праздничного образа Рождественской церкви большую роль играет динамическая композиция здания, построенная на сочетании вертикальных и горизонтальных объемов. Вертикальность основного объема, ритмическое убывание его масс по высоте и компактность группировки глав дополняются выявленными снаружи распалубками свода, акцентирующими середины фасадов четверика, внося в его композицию элемент ступенчатости. Богатство белокаменного декоративного убранства на фоне цветных стен не затемняет ясности объемной композиции здания. Ритмическая повторяемость оконных проемов в обрамлении тонко прорисованного многоярусного ордера сообщает единство всей композиции. Здесь ордер еще сильнее, чем в Гордеевской церкви, связывает все элементы здания — основной объем, алтарные апсиды, трапезную и притвор — в одно целое. Это унифицирует отдельные части и наряду с ярковыраженной этажностью придает всему зданию светский, не церковный характер (рис. 58). Ближайшим предшественником этой строгановской постройки в отношении ее пятиглавия была церковь Параскевы Пятницы в Москве, построенная на средства князя Голицына

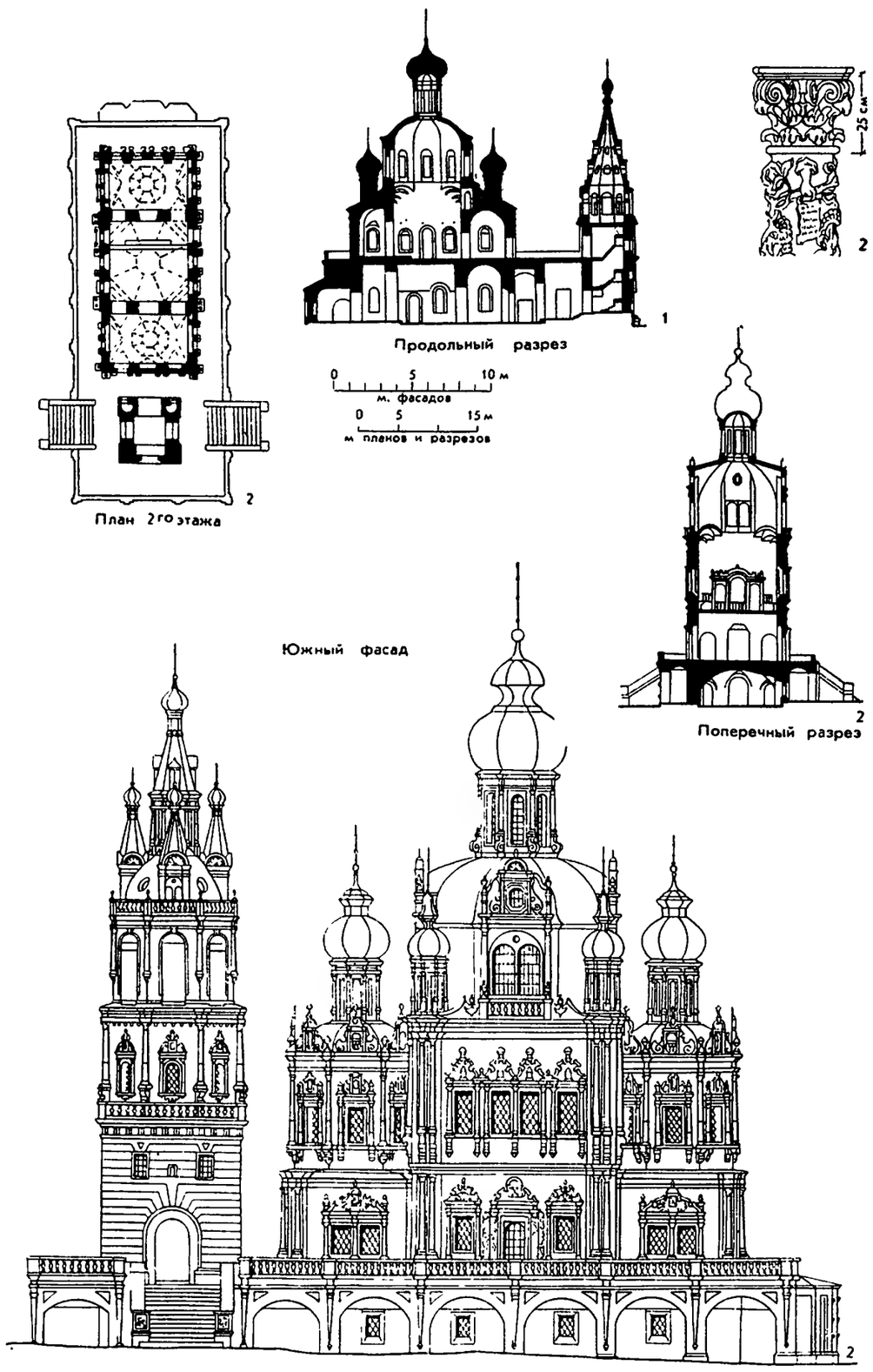
58. Нижний Новгород. Рождественская церковь. Фрагмент северного фасада

(1680-е гг.), но здесь главы были декоративными, как и в упомянутой ранее Успенской церкви 1678 г. в Нижнем Новгороде, и в их прообразах — деревянных церквах.

Еще сильнее связи с деревянным зодчеством и монументальными шатровыми храмами XVI в. видны в типе храма «восьмерик на четверике», распространившемся в каменной архитектуре конца XVII в. При световом восьмерике с восьмилотковым сомкнутым сводом со световой же главою интерьер казался просторнее и светлее, чем при шатровом покрытии или четырехлотковом сомкнутом своде, а снаружи главная часть храма была более высокой, особенно если ее увенчивала колокольня.

К ранним сооружениям подобного рода принадлежала церковь Иоасафа Царевича в царской усадьбе Измайлово





59. Москва. *1* — Измайлово. Церковь Иоасафа Царевича, 1678 г. Перестроена в 1687—1688 гг., зодчий Т. Макаров, реконструкция А. Г. Чинякова; *2* — церковь Успения на Покровке, 1696—1699 гг., зодчий П. Потапов

1687—1688 гг. (рис. 59, *1*), построенная каменных дел подмастерьем Терентием Макаровым на месте более старой церкви (сохранилась лишь колокольня 1681 г.). Здесь на основе сочетания древнерусских и новых композиционных приемов, идущих от украинской и западной архитектуры того времени, был создан новый тип симметричного по двум осям церковного здания. Храм Иоасафа с зимней церковью внизу имел трехчастный план, три главы, поставленные по-украински с запада на восток, и открытое гульбище. Зодчий отошел от асимметрии более ранних построек, одинаково трактуя апсиды и западную часть храма, причем ходовая паперть проходила над алтарем нижней церкви. Необычной для церковной архитектуры была разработка фасадов храма в духе дворцового здания — грани восьмерика, трактованные наподобие люкарн, увенчанных раковинами, подчеркивали центр фасадов, а верхний ряд окон приобрел форму овала.

Этот новый тип трехчастного храма получил свое блестящее развитие и завершенность в церкви Успения на Покровке в Москве (1696, зодчий Петр Потапов, рис. 59,*2* и 60), где украинское трехглавие сочеталось с московским пятиглавием, а терраса-гульбище, отвечавшая по высоте зимней церкви, объединила храм с отдельно стоящей пятишатровой колокольней. Возрос контраст между высоким основным и низкими боковыми четвериками, чему противопоставлялся обратный ритм венчающих их восьмериков с фигурными главами. Впечатление легкости и устремленности ввысь центральной части при общей динамике архитектурных масс в целом усиливалось и венчанием углов четверика главками, продолжающими вертикали его угловых колонн, и трактовкой окон восьмерика в виде стройных люкарн. Этот прием навеян, как и в церкви Иоасафа, дворцовыми постройками, сходство с которыми, в частности с дворцом Голицына в Москве, усиливалось здесь расположением окон и колонн. Все это вместе с полной симметрией фасадов и пышным белокаменным убранством на фоне кирпичных стен придавало всему зданию особую торжественность.

Более тесными стали связи между внешним и внутренним видом здания и его конструктивной основой. Двухъярусные лю-

карны над четвериком были здесь органически связаны с крестообразно расположенными распалубками восьмилоткового сомкнутого свода, усилия от которого, направленные в углы четверика, частично погашались нагрузкой от угловых глав. Это позволяло уменьшить толщину стен четверика, увеличить размеры окон, ярче осветить интерьер и достигнуть впечатления его большего простора. По сравнению с церковью Иоасафа внутреннее пространство этого храма более динамично благодаря более тесному слиянию четверика, восьмерика и свода через ступенчатые арки, врезавшиеся в диагональные грани восьмерика и распалубки в своде, стирающие границы между этими тремя частями. Высокое главное помещение с легкой галереей, белокаменной ложей в виде триумфальной арки и необычно для церковного здания расположенными окнами казалось парадным залом, где пышный, динамичный по композиции иконостас усиливал впечатление приподнятой торжественности интерьера.

Концу XVII века свойствен и тип ярусного храма «под колоколы». Наиболее выдающиеся постройки такого рода, возведенные в подмосковных боярских вотчинах, — церковь Покрова в Филях (1693), церковь Спаса в с. Уборах (1694—1697) и трехчастный храм Троицы в с. Троицком-Лыкове (1698—1703). Две последние построены каменных дел подмастерьем Яковом Бухвостовым.

Основная часть этих зданий — восьмерик на четверике с восьмилотковым сомкнутым сводом и колокольней над ним с небольшой главкой. Увеличение нагрузки на свод в первых двух центрических постройках компенсируется четырьмя апсидами (три притвора и алтарь). В трехчастной церкви в Троицком-Лыкове отсутствие северной и южной апсид возмещается утолщением стен четверика, используемым и для устройства галерей. Тип церкви «под колоколы» благодаря соединению компактного внутреннего пространства с большой, рационально использованной внешней высотой получил распространение в вотчинных церквах последнего десятилетия XVII в.

Тип церкви-колокольни имел в русской архитектуре давние традиции. Духовская церковь XV в. в Троице-Сергиевом монастыре, церковь-колокольня в г. Александрове XVI в., так же как и Спасская

60. Москва. Церковь Успения на Покровке. Восточный фасад

церковь в г. Киржаче XVII в., — ранние примеры такого рода храмов. Точно так же центрическая композиция башнеобразного храма-монумента преемственно связана с каменными или деревянными шатровыми церквами крестом или о двадцати стенах. Русской деревянной архитектуре была известна и ярусная композиция вертикального объема, но восьмерики этих церквей не были так функционально обоснованы, как в ярусных храмах «под колоколы». Особенностью вотчинных церквей является устройство в западной стене главного помещения ложи для владельца усадьбы, возрождающее в новой форме древний прием устройства хор.

В церкви Покрова в Филях (рис. 61,*1*) новые черты выражены особенно ярко. В ней сочетаются появляющийся в русской архитектуре конца XVII в., но известный зодчеству Украины уже с XV в. четырехлепестковый план и типичные для русских построек подклет, гульбище и башнеобразная композиция центрального объема, увенчанного колокольней. Распо-

ложение малых глав по странам света также связывает эту постройку с украинскими пятибашенными храмами. Стройный ступенчатый силуэт храма вписывается в треугольник с вогнутыми сторонами, что создает плавный переход от земли и широкого основания храма к вершине. Этому отвечает и общее облегчение архитектурных масс здания по высоте, ярусы последовательно убывают по величине, становясь более стройными, оконные проемы относительно увеличиваются, не противореча конструктивной логике сооружения. Образ легко и непринужденно растущего ввысь здания создается и трактовкой стены, которая выглядит здесь заполнением каркаса, благодаря подчеркиванию структурных линий сооружения элементами ордера.

Характерна и система прикрытия надкарнизными парапетами-аттиками перехода от одного яруса к другому, благодаря чему кажется, что ярусы вырастают один из другого, не нагружая собой находящиеся ниже, и все сооружение гармонически связывается с окружающим пространством. Этот мотив завершения наружных стен здания, характерный для гражданских построек Западной Украины XVI в., придавал всему сооружению светский характер. Ярусы трактуются как этажи дворцового здания, вызывая ассоциацию с такими сооружениями, как Теремной дворец в Московском Кремле (1635) с однотипностью разработки фасадов и четкими членениями по этажам. О новом начале говорит и центрический принцип композиции храма в Филях, где при наличии четырех равнозначных апсид утрачивается специфика их культового назначения. Те же светские черты отражены и в интерьере, где высокое, светлое центральное подкупольное пространство тесно связано через открытые арки с обильно освещенными притворами. Контраст гладких стен с пышной золоченой резьбой иконостаса и ложи в западной стене создает настроение приподнятой торжественности и праздничности.

Церковь в с. Уборах (1694—1697, рис. 61, *2*) отличается от храма в Филях более низким подклетом и гульбищем, бóльшими высотой четверика и шириной яруса звона. Поэтому башнеобразность храма здесь выражена сильнее, а контраст между обилием гладких стен на апсидах и рельефностью декоративной обработки верха вместе с нависанием угловых парных колонок нижнего восьмерика над стенами четверика усиливают впечатление массивности верха церкви в Уборах, сближая ее с архитектурой западного барокко. Это относится и к трехлопастной форме апсид [1], зрительно стирающей границы между ними, и к восьмиугольным окнам четверика, как бы придавленным тяжестью верхних частей к оконным наличникам с белокаменными настенными рельефами и разорванным сандриком. При больших, чем в Филях, пролетах арок между четвериком и апсидами увеличивается и свойственная произведениям барокко слитность внутреннего пространства, но церковь в Уборах не выпадает из круга других ярусных церквей конца XVII в., обладая такой же геометрической четкостью четвериков и восьмериков и облегчением масс здания кверху [2].

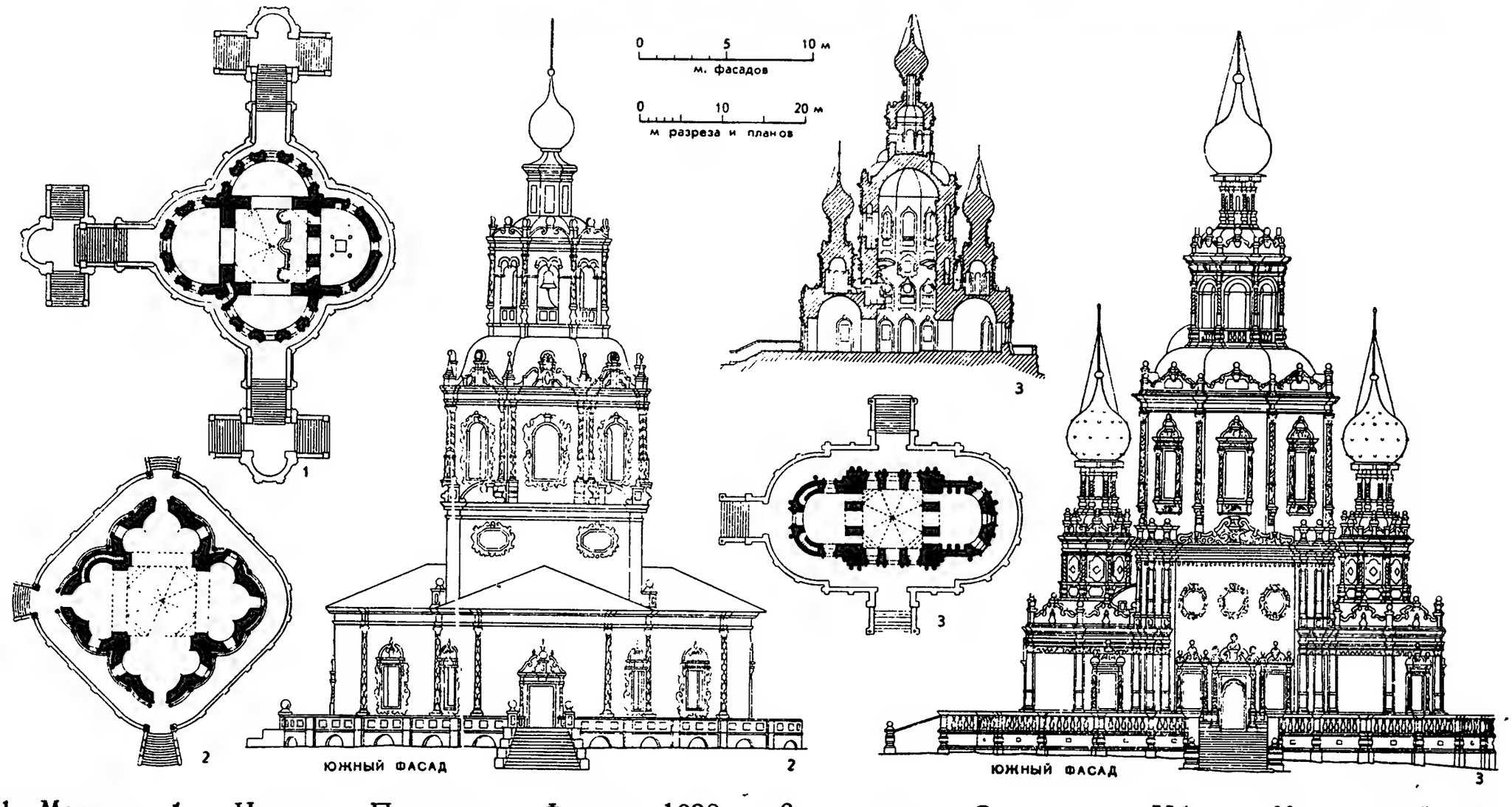
Храм в Троицком-Лыкове (1698—1703, рис. 61, *3*) совмещает тип вотчинной башнеобразной церкви «под колоколы» с трехчастным планом и украинским расположением глав по продольной оси. Своим низким гульбищем и башнеобразным характером средней части храм напоминает церковь в Уборах, а по пропорциям и силуэту боковых фасадов стоит ближе к церкви в Филях. Следует также отметить обработку углов четверика сдвоенными колоннами и полную симметрию боковых фасадов, как и в церкви Успения на Покровке, а также наличие дополнительных глухих восьмериков под боковыми главами. Особенностью интерьера является своеобразная система хор, где кроме ложи хозяина в толще стен четверика и восьмерика расположены двухъярусные галереи с резными деревянными балюстрадами и наличниками, которые, эффектно сочетаясь с богатством резьбы иконостаса и ложи, расширяют внутреннее пространство храма.

Московская церковь Знамения на Шереметевом дворе, близкая по внешнему облику церкви в Филях, имеет с запада трапезную, а с востока — апсиду и два

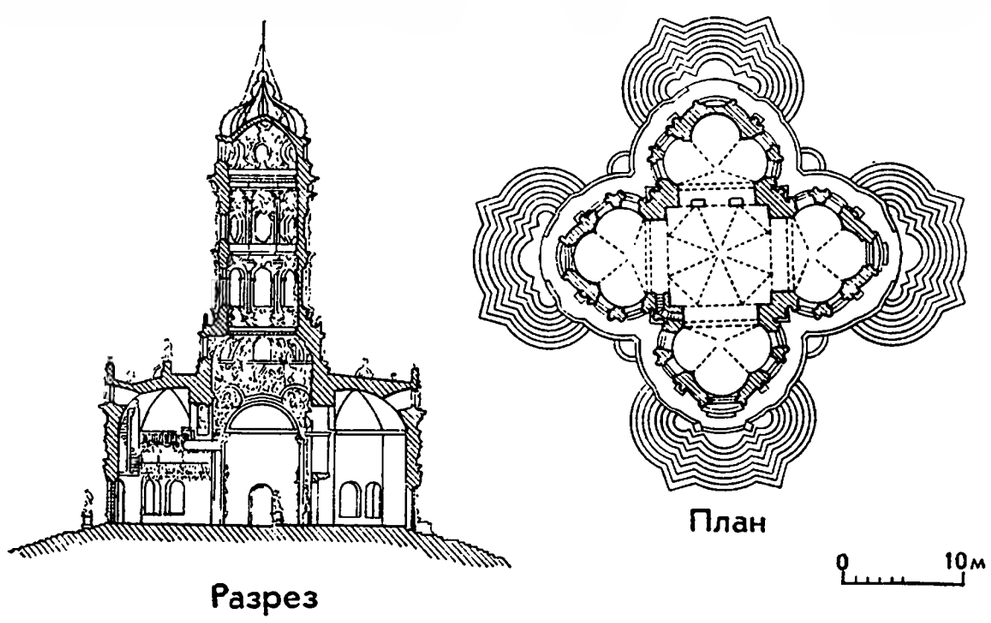
---

[1] Эта форма апсид применена и в более ранней (1684) церкви подмосковной усадьбы Петровское-Дурнево, также имевшей колокольню наверху, но обладавшей очень простой обработкой фасадов.

[2] Первоначальная глава и барабан церкви не сохранились, как и аттиковые завершения нижнего яруса.



61. Москва. *1* — Церковь Покрова в Филях, 1693 г; *2* — церковь Спаса в с. Уборы, Московской обл., 1694 — 1697 гг., зодчий Я. Бухвостов; *3* — церковь Троицы в Троицком-Лыкове близ Москвы, 1698—1703 гг. Зодчий Я. Бухвостов



62. Дубровицы. Церковь Знамения, 1690—1704 гг.

придела, что обусловило расположение ее боковых глав одной — с запада и трех — с востока. Маленькую трапезную и трехчастный алтарь имела церковь подмосковной усадьбы в селе Софрино (1691), отличающаяся (см. рис. 20) наличием двух световых восьмериков под колокольней. Но чаще такой план совмещался в городских приходских и монастырских церквах с ярусным башнеобразным верхом без колокольни (московские церкви Троицы в Хохлах, 1696, собор Богоявленского монастыря, 1693—1696, и др.). Не имеет колокольни наверху и стоящая несколько особняком церковь Знамения в подмосковной вотчине князя Б. Голицына в Дубровицах (1690—1704, рис. 62) с аналогичным церкви в Уборах центрическим с трехлепестковыми апсидами планом и низким гульбищем, но она отличается чрезмерным богатством внешнего и внутреннего убранства, сплошной облицовкой фасада белым камнем и необычайной для русских храмов статуарной скульптурой не только снаружи, но и внутри храма. Противоположны русским башенным церквам композиционные принципы этого храма, где верхний ярус башни более массивен и тяжел, чем нижний, а над низко расположенными окнами апсид высится массивная рустованная стена. Все это роднит Дубровицкую церковь с западноевропейским барокко. Этому же отвечает атектоничность и необычайная сложность аттиков, венчающих нижний ярус, слитность вертикальных членений, сплошь покрытых в завершении башни орнаментом, а в нижнем ярусе рустовкой.

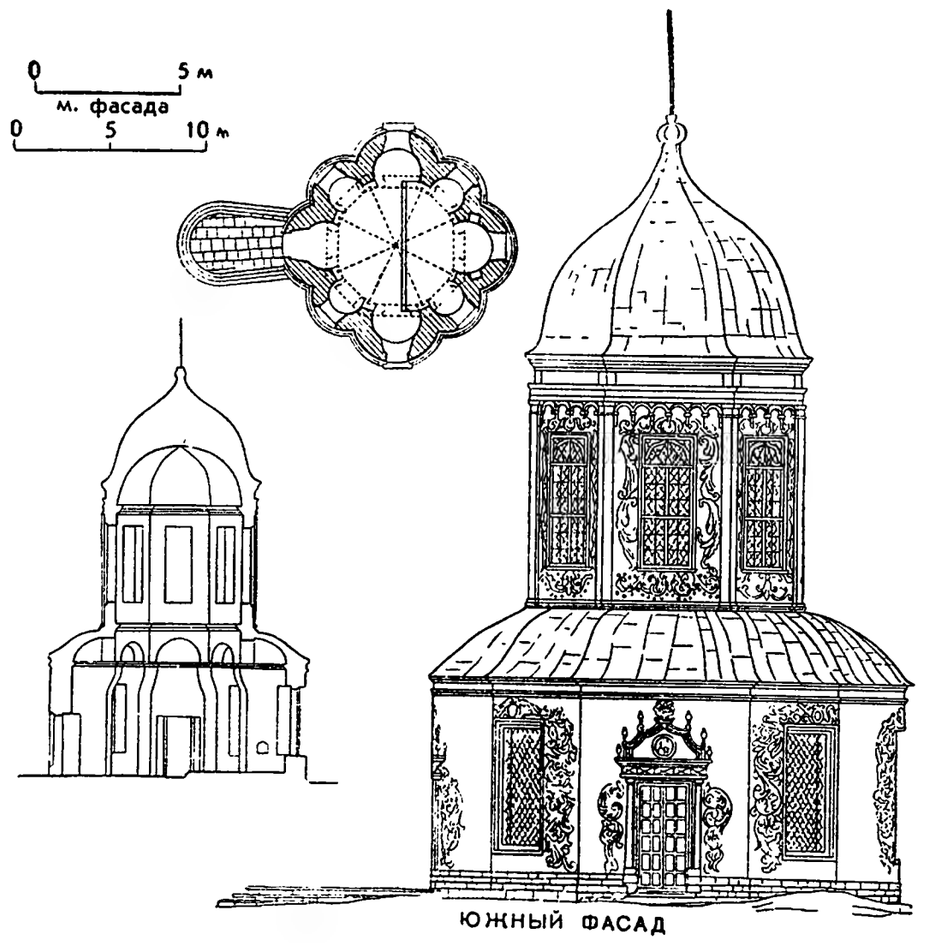
В конце XVII в. было построено несколько храмов с восьмилепестковым планом. Один из них, как церковь Петра Митрополита в московском Высокопетровском монастыре (1690, рис. 63), имеет в нижнем ярусе по странам света четыре большие апсиды и четыре меньшие диагональные. Этому отвечают разные ширины граней возвышающегося над ними восьмерика. Снаружи апсиды сопрягаются между собой под тупым углом, чему соответствует такая же слитность внутреннего пространства, обусловленная отсутствием резких границ между апсидами и средней частью и переходом от низа к восьмерику, стоящему на консолях, вырастающих из стенок между апсидами и переходящих в арки под гранями восьмерика. Все это наделяет интерьер храма слитностью и динамичностью, родственной архитекгуре барокко.

Такая же восьмиапсидная центрическая церковь усадьбы Волынское (1703) была

проще по своей композиции и имела одинаковые апсиды, расположенные вокруг равностороннего восьмерика. Обработка фасадов этих построек очень проста — карнизы-антаблементы каждого яруса, лопатки на углах восьмериков и профилированные рамки больших прямоугольных проемов. Такая простейшая обработка фасадов, свойственная и церквам подмосковных сел Курова, Рождествена, Петровского-Дурнева, верхнему этажу царских палат Саввина-Сторожевского монастыря и др., была удобна для наружной живописи, покрывавшей и апсиды ярославских церквей Иоанна Предтечи в Толчкове и Петра и Павла на волжском берегу, стены трапезных московского Симонова и Троице-Сергиева монастырей и задний фасад московских палат Троекурова. Такую же фасадную роспись имеет и церковь Петра Митрополита. Обрамление дверных проемов, особенно сандрики, напоминает белокаменное обрамление окон церкви в Уборах, Сольвычегодского Введенского собора, Рождественской церкви в Нижнем Новгороде и некоторые мотивы в иконах и фресках второй половины XVII в. Имели ли первоначально эти восьмиапсидные церкви надкарнизные фигурные аттики, сейчас сказать трудно.

Иногда восьмилепестковая форма плана придавалась и маленьким зданиям, вроде Черниговской часовни близ Переславля-Залесского, но в часовнях применялась и обычная форма восьмерика на четверике, как в надкладезной часовне Троице-Сергиева монастыря, выделяющейся своим пышным убранством.

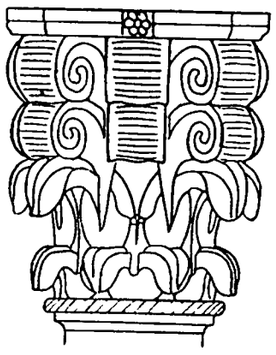
Среди немногочисленных возведенных в конце XVII в. пятиглавых соборных храмов с внутренними столбами наиболее выделяется Успенский собор в Рязани (1693—1699, рис. 64, *1*, зодчий Яков Бухвостов). По своей композиции здание продолжает традиции, идущие от Успенского собора в Московском Кремле с его регулярным размещением круглых столбов и соответствующими им наружными членениями. Рязанский собор отличается от своих предшественников высотой и вертикальностью основного объема, постановкой его на подклет с открытым гульбищем на арках, а также светским дворцовым характером фасадов, где размещенные в три яруса огромные окна, не нарушая целостности объема, создают впечатление этажности. Собор не сохранил первоначальных завершений стен, которые, возвышаясь над карнизами, делали основной объем более высоким и заставляли его казаться легче (рис. 65). Этому способствовала и новая трактовка стены, кажущейся тонким заполнением между высокими колонками, как бы образующими каркас, подчеркнутый двухцветностью фасадов.



63. Москва. Церковь Петра Митрополита в Высокопетровском монастыре, 1690 г.

Лучше сохранил завершение своих стен Успенский собор в Астрахани (1700—1710, зодчий Д. Мякишев, рис. 64,*2*). Первоначально здание было покрыто по закомарам, расположенным сверх карниза, сходного с карнизом Рязанского собора. Но тонкие парные колонки, членящие фасады астраханского собора, отрезаны от закомар и карниза широким поясом, в который вкомпонованы сандрики верхних окон. Этот пояс кажется фризом лежащего на колонках антаблемента, и собор, несмотря на его огромные окна, кажется менее легким, чем рязанский, этому соответствует и характер арок и столбов его гульбища.

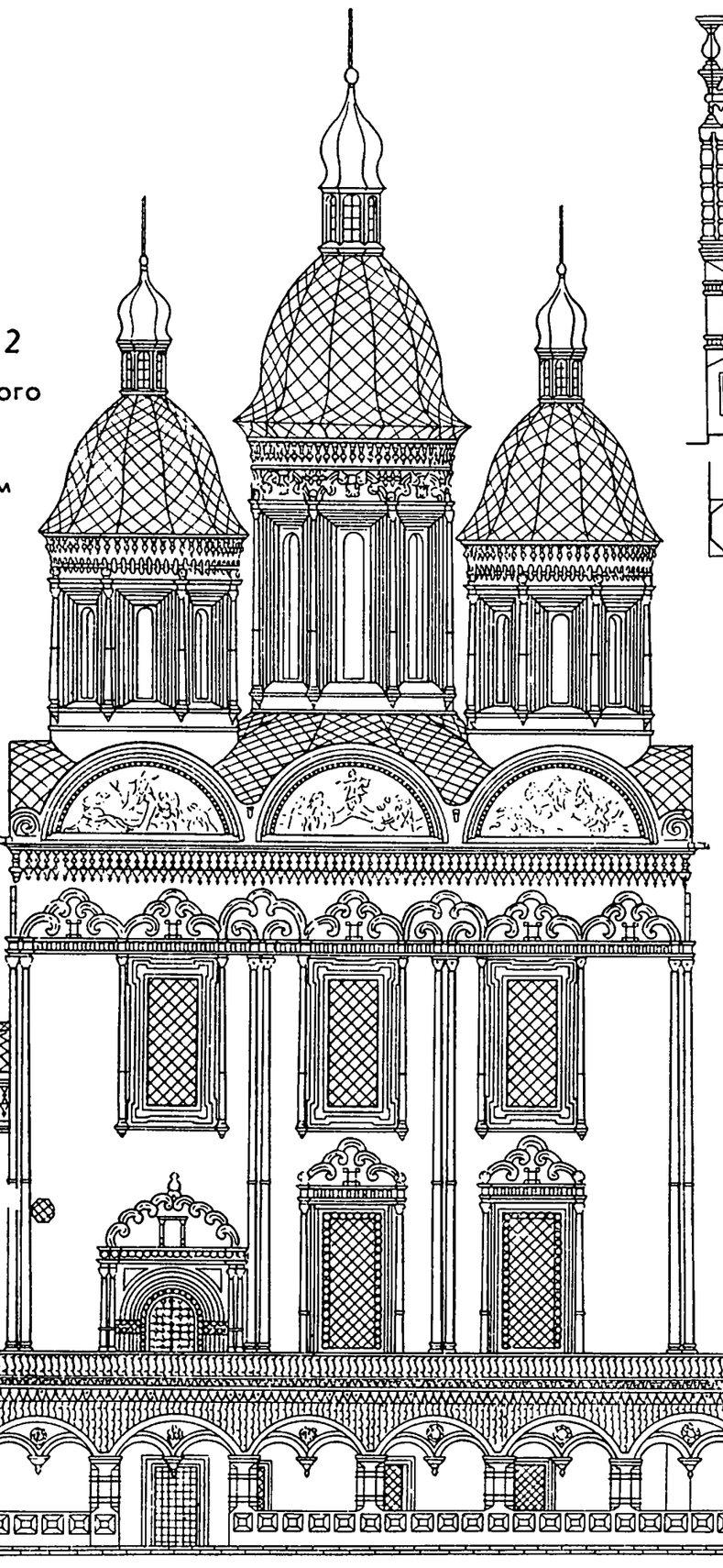
Решительный отход от традиционного соборного типа ясно обозначился в новом соборе Донского монастыря (1684—1689, рис. 64, *3* и 65). Центричности здания отвечала постановка его в центре территории монастыря, близкой к квадра-

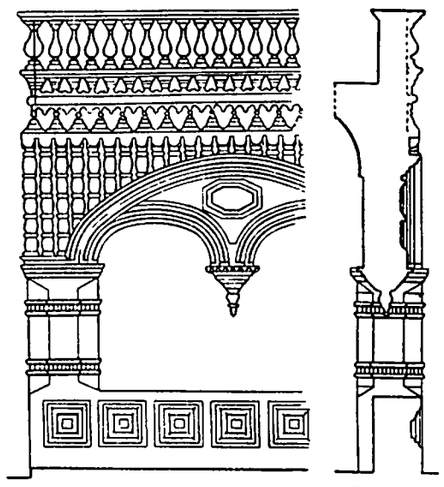


2

Капитель западного портала

0 25 см

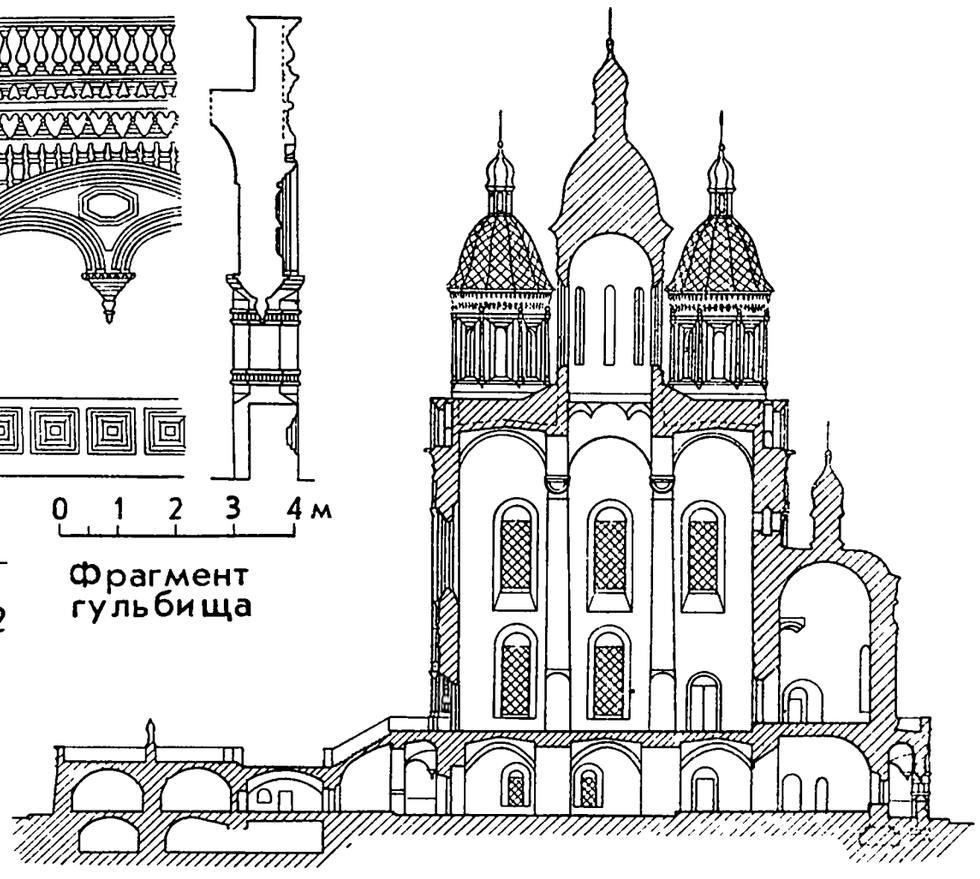




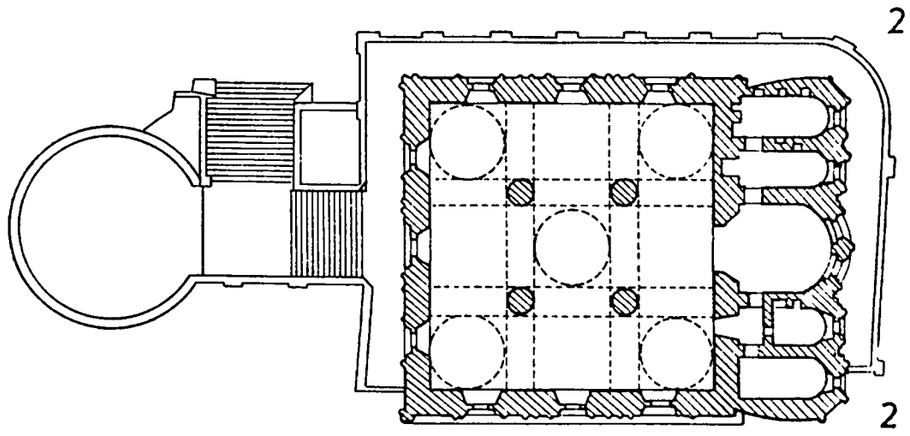
0 1 2 3 4 м

2

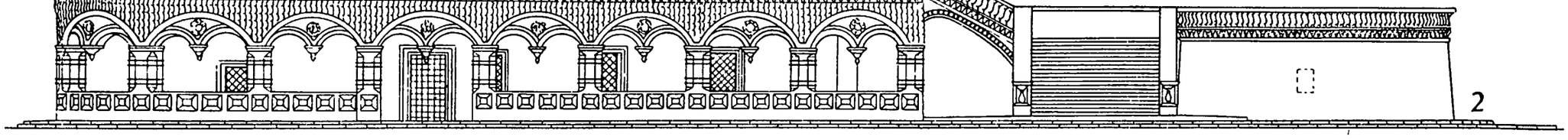
Фрагмент гульбища



2

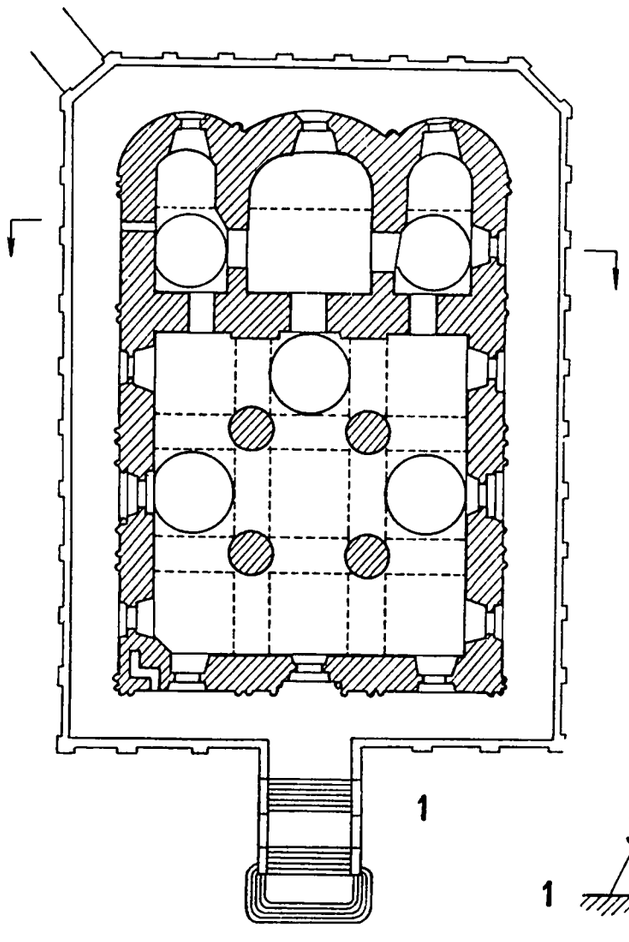


2

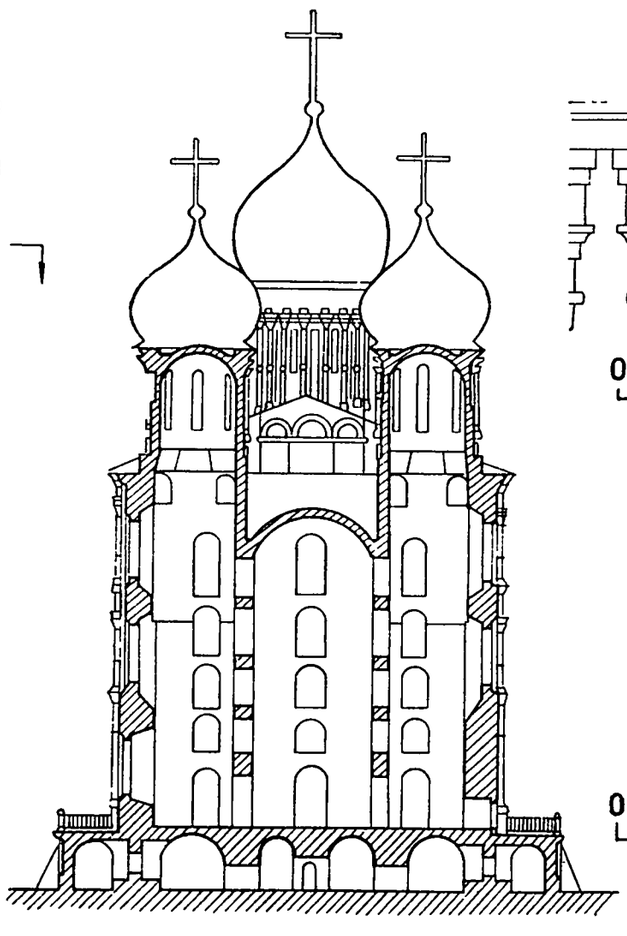


2

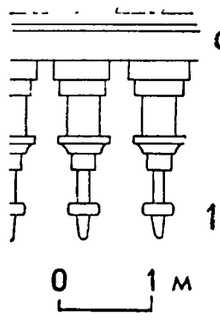
0 10 м



1



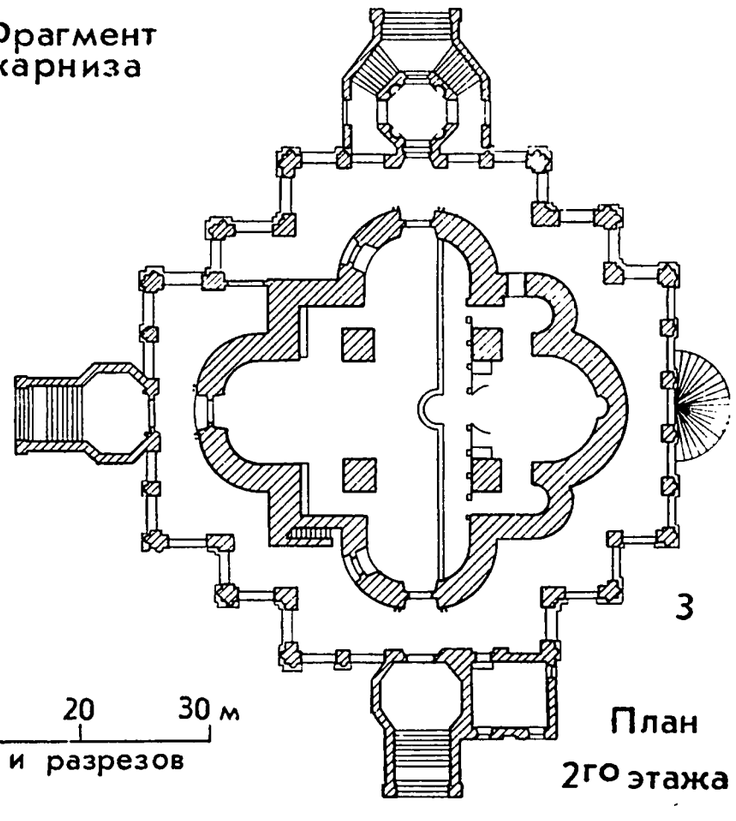
1



Фрагмент карниза

1

0 1 м



3

План 2го этажа

0 10 20 30 м

м. планов и разрезов

←

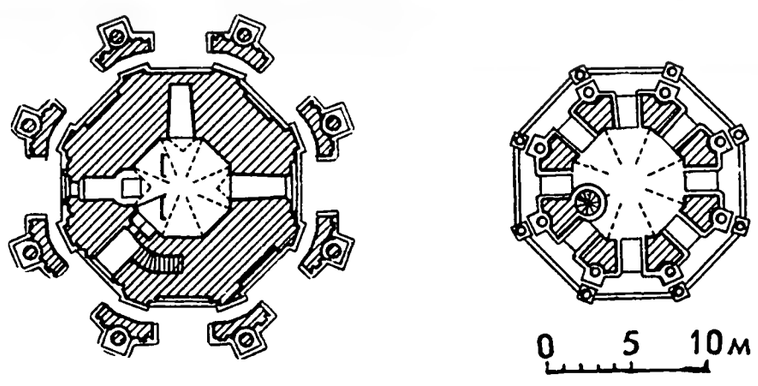
64. *1* — Рязань. Успенский собор, 1693—1699 гг., зодчий Я. Бухвостов; *2* — Астрахань. Успенский собор, 1700—1710 гг., зодчий Д. Мякишев (реконструкция А. В. Воробьева); *3* — Москва. Собор Донского монастыря, конец XVII в.

ту. Крестообразное построение объема с четырьмя выступами полукруглых апсид, пониженными угловыми частями и световым пятиглавием, ориентированным по странам света, характерно для украинского зодчества, а подклет и двухъярусная арочная галерея вокруг основного объема связывают это здание с постройками Москвы. Простота и лаконическая выразительность масс этого монументального сооружения подчеркивают его господствующую роль в ансамбле монастыря.

Высокие колокольни получили свое дальнейшее развитие в конце XVII в. Колокольни, связанные с церквами, часто строились с шатровым верхом, прорезанным слухами, но с новой декоративной обработкой (московские церкви в Кадашах и Ризположенская на Донской улице). Иногда шатры превращались в декоративные надстройки над сводом колокольни, как в московской церкви Успения в Печатниках или в пятишатровой колокольне церкви Успения на Покровке.

Но более типичными для конца XVII в. были ярусные колокольни из убывающих по величине восьмериков, поставленных один на другой, как, например, колокольни московского Новодевичьего монастыря и Толчковской церкви в Ярославле. Традиционный прием «восьмерик на четверике» варьируется в колокольне строгановской Рождественской церкви в Нижнем Новгороде. Одним из наиболее выдающихся сооружений является пятиярусная колокольня (высота 72 *м*) Новодевичьего монастыря в Москве (рис. 66) — главная вертикальная ось монастырского ансамбля. Ярусы колокольни отделены один от другого горизонталями антаблементов и балюстрад, но окружающая нижний ярус аркада и сквозные арки третьего и пятого ярусов зрительно ее облегчают, чему способствуют и угловые колонки ярусов, находящие свое продолжение в раскреповках антаблементов и тумбах с фиалами над ними. Колонки и антаблементы, объединяющие все ярусы колокольни, зрительно создают конструктивный остов здания, подчеркиваемый красным цветом его стен.

65. Вверху — Москва. Собор Донского монастыря, реконструкция П. Н. Максимова; внизу—Рязань. Успенский собор, западный фасад, реконструкция Е. В. Михайловского



66. Москва. Колокольня Новодевичьего монастыря, 1690 г. (фото П. В. Клепикова)

Многоярусная колокольня Рождественской церкви в Нижнем Новгороде (рис. 56, *1*) имеет ярко выраженный гражданский характер и напоминает собой больше городскую часовую башню с бельведером, увенчанную главкой с флюгером, чем культовую постройку. Здесь в отличие от колокольни Новодевичьего монастыря заметно стремление к слитной трактовке ярусов в средней четырехъярусной части, поставленной на четко отделенное от нее основание, прорезанное сквозными арками. Так, четверик второго яруса переходит в восьмерик с помощью продолжающих его углы декоративных элементов, пространственно связывающих эти два яруса между собой. И восьмерик четвертого яруса связывается с ниже расположенным при помощи декоративных угловых аркбутанов. Такая слитная композиция ярусов — пластичность и мягкость их перетекания одного в другой — представляет собой черту, свойственную барокко. В то же время последовательное облегчение архитектурных масс в целом по высоте характерно для русских сооружений конца XVII в. Некоторое сходство этого сооружения можно найти и с ратушными башнями европейских стран, в частности с голландскими.

То новое, что наметилось в русской архитектуре в XVII в., получило свое блестящее завершение в его конце. В традиционных храмах с трапезной и колокольней это выразилось в симметрии всей композиции относительно продольной оси, в общей регулярности архитектурного строя здания, как и в соборных храмах того времени. Новые композиционные принципы нашли свое более яркое выражение в трехчастных храмах, симметричных относительно продольной и поперечной осей и в центрических четырех- и восьмиапсидных.

Для храмов конца XVII в. характерно яркое их освещение. Так, световое пятиглавие над бесстолпным кубическим храмом явилось венцом исканий русских мастеров конца XVII в. Новым было и устройство светового восьмерика над четвериком с восьмилотковым сомкнутым сводом, прорезанным распалубками, что позволяло лучше осветить интерьер.

Новые черты в постройках того времени ярко проявились и в регулярности размещения декоративного убранства на фасадах здания, и в большем единообразии декоративных элементов, причем впечатление пышности и богатства построек создавалось на основе сохранения большой простоты и ясности построения целого, многократного повторения отдельных архитектурных элементов.

Трехчастные храмы были связаны с прообразами более ранней русской деревянной архитектуры (квадратные и восьмиугольные церкви с двумя симметричными прирубами) и одновременно с украинской архитектурой, откуда могло прийти и трехглавие по продольной оси. То же относится и к четырехапсидным храмам, планы ко-

торых напоминают и украинские храмы, и русские деревянные постройки с четырьмя прирубами. Композиция верхов храмов в виде восьмерика или нескольких уменьшающихся восьмериков на четверике применялась и в более ранних русских деревянных постройках. Встречается и размещение колокольни над церковью и устройство гульбищ вокруг храма.

Если композиция русских храмов конца XVII в. развивалась на основе переработки национальных традиций и некоторых приемов украинской архитектуры, то в декоративном убранстве русские зодчие более широко использовали формы, свойственные архитектуре Запада. В основном в русской архитектуре этого времени обнаруживались наиболее ясные точки соприкосновения с архитектурой таких стран, как Польша, с которой Россия находилась в непосредственном соседстве, Голландия, с которой в это время поддерживались наиболее тесные торговые связи, Северная Германия, Фландрия и Англия.

Появились многоярусные ордерные композиции, порталы и оконные наличники в виде двухколонного портика с раскрепованным антаблементом и разорванным фронтоном. Фасады завершались украшенными аттиковыми парапетами, в композиции которых использовался мотив люкарны. Широкое применение получают картуши и белокаменные орнаментальные барельефы, украшающие порталы и наличники окон. Все чаще находит применение и так называемый «накладной орнамент», получивший наибольшее распространение в строгановских храмах и в церкви Никола Большой Крест в Москве.

В русской архитектуре конца XVII века наиболее широкое распространение получает ордер. Причем в церковных зданиях наметилось два направления в размещении и трактовке его элементов. В ярусных храмах с восьмериком на четверике колонны размещались на стенах, отмечая места их сопряжения между собой; в других — колонны размещались во всех простенках по принципу создания единого ритмического ряда с проемами, хотя и здесь нередко совмещались эти два принципа и места сопряжения стен выделялись парными колоннами. На высоких объемах колонны располагались в несколько ярусов. И в этом случае размещение колонн против простенков отмечало наиболее нагруженные места стены. В одних случаях пропорции колонн были близки к каноническим, а в других — зодчие подчиняли пропорции колонн и антаблементов высоте объема.

Ордер в церковных постройках применялся как декорация, что откровенно выражено в его трактовке. Выступающая вперед почти ничего не несущая колонна трактуется свободно. Но эта свобода подчинена логике самого декора и выражена в форме и пропорциях колонн ярусов в соответствии со степенью их нагруженности.

Такое подчинение размещения и трактовки элементов ордера тектонике здания отличает русские церкви конца XVII в. от произведений западноевропейского барокко, где размещение колонн и пилястр рассчитано в первую очередь на создание живописного эффекта. Геометрическая четкость архитектурных форм здания, строгая тектоничность сооружения в целом противоположны живописному началу произведений западноевропейского барокко, которым свойственны слитность и текучесть архитектурной формы, волнообразный характер очертаний.

В ярусной композиции объемов и размещении декоративных элементов в местах пересечения стен и в обрамлениях проемов без нарушения спокойной плоскости стены, находят выражение принципы, свойственные лучшим произведениям народного деревянного зодчества.

ГЛАВА 5

АРХИТЕКТУРА 1700—1750-х ГОДОВ

Начало XVIII в. было временем крутого перелома в жизни страны.

Проведение правительством Петра I широких государственных преобразований, необходимость которых выдвинуло экономическое и политическое развитие России, ее международное положение, потребовало большого напряжения материальных и творческих сил страны. Понадобились реорганизация государственного аппарата, русской армии и строительство морского флота, создание новых крепостей и городов, новых отраслей промышленности. Прогрессивные преобразования в стране поставили перед архитектурой новые большие проблемы, определили ускоренное развитие тенденций, наметившихся в русском зодчестве второй половины и конца XVII в.

В начале XVIII в. пересматриваются цели и задачи архитектуры, происходят коренные изменения в организации строительного дела, возводятся новые типы промышленных и общественных зданий — судостроительные верфи, госпитали, театры и музеи, здания коллегий и канцелярий. Характерными чертами архитектуры петровского времени были рационалистичность и простота, особенно свойственные дворцам, общественным сооружениям, жилым зданиям. Регулярность и четкое ордерное построение их сочеталось с барочной пластичностью архитектурных деталей.

В строительстве новой столицы, где наиболее ярко проявилось новое направление развития зодчества, осваивались передовые градостроительные методы. Петербург строился уже не как город-крепость, но как город открытого типа с регулярным характером планировки и застройки. На фоне рядовой застройки главные общественные сооружения выделялись не столько богатством убранства, сколько значительностью своих размеров — протяженностью и высотой. Занимая целые кварталы, такие здания во многом предопределяли облик целых улиц или площадей и становились главенствующими в новых архитектурных ансамблях. Эта особенность наблюдалась и в застройке Москвы того времени.

Сдержанность и рационализм архитектуры петровского времени господствовали и в последующие 30—40-е гг., но это время отмечено уменьшением масштабов градостроительных работ и возрастающей ролью дворцового строительства. В середине столетия ведущим становится дворцовое строительство; на первый план выдвигается тип городского и загородного дворца и храма вместо производственных и общественных зданий, главенствовавших в предшествующее время. Достигает расцвета стиль русского барокко. Вместе с тем при пышности и богатстве барочных дворцовых ансамблей середины столетия в планах сооружений сохраняются черты рационализма петровского периода, что находит свое выражение и в геометричной ясности и простоте их объемов.

1. АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА

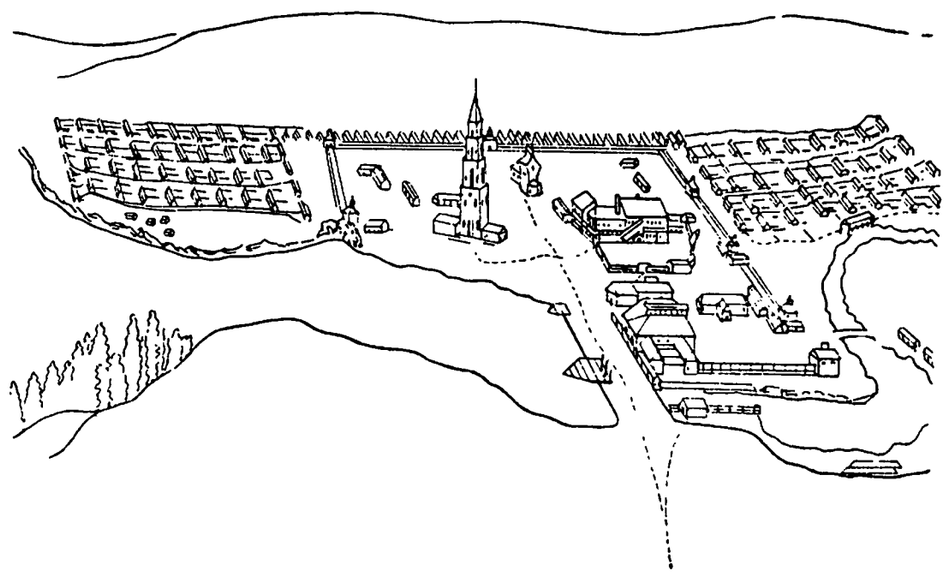
На рубеже XVII—XVIII вв. социально-экономическое развитие страны и необходимость защиты русских земель обусловили строительство новых городов — Таганрога, Кронштадта (Кронштадта) — и крепостей, как в них, так и в старых городах (Азов и др.). Строительство городов и крепостей велось на основе изучения фортификационной науки и достижений новой строительной техники.

Регулярность планировки некоторых вновь закладываемых городов означала шаг вперед в русской градостроительной практике. К таким городам относится, например, Таганрог, уже упоминавшийся в предшествующей главе. Укрепления Таганрога, выстроенные с учетом последних требований военно-оборонительной техники того времени, окружали полуциркульную территорию, четкая и регулярная планировка кварталов которой была скомпонована из трех лучей-улиц, подводящих к трем крепостным воротам. На оси среднего планировочного луча, направленного в сторону центральных ворот, располагалась главная городская площадь.

Регулярным характером отличалась также общая планировка и застройка новых уральских городов и поселков при заводах, возникших в связи с развитием металлургической промышленности Урала. В центре города обычно находилась площадь, на которой располагались административные заводские здания и церковь. По сторонам от площади расходились геометрически четко распланированные улицы жилой застройки; примером такой планировки может служить поселок Невьянского завода (1698, рис. 1).

Крупнейшей градостроительной задачей петровского времени стало строительство новой столицы на отвоеванных у врага древних русских землях.

Петербург был основан в 1703 г. у устья Невы первоначально как крепость и торговый порт для выхода страны к морским торговым путям, необходимым для дальнейшего развития России. Первые военно-крепостные и одновременно крупнейшие градообразующие сооружения на берегах Невы — Петропавловская крепость (на небольшом острове, контролировавшем многочисленные протоки дельты Невы) и Адмиралтейство — судостроительная верфь



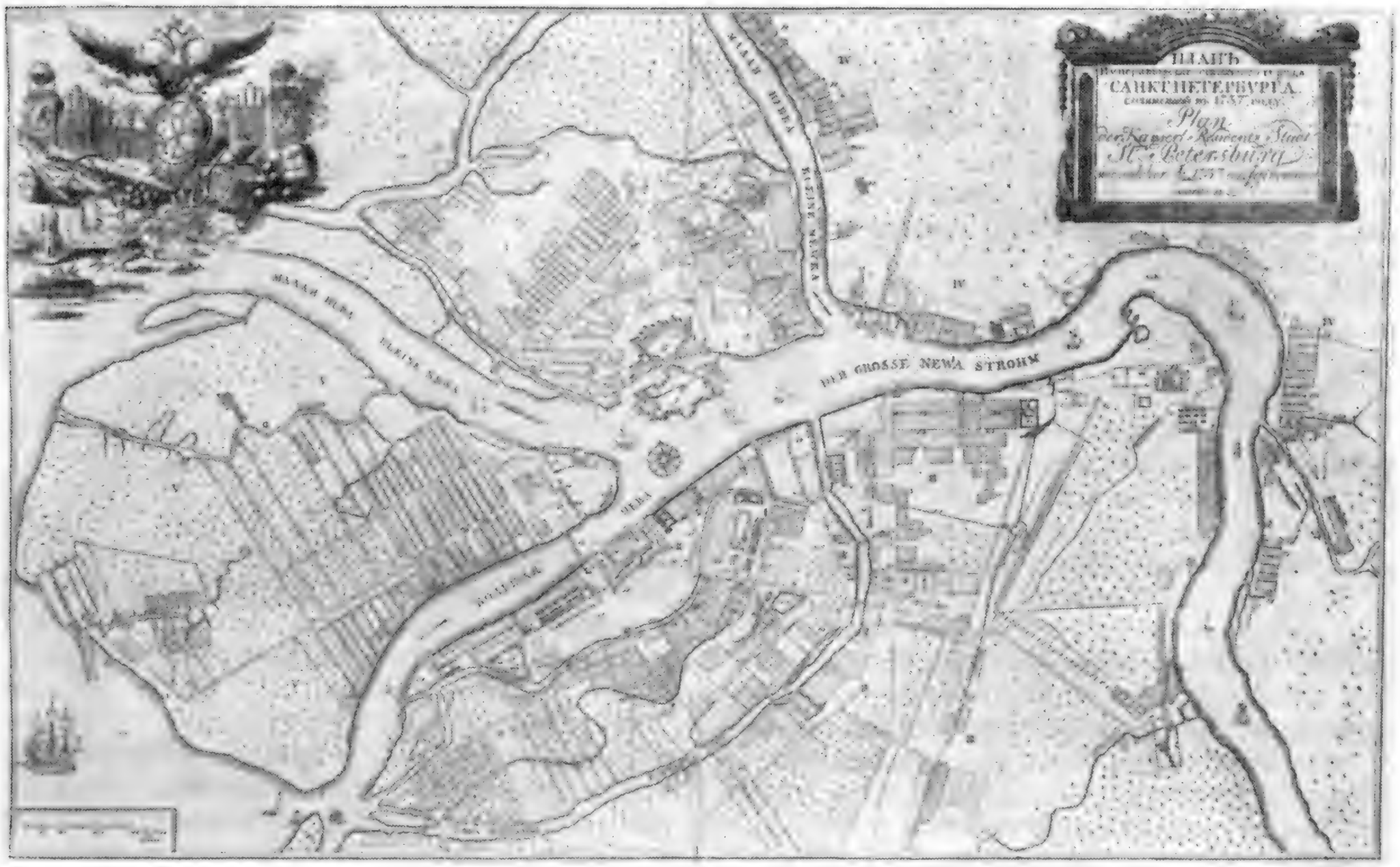
1. Невьянский завод на Урале, 1698 г. (чертеж первой половины XVIII в.)

на южном берегу реки. Около Адмиралтейства быстро выросли слободы, которые заселялись рабочими верфи, вблизи Петропавловской крепости возник первоначальный центр города — Троицкая торговая площадь с гостиным двором. Расположение этих градообразующих узлов было целесообразным: Троицкая площадь — торговый центр с жилой частью — находилась под защитой Петропавловской крепости, а строительство кораблей, связанное с доставкой большого количества леса и других материалов из глубины страны, осуществлялось на противоположной — Московской стороне.

При постройке Адмиралтейства в основу положили план древнерусского «двора». Подобный тип сооружения удовлетворял функциональным требованиям и позволял вести оборону от внезапного нападения врага. Адмиралтейство представляло собой огромную по протяженности постройку с планом в форме буквы П, обращенную открытой стороной к Неве. Сплошная линия примыкающих одно к другому производственных помещений отгораживала территорию, на которой закладывались и строились суда. В центре корпуса, параллельного реке, находился главный въезд на территорию верфи, увенчанный небольшой башней со шпилем (рис. 2).

Первоначальная жилая застройка Петербурга была в основном мазанковой дешевой и безопасной в пожарном отношении. В ранней застройке будущей столицы использовались строительные приемы и типы домов, выработанные в предшествующий период развития зодчества.

После ряда военных побед положение Петербурга значительно упрочилось. В город переводятся из Москвы правитель-



2. План Петербурга, 1737 г.

ственные учреждения. Петербург становится столицей государства. Для строительства новой столицы правительство мобилизует силы всей страны. Налаживается производство строительных инструментов, государственное производство кирпича, извести, черепицы. Ограниченные экономические возможности заставили правительство в 1714 г. запретить возведение каменных сооружений в других городах страны, чтобы сосредоточить все ресурсы государства на быстрейшем строительстве Петербурга.

Для руководства развернувшимися работами создается государственный орган — «Канцелярия от строения Санкт-Петербурга». Государственное регламентирование застройки Петербурга вызывалось тем, что нужно было выстроить город в самый короткий срок на основе новых планировочных, градостроительных принципов с применением новых средств и методов застройки. Основной функцией Канцелярии был контроль за внедрением новых строительных приемов, новых материалов и инструментов, за выполнением правил строительства.

Сначала центр города предполагалось расположить на Васильевском острове, в связи с этим там начались планировочные работы. Планировка острова, предложенная первым архитектором Петербурга Д. Трезини (1670—1734), предусматривала регулярную систему кварталов; по направлению улиц намечалось устройство каналов. Регулярная система каналов в то время рассматривалась как одно из условий успешного разрешения транспортной проблемы, которая возникла в связи с широким развитием строительных работ. На Московской стороне появляется «Невская перспектива», первоначально как дорога на Москву, впоследствии приобретшая главное значение в этой части растущего города. Важнейшим на этой стороне Невы становится Адмиралтейство — крупнейшее производственное сооружение города. От главного входа Адмиралтейской верфи, увенчанного башней, начиналась Невская перспектива, а впоследствии здесь возникла система трех лучей-улиц, запроектированная арх. П. М. Еропкиным, разработавшим планировку Адмиралтейской сло-

боды. Вторым лучом стал Вознесенский проспект — бывшая дорога на Новгород, и третьим — Гороховская улица, ныне ул. Дзержинского, проложенная несколько позднее. Такая система позволяла комплексно решить градостроительные и идейно-художественные задачи, содержала в себе большие потенциальные возможности для развития схемы городского плана, что проявилось при последующей работе русских зодчих над планировкой новой столицы.

В связи с большими трудностями осуществления массовой регулярной застройки города и необходимостью перспективного регулирования городского строительства приступили к разработке в 1716 г. генерального плана города. С этой целью Петр пригласил в Петербург французского архитектора Ж.-Б. Леблона (1679—1719). Он составил план города, в котором была воплощена идея Петра I — создание столицы «на воде», причем Васильевский остров занимал основную территорию «водного» города. План Леблона представлял собой схему идеального города-крепости (линия крепостных стен имела в плане форму эллипса и ограничивала территорию города, расчлененную регулярной сеткой улиц с центральной и несколькими второстепенными площадями). План Леблона отвечал всем требованиям градостроительной и фортификационной науки. Но система построения плана, взятая из предшествующей градостроительной практики Западной Европы, не учитывала социально-экономических условий России и возможностей развития города. Слабыми сторонами плана были замкнутость, препятствующая естественному росту города, и искусственное наложение «идеальной» планировочной схемы на сложную в географическом отношении территорию города с уже существовавшей застройкой. Кроме того, такой недостаток планировочной структуры плана, как островное расположение центра города, исключало возможность объединения наметившейся уже городской территории на участках, разделенных водой. Все это и послужило причиной того, что план Леблона остался неосуществленным.

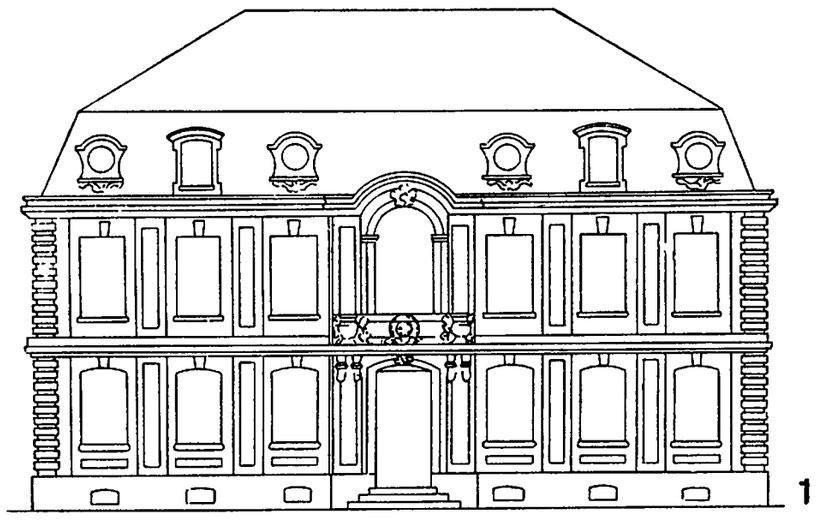
В это время в градостроительстве происходят крупные изменения. Во вновь возводимых городах крепость утрачивает градообразующее и оборонное значение в связи с развитием военной техники. Петербург стал первым большим столичным городом открытого типа, не стесненным в своем развитии кольцами последовательно возводимых внешних стен, столь характерными для городов предшествующего времени. Дальнейшее развитие Петербурга и формирование плана города находилось под воздействием новых принципов планировки городов и русских градостроительных традиций.

При сжатых сроках возведения новой столицы прогрессивным было использование метода строительства по «образцовым чертежам». По поручению Петра I Д. Трезини разработал «образцовые чертежи» жилых домов для «подлых», «зажиточных» и «именитых» (рис. 3).

В зависимости от социальной принадлежности и зажиточности застройщиков дома, возводимые по «образцовым чертежам», дифференцировались по планировке, стоимости, архитектурному облику.

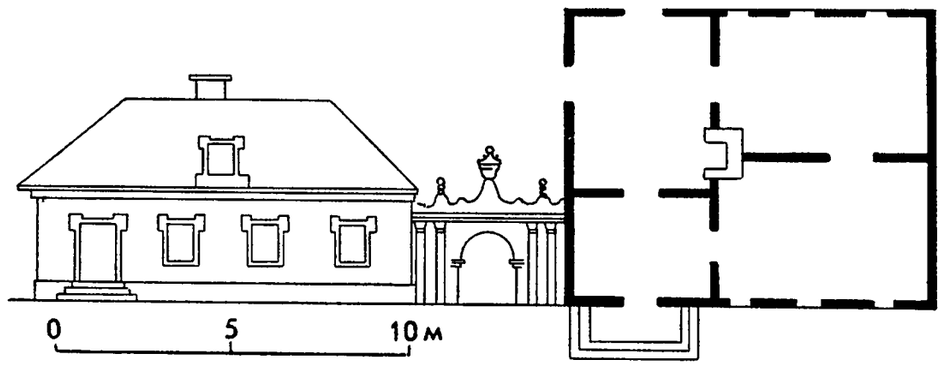
Застройка типовыми домами тесно связана с развитием регулярной планировочной структуры Петербурга как города нового типа, резко отличавшегося от старых городов с их свободной планировкой. Жилые дома, возводимые по «образцовым» проектам, в известном отношении напоминали своей планировкой жилые дома допетровского периода, построенные традиционным способом, но вместе с тем имели и свои особенности. Так, в доме «для подлых», как в некоторых домах XVII в., к угловым сеням примыкали кухня и две жилые комнаты, а в доме «для зажиточных» средние сени разделяли две «крестовые» четырехкомнатные части, одну из которых владелец мог сдавать внаем. Новым здесь было размещение домов по красной линии, отсутствие подклета, детали фасадов.

В новой столице производится зонирование территории города на части, различные по характеру застройки: каменная и деревянная; застройка одно- и двухэтажными «образцовыми» домами; «изрядными» домами. Последние возводились на набережных, в наиболее парадной части города, строительство их было доступно лишь зажиточным слоям населения. «Образцовая» застройка улиц с разрывами между домами и объединением раздельно стоящих «образцовых» домов воротами и оградой создавала новый архитектурный облик регулярной улицы. Разрывы между домами служили вместе с тем хорошим средством против распространения пожаров, частых



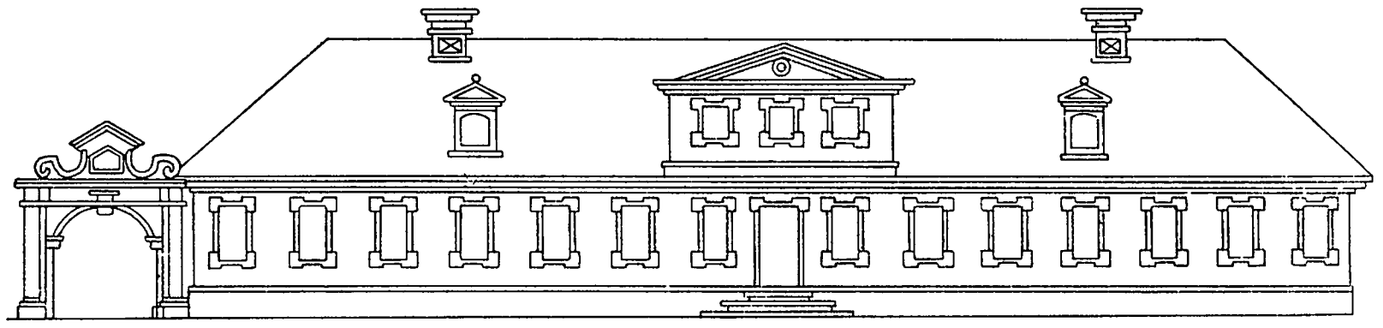
1

Дом «для именитых»



1

Дом «для подлых»

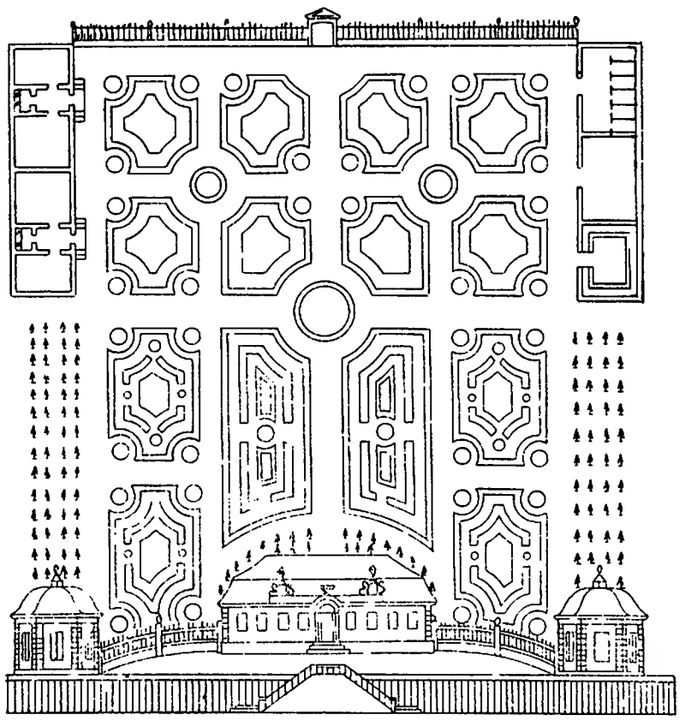


1

Дом «для зажиточных»

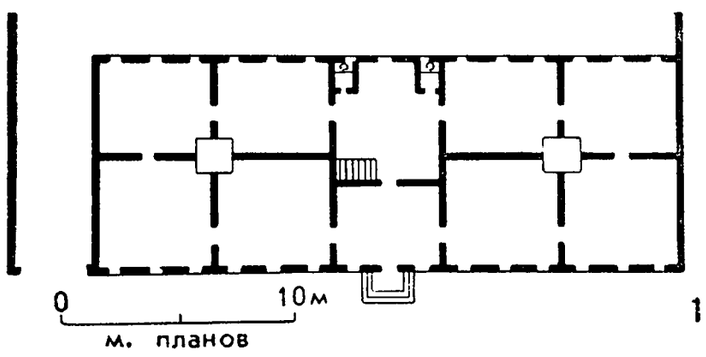
0 5 10 м

м. фасадов



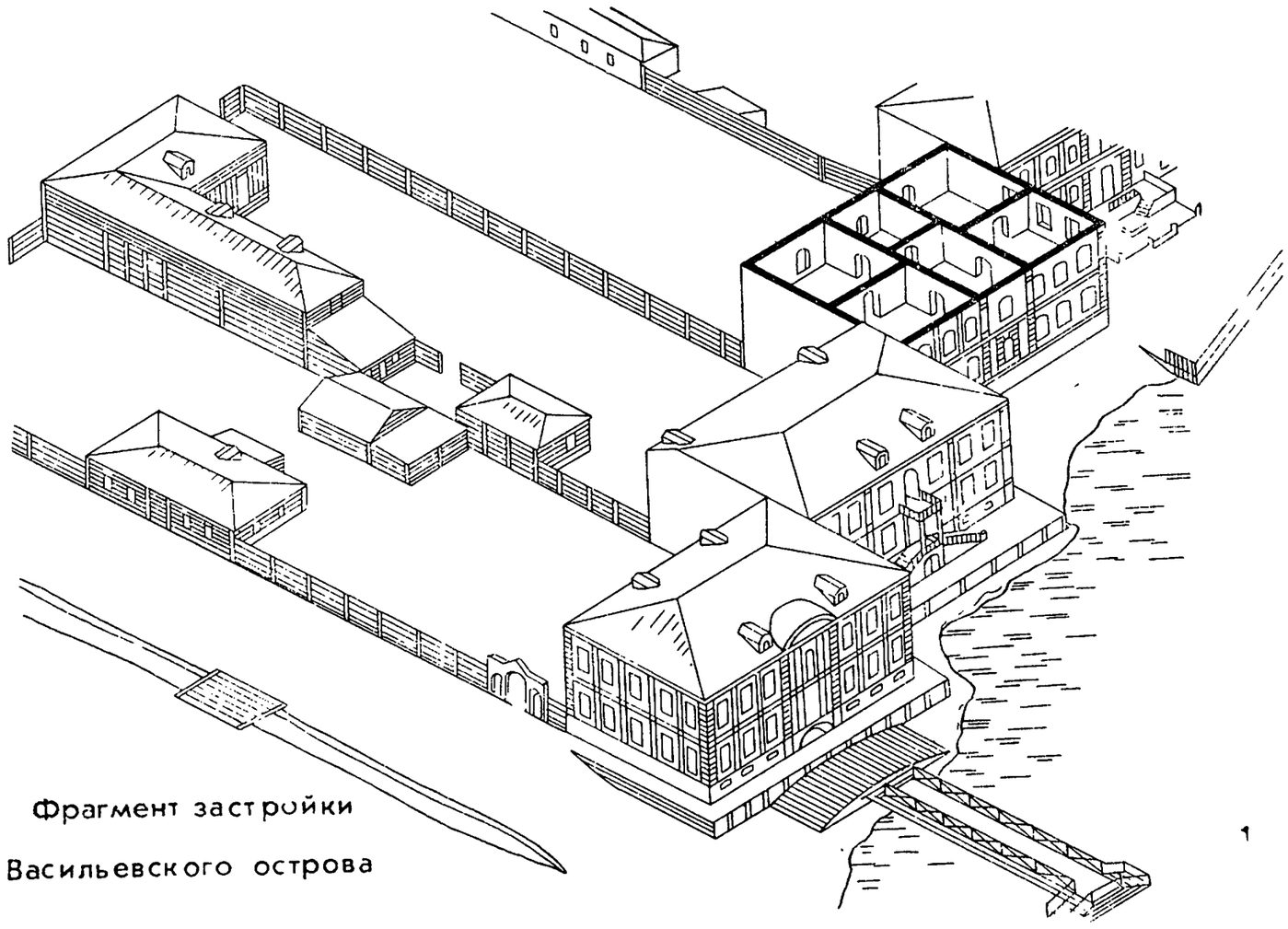
2

Загородный дом



1

м. планов



1

Фрагмент застройки Васильевского острова

3. Проекты образцовых домов: *1* — проекты 1714 г., арх. Д. Трезини; *2* — проект загородного дома, 1722 г.

при деревянной и мазанковой застройке города.

Наряду с этим широко использовался прием застройки улицы смежными «образцовыми» домами. Непрерывная застройка домами с фасадами, выходящими на улицу, рассматривалась как средство создания представительного облика улицы. Этот прием городской застройки требовал новой организации дворового участка, размещения второстепенных хозяйственных надворных построек в глубине его, тогда как жилой дом ставился на красной линии улицы; вход в дом устраивался также с улицы. Подобный прием не соответствовал строительной практике и организации участка жилого дома древней Руси, когда участок отгораживался от улицы глухими заборами

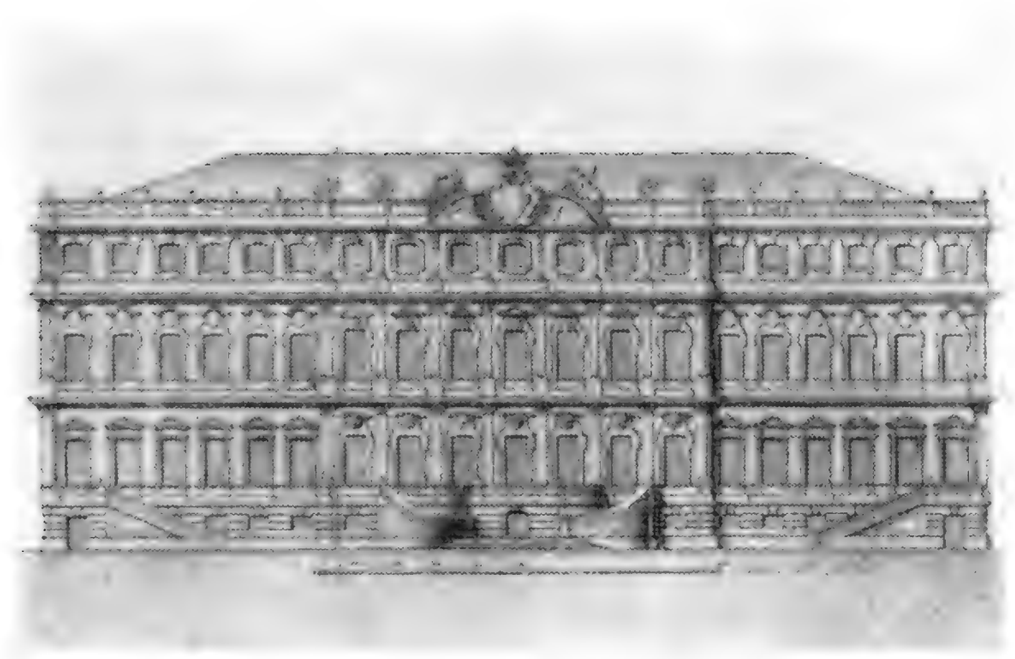
и служебными постройками, а жилой дом располагался в глубине его. Новая система застройки улиц отвечала идее создания архитектурного ансамбля города.

Жилая застройка столицы в это время по сравнению с прежней застройкой отличалась в планировочном и композиционном отношении регулярным характером, формами декоративного убранства. Регулярная передовая для своего времени застройка улиц «образцовыми» домами соответствовала характеру регулярной планировки города и явилась новым эстетическим началом в сложении архитектуры Петербурга первой трети XVIII в. Подобное художественно-композиционное единство не могло быть достигнуто сочетанием старой планировочной системы русских городов со строгим регулярным строем новой архитектуры петровского времени.

Наряду с массовой типовой застройкой необходимо было также создание представительной архитектуры столичного города. С этой целью осуществляется парадная застройка набережных Невы жилыми зданиями дворцового типа, а в узловых пунктах города возводятся крупные монументальные сооружения. Представительное жилое строительство Петербурга первой четверти XVIII в. — каменные жилые дома придворной знати (такие, например, как дом Меншикова на Васильевском острове, палаты Кикина близ Смольного двора, палаты Шафирова, дом князя Черкасского, рис. 4, и др.) — велось не по образцовым чертежам. Но характер архитектуры этих сооружений свидетельствовал о распространении принципов регулярности и на дворцовое строительство.

Новое в планировке домов дворцового типа заключалось в развитии парадных помещений, отодвинувших на второй план жилые; обязательным становится парадный центральный зал, что было обусловлено новым укладом жизни высших кругов общества (проведение ассамблей и т. п.). Изменение плана влияло на общую композицию здания и его фасадов. Архитектура богатого жилого дома в это время по сравнению со зданиями рядовой образцовой застройки отличалась представительностью интерьера, повышенной этажностью, богатством ордерных форм фасадов.

Для богатых жилых домов и крупных общественных зданий петровского времени было характерно завершение зданий фронтоном и применение в обработке фасадов фигурной скульптуры и барельефов. Входы и парадные помещения дворцовых зданий украшало богатое и пластичное декоративное убранство в духе барокко, например во дворце в Кадриорге близ Таллина (1718—1723, арх. Н. Микетти, ум. в 1759, и М. Земцов, 1688—1743). Типичны для петровского времени дворцы Меншикова на Васильевском острове и в Ораниенбауме (1710—1716 и 1711—1720, арх. М. Фонтана и Г. Шедель, 1680—1752).



4. Петербург. Дворец князя Черкасского, 1720-е гг., арх. П. М. Еропкин

В высоких и сложных по форме крышах этих дворцов выделялась средняя часть (и боковые павильоны во втором из них) при относительной плоскостности и однообразии обработки фасадов.

В начале XVIII в. обязательной принадлежностью столичных городских и загородных домов знати становится парк с регулярной планировкой — главное украшение дворцового ансамбля петровского времени, обогащающее скромную архитектуру дворца. Характерной чертой первого общественного парка России — Летнего сада с дворцом Петра (архитекторы Д. Трезини, А. Шлютер, Н. Микетти, М. Земцов) было сочетание регулярной планировки с богатым убранством его скульптурой, в чем сказалась одна из существенных стилистических черт архитектуры начала XVIII столетия. Летний дворец Петра представляет собой несколько измененный вариант «образцового» дома для именитых. Планировка дворца, как и его внешний вид, проста и хорошо проду-

мана. Внутренняя отделка комнат Летнего дворца Петра I — новая по тому времени. Композиция фасадов дома с рустованными углами и скромными наличниками окон обогащена барельефами, тематика которых отвечала новым идейным устремлениям эпохи. Своеобразна и характерна для этого периода постановка здания в ансамбле Летнего сада в стороне от главной аллеи (на берегу р. Фонтанки), что подчеркивало общественный характер сада.

В период «междуцарствия», в конце 1720-х — начале 1730-х гг., градостроительные работы в Петербурге прекратились. Вместе с тем это время отмечено началом деятельности первого поколения русских зодчих новой архитектурной школы, причем ведущая роль принадлежала здесь — И. Ф. Мичурину (1700—1763) в Москве, П. М. Еропкину (1690—1740), И. К. Коробову (1700—1747), а также М. Г. Земцову (1688—1743) в Петербурге. Когда Петербург вновь стал столицей государства, возобновилось строительство города. Но осуществление большинства градостроительных замыслов этих архитекторов в условиях экономической разрухи и национального гнета бироновщины оказалось невозможным.

После 1732 г. продолжалась регулярная застройка Петербурга при участии архитекторов Еропкина и Земцова. В 1737 г. был учрежден новый правительственный строительный орган — Комиссия Санкт-Петербургского строения во главе с Еропкиным. К функциям ее относились: перемежевание жилых участков для приведения в порядок запущенной застройки Петербурга, выбор мест для площадей и «казенных» зданий, необходимых растущему городу (административных, торговых, производственных и др.), составление точного плана города для дальнейшей разработки его генерального плана, составление свода строительных правил.

Одновременно предпринимались активные меры к расширению пришедшего в упадок производства строительных материалов.

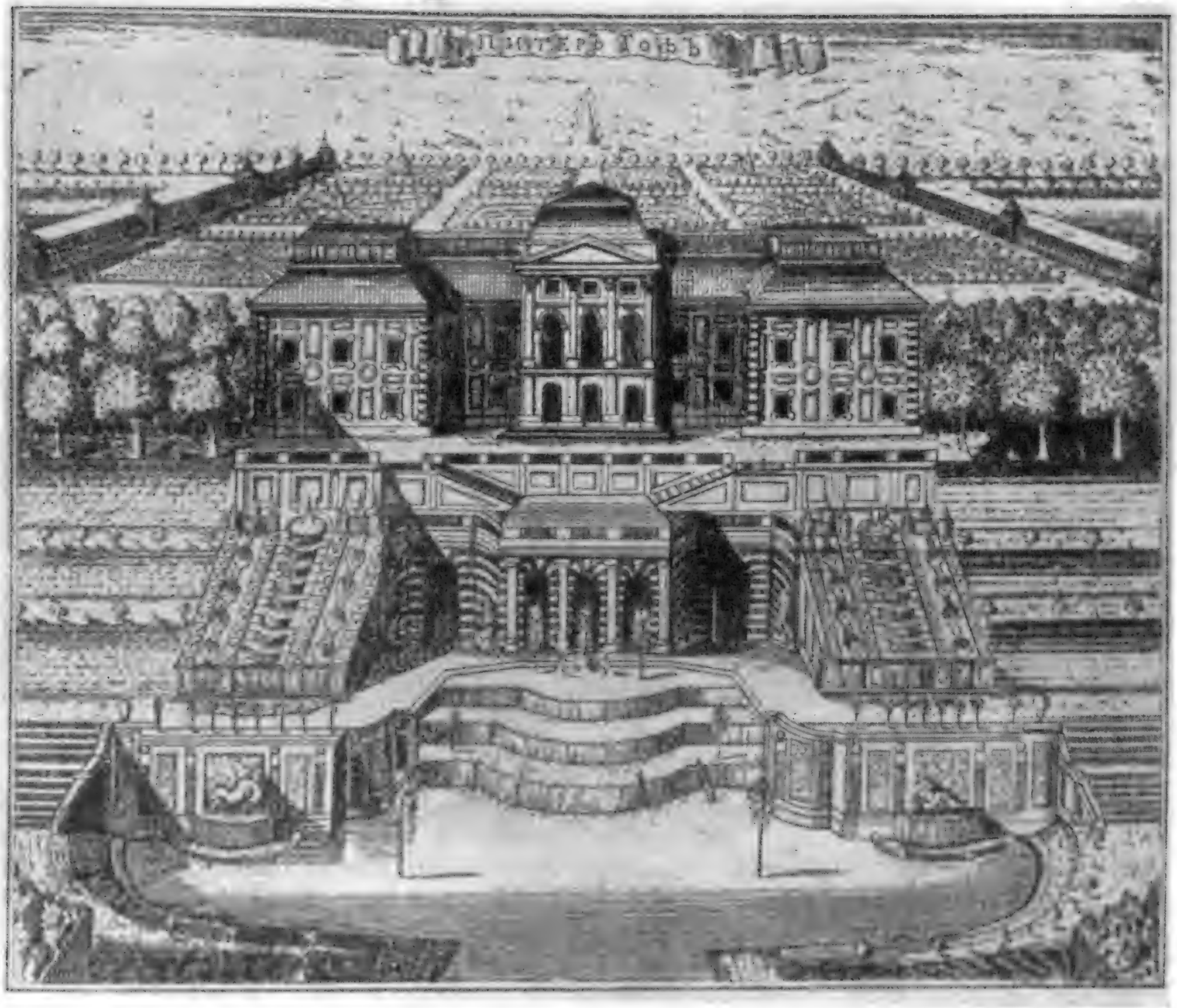
В этот период, когда начинает создаваться дворцовый центр на Адмиралтейской части, здесь предоставляются участки «знатным чинам, которые строили бы неубогое строение». Вновь находит применение метод жилой застройки петровского времени по «образцовым» чертежам. «Образцовая» застройка в это время допускала известную гибкость — при определенной схеме планировки жилого участка и композиции жилого дома можно было по-разному варьировать элементы схемы. Изменялась и планировка «образцовых» домов, обогащалась композиция их плоскостно трактованных фасадов.

При упорядочении планировки увеличившегося города со строительством мостов, пристаней, новых улиц разрешалась и проблема коммуникаций. В более сложной системе разрабатываемого в 1730 г. генерального плана Петербурга городская площадь стала рассматриваться как необходимый планировочный элемент общественного назначения. Казенные здания, торговые ряды, производственные и складские помещения, съезжие дворы и т. п., размещаемые в частях города, разобщенных водными просторами, трактовались в проектах Комиссии как опорные сооружения города.

К этому времени относится разработка Еропкиным планировки Адмиралтейской части и перестройка Коробовым адмиралтейской башни, что значительно повысило ее ведущую композиционную и идейно-художественную роль в архитектуре Петербурга. Высотная композиция адмиралтейской башни стала наряду с Петропавловской колокольней новым архитектурно-организующим центром столицы.

Последним крупным градостроительным замыслом рассматриваемого периода был относящийся уже к 1750-м гг. неосуществленный проект Дворцовой площади арх. В. В. Растрелли (1700—1771). В этом проекте площади перед Зимним дворцом Растрелли развил планировочные идеи зодчих Петербурга 30-х гг., превратив прилегающую ко дворцу территорию Адмиралтейского луга в окруженную двойной колоннадой, парадную городскую площадь. При этом зодчий ориентировал подходы к площади на монумент Петра I, запроектированный в ее центре. Площади помимо прямого назначения (подъезд ко дворцу) отводилась самостоятельная архитектурно-организующая роль в планировочной системе центра города. С именем Растрелли связано крупное дворцовое строительство.

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (Франческо Бартоломео), (1700—1771) — крупнейший русский архитектор середины XVIII в.,



5. Петергоф. Большой дворец, 1714—1728 гг. (гравюра И. Зубова)

по происхождению итальянец. Родился и провел юность в Париже, в 1716 г. переехал в Россию. Благодаря исключительной одаренности и работоспособности зодчий стал крупнейшим представителем русского барокко середины XVIII в., построив множество выдающихся сооружений. Среди сохранившихся произведений Растрелли: дворцы в Елгаве (1738—1763), в Рундале (1736—1763), Большой дворец в Петергофе (1747—1752), Большой дворец в б. Царском Селе (ныне г. Пушкин) (перестройка 1752—1757), дворцы Строганова (1752—1754), Воронцова (1749—1757), Зимний дворец (1754—1764), ансамбль Смольного монастыря (1748—1764) в Петербурге. Растрелли принадлежит проект (1747—1748) Андреевской церкви в Киеве, а также много не сохранившихся к настоящему времени сооружений.

Творчество Растрелли, отвечавшее социальному заказу дворянства, имело более глубокое общественное значение.

Мастерство Растрелли как архитектора формировалось под воздействием традиций русского зодчества конца XVII в. и русской архитектурной школы 1720—1730 гг. Вместе с тем Растрелли был хорошо знаком с современной ему зарубежной архитектурной практикой. Творчество Растрелли отражает эстетические идеалы времени, а праздничный и торжественный облик произведений зодчего наиболее ярко характеризует стилистический этап барокко в развитии русской архитектуры.

С 1747 г. Растрелли работает над перестройкой дворца в Петергофе (рис. 5), природные условия диктовали здесь иную, чем в более ранних дворцах, композицию и другой планировочный масштаб дворца — с большой протяженностью фасадов. Дворцы в Рундале и Петергофе характеризуют ранний период творчества Растрелли. В композиции боковых павильонов Петергофского дворца (корпуса «под гербом» и дворцовой церкви) можно видеть творче-

скую переработку архитектурного наследия Москвы предшествующего времени. В интерьере петергофского дворца зодчий использует мотивы рококо при простых планировочных формах дворца, что и в дальнейшем станет характерной чертой растреллиевской трактовки интерьера. В этом проявилось отчасти значение классической основы творчества мастера и влияние зодчества петровского времени.

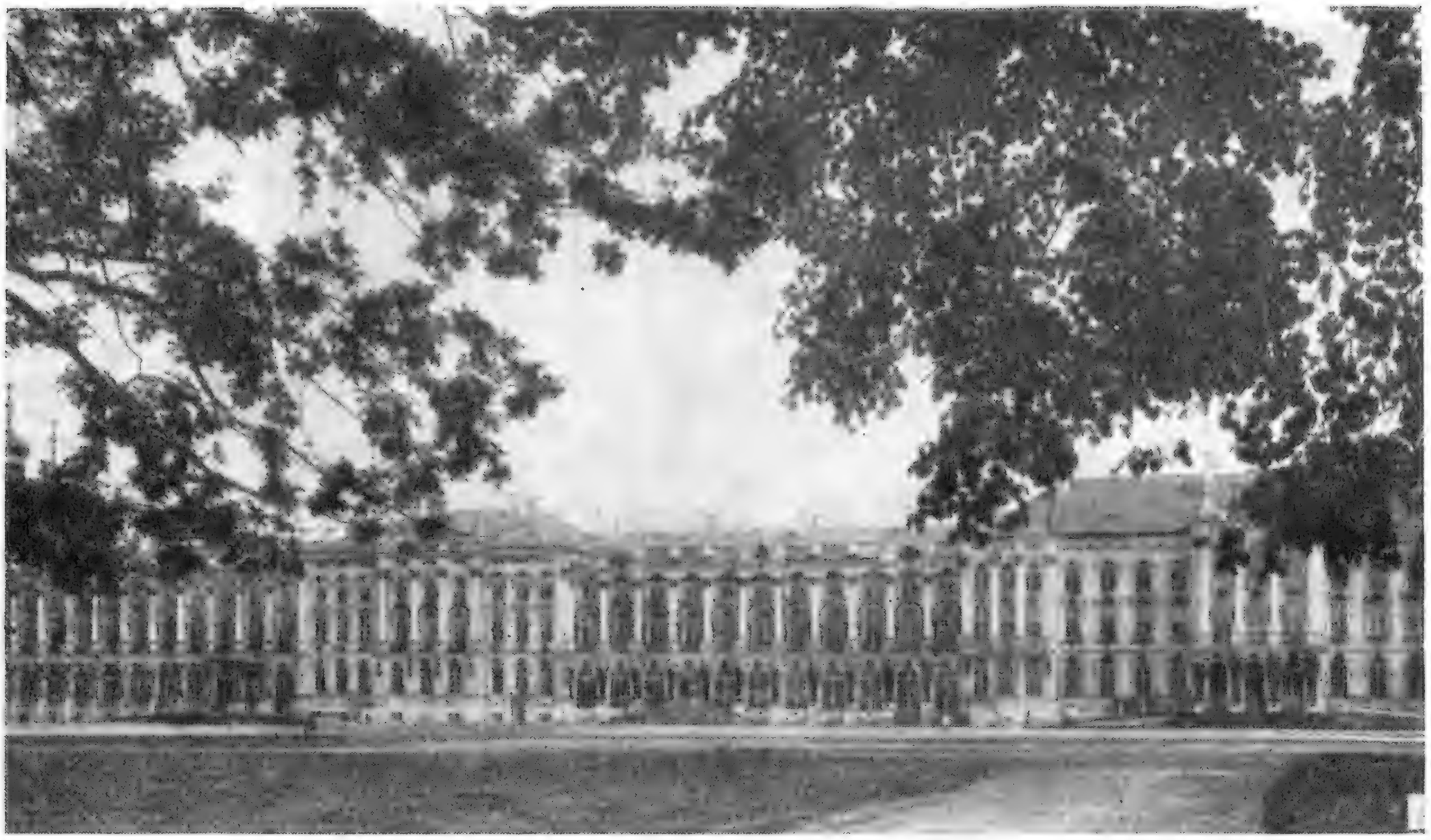
К 1752—1757 гг. относятся работы Растрелли по перестройке дворцового комплекса, созданного ранее Андреем Квасовым (середина XVIII в.) в Царском Селе. Уже в первоначальной постройке (Квасова) дворец выделялся значительной протяженностью, главный вход в него располагался в центре общего симметричного построения. При перестройке дворца Растрелли осуществляет принципиально новый замысел — протяженность сооружения выступает как главное композиционное начало построения архитектурного объема дворца, так как продольная ось здания представляет собой основную пространственную координату в его плане и фасаде (рис. 6). Протяженность анфилады парадных помещений служит ведущим художественным началом в архитектуре парадного интерьера дворца.

Монументальный объем Царскосельского дворца — архитектурная доминанта всего дворцово-паркового ансамбля; симметричная осевая система портиков и мотив непрерывной колоннады «галерей» вдоль всего здания как бы закрепляют в фасаде дворца основные пространственные координаты генерального плана регулярного парка. Ордерное «великолепие» дворца проявилось в богатстве ритмических модуляций ордера при строгости общей композиции ордерной системы фасада. Ее тектоническая осмысленность, ясность ордерных членений и цвет стали средством, выявляющим мощную ордерную пластику фасада, а многочисленная скульптура — как бы элементом ордера в фасаде дворца, усиливающим эмоциональность его архитектурного облика (рис. 7).

Основу внутренней планировки дворца составляет регулярная, симметрично-осевая (относительно продольной оси дворца) композиция анфилады парадных помещений дворца. Многочисленные залы дворца, имеющие богатое и своеобразное убранство, представляют собой звенья единого анфиладного пространства парадного интерьера и выявляют гигантский масштаб ее протяженного пространства. Вместе с тем впечатляет простота и четкость общего построения пространства анфилады, прямоугольность очертания залов, ясность их пропорций. Пластическое богатство декоративной отделки залов достигнуто с помощью деревянной позолоченной резьбы — основного средства отделки залов дворца, что отвечало художественным традициям русского зодчества конца XVII и начала XVIII в.

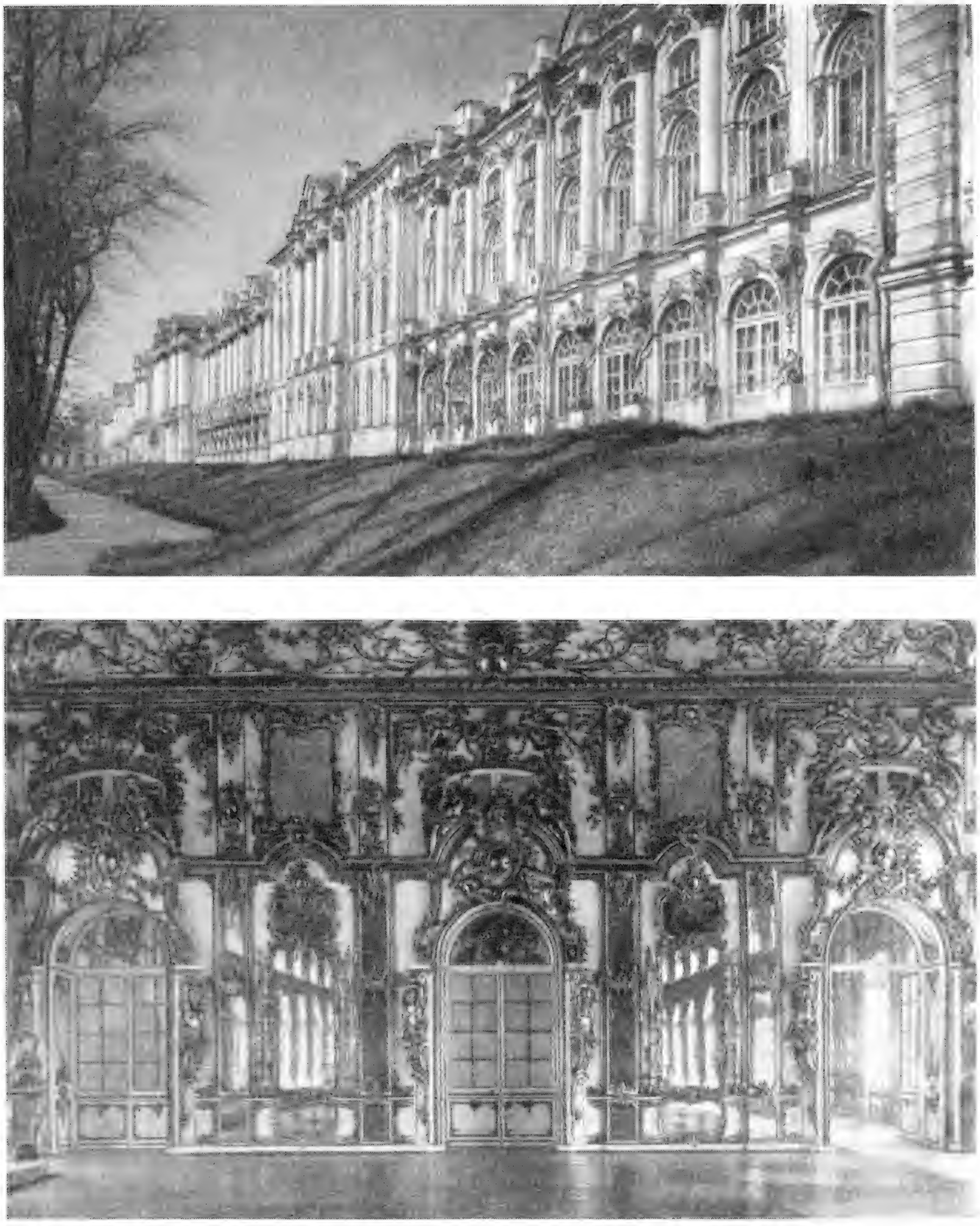
Значительная часть сооружений Растрелли построена в Петербурге. Растрелли участвовал в застройке прежней «пригородной» дворцовой зоны на Фонтанке, где им возведены Летний дворец Елизаветы, дворец Воронцова. Общая композиция Летнего дворца Елизаветы, идущая от планировочной схемы Версальского дворца, включала подъездной парадный двор-площадь и осевой подъезд ко дворцу. Центральный зал дворца был связан с Летним садом как с регулярным парком. Другая дворцовая усадьба столицы, выстроенная Растрелли, — дворец Воронцова (с парком, также выходившим на берег Фонтанки). Генеральный план Воронцовского дворца типичен для усадебной композиции дворцовых зданий середины XVIII в. Парадный двор здания образуется корпусами боковых флигелей, а регулярный парк расположен по другую сторону центрального корпуса. Особенность Воронцовского дворца заключается в композиции главного корпуса с тремя ризалитами и проездом, расположенным по центру. Проезд ведет во внутренний замкнутый дворик, который обстроен пониженными корпусами с открытой террасой, обращенной в сторону парка. Главный корпус находится в глубине парадного двора, отделенного от улицы чугунной оградой — одной из лучших барочных решеток Петербурга (рис. 8, *1*).

В 1752—1754 гг. Растрелли строит на Невском проспекте богатый дом-дворец Строганова. Это уже иная композиция богатого городского дома, поставленного по красным линиям улиц (рис. 8, *2*). Дворец представляет собой расположенные Г-образно корпуса с дворцовыми флигелями, образующими парадный внутренний двор, въезд в который сделан с Невского проспекта. Такой центральный парадный въезд послужил основой композиции фасада,

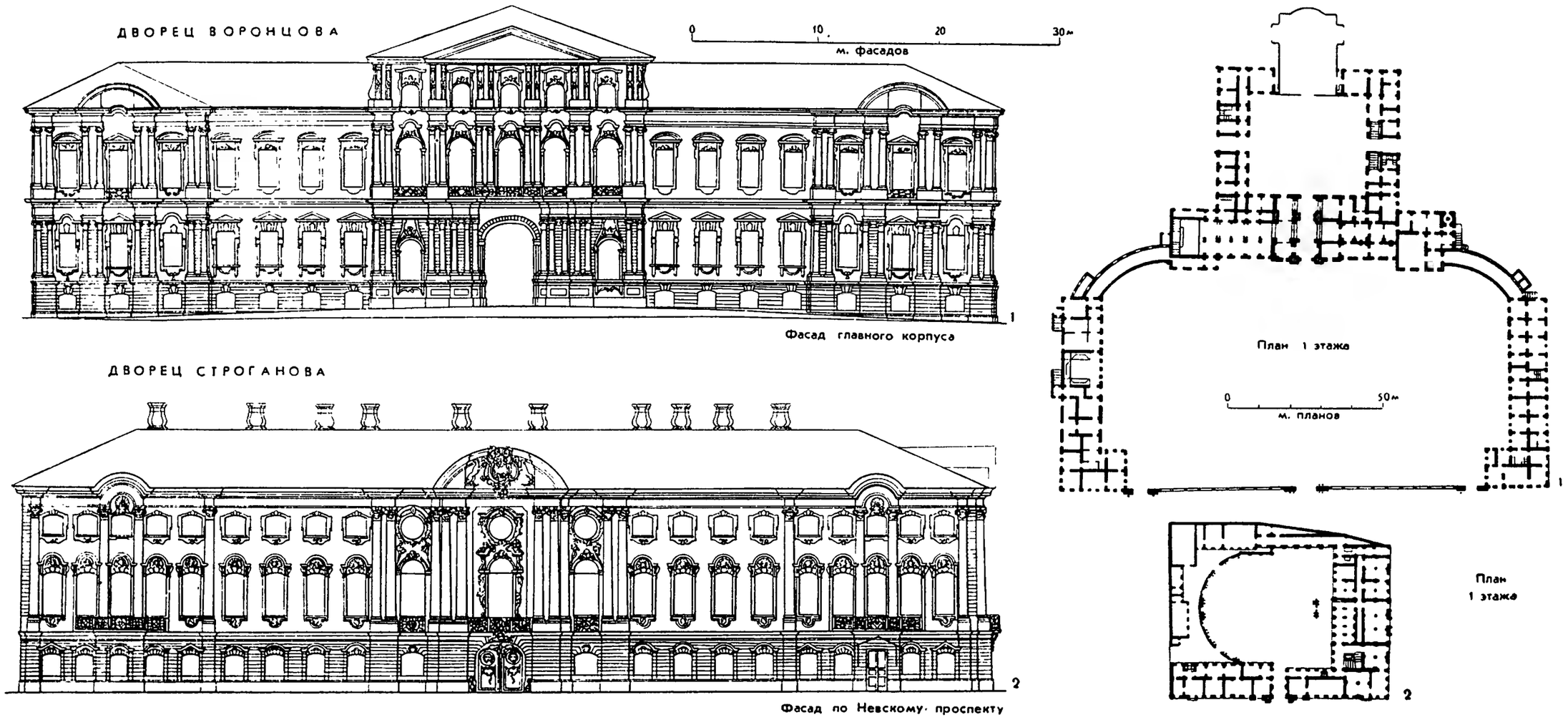


6. Царское Село. Большой дворец (строительство началось в 1718 г., в 1752—1757 гг. дворец был заново перестроен с включением старых частей), арх. В. В. Растрелли. Вид со стороны парадного двора, генеральный план, фрагмент фасада, план 2-го этажа

выходящего на главный проспект. Строгановский дворец — это новый планировочный тип здания в крупном жилом строительстве Петербурга середины XVIII в. Композиция фасадов дворца Строганова отличается высоким художественным совер-



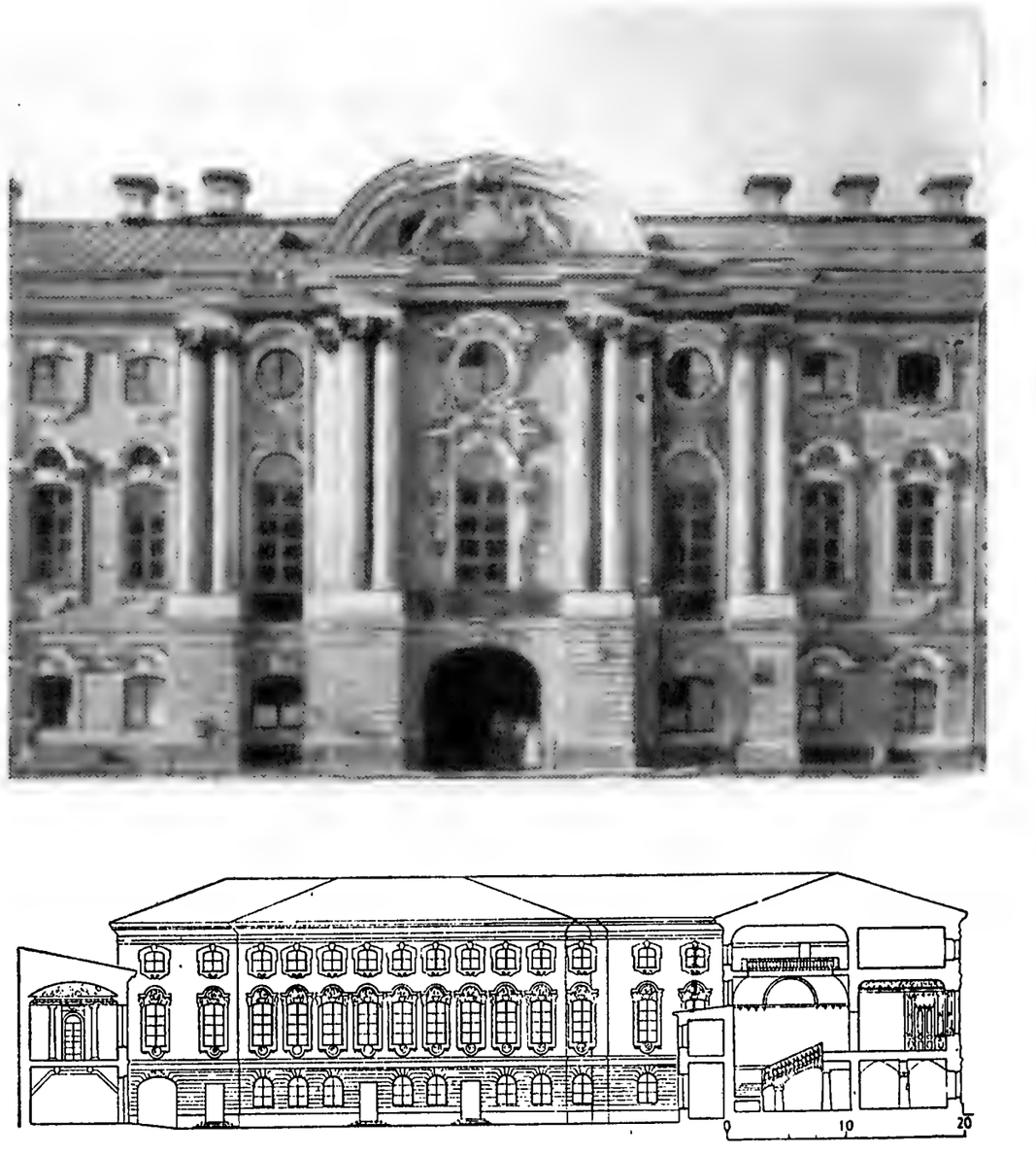
7. Царское Село. Большой дворец. Вид со стороны парка, тронный зал (фрагмент)



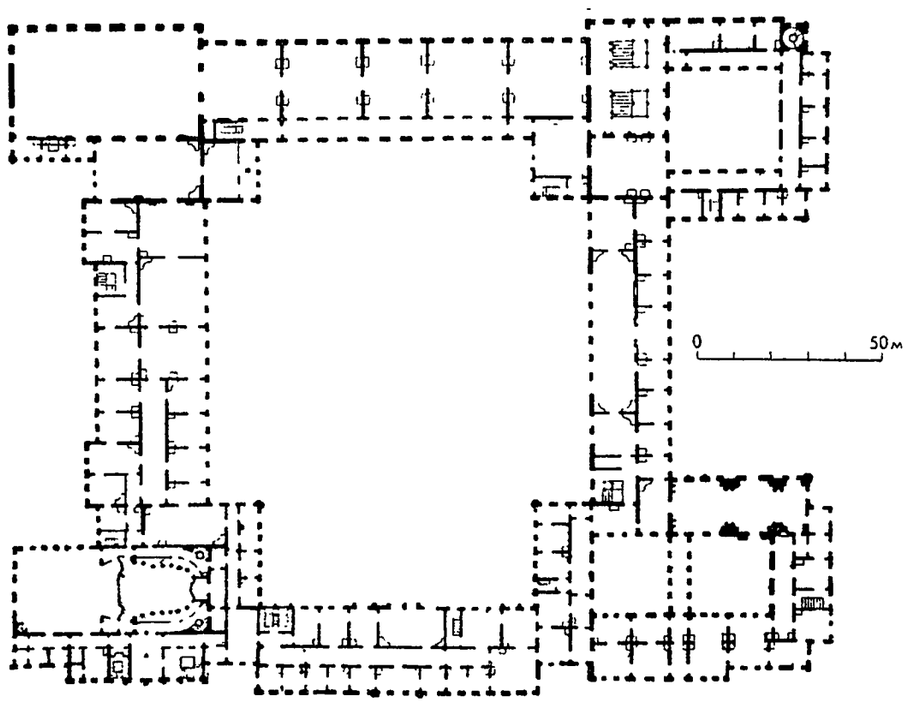
8. Петербург: *1* — дворец Воронцова, 1749—1757 гг., арх. В. В. Растрелли (в плане контуром показана Мальтийская капелла, 1796—1800 гг., арх. Д. Кваренги); *2* — дворец Строганова, 1752—1754 гг., арх. В. В. Растрелли

шенством, здесь верно найдены пропорции целого и деталей, колонны гармонично сочетаются с пластикой других архитектурных деталей (рис. 9).

В 1754—1764 гг. Растрелли ведет строительство Зимнего дворца. Первоначальный Зимний дворец, построенный Растрелли еще в 1735 г., или так называемый третий Зимний дворец, не имел единой системы плана, так как его планировочная структура сложилась в результате постепенного объединения ряда последовательно возводимых зданий. Представительный дворцовый центр столицы не мог быть создан при сохранении старого здания Зимнего дворца. Трехлучевая система городского плана и расположение Зимнего дворца в стороне от главной улицы города — Невского проспекта исключали возможность осуществления в Петербурге ансамбля с тупиковой площадью и дворцом, служившим композиционным завершением главных направлений города. Разрабатывая композицию нового здания Зимнего дворца, Растрелли исходил из конкретных градостроительных условий Петербурга, учитывал особенности обращенной к Неве центральной зоны города. Он стремился создать многосторонне раскрытую композицию дворца. Градостроительная концепция зодчего заключалась в том, что Зимний дворец рассматривался как объемная архитектурная доминанта центра столицы. При



9. Петербург. Дворец Строганова, 1752—1754 гг., арх. В. В. Растрелли. Центральная часть фасада и разрез по двору



10. Петербург. Зимний дворец, 1754—1764 гг. арх. В. В. Растрелли. План 2-го этажа

этом Растрелли использовал разработанную им еще во дворце в Рундале композицию здания с периметральной застройкой и центрально расположенным проездом во двор (рис. 10). Замкнутая типологическая схема кареобразного здания-блока в Зимнем отличается последовательным раскрытием архитектуры дворца в «круговом обходе». Характерны двусторонняя ориентация дворца к городу и к Неве, отвечающая архитектурному главенству здания в ансамбле центра города, и значительная протяженность главных фасадов дворца, выявляющая великолепие его архитектуры.

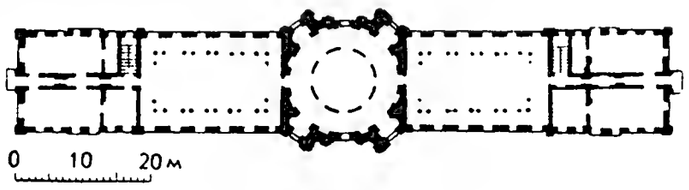
В композиции Зимнего дворца, подобно Воронцовскому дворцу, сказалась особенность дворцовых сооружений того времени — сочетание в плане центрального въезда во дворец и сквозной анфилады главных залов. Торжественный въезд играет важную роль в композиции фасада со стороны площади (рис. 11), а анфилада — в композиции Невского фасада дворца. Это определило принципиальное различие их построения — акцентировку середины фасада, обращенного к площади, и флангов фасада, ориентированного к Неве. В Зимнем дворце Растрелли с исключительным мастерством использовал возможности ордера. Колонны в различных сочетаниях хорошо выявляют вовне тектонику объемного строя сооружения. Группировка колонн оттеняет основные членения его плана. Особенность растреллиевской трактовки ордерных форм в Зимнем дворце проявляется в сильном их рельефе и цветовом противопоставлении ордера стене. Пластика колонн, трактованных здесь как своеобразный «белокаменный» ордерный декор стены, отражает развитие на новой художественной основе традиций и ордерных приемов архитектуры Москвы конца XVII — начала XVIII в.

Строительство общественных и административных зданий в Петербурге относится главным образом к первой трети столетия. Одно из крупных общественных сооружений столицы — здание Кунсткамеры — центра русской науки петровского времени, поставленное на парадном участке набережной Васильевского острова. Строилось оно с 1718 по 1734 г. арх. И. Маттарнови (ум. в 1719), Н. Гербелем (ум. в 1724), Г. Киавери (1689—1770) и М. Земцовым. Возведение Кунсткамеры было продолжением застройки берегов Невы (в ее наиболее широкой части), начатой сооружением Петропавловского собора и Адмиралтейства. Высотные композиции в центре города — Адмиралтейство и Кунсткамера, стали взаимосвязанными опорными сооружениями на Неве. Олицетворявшие Флот и Науку, они служили парадными пропилеями столицы при въезде в нее с моря.

План Кунсткамеры прост. К центральному помещению симметрично справа и слева примыкают боковые корпуса. В боковых корпусах находились библиотека, выставочный зал и в противоположных отдаленных концах — научные кабинеты. Центральный восьмигранный объем Кунсткамеры — это ярусная башенная композиция (рис. 12), означавшая новый шаг в развитии типа общественного здания в русской архитектуре, хотя и сходная с башенными общественными сооружениями предшествующего времени (с такими, например, как московские Земский приказ на Красной площади, Сухарева башня и т. д.).

Обработка фасадов башни проста и характерна для архитектуры первых сооружений Петербурга. Фасад здания на всю высоту членится пилястрами, которые в нижнем ярусе башни обработаны рустами. Первоначально помещения научных кабинетов выделялись на фасаде типичными для своего времени фигурными барочными фронтонами. В общей композиции представительного сооружения, в его симметричных фасадах четко выявлена функциональная целесообразность планового решения здания. Важнейшей частью его была обсерватория, которая распола-

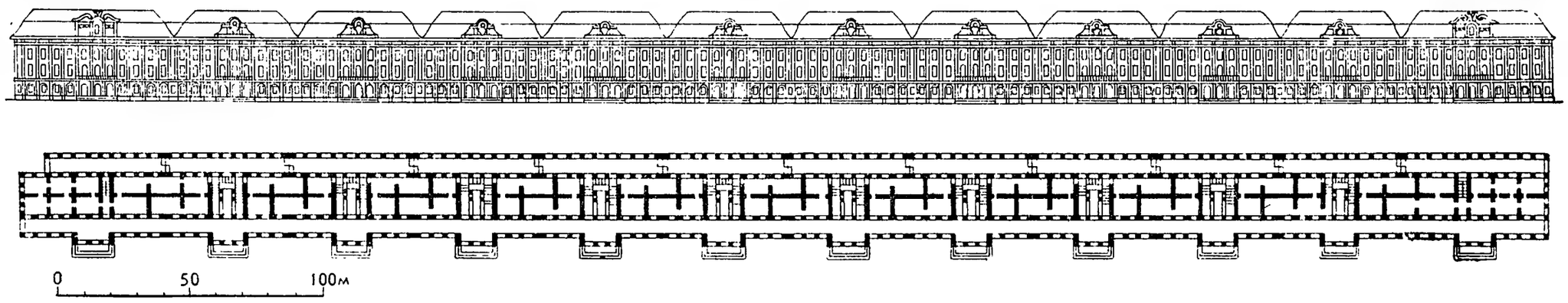
11. Петербург. Зимний дворец. Общий вид с Дворцовой площади, фрагмент фасада со стороны Адмиралтейской площади



12. Петербург. Кунсткамера, 1718—1734 гг., архитекторы И. Маттарнови, Н. Гербель, Г. Киавери, М. Г. Земцов. Главный фасад и план 2-го этажа (по гравюре Г. Качалова)

галась в центральной башенной части сооружения.

Здание Двенадцати коллегий, строившееся с 1722 по 1742 г. под руководством архитектора Д. Трезини, может служить примером правительственного здания, характеризующего стилевое направление архитектуры этого времени.



13—14. Петербург. Здание Двенадцати коллегий, 1722—1742 гг., арх. Д. Трезини. Фасад секции, торцовый фасад, фасад и план 1-го этажа

15. Петербург. Петропавловский собор, 1712—1733 гг., арх. Д. Трезини (при участии И. Устинова). Колокольня, 1712—1723 гг., арх. Д. Трезини

Здание расположено рядом с Кунсткамерой торцом к набережной Невы и ограничивает собой большую площадь на стрелке Васильевского острова, которая первоначально планировалась как центральная площадь города. Здание большой протяженности (около 600 *м*) состоит из 12 повторяющихся одинаковых по планировке секций — коллегий. Каждая из секций перекрыта самостоятельной кровлей с фигурным фронтоном в центре.

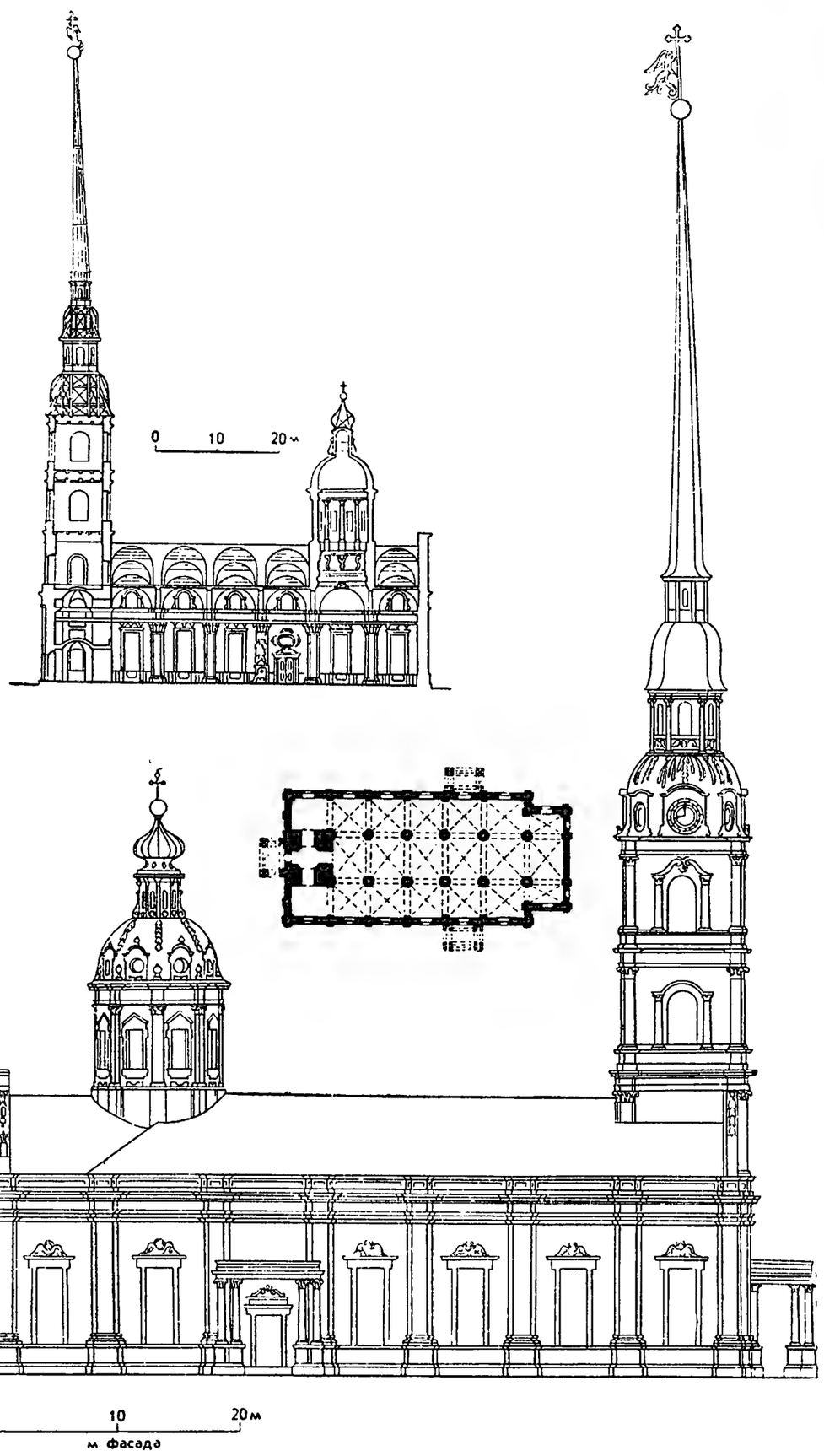
Такое построение допускало дальней-

шее наращивание цепи равнозначных звеньев композиции сооружения (идея, поданная самим Петром I).

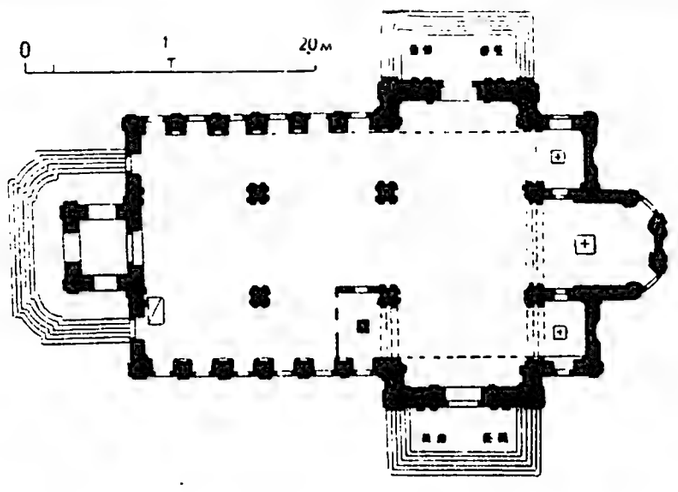
Фасады здания коллегий, отвечая построению плана, членятся входными выступами каждой из секций. Благодаря стандартному элементу входного выступа, многократно повторяемому, создается композиционный мотив протяженного здания, расчлененного пилястрами. Первый этаж здания имеет рустовку, свойственную сооружениям петровского времени (рис. 13—14).

В здании коллегий удачно применено в новых исторических условиях традиционное построение плана, основанное на композиционных приемах древнерусских приказов. Система простых пилястр-антов — ведущий ордерный мотив фасада здания, ритмически согласованный с объемными членениями его звеньев — коллегий. Ордерное членение фасада с сильно выступающими базами пилястр и их раскрепованным завершением подчеркивает представительность фасада. Строгость тектонической логики ордерных форм здания Двенадцати коллегий, как и здания Кунсткамеры, сочетается с барочной пластичностью фасада.

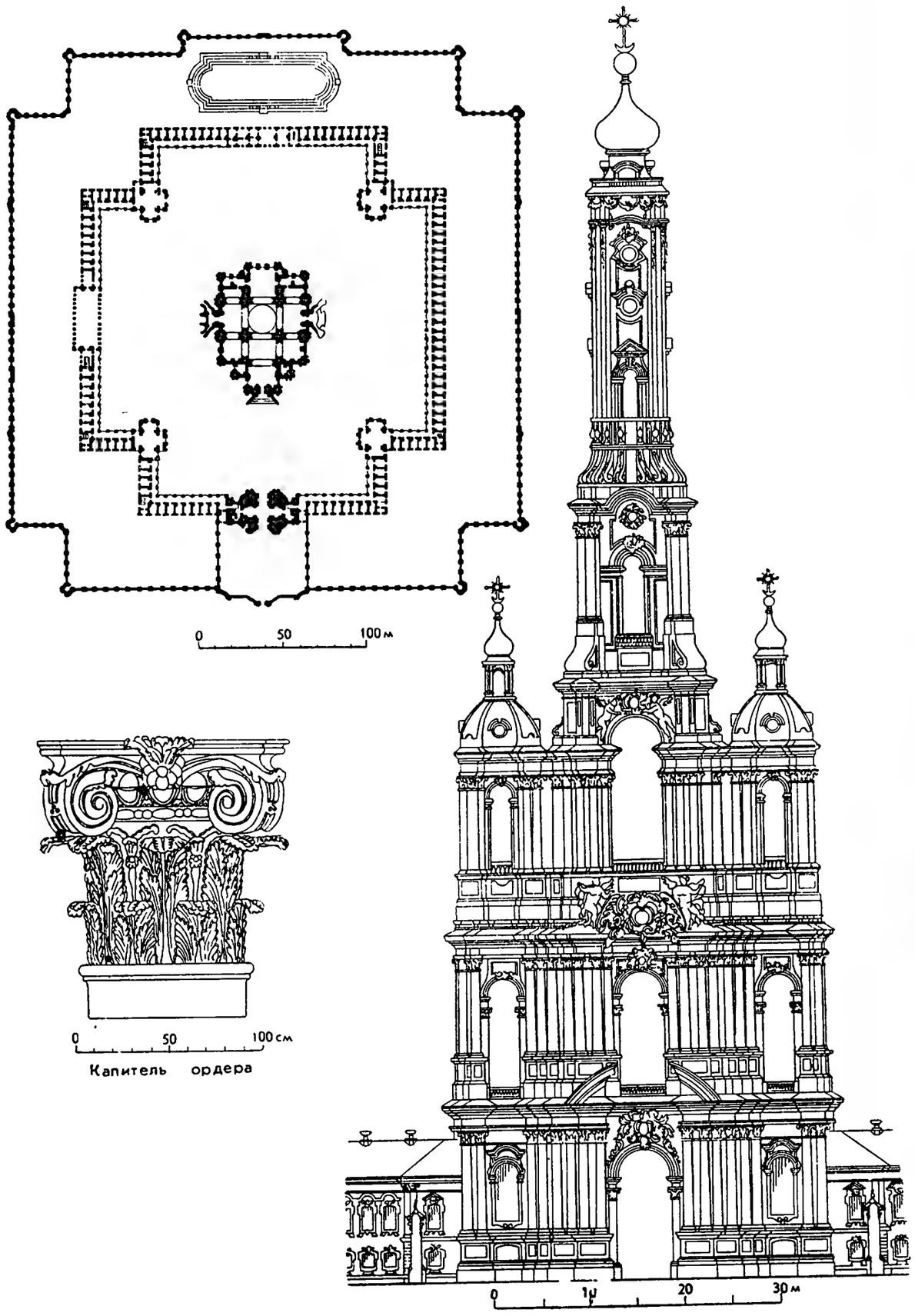
Крупнейшим монументальным культовым сооружением Петербурга петровского времени был Петропавловский собор, по-



16. Петербург. Петропавловский собор. Продольный разрез, северный фасад



17. Петербург, церковь Симеона и Анны, 1729—1734 гг., арх. М. Г. Земцов, реставрация 1951—1954 гг., арх. В. С. Масленников. Общий вид с юго-востока и план (фото В. С. Масленникова)

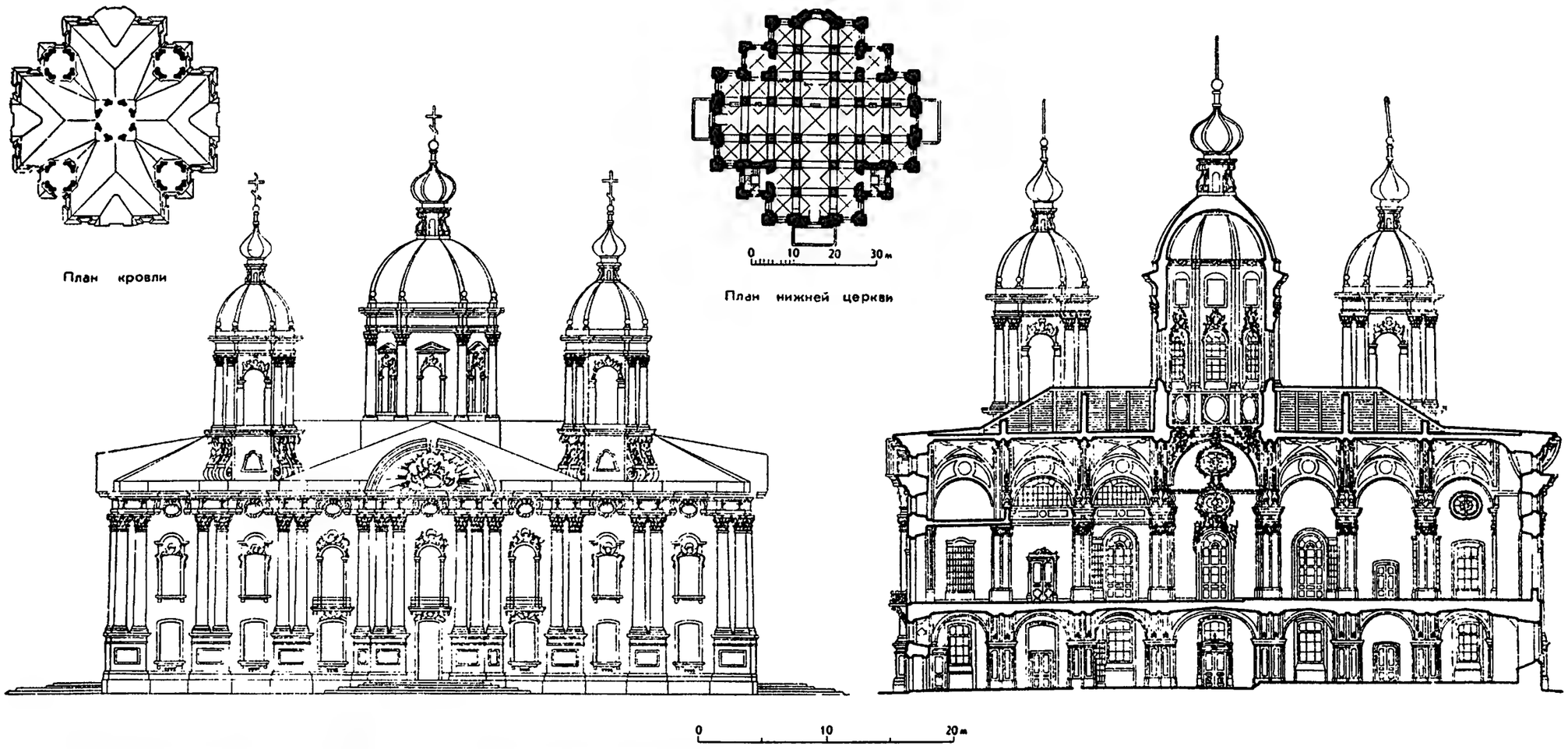


18. Петербург. Смольный монастырь, 1748—1764 гг., арх. В. В. Растрелли. Генеральный план, капитель ордера 1-го этажа собора, вариант проекта колокольни, вид собора с запада

Конструкция этого шпиля, первоначально деревянная, — результат решения сложной инженерной задачи. В колокольне воплотилась идея создания в новой столице своеобразного триумфального столпа, подобного колокольне Ивана Великого.

Петропавловский собор стал как бы символом утверждения петровских преобразований (этим объясняется известная поспешность Петра при сооружении колокольни). В отличие от колокольни тип Петропавловского собора, трехнефной базилики, чуждой русским традициям и формам культа, в дальнейшем не получил развития. Уже возведение петербургской церкви Симеона и Анны (1729—1734, арх. М. Земцов, рис. 17) означало возврат к старому типу церкви с трапезной и колокольней с запада, а в церквах Петергофского и Большого царскосельского дворцов Растрелли применил свойственную XVII в. схему бесстолпной пятиглавой церкви с сомкнутым сводом. Церкви больших размеров (собор Смольного монастыря того же Растрелли или московская Климентов-

строенный арх. Д. Трезини в 1712—1733 гг. в Петропавловской крепости — первоначальном ядре города (рис. 15). Общая объемно-пространственная композиция сооружения определялась его функциональным назначением и местом расположения — собор находился на острове среди низких берегов полноводной Невы. Собор имеет трехнефный базиликальный план и простые объемные формы с куполом над предалтарной частью. Особенность сооружения — высокая (около 120 *м*) четырехъярусная колокольня, возвышающаяся над западной частью собора, завершенная высоким позолоченным шпилем (рис. 16).



19. Петербург. Никольский военно-морской собор, 1753—1762 гг., арх. С. И. Чевакинский. Планы, западный фасад, продольный разрез, фрагмент фасада

ская церковь) — пример того, как по-новому трактовался еще более древний тип четырехстолпной пятиглавой крестовокупольной церкви.

Церковные сооружения Растрелли свидетельствуют об умелом использовании зодчим традиций древней русской архитектуры, творческой переработке им старорусских образцов на основе новых конструктивных возможностей и эстетических требований стиля.

Крупнейшее культовое сооружение зодчего — грандиозный ансамбль Смольного монастыря в Петербурге (1748—1764, рис. 18). Это один из наиболее ярких памятников периода барокко в русской архитектуре XVIII в.

Повышенная эмоциональность, определенная ритмическая насыщенность, многоплановость композиции главного собора, его крупный масштаб, богатство и динамика ордерных форм сочетаются с ясностью общего тектонического строя сооружений комплекса. Композиция ансамбля Смольного отличается четкостью и выразительностью объемного строя, сложностью силуэта. Отчетливо выявляется связь архитектуры Смольного собора с церковной архитектурой Москвы конца XVII в. (в частности, с такими сооружениями, как храм Успения на Покровке, Николы Большой Крест на Ильинке и др.). Планировочной канвой композиции Смольного послужила типологическая схема традиционного на Руси монастырского комплекса, который трактуется здесь по-новому. Цент-

ральное сооружение монастыря — Воскресенский собор расположено в центре грандиозного двора, образованного протяженными корпусами келий. Двор имеет форму квадрата с внутренними уступами по углам, которые акцентированы четырьмя одинаковыми малыми купольными храмами. Очертания двора повторяет ограда, на линии которой перед западным фасадом собора предполагалось возвести высокую колокольню, как об этом можно судить по сохранившейся модели.

Характерные черты стиля середины XVIII в. проявились и в других церковных сооружениях Растрелли: Андреевской церкви в Киеве (1747—1748), проекте реконструкции шатра в Воскресенском соборе монастыря Новый Иерусалим под Москвой.

Интересный образец культового зодчества — Никольский военно-морской собор в Петербурге (1753—1762, арх. С. И. Чевакинский).

Чевакинский Савва Иванович (1713—1770) — выдающийся русский архитектор. В период 1741—1767 гг. он был главным архитектором Адмиралтейств-коллегии в Петербурге, где и протекала его творческая деятельность; в 1755—1758 гг. — архитектором Академии наук, а с 1745 по 1760 г. — архитектором Царского Села. Здесь он выстроил павильон «Монбижу»; участвовал в строительстве павильона «Эрмитаж» и Большого дворца, впоследствии перестроенных В. Растрелли.

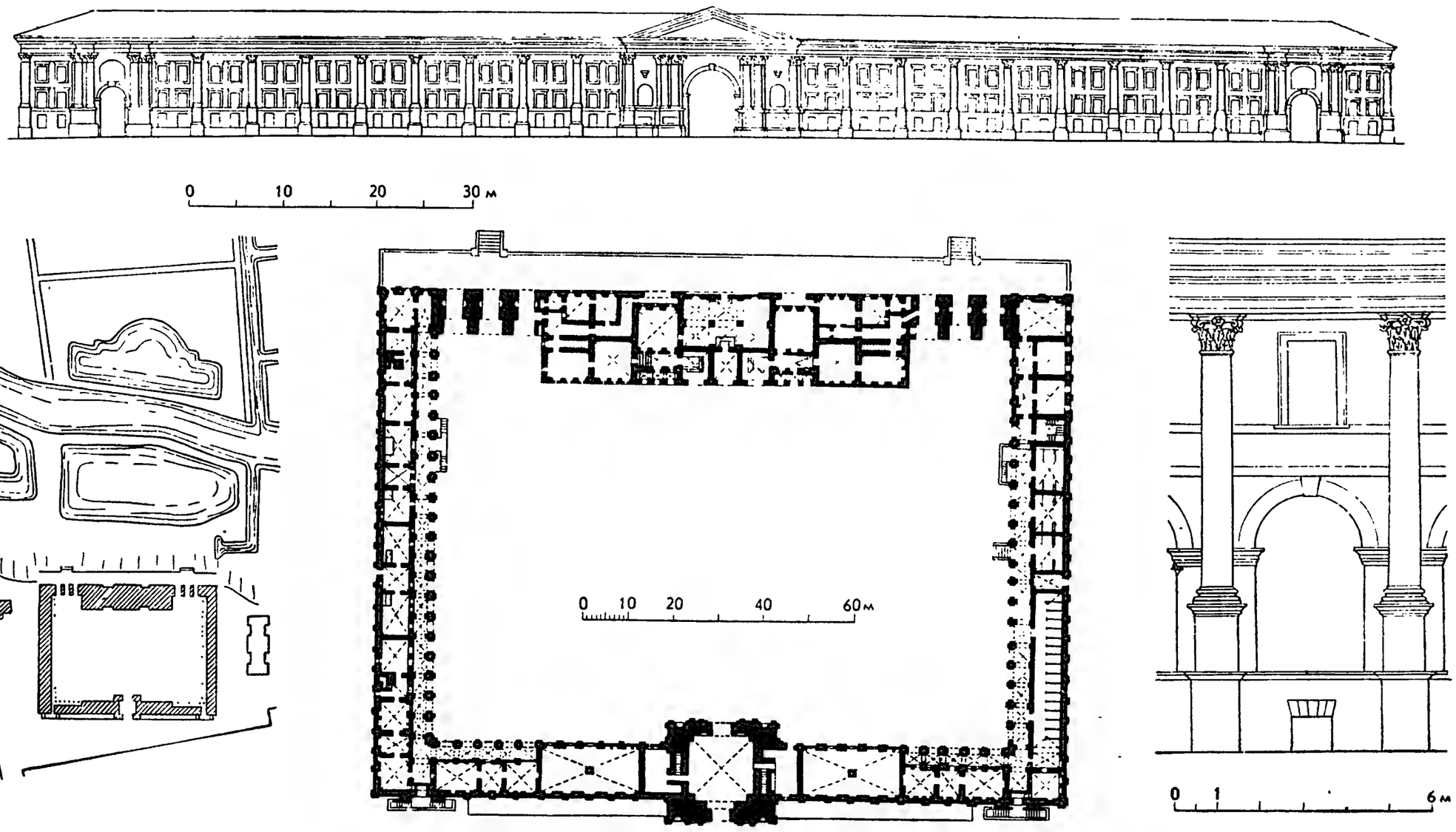
Кроме Никольского военно-морского собора (1753—1762) с колокольней (1756—1758) Чевакинский построил дворцы Шереметевых на Фонтанке (1750—1752, совместно с Ф. С. Аргуновым) и Шувалова. Крупный мастер архитектуры барокко, С. Чевакинский как профессор Академии художеств оказал влияние на творчество ряда крупнейших зодчих последующего поколения (В. И. Баженова, И. Е. Старова).

Никольский военно-морской собор — грандиозное сооружение, своеобразное по плановому решению и по объемно-пространственной композиции (рис. 19). План его представляет собой равноконечный крест с внутренними углами, заполненными дополнительными помещениями, над которыми расположены четыре перекрытых куполами малых барабана пятиглавия. Интерьер сооружения напоминает светский многоколонный зал; это впечатление усиливают огромные окна и балконы, придающие зданию сходство с дворцовыми сооружениями. Усложненное объемное построение, мощное пятиглавие храма, барочные детали фасадов оттеняют своеобразие трактовки Чевакинским традиционного типа пятиглавого храма.

2. АРХИТЕКТУРА МОСКВЫ

Крупные государственные преобразования начала XVIII в., коснувшиеся всех сторон русской жизни, нашли свое отражение и в архитектуре Москвы первой половины XVIII в. Появились новые, неизвестные ранее типы зданий, новые приемы и методы строительства. Но исторически сложившийся усадебный характер планировки и застройки Москвы, устойчивые традиции ее зодчества послужили причиной слабого распространения новых архитектурных форм и приемов, регулярного строительства по «образцовым» проектам, сыгравшим важную роль в первоначальной застройке Петербурга. Не привилась в Москве и система «сплошной застройки», так как при усадебном расселении здесь стало традиционным расположение жилого дома в глубине участка, хотя градостроительные требования и в Москве диктовали размещение жилых домов с симметричной композицией фасадов по красной линии.

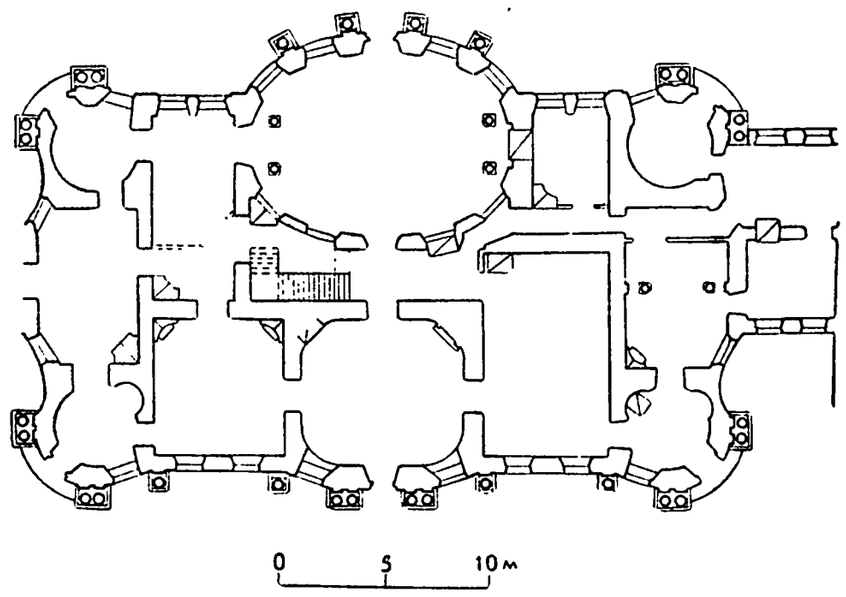
Вместе с тем в жилой застройке Москвы происходили известные прогрессивные изменения. В частности, в жилой рядовой застройке города первой четверти XVIII в. получили распространение деревянные оштукатуренные дома, сходные в основных чертах с «образцовыми домами», предназначенными для низших слоев населения. Жилые дома, возводимые зажиточной частью населения Москвы, имели более сложную планировку, состояли из нескольких комнат различного назначения. В этих домах появляются парадные комнаты, окончательно становятся симметричными общая композиция и планировка, фасады компонуются в соответствии с регулярными планами. В композициях фасадов все шире применяются пилястры, фронтоны, фигурные наличники окон, повторяющие в упрощенном виде декоративное убранство зданий дворцового типа. Но в новых условиях уже с конца XVII в. начали изживать себя приемы композиции дворцовых комплексов предшествующего времени, представляющих собой живописное сочетание различных по величине самостоятельных объемов. Перед зодчими встала задача создать новый тип представительного дворцового здания, отвечающий требованиям регулярности сооружения, простой по объемной композиции, построенной на основе ордера.



20. Москва. Лефортовский дворец в Немецкой слободе, 1697—1698 гг., арх. Д. Аксамитов (дворец достраивался с 1707 г. арх. М. Фонтана). Центральный корпус — фасад со стороны въезда, генеральный план, план 1-го этажа, фрагмент фасада галереи

Из дворцовых сооружений Москвы выделяется Лефортовский дворец. В 1707 г. этот дворец перешел во владение А. Меншикова, который предпринял широкую перестройку его с целью расширения. К старой части дворца, возведенной зодчим Дм. Аксамитовым в конце XVII в., архитектор М. Фонтана пристроил протяженные трехэтажные корпуса, образовавшие обширный прямоугольный внутренний двор (рис. 20). Первый этаж корпусов со стороны двора имеет открытую аркаду. Парадный въезд во двор, расположенный в центре корпуса, выходящего на красную линию улицы, перекрыт аркой и отмечен фронтоном. Фасады новых корпусов дворца ритмично расчленены пилястрами и отличаются скромным декоративным убранством.

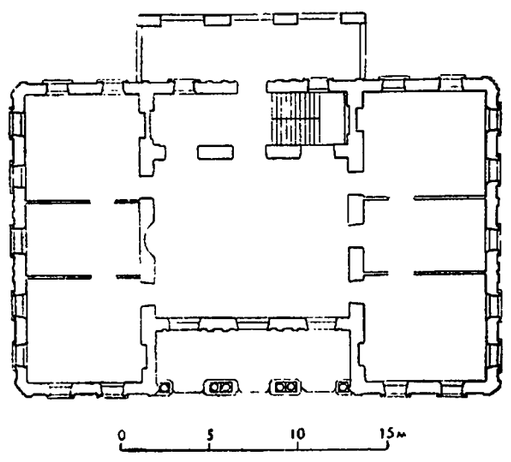
В новой части дворца Меншикова в Лефортове сохраняется много традиционных особенностей. Любопытно сходство плана Лефортовского дворца с построением древнерусских гостиных дворов, для которых типичным был план в форме замкнутого



21. Москва. Дом Апраксиных, 1760-е годы. Вид со двора, план 2-го этажа

5. Петербург. Смольный монастырь. Воскресенский собор, 1748—1764 гг., арх. В. В. Растрелли. Фото *П. А. Тельтевского.*

6. Кижи. Церковь Преображения, 1714 г. Вид с северо-востока. Фото *П. Н. Максимова.*



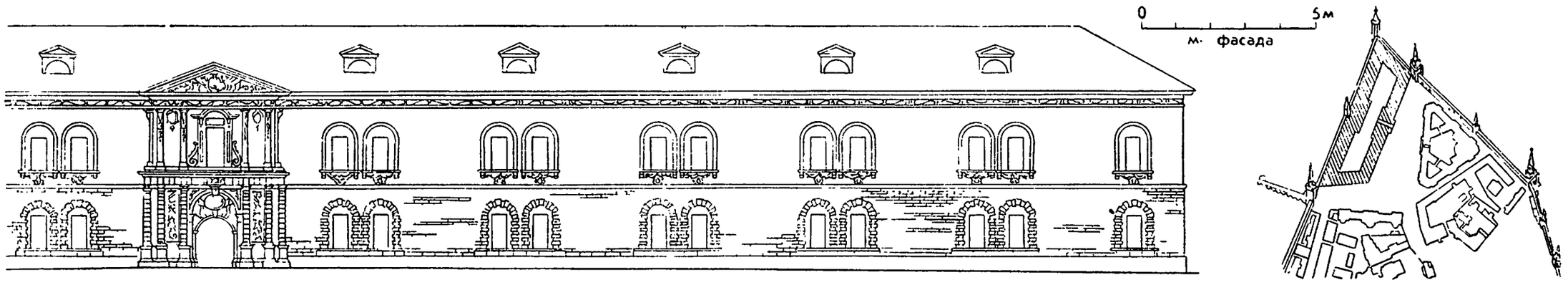
22. Усадьба «Глинки», после 1726 г. Главный дом— фасад, план 2-го этажа, окно

прямоугольника с помещениями, выходившими на открытую галерею большого внутреннего двора. Свойственные подобным сооружениям скупость декоративного убранства и замкнутость плана в известной мере проявились и в композиции новой части Лефортовского дворца. Дворец с суровыми наружными стенами, первоначально не имевшими штукатурки и покраски, казался полукрепостным сооружением.

Ряд дворцовых зданий Москвы строился из дерева (Анненгоф, арх. Растрелли, 1730—1731) или с использованием частей старых зданий (Кремлевский дворец того же архитектора). Ни один из деревянных дворцов не сохранился.

Крупное здание Москвы дворцового типа — дом Апраксиных у Покровских ворот, выстроенное в 1760 г. Главный корпус и боковые флигели сначала были частью городской усадьбы, включавшей небольшой сад в глубине участка. Дом с симметричным построением плана состоит из ряда анфиладно расположенных парадных помещений. Центральный зал и угловые комнаты дома имеют усложненные овальные очертания. Композиция фасадов дома Апраксиных типична для богатых жилых домов дворцового типа середины XVIII в. Первый этаж отделен горизонтальной тягой от двух верхних этажей, которые объединены на фасадах большим коринфским ордером; парадный второй этаж выделен более богатым декоративным убранством (рис. 21). От богатых домов Петербурга середины XVIII в. дом Апраксиных отличается усложненным в плане очертанием парадных помещений, крупными элиптическими в плане выступами центральной части фасадов дворца, сильной пластикой общего объемного построения.

Среди подмосковных загородных дворцов этого времени интересен главный дом в имении Я. Брюса «Глинки» с геометрически правильной планировкой, своеобразным размещением дома в усадебном ансамбле (дом построен после 1726 г.). Дворец двухэтажный с боковыми ризалитами и средней двухэтажной лоджией, соответствующей вестибюлю и парадному залу над ним. Рустованные столбы с арками и парные колонны этих лоджий очень выигрывают от соседства с гладкими стенами и плоскими наличниками окон, украшенными рустовкой и резными маскаронами внизу и лучковыми фронтонами наверху (рис. 22).

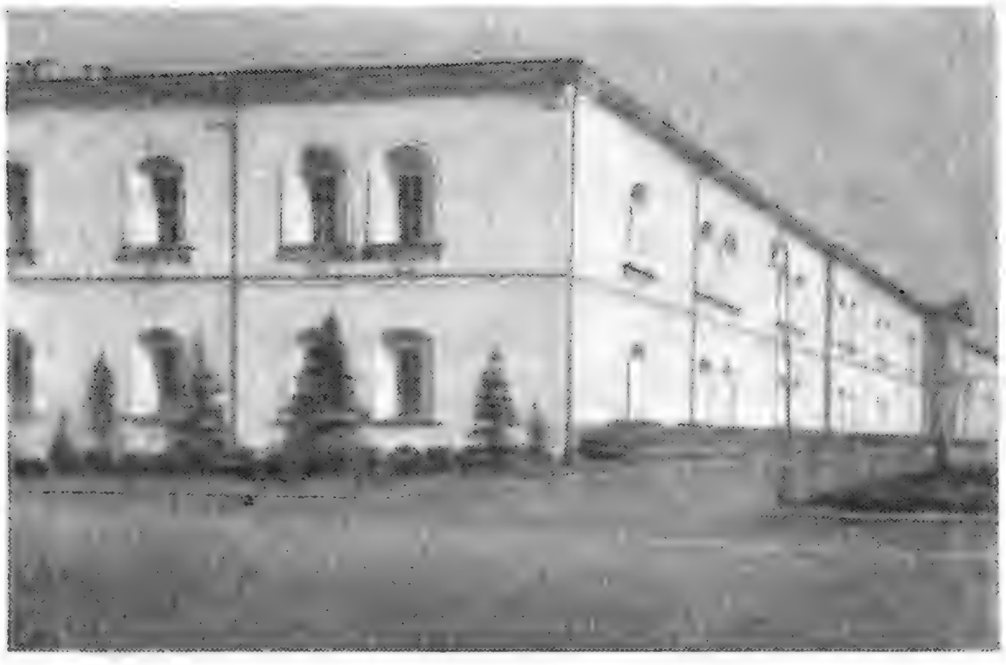


23. Арсенал в Московском Кремле, 1702—1736 гг., архитекторы Д. Иванов, Х. Конрад и др. Фрагмент фасада и генеральный план

Крупнейшее сооружение Москвы петровского времени — Арсенал (рис. 23) начали строить в 1702 г., но вскоре строительные работы были прерваны, окончание строительства относится к более позднему времени. Здание Арсенала с внутренним двором, расположенное в северной части Кремля, непосредственно у кремлевских стен, имеет в плане форму растянутой трапеции.

Трудно судить о первоначальном замысле зодчих Д. Иванова и Х. Конрада, изменившемся, вероятно, за длительный период возведения Арсенала, но можно отметить следующие особенности этого колоссального здания, намечавшего новую тенденцию развития русской архитектуры своего времени, — его градообразующее значение, протяженность ритмично скомпонованных фасадов (рис. 24), единство их композиции, четкое выделение центра в виде богато оформленного главного входа.

Крупное триумфальное сооружение Москвы — Красные ворота были построены в 1753—1757 гг. арх. Д. В. Ухтомским (рис. 25).



24. Арсенал в Московском Кремле

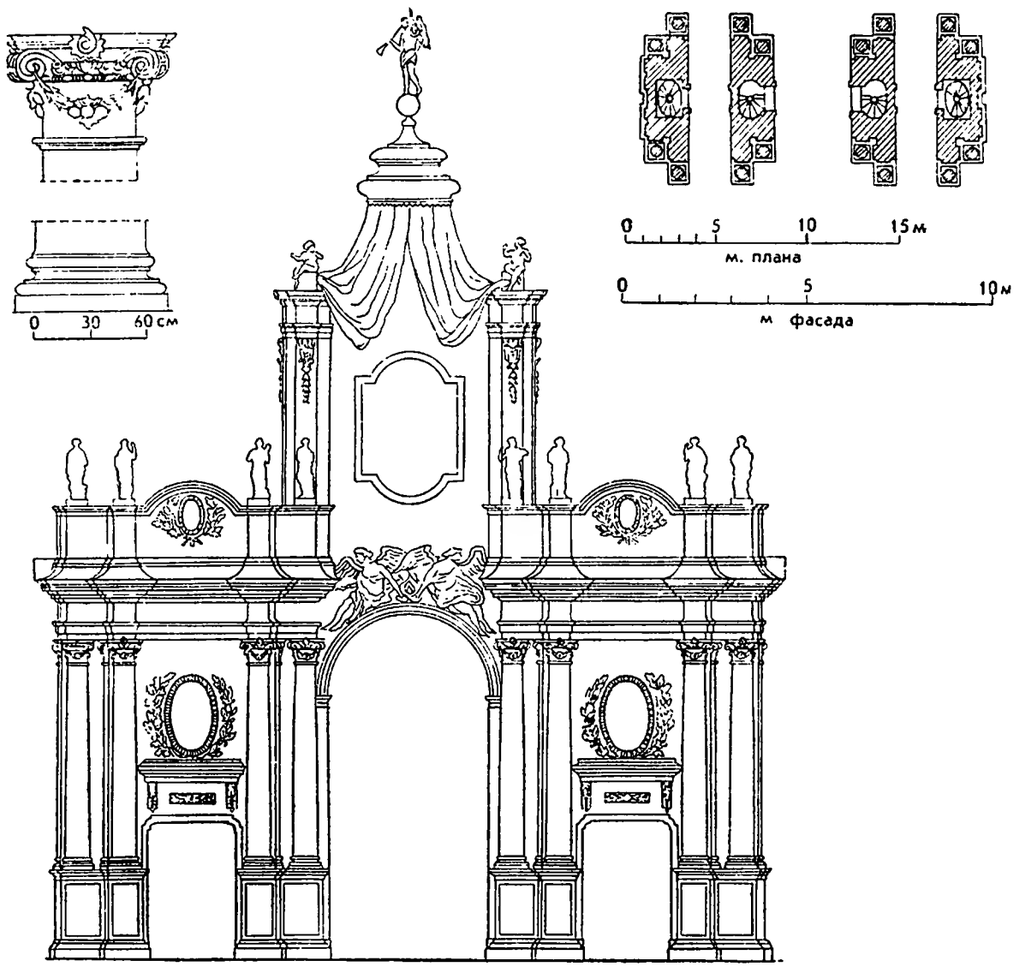
Ухтомский Дмитрий Васильевич (1719—1775) — один из крупнейших русских архитекторов XVIII в. После окончания «Школы математических и навигационных наук» работал помощником архитектора у И. Ф. Мичурина, И. К. Коробова, а с 1745 г. был городским архитектором Москвы. В условиях преобладания усадебной системы жилой застройки улиц он разрабатывал тип парадного городского дома. Регулярная планировка такого дома с подъездным двором и выступающими службами представляла собой переработку элементов дворцовой архитектуры, применительно к задачам московского строительства.

Ухтомский руководил созданной им архитектурной школой и «командой» — своеобразным творческим коллективом — и своей педагогической деятельностью оказал большое влияние на формирование поколения зодчих русской классической архитектурной школы (в том числе М. Ф. Казакова и др.). Он автор осуществленного проекта колокольни Троице-Сергиевой лавры (1741—1770), каменных «Красных ворот» (1753—1757) в Москве, проекта грандиозного Госпитального и Инвалидного дома в Москве (1759) и др.

Здания, выстроенные и спроектированные Д. В. Ухтомским, характеризуют его как крупного мастера русского барокко.

Повторив в камне общую композицию деревянных Триумфальных ворот, выстроенных в 1742 г. по проекту арх. Земцова, Ухтомский создал новое монументальное сооружение, несколько изменив прототип, — Красные ворота возвели на новом, более высоком месте, на пересечении двух широких улиц.

Интересный архитектурный замысел Ухтомского — проект неосуществленной башни Воскресенских ворот, которые предполагалось сделать парадным въездом на Красную площадь Москвы со стороны Тверской улицы. Высокая (около 80 *м*) четырехъярусная башня, задуманная зодчим как триумфальное сооружение, намечала пути реконструкции центра города — Красной площади. В проекте Воскресенской башни Ухтомский развивал монументальные формы старорусских надвратных сооружений, близкие архитектуре Москвы конца XVII в.



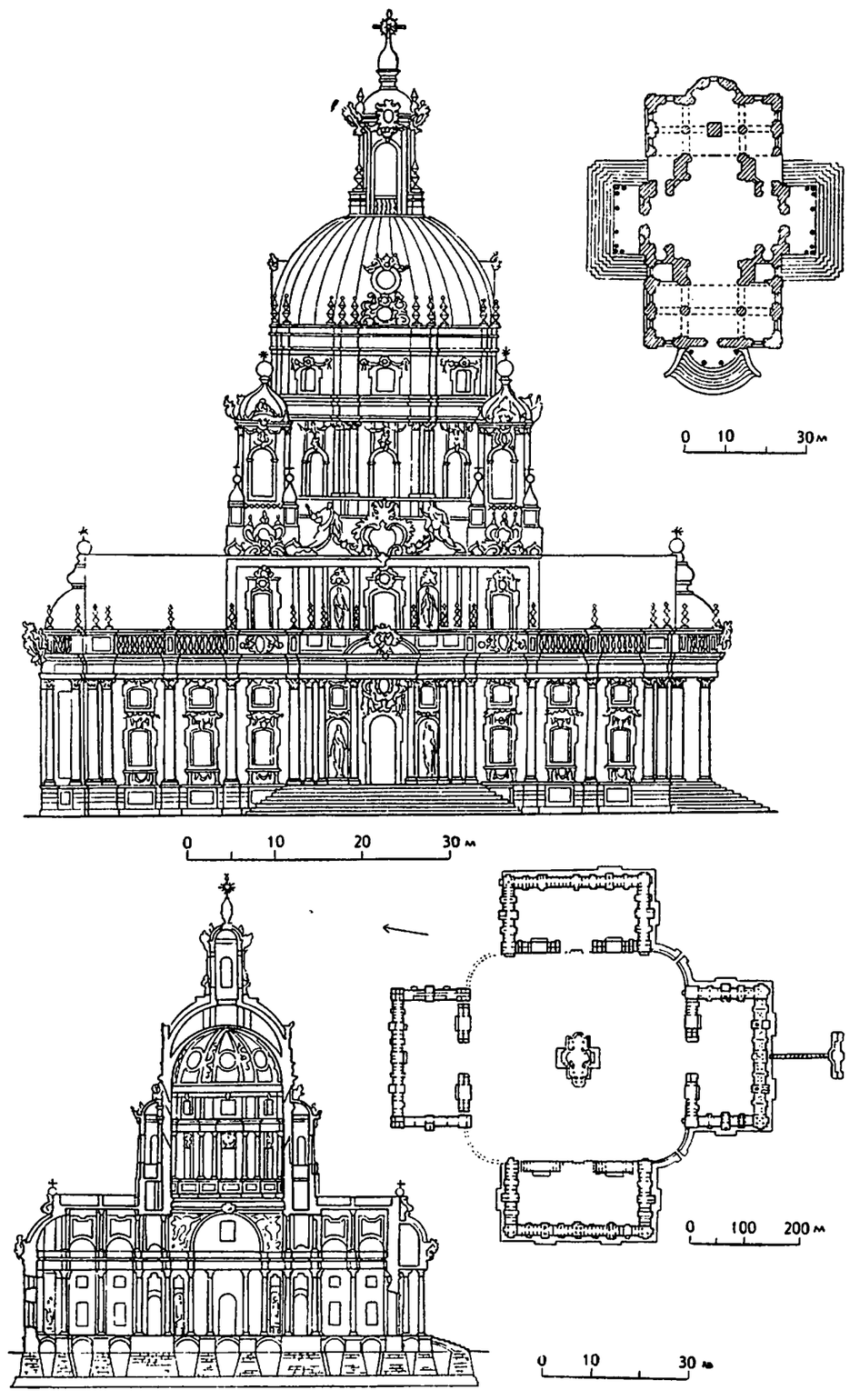
25. Москва. Красные ворота, 1753—1757 гг., арх. Д. В. Ухтомский. Фасад, план, деталь колонны (чертеж С. Ф. Кулагина, обмер П. Н. Максимова)

Для этого сооружения характерны декоративные формы барокко в своеобразной «московской» интерпретации стиля.

Наиболее значительным сооружением Ухтомского мог быть грандиозный ансамбль Госпитального и Инвалидного дома (рис. 26), строительство которого намечалось на высоком берегу Москвы-реки близ Симонова монастыря. Центральным сооружением ансамбля должен был стать четырехстолпный собор с куполом на высоком барабане и четырьмя боковыми главами, запроектированный в формах и приемах стиля барокко. По проекту вокруг собора, образуя гигантский внутренний двор, располагались протяженные корпуса госпиталя, инвалидного и воспитательного домов и обслуживающих помещений с четырьмя меньшими внутренними дворами. Ухтомский трактует госпиталь как планировочный тип крупного ансамбля общественного назначения, как монументальное сооружение города. Высотная композиция собора в ансамбле госпиталя как бы включала это сооружение в систему опорных зданий Москвы. Проект Ухтомского отражал прогрессивные общественные идеи русской архитектуры середины XVII в. и предвосхищал переход к новым задачам архитектуры второй половины века: в этом проекте архитектор рассматривал большое гражданское общественное здание как градообразующий элемент города.

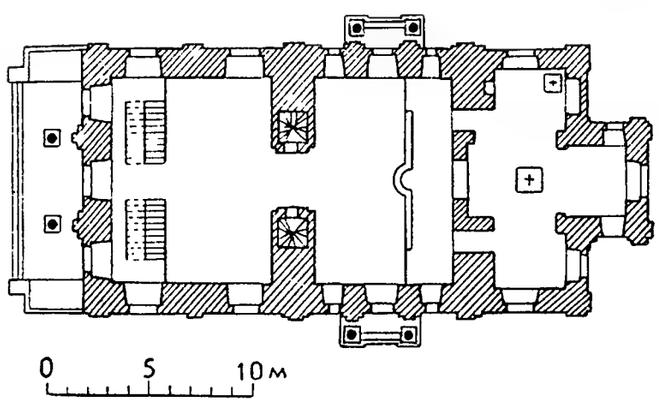
В монументальном культовом зодчестве Москвы начала XVIII в. выделяется так называемая «Меншикова башня» (церковь Архангела Гавриила), сооруженная по заказу А. Меншикова в его усадьбе близ Чистых прудов (рис. 27). Известно, что церковь начали строить в 1701 г., продолжал и заканчивал ее строительство арх. И. Зарудный в 1704—1707 гг. (ум. в 1727).

Меншикова башня по композиции представляет собой вариант традиционного типа храма «под колоколы», выполненного в форме «восьмерик на четверике». Вместе с тем замечательное сооружение стало новым шагом в развитии русского культового



зодчества начала XVIII в. Ее можно считать связующим звеном между древнерусскими ярусными постройками типа «восьмерик на четверике» и последующими

26. Москва. Проект Госпитального и Инвалидного дома, 1759 г., арх. Д. В. Ухтомский. План, северный фасад, продольный разрез церкви, генеральный план



27. Москва. Церковь Архангела Гавриила — «Меншикова башня», 1701—1707 гг., с 1704 г. арх. И. П. Зарудный (восстановлена в 1770-х годах). Общий вид и план

башенными сооружениями Петербурга; в частности, Меншикова башня — непосредственная предшественница композиции колокольни Петропавловского собора.

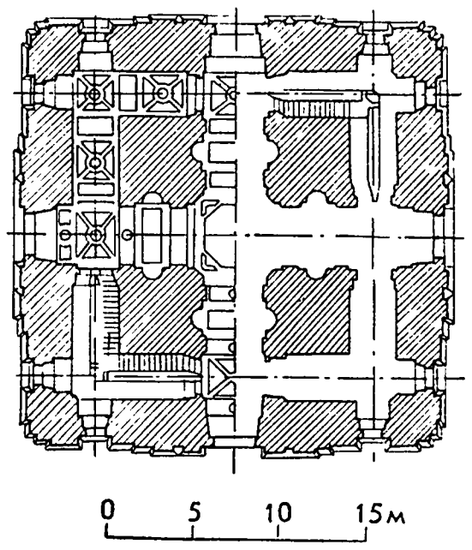
Храм состоит из двух основных частей: основания в виде прямоугольного, трехчастного в плане объема (рис. 28) и башенной части, первоначальным завершением которой был высокий шпиль. Особенность декора первого яруса Меншиковой башни заключается в устройстве мощных барочных волют, «спущенных» на всю высоту западного фасада объема и фланкирующих главный вход в церковь. Объемно-пространственное построение башни обусловлено хорошо продуманной, смелой ее конструктивной основой, при возведении которой использовался богатый опыт строительства вотчинных храмов-башен. Новое в Меншиковой башне — широкое использование фигурной скульптуры в убранстве фасадов и интерьера; скульптура гармонирует с общей тектоникой здания.

Меншикова башня — замечательное монументальное сооружение — была мало связана с архитектурным ансамблем старой Москвы, что ограничивало в известном отношении ее градообразующую роль. Одна из причин такой ограниченности состоит в усадебном характере расселения и структуры старой столицы, где монументальная башня имела в основном значение дворцового храма.

Тем не менее расположение храма на одной из высоких точек Москвы позволило ему занять господствующее место в этой части города.

Крупное сооружение культового зодчества — колокольня Троице-Сергиевой лавры (1741—1770) близ Москвы. Строительство колокольни заканчивалось по проекту Ухтомского, который отступил от первоначального проекта арх. Шумахера, повысив колокольню на два яруса (что сделало ее вертикальной осью широко раскинувшегося комплекса лавры), и изменил композицию сооружения, особенно в его завершающей части. Основанием постройки служит массивный квадратный в плане объем, на котором возведена высотная часть колокольни в четыре яруса, уступами устремляющаяся вверх (рис. 29). Одинаковые ярусы состоят из четырех пилонов, соединенных арками и кажущихся чрезвычайно легкими, как бы пронизанными воздухом. Эффект достигнут зодчим благодаря общей динамичной композиции нарастающих ярусов, смелости конструктивного выполнения, умелому использованию возможностей ордера. Завершение колокольни выполнено в виде фигурной главы, украшенной барочными картушами. Колокольня отличается выразительностью архитектурного облика, исключительной легкостью при сильной пластике форм, умелым использованием цвета, контрастным противопоставлением стройной, «прозрачной», башенной части массивному основанию.

28. Москва. «Меншикова башня». Фрагмент фасада с юго-западной стороны



29. Колокольня Троице-Сергиевой лавры, 1741—1770 гг., арх. Д. В. Ухтомский. Общий вид и план нижнего яруса

Поиски большей выразительности в монументальном культовом зодчестве Москвы первой четверти XVIII в. наглядны и в композиции церкви Иоанна Воина, построенной в 1709—1713 гг. Как и Меншикова башня, этот храм — сооружение переходного типа, сочетающее ряд традиционных особенностей культовых построек XVII в. с новыми композиционными приемами. По общему объемному построению и плану храм Иоанна Воина в своих основных частях напоминает посадские храмы XVII в. Основной объем четверика с востока имеет пониженную алтарную пристройку, а с запада — такую же трапезную с приделами, к которой, в свою очередь, с запада примыкает колокольня.

Из традиционных составных частей храма наиболее значительные изменения претерпел его основной объем, получивший завершение в виде двух восьмериков. Оба восьмерика храма, открытые внутри, составляют единый сложный интерьер храма. В построении фасадов использован ордер в виде пилястр, которыми отмечены углы четверика и восьмериков храма. Детали декоративного убранства фасадов церкви выделяются новизной. Южный и северный входы имеют прекрасные порталы с замечательной скульптурной резьбой.

В Подмосковье в первой трети XVIII в. строился ряд усадебных храмов, свидетельствовавших о сложном процессе исканий, происходившем в монументальном культовом зодчестве. К таким сооружениям можно отнести, например, храм, возведенный крепостным зодчим Вл. Белозеровым (конец XVII — начало XVIII в.) в усадьбе Марфино (рис. 30), Успенскую церковь в усадьбе Таболово, 1705 г. (рис. 31, *1*), церковь с. Степановского с центрической композицией плана (рис. 31, *2*) и целый ряд других.

Композиция церкви усадьбы Марфино продолжает линию развития центрических храмов. Основу храма составляет ротондальный объем, выявленный во внешнем облике сооружения высоким барабаном, перекрытым куполом. Вокруг стен центрального помещения создан круговой обход благодаря возведению вторых, наружных, круглящихся стен, причем устроены четыре прямоугольных в плане выступа-притвора по двум взаимно перпендикулярным осям плана. Завершением торцовых фасадов притворов служат треугольные фронтоны. В композиции церкви усадьбы Марфино использован ордер в виде пилястр, которые своим масштабом и пропорциями определяют объемное построение

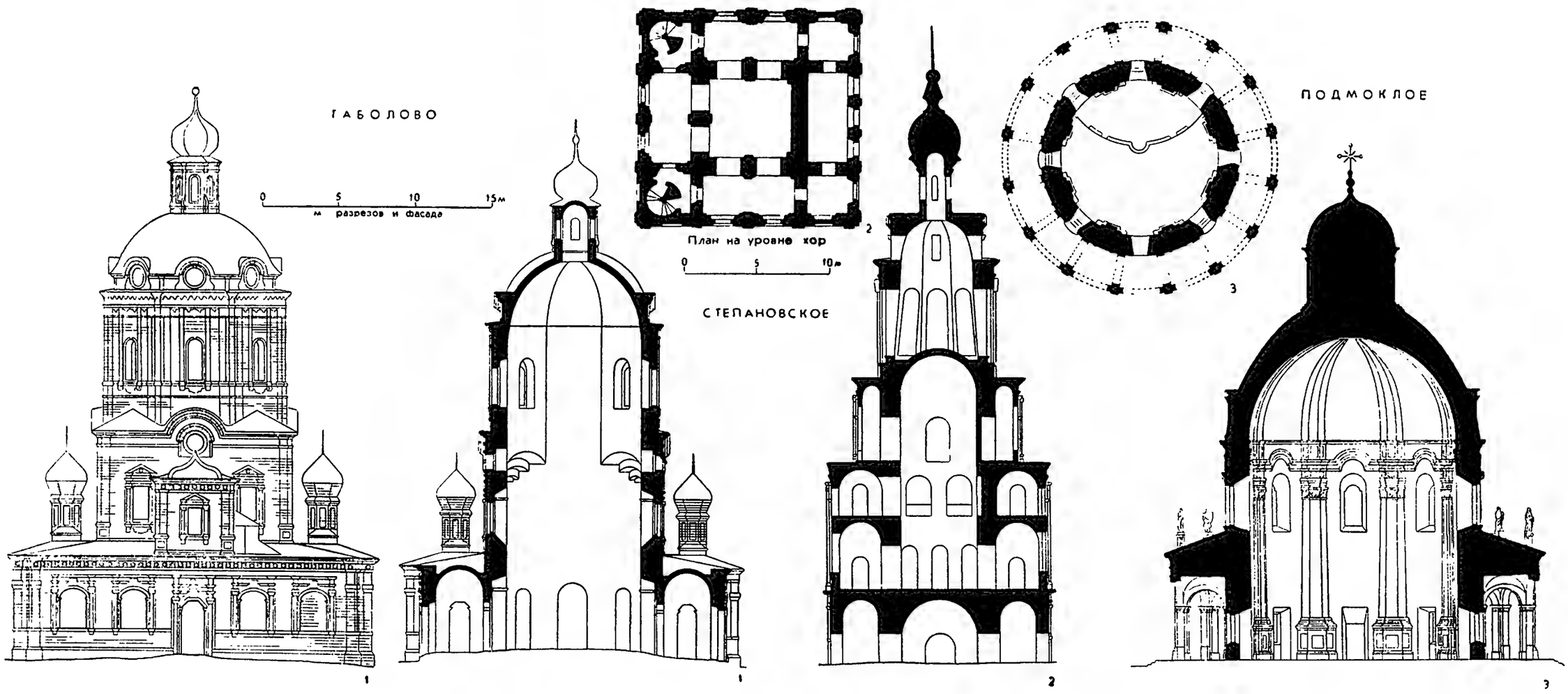
сооружения и одновременно отвечают внутренней структуре здания. Своеобразно белокаменное убранство фасадов храма барочного характера.

Интересный пример ротондального типа храма — церковь в с. Подмоклое близ Серпухова (1754, рис. 31,*3*; 32).

Среди крупных культовых построек этого периода наиболее близка традиционному русскому типу пятиглавого храма (с трапезной частью и колокольней (1758) с западной стороны) церковь Климента на Пятницкой улице в Москве — одна из позднейших барочных церквей города. В ней по-новому трактуется традиционный тип пятиглавого крестовокупольного сооружения. В этом отношении храм заметно отличается не только от церквей петровского времени, напоминающих базилику, но и от пятиглавых храмов Растрелли.

Строго регулярный по построению основной объем имеет горизонтальный карниз и членение фасадов на два яруса-этажа. Нижний ярус отмечен рустованными пилястрами, а верхний — пилястрами и колоннами, выявляющими вовне основные членения плана сооружения. Огромный центральный барабан с его мощным куполом и остальные четыре барабана крупных размеров, сильно развитые в высоту, обра-

30. Усадьба Марфино. Церковь, 1707 г., арх. В. Белозеров



31. *1* — Успенская церковь в усадьбе Таболово, 1705 г.; *2* — церковь в с. Степановское; *3* — церковь в с. Подмоклое близ Серпухова

32. Церковь в селе Подмоклое близ Серпухова, 1754 г.

зуют совместно мощное многообъемное завершение, не встречавшееся ранее в русском культовом зодчестве.

3. АРХИТЕКТУРА ПРОВИНЦИИ

Архитектура русской провинции начала XVIII в. отличалась неравномерностью своего развития. В городах, расположенных на важнейших торговых путях страны, она не отставала от столичной архитектуры, в других, более глухих, местах эволюционировала медленно.

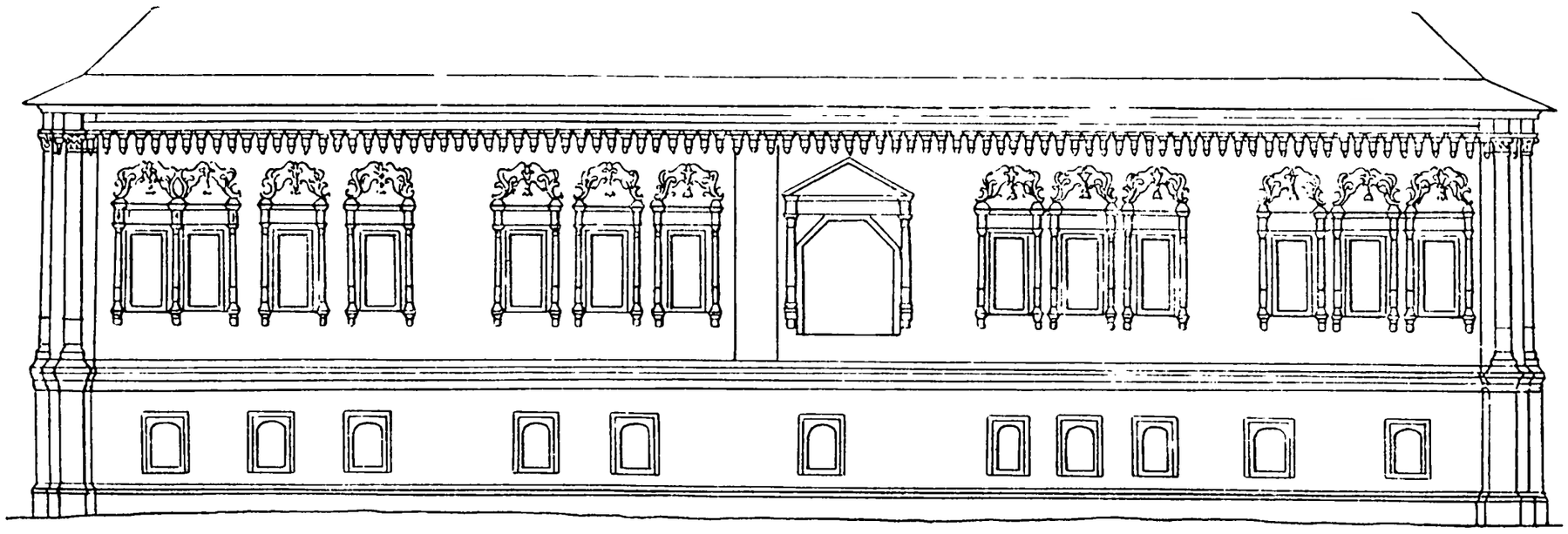
В первой половине XVIII в. продолжает развиваться народное деревянное зодчество. В жилой деревянной архитектуре четко проявилась стойкая преемственность между архитектурными формами крестьянского жилища XVIII в. и предшествующего столетия. Наиболее распространенный вид жилища — простая рубленая деревянная изба, которая топилась по-черному; отапливаемая часть жилья посредством сеней соединялась с холодной «клетью». В средней полосе страны жилые постройки, как правило, не имели подклета, но на севере деревянные жилые строения ставились на высокий подклет и объединялись одной кровлей с обширными хозяйственными и служебными помещениями. Обычно внизу, на уровне подклета, в хозяйственной пристройке располагался хлев, а наверху — сенник и другие подсобные помещения. Окна отапливаемой избы были маленькие — волоковые, и лишь центральное из трех окон главного фасада иногда делалось «красным».

В подобной композиции проявлялся глубоко продуманный, рациональный подход мастеров-строителей к решению функциональных задач крестьянского жилья: при частой на севере страны ненастной погоде подобная планировка имела несомненные удобства. Вместе с тем рациональность композиции наиболее массового вида строительства — деревянного жилья — не помешала зодчим достигнуть высокого художественного совершенства. Характерна предельная лаконичность приемов и средств художественной выразительности; совершенство целого достигалось гармонией общего объемного построения и отдельных деталей сооружения. Конструктивные приемы возведения деревянных жилых домов остались в основном прежними.

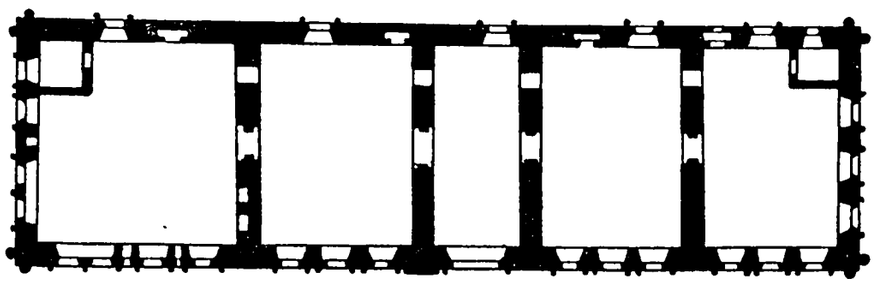
В первой половине XVIII в. предпринимались попытки упорядочить сельское строительство. Целый ряд проектов и предложений петровского времени был направлен на то, чтобы устранить стихийность в застройке деревень, запретить застройку без разрывов между избами, служившую причиной частых и опустошительных пожаров.

Из сравнительно немногочисленных сохранившихся каменных жилых домов провинции первой половины XVIII в. выделяется дом в с. Исады на Оке. План здания типичен для богатых каменных домов этого периода: между боковыми ризалитами в центральной части дома находятся главные помещения, в первом этаже вестибюль, во втором этаже над ним — главный зал; находящиеся справа и слева от него комнаты образуют анфилады; лестницы на второй этаж размещены в боковых помещениях, примыкающих к вестибюлю.

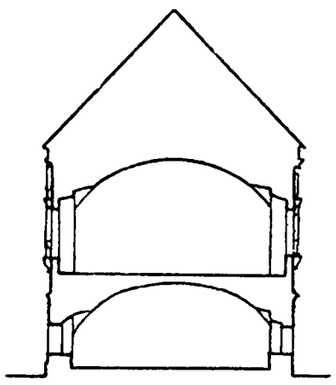
Боковые объемы этого двухэтажного дома образуют выступы длинных фасадов, между которыми на стороне, обращенной



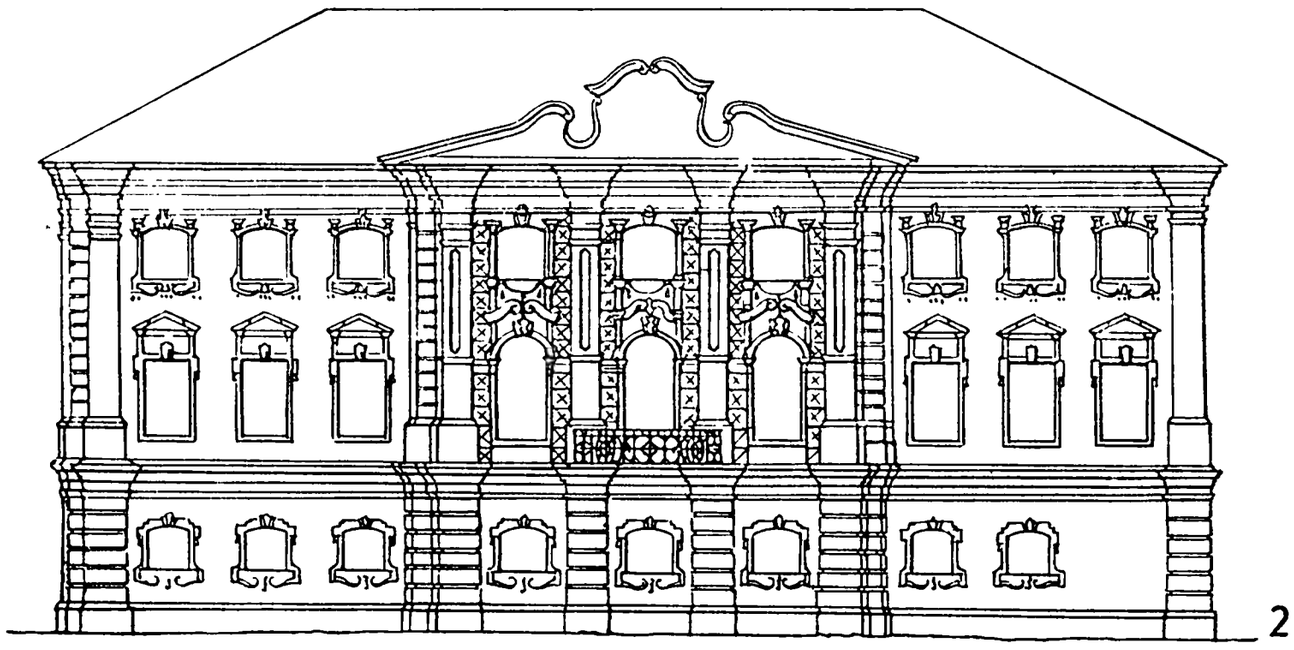
1



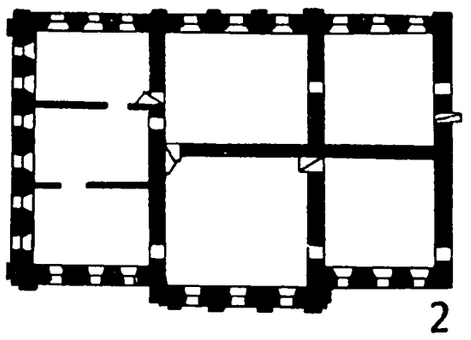
1



1



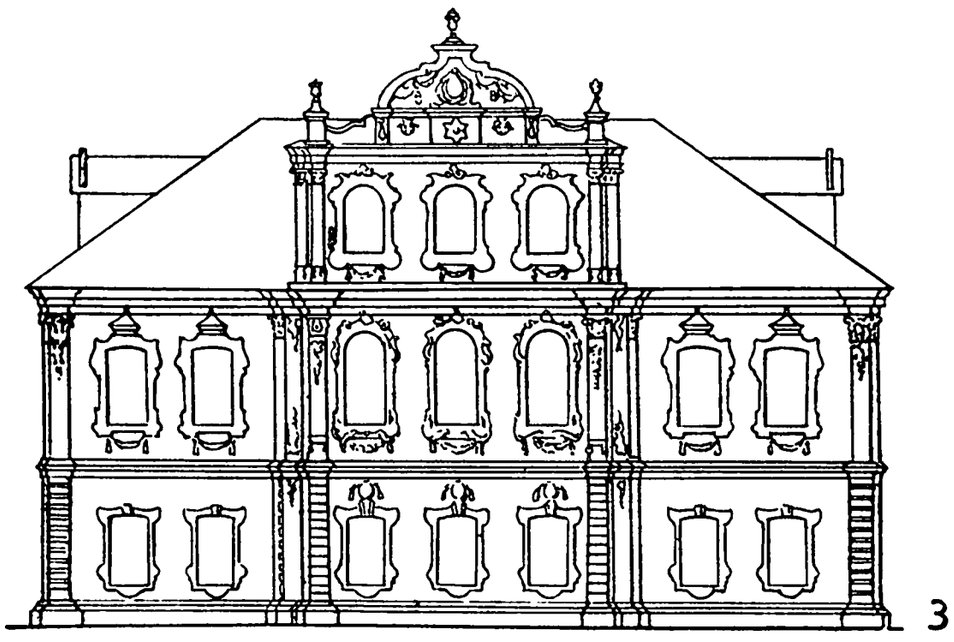
2



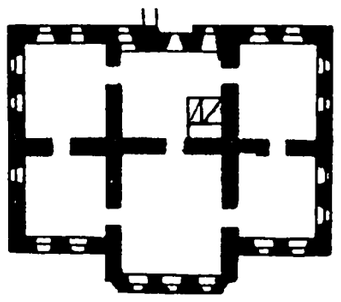
2

0 10 20 м

м. планов



3



3

0 5 10 м

м. фасадов

33. *1* — дом Строгановых в Усолье, 1720 г.; *2* — «Архиерейский дом» в Вологде, 1764—1769 гг.; *3* — жилой дом в г. Великий Устюг, вторая половина XVIII в., обмеры П. А. Тельтевского

к Оке, устроен балкон с выходом из зала. Композиция фасадов дома построена на ритмичном чередовании окон и тройных раскрепованных пилястр; нижний этаж имеет обычную для построек петровского времени рустовку стен. Дом в Исадах — характерное сооружение своего времени, что проявляется в регулярности построения

34. Усолье. Дом Строгановых. Окно

плана и всей композиции дома, основанной на двух взаимно перпендикулярных осях, в обработке фасада, специфической для построек петровского периода, скромном масштабе сооружения.

Постройкой переходного характера, в которой формы старины довлели еще над новыми планировочными и композиционными приемами (четко проявившимися в это время в богатых домах Петербурга и Москвы), был каменный дом Строгановых в Усолье (1724). Дом представляет собой крупный прямоугольный в плане, вытянутый объем (рис. 33, *1*), состоящий из пяти различных по величине огромных помещений палатного типа; они расположены анфиладно и соединяются между собой дверными проемами; нижний, подклетный, этаж дома повторяет планировку помещений парадного второго этажа. Поражают огромные размеры перекрытых сводами парадных помещений дома. Внешний облик здания сохраняет черты зодчества конца XVII в. Плоскости фасадов дома, завершенного богатым карнизом, заполнены группами окон с белокаменными резными декоративными наличниками (рис. *34*.)

Интересен своей композицией и убранством фасадов жилой дом в Вологде — каменные архиерейские палаты (1764—1769) (рис. 33, *2*). Трехэтажное здание имеет трехчастный план; невысокий первый этаж выделен на фасаде горизонтальным поясом, второй, парадный, этаж отличается высотой и крупными оконными проемами. Впечатляет богатейшее декоративное убранство фасадов, причем особенно пышно украшена центральная часть главного фасада. Сложные спаренные пилястры, раскраска многоцветным «бриллиантовым» рустом, великолепный барочный фронтон — все это создает запоминающийся облик здания. Близки к этим палатам по композиции и убранству фасадов дом Шилова в Великом Устюге (рис. 33, *3*) и бывший Ночлежный дом в Вологде (рис. 35).

* * *

Строительство Петербурга в начале XVIII в. способствовало подъему экономической жизни на северо-западе России, вызвавшему оживление строительной деятельности в районах Прионежья и Заонежья. Выстроенные в северных областях страны в первой трети XVIII в. монументальные деревянные храмы были своеобразным выражением средствами зодчества подъема национального самосознания и творческих сил народа.

Наиболее распространенным в этих областях был возникший ранее тип деревянной шатровой церкви. Примером подобной композиции, хотя и более поздним, может служить церковь с. Ростовского (1755) Архангельской области — восьмерик на четверике (обнесенном папертью-галереей), завершенный восьмигранным шатром. В других областях обширной страны при строительстве храмов применяли иные объемно-пространственные композиционные приемы, но общими чертами деревянного куль-

35. Вологда. Жилой дом бывш. Ночлежный дом. Юго-восточный фасад

36. Кемь. Успенский собор, 1711—1714, реконструкция А. В. Ополовникова. Западный фасад

тового зодчества первой половины XVIII в. стали живописность композиций, изящество и праздничность их архитектурного облика. Это относится и к трехшатровому Успенскому собору (1711—1714) в г. Кеми (рис. 36) и к Троицкой церкви (1727) в посаде Ненокса. Троицкая церковь — дальнейший шаг в развитии многошатрового монументального храма. Четыре малых шатра, симметрично группируясь вокруг крупного центрального шатра, образуют сложную многообъемную живописную композицию, характерную для северного культового зодчества этого времени.

Еще более живописна семнадцатиглавая Покровская церковь (1708) в Вытегорском погосте. Этот храм можно считать переходным звеном к композиции уникального деревянного храма Преображения (1714) в погосте Кижи (Карельской АССР). Двадцатидвуглавый храм в основе своей состоит из восьмерика с четырьмя прирубами; грани восьмерика и уступы прирубов имеют бочки, увенчанные главами (рис. 37). Живописный, но в целом регулярный по построению пирамидальный объем храма

37. Кижи (Карельская АССР). Церковь Преображения, реконструкция А. В. Ополовникова. Западный фасад, план, продольный разрез

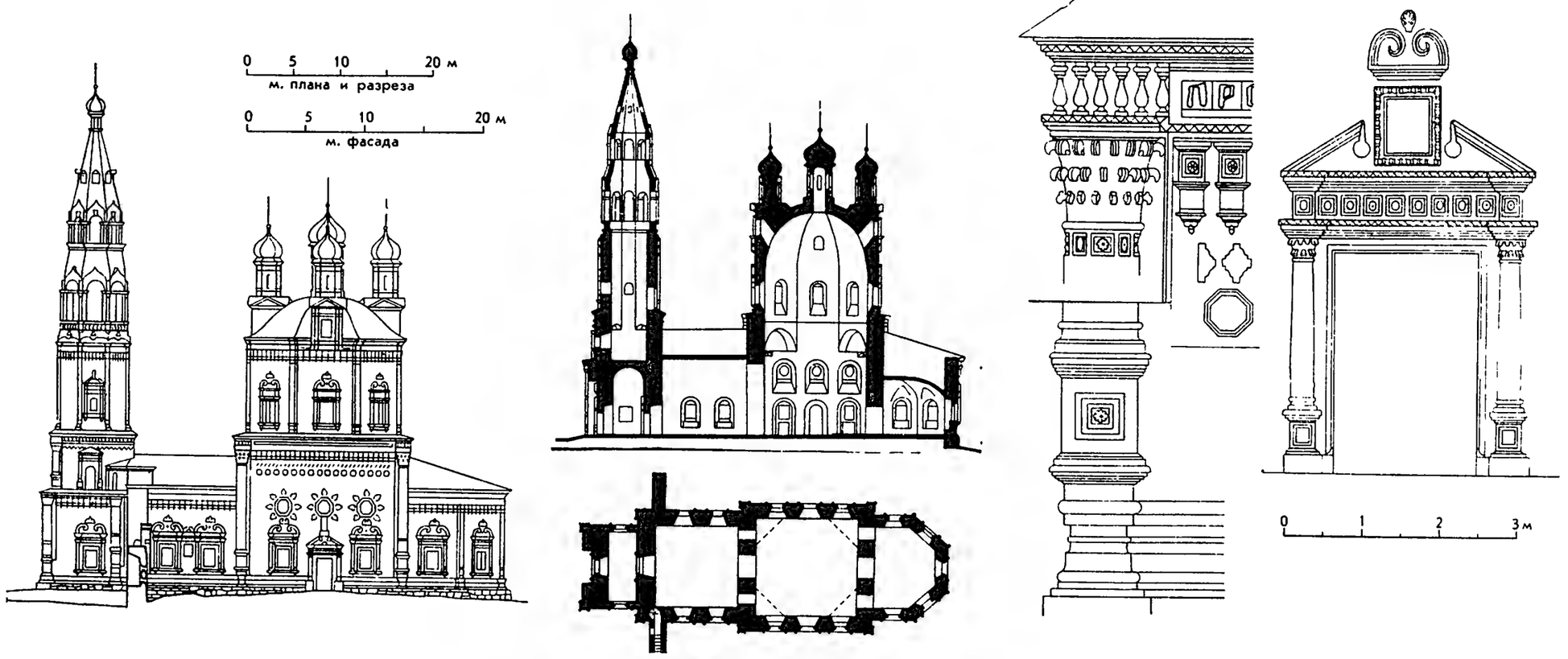
38. Село Подпорожье (Архангельская область). Владимирская церковь, 1743 г.

гармонирует со сложным рельефом берега. Храм Преображения в Кижах — высокое достижение русского деревянного монументального зодчества. Ярусы многократно повторяющихся глав и изгибающаяся поверхность бочек в сочетании с гранями рубленых стен создают неповторимое своеобразие этого сооружения.

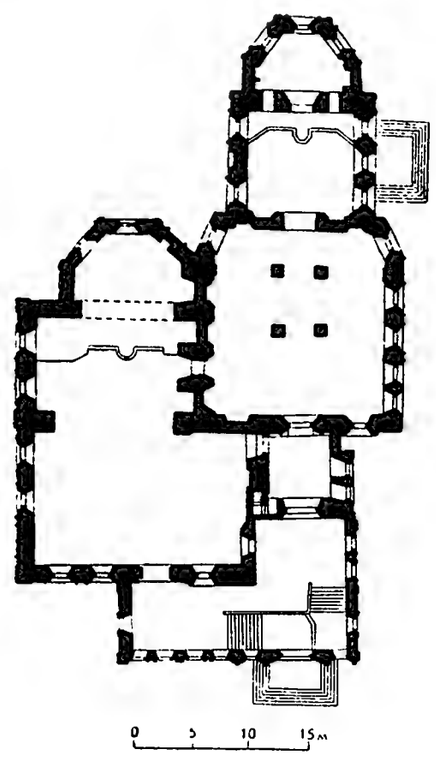
В первой четверти XVIII в. широко распространились появившиеся еще в предшествующем столетии деревянные храмы, различные по композиции и форме завершений. Разновидность местных онежских форм представляет Владимирская церковь (1743) села Подпорожья Архангельской области (рис. 38), в которой сделана попытка связать пятиглавие с формой кубоватых церквей.

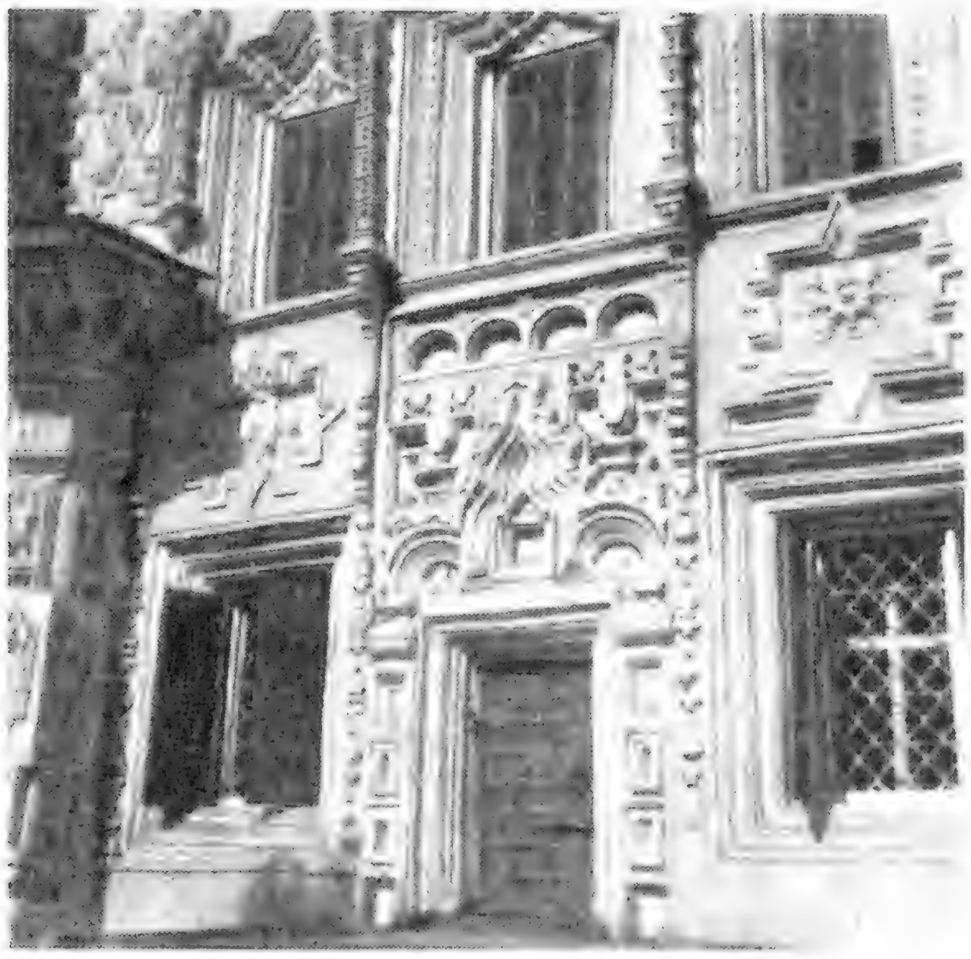
Продолжалось также строительство и шатровых храмов, из которых можно назвать «двадцатистенную» Богородицкую церковь (1726) в селе Заостровье, Ильинскую (1729) в Юромско-Великодворском погосте. Сооружались и простые храмы клетского типа, например Никольская церковь (1708) в селе Уйма, Троицкая церковь (1714) в Елгомском погосте, покрытая бочечной крышей. В монументальном деревянном зодчестве севера середины века также усиливается тяготение к живописности композиции, обогащению объема и силуэта здания. Это было средством выражения в деревянном зодчестве прогрессивных тенденций каменной, «строгановской» и «нарышкинской» архитектуры.

В каменном культовом зодчестве провинции первой половины XVIII в. архитекторы продолжали поиски новых композиционных приемов и средств художественной выразительности. При сохранении прежней организации планов видоизменялись за-



39. Верхотурье. Троицкий собор, 1703 г. (обмеры П. А. Тельтевского)





40. Иркутск. Крестовоздвиженская церковь, 1758—1760 гг. Южный фасад, план 1-го этажа, фрагмент фасада

вершения церквей и убранство их фасадов, создавались новые архитектурные формы, применялись традиционные приемы их выполнения в кирпиче. Появились местные формы храмов в Суздале, на севере (Тотьма, Великий Устюг), в Нижнем Поволжье, Прикамье, Приуралье, Сибири.

Интересен, например, Троицкий собор (1703) в г. Верхотурье (рис. 39), расположенном на великом в то время торговом пути в Сибирь. При традиционной общей композиции (собственно храм с примыкающей к нему с запада трапезной частью и колокольней) все сооружение впечатляет своей новизной, своеобразием пятиглавого завершения восьмерика. Здесь удачно использован ордер («большой» ордер четверика) и скомпонованы великолепные изразцовые наличники окон и порталов.

Общая композиция храма, его конструктивные особенности, детали декоративного убранства — все свидетельствует о том, что зодчий, возводивший это сооружение, был знаком и с последними достижениями столичной архитектуры.

Крестовоздвиженская церковь в Иркутске (1758—1760) выделяется своим объемным построением и необычайно пышным декоративным убранством (рис. 40). План основного храма традиционен: небольшой четверик с трехгранной алтарной пристройкой имеет с западной стороны трапезную с двумя приделами и крупную многоярусную колокольню, подобно храмам XVII в. Традиционная плановая схема не помешала безвестному, но талантливому зодчему создать оригинальную композицию сооружения. Сильно развитый в высоту двухсветный четверик перекрыт вытянутым восьмигранным сомкнутым сводом, в который врезается второй, меньший восьмерик, перекрытый таким же сводом, завершенным третьим восьмериком. В низкой, но обширной трапезной части храма — четыре внутренних столба, над которыми возведены две симметрично расположенные башни приделов, придающие большую живописность всему сооружению.

Исключительно богато убранство фасадов Крестовоздвиженской церкви. Карнизы, оконные и дверные наличники, горизонтальные членения выполнены из фасонного кирпича в виде чрезвычайно измельченных профилей и тяг с множеством изгибов, раскреповок, создающих разнообразные светотеневые эффекты.

Русская архитектура с начала XVIII в. вступает в новый этап своего развития. Изменения в архитектуре были вызваны глубокими преобразованиями в экономической, общественной и культурной жизни страны.

Критерием ценности архитектуры, приобретавшей важное общегосударственное значение, становится ее целесообразность и практическая оправданность с точки зрения интересов государства. Этим определялось резкое увеличение объема утилитарного строительства при одновременной утрате монументальным культовым зодчеством своего ведущего положения. На первое место выдвигается градостроительство (строительство Петербурга, новых городов, перестройка старых, исторически сложившихся русских городов), строительство производственных и общественных сооружений, жилых домов.

Более четко особенности архитектуры начала XVIII в. проявились в сооружениях передовой петербургской школы: это ясность и логичность построения, простые и строгие формы с пластически насыщенными, но немногочисленными барочными деталями, широкое использование заново осмысленного классического ордера, который стал основой композиции сооружения.

На становлении стиля русского зодчества этого периода не могла не отразиться более тесная, чем ранее, связь с западноевропейской архитектурой, продолжается активный процесс развития стиля барокко. Наряду с утверждением нового направления в русской архитектуре, проявившимся в застройке Петербурга, происходила эволюция форм и приемов зодчества предшествующего времени. Так например, в архитектуре Москвы наряду с появлением новых типов жилых домов, развивается анфиладность в планировке зданий дворцового типа, наметившаяся еще в богатых каменных палатах конца XVII в.

В культовом зодчестве Москвы и Подмосковья на базе традиционных типов храмов возникали новые приемы композиции культовых сооружений, которые, в частности, позволяли создавать свободные, не затесненные внутренними столбами, центрически построенные интерьеры зального характера.

В провинции, где в первой четверти XVIII в. строительство значительно сократилось, архитектура отличалась неравномерностью развития, отставала от передо-

вой петербургской архитектуры и была более тесно связана с техническими и художественными традициями зодчества XVII в.

В первой четверти века ведущими были производственное строительство, градостроительство, в середине же века это значение приобретает дворцовое и культовое строительство. Главное внимание зодчих обращалось на создание представительных дворцов, что неминуемо приводило к снижению роли общественных зданий города.

В середине XVIII в. наступает блестящий расцвет стиля барокко. Задача создания представительной архитектуры дворцов обусловила декоративность и эмоциональную насыщенность облика сооружений, — главным образом, дворцов знати и самого царя, — призванных утверждать исключительность дворянства как господствующего класса.

Русская архитектура середины XVIII в. стала крупным явлением в европейском зодчестве своего времени. Выдающиеся сооружения — Большой Царскосельский дворец, ансамбль Смольного монастыря и др. по праву считаются памятниками архитектуры барокко мирового значения.

В архитектуре этого времени нашли свое отражение общенациональные, патриотические идеи, проявившиеся в монументальности и торжественном облике ряда выдающихся сооружений, отмеченных не только богатством внешнего и внутреннего убранства, но и широтою замысла, грандиозностью масштабов, ясностью и простотой планировки и объемных построений, идущей от рационализма архитектуры предшествующего периода. Эти черты, характерные для русского барокко середины XVIII в., подготовляли переход от него к следующему этапу развития русской архитектуры.

ГЛАВА 6

АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII И НАЧАЛА XIX В.

Вторая половина XVIII—начало XIX в.— это время, когда появляются признаки надвигающегося кризиса феодально-крепостнического строя, в недрах которого идет формирование капиталистического уклада; поднимается мощная волна крестьянских восстаний, зарождается революционная общественная мысль.

В этих условиях переход к официально декларированной политике «просвещенного абсолютизма», направленной на сглаживание социальных противоречий, служит средством сохранения пошатнувшейся гегемонии дворянства и приспособления дворянского государства к требованиям поднимающегося капитализма. В передовых кругах общества под воздействием антикрепостнического движения выдвигается идея «разумно построенного государства».

В свете новых общественных устремлений складываются новое художественное мировоззрение и новые эстетические идеалы. В становлении и развитии архитектуры большую роль в эти годы играет обращение к античному классическому наследию. Во второй половине XVIII — начале XIX в. наблюдается самое сильное со времени Возрождения тяготение европейской архитектуры к античности. Все страны Европы, особенно Франция, Англия, Россия, Италия и Германия, отдали дань античному наследию. Обращение к античности было определенным этапом в развитии европейской культуры, связанным с появлением и ростом буржуазных отношений.

Античное наследие предоставляло зодчим комплекс композиционных приемов и классических форм, отвечающих принципам нового художественного мышления. В гармонической законченности, простоте и ясности, строгости и рациональности, монументальности и возвышенности античных сооружений видели тогда совершенную систему, указывающую путь для разработки новых приемов и форм архитектуры. Русские зодчие творчески развивали их применительно к национальным традициям и требованиям жизни.

Подъем экономики и культуры русского государства после реформ Петра I вызвал широкий размах строительства, в процессе которого русские зодчие второй половины XVIII в. решали крупнейшие градостроительные и архитектурные задачи. Развитие капиталистических отношений обусловило появление новых типов зданий. Строятся банки, торговые ряды, присутственные места, высшие учебные заведения, воспитательные дома, госпитали, больницы, новые типы производственных, жилых, усадебных, дворцовых и культовых зданий. Складывается новый тип города. Происходит смена стиля в архитектуре.

Архитектура второй половины XVIII — начала XIX в. развивалась преимущественно по двум руслам: осуществлялось крупное строительство городов в связи с увеличением городского населения — в это время было разработано более 400 проектов планировки городов — и одновременно проводилось сельское усадебное строительство дворянства, освобожденного указом о «воль-

ности дворянства» от обязательной государственной службы. Для развертывания строительства в городах большое значение имела реформа административного устройства 1775 г., направленная на укрепление государственного аппарата. В процессе строительства городов, которое велось в бóльших масштабах, чем в таких передовых тогда странах, как Франция и Англия, формировался архитектурный стиль — классицизм, отрицавший архитектуру барокко с ее усложненной конфигурацией планов, богатой пластикой фасадов, анфиладностью построения интерьеров. Теперь нужны были более простые, лаконичные и строгие формы, для которых лучше всего подходила ордерная система античной классики, строгая нормативность и регламентация архитектурных приемов как для целых зданий, так и для их элементов, обобщенность архитектурных форм.

Классицизм — широко распространенное течение в литературе, изобразительном искусстве и архитектуре европейских стран XVII — начала XIX в. — сложился в эпоху перехода от феодального к буржуазному обществу. В России эстетика классицизма наиболее полно выражена в архитектуре. Как западноевропейскому, так и русскому классицизму наряду с прогрессивными началами — разработкой новых систем городских и загородных ансамблей, новых типов зданий, отражением в величественных формах античной архитектуры гражданских идеалов своего времени и т. д. — свойственны и некоторые отрицательные черты, (абстрактный рационализм, известная канонизация эстетических принципов античности и т. п.). Русская архитектура в своем развитии преодолевала абстрактно-рационалистические догмы эстетики классицизма и в лучших произведениях достигла высокого совершенства. Русский классицизм представляет собой национальную школу в архитектуре, имеющую мировое значение.

В истории русской архитектуры второй половины XVIII — начала XIX в. выявляются два отчетливо выраженных периода: 60—70-е гг. и 80-е гг. — 1812 г. Первый из них — время зарождения и становления стиля, второй — расцвета русского классицизма.

Архитектура рассматриваемого времени развивалась в тесной связи с отечественной инженерной наукой и строительной техникой, в области которых было сделано много нового.

Открытие в 1773 г. Кулоном новой теории расчета сводов и арок, получивших дальнейшую разработку в трудах Гурьева, дало возможность усовершенствовать практические методы расчета конструкций, что вместе с успехами металлообрабатывающей промышленности обусловило применение новых конструктивных систем, в частности железных и чугунных опор, балок, стропил и т. п. Появляются своды с большими пролетами, армированные железом, применяются более совершенные способы кладки с полной перевязкой рядов кирпича (конструкции сводов зданий Московского Сената, Голицынской больницы, цехов на Уральских заводах и др.). Развиваются деревянные стропильные фермы, что позволило перекрывать большие пролеты и вызвало введение таких конструкций, как перекрытия, подвешенные к стропилам залов в университете (пролет около 20 *м*) и Петровском дворце в Москве (диаметр купола 16,6 *м*). Вместо ранее распространенных сводчатых перекрытий теперь все более внедряются плоские деревянные перекрытия. Кровли зданий становятся менее крутыми, снижение их уклона почти вдвое оказалось возможным в связи с употреблением листового железа, которое начало широко использоваться в последней четверти XVIII в. Благодаря армированию конструкций можно было уменьшить толщину столбов и стен, увеличить дверные и оконные проемы в стенах, а также пролеты перекрытий. Появляются и перекрытия больших пролетов металлических конструкций, сложные деревянные перекрытия и купола большого пролета.

В этот период в связи с организацией государственных кирпичных заводов наряду с расширением частных резко увеличивается производство кирпича, улучшается его качество и вводятся новые размеры. Во все большей мере применяется штукатурка в наружной отделке зданий, она становится основным отделочным материалом. Этим в известной степени отличается русский классицизм от французского (во Франции, как правило, употреблялся естественный камень). В России мрамор и гранит использовались редко, главным образом в строительстве дворцовых и крупных общественных зданий для отделки фасадов и парадных интерьеров. Осваивалось производство новых отделочных материалов — искусственного мрамора, ценных пород камня,

цветного стекла, предназначенных для убранства интерьеров.

В период русского классицизма получило дальнейшее, значительное развитие строительство по типовым проектам. Широко применяются повторяющиеся детали и конструктивные схемы. Усиливается централизация управления строительным делом и разработкой проектов, охватывающая теперь и провинциальные города. В законах по строительству и архитектуре, издаваемых государством, и указаниях «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» устанавливаются правила ведения работ при застройке губернских и уездных городов. В связи с дифференциацией строительных специальностей расширяется состав кадров рабочих-строителей и мастеров. Однако в строительстве по-прежнему большую роль продолжает играть крепостной труд. В провинциальных усадьбах, как правило, работают крепостные архитекторы.

В утверждении принципов нового направления в архитектуре и создании кадров архитекторов значительную роль сыграли Академия художеств в Петербурге, архитектурно-строительный коллектив, созданный Баженовым при экспедиции кремлевского строения, так называемая партикулярная академия, а также основанная в 1775 г. школа при Каменном приказе в Москве и школы Ухтомского, Казакова. Важное значение для углубления профессиональных знаний имели командировки пенсионеров Академии художеств за границу, прежде всего в Париж и Рим (командировки Баженова, Старова и др.). Архитектурные приемы зодчих Москвы и Петербурга находили применение в большом строительстве провинциальных городов; этому способствовало также то, что многие столичные архитекторы работали в провинции. С другой стороны, архитекторы провинции творчески развивали приемы народного зодчества.

В 1760-х гг. в русской периодической печати появляются первые статьи по архитектуре. В них публикуются сведения по истории архитектуры, даются описания архитектурных ордеров, излагаются материалы западноевропейских архитектурных трактатов. Издаются руководства по строительству жилых домов и садоводству, первые русские книги по архитектуре. «Краткое руководство по гражданской архитектуре для народных училищ» (1778 г.) и «Теоретические и практические предложения по гражданской архитектуре» И. Лема (издание 1785, 1794 гг.) и др. Началась работа по переводу на русский язык трудов западных теоретиков — сокращенного и полного трактатов Витрувия с комментариями Перро и труда французского классициста XVII в. Фреара де Шамбре «Сравнение архитектуры древней с новой в собрании десяти главных авторов, которые писали о пяти чинах архитектурных» (1770 г.).

Поворот к новому направлению архитектуры проявился в градостроительных работах в Петербурге и Москве, где в основном стали возводиться монументальные сооружения общественного назначения. В это время выдвигается ряд крупных зодчих, творчество которых помогает утверждению нового направления. К ним принадлежат Кокоринов, Деламот, Ринальди, Фельтен, Василий Неелов, Алексей Квасов, Карл Бланк, Баженов, Казаков и Старов. Черты нового направления в архитектуре рассматриваемого периода наиболее полно проявились в произведениях Кокоринова и в раннем творчестве Баженова, Казакова и Старова.

I. АРХИТЕКТУРА 1760—1770-х ГОДОВ

60—70-е гг. XVIII в. — период первоначального формирования классической школы в русской архитектуре, когда наряду с отмеченным выше появлением новых типов зданий становятся заметными и первые признаки зарождения нового стиля. В планах зданий исчезают прихотливые криволинейные очертания, встречавшиеся иногда в русской архитектуре предшествовавшего времени, более цельными и простыми становятся объемы зданий и их фасады. Вместо групп колонн и пилястр, несущих раскреповки антаблементов и замысловатые криволинейные и разорванные фронтоны, теперь возводятся портики с простыми треугольными фронтонами. Лепнина на фасадах и в интерьерах подчас довольно обильна, но ее рисунок делается проще и однообразней, более строгие по силуэту статуи венчают иногда фронтоны и аттики. Во внутреннем

убранстве зданий богатство и прихотливость барокко начинают постепенно сменяться сдержанностью и спокойствием форм классицизма, менее пластически насыщенных и рационально построенных.

1. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Градостроительство Петербурга. В 60-х — начале 70-х гг. возобновляются прерванные в середине столетия работы по перепланировке и застройке Петербурга и Москвы. Для регулирования строительства городов в 1762 г. была создана «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы»[1]. Градостроительные мероприятия комиссии направлялись на создание регулярной целостной застройки столицы, и прежде всего выделение центра города с его представительной архитектурой (отвечающей величию столицы «просвещенного монарха», и предместий, предназначенных для малоимущих слоев населения. С 1763 г. комиссия начала также заниматься регулированием строительства и разработкой генеральных планов других городов. Эта ко-

[1] Была организована взамен «Комиссии о Санкт-Петербургском строении» 1737 г.

Рис. 1. Петербург. План города 1781 г.

миссия стала по существу Всероссийской государственной архитектурно-проектной организацией, которая помимо составления планов городов и проектов их застройки ведала вопросами организации и внедрения каменного строительства. С ее деятельностью связан один из значительнейших периодов в истории русского градостроительства.

К 1775 г., как можно судить по книге указов, комиссией было разработано и утверждено 216 планов губернских и уездных городов. В составе комиссии работали крупные зодчие — Алексей Квасов (с 1762 по 1772 г.), И. Старов (с 1772 по 1774 г.), И. Лем (с 1774 г. до роспуска комиссии в 1796 г.) [1].

Квасов Алексей Васильевич (ум. в 1772 г.) — архитектор-градостроитель, ученик Земцова, играл ведущую роль в «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», развивая замыслы своих предшественников — Земцова, Коробова, Еропкина. Он участвовал в разработке нового генерального плана Петербурга (1763—1769), в 1767—1768 гг. занимался обмерными работами в Москве в связи с подготовкой проекта генерального плана города. Квасов принимал участие в восстановлении Твери (ныне г. Калинин) после пожара 1763 г., работал над планировкой Казани (1766), Харькова (1768), Астрахани (1768), Ярославля (1769) и других городов.

Новые требования градостроительства прежде всего нашли свое конкретное воплощение в разработанном Алексеем Квасовым генеральном плане Петербурга, утвержденном в 1769 г. (рис. 1). Спустя двадцать пять лет после составления Еропкиным плана города вновь потребовалось разработать проектный документ для регулирования застройки быстро растущей столицы. План Квасова — по существу последний общий план всего города в XVIII в., на основе которого и разрабатывалась планировка отдельных его частей.

Градостроительные мероприятия, намеченные в плане Петербурга Квасовым, были направлены на создание регулярной застройки столицы с выделением центра. Так, проектом предусматривалась парадная каменная обстройка Дворцовой и Сенатской площадей и близлежащих улиц, а также набережных реки Мойки и Красного канала. Новым проектом намечалось также расширение зоны дворцовой застройки от Академии художеств до Мраморного дворца и продление основных магистралей, а также создание больших примостных площадей у берегов Фонтанки, бывшей в эти годы границей города, объединение каналов и рек Петербурга в единую систему, связанную с сеткой городских улиц, и т. д.

В процессе дворцового строительства в середине XVIII в. повысилась этажность и протяженность главных зданий центра города (Зимний, Аничков, Строгановский и другие дворцы), а в 60-х гг. была узаконена их высота, ставшая обязательной для застройки центра. В первую очередь требуемой высоты в 10 сажень (21,3 *м*) достигли здания, строившиеся в районе Зимнего дворца, — Эрмитаж, Мраморный дворец, Академия художеств и др. Затем нового высотного уровня достигла застройка Невского проспекта и других улиц центральных районов города. Регламентация высоты домов, а также ширины улиц способствовала дальнейшему развитию регулярности в застройке улиц и площадей города. Площади приобретали симметричные, простые формы, прямые улицы расширялись. Приложением к генеральному плану Петербурга были «образцовые» чертежи для строительства зданий.

Застройка города этого времени началась с сооружения в 1764—1767 гг. на набережной Невы арх. Ж.-Б. Валлен-Деламотом трехэтажного здания Малого Эрмитажа, в наружном облике которого отчетливо проявились черты нового архитектурного стиля.

Арх. Жан-Батист Валлен-Деламот (1729—1800), француз, приехал в Россию в 1759 г. Став профессором архитектуры Петербургской Академии художеств, одновременно служил при канцелярии строения дворцов и садов. В 1775 г. уехал на родину. Деламот строил в Петербурге, Москве и в провинции. Его постройки — характерные памятники раннего русского классицизма.

В центре Петербурга в 60—70-е гг. XVIII в. кроме Малого Эрмитажа выделяются такие сооружения Деламота, как католическая церковь Екатерины на Невском проспекте (1763—1783), здание Гостиного двора на Невском проспекте (Деламот в

[1] Проекты планов городов выполнялись, как правило, комиссией. Лишь в редких случаях перепланировка городов поручалась другим учреждениям или специальным комиссиям, например, составление плана Москвы было в 1775 г. поручено Каменному приказу, восстановлением Твери руководил новгородский губернатор В. В. Фермор, а архитекторов прислали из Москвы и т. д.

Рис. 2. Петербург. Мраморный дворец, 1768 — 1785 гг., арх. А. Ринальди. Вид со стороны набережной

1761 г. переработал фасады проекта Растрелли), здание лесных складов «Новой Голландии» (арх. Чевакинский, Герард, Деламот). Здание «Новой Голландии» (1770—1779, проект 1765) — пример постройки утилитарного характера, выполненной с учетом ее положения в городе. В огромном монументальном комплексе складских помещений, занимающем целый квартал города, выразителен въезд, ведущий во двор складов, с величественной аркой над каналом.

Большое влияние на формирование архитектурного облика Дворцовой набережной того времени и архитектурного ансамбля Марсова поля оказало возведение Мраморного дворца, арх. Ринальди.

Антонио Ринальди (около 1710—1794) — итальянский архитектор, прибыл в Россию в 1751 г., работал на Украине, потом в Москве, а с 1755 г. — в Петербурге. Основными сооружениями Ринальди были дворцовые и парковые постройки в Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов) — Китайский дворец (1762—1768), Катальная горка (1762—1774); в Гатчине — Дворец (1766—1781); в Царском Селе (ныне г. Пушкин) — «Орловские ворота» (1773—1776), «Чесменская колонна» (1771—1778); в Петербурге — «Мраморный дворец» и некоторые другие.

Мраморный дворец (1768—1785), ныне Ленинградский филиал музея В. И. Ленина, расположен на участке, ограниченном Дворцовой набережной и улицей Халтурина (рис. 2). Дворец занимает участок, имеющий в плане форму неправильного четырехугольника. Здание в плане — П-образной формы, с парадным двором и главным входом в его глубине и четырьмя внутренними световыми служебными дворами. Мраморный дворец Ринальди по сравнению с его ранними постройками в Ораниенбауме да и постройками других мастеров того времени имеет более строгие формы. Фасады трехэтажного корпуса Мраморного дворца расчленены на два яруса — цокольный этаж, облицованный гранитом, и два верхних этажа, объединенных общим ордером — коринфскими пилястрами. Верхний ярус облицован олонецким мрамором. Дворец служит замечательным примером умения зодчего использовать естественный строительный материал, и прежде всего мрамор различных цветов, чем и объясняется название дворца.

На Дворцовой набережной, рядом с Малым Эрмитажем Деламота, арх. Фельтеном было построено здание Старого Эрмитажа (1775—1784). Это скромное по архитектуре сооружение стало как бы промежуточным звеном между нарядными зданиями Малого Эрмитажа и Зимнего дворца.

Фельтен Юрий Матвеевич (1730—1801) изучал архитектурные науки с 1743 г. в городах Германии — Тюбингене, Штутгарте и Берлине (1747—1749); в 1749 г. вернулся в Петербург, а в 1754—1762 гг. работал у В. В. Растрелли (которому

Рис. 3. Петербург. Решетка Летнего сада со стороны Невы, 1771—1784 гг., арх. Ю. М. Фельтен и П. Егоров

в основном обязан своим дальнейшим архитектурным образованием и опытом) одним из его главных помощников на постройке Зимнего дворца. С 1762 г. Фельтен стал главным архитектором «Канцелярии от строения», преподавал в Академии художеств, являясь с 1772 г. профессором, а в 1789—1794 гг. — ее директором. Он выполнил проект площади перед Зимним дворцом, легший в основу дальнейшей застройки Дворцовой площади; в 1765—1775 гг. построил здание б. Александровского института, так называемый Зубовский флигель Екатерининского дворца в Царском Селе, здание Петергофской гранильной фабрики (1777); в Петербурге лютеранские церкви — Екатерины (1768—1771) на Васильевском острове и Анны (1779) на б. Фурштадской ул; принимал участие в строительстве набережных Невы. Некоторые постройки Фельтена отражают увлечение готикой — Чесменский дворец с церковью (1774—1780) и китайской архитектурой — Китайская беседка (совместно с И. В. Нееловым, 1771—1781) в Царском Селе.

Со строительством набережных и застройкой центра связано и сооружение Фельтеном при участии П. Егорова ограды Летнего сада со стороны Невы (1771—1784). Ограда состоит из гранитных столбов-колонн и железных кованых звеньев решетки с бронзовыми позолоченными орнаментальными украшениями (рис. 3).

В новом проекте Петербурга при детализации генерального плана обращалось внимание на создание новых и упорядочение старых площадей. Например, у самого въезда в столицу со стороны Екатерингофа и Стрельны были запроектированы громадная полуциркульная площадь и близ неё квадратная театральная. Перед Зимним дворцом определилось пространство Дворцовой площади. В связи с этим в 1779 г. Академия художеств объявила конкурс на застройку Дворцовой площади, и Фельтен, получивший на конкурсе первую премию, построил здание главного штаба по заданному криволинейному контуру площади. По проекту площадь отделялась от Адмиралтейства галереей, которая должна была прикрыть его производственные корпуса, имевшие неприглядный вид. С этой же целью намечалось устройство ограды и парадно оформленных въездов Адмиралтейства.

В центральных жилых районах Петербурга основным типом застройки становится 3—4-этажный многоквартирный жилой дом со «сплошным фасадом» по красной линии улиц. Такие дома можно видеть на аксонометрии центральных районов города, выполненной в 1797 г., и частично на планах Сент-Илера-Соколова (1765—1775). Прямолинейные петербургские улицы с 3- и 4-этажными жилыми домами, построенными, как правило, без разрывов, с крупными общественными дворцовыми зданиями и вертикалями колоколен и башен создавали впечатление регулярного, рационально организованного целостного ансамбля.

Одновременно с планировкой и застройкой улиц велось строительство набережных (рис. 4). Большое градостроительное значение имели построенные в Петербурге в 1760—1770-е гг. постоянные мосты. В это время сооружались Эрмитажный мост через Зимнюю Канавку по Дворцовой набережной (1763—1766) и ряд других мостов.

Проектные и строительные работы в Петербурге, проводимые преимущественно в его центральных районах (на окраинах по-прежнему господствовала одноэтажная деревянная застройка), были своего рода школой русского градостроительства. Здесь формировались методы и приемы, становившиеся образцом для застройки многочисленных губернских и уездных городов.

Планировка и застройка провинциальных городов. Работы по проектированию и застройке провинциальных городов, как уже указывалось, не предусматривались программой комиссии при ее организации. Они вызывались жизненной необходимостью — для координации развернувшегося строительства городов требовалось участие комиссии в составлении генеральных планов, особенно после правительственного указа от 25 июня 1763 г. «О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов, по каждой губернии особо».

Новые градостроительные принципы в более скромных масштабах, чем в Петербурге и Москве, нашли свое выражение в восстановлении Твери (г. Калинин), пострадавшей от пожара в 1763 г. Здесь на основании опыта Петербурга впервые переустройство целого города осуществлялось по заранее составленной и детально разработанной Комиссией строений программе «образцового города».

Перестройка Твери, которая была одним из первых широких мероприятий только что вступившей на престол и искавшей популярности Екатерины II, вышла далеко за пределы обычных строительных работ, проводившихся после пожаров в провинциальных городах. Председатель строительной комиссии И. И. Бецкий, представивший на утверждение Екатерине проект восстановления города, выполненный арх. П. Никитиным, и «примерные» (типовые) чертежи обывательских домов, писал: «Строящаяся Тверь не только не должна уступать прочим городам в расположении и красивости, но впредь для перестройки других образцом должна быть»[1]. Это требование «об-

[1] ЦГАДА, разр. XVI, д. 971, л. 31

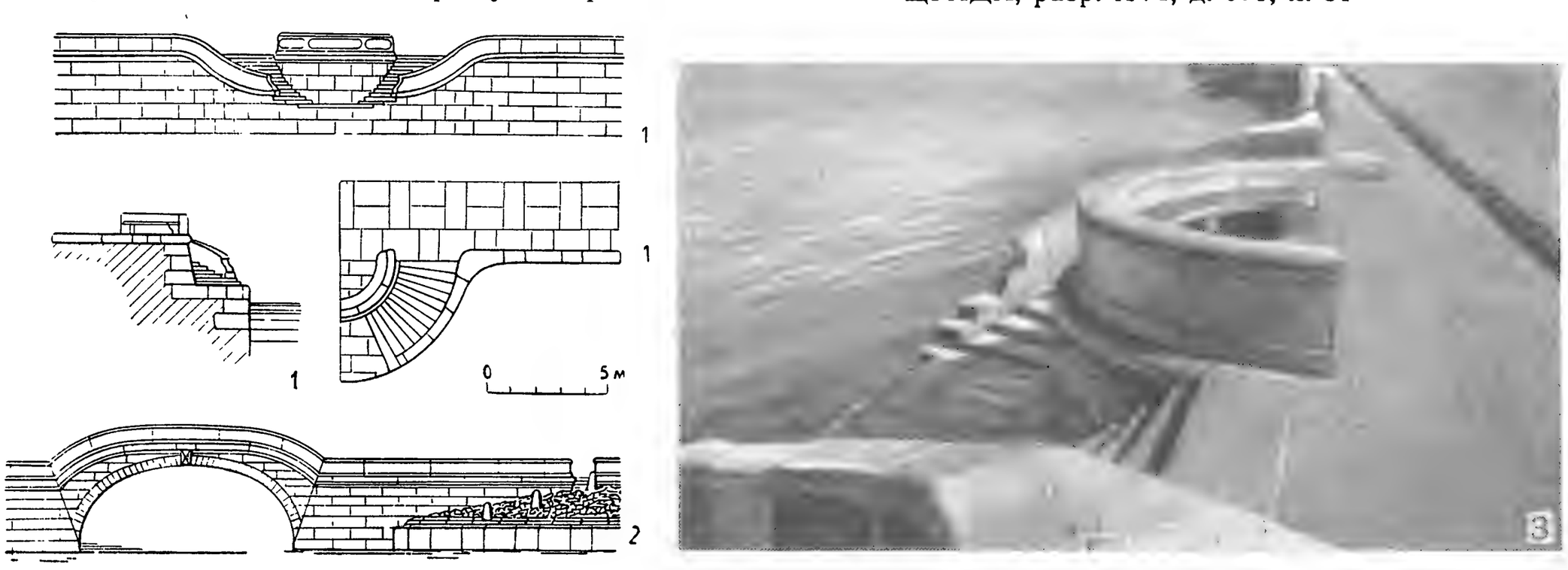


Рис. 4. Петербург. Набережные Невы: *1* — спуск к Неве — план, разрез, фасад; *2* — мост через Зимнюю канавку — фасад со стороны Невы; *3* — вид набережной со спуском к Неве

разцовости» и легло в основу утвержденного проекта города.

Теоретическое обоснование принципов строительства Твери излагалось в пояснительной записке Бецкого, опирающейся на русский строительный кодекс, разработанный в первой половине XVIII в. В этой записке содержались конкретная детально разработанная программа строительства и общие эстетические воззрения, отвечающие идеям «просветительства» того времени. Так, в ней говорилось: «...регулярство, предлагаемое при строении города, требует, чтобы улицы были широки и прямы, площади большие, публичные здания на способных местах и прочее, все дома в одной улице состоящие, строить надлежит на всю улицу с обеих сторон, до самого пересечения другой улицы одной сплошной фасадой, выше и длиннее во двор, нежели на улице». О регулярности рационально организованной застройки было сказано, что она содействует «пользе общественной», «ободрению жителей к труду и работе», что «...общество иметь будет более способности, когда город теснее и жители находятся друг от друга в близости, почему те расходы для излишнего содержания лошадей и прочие уменьшаются и всякие по комерции дела вскорости способнее исполняются» [1].

Новый план города, составленный в 1763 г. (рис. 5), сочетал в себе основную прямолинейную сетку улиц, построенную на двух пересекающихся осях, с системой трех лучевых магистралей. Главная магистраль, ориентированная на Кремль, — это основная ось композиции города. На ней были запроектированы четыре площади. При въезде в город размещалась торговая площадь, начинающаяся еще в предместье, на большой Московской дороге. Вторая, полуциркульная площадь находилась на границе города и открывала собой въезд в него со стороны Москвы. Третья, фонтанная (восьмиугольная) площадь, представлявшая собой как бы естественное расширение русла главной городской магистрали, была административным центром города. Наконец, четвертая, древняя Красная площадь, раскрытая к Кремлю и к реке, завершала новую магистраль.

Предназначенный в основном для купечества город застраивался преимущественно каменными домами. Деревянная застройка предусматривалась в предместье, где расселялись ямщики и городская беднота. В целях пожарной безопасности город отделялся от предместья зелеными насаждениями.

По принципам планировки Тверь, как и Петербург, стояла на уровне градостроительства Западной Европы, но в то же время эти принципы были глубоко самобытны. Показательно в этом отношении сопоставление трехлучевой системы построения Твери с более ранними трехлучевыми системами Рима (у площади дель Пополо) и Версаля (трехлучевой подъезд к Версалю). При общем их сходстве композиция в Твери получила местную, тесно связанную со спецификой плана города трактовку. Главная особенность трехлучевой композиции Твери заключалась в том, что здесь три луча легли в основу всего генерального плана, запроектированного в 1763 г.

Застройка центральной части Твери была выполнена московским архитектором П. Никитиным и его «командой», в которой состоял и молодой М. Казаков.

[1] ЦГАДА, разр. XVI, д. 971, л. 29—34.

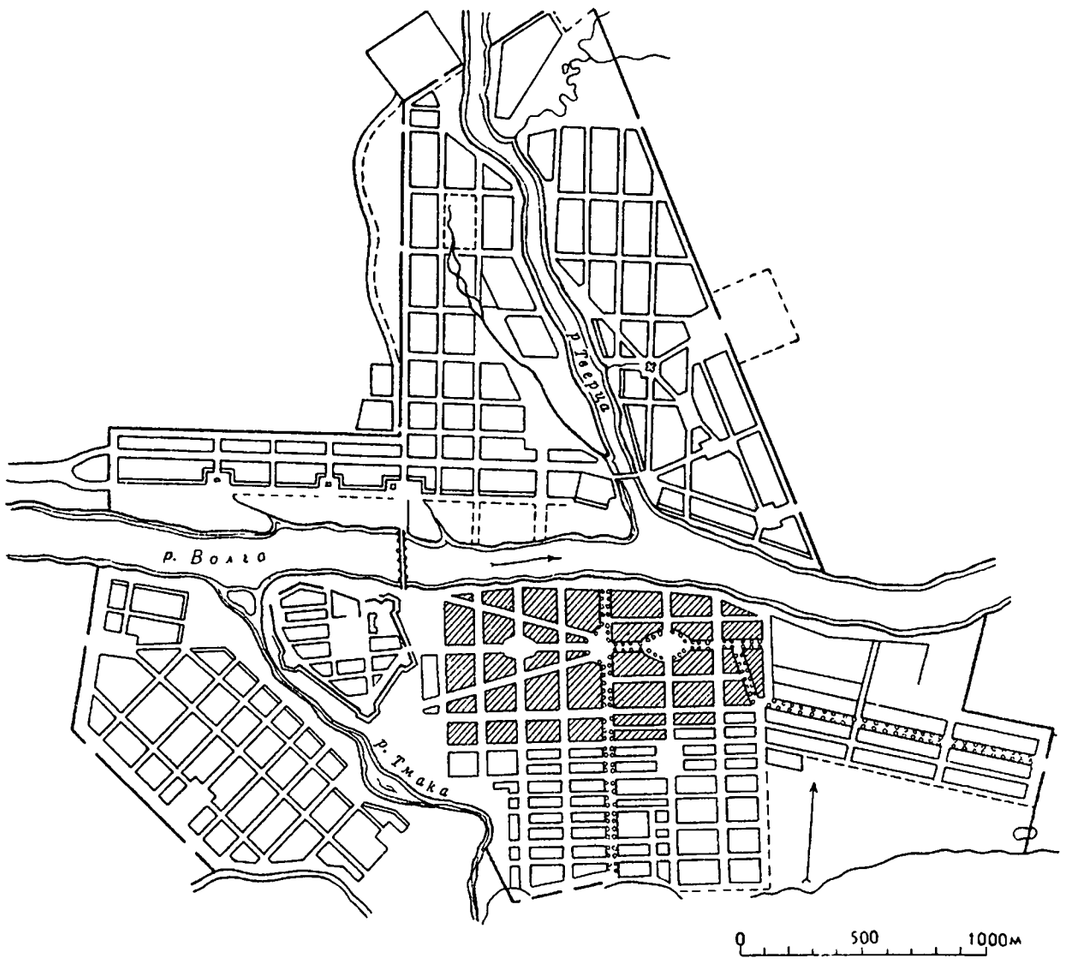


Рис. 5. Тверь (Калинин). План города

Петр Романович Никитин (1735—1784), учился в Москве у арх. Д. В. Ухтомского, которого сменил в 1760 г., став руководителем его архитектурной «команды» и школы. С 1763 по 1770 г. П. Р. Никитин жил в Твери, где возглавил работы по восстановлению города после пожара, составил проект новой планировки города и участвовал совместно с другими архитекторами «команды» в проектировании всех зданий города этого периода. В 1777—1778 гг. Никитин построил каменный мост в

Калуге, а в 1785 г. по его проекту было закончено там же здание присутственных мест. Последние годы жизни работал в Москве.

Матвей Федорович Казаков (1738—1812) родился в Москве. Четырнадцатилетним подростком Казаков поступил в архитектурную «команду» Ухтомского; в 1753—54 гг. участвовал вместе с другими учениками в постройке Головинского дворца; в 1760 г. его произвели в прапорщики архитектуры, что означало завершение ученичества. Началом творческой деятельности Казакова была его работа под руководством П. Никитина в Твери, куда его направили после пожара 1763 г. в «команду» молодых архитекторов школы Ухтомского. Казаков работал в качестве помощника Никитина. С Тверью связаны первые самостоятельные постройки Казакова: он перестроил здесь в 1763—1767 гг. здание архиерейского дома в путевой дворец, разработал фасады здания присутственных мест и возвел ряд жилых домов, но коллективный характер работы тверской «команды» не позволяет определить, какие именно «образцовые чертежи» и жилые дома в Твери были им выполнены. В конце 60-х — начале 70-х гг. Казаков работает совместно с Баженовым над проектом большого Кремлевского дворца. В дальнейшем он выступил самостоятельно как замечательный зодчий, что проявилось в высоком мастерстве его построек этого времени — Сената в Московском Кремле, усадьбы Петровское Демидовых, церкви Филиппа Митрополита и др.

В 1780—1790 гг. Казаков строит Университет, Голицынскую больницу, Дом Благородного собрания, усадьбы, жилые дома, дворцы, церкви, участвует в планировке и строительстве городов провинции, работает в качестве члена различных строительных комиссий. Построив огромное количество зданий, Казаков во многом определил архитектурный облик Москвы конца XVIII—начала XIX в. К началу XIX в. относятся такие его произведения, как Павловская больница, проект перестройки дома Лопухина. В эти годы под руководством Казакова составлялись альбомы лучших зданий, построенных в Москве в конце XVIII в. и проводились работы по составлению перспективного, так называемого «фасадического» плана Москвы. Казаков воспитал целую плеяду архитекторов, работавших под его руководством. Он умер в 1812 г. в Рязани.

При постройке Твери использовали «образцовые» проекты, выполненные силами тверской «команды» при участии Петербургской комиссии строений (А. Квасова). Площади города застраивались административными зданиями. Так, на Фонтанной площади в соответствии с ее восьмиугольным контуром построили четыре однотипных здания.

Для жилой застройки были разработаны три основных образцовых проекта: каменные двухэтажные дома с разрывами между ними, такие же каменные дома со «сплошной фасадой» (без разрывов, под одной кровлей, разделенной брандмауэрами) и деревянные на каменных погребах со сводами. Простейшим элементом типовой жилой застройки стал двухэтажный дом для одного владельца протяженностью 8 сажен. Дом для двух владельцев проектировался из двух таких секций. Дом со «сплошной фасадой» составлялся из таких же секций, но с несколько видоизмененной планировкой. Вариантность проектов, исходящую из однотипных секций сдвоенных и сблокированных домов, здесь впервые разработали для городского жилого строительства. Типовые проекты жилых домов тесно связывались с общим планом застройки города. Каждый тип здания был закреплен за определенными районами и кварталами города.

Жилые дома, построенные в Твери по «образцовым» проектам 1763—1767 гг., сохранившие свой первоначальный облик (например, два дома на «большой перспективе», ныне Советская улица, № 39 и 59), имеют оконные проемы, обрамленные наличниками, и филенки, создающие ритм вертикальных членений, что в сочетании с гладью стен служит основным мотивом композиции фасадов этих зданий. Все архитектурные детали — наличники, филенки, карнизы, пояса — выполнены не штукатуркой и лепниной, а простым выпуском кирпича. Стены покрыты по кирпичу обмазкой, фундаменты сложены из бутового камня.

Опыт строительства Твери по образцовым проектам учитывался и в других городах уже в те же годы. В середине же 70-х гг. Петербургская комиссия строений на основе «образцовых» проектов Твери составила две группы типовых проектов. Первая включала пять типов фасадов жилых домов, вторая — три варианта зданий с лавками. Эти чертежи прилагались к утвержденным комиссией планам городов для обязательного применения в застройке. Но типизированы были лишь уличные фасады; наружные украшения, внутренняя планировка и дворовые фасады могли быть любыми, «какие кто желает». С этого времени при утверждении планов городов предлагали строить не «против Твери» (по образцу Твери), как указывалось ранее, а строить «против прочих вновь возводимых городов». Присланные из Петербурга проекты детально разрабатывались на местах применительно к местным условиям.

В это время начинается перестройка Казани, Астрахани, Ярославля, Осташкова (рис. 6), Торжка; составляются планы Кargополя, Оренбурга, Дорогобужа, Белгоро-

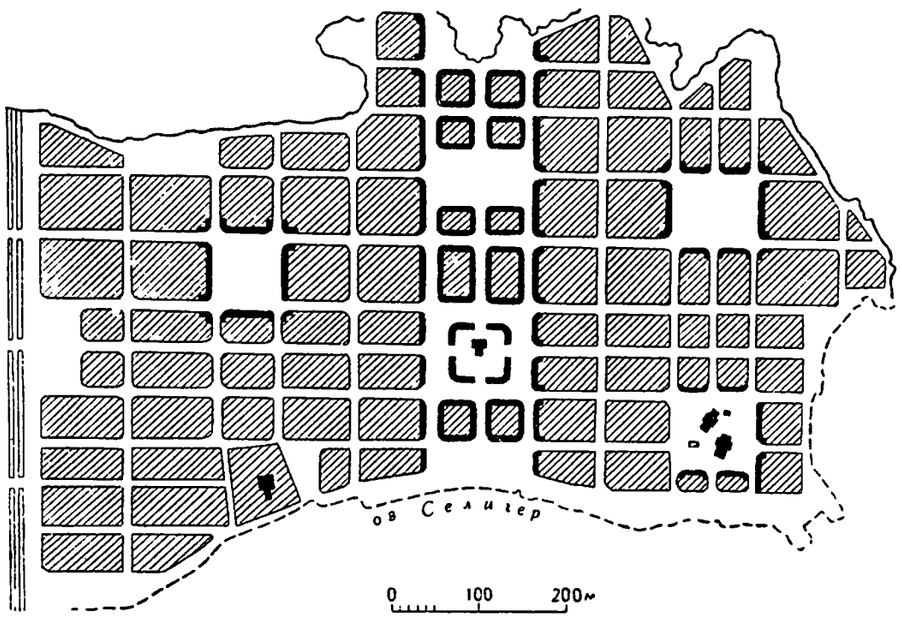


Рис. 6. Осташков. Фрагмент плана города

да, Воронежа и других городов провинции. Возникают и некоторые новые города, как, например, Богородицк (рис. 7).

Лучшие из проектов, осуществленных в натуре, отвечали требованиям регулярной планировки и реальным условиям развития города, особенностям его рельефа и сложившейся застройки. Но строительство по типовым проектам не исключало своеобразия застройки каждого города. Например, в отличие от Твери план застройки Казани разрабатывали исходя из исторически сложившейся планировки города. Хотя Казань после большого пожара 1765 г. должна была отстраиваться по тверским проектам, дома не построили «сплошной фасадой».

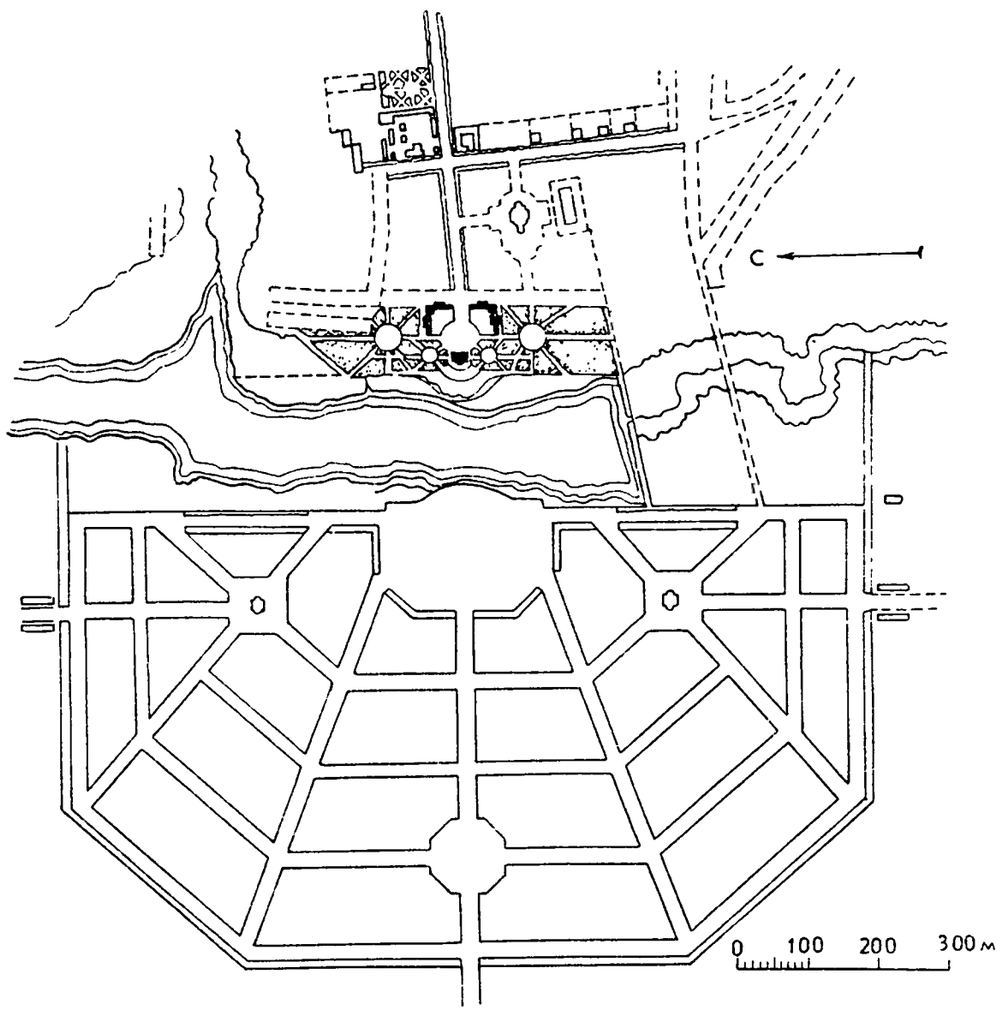


Рис. 7. Богородицк. План города

За исключением Петербурга с его большой плотностью населения, Твери и некоторых улиц Москвы, жилая застройка «сплошной фасадой» не осуществлялась, несмотря на то что в планах ей неизменно отводилось место. Города заселялись недостаточно плотно, так как еще господствовали традиции усадебного заселения, и опыт Твери в этом отношении оставался неиспользованным.

Количество составленных и утвержденных планов городов в 60—70-х гг. XVIII в. по сравнению с последним двадцатилетием века не велико (16 планов), но значение этого периода в развитии русского градостроительства огромно. В это время в основном разрабатывались принципы проектирования и массовой застройки провинциальных городов, получившие впоследствии, в конце XVIII — начале XIX в. широкое распространение в русском градостроительстве. Не случайно к этому времени относится большинство градостроительных указов, имевших значение законов в области строительства. Вместе с тем это был период проведения генерального межевания и геодезической съемки городов, подготовки необходимых кадров планировщиков в Петербургской комиссии строений, при Каменном приказе в Москве, в «командах» архитекторов.

Наибольшим достижением русского градостроительства 60—70 гг. стало централизованное составление и осуществление под контролем государства проектов планов городов и руководство их массовой застройкой. Но тем не менее не все проекты городов были должного качества. В некоторых из них допускалось механическое применение регулярной системы в плане города, игнорировался естественный рельеф. Это видно, например, в плане г. Серпейска (1779), имеющего очертания правильного восьмиугольника, форма которого противоречила и внутренней планировке города, и условиям рельефа местности.

Градостроительство Москвы. В 60—70-х гг. XVIII в. оживились градостроительные работы и в Москве. Этому в известной степени способствовала деятельность Комиссии строения, распространявшаяся на Москву, которая сохраняла свое значение в экономической и культурной жизни страны. Сложившаяся структура древнего города с его радиально-кольцевой системой построения, с традиционной усадебной за-

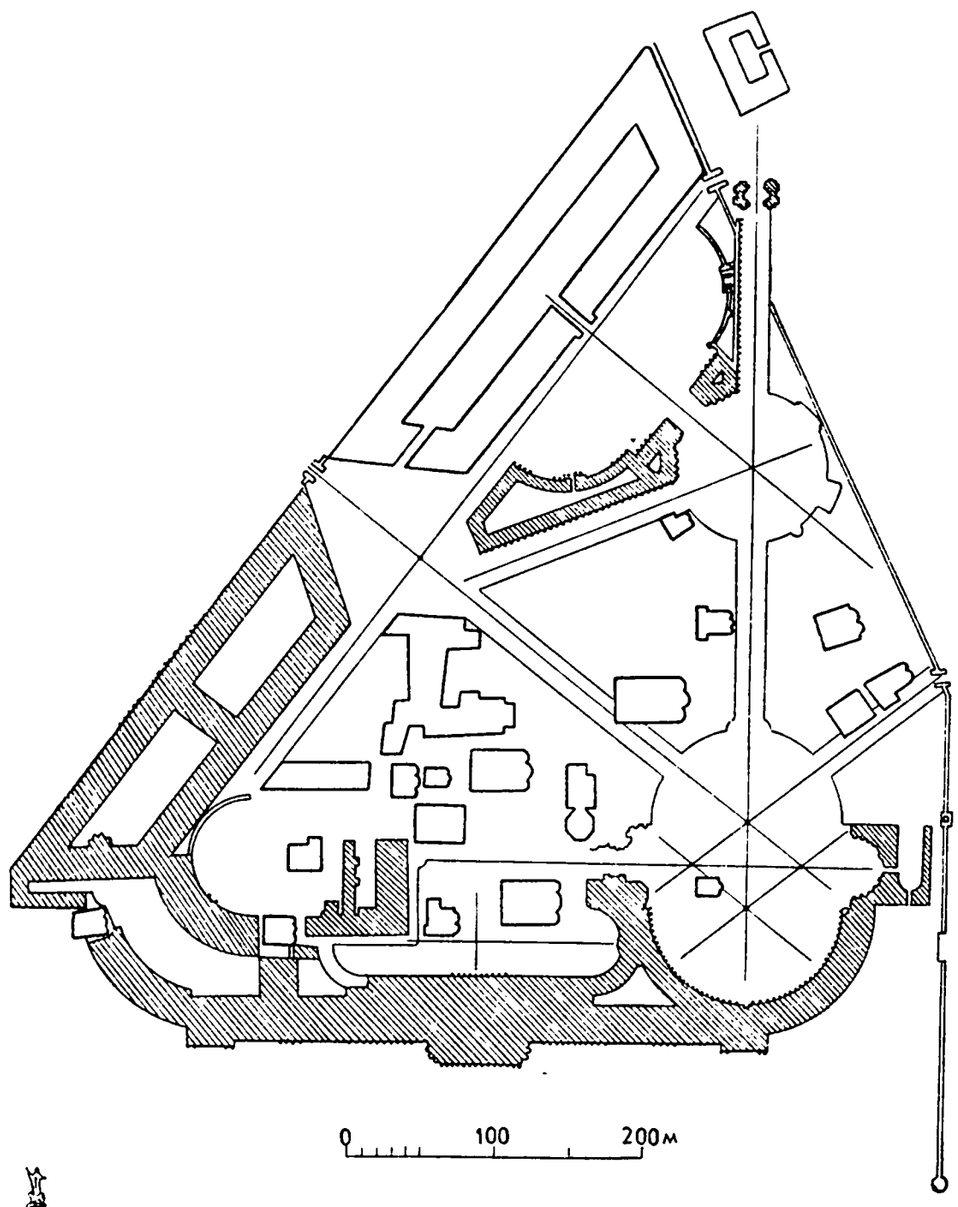
стройкой и большим количеством обособленных богатых владений препятствовала введению новых градостроительных приемов, что не позволило полностью реализовать проекты перепланировки города. К 1767 г. относится составление фиксационного плана города, так называемого плана Горихвостова.

В этом же году Баженов начинает свою работу над проектом Кремлевского дворца. Грандиозный дворец с прилегающими к нему вспомогательными корпусами и целой системой площадей и магистралей внутри Кремля должен был коренным образом изменить облик последнего (рис. 8).

Василий Иванович Баженов (1738—1799) родился в селе Дольском близ Малоярославца. С пятнадцати лет Баженов уже работал в артели живописцев на строительстве Головинского дворца при «команде» арх. Д. В. Ухтомского. В 1755 г. он был зачислен в гимназию при открывшемся Московском университете, откуда вскоре переведен в Петербург для определения во вновь созданную Академию художеств. С 1755 по 1758 г. Баженов находился в обучении у арх. С. И. Чевакинского и работал с ним на постройке Никольского Военно-морского собора в Петербурге. В 1760 г. его направили для продолжения образования за границу. Находясь в качестве «пенсионера» в Париже и в Италии, Баженов достиг больших успехов. Он был избран членом Болонской и Флорентийской академий и профессором Римской.

В 1765 г. по возвращении на родину Баженов получил звание академика, но к профессорской деятельности не был допущен. В том же году Баженов составил так называемый проект Смольного института (не осуществлен). Вероятно, в эти же годы он проектировал и строил здание Арсенала в Петербурге. В 1767 г. ему поручили составление проекта Кремлевского дворца.

Баженов построил в Москве, Петербурге и провинции много различных сооружений. В Москве— дома Пашкова, Долгова и Прозоровского, колоколь-



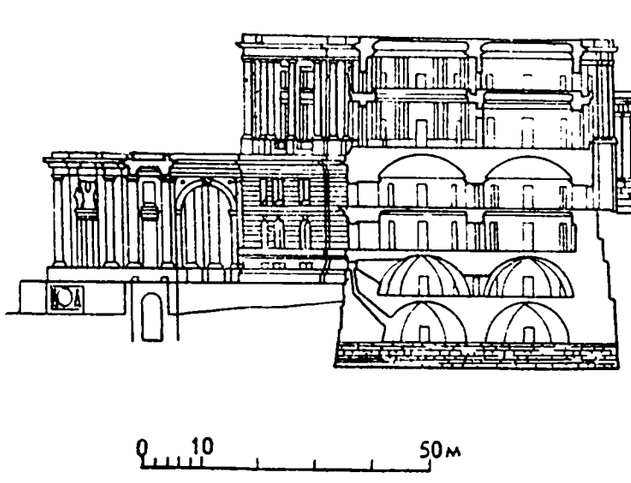


Рис. 8. Москва. Проект Большого Кремлевского дворца, 1767—1775 гг., арх. В. И. Баженов. Генеральный план, разрез по дворцу и набережной с видом на площадь, большой зал (интерьер)

ню и трапезную церкви Скорбящей Божей матери. В Подмосковье Баженовым создается комплекс построек в усадьбе Царицыно. Ему же приписываются под Москвой усадьба в селе Михалково и церковь в Черкизове-Старках; в провинции — усадьба в селе Красном, церковь в селе Знаменке (Тамбовской области) и некоторые другие постройки. Последним крупным произведением Баженова в Петербурге был проект Михайловского (Инженерного) замка, строительство которого с некоторыми изменениями осуществил в 1797—1800 гг., арх. Бренна. В последние годы Баженов, находясь на посту вице-президента Академии художеств, предложил проект реорганизации Академии и издания увража «Российская архитектура», в котором предполагалось опубликовать чертежи лучших памятников русского зодчества. Баженов — не только архитектор-практик, но и теоретик, учитель целого поколения русских зодчих.

Проект Кремлевского дворца, над которым Баженов работал с 1767 по 1775 г., — самое крупное произведение зодчего. В своем проекте он задумал создать новый центральный ансамбль города.

Общественное содержание своего замысла Баженов выразил в надписи на закладной доске: «К славе великой империи, к чести своего века, к бессмертной памяти будущих времен, к украшению столичного града, к утехе и удовольствию своего народа»[1]. Проект остался неосуществленным. В мае 1775 г. вскоре после торжественной закладки дворца (1 июня 1773 г.), строительство прекратилось. Основной причиной этого были необычайно большой объем и огромная стоимость строительства.

В Центре Кремлевского ансамбля по проекту размещалась громадная овальная площадь с трибунами, предназначенная для парадов и народных празднеств. К площади подходили три лучевые магистрали, продолжившие направление важнейших городских улиц и старых дорог к Москве от Петербурга, Ярославля и Владимира, чем подчеркивалась связь Кремля не только с Москвой, но и со всей Россией. Дворец располагался вдоль кремлевского холма, связываясь с рекой монументальными лестницами и террасами. Основные корпуса дворца занимали пространство по периметру кремлевских стен от Спасских до Троицких ворот. Главным фасадом дворец был обращен в сторону Москвы-реки. Парадные двухсветные залы находились в двух верхних этажах 6-этажного частично заглубленного в землю здания. Два верхних этажа объединялись большим ордером колонн и пилястр; нижележащая часть здания (с тремя ярусами окон) трактовалась как высокий рустованный цоколь. Главный фасад, обращенный к Москве-реке, был запроектирован протяженностью в 300 саженей (639 *м*). Модель дворца свидетельствует о величественности замыслов Баженова и дает наглядное представление о дворце и его интерьерах.

В процессе проектирования Кремлевского дворца Баженов произвел обмеры Кремля и гидрогеологические изыскания. Он составил также план строительных работ, в котором одновременно со строительством дворца предусматривались большие работы по вертикальной планировке территории. Для поддержания Кремлевского холма с расположенными на нем соборами, дворцами и колокольней Ивана Великого, Баженов запроектировал нижние этажи дворца как мощную подпорную конструкцию.

Новое в типологической схеме дворца (отказ от анфиладной системы построения интерьера, характер постановки здания на площади и т. д.) отчетливо выявляется при сопоставлении ее со схемами Зимнего и Царскосельского дворцов Растрелли.

К годам работы Баженова над проектом дворца относятся его пояснительные записки к проекту и заметки теоретического характера, созвучные эстетическим началам формирующегося русского классицизма. Касаясь конкретных вопросов предполагаемого строительства, Баженов затрагивает и некоторые общие проблемы архитектуры: он пишет об общественном значении архитектуры, об обязанностях архитектора, дает оценку главнейшим этапам развития мирового зодчества. Выражая взгляды своего времени, Баженов выделяет греческую античную архитектуру, создавшую «совершенные» правила ордерности, как образец и художественный идеал для зодчих нового времени.

Вместе с тем Баженов выдвигает проблему национальных особенностей зодчества, характеризуя безордерную допетровскую архитектуру как проявление общего в истории европейского зодчества «готического» этапа развития. Таким образом, русская архитектура рассматривалась как часть архитектуры общеевропейской, а древнерусское зодчество получало равноправное место в истории архитектуры европейских народов.

[1] А. И. Михайлов, В. И. Баженов. М., 1951, стр. 89.

Рис. 9. Москва. Генеральный план, 1775 г.

В 1775 г. был утвержден проект планировки Москвы, разработанный Московским отделением Комиссии строения (рис. 9). Новый проект, сохраняя исторически сложившуюся радиально-кольцевую структуру города, вместе с тем представлял собой такую планировочную систему центра, которая отвечала жизненным потребностям города. План намечал общую перспективу развития центра Москвы с созданием вокруг Кремля системы площадей, расположенных полукольцом вдоль р. Неглинной и к востоку от нее. Таким образом, получила новое осмысление кольцевая планировочная структура Москвы. Композиционным центром Москвы по-прежнему оставался Кремль, вокруг которого расширялась зона центрального района города, где предполагалось строительство крупных представительных зданий.

При разработке плана Москвы 1775 г., как и плана Петербурга, ставилась задача упорядочить жилую застройку, шире внедрить в нее каменное строительство и улучшить благоустройство города. Было проведено разграничение города и предместья. Проект определял границы города по Камер-Коллежскому валу, которым в 1742 г. обнесли Москву. Центральные площади и разрывы бульваров, в местах их пересе-

чения с радиальными улицами, предполагалось обстроить крупными зданиями. Создавался удобный подъезд для подвоза товаров, проектировалась гавань для подвозки зерна и площадь перед ней. С 1775 г. стал действовать специальный орган — Каменный приказ (существовал до 1782 г.), учрежденный для проведения в жизнь плана Москвы и для развития каменного строительства.

Основной вид строительства Москвы этого времени — жилая застройка, в которой уже тогда видное место занимали крупные дворянские усадьбы с главным домом, отнесенным в глубину парадного двора. Осуществлявшие рядовую жилую застройку города средние слои населения — чиновники, мелкие купцы, торговцы, владельцы различных мастерских и пр. — постепенно отказывались от прежней свободной планировки и строили дома главным фасадом по линии улицы, отчасти под усилившимся давлением регулирующих строительных органов Москвы, а также в силу уплотнения застройки.

2. ЗАСТРОЙКА ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

Жилые здания

В 60—70-х гг. XVIII в. в основном велось строительство крупных домов по индивидуальным проектам и массовое строительство по «образцовым» проектам, разработанным в Петербурге и применявшимся в городах всей страны.

Особенности жилой архитектуры Петербурга определялись условиями регулярной сплошной застройки столичного города сосредоточенной, главным образом, в центре, особенно на Невском проспекте. В жилых домах на набережной Фонтанки сохранялась дворцовая планировка с подъездными дворами.

Типичен для крупного жилого дома петербургской знати построенный арх. Деламотом в 1762—1768 гг. дом Чернышова. В здании, расположенном на угловом участке, проведен принцип четкой рациональной планировки (рис. 10, *1*). Тот же характер отличает и композиционные приемы построения фасадов. Схема дворца Чернышова (членение на цокольный и парадный этажи, трактовка цокольного этажа в виде рустованной аркады, расположение парадной лестницы и т. д.) в различных вариантах довольно широко использовалась в крупном жилищном строительстве Петербурга 60—70-х гг.

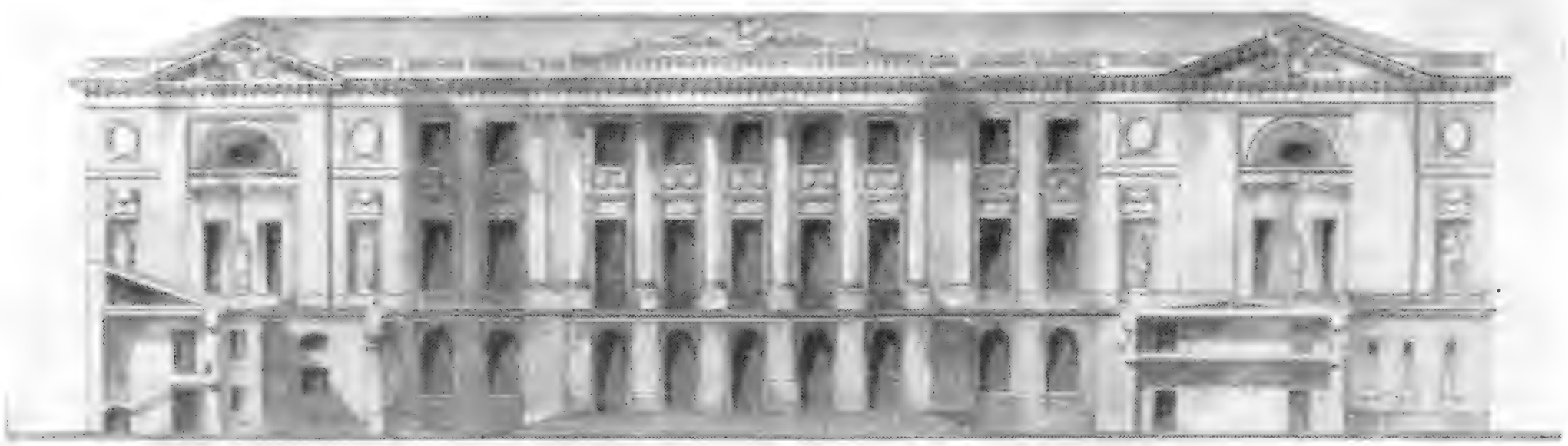
В 1765 г. Квасов разработал проект застройки жилыми домами части обширной площади перед Адмиралтейством и Зимним дворцом. Из домов, возведенных в эти годы, дошли до нашего времени без существенных изменений дом № 17 на улице Гоголя и дома № 8 и 10 на Невском проспекте, расположенные «сплошной фасадой» без разрывов и без отступов от красной линии улицы.

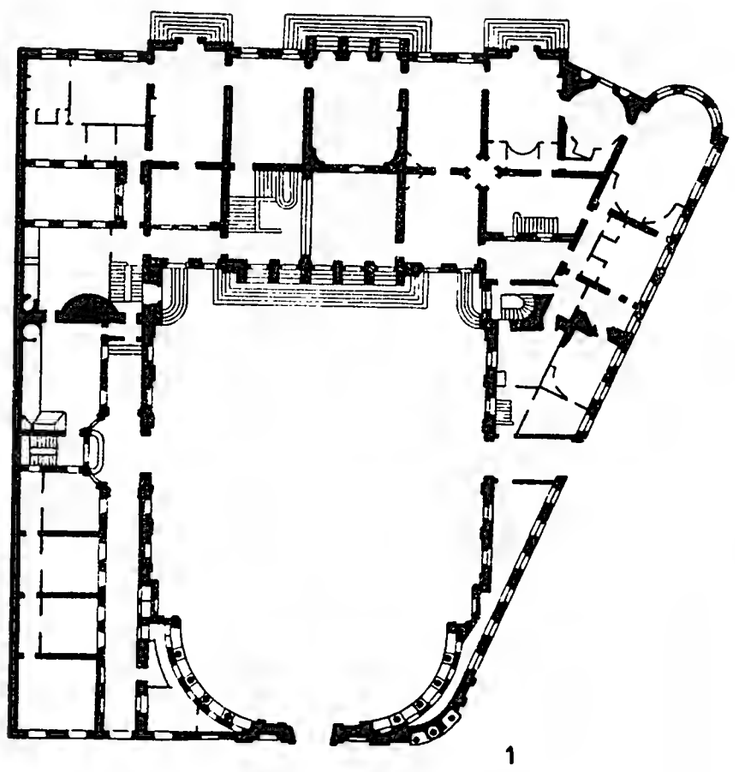
Градостроительные требования ограничивали задачу зодчих, главным образом, разработкой фасадов зданий; планировка домов была однотипной. Дом № 8 (Сафонова) по Невскому проспекту (1760-е гг.) и дом № 10 (Веймарна, 1768—1770) характерны для жилых домов Петербурга своего времени. Оба дома аналогичны в планировочном отношении и в композиции фасадов (рис. 10, *2* и 10, *3*). Дом Веймарна, замыкающий перспективу нынешней улицы Гоголя, сохранил свой первоначальный внешний вид и частично отделку интерьеров. К типу крупных жилых домов Петербурга относится также дом петербургского генерал-полицмейстера Чичерина (1768—1771) [1]. Особенность его фасада — двухъярусные колоннады (нижнего яруса — тосканского, верхнего — композитного ордера).

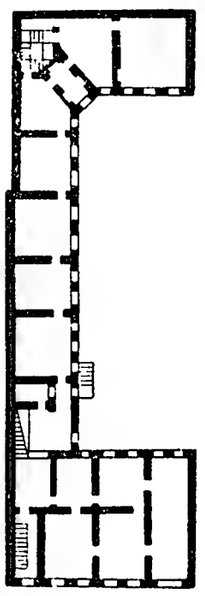
Рядовая жилая застройка центра Петербурга в значительной своей части проводилась по «образцовым» проектам. Так, в 1766 г. были утверждены два выполненных Квасовым «примерных фасада» для рядовой застройки Адмиралтейской части города.

В Москве в этот период также распространялась застройка по красной линии улицы. Дома отодвигались от красной линии лишь в том случае, если требовалось использовать в новой постройке стены или фундаменты старых зданий. Одним из примеров крупного жилого дома этого времени может служить построенный Казаковым дом А. Н. Голицына на Б. Лубянке (рис. 11, *2*). Фасад здания с фронтоном в центре обработан лопатками, типичными для московской архитектуры 1770-х гг. План дома прямоугольный, со входом с

[1] Дом Чичерина строили с намерением отдавать часть помещений внаем, т. е. в известной степени это был и доходный дом. Об этом свидетельствует объявление в «СПБ ведомостях», 1771 г., № 85.







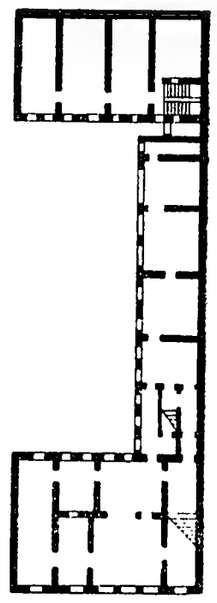


Рис. 10. Петербург. Жилые дома, 1760—1770 гг. *1* — дом Чернышова — фасад, план; *2* — дом Сафонова — общий вид и план; *3* — дом Веймарна — план

торца. В первом этаже размещались преимущественно подсобные помещения, во втором — парадные комнаты, анфиладно расположенные в сторону улицы (аванзал, гостиные, кабинет, парадная спальня и т. д.). По оси фасада, обращенного внутрь участка, находился большой парадный зал, соединенный со средней гостиной. Такая планировка дома, и, в частности, такое расположение большого зала внутрь участка свидетельствуют о сохраняющихся еще традициях планировки жилых домов московской знати середины XVIII в. (например, дом Апраксина у Покровских ворот, упоминавшийся в предшествующей главе, с центральным большим овальным залом, обращенным в сад).

Типологически близок к дому Апраксина сооруженный Баженовым дом Румянцева на Маросейке (рис. 11, *1*). В доме Румянцева с его усложненной осевой системой плана, с радиальной связью главных залов и криволинейными очертаниями капитальных стен создан своеобразный узорный рисунок плана. В этом отношении дом Румянцева сближается как с русскими двор-

цами предшествующего времени, так и с аристократическими особняками Франции периода рококо, когда рациональная организация жилья зачастую подчинялась стремлению к изысканным очертаниям плана.

В казаковских домах Голицына на Б. Лубянке и Ермолова на Тверской проявлялась другая тенденция. Здесь зодчий не прибегал к сложным неэкономичным криволинейным очертаниям капитальных стен. Посредством легких перегородок создавалась гибкая конструктивная система планировки жилых и парадных помещений дома. При разработке парадного, представительного интерьера дома использовалась простая и удобная структура рядовых городских домов с их прямоугольной конфигурацией плана и прямоугольными помещениями.

В 60—70-х гг. XVIII в. изменилась внутренняя планировка и рядовых жилых домов. Даже в самых маленьких домах устраивалось несколько комнат. К сеням пристраивались специальные помещения для кухонь и служб. В домах, как правило, было два входа — парадный и черный. Для обработки фасадов этих домов, как и крупных зданий, характерно членение стен лопатками и пилястрами. Строительство рядовых домов велось преимущественно по «образцовым» проектам.

Жилая застройка Москвы отличалась от петербургской бóльшей свободой и разнообразием композиционных приемов. В строительстве Петербурга проводилась более строгая, чем в Москве, регламентация, и застройка велась главным образом «сплошной фасадой». Жилые дома в это время строились одно-, двух- и трехэтажные со стенами в 2,5—3 кирпича. Рядовые дома большей частью были деревянные.

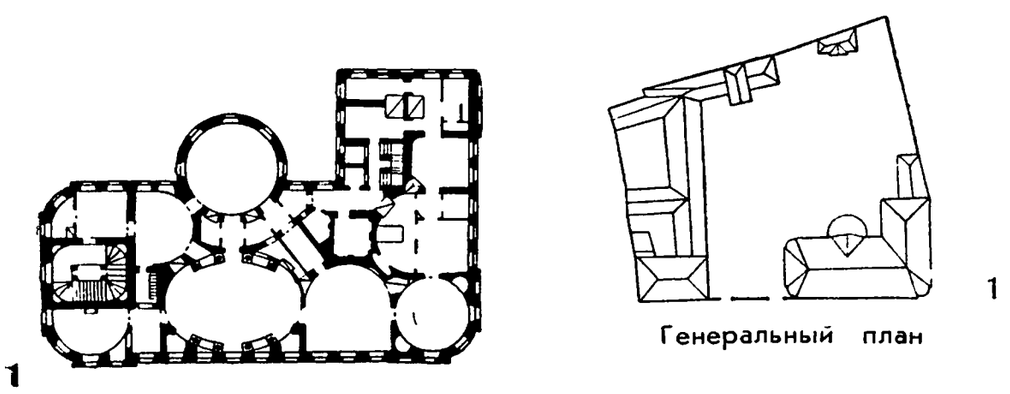


Рис. 11. Москва. Планы жилых домов, 1760—1770 гг.: *1* — дом Румянцева — план; среднего этажа, генеральный план; *2* — дом Голицына на Лубянке — план нижнего этажа

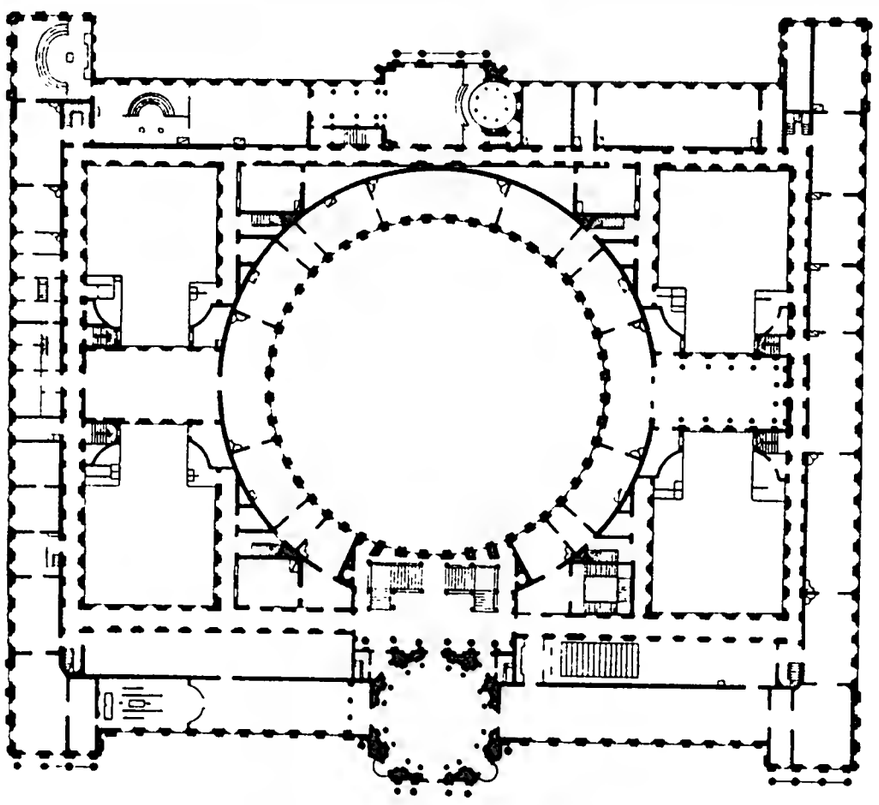
Общественные и административные здания. При проектировании и строительстве общественных зданий нового назначения зодчие обращались к дворцам и общественным зданиям середины века. Однако старые типологические схемы не отвечали новым требованиям и нуждались в переработке. Как уже отмечалось, устарела, например, анфиладная композиция дворцов Растрелли с ее проходными помещениями без коридоров, не удовлетворявшая требованиям общественных зданий, для которых нужна была система залов и сгруппированных вокруг них целесообразно используемых помещений.

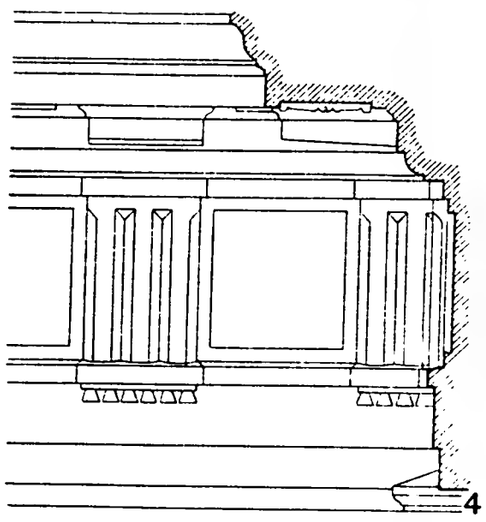
Сложение нового типа государственных административных зданий, учебно-воспитательных заведений и др. обусловливалось, в частности, созданием в них обширного и представительного зала для торжественных общественных собраний. Такой зал, бывший ранее принадлежностью царских дворцов, теперь стал необходим как помещение для собраний дворянства, как актовый зал в учебных заведениях и т. п. В архитектуре этих залов отразились эстетические представления того времени о «гражданственных» идеалах архитектуры, воплощение которых видели в формах античности (например в купольном зале типа римского Пантеона). Купольная монументальная ротонда, игравшая видную роль в застройке улиц и площадей, стала теперь принадлежностью светского монументального здания, тогда как раньше такие композиции были характерны в основном для церковных зданий.

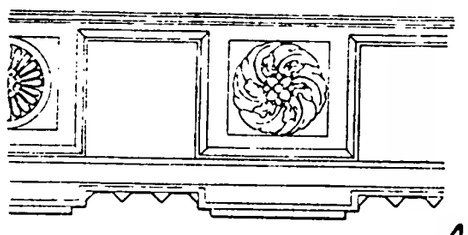
Искания русских зодчих в области разработки типа крупного общественного здания нашли свое выражение в композиции петербургской Академии художеств (рис. 12), построенной арх. А. Ф. Кокориновым в 1764—1788 гг. (по проекту, разработанному им в содружестве с арх. Деламотом), Сенате в Москве и др.

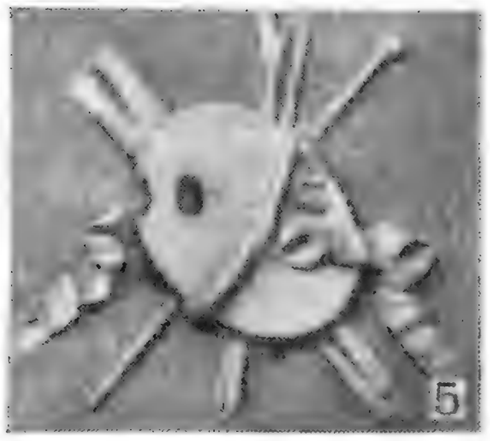
Кокоринов Александр Филиппович (1726—1772) родился в Тобольске, где с 1740 г. учился у сосланного туда арх. И. Бланка. С 1742 г. учился в Москве, сначала у того же Бланка, и у Коробова, затем в архитектурной «команде» Д. Ухтомского. В 1749 г. получил звание «архитектуры гезеля», в 1752—1753 годах строил подмосков-

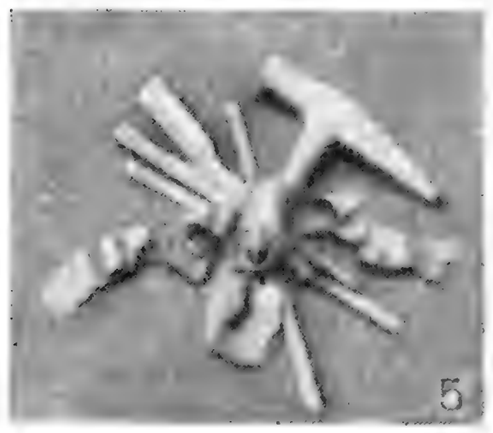
1

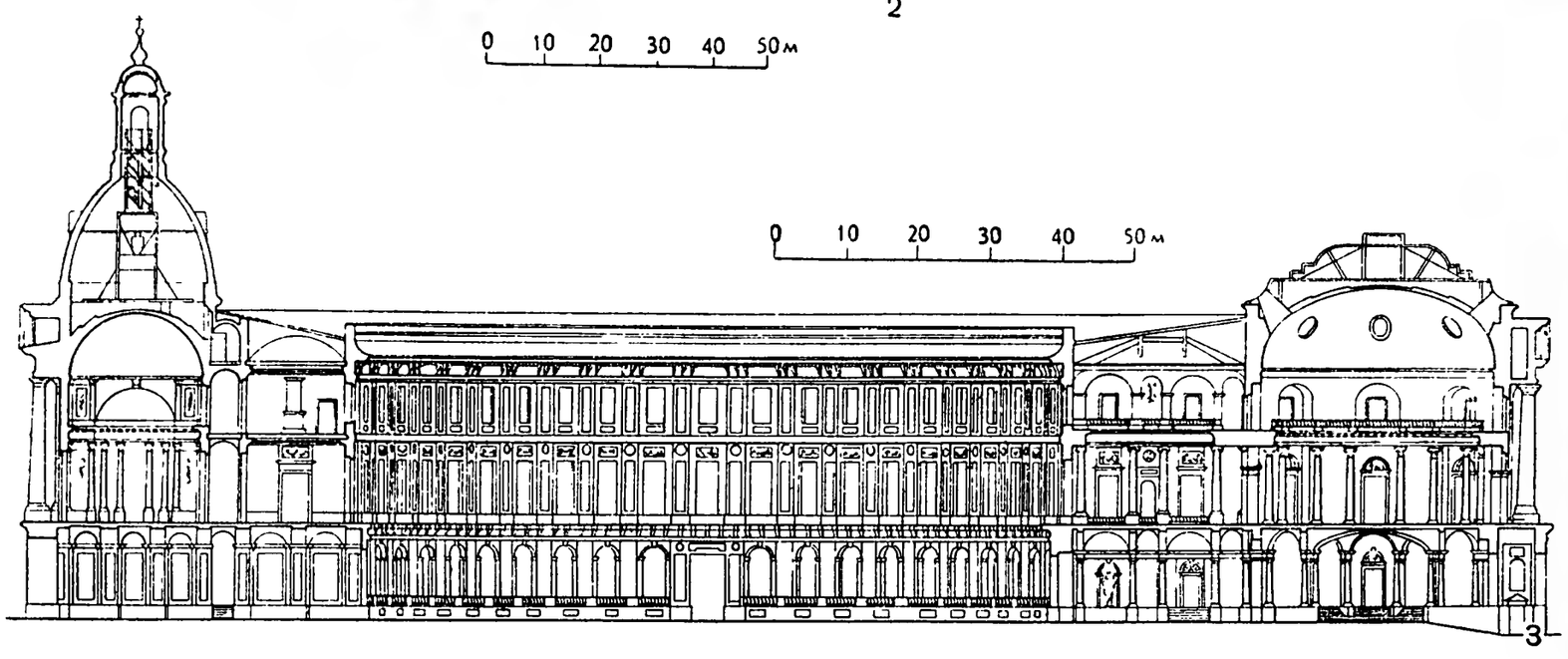

2


4


4


5


5



3

6

Рис. 12. Петербург. Академия художеств, 1764—1788 гг., арх. А. Ф. Кокоринов при участии арх. Ж.-Б. Валлен-Деламота: *1* — вид с Невы; фото А. А. Александрова; *2* — план 2-го этажа; *3* — продольный разрез; *4* — карниз главного фасада; *5* — метопы

ную усадьбу К. Разумовского «Петровское-Разумовское». В 1754 г. Кокоринов получил звание архитектора и переселился в Петербург, где построил дом Шувалова, Академию художеств и вел большую педагогическую работу.

В 1758 г. был назначен архитектором академических зданий, с 1761 г. — директором, а с 1769 г. — ректором Академии художеств.

В Академии художеств применена ранее сложившаяся в Петербурге композиция вынесенного на улицу монументального дворцового здания с внутренним замкнутым двором. Но эта композиция была разработана применительно к особенностям высшего художественного учебного заведения, игравшего заметную роль в общественной жизни страны. Внутри большого прямоугольника, близкого в плане к квадрату, заключен круглый парадный двор, а по сторонам его — малые служебные дворы. Обширному пространству центрального парадного двора (диаметром около 40 *м*), связанного открытым проездом (позднее превращенным в вестибюль) с улицей, соответствовал внушительный внешний фасад сооружения. Во втором этаже корпуса, обращенного к Неве, размещены главные парадные залы. Рабочие помещения, идущие по периметру здания, связаны между собой коридорами, обращенными в сторону двора. Богато отделаны вестибюль, парадная мраморная лестница и, особенно, круглый в плане конференц-зал, перекрытый куполом эллиптической формы, расположенный по главной оси сооружения.

Следует отметить родство типологической схемы здания Академии художеств с хорошо знакомыми русским зодчим схемами общественных зданий французского классицизма XVIII в. (Академии Пейра, зданий с центральным куполом Габриэля, Ж. Ф. Блонделя и др.) и таких произведений английской архитектуры, как проект дворца Уайтхол Иниго Джонса. В петербургской Академии художеств отчетливо видны рациональная трактовка геометрически правильных очертаний плана, тектонически ясное построение симметричных объемов и фасадов, обращение к принципам античной архитектуры. Фасад здания мерно расчленен колоннами и пилястрами дорического ордера, а средний и боковые ризалиты выделены каждый четырьмя свободно стоящими колоннами. Центральная ось подчеркнута фронтоном, куполом, античными скульптурами между колоннами, а также выступами нижнего этажа и заглублением верхних этажей в портике. По-новому, в отличие от архитектуры барокко, дано соотношение колонн и стены, а также цокольного и верхних этажей. Обработка стен здания Академии художеств строга, основные членения фасада, построены по ордерной системе. Нижний, рустованный этаж с арочными окнами трактован как массивный цоколь, два верхних объединены колоннами и пилястрами дорического ордера. Однако и здесь граница между этажами не теряется, а подчеркивается при помощи полосы меандра. Портики, колонны, пилястры и другие элементы ордерной системы выявляют архитектоническую основу здания, подчеркивают членения по этажам, выделяют наиболее важные элементы композиции сооружения.

Во всем этом нашло отражение новое понимание архитектурной выразительности и красоты. Художественный образ здания был призван выражать в архитектуре то представление о «рациональном» и «разумном», которое соответствовало рационалистической философии XVIII в. и художественным взглядам передовых слоев русского общества того времени, проникшихся идеями просветительства и гражданственности. Но в архитектуре здания Академии художеств имеются еще стилевые элементы прошлого, например криволинейность выступов центрального ризалита, сложная композиция парадной лестницы и вестибюля и т. п. Черты нового, проявившиеся в архитектуре Академии художеств, свойственны и другим крупным сооружениям Петербурга этих лет, например зданиям «Новой Голландии», Гостиного двора, Арсенала и др. Все эти здания со строго геометрическими планами и объемами помещений, четко построены и расчленены по-новому классическими ордерами.

Развитие типа государственного здания общественного назначения 1760—1770-х гг. и формирование нового стиля в архитектуре можно проследить на примере Воспитательного дома в Москве (рис. 13). В этом новом по своему назначению общественном сооружении, как бы воплощающем идеи «просвещенного абсолютизма» о переустройстве общества посредством воспитания и образования, хорошо разработана функциональная сторона, достигнуто строгое соотношение плана, объема и фасадов здания. По проекту здание, рассчитанное на 8000 детей, состояло из двух корпусов, огра-

ничивающих прямоугольные дворы и объединенных центральным корпусом, выступающим из общего массива здания в сторону Москвы-реки; служебные корпуса обрамляли с трех сторон громадный участок Воспитательного дома. Проект не был полностью осуществлен, были построены только западный и центральный корпуса, восточный корпус возведен лишь в 1930 г.[1].

По характеру построения, по масштабам и принципам композиции типологическая схема Воспитательного дома сходна со схемой проекта госпиталя и инвалидного дома Ухтомского в Москве и схемой планировки Дома инвалидов в Париже. В отличие от декоративно-насыщенной архитектуры произведений Ухтомского в Воспитательном доме, за исключением интерьера церкви, применены очень простые архитектурные средства. Это рустовка цокольного этажа, горизонтали цокольного и венчающего карнизов, простые наличники много-

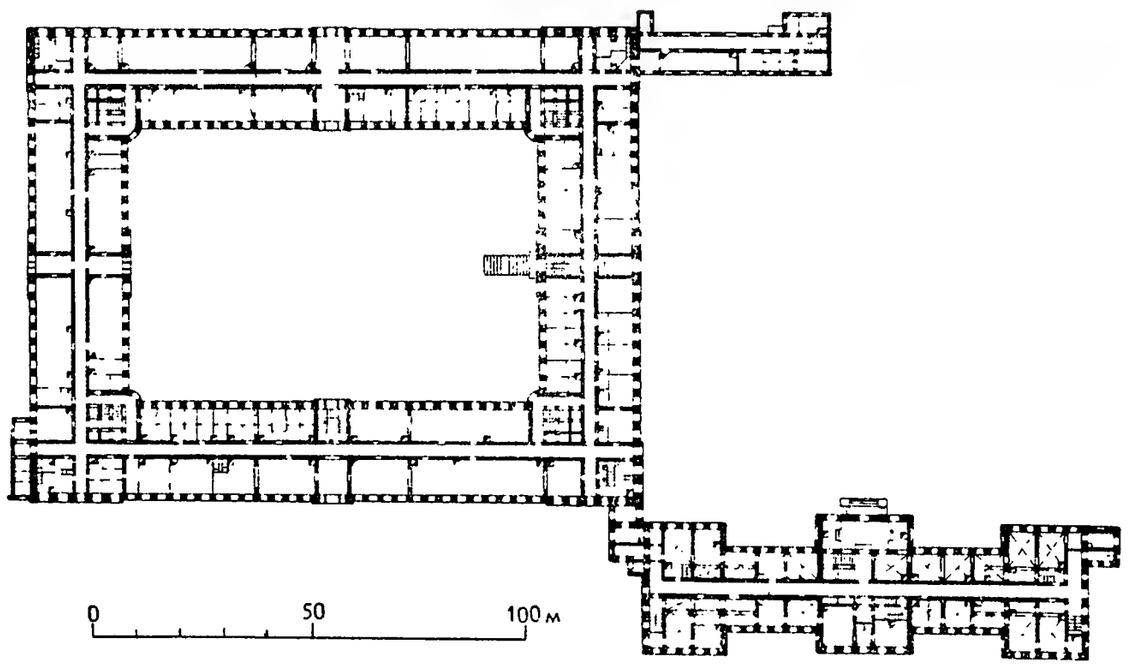


Рис. 13. Москва. Воспитательный дом, 1764—1770 гг. Вид со стороны Москвы-реки, план 2-го этажа

численных окон. В этой трактовке стен отчетливо проявились художественные черты нового. Объединяющей композиционной основой всего огромного по своей протяженности комплекса Воспитательного дома (длиной 379 *м*), занимавшего целый район города, служит трехчастный объем центрального корпуса, выдвинутый на набережную и увенчанный тремя куполами.

Дальнейший шаг в развитии типа правительственного общественного здания — строительство Сената в Кремле (1776—

[1] В литературе авторство Воспитательного дома обычно приписывалось К. Бланку и М. Казакову. Однако новые исследования показали, что проект Воспитательного дома был разработан в Петербурге. (Автор проекта пока не известен, Бланк был привлечен к строительству здания только в 1764 г.).

1787) по проекту арх. М. Ф. Казакова. Здание проектировалось для собраний дворянства Московской губернии, но с переводом из Петербурга в Москву двух сенатских департаментов оно было предоставлено Московскому Сенату, который назывался тогда «Дом присутственных мест». Здание Сената занимает треугольный участок, прилегающий к Кремлевской стене в северо-восточной оконечности Кремля, ограничивая своим главным фасадом Сенатскую площадь под углом к фасаду Арсенала (рис. 14, *4*). План здания имеет форму треугольника с внутренним двором, разделенным поперечными корпусами на три части. Центр композиции — круглый купольный зал, расположенный у вершины этого треугольника на главной оси здания. Все помещения Сената хорошо связаны друг с другом сквозными коридорами, идущими по периметру двора (рис. 14, *3*). По своим типологическим признакам Сенат с его центральным парадным въездом во двор со стороны главного фасада, с внутренним парадным двором, строго осевой композицией близок к Академии художеств и другим крупным общественным зданиям 60—70-х гг. XVIII в., таким, например, как Гостинный двор, Воспитательный дом.

В Сенате Казакова по сравнению с Кремлевским дворцом Баженова проявилось новое осмысление роли Кремля как центра города. В отличие от баженовской идеи создания центральных площадей города внутри самого Кремля в проекте Казакова главное внимание уделялось Красной площади как композиционному звену, которым предполагалось связать старый Кремль с полукольцом площадей, намечаемым вокруг него по плану 1775 г. Купол Сената, совмещаясь с осью Сенатской башни Кремля, должен был фиксировать середину Кремлевской стены между Спасскими и Никольскими воротами и отмечать середину Красной площади. Местоположение купола Сената создавало новую поперечную архитектурную ось площади, закрепленную позднее портиком торговых рядов и памятником Минину и Пожарскому. Сенат с его передовыми для того времени классическими формами (куполом, вписанным в ансамбль Красной площади) и древние сооружения Кремля составляли выразительное архитектурное целое.

Градостроительное содержание композиции Сената, способствовало новому, более полному раскрытию художественного богатства кремлевского ансамбля в круговом обзоре со стороны кольца парадных площадей будущего центра Москвы. Казаков и в последующих своих произведениях — Университете, доме Благородного собрания, осуществляя застройку центральных площадей, ориентировал главную архитектурную ось сооружений, а вместе с тем их главные фасады на Кремль. Общая композиция здания Сената, обусловленная в плане формой отведенного для него участка представляет собой простой, ясно очерченный архитектурный объем. В системе членений этого объема проведено четкое соподчинение частей в соответствии с их практическим назначением. Основным организующим элементом фасадов служит ритм обычных для того времени простых лопаток, идущих на высоту двух верхних этажей, поставленных на высокий пьедестал рустованного первого этажа. В центре фасадов и по углам лопатки заменены пилястрами римско-дорического ордера.

В Сенате мастерски использован необычный прием: сочетание двух равновеликих ордеров—дорического, определяющего главные членения и общий пропорциональный строй всего фасада в целом, и ионического в портике (рис. 14, *1*). Интересен прием взаимопроникновения ордеров: антаблемент ионического портика протянут в упрощенном виде по всему фасаду между лопатками дорического ордера. Центр главного фасада с Сенатской площади, расположенный против главного входа здания Арсенала, построен в виде триумфальной арки. Ионический четырехколонный портик с фронтоном, обрамляющий проезд во внутренний двор здания, подчеркнут куполом овального зала, расположенного над въездной аркой. Арка раскрывает перспективу на композиционный центр сооружения — купольный зал Сената, отодвинутый в глубину парадного пятиугольного двора. Ротонда зала, обрамленная снаружи монументальной дорической колоннадой, — центральный узел всей композиции здания.

В первом варианте проекта Казаков поместил в центре зала как бы свободно стоящую купольную ротонду, окруженную трибунами. В окончательном варианте круглый в плане трехсветный зал обрамлен вдоль стен колоннадой коринфского ордера, отвечающей по высоте большому ордеру фасада. По верху антаблемента колонна-

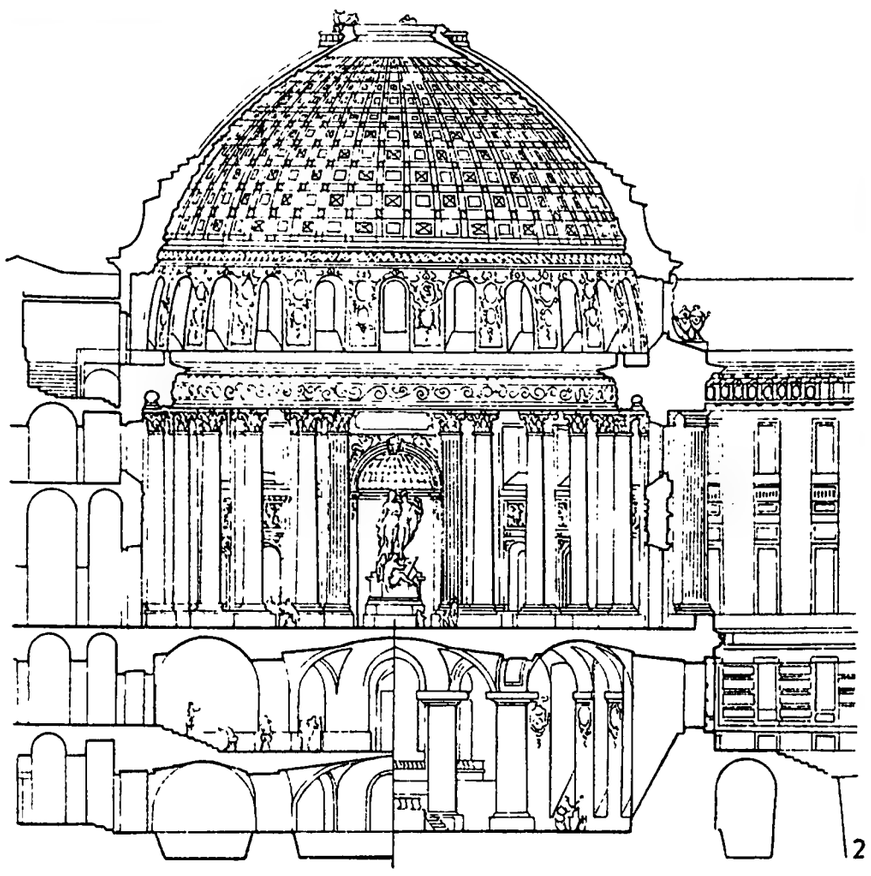


Рис. 14. Москва. Здание Сената в Кремле, 1776—1787 гг., арх. М. Ф. Казаков: *1* — вид с Сенатской площади; *2* — разрез по купольному залу; *3* — план; *4* — генеральный план

ды расположена обходящая зал галерея. Купол прорезан 24 окнами, освещающими сверху зал диаметром 24,7 *м,* высотой 27 *м* (рис. 14, *2*).

Новой в архитектуре Сената была и конструктивная система купола. Купол толщиной 27 *см*, внутренний пролет которого на уровне верха барабана равен 22,5 *м,* вы-

полнен в кирпиче. Казаков разработал такую структуру ротонды, при которой купол опирается не только на стену, но и на колоннаду. Распор купола воспринимается массивом стен зала и его наружной колоннадой. Очертание купола приближается к параболе, близкой к кривой давления. Купол утеплен смазкой из известкового раствора с древесным углем толщиной 20 *см*.

Зрительному эффекту высоты зала и легкости купола способствует обработка его поверхности прямоугольной сеткой узких парных ребер, образующих систему крестообразно расположенных филенок и неглубоких квадратных кессонов с розетками.

Барельефы зала, размещенные под галереей, в простенках между колоннами, над нижними рядами окон раскрывали идейное содержание архитектурного облика сооружения. В художественной форме скульптурных аллегорий прославлялись законность, правосудие, человеколюбие и просвещение — все то, что ожидалось либеральным дворянством от просвещенного монарха. Прототипами московских барельефов послужили сходные барельефы петербургского Сената, в разработке сюжетов которых и сопровождающих надписей принимали участие Г. Р. Державин и Н. А. Львов.

Знание Сената имеет важное значение в развитии архитектуры 60—70-х гг. XVIII в., как следующий шаг в формировании типа крупного общественного здания (по сравнению с Академией художеств, Воспитательным домом и проектом Большого Кремлевского дворца). Главный зал Сената послужил в будущем образцом торжественного купольного зала — ротонды для различного рода общественных зданий и дворцов.

Дальнейшим шагом в развитии типа общественного здания и стиля архитектуры был первый проект здания Московского университета, созданный Казаковым на рубеже 1770—1780-х гг. В этом проекте, от которого зодчий впоследствии отошел (стремясь к большей строгости и лаконичности форм, к усилению композиционной связи здания и города), он применил план здания П-образной формы с парадным подъездным дворцом, обращенным к улице, и с коридорной системой планировки, получившие позднее широкое распространение в зданиях учебных заведений, больниц и т. п.

Академия художеств, Воспитательный дом, университет — основные вехи на пути становления общественного здания русского классицизма второй половины XVIII — начала XIX в. Из других общественных сооружений 60—70-х гг. в Москве выделяется здание Кригскомиссариата арх. Н. Леграна (1778—1780-е гг.). Кригскомиссариат был включен в цепь крупных зданий, расположенных на берегу Москвы-реки, и отвечал массиву Воспитательного дома, расположенного на другом берегу. По своей композиции Кригскомиссариат несколько приближается к типологической схеме университета.

Культовые здания. В эти годы культовые сооружения приобретают черты, во многом сближающие их со светскими сооружениями. Это относится в первую очередь к церквам-ротондам, редким в предшествующее время, но значительно чаще возводившимся теперь и в городах и в загородных усадьбах. Такие церкви-ротонды сходны по внешней и внутренней композиции и классическим «античным» формам с залами — ротондами общественных зданий и угловыми ротондами богатых городских особняков. Хотя численно преобладающим

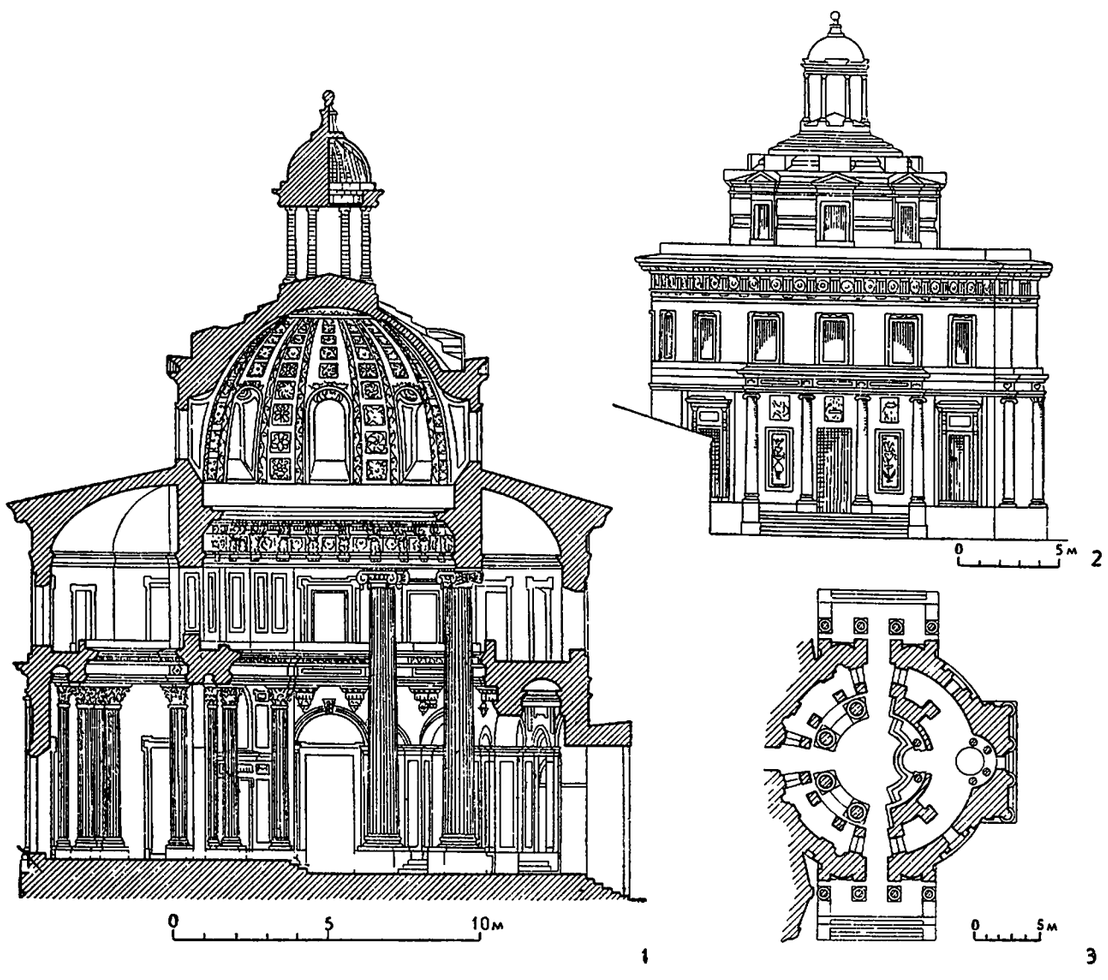


Рис. 15. Москва. Церковь Филиппа Митрополита, 1777—1788 гг., арх. М. Ф. Казаков: *1* — продольный разрез; *2* — южный фасад; *3* — план

был тип кубического храма с куполом на широком круглом барабане, нередко имевшего трапезную с приделами и колокольню (подобно приходским церквам конца XVII в.), в церквах-ротондах более ярко, чем в других культовых сооружениях, проявились новые черты русской архитектуры 1760—1770-х гг.

Одна из замечательных построек этого рода в Москве — церковь Филиппа Митрополита (на 2-й Мещанской улице, рис. 15). Здание строилось в 1777—1788-х гг. арх. Казаковым в качестве домовой церкви обширного подворья московского митрополита Платона. Однако сооружена была только церковь в виде пристройки к существовавшему ранее храму XVII в. Центрически построенный объем церкви-ротонды с двумя примыкающими к нему четырехколонными ионическими портиками перекрыт куполом, увенчанным восьмиколонным бельведером. В композиции внутреннего пространства здания куполом выделена центральная часть, возвышающаяся над окружающим ее кольцевым обходом. Эта центральная часть церкви представляет собой небольшую ротонду высотой 18 *м*, диаметром 8 *м*, увенчанную кессонированным куполом вытянутой яйцевидной формы. Прекрасно освещенная окнами, помещенными в нижней части купола, ротонда отличается необычайной стройностью пропорций. Легкая аркада, поддерживающая хоры, выполненная в дорическом ордере, подчеркивает главенствующую роль центральной части и выявляет крупный масштаб ее больших канеллированных колонн ионического ордера, равного по высоте двум ярусам кольцевого обхода (рис. 16).

Мотив ротонды применялся в это время и в церквах других типов. Так, в лютеранской церкви Анны в Петербурге (1779) на западном конце ее вытянутого по продольной оси объема арх. Ю. М. Фельтен сделал полуротонду со входом внизу и колокольней-ротондой наверху. Характер полуротонды с внутренней колоннадой имеет и апсида величественного собора петербургской Александро-Невской лавры, построенного арх. И. Е. Старовым в 1778—1790 гг. Собор имеет вид трехнефной базилики с двумя колокольнями на западном фасаде и куполом на четырех мощных пилонах над главной частью. Пятикупольные четырехстолпные постройки в это время ста-

Рис. 16. Москва. Церковь Филиппа Митрополита, интерьер

ли более редкими, и Владимирская церковь в Петербурге 1761—1769 гг. стилистически принадлежит еще середине века.

3. ЗАГОРОДНЫЕ УСАДЬБЫ И ДВОРЦЫ

Дворцовое строительство. Стремясь создать удобное жилище, отвечающее также и эстетическим запросам своего времени, русские зодчие отказывались от приемов дворцового строительства середины XVIII столетия — от большой протяженности симметрично-осевой композиции здания, от торжественного великолепия форм, от анфилады залов, занимающих весь парадный этаж, от регулярной «версальской» планировки парка и т. п. Появилось стремление к естественности и простоте, приближению к природе, что было свойственно искусству многих европейских стран и особенно нашло отражение в философских и эстетических взглядах французских просветителей. Новое понимание архитектуры ска-

залось, например, в изящной простоте и гармоничности малого Трианона арх. Габриэля. В русской архитектуре эти тенденции проявились в отказе от пышности и блеска тяжеловесных, декоративно перегруженных загородных дворцов середины века, павильонном характере новых дворцов, в живописной планировке их парков. Примером дворца нового типа может служить Китайский дворец в Ораниенбауме (рис. 17, *2*), построенный в 1762—1768 гг. арх. А. Ринальди, — миниатюрное одноэтажное здание с изысканной отделкой интерьера, полное света и воздуха, окруженное зеленью парка. В парке находится и другое произведение Ринальди — катальная горка — первоначально большое сооружение с открытыми галереями и волнообразными спусками (рис. 17, *3*).

В это время начинает развиваться пейзажная система планировки парков — устраиваются парки с извилистыми дорожками, с живописно и свободно расположенными павильонами и беседками, с водоемами мягких округлых очертаний. Как дань романтическим настроениям времени в «пейзажных» парках создавались искусственные руины, каскады и гроты. Реконструкция и дальнейшее строительство царских загородных дворцов под Петербургом проводилась в 1760—1770-е гг., главным образом, архитекторами Нееловыми.

Неелов Василий Иванович (1722—1782) — один из первых создателей «пейзажных» парков в России, работал с 1744 г. в основном в Царском Селе. Еще в годы учения в Англии Неелов познакомился с произведениями английской «готики» того времени, что отразилось потом в его царскосельских работах. Его сын, Неелов Илья Васильевич (1745—1793 гг.), учился в 1761—1770 гг. в петербургской Академии художеств, затем в качестве пенсионера был направлен в Рим; в 1774 г. его избрали членом Болонской академии, в этом же году по возвращении в Россию назначили архитектором в контору строения Царского Села, где он вначале работал со своим отцом.

Архитекторы Нееловы частично перепланировали и расширили Екатерининский парк Царского Села, придав его реконструированным и новым участкам «пейзажный» характер, создали большой пруд с живописными берегами, ряд небольших парков, павильонов, мостиков и беседок в «готическом» и «китайском» духе («Адмиралтейство», «Большой каприз», «Китайский театр» и т. п.), разместив их среди деревьев, на поворотах дорожек и у озер.

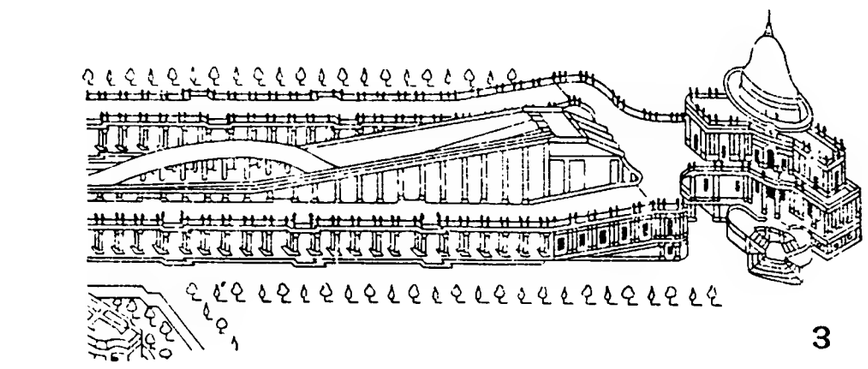
Романтические настроения сказались не только в планировке, но и в архитектуре отдельных зданий, трактованных в «готических» формах. Это было и в Петербурге (работы Неелова, Чесменский дворец Фельтена) и в Москве, где в работах Баженова и Казакова «готика» приобрела национально-романтический характер. Яркий пример московской «псевдоготики» — подмосковная дворцовая усадьба Царицыно (рис. 18), построенная В. И. Баженовым (1775—1785). Получив заказ на сооружение летней подмосковной резиденции Екатерины II в «мавритано-готическом вкусе», Баженов обратился не только к готике, но и к русскому архитектурному наследию XVI—XVII вв.

Усадьба была задумана зодчим как ряд живописно разбросанных небольших сооружений. Основную группу ансамбля составляли два одинаковых дворцовых павильона (для Екатерины и для Павла) и находящийся перед ними главный Кавалерский корпус. Вокруг непринужденно располагались различные парадные, служебные и декоративные постройки — «Оперный дом», «Хлебный дом», «Фигурный мост», «Фигурные ворота» и т. п. Все эти постройки, выполненные из красного кирпича с белокаменными деталями, отличались разнообразными планами и причудливым архитектурным убранством, в котором некоторые готические формы сочетались с декоративными мотивами, навеянными русским зодчеством предшествующего столетия. Национальные традиции проявились в живописной планировке усадьбы, в органическом сочетании архитектуры с природой, в красочности и узорчатости фасадов, в соответствии архитектурных форм строительным материалам, в выразительности силуэта сооружений.

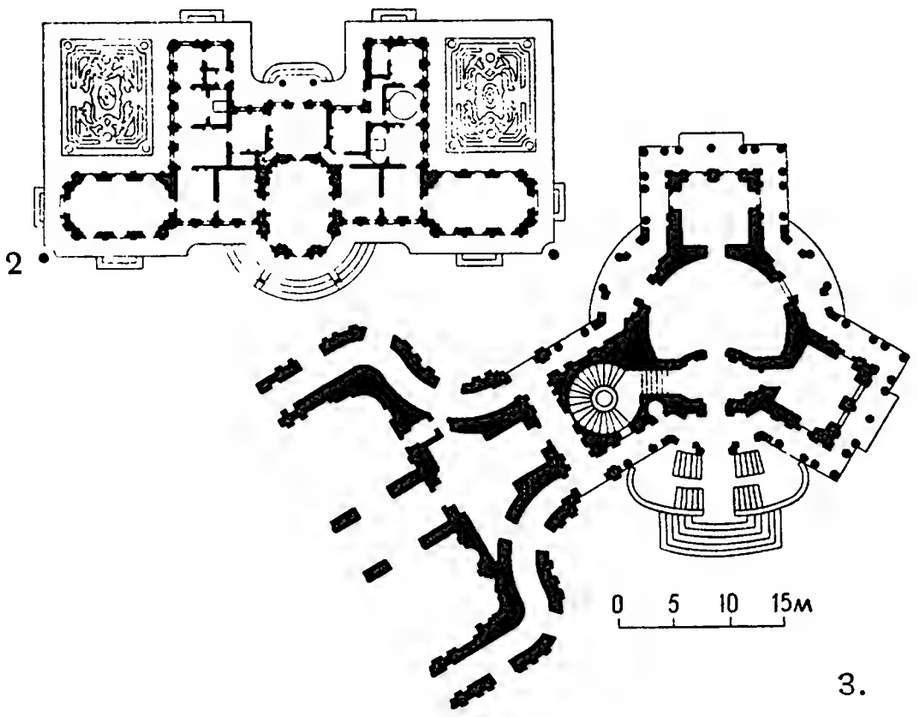
Оба дворцовых павильона вскоре разрушили по приказу Екатерины II, и на их месте Казаковым был построен дворец.

Казаков также обратился к древнерусскому архитектурному наследию, создавая Царицынский и Петровский (рис. 19) дворцы, проект Булатниковского дворца и картинной галереи при Голицынской больнице. Петровский дворец (1775—1782) — это центрическое двухэтажное, квадратное в плане здание, окруженное служебными постройками, образующими перед дворцом парадный двор, а позади — хозяйственный. Объем и фасады построены по классической схеме: в центральный куб здания вписана

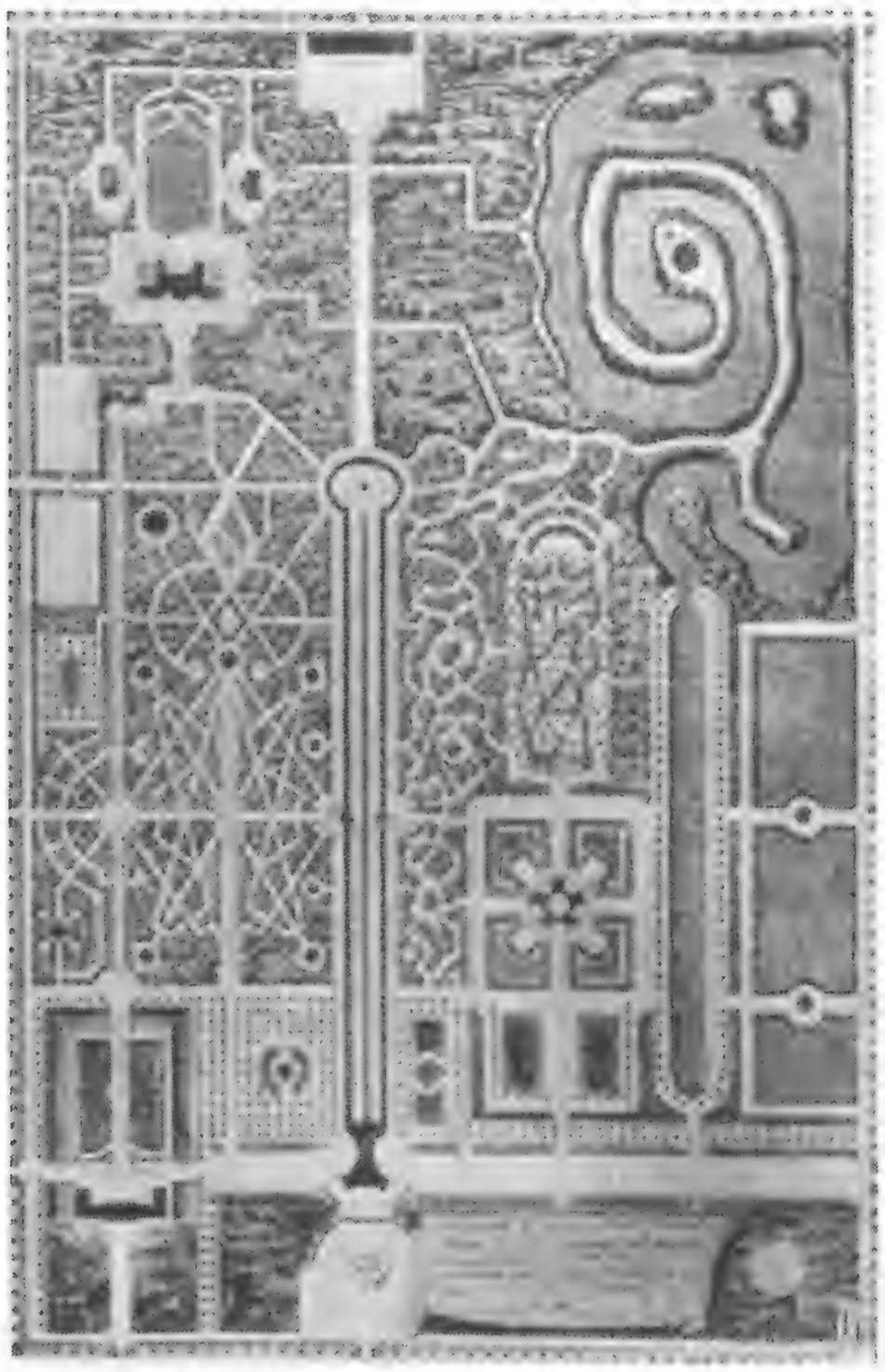
Рис. 17. Ораниенбаум. Китайский дворец и каталь-ная горка, 1762—1768 гг., арх. А. Ринальди: *1* — ге-неральный план; *2* — план и общий вид дворца; *3* — аксонометрия Катальной горки и план 2-го этажа

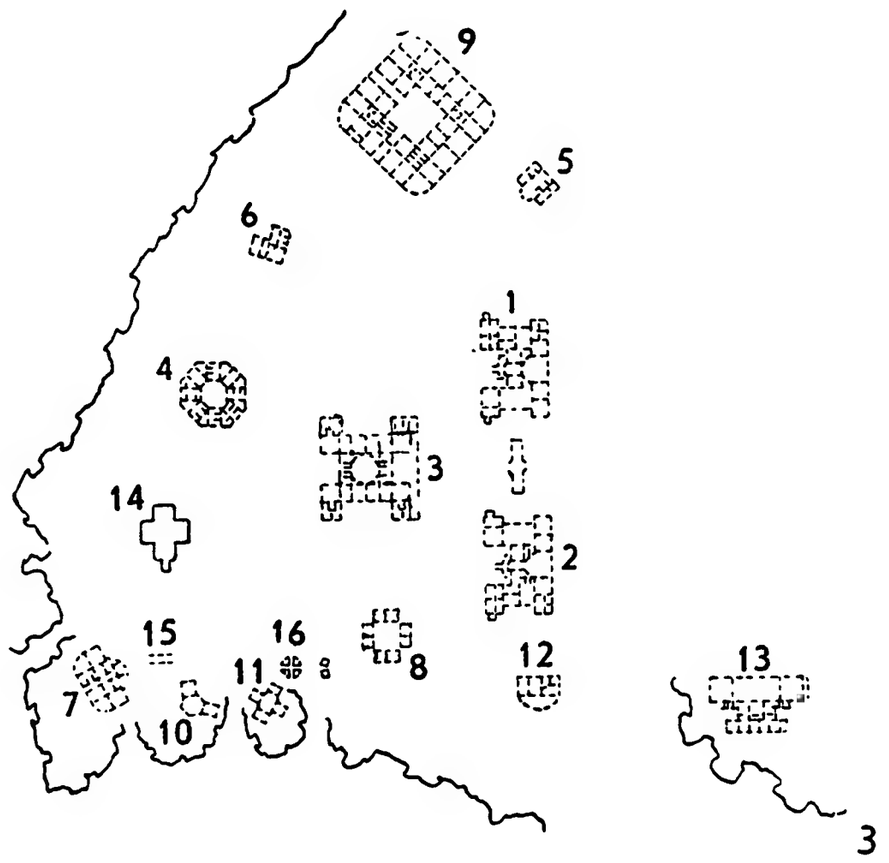


3



3.





2

Рис. 18. Царицыно. 1775—1785 гг., арх. В. И. Баженов. *1* — мост в парке; *2* — общий вид дворца, 1786—1795, арх. М. Ф. Казаков; *3* — генеральный план; *4* — фрагмент панорамы дворца; *5* — фигурные ворота. Экспликация к генеральному плану:

1, *2* — дворцовые корпуса; *3*, *4*, *5*, *6*, *7*, *8* — ковалерские корпуса; *9* — хозяйственный корпус; «Хлебный дом»; *10*, *11*, *12* — павильоны и беседки; *13* — оперный дом; *14* — церковь; *15* — фигурный мост; *16* — мост через овраг

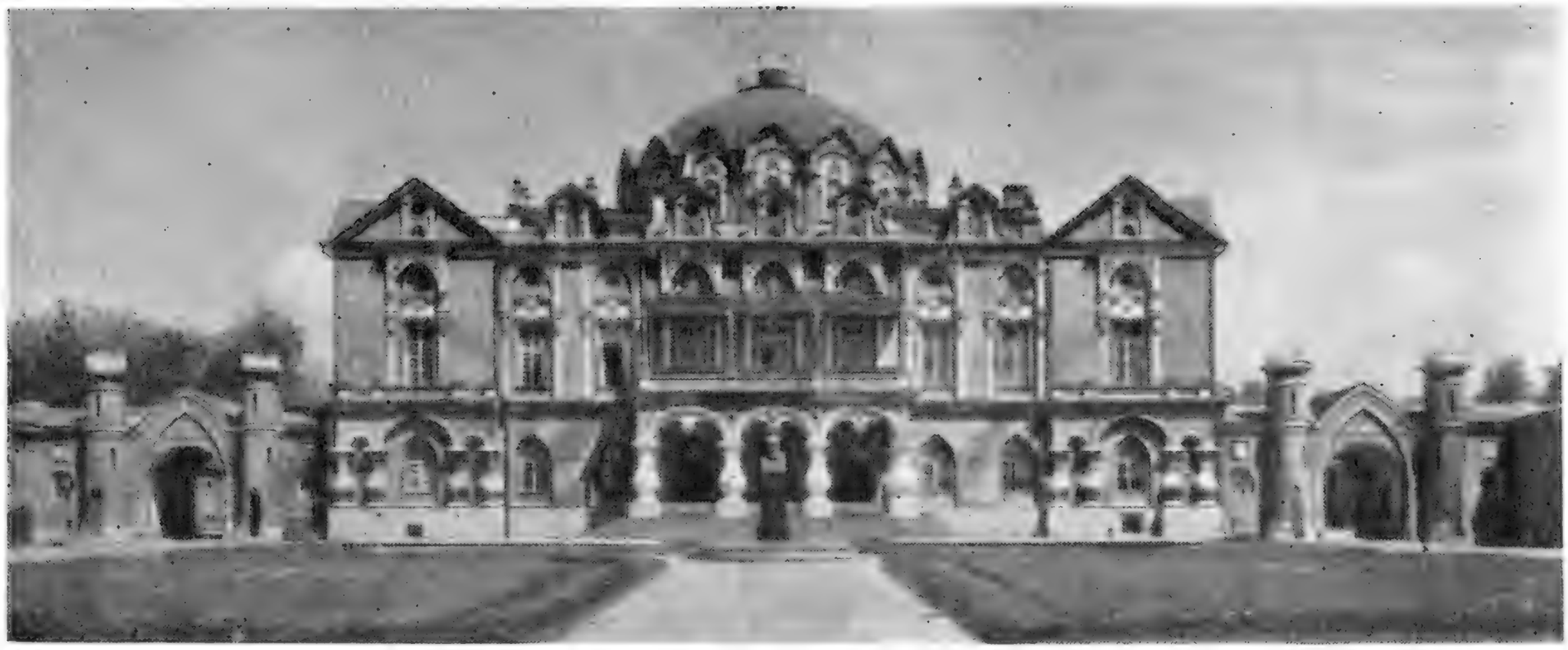


Рис. 19. Москва. Петровский дворец (1775—1782 гг.), арх. М. Ф. Казаков

ротонда, интерьеры обработаны в классических формах. Древнерусские архитектурные формы использовались в трактовке архитектурных деталей фасадов — кувшинообразных колоннах, фронтончиках, висячих гирьках арок, в сочетании кирпичной кладки стен с терракотой и белокаменными деталями. Ограда с башнями окружает дворец, придавая ему характер замка.

Провинциальные усадьбы. В середине XVIII в. в провинции преобладали небольшие усадьбы с деревянными постройками. Дом семьи служилого дворянина нередко представлял собой избу-сруб или два сруба, разделенных сенями. В отличие от крестьянской избы в доме были кирпичная или «обращатая» печь, «красные» окна, а над сенями иногда и «фронтшпиц». Во дворе помещика обычно стояла изба приказчика. Типичным для стихийно сложившейся планировки усадьбы было устройство отдельных дворов: скотный двор, двор конюшенный, огуменник с овином, огороженные забором, ограждался забором и пруд с саженой рыбой.

1760—1770 гг. — начало формирования ансамбля крупных загородных дворянских усадеб. Ранние примеры таких усадеб с каменными трехэтажными домами и каменными церквами — Грузины, Тверской губ. (рис. 20) и Николо-Погорелое, Смоленской губ. Хозяйственные постройки усадеб этого типа, как и мелкопоместных, составляли самостоятельные дворы. Обосабливался и господский двор с регулярным садом, противопоставлявшийся геометричностью планировки окружающей природе. Усадебный дом своим внутренним устройством и внешним обликом напоминал городской дворянский дом того времени. Зал, обычно двухсветный, находился в торце здания и соединялся анфиладой помещений (официантская, гостиная) с группой «собственных» комнат (парадная спальня, кабинет и др.).

Такое разделение парадного этажа на официальную и «личную» половины стало традиционным.

Барский дом усадьбы Грузины значительной протяженности, несмотря на асимметричную планировку, снаружи строго симметричен, с трехчастным членением фасадов и регулярным ритмом оконных проемов, среди которых имелись и ложные. Со стороны парка середина фасада была акцентирована ступенчатым аттиком, а со стороны подъезда выделялись фланкирующие фасад «крыльца», одно из которых служило главным входом. Лопатки и ниши, объединяющие по высоте два этажа, «дощатый» руст первого этажа, барочная форма наличников окон, мелко члененные карнизы, тонко вылепленные картуши — все подчинялось строгой композиции и создавало впечатление нарядности и торжественности здания. В усадьбе Грузины к парадным и жилым помещениям дома вели свои самостоятельные входы, лестницы которых на

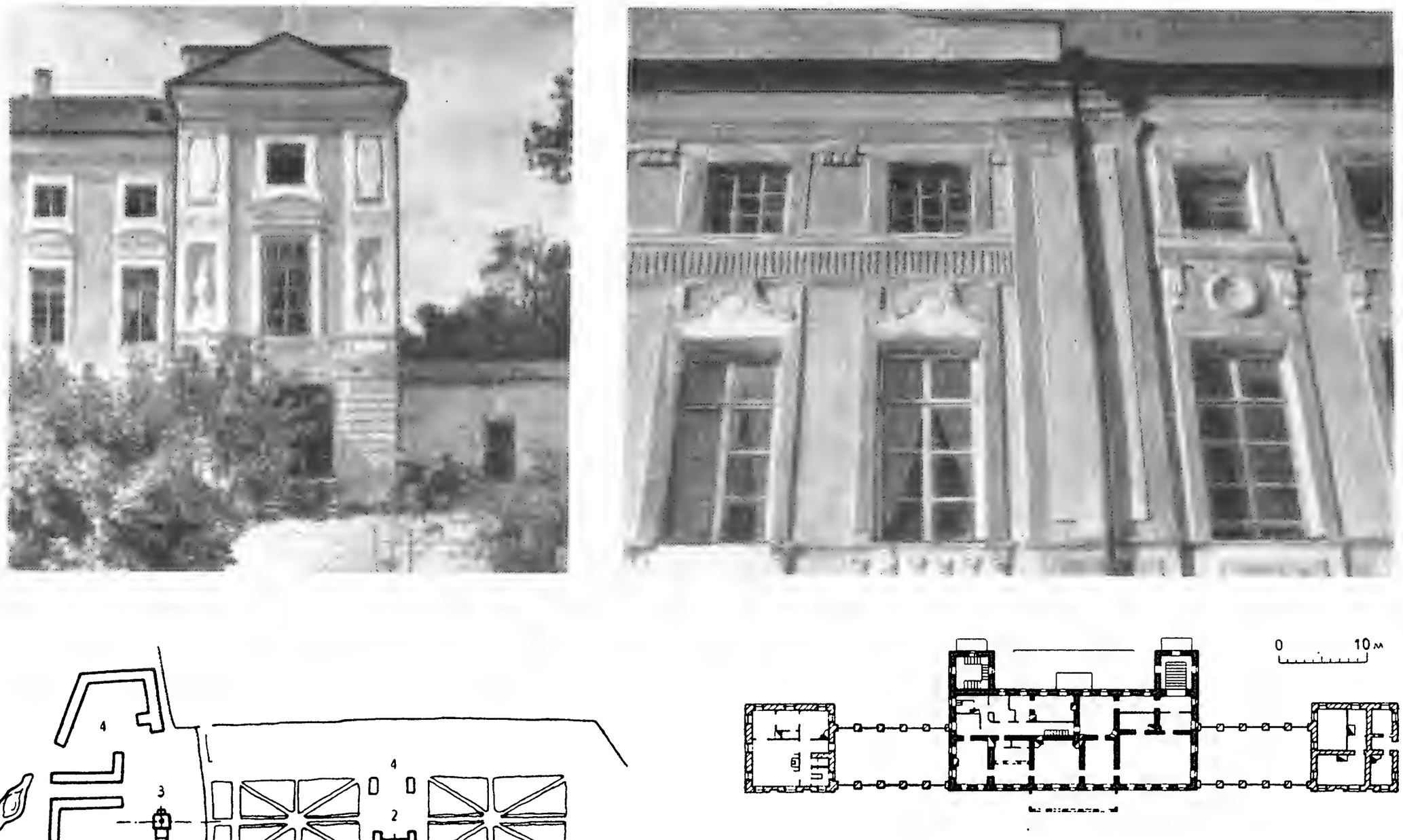


Рис. 20. Усадьба Грузины, 60—70-е гг. XVIII в. Фрагмент фасада с парадного двора, фрагмент парково-го фасада, план 2-го этажа, генеральный план

1 — усадебный двор; *2* — парадный двор; *3* — церковь; *4* — хозяйственные дворы; *5* — деревня

«ползучих» сводах, несмотря на ограждающие их на всю высоту здания стены, напоминали еще открытые крыльца древних палат.

Усадебные дома меньшего размера (например, деревянные дома Болотова в Дворянинове Тульской губ., рис. 21, и Шишковых в Прямухине Тверской губ.) представляли собой один прямоугольный в плане объем. Усадебный дом в Арпачеве Тверской губ. членился по фасаду лопатками (их расстановка зависела и от мест примыкания поперечных стен). Детали здания носили барочный характер.

Начиная с середины XVIII в. зарождается и другой, так называемый усадебный прием композиции дома, которому свойственно центральное положение зала. Например, в усадьбе Красный Рог (Курская губ.) в доме, построенном арх. Растрелли,

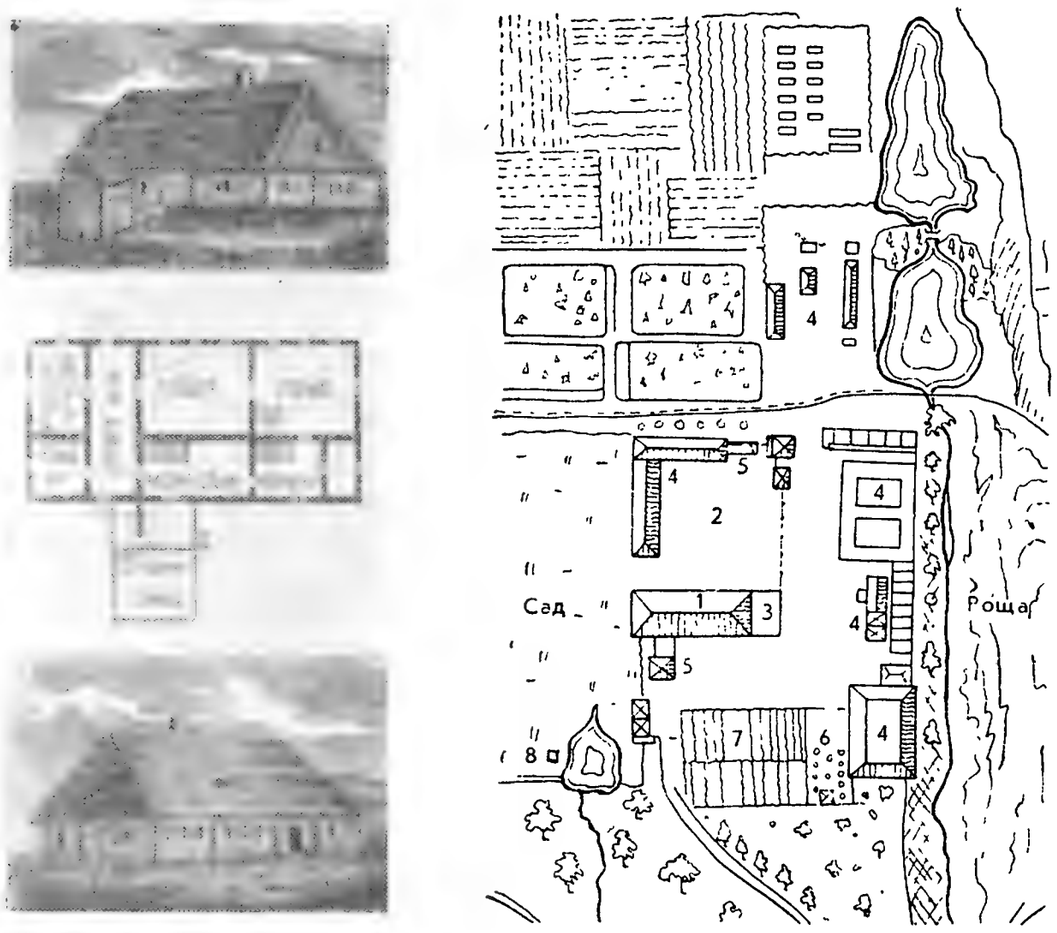


Рис. 21. Усадьба Дворянниново, 60—70-е гг. XVIII в. Общий вид (вверху и внизу) и план усадебного дома, генеральный план

1 — усадебный дом; *2* — передний двор; *3* — цветник; *4* — хозяйственные постройки; *5* — главные ворота; *6* — пасека; *7* — огород; *8* — баня

середину здания занимал зал, над которым был устроен бельведер, откуда открывался вид на всю усадьбу, реку и лесные дали.

В 1770-х гг. архитектор Старов создал ряд усадеб, в которых наметился прием центрично-осевой планировки, а также новая трактовка фасада в классических ордерных формах (Никольское-Гагарино Московской губ., Сиворицы Петербургской губ.).

II. АРХИТЕКТУРА С 1780 ПО 1812 г.

В период с 1780-х гг. по 1812 г. ярко выявляются особенности стиля классицизма, завершается процесс формирования новых типов зданий.

Развитие промышленности и торговли способствовало быстрому росту городов, строительству заводов, банков, бирж, товарных складов, гостиных дворов, зданий учебных заведений и больниц, административных зданий и казарм для войск, появлению новых типов жилых зданий, иногда совмещаемых с торговыми помещениями или квартирами, сдаваемыми внаем.

Наиболее распространенные постройки этого времени — загородные и городские усадьбы, приемы планировки и архитектурной композиции которых в значительной степени влияли и на формирование других типов зданий. Интенсивное строительство в провинциальных городах и усадьбах было вызвано также тем, что основной сферой деятельности большей части дворянства, освобожденного от государственной службы, стало сельское хозяйство, у дворянства появляются новые обязанности по управлению губерниями.

Архитектурные ансамбли московских дворянских усадеб и петербургских загородных дворцов послужили образцами для усадебного строительства дворянства в провинции, где в конце столетия сложились многообразные комплексы русской усадьбы.

В этот период продолжает развиваться строительная техника: возводятся кирпичные своды часто больших пролетов, более широко внедряется в строительство металл, появляются новые конструктивные системы (металлические и деревянные фермы, пространственные стержневые системы, висячие конструкции мостов и др.).

Подъем русского зодчества связан и с изданием целого ряда архитектурных трудов. К концу XVIII в. издается в русском переводе ряд трактатов западноевропейских теоретиков архитектуры: книга «Новый Виньола» по французскому изданию (русск. изд. 1778 г.), «Сокращенный Витрувий» в переработке Перро (русск. изд. 1789 г.) и «Десять книг об архитектуре» Витрувия с комментариями Перро (русск. изд. 1790—1797 гг.). Трактат Витрувия в сокращенном варианте переведен Каржавиным и дополнен его предисловием и словарем архитектурных терминов. Полное издание, подготовленное к печати Каржавиным совместно с Баженовым, сопровождалось их примечаниями. Изданы были также выдержки из книги С. Леклерка «О пяти чинах в архитектуре» (русск. изд. 1790 гг.) и переведенная Львовым первая книга трактата Палладио (русск. изд. 1798 г.) с введением и замечаниями, в которых затрагивались некоторые практические и общие вопросы русской архитектуры.

В конце XVIII в. усиливается внимание к архитектуре в русской периодической печати, причем преимущественно освещается усадебное строительство (публикации в журналах Вольно-экономического общества, «Экономическом магазине» и др. о проектировании и строительстве усадебных зданий, об устройстве хозяйственных построек, о планировке садов и пр.). Появлялись и заметки по общим проблемам архитектуры. В них делались первые попытки рассмотрения теоретических основ искусств, их происхождения и развития; излагались сведения по истории архитектуры.

Выходили в свет и самостоятельные русские труды по архитектуре — новые издания учебника по гражданской архитектуре (1789), книги И. Лема (главного архитектора Петербургской комиссии строений) — «Опыт городовым и сельским строениям» (1785) и «Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре» с объяснением правил Витрувия, Палладио, Серлио, Виньолы, Блонделя и др. (изд. 1785, 1792 гг. и 1803 г.), книга В. Граве «Теоретико-практические наставления гражданской архитектуры» (1807), труд Чекалевского «Рассуждения о свободных ху-

дожествах» (1792), излагающий вопросы эстетики классицизма XVIII в. Труды русских зодчих, обобщавших отечественный и зарубежный строительный опыт, показывают, что русская архитектурная наука этого времени достигла высокого уровня. Идеи классицизма в трудах русских зодчих воплотились в законченную художественную систему, которая господствовала в русской культуре со второй половины XVIII в. до 30-х гг. XIX столетия.

1. ЗАСТРОЙКА ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

Жилые здания. 80—90-е гг. XVIII и начало XIX вв. — новый этап в развитии жилого строительства.

В Москве в это время строилось много частных, или, как они назывались, «партикулярных», строений для различных слоев населения. Появились новые типы крупных жилых зданий дворянства и купечества. В свете градостроительных идей плана 1775 г. в крупном жилом строительстве, как и во всем городском строительстве этого времени, усиливалось регулирующее начало. Дома в связи с этим, особенно по главным магистралям, ставились по красной линии улицы. К концу века жилые усадебные дома все более уступают место жилым домам городского типа.

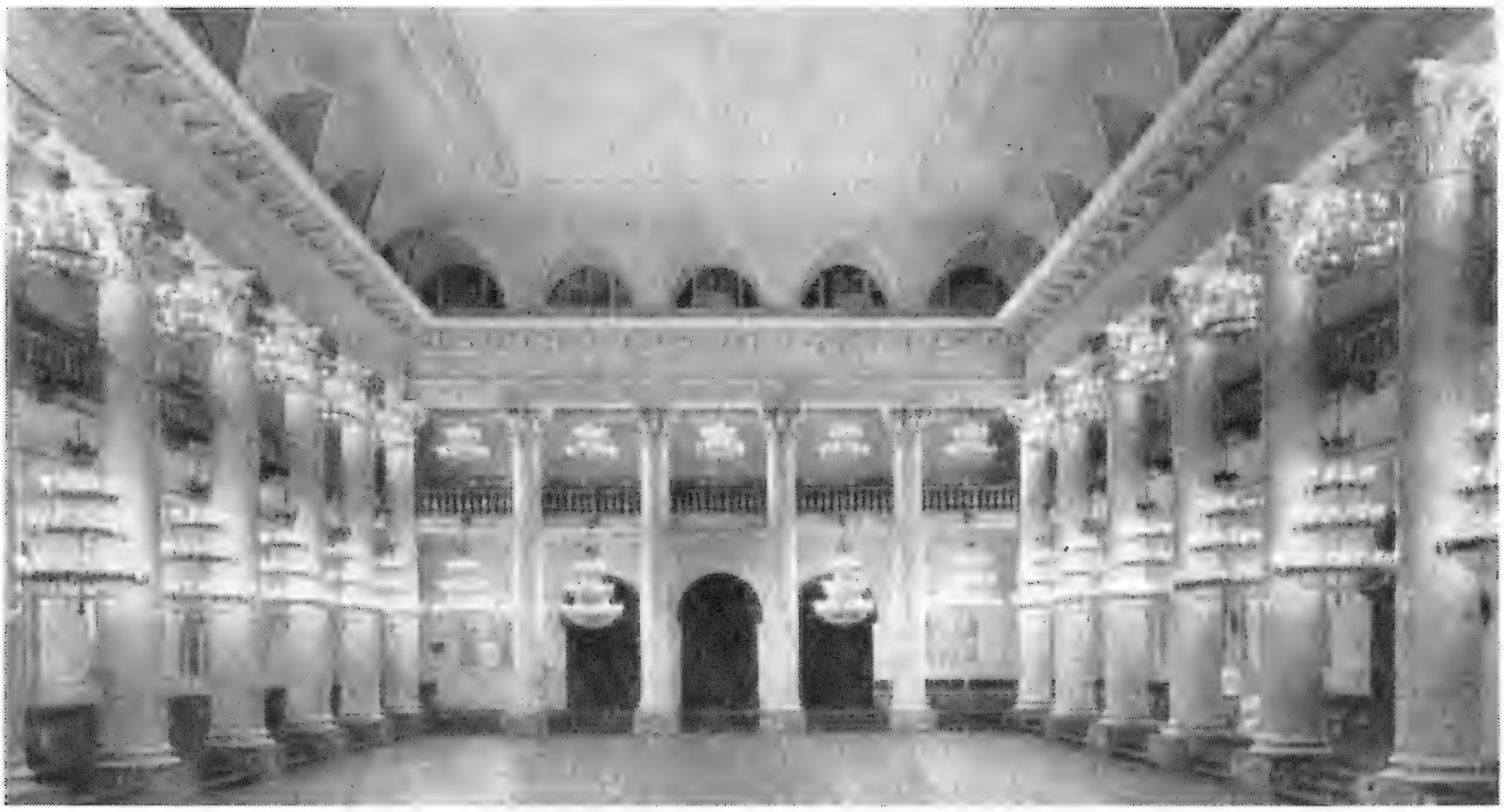
Застройка Тверской улицы (ныне ул. Горького) после пожара 1773 г. — пример ансамблевой застройки конца XVIII в. В течение 20 лет Казаков здесь построил и перестроил большинство крупных зданий и разработал проект планировки Тверской площади. В новой застройке Тверской улицы дома располагались фронтально, строго по красной линии, не имели флигелей по сторонам. Важную роль играли угловые ротонды с колонными портиками и куполами, создающими архитектурные акценты в одновысотной застройке.

В 80-х гг. XVIII в. изменилась планировка жилого дома. Характерен в этом отношении построенный Казаковым дом Прозоровского на Тверской с парадным входом в сквозном проезде под домом по его оси. Прием центрального сквозного проезда под домом отвечал условиям постановки здания на узких участках уже сравнительно плотно застроенной Тверской улицы и вместе с тем открывал новые возможности для

Рис. 22. Москва. Дом Демидова, 1780-е гг., арх. М. Ф. Казаков. Фрагмент интерьера золотых комнат

создания парадного интерьера дома — с центрально-расположенным входом в анфиладу залов, раскрывающуюся в обе стороны. Главным, повышенным этажом был против обыкновения не второй этаж, занятый здесь жилыми и служебными комнатами, а третий. Внешне дом Прозоровского с выступающим четырехколонным портиком и плоскими лопатками фасада близок таким произведениям Казакова, как Университет и Сенат. Сочетание арочного проезда и портика с фронтоном становится типичным для представительного облика крупного жилого дома Москвы тех лет.

Усадебный вариант дома, продолжавший в измененном виде бытовать в это время, представляет собой дом Демидова в Гороховском пер. (арх. Казаков). Будучи построен не в центре города, он в отличие от большинства домов на Тверской имел флигели, расположенные по улице в одной линии с главным домом, и парк за до-



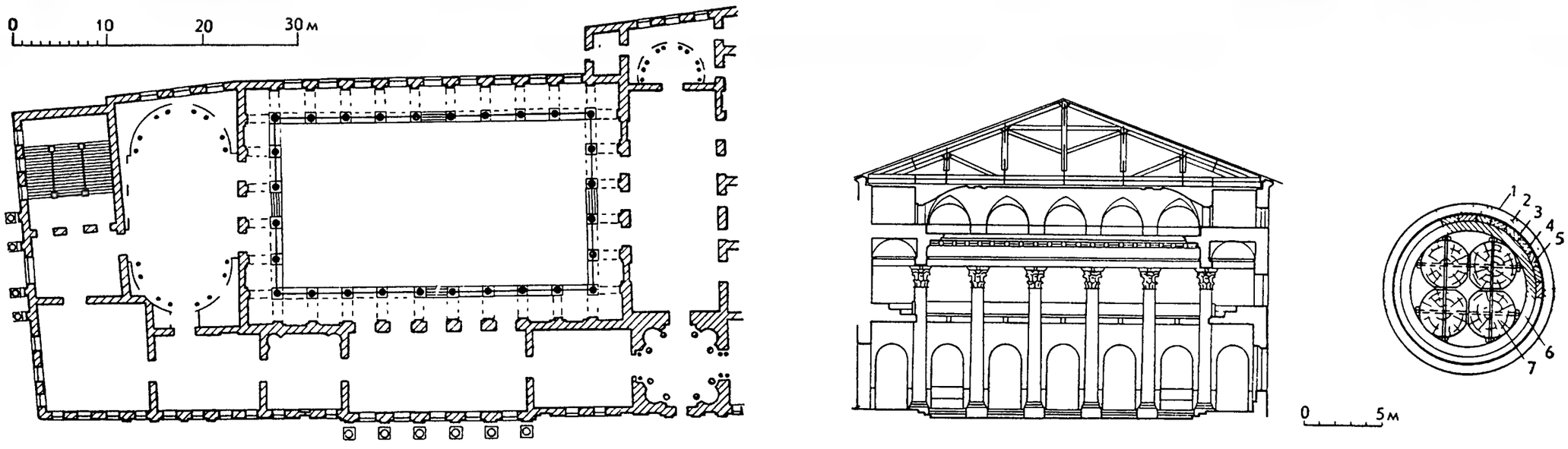


Рис. 23. Колонный зал «Благородного собрания» (ныне Дома Союзов), 1780-е гг., арх. М. Ф. Казаков. Интерьер, план 2-го этажа, разрез, конструкция колонны

1 — искусственный мрамор; *2* — штукатурка; *3* — дрань; *4* — войлок; *5* — доски; *6* — обруч; *7* — бревна диаметром 27—30 *см*

мом. Главный корпус и флигели создают симметричную фронтальную композицию; фасады небольших флигелей выразительно оттеняют простой крупный объем главного дома. Интерьер дома Демидова типичен для богатого жилого дома. Особенностью разработки интерьера жилого дома становится применение ордера, дающего единый масштаб для всех элементов внутреннего убранства помещений, а также широкое использование декоративных элементов (лепка, живопись, резьба с позолотой, обивка стен штофом, осветительная арматура и т. д.). Замечательно отделаны четыре сохранившие первоначальный вид комнаты дома Демидова, так называемые «золотые», получившие свое название от убранства резьбой, покрытой тонким слоем листового золота (рис. 22). В рисунке резьбы «золотых комнат» переплетены классические мотивы (завитки акантового листа, вазы, нитки бус, курильницы) с образцами местной флоры и реалистически изображенными декоративными предметами. Декоративная резьба дома Демидова предшествовала более строгой обработке одними только архитектурными средствами интерьера построек 1790-х гг.

Перестраивая дом Долгорукого-Крымского в здание Московского Благородного собрания (рис. 23, ныне Дом Союзов), Казаков приходит к своеобразному синтезу архитектуры интерьера жилого дома с анфиладой парадных помещений и архитектуры дворца, где главенствующее место (как, например, в проекте Кремлевского дворца Баженова) принадлежит группе композиционно связанных залов общественного назначения. Представительность общественного помещения и интимность жилого дома сочетаются в классическом «античном» облике колонного зала. Внутреннее устройство здания после перестройки его Казаковым стало типичным для крупных построек того времени: первый этаж имел преимущественно служебное и хозяйственное назначение, во втором размещались парадные помещения — главный зал, как центр единой композиции трех залов, расположенных по продольной оси, и ряд других, менее значительных парадных анфиладных помещений вдоль обоих уличных фасадов.

Внутри прямоугольного центрального зала размером 24,8×39,5, высотой 14,5 *м* проходит величественная колоннада коринфского ордера. Колонны с прекрасно очерченным энтазисом и тонко прорисованными капителями придают залу нарядность и торжественность. Деревянная в своей конструктивной основе колоннада зала встроена в кирпичную коробку, образуемую стенами. Колонны отделаны искусственным мрамором, орнаментированные части выполнены из гипса. Перекрытие имеет вид плоского зеркального свода с распалубками над верхними окнами. Праздничный зал украшают хрустальные люстры между каждой парой колонн и зеркала в форме окон, что усиливает впечатление пространственности зала.

Своеобразен ордер Колонного зала: изменено, в частности, соотношение высот капителей и антаблемента (карниз и весь антаблемент построены по типу дорического ордера при колоннах коринфского), увеличено расстояние между колоннами, по-новому трактован аттик и паддуга перекрытия, что создает впечатление легкости архитектурных форм. До пожара 1812 г. зал, видимо, не имел балкона, а его стены членились пилястрами, внешний вид которых соответствовал колоннам.

В Колонном зале дана новая интерпретация парадного дворцового интерьера, созданного на общей планировочной основе городского дворянского жилого дома. Весь архитектурный строй зала, система его простых и строгих классических форм, его художественный облик оказали влияние на парадный интерьер городских жилых домов дворянства и крупного купечества. «Антич-

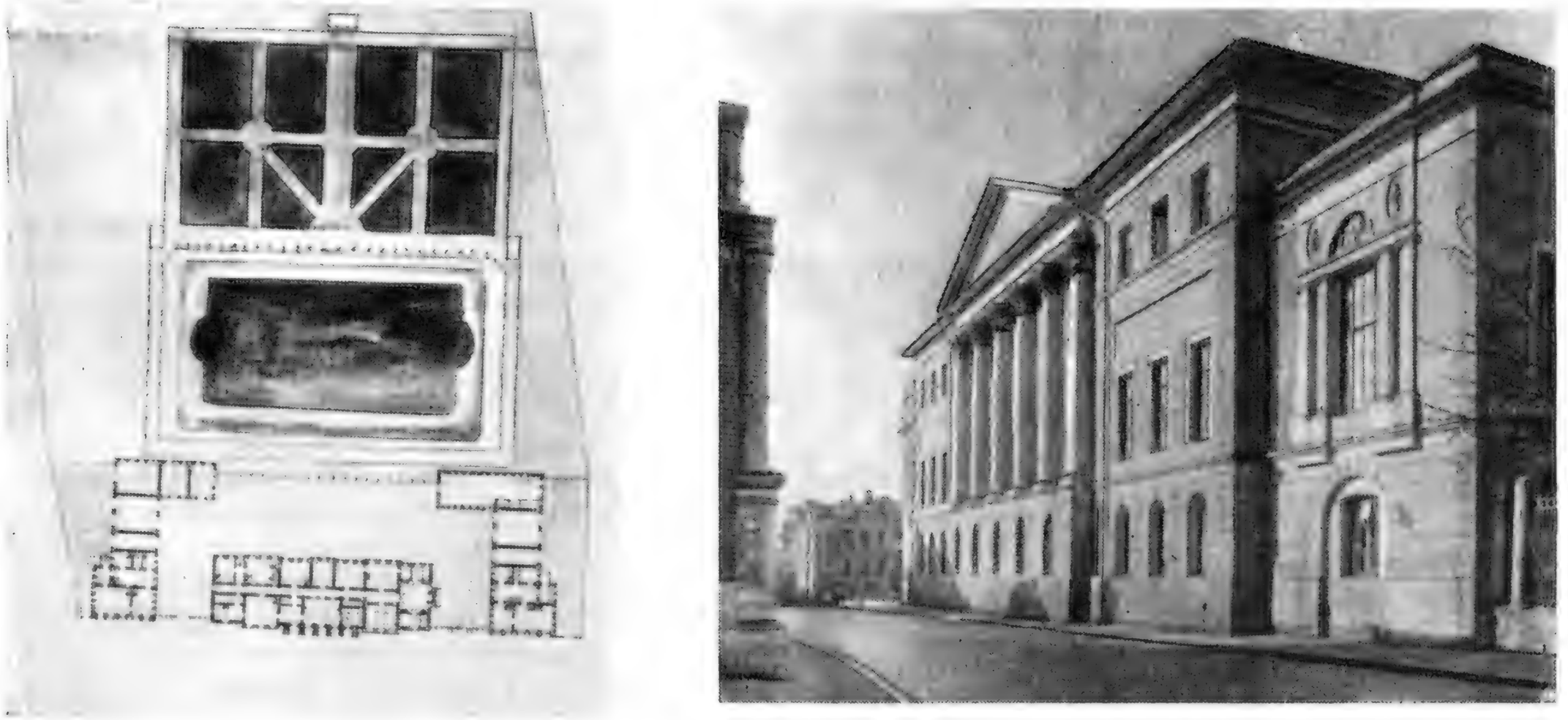


Рис. 24. Москва. Дом Губина, 1790-е гг., арх. М. Ф. Казаков. Генеральный план и общий вид

ная» колоннада и ее элементы в сочетании с такими формами, как ниши, экседры, арки и пр., приобретают господствующую роль в интерьере жилого дома 90-х гг. По образцу Колонного зала были построены залы дворянских собраний в Костроме, Туле, Твери, Калуге и других городах.

Одна из последних городских усадеб Москвы XVIII в. — дом Губина на Петровке (арх. Казаков). Генеральный план усадьбы представляет собой центрально-осевую композицию, включавшую расположенный по улице главный дом с двумя флигелями, парадный двор за домом и регулярный парк с прудом, аллеями и беседками (рис. 24). Фасад дома Губина с центральным портиком и «античными» скульптурными мотивами арочных ниш в боковых ризалитах лаконичен и прост, что отвечало художественным принципам русского классицизма конца XVIII в.

Замечательным примером городского дворца-усадьбы Москвы конца XVIII в. служит дом крупного помещика-откупщика Пашкова, построенный архитектором Баженовым в 1784—1786 гг. (рис. 25, ныне один из корпусов государственной библиотеки им. Ленина). Комплекс усадьбы Пашкова включал жилой дом с небольшим парком перед его главным фасадом, флигели, парадный подъездной двор, надворные постройки — манеж и конюшню. Усадебный участок, расположенный со стороны Моховой улицы на высоком холме, имел сложный рельеф и неправильную конфигурацию. Жилым, хозяйственным и служебным постройкам, обычным для дворянской усадьбы, Баженов придал дворцовую представительность, оправданную местоположением владения на одном из центральных участков города в непосредственной близости к Кремлю. Главное здание и соединенные с ним переходами флигели Баженов расположил со стороны Моховой на бровке высокого холма, противолежащего Боровицким воротам Кремля. Компактно размещенные здания, доступные для обозрения со всех сторон, образуют одновременно симметричную классическую и динамическую ярусную объемную композицию, органически вошедшую в ансамбль окружения Кремля и застройки Моховой улицы, начатой Университетом Казакова.

Наиболее параден фасад здания, обращенный к Кремлю. На высоком рустованном цокольном этаже, прорезанном арочными окнами, возвышается портик коринфского ордера, по сторонам которого расположены статуи, поставленные на базы колонн. Центральный объем здания увенчан бельведером. Боковые флигели с четырехколонными портиками ионического ордера и фронтонами придают сооружению законченность и устойчивость. Перед главным фасадом по склону холма был разбит пейзажный сад, обнесенный ажурной кованой решеткой с массивными столбами. Парадные помещения дома находились в центральном корпусе, вход в который был устроен по оси здания со стороны двора. Боковые корпуса-павильоны предназначались для жилых и служебных помещений.

Постановка главного корпуса усадьбы вдоль Моховой улицы предопределила расположение двора и въезд в него со стороны Ваганьковского переулка (ныне ул. Маркса и Энгельса). Въездные ворота дома Пашкова, напоминающие триумфальную арку, так же как и крылья дворца, обработаны колоннами и пилястрами ионического ордера с характерными для архитектуры того времени гирляндами на капителях. Контрастное сопоставление малого тосканского ордера в пролете ворот с парными колоннами ионического ордера придает воротам монументальный масштаб. Расположение парных колонн ворот со стороны двора, не фронтальное, как на улице, а под углом 45° к оси проезда, способствует пространственному развитию композиции в глубину двора, к главному подъезду дома. Компактность четких объемов, устремленность ввысь, отличающие древнерусское зодчество, сочетаются в доме Пашкова с ясностью и уравновешенностью классической архитектуры.

В конце XVIII в. появляются купеческие дома, предназначенные как для торговли, так и для жилья (дом Калинина и Павлова, арх. Казаков), и первые многоквартирные жилые дома, часть квартир которых сдавалась внаем — своего рода доходные дома (дом Хрящева, арх. М. Казаков). О такого рода домах в 1769 г. был издан специальный императорский указ, по которому разрешалось «всем купцам иметь в домах своих лавки и в них торговать».

Дом Калинина и Павлова соединял в себе функции жилого дома и гостиного двора. Он выходил на Ильинку и на одну из площадей, намеченных планом 1775 г. Принадлежавший двум владельцам дом Кали-

нина и Павлова разграничивался внутренней глухой поперечной стеной на две неравные и различно распланированные части. В двух нижних этажах находились лавки, в третьем — жилые помещения домовладельца, четвертый предназначался для жилья служащих или сдавался внаем. Несмотря на различие в планировке обеих половин дома, фасад разработан как единая композиция с портиком в центре, что соответствовало важной роли этого здания в ансамбле создаваемой площади и в застройке Ильинки.

Дом Хрящева (рис. 26) — многоквартирный доходный дом, предназначенный для сдачи жилых и торговых помещений внаем. Доходные дома с периметральной застройкой участка и замкнутым внутренним двором, сходные по типу с домом Хрящева, появляются в это время в Москве, преимущественно в тесно застроенном Китай-городе.

На рубеже XVIII—XIX вв. в связи с развитием промышленности, вызвавшим при-

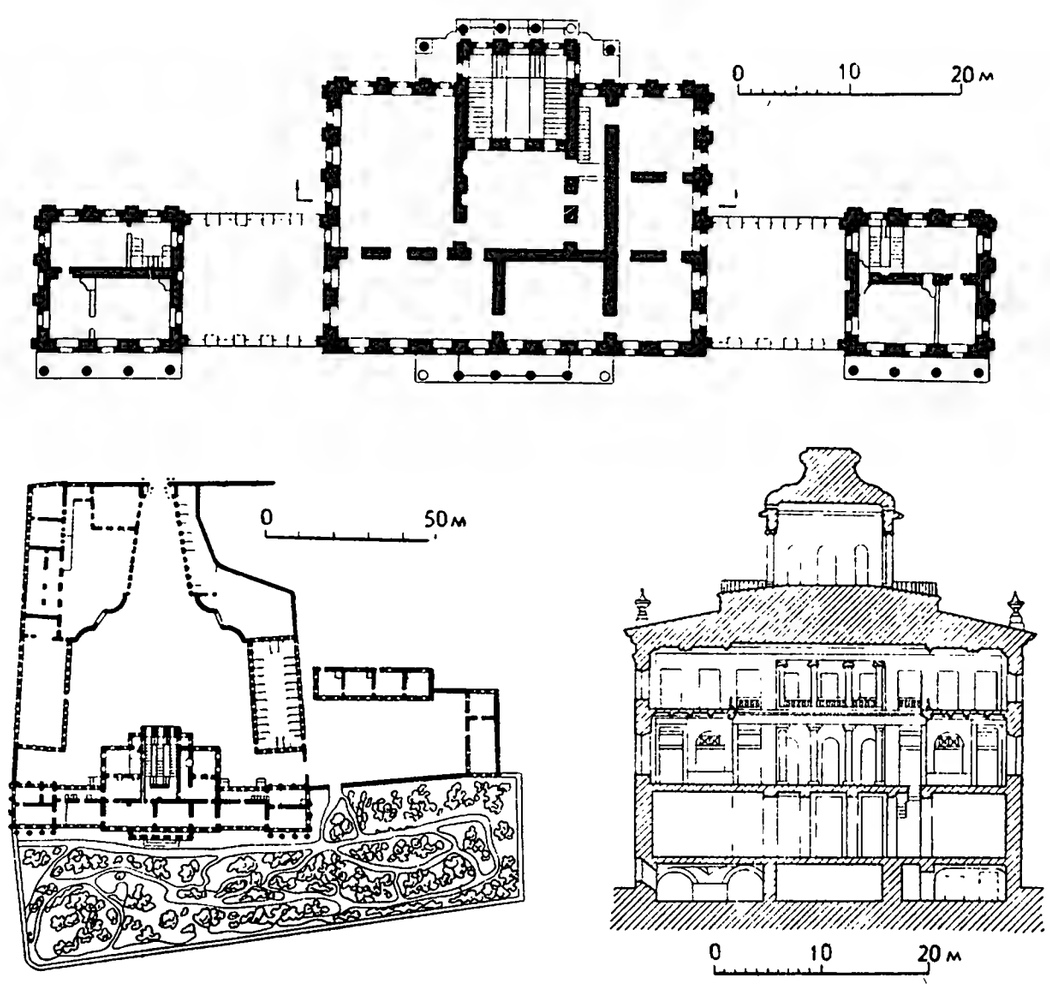


Рис. 25. Москва. Дом Пашкова (старое здание библиотеки им. В. И. Ленина), 1784—1786 гг., арх. В. И. Баженов. Общий вид, план 2-го этажа, генеральный план, разрез

ток населения в города, в Москве разрасталась рядовая жилая застройка, регулирование которой усилилось после составления плана города 1775 г. и организации для его осуществления Каменного приказа. Дома располагались вдоль улиц чаще, чем прежде, образуя в ряде случаев непрерывную застройку. Возводились дома по чертежам, составленным в Каменном приказе, но в Москве по сравнению с Петербургом и городами провинций не наблюдалось строгого следования образцовым проектам. Небольшие дома в центральных районах, как правило, были каменные или деревянные оштукатуренные. В широком городском строительстве, которое велось обычно мастерами-плотниками, нередко в упрощенном виде повторялись классические архитектурные формы крупных зданий города. Для кирпичных домов обычно применялись белокаменные детали (цоколь, наличники окон, карниз большого выноса и т. п.). В двухэтажных зданиях окна часто объединялись по вертикали филенками. Деревянные дома или обшивались тесом в подражание рустовке каменных стен, или оштукатуривались, при этом сохранялся богатый карниз, гладкая подоконная плита и простой цоколь. За кольцом Земляного города на окраинах Москвы рабочий и ремесленный люд ютился преимущественно в избах.

В Петербурге в конце XVIII в. значительно развивается каменное жилое строительство. В этот период в среднем ежегодно возводилось 50—60 каменных зданий. Если в 1762 г. в Петербурге было 460 каменных и 4094 деревянных жилых дома, то в 1798 г. их стало соответственно 1834 и 4238. Каменные дома в основном строились в центре города. На окраинах преобладала деревянная жилая застройка. Разница между окраинами и центром сказывалась и в благоустройстве города. Если в центре улицы были замощены на 90%, то на окраинах, например на Петербургской стороне, — лишь на 4%.

В Петербурге в это время идет процесс уплотнения жилой застройки: дворы обстраивались 3—4-этажными флигелями. Увеличивалась до четырех этажей высота жилых домов, где квартиры сдавались внаем. Улицы продолжали застраиваться каменными домами по красным линиям — «сплошной фасадой». Крупные жилые дома, расположенные обычно по красной линии в условиях затесненных участков, приобретали различную конфигурацию (тогда как в 1760—1770 гг. такие жилые дома в известном отношении напоминали по планировке городские дворцы середины столетия или дома усадебного типа).

Примерами богатых жилых домов конца XVIII в. могут служить каменные трехэтажные особняки Салтыковых, 1784—1788 (рис. 27,*1*) и Пашковых на набережной Фонтанки (рис. 27,*2*). Фасад здания дома Пашковых украшен четырехколонным коринфским портиком. Дворовый участок имеет в плане форму неправильного многоугольника. В глубине участка, за домом, стоящим вдоль набережной, находился сад. Характерен для того времени дом Кочневой (арх. Л. Руска, 1805—1808), имеющий в плане Г-образную форму (рис. 27,*3*). Ар-

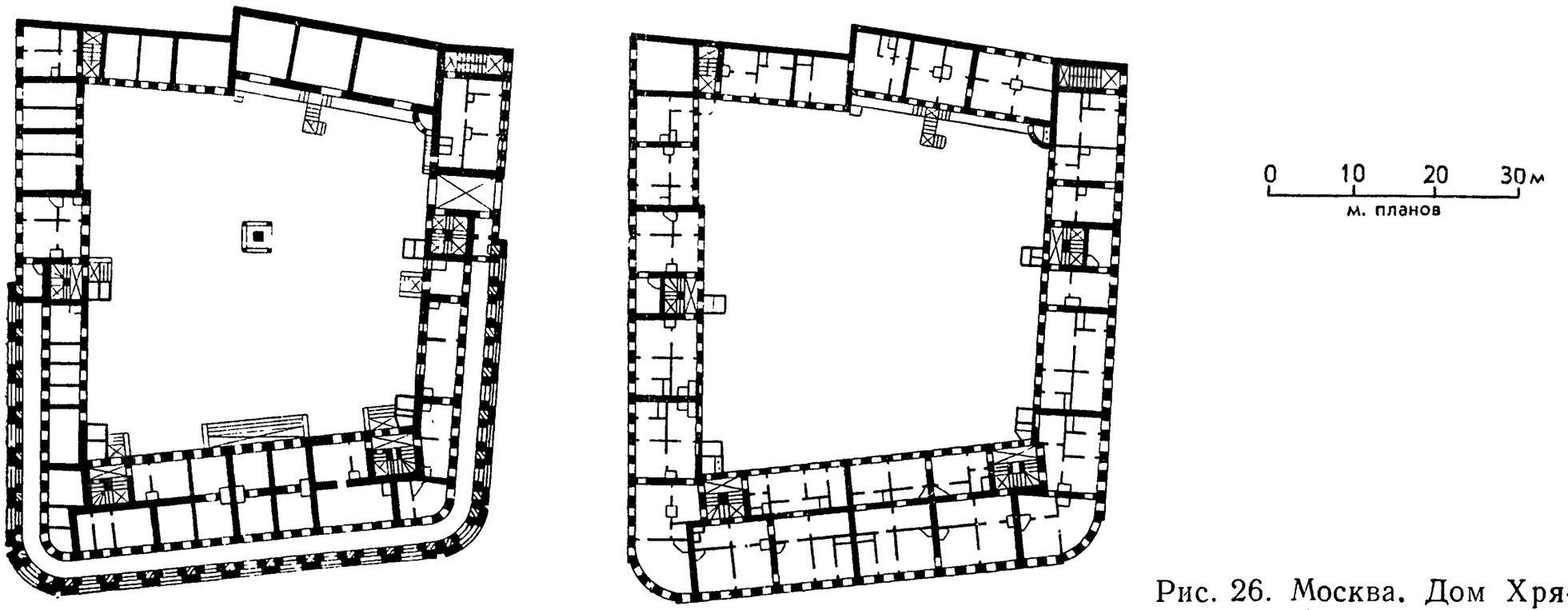


Рис. 26. Москва. Дом Хрящева, 1780-е годы. План 1-го и 2-го этажей

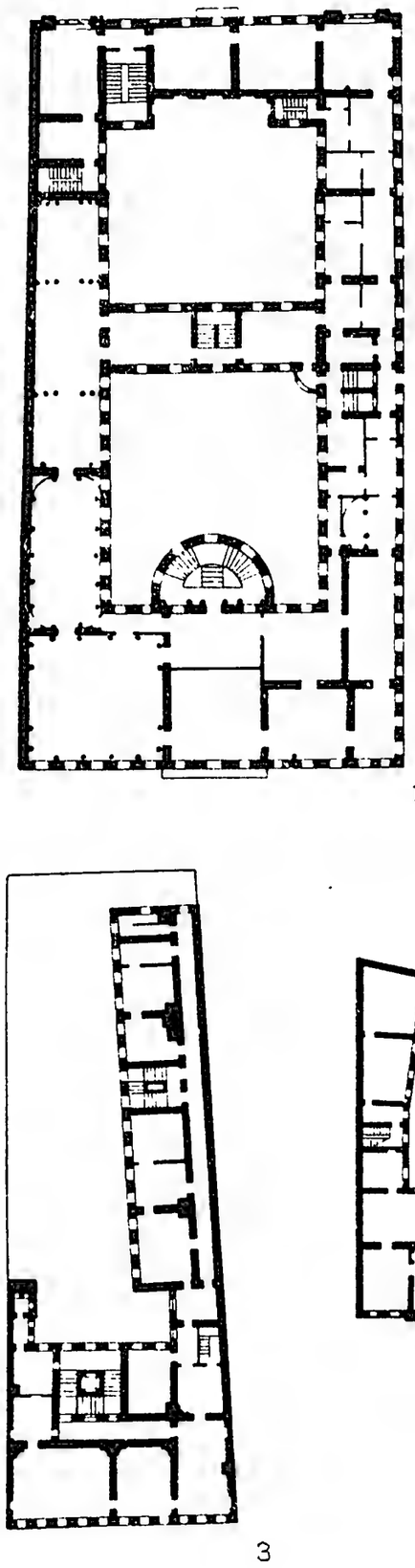


Рис. 27. Петербург. Жилые дома, 1780-е гг.— 1810 г. *1* — дом Салтыковых — План, общий вид, интерьер; *2* — дом Пашковых — план, общий вид; *3* — дом Кочневой — план; *4* — дом Аракчеева — план

ка главного корпуса ведет во внутренний двор, где находятся жилой флигель и хорошо сохранившиеся служебные постройки. Близок к нему по плану и дом Аракчеева (рис. 27,*4*). Такой же Г-образный план имеет жилой дом Академии наук, выстроенный еще в 1750 г. и заново перестроенный в 1808—1809 гг. по проекту А. Д. Захарова. Типичен для тех лет простой и строгий главный фасад с монументальным портиком из четырех канеллированных колонн без баз, поддерживающих антаблемент, и расположенным на нем балконом.

В Петербурге было сосредоточено большое количество населения, нуждавшегося в наемном жилье. В связи с этим широко

развивалось строительство многоквартирных жилых домов, которые появились здесь уже в 1770-х гг. Жилая застройка велась в значительной степени по образцовым проектам, предусматривавшим возведение в центре 3- и 4-этажных жилых домов. Второстепенные улицы застраивались одноэтажными жилыми домами или домами с мезонинами.

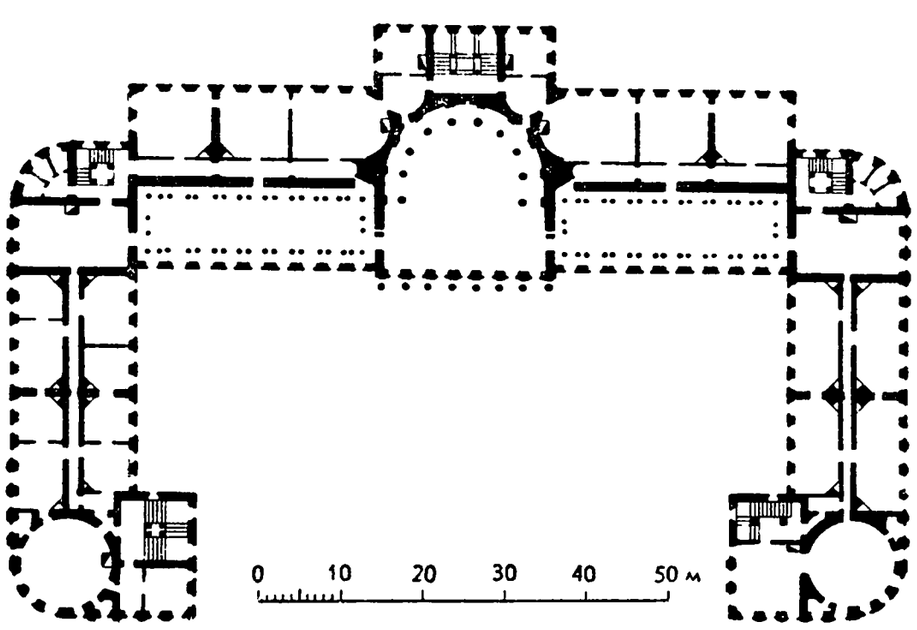
Общественные здания. В 1780—1790-е гг. строительство общественных зданий принимает все более широкий размах. Общественные здания как наиболее крупные сооружения служили основой для разработки планировочных узлов города и, таким образом, играли большую роль в градостроительстве. В это время расширилась номенклатура общественных и административных зданий. Возводились здания торговых заведений, банков, присутственных мест, губернаторских домов, дворянских собраний, учебных заведений, больниц и др. Общественные здания строились также с благотворительной целью крупным дворянством и буржуазией, что отвечало идеям «просвещенного» абсолютизма, влияние которого еще продолжало сказываться.

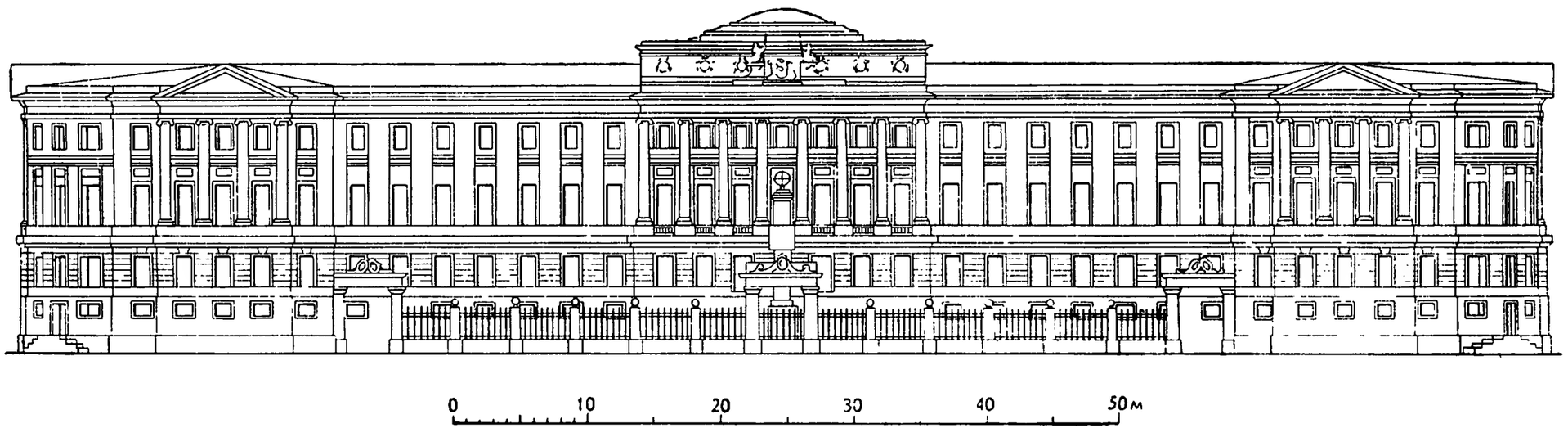
Создавая целый ряд новых общественных зданий, зодчие обращались к господствовавшим в то время формам городских и загородных усадеб. Тип крупного монументального дома, выработанный в усадебном загородном и городском строительстве, с четкой схемой построения генерального плана по единой оси (проходящей через центр главного здания, зачастую увенчанного куполом), с парадным подъездным двором и с рядом парадных помещений в значительной степени повлиял на формирование общественного здания.

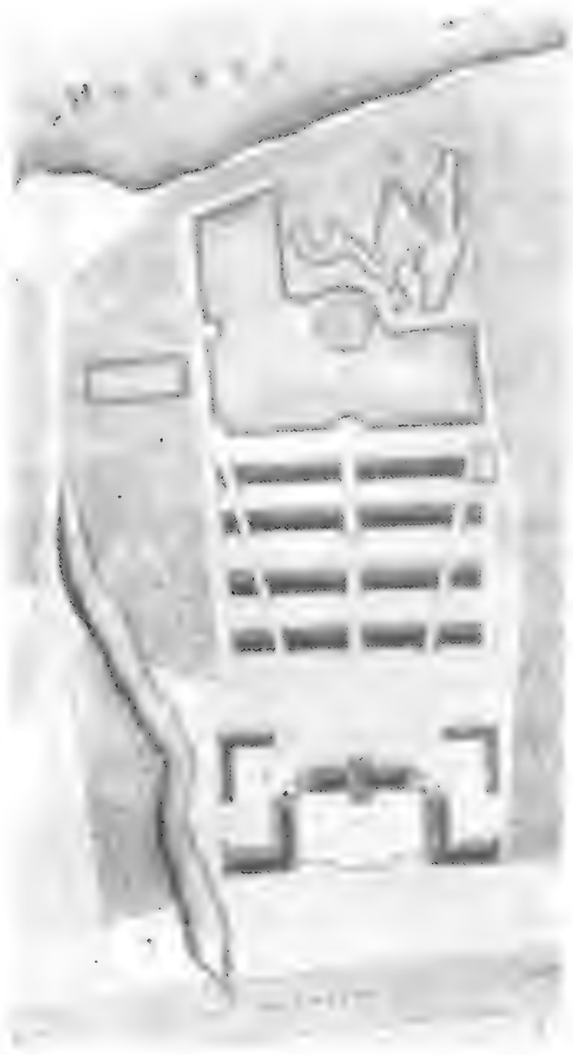
Основные тенденции этого процесса проявились при строительстве зданий Университета, Странноприимного дома, Голицынской больницы в Москве, Академии наук и Ассигнационного банка в Петербурге.

Университет, построенный по третьему проекту Казакова (1786—1793), имеет планировку «покоем» (рис. 28). Несмотря на расположение главного корпуса в глубине участка, здание прочно связано с улицей благодаря достаточной длине фасадов боковых корпусов, выведенных на красную линию Моховой улицы, равных по высоте главному корпусу здания. В здании Университета зодчий применил композиционную схему крупной дворцовой усадьбы с развитой купольной центральной частью. Восьмиколонный ионического ордера портик с аттиком и купольное венчание центра, соответствующее большому центральному актовому залу в форме полуротонды, рустованный низ и лопатки верхних этажей — таковы основные черты простого и строгого облика здания. При сравнении вариантов проекта и осуществленного здания Университета можно проследить последовательные этапы формирования типа общественного

Рис. 28. Москва. Университет, 1786—1793 гг., арх. М. Ф. Казаков. План 2-го этажа, главный фасад (осуществленный проект)

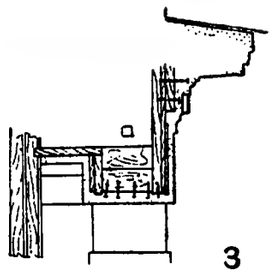




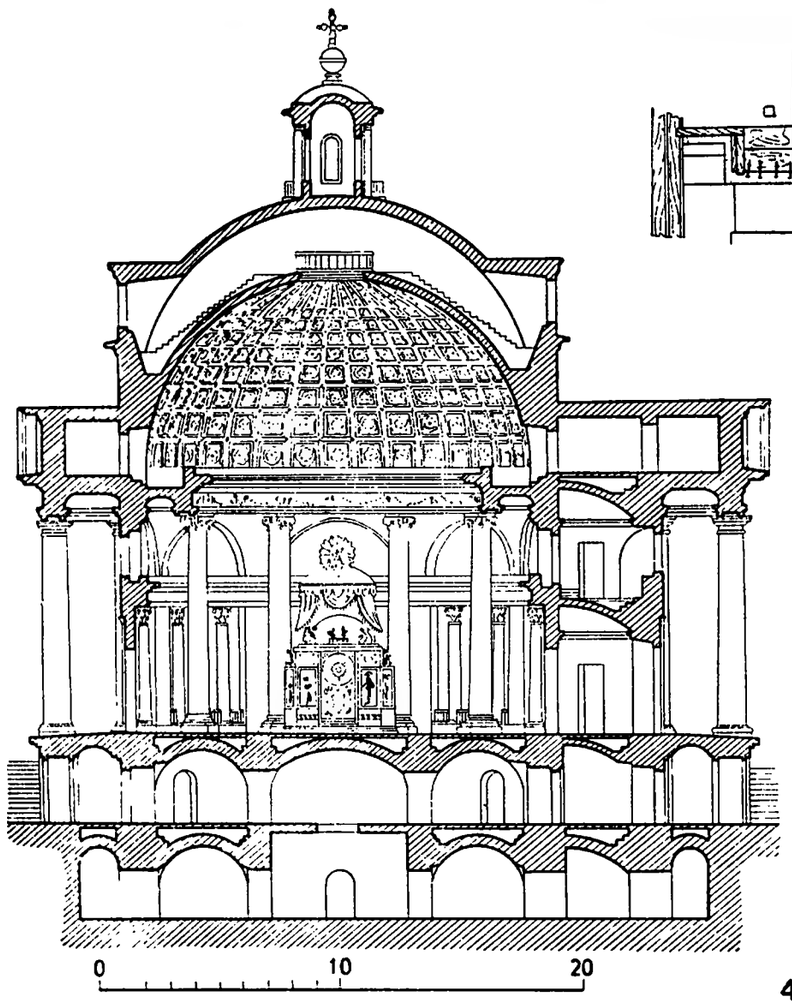


1

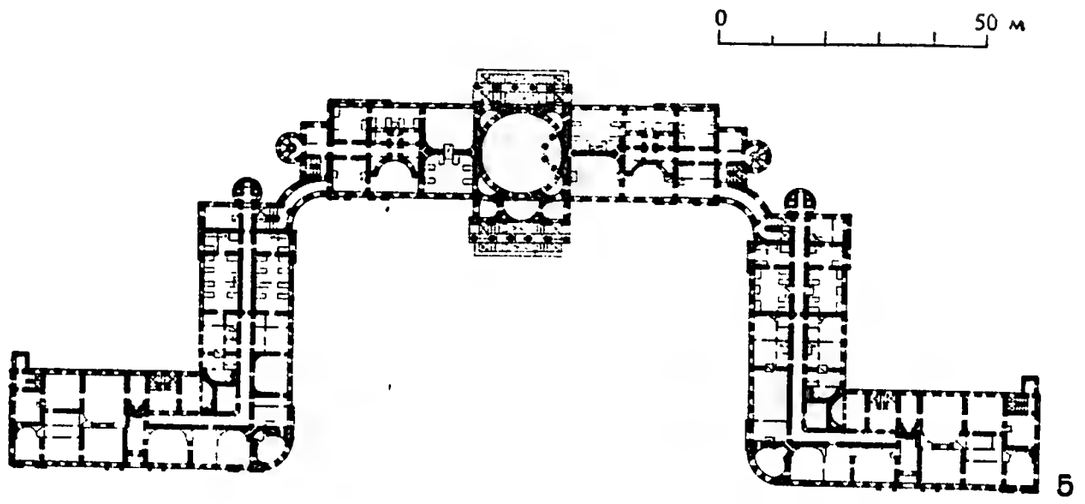
2



3



4

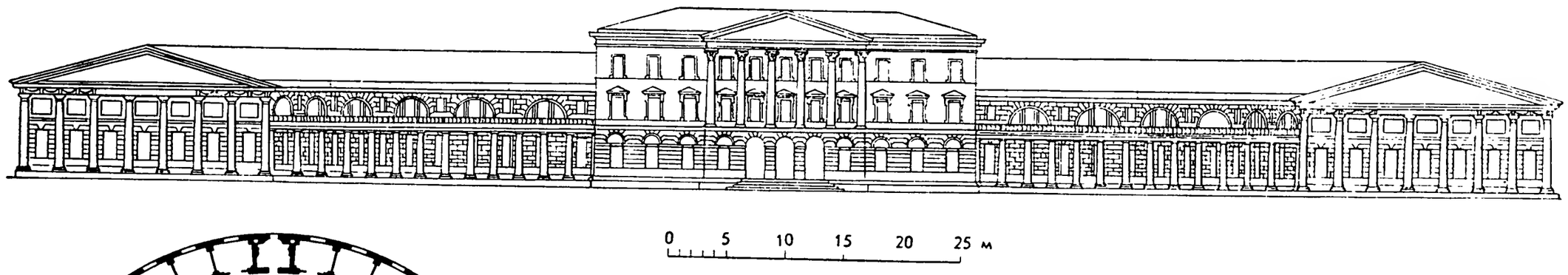


5

Рис. 29. Москва. Голицынская больница, 1796—1801 гг., арх. М. Ф. Казаков. *1* — генеральный план; *2* — общий вид; *3* — деталь конструкции карниза; *4* — разрез; *5* — план 2-го этажа

здания и изменение стиля в архитектуре 80—90-х гг.

Голицынская больница (ныне 1-я городская больница), также построенная Казаковым (1796—1801), знаменует дальнейший этап в развитии типа общественного здания (рис. 29). Это здание соединило в себе импозантность столичного монументального общественного сооружения с лучшими архитектурными качествами усадебных ансамблей, которым свойственно совершенство общей композиции, удобное расположение отдельных частей и тесная связь архитектуры с окружающей природой. Главное здание образует своим средним, трехэтажным корпусом и боковыми, двухэтажными крыльями характерный для московских усадеб того времени парадный подъездной двор, отделенный от улицы оградой с двумя воротами. Фасадами боковых корпусов определена линия застройки Калужской улицы. Позади них находятся



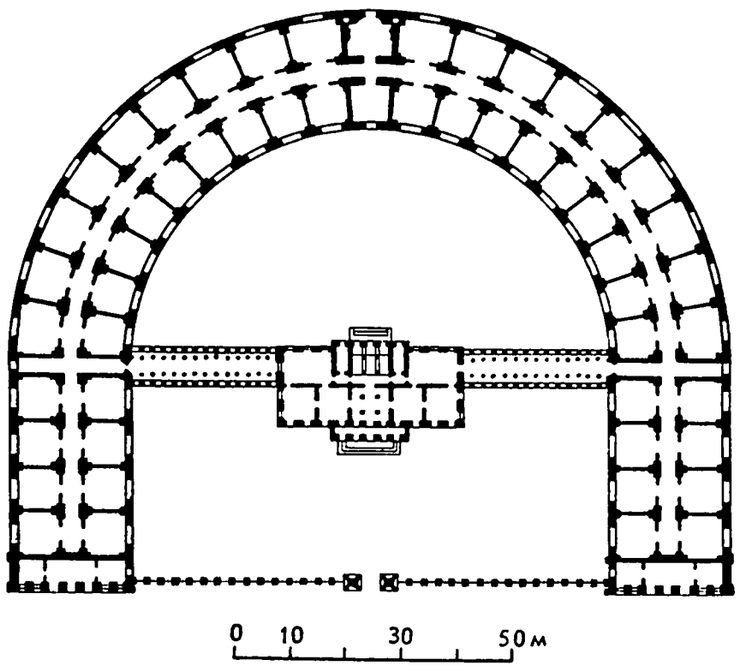


Рис. 30. Петербург. Ассигнационный банк, 1783—1790 гг., арх. Д. Кваренги. Главный фасад и план

хозяйственные дворы, отделенные от улицы и парадного двора Г-образными в плане крыльями здания. Расположение служб по сторонам, обычное в городских усадьбах, умело использованное в Голицинской больнице, позволило максимально приблизить зелень парка к главному лечебному корпусу.

В первом этаже главного корпуса размещались аптечная и административно-лечебная группа; во втором и третьем этажах — палаты. Помещения удобно располагались вдоль центральных коридоров, а варьированием их пропорций и форм достигалось разнообразие внутренней планировки. Центральное место в композиции занимала церковь, которая вместе с тем расчленяла больницу на две обособленные группы — мужскую и женскую с отдельными входами, находящимися во внутренних углах двора. За больницей, спускаясь террасами к самому берегу Москвы-реки, простирался регулярный парк с тремя лучами аллей — главным мотивом его планировки. По линии берега была возведена подпорная каменная стенка с круглыми беседками-ротондами.

Принципы планировки больницы последовательно развиты в ее столь же ясной объемной композиции. Главное в ней — центральный объем с монументальным шестиколонным портиком, с куполом и бельведером. Ротонда, неоднократно применявшаяся Казаковым, получила здесь новую трактовку. Зодчий вписал ее в центральный, квадратный в плане объем с глубокими экседрами по углам. Мощная ионическая колоннада, несущая галерею второго яруса хор, завершается высоким кессонированным куполом, венчающим весь комплекс. Купол состоит из двух оболочек, причем в нижней сделано отверстие, через которое видна живопись верхней. Обе оболочки купола выложены из кирпича. Внутренний купол стянут металлическими поясами и кольцом деревянных связей.

Одно из крупных общественных зданий Москвы конца XVIII в.— Странноприимный дом Шереметева (ныне институт им. Склифосовского), построенный в 1794—1807 гг. по проекту арх. Е. С. Назарова при значительном участии в работе Д. Кваренги.

Елезвой Семенович Назаров (1747—1822), бывший крепостной, отпущенный на волю, был в течение пяти лет (1768—1773) помощником архитектора в баженовской «экспедиции строения Кремлевского дворца», и его творчество складывалось под непосредственным воздействием Баженова. С 1773 г. он был архитектором при Московском отделении Сената. Наиболее значительная работа Назарова — Странноприимный дом в Москве. Назаров построил также церковь Лазаревского кладбища (1782—1787) и Знаменскую церковь Новоспасского монастыря (1791—1795).

В центре Странноприимного дома, полукруглого двухэтажного здания, располагалась церковь с куполом. Левое крыло занимала богадельня, правое — больница. В цокольном этаже размещался обслуживающий персонал и находились подсобные помещения. В процессе строительства к проектированию сооружения был привлечен Кваренги, который и изменил почти законченное здание. Портик Назарова со сдвоенными колоннами он заменил полукруглой колоннадой, существующей ныне, а также пристроил два портика в средних частях крыльев дома и портики с балюст-

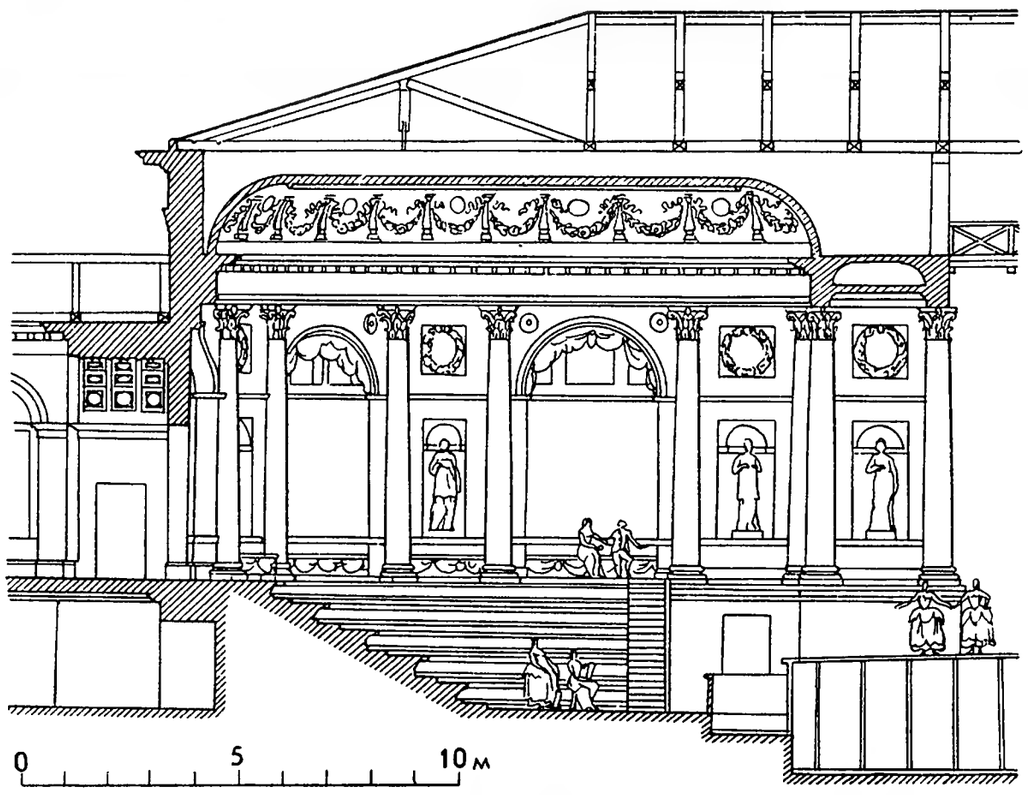
радой торцовых фасадов, ему же принадлежит внутреннее убранство церкви.

Аналогично Голицынской больнице в основе плана Странноприимного дома лежит усадебная схема, но сооруженное в уже сложившемся районе здание органично вошло в застройку — подъездной двор дома образует своего рода площадь на Садовой. Свободно стоящая колоннада у входа представляет собой новую трактовку колонной ротонды.

Джакомо Кваренги (1744—1817) родился в Северной Италии в г. Бергамо. Большое значение в его развитии как архитектора имели поездки по стране, где он изучал, обмерял и зарисовывал античные памятники и постройки Палладио. Но деятельность Кваренги в Италии ограничивалась мелкими проектными работами. Весь важнейший период его творчества целиком связан с Россией, куда он приехал в 1780 г. В 1780—1790-х гг. им построено много зданий. Тяготение Кваренги к строгости и лаконизму классической архитектуры отвечало направлению, в котором развивалась русская архитектура с конца 1770-х гг. Этим объясняется видная роль творчества этого мастера в эволюции русского зодчества.

Примером использования типа усадебной дворцовой застройки в архитектуре здания общественного назначения в условиях Петербурга может служить Ассигнационный банк (1783—1790), сооруженный Кваренги (рис. 30). Усадебная схема подчинена здесь функциональным требованиям нового по своему назначению здания. Перед главным домом, предназначенным для банковских операций и связанным открытой колоннадой (позднее застроенной) с окружающим его дугообразным зданием денежных кладовых, расположен большой парадный двор. Полукружие кладовых выходит на улицу двумя лоджиями, в которых располагались караульни, соединенные высокой металлической оградой с гранитными столбами.

Одновременно с Ассигнационным банком Кваренги построил Эрмитажный театр (рис. 31), переработав в нем схему античного театра. Стремясь создать целостную застройку набережной, зодчий согласовал основные членения театра с членениями соседних зданий Эрмитажа Фельтена и Малого Эрмитажа Деламота. Главный архитектурный мотив фасада — коринфская колоннада, мощным формам которой противопоставлена плоскость сдержанно обработанной стены. Статуи и бюсты, помещенные в нишах, усиливают выразительность колоннады. Широкая арка, перекинутая через



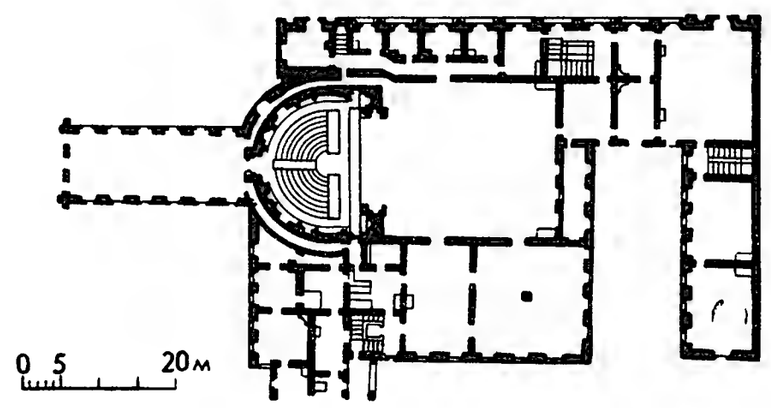


Рис. 31. Петербург. Эрмитажный театр, 1783—1787 гг., арх. Д. Кваренги. Общий вид, продольный разрез, план

Зимнюю канавку и несущая одноэтажную галерею, объединяет полукружие зрительного зала, выступающее из прямолинейного объема театра, со зданием Старого Эрмитажа. Зрительный зал театра окружен вспомогательными и обслуживающими помещениями. В нем зодчий отка-

зался от традиционной планировки дворцовых театров первой половины XVIII в. и расположил зрительные места общим амфитеатром в форме полукруга. Помещение сцены отделено от зрительного зала широким порталом.

Новым по своему утилитарному назначению было здание почтамта в Петербурге (1782—1789), выстроенное арх. Н. А. Львовым.

Николай Александрович Львов (1751—1803) — видный деятель русской культуры конца XVIII в., ученый, архитектор, поэт, график, композитор, изобретатель, переводчик, член Российской Академии наук (с 1783 г.) и почетный член петербургской Академии художеств (с 1786 г.). Львов осуществил ряд построек в Петербурге — Невские ворота Петропавловской крепости (1780—1787), здание почтамта (1782—1789) и в провинции — Иосифовский собор в Могилеве (1781—1798), собор Борисоглебского монастыря в Торжке (1785—1796) и др. Львов строил также много загородных усадеб. Ряд теоретических положений Львова содержится в предисловии и примечаниях к его переводу первой книги трактата Палладио и в пояснительной записке к проекту парка для дворца Безбородко в Москве (1797—1799). Он разработал новые приемы печного отопления, возведения землебитных строений (в этой технике им в 1798—1799 гг. было выстроено здание Приоратского дворца в Гатчине) и т. д.

Здание почтамта отличается удачной планировкой, соответствующей сложным функциям «почтового стана», и строгим, монументальным внешним обликом. В фасадах почтамта, как и в общем построении его композиции с замкнутым внутренним двором, применена традиционная схема делового здания, переработанная в духе классицизма конца XVIII в. Объединяющие второй и третий этажи дорические портики на фасадах возвышаются над рустованными аркадами цокольного этажа, предназначенного для подсобных помещений, в том числе и обширных конюшен и сараев для почтовых карет.

Новым зданием общественного назначения была также публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (1796—1801), построенная арх. Е. Т. Соколовым.

Егор Тимофеевич Соколов (1750—1824) был опытным строителем-практиком, принимавшим непосредственное участие в строительстве здания Академии художеств, дворца в Пелле и Михайловского замка. Самая крупная самостоятельная работа Соколова — старое здание публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Зодчий удачно расположил здание на пересечении двух центральных городских магистралей — Невского проспекта и Садовой улицы. Он соединил два простых и строгих симметричных библиотечных корпуса, поставленных под углом, вестибюлем со стороны двора и овальным читальным залом с фасадом, обработанным ионическими полуколоннами. Построенное на одном из главных перекрестков Невского проспекта здание библиотеки органично вошло в его ансамбль.

В градостроительстве Петербурга и Москвы конца XVIII — начала XIX в. намечаются некоторые изменения, в связи с постройкой новых крупных общественных зданий, таких, например, как Адмиралтейство Захарова, Казанский собор Воронихина, Биржа Томона в Петербурге или Госпиталь Еготова в Москве, трактующихся теперь как главные части целостных архитектурных ансамблей.

Подготовка к реконструкции центра Москвы обусловила появление новых требований к архитектуре общественных зданий. В проекте перестройки Кремля Казакова воплотилась градостроительная концепция плана 1775 г.

Казаков предполагал осуществить строительство крупного городского ансамбля, в котором новые сооружения Кремля в совокупности с группой древних зданий образовывали бы органичный ансамбль. Связующими элементами уравновешенной, регулярной в целом композиции нового ансамбля должны были стать четкие объемы монументальных дворцовых и общественных зданий, характерных для русского классицизма конца XVIII столетия. В 1796 г. комиссию строения Петербурга и Москвы упразднили. Вместе с тем прекратились и работы по составлению генерального плана Москвы. Несмотря на то что проектные замыслы, намеченные в планах Москвы, в своем большинстве остались нереализованными, их значение для строительства города было велико. Снимая планы Москвы, архитекторы и инженеры рассматривали их как исходный документ для дальнейшей застройки города и его благоустройства.

В начале 1800-х гг. под руководством Казакова составлялся «фасадический» план Москвы, зафиксировавший архитектурный облик города, созданного во второй половине XVIII в. московскими зодчими.

Попытки осуществления новых утилитарных и градостроительных задач нашли свое выражение уже в постройках на

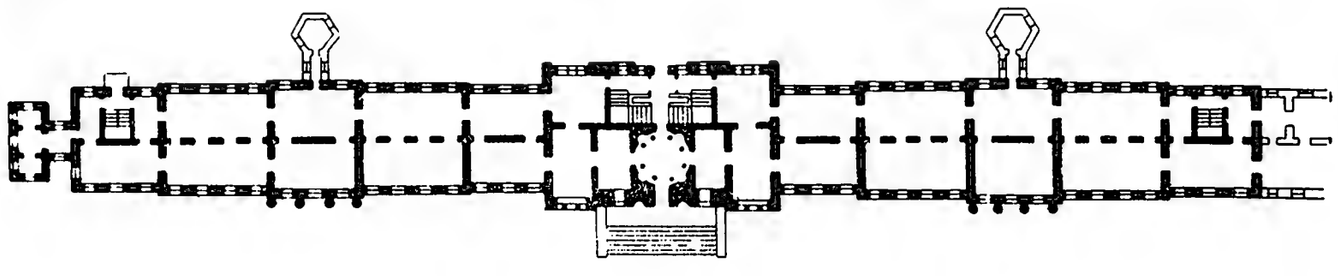
рубеже XVIII—XIX вв., таких, например, как здание Военного госпиталя в Лефортове (ныне госпиталь им. Бурденко). Это старейшее лечебное заведение в России построено на левом берегу Яузы арх. И. В. Еготовым в 1798—1802 гг. (рис. 32).

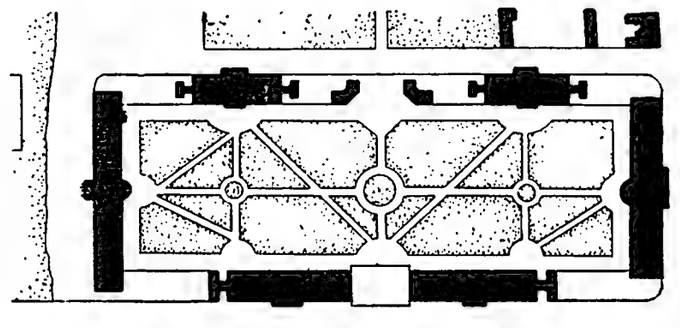
Иван Васильевич Еготов (1756—1814) с 1773 г. учился в «архитектурной команде» Баженова, с 1775 г. — у Казакова, где проявил блестящие способности и стал одним из его любимейших учеников. С 1788 г. участвовал в восстановлении и строительстве сооружений Московского Кремля. Помимо своего лучшего произведения — Военного госпиталя — Еготов в 1806—1810 гг. построил в Москве здание Оружейной палаты на Сенатской площади, усадьбу Дурасова в Люблине под Москвой (1801); парковые сооружения в Царицине (сохранились беседки «Миловида» и «Нерастанкина») и некоторые другие сооружения. С 1803 г. Еготов — главный директор Кремлевской чертежной экспедиции.

Еготовым возведен главный корпус госпиталя, выходящий на Госпитальную улицу, состоящий из трехэтажной центральной части и двухэтажных боковых частей, соединенных переходами. Этот корпус объединил существовавшие ранее шесть разрозненных зданий в единое сооружение, ось симметрии которого стала одновременно и осью всей группы зданий. Между сооружением Еготова и построенными ранее (начиная с 1706 г.) корпусами были разрывы. Замкнутую в плане форму госпиталь получил при последующих перестройках. Здание госпиталя выделялось в застройке значительного пространства города высотой и массивностью своего объема. Мощь центрального портика со сдвоенными колоннами коринфского ордера подчеркивалась меньшими по размерам ионическими портиками боковых крыльев и миниатюрными колонками наличников окон. Плоскостно трактованные фасады, огромные глади стен противопоставлялись пластическому богатству портиков. Двухцветная окраска здания с белыми колоннами, пилястрами, антаблементом и скульптурными деталями, рельефно выступающими на темном фоне по всему фасаду, усиливала пластическую выразительность и единство всей протяженной плоскости фасада.

Градостроительная задача обусловила в этом случае изменение традиционной схемы симметрично-осевой композиции. Из нескольких отдельно стоящих зданий зодчий создал четкую систему объемов, образующих представительное сооружение, организующее окружающую застройку. Еготов повторил здесь прием Казакова, примененный им при постройке дома Мусина-Пушкина, где, объединив несколько жилых домов, зодчий возвел новое крупное здание, замыкающее у Охотного ряда одну из сторон Тверской улицы.

Рис. 32. Москва. Военный госпиталь, 1798—1802 гг. арх. И. В. Еготов. Общий вид, план 1-го этажа генеральный план

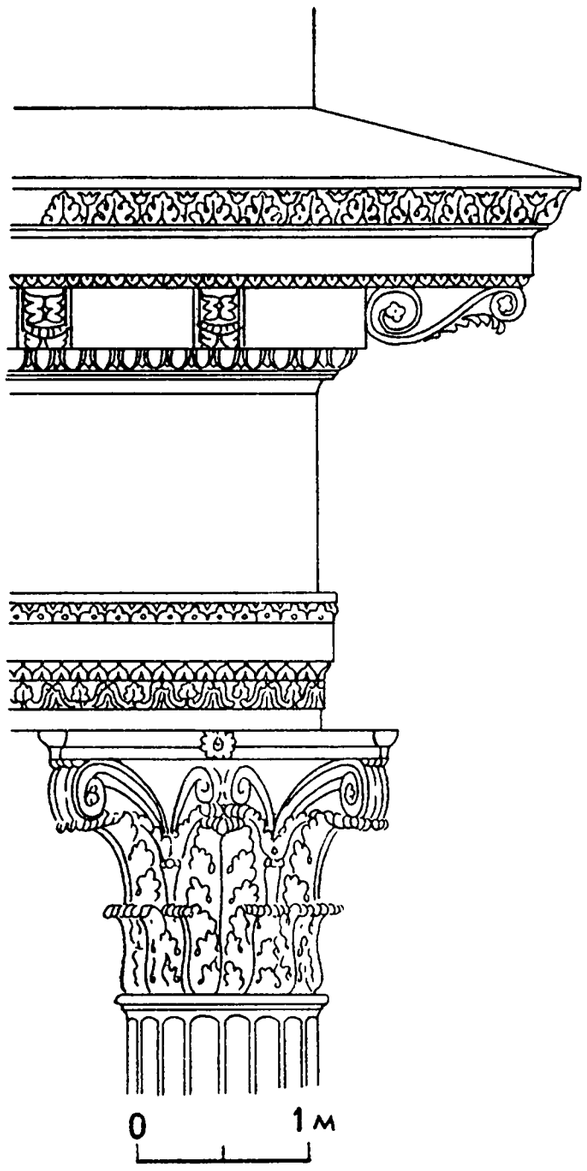




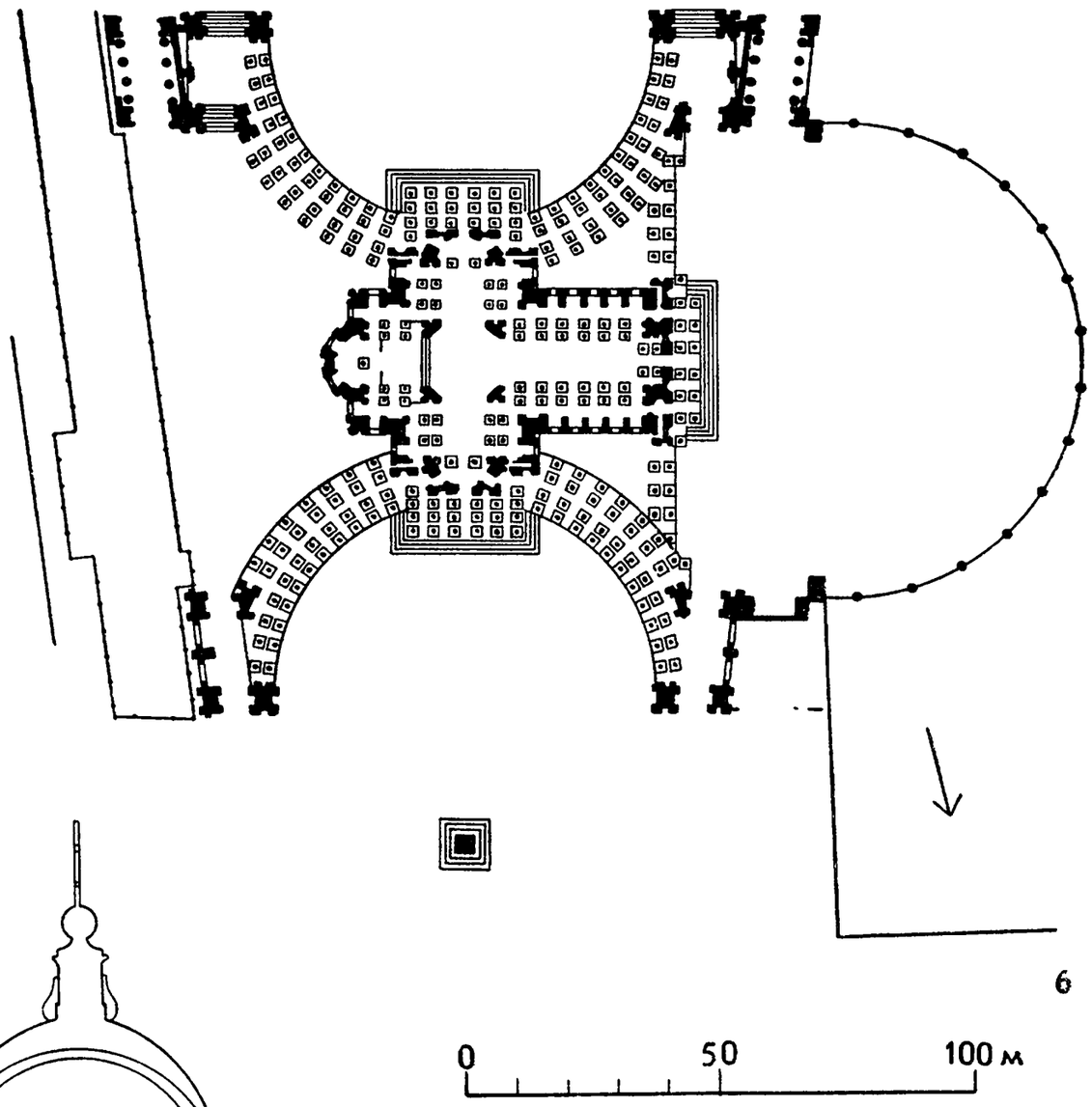
2

Рис. 33—34. Петербург. Казанский собор, 1801—1811 гг., арх. А. Н. Воронихин. *1* — вид с Невского проспекта; *2* — фрагмент ограды; *3* — интерьер; *4* — продольный разрез; *5* — деталь ордера фасада; *6* — генеральный план

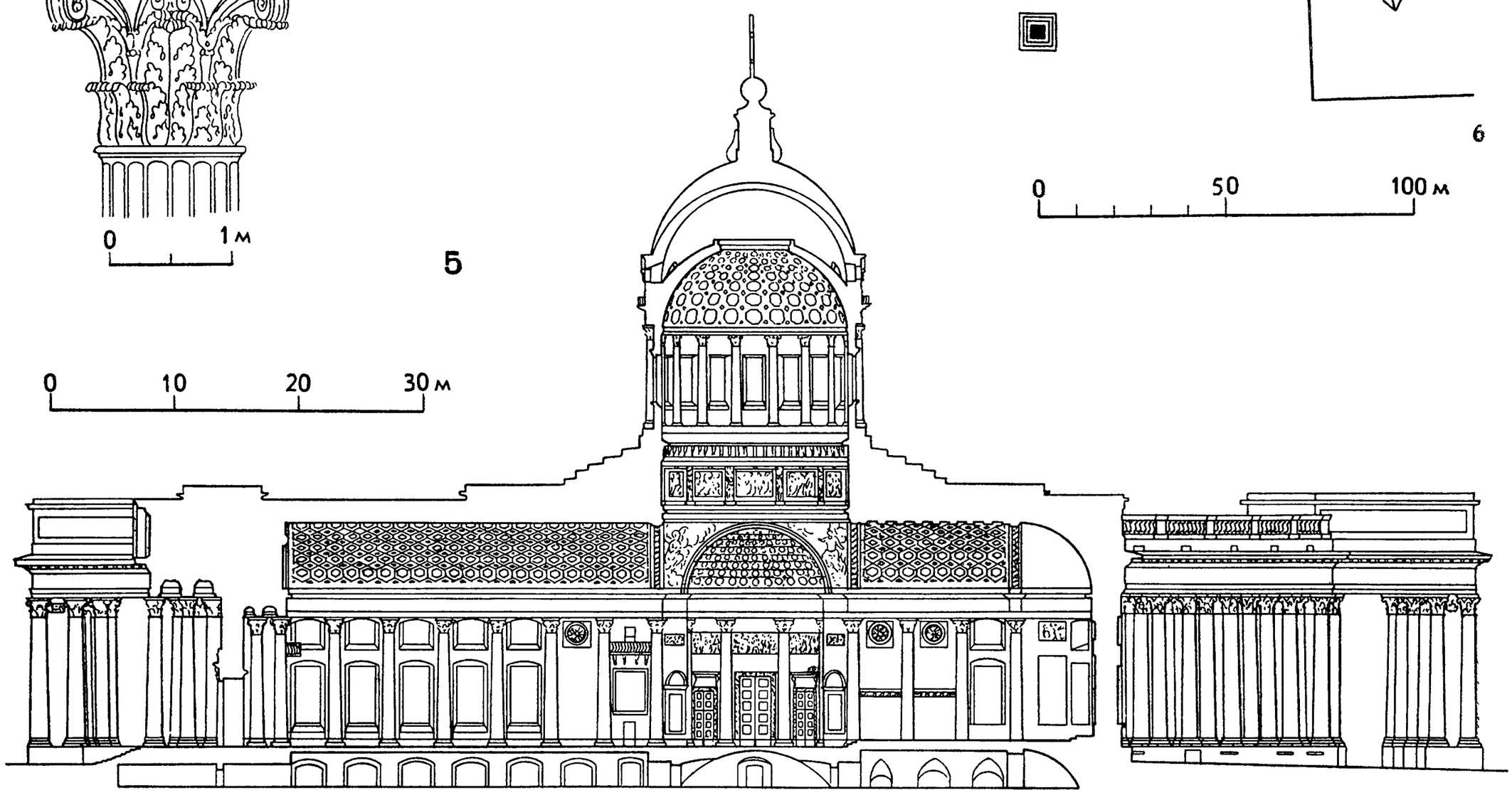
Так, в условиях расширяющегося строительства обеих столиц разрабатывался новый градостроительный прием: путем соединения нескольких зданий создавалась композиция нового крупного сооружения, отвечавшего новым масштабам города. К общественным сооружениям начала XIX в., в которых, как и в госпитале Егото-ва, сказались черты нового этапа архитектуры, утвердившиеся позднее, относится



5



6



Павловская больница (1802—1807) М. Ф. Казакова в Москве и Казанский собор Воронихина в Ленинграде (рис. 33—34).

Андрей Никифорович Воронихин (1759—1814) родился на Урале в селе Новое Усолье, Пермского округа. Подростком он обучался в Москве у В. Баженова и М. Казакова. В семье президента Академии художеств Строганова Воронихин получил домашнее образование, затем путешествовал по России, Швейцарии и Франции. Первой его большой работой была в 1793 г. внутренняя отделка пострадавшего от пожара дворца Строганова (арх. Растрелли). В 1795—1796 гг. Воронихиным сооружен загородный дом Строганова на Черной речке, за картину с изображением этого дома ему в 1797 г. присвоили звание академика перспективной живописи. Звание архитектора Воронихин получил в 1800 г. за проект колоннад в Петергофе. С 1802 г. он — профессор Академии художеств.

Воронихин участвовал в перестройке Павловского дворца, построил колоннады Большого Каскада в Петергофе, Розовый Павильон в Павловске, усадьбу Городня близ Калуги и, возможно, Братцево под Москвой. Наиболее выдающиеся сооружения Воронихина — Казанский собор и Горный институт в Петербурге.

Разработке Воронихиным проекта Казанского собора предшествовал закрытый конкурс на проект собора в 1799 г., в кото-

Рис. 35. Петербург. Горный институт, 1806—1811 гг., арх. А. Н. Воронихин. Вид со стороны Невы

ром участвовали такие крупные архитекторы, как Тома де Томон, Ч. Камерон и перспективист-декоратор П. Гонзага. Проект Воронихина превосходил их проекты прежде всего по своему градостроительному значению. Воронихин положил в основу проекта идею создания на Невском проспекте площади как нового звена в общей системе застройки главной магистрали города.

Несмотря на то, что было необходимо ориентировать алтарную часть собора на восток и, следовательно, устроить главный вход со стороны перпендикулярной Невскому проспекту Казанской улицы (ныне улица Плеханова), зодчий придал выходящему на Невский проспект северному фасаду значение главного фасада, обогатив его грандиозным полукружием четырехрядной колоннады коринфского ордера. Колоннада из 92 колонн образовала перед собором широкую раскрытую к Невскому проспекту площадь, включив тем самым собор в архитектурно-пространственную композицию главной городской магистрали. Благодаря сквозным въездам на канал и Казанскую улицу со стороны Невского собор еще более органично вошел в систему планировки города. Если колоннада перед собором Петра в Риме, замыкающая площадь, подчинена монументальному фасаду здания и имеет целью подчеркнуть его господствующее положение, то открытая колоннада Казанского собора, вытянутая вдоль проспекта, архитектурно организует площадь и усиливает значение её, а не здания.

Площадь перед западным, главным, входом трактована как второстепенная и не конкурирует с площадью, открытой на магистраль. Но этой второстепенной площади придан парадный характер путем обрамления ее полукружия ажурной, тончайшей по рисунку чугунной решеткой (рис. 33—34, *б*). В 1810 г. Воронихин составил проект достройки второй колоннады с южной стороны собора, аналогичной северной. Проект не был осуществлен главным образом по экономическим соображениям.

Градостроительный прием Воронихина в Казанском соборе предварил новый этап развития застройки Петербурга. Хотя градостроительная задача решалась все еще посредством постройки одного здания, это здание, как несколько позже Биржа и Адмиралтейство, сыграло крупную роль в сложении ансамбля города.

Большого внимания заслуживает интерьер собора, в отделке которого применены скульптура, лепная орнаментика, бронза, мраморные и мозаичные полы. Огромное светлое подкупольное пространство в сочетании с протяженными колоннадами нефов, впечатляет богатством перспективных картин, как бы связывая интерьер здания и

наружные колоннады в единое композиционное целое. Купол состоит из трех оболочек: наружной, образующей его конструкцию, и двух видимых в интерьере. В нижней сделано, как в Голицинской больнице Казакова и в Пантеоне Суффло, широкое круглое отверстие для света. Над отверстием на поверхности второго купола выполнена роспись, освещенная люнетами в основании купола, что создает впечатление свободного парения купола и зрительно расширяет пределы подкупольного пространства.

В конструктивном отношении Казанский собор представляет исключительный интерес, как один из первых в истории строительства примеров металлической конструкции решетчатого купола большого пролета. Конструкция перекрытия проездов плоскими перемычками пролетом 7,8 *м*, как и перекрытие купола, своей смелостью вызвала сомнение в прочности у членов комиссии по постройке, в том числе такого опытного зодчего, как Старов, и была проверена на модели в одну треть натуральной величины.

Одновременно с Казанским собором развертывается большое строительство в центре города и по набережной Невы. Значительное сооружение этого времени— здание Горного института, построенное также Воронихиным в 1806—1811 гг., на набережной Васильевского острова (рис. 35). Зодчий мастерски объединил ряд отдельных расположенных уступами домов в одно большое, удобное для института здание, занявшее ответственное место в новой застройке Петербурга. Горный институт, расположенный близ устья Невы, отмечал въезд в столицу со стороны моря. Учитывая это и вместе с тем далекую обозримость сооружения, зодчий объединил всю композицию грандиозным 12-колонным портиком греко-дорического ордера, размещенным в центральной части здания на фоне большого массива рустованной стены. Эта композиция, рассчитанная на восприятие с противоположного берега реки, вместе с тем организует целый район города. Величественный портик утяжеленных пропорций, с массивными, сильно расширяющимися книзу каннелированными колоннами, с невысокими, как бы сдавленными тяжестью антаблемента капителями и огромным фронтоном дополнен многофигурным фризом на стене по сторонам портика и двумя монументальными скульптурными группами, поставленными по краям широкой гранитной лестницы.

Воронихин был также замечательным мастером малых форм и садово-паркового строительства, что проявилось в Большом каскаде в Петергофе и фонтане на Пулковой горе.

Биржа Тома де Томона (рис. 36) свидетельствует о дальнейшем развитии стиля архитектуры классицизма.

Жан Тома де Томон (1760—1813), уроженец Швейцарии (г. Берн), в 1799 г. приехал в Россию по приглашению князя Голицына сначала в Смоленскую губернию и вскоре в Петербург. В 1800 г получил звание академика и был на-

Рис. 36. Петербург. Биржа, 1804—1810 гг., арх. Тома де Томон

значен придворным архитектором. Первые архитектурные работы Томона в Петербурге, в частности конкурсный проект Казанского собора в 1799 г., обнаружили в нем блестящего рисовальщика, но недостаточно опытного зодчего. Первый вариант проекта биржи (1801), разработанный Томоном, был компиляцией из ряда проектов на большую премию Французской академии искусств. Составление проекта длилось четыре года. В состав экспертов от Академии художеств вошли Захаров и Воронихин, замечания которых во многом способствовали улучшению проекта. На примере строительства Биржи можно проследить влияние русской классической архитектурной школы на развитие творчества Томона. Томон в Петербурге перестроил Большой театр, построил дом Лаваля, амбары Сального буяна, парковый павильон «Мавзолей» (1805—1808) в Павловске. В провинции к сооружениям Томона относятся театр (1803—1809) и госпиталь в Одессе, колонна «Слава» в Полтаве (1805—1811) и др.

Здание Биржи, строительство которого начал Кваренги, не удовлетворяло по целому ряду причин новым требованиям, предъявляемым к сооружениям центрального ансамбля Петербурга, и архитектурно-композиционная задача, связанная с сооружением Биржи, теперь стояла по иному. Если Кваренги обращал фасад Биржи к Зимнему дворцу, трактуя ее как здание, подчиненное главному сооружению сравнительно небольшого центрального района, то теперь здание Биржи должно было архитектурно закрепить ось реки и стать, по существу, градостроительноорганизующим началом этой части города.

В сочетании с симметрично поставленными ростральными колоннами-маяками Биржа господствует над широким пространством Невы, превращая его в своего рода архитектурное звено, объединяющее обособленные ранее прибрежные части центрального района города. Вертикали ростральных колонн с гигантскими статуями морских божеств у их подножья хорошо сочетаются с дорической колоннадой здания Биржи и его выразительным ступенчатым силуэтом.

Ядром здания Биржи в плане был главный зал для биржевых операций (размером 41,35×21,38), перекрытый кессонированным цилиндрическим сводом (рис. 37, *2* и *3*). По сторонам зала располагались вспомогательные помещения. Здание окружено колоннадой из 44 колонн дорического ордера и имеет вид периптера, поставленного на высоком подиуме. Объем здания, покоящегося на мощном основании, как бы вырастает из колоннады и раскрывается по торцам громадными полукружиями арок со скульптурными группами.

Строгость, простота, лаконизм форм архитектуры Биржи столь же оправданы, как и в здании Горного института, рассчитанного на восприятие издали в окружении речных просторов. Вместе с тем подчеркнутая мощь, суровость сооружения и скупость декорации отражают эволюцию ху-

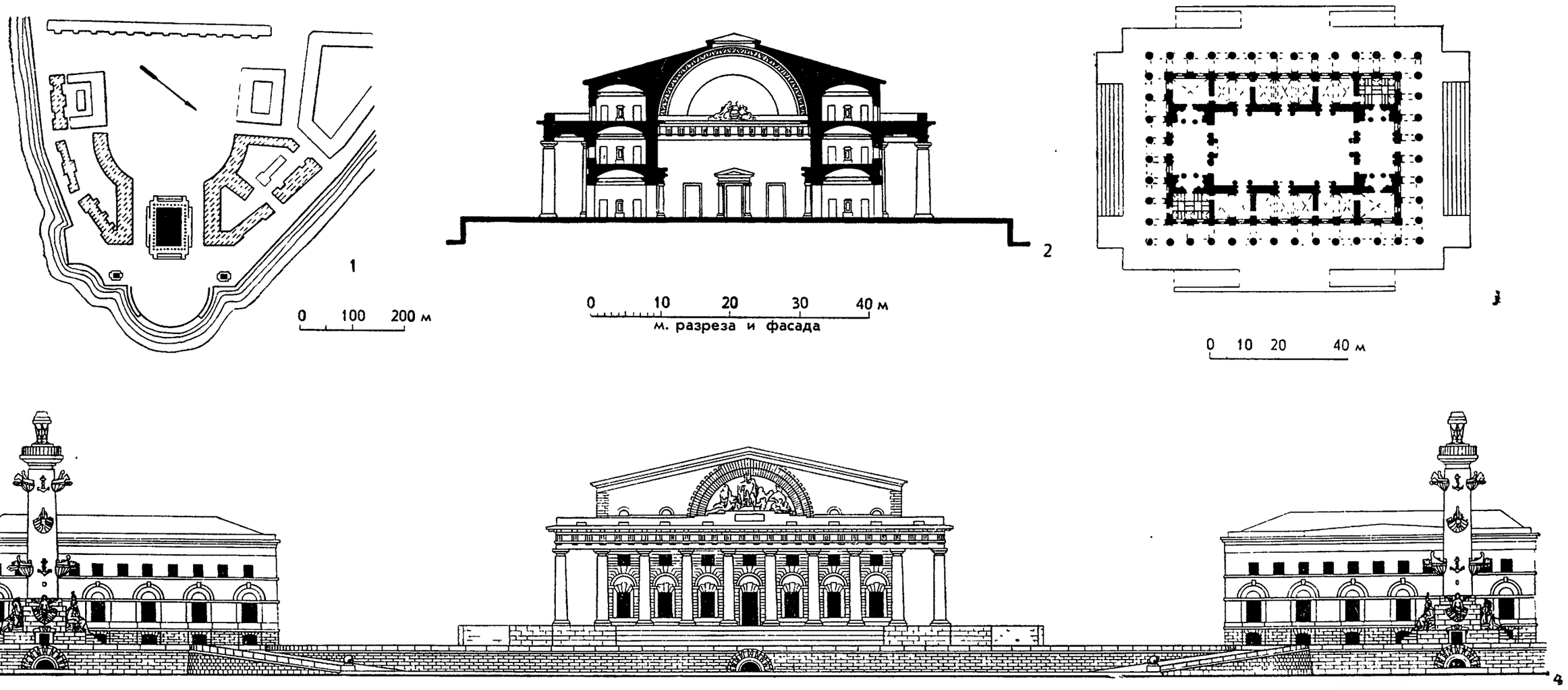


Рис. 37. Петербург. Биржа. *1* — генеральный план стрелки Васильевского острова; *2* — поперечный разрез; *3* — план; *4* — главный фасад

дожественных форм архитектуры русского классицизма.

Самым крупным сооружением начала XIX в., в котором полнее всего раскрылись достижения русской архитектуры в области создания монументальных ансамблей, было Адмиралтейство (1806—1823), построенное арх. А. Д. Захаровым.

Андреян Дмитриевич Захаров (1761—1811) с шести лет начал учиться в Академии художеств, после окончания которой с большой золотой медалью был отправлен пенсионером в Париж, где учился у Шальгрена. По возвращении в Петербург с 1781 г. Захаров ведет педагогическую работу в архитектурных классах Академии. С 1794 г. он — академик, с 1803 г. — старший профессор архитектуры. Наиболее ранняя из дошедших до нас работ Захарова — проект оформления празднества по поводу заключения мира с Турцией, выполненный в 1792 г. К концу 1790-х — началу 1800-х гг. относятся: церковь при Александровской мануфактуре под Петербургом, типовые проекты зданий для губернских и уездных городов, несколько проектов для Гатчины, проект объединения трех старых зданий Академии наук, проект планировки стрелки Васильевского острова и т. д. С 1805 г. Захаров — главный архитектор Адмиралтейства. В это время наряду с Адмиралтейством он проектирует Провиантские склады (1806—1808) и галерный порт (1806—1809) в Петербурге, госпиталь при Херсонском порте (1808), Андреевский собор в Кронштадте, Канатный завод в Архангельске, кадетский корпус в Николаеве и ряд других сооружений. Значительной была работа Захарова по созданию альбомов «образцовых» проектов.

Адмиралтейство сыграло исключительную роль в формировании центральной части Петербурга XIX в. В связи с новым назначением здания (здесь предполагалось разместить Морское министерство вместе с существовавшими ранее производственными корпусами и верфями), а также перестройкой центра столицы для придания ему представительного архитектурного облика началась капитальная реконструкция старых построек Адмиралтейства. Город вокруг Адмиралтейства со времени перестройки последнего Коробовым значительно изменился. На берегу Невы появились крупные здания Академии художеств, Академии наук и др. Завершилась парадная застройка Дворцовой набережной со зданиями, принадлежащими Зимнему дворцу. В этом окружении резко выделялись обветшалые корпуса Адмиралтейства, окруженные каналом и валами с бастионами.

При перестройке старого Адмиралтейства сохранили сложившуюся систему его планировки с двумя параллельными рядами корпусов и с проходящим между ними каналом шириной 14 *м* (позднее засыпанным), а также центральную башню над главными воротами Адмиралтейства, которую заключили в новый, большой объем (рис. 39). Во внешнем П-образном в плане корпусе Захаров расположил деловые и парадные помещения: большой зал Адмиралтейств-коллегии, главный вестибюль (рис. 38,*3*), музей, библиотеку и т. п. Два внутренних Г-образных корпуса отвели, как и раньше, под производственные помещения, корабельные и чертежные мастерские, склады и т. д. По каналам доставлялись в мастерские и на склады необходимые материалы. Основные габариты плана остались без изменения. Таким образом, общая схема здания предопределялась существовавшей постройкой.

Новое назначение Адмиралтейства как представительного правительственного здания требовало устройства перед его главным фасадом парадной площади, что должно было существенно изменить сложившуюся планировку городского центра. Обособленные ранее Дворцовая и Сенатская площади включались теперь в непрерывную цепь площадей, из которых новая — Адмиралтейская площадь стала центральной. Здание Адмиралтейства организовало систему площадей и берущую здесь свое начало композицию трех лучей главных магистралей города. Все фасады здания объединены в целостную композицию с главенствующей центральной башней и двумя завершающими здание павильонами, обращенными к Неве. Сооружение огромной протяженности (длина главного фасада 407 *м*, боковых — по 163 *м*) — Адмиралтейство соединяет в себе различные сочетания нескольких однотипных элементов: кубического объема с аркой (в центральной башне и невских павильонах), 12-колонных портиков, 6-колонных выступов и гладких плоскостей стены, рустованных внизу, с прямоугольными проемами окон, обрамленными во втором этаже наличниками.

Планировочный масштаб композиции определялся километровым протяжением всей системы объединенных площадей. В истории архитектуры имелись подобные примеры, когда системы площадей создавали последовательную смену грандиозных архитектурных панорам, например форумы Рима, проект Кремлевского дворца Баженова и т. д. Но в данном случае здание не

1

2

3

4

Рис. 38. Петербург. Адмиралтейство. *1* — общий вид со стороны Зимнего дворца; *2* — фрагмент ордера и барельефа; *3* — интерьер вестибюля; *4* — нимфы у главного входа, поддерживающие земную сферу

только должно было ограничивать собой пространство (как, например, ограничено зданиями, построенными арх. Габриэлем, пространство «раскрытой» площади Согласия в Париже), но определить архитектурный строй огромного ансамбля.

Грандиозность масштабов поставленной задачи требовала новых архитектурных средств, и Захаров, обращаясь к испытанным приемам русских зодчих конца XVIII в., творчески развивал их применительно к новой цели. В основу всего здания в целом и его составных частей (фасады крыльев) Захаров положил схему объемной трехосевой композиции типа общественного сооружения, разработанного в русской архитектуре предшествовавших лет. Композиция фасадов, построенная на сложном ритмическом чередовании ряда простых и четких объемов (в их многообразных и выразительных сочетаниях), новый характер обработки больших гладких поверхностей стен скульптурными и декоративными вставками, включение в архитектурный комплекс свободно стоящей скульптуры — все это стало новыми особенностями монументального общественного здания, завершившего собой процесс фор-

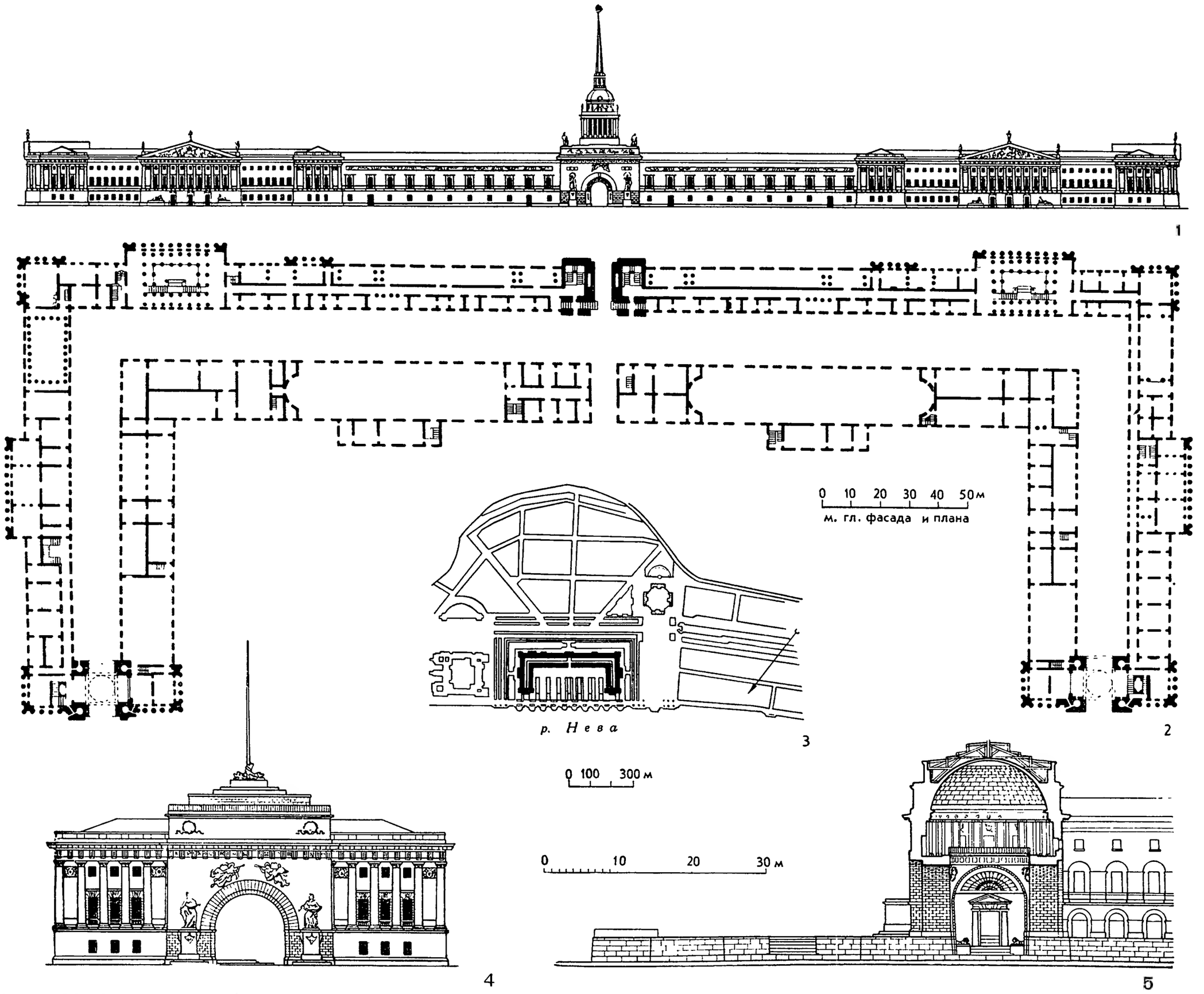


Рис. 39. Петербург. Адмиралтейство, 1806—1823 гг., арх. А. Д. Захаров. *1* — фасад со стороны Адмиралтейской площади; *2* — план 2-го этажа; *3* — генеральный план; *4* — фасад павильона со стороны Невы; *5* — разрез по павильону

мирования этого типа сооружений в архитектуре русского классицизма (рис. 38, 39).

Скульптура здания, связанная по своей тематике с историей флота, раскрывала основную идею художественного образа Адмиралтейства. Высокий рельеф и ясность композиции скульптуры, четкость контуров изображенных предметов на фоне гладкой стены воспринимаются так, что зрительно не раздробляют ее поверхности. Этот принцип будет общепринятым в архитектуре на новом этапе его развития после Отечественной войны 1812 г.

Традиционная в архитектуре русского классицизма двухцветность, сочетание желтого тона стен с белыми колоннами и различными архитектурными и скульптурными деталями способствует выявлению архитектурной композиции здания и подчеркивает спокойную гладь стены. В обработке интерьеров, так же как и фасадов, широко применены ордерные членения в канонических и оригинально переработанных зодчим вариантах, а также скульптура, лепка и роспись гризайлью. Особый интерес представляет вестибюль с колоннадой коринфского ордера на рустованной аркаде и широкой парадной лестницей, украшенной статуями Афины и Геркулеса.

Адмиралтейство Захарова — крупнейшее сооружение Петербурга рубежа XVIII—XIX вв., разрешившее проблему застройки центра столицы у Невы и наметившее его дальнейшее развитие как триединой системы центральных площадей города.

Градостроительное содержание во многом определило и особенности проекта Провиантских складов на левом берегу Невы, выполненного Захаровым в 1806—1808 гг. Это простое и строгое, но величественное здание должно было вместе с Горным институтом Воронихина, расположенным на противоположном берегу Невы, образовать своего рода пропилеи, ведущие в столицу со стороны моря.

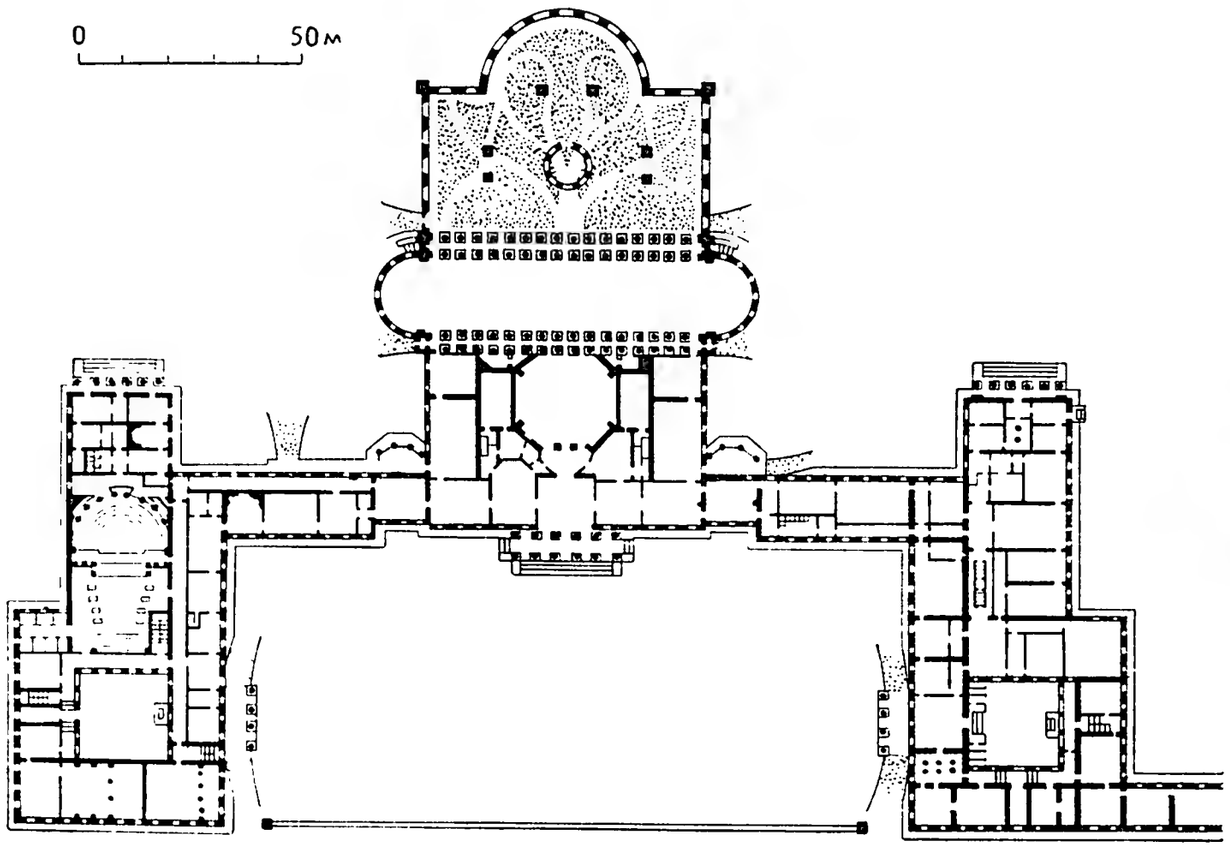
2. ЗАГОРОДНЫЕ ДВОРЦЫ И УСАДЬБЫ

Загородные дворцы. Полную завершенность тип загородного дворца эпохи русского классицизма получил в здании Таврического дворца (рис. 40), оказавшего большое влияние на развитие русской архитектуры конца XVIII — начала XIX в. Планировка и объемное решение Таврического дворца стали образцом для многих дворцов и дворянских усадеб, строившихся в это время в России. Вместе с тем в Таврическом дворце, построенном арх. И. Е. Старовым, объединены характерные особенности дворцовой, общественной и жилой архитектуры, сложившейся в процессе их предшествовавшего формирования.

Иван Егорович Старов (1744—1808) родился в Петербурге, но детство провел в Москве; в 1755 г. он поступил в гимназию при Московском университете; в 1756 г. был направлен в Петербургскую Академию художеств, после окончания которой командирован в Париж и Рим. По возвращении в Россию, Старов в 1768 г. получил звание «назначенного» и в 1769 г. — академика.

Старов разрабатывал проекты планировки городов, административных и общественных зданий, городских дворцов, усадеб, церковных сооружений. К первым крупным работам Старова относится строительство усадебных домов — в Богородицке и Бобриках Тульской губернии (начало 1770-х гг.) и в Никольском-Гагарине (1773—1776) под Москвой. В 1772—1774 гг. он был руководящим архитектором «Комиссии строения Санкт-Петербурга и Москвы» и создал в это время несколько проектов для Петербурга и ряд проектов перепланировки провинциальных городов (Воронеж, Псков и др.). С 1776 г. Старов занят реконструкцией Александро-Невской лавры в Петербурге и возведением ее нового собора. В 70-х гг. им построены усадьбы Сиворицы и Таицы. В 1787—1790 гг. Старов работал на Украине. В последние годы жизни он уже не строил значительных сооружений, с 1800 г. стоял во главе комитета по строительству Казанского собора в Петербурге.

Таврический дворец (1783—1789) был построен для князя Потемкина на обширном участке близ Невы, по тому времени на окраине города. Дворец расположен главным фасадом вдоль Невы и раскрыт парадным подъездным двором в сторону Воскресенской улицы (тогда еще не застроенной). Планировка здания выполнена по триединой системе классицизма, включающей парадный двор, осевую композицию анфилады парадных помещений и парк. По оси здания последовательно размещены вестибюль, купольный зал-ротонда, большая галерея и зимний сад, обращенный к парку. Более низкие промежуточные части здания соединяют центральный корпус с выдвинутыми к улице боковыми корпусами, образующими в плане замкнутое каре с внутренними двориками. Со стороны парадного двора боковые корпуса имеют отдельные



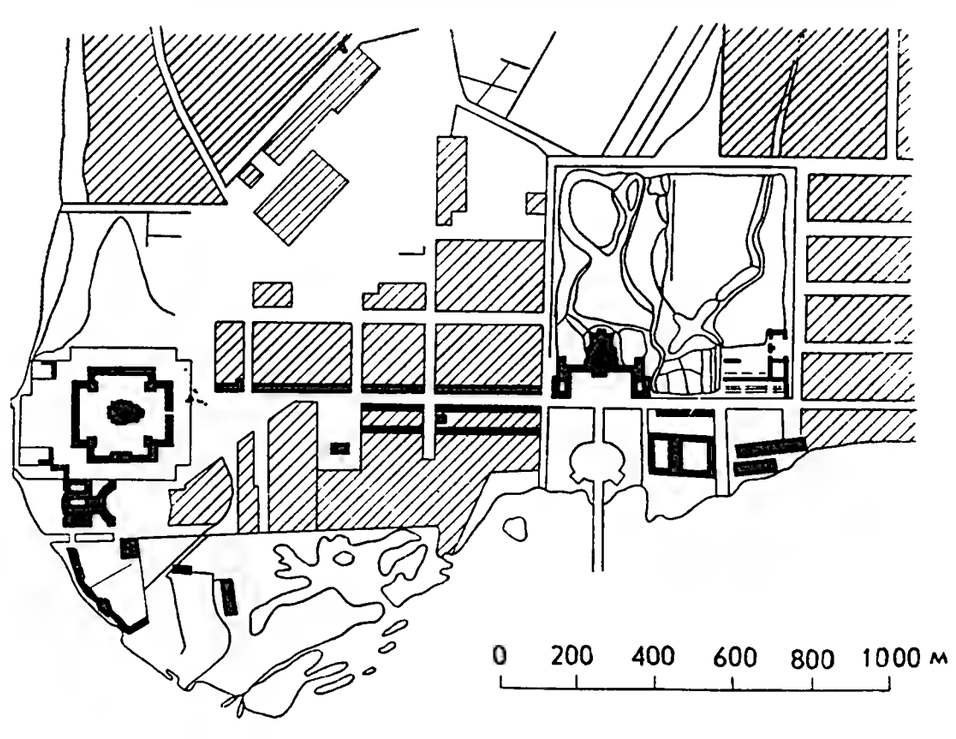


Рис. 40. Петербург. Таврический дворец, 1783—1789 гг., арх. И. Е. Старов. Общий вид, фото А. А. Александрова; план, генеральный план

Рис. 41. Петербург. Таврический дворец. Садовый фасад, большая галерея, купольный зал

входы с четырехколонными портиками тосканского ордера, со стороны парка образуют симметричные выступы, к которым примыкают одноэтажные крылья дворца. Торцы выступов украшены шестиколонными ионическими портиками.

Наружное убранство Таврического дворца отличается строгостью. «Оно просто, но величественно», — писал Державин в 1791 г. Главный корпус здания, подчеркнутый портиком главного входа, противопоставлен более низким флигелям и господствует в ансамбле. Ордер входных портиков в соответствии с их назначением различен: дорический применен на представительном главном фасаде, тосканский — на портиках боковых корпусов, ионический — на более интимном фасаде со стороны парка.

Величавая простота внешнего вида дворца контрастировала с великолепием его парадных залов (рис. 41). Первым из них был следующий за вестибюлем восьмигранный купольный зал. К нему примыкал своей длинной стороной колонный зал, так называемая Большая галерея, — главный парадный зал дворца. Замыкал этот ряд помещений обширный прямоугольный в плане зимний сад с полукруглым выступом. Интересен плафон купольного зала-ротонды, представляющий собой подвесной потолок, расписанный рядами кессонов, уменьшающихся к центру и создающих иллюзию сферического купола.

По широте замысла архитектура интерьера Большой галереи не имела себе равных. Величественные колоннады ионического ордера из 36 колонн искусственного белого мрамора шли в два ряда вдоль каждой длинной стороны зала. Через открытую южную колоннаду зал соединялся с зимним садом и парком. Плоское покрытие колонного зала приподнято небольшими паддугами над антаблементом колоннад.

Зимний сад, бывший, по существу, громадной оранжереей, завершал анфиладу залов. Впечатлению «открытости» зимнего сада способствовали его обильное освещение, а также роспись простенков, изображающая деревья, и размещение промежуточных опор в виде типичного паркового сооружения — беседки-ротонды. Остальные помещения Таврического дворца (танцевальный и концертный залы, библиотека, гостиные, жилые и служебные помещения и т. д.) не создавали столь строгого композиционного целого, как помещения центральной группы.

Дворец строился как памятник побед, одержанных русской армией и флотом над Турцией, и в его архитектурном облике ярко отразилась идея величия Русского государства.

К другому типу загородного дворца, сыгравшему значительную роль в русской

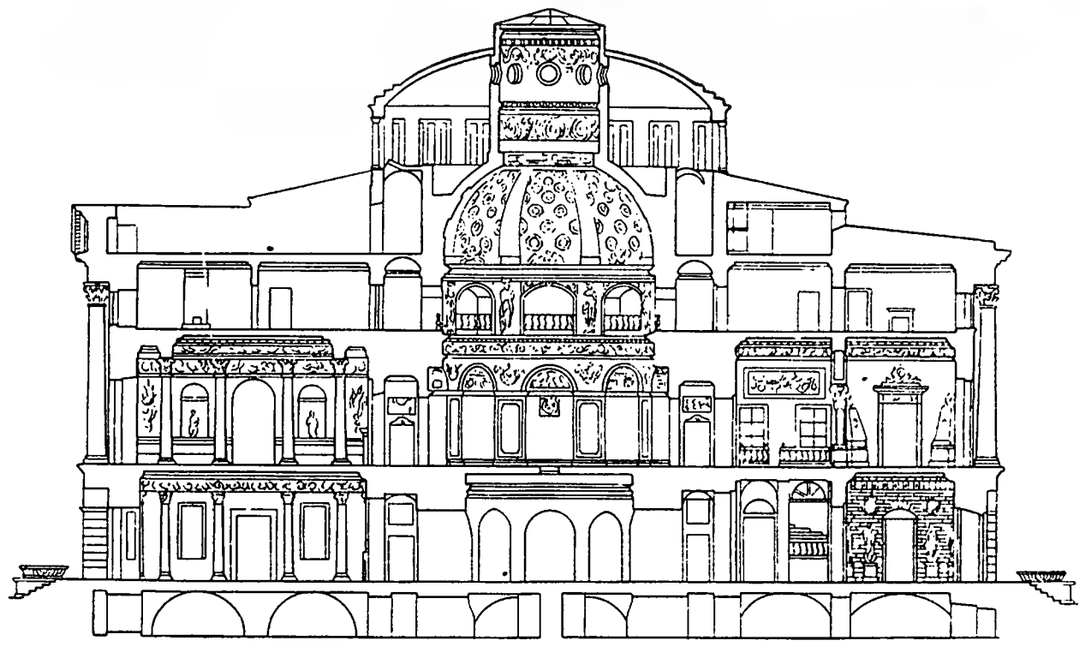
архитектуре второй половины XVIII в., относится Павловский дворец (рис. 42), построенный арх. Камероном.

Чарльз Камерон (1730-е гг. — 1812 г.), по происхождению шотландец, воспитывался во Франции, затем в Италии, где провел большую часть своей жизни. Здесь он изучал памятники античной архитектуры, много занимаясь, в частности, римскими термами. В 1772 г. издал книгу «Термы римлян» (русский перевод 1939 г.). Приехал в Россию в 1779 г. и работал в качестве придворного архитектора Екатерины II. До приезда в Россию Камерон не был известен как архитектор-строитель, все его творчество связано с Россией. Камерон много строил в пригородах Петербурга — Царском Селе и Павловске. На Украине он построил усадьбу Разумовского в Батурине.

Загородная царская усадьба в Павловске включала дворец, хозяйственные постройки и парк. Дворец в Павловске (1782—1786) состоял из трехэтажного главного корпуса под куполом (близкого в плане к квадрату) с идущими полукругом низкими одноэтажными галереями, заканчивающимися боковыми полутораэтажными флигелями. Дворец расположен на высоком берегу р. Славянки. Главный фасад с портиком (без фронтона), увенчанным антаблементом, обращен на подъездной парадный двор, к которому ведет широкая липовая аллея. Садовый фасад с портиком, завершенным низким треугольным фронтоном, выходит к подъездной дороге. Простой по своим формам и очертаниям массив центрального корпуса возвышается над низкими боковыми галереями. Главенство купола на барабане в общей композиции здания подчеркнуто обработкой его основания сплошным кольцом колоннады, состоящей из 64 тосканских колонн.

Перестройки дворца, произведенные арх. В. Ф. Бренна в более позднее время (надстройки второго этажа над галереями, удлинение их и пр.), исказили первоначальный облик открытого дворцового ансамбля, как бы отгородив его от окружающего парка. Садовый фасад сохранился в первоначальном виде. Значительным изменениям подверглась внутренняя отделка дворца. В XIX в. многие залы дворца были отстроены заново архитекторами Бренна, Воронихиным, Росси. Камерону принадлежит отделка круглого купольного Итальянского зала (переделанного впоследствии Воронихиным), Греческого зала, Белой столовой и биллиардной комнаты.

Парк Павловского дворца представляет



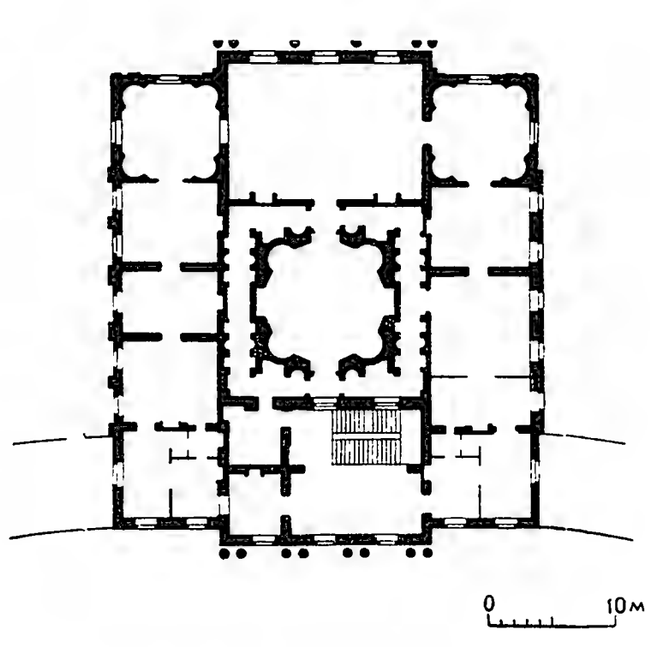


Рис. 42. Павловск. Дворец, 1782—1786 гг., арх. Ч. Камерон. Общий вид со стороны р. Славянки, продольный разрез, план 2-го этажа

собой замечательный пример «пейзажного парка» с его свободной планировкой, подражающей красоте естественной природы. Живописно изгибающаяся р. Славянка с искусно размещенными на ее крутых склонах парковыми постройками — один из главных элементов его композиции. Прихотливо распланированные аллеи и дорожки, тесно связанные с рельефом местности, объединяют отдельные части парка и раскрывают в различных перспективах павильоны, беседки, мостики, колоннады, монументы и другие сооружения. Наиболее значительные из них — Храм дружбы, Павильон трех граций, вольер, Колоннада Аполлона.

Храм дружбы (1780—1782), стоящий на берегу р. Славянки, имеет форму ротонды, окруженной 16 каннелированными колоннами дорического ордера (рис. 43, *1*). Павильон трех граций (1800—1801) находится рядом с дворцом. Этот открытый грациозный портик-колоннада заключает в себе мраморную статую трех граций, исполненную Трискорни с оригинала Кановы (рис. 43, *3*). В духе античности трактована и Колоннада Аполлона[1] (рис. 43, *4*).

Павловск был построен в сравнительно короткий срок и сложился как архитектурный ансамбль в течение двух последних десятилетий XVIII в.[2]. В 80-х гг. XVIII в., когда закладывались основы Павловска как архитектурного целого, в русской культуре наряду с идеалами гражданственности, тяготеющими к античности, стали проявляться веяния сентиментализма с его культом чувства и отказом от рассудочности. Это нашло отражение в парке Павловска — выдающемся дворцово-парковом ансамбле периода русского классицизма. Почти одновременно с Павловском в 1780—1794 гг. строились и так называемые термы Камерона в Царском Селе (рис. 44). Термы Камерона — двухъярусное сооружение, примыкающее к Большому Царскосельскому дворцу и включающее «Холодные бани» с «Агатовыми комнатами» (1780—1785), «Висячий сад», пологий спуск «пандус» (1785—1794) и «Камеронову галерею» (1783—1786). Зодчий, получив задание построить для Екатерины II ванное помещение и баню, обратился к хорошо ему известному наследию античных сооружений. Свободно компонуя греко-римские мотивы, он создал ряд неожиданных, но гармонических сочетаний.

Тонко и разнообразно решены фасады «Агатовых комнат» — легкого паркового павильона с изящным овальным портиком и сдвоенными колоннами ионического ордера. Висячий сад, расположеннный поверх массивной сводчатой аркады, соединяет «Холодные бани» и «Агатовые комнаты» с «Камероновой галереей» и парком, в который спускается из висячего сада пандус. Весь комплекс обращен к зелени парка, панорама которого хорошо воспринимается со стороны галереи с широко расставленными колоннами. К торцу галереи, со стороны озера, примыкает торжественная лестница, украшенная копиями античных статуй Геркулеса и Флоры.

Павильон «Агатовых комнат» кирпичный, колонны белокаменные. Снаружи стены оштукатурены и окрашены в светло-желтый тон, на котором выделялись красные ниши с белыми статуями.

В отделке интерьера широко применены самоцветные камни, мрамор, бронза, порфир. Боковые кабинеты отделаны яшмой и агатом. Интересны в интерьере «Агатовых комнат» роспись и лепное убранство стен, а также художественная отделка сводов и потолков.

Подмосковные усадьбы. Представительные царские усадьбы — Таврический и Павловский дворцы — становятся образцами для усадебного строительства конца XVIII в. Некоторые из построенных в то время подмосковных усадеб, таких, например, как Останкино, Архангельское, не уступали другим загородным дворцовым усадьбам.

Подмосковная усадьба Шереметевых Останкино (рис. 45) выстроена в 90-х гг. XVIII в. крепостными архитекторами П. Аргуновым, А. Мироновым, Г. Дикушиным, П. Бизяевым по переработанному ими проекту Кампорези. В отличие от обычных усадеб в Останкинском дворце объединены в одном архитектурном объеме жилые и

---

[1] Современный вид Колоннада Аполлона получила впоследствии, в результате разрушений, вызванных осадками фундамента. Первоначально это было замкнутое сооружение из двух рядов колонн с копией античной статуи Аполлона в центре.

[2] С 1792 по 1831 г. над созданием парка работал крупнейший декоратор и мастер садово-паркового искусства П. Гонзага. В начале XIX в. в постройке павильонов Павловского парка принимали участие А. Н. Воронихин, Тома де Томон и другие.

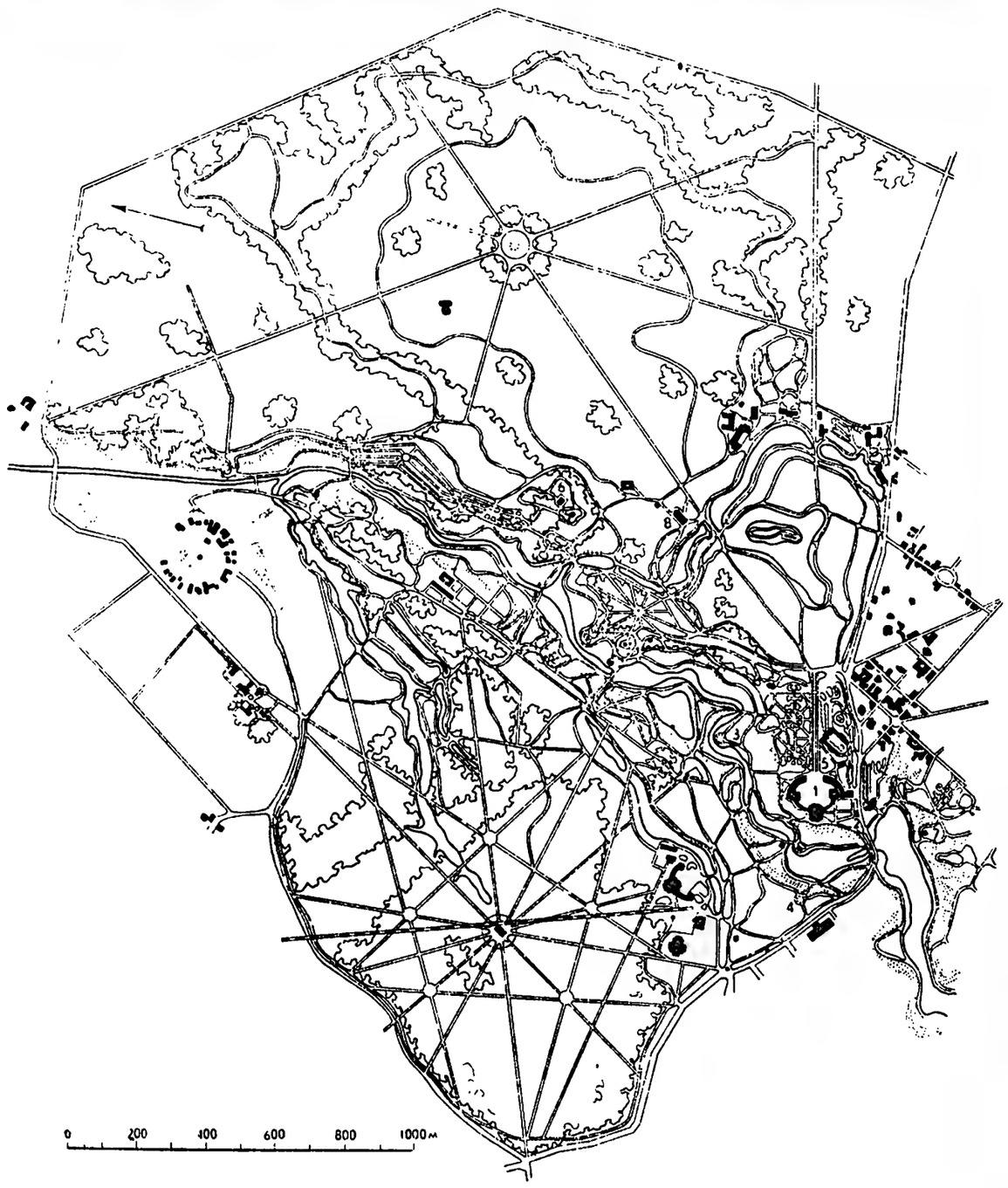
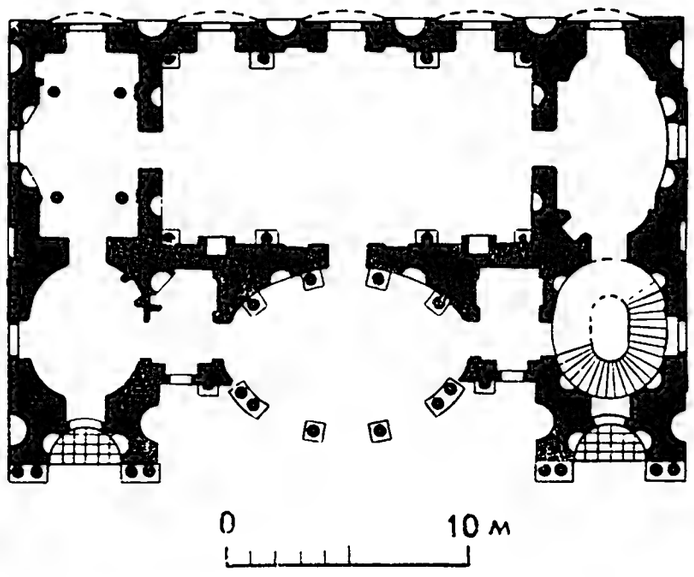


Рис. 43. Павловск. *1* — Храм дружбы, 1780—1782 гг., фото А. А. Александрова; *2* — генеральный план; *3* — Павильон трех граций, 1800—1801 гг., фото А. И. Власюка; *4* — Колоннада Аполлона, 1780—1783 гг.

Экспликация к генеральному плану: *1* — дворец; *2* — Павильон трех граций; *3* — Храм дружбы; *4* — Колоннада Аполлона; *5* — вольер; *6* — Мавзолей Павла I; *7* — обелиск; *8* — Розовый павильон

служебные помещения, театр и парадные дворцовые залы. Часть главного корпуса занята театральным залом и сценой, которые превращались во время балов в общий зал для танцев. Несмотря на необычные функции здания и своеобразие планировки, его композиция подчинена сложившейся схеме дворцового сооружения с портиками, ризалитами и куполом. Дворец построен из дерева, но в формах каменной архитектуры. Преимущественно из дерева выполнена тончайшая отделка его интерьеров, имитирующая даже такие материалы, как мрамор, бронзу и различного рода лепку. Замечательны наборные полы дворца из различных пород дерева.

Рис. 44. г. Царское село. „Камеронова галерея", 1783—1786 гг., арх. Ч. Камерон. План 2-го этажа, вид на галерею со стороны пруда



Усадьба Архангельское — более крупный и роскошный подмосковный дворцово-парковый ансамбль (рис. 46). Стоящее на высоком месте здание дворца представляет собой центральное ядро всей строго симметричной композиции ансамбля, по продольной оси которого расположены въездные ворота, парадный двор, дворец, террасы партера (рис. 47). Дворец строился с 80-х гг. XVIII в., когда был перепланирован существовавший парк, до 1831 г. на месте старого деревянного дома в основном крепостными архитекторами по проекту де-Герна.

В Подмосковье сохранились и более скромные дворянские усадьбы этого времени — Быково, Гребнево, Люблино, Середниково, Горенки, Ярополец, Ольгово и др. Приемы планировки подмосковных усадеб были разнообразны, однако почти всегда в их основе лежала схема построения генерального плана по единой оси, проходящей через главное здание как центр всей композиции усадьбы. Хозяйственные строения и людские обычно размещались отдельной

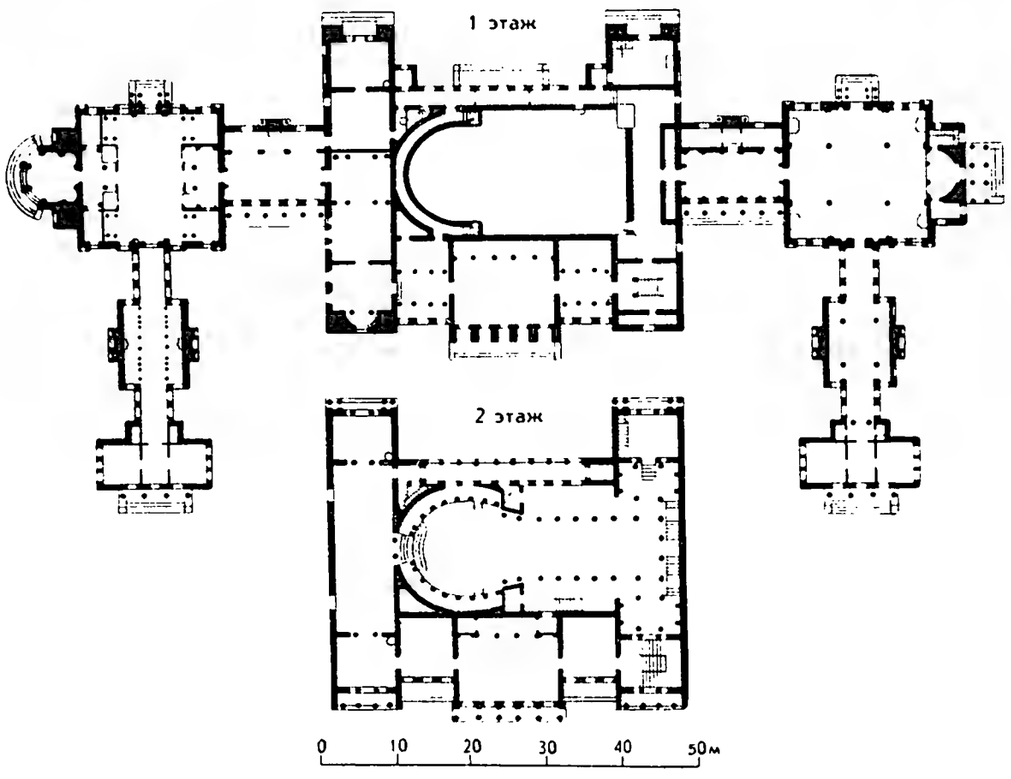


Рис. 45. Усадьба Останкино (Москва), 1791—1793 гг., арх. П. Аргунов, А. Миронов, Г. Дикушин, П. Бизяев. Общий вид дворца, интерьер театра, плафон Египетского зала, планы 1-го и 2-го этажей

группой, в стороне от главного дома, за парком. Среди парковых насаждений наряду с обычными для подмосковья древесными породами: липой, кленом, березой, рябиной, дубом и т. д. — были распространены и редкие для этого района породы деревьев, например кедр, пихта, лиственница.

Провинциальные усадьбы. В последней трети XVIII в. широкий размах принимает строительство средне- и мелкопоместных провинциальных усадеб (владельцы мно-

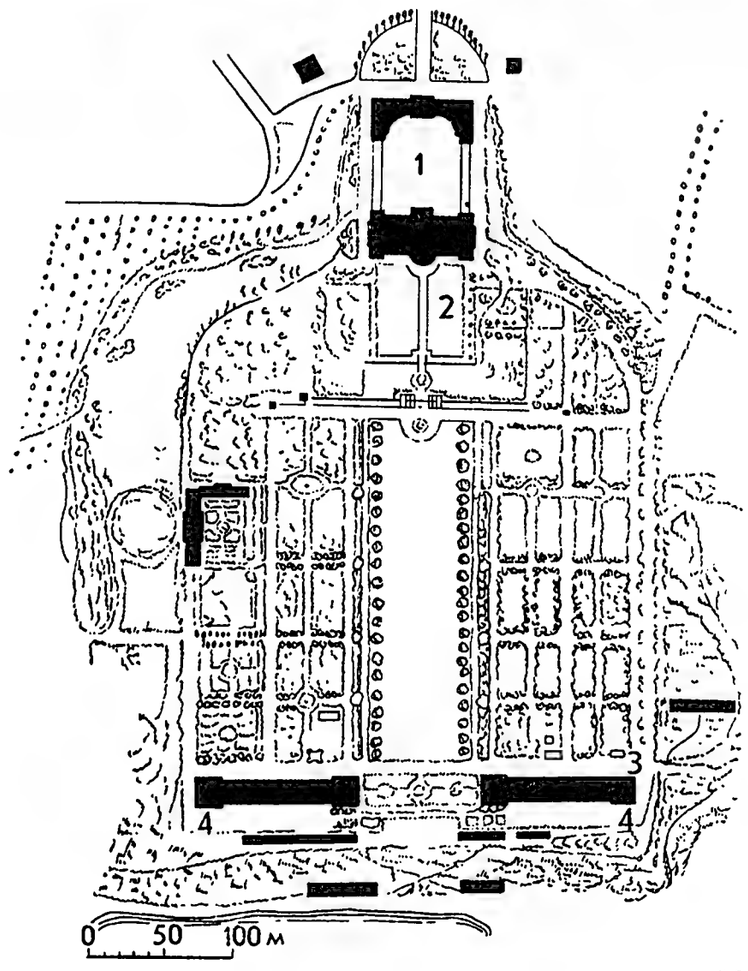


Рис. 46. Усадьба Архангельское под Москвой, 1780-е гг. Вид с галереи, генеральный план

1 — дворец; *2* — партер; *3* — ворота-руины; *4* — оранжерея

гих из них — представители науки и искусства — оказали значительное влияние на развитие русской культуры.) В числе таких усадеб были Хмелита Грибоедова (Смоленской губ.), Никольское Львова (Тверской губ., рис. 48), Званка Державина (Новгородской губ.), Немцево Радищева (Калужской губ.) и многие другие.

При планировке усадеб предусматривалось целесообразное использование территории имения, где находились дом владельца, хозяйственные постройки, церковный комплекс и деревни. На территории усадеб создавались водоемы, осушались болота, осваивались так называемые «неудобные» земли, а иногда изменялся их рельеф. Симметричный сад вблизи дома уже не имел периметральных границ «регулярного» сада, а сливался с «пейзажным» часто очень обширным усадебным парком. Сочетание осевой регулярности с живописностью стало характерной чертой планировки усадьбы в целом.

В усадебном ансамбле господствовал жилой дом владельца, «кубовидный»[1], с колонным портиком и бельведером, окруженный садами и многочисленными сельскохозяйственными постройками. Центричность и геометрическая четкость объемов дома владельца, выделявшие его в широко обозримой сельской местности, повторялись и в других постройках усадьбы. Так, мавзолеи, парковые павильоны, хозяйственные постройки приобрели форму ротонды. В форме пирамид строились павильоны-погреба, колокольни, башнеобразной формы — здания зернохранилищ. Прямоугольно-протяженная форма обширных зданий риг, конных и скотных дворов, оранжерей имела обычно одну ось симметрии, подчеркнутую колонным портиком. Архитектурно выразительные, лаконичные объемы усадебных зданий были функционально оправданы. Например, в Никольском погреб-пирамида заключал в себе два разновеликих купольных свода световентиляционной камеры и холодильного помещения. В углы основания пирамиды свободно вписывались ниши с выходами каналов для холодного воздуха, поступающего из подземного ледника.

Кубический и цилиндрический объем зернохранилищ способствовал сохранению температуры внутри здания. В качестве примера можно привести зернохранилище кубической формы в Никольском и замечательную ротонду-зернохранилище цилиндрической формы в Спасском (Курская область).

---

[1] Названный Державиным храмовидным.

Архитектурная выразительность усадьбы достигалась планировкой и решением объемно-пространственной композиции ансамбля без сложных декоративных средств. Наибольшее распространение получил дорический ордер — самый простой, с незначительными вариациями пропорций и профилей объемов.

Классические формы приобретали в провинциальной усадьбе свою интерпретацию, роднившую их с местным пейзажем (рис. 49). Например, в Тверской губернии арх. Н. А. Львов применил архаизированный ордер, использовав «дикий» камень-валун (мост в Василеве — рис. 49, *1*, кузница в Никольском, аркада в виде руин в Никольском — см. рис. 48). Из валунов выполнялись одноцентровые архивольты проемов многочисленных усадебных мостов, своды «естественных» гротов (грот в Василеве), облицовка нижних этажей зданий (мавзолей в Никольском — см. рис. 48, ветряная и водяная мельницы в Грузинах — рис. 49, *3*). Естественным нагромождением «дикого» камня казались субструкции одного или целого комплекса зданий. Все это создавало впечатление грандиозности и древности построек и было данью романтизму русской архитектуры конца XVIII в. Идеи романтизма находили в провинциальной усадьбе благоприятную почву, о чем свидетельствует творчество Старова и Болотова.

Перед усадебным домом, стоявшим

Рис. 47. Усадьба Архангельское под Москвой. Вид на партер

Мельница

Зернохранилище

Усадебный дом

Мавзолей

0 5 10 м
м. фасадов
0 5 10 м
м. планов

План усыпальницы

План храма

Изба

Погреб - павильон

Кузница

0 5 м
0 5 м

Теплица

Водомет

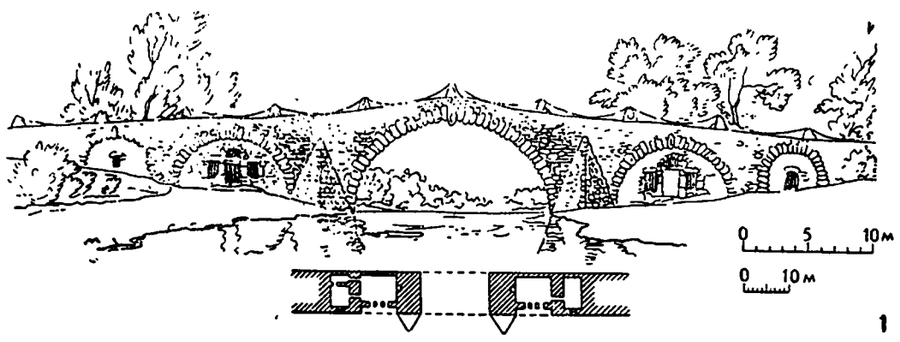
0 1 2 м

0 5м

0 50 м

Рис. 48. Усадьба Никольское Тверской губ., конец XVIII в., арх. Н. А. Львов. Фасады и планы построек, генеральный план:

1 — усадебный дом; *2* — погреб-пирамида; *3* — мавзолей; *4* — зернохранилище; *5* — рига; *6* — ветряная мельница; *7* — конный двор; *8* — оранжерея; *9* — кузница; *10* — дачный комплекс на Петровой горе; *11* — крестьянская рига; *12* — место старой деревни; *13* — скотный двор; *14* — парковые сооружения; *15* — жилой дом; *16* — землебитная башня; *17* — водоподъемная машина; *18* — парк



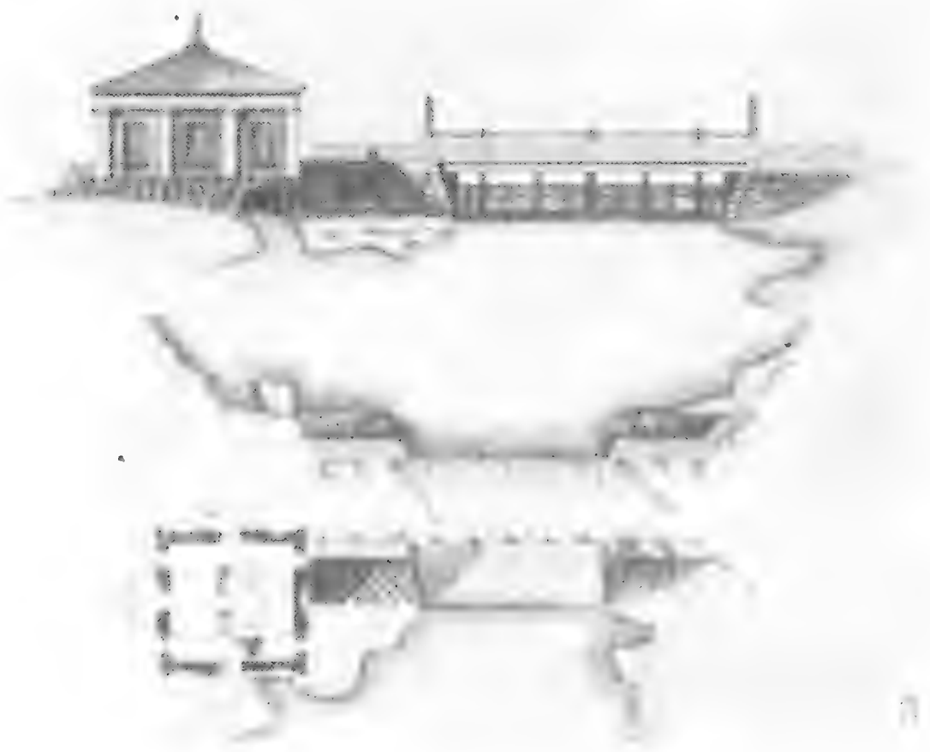


Рис. 49. Парковые и хозяйственные постройки в усадьбах Василево, Митино и Грузины. *1* — мост в усадьбе Василево; *2* — погреб-павильон в усадьбе Митино; *3* — водяная и ветряная мельницы в усадьбе Грузины

обычно на возвышенности, зодчие размещали террасные пруды, водоемы, каскады, намечали специальные посадки деревьев, раскрывали далекие перспективы. Главная композиционная ось усадьбы стала определяющей и для внутренней планировки усадебного дома, включая интерьер здания в общую систему композиции усадьбы. Размер усадебного дома колебался в небольших пределах (габарит планов дома Соймонова под Петербургом 17,8×12,8 *м*, дома в Никольском 20,6×17 *м*, дома во Введенском под Москвой 23×19,2 *м*) и был близок размерам виллы Ротонда Палладио (24×24 *м*).

В связи с расширением усадебного строительства во второй половине XVIII в. появилась потребность в создании большого количества прочных, дешевых, огнестойких сельских зданий, что обусловило поиски новых строительных материалов и конструкций. Купола и архитравные конструкции начали строить из кирпича с использованием естественного камня и металла, что позволяло достигать высокого технического и художественного совершенства. Например, архитектором Н. А. Львовым в соответствии с небольшими размерами диаметров куполов усадебных построек (около 10 *м* в жилых, 8,5 *м* в культовых и 6 *м* в хозяйственных зданиях) были созданы опорные конструкции, несшие один или два купольных свода.

Русские зодчие использовали опыт западноевропейского сельского строительства, творчески перерабатывая его. Сравне-

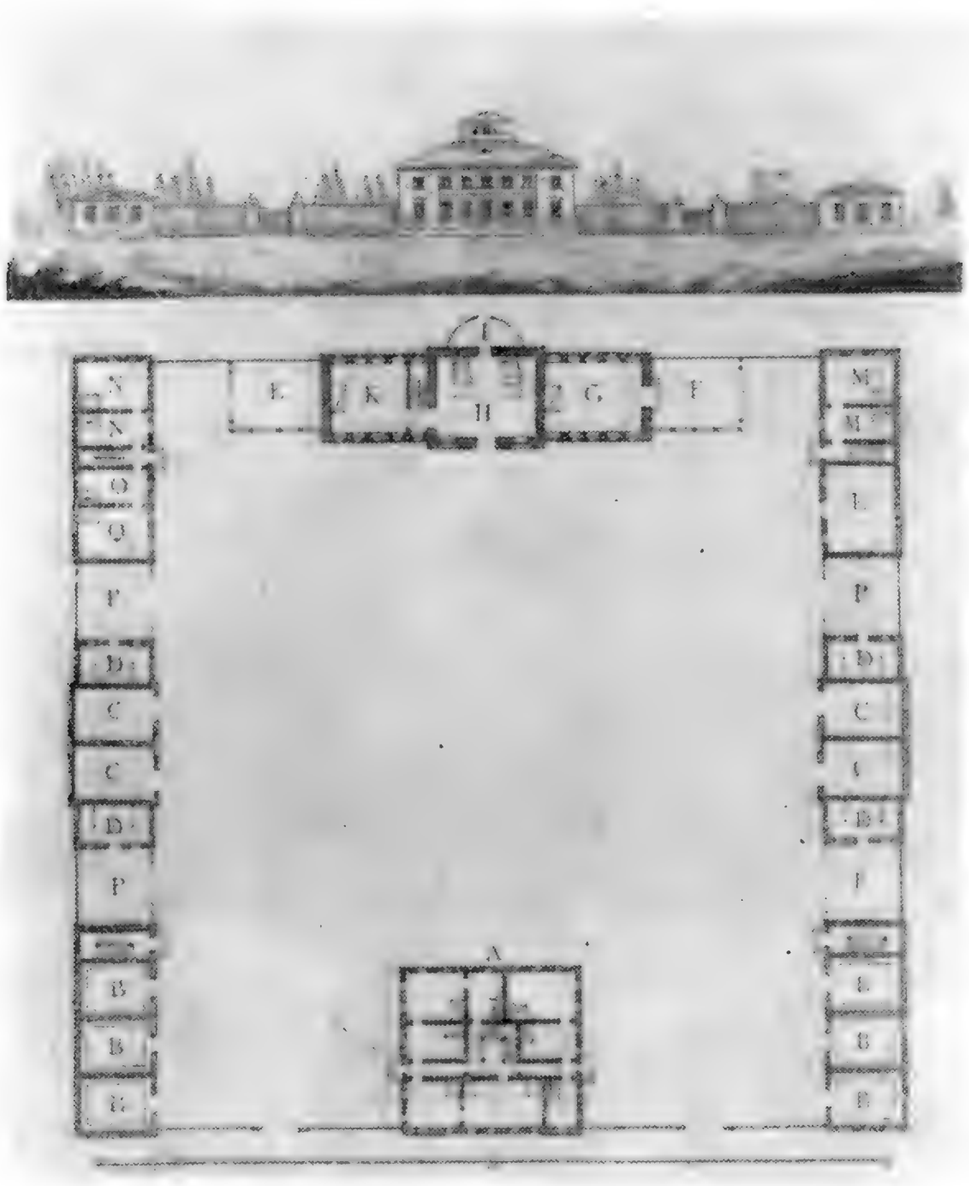


Рис. 50. Школа практического земледелия в Тярлеве, 1793 г. Школьное здание со службами и мастерскими

A — главный корпус с помещениями для «наставника в сельской архитектуре», механика, земского лекаря, переводчика, студентов и для конторы; *B* — ледники; *E*, *F* — сараи; *D* — конюшни; *G*—*P* — мастерские и хозяйственные помещения

ние английских зданий сельскохозяйственного назначения конца XVIII в. и их проектов (рига с вододействующей молотильной машиной в Килри, 1792 г., житницы, типовые проекты домов фермеров) с аналогичными русскими постройками и проектами (зернохранилища в Спасском и Никольском, проект зернохранилища, изданный Вольно-экономическим обществом в 1791 г., рига в Никольском, мельницы в Авчурине и Грузинах, Тверской губ.) показывает, что последние в противоположность английским не только отличались утилитарным характером, но и были подлинно архитектурными произведениями. С усилением во второй половине XVIII в. внимания к перестройке деревень связана организация в 1797 г. практической школы земледелия и сельского хозяйства близ Павловска (рис. 50). В числе основных дисциплин в школе были сельская архитектура и механика.

«Опытные» сельскохозяйственные постройки школы — зернохранилище, кузница, водяная и ветряная мельницы подобны постройкам усадеб Грузины, Никольское; то же относится и к планировке «опытного» парка.

Архитектурное единство сложного усадебного комплекса, достигнутое в последней трети XVIII в., ознаменовало расцвет усадебного строительства в России. В XIX в. уже не создавались новые усадьбы, столь капитальные и совершенные по своей архитектуре. Парадность архитектурной композиции дворянской усадьбы в условиях развивающегося капитализма уже не удовлетворяла ее владельцев. Главным для них стало стремление сделать усадьбу максимально доходной, что влекло за собой изменение требований к ней в бытовом, функциональном и эстетическом отношениях.

3. АРХИТЕКТУРА ПРОВИНЦИИ

Строительство городов. Перепланировка провинциальных городов, предпринятая в 60—70-х гг., с еще большим размахом проводилась в конце XVIII — начале XIX вв. в общегосударственном масштабе. Развертывание градостроительных работ было вызвано несоответствием существующей застройки городов новым требованиям, связанным с развитием промышленности и ростом товарности сельского хозяйства, увеличением численности населения и, в частности, с необходимостью обеспечить дворянство, промышленников и купечество жилой территорией в центральных районах города, проведением санитарно-гигиенических и противопожарных мероприятий в мало благоустроенных старых городах и т. п.

Реорганизация государственного административного управления 1775 г., потребовавшая реконструкции старых и создания новых административных центров, стала одной из важнейших причин массового строительства правительственных и общественных зданий, переустройства городских центров и целых городов, планировки новых городов на регулярных началах.

По реформе 1775 г. вместо 20 было учреждено 50 губерний (в каждой от 10 до 15 уездов) и помимо губернских — 493 уездных города и 86 заштатных [1].

[1] В 1708 г. территория России была разделена на 8 губерний, в 1719 г. это число возросло до 11, а в 1766 г. — до 20.

7. Петербург. Адмиралтейство, 1806—1823 гг., арх. *А. Д. Захаров.*

В процессе осуществления застройки городов по составленным планам[1] формировались новые виды зданий (присутственных мест, дворянских собраний). Город нового типа и его городской центр становились главной темой русской архитектуры.

Разработанные в это время планы городов, в основном центральных губерний, имеют много общего. Они сходны прежде всего своей регулярностью, проявляющейся в геометрически правильной сети улиц, переулков и площадей, в четком делении на центральные районы и предместья. Образуются прямоугольные, радиальные, кольцевые и смешанные системы планировки городов. В каждой из них выделяются композиционные оси в виде главных улиц или системы площадей с крупными торговыми и административными зданиями в центральном районе.

Важным моментом при разработке планов была согласованнность всех их элементов, начиная с определения четких геометрических границ города и размещения въездов, отмечаемых небольшими площадями, и кончая детальной планировкой зданий, располагаемых на красных линиях улиц по строго определенным правилам.

Наиболее характерны для градостроительства этого времени такие композиционные приемы, как лучевая композиция (Тверь, Богородицк, Одоев и др.), радиально-концентрическая или веерная (Кострома, Торопец, Глазов, Серпейск и др.), прямоугольная (Одесса, Осташков и др.). Наиболее распространенная — смешанная композиция представляет собой различные сочетания перечисленных композиций (Ярославль, Калуга, Воронеж и др.).

Существенную роль в композиции городов играли площади, различные по назначению, — правительственно-административные, соборные, военные (плац-парадные), въездные, торговые (сенные, хлебные), небольшие площади в местах пересечения главных улиц, у колодцев и т. д. Как правило, площади имели геометрические формы круга, квадрата, прямоугольника, многоугольника. Для небольших городов наиболее типичны были квадратные или прямоугольные площади.

В формировании ансамблей отдельных площадей и города в целом значительную роль играли монументальные церковные сооружения. Примерами могут служить собор в Могилеве арх. Н. А. Львова, собор в Нахичевани арх. И. Е. Старова, в Екатеринославе арх. А. Д. Захарова, в Калуге арх. И. Д. Ясныгина. В культовом зодчестве провинции медленнее утверждались принципы новой классической архитектуры. Но и здесь в это время появляется ряд построек, находящихся во всех отношениях на уровне столичных зданий. Например, собор Спасо-Яковлевского монастыря в Ростове Великом, созданный в основном А. Мироновым, крепостным архитектором графа Шереметева или центрический, квадратный в плане собор Борисоглебского монастыря в Торжке, построенный арх. Н. А. Львовым (1785—1796). Компактный объем квадратной в плане Борисоглебской церкви увенчан пологим куполом на высоком восьмигранном барабане и небольшими куполками на цилиндрических барабанах по углам здания. Шестиколонные дорические портики и двухколонные лоджии, перекрытые фронтонами, примыкающие к храму со всех его четырех фасадов, эффектно сочетаются с гладью стен его основного объема, придавая зданию классическую строгость и выразительность. Лучшая из церквей в виде ротонды, построенных Львовым, — церковь-мавзолей в его усадьбе Никольское (1789—1804).

Разработанному в 1778 г. плану Ярославля (рис. 51), соединившему в себе радиальную и прямоугольную системы планировки, свойственна органическая связь нового строительства с существовавшей ранее застройкой города, благодаря чему различные по времени сооружения образовывали целостные ансамбли. Группа из трех переходящих одна в другую площадей — Ильинской, Плац-парадной и Соборной, объединенных теперь как бы в одну большую площадь, составила новый центр Ярославля. По обеим сторонам Ильинской площади были возведены два однотипных трехэтажных дома: здание присутственных мест (1786—1787) и дом генерал-губернатора. Между ними разместился гостиный двор, ограниченный лучевыми улицами, ориентированными на Ильинскую площадь.

[1] Утвержденные планы городов второй половины XVIII—начала XIX в. были опубликованы (в числе 416 схем) в «Книге чертежей и рисунков» в виде приложения к Полному собранию законов Российской империи (Спб, 1839).

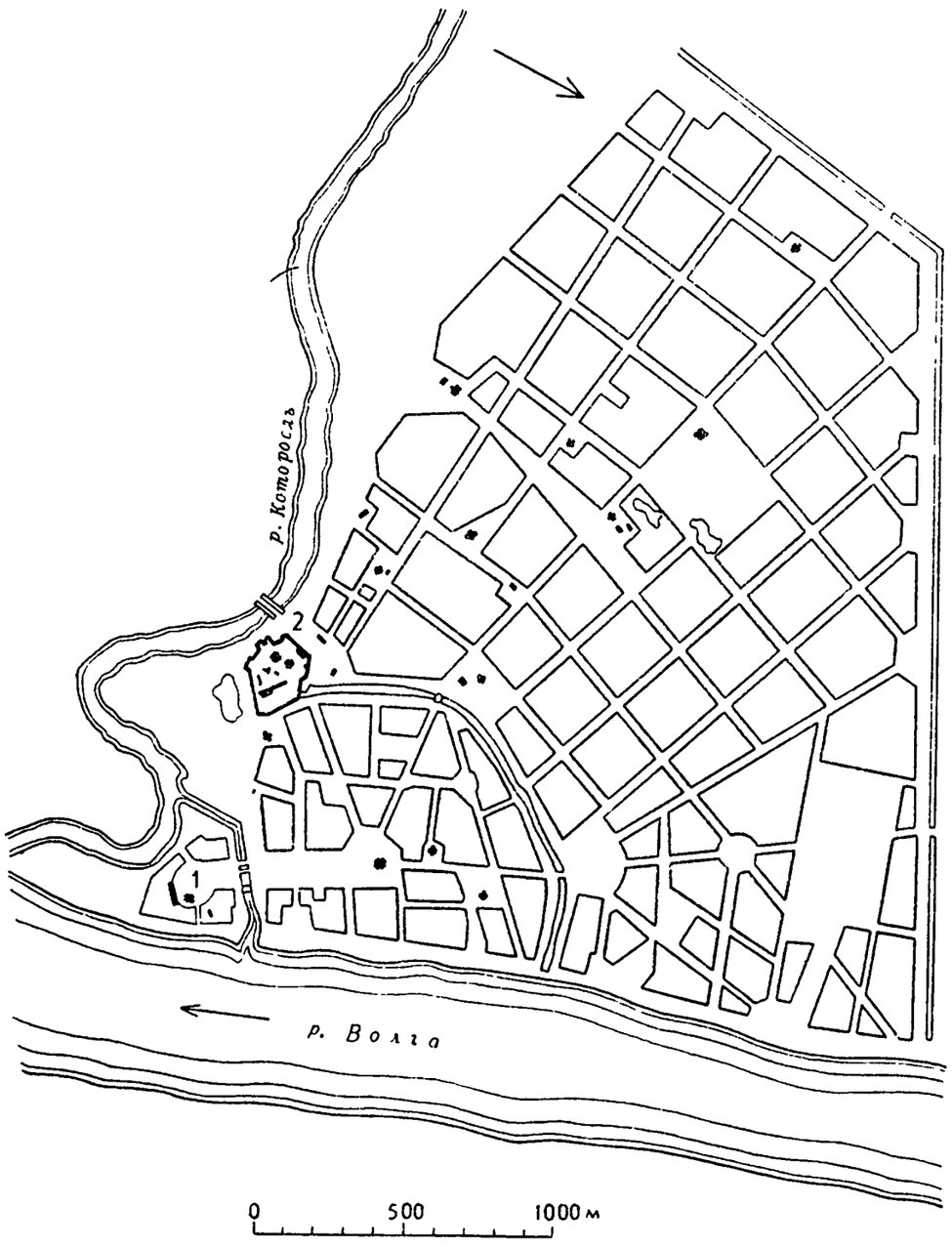


Рис. 51. Ярославль. План города
1 — старый город; *2* — Спасский монастырь

На Соборной площади в непосредственном соседстве с древним собором, в начале XIX в. выстроили здание Демидовского лицея с 12-колонным портиком коринфского ордера. Ансамбль средней, Плац-парадной, площади — это сочетание строгих и простых зданий конца XVIII — начала XIX в. с живописной группой сооружений Афанасьевского монастыря XVII в.

Улицы Ярославля, как правило, ориентированы на важнейшие архитектурные памятники. Например, Ильинская церковь, размещенная в центре площади, замыкала перспективу четырех основных улиц, на противоположных концах которых также находились видные сооружения (башни-ворота земляного города и другие здания). Многообразие художественных форм разных эпох создавало своеобразный облик этого большого приволжского города.

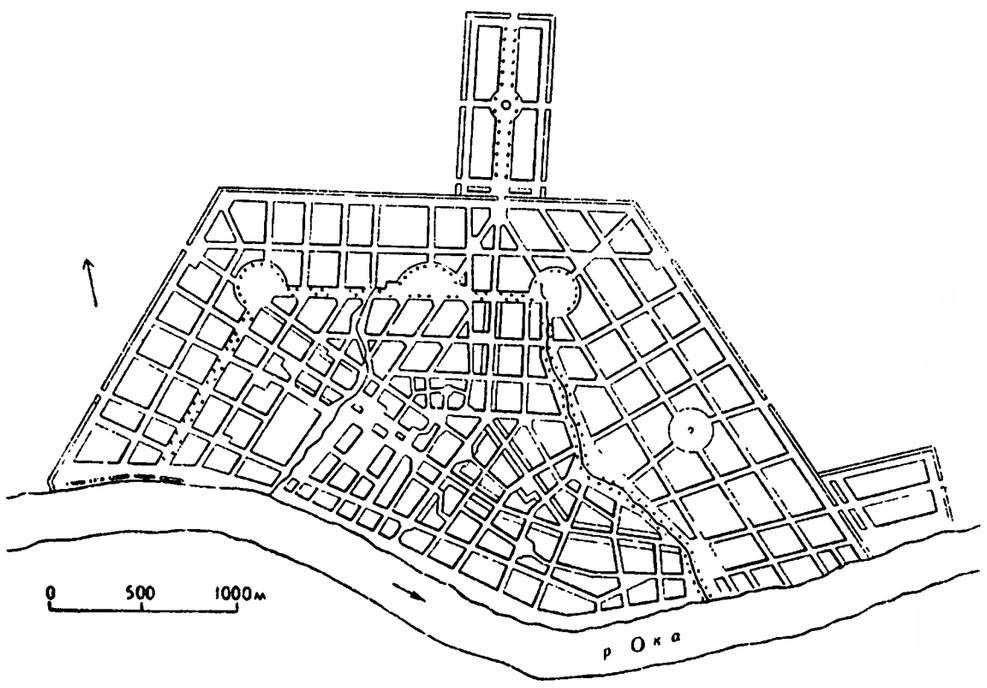
Пример «диагональной» композиции города — план Калуги (рис. 52). План города, расположенного на левом, высоком берегу Оки, был разработан после учреждения Калужского наместничества и утвержден в 1778 г. Центром города по новому плану по-прежнему оставалась Соборная площадь, получившая теперь прямоугольную форму. Главной магистралью, бывшей одновременно композиционной осью архитектурно-планировочной структуры плана, служила старая московская дорога. Три магистрали в виде трапеции ограничивали центральную площадь города. В местах излома средней из них, запроектированной как бульварное полукольцо, предусматривались две круглые площади, а на пересечении с московской дорогой — полуциркульная площадь (не осуществлена). Трапециевидная структура центральной площади открывала с основных улиц перспективы на набережную Оки, включая ее в композицию города. Планировка города учитывала рельеф местности.

Новый план Калуги был в основном осуществлен к 40-м гг. XIX в. В конце XVIII — начале XIX в. на Соборной площади по проекту арх. П. Р. Никитина возвели здание присутственных мест (1780—1785) в виде двухэтажных корпусов с трехэтажным центром, соединенным величественными проездными аркадами с боковыми крыльями. В центре площади, образуемой этими корпусами, арх. И. Д. Ясныгин построил новый собор. Через Березуйский овраг, примыкающий к площади, по проекту Никитина выстроили арочный каменный мост (1777—1778), представляющий собой редкий образец инженерно-архитектурного сооружения того времени. Тяжелая масса моста с узкими отверстиями арок связывала две части города и стала неотъемлемым элементом его центрального ансамбля. В архитектуре грандиозного Калужского гостиного двора (1785—1821), возведенного в основном арх. Ясныгиным, классические формы сочетаются с архитектурными мотивами допетровского времени в духе так называемых «псевдоготических» сооружений Баженова и Казакова. Гостиный двор занял огромный квартал в центре города. Архитектурный ансамбль центра Калуги дополнили монументальные высотные композиции церквей — Успенской (1754—1762), Иоанна-Предтечи (1764), Жен Мироносиц (1789), Косьмы и Дамиана (1794), удачно поставленных в плане города.

Исторически сложившаяся радиальная структура плана Костромы (1781) была развита и приведена теперь в геометриче-

ски правильную систему (рис. 53). В уличной сети Костромы выделяются главные дороги, ведущие к Кремлю и Волге, превращенные в лучевые улицы. К Волге же обращены набережные-улицы, расположенные на бровке высокого берега. Композиция плана Костромы построена на двух осях. Одна из них подчинена волжскому берегу и образует главный диаметр города, вторая — перпендикулярна этому диаметру. В месте пересечения устроена полукруглая площадь, раскрытая к Волге, связанная с торговой площадью и соборным ансамблем, размещенным на месте бывшей крепости. Семь лучевых, выходящих на главную площадь, и четыре кольцевые магистрали (в южной части их пять) образуют планировочный костяк города. Береговая линия рек Волги и Костромы, многочисленные колокольни и церкви обогащали пространственную композицию города. Новый центр города был организован на большой площади рядом с Кремлем, где издавна находился торг. На площади построили группу административных и общественных зданий, присутственные места, окружной суд и др., огромные корпуса Гостиного двора (1789), раскинувшиеся вдоль всей площади. Несколько позже, в 1820-х гг., на площади возвели здания гауптвахты и пожарной каланчи. Многие особняки этого времени имеют портики или угловые ротонды (например, дом Акатова, рис. 53).

Рассмотренные примеры планировки и застройки городов показывают, как разработка практических вопросов упорядочения строительства города, поставленных перед русскими зодчими еще в начале столетия, привела во второй половине XVIII — начале XIX в. к созданию крупных ансамблевых градостроительных композиций. Русские зодчие, составляя новые планы городов, стремились сохранить особенности сложившейся архитектуры и соединить в целостном архитектурном ансамбле вновь возводимые здания с древними сооружениями. Вместе с тем в градостроительной практике наблюдались элементы казенщины, схематизма и сухой геометричности планировок некоторых городов, к механи-



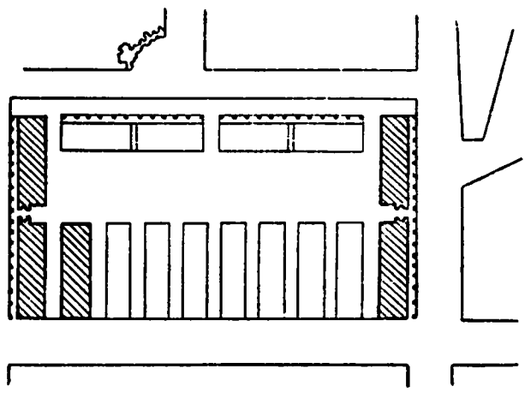


Рис. 52. Калуга. План города, фрагмент фасада и план Гостиного двора (штриховкой показаны корпуса конца XVIII в., остальные — начала XIX в.)

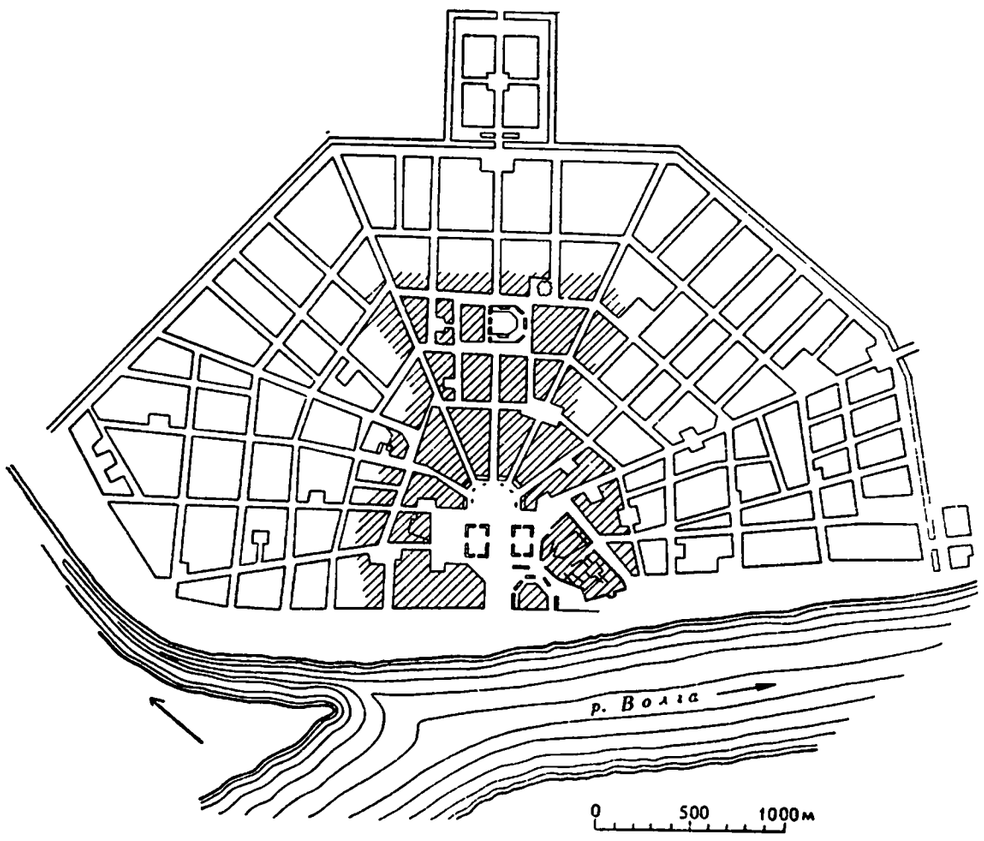


Рис. 53. Кострома. Дом Акатова, план города, фото А. И. Власюка

ческому применению регулярной системы без достаточного учета условий рельефа и сложившейся застройки. Например, в плане г. Ирбита оставалось много неудобных для застройки остроугольных участков, в плане г. Кунгура сетка города механически накладывалась на прихотливо вьющуюся реку. План города Семенова, спроектированный в виде квадрата с квадратной площадью в центре, был превращен в геометрическую безжизненную схему, не учитывавшую ни рельефа, ни исторически сложившейся структуры города.

В конце XVIII в. — 10-х гг. XIX в. коренным образом преобразился облик большинства русских городов. Каменные здания в городах зачастую перестраивались, а деревянные жилые дома строились на красной линии улиц. Сюда же переносились из глубины усадебных участков и ремонтировавшиеся деревянные дома. Проведение этой работы облегчалось самой конструкцией деревянных рубленых зданий, легко допускавшей их переборку на новых местах.

Одновременно с проектированием планов городов велись изыскания строительных материалов, и нередко в представленных для утверждения планах указывалось местонахождение подходящей глины, песка, ям для гашения извести, место для постройки кирпичных заводов, возводимых обычно вдоль рек выше города, что диктовалось транспортными условиями. Изыскивались также возможности замены кирпича местными строительными материалами, например в Ельце кирпич заменялся «самородным белым камнем плитняком». Но каменные дома все же стоили дорого, и основная застройка оставалась деревянной.

В строительстве провинции участвовали крупные столичные зодчие. Например, И. Е. Старов работал над планировкой и проектом застройки центров Екатеринослава, Воронежа, Пскова, Богородицка и др., М. Ф. Казаков — города Николаева. Вместе с тем в провинции были и свои талантливые зодчие. К ним можно отнести Ясныгина в Калуге, Сокольникова в Туле, Панькова в Ярославле и многих других.

Проекты учреждаемых и перестраиваемых городов, как и в 1760—1770-х гг., составлялись Петербургской комиссией строений и после утверждения рассылались на места с приложением «образцовых» проектов различных типов зданий. Окончательному составлению проектов предшествовали снятие фиксационных планов местности, занимаемой городом, и разработка предварительных проектов, выполняемых обычно местными архитекторами (направляемых в Петербург со всеми материалами и пояснительными записками). Это имело большое значение для составления планов городов, так как архитекторы комиссии получали таким образом материалы, позволяющие учитывать местные условия. Вместе с тем архитекторы комиссии, работая одновременно над большим количеством планов городов, могли найти наиболее целесообразные принципы их застройки. При сходстве условий застройки провинциаль-

ных городов вырабатывались не только приемы типовой застройки отдельных частей города, но и общие принципы планировки.

По такому «типовому» плану на главной площади города в определенной системе располагались присутственные места, губернаторский дом и другие здания, образуя административный центр города. Определенное место в городе занимали торговые площади с расположенными на них торговыми зданиями. Жилые дома размещались в зависимости от социальной принадлежности владельцев (в центре или в предместьи, на главной улице или второстепенной), этажности и материала (каменные, смешанные, деревянные). Однотипным композициям городов соответствовали и близкие типоразмеры зданий, площадей, кварталов.

Посылаемые из Петербурга в провинцию вместе с планами проектируемых городов «образцовые» чертежи жилых и общественных зданий выполнялись в формах столичной архитектуры. Это способствовало единству архитектурного облика провинциальных городов и распространению новых архитектурных принципов.

Классицизм утверждался и в провинциальных городах, где в этот период уже не наблюдается отставания в развитии архитектуры, характерного для первой половины XVIII в.

Некоторые отклонения от общего правила все же встречались. Например, особняк на набережной в Вологде, построенный в 1777 г., имеет обработку фасадов в духе 40—50-х гг. XVIII в., дом № 8 на той же набережной (дом Барша, 1780) — архитектурные формы 1750—1760-х гг. (рис. 54). Построенный в Вологде в конце XVIII в. дом губернского правления соединяет классическую композицию расчлененного пилястрами фасада с замысловатой формой капителей и тонкой лепниной, украшающей стволы пилястр и оконные наличники.

Старые традиции больше сказывались в церковной архитектуре, где по-новому выглядело лишь убранство фасадов здания. Примером могут служить Преображенская церковь на горе в Пучеже (четырехстолпная пятикупольная, 1760-е гг.) или собор в Шуе (1790-е гг., тоже пятикупольный двухстолпный).

С деятельностью Комиссии строения связан один из наиболее значительных периодов истории русского градостроительства [1]. Сопоставление основных градостроительных работ, выполненных под ее началом, с градостроительными работами передовых стран того времени — Франции или Англии — показывает, что первенствующая роль принадлежала градостроительству России как по объему строительства, так и совершенству градостроительных приемов, в первую очередь проявившемся в широком развитии типового начала.

Не следует забывать, конечно, что в русском градостроительстве того времени было много показного и многое из намеченного не осуществлялось. Однако большинство городов свидетельствует о правильном решении архитекторами градостроительных задач и глубоком понимании ими проблем преемственности зодчества.

Рис. 54. Вологда. Дом Барша (фрагмент), фото А. И. Власюка

[1] Деятельность комиссии наиболее широко развернулась после нового административного деления 1775 г. Так, из 416 планов городов, разработанных комиссией, в период с 1776 по 1788 г. выполнено 287.

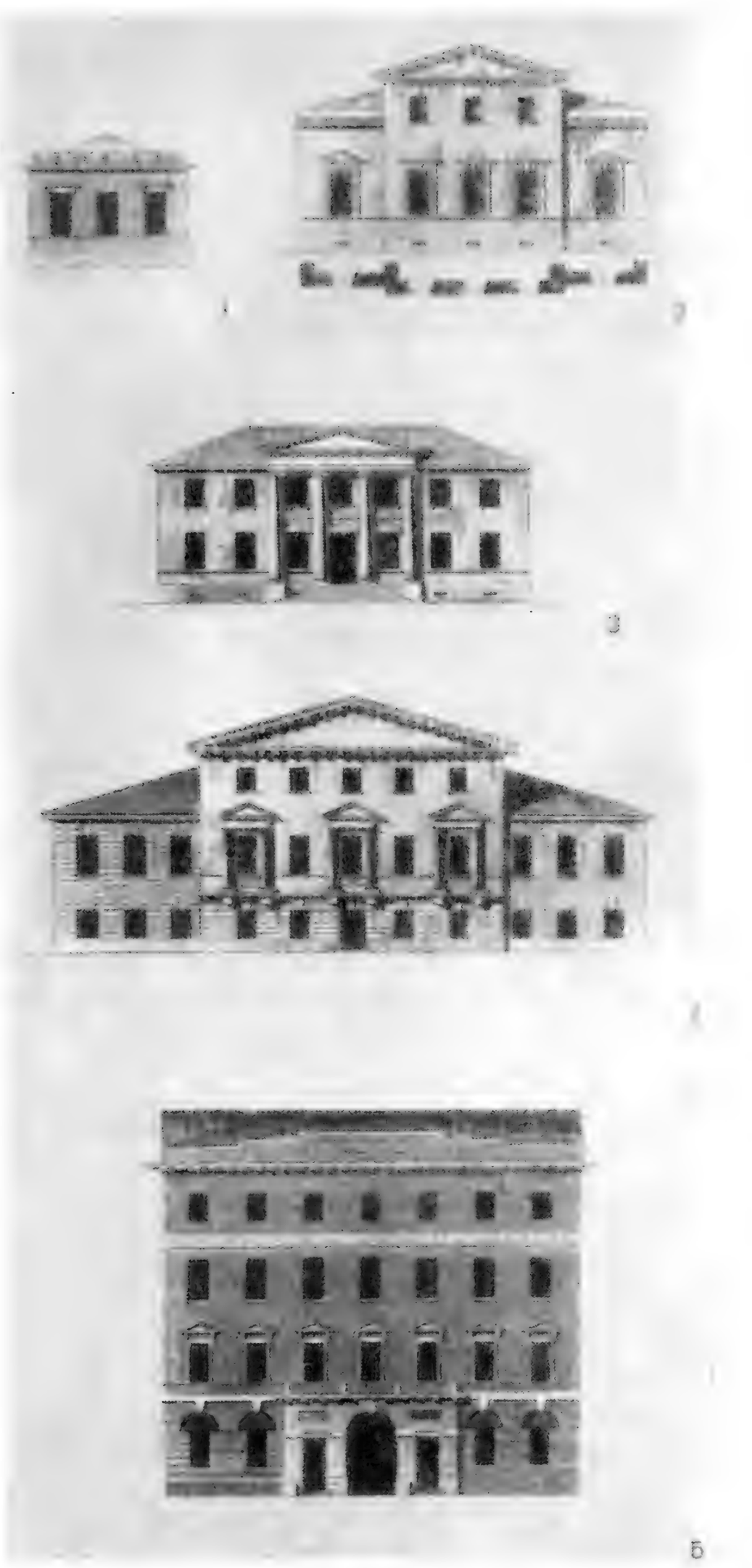


Рис. 55. Образцовые проекты жилых домов в России конца XVIII — начала XIX в. *1* — одноэтажный дом; *2* и *3* — двухэтажные дома; *4* — трехэтажный дом; *5* — четырехэтажный

В 1796 г. Павел I упразднил Комиссию строения, но симптомы ограничения ее деятельности сказались уже несколько ранее. С изданием в 1785 г. положения о городах и усилением в них роли местных административных учреждений руководство застройкой городов постепенно переходит к губернским архитектурно-строительным организациям. Все большее значение приобретают губернские архитекторы и строительные отделения учрежденной в 1782 г. Управы Благочиния.

В начале XIX в. произошли изменения и в застройке городов по образцовым проектам. Появляется ряд альбомов с чертежами новых образцовых проектов (рис. 55). В 1803 г. были выпущены образцовые проекты казенных зданий, а с 1809 по 1812 г. вышло несколько альбомов, включавших более 300 различных проектов образцовых фасадов жилых домов и даже планировки целых кварталов. Расширяется и возможность вариантности в применении образцовых проектов. Если во второй половине XVIII в. каждый тип здания закреплялся за определенными районами или кварталами города, причем отступления от этого правила допускались только по специальному разрешению, то в начале XIX в. такое ограничение не соблюдалось. Новые образцовые проекты в противоположность проектам второй половины XVIII в. предназначались для самых различных по социальной принадлежности и имущественному цензу застройщиков и отличались по этажности, внешнему оформлению и расположению на улицах и на площадях. Существенным моментом, вызванным развитием капиталистических отношений, было включение в альбомы образцовых фасадов 1812 г. трех- и четырехэтажных домов «для отдачи внаймы по квартирам», т. е. доходных домов, первые этажи которых обычно отводились под лавки.

Наряду с «образцовыми фасадами жилых домов 1809—1812 гг.», составленных Руска, Гесте, Стасовым, строительство по которым считалось обязательным во всех городах России, велось и строительство по образцовым проектам, разработанным дополнительно, по специальному заказу. Так, например, в 1811 г. арх. К. И. Росси выполнил проекты жилых и общественных зданий для Твери.

В альбомах образцовых проектов начала XIX в. типизации подвергались лишь фасады. Это объясняется несложностью конструкций жилых домов, а также тем, что общие правила строительства в полной мере излагались в специально издававшихся руководствах. Уже в конце XVIII в. появляется несколько руководств по архи-

тектуре, из которых наиболее распространенным стало «Краткое руководство к гражданской архитектуре», изданное в 1789 г. и переизданное в 1804 г. Руководства давали возможность застройщикам грамотно составлять планы зданий и правильно выбирать строительные материалы и конструкции.

В начале XIX в. продолжали застраиваться центры многих губернских и уездных городов России, в большинстве своем — по планам второй половины XVIII в. К новым работам относятся проекты, связанные с освоением юга России и Черноморского побережья (о которых сказано в части этого тома, посвященной архитектуре Украины), и, кроме того, проекты планировки Уфы (1803), Саратова (1810), Тюмени (1808), Макарьева на Унже (1802) и других городов. Интенсивно застраивались старые города — Калуга, Кострома, Ярославль, Рязань и многие другие. В Калуге, например, крепостной архитектор Каширин построил больницу; крепостной архитектор Гусев — здание дворянского собрания. Было сооружено также много жилых домов, из которых выделяется дом Кологривовых (1805—1808, рис. 56). Вместе с надворными служебными и хозяйственными постройками, воротами и ограждающими решетками он образует целостный комплекс городской усадьбы.

В Костроме в этот период возвели присутственные места, дом генерал-губернатора, торговые ряды (рис. 57) и другие общественные и жилые здания.

В Нижнем Новгороде осуществлено крупное строительство гостиного двора и ярмарки, территория которой, окруженная с трех сторон каналом, служила противопожарной защитной зоной и использовалась для осушения участка. От площади с главным ярмарочным зданием в глубь территории шли торговые корпуса, а между ними — проезды к реке. Бульвар в центре ярмарки создавал архитектурную ось всей планировки.

Для русского градостроительства второй половины XVIII — начала XIX в. характерно создание законченного типа города, в планировке и застройке которого в полной мере сказались принципы русского классицизма.

Сельское строительство и деревянное зодчество. В сельском строительстве второй половины XVIII — начала XIX в. продолжали развиваться традиции предшествующего времени. Каких-либо коренных изменений в архитектуре народного деревянного жилища в это время не происходило. Деревни застраивались хаотично, особен-

Рис. 56. Калуга. Дом Кологривовых. Интерьер

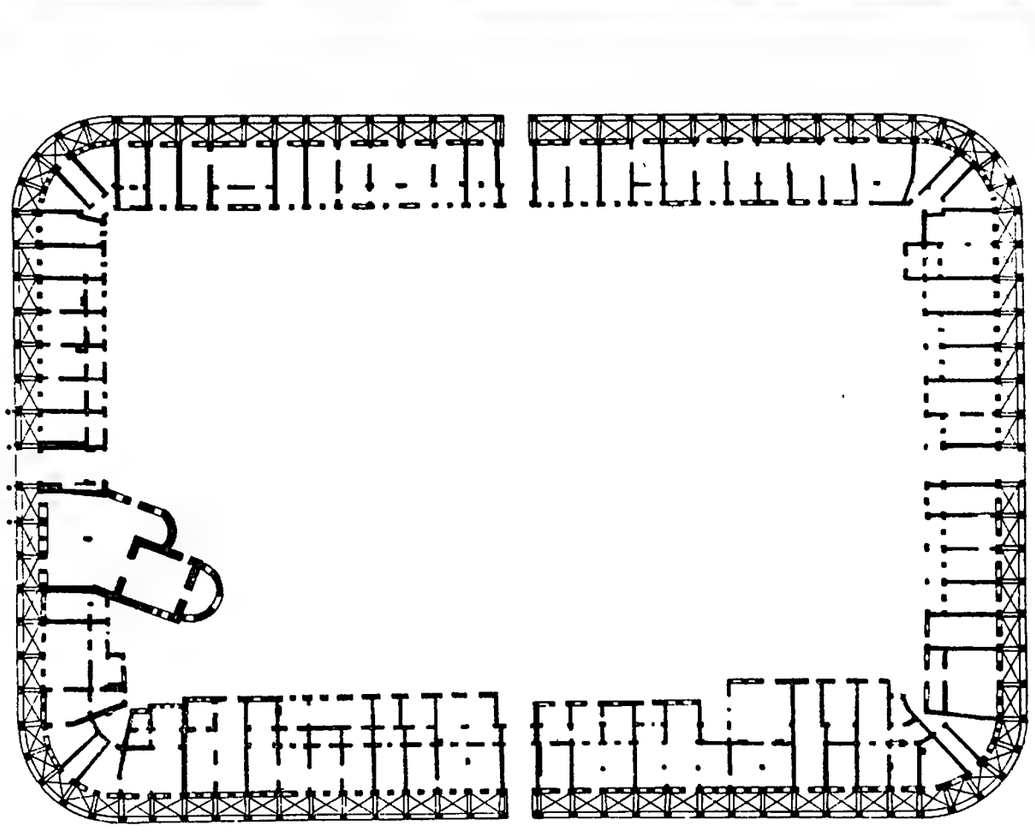


Рис. 57. Кострома. Торговые ряды. Общий вид, план, фото А. И. Власюка

но в глухих, труднодоступных местах, лежащих в стороне от больших дорог и судоходных рек. Но в это время, как и в первой половине столетия, делались попытки упорядочить жилое строительство в деревнях. Так, в 1753, 1754 и 1755 гг. в целях введения регулярной застройки на селе были опубликованы указы о строительстве «сгоревших и вновь застраиваемых деревень по образцовому чертежу». Усилению внимания к планировке и перестройке деревень способствовало также введение во второй половине XVIII в. генерального межевания в губерниях. Но регулярная застройка в сельской местности, как и прежде, почти не прививалась, как правило, продолжали ставиться дворы по обычаям старины.

Под влиянием развития капиталистических отношений деревни постепенно переставали жить замкнутой патриархальной жизнью, все более расширялась торговля и общение между населенными пунктами, прокладывались дороги, вдоль которых строились новые деревни. В деревнях, расположенных вдоль больших трактов и у речных пристаней, где сама дорога диктовала размещение домов по прямой линии — «улицей» (часто с двусторонней застройкой), особенно в «экономических и казенных» деревнях, регулярная планировка прививалась легче.

Воздействие на сельское строительство проводилось не только с помощью указов, устраивались также показательные деревни. С мерами по перестройке деревень связана и организация в 1797 г. в с. Никольском Тверской губернии училища «Земляного битого строения» для обучения крестьян безлесных местностей сооружению землебитных построек с целью «доставления жителям здоровых, безопасных, прочных и дешевых жилищ и соблюдения лесов в государстве».

Основную массу домов в русских деревнях второй половины XVIII — начала XIX в. продолжали составлять небольшие клети, крытые соломой, дранью или тесом, с маленькими волоковыми окнами. Лишь к концу XVIII в. в крестьянских избах стали появляться печи с трубами. На богатом лесом севере с его более зажиточным «черносошным» крестьянством возводились большие дома, объединяющие под одной крышей жилые и дворовые помещения. В средней полосе избы строились значительно меньших размеров с дворами, расположенными сбоку от жилых помещений и имеющими самостоятельное покрытие. Со второй половины XVIII в. наряду с маленькими волоковыми окнами стали применяться и большие «красные». Большое «красное» окно прорубалось обычно в центре фасада, по сторонам его размещались маленькие «волоковые». Такая композиция хорошо вписывалась в фасад избы с ее треугольным бревенчатым щипцом.

Конструкции крыш в рассматриваемый период везде оставались безгвоздевыми «самцовыми». Основные изменения коснулись главным образом архитектурных деталей. Не только на красных, но и на волоковых окнах появились наличники, формы их нередко были навеяны мотивами городской архитектуры. Так, например, криволинейные разорванные фронточники и сам характер наличников окон изб Прионежья указывают на влияние декоративных форм каменной городской архитектуры середины столетия.

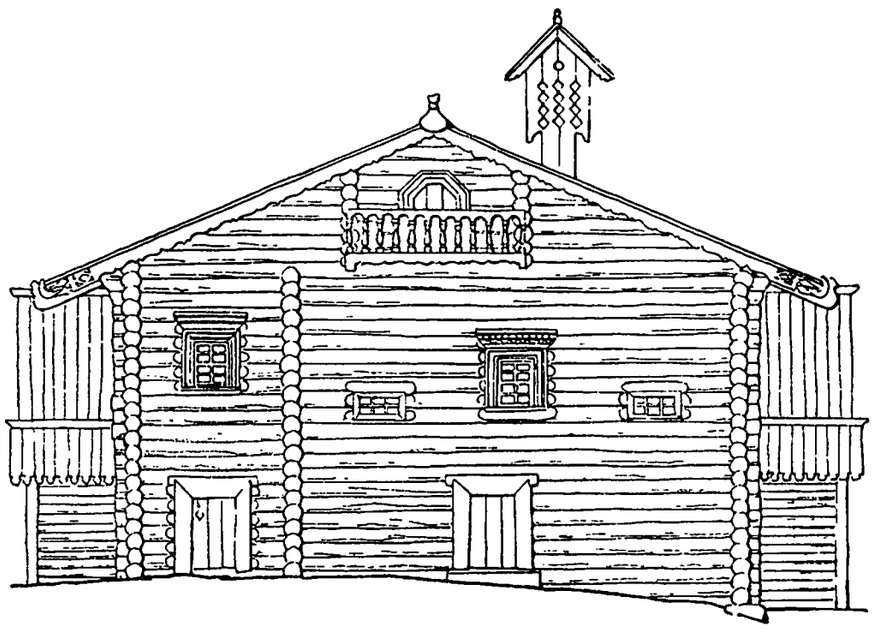
Сохранившиеся избы дают представление о типе крестьянских построек в различных районах России. Замечательным примером северной избы второй половины XVIII в. может служить широко известная в литературе изба в селе Брусенец (Тотемский район, Вологодской области, рис. 58). Изба состоит из жилой части и двора, разделенных узкими сенями, к ним примыкают два высоких крыльца, расположенных по длинным сторонам дома. Жилая часть поднята на высокий подклет, предназначенный для хранения повозок, сельскохозяйственных орудий и т. п., в который можно попасть через двери главного фасада здания. Во дворе в уровне подклета находятся помещения для скота. Верхняя же часть двора используется как сеновал. Сюда ведет широкий взвоз, находящийся на заднем фасаде избы. Конструктивные детали избы типичны для жилой народной архитектуры тех лет. Изба срублена из бревен от основания и до верха ее щипцов, а невысокая двускатная крыша сделана на слегах, «курицах» и «водотечниках». Фасад дома имеет «красные» и волоковые окна. «Красные» окна украшены карнизными досками с геометрическим орнаментом, двери обрамлены косяками. Декоративные элементы тесно связаны с композиционным и конструктивным назначением каждой детали.

Интересный пример «двужильного» (двухэтажного) крестьянского дома конца XVIII в.— дом в деревне Березники (Бельский район, Архангельской области), построенный его владельцем плотником А. Кубениным (рис. 59). В отличие от дома в Брусенце, размещенного «брусом», с жильем и двором на одной оси, дом Кубенина сделан «кошелем», т. е. его двор расположен сбоку. Окна в доме Кубенина относительно небольших размеров, сплошь «красные». Здесь сказалось общее стремление в крестьянском строительстве этого периода к лучшему освещению помещений.

В культовом деревянном зодчестве этого времени сохраняются и развиваются традиционные формы. Народное зодчество со свойственными ему старинными архитектурными и конструктивными формами зданий (особенно на севере России), несмотря на указания церковных властей, не поддавалось влиянию нового, каменного культового строительства. В течение второй половины XVIII в. в России строились деревянные церкви, начиная от самых простых клетских и шатровых и кончая кубоватыми, ярусными и многоглавыми.

Введенская церковь в с. Осиново, 1776 (Виноградовский район, Архангельской области) — пример клетского храма, но с двумя одинаковыми церквами — главной и придельной, объединенными общей трапезной.

Дмитриевская церковь в с. Верхняя Уфтюга, 1784 (Красноборский район, Архангельской области) продолжает традиции шатровых древнерусских церквей. Самое выдающееся сооружение этого типа — шатровая Успенская церковь (1774) в Кондопоге (Карельская АССР), стоящая на берегу губы Онежского озера (рис. 60). Основной объем церкви в виде стройной башни высоко поднимается над землей. Он трижды расширяется кверху при помощи повалов — при переходе от четверика к восьмерику, посередине восьмерика и в основании шатра. В плане основной объем церкви — трапезная и алтарь — представляет собой три постепенно уменьшающихся квадрата. К трапезной примыкает узкая паперть, которая выходит к самому берегу Онежского озера. Это определило расположение двух крылец Кондопожской церкви, обращенных на восток в сторону дороги. Лестницы с южной и северной сторон трапезной ведут на висячие верхние площадки,



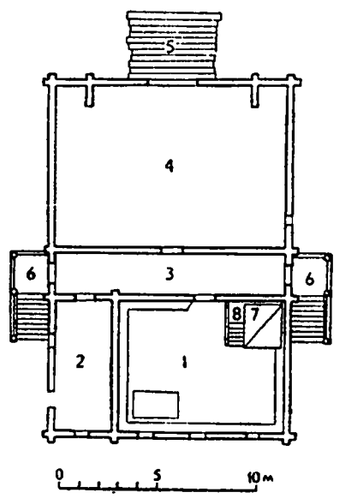


Рис. 58. Село Брусенец (Тотемский район, Вологодской области) Изба. Фасад и план

1 — изба; *2* — клеть; *3* — сени; *4* — сарай или поветь; *5* — взвоз; *6* — крыльцо; *7* — печь; *8* — голубец (ход в подклет)

основанием которых служат выпуски бревен стен трапезной и паперти. Храм отличается простотой и вместе с тем монументальностью. Характерна и отделка интерьера церкви, хорошо сохранившаяся до настоящего времени в трапезной. Система продольных и поперечных балок потолка опирается на два круглых резных столба с подкосами. Вдоль стен идут широкие лавки, «опушенные» традиционной резьбой и поддерживаемые низкими резными столбиками.

Рис. 59. Деревня Березняки (Бельский район, Архангельской области). Дом Кубенина

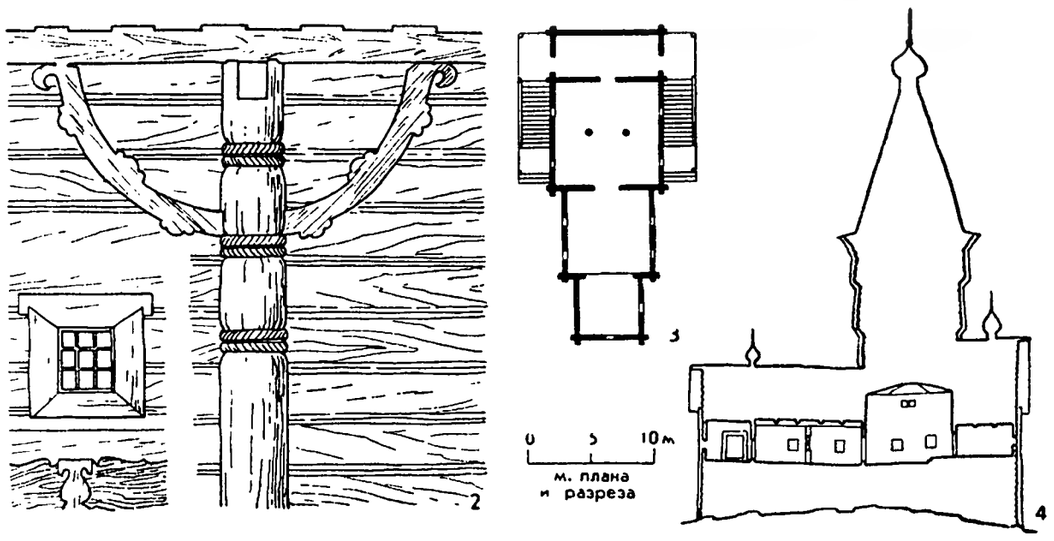


Рис. 60. Гор. Кондопога (Карельская АССР). Успенская церковь, 1774 г. *1* — общий вид, фото А. В. Ополовникова; *2* — столб трапезной; *3* — план; *4* — продольный разрез

Отдельные элементы интерьера, например столбы, раскрашены. Следы раскраски сохранились и на наружном объеме сооружения (зеленая бочка алтаря с красными подзорами).

Образец кубоватых церквей — Преображенская церковь (1786) в с. Турчасове на р. Онеге. Это четверик, покрытый кубом с пятью главками. В качестве примера ярусной церкви может служить Афанасьевская церковь в с. Верхняя Кокшеньга (Тарногский район, Архангельской области), построенная в 1798 г., — четверик, на котором возвышаются три яруса постепенно убывающих восьмериков.

Среди многоглавых церквей выделяется Покровская церковь погоста Кижи, 1764 (Карельская АССР) — куб с восьмериком, пятигранным алтарем с востока и трапезной с запада (рис. 61). Простота наружного объема соответствует простоте плана. В отличие от стоящей рядом более ранней Преображенской церкви с ее пирамидальным построением и многочисленными главками, чуть ли не от земли покрывающими сооружение, в Покровской церкви главенствует широкая бревенчатая поверхность стен, прорезанная редкими окнами. Своеобразна композиция Покровской церкви, удачно вписанной в ансамбль Кижского погоста, построенная на контрасте бревенчатых стен и небольшой, но пышной шапки главок, сосредоточенных вверху, по углам и над серединой восьмерика.

Вторая половина XVIII в. — последний период в истории развития традиционных форм культового деревянного зодчества, когда создавались его самобытные монументальные памятники.

Промышленные сооружения. Во второй половине XVIII — начале XIX в. быстро развивалась промышленность, где прежде всего сказалось формирование капиталистических отношений. И хотя промышленный переворот в России начался в основном в 30—40-х гг. следующего столетия, его первые признаки уже ощущались в конце XVIII и в начале XIX в. Резко увеличилось количество предприятий и число рабочих, занятых на них. Если в конце 1760-х гг. насчитывалось 663 промышленных предприятия (металлургических, металлообрабатывающих, текстильных, стекольных, кожевенных и т. п.), то в 1804 г. — уже около 1200 с числом рабочих 340 500 чел. Самой развитой отраслью промышленности на рубеже XVIII—XIX вв. стала текстильная. Основными ее центрами были Москва, Петербург, Иваново-Вознесенск. В условиях начинающегося распада феодально-крепостнической системы легкая промышлен-

ность обеспечивала наиболее высокую норму прибыли и скорейший оборот капитала. Вследствие этого капитал прежде всего направлялся в текстильную промышленность, удовлетворявшую спрос самого широкого рынка. К наиболее крупным текстильным фабрикам начала XIX в. относились Александровская льнопрядильная мануфактура в Петербурге и Прохоровская Трехгорная мануфактура в Москве. Иваново-Вознесенские текстильные фабрики были в то время небольшими. Здания крупных текстильных фабрик имели обычно 2—3 этажа, кирпичные стены, чугунные колонны, поддерживавшие междуэтажные перекрытия. Александровская льнопрядильная мануфактура размещалась в 5-этажном здании.

Строительство металлургических и металлообрабатывающих предприятий в рассматриваемый период велось преимущественно на Урале. Так, в 1800 г. уральская металлургия дала 82% общерусской выплавки стали и 20% мирового производства чугуна. Уже в начале 60-х гг. здесь насчитывалось 32 завода, и среди них такие крупные, как Нижне-Тагильский, Невьянский, Кыштымский, Уткинский. Один заводчик Савва Яковлев с 1769 по 1778 г. построил на Урале четыре доменных, три молотовых и один литейный завод, перестроил девять других заводов. В 1778 г. создается крупный Верхне-Салдинский завод, в 1798 г. — Нижне-Исетский. Возникает и ряд небольших заводов в Прикамье: Елизавето-Пожевский (1798), Полазнинский (1797) и др.

Ввиду определяющего значения для заводов водной энергии место для них выбирали обычно вблизи лесного массива у реки, перегороженной одной или двумя плотинами (рис. 62), а цеха размещались вдоль каналов, подводящих воду.

Представляет интерес Александровский чугуноплавильный, железоделательный и пушечный завод в Петрозаводске, построенный по проекту видного изобретателя А. С. Ярцева в 1773—1774 гг. (перестроенный в 1786 г. инж. К. И. Гаскойном). В этом заводе цеха располагались в различных уровнях, что давало возможность нижележащие водяные колеса приводить в движение водой, поступающей с вышележащих колес. Заводские цеха размещались по периметру большого замкнутого треугольного двора, внутри которого находилась сеть гидротехнических устройств

Рис. 61. Кижи (Карельская АССР). Церковь Покрова, 1764 г.

и проложенная в 1788 г. чугунная рельсовая дорога.

В период 60—70-х гг. XVIII в. значительно увеличивается на заводах количество отдельных цехов, как тогда их называли «фабрик» и всевозможных мастерских, что было обусловлено характером уральской промышленности. Каждый завод изготовлял для себя все необходимое — от кожаных мехов и слесарных инструментов до

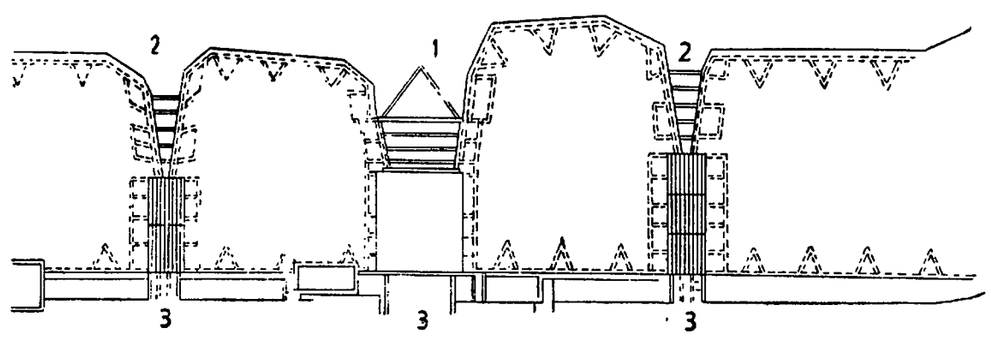


Рис. 62. Екатеринбург. Плотина завода, 1809 г. План

1 — ледорез; *2* — прорезы плотины; *3* — затворы

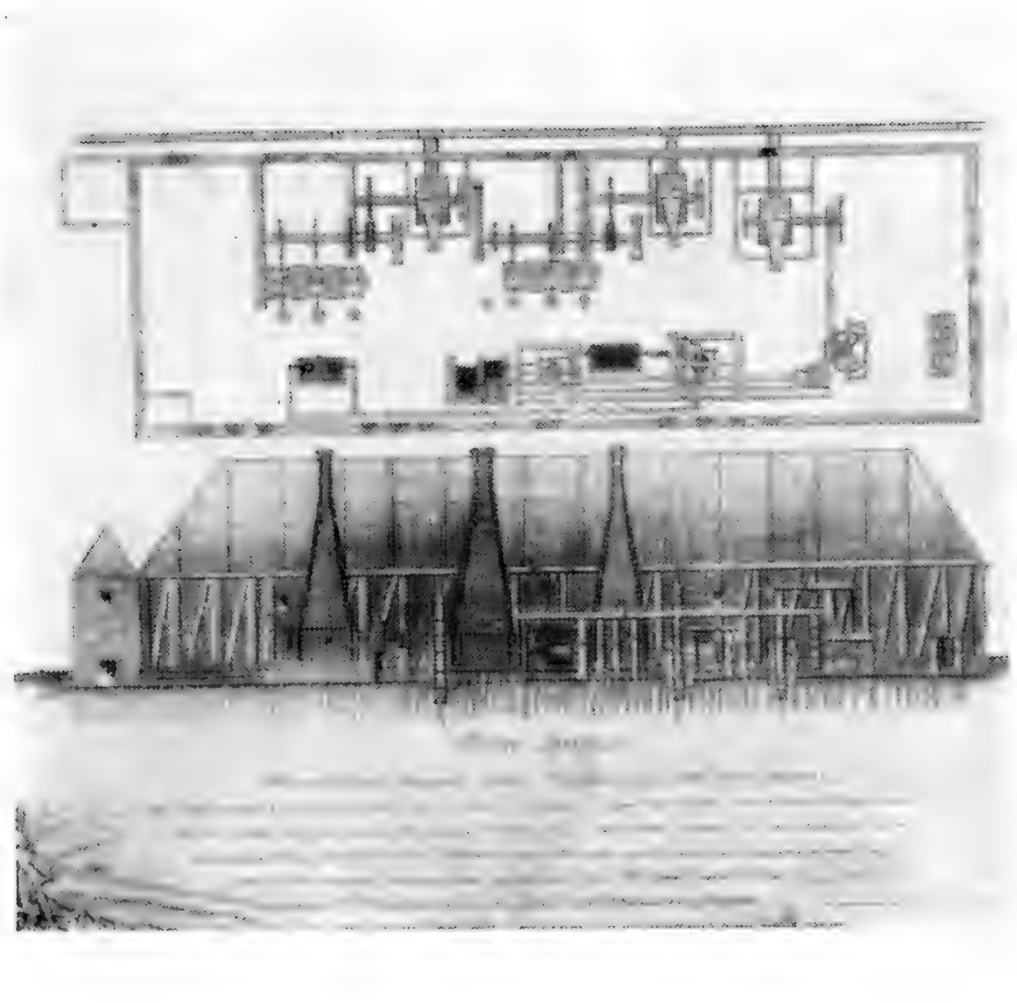


Рис. 63. Нижний Тагил. План и разрез цеха

сальных свечей. Так, Екатеринбургский завод к этому времени насчитывал до 50 отдельных «фабрик». Даже такой старый завод, как Невьянский, к 60-м гг. XVIII в. разросся и включал в себя свыше 20 отдельных производственных цехов и большое количество вспомогательных построек.

Заводские корпуса, как правило, имели прямоугольные очертания, что соответствовало требованиям технологии и приемам строительства. Жилые дома «мастеровых и работных людей» располагались преимущественно на территории завода. В них не было никаких бытовых удобств, что говорило об отсутствии внимания к условиям труда рабочих. Крупные заводские корпуса выделялись в заводских поселках благодаря своей величине и общему планировочному решению. Суровые и простые объемы фабричных зданий оживлялись самым минимальным количеством деталей утилитарного назначения — фонарями, слуховыми окнами и т. п. Из заводских построек наиболее массивными объемами отличались сооружения доменных и молотовых фабрик.

Как в первой половине XVIII в., так и во второй половине его производственные здания строились преимущественно из дерева, особенно на северном Урале, где было много леса. Так, академик П. С. Паллас, посетивший Нижний Тагил в 1770 г., писал о зданиях завода: «Все сии (18) здания деревянные, построенные в два ряда и в наилучшем состоянии»[1]. Конструкция производственных зданий такого типа представляла собой, как правило, каркас, состоящий из стоек, обвязок и стропил с наружными стенами из несущих стоек и забранных в их пазы бревен или горбылей. Иногда применялись и фахверковые конструкции на каменных фундаментах. Заводские корпуса перекрывались обычно высокой четырехскатной или двускатной кровлей с вытяжными фонарями, в два-три раза превышающей высоту стен, что в суровых уральских условиях избавляло от снежных заносов. Применение высоких кровель, тесовых и черепичных, было оправдано и в связи с необходимостью установки громоздкого оборудования высоких плавильных печей — такие кровли обеспечивали хорошую естественную вентиляцию. Оборудование внутри цехов размещалось на каменных фундаментах, а под стенами зданий часто устраивались свайные основания. Высота рубленых стен достигала 6—7 *м* (рис. 63—65).

В конце XVIII и, особенно, в начале XIX в. в заводском строительстве стали чаще употреблять кирпич, камень, металл. Становление фабричного производства сопровождается повсеместной перестройкой деревянных заводских зданий на каменные. Многие заводы, возникшие в это время, на-

[1] И. Гартман. Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоявших. Екатеринбург, 1808, стр. 59.

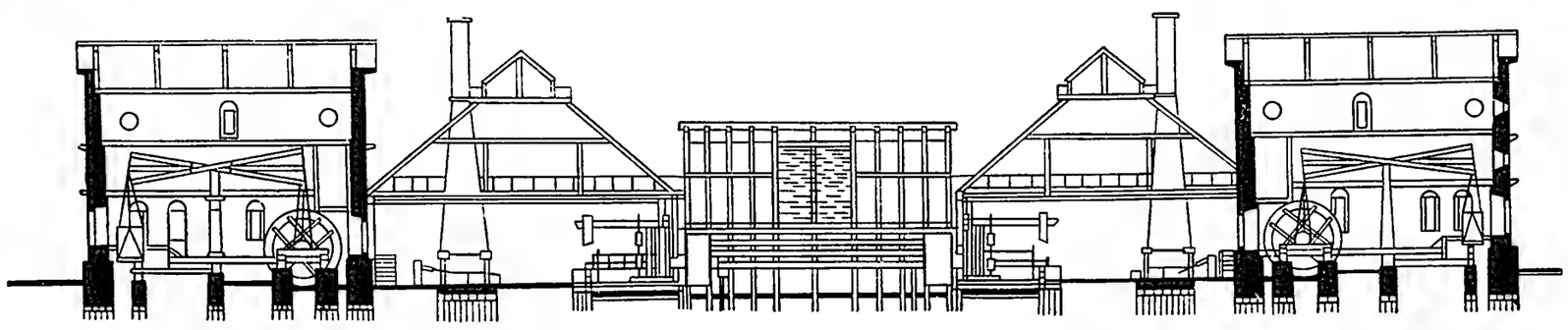


Рис. 64. Кричные цеха Очерского завода

пример Ново-Кыштымский, В. Шайтанский, строятся уже полностью из кирпича и камня. Примером производственных зданий второй половины XVIII в., возведенных в кирпиче и камне, может служить Нижне-Тагильский завод. Пильная мельница этого завода [1] расчленена тягами на три яруса, по углам сделаны пилястры, окна обработаны наличниками с треугольными фронтонами. Введение в нижнем этаже по оси здания проема полуциркульной формы с архивольтом и замковым камнем и ряда других архитектурных элементов свидетельствует о сходстве промышленных сооружений того времени с другими гражданскими постройками.

Характерное доменное сооружение конца XVIII в. — доменный корпус Пожевского завода. В трактовке здания применены несколько запоздалые мотивы декоративного убранства каменных сооружений провинциальных городов, например фронтоны корпуса имеют форму волют, завершенных вазами. Доменные корпуса Каменского завода возведены по проекту арх. М. П. Малахова в формах русского классицизма начала XIX в. Два кубических объема доменных корпусов соединялись деревянным арочным мостом. Загрузка домен происходила непосредственно с плотины. Каждая домна имела купольное покрытие, заканчивающееся вентиляционным фонарем для выхода газа и дыма.

Облик производственного здания в данном случае всецело зависел от необычной его формы и мощных дымовых труб. В обработке поверхности стен и всего объема чувствуется стремление к геометрическим, простым формам. Архитектуре доменных корпусов, как главных сооружений в металлургическом производстве, уделялось особое внимание. Архитектура доменных корпусов, часто перестраиваемых в связи с непрерывным ростом мощности печей, отвечала особенностям производственного процесса. Это менее заметно в других «фабриках».

В молотовых цехах в связи с изменением во второй половине XVIII в. их технологии потребовалось удвоить ширину корпусов, т. е. увеличить пролеты, которые обычно перекрывались металлическими фермами. Первые металлические фермы выполнялись в чугуне, ломкость которого

[1] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 63, д. 88.

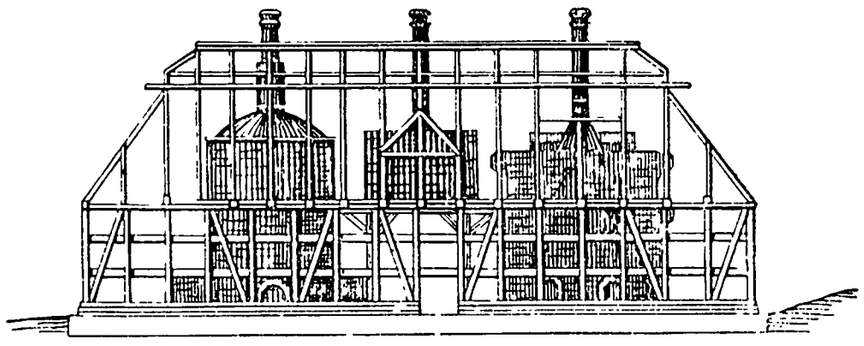


Рис. 65. Нижне-Исетский завод. Деревянный каркас доменного цеха, 1809 г.

и плохая работа на изгиб не давали возможности изготовлять фермы больших пролетов. Это вызвало появление железных клепаных ферм больших пролетов. Так, в Богословском медеплавильном заводе, построенном в 1802 г., цеха пролетом 22,5 *м* перекрыты железными фермами из клепаного профилированного полосового железа, а полы выстланы чугунными плитами.

На проектирование промышленных зданий начала XIX в. оказали некоторое влияние альбомы «типовых» проектов, выпущенных в 1809—1811 гг. Например, по такому «образцовому» проекту «фабрики» был построен фасад медеплавильного корпуса Богословского завода.

Вместе с промышленными объектами строились административные здания и хо-

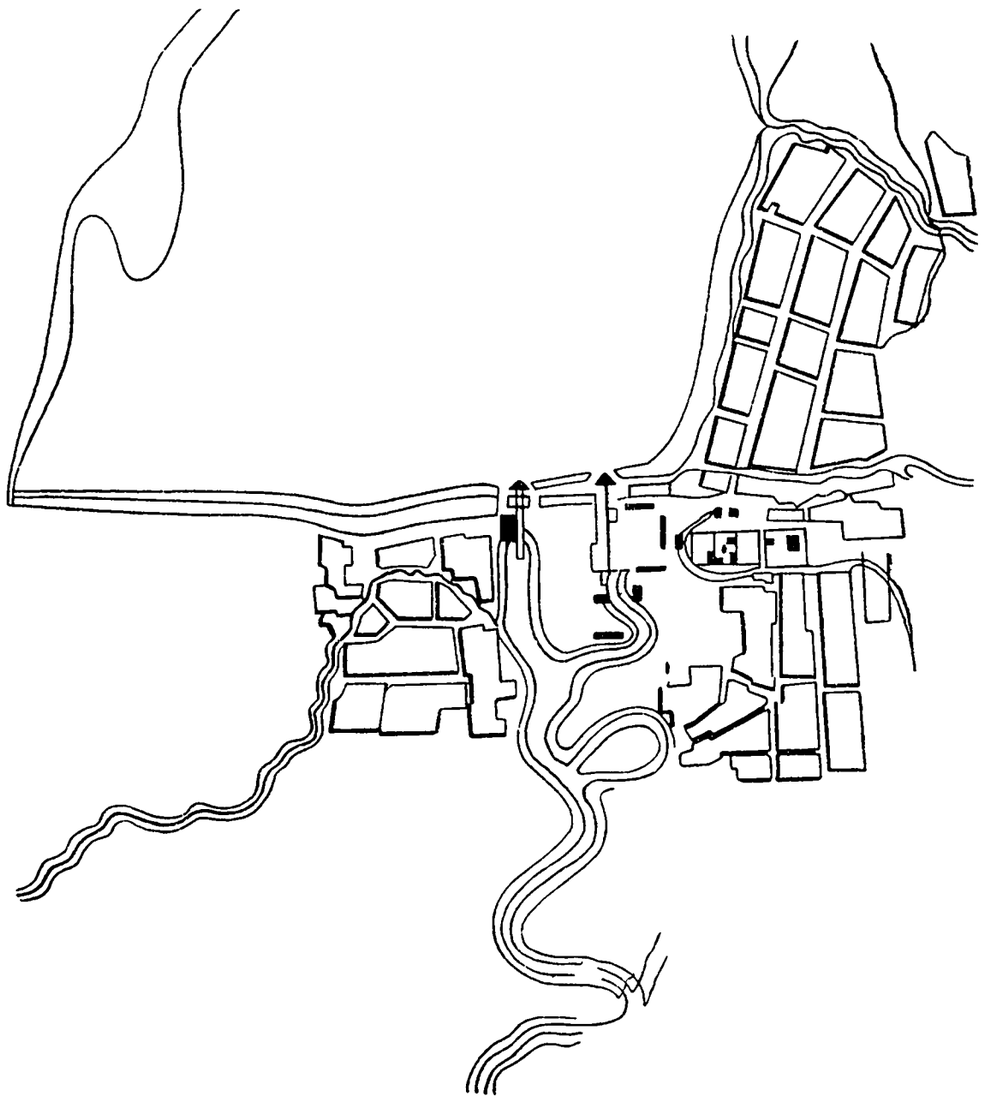


Рис. 66. План Пожевского завода с поселком, 1797 г.

зяйственные постройки, которые образовывали архитектурно-целостные производственные комплексы. В их числе — Верхне-Исетский и Каменский заводы, принадлежащие к лучшим произведениям русского промышленного зодчества этого времени.

В конце XVIII — начале XIX в. к промышленному строительству начали широко привлекаться архитекторы, получившие образование в Академии художеств. Реформой 1806 г. предусматривалось создание института архитекторов заводов, горных округов и главного управления горных заводов Урала. Однако в целом внешнему облику промышленных сооружений уделялось недостаточно внимания.

Промышленные предприятия в сложившихся городах размещались преимущественно на окраинах, ниже по течению рек. Вместе с тем крупное промышленное строительство на Урале вызвало появление многочисленных поселений и городов нового типа — городов-заводов. Уже к началу XIX в. такие города-заводы, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Невьянск, Нижняя Салда, Пожевский завод (рис. 66) и др. были довольно значительны. В этих городах завод обычно занимал главное место, и его расположение определяло всю планировку города-завода в целом.

Например, планировка Екатеринбурга обусловливалась прямоугольным планом завода с двумя перпендикулярными осями: главной, проходящей через плотину и заканчивающейся с обеих сторон площадями, и второстепенной, намеченной расположением пруда и реки Исеть. В г. Добрянка заводы с системой прудов, занимая центральное положение, связывали обе части города. Магистрали, проходящие через плотины, были главными магистралями города. В Нижнем Тагиле завод с предзаводской и рыночной площадями оказал влияние на радиально-кольцевую планировку всего города: к заводу и площадям сходились в радиальном направлении основные улицы.

* * *

Вторая половина XVIII и первое десятилетие XIX в. — время зарождения и развития архитектуры русского классицизма, нашедшего наиболее яркое выражение в творчестве основоположников этого стиля — Баженова, Казакова и Старова.

В этот период ведутся интенсивные работы по перепланировке городов и их регулярной застройке, возводятся крупные здания общественного назначения, приобретающие важную роль в городском ансамбле, строятся жилые дома и многочисленные загородные и городские усадьбы, начиная от крупных усадеб знати и кончая скромными усадьбами и городскими особняками. Для культового зодчества характерно наряду с переработкой старых типов зданий строительство церквей в форме ротонд.

Получают дальнейшее развитие городские ансамбли Петербурга, Москвы и городов провинции. Академия художеств Кокоринова и Деламота, университет и Голицынская больница Казакова, Казанский собор Воронихина, биржа Томона, Адмиралтейство Захарова представляют собой образцы монументальных сооружений, повлиявших на формирование ансамблей Петербурга и Москвы этого времени. Перепланировка и ансамблевая застройка проводятся в сотнях провинциальных городов. Рост и усложнение многообразных потребностей городской жизни в связи с зарождением и развитием капиталистических отношений вызвали появление новых типов зданий, таких, например, как почтамт, Академия художеств и Ассигнационный банк в Петербурге, Воспитательный дом, университет и Сенат в Москве, присутственные места и дворянские собрания в провинции. Впервые стали строиться дома с квартирами, предназначенными для сдачи внаем, т. е. прототипы доходных жилых домов, и т. д.

Созданию новых типов зданий содействовали достижения русской строительной техники, и прежде всего введение новых методов статического расчета и применение новых строительных материалов, приведшее к появлению металлических ферм, большепролетных каменных и кирпичных сводов и куполов, сложных деревянных стропил и подвесных потолков.

Изменяется также характер архитектурно-композиционных средств и приемов. По сравнению с предшествующим временем архитектура второй половины XVIII — начала XIX в. приобретает бóльшую строгость композиции и сдержанность в декоративных приемах. Плановым построениям свойственны симметричность и геометрически правильные формы прямоугольника, квадрата, круга; планы построек отличаются рациональностью, ясностью, простотой и компактностью, облегчающими инженерное решение зданий и удешевляющими их стои-

мость. В планировке городов это привело к утверждению регулярности, в частности к созданию простых и четких форм городских площадей, обстроенных большей частью зданиями общественного и административного назначения.

Композиция монументальных зданий с внутренним замкнутым двором, типичная для сооружений середины века, частично сохранялась в 60—70-х гг. XVIII в. С конца столетия схема усадебного дома стала основой композиции многих зданий различного назначения (городских усадеб, больниц, учебных заведений, банков, административных зданий и т. д.).

В наружной обработке и в интерьерах зданий господствовало стремление к предельно ясному выявлению простых объемов и поверхностей стен, к четкости членений фасадов, к сдержанности в применении скульптурного и орнаментального убранства. В качестве основных средств архитектурной композиции применяются свободно переработанные формы античных ордеров, арки и свода, вводимые в самых разнообразных сочетаниях: в виде портиков, колоннад, купольных залов и т. п.; причем все эти формы подчинены, как правило, назначению здания и неразрывно связаны с национальными традициями русского зодчества. Архитектура начала XIX в. уходит своими корнями в архитектуру второй половины XVIII в., продолжая ее развитие. На протяжении полувека архитектурные формы становились строже — стены, членившиеся лопатками или пилястрами, уступили место гладким стенам, наличники окон и обрамления барельефов упрощались, а затем исчезли совсем. В начале XIX в. завершилось формирование русского классицизма, но лишь в отдельных постройках Петербурга того времени — Адмиралтействе Захарова, Бирже Томона, Горном институте Воронихина — появились черты суровости и монументальности, свойственные в полной мере следующему этапу развития этого стиля. В других современных им постройках — Казанском соборе Воронихина, в позднейших работах Кваренги, Камерона, Руска — еще господствовали принципы архитектуры конца XVIII — начала XIX вв. В Москве, не говоря уже о провинции, в первом десятилетии XIX в. нераздельно царило влияние Казакова, сочетавшего в своих постройках простоту с изяществом и приветливостью. Общими в архитектуре второй половины XVIII и начала XIX в. были также типология зданий, принципы градостроительства, строительно-технические приемы и методы организации строительных работ.

Русский классицизм этого времени развивался в тесной связи с классицизмом западноевропейских стран, особенно Франции и Англии. Большой размах строительства, творческая переработка античной классики на основе требований времени и традиций русской архитектуры, огромный размах строительства, не имевший себе равного в других странах, выдвинули русский классицизм второй половины XVIII — начала XIX в. в ряд выдающихся явлений мировой архитектуры.

ГЛАВА 7

АРХИТЕКТУРА 1810—1830-х ГОДОВ

Русская архитектура в первой трети XIX в. достигает высокого расцвета. Период 1810—1830-х гг. — блестящий и вместе с тем завершающий этап русского классицизма.

В условиях разложения феодально-крепостнической системы и резкого обострения социальных противоречий, вылившегося в восстание декабристов 1825 г., определился сложный характер развития русской архитектуры. После окончания войны 1812—1814 гг. в стране ведется обширное строительство и под контролем государства успешно решаются большие градостроительные задачи, создаются величественные ансамбли улиц и площадей, в архитектуре которых зодчие стремились выразить триумф победы русского народа.

Особенности последнего этапа архитектуры классицизма, сказавшиеся в начале XIX в. (как об этом говорилось в шестой главе) лишь на отдельных постройках Петербурга и Москвы, теперь проявляются в масштабах всей страны в области гражданского, промышленного и сельского строительства. Этому способствовали и новые формы организации строительства, в частности широкое применение единых норм и правил планировки и застройки городов, образцовых проектов административных зданий и фасадов жилых домов. По-новому теперь создавались и архитектурные ансамбли. Если ранее они складывались вокруг большого, центрального здания, то теперь главным становились площадь или пространство улицы, обстроенные одновременно запроектированными общественными, административными и жилыми зданиями.

Господствовавший в архитектуре русского классицизма предшествующего периода тип дворянской усадьбы уступает место новым типам зданий — жилому особняку в Москве и провинциальных городах, многоквартирному доходному дому в Петербурге. Постепенно отмирают дворцово-усадебные формы архитектуры общественных зданий конца XVIII — начала XIX в. (парадные подъездные дворы, купольные залы, величественные анфилады).

Продолжает развиваться строительная техника, разрабатываются и применяются металлические конструкции в общественных и производственных сооружениях (Александринский театр, производственные цеха Урала).

Достижения русской архитектуры этого периода связаны с творчеством выдающихся зодчих позднего классицизма, таких как Росси, Стасов, Михайлов — в Петербурге, Бове, Жилярди, Григорьев — в Москве, Свиязев, Комаров и другие—в горно-заводских районах и городах России.

Начиная с 30-х гг. XIX в. появляются первые признаки распада архитектуры классицизма, разобщения ее технического, утилитарного и художественного начала. В 1830—1840-х гг. возникает деление архитектуры на «высокую» и «низкую». Гражданская архитектура начинает рассматриваться как «изящное искусство». Это было чуждо прогрессивным принципам архитектуры русского классицизма. Такие тенденции вели к снижению художественных требований в архитектуре массовых зданий. Русский классицизм с его столетним

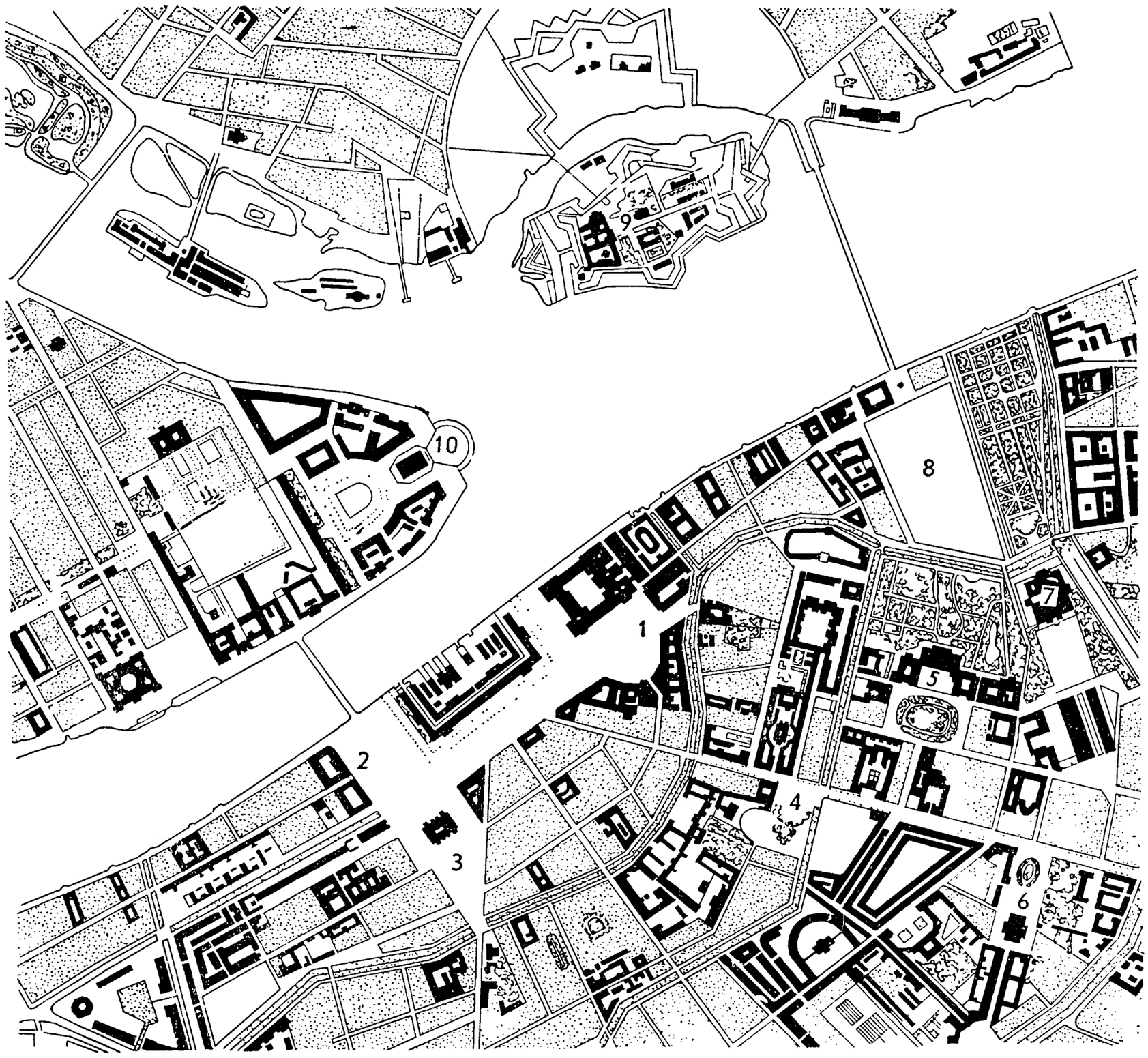
прогрессивным развитием к концу первой половины XIX в. исчерпал свои возможности. Канонизация принципов архитектуры классицизма и вместе с тем беспринципное использование форм и стилей архитектуры античности, средневековья и Возрождения привели в 1840—1850-х гг. к распространению стилизаторства и эклектики.

1. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ПЕТЕРБУРГА И АРХИТЕКТУРА ЕГО АНСАМБЛЕЙ

Победоносное окончание войны 1812—1814 гг. сильно повысило международный престиж России. Это было одной из причин, обусловивших грандиозные градостроительные планы имевшие целью превращение Петербурга в парадную столицу империи, достойную державы-победительницы. В Петербурге развертываются большие работы по планировке и инженерному благоустройству центральных районов города, расположенных на обширной территории по обоим берегам Невы. С учетом сложившейся застройки приступают к созданию величественного ансамбля административного и общественного центра столицы (рис. 1).

Реализация огромных градостроительных замыслов потребовала учреждения особого органа для руководства строительством в Петербурге — «Комитета строений и гидравлических работ» (1816). В его функции входило решение всех инженерных и архитектурных задач в строительстве столицы и осуществление контроля за выполнением градостроительной программы.

Большую роль в формировании новых ансамблей Петербурга сыграли ставшие во главе Комитета выдающиеся зодчие К. Росси и В. Стасов, творчество которых отражает основные тенденции в развитии градостроительства и архитектуры Петербурга.



1. Петербург. План центра города, 1840 г.

1 — Дворцовая площадь; *2* — Сенатская площадь; *3* — Исаакиевский собор; *4* — Казанский собор; *5* — Михайловский дворец; *6* — Александринский театр; *7* — Инженерный замок; *8* — Марсово поле; *9* — Петропавловская крепость; *10* — Биржа

2. Петербург. Дворцовая площадь со зданием Главного штаба, 1819—1829 гг., арх. К. И. Росси

К. Росси, в содружестве с В. Стасовым и другими зодчими разрабатывает и реализует план реконструкции центра Петербурга. Сохраняя в качестве его исторического и градостроительного ядра здание Адмиралтейства, а как главную ось — Невский проспект, Росси проектирует целую систему площадей и комплексов общественных зданий, составивших единое архитектурное целое. Главное звено этой системы — Дворцовая площадь с огромным зданием Главного штаба и Александровской колонной в ее центре (воздвигнутой позднее).

Карл Иванович Росси (1775—1849) вырос и овладел основами архитектурных знаний в творческой среде Петербурга конца XVIII в. Он был учеником, а затем помощником арх. Бренна (с 1796 г.); с 1802—1803 гг. продолжал архитектурное образование в Италии; с 1809 г. работал в Москве, в Экспедиции Кремлевского строения и в Твери (отстраивал Путевой дворец); в 1816 г. назначен главным архитектором «Комитета для строения и гидравлических работ» в Петербурге. Росси завершил ансамбль Дворцовой площади грандиозным зданием Главного штаба, создал Сенатскую площадь со зданием Сената и Синода, огромный ансамбль площади Александринского театра с Театральной улицей (ныне улицей Росси), Михайловский дворец с ансамблем Михайловской площади. Им построены дворцово-парковый ансамбль Елагина острова (1822—1824), библиотека дворца в Павловске. В 1832 г. Росси вынужден был уйти в отставку. К. И. Росси — крупнейший зодчий завершающего этапа архитектуры русского классицизма. Высокое искусство ансамбля сочеталось в его творчестве с техническим и художественным мастерством решения отдельных зданий.

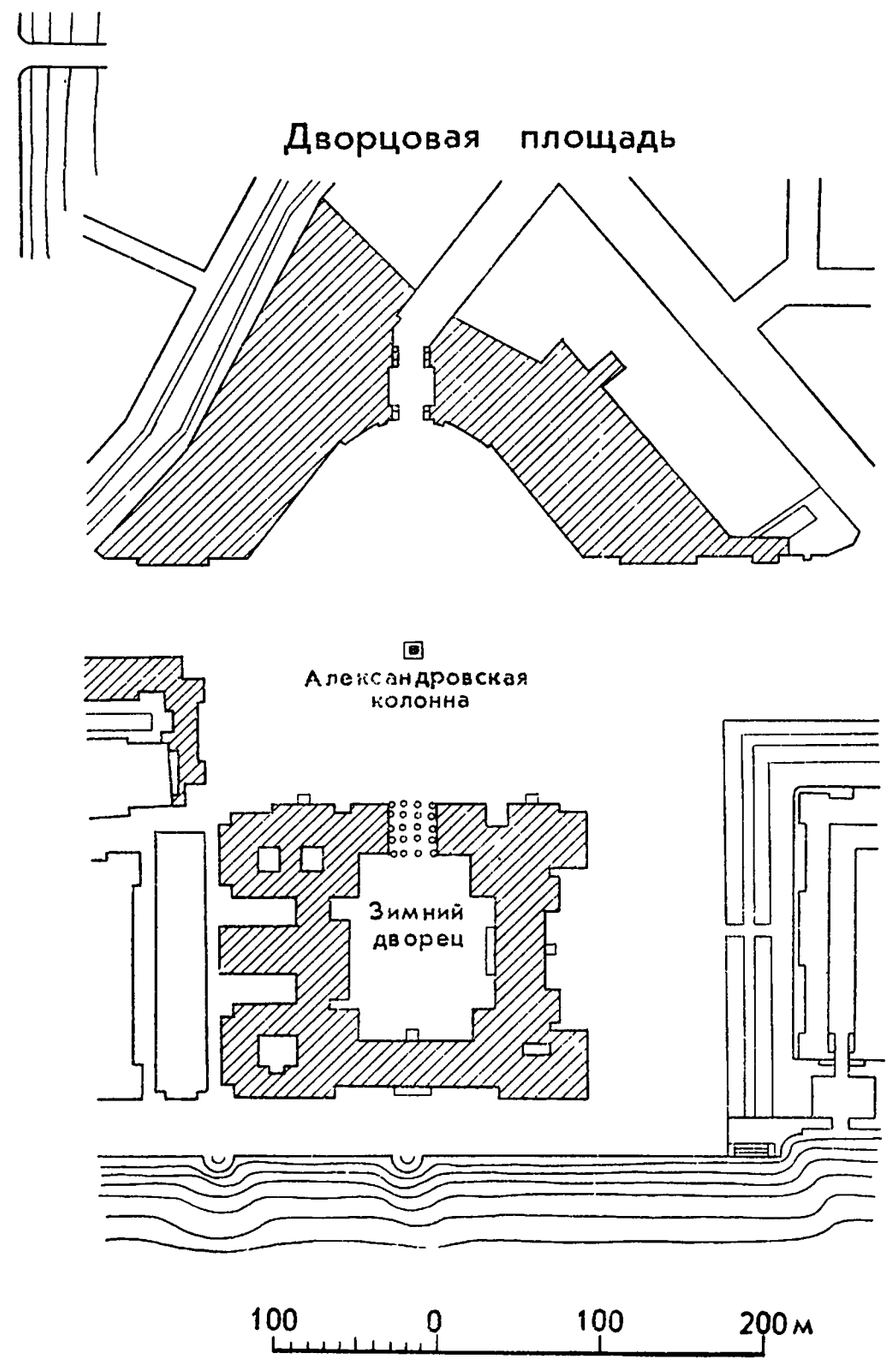
Ансамбль Дворцовой площади (1819—1829), созданный Росси, представляет собой выдающееся произведение архитектуры. Найденная им пространственная композиция площади с постройкой двух крупных зданий Главного штаба и Министерства иностранных дел завершила долгий путь творческих исканий многих зодчих, участвовавших в строительстве этого парадного центра Петербурга, где объединились в целостный ансамбль ряд выдающихся сооружений разных эпох.

Соединив здания штаба и министерства переброшенной через Морскую улицу аркой, Росси воздвиг единое колоссальное сооружение и связал площадь с Невским проспектом.

Уравновешивая массив Зимнего дворца зданием Главного штаба с его динамическим криволинейным в плане очертанием, Росси перенес центр композиции со здания

в центральное пространство площади. Плоскостная разработка фасадов сооружения, ослабление их пластического рельефа усиливает этот композиционный прием. Единству ансамбля способствует повторение в здании Главного штаба композиционного членения фасадов Зимнего дворца — трактовка нижнего этажа как цокольного, объединение двух верхних большим ордером, а также расположение против центра Зимнего дворца триумфальной арки Главного штаба. Арка Главного штаба заменила здесь традиционный для предшествующего периода портик, которым обычно выделялся центр общественного здания. Торжественная арка Главного штаба, превращенная зодчим в парадный въезд на Дворцовую площадь со стороны Невского проспекта, архитектурно закрепила главную ось площади, подчеркнув пространственное развитие ансамбля вглубь. Возведение в дальнейшем на Дворцовой площади Александровской колонны по проекту Монферрана было как бы предопределено замыслом Росси (рис. 2).

Триумфальная арка Главного штаба — блестящий образец синтеза архитектуры и скульптуры — сооружена в память победы русского народа над наполеоновскими армиями. Выполненная в коринфском ордере, увенчанная монументальной шестиконной колесницей Победы, украшенная статуями и барельефами на военные темы, она образно выражает идею величия и славы России (рис. 3). Скульптурные элементы арки, включая колесницу, вычеканены из листовой меди по моделям скульпто-



3. Петербург. Дворцовая площадь и здание Главного штаба. Генеральный план, центральная часть фасада

ров В. Демут-Малиновского и С. Пименова. Масштаб и пропорции арки — с ее широким пролетом, колоннами, фланкирующими арку, горизонтальной лентой фриза и низким ступенчатым аттиком, несущим колесницу,— подчеркивают единство протяженного фасада и значение арки как центра здания, связывающего оба его крыла. В то же время, примененный Росси сложный прием двух сходящихся под углом арок, искусно маскирует излом проезда.

Ансамбль Дворцовой площади мастерством пространственного решения ее как общественного центра, — общей композиции здания Главного штаба, гармонирующего с архитектурным строем площади, свидетельствует о начале нового этапа в развитии русской архитектуры и градостроительства.

Почти одновременно со зданием Главного штаба на Дворцовой площади Росси создает новый крупный ансамбль, входящий в систему столичного центра, — ансамбль Михайловского дворца (1819—1825, с 1896 — Русский музей, рис. 4). Перед дворцом Росси расположил прямоугольную площадь, обстроенную однотипными жилыми домами так же, как вновь проложенная Михайловская улица, связавшая площадь (ныне площадь Искусств) с Невским проспектом. Ритм окон и трактовка нижнего этажа, как цокольного, объединяет эти здания с дворцом, а простота их фасадов подчеркивает его торжественную архитектуру. Восьмиколонный коринфский портик в центре главного фасада дворца, поднятый на аркаду первого этажа, замыкает перспективу Михайловской улицы. Парковый фасад дворца, обращенный в сторону Мойки, не менее величественен. Он увенчан аттиком и скульптурой, его гранлоджия с коринфской колоннадой раскрыта к парку. Стройный парковый павильон на берегу Мойки (1825 г.) открывает этот ансамбль в сторону Марсова поля.

Главный корпус дворца представляет собой прямоугольное в плане здание с двумя внутренними световыми дворами. В центре — парадный двусветный вестибюль с главной лестницей и проходом в сад. Дворцовые залы расположены по внешнему периметру здания и образуют кольцевую анфиладу, связанную с парадной лестницей. Жилые и служебные комнаты размещались вокруг внутренних световых дворов. Сохранившиеся после переделки здания под Русский музей интерьеры Михайловского дворца, созданные по рисункам Росси, отличаются высокими художественными достоинствами. Выделяется белоколонный зал и, особенно, парадная лестница с колоннадой коринфского ордера на уровне бельэтажа. Широкий фриз из скульптурных панно на стенах, роспись плафонов и сводов усиливают выразительность интерьера. В отделке дворца участвовали известные скульпторы того времени С. Пименов, В. Демут-Малиновский, живописцы Д. и П. Скотти и др.

Композиция Михайловского дворца обнаруживает отход Росси от традиционных приемов построения городских дворцовых усадеб XVIII в. Росси сохранил парадный двор, образованный главным корпусом и двухэтажными крыльями, которые соединены монументальной чугунной оградой, отделяющей двор от улицы. Но зодчий отказался от традиционного парадного звена в интерьере дворца — сквозного зала или системы залов, объединяющих по главной оси парадный двор перед дворцом с парком за ним. Центр интерьера Михайловского дворца — это ориентированный на улицу двухсветный лестничный зал-вестибюль. От него начинается и им завершается кольцевая анфилада парадных залов второго этажа дворца.

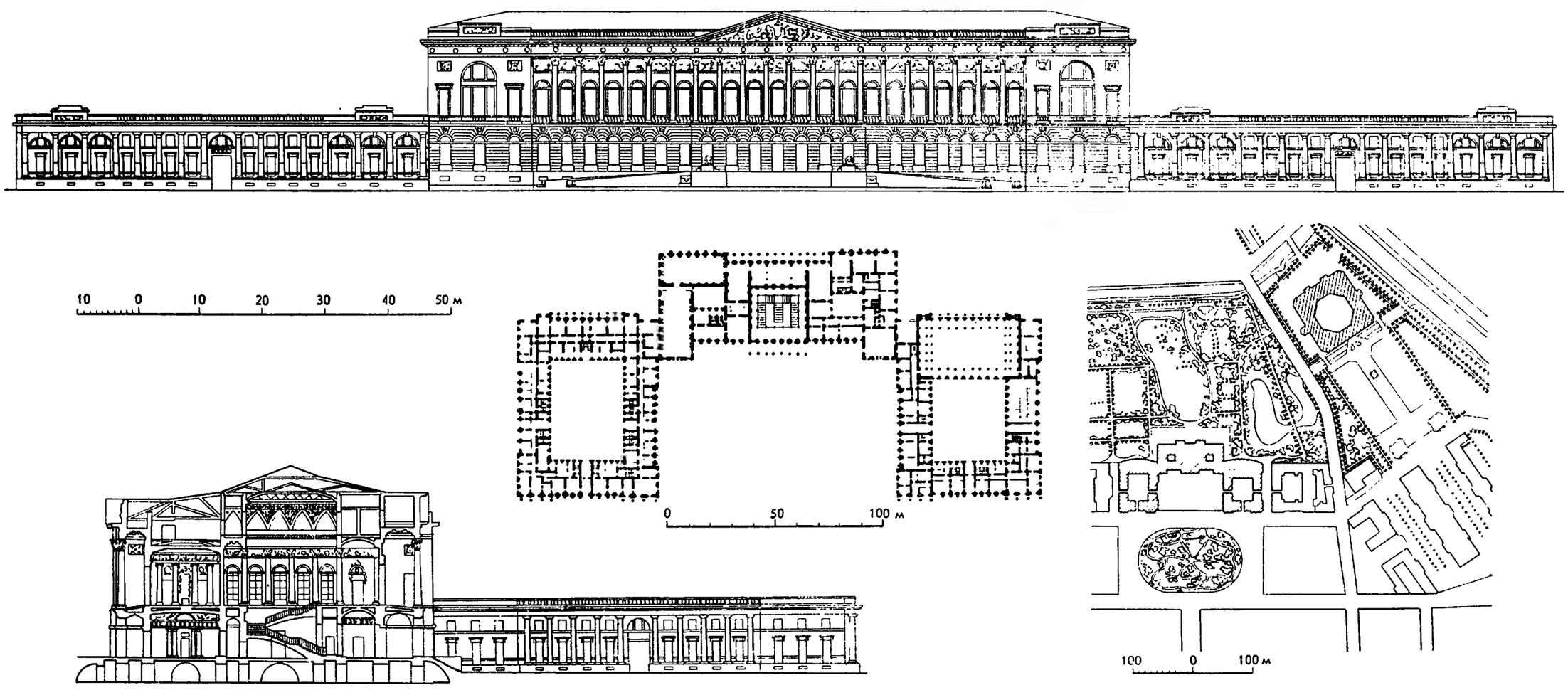
Выдающимся событием в градостроительстве Петербурга послевоенных лет было создание Росси грандиозного ансамбля с Александринским театром в центре (1816—1818, 1823—1832, рис. 5, *1*). Этот комплекс включает две площади с окружающими их зданиями: открытую на Невский проспект площадь Александринского театра (ныне Островского) и Чернышеву площадь, выходящую к Фонтанке, соединенные Театральной улицей (ныне улица зодчего Росси). Композиция этого ансамбля, включенного Росси, так же как ансамбли Дворцовой и Михайловской площадей, в архитектурно-планировочную систему столицы и связанного с Невским проспектом, стала дальнейшим развитием градостроительной концепции зодчего. Еще в 1816—1818 гг., получив задание на проектирование городского театра, Росси задумал реконструировать огромный участок города и разработал в основных чертах проект всего комплекса. Проект этот был реализован лишь частично: построены два симметрично поставленных павильона и ограда сада у Аничкова дворца.

Разработка проекта возобновилась лишь в 1820-х годах. И только в 1828 г. начал осуществляться замысел зодчего по одному из одиннадцати его вариантов. Проектом предусматривалась организация большой городской площади между Аничковым дворцом и Публичной библиотекой с сооружением на ней Александринского театра. Публичную библиотеку предполагалось расширить путем реконструкции старого здания и пристройки к нему нового корпуса, обращенного фасадом на площадь. Была запроектирована прокладка улицы от новой площади к Чернышеву мосту на Фонтанке с созданием там предмостной полуциркульной площади, открытой на реку. Этот проект в основном и был осуществлен к 1834 г.

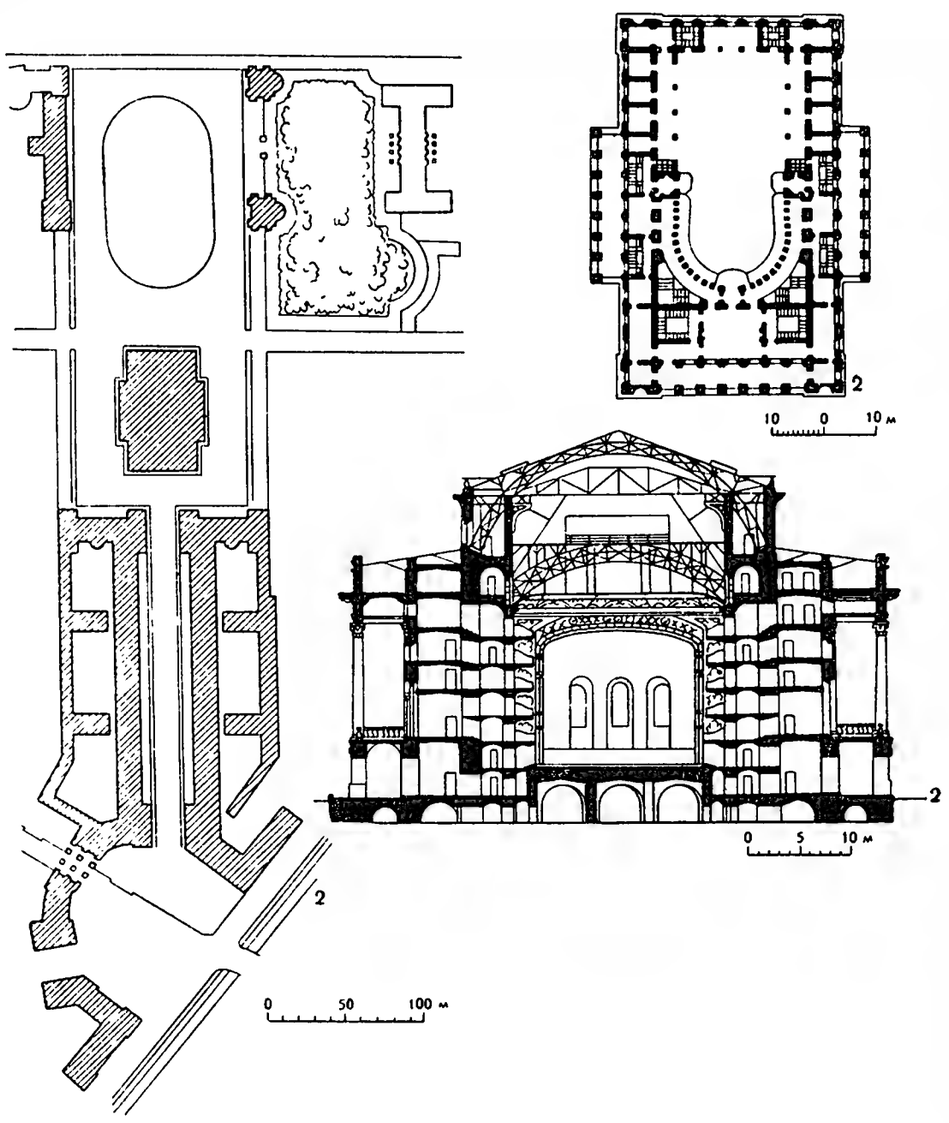
Композиция всего ансамбля в его сменяющихся перспективах раскрывается от Чернышевой площади в сторону Невского проспекта. Очерченная полукругом Чернышева площадь охвачена трехэтажными корпусами, члененными на рустованный нижний ярус и двухэтажный верхний, объединенный дорическим ордером[1]. Она переходит в Театральную улицу (ныне улица Росси), образованную двумя монументальными корпусами, вытянутыми во всю ее длину. Их верхние два этажа объединены парными трехчетвертными дорическими колоннами с арочными окнами между ними. Высокий цокольный этаж прорезан также широкими арками с открытой галереей за ними, застекленной в процессе строительства (рис. 5, *3*).

Суровый ритм дорической колоннады Театральной улицы при выходе ее на площадь Островского контрастно сменяется великолепием коринфских колоннад портиков

[1] Площадь не завершена. По проекту в центре ее был запроектирован храм-ротонда с коринфским портиком, увенчанный куполом, со сходами к реке. Не закончена также часть юго-восточного крыла здания.



4. Петербург. Михайловский дворец и площадь, 1810—1825 гг., арх. К. И. Росси. Вид на центральную часть, главный фасад, план 2-го этажа, продольный разрез, генеральный план



5. Петербург. Александринский театр и Театральная улица (ныне улица Росси), 1816—1818 гг.; 1828—1834 гг., арх. К. И. Росси. *1* — вид театра с площади; *2* — генеральный план, план и поперечный разрез театра; *3* — Театральная улица

и лоджий Александринского театра, представляющего собой архитектурный центр площади и всего ансамбля. Александринский театр, прямоугольный в плане, простой и строгий по объемному решению, выделяется своей контрастно разработанной архитектурной и скульптурной композицией фасадов. Его главный фасад вместо обычного портика имеет лоджию с коринфской колоннадой и завершен аттиком. Лоджия ограничена по сторонам гладкими ризалитами с врезанными в них нишами со статуями муз. Аттик здания украшен фигурами славы и увенчан квадригой Аполлона, вычеканенной из листовой меди по модели С. Пименова. Боковые фасады обогащены выступающими портиками того же ордера (рис. 5, *2*).

В интерьере театра сохранились лишь фрагменты отделки, исполненной по рисункам зодчего. Наиболее интересен зрительный зал, здесь хорошо найдены формы и пропорции. Система перекрытия здания по металлическим фермам и металлическая конструкция ярусов, разработанные зодчим, говорят о его таланте инженера-конструктора, смело применявшего новые строительные материалы.

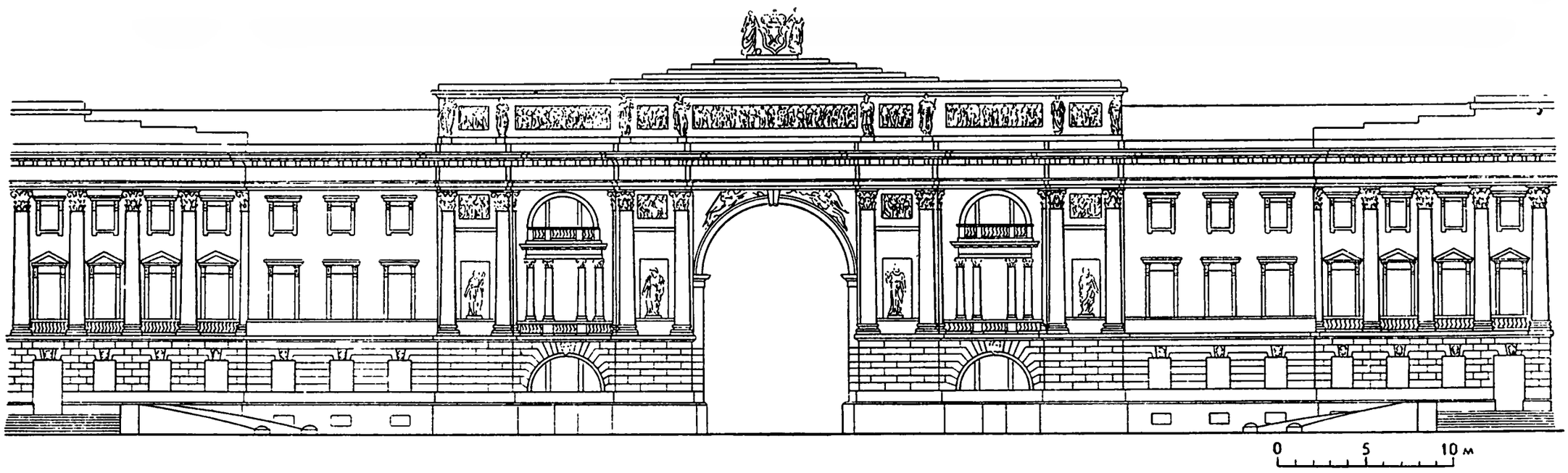
Важным звеном ансамбля Театральной площади стал сооруженный Росси корпус Публичной библиотеки (1828—1832), удачно связанный со старым зданием, построенным Е. Соколовым еще в 1796—1801 гг. Огромный по длине фасад здания обработан лоджией с ионической колоннадой, поднятой на рустованный первый ярус и объединяющей два верхних этажа. Между колоннами размещены статуи ученых, философов и поэтов древности, выполненные скульпторами С. Пименовым и В. Демут-Малиновским, Н. Токаревым и др. Аттик увенчан статуей Минервы. Со стороны Аничкова дворца площадь ограничена двумя павильонами. Решенные в ионическом ордере с фигурами витязей по сторонам главных фасадов, они удачно дополняют ансамбль площади.

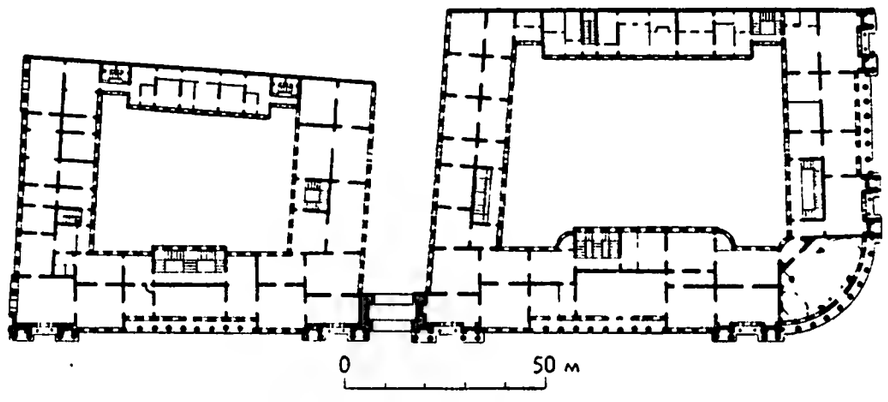
Стремясь к функциональному и стилевому единству ансамбля, Росси подчинил этой цели трактовку фасадов каждого здания. Так, в отличие от плоскостных фасадов Генерального штаба, обрамляющих огромное пространство Дворцовой площади, пластика фасадов Театральной улицы подчеркнуто объемна. Крупный рельеф ее ордерных форм, видный в сильном ракурсе, контрастно оттеняет «затесненность» улицы. В композиции театра строгая простота и симметричность объема утверждают его значение как центра ансамбля, а лоджии и портики связывают здание с застройкой площади.

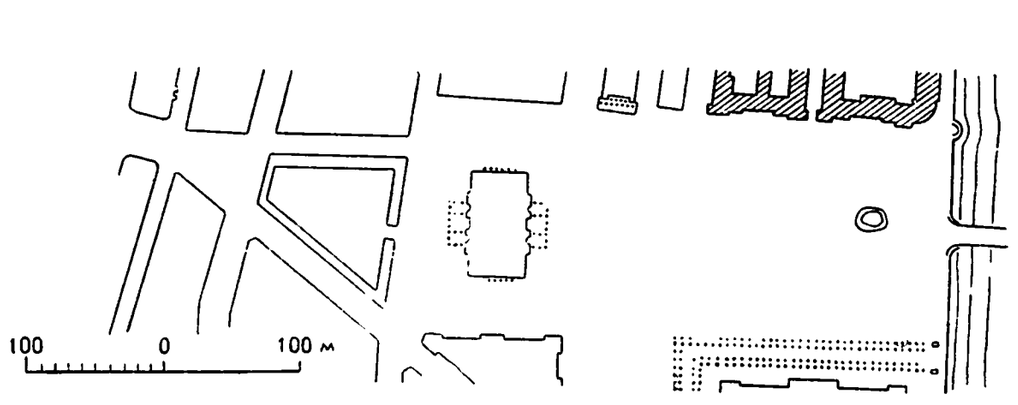
В ансамбле Александринской площади, как и в других своих произведениях, Росси широко пользуется приемами повторения мотивов колоннад, лоджий, аттикового завершения зданий и их членения на ярусы: рустованный цокольный и двухэтажный верхний, объединенный большим ордером. Этот основной прием он усиливает мастерским применением средств масштабной взаимосвязи, пластическими и цветовыми акцентами, включением скульптурных и декоративных элементов. Такими средствами зодчий достигал единства ансамблей и огромных по протяженности зданий, определивших собой архитектурный облик многих улиц и площадей Петербурга первой трети XIX в.

Последний крупный градостроительный комплекс, воздвигнутый Росси, — это ансамбль Сенатской площади со зданиями Сената и Синода (рис. 6). Реконструкцией Сенатской площади зодчий завершил свой замысел создания целостной системы ансамблей парадных площадей правительственного центра столицы. Ядром этого исторически сложившегося центра осталось Адмиралтейство с трезубцем сходящихся к нему проспектов, составляющих основу планировки города. Сенатская площадь с пространственным центром, закрепленным конным монументом Петра I, органично вошла в эту систему ансамблей, уравновешивая Дворцовую площадь с ее Александровской колонной. С созданием Сенатской площади в этот ряд ансамблей, окружающих Адмиралтейство, включился ансамбль Биржи на Стрелке Васильевского острова. Арочный проезд с Сенатской площади ведет в Галерную (ныне Красную) улицу, соединившую, по замыслу зодчего, Сенатскую площадь с периферийными площадями Петербурга.

Масштаб огромного по длине здания Сената и Синода должен был соответствовать масштабам Сенатской площади, и Росси довел его высоту до $8\frac{1}{2}$ сажен, на одну сажень выше противолежащего крыла Адмиралтейства. Центром здания и сильным архитектурным акцентом в ансамбле площади, устранившим монотонность протяженного фасада, стала Триумфальная







6. Петербург. Сенатская площадь и здания Сената и Синода, 1829—1834 гг., арх. К. И. Росси. Вид с площади, центральная часть фасада, план 2-го этажа, генеральный план

арка, связавшая здания Сената и Синода в единое архитектурное целое. Введя мотивы сильных выступов, обработанных парами колонн по сторонам арки, и широко используя скульптуру, Росси достиг триумфальной торжественности композиции центра. По сторонам арки в крыльях здания вкомпонованы коринфские восьмиколонные лоджии, объединившие два верхних этажа над рустованным цокольным

ярусом. Место поворота здания, вдоль набережной, на закругленном углу, Росси отметил вторым акцентом — восьмиколонным портиком, поднятым на цокольный этаж. В композиции интерьера зодчий выделил как главные звенья парадную лестницу, большой двухсветный зал с расписанными сводами и домовую церковь, перекрытую куполом на парусах.

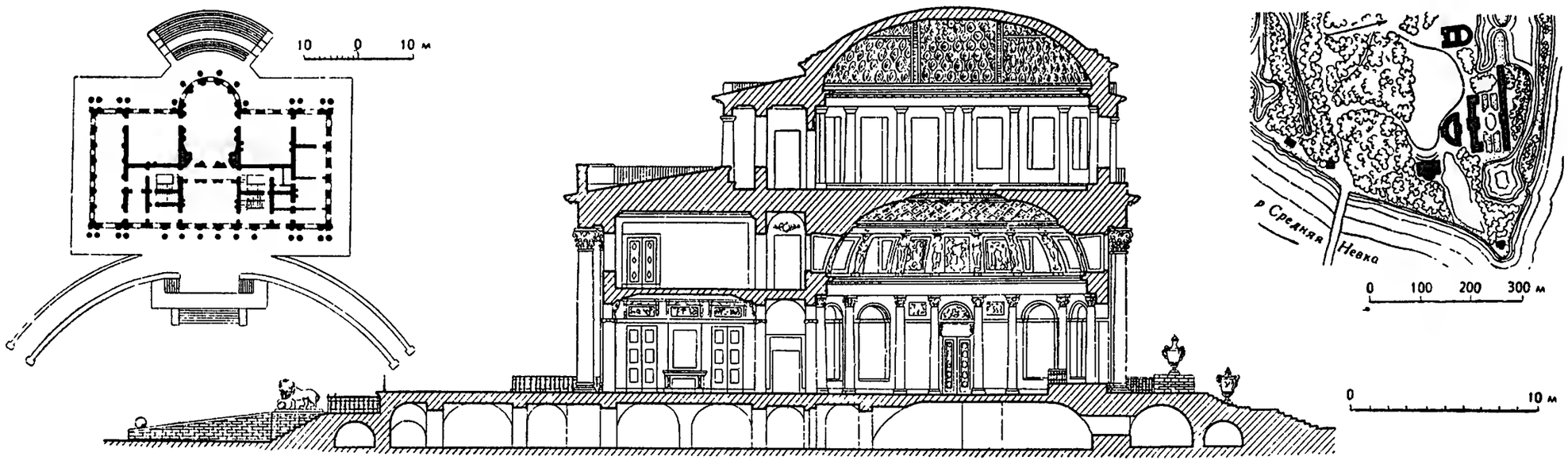
В ансамбле Сенатской площади Росси трактует прием включения арки в композицию здания иначе, чем в ансамбле Дворцовой площади (арка Главного штаба). Создавая посредством арки выход Морской улицы с Невского на Дворцовую площадь, Росси закрепил главную ось пространства, подчеркнул направление движения к центру площади и подчинил арке весь фасад здания. Открывая же выход с Сенатской площади на Галерную улицу, зодчий выявил прежде всего цельность и главенство объединяемого здания, его роль в ограничении площади, а узкому пролету арки придал второстепенное значение. Этой идее подчинена вся композиция здания Сената и Синода с его строго прямолинейным фасадом.

К большим работам, проведенным Росси в 1820-х г., относится реконструкция района Инженерного замка и Манежной площади. Инженерный замок, ранее отделенный от города глубокими каналами с подъемными мостами, был связан зодчим с сетью близлежащих улиц (Садовой, Инженерной) и с набережной р. Фонтанки. Каналы засыпали, парадный въезд на территорию замка открыли с Инженерной улицы между двумя павильонами, созданными еще Баженовым. В результате проведенных работ Инженерный замок

7. Петербург. Дворец на Елагином острове. Общий вид

включился в общую систему ансамблей Летнего сада, Марсова поля и Михайловского дворца.

Значительное произведение Росси — дворец и парк с павильонами на Елагином острове (1818—1822), вошедший впоследствии в черту города как один из лучших дворцово-парковых ансамблей (рис. 7 и 8). Он возник в результате перестройки ранее существовавшей здесь дворцовой усадьбы XVIII в. Росси работал при участии одного из лучших садоводов того времени Д. Бу-



8. Петербург. Дворец на Елагином острове, 1812—1822 гг., арх. К. И. Росси. План 1-го этажа, продольный разрез, генеральный план.

ша, который создал пейзажный парк с системой прудов. Центр ансамбля — парадный двухэтажный дворец [1] с трехэтажной центральной частью. Со стороны парка дворец окружен широкой террасой на стилобате, огражденной решеткой. Из интерьеров великолепен центральный овальный зал первого этажа, ионические полуколонны которого с кариатидами несут украшенный росписью купол. По сторонам от зала расположены Малиновая и Голубая гостиные.

Построенный одновременно с дворцом и композиционно ему подчиненный «кухонный корпус», полукруглый в плане, отличается своей монументальной простотой. В его фасадах строгая гладь стен эффектно сочетается с нишами, заполненными статуями работы С. Пименова. Тосканский портик со стороны «Масляного луга» прекрасно дополняет композицию здания, подчеркивая главный вход и центр фасада. Из парковых павильонов выделяется соразмерностью форм и строгой простотой объемной композиции павильон у Гранитной набережной. Прямоугольный в плане с дорической полуротондой, он прекрасно гармонирует с зеленью парка, завершая вид с реки на восточный мыс Елагина острова. Живописно размещены в ансамбле Елагина острова музыкальный павильон, оранжерея, конюшенный корпус.

В величественных ансамблях Петербурга, созданных Росси, с большой силой проявился градостроительный характер русского зодчества этого периода, высокий расцвет искусства ансамбля, отразились прогрессивные тенденции в развитии архитектуры крупных общественных зданий. Эти достижения — также высокая ступень в общем развитии мировой архитектуры эпохи.

В один из значительных ансамблей столицы превратилось Марсово поле, реконструкция которого проводилась одновременно со строительством Михайловского дворца и перепланировкой прилегающего района архитектором В. П. Стасовым совместно с Росси.

Стасов Василий Петрович (1769—1848), один из выдающихся зодчих своего времени, учился в Москве, для повышения архитектурного образования был послан в Рим; вместе с Росси работал в качестве одного из главных архитекторов в «Комитете для строения и гидравлических работ» в Петербурге и участвовал в реконструкции столицы; с 1811 г. он — академик Петербургской Академии художеств. Из его ранних произведений московского периода почти ничего не сохранилось. Крупные работы Стасова — Павловские казармы и связанная с их постройкой реконструкция Марсова поля. Стасов перестроил придворные конюшни на Мойке, возвел Триумфальные ворота у Нарвской и Московской застав в Петербурге, строил жилые дома, Преображенский и Троицкий соборы, отделывал интерьер Смольного собора, был в составе комиссии по рассмотрению проекта Исаакиевского собора. После пожара 1837 г. руководил восстановлением залов Зимнего дворца. В Царском селе (г. Пушкин) построил ряд хозяйственных зданий и чугунные ворота. Стасовым разработан проект «образцовых» провиантских складов (по которому арх. М. Ф. Шестаков построил провиантские склады в Москве), по его проектам возведен ряд зданий в Грузине на Волхове, в Саратове, Костроме и др. Одно из сооружений зодчего — Десятинная церковь в Киеве, выполненная в ложно-византийском стиле, свидетельствует о появлении эклектизма в творчестве Стасова.

Большой зодчий и художник, инженер-новатор, отличный организатор, Стасов вместе с Росси был одним из последних крупных представителей архитектуры русского классицизма 10—30-х гг. XIX в.

Работы Стасова по реконструкции Марсова поля характеризуют его как талантливого зодчего-градостроителя. Сооружением огромного здания Павловских казарм (1817—1820, рис. 9), расположенных вдоль Западной границы площади, Стасов завершил композицию Марсова поля и увековечил заслуги Павловского полка в войне 1812 г. [1]. В этом произведении Стасов мастерски решил сложную задачу включения в ансамбль площади здания громадной протяженности как главного звена композиции. Зодчий создал три сильных архитектурных акцента на фасаде, три дорических портика, поднятых на цокольный этаж, чем достиг композиционного единства и большой выразительности сооружения. Крайние портики, шестиколонные, завершенные фронтоном, подчинены мощному центральному двенадцатиколонному портику, увенчанному аттиком и украшенному скульптурой. Десятиколонным дорическим портиком оформлено крыло Павловских казарм, выходящее на улицу Халтурина.

Недалеко от Марсова поля на Мойке Стасов перестроил здание придворных конюшен (1817—1823, рис. 10), возведенное еще при Петре I. Огромное сооружение, многоугольное в плане, архитектурно организовало собой обширное пространство

[1] Дворец был сожжен в Великую Отечественную войну и по архивным чертежам восстановлен.

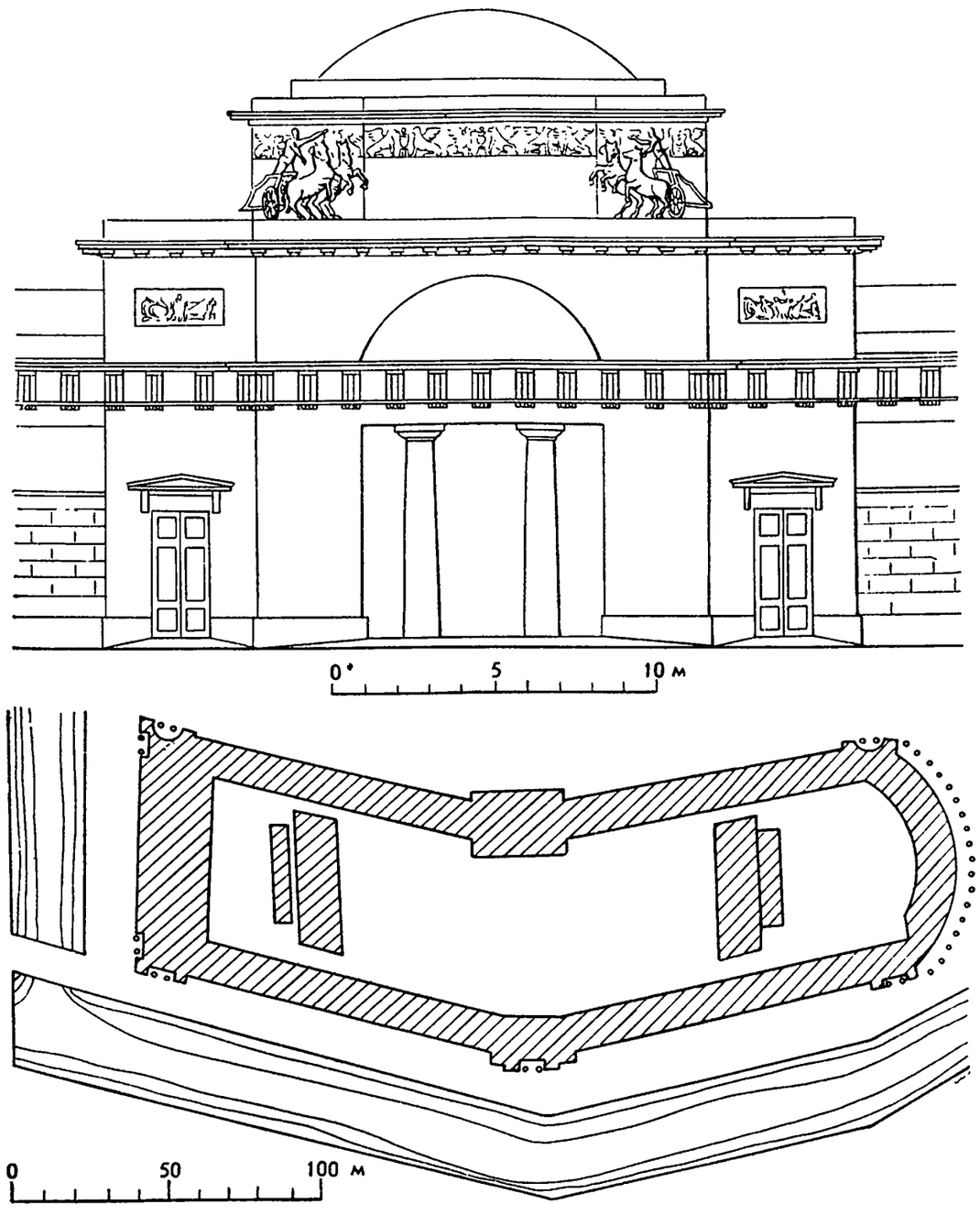
[1] При сооружении казарм было перестроено и использовано старое здание ломбарда, находившееся на площади.

9. Петербург. Павловские казармы на Марсовом поле, 1817—1828 гг., арх. В. П. Стасов

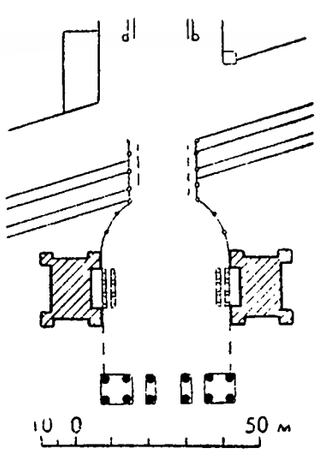
расположенного около Марсова поля нового ансамбля. На главном протяженном фасаде, ограничивающем Конюшенную площадь, Стасов выделил мощный объемный центр — церковь, украшенную лоджией с ионической колоннадой, и завершил крылья строгими кубическими павильонами. По Конюшенному переулку на полукруглом повороте здания зодчий, усиливая единство комплекса, возвел дорическую колоннаду из 22 колонн, продолжавшую ритм и пропорции колонных портиков угловых павильонов. Художественную ценность представляет перекрытый куполом зал церкви с десятью ионическими колоннами, несущими хоры.

Крупное произведение В. Стасова — триумфальные ворота у Нарвской заставы, воздвигнутые в память Отечественной войны 1812 г. (1827—1834). Сооруженные из кирпича и облицованные медными листами триумфальные ворота построены на месте деревянных, возведенных по проекту Кваренги, и развивают их композицию. Пролет арки фланкирован по сторонам парами коринфских колонн, несущими статуи Победы. Аттик увенчан шестиконной колесницей Славы, выполненной из кованой меди по моделям скульпторов П. Клодта и С. Пименова. Триумфальные ворота Стасова — замечательное по силе воздействия и пластическому единству архитектурное и скульптурное сооружение. Поставленные на Нарвском шоссе в центре площади у въезда в столицу ворота намечали собой начало будущего ансамбля в этой части города.

У главного въезда в Петербург со стороны Москвы, у заставы, Стасов возвел Московские триумфальные ворота с тяжелой дорической двойной колоннадой, увенчанной антаблементом и аттиком со скульптурными группами (1834—1838, разобраны в 1936 г., восстановлены в 1960 г., рис. 11). Стасов разработал два варианта ворот — больших и малых. После установки макета в натуральную величину оста-



10. Петербург. Придворные конюшни, 1817—1823 гг., арх. В. П. Стасов. Фрагмент фасада со стороны канала, генеральный план



11. Петербург. Триумфальные ворота у Московской заставы, 1834—1838 гг., арх. В. П. Стасов. Общий вид и генеральный план

новились на большом варианте. Материалом были избраны чугун и листовая медь для скульптурного убранства. Используя свойства чугуна, Стасов углубил рель-

12. Петербург. Троицкий собор Измайловского полка, 1827—1835 гг., арх. В. П. Стасов

еф каннелюр, усилив тем самым их пластическую выразительность; триглифы фриза он заменил рельефами гениев, выбитых из листовой меди. Триумфальные ворота отличает простота и суровая мощь, характерные и для других произведений Стасова.

Видное сооружение Петербурга — Троицкий собор (рис. 12), построенный Стасовым в 1827—1835 гг. Собор вмещает до 5000 чел., увенчан пятиглавием, окружен шестиколонными коринфскими портиками и торжественно декорирован в формах классицизма. Особенность собора — план в виде равноконечного креста.

К выдающимся сооружениям позднего классицизма Петербурга, сыгравшим важную роль в завершении его центральных ансамблей, принадлежат Александровская колонна на Дворцовой площади и Исаакиевский собор, возведенные по проектам архитектора А. А. Монферрана при участии ведущих зодчих Петербурга.

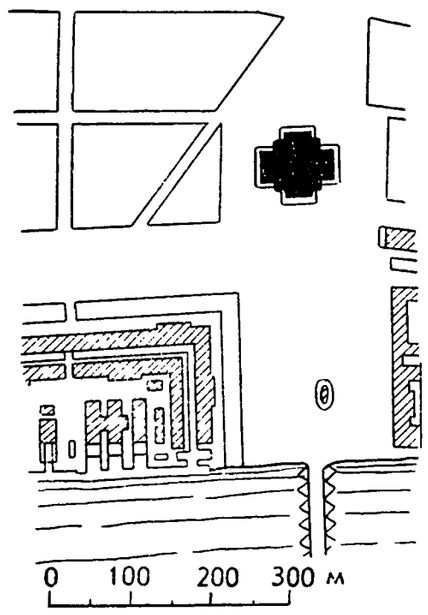
Монферран Август (Огюст) Августович (1786—1858) приехал в Петербург в 1816 г. из Франции и работал здесь до конца жизни. Им созданы помимо упомянутых крупных сооружений дома Лобанова-Ростовского и Демидова.

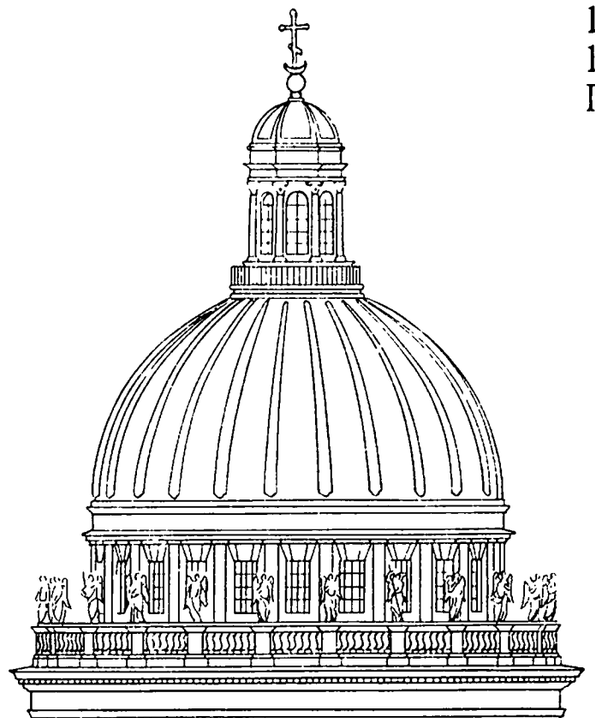
Александровская колонна (1829—1834, см. рис. 2) — грандиозный монумент высотой 47,5 *м* — воздвигнута в центре Дворцовой площади в память победного завершения Отечественной войны 1812 г. Хорошо найденный силуэт колонны, увенчанный фигурой ангела (работы Б. Орловского), масштабная соразмерность с пространством площади, монументальность форм придают сооружению особенную образную выразительность. Ствол колонны высотой 25,58 *м* сделан из единого гранитного монолита, сама доставка и постановка которого на место была большим достижением инженерного искусства.

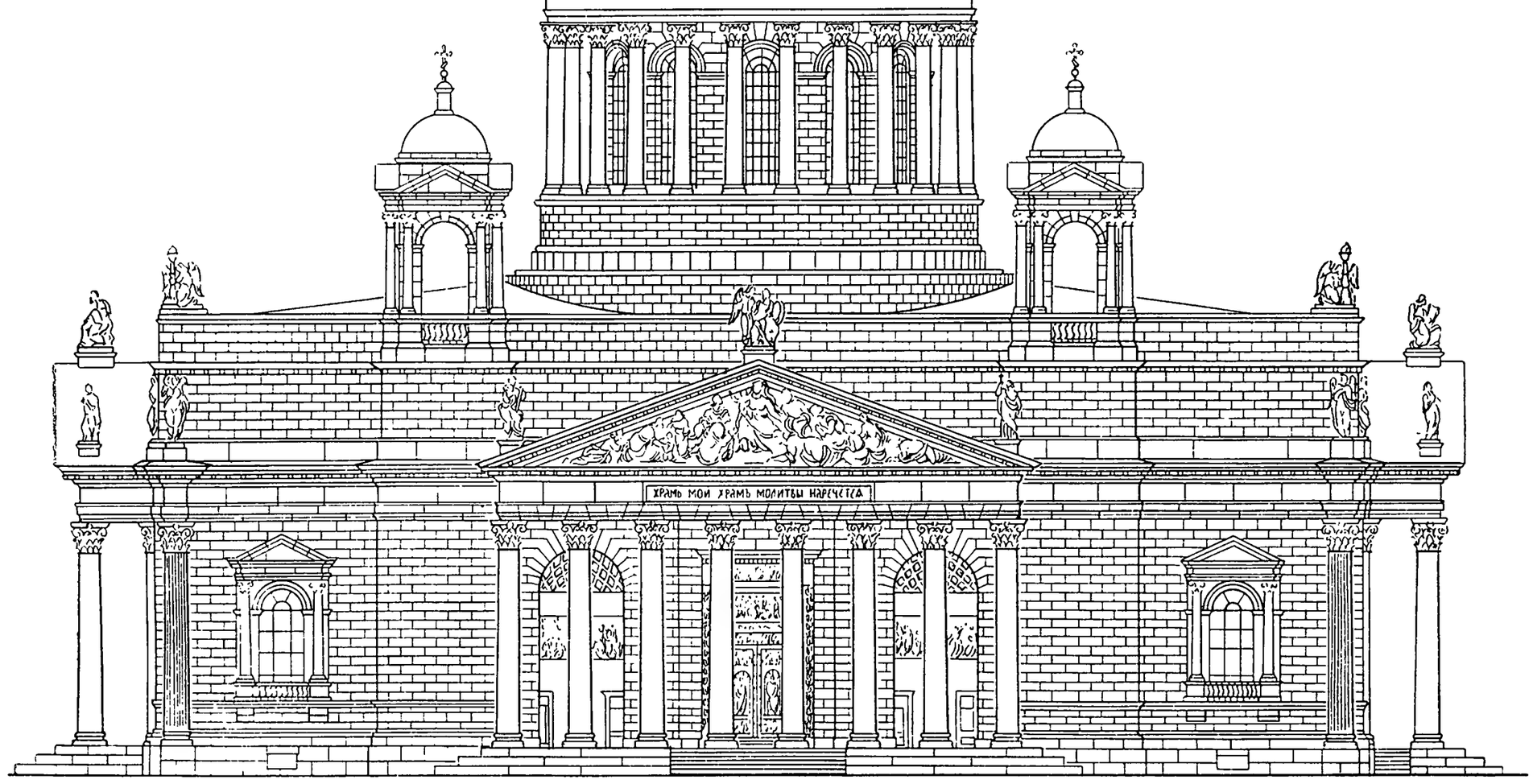
В проектировании и строительстве Исаакиевского собора (1818—1858, рис. 13) принимали участие многие крупные зодчие столицы, но в основе его лежал проектный замысел Монферрана со всеми его слабыми и сильными сторонами.

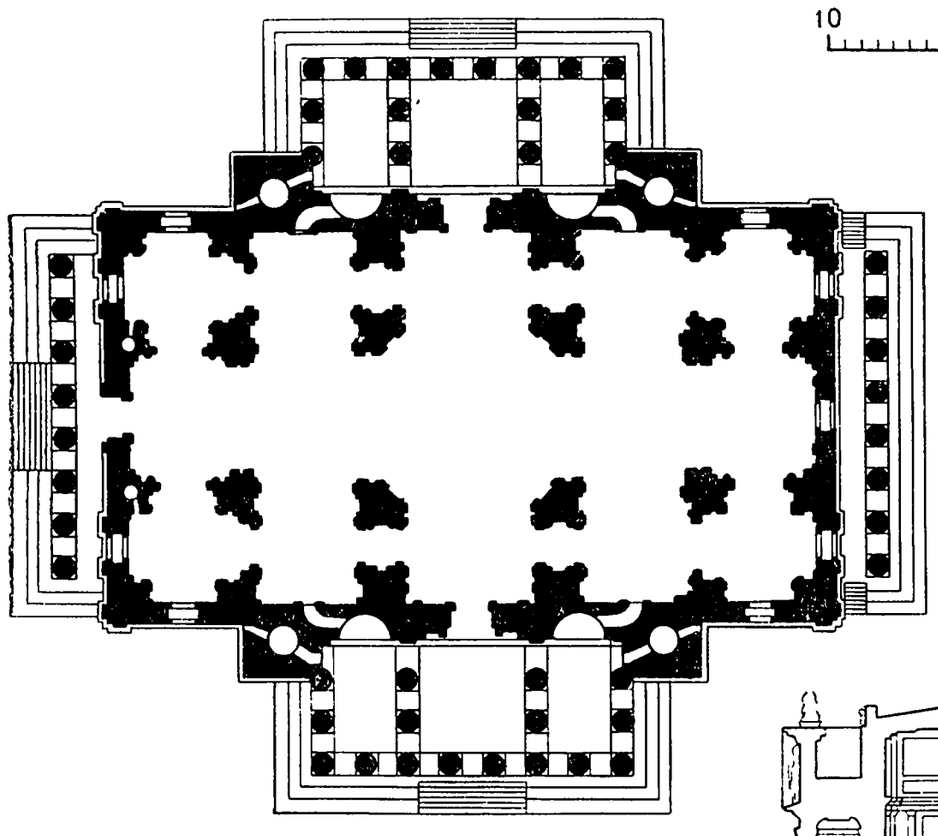
Огромный купол собора, видный со всех точек города, стал главной высотной доминантой столицы. Монументальный, несколько тяжеловесный объем сооружения с четырех сторон обрамлен могучими восьмиколонными портиками, с фронтонами, украшенными по углам скульптурой и горельефами в тимпанах. Перед собором

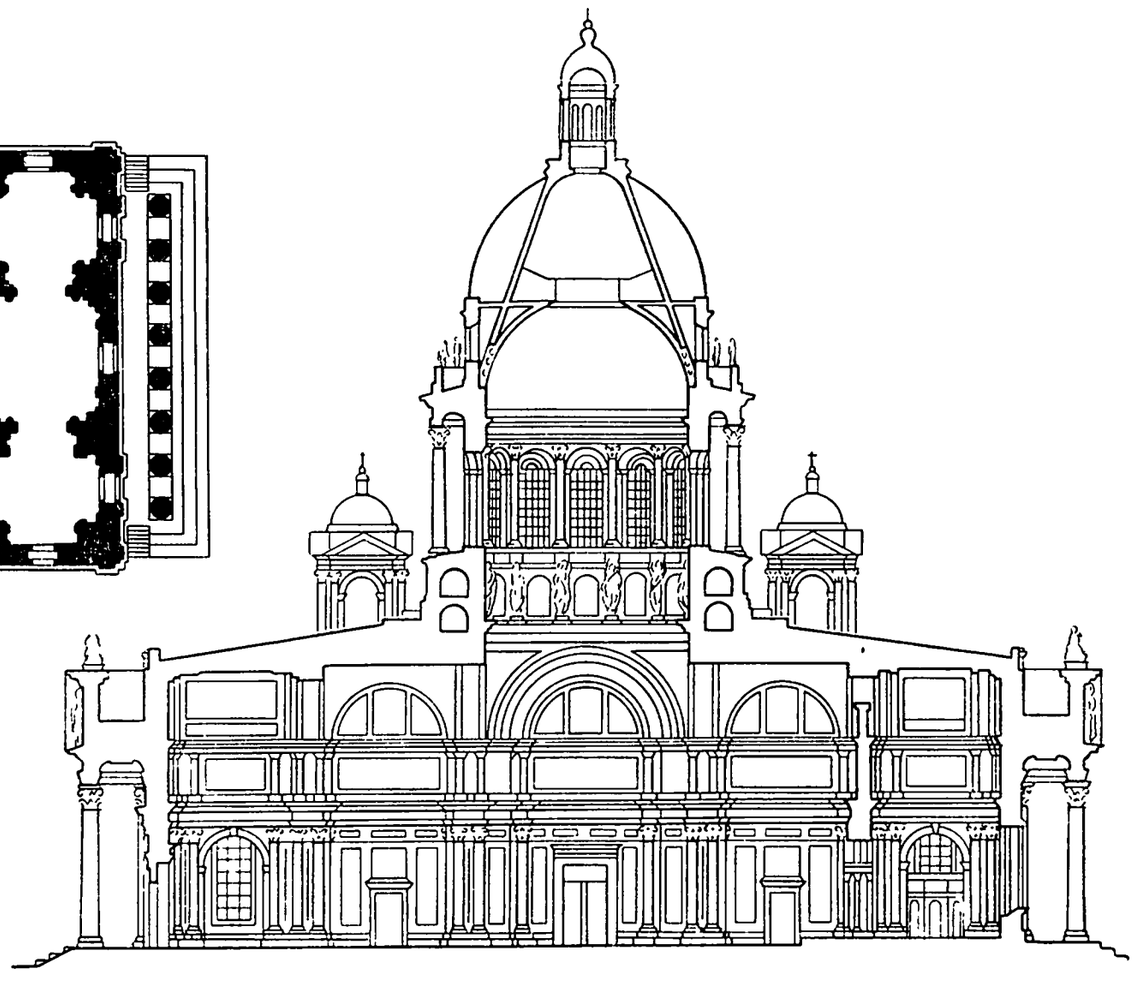
13. Петербург. Исаакиевский собор, 1818—1858 гг., арх. А. А. Монферран. Генеральный план, общий вид, план, продольный разрез





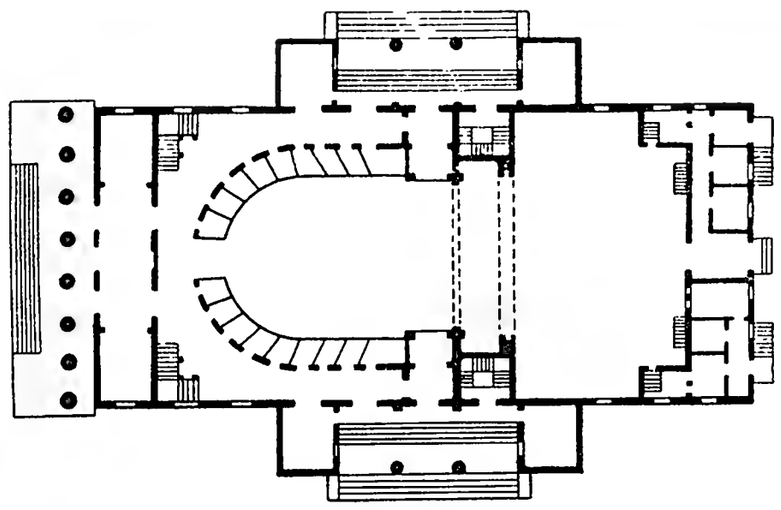






14. Петербург. Рисовальный корпус Академии художеств, 1819—1821 гг., арх. А. А. Михайлов

расстилается Исаакиевская площадь, архитектурно связанная с расположенной по соседству Сенатской площадью. Величественный интерьер собора отделан дорогими породами камня — малахитом, порфиром



15. Петербург. Театр на Каменном острове, 1827 г., арх. С. Л. Шустов. Общий вид и план на уровне партера (по чертежу 1930-х годов)

и мрамором всех оттенков. В его декоративном убранстве широко применены отливки из бронзы с позолотой. Стены и своды покрыты живописными мозаичными композициями, исполненными крупнейшими художниками этой эпохи — К. Брюлловым, Ф. Бруни, П. Басиным, В. Шебуевым и др. Скульптурные композиции сделаны по моделям И. Витали, К. Пименова, А. Логановского, П. Клодта и др.

При постройке собора проявилось высокое техническое мастерство русских инженеров и строителей. Успешно перевозились громадные гранитные монолиты колонн, применялись новейшие системы лесов и подъемных механизмов, использовался гальванопластический метод изготовления барельефов (академика Якоби). Конструкция купола собора диаметром 21,8 *м*, выполненная из железа и чугуна, выдающееся техническое достижение своего времени. Исаакиевский собор, несмотря на недостатки, ослабляющие композиционное единство здания (некоторая несоразмерность и излишняя грузность его частей), — последнее яркое проявление градостроительного расцвета Петербурга времени позднего классицизма.

В застройке Петербурга вместе с архитекторами, о которых шла речь, принимали участие многие другие талантливые зодчие. К их числу принадлежал Андрей Михайлов.

Андрей Алексеевич Михайлов (1771—1849) был деятельным членом «Комитета для строения и гидравлических работ». По его проекту строился Садовый (рисовальный) корпус Академии художеств (1819—1821) — строгое, прямоугольное в плане здание с дорическим шестиколонным портиком (рис. 14). Михайлов разработал проект Большого театра в Москве, участвовал в проектировании Исаакиевского собора, а в дальнейшем — в комиссии по доработке проекта и строительству собора.

К значительным произведениям архитектуры Петербурга 20-х гг. XIX в. относится Каменноостровский театр — одно из редких крупных общественных зданий, построенных из дерева методом, близким к сборке из предварительно заготовленных элементов (1827, рис. 15). Его автором строителем был зодчий С. Л. Шустов (1789—1870).

В принципах архитектуры классицизма выдержано здание Опекунского совета (1834—1839) арх. П. С. Плавова (1794—1864), известное своим торжественным вестибюлем и парадной лестницей, представляющей образец архитектуры интерьера этого стиля.

16. Петербург. Набережная Невы перед зданием Академии художеств, 1832—1834 гг., арх. К. А. Тон

Неотъемлема от ансамблей Петербурга этого периода «Пристань со сфинксами» (1832—1834) у здания Академии художеств. Она относится к раннему периоду творчества арх. К. А. Тона, ставшего позднее одним из представителей эклектического направления в архитектуре позднейшего времени (рис. 16).

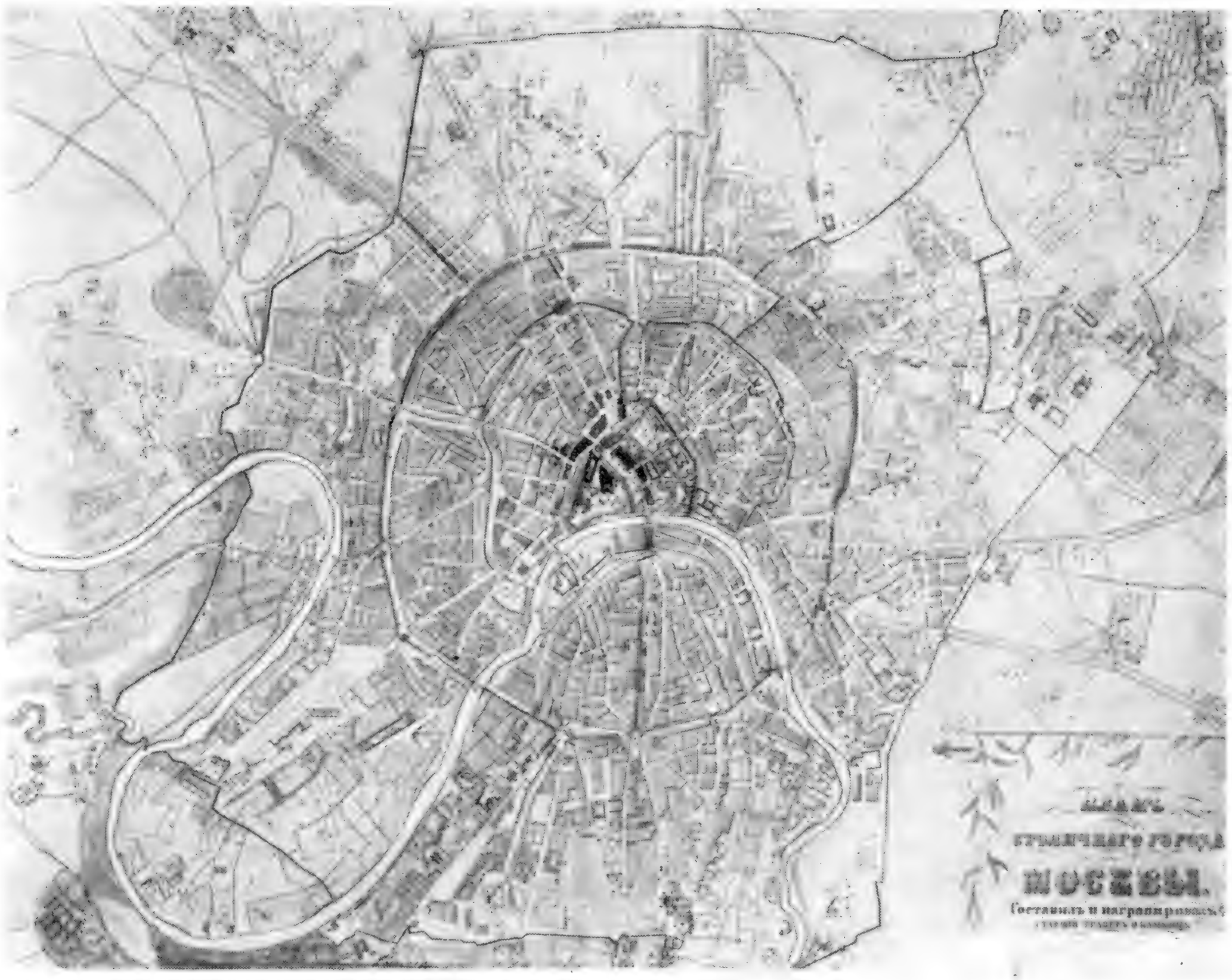
2. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ И АРХИТЕКТУРА ЕЕ АНСАМБЛЕЙ

Пожар 1812 г. уничтожил в Москве большую часть застройки. Погибли или были повреждены лучшие произведения архитектуры московского классицизма XVIII в., созданные Баженовым, Казаковым и их современниками. Восстановление столицы выпало на долю следующего поколения московских зодчих: Бове, Жилярди, Григорьева и др. Восстанавливая город, они используют и развивают технические, планировочные и художественные достижения зодчих северной столицы и их высокое мастерство в создании архитектурных ансамблей. Но архитектура послепожарной Москвы по сравнению с Петербургом отличается более скромными масштабами и интимностью, свойственными ей и раньше. Эти особенности проявляются преимущественно в жилищном и усадебном строительстве города и предместий. В официальных же сооружениях и ансамблях центра московский классицизм этого времени достигает, так же как и в Петербурге, большого величия и монументальности.

Государственная программа восстановления выгоревшей Москвы предусматривала не только постройку жилья для населения и воссоздание общественных зданий и ансамблей, но и крупную реконструкцию города, что потребовало разработки нового генерального плана Москвы. Большой объем строительства, в процессе которого нужно было решать сложные инженерные и планировочные задачи, вызвал здесь, как и в Петербурге, учреждение в 1813 г. специальной Комиссии для строения города Москвы. В основу разработанного комиссией генерального плана был положен проект планировки Москвы 1775 г., присланный же из Петербурга план полной перестройки города, составленный архитектором Гесте, оказался нереальным. Градостроительная концепция нового генерального плана Москвы заключалась в совершенствовании его исторически сложившейся радиально-кольцевой системы с сохранением в качестве архитектурного центра города величественного ансамбля Кремля с Красной площадью. Вокруг центра создавалось полукольцо взаимосвязанных площадей и комплексов общественных зданий, образующих единый ансамбль центрального района столицы (рис. 17).

Работы по выполнению генерального плана велись под руководством Комиссии для строения Москвы, ведущую роль в которой играл архитектор Бове.

Началом реализации намеченного плана восстановления города стала реконструкция Красной площади, осуществленная Бове. В проекте зодчего отразилось новое понимание площади как открытого общественного парадного пространства города в противоположность трактовке ее как делового центра в основном торгового значения (характерной для конца XVIII в.).

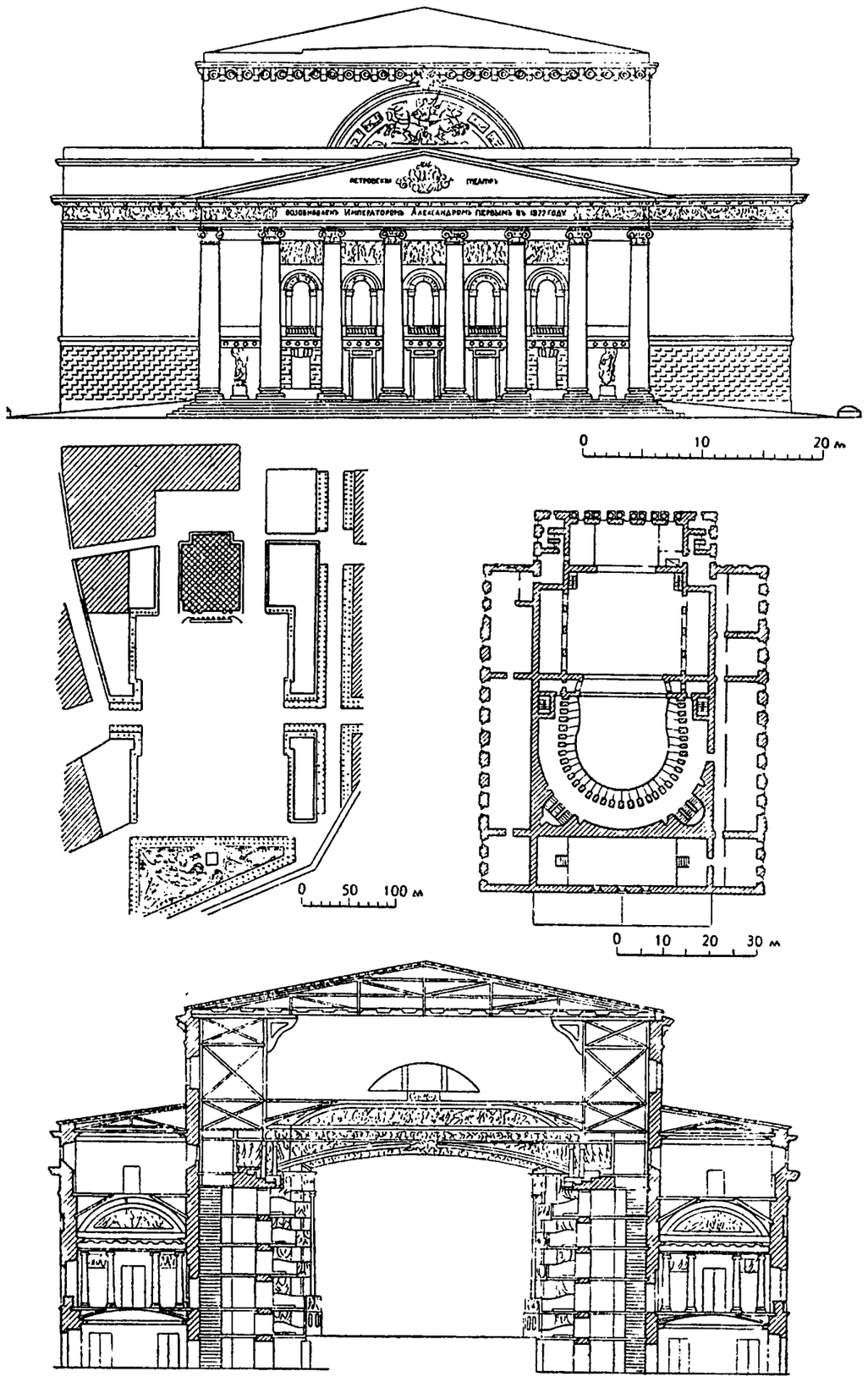


17. Москва. План центра Москвы (первая половина XIX в.)

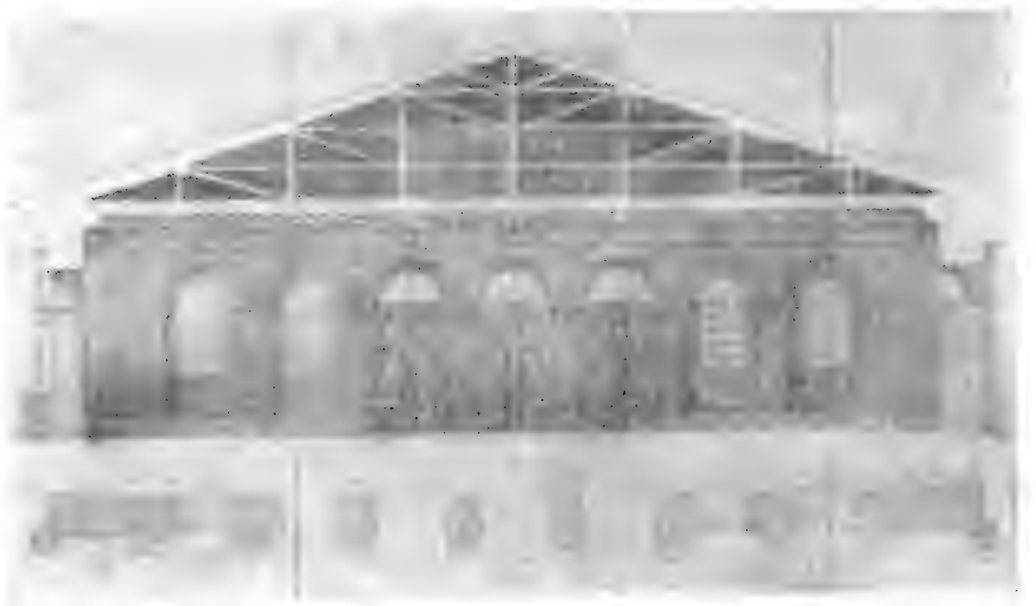
Бове Осип Иванович (1784—1834) родился в семье художника, учился в Кремлевской архитектурной школе. В 1814 г. Бове назначается главным архитектором Комиссии для строения Москвы, где проектирует государственные и общественные здания и заведует «фасадической частью» жилого строительства. Созданные Бове крупные ансамбли города и сооружения в значительной степени определили архитектурный облик Москвы первой трети XIX в. Творческая роль Бове в восстановлении Москвы закрепила за ним славу одного из крупнейших представителей русской архитектуры этого периода. К произведениям Бове относятся, помимо вышеупомянутой реконструкции Красной площади (1814—1815), ансамбли Театральной площади, Александровского сада. Бове участвовал в строительстве Манежа и построил дом Гагарина на Новинском бульваре, Градскую больницу на Калужской улице, триумфальные ворота у Тверской заставы, Скорбященскую на Ордынке и др.

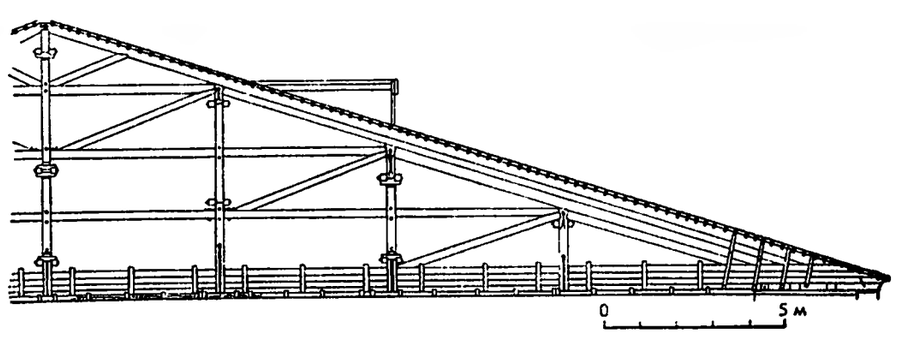
Бове раскрыл замкнутое прежде пространство Красной площади. Были снесены каменные лавки, располагавшиеся с 1786 г. вдоль кремлевской стены, и перестроено здание торговых рядов. Его плоский купол и широкий дорический портик с пологим фронтоном на фоне мощного аттика подчеркивали значение здания и протяженность фасада торговых рядов, вытянутых вдоль площади. Выделение на фасаде сильной горизонтальной тяги подчинило ей вертикальный ритм проемов аркад и усилило целостность здания. Центральный портик и купол торговых рядов создали поперечную ось площади, ориентированную на Сенатскую башню Кремля и купол Сената, закрепленную вскоре постановкой на ней памятника Минину и Пожарскому. Таким образом, весь фронт парадной застройки Красной площади был обращен теперь на Кремль.

8. Петербург. Арка Главного штаба, 1819—1829 гг., арх. *К. И. Росси.*



18. Москва. Театральная площадь, 1818—1824 гг., и здание Большого театра, 1821—1824 гг., арх. О. И. Бове. Главный фасад, генеральный план, план, поперечный разрез





19. Москва. Здание Манежа, 1817—1825 гг. Общий вид, поперечный разрез, деталь стропил

Сооружение купола торговых рядов не вызывалось внутренней планировкой здания. Купол и портик, эти традиционные элементы общественного здания русского классицизма, введены здесь с градостроительной целью, чтобы подчеркнуть связь здания с Кремлевским ансамблем и его роль в создании парадного пространства Красной площади. Но введение функционально ненужных форм (купола) свидетельствовало о нарушении принципов правдивости в архитектуре классицизма, не свойственном предшествующему периоду.

Выдающийся ансамбль центра Москвы послевоенного периода — Театральная площадь, над созданием которой Бове работал с 1818 по 1824 г. Для главного здания этого комплекса — Большого театра — по конкурсу был принят проект Андрея Михайлова, который Бове подверг дальнейшей разработке. С 1821 по 1824 г. Бове руководил постройкой Большого театра и одновременно остальных зданий, составивших вместе с театром ансамбль площади (рис. 18).

По своей композиции Театральная площадь — прямоугольник, продольная ось которого совпадает с главной осью центра ансамбля — здания театра, поставленного в конце площади. На противоположном конце площади, по ее оси, Бове поместил фонтан со скульптурной группой П. Витали. Вдоль длинных сторон площади были пост-

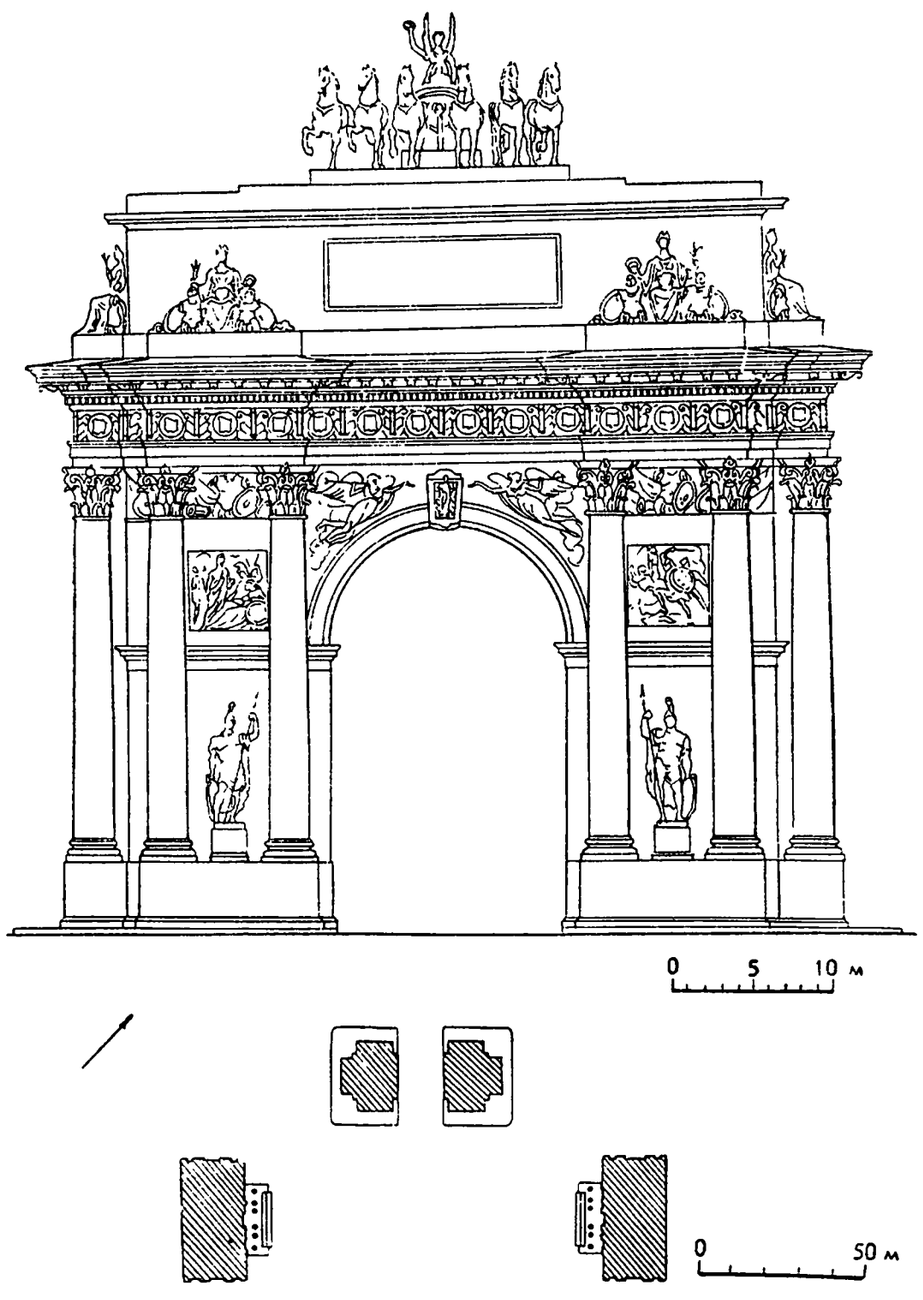
роены четыре одинаковые по фасадам двухэтажные здания. (Одно из них — Малый театр — сохранилось до нашего времени). Весь ансамбль объединяла глухая аркада первых этажей, которая шла по фасадам зданий, а на углах переходила в галереи. Масштаб зданий, расположенных вдоль длинных сторон площади, подчеркивал значительность главного сооружения — Большого театра. Ризалиты боковых зданий фланкировали и выявляли поперечную ось площади и проезд по ней, связывающий Театральную площадь с полукольцом центральных площадей и системой ансамблей всего центра Москвы.

Большой театр в первоначальном виде представлял собой компактный прямоугольный в плане объем, перекрытый на четыре ската, с мощным восьмиколонным ионическим портиком со стороны площади, с глубокой арочной нишей в торцовой стене над ним. На ее фоне эффектно выделялась конная квадрига Аполлона, венчающая фронтон портика. Торжественный портик главного фасада вел в вестибюль с парадными лестницами, за которыми по главной оси развертывались основные звенья внутреннего пространства — главное фойе, величественный пятиярусный зрительный зал и сцена. Эта группа занимала среднюю высокую часть объема театра. В боковых, пониженных, частях размещались другие помещения театра и входы в верхние ярусы.

При восстановлении театра после пожара 1853 г. архитектор Кавос заменил четырехскатное покрытие двускатным, уничтожив при этом арочную нишу, позади скульптурной группы, а также заменил ионический ордер портика сложным и покрыл стены мелким декором, внеся элементы эклектики в отделку здания.

Видное место в архитектурном ансамбле центра Москвы занимает Александровский сад, разбитый под руководством Бове в 1820—1822 гг. на месте заключенной в трубу реки Неглинки. Сад обнесен красивой решеткой с монументальными чугунными воротами (арх. Е. Паскаль) с северной стороны и каменными — со стороны Манежа (арх. М. Шестаков). Достопримечательность сада — грот-руина с огромной плоской аркой, заполненной могучей, как бы вросшей в землю дорической колоннадой в духе греческой архаики.

В градостроительной связи с Александровским садом и Кремлевским ансамблем было возведено одно из выдающихся монументальных сооружений этого периода — здание Манежа (рис. 19). Здание строилось под руководством инженера А. А. Бетанкура (1817) при некотором участии Бове (1824—1825). Огромный и строгий прямоугольный в плане объем здания, перекрытый на два ската, с могучими фронтонами на торцах опоясан мощной (в $^3/_4$ диаметра) дорической колоннадой, несущей антаблемент, метопы которого украшены барельефами. Включая Манеж в общую систему центрального ансамбля города, Бове композиционно подчинил его зданию Московского университета, которое должно было доминировать в намечавшейся тогда Манежной площади; поэтому Бове отказался от украшения фронтонов Манежа скульптурой, несмотря на требования генерал-губернатора Москвы. Большое достижение строительной техники тех лет — разработанные инж. Бетанкуром деревянные



20. Москва. Триумфальные ворота у Тверской заставы, 1827—1834 гг., арх. О. И. Бове. Фасад, генеральный план

стропила, перекрывшие без промежуточных опор огромный пролет в 44,85 *м*.

В процессе реконструкции города были возведены триумфальные ворота у Тверской заставы (1827—1834), открывавшие парадный въезд из Петербурга в Москву (рис. 20). Они сооружены в соответствии с генеральным планом столицы в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. Однопролетная триумфальная арка в духе древнеримских, с пилонами, украшенными парами колонн коринфского ордера, увенчана аттиком, несущим колесницу Победы. По сторонам арки располагались связанные с ней оградой два здания кордегардий с дорическими портиками со стороны улицы и плоскими куполами, составлявшие вместе с аркой целостный ансамбль. Венчавшая арку шестиконная колесница со статуей Славы, фигуры витязей в интерколумниях внизу, скульптурные группы и барельефы исполнены по рисункам Бове скульпторами Витали и Тимофеевым. Ворота облицованы белым камнем, а колонны, скульптурное убранство и декоративные детали отлиты из чугуна. Архитектурно-скульптурная композиция арки создавала выразительный и впечатляющий образ триумфального сооружения.[1]

В Москве в период ее восстановления строились новые крупные общественные здания. В их числе — упомянутые выше торговые ряды на Красной площади, Первая градская больница, здание Опекунского совета и др. Первая градская больница (1828—

21. Москва. Университет, 1817—1819 гг., арх. Д. И. Жилярди. Общий вид, фрагмент актового зала

[1] Разобранные в связи с реконструкцией площади ворота сейчас восстанавливаются на Кутузовском проспекте.

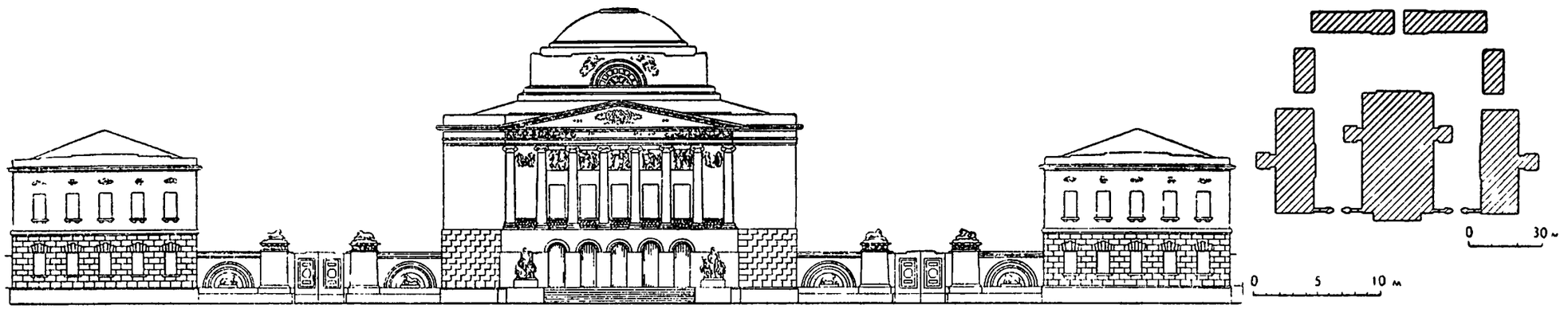
1833) построена по проекту Бове. Здание расположено на Калужской улице рядом с Голицинской больницей. В его композиции использовались традиционные приемы дворянской усадьбы, что в известной мере вызывалось градостроительными целями — надо было архитектурно объединить Первую градскую и Голицинскую больницы. Комплекс градской больницы состоит из трех корпусов — центрального и двух боковых — с парадным двором между ними, открытым на улицу. Главный корпус — это прямоугольный в плане объем с восьмиколонным ионическим портиком в центре протяженного фасада и ризалитами с арочными вставками на его концах.

Важным звеном в реконструкции центра столицы стал Московский университет. Построенный М. Ф. Казаковым, он сильно пострадал при пожаре Москвы в 1812 г. и был восстановлен по проекту архитектора Д. И. Жилярди (1817—1819). Жилярди сохранил его объемно-пространственную композицию, но значительно изменил обработку уличных фасадов и интерьер в стиле классицизма начала XIX в. (рис. 21).

Жилярди Доменико (Дементий Иванович, 1788—1845) — крупный мастер московского классицизма послевоенного периода, работавший с Бове в Комиссии для строения Москвы. Он учился архитектуре в Москве у своего отца, закончил образование в Миланской Академии художеств. С 1810 по 1832 г. Жилярди много строил в Москве и Подмосковье. Кроме восстановления Московского университета к его работам относятся: здание Опекунского совета на Солянке (1823—1826), дом Луниных на Никитском бульваре (1818—1823), усадьба Усачевых (Найденовых) на Земляном валу (1829—1831) и др. Жилярди построил подмосковную усадьбу Кузьминки (1820-е гг.), мавзолей Орловых в усадьбе «Отрада» под Серпуховом (1832). Многие работы Жилярди выполнялись совместно с архитектором А. Г. Григорьевым или при его участии и в творческом содружестве с Бове.

Московский университет восстанавливался Жилярди в соответствии с его значением в ансамбле центра столицы. Своим главным фасадом университет был обращен к Кремлю и к намечаемой Манежной площади, в которой ему отводилась главенствующая роль. Построенный вместо прежнего восьмиколонного ионического мощный дорический портик увеличил протяженность центра главного фасада, придав ему большую монументальность и крупный масштаб. В связи с переделкой портика Жилярди изменил ритм оконных проемов актового зала, заложил окна второго света, расширил и повысил нижний ряд окон, несколько упростил также обработку уличных фасадов, удалив пилястры и лопатки. Подняв на три сажени центральную часть здания, Жилярди завершил ее пологим куполом, отвечавшим характеру нового портика. Особое значение градостроительной задачи вызвало здесь, как и в здании Торговых рядов на Красной площади, нарушение тектонической правды композиции. Купол носит в известной мере ложный характер, не соответствующий полукруглой форме зала Университета. Это объяснялось намерением Жилярди усилить выразительность здания в создаваемом полукольце ансамблей, окружающих Кремль. Реконструированный фасад Университета был украшен барельефом работы Г. Замараева, посвященным достижениям русской науки и искусства. Величественный актовый зал Университета, полукруглый в плане, с полукуполом, расписанный гризалью золотистого цвета, с изящной белой ионической колоннадой, поддерживающей балкон — одно из замечательных произведений русского классицизма.

К числу крупных общественных зданий относится здание Опекунского совета на Солянке, созданное Жилярди с участием А. Григорьева (1823—1826, рис. 22). Этот комплекс должен был составить часть об-



22. Москва. Опекунский совет, 1823—1826 гг., арх. Д. И. Жилярди (при участии А. Г. Григорьева). Главный фасад и генеральный план

ширного ансамбля Воспитательного дома на берегу Москвы-реки. Зодчий расположил центральный корпус и боковые крылья вдоль красной линии улицы, устранив тем самым традиционный парадный двор со стороны главного фасада и разместил хозяйственный двор позади здания. Центральный корпус с торжественным восьмиколонным ионическим портиком, поднятым на аркаду цокольного этажа, увенчан плоским куполом. Стена за портиком украшена фризом и барельефом работы Витали. Каменная ограда с воротами и львами на столбах соединила эти три строения, разрывы между которыми были впоследствии застроены в одну высоту с боковыми павильонами. Внутри главного корпуса выделялись зал заседаний, продолговатый, перекрытый сводом, и зал для денежных операций, разделенный колоннадами на три равные части.

В здании Опекунского совета (как в Торговых рядах Бове и Университете, перестроенном Жилярди) завершение центра куполом не вызвано структурой внутреннего пространства. Купол носит декоративный характер и сооружен в градостроительных целях, как монументальная архитектурная форма, организующая ансамбль улицы. Традициям ансамбля в архитектуре классицизма отвечает перестройка арх. Е. Д. Тюриным университетской церкви из зимнего сада дома Пашкова (1833—1836), находившегося на углу тогдашних Моховой и Никитской улиц. Тюрин сохранил план здания с закруглением на углу в соответствии с противоположным углом университета, но коринфскую колоннаду, обрамлявшую угловую часть здания, он заменил более мощной дорической, масштабно соответствующей колоннаде портика Университета и Манежа. Этим он усилил связь всех трех зданий в ансамбле Манежной площади.

3. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ПРОВИНЦИИ И АРХИТЕКТУРА ЕЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

В градостроительстве русской провинции 1810—1830-х гг. наряду с традиционными приемами конца XVIII в. развиваются новые принципы архитектурной организации города, применительно к местным условиям осваивается богатый опыт восстановления Москвы и реконструкции Петербурга.

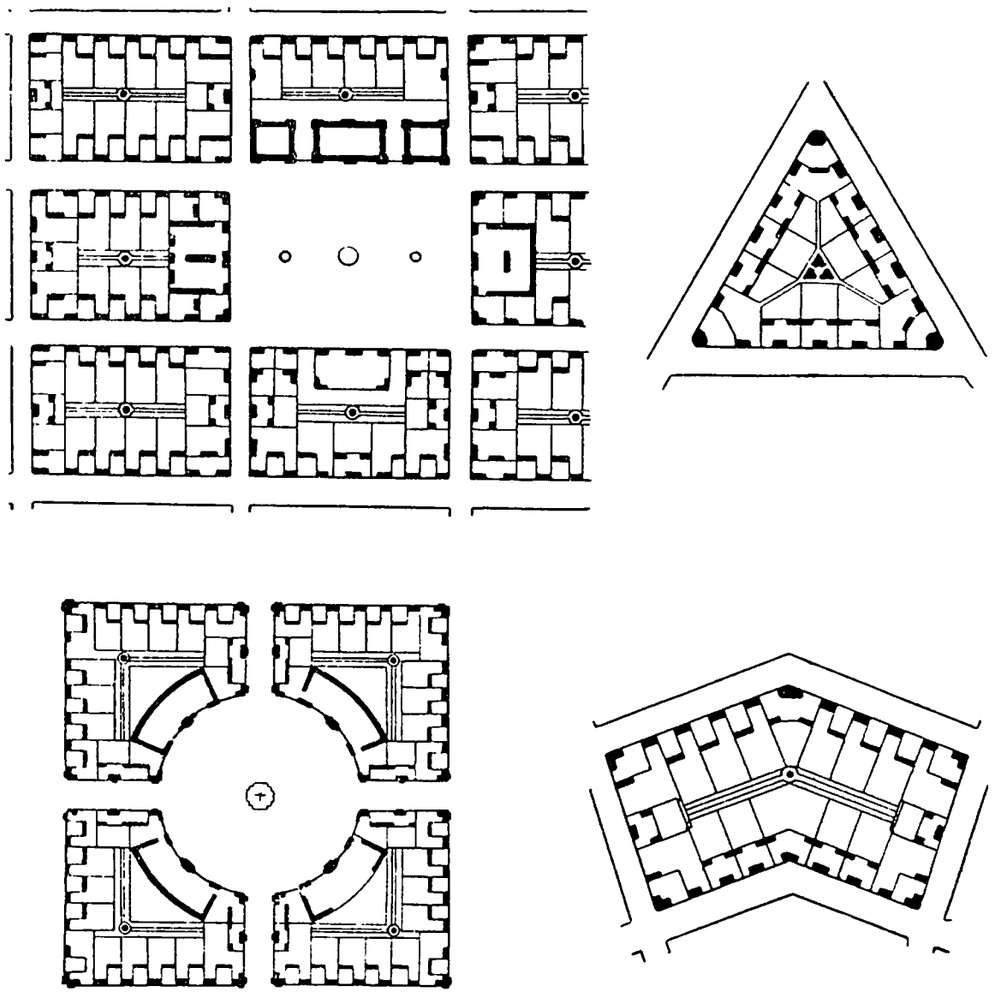
Формирование капиталистических отношений, вызвавшее прилив населения в провинциальные города, стимулировало расширение жилищного строительства, совершенствование планировочной структуры городов.

В связи с этим учреждаются должности губернских и городских архитекторов и специальные комиссии и комитеты «для строения» в некоторых городах по примеру Москвы и Петербурга. Эти органы, подчиняясь указаниям из центра, перерабатывали и осуществляли образцовые проекты зданий, кварталов, площадей. В помощь застройщикам издавались альбомы по планировке городов, «Собрание фасадов для частных строений» и т. д. Государственное регулирование городской застройки способствовало созданию стилевого единства городов в соответствии с целостной еще в тот период системой приемов и форм русского классицизма.

Преобладающая тенденция в планировке губернских и уездных городов центральных областей России — стремление к прямолинейной трассировке основных улиц и проспектов, составляющих главные оси города, с выделением центра в виде одной или нескольких площадей. Но, руководствуясь принципом регулярности в планировочном построении городов, архитекторы учитывали особенности сложившейся планировки — радиально-кольцевой, трехлучевой, прямоугольной — как в «чистом виде», так и в их сочетаниях.

При реконструкции провинциальных городов радиально-кольцевая система сохра-

23. Схема плана Костромы (первая половина XIX в.)



24. Образцовые проекты планировки кварталов и площадей городов (первая половина XIX в.)

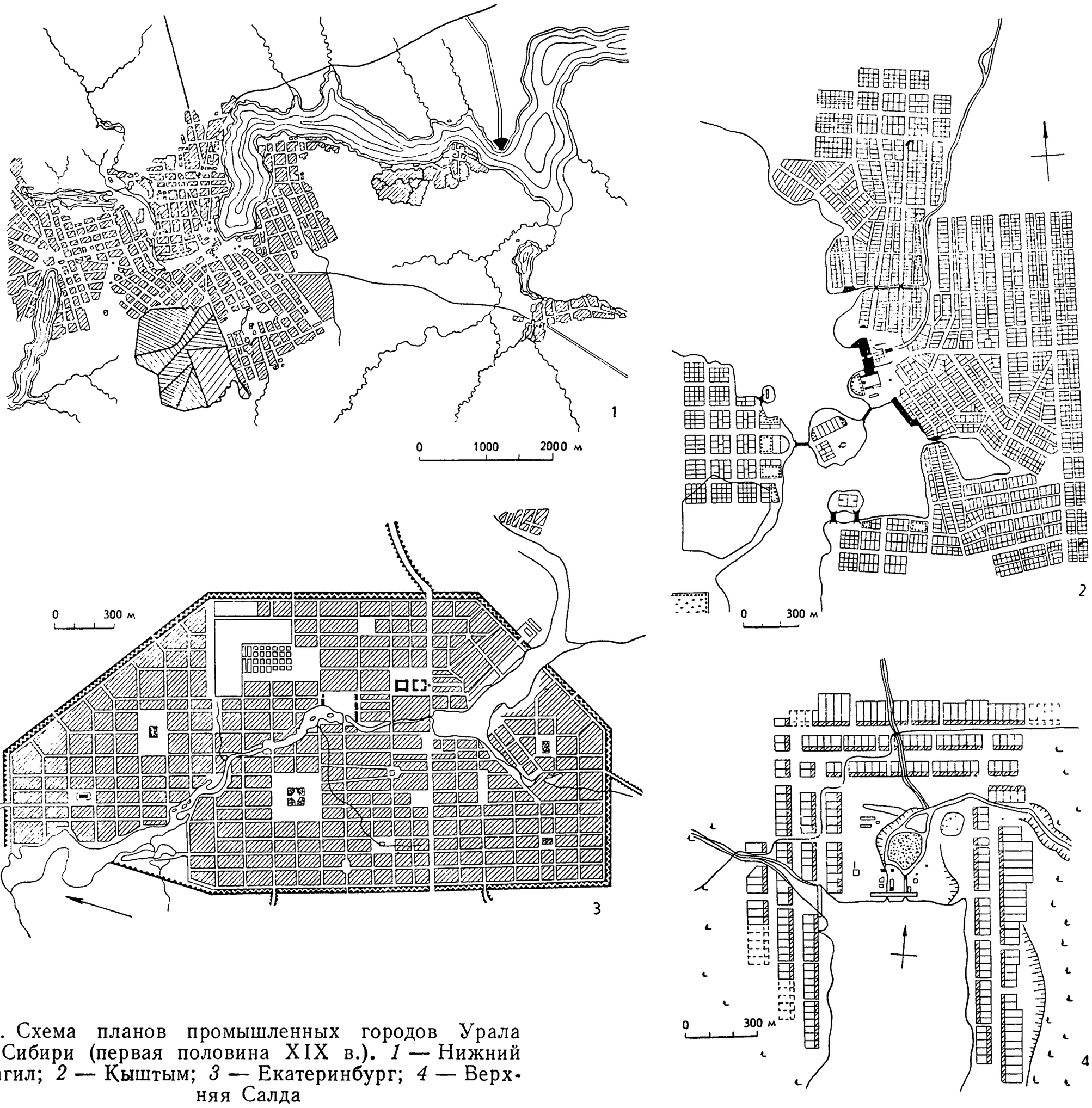
нялась и развивалась преимущественно в границах старых, центральных районов. Расширение города и застройка новых, периферийных районов проводились на основе регулярной системы с разбивкой их на кварталы прямоугольной сеткой улиц. Так сложилась в XVIII в. и развивалась в послевоенные годы смешанная система планировки и застройки большинства старых городов провинциальной России, в том числе Томска (генплан 1830 г.), Ярославля (генплан 1846 г.), Костромы (рис. 23) и др.

Строго регулярное построение планов городов провинции с прямоугольной сеткой улиц и переулков, с выделением главных площадей встречается, главным образом, в новых городах или городах, подвергавшихся капитальной перепланировке (нередко на основе генеральных планов, присылаемых из Петербурга). При составлении планов городов не всегда учитывались особенности их исторического развития. Так были выполнены планы и велась застройка в первой половине XIX в. Астрахани, Осташкова, Курска и других городов. Наряду со строго регулярным построением городских планов развивается и свободная, живописно-асимметричная система планировки городов и их центров, при которой большое внимание уделяется роли в композиции природных условий — рельефа, реки, моря.

Сложное переплетение планировочных систем в построении планов городов породило разнообразие форм кварталов и площадей — от прямоугольных, квадратных, многоугольных до треугольных и ромбовидных. Для регламентации их застройки в послевоенный период разрабатываются серии образцовых проектов кварталов, площадей и даже центров городов (рис. 24).

При возведении центральных ансамблей городов нередко органично соединялись в единое целое новые здания XVIII — первой половины XIX в. в формах классицизма и памятники древнерусской архитектуры. Удачное завершение получили центры городов Костромы, Ярославля, Владимира, Смоленска, Калуги и др. В этом отношении характерен центр Владимира, в котором монументальное здание присутственных мест первой трети XIX в. образует единый ансамбль с великолепными памятниками XII в. — Успенским и Дмитриевским соборами. Примером оригинального решения центра провинциального города может служить Сусанинская площадь в Костроме, застройка которой продолжалась до 30-х гг. XIX в. Наиболее крупное здание в ансамбле площади — гостиный двор — состоит из двух прямоугольных в плане корпусов, фланкирующих сходящиеся на площадь улицы. В кварталах, полукольцом охватывающих площадь, размещены другие общественные и административные здания города: присутственные места (1806—1809), здание окружного суда (конец 1820-х гг.), гауптвахта (1823—1825), центры которых парадно подчеркнуты портиками различных ордеров. Ансамбль увенчивает и объединяет стройная и внушительная вертикаль пожарной каланчи (1825—1826). Застройка центра осуществлялась талантливыми зодчими П. И. Фурсовым, Н. Метлиным и др.

В провинциальных городах создавались значительные сооружения общественного или административного назначения, обладающие высокими градостроительными и художественными достоинствами. В Ярославле к таким сооружениям относятся торговые ряды, арх. Н. Паньков (1813—1831), в Калуге — больница, выстроенная крепостным арх. Кашириным, в Казани — ансамбль университетского городка, созданный при участии гениального математика Н. Лобачевского, бывшего в то время ректором университета. Здание Казанского универ-



25. Схема планов промышленных городов Урала и Сибири (первая половина XIX в.). *1* — Нижний Тагил; *2* — Кыштым; *3* — Екатеринбург; *4* — Верхняя Салда

ситета с главным и боковыми ионическими портиками, находящееся в центре города, было построено в 1822—1825 гг. арх. П. Г. Пятницким, окружающие университет сооружения — анатомический театр, библиотека, обсерватория — в 1830-х гг. арх. М. П. Коринфским, учеником Воронихина.

Особое место в русском градостроительстве первой половины XIX в. занимали горнозаводские города Урала и Сибири. Значительную роль в их развитии, как и всей промышленной архитектуры в целом, сыграло издание Горного положения 1806 г., учредившего должности архитекторов горных заводов и округов Урала и Сибири. По основным принципам планировки горнозаводские города не отличались от других провинциальных городов, однако они имели свои существенные особенности, в первую очередь в построении центра. Как правило, центром была «предзаводская площадь», связывавшая промышленную территорию с селитебной. На этой площади размещались

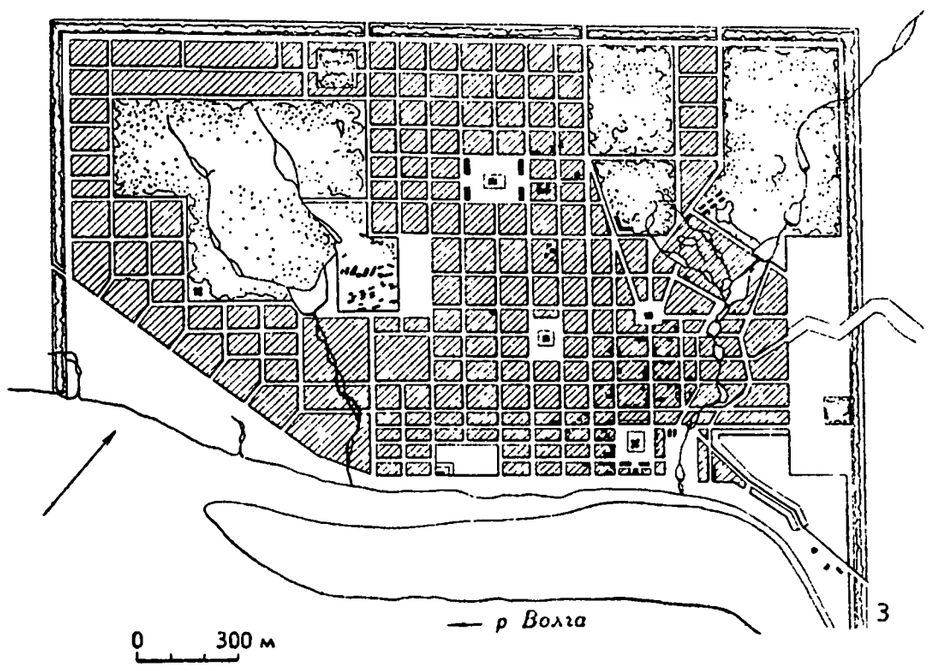
лучшие здания города: заводоуправление, присутственные места, торговые ряды, церковь и др. От площади или через нее шли главные улицы, нередко расходившиеся радиально.

В исторически сложившихся горных городах этого времени преобладала смешанная система планировки, сочетавшая традиционную радиально-кольцевую схему в центральном районе с прямоугольным построением планов реконструируемых и вновь застраиваемых районов (Нижний Тагил, рис. 25, *1*; Невьянск, Златоуст, Кыштым, рис. 25, *2* и др.). В большинстве вновь застраиваемых горных городов доминировала регулярная, прямоугольная система планировки. К таким городам относятся Екатеринбург (генплан 1829 г., рис. 25, *3*), Верхняя Салда (1809 г., рис. 25, *4*), Верхний Уфалей (1845 г.), Пермь, Ижевск, Очер, Чермоз и др.

Наряду с системой планировки и застройки городов, основанной на прогрессивных градостроительных принципах в 10—30-х гг. XIX в. возникает система обезличенного казарменного построения планов, идущая от Аракчеевских военных поселений. В основу построения таких поселений положена схема военного лагеря с прямоугольной сеткой кварталов, которой соответствовала однообразная и скучная архитектура жилых, хозяйственных и административных зданий, возводимых по «образцовым» однотипным проектам.

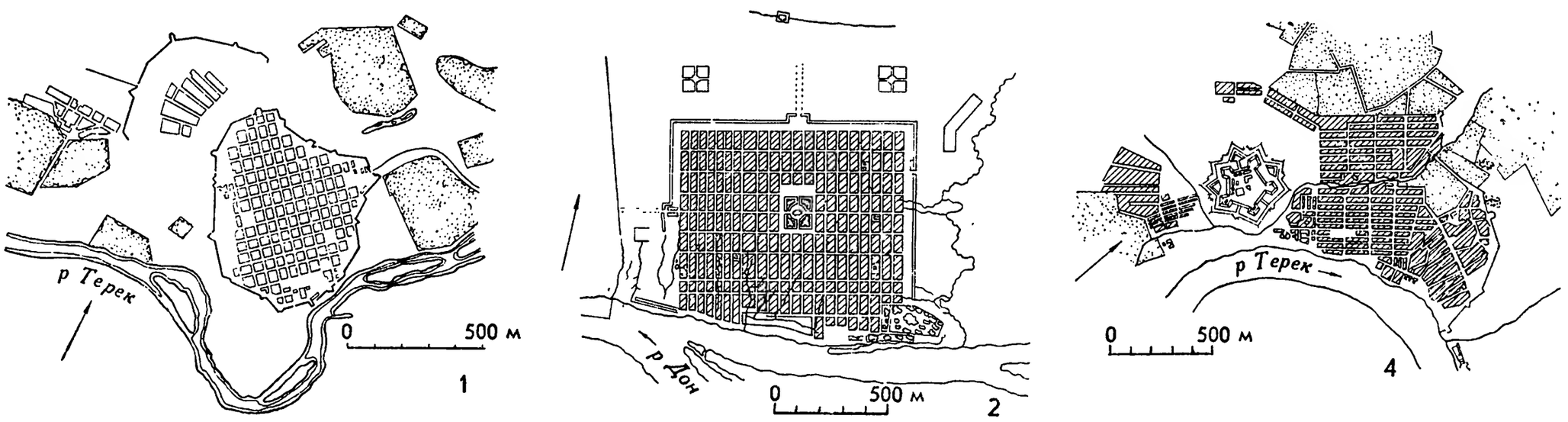
Черты подобной планировки сохранил г. Моздок (план 1822 г., рис. 26, *1*), сложившийся на базе военного поселения. Такая же механическая прямоугольная схема плана со слабо выраженными композиционными узлами характерна для планировки городов Нахичевани (план 1811 г., рис. 26, *2*), Ростова-на-Дону (1811), Вольска (1826, рис. 26, *3*), Кизляра (1822—1823, рис. 26, *4*) и др.

Эта тенденция в планировке городов России была лишь одним из признаков начинающегося упадка русского градостроительства. По мере разрастания частнопредпринимательского строительства, связанного с ростом буржуазных отношений, усиливается беспланировость и анархия в планировке и застройке городов, что не смогли уже сдерживать комиссии и комитеты «для строений», утратившие в конце 40-х гг. XIX в. руководящую роль в городском строительстве.

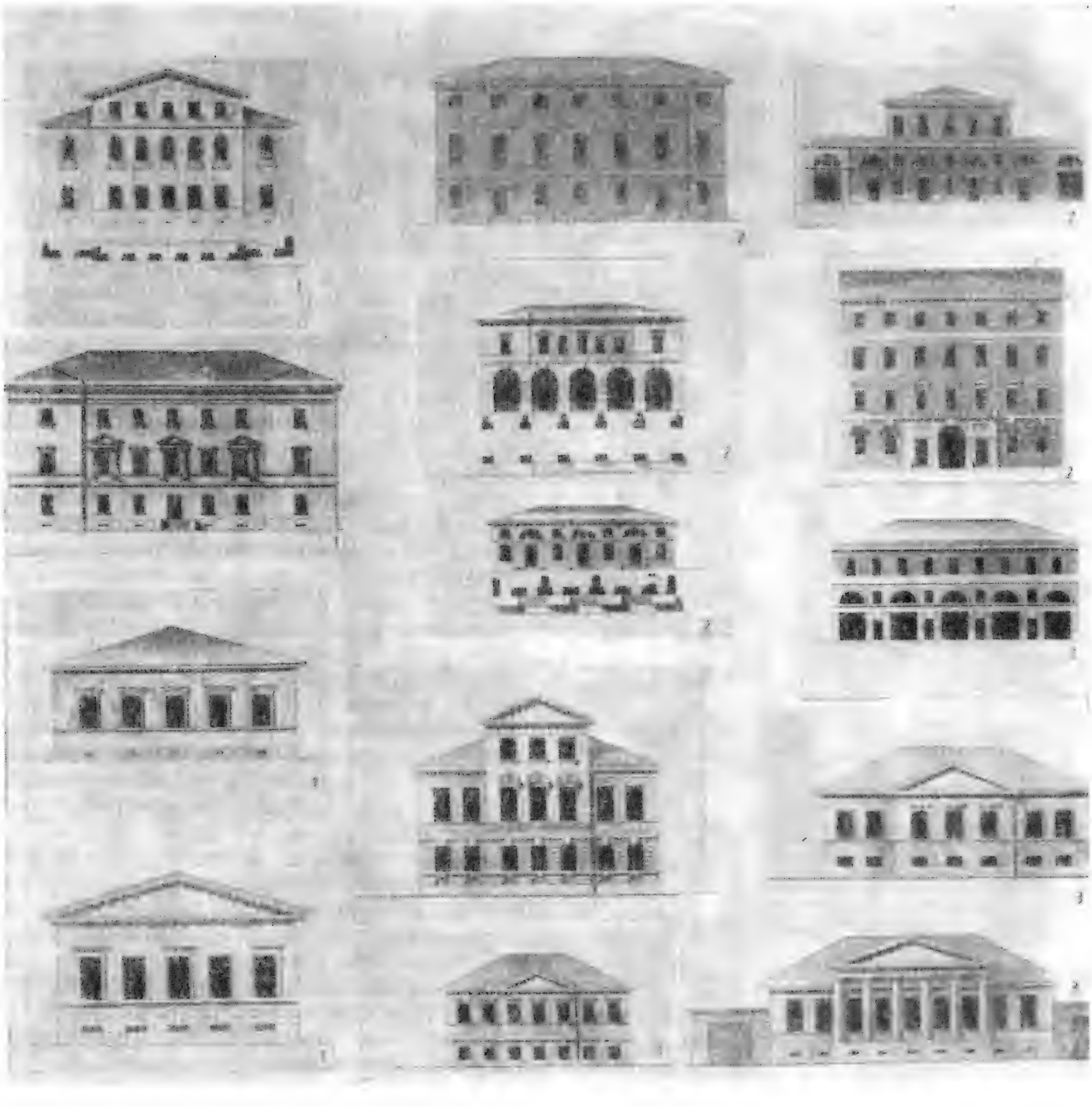


4. ЖИЛИЩНАЯ АРХИТЕКТУРА

В процессе строительства столиц и городов России 10—30-х гг. XIX в. формировались новые приемы жилой застройки, создавались новые типы жилых домов. По мере обеднения дворянства и усиления новых



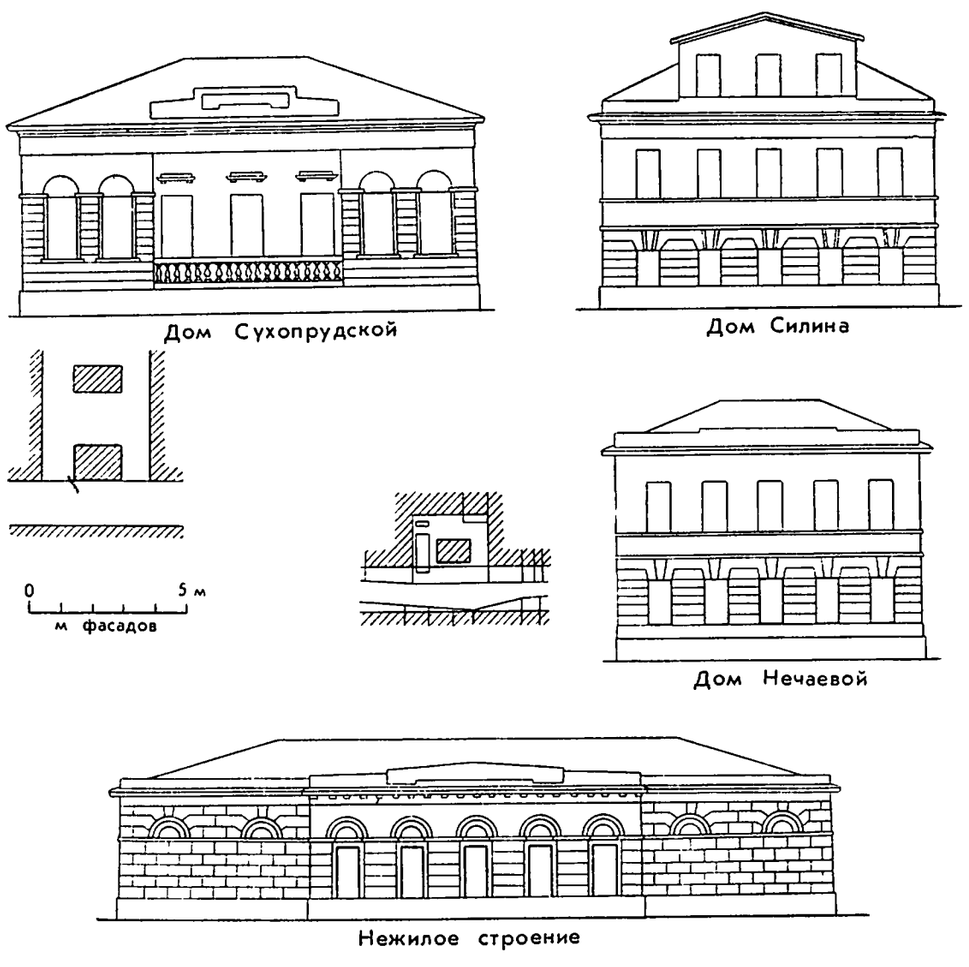
26. Планировка городов системы военных поселений. *1* — Моздок; *2* — Нахичевань; *3* — Вольск; *4* — Кизляр



27. Образцовые фасады домов (первая половина XIX в.). *1* — дома-особняки из серии Захарова — Руска; *2* — доходные дома из серии Стасова; *3* — дома-особняки из серии Росси

социальных слоев общества — купечества, промышленной буржуазии — усадьбы и особняки дворянской знати уступали место новым типам жилых зданий для средних слоев населения. Все большее значение приобретало строительство небольших домов по образцовым проектам для зажиточных семей, многоквартирных доходных домов для служилого люда.

Необходимость упорядочения планировки и благоустройства растущих районов городов требовала централизованного регулирования жилищного строительства. На основе норм и правил градостроительства предшествующего времени разрабатывалась строгая система регламентации жилой застройки, группировка ее по зонам, по этажности и материалам в связи с усилением



28. Москва. Особняки первой половины XIX в.

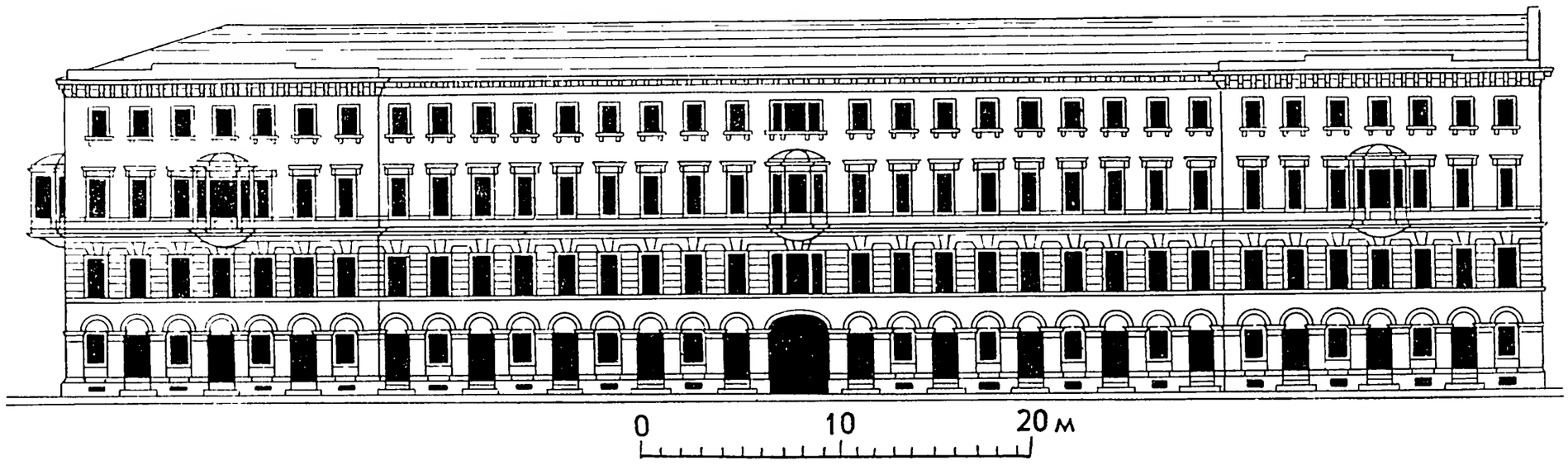
классового расслоения населения; выпускались новые альбомы образцовых фасадов жилых домов и их участков, стандартизировались архитектурные и декоративные детали строительных конструкций.

К составлению образцовых проектов и руководству жилой застройкой городов привлекались видные зодчие — Стасов, Росси и Михайлов в Петербурге, Бове, Жилярди, Григорьев и другие зодчие в Москве и провинциальных городах. К ранним вариантам проектов образцовых фасадов жилых домов, по которым велось значительное строительство в столицах и других городах, относятся серии проектов, разработанные еще в 1809—1812 гг. петербургскими зодчими Захаровым и Руска (рис. 27, *1*). При участии Стасова после 1812 г. были выполнены новые образцовые проекты фасадов особняков для зажиточных семей (рис. 27, *2*), Росси принадлежат образцовые проекты жилых домов для застройки Твери, Кашина, Рыбинска и других городов Тверской и Ярославской губерний (рис. 27, *3*).

Фасады образцовых домов согласно принципам классицизма отличались строгой симметричностью, имели портик или фронтон в центре главного фасада. В убранстве фасадов и интерьеров использовались лепные детали — барельефы, фризы, компонуемые нередко из повторяющихся типовых элементов этих деталей. (Для массовой заготовки и продажи их существовали специальные мастерские). Регламентировалась и окраска домов—обычно желтая или желто-розовая, сочетающаяся с белыми деталями. Дома строились из кирпича с деревянными стропилами, с железной кровлей или рубленые на каменном фундаменте, с оштукатуренными или обшитыми тесом стенами.

В 30—40-х гг. наряду с рядовым строительством домов-особняков на одну семью (рис. 28) расширяется строительство многоквартирных доходных домов для сдачи внаем, которое носило уже явно выраженный предпринимательский характер. Формирование доходного дома, возникшего еще в XVIII в., шло по двум направлениям. С одной стороны, по мере обеднения дворянства дворянские особняки членились на несколько барских квартир и сдавались внаем. С другой стороны, второй и нередко третий этажи купеческих домов отделывались под квартиры для сдачи внаем, а первый этаж отводился для торговли и был занят лавками. Таким образом, в 1820—1840-х гг. возник новый тип жилого здания—доходный дом — многоэтажный, многоквартирный, расчлененный лестничными клетками на секции, в некоторых вариантах с повышенным первым этажом для магазинов. Этот тип здания послужил основой для развития в будущем современного многосекционного жилого дома.

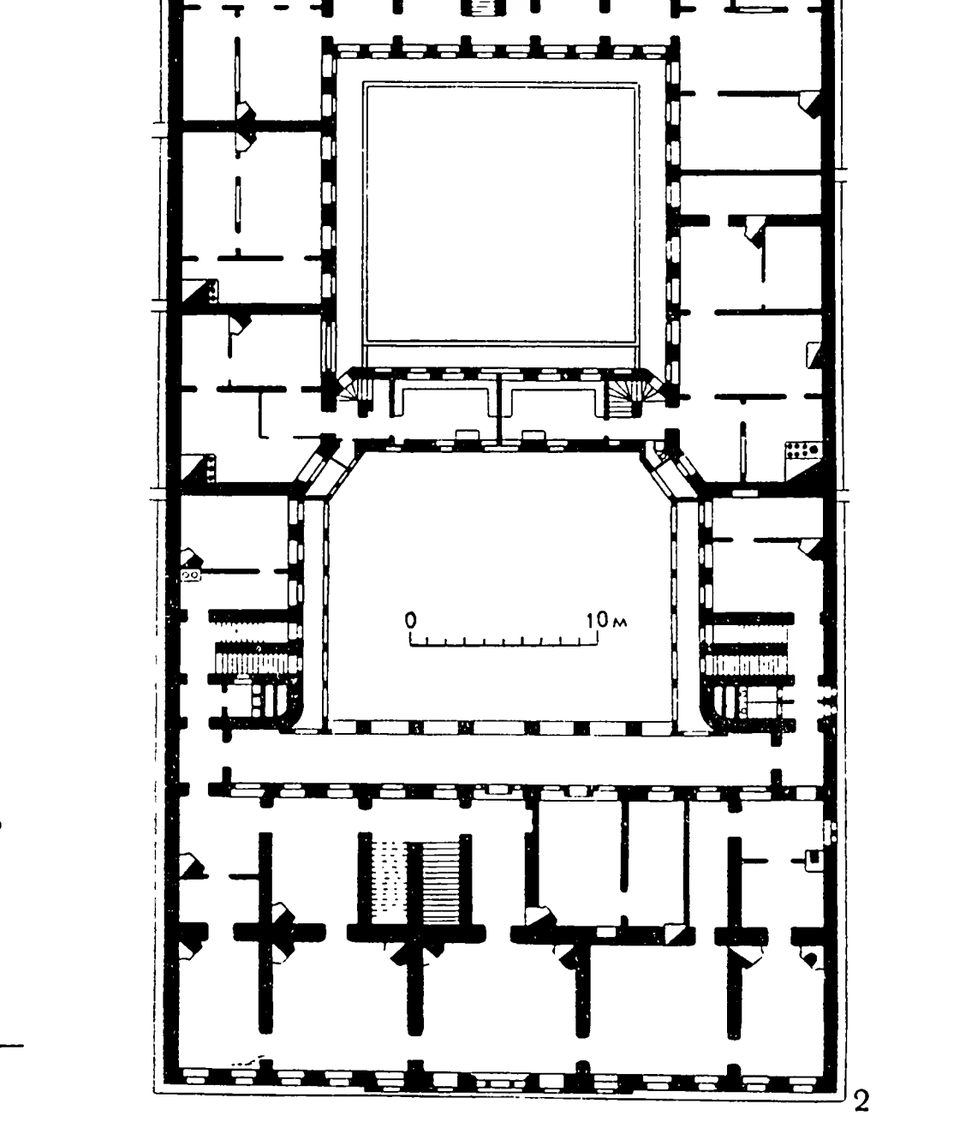
В архитектуре доходного дома постепенно преодолевались как крупномасштабный архитектурный строй торговых рядов, так и строго осевая композиция дворянских особняков с их портиками, фронтонами и купольным венчанием центра. Доходный дом в соответствии с его многоквартирной и многосекционной структурой приобрел спокойный ритм однообразно расчлененных



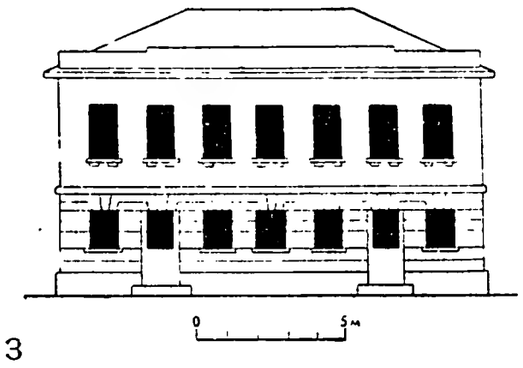
1

протяженных фасадов, акцентированных в местах входов и въезда во двор. По мере роста цен на городские земли постепенно утверждался прием периметральной застройки участков доходных домов, породивший в дальнейшем темные и тесные дворы-колодцы. В Петербурге, где городская территория обходилась дороже, этот процесс начался раньше, чем в Москве и в провинциальных городах. Комитет для строения Петербурга стремился регламентировать строительство доходных домов. Под руководством Стасова в первой четверти XIX в. разрабатывалась серия образцовых проектов фасадов доходных домов от 2 до 4 этажей с вариантами размещения лавок в первом этаже. Однако в основном строительство доходных домов шло стихийно, по индивидуальным проектам.

Примером доходного дома в Петербурге первой трети XIX в., сохранившего со двора аркады старых галерей, может служить дом Стенбок-Фермора на Тучковой набережной (1834—1835, арх. А. М. Болотов). Образцом дома переходного типа, где одни квартиры обслуживаются лестницами, а другие — галереями, может быть дом на Невском проспекте, купленный Комиссией духовных училищ в 1822 г. у наследников мастера Фохта (рис. 29, *2*). К ранним типам доходных домов, в архитектуре которых сказывается влияние дворянских особняков (центр главного фасада подчеркнут декоративным

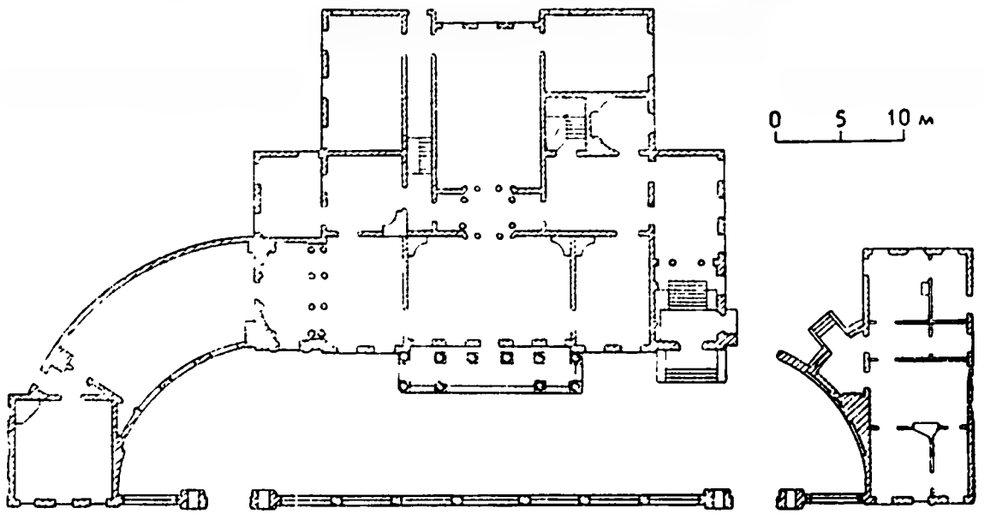


2



3

29. Примеры доходных домов первой половины XIX в. *1* — дом на Екатерининском канале — фасад, план 3-го этажа; *2* — дом Комиссии духовных училищ — фасад, план; *3* — двухэтажный доходный дом — фасад



30. Москва. Дом Гагарина на Новинском бульваре, 1817 г., арх. О. И. Бове. Общий вид и план

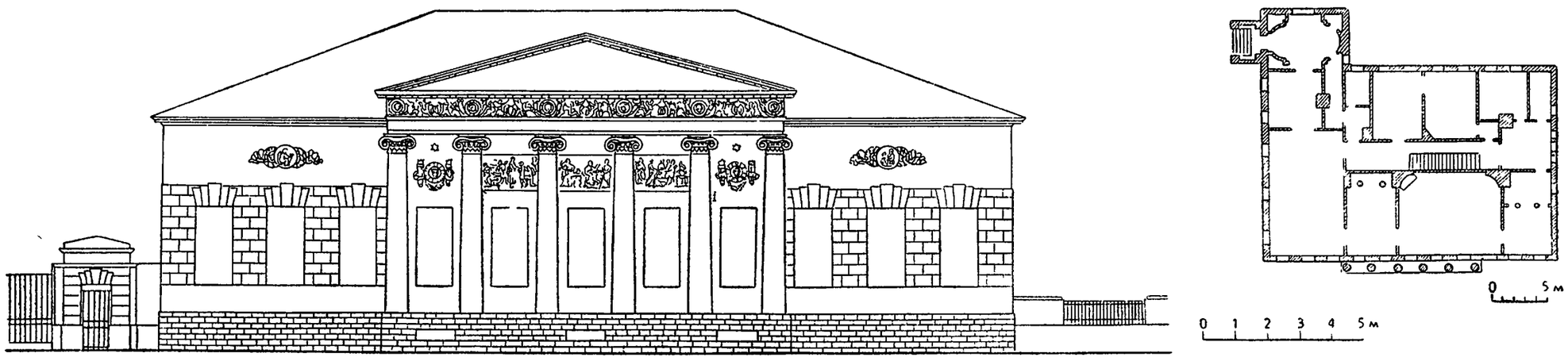
портиком, не связанным с внутренней планировкой), принадлежал дом Гернгроса в Литейной части, построенный арх. В. П. Стасовым (1811—1812).

31. Москва. Дом Лунина на Никитском бульваре, 1823 г., арх. Д. И. Жилярди

К развитому типу многоквартирного доходного дома, где в значительной мере преодолено подражание дворцовым композициям, а архитектурный облик здания отражает в ритмично расчлененных фасадах функциональную структуру их планов, относятся дом Брискорна на Английской набережной (1829) и огромный дом купца Я. Оливье на Екатерининском канале (арх. А. Пель, 1840, рис. 29, *1*). Яркий пример периметральной застройки участка и образования тесных дворов-колодцев в доходных домах Петербурга этого времени представляют дома купца А. Тычинкина на Загородном проспекте (арх. М. Овсянников, первая четверть XIX в.) и купца Чаплина на Невском проспекте (1804—1806).

В Москве, где после пожара 1812 г. застройка почти полностью обновилась, жилые дома усадебного типа уступили место особнякам, вынесенным главным фасадом на красную линию улицы. Комиссия строений Москвы, добиваясь планировочного и стилевого единства города и сохраняя традиционный характер расселения, предусматривала застройку улиц, главным образом, отдельными небольшими особняками и близкими к ним домами, предназначенными для сдачи внаем по частям (рис. 29, *3*). Был выработан тип особняка послепожарной Москвы, имеющего строго установленные габариты здания, размеры этажей, формы, пропорции, архитектурные детали. При строительстве домов этого типа использовались определенные конструкции, материалы и цвета окраски. Фасады здания, обращенные на улицу, имели плоскостную разработку и горизонтальную направленность, подчеркивающую связь с улицей. Московские зодчие, применяя в разных вариантах немногочисленные приемы украшения фасадов типовыми деталями, достигали «архитектурной индивидуальности» каждого особняка и единства всего ансамбля улицы.

Наряду с рядовой жилой застройкой возводились и уникальные особняки и усадьбы дворянской знати в Москве. В их числе дом Гагарина на Новинском бульваре, построенный Бове (1817, позднее Книжная палата, сгоревшая в 1941 г., рис. 30). В этом особняке была сохранена схема казаковской дворянской усадьбы. Жилой дом с повышенной средней частью, отступавшей от улицы, соединялся полукружиями: слева — галереей, а справа — стеной



32. Москва. Особняк Лопухина на Пречистенке (ул. Кропоткина), 1817—1822 гг., арх. А. Г. Григорьев. Фасад и план

(с проездом во двор) с выходившими на красную линию флигелями. За домом находился сад, сбоку — служебный двор. В композиции, внешнем облике особняка и в его интерьере сочетаются черты интимности и дворцовой парадности, столь типичные для дворянских усадеб Москвы. В здании выразителен центр, подчеркнутый аркой-лоджией и дорической колоннадой, выступающей по бокам, с барельефами летящих гениев славы вверху на гладком поле стены.

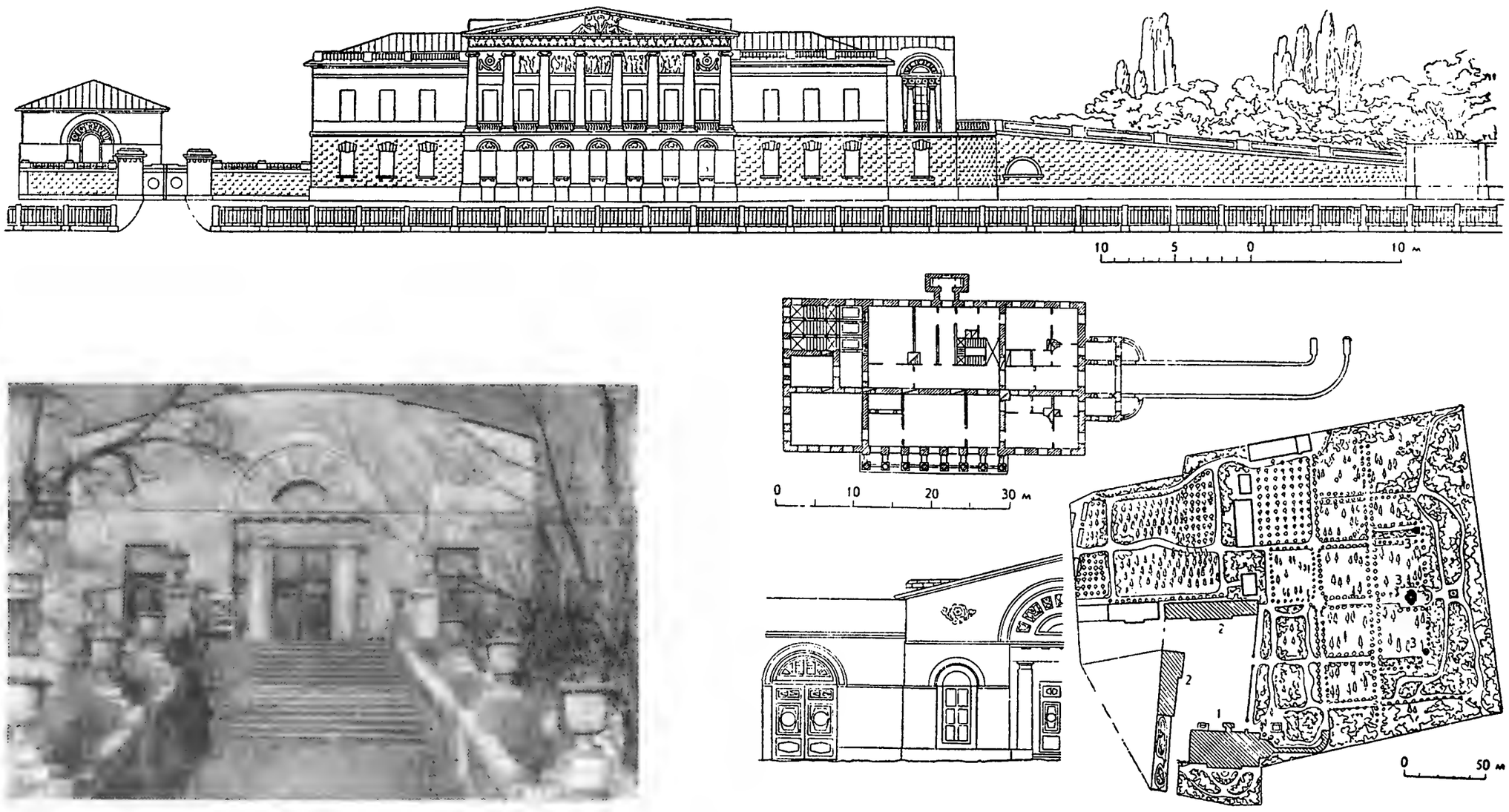
Один из крупных жилых особняков, характерных для первой трети XIX в., — дом Лунина на Никитском бульваре, построенный Жилярди (1818—1823, рис. 31). Особняк отличается трехчленной композицией, вытянут вдоль улицы и состоит из центрального здания дворцового типа с неглубокой лоджией, заполненной коринфской колоннадой, и двух боковых флигелей. Плоскостная разработка фасадов и трактовка центрального и боковых корпусов в виде самостоятельных смежных строений рассчитана на обозрение с улицы. Боковые корпуса различны по композиции. Это придает живописную асимметричность всему комплексу. Особенно хорош правый флигель — небольшое изящное здание, прямоугольное в плане, с ионическим портиком на цокольном этаже. Дом Лунина — дальнейшая переработка типа дворянской городской усадьбы применительно к требованиям жилой застройки Москвы этого времени.

Образцом московского дворянского особняка того времени может служить дом Лопухина на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина), построенный в 1817—1826 гг. талантливым зодчим А. Г. Григорьевым (рис. 32).

Григорьев Афанасий Григорьевич (1782—1868) первоначальное архитектурное образование получил у арх. И. Жилярди; работал в творческом содружестве с его сыном, арх. Д. Жилярди, в частности при сооружении здания Опекунского совета в Москве. Григорьев много строил в Москве в годы ее восстановления. Кроме дома Лопухина (1817—1822) им сооружены особняк Хрущевых-Селезневых (1814), дворец князя Михаила Павловича (1820-е гг.) на Остоженке, достроена при участии арх. М. Ф. Шестакова церковь Большое Вознесенье (1820-е гг.) у Никитских ворот. Церковь в с. Ершове под Москвой (1828—1829 гг.) — своеобразное истолкование мастером классицизма древнерусского типа церкви «под колоколы». С авторством Григорьева связывается мавзолей в усадьбе Суханово (1813) и др.

Дом Лопухина — небольшой прямоугольный в плане особняк с рустованными до верха окон стенами, поставленный по красной линии улицы. Вход отнесен во двор в угловую часть дома, вмещающего под одной крышей равные по высоте анфи-

33. Москва. Дом Хрущевых на Пречистенке (ул. Кропоткина), 1814 г., арх. А. Г. Григорьев. Вид с переулка.



34. Москва. Дом-усадьба Усачевых-Найденовых (ныне санаторий «Высокие горы»), 1829—1831 гг., арх. Д. И. Жилярди. Фасад, вид с пандуса, план 2-го этажа, фрагмент фасада служб, генеральный план
1 — главный корпус; *2* — службы; *3* — парковые павильоны

ладу парадных помещений и двухэтажную жилую часть, обращенную во двор. Главный фасад украшен шестиколонным ионическим портиком, положение которого в центре в отличие от портиков более ранних особняков и дворцов не отвечает асимметричной внутренней планировке здания. Здесь, как и в некоторых московских общественных зданиях того времени, выявляется тенденция к нарушению функциональной логики и правды в архитектуре позднего классицизма.

Значительный интерес в жилой архитектуре Москвы того времени представляет бывшая усадьба Хрущевых (1814, арх. Григорьев) на Пречистенке. Этот более крупный по размерам особняк — пример полной утери старой усадьбой традиционной симметричной трехчленной композиции с парадным двором (рис. 33). Особенность здания состоит в живописной асимметрии планировки, объясняемой отчасти использованием сохранившихся фундаментов и построек. Главное здание усадьбы расположено на углу улицы. Его парадный фасад со стройным шестиколонным ионического ордера портиком, поддерживающим балкон мезонина, обращен на улицу. Фасад в сторону переулка подчеркнут портиком, увенчанным фронтоном на четырех парных ионических колоннах, с лепным фризом и барельефом на стене за колоннами. Открытая терраса на высоком цоколе, вытянутая вдоль фасада, как бы выпрямляет несимметричное положение этой части дома по отношению к улице и обогащает ее композиционно. С противоположной стороны такая же терраса спускается в сад.

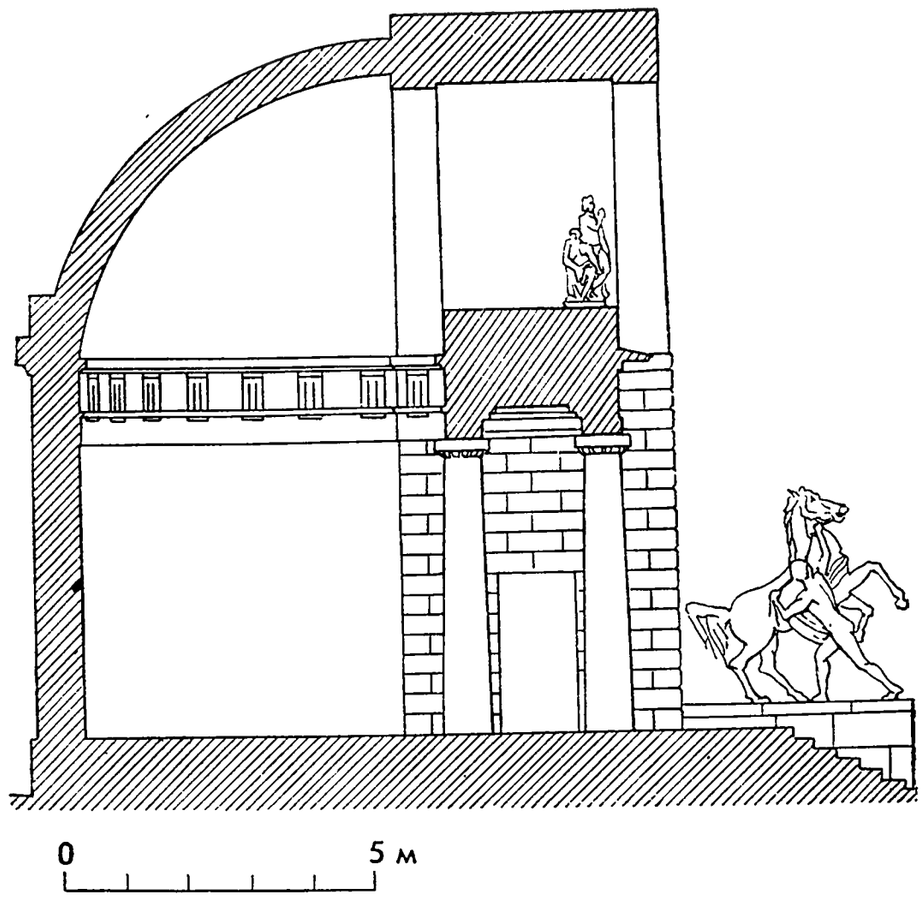
Хотя в условиях разложения помещичьего хозяйства сокращалось строительство новых дворянских усадеб, в послевоенные годы в Москве и Подмосковье продолжались капитальная перестройка и расширение средних и крупных усадеб дворцового типа. Но в них уже отказались от строго регулярного развития ансамбля по оси дворца, свойственного усадьбам конца XVIII в.; в общей планировке преобладала живописная асимметрия, композиция парковой зоны носила пейзажный характер. Бывшая усадьба Усачевых, позднее Найденова, построенная Жилярди (1829—1831), принадлежит к выдающимся городским усадебным ансамблям этого времени (рис. 34). Главный дом усадьбы с поднятым на аркаду цокольного этажа стройным

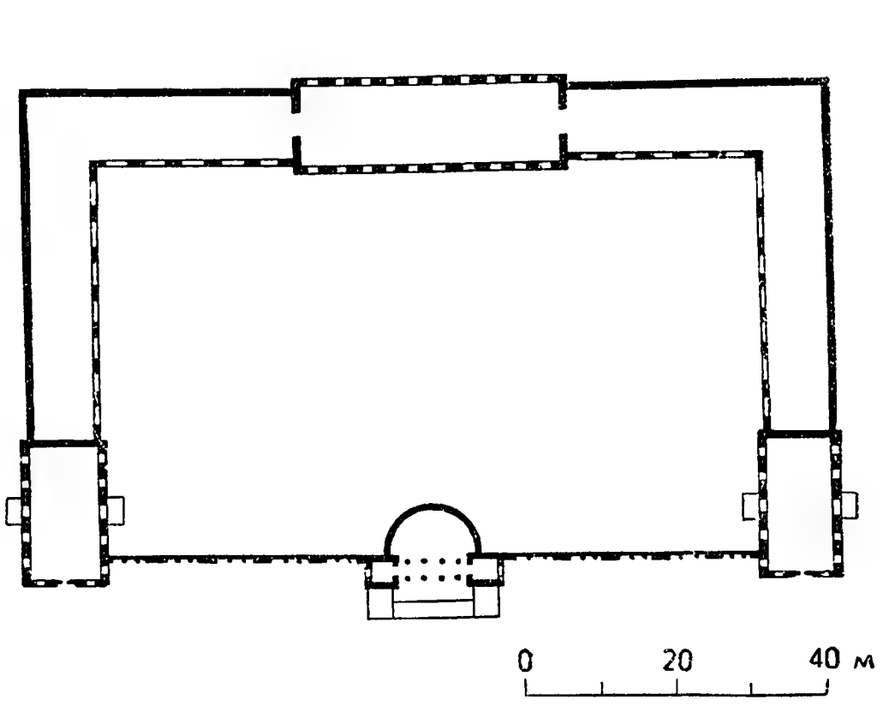
восьмиколонным ионическим портиком выдвинут на красную линию улицы. За домом асимметрично расположен двор со служебными корпусами, сбоку от него простирался сад до р. Яузы. В композиции главного здания выразителен торцовый южный фасад, выходящий в сад с выступом, имеющим ступенчатое завершение. На уровне второго этажа к выступу примыкает открытая площадка, переходящая в широкий украшенный вазами пандус, спускающийся в сад. Полуциркульная арочная ниша, заполненная парой дорических колонн и декоративной вставкой над ними (прием, характерный для творчества Жилярди), контрастирует богатством своей пластики с гладким фасадом торцового выступа. В искусно распланированном саду с беседками и павильонами замечателен чайный домик — один из лучших садовых павильонов Жилярди.

Среди загородных дворцово-парковых ансамблей выделяется подмосковная усадьба Кузьминки, также в значительной своей части построенная Жилярди. Зодчий возвел ряд новых павильонов и создал ансамбль, в котором сочетается строго регулярное ядро старой усадьбы XVIII в. с живописной композицией новой ее части.

Архитектурный центр пейзажного парка — четырехугольный в плане Конный двор, обнесенный корпусами. Главное звено его композиции составляет Музыкальный павильон с огромной аркой-экседрой, в которую вкомпонована двойная дорическая колоннада с венчающей ее скульптурной группой (рис. 35). Это лучший вариант применения излюбленного композиционного приема зодчего — контрастного сочетания сурового фона гладких стен, оживленных рустовкой, с тонко и изящно разработанной архитектурно-скульптурной вставкой. Выразительность этой композиции усиливается конными группами скульптора Клодта, поставленными позднее по бокам центрального павильона. Строгая простота флигелей и остальных фасадов конного двора подчеркивают богатство центра. В парке и по берегам пруда живописно размещены садовые сооружения усадьбы. Среди них — пропилеи, пристань, оранжерея, Египетский павильон и другие, из которых каждое отличается своеобразием композиции, а вместе с пейзажным окружением они образуют единый гармоничный ансамбль.

После 1812 г. капитально перестраивается знаменитая подмосковная усадьба





35. Усадьба Кузьминки под Москвой. Реконструкция (первая треть XIX в.). Конный двор, арх. Д. И. Жилярди. Общий вид и разрез музыкального павильона, план

36. Усадьба Суханово под Москвой. Мавзолей (первая половина XIX в.)

Архангельское. Эта перестройка усадьбы после разорения ее французами существенно изменила архитектурно-пространственную композицию всего ансамбля. Архангельское из дворцовой усадьбы, созданной в традициях архитектуры XVIII в., было превращено в огромный ансамбль, сочетающий в себе старую регулярную часть с красивейшим пейзажным лесопарковым окружением. Центром всего ансамбля, к которому ведет зеленый проспект от Московской дороги, служит дворцовый комплекс. После перестройки он приобрел новую оригинальную композицию. На северной его стороне расположен двухэтажный корпус с парадной аркой въезда. По сторонам идут открытые галереи-колоннады, окружающие парадный двор; южную сторону замыкает дворец, увенчанный бельведером. Весь этот комплекс стоит в окружении парка. Его главная ось совпадает с главной осью всего ансамбля. Руководил перестройкой дворцового комплекса архитектор Е. Д. Тюрин, работавший в Архангельском с 1817 по 1828 г. Вместе с архитектором Жуковым он строил бельведер дворца, вместе с архитектором Мельниковым — северный корпус с триумфальной аркой. В парке он перестроил малый дворец («Каприз»), возвел павильон — памятник Екатерине II и др. Все работы по Архангельскому велись при участии крепостного архитектора Стрижакова.

Тюрин Евграф Дмитриевич (1792—1870) учился в Москве в Кремлевской архитектурной школе, которую закончил в 1813 г. В 1817—1822 г. выполнил проект Кремлевского дворца; к 20-м гг., помимо упомянутых работ в усадьбе Архангельское, относится перестройка Екатерининского дворца в с. Коломенском (1825—1826). В 30-х гг. XIX в. Тюрин перестраивал усадьбу Нескучного дворца, где им были сооружены гауптвахта с тяжелым дорическим портиком (1839), главные ворота при въезде в Нескучный сад (1834), павильон в парке и др. Одно из лучших произведений Тюрина — церковь Московского университета (1833—1836). Сооруженная Тюриным церковь Богоявления в с. Елохове (1837—1845) принадлежит к последним памятникам московского классицизма, отражающим начало его упадка.

К более скромным подмосковным усадьбам, которые достраивались в это время, относится Суханово. Как и многие другие усадьбы, Суханово создавалось на протяжении XVIII и первой трети XIX вв. Последний период, отмеченный большим строительством, внес в ансамбль усадьбы живописное, пейзажное начало. От этого времени сохранился мавзолей, храм-усыпальница Волконских, построенный в 1813 г., предположительно, А. Григорьевым (рис. 36).

Сухановский мавзолей — это маленький пантеон, двухъярусный, с зубчатым завершением нижнего большого цилиндра, над которым высится барабан меньшего диаметра, увенчанный куполом. Шестиколонный дорический портик парадно выделяет вход в мавзолей. Терраса с лестницами и каменными светильниками по сторонам примыкала к зданию и вела к портику. С востока мавзолей охватывала галерея с глухой наружной стеной и колоннадой, заканчивавшаяся павильонами. Весь небольшой комплекс, ясный и простой по своей композиции, величаво возвышается над обрывом, составляя главное звено живописного ансамбля Суханова. Внутри мавзолея — круглый зал-ротонда. Чередующиеся пары колонн ионического ордера по главным осям зала и пилоны с арками по диагонали несут расписанный кессонами купол. Сочетание белого цвета зала, розово-желтых искусственного мрамора колонн, лепного фриза на стенах за колоннами и иллюзорной росписи купола при общих изысканных пропорциях, делают этот зал одним из лучших произведений классицизма первой трети XIX в.

Жилищная архитектура Петербурга и Москвы послевоенного периода оказала сильное влияние на развитие жилого строительства провинции. В провинциальных городах России также преобладала рядовая застройка, и вместе с тем возводились особняки и усадьбы. Хотя здесь строились

преимущественно деревянные дома, в их композиции и форме заметно подражание каменным столичным зданиям времени позднего классицизма.

Жилые дома провинции представляли собой сочетание обычных срубов, но их объемной композиции в соответствии с канонами классицизма придавалась строго симметричная форма, иногда независимо от несимметричного расположения внутренних помещений. Для оформления и отделки зданий в стиле классицизма применялись сплошная дощатая обшивка фасадов, имитирующая каменную рустовку, деревянные оштукатуренные под камень портики, преимущественно тосканского или ионического ордеров. В домах, располагаемых по красной линии, портики нередко заменялись пилястрами и фронтоном. Использование дерева сказалось на изменении пропорций ордера: утонении колонн, увеличении их шага и уменьшении высоты антаблемента.

Имитация деревянных зданий под каменные, нарушение функциональной и тектонической правдивости их композиции свидетельствовали и в этой области строительства о все большем отходе от высоких традиций архитектуры русского классицизма времени его расцвета.

5. ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

Феодально-крепостническая система России тормозила прогресс промышленного производства. Но несмотря на это, в рассматриваемый период начинается промышленный переворот, означавший переход к капиталистическим методам эксплуатации, к замене крепостного труда вольнонаемным, к ускоренным темпам развития техники производства, к более широкому внедрению достижений науки.

Начинается и новый этап в развитии промышленной архитектуры — широкая реконструкция старых и большое строительство новых предприятий, фабрик и заводов, портовых и транспортных сооружений в промышленных центрах России, и в первую очередь на Урале, в Сибири, в Туле и Петербурге. Архитектурное руководство промышленным строительством (введение согласно горному положению 1806 г. должности архитекторов горных заводов и округов) сказалось на усилении регулярного начала в планировке заводских комплексов, обусловило целесообразность их технологического и конструктивного решения и заботу об эстетическом качестве и стилевом единстве в духе принципов архитектуры классицизма.

Разрабатываются отвечающие новой технологии новая планировка заводских комплексов, новые производственные типы зданий, внедряются образцовые проекты цехов, складов, служебных и административных корпусов. Крупные изменения происходят в технике промышленного строительства. Если при возведении производственных зданий почти до конца XVIII в. широко применялось дерево, то с начала XIX в., и особенно после войны, в строительстве промышленных предприятий и заводских комплексов используется, главным образом, кирпич в сочетании с металлическими конструкциями перекрытий. Намечается стандартизация конструктивных элементов, типизация блоков и целых зданий.

Прогрессивное развитие промышленной архитектуры России этого периода наиболее ярко прослеживается в горнозаводских комплексах Урала, где было сосредоточено более половины всех предприятий металлургической промышленности. В первой трети XIX столетия здесь работало свыше 30 архитекторов, строивших и реконструировавших заводы и горные города. Наиболее видными архитекторами были воспитанники Петербургской Академии Художеств И. И. Свиязев, А. З. Комаров, А. П. Чеботарев и др. Совместно с технологами, механиками и гидротехниками они создали ряд заводских комплексов, выполненных на высоком техническом уровне.

И. И. Свиязев (1797—1875) — сын крепостного. После окончания Академии Художеств в 1818 г. ему не было присуждено звания архитектора. Только в 1821 г. после трех лет работы и составления 15 проектов он получил вольную и диплом архитектора. С 1822 по 1832 г. Свиязев работал в Перми, в Уральском горном управлении, участвовал в составлении проектов и перестройке цехов и зданий Воткинского завода, Богословского медеплавильного завода. Им построены кузнечный, столярный цеха, госпиталь, контора и школа в Юговском заводе, цеха и склады в Мотовилихинском заводе и многие другие здания и сооружения. Свиязев проявил себя как новатор в решении конструктивных проблем. Он разработал и применил на Богословском заводе деревянные фермы пролетом 34 *м*, создал и испытал новую систему металлических сегментных ферм для перекрытия цехов больших для того времени пролетов.

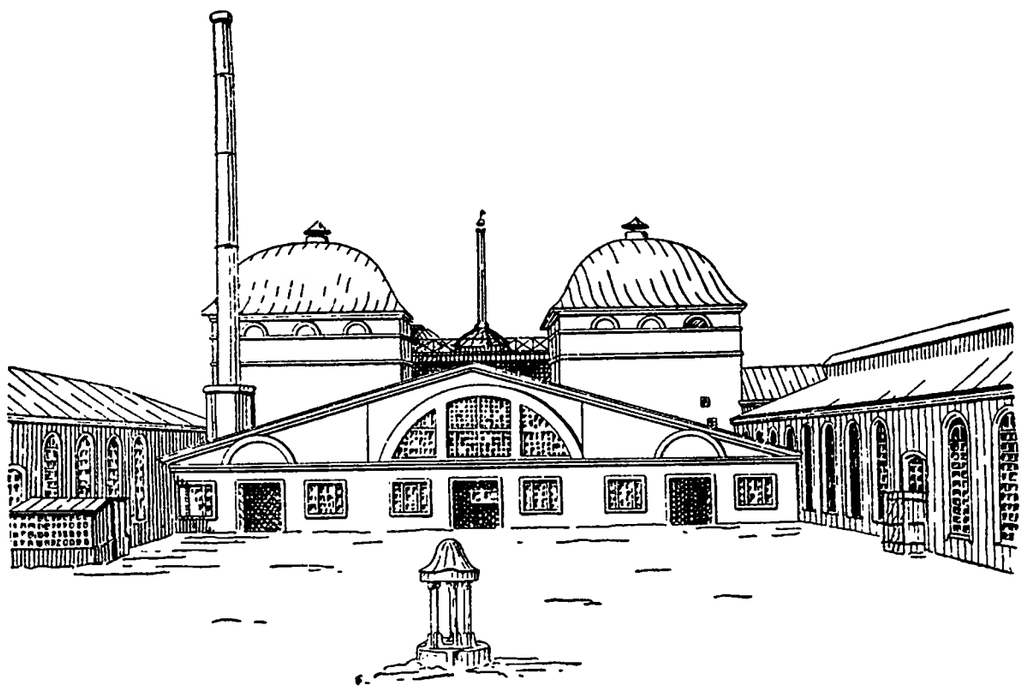
Для творчества зодчего характерно стремление к рациональному планировочному решению зданий, их технико-конструктивной целесообразности и строгой простоте форм. В 1839 г. издан труд Свиязева «Учебное руководство к архитектуре», где он выступает как теоретик и зодчий с большим опытом и эрудицией.

Задачи промышленной и массовой архитектуры он видит в том, чтобы строить здания «прочно, удобно, хозяйственно и правильно. Это проза архитектуры, — отмечает он, — менее идеальная, более ученая и необходимая для общества» [1].

Выдающееся произведение промышленной архитектуры этого времени — доменный комплекс чугунолитейного завода, созданный архитектором Комаровым в процессе проектирования и строительства Баранчинского, Верхне-Туринского и Кушвинского заводов. Назначение этих заводов — выплавка чугуна и литье изделий из него.

А. З. Комаров (1793—1857) родился в семье художника фарфорового завода, окончил Петербургскую Академию Художеств в 1817 г. и почти всю свою творческую жизнь посвятил горнозаводской архитектуре Урала. Он был архитектором Гороблагодатских заводов; с 1829 г. руководил строительством Богословских заводов; разработал и построил доменные комплексы Баранчинского и Верхне-Туринского заводов, много цехов, жилых домов, госпиталей и др.

Баранчинский завод (1829—1831) состоял из доменного — главного — и двух примыкающих к нему корпусов для литья чугунных изделий. Заводские корпуса образовывали двор для выпуска чугуна. Два башнеподобных квадратных в плане объема главного доменного корпуса были завершены куполообразными крышами и объединены одноэтажным помещением воздуходувной машины, обслуживающей обе домны (рис. 37). Арочные окна, прорезающие фасады всех зданий, охватывающих двор, усиливали целостность всего комплекса. Центр протяженного фасада здания подчеркивал огромный арочный проем, завершенный могучим фронтоном, обращенным в сторону литейного двора. В основу планового и конструктивного решения завода заложена единая модульная сетка с шагом 7,4 и 8,5 *м* по ширине и глубине, для того времени — новаторский прием. Основные принципы композиции Баранчинского доменного комплекса получили развитие в проекте Кушвинского доменного завода (1830). Его особенность — не две, а четыре домны, соединенные в торцовом корпусе (причем воздуходувные устройства располагались в концах корпуса и обслуживали пары домен). Пониженный корпус складов, примыкающий к доменному со стороны плотины, имел плоское покрытие с пандусами, ведущими на него, для загрузки шихты в домны.



37. Баранчинский завод на Урале, 1829—1831 гг., арх. А. З. Комаров

Наряду с типом чугуноплавильного и литейного завода в 1820—1840-х гг. разрабатывается с участием Комарова тип металлопеределочного завода. В соответствии с назначением (переделка чугуна в железо и сталь в виде криц или проката) главными в структуре этого завода становятся кричные и прокатные цеха.

Одним из примеров архитектурно-планировочного решения типа металлопеределочного завода (выполненного также арх. Комаровым) может служить Очерский завод на Урале. В процессе его реконструкции с перестройкой деревянных цехов в кирпичные Комаров скомпоновал основное ядро завода в виде прямоугольника, по двум сторонам которого параллельно разместились корпуса цехов, обращенных торцами к плотине. Идущий между ними трубопровод питал энергией водяные колеса обоих цехов, обслуживающие кричные молоты, горны, прокатные механизмы, вагранки и пр. В этом, сугубо утилитарном сооружении зодчий добился не только технологической целесообразности, но и архитектурного единства. Главный фасад Очерского завода, обращенный к плотине и пруду, представлял выразительную композицию из двух ризалитов с фронтонами, завершающих торцы цехов, и соединяющей их арки, с парами колонн по сторонам. Боковые фасады протяженных корпусов цехов имели трехчастное членение, выявленное

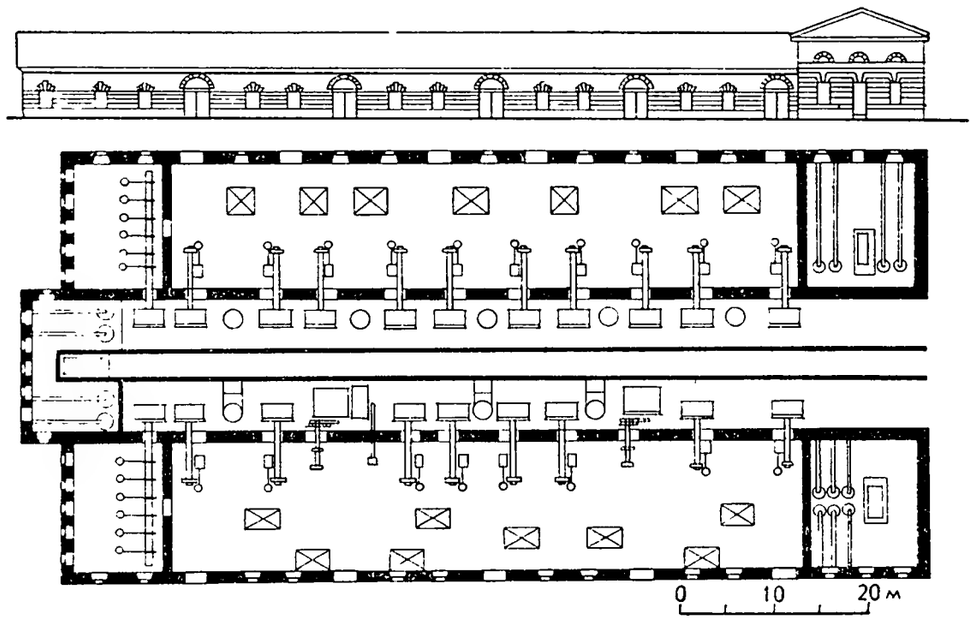
[1] И. И. Свиязев. Учебное руководство к архитектуре. Спб., 1839.

ризалитами в центре и на концах, также несущими фронтоны. Спокойный ритм арочных проемов окон и дверей фасадов усиливал архитектурное единство всего комплекса.

По такому же типу с разработкой вариантов, продиктованных местными условиями, строилось центральное ядро многих металлопеределочных заводов Урала, в том числе Нижне-Салдинского (рис. 38), Сылвинского, Шайтанского, Черноисточинского и др. При проектировании своих комплексов Комаров добивался не только функциональной целесообразности и композиционного единства сооружений самого завода, но и архитектурно-планировочной связи его с городом.

В 1810—1840-х гг. проводится капитальная перестройка заводов так называемого полного металлургического цикла, объединявших процессы чугунолитейный, чугуноплавильный и металлопеределочный. Подобные заводы с их предзаводскими площадями, административными зданиями, плотинами были градостроительной основой горных городов и представляли собой нередко целостные архитектурные ансамбли. Наиболее крупные среди них — Нижне-Тагильский, Верхне-Исетский, Режевский (рис. 39), Верхне-Тагильский, Уткинский, Верхне-Невьянский.

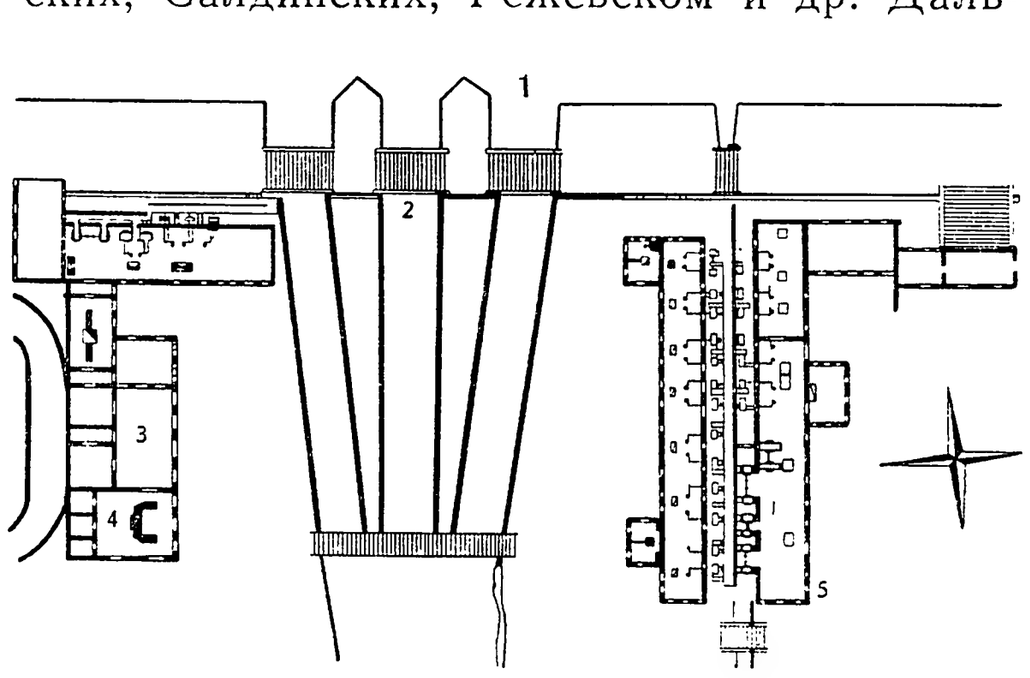
Огромный Нижне-Тагильский завод складывался в течение XVIII в. В 30-х гг. XIX в. он подвергся капитальной реконструкции, проведенной при участии зодчих А. З. Комарова, А. П. Чеботарева и К. А. Луценко. Его доменный комплекс и кричные цеха размещались почти в центре территории, перпендикулярно плотине, а остальные здания — по периметру огромного прямоугольника завода (размером 280×170 *м*). Сохранившиеся чертежи того времени свидетельствуют о функциональной целесообразности и архитектурно-планировочном единстве всего заводского комплекса. Над одинаковыми по высоте цехами возвышались лишь доменные корпуса, завершенные высокими кровлями с трубами. Фасады зданий, расчлененные чередующимися прямоугольными и арочными проемами, лишь в ответственных местах были усилены ризалитами с фронтонами. Архитектурным центром завода служила внутризаводская площадь с главным зданием механических мастерских (арх. Луценко). В сторону города завод открывался предзаводской площадью



38. Кричный цех Нижне-Салдинского завода (чертеж 1840-х годов)

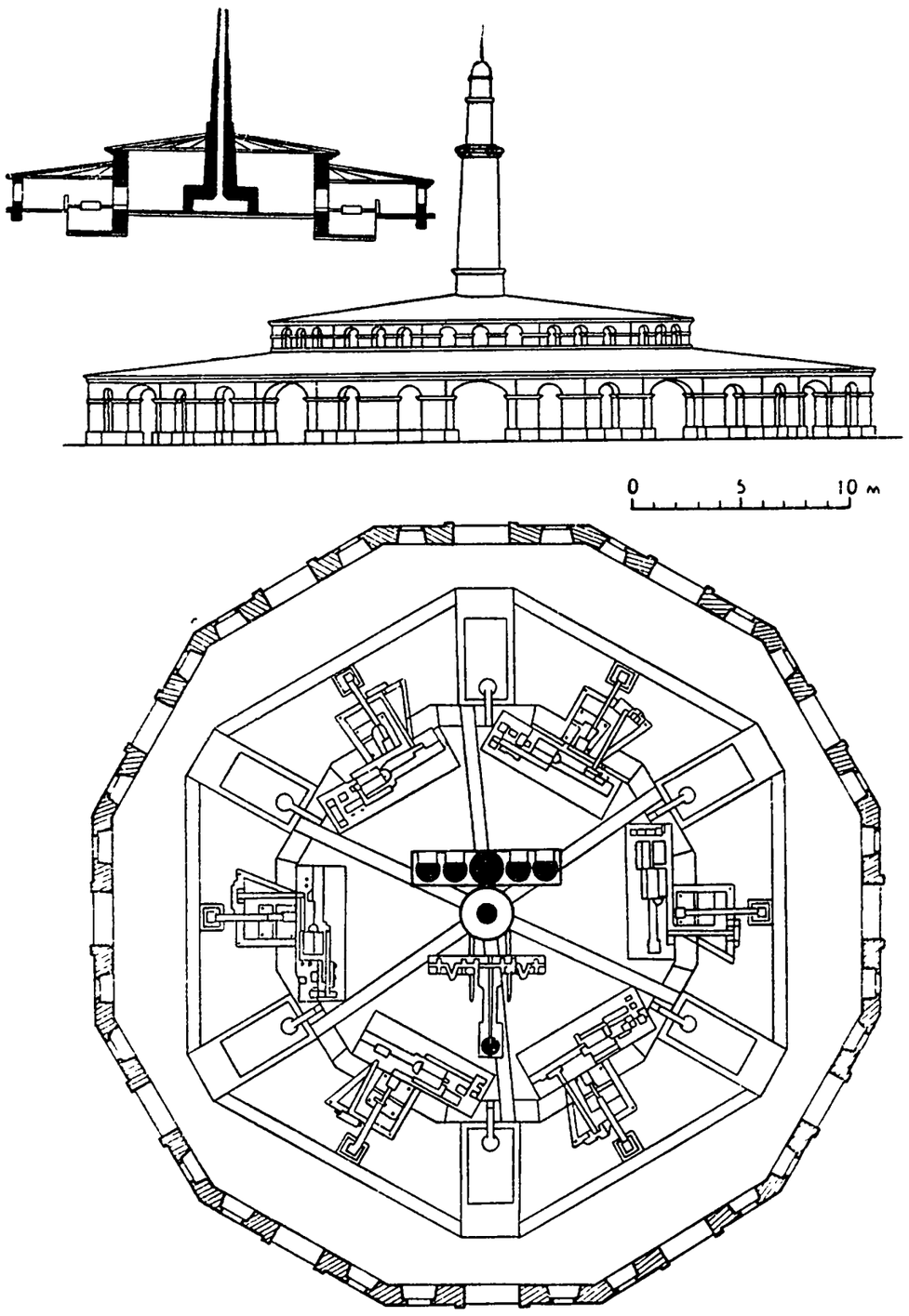
с расположенным на ней зданием заводской конторы — значительным произведением местной промышленной архитектуры. Двухэтажный центр здания с рустованным цокольным этажом выделен великолепным по пропорциям восьмиколонным тосканским портиком, увенчанным фронтоном (автор предположительно А. П. Чеботарев).

Наряду с решением комплексных задач промышленной архитектуры, для послевоенного периода характерна разработка новых типов заводских зданий и новых конструкций. Направленность творческих исканий в этой области прослеживается на примере проектов наиболее важных в металлургическом производстве зданий — кричных и прокатных цехов. Так, в это время возникают проекты типовых спаренных кричных цехов с одним открытым водоводом по оси, что увеличивало число обслуживаемых им молотов вдвое. Такие цеха строились на заводах Тагильских, Салдинских, Режевском и др. Даль-



39. Режевский завод на Урале. План

1 — пруд; *2* — плотина; *3* — доменный цех; *4* — литейный цех; *5* — кричный цех

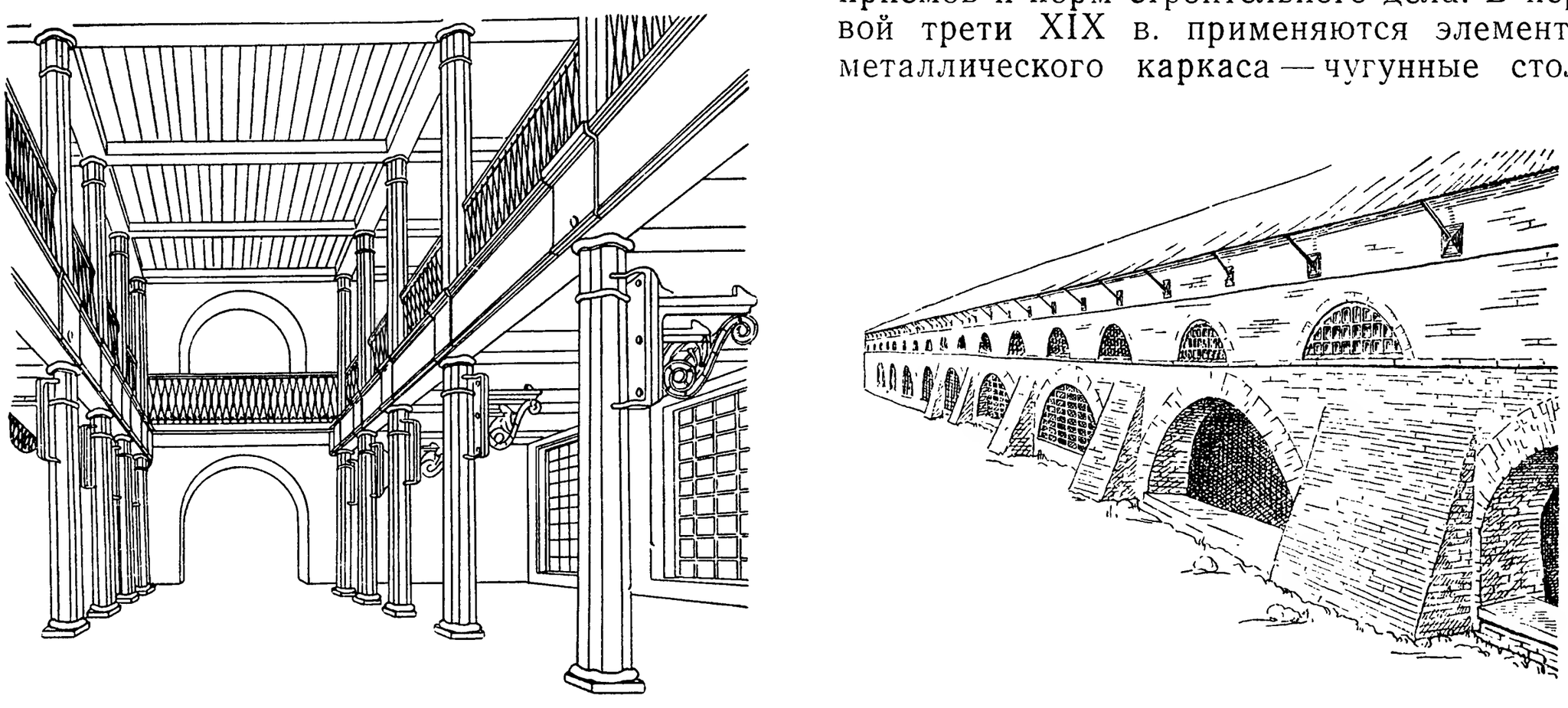


40. Лайский завод на Урале. Проект кричного цеха (первая половина XIX в.), арх. А. З. Комаров, механик Макеев. Разрез, фасад, план

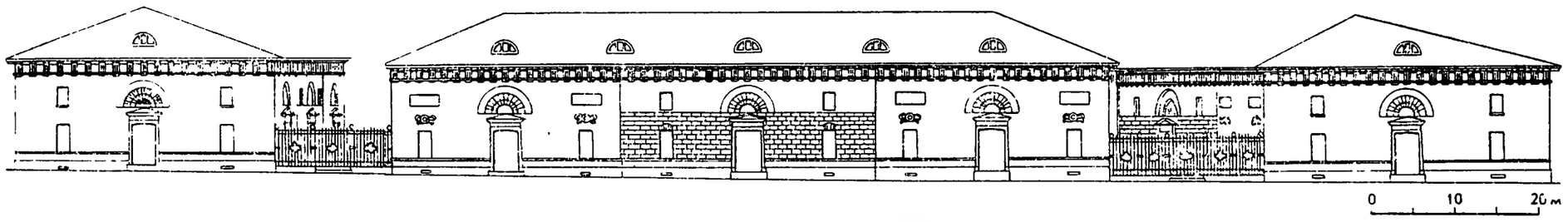
нейший шаг в этом направлении — создание типа спаренных кричных цехов с перекрытым помещением водовода, предохраняющим его от промерзания, что обусловило возникновение удобного и выразительного внутреннего пространства, трехпролетного или трехнефного, с повышенным средним нефом, отделенным от боковых колоннадами или аркадами. Такие кричные цеха построили на Верхне-Салдинском заводе (арх. Комаров), а в 1830-х гг. на Кыштымском заводе соорудили еще более совершенный цех с повышенным средним пролетом.

Выдающееся произведение промышленной архитектуры первой половины XIX в. — нереализованный проект центрического двенадцатиугольного цеха Лайского завода на 12 горнов и 6 кричных молотов с воздуходувной машиной в центре (рис. 40). Это был один из первых проектов цехов, оборудованных машинной техникой, с использованием жара горнов для отопления паровых котлов. Такое решение позволило сблизить оборудование цеха, сократить длину воздуховодов и удалять дым от 12 горнов через трубу в центре. Здание, отличавшееся экономичностью, представляло интересную центрическую композицию со строго и просто решенными фасадами, расчлененными арками. Проект сделан зодчим А. Комаровым в содружестве с механиком П. Макеевым.

Большое изобретательство проявили горнозаводские зодчие в разработке новых приемов и норм строительного дела. В первой трети XIX в. применяются элементы металлического каркаса — чугунные стол-



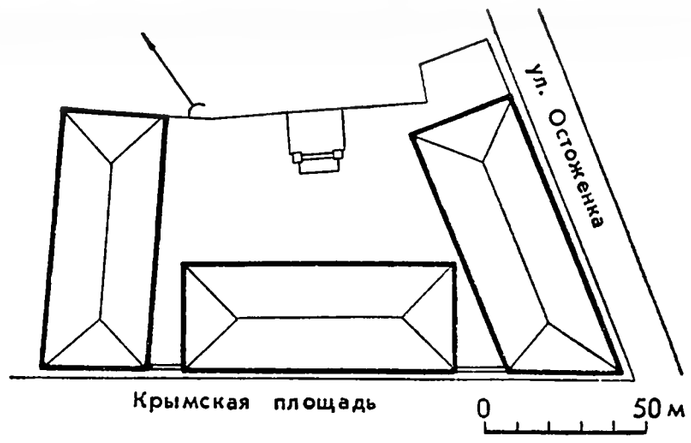
41. Пожевский завод на Урале, 1840-е годы.



бы в заводских цехах, а также внедряются модульная сетка в их планировке, металлические конструкции перекрытий, стропила, шедовые системы освещения. Так, уже в 1825 г. были сооружены в Верхне-Исетском заводе металлические фермы типа системы Полонсо пролетом 24 *м*, т. е. на 13 лет раньше, чем в Петербурге, где известно применение подобных ферм меньшего пролета в Зимнем дворце после пожара в 1838 г. В 1829 г. арх. И. Свиязев изобрел сегментную ферму, которая, как он писал, «вдвое дешевле и легче других конструкций» [1]. Подобную ферму пролетом 22 *м* он испытал и внедрил на Воткинском заводе, затем эта система получила широкое распространение на других заводах. Таким образом, впервые металлические конструкции стали использовать на промышленных предприятиях Урала, а мировой приоритет России в этой области был признан в известном высказывании французского архитектора Шарля Экка в 1841 г. Говоря об изобретении в России новых конструкций ферм, Ш. Экк писал: «Мы должны признать, что французская промышленность не является инициатором этого рода конструкций, которые очень рациональны, так как совмещают условия прочности и экономичности» [2].

В промышленной архитектуре предпринимались и первые попытки придать художественную выразительность металлическим конструкциям (интерьер одного из цехов Пожевского завода), сочетавшимся на фасадах с массивными кирпичными стенами, прорезанными арками (рис. 41).

Архитекторы работали над совершенствованием не только производственных зданий, но и других видов промышленных построек — хозяйственных складов, портовых, инженерных и прочих сооружений. К выдающимся образцам таких построек относится комплекс Провиантских складов в Москве (1832—1835, рис. 42). Он состоит



42. Москва. Провиантские склады, 1832—1835 гг., арх. В. П. Стасов и Ф. М. Шестаков. Фасад, вид с Крымской площади, генеральный план

из трех корпусов, образующих парадный фронт застройки Крымской площади и Остоженки (ныне Метростроевской улицы). Каждый из них — это предельно простой прямоугольный в плане объем. Могучая стена фасадов, частично рустованная внизу и гладкая вверху, оживлена ритмом сужающихся кверху проемов с врезанными над ними арками. Поверху она скупо украшена редкими сочными пятнами барельефов и увенчана суровым дорическим фризом и карнизом. Прекрасно найденные пропорции,

[1] И. И. Свиязев. Учебное руководство к архитектуре. Спб., 1839.

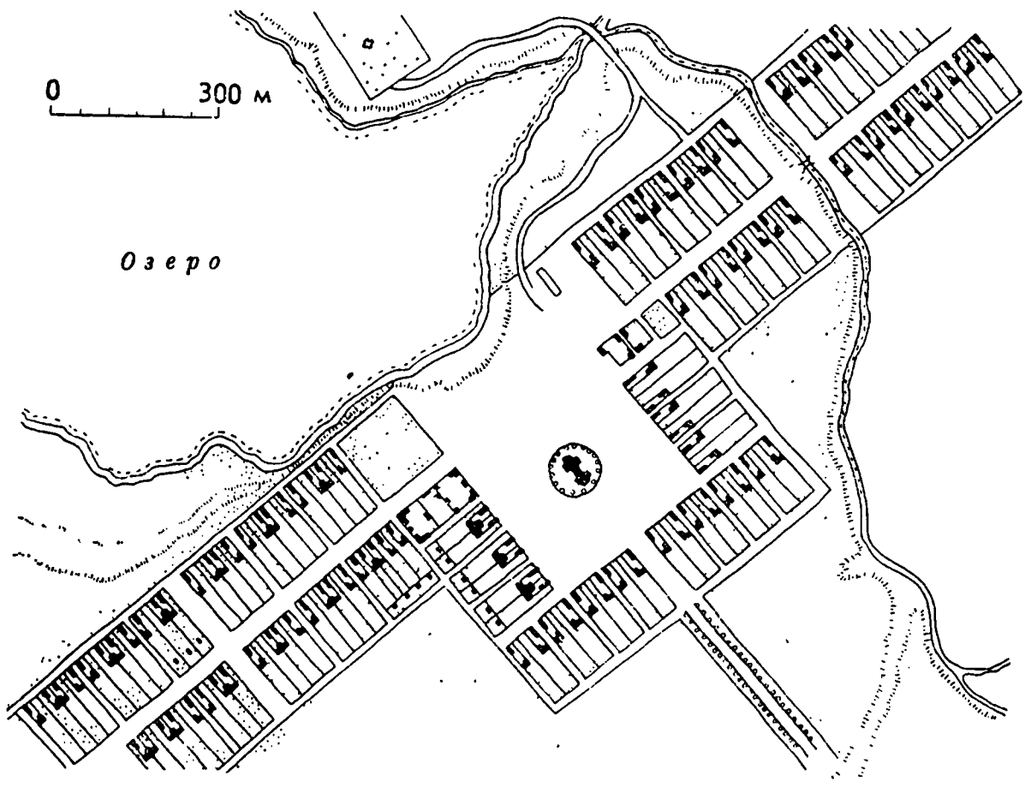
[2] Ш. Экк. О применении железа, чугуна и листового железа. Париж, 1841, стр. 48. (На франц. яз.)

крупный масштаб форм и единство стиля делают это сооружение значительным художественным произведением. В его образе выражена суровая мощь и строгость, отличающие лучшие памятники архитектуры позднего классицизма. Комплекс Провиантских складов был построен арх. М. Шестаковым на основе образцового проекта корпуса, разработанного арх. В. Стасовым. Заслуживает внимания здание петербургской бойни арх. И. И. Шарлемань (1821—1825).

Промышленная архитектура с ее требованиями экономичности, рационализма конструктивных и технологических решений зданий и комплексов при общей сдержанности и простоте форм способствовала воспитанию зодчих в реалистических принципах и вела их по пути новаторских исканий. Ее прогрессивные традиции продолжали сохраняться в горнопромышленных районах Урала и Сибири уже тогда, когда в столицах начался упадок архитектуры русского классицизма и стала распространяться эклектика.

6. СЕЛЬСКАЯ АРХИТЕКТУРА И НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО

Изменения в социально-экономической жизни России в послевоенный период отразились и на русской деревне, куда все более проникали капиталистические отношения, ускоряя классовое расслоение деревни и разложение патриархального строя крестьянской общины. С ростом производства продуктов на продажу в деревне развиваются новые, передовые приемы ведения хозяйства, вызывающие строительство новых типов производственных зданий: крытых токов, амбаров, мельниц и т. д.

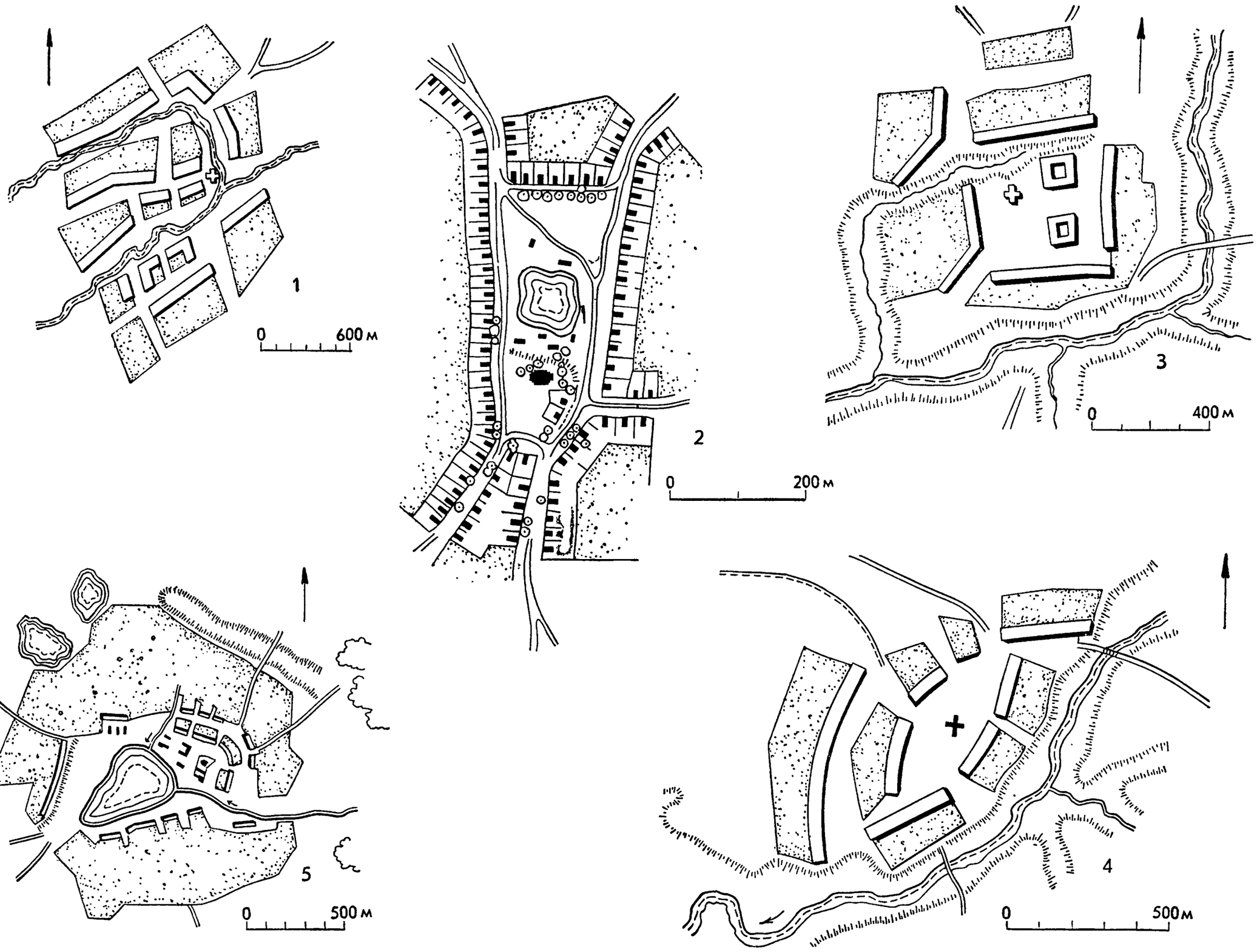


43. Образцовый проект планировки села первой половины XIX в.

Изменяется и планировка села, в построении которого все большее значение приобретают торговая площадь, линии транспортных связей — дорога, река. На смену старой системе планировки села с ее общинным центром на возвышенности и скученной застройкой вокруг приходит линейная и смешанная планировка с более регулярной застройкой вдоль торговой площади, дорог и главных улиц, с равномерной разбивкой территории на участки. Сельский центр в таких селах складывается обычно из административных и культовых зданий и окружается домами сельской администрации, служителей культа и состоятельных крестьян. В помощь сельским строителям в эти годы разрабатываются, так же как и ранее, «образцовые проекты планировки села». Примером такого проекта может служить «Нормальный план селения при озере» (рис. 43).

Своеобразный вариант линейной планировки представляет собой село Кянда, Тамбовской губернии, расположенное вдоль реки с центром вблизи берега (план 1837 г.). В селе Кочуново той же губернии, раскинувшемся близ двух рек с церковью у их слияния, жилая застройка размещалась в четыре ряда (план 1835 г., рис. 44, *1*). Вытянутую линейную форму плана села и торгового центра под влиянием идущих вблизи дорог приобрело село Татьянино, Костромской губернии (рис. 44, *2*).

Эти новые тенденции в планировке оказали влияние и на исторически сложившуюся центрическую структуру старых сел. Развитие их идет по линии усиления регулярного начала в расположении улиц, торговой площади и в новой застройке села. Характерный пример подобной планировки — село Харино, Нижегородской губернии (план 1835 г., рис. 44, *3*). Центром села служила почти квадратная площадь с церковью и торгом, своими правильными очертаниями отличавшаяся от площади сходного по принципу планировки села Андреевского, Владимирской губернии (план 1801 г., рис. 44, *4*). Оригинальный вариант центрической планировки — село Великое близ Ярославля, возникшее вокруг озера, на берегу которого сформировался и его тор-



44. Планы сел первой половины XIX в. *1* — Кочуново, Тамбовской губ.; *2* — с. Татьянино, Костромской губ.; *3* — с. Харино, Нижегородской губ.; *4* — с. Андреевское, Владимирской губ.; *5* — с. Великое близ Ярославля

говый центр (первая половина XIX в., рис. 44, *5*).

Под воздействием новых условий жизни в деревне, а также городских построек изменяется архитектура крестьянских жилых домов и других сельских зданий. Но этот процесс имеет свои особенности в разных областях России. На севере изменение традиционных типов и форм зданий происходит медленно, и там долгое время продолжают строиться типы изб с подклетом и самцовой, безгвоздевой конструкцией крыш (рассмотренной в предшествующей главе). В средних областях страны влияние города сказывалось в устройстве печей с дымовыми трубами, увеличении размеров окон, а иногда и делении дома перегородкой на несколько помещений (дом Зуевых в деревне Опалиха, Горьковской области, 1842 г.). Удешевление пиленого леса (в связи с появлением водяных, а позже и паровых лесопилок) привело к замене самцовых крыш стропильными, увеличению гладких поверхностей на фасадах, что способствовало развитию искусства домовой резьбы. Начиная с этого времени, в Верхнем Поволжье, во Владимирской и отчасти Московской губерниях широко распространяется «глухая резьба», покрывающая фронтоны, карнизы, ворота и ставни окон.

Хозяйственные постройки — амбары, риги, мельницы, а также деревянные мосты оставались простыми и строгими по своей архитектуре. Деревянные церкви после указа Синода 1826 г., запретившего строить сельские церкви без утвержденного проекта архитектора, утратили свое былое значение произведений народного зодчества.

Расцвет русского градостроительства в первой трети XIX в., высокое мастерство ансамбля, достигнутое в реконструкции Петербурга, восстановлении Москвы и застройке русских городов, большие достижения в разработке новых типов общественных, жилых и промышленных зданий и их комплексов — все это позволило русской архитектуре занять ведущее место в мировом зодчестве этого времени.

С другой стороны, эта эпоха составила наивысшую ступень в развитии всей русской архитектуры XVIII—XIX вв.

После победоносного завершения Отечественной войны 1812 г. в условиях патриотического подъема творческих сил русского народа крупные зодчие в содружестве с выдающимися скульпторами и художниками с большим мастерством создавали сложные и целостные архитектурные произведения и городские ансамбли, добиваясь в них средствами синтеза изобразительных искусств и архитектуры наряду с высокими техническими и функциональными качествами большой художественной выразительности. Замечательные мастера архитектуры разрабатывают созвучные эпохе темы героизма русского народа, выражая это в триумфальной торжественности и монументальной парадности композиции крупных зданий и целых городских ансамблей.

Прогрессивному развитию русской архитектуры, и особенно градостроительства, 10—30-х гг. XIX столетия в значительной степени способствовало то обстоятельство, что в России в этот период по сравнению с западными странами еще сохранялось централизованное руководство планировкой и застройкой городов и устойчивое единство функциональных, технических и эстетических принципов и стилевых качеств архитектуры русского классицизма. Централизованное руководство градостроительными работами обеспечивали проектирующие органы в центре, комитеты по строению в Петербурге и Москве, система губернских и городских архитекторов в провинциальных городах России. Они разрабатывали и внедряли общие нормы и правила планировки и застройки населенных мест, составляли альбомы образцовых проектов кварталов, жилых и общественных зданий. В странах Европы, где в этот период буржуазия уже торжествовала победу и, отбросив идеалы античности, увлеклась погоней за прибылью, все сильнее сказывалась анархия в застройке городов и распространение эклектики и стилизаторства в архитектуре.

В 30—40 гг. XIX столетия в обстановке нарастающей феодальной реакции русская архитектура начинает постепенно терять свои градостроительные традиции и высокое искусство создания архитектурных ансамблей.

Напуганное ростом революционных настроений русское самодержавие становится на путь подавления всего прогрессивного и передового в русской культуре, искусстве и архитектуре. В архитектуре провозглашаются реставраторские консервативные идеи, поощряется механическое копирование образцов византийского и древнерусского зодчества без учета требований и задач современности. Вместе с тем развертывается борьба против основ классицизма, за развенчание идеалов античности и открывается широкий путь эклектике и стилизаторству. Начинают утверждаться взгляд на архитектора как специалиста, создающего произведения «изящной» архитектуры, и тенденция исключения из сферы такой «изящной» архитектуры сооружений утилитарного назначения.

Этой тяге к эклектике Академия художеств противопоставила свою защиту основ классицизма, но с однобоких эстетских позиций. Все это свидетельствовало о приближавшемся упадке этого стиля и о поисках новых путей развития русского зодчества.

ГЛАВА 8

АРХИТЕКТУРА 1840—1850-х гг. XIX в.

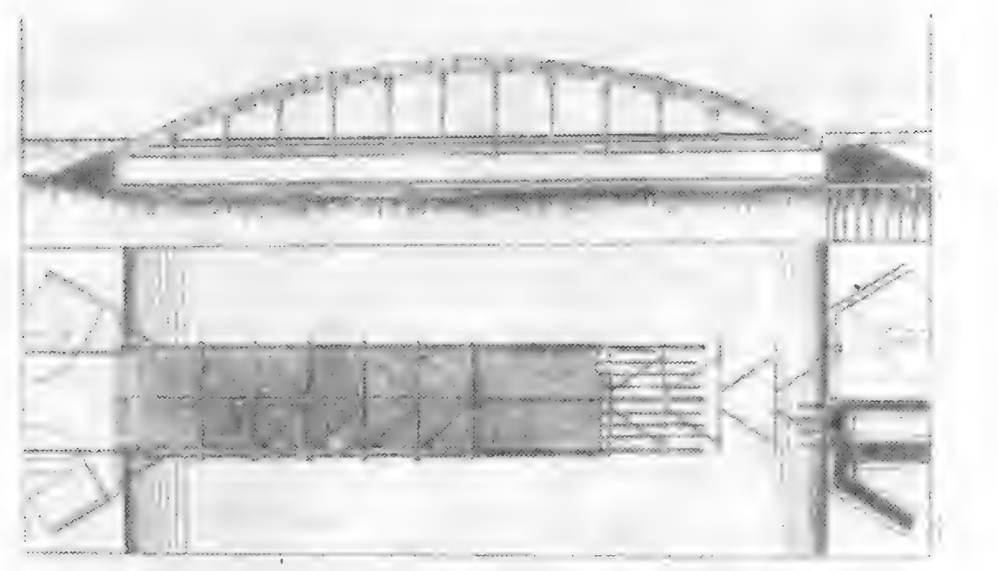
Вторая треть XIX в. была для России временем перехода от мануфактурной формы производства к фабричной, перехода, в основном завершенного до реформы 1861 г. Рост капиталистических отношений сказался на характере застройки городов и на формировании новых типов сооружений. В связи с потребностями растущей промышленности и торговли, с расширением внутреннего рынка стало приобретать все большее значение строительство заводов, фабрик, путей сообщения, мостов и плотин, стимулировавшее прогресс строительной техники, что привело впоследствии к существенным сдвигам в области архитектуры.

Развитие конструкций в гражданских сооружениях в рассматриваемый период опиралось на технические достижения, главным образом, в дорожном строительстве. В этот период был построен ряд деревянных мостов балочных, разнообразных подкосных и арочных систем.

Среди них — арочный мост (из гнутых брусьев) через р. Вепрж пролетом 78 *м*, в то время самый большой в мире мост с арками сплошного составного сечения (рис. 1); Веребьинский мост с неразрезными фермами, имевший девять пролетов по 54 *м* при высоте 49 *м* над уровнем воды, Мстинский, Волховский и другие на Петербургско-Московской железной дороге (1843—1851). В перекрытиях гражданских зданий применялись разнообразные деревянные конструкции балочного, купольного, башенного типов (главным образом из бревен и брусьев).

По мере развития металлургии и усовершенствования металлических конструкций дерево в сооружениях с большими пролетами постепенно стало уступать место металлу. Угловые и тавровые прокатные профили появились в 40-х гг., однако лишь к середине XIX в. железные конструкции начали заметно вытеснять чугун, что привело в конечном итоге к радикальному изменению прежних технических решений. С началом сооружения железных дорог перед строителями возник ряд неотложных задач, для решения которых строительная механика не была подготовлена. В этой области сосредоточились изыскания, которые не могли не оказать своего влияния и на развитие теории строительного искусства.

Попытка анализа работы ферм разных схем была сделана в 1838 г. профессором строительной механики М. С. Волковым, а в 40-х гг. Д. И. Журавский разработал первый научный метод расчета сквозных конструкций. Ко второй четверти XIX в. передовая инженерная наука опередила скованную традициями классицизма архитектуру. В строительной практике стал ощущаться разрыв между архитектурными формами и более развитыми конструкциями. Это сказалось и на организации профессионального образования. С 1842 г. строительное училище совершенно отделяется от Академии художеств, где, так же как и в Московском дворцовом архитектурном училище (новый устав 1842 г.), сосредоточивается подготовка специалистов по «изящной» архитектуре. Высшие техниче-



1. Арочный мост через р. Вепрж пролетом 78 *м*, 40-е гг. XIX в.

ские учебные заведения в России возникли еще в 1810-х гг. Тогда же появился «Урочный реестр по части гражданской архитектуры» и начали выходить специальные технические журналы. Строительные журналы издаются лишь со второй половины XIX в.

Достигшая вершины своего развития стилевая система классицизма еще влияла на формы архитектуры. В то же время технический прогресс в строительстве, а также процесс дифференциации различных типов сооружений, постепенно менявший архитектурный облик зданий, нашли свое отражение в критике классицизма и попытках теоретически обосновать отход от его основных принципов.

В этом отношении интересны мысли, высказанные в фундаментальных трудах по архитектуре, таких как «Учебное руководство к архитектуре» И. Свиязева (1839), книга А. Красовского «Гражданская архитектура» (1851).

В первом из них архитектура еще рассматривается как всеобъемлющий вид строительства: она включает в себя фортификацию, кораблестроение, архитектуру гидротехническую, горную и, наконец, гражданскую с ее подразделениями. Но Свиязев уже выделяет особый аспект архитектуры как искусства «изящного». Со сдержанным неодобрением он относится к Возрождению и осторожно вводит принципы эклектики; под сомнение им берутся ордера. А главное, автор высказывает здесь протест против того, что современная архитектура ограничивается подражанием и не стремится к созданию новых форм. Еще дальше идет в этом направлении А. Г. Красовский. Он ясно формулирует обострившиеся противоречия, или «разлад в строении между конструкцией и наружной формой», указывая на отсутствие «архитектурной истины». Разделяя современных ему архитекторов на классиков и романтиков (по их взглядам на образование архитектурных форм), Красовский называет, кроме того, еще и рационалистов, к которым причисляет и себя. «Направление архитектуры», по его словам, «не должно состоять в исключительном стремлении к одному полезному или одному изящному; основное правило ее есть преобразование одного в другое, т. е. полезного в изящное».

В «рационалистическом» подходе к оценке исторических стилей и современных задач архитектуры проявился протест против романтизма и классицизма как направлений ретроспективных, тормозящих развитие новых форм. Вместе с тем этот рационализм в архитектуре опирался на идеалистические философские воззрения, находившие в 30-х гг. все большее распространение. Открытое наступление на устои классицизма прозвучало уже в речи М. Д. Быковского, произнесенной на выпускном акте Московского архитектурного училища в 1834 г. и получившей широкий отклик в архитектурных кругах. Из идеалистических представлений об «избытке душевных чувствований и творческой силе духа» как о движущей силе изящных искусств Быковский делает вывод о том, что «изящное» не может быть подчинено «одинаковым, повсеместным и неизменным формулам». Задача архитекторов, по его мнению, заключается не в подражании ранее созданным образцам, а в развитии собственной архитектуры, согласованной с «постановлениями и обыкновениями нации».

На развенчание идеалов классицизма, рассматриваемого как направление материалистическое, было направлено опубликованное в 1832 г. четвертое из «Философских писем» Чаадаева, посвященное архитектуре. Греческий стиль «со всеми происходящими из него стилями... имеющий отношение к материальным потребностям человека», Чаадаев противопоставляет готическому, олицетворяющему потребности духовные, «мысль, порыв к

небу и небесному блаженству»[1]. Чаадаев подчеркивает характер «бесполезности», свойственный готическому (а также и египетскому) стилю, как положительное качество, подтверждающее их возвышенную природу. Идейное обоснование отхода от классицизма как от цельной системы архитектурного мировоззрения было одним из признаков более глубоких перемен в русской художественной культуре. В годы царствования Николая I, когда передовым деятелям был закрыт доступ к настоящему общественному делу, духовные интересы людей искусственно ограничивались рамками «изящной» литературы и искусства. «...Люди спасались от настоящего в средние века, в мистицизм...», — писал об этом времени Герцен[2]. Интерес к средневековью (истоки которого ведут к XVIII в.) ярко вспыхнул в 30-х гг. в странах Западной Европы как «первая», по словам Маркса, «реакция на французскую революцию и связанное с ней Просвещение...»[3]. Увлечение готикой не миновало и России, будучи поддержано традициями национально-романтической архитектуры Баженова и Казакова.

Таким образом, особенность сложного хода развития архитектурной теории в 30—60-х гг. заключается в том, что анализ новых явлений в архитектуре и критика явлений отживающих базируются на идеалистических концепциях, открывающих широкий доступ эстетике эклектизма.

* * *

Второе тридцатилетие XIX в. отмечено как появлением новых отраслей промышленности, так и развитием ряда старых. Но масштабы и характер строительства промышленных зданий этого периода не всегда соответствовали интенсивности развития той или иной отрасли промышленности или ее значению в процессе промышленного переворота. Так, предприятия главнейшей в это время хлопчатобумажной промышленности, первой по количеству занятых людей, по использованию вольнонаемного труда, применению машин и паровой тяги, размещались на первых порах в примитивных зданиях, на формах которых специфика производства почти не отражалась.

С другой стороны, в архитектуре металлургической промышленности Урала, хотя она и испытывала в это время по сравнению с периодом 1751—1760 гг. заметный спад, принципы классицизма — стиля больших ансамблей — вновь нашли широкое применение. Этот недолгий период равновесия между функциональными требованиями производства и архитектурным строем промышленных сооружений оказался возможным в силу сравнительно небольших габаритов и известной примитивности заводского оборудования, благодаря которым формы и размеры производственных зданий оставались обычными для архитектуры рассматриваемого времени. Этому способствовала и гибкость зрелого классицизма как стилевой системы с широко разработанной шкалой соотношений главного и второстепенного, ордерной дисциплиной и сдержанностью в применении средств архитектурной выразительности. Но архитектура уральских, как и алтайских, металлургических заводов 20—40-х гг., несмотря на ее высокий уровень, осталась в стороне от основного пути развития промышленной архитектуры, предопределенного неуклонным ростом капиталистических отношений.

Центром текстильной промышленности, составлявшей почти 94% всех предприятий города, была Москва. Крупные механические предприятия начали создаваться с первых шагов развития бумагопрядильной промышленности, которая во многих случаях размещалась также в селах и поселках. Иногда для фабрик использовались и существовавшие здания. Московские предприятия занимали в начале 40-х гг. около 1300 зданий, больше половины которых были деревянными, одноэтажными. Бок о бок с предприятиями, располагавшимися в нескольких корпусах, лепились маленькие мастерские в одноэтажных деревянных домах. В 1853 г. в Москве действовало 866 промышленных предприятий, опоясывавших ее с запада, юга и востока полукольцом, по течению Москвы-реки и Яузы.

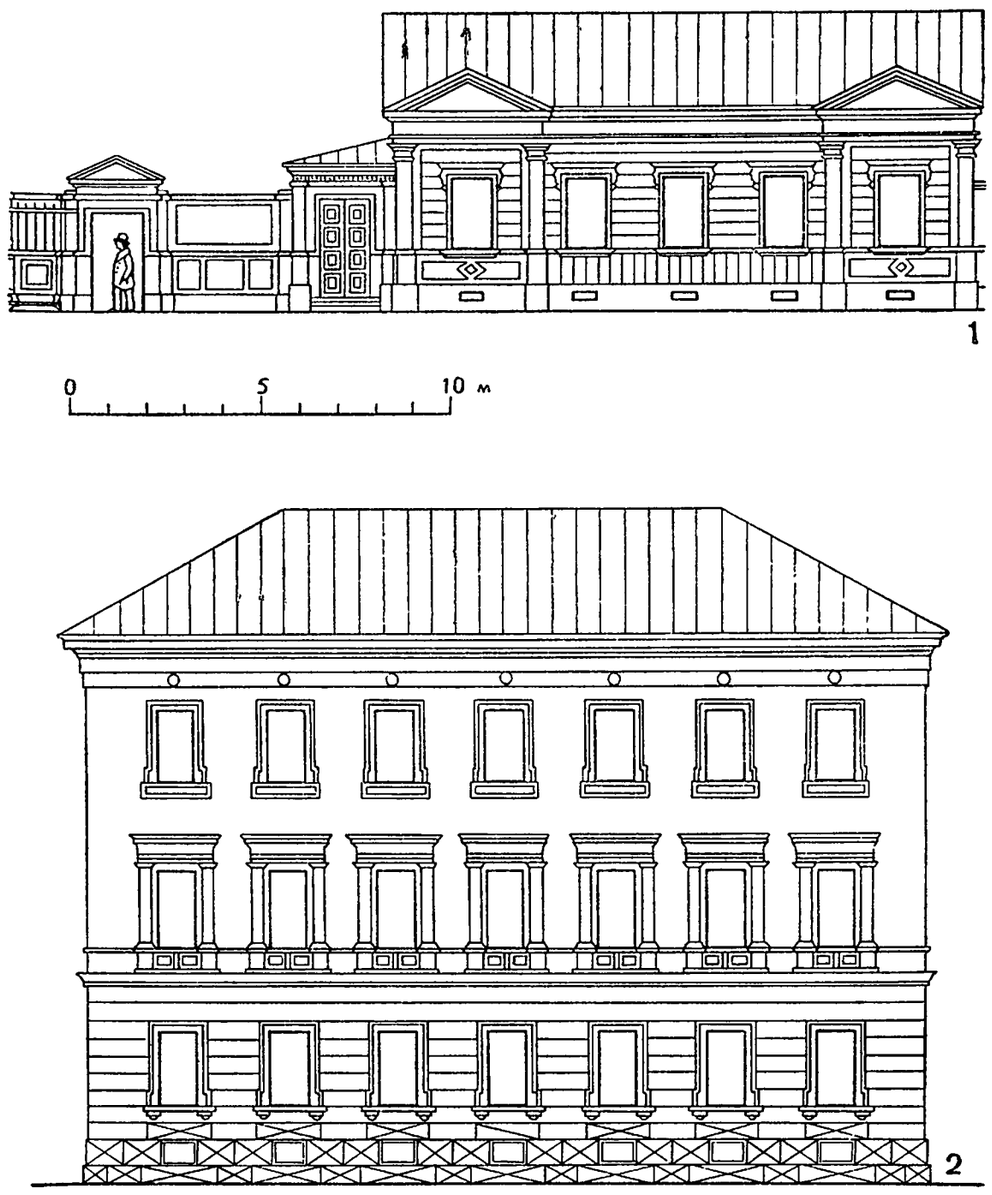
В Петербурге внедрение и производство машин шло интенсивнее, чем в других промышленных центрах страны, включая московский район. Наиболее существенную

---

[1] Сочинения и письма П. Я. Чаадаева под ред. М. Гершензона, т. 1, М. 1913, стр. 139.

[2] А. И. Герцен. Былое и думы, Соч., т. V, М., 1956, стр. 144.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 32, стр. 44.



2. Образцовые фасады жилых домов серий 1843—1856 гг., изданных Главным управлением путей сообщения и публичных зданий: *1* — деревянный дом в уездном городе; *2* — каменный городской дом

роль в 40—50-х гг. здесь стало играть текстильное производство — самая прибыльная отрасль, привлекавшая частные капиталы. К 60-м гг. в Петербурге насчитывалось 52 крупных предприятия текстильной промышленности, среди них такие большие, как Невская бумагопрядильная мануфактура (1833), Российская бумагопрядильная мануфактура (1835), в 30—40 гг. крупнейшая в России, Новая бумагопрядильная мануфактура (1844). Повышение земельной ренты заставляло не только переводить предприятия из центральных районов города на его окраины, но и ограничивало площадь, занимаемую фабричными корпусами. Строившиеся в Петербурге в 40—50-х гг. огромные фабрики утратили характер фабрик-усадеб: они представляли собой лишь совокупность производственных цехов с обслуживающими помещениями, в то время как рабочие переселялись в дома, строившиеся поблизости, либо в деревянные лачуги, либо в многоэтажные, казарменного типа корпуса без каких-либо коммунальных удобств.

Первая половина XIX в. в России характеризуется относительно медленным (по сравнению со второй половиной XVIII в.) ростом городов. Об этом свидетельствует и появление в 30—40-х гг. ряда указов и постановлений, направленных на поощрение притока населения в города и местности, в которых прокладывались шоссейные дороги, особенно в районах, до этого времени слабо заселенных. Различные льготы предоставлялись в городах тем, кто обзаводился домами. Упорядочению застройки города способствовала и система выдачи пособий застройщикам. Одной из мер регулирования городского строительства был контроль за постройкой домов согласно утвержденным «образцовым» фасадам. Новые серии фасадов жилых домов продолжали выпускаться в 1840—1841 гг., в 1843—1854 гг. и в 1855—1856 гг. (рис. 2). Но в отличие от проектов начала века эти проекты уже не согласовывались с градостроительными планами. В них отсутствовали и связь между отдельными типами зданий (что делало невозможным их комплексное использование), и общие одинаковые элементы, варьирование которых создавало разнообразие типов зданий, позволяя сохранить в то же время единство ансамбля. Эти серии «образцовых» фасадов отразили, с одной стороны, огрубение и вырождение форм классицизма, а с другой — распространение эклектических форм, постепенно разрушавших старую стилевую систему.

Обязательность применения «образцовых» фасадов раньше всего была отменена для жилых зданий (1858 г.). Но если можно считать, что в 60-х гг. типовое проектирование в основном сходит на нет, то в отдельных областях строительства (путей сообщения, школ, больниц, казарменных зданий, тюрем) оно продолжается до XX в. «Нормальные» (как их стали называть с 40-х гг.) проекты и после отмены их обязательности еще долго служили образцами для руководства.

Таким образом, в 40—50-х гг. роль образцового проектирования суживается и заметно ослабевает государственный контроль над частным строительством. Связь последнего с градостроительным планом и значение его в комплексной застройке наряду с общественными сооружениями постепенно утрачиваются. Теряют свою регулярность (благодаря усиливающемуся

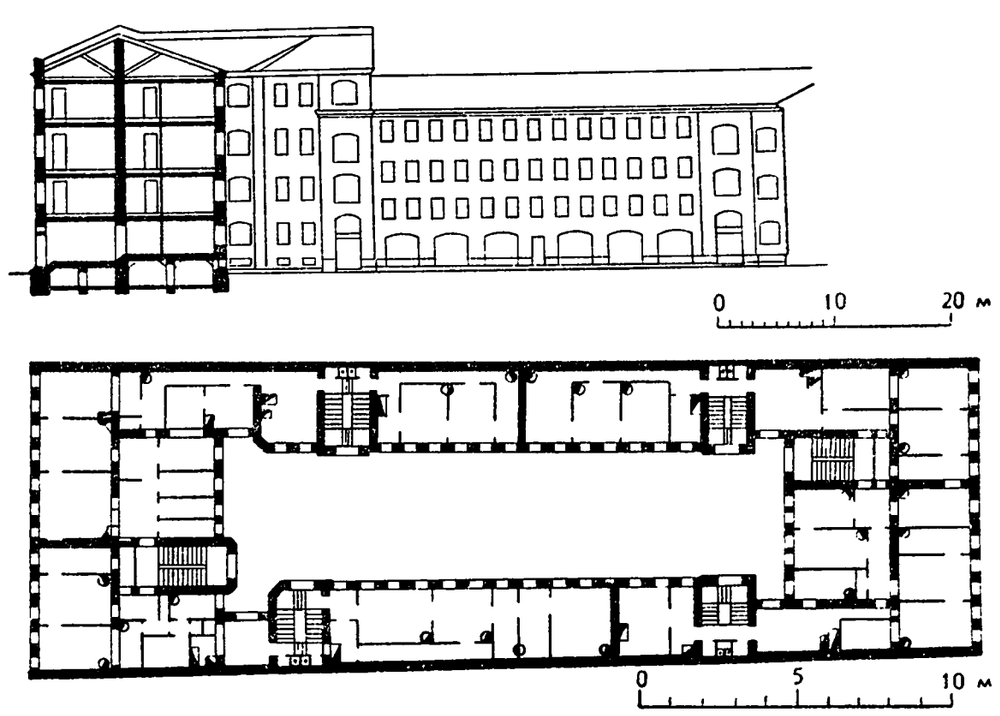
раздроблению) участки, предназначенные для обывательских домов.

Развитие доходного дома как массового типа жилища — одна из наиболее характерных черт рассматриваемого периода. Оно продолжается в это время по двум линиям: формирования секционного типа городского дома и приспособления индивидуального жилого дома под сдачу внаем [1].

Городская застройка Петербурга и Москвы на протяжении 40—70-х гг. изменялась незначительно. В Москве даже в 60-х гг. застроенные участки занимали меньше 1/3 городской территории. Это обилие свободных пространств обусловило строительство небольших доходных домов, повторявших типичный для первой трети XIX в. вариант четырехквартирного доходного дома в два этажа с небольшими изменениями: с конца 40-х гг. дома строились без галерей, с пристроенными со двора или внутренними лестничными клетками, с парадным и черным входами. Эти дома к середине века представляют собой уже вполне сложившийся тип многоквартирного жилого дома, несмотря на то что по своей планировке и размерам квартир они еще близки особнякам первой трети века. Дома на 4—8 квартир возводились в Москве вплоть до 90-х гг. XIX столетия и предшествовали появлению многоэтажных секционных домов. Дома, подобные московским, и их местные варианты были распространены и в застройке провинциальных городов России, Украины, Прибалтики.

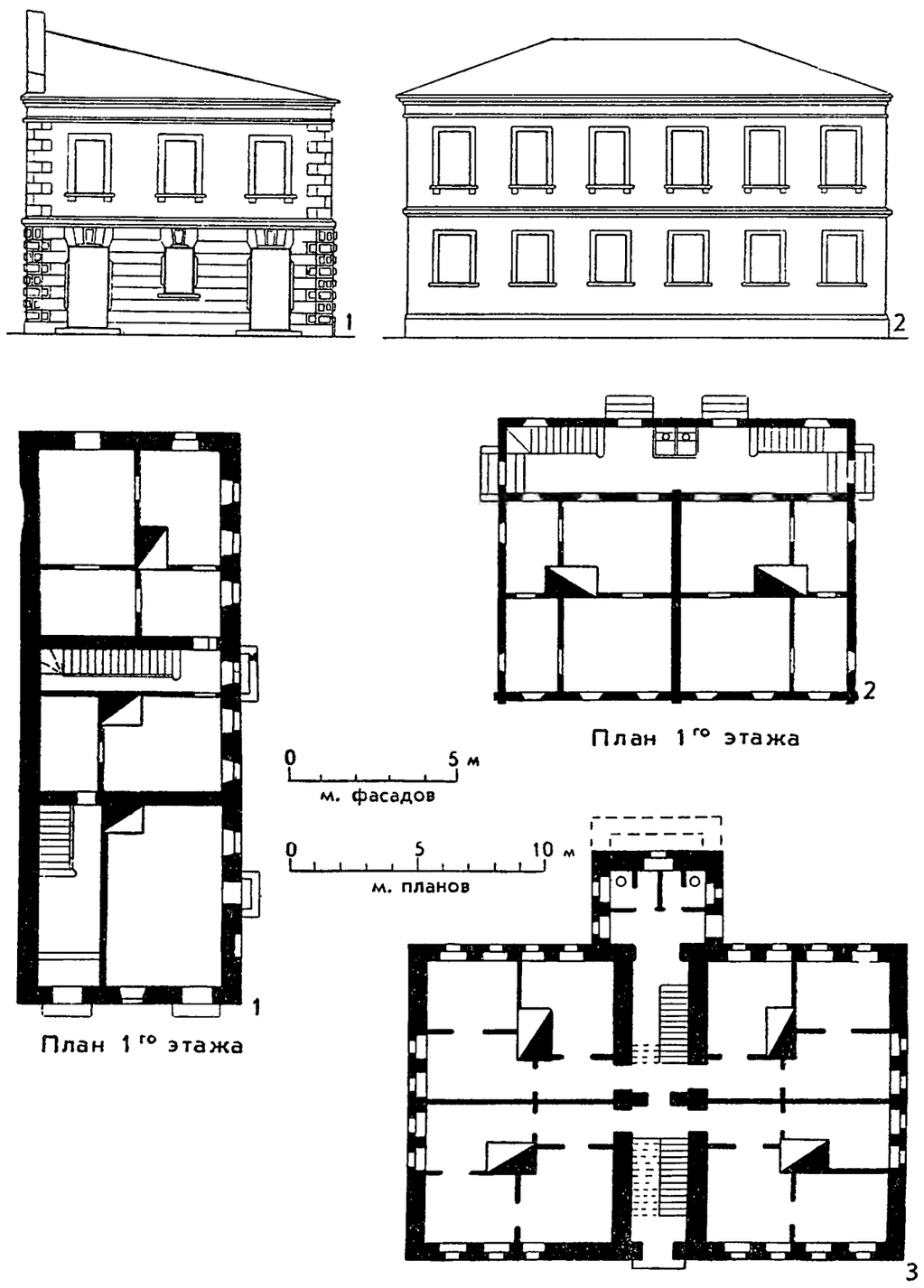
В Петербурге центральные части города застраивались вплотную примыкавшими друг к другу многоэтажными домами, которые во многом отличались от жилых зданий других городов России. Типичным образцом петербургского многоквартирного доходного дома может служить дом № 34 на Литейном проспекте (1858, рис. 3), многоэтажный корпус которого расположен по периметру тесного, вытянутого в длину участка. Но для застройки Петербургской стороны, Васильевского острова, как для Москвы и провинциальных городов, характерно наличие на участке нескольких корпусов, предназначавшихся для сдачи внаем. Кроме того, в окраинных районах Петербурга было широко распространено строительство двухэтажных четырехквартирных домов с галереями по дворовому фасаду.

Примеры домов этого типа в Москве — двухэтажные четырехквартирные дома в Капельском пер., № 12. Та же планировка применена в доме в Спасочигасовском переулке для восьми квартир (рис. 4). На протяжении нескольких десятков лет своего существования эти небольшие дома «для квартир» часто обрастали пристройками и надстройками, меняли обработку фасада. В 40-х гг. здесь еще держатся приемы классицизма в обработке фасадов, напоминающие о традициях «образцовых» проектов 1809—1812 гг. К 60-м гг. формы мельчают, делаются эклектичнее. Но главные изменения происходят в основных принципах композиции фасада, они отражают перемены в планировке жилого дома, которые проявляются в отходе от применения ордерных форм, подчинения частного целому, выделения центра. Равнозначность этажей, повторение однородных элементов, снимающие всякие ограничения в увеличении числа этажей и наращивании



3. Петербург. Доходный дом на Литейном проспекте, 1858 г. Разрез, план 2-го этажа, фасад

[1] См. статью Е. И. Кириченко «Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770—1830). Сб. «Архитектурное наследство», № 14. М., 1962.



4. Москва. Доходные дома середины XIX в. *1* и *2* — дома в Капельском переулке; *3* — дом в Спасочигасовском переулке

дома по горизонтали, — таковы отличительные черты, которые легли в основу совершенно иной системы архитектурной композиции фасадов доходных домов.

Небольшие доходные жилые дома, составлявшие значительную часть городской застройки в провинции, носят сильный отпечаток местных условий быта, излюбленных строительных приемов и декоративного убранства. Так, например, в Костроме[1], где строившиеся в центре двухэтажные каменные дома, как правило, принадлежали богатым купцам и фабрикантам, было привычным деление дома по этажам (раздельное пользование которыми предусматривалось уже при постройке дома). Эти дома имели обычно один вход, в них редко встречались антресоли, отсутствовала и маленькая внутренняя деревянная лестница: этажи были связаны между собой только через лестничную клетку. В Костроме рано (уже в первые десятилетия XIX в.) появились многоквартирные дома с самостоятельными входами со двора в нижнем этаже и общей лестничной клеткой для верхних квартир. К середине века парадный вход начинают устраивать с улицы, превращая один из проемов фасада в дверной или пристраивая лестничную клетку к торцу здания.

В 40-е гг. не возникает принципиально новых решений в генеральных планах городов, большей частью утвержденных в начале века. Эти планы (и особенно планы, составленные в конце XVIII столетия) отличались чрезмерным размахом, и в середине века города по ним застраивались слабо, особенно казенными зданиями. Свойственная первой трети века ансамблевая застройка городских центров, во многих случаях возникавшая на основе намеченной в XVIII в. планировки, уступает место строительству отдельных зданий, иногда дополняющих уже сложившийся ансамбль.

С ростом города центр его приобретает протяженный характер, превращается в центральный проспект, замыкающийся по концам площадями или монументальными зданиями. Активную роль в архитектурной организации городского центра начинает играть главная улица. Архитектурные сооружения рассредоточиваются, они соединяются в системе улиц. При этом возникают площади на пересечении улиц и бульваров, у подходов к мостам. Примером размещения административного центра на главной улице может служить Воронеж, где с начала века Большая Дворянская улица стала застраиваться по типу «образцовых» проектов зданиями казенной палаты, канцелярии губернатора, семинарии. Для эволюции русского города первой половины XIX в. характерно также развитие центра Симбирска. Здесь по мере возрастания роли главной улицы, связанной с группой административных зданий (образующих как бы центральное ядро города), главная площадь потеряла свое значение, и здание земской управы (во второй половине XIX в.) было построено уже на улице. Во второй половине XIX в., когда общественная жизнь в городах переместилась с площадей на главные улицы, многие площади, которые не образовывали транспорт-

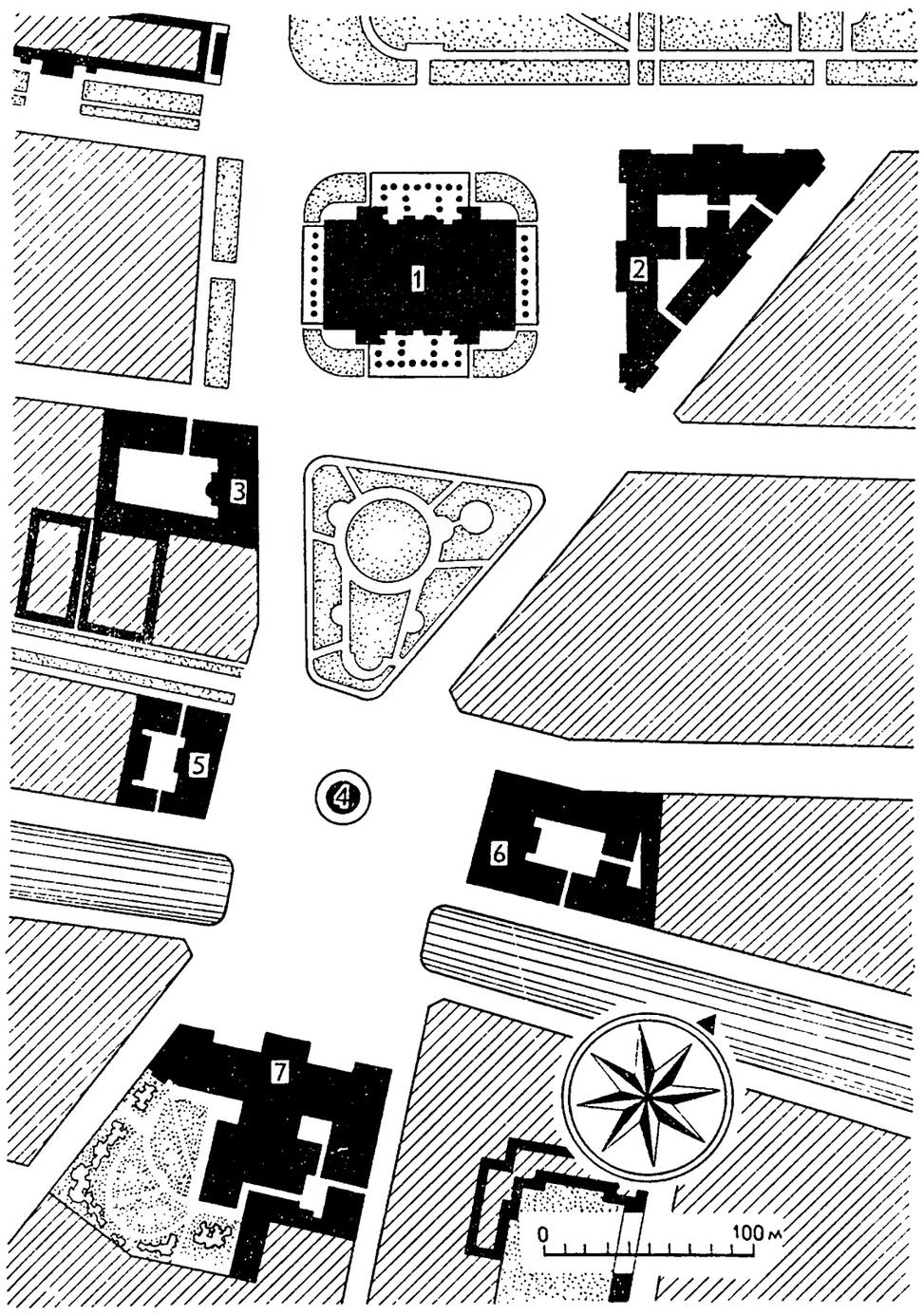
[1] В. Н. Иванов и М. В. Фехнер. Кострома, М., 1955.

ных узлов, в связи с ликвидацией плац-парадов были превращены в скверы и сады. Другая черта города этого времени, появляющаяся уже в начале XIX в., — утрата четких границ (с упразднением валов и рвов), допускающая возможность бессистемной застройки окраин, теперь обозначилась резче. Таким образом, градостроительные работы середины века сводились в основном к отдельным улучшениям: к завершению и озеленению городских центров, выравниванию профилей улиц и их замощению, к засыпке оврагов.

Одним из последних крупных градостроительных ансамблей в России был ансамбль Исаакиевской площади в Петербурге, придавший законченность системе центральных площадей города (рис. 5). Ансамбль складывался частью в период строительства собора (1818—1858, арх. А. Монферран), частью позднее, с постройкой основных ограничивающих площадь зданий — Мариинского дворца (1839—1844, арх. А. И. Штакеншнейдер), домов министерства государственных имуществ (1844—1853, арх. Н. Е. Ефимов). Исаакиевская площадь имеет неправильную форму, изломанную по периметру и сильно вытянутую с севера на юг. Эти изломы и большое количество вливающихся в нее улиц нарушают известную монотонность архитектуры окружающих площадь зданий. Свободно стоящее здание собора занимает центральное положение на ее северной, торцовой стороне. Противоположную сторону замыкает фасад Мариинского дворца. Таким образом, площадь имеет два центра тяготения, ее пространство как бы распадается на две зоны: площадь собора и площадь перед дворцом, сливающиеся в одну площадь, продольная ось которой подчеркнута конной статуей Николая I (работы скульптора П. К. Клодта, 1859).

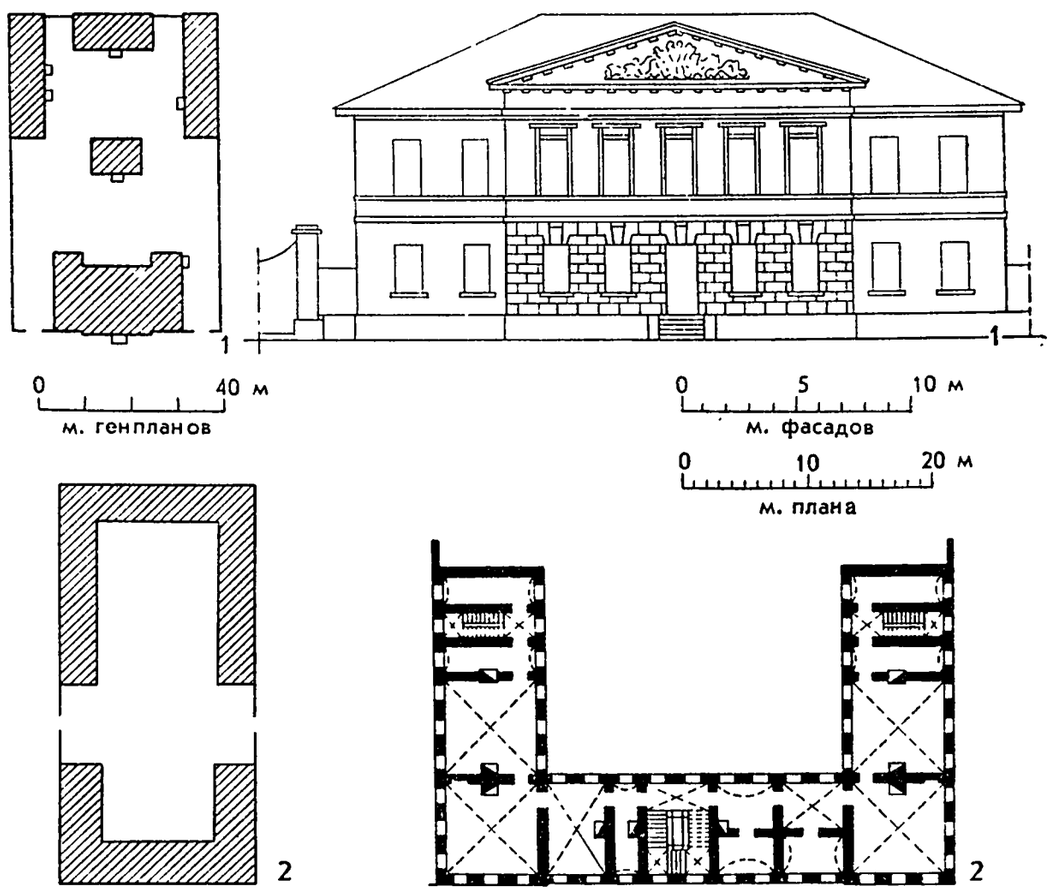
В провинциальных городах общественные здания (и в первую очередь административные) еще долго по традиции располагались так, что они формировали и закрепляли геометризованные пространства площадей. Среди таких зданий одно из первых мест занимали присутственные места, находившиеся, как правило, вблизи собора или в архитектурной взаимосвязи с ним. Объединение на одной площади присутственных мест и торговых рядов чаще встречается в уездных городах, где имелась одна городская площадь. В середине XIX в. торговые ряды стали строиться вне главной площади и часто заменялись магазинами.

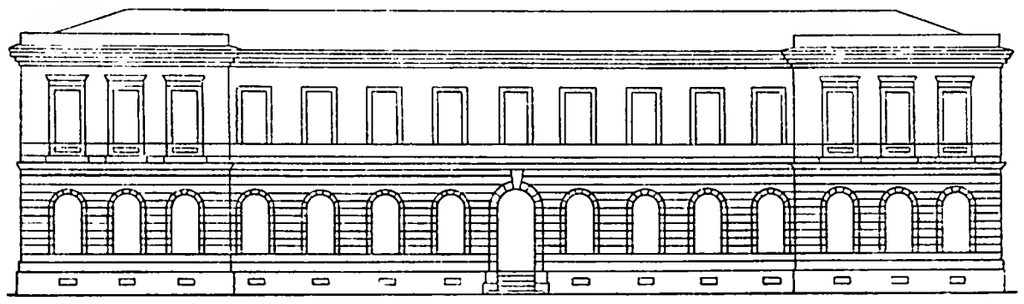
С начала XIX в. здания присутственных мест (в состав которых входили уездный и земский суды, городническое правление, архивы и канцелярии, а с 20-х гг. и тюремные помещения) образуют комплексы построек с подсобными помещениями, включавшими флигеля пожарной службы, и внутренними дворами. До 40-х гг. в главном здании находились и квартиры городничего и казначея со своими службами. По типовым проектам 1828—1829 гг. или с незначительными отступлениями от них строились здания присутственных мест во многих уездных городах в конце 30-х гг. (рис. 6). Выпущенные в 1845 г. и затем в 1859 г. проекты уже не рассчитывались на оформление главной площади города. Несмотря на значительные размеры здания, общий



5. Петербург. Исаакиевская площадь

1 — Исаакиевский собор; *2* — дом Лобанова-Ростовского; *3* — дом Мятлевых; *4* — памятник Николаю I; *5* и *6* — дома для Министерства государственных имуществ; *7* — Мариинский дворец





6. Присутственные места. «Образцовые» проекты. *1* — проект начала XIX в. — генеральный план, фасад; *2* — проект 1845 г. — генеральный план, план 1-го этажа, фасад

композиционный прием примитивен в обоих вариантах проекта, так же как и внутренняя планировка корпусов, фасады которых отличаются казарменной монотонностью. Дань новым стилистическим веяниям в них — отсутствие архитектурно выделенного центра, нейтральный характер фасадной плоскости (рис. 6).

Типичным зданием для города рассматриваемого времени был дом «городской части»: учреждения, объединявшего функции полиции, пожарной службы и в известной мере здравоохранения, поскольку в состав его помещений входила также небольшая больница или хотя бы комната для повивальной бабки (по закону беднейшая часть населения могла получать здесь медицинскую помощь бесплатно).

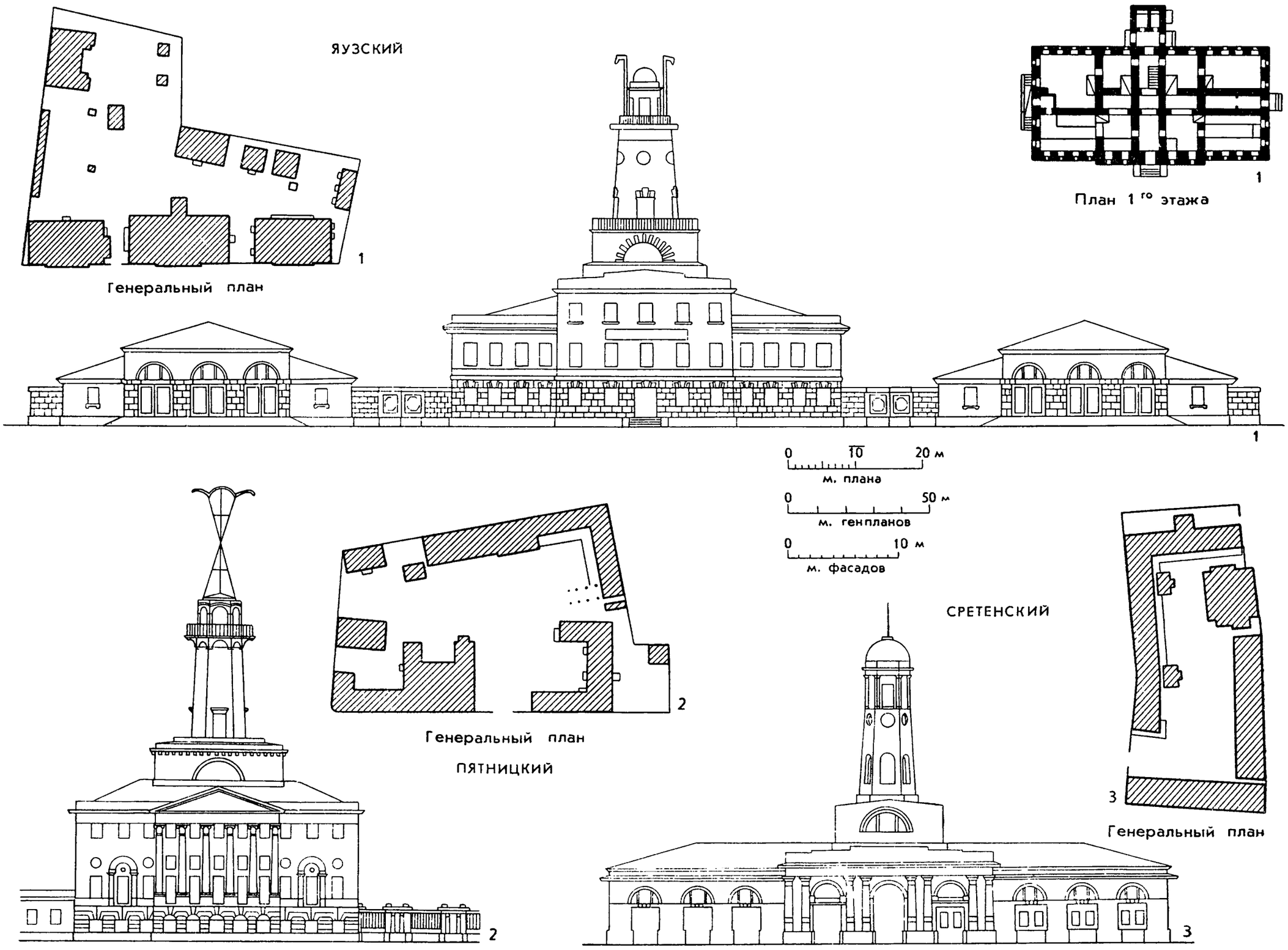
Помимо основных групп помещений (полицейских и пожарных) значительную часть хозяйства «городской части», или так называемого «частного» дома, занимало жилье: казармы пожарных и «мушкатеров» холостых и женатых, «рабочих людей», квартиры брандмейстера, частного пристава, штаб-лекаря, повивальной бабки, чиновников. Сюда же включались службы (конюшни, сараи, погреба), вместе с главным зданием составлявшие комплекс усадебного характера, часто располагавшийся в нескольких корпусах на довольно обширной территории.

Многочисленные «частные дома» Москвы не имели какого-либо единого образца и часто размещались в уже существовавших зданиях, перестроенных и приспособленных для новых нужд. Но эти дома обладали многими типическими чертами и общностью основных композиционных приемов (рис. 7). В тех случаях, когда это позволял участок, композиция носила регулярный характер: в середине на красной линии улицы располагался более крупный объем главного здания, завершенный башней-каланчой, по его сторонам — небольшие флигеля. Службы размещались в глубине участка, обычно по его периметру. Общественный характер здания (нередко украшенного портиком) подчеркивался сознательно: если даже на улицу выходил служебный корпус, его фасад центрально-осевой композицией и портиком маскировал утилитарность самого помещения, как, например, в Сретенском частном доме (1837—1841), где на улицу выходили конюшни.

«Частные дома», не одинаковые по размерам, различались и степенью парадности своей архитектуры, но своеобразие их внешнего облика, связанное с завершением здания каланчей, заметно выделяло их среди рядовой застройки.

Не слишком многочисленную, но не лишенную интереса группу зданий представляют собой заведения Приказа общественного призрения. К ним относились больницы, богадельни, сиротские приюты, дома умалишенных, а также смирительные и «работные» дома. Переплетение начал благотворительности с функциями полицейского воздействия на «опасные» элементы населения было отличительной чертой этих учреждений, часто сочетавших в одном комплексе дом призрения и смирительный дом с режимом, близким к тюремному.

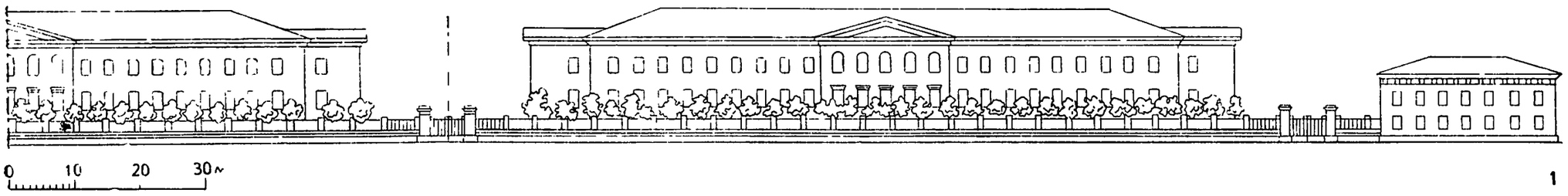
Проекты комплексов зданий Приказа общественного призрения нередко предполагали размещение застройки на значительной территории с обширными садами и дворами, вокруг которых группировались



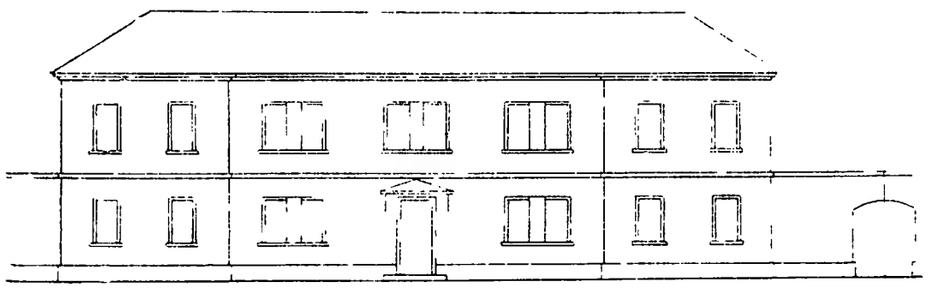
7. Москва. «Частные дома» по чертежам конца 1830-х гг. *1* — Яузский; *2* — Пятницкий; *3* — Сретенский

основные и подсобные корпуса, объединенные в цельный, регулярный по композиции комплекс. Но обычно строилась лишь часть ансамбля по более упрощенной и сокращенной программе, включавшей постройку больницы и богадельни. Подобно «частным» домам здания приказа общественного призрения имели большое количество подсобных помещений, которые находились в отдельных флигелях и вместе с жильем персонала составляли обширное хозяйственное целое (рис. 8).

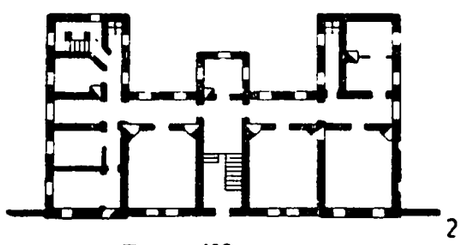
Художественный уровень архитектуры больничных зданий, как и многих других общественных зданий, заметно снижается к середине века. Вместе с тем их некоторые черты небезынтересны, так как отражают определенный этап в формировании типа рядового общественного здания. Если проектировалось одно здание, для него еще часто использовалась усадебная схема центрального корпуса с двумя боковыми флигелями, выступающими вперед (причем ограда, соединяющая их с главным зданием плавной кривой, образовывала небольшой курдонер). Но уже встречаются отклонения от принципов классицизма, особенно заметные в больших комплексах, как, например, больничном комплексе в Каменце-Подольском, где ансамбль не имеет композиционного центра: его главная ось проходит между двумя одинаковыми корпусами больницы и богадельни. Так же довольно распространенной была схема плана, близкая к плану образцового проекта присутственных мест, включавшего главный корпус, расположенный по красной линии улицы, и подсобные флигеля в глубине обнесенного оградой участка. План главного здания по очертаниям чаще всего представлял собой прямоугольник, иногда перевернутую букву П с двухсторонним размещением



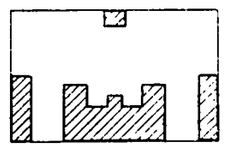
1



2

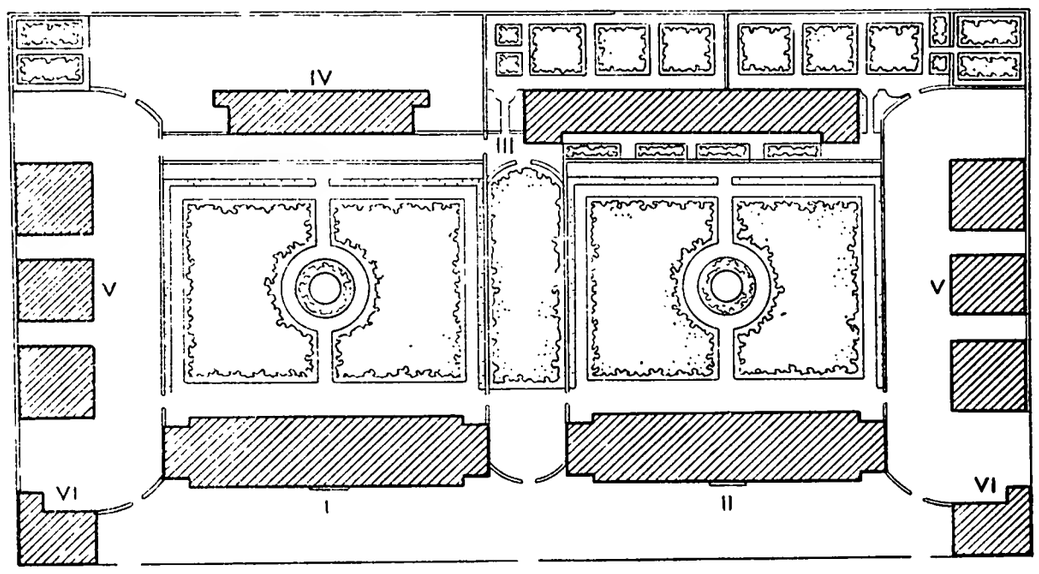


План 1го этажа



Генеральный план 2

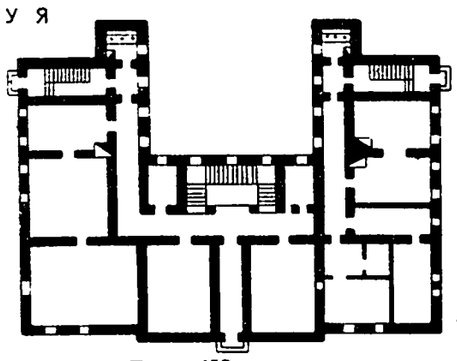
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ



1

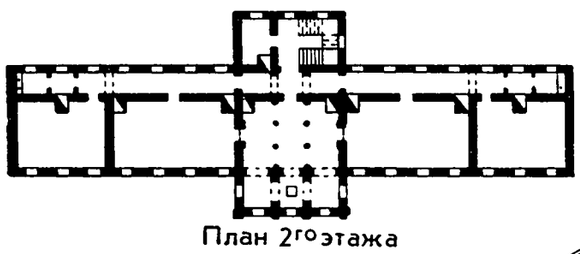
0 10 20м
м. планов
0 5 10м
м. фасадов
0 50м
м. генпланов

ШУЯ



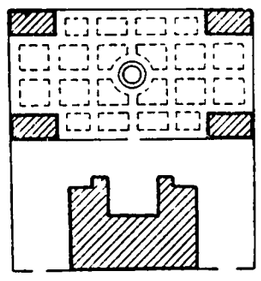
План 1го этажа 4

КИШИНЕВ

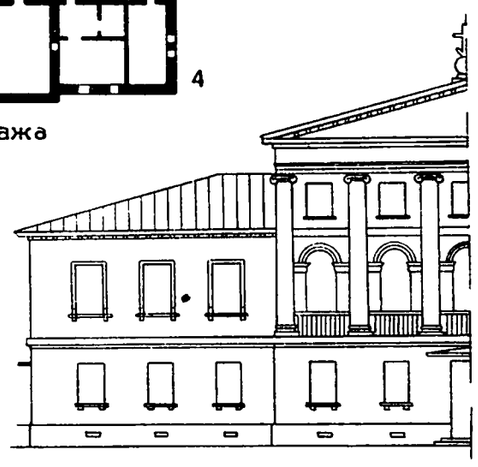


План 2го этажа 3

Часть фасада 3

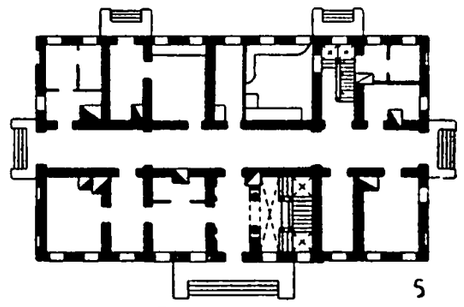


Генеральный план 4

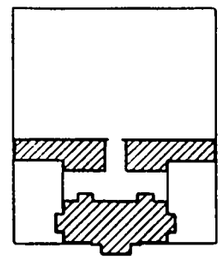


Часть фасада 4

МОЖАЙСК



План 1го этажа 5



5

Генеральный план

8. Здания Приказа общественного призрения. *1* — проект больничного комплекса в Каменце-Подольском (1837), генеральный план:

I — богадельня; *II* — больница; *III* — дом умалишенных; *IV* — прачечная; *V* — бани и службы; *VI* — жилье персонала

2 — «Образцовый» проект больницы и богадельни для уездных городов (1852); *3* — проект городской больницы в Кишиневе (1840); *4* — в Шуе (1837); *5* — в Можайске (1836)

комнат. Помимо центрального входа с главной лестницей дополнительные входы устраивались с торцов. Односторонняя застройка коридора и размещение уборных в основном корпусе, так же как и ванных комнат с ваннами и водогрейкой, практикуемые с конца 30-х гг., получают все большее распространение. Фасадная плоскость этих зданий, не имеющая выделенного центра, приобретает нейтральный характер, появляются сдвоенные окна. Приемы, идущие от классицизма, переплетаются с иными приемами, обусловленными изменившейся функциональной структурой здания (рис. 8). В 30—40-х гг. нередки случаи приспособления жилых домов под небольшие больницы.

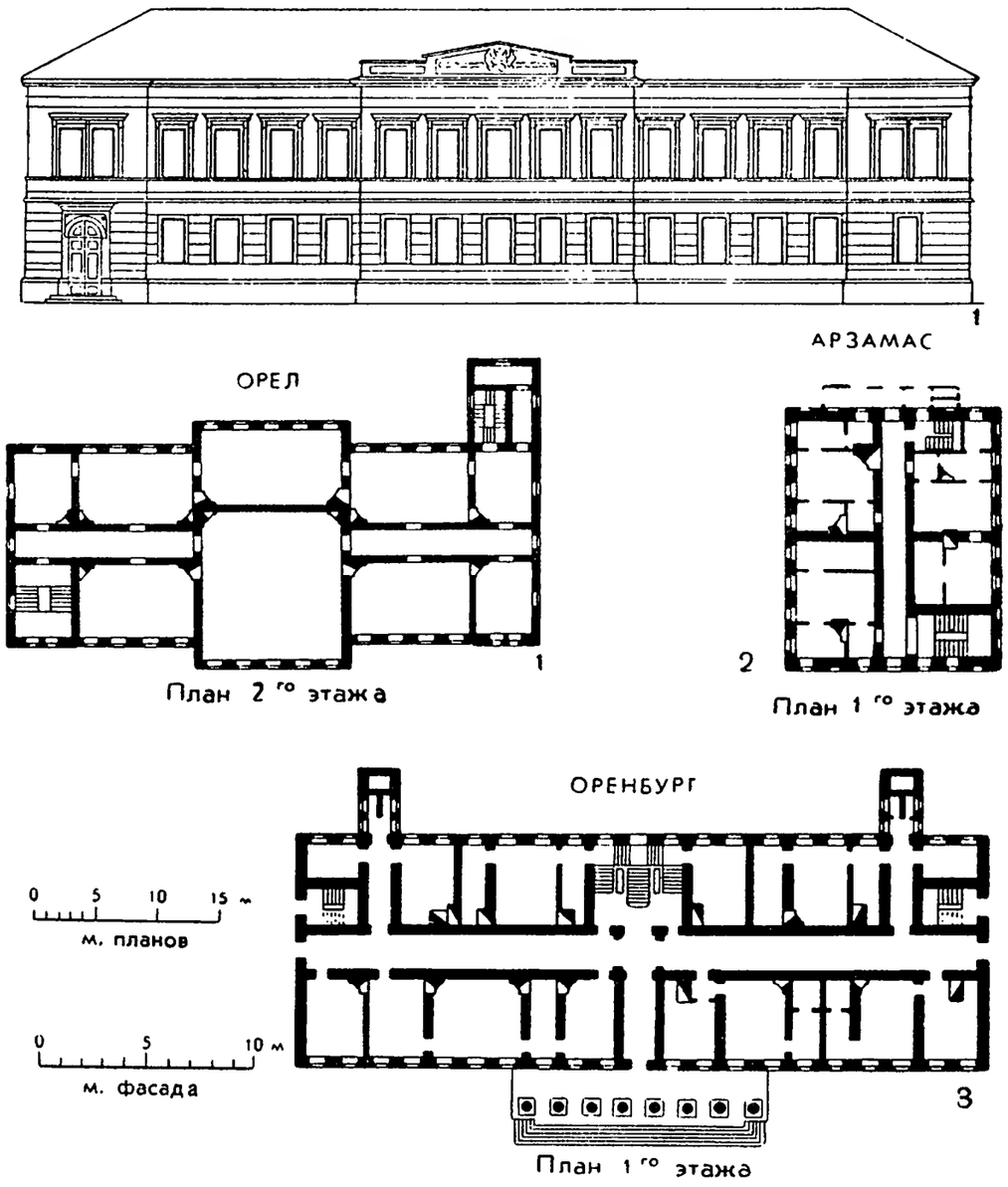
По приемам планировки и архитектурным формам во многом сходны с больничными здания учебных заведений — уездных училищ, гимназий (рис. 9). Не слишком развитой состав помещений и одинаковые условия быта вели к тому, что в рядовых общественных зданиях этого времени сильнее выражены общие черты, нежели отражающие специфику их назначения.

Типичными для середины века постройками были почтовые станции, которые

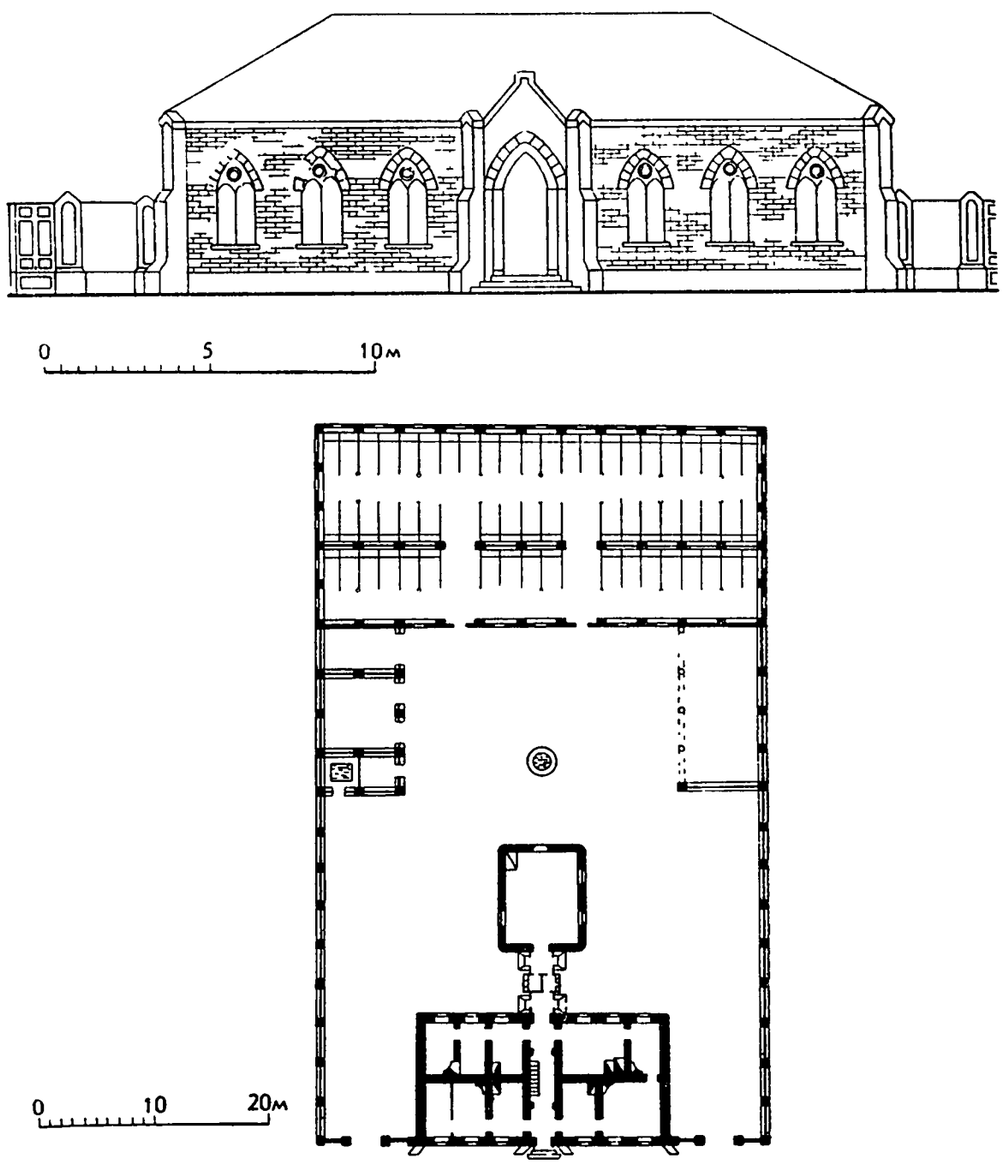
строились на расстоянии 20—30 *км* друг от друга и в ряде мест играли значительную роль в формировании архитектурных центров крупных сел и даже городов (например, в Клину). Для почтовых станций не раз издавались типовые, образцовые проекты (в 1806, 1818, 1823, 1826 и 1831 гг.), в большинстве случаев не находившие практического применения ввиду нерентабельности. По ним строились лишь отдельные здания почтовых станций на разных дорогах, не связанные единым архитектурным замыслом, а типизация почтовых станций в первой половине XIX в. проводилась только в пределах одной магистрали или даже отрезков ее. Последняя серия типовых проектов для почтовых станций, выпущенная в 1843 г. (рис. 10), была использована для строительства почтовых дворов на значительном участке шоссе Петербург — Киев. По несколько видоизмененным проектам этой серии в 40-х гг. построили ряд одинаковых зданий между Островом и Витебском.

Теми же принципами типизации руководствовались в известной мере и при постройке железнодорожных станций, например на магистрали Петербург—Москва, где были возведены одинаковые монументальные здания вокзалов в Петербурге и Москве, а вдоль дороги чередовались почти идентичные здания небольших станций, различавшихся лишь длиной и обработкой торцовых фасадов.

Особенность рассматриваемого этапа развития различных типов рядовых общественных зданий заключается в том, что, с одной стороны, в них еще широко используется усадебная схема композиции (применявшаяся в конце XVIII и начале XIX в. для зданий, ничего общего не имевших с усадьбой или с усадебным двором), а с другой — эта схема служит как бы внешней оболочкой, содержание которой существенно меняется. Это сказывается в ином расположении помещений, в возрастающей роли коридора и, особенно, главной лестницы, все чаще занимающей центральное положение в плане. В больших административных зданиях парадный зал теряет свое значение, как и анфиладное расположение комнат; трезвая утилитарность плана и подчинение его конфигурации городского участка постепенно выступают на передний план. Такой тип здания (формирование которого прослеживается уже в



9. Учебные заведения. *1* — Орловская губернская гимназия (1848); *2* — Арзамасское уездное училище; *3* — Оренбургская гимназия (1842)



10. «Образцовый» проект станционного здания 1-го разряда для постройки на шоссе, 1843 г. Фасад, генеральный план

больших сооружениях Росси) начинает вытеснять здание усадебного типа.

В предреформенный период основной особенностью рядового общественного учреждения, будь то присутственные места, больница, училище или пожарная часть, была еще не изжитая «усадебность» быта, обширность хозяйства, которая требовала большого количества подсобных помещений и превращала городское здание в полуусадебный комплекс. Жилье персонала, как правило, находилось при данном учреждении, нередко в самом здании, занимая значительную часть его площади. Это влекло за собой дополнительное устройство конюшен, сараев, амбаров, ледников и т. д.

Процесс развития капиталистического города обусловливал отделение жилья от производства, от того или иного «заведения» (заметнее всего это проявилось в промышленности, на больших фабриках Петербурга, о которых говорилось выше). Тот же процесс, следствием которого было все более интенсивное формирование жилого доходного дома, а также углубление дифференциации функций различных учреждений, вел к образованию более четкой типологии зданий, к выявлению их специфических черт, постепенно разрушавших универсальную схему усадебного типа.

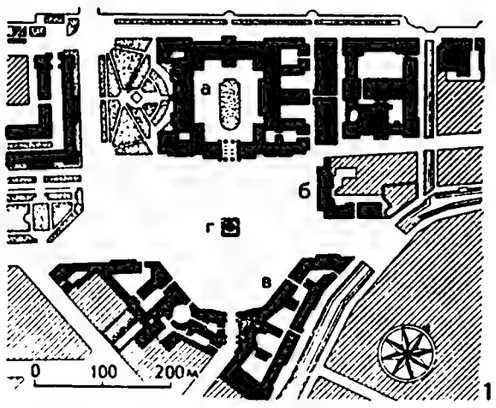
В 40-е гг. в Петербурге, как и в других городах, почти прекращается строительство больших городских ансамблей. Архитекторы в основном возводят отдельные здания и выполняют заказы членов царской фамилии, перестраивают и строят дворцы, загородные резиденции.

Среди мастеров, творчество которых определяет общее направление архитектуры этого периода, одно из первых мест принадлежит А. П. Брюллову (1798—1877). Воспитанный на традициях русской классической школы, он принадлежал к тем зодчим, которые пытались найти новые пути в архитектуре. Его деятельность началась в 30-х гг., когда наряду с классицизмом уже появились признаки других архитектурных течений и заметно распространилось увлечение готикой.

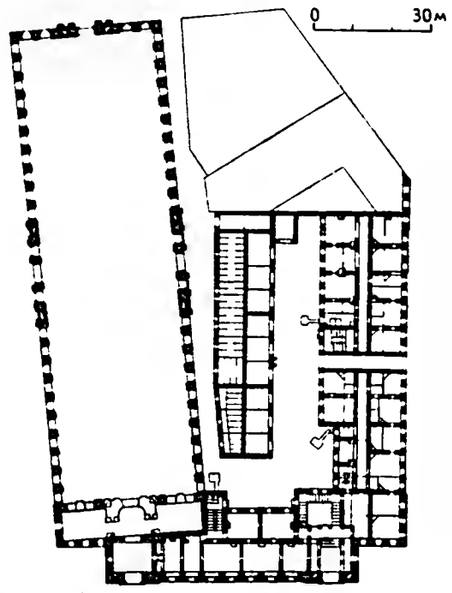
В числе первых крупных построек А. П. Брюллова — здание театра на площади у Михайловского дворца (1831—1833), которую Росси предполагал обстроить «обывательскими» домами. Брюллов подчинил вновь строившееся здание замыслу Росси, придав фасаду театра формы жилого дома с равномерно распределенными рядами окон и немногочисленными «типовыми» деталями. Зрительный зал театра по акустике и видимости считался одним из лучших для своего времени.

К концу 30-х гг. относятся наиболее значительные постройки Брюллова, среди которых главное место занимает Пулковская обсерватория (1834—1839) (рис. 11, *2*). Отлично разработанный план комплекса обеспечивал удобную взаимосвязь основных трех групп зданий: обсерватории, жилых домов персонала и служебных флигелей. Основной прием планировки (главного здания с курдонером), идущий от классицизма, здесь применен с той гибкостью, которая позволила придать ему новое содержание. Архитектурные формы зданий характерны для позднего классицизма. Массивный, сильно выступающий двухколонный в антах портик входа, как бы приставленный к основному объему здания, кажется чрезмерно монументальным по отношению к его фасадам, обработанным мелкими пилястрами, плоскими тягами, небольшими прямоугольными нишами-впадинами. В то же время строгость этих форм несколько сглаживает противоречие между ними и такими специфически утилитарными формами, как вращающиеся башни или деревянные с прорезями стены. Здание обсерватории отличало исключительно высокое качество строительных работ. Обсерватория была разрушена во время Великой Отечественной войны. Ее главное здание восстановлено в прежних формах в 1946—1954 гг.

С 1837 г. Брюллов начал проектирование здания штаба гвардейского корпуса (1837—1843) на центральной площади столицы — Дворцовой площади. При этом торцовую часть существовавшего здания экзерциргауза предполагалось надстроить и включить в объем нового сооружения (рис. 11, 1). По высоте здание штаба гвардейского корпуса согласовано со зданием Главного штаба. Его архитектура нейтральна и не создает нового центра на площади: в этом Брюллов следует градостроительному замыслу Росси. Но если Росси удалось достичь высокого эмоционального подъема в торжественной архитектуре здания Главного штаба, то облик штаба гвардейского корпуса остался бледным и невыразительным: в этот период нейтральность становится одним из общих стилистических при-

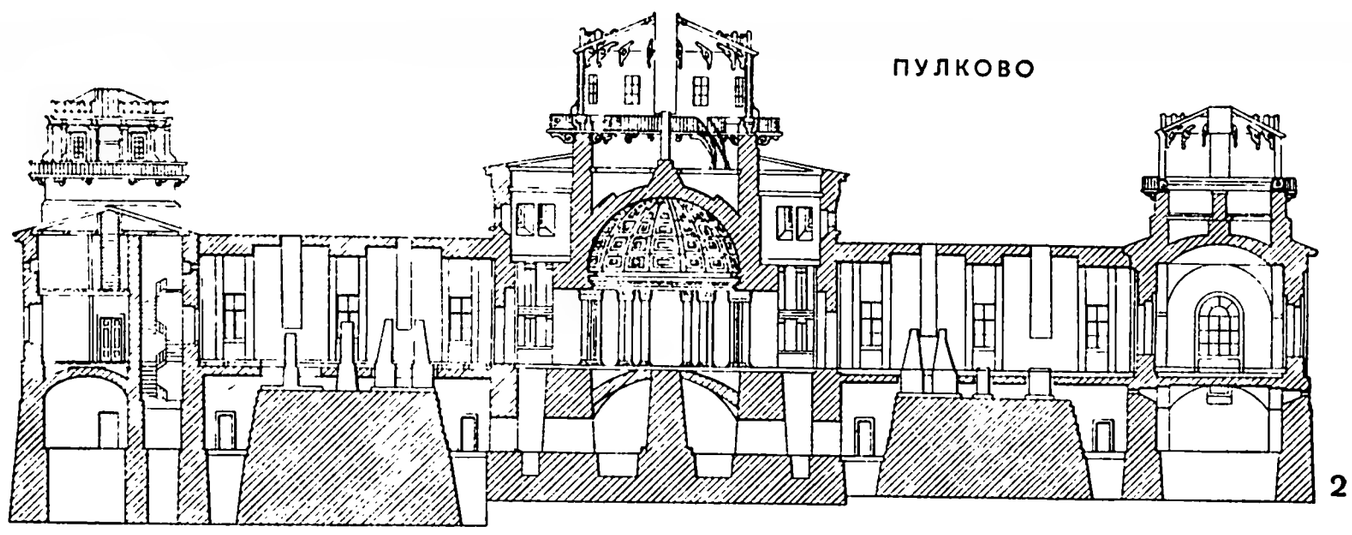


1



1. План 1го этажа

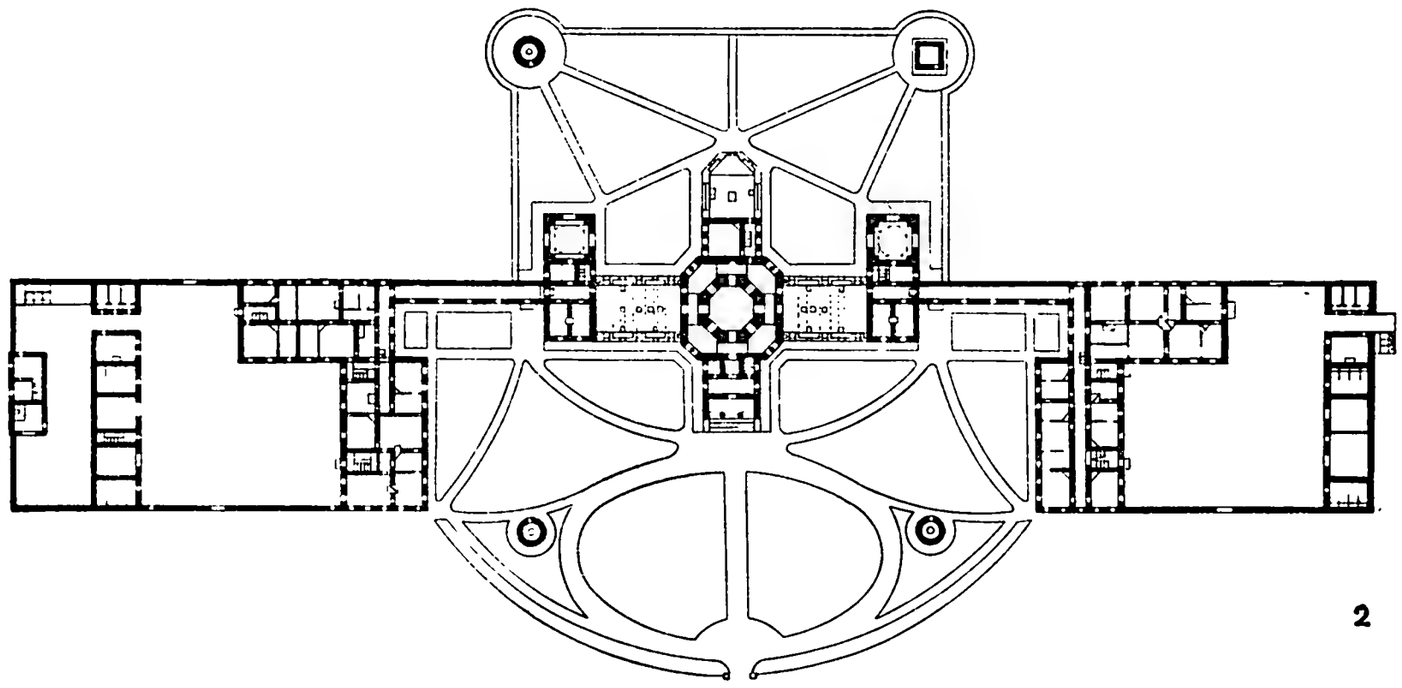
ПУЛКОВО



2

Разрез по центральной части

0 5 10 м



2

План 1го этажа

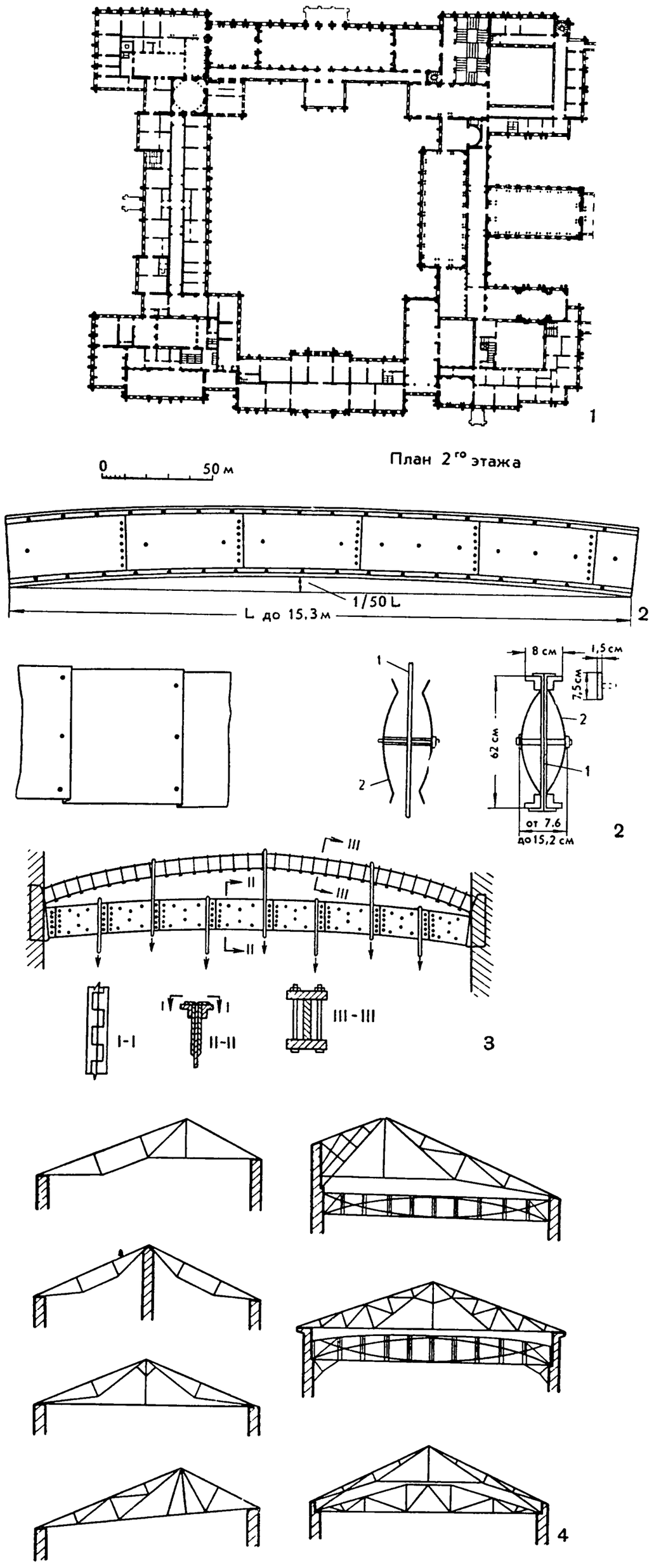
0 10 20 30 40 50 м

11. *1* — Петербург. Штаб гвардейского корпуса, 1837—1843 гг., арх. А. П. Брюллов. Генеральный план Дворцовой площади:

а — Зимний дворец; *б* — штаб гвардейского корпуса; *в* — Главный штаб; *г* — Александровская колонна;

план 1-го этажа и общий вид здания (фото ГИОП):

2 — Пулково. Обсерватория 1834—1839 гг., арх. А. П. Брюллов.



12. Петербург. Зимний дворец: *1* — план 2-го этажа; *2* — конструкция эллиптических балок; *3* — перекрытие с применением конструкций со сплошной стенкой; *4* — схемы металлических ферм, установленных в 1838 г.

знаков архитектурных течений, порывающих с традициями классической школы.

После пожара в декабре 1837 г., уничтожившего все помещения Зимнего дворца, Брюллов вошел в возглавлявшуюся В. П. Стасовым комиссию для руководства восстановительными работами (членами которой были также А. Е. Штауберт, К. А. Тон и инженер А. Д. Готман). В истории русского строительства второй трети XIX в. восстановление Зимнего дворца занимает важное место. Оно велось быстрыми темпами и завершилось в 1839 г. Необходимость закончить работы в кратчайшие сроки и обеспечить несгораемость конструкций стимулировала поиски новых решений, давших ряд технических новшеств и изобретений в строительстве дворца (в кладке стен и колонн, в конструкции потолков и карнизов, а также горшечных сводов).

В междуэтажных и чердачных перекрытиях, где нельзя было выложить своды, и для пролетов 6,5 саж. (до 3,87 *м*) применялись балки эллиптического сечения из кровельного железа — интересный пример изобретательности русских строителей (рис. 12). В перекрытиях Зимнего дворца встречается и система, представляющая собой комбинацию двух конструкций со сплошной стенкой: верхней арочной и нижней в виде балки со значительным строительным подъемом. Арка в сечении образует широкополочный двутавр, составленный из трех полос 6×1″. Сквозные металлические конструкции (шпренгели, а также треугольные фермы) широко использованы в перекрытиях больших залов дворца: в Малом и Большом аванзалах, в Концертном, Гербовом залах, в Большой церкви и для несущих конструкций (рис. 12).

Проектирование дворцовых залов было разделено между Стасовым и Брюлловым. В ведении Стасова находились парадные и церковные залы, а также парадная лестница, в ведении Брюллова — все остальные помещения. Уничтоженные пожаром интерьеры дворца предполагалось восстановить в первоначальных формах. Фактически архитектурный облик вновь созданных помещений носит сильный отпечаток своего времени. В заново сооруженной главной лестнице воспроизведена пространственная композиция Растрелли, но изменились пропорции и профиль колонн, появилась симметричность в рисунке декора.

1

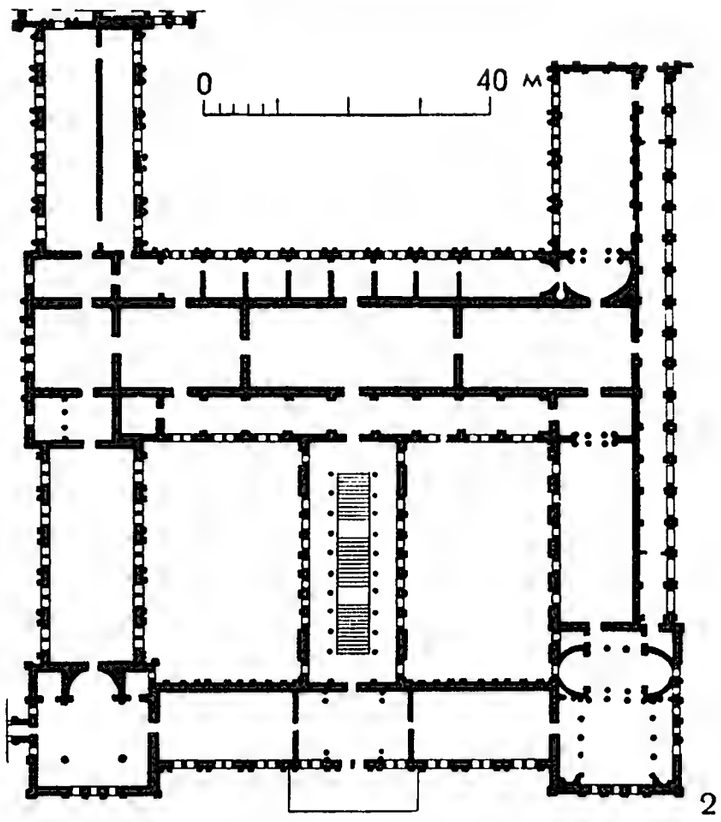
2

13. Петербург. *1* — Зимний дворец. Александровский зал, 1839 г., арх. А. П. Брюллов; *2* — Новый Эрмитаж, 1839—1852 гг., арх. Лео Кленце. Главная лестница, план 2-го этажа

Дерево, штукатурку, окраску желтым цветом (может быть по слинялому золоту) заменили гранитом, мрамором, бронзой, позолотой. Над верхней площадкой выложили своды из кирпича.

Невская анфилада, состоящая из Малого аванзала, Большого аванзала и Концертного зала, в заново отделанном виде отличается известным единством приема горизонтальных членений и цветовой гаммы отделки помещений, подчиненной принципу нарастания декоративной насыщенности от зала к залу. Но как и над растреллиевской композицией, над интерьерами Кваренги довлеют формы позднего классицизма. Сильный отпечаток творческой манеры Стасова носят также залы Большой анфилады (Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый и Пикетный), где каждое из помещений получило самостоятельное оформление, композиционно не связанное с соседним. Эти залы парадны, монументальны и перегружены декором.

В ходе восстановительных работ была значительно выправлена планировка дворца: уничтожены запутанные, плохо освещенные переходы, превращены в светлые помещения тупики и коридоры. Вдоль Невской анфилады во 2-м и 3-м этажах устроили галереи.



2

Брюллову поручили отделку личных комнат Николая I и его семьи, первую и вторую «запасные» половины, а также сооружение нового Александровского зала. Бóльшая часть этих комнат не сохранилась, о них можно судить лишь по проектным материалам и акварелям Э. П. Гау, К. А. Ухтомского, Л. Премацци. Восстановленные Брюлловым интерьеры различны по мотивам и приемам оформления. В небольших комнатах стены обработаны деревянными золочеными рамками с натянутой

на них шелковой тканью, в некоторых помещениях главным элементом декора был мелкий скульптурный орнамент, покрывавший не только небольшие плоские пилястры, но также своды и верхнюю часть стен. Ряд интерьеров выполнен в различных «стилях»: Помпейская столовая, Готическая гостиная, Помпейская галерея, Мавританская ванная. Эклектическое сочетание приемов, свойственных различным стилям, вольная интерпретация взятых за образец форм присущи и таким композициям Брюллова, как Александровский и Белый залы, Большая столовая, Ротонда (рис. 13,1).

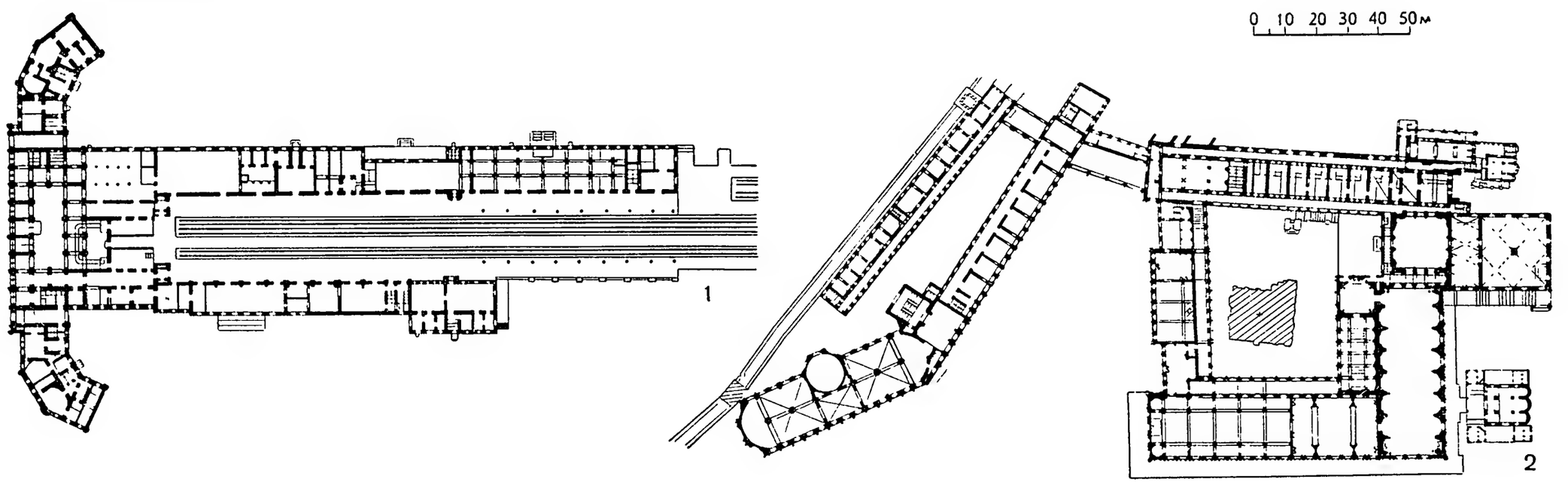
Последняя, например, в своем восстановленном виде гораздо ближе к круглым перекрытым куполами залам своего времени (в даче Ольденбургского или в Мариинском дворце), чем к первоначальному образцу. Это проявляется как в основных пропорциях главных членений, делящих стену по высоте на две почти равные части, так и в трактовке ордера небольших очень плоских пилястров верхнего яруса, в приеме декоративной обработки купола тремя кольцевыми рядами заполненных орнаментом рамок.

В 1839—1852 гг. велись работы и по расширению Эрмитажа: под руководством В. П. Стасова и Н. Е. Ефимова строилось здание Нового Эрмитажа по проекту мюнхенского архитектора Л. Кленце (рис. 13, *2*). Это было первое в России здание, построенное специально для музея, и схема его плана (с теми или иными вариациями) легла в основу планировки ряда музеев последующего времени. Интересна по своему архитектурному приему главная лестница, отмеченная сильным влиянием Шинкеля, — одно из самых парадных помещений музея. Она поднимается тремя прямыми маршами между полированными золотистого тона мраморными стенами, которые служат основанием для колоннады, поддерживающей кессонированный потолок. Размещение лестницы вдоль центральной оси входа с маршами по одной прямой открывает в глубокой перспективе всю ее высоту, подчеркивая эффект протяженного, не прерываемого поворотами движения. Фасады здания нейтральны по своей архитектуре. Типичен для своего времени главный фасад, выходящий на Миллионную улицу, с заглубленным центром и боковыми выступающими ризалитами, равномерным рядом окон во втором этаже и сильно выдвинутым портиком над входом. Так же типично и противоречие между сухим и мелким рисунком плоских пилястров, орнаментальных вставок над окнами, профилей, акротериев, венков и грузными формами портика, поддерживаемого десятью атлантами, высеченными из серого сердобольского гранита по моделям А. И. Теребенева.

Один из наиболее известных архитекторов середины XIX в. в России — К. А. Тон (1794—1881) — стал родоначальником «византийско-русского» стиля, который воплотил в себе реакционные идеи официального православия. Первой в ряду многочисленных церквей, построенных в России в «византийском вкусе» по проектам Тона, была церковь Екатерины у Калинкина моста в Петербурге (для перестройки которой Тон сделал проект в 1830 г.). Храм Христа Спасителя в Москве (1837—1883) — самая крупная из церквей Тона может служить примером эклектического использования архитектурных приемов и форм различных эпох и стилей. Второе значительное по размерам произведение Тона — Кремлевский дворец в Москве (1839—1849), также выполненный в «русском стиле», монотонный и однообразный по своему внешнему облику, эклектичный во внутреннем убранстве, но обладавший в то же время рядом достоинств: большие, просторные, светлые залы дворца восхищали современников своими размерами и смелостью конструкций (рис. 14, *2*).

Эта двойственность — специфическая черта творчества Тона. Но в оценке современников имя Тона окружено ореолом новаторства, оно связывалось с падением «устаревших теорий» классицизма. Тон сыграл немалую роль в подготовке русских строительных кадров. Во всех его постройках не только каменные работы, но и живопись и внутренняя отделка поручались русским мастерам. Одновременно с окончанием Кремлевского дворца Тон строит в Москве и Петербурге станции Николаевской железной дороги с таможней при Московской станции (рис. 14, *1*).

Ярким представителем эклектического направления 40—50-х гг. был А. И. Штакеншнейдер (1802—1865), большая часть построек которого осуществлялась по заказам двора. Ему принадлежит ряд дворцов в Петербурге (построенных для великих князей) и многие из вилл в Петергофе — резиденции Николая I. Одна из наиболее значительных



14. *1* — Петербург. Московский вокзал, 1849 г., арх. К. А. Тон, — фасад, план: *2* — Москва. Кремлевский дворец, 1839—1849 гг., арх. К. А. Тон — план верхнего этажа, Георгиевский зал

15. Петербург. Мариинский дворец, 1839—1844 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер (фото ГИОП)

построек А. И. Штакеншнейдера — Мариинский дворец в Петербурге (1839—1844), находящийся на месте построенного Валлен-Деламотом в 60-х гг. XVIII в. бывшего дома графа Чернышева (рис. 15 и 16,1). В целом дворец представляет собой новую композицию, в которой разработана идея большой анфилады залов, расположенных, как в Таврическом дворце, по главной оси, перпендикулярной главному корпусу здания.

Трехэтажный, симметричный по фасаду дворец имеет три ризалита. К среднему из них примыкает сильно выступающий портик с балконом. Массивный аттик среднего ризалита дворца с рельефными волютами напоминает аттик Инженерного замка и в то же время чрезвычайно характерен для 40-х гг., так же как и тяжелый портик подъезда. Именно они определяют общий стиль здания, формы которого во многом близки архитектуре конца XVIII в. Внутренняя отделка дворца, отражающая влияние «неогреческого» течения в трактовке Шинкеля, обладает известной цельностью в манере стилизации, несмотря на различие «стилей» в ряде залов.

Дворцовые постройки Штакеншнейдера типичны для своего времени. Не только в фасадах, но и в планировке отход от приемов классицизма становится все более отчетливым.

Признаки перерождения усадебного типа в постройках дворцового характера прослеживаются еще раньше, уже в таких зданиях, как Михайловский дворец Росси (см. стр. 277), где парадные залы дворца группируются вокруг центрального вестибюля,

16. Петербург. Дворцы, арх. А. И. Штакеншнейдер. *1* — Мариинский; *2* — Белосельских-Белозерских, 1846—1848 гг.; *3* — Николаевский, 1853—1861 гг., — планы вторых этажей

17. Петергоф. Генеральный план местности

занявшего место купольного зала-ротонды. Но в этой группировке уже нет четко выраженного центрического приема, как нет и ясно выраженной анфиладности: продольная ось анфилады залов по парковому фасаду перебивается осью поперечного движения в сторону лоджии, парка. В то же время в умелом расположении комнат вокруг внутренних световых двориков (создающих среди парадных залов дворца внешне незаметный, но необходимый комплекс обслуживающих помещений) чувствуется то специальное внимание к требованиям удобства, которое в последующие годы станет одним из сильных рычагов разрушения классической схемы.

В дворцах Штакеншнейдера усадебная схема уже теряет всякое значение. Они все различны по основному приему планировки, что обусловлено рядом причин. С одной стороны, возрастает влияние условий стесненного городского участка, диктующих ряд приемов, как, например, устройство внутренних дворов (уменьшение которых превращает их в световые дворы-колодцы), а с другой — свобода выбора приемов и форм из любой эпохи, отличающая эклектическое направление архитектуры.

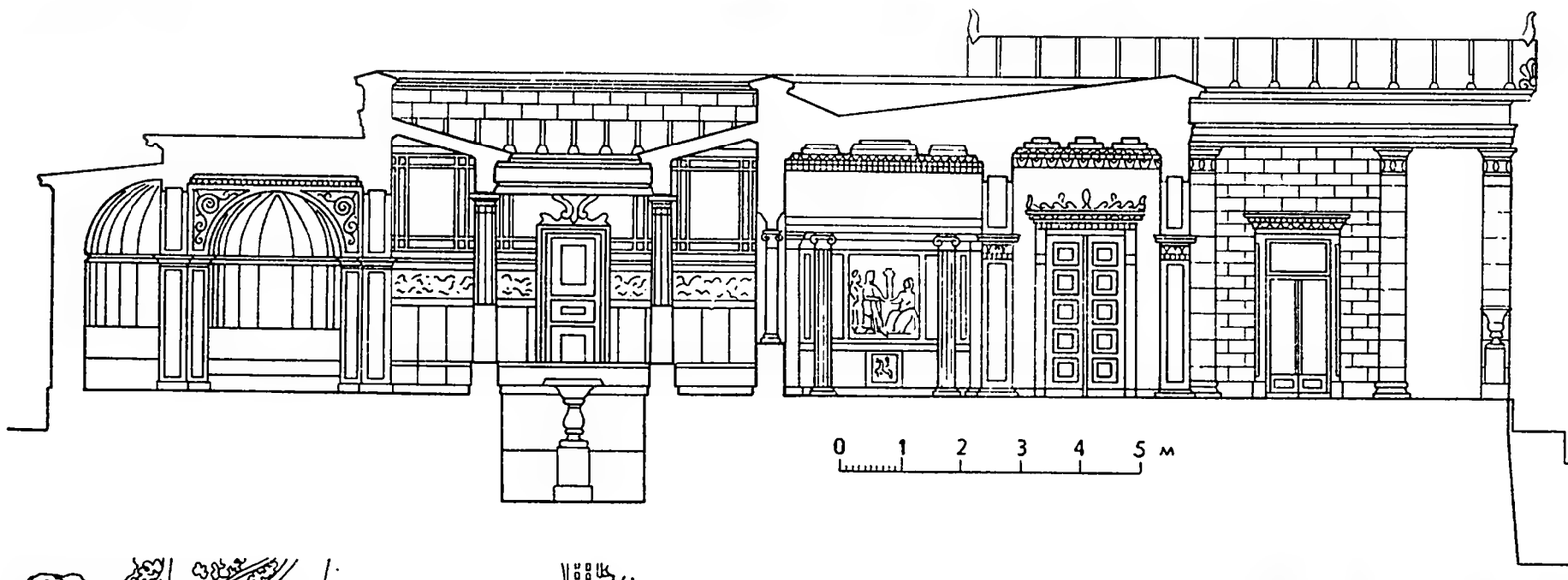
Так, например, во дворце Белосельских-Белозерских (1846—1848) на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки (перестроенном из здания XVIII в., рис. 16, *2*) внутренние дворы имеют различную величину и неправильные очертания, а парадные помещения, расположенные вдоль уличного фронта, образуют отдельные группы регулярной планировки среди мелких второстепенных комнат и коридоров иногда случайной формы. Если в зданиях классицизма хозяйственные и подсобные помещения включались в единую систему композиции, то здесь они архитектурно не упорядочены и составляют как бы черновую половину дома. Этот план никак не связан с барочными формами фасадов и интерьеров.

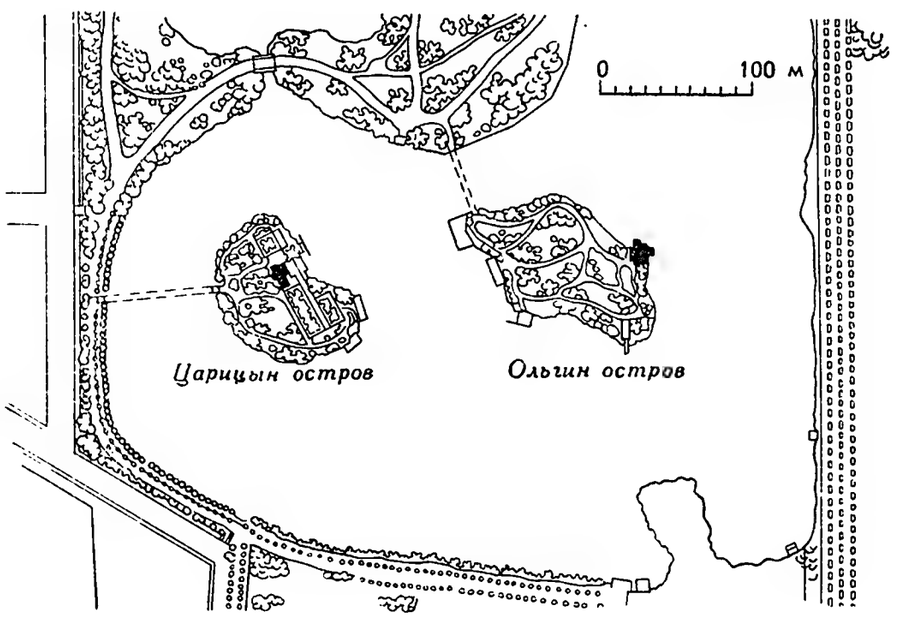
В Николаевском дворце (1853—1861), занимающем часть квартала между Галерной и Конногвардейским бульваром и не стесненном примыкающими постройками, еще яснее выявляются приемы планировки дворца, распространенные в середине века (рис. 16, *3*). По плотности застройки участка и малым размерам внутренних дворов дворец соперничает с доходным домом. Компактный, симметричный план здания напоминает план Нового Эрмитажа с расположением помещений вокруг внутренних дворов и центральной парадной лестницей. Типичны для этого времени и обработанные тремя ярусами пилястров фасады, особенно главный, с боковыми ризалитами и заглубленной центральной частью, с сильно выступающим портиком входа, поддерживающим балкон второго этажа. Перенасыщенный деталями и монотонный по композиции дворец имеет облик административного казенного здания.

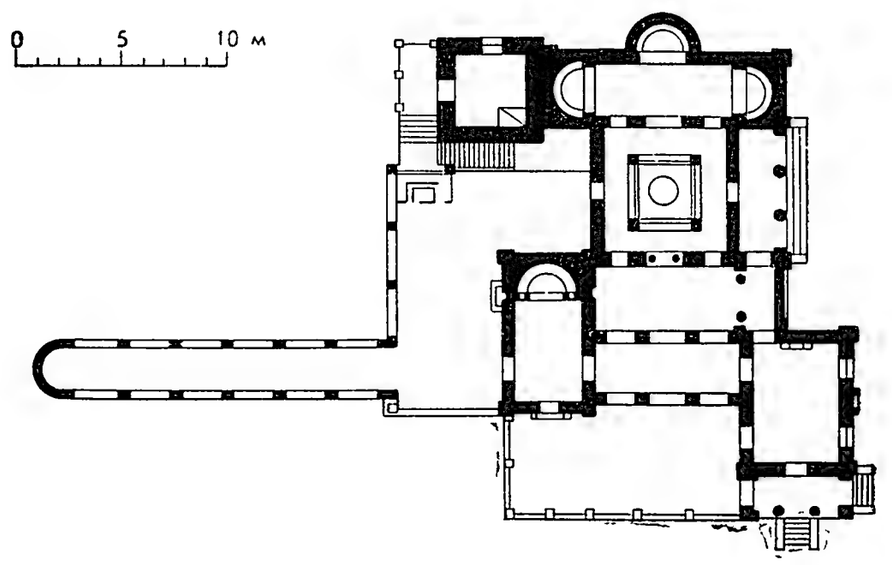
Штакеншнейдер много строил в Петергофе — летней резиденции Николая I (рис. 17). Построенные им здесь виллы, выполненные в различных «стилях» и разбросанные среди «естественной» природы, небольшие по размерам, асимметричные, с живописной группировкой объемов, отражают проникновение в дворцовую архитектуру буржуазного стремления к уюту и комфорту (рис. 18). Одна из самых крупных построек Штакеншнейдера в Петергофе — Бельведер на Бабьегонских высотах (1833—1856), более строгий и монументальный по архитектуре с симметричным объемом и большой наружной парадной лестницей. Но «стилем», который определил облик Петергофа рассматриваемого времени, была готика, представленная здесь в различной манере стилизации — от сравнительно небольшой виллы, как, например, Коттедж, в парке Александрия (1829, арх. Менелас; 1840, Штакеншнейдер) до больших монументальных зданий, таких, как Дворцовые конюшни (1848—1854, рис. 19) или вокзал (1854—1857, арх. Н. Л. Бенуа, рис. 20).

Строительство в сельских местностях представляло собой особую область, на которую в середине века еще распространялся контроль государства. Русские села в конце первой половины XIX в. и после отмены крепостного права перестраивались на основе утвержденного в 1830 г. «Положения для устроения селений». Атласы чертежей для сельских построек — крестьянских домов, общественных зданий, церквей, хозяйственных построек, мостов переправ — были изданы в 1842 и 1853 гг. В примерных схемах планировки сельских местностей, как и в проектах отдельных зданий, разработанных на основе «Положения» и строительного устава, намечается попытка учета местных топографических условий наряду с регулярностью в общем приеме

18. Петергоф. Павильон на Царицыном острове, 1842—1844 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер. Общий вид, вид на атриум, разрез, генеральный план, план 1-го этажа



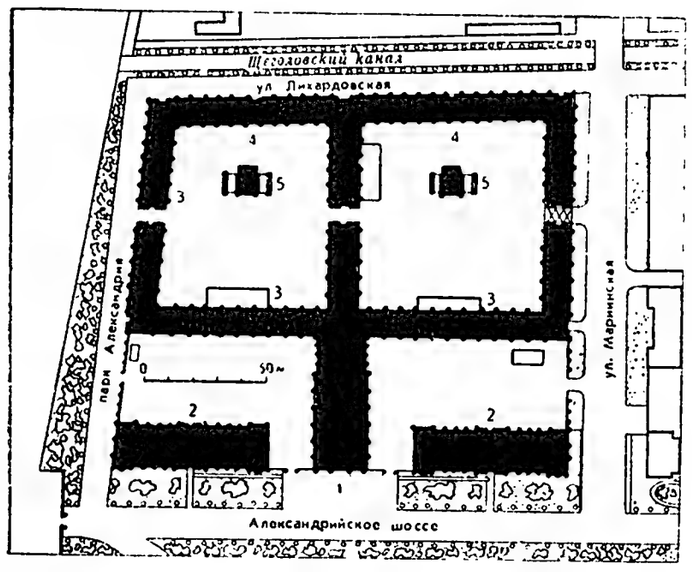




планировки. В этих проектах даются варианты размещения жилых и хозяйственных строений. Например, в одном варианте предусматривается жилой квартал с 4—6 домами в одном ряду, выходящими главными фасадами на улицу, в глубине двора — хозяйственные сараи, за ними огород или сад, дальше овины. В другом варианте дома также расположены в один ряд (до 8 домов в одном ряду) и объединены хозяйственными постройками с внутренней стороны дворов, сараи и жилые дома стоят торцами к улице — прием народного зодчества Восточной Сибири. Еще один пример: строения выходят торцом на главную улицу, за ними (под одной крышей) размещены сараи, дальше — фруктовые сады и овины; жилые дома сгруппированы в «гнезда» из двух строений, между «гнездами» — огороды, напротив которых находятся колодцы.

Проекты планировки и застройки русских сел, изданные в 1831—1845 гг., наибольшее применение получили в пореформенный период: к концу XIX и началу XX в. Планировка и застройка сел по ним проводилась в 30 губерниях: Московской, Вятской, Воронежской, Казанской, Псковской, Пензенской и ряде других.

Распад в середине века основ регулярного градостроительства русской дворянской монархии и распад русской классической архитектурной школы — явления, завершившие крупный этап в эволюции



19. Петергоф. Царские конюшни, 1848—1854 гг., арх. Н. Л. Бенуа. Генеральный план, общий вид:

1 — манеж; *2* — дома конюшенного двора; *3* — конюшни; *4* — экипажные сараи; *5* — кузницы

20. Петергоф. Вокзал, 1854—1857 гг., арх. Н. Л. Бенуа (фото ГИОП)

архитектуры XVIII и первой половины XIX столетия. Эклектизм был одним из признаков этого распада и усиливающегося противоречия между отживающими формами классицизма и новыми тенденциями в строительстве, связанными с развитием капиталистических отношений в стране.

Новые приемы планировки зданий в этот период развиваются в двух направлениях. Они начинают складываться в рамках старой усадебной схемы, которая деградирует, теряет единство и чистоту архитектурного приема. Под влиянием других типов зданий, приобретающих все большее значение (административного здания, жилого доходного дома), эта схема изменяется и перестает быть господствующей. В то же время в больших городах планировка зданий делается более индивидуальной, все более подчиняется конкретным особенностям городского участка и приемам застройки, вырабатывающимся в этих условиях. Здесь появляются планировочные приемы, уже не связанные с классической усадебной схемой.

Дифференциация типов зданий в соответствии с усложнившимися функциональными требованиями, отход от некой универсальной схемы раньше всего проявляется в планировочной структуре здания. Архитектурные формы фасадов и интерьеров остаются при этом ретроспективными, и отход от принципов классицизма здесь дает широкий простор эклектике.

Заимствование элементов различных стилей и самая множественность взятых за образец источников, характеризующие здания 40—50-х годов, не исключали одновременной кристаллизации ряда архитектурных приемов, образовавших подоснову для эклектического комбинирования различных мотивов и форм. Такие об-

щие приемы или черты, получившие значение стилевых признаков, прослеживаются в зданиях, построенных в различных «стилях». Эти черты — отмирание принципа выделения центра на фасаде здания, место которого занимает нейтральная плоскость с равномерно распределенными окнами, часто заглубленная по отношению к боковым ризалитам; акцентирование междуэтажных членений-тяг; сглаживание различия между этажами, их высотой и значимостью, идущего от классицизма и во многом влиявшего на пропорции фасадов; увеличение роли повторения одинаковых, равнозначных элементов, начинающего приобретать смысл самостоятельного архитектурного приема.

Отличительной чертой периода эклектики были протест против ордерной системы, деспотизм которой связывал свободу поисков рациональных форм, и вместе с тем использование отдельных элементов ордера в декоративных целях.

В распаде классицизма, в снижении и обеднении идейно-художественных качеств архитектуры проявилась лишь одна сторона изменений, происходивших в строительстве предреформенного периода. Их другой, не менее существенной стороной было появление новых типов зданий, интенсивный подъем технического уровня архитектуры, расширение ее утилитарной сферы, проявившихся в полную силу после отмены крепостного права.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АРХИТЕКТУРА УКРАИНЫ

Вторая часть подготовлена
Институтом теории, истории и перспективных проблем
советской архитектуры в г. Киеве
Государственного комитета по гражданскому строительству
и архитектуре при Госстрое СССР

ГЛАВА I

АРХИТЕКТУРА XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI вв.

ВВЕДЕНИЕ

Татаро-монгольское нашествие явилось огромным бедствием для южных и юго-западных земель Руси, на долгие годы задержавшим развитие экономики и культуры этой части страны, на территории которой позднее сформировалась украинская нация, а дробление княжеств на мелкие уделы облегчило их захват литовскими и польскими феодалами.

Тесный контакт украинской культуры с польской и литовской, а также с западноевропейской оставил глубокий след в украинском искусстве. Но, несмотря на то что украинские земли входили в состав других государств, связи их с Россией не прерывались, как не угасало сознание родства и исторической общности трех великих ветвей восточных славян. Особенно тесными были торговые и культурные связи с крепнущим Московским государством.

К началу XV в. отчетливо выявился процесс формирования украинской народности как в языке, так и во всех областях искусства и культуры. Социальный и национальный гнет, отсутствие своей государственности замедлили формирование украинской народности и ее культуры, но не могли его приостановить. Сопротивление народа иноземным захватчикам и местным феодалам нашло выражение в бегстве крестьян в низовье Днепра, где в XV в. складывается особая организация — Запорожская Сечь, а затем вылилось в форму крестьянских восстаний. Запорожская Сечь явилась своеобразным военно-политическим центром всего украинского народа.

На историческом развитии Украины отрицательно сказалось соседство Крымской орды. Она вела систематические набеги на украинские земли, сжигала города и села, угоняла десятками тысяч украинских пленников и продавала их в рабство на восточных рынках.

XV век ознаменовался развитием ремесел и торговли, углублением процесса разделения труда, отделением города от деревни, возникновением и укреплением ремесленных организаций-цехов, а также религиозно-сословных объединений украинских мещан — братств.

В XV в. широкий размах приобретает строительство монастырей. Огромные богатства, накопленные монастырями, позволяют им создавать крупные архитектурные ансамбли. Вырабатывается тип монастыря-крепости и приспособленной к обороне церкви. К концу XV и началу XVI в. развитие экономики и культуры украинских земель значительно продвинулось вперед. Ремесленные цеха, объединившие городских ремесленников, оказывают влияние на все стороны экономической и общественной жизни страны. Рост феодального землевладения привел к тому, что к середине XVI в. главной формой эксплуатации крестьян стала барщина, дающая феодалам и шляхте больше продуктов для внутреннего и внешнего рынков. Процветание торговли способствовало более тесным экономическим и культурным связям украинских земель между собой и со странами Запада и Востока. Особенно важно укрепление связей левобережных земель Украины с Мос-

Карта Украины

ковским государством, в состав которого с 1500 г. вошли Чернигов и Новгород-Северский. Это усилило различие условий исторического развития западных и восточных земель Украины.

Строительные материалы и строительная техника в XIV в. претерпевают значительные изменения. Вместо плинфы стали изготовлять брусковый кирпич размером от 6×12×28 *см* до 9×16×32 *см*, имеющий на одной из постелей неглубокие желобки — бороздки. Для кладки архитектурных деталей — колонок, аркатур, обрамления окон и порталов—изготовлялся лекальный кирпич (Луцк, Скеливка, Добромиль). Иногда на тычковые стороны кирпича наносилась полива. Из таких кирпичей выкладывались орнаментальные украшения стен (Луцк, Дрогобыч).

Другим распространенным строительным материалом, особенно в Западной Украине, был камень-известняк, реже — песчаники и граниты. Из известняка чаще всего изготовлялись различные архитектурные детали — колонны, капители, базы, консольные капители и замковые камни в сводах, порталы и оконные наличники. Известковые растворы теперь чаще всего приготовлялись с примесью песка или измельченного известняка. Примеси толченого кирпича встречаются реже (Луцк, Хотин, Белгород-Днестровский, Острог и др.), а иногда встречается и примесь толченого угля. Фундаменты — ленточные, из бутового камня, на известковом растворе. Кладка стен из кирпича встречается как монолитная, так и с забуткой. Перевязь чаще осуществляется при помощи так называемой готической кладки, при которой тычок и ложок чередуются. В кладке кирпичных и каменных стен применяются связи из дубовых брусьев, размещаемые по высоте через полтора метра, а по ширине — в два-три ряда, в зависимости от толщины стен. Сводчатые конструкции достигли известного совершенства и большого разнообразия.

Кроме купольных, полуциркульных и крестовых сводов появляются звездчатые готические своды, сомкнутые и ползучие своды в конструкциях лестниц. Крыши — стропильной конструкции с кровлей из теса, гонта или черепицы. Черепица встречается неполивная и с поливой зеленого цвета. Стены как снаружи, так и изнутри штукатурились или белились. Полы были дощатые, кирпичные, из поливных плиток и каменные.

1. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Градостроительство XIV—XV вв. отражает изменения в социальной структуре города, вызванные расцветом ремесел и торговли. На западе Украины развивается строительство частновладельческих городов с их неотъемлемой частью — феодальным замком. Удаленность западных областей от Орды позволяет осуществлять строительство из кирпича и камня. В восточных же районах, бывших ареной постоянных схваток с Крымской ордой, не было возможности строить укрепления из прочных материалов, и они возводились из дерева. Отсутствие в городах замков феодалов, наличие лишь городских укреплений сказалось на градостроительных приемах восточных городов, способствуя большей свободе застройки с включением садов и огородов, сохранению органической связи планировки с рельефом местности и природным окружением. В то же время в западных районах получают развитие приемы городской планировки, близкие к западноевропейским образцам. Появляются города с центральной площадью-рынком и прямоугольной сеткой улиц. Важнейшим композиционным центром города становится рыночная площадь с ее ратушей, городским собором и домами торгово-ремесленной знати.

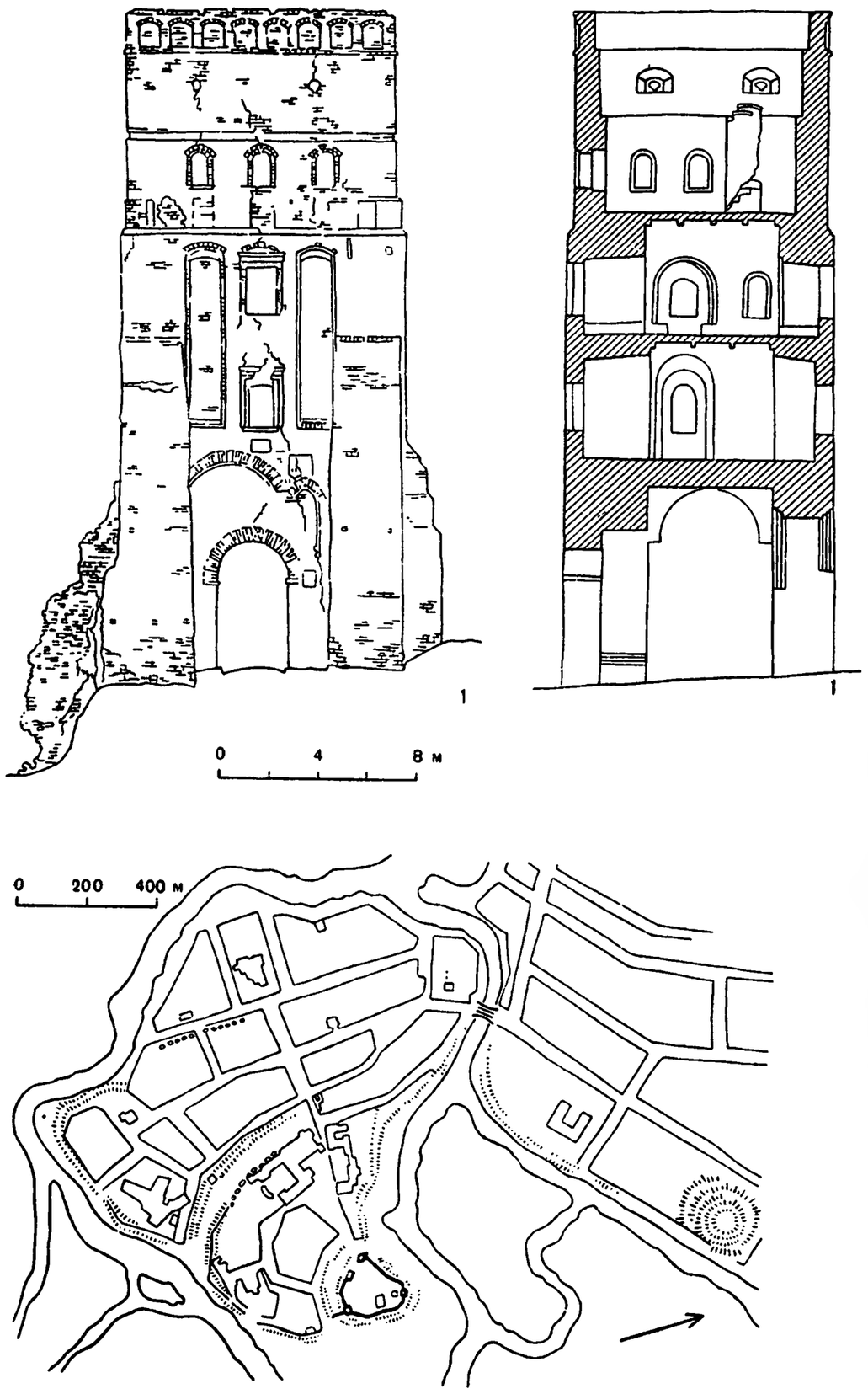
Киев, Чернигов, Переяслав, Новгород-Северский, Луцк, Львов, Владимир-Волынский, Кременец и др., возникшие еще в домонгольское время, имели уже сложившуюся планировку. Новым градостроителям приходилось или подчиняться характеру существующей городской застройки, или изменять ее применительно к новым обстоятельствам.

Развитие городов и рост их селитебной территории и строительство новых укреплений носили стихийный характер. Когда укрепленный детинец или замок, являющийся ядром города, становится тесным, начинают селиться за его пределами. Планировка новых кварталов, их размеры и конфигурация определяются направлением и количеством дорог, ведущих к центру. Так возникают пригороды, которые обводят рвом, валом с частоколом или же рублеными стенами. Со временем становится тесным и пригород, тогда возникает новый пригород со своими укреплениями. Эта схема развития является общей для многих городов, например Киева, Чернигова, Переяслава, Путивля, Луцка, Владимира-Волынского и др.

Луцк вплоть до конца XVII в. сохранял треугольную форму плана, обусловленную его расположением в месте слияния двух рек. То же можно сказать и о Переяславе. В Путивле первоначальный детинец со временем был окружен посадом с радиально-полукольцевой схемой планировки, и к концу XVII в. его территория, примыкающая к р. Сейм, приобрела форму полукруга. Такую же форму получила территория Владимира-Волынского.

Большинство городов Украины в силу стихийности их сложения и роста имело нерегулярную планировку. Но после захвата Польшей Галиции и части Подолии и усиления связей со странами Западной Европы появляются примеры регулярной городской планировки.

Так же своеобразен и общий облик города. В центре Каменца-Подольского расположена главная рыночная площадь с ратушей и лавками. Кроме нее есть еще две небольшие площади — одна, принадлежащая украинским мещанам, а вторая — армянам, — окруженные сетью нерегулярных улиц и улочек. По краю обрыва город обнесен оборонительной стеной с башнями и с двумя воротами — Русскими и Польскими — сложными сооружениями, включавшими мосты через р. Смотрич и предмостные укрепления. Во Львове к центральной квадратной площади с ратушей посредине примыкает часть города с прямоугольной сеткой улиц. На площади Рынок жилая застройка была 2—3-этажной, в основном деревянной, только центр был застроен каменными домами с готическими окнами и порталами. Появление готических зданий и деталей было обусловлено тесными связями с Польшей и другими



1. Луцк. Замок XIII—XIV вв., перестройка XV—XVII вв. *1* — надвратная башня, западный фасад; *2* — генеральный план города и замка

2. Луцк. Замок. Стыровая башня (фото Г. Н. Логвина)

странами Западной Европы, где этот стиль господствовал.

Застройка городов XIV—XVI вв. не сохранилась, представить их облик трудно. Большинство жилых домов было из дерева, в один и два этажа, с крыльцом или галереей — аркадой на втором этаже, придававшей домам приветливый, живописный вид. Особенно интересны были кровли с башенками и куполами, увенчанными флюгерами.

Главным композиционным центром города была рыночная площадь с высокой башней ратуши. Характерный облик городу придавали купола православных церквей, шпили и башни католических храмов, величественные силуэты общественных зданий, эффектно выделявшиеся среди одноэтажной и редко двухэтажной жилой застройки. Застройка городов Западной Украины отличалась необыкновенной плотностью в отличие от свободной, разбросанной застройки городов Приднепровья.

2. КРЕПОСТНОЕ ЗОДЧЕСТВО

В конце XIII — первой половине XIV в. многие укрепления начинают перестраивать в камне и кирпиче. Это коснулось прежде всего важнейших городов Волыни, Галиции, Закарпатья и Понизья — Луцка, Кременца, Львова, Мукачева, Белгорода-Днестровского, Хотина. В Крыму в это время также началось сооружение каменных укреплений в Судаке, Кафе, Феодосии — бывших главных факториях генуэзцев. В камне прежде всего возводили надвратные башни и наиболее уязвимые участки стен. Типичным для укреплений городов восточнославянских народов было обеспече-

3. Луцк. Замок (фото Г. Н. Логвина)

ние тесной связи укреплений детинца с укреплениями города.

В это же время строилось много деревянных и каменных замков и городских укреплений с усовершенствованными формами бойниц для ведения огня в широком секторе, фланкирующего огня и огневого прикрытия подошвы стены («подсябитье» и машикули). Машикули в каменных крепостях и «подсябитья» в деревянных придают завершениям башен своеобразный живописный вид. Большие пушечные амбразуры обладали существенным недостатком — стрелки противника могли через них поражать артиллерийскую прислугу. Это обстоятельство вызвало появление амбразур сложного устройства: в раструб большой артиллерийской амбразуры выводятся отверстия небольших бойниц для стрелков с целью защиты артиллеристов огнем ручного оружия. С увеличением мощи артиллерии стены делают все более толстыми.

Постепенно нерегулярная форма плана крепостных стен сменяется геометрически правильной, хотя все еще преобладают укрепления с традиционной свободной планировкой.

Примером деревянных оборонительных сооружений являются укрепления города Владимира-Волынского, сооруженные в конце XIV в., и известные по описи 1545 г. Небольшой мыс между реками Лугом, Рыловицей и безымянным ручьем был укреплен с напольной стороны глубоким водяным рвом, а по всему периметру — высоким валом с рублеными стенами из срубов-городней. Главная надвратная башня имела бойницы нижнего, среднего и верхнего боя. Перед ней был подъемный мост на цепях, а в проезде, возможно, — и решетки-герсы. Остальные четыре башни были также трехъярусными. Для хранения имущества и для укрытия окрестного населения во время военной опасности использовались 75 городней. Кровли были тесовые и гонтовые. Стены и башни в противопожарных целях, как и в глубокой древности, обмазывались глиной.

Хотя в XV—XVI вв. каменных и кирпичных укреплений строится больше, чем

4. Кременец (Тернопольской обл.). Замок XIII—XIV вв. (фото Г. Н. Логвина)

прежде, все же преобладает строительство из дерева. На планировку и архитектуру деревянных укреплений также оказало влияние появление огнестрельного оружия. Увеличивается количество башен, которые для обеспечения фланкирующего огня почти наполовину выдвигаются за линию стен. Из-за необходимости иметь ярусы бойниц разного назначения, в том числе для обстрела подошвы стены, башни становятся выше, сильнее выступает «подсябитье».

Основу укреплений образуют рвы и валы, иногда обкладываемые досками или бревнами. Стены состоят из срубов-городней, над которыми шел боевой помост («бланкованье» или «обход»), где во время осады находился гарнизон крепости и заготовленные для обороны камни, бревна, смола и т. п. Обходы имели односкатную или двускатную тесовую или гонтовую кровлю. Укрепления всегда рубились из отесанных на четыре канта бревен, дубовых или сосновых. На ответственных участках нередко делались две или даже три стены, пространство между которыми засыпалось песком или глиной. Такой замок внешне мало отличался от каменных или кирпичных замков. В безопасных местах применялись стены, забранные между столбами, или частокол из вертикальных бревен. Замковый двор был занят жилыми, хозяйственными и культовыми постройками. В замках всегда была очень большая плотность застройки.

Деревянные замки не сохранились, и об их архитектуре мы можем судить лишь по их описаниям. Так, описанный в 1552 г. небольшой Винницкий замок был построен в 1500 г. из дуба, имел площадь 20×20 сажен, 5 башен и 30 городней. Остальная часть периметра замка была занята зданиями разного назначения, имевшими бойницы. В крепостных стенах также были устроены бойницы и «подсябитья». Подъемный мост закрывал проем воротной башни. В замке были церковь, несколько жилых и хозяйственных построек и колодец.

Известны и крупные деревянные крепости, как замок в Киеве, сооруженный на горе Киселевке в 1542 г. «городничим» Иваном Служкой. Замок имел 12 шестиугольных башен, одну четырехугольную и 133 городни. Шестиугольные башни лучше обеспечивали широту обстрела. Башни имели

бойницы нижнего, среднего и верхнего боя и венчающее «подсябитье». Площадь замка была плотно застроена: в нем было 3 православные и одна католическая церкви, более десятка крупных жилых построек знати и монастырей и несколько десятков более мелких. Расположенный на высокой горе над Подолом замок выглядел весьма эффектно.

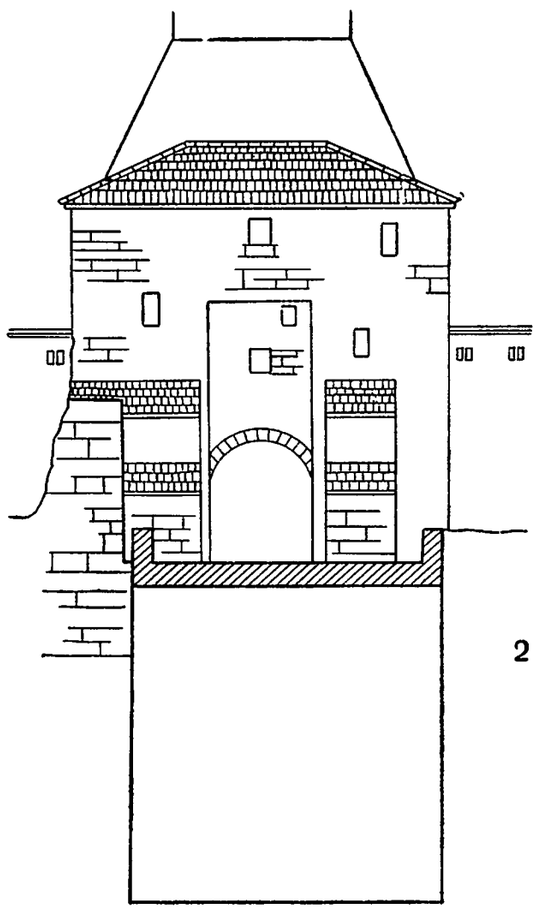
Примером каменной оборонительной архитектуры XIV в. являются замки в Луцке, Кременце, Львове, Хотине, Мукачеве, Хусте. Замки Луцка и Кременца относительно хорошо сохранились. Они имеют по несколько башен чрезвычайно простой и лаконичной формы, почти полностью лишенных декора и все же отличающихся большой выразительностью.

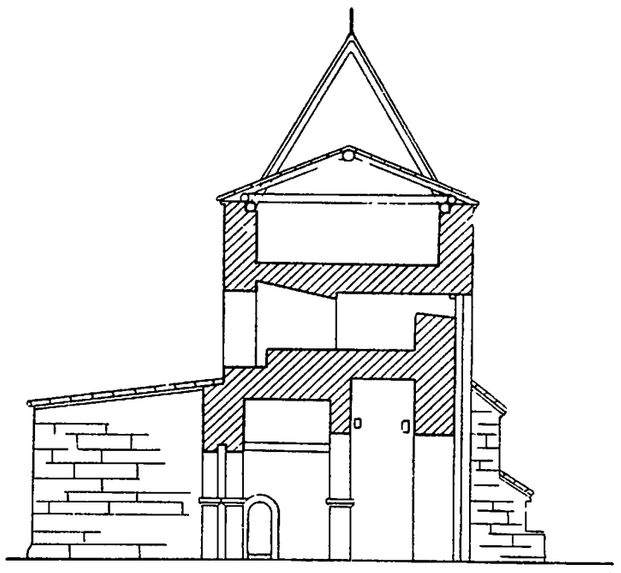
Наиболее хорошо сохранившимся и древнейшим памятником XIII—XIV вв. являются Верхний и частично Окольный замки Луцка. Верхний замок занимает небольшой треугольный в плане возвышенный мыс между реками Стыр и Малый Глушец (рис. 1). При перестройке замка в конце XIII — начале XIV в. прежде всего была возведена кирпичная надвратная башня и участок стены с напольной стороны, затем Стыровая (рис. 2) и Владычья башни и стены между ними с северной стороны. Впервые на Украине здесь появляются готические детали — стрельчатые порталы, а также кирпичная кладка, поверхность которой оживляется сетчатым орнаментом. Стены высотой 6—7 *м*, первоначально имевшие лишь щелевидные бойницы в зубцах-мерлонах, в XV в. были повышены, а бойницы приспособлены для пушечного боя (рис. 3). Бойницы башен были сделаны с большими площадками для установки в них камнеметных машин и тяжелых арбалетов. Сводчатый проезд надвратной башни закрывался подъемным мостом и герсами. С внутренней стороны к стенам примыкали рубленые городни (4×4,4×6 *м*); помост над ними образовывал боевой ход, прикрытый кровлей. Башни завершались мерлонами и шатровой кровлей. Гладь стен оживлялась декоративной кладкой из кирпичей с поливой, а суровость могучих призматических объемов башен подчеркивали плоские ниши, пятна бойниц и простые готические порталы.

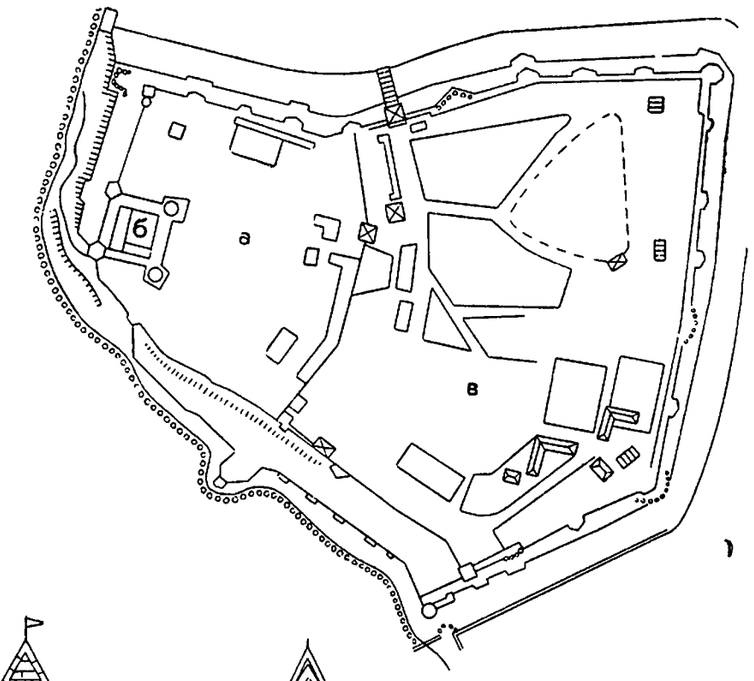
Замки Львова (Высокий замок), Кременца (рис. 4), Мукачева и Хуста по своему расположению и планировке имеют много общего. Как и для замков Луцка, для них характерно ведущее значение в ансамбле башен (особенно надвратных) и свободное их расположение, определяемое рельефом местности. От замков Львова и Хуста уцелели лишь незначительные фрагменты, а Мукачевский был в последующем сильно изменен перестройками. От Кременецкого замка сохранились остатки стен, надвратная башня со стрельчатым проездом и отчасти башня со стороны города с узкими щелевидными бойницами (рис. 5). Извне перемычки бойниц имеют небольшую фаску с килевидным готическим завершением, подобно бойницам каменецкой Белой вежи и Хотина.

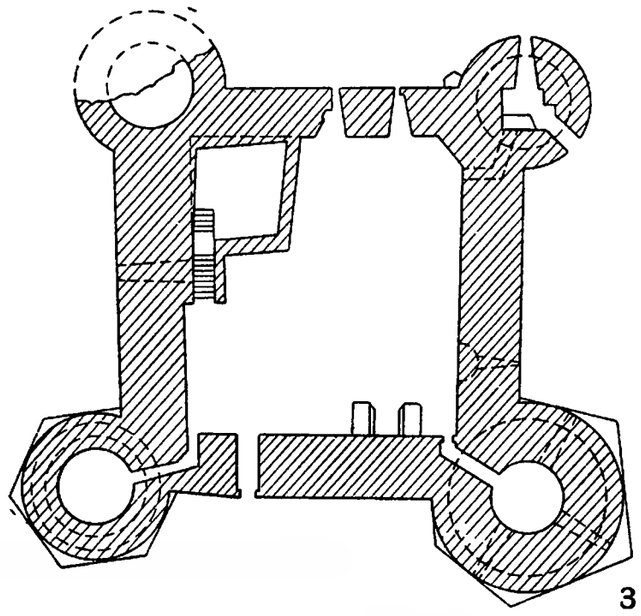
Наиболее полно новое в архитектуре XV в. проявилось в оборонном строительстве. Значительной реконструкции подвергаются существовавшие оборонительные сооружения, а вновь строящиеся значи-

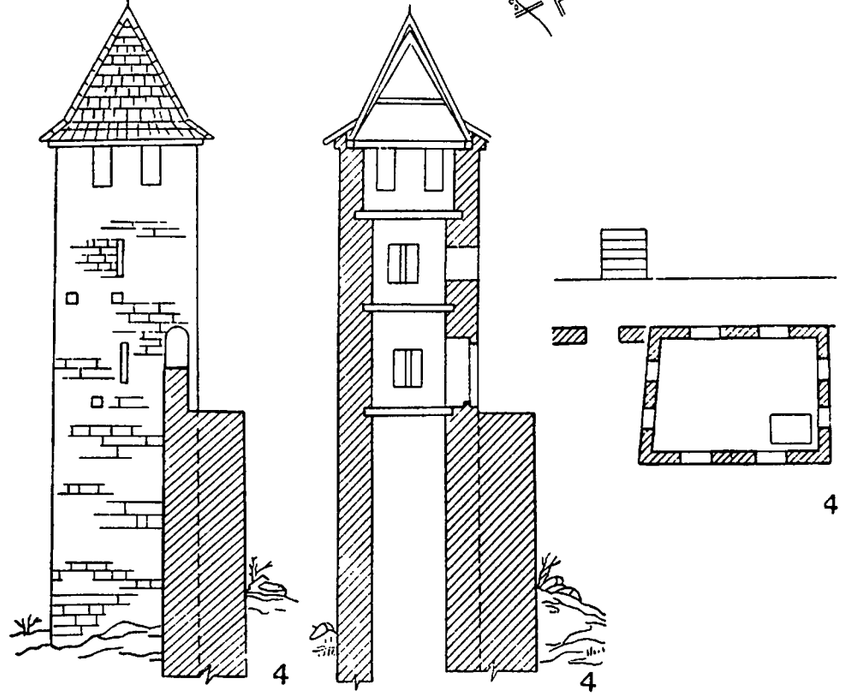
5. Кременец. Замок. Надвратная башня (фото Г. Н. Логвина)











0 10 м
м. плана замка

0 60 120 м
м. генерального плана

0 5 10 м
м. плана, фасадов и разрезов

6. Белгород-Днестровский (Одесской обл.). Крепость, 1433—1454 гг., мастер Федорок. Перестройка XVI—XVII вв. *1* — генеральный план города (*а* — крепость; *б* — замок; *в* — город); *2* — надвратная башня, восточный фасад и разрез; *3* — замок; *4* — башня № 21

7. Белгород-Днестровский. Крепость. Вид с северо-востока

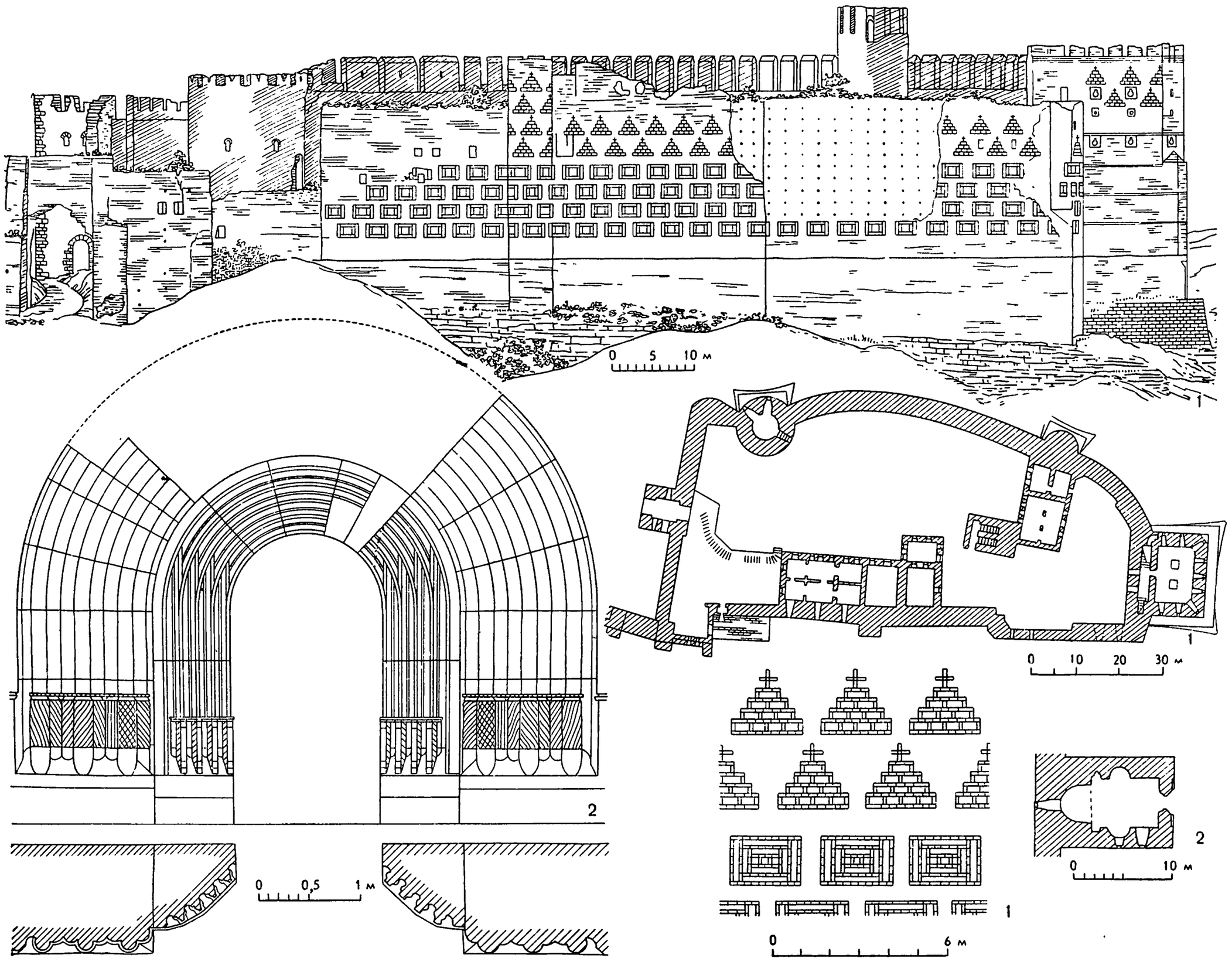
8. Белгород-Днестровский. Крепость

тельно отличаются от прежних. Образцом перестроенных в XV столетии укреплений являются Луцк, Хуст, Мукачево, Кременец, а новых — Хотин, Белгород-Днестровский, Скала, Бучач, Олесько и Острог.

В Луцке в XV в. высота стен увеличивается до 12—14 *м*. Вместо узких щелевидных бойниц устраивают амбразуры с широким раструбом внутрь и наружу. Устраивают навесные бойницы, позволяющие обстреливать подошву стены. На башнях также были надстроены еще два яруса, а в середине XVI в. был надстроен высокий аттик с глухой аркадой и поставлены каменные наличники оконных проемов.

Территория Понизья с Хотином и Белгородом в XV в. входила в состав Молдавского княжества, но не теряла связей с бывшим Галицким княжеством. Мастер

9. Хотин (Черновицкой обл.). Замок XIII—XV вв. (фото Г. Н. Логвина)



10. Хотин. Замок XIII—XIV вв. *1* — восточный фасад, генеральный план и деталь фасада; *2* — замковая церковь — план и портал

Федорок, построивший в 1438—1454 гг. крепость в Белгороде-Днестровском (рис. 6), как полагают, был галичанин. Возможно, что северо-западная башня, в которой сохранился фрагмент портала с орнаментом древнерусской плетенки, относится к еще более раннему времени. Здесь на месте древнего детинца возвели небольшую, но мощную цитадель. Позже мастер Федорок соорудил второй пояс укреплений и частично третий. К 1454 г. были закончены южная и западная стены замка и сложился тот грандиозный комплекс Белгородских укреплений, который сохранился до нашего времени (рис. 7; 8). Турки, захватив Молдавию, а вместе с ней Белгородскую крепость, лишь углубили ров до 23 *м*, на 3 *м* ниже уровня Лимана.

Белгород-Днестровская крепость — одна из самых крупных на Украине. Общая длина ее стен достигает двух километров, а число башен — круглых, восьмигранных, квадратных и прямоугольных — 26. Они почти лишены украшений и только чередование кирпичной кладки с полосами серого камня оживляет гладь стен, не имеющих бойниц нижних ярусов. В узких щелевидных бойницах сохранились фаски с готическим остроконечным завершением, подобно бойницам в башне Каменца в Белоруссии. Остальные бойницы сделаны в виде амбразур с большими боевыми площадками и широкими отверстиями, дающими возможность вести не только обстрел из тяжелых метательных машин, но и артиллерийский огонь.

11. Хотин. Замок. Северная и Комендантская башня (фото Г. Н. Логвина)

Наиболее ярким образцом оборонительной архитектуры XV в. является замок в Хотине (рис. 9). Его овальный план определился формой мыса между Днестром и безымянным ручьем. Замок, построенный во второй половине XIII в., был перестроен, а в XVII столетии, когда мощь артиллерии проявилась в полной мере, французскими инженерами был создан новый пояс укреплений на соседних холмах.

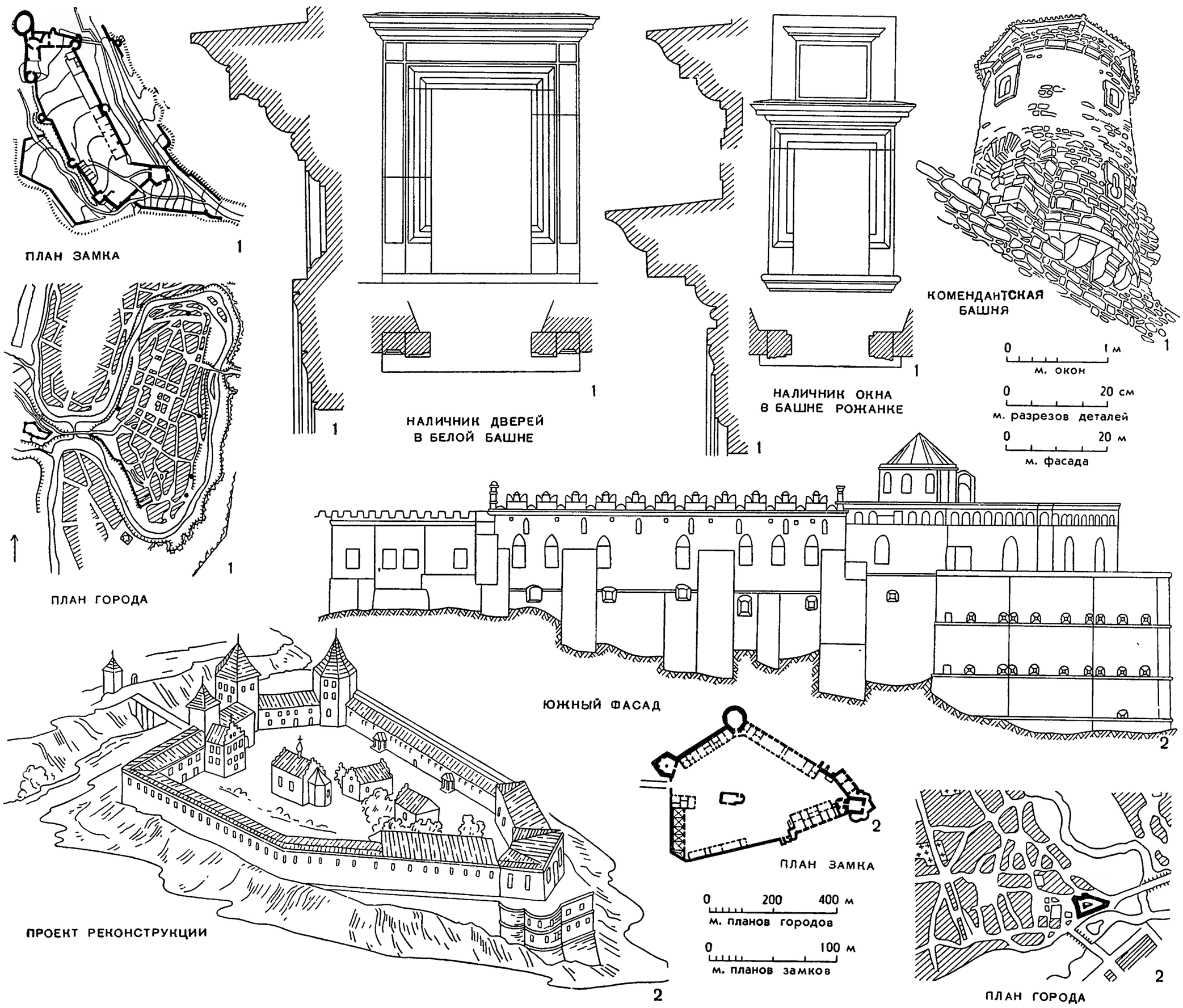
Замок в Хотине обнесен стенами огромной высоты (до 30 *м*) и толщины (до 8 *м*) с башнями высотой до 35 *м*. Перед главными воротами находился глубокий (24 *м*) ров со столбом посередине — опорой подъемного моста. Из пяти башен замка две — круглые и три — прямоугольные в плане. Их особенностью является то, что по высоте они лишь слегка выделяются и как бы сливаются в одно целое со стенами (рис. 10). Стены замка украшены выложенным из кирпича орнаментом в виде четырех горизонтальных рядов прямоугольников и расположенных над ними в два ряда ступенчатых треугольников, завершенных крестами. Красный кирпичный орнамент отчетливо проступает на фоне серых известняковых стен, напоминая народную вышивку на суровом холсте (рис. 11). Этот сплошь покрывающий стены орнамент является особенностью Хотина. По силе производимого впечатления, красоте композиции масс и монументальности Хотинский замок не имеет себе равных в украинской архитектуре.

В XV в. в древнем Остроге были сооружены церковь Богоявления и дом «Мурованый» с башней «Мурованой». Дом, прямоугольный в плане, имеет несколько помещений и приспособлен к обороне. С южной стороны к нему примыкает полукруглая башня, составляющая с ним

единую композицию. В доме три этажа и глубокие подвалы, где был колодец. В одном из жилых помещений сохранились своды и фрагменты готического портала. Завершение здания не сохранилось. Огромная толщина стен, характерная для раннего этапа строительства, вызвана появлением огнестрельного оружия.

Замок в Бучаче, расположенный на небольшой горе, имеет с напольной стороны глубокие рвы и две башни, а в противоположном конце — одну огромную круглую башню. Высокие толстые каменные стены замка лишены каких бы то ни было украшений, но его большие лаконичные массы хорошо увязаны с окружающим ландшафтом. Со стороны двора в замке в

12. Каменец-Подольский (Хмельницкой обл.). Замок XV—XVI вв. Вид со стороны Корвасар (фото Г. Н. Логвина)



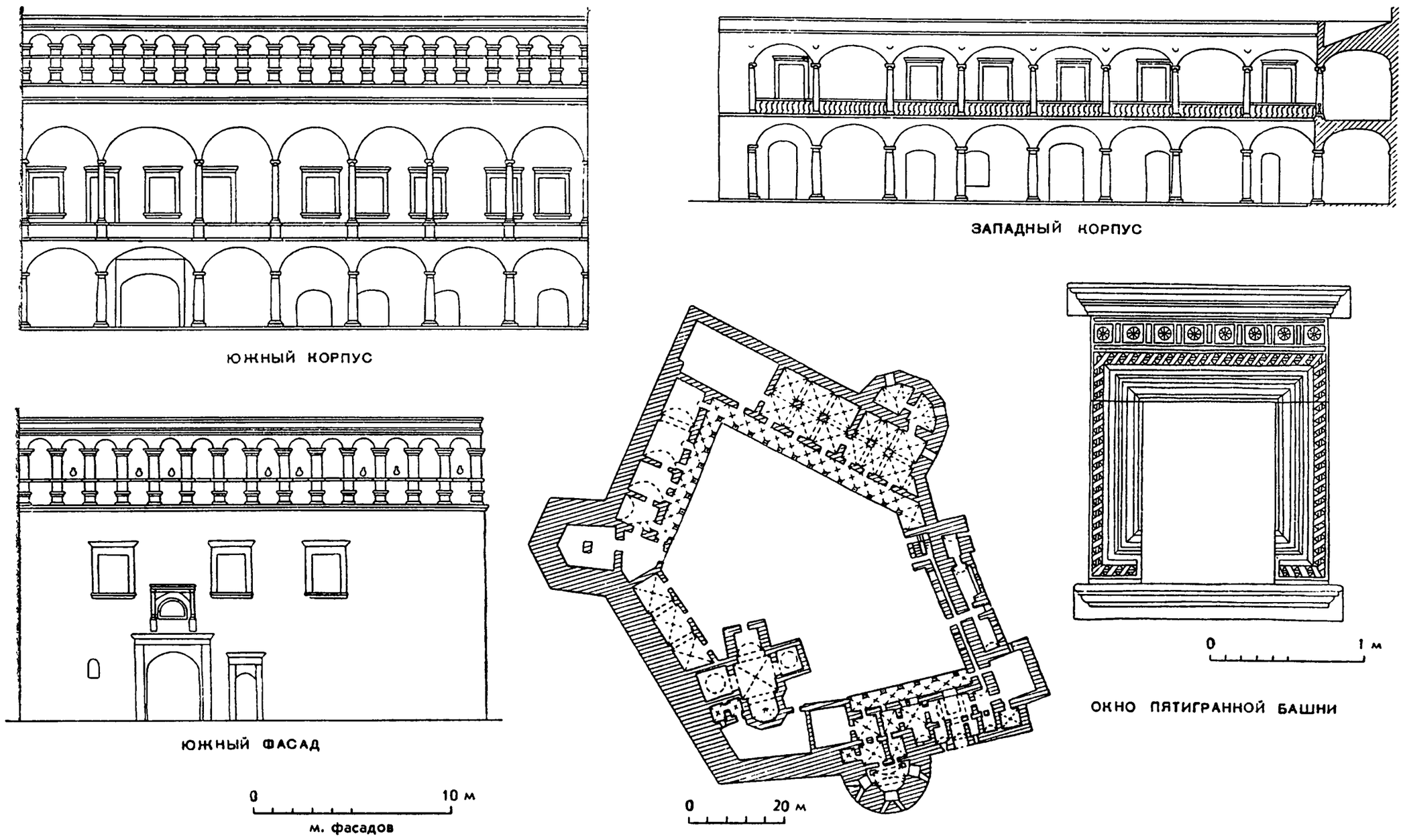
13. *1* — Каменец-Подольский, замок; *2* — Межибож (теперь Меджибож, Хмельницкой обл.), замок, середина XVI в.

14. Межибож. Замок (фото Г. Н. Логвина)

Бучаче на стенах сохранились каменные кронштейны — опора для обходов. В замке, видимо, в конце XIV в. или начале XV в. были каменные сооружения, от которых уцелел лишь фрагмент готического портала.

Наиболее своеобразным в этой группе замков является Олеско, расположенный на небольшом холме среди болотистой равнины. Замок, имеющий в плане овальную форму, состоит из двух башен и двора, заключенного между ними. Двор огражден толстыми стенами, объединяющими башни замка в единое оборонительное сооружение. Благодаря удачному расположению замок был мощным неприступным укреплением. Позже, в XVI—XVII вв., на окнах замка появились ренессансные наличники, был сделан новый портал — ворота и т. д., но основная структура и характер планировки замка не претерпели изменений.

Каменец-Подольский, ставший уже в XIV в. важным центром Подолии, расположен в излучине р. Смотрич с совершенно отвесными скалистыми берегами (рис. 12). Для защиты единственного прохода в город впереди узенького перешейка был поставлен замок. В XVI в. была начата реконструкция замка архитектором Иовом Претвич (предположительно чехом по национальности), законченная в основном к 1545 г. В плане замок имеет неправильную форму. Его башни расставлены свободно, сообразно условиям местности и требованиям обороны. Большинство башен — цилиндрической формы, и только Черная башня — пятиугольная, а башня, именуемая теперь башней Кармелюка, — четырехгранная, на уровне третьего яруса переходит в восьмигранник аналогично деревянным храмам «восьмерик на четверике». Все башни замка были оштукатурены, а на углах башни Кармелюка штукатуркой имитируется квадровая кладка. В Каменец-Подольском замке были сделаны упомянутые выше комбинированные амбразуры, позволяющие сочетать пушечный огонь с защитным ружейным огнем. Впечатление величия и монументальности, производимое замком, усиливается его цветовым



15. Бережаны (Тернопольской обл.). Замок, 1534—1554 гг. Реконструкция плана замка и дворовых фасадов южного и западного корпусов

единством с отвесными скалами, служащими ему основанием и как бы составляющими с ним единое целое. Трудно найти другое крепостное сооружение, столь живописно расположенное и органически слитое с природой (рис. 13, *1*).

Межибож, теперь Меджибож, известен как поселение еще с XII в. Важное стратегическое значение города и сооружение здесь в середине XVI в. замка определялось его положением на скрещении путей татарских вторжений — Черного и Кучманского. Для строительства замка был выбран треугольный мыс между реками Южным Бугом и Бужком. В целях обороны с напольной стороны здесь был вырыт глубокий ров. Замок имел свободную планировку, продиктованную конфигурацией участка (рис. 13, *2*), и его четыре башни были расположены в соответствии с потребностями обороны: пятиугольная башня защищала ворота, с севера возвышалась восьмиугольная башня; южная сторона замка защищена р. Бугом и имеет только угловые башни, из них восточная — громадных размеров, своеобразной и сложной конфигурации (рис. 14). Она как бы состоит из части ромбовидной в плане башни, обращенной острием во вне, и четырех полукруглых башен, примыкающих попарно с

16. Кудринец (Тернопольской обл.). Замок, первая половина XVI в. (фото Г. Н. Логвина)

каждой стороны. Такая форма башни и наличие комбинированных бойниц с тремя отверстиями давали возможность вести очень плотный перекрестный огонь.

В Добромиле (XVI в.) на маленьком овальном плато на вершине высокой горы был возведен замок, в ансамбле которого господствует громада надвратной восьмиугольной четырехъярусной башни, завершенной красивой глухой аркадой. В XVI в. аттики с подобной аркатурой начинают широко применяться в украинской архитектуре, становятся ее наиболее характерной деталью.

Подобно Добромильскому замку расположены замки Кременца, Хуста, Мукачева. Мукачевский замок сохранил в общих чертах свой облик XVI в. К главным укреплениям на верхней террасе были добавлены укрепления на средней, позже на нижней террасе. Чтобы овладеть центральной частью крепости, необходимо было преодолеть две надвратные башни и пройти два дворика, верхний из которых имел оборонную галерею.

Наиболее отчетливо эволюцию оборонительной архитектуры можно проследить на замке в Бережанах (1534—1554, рис. 15). Первоначально в нем были сооружены стены с городнями, по традиции более ранних укреплений. Затем в конце XVI — начале XVII в. вместо городней по периметру двора были построены пять корпусов, образующих неправильный пятиугольной формы двор. Внешние стены жилых корпусов имеют бойницы, а внутренние — большие окна и открытые двухъярусные аркады-галереи. Южный корпус сохранил высокий аттик с глухой аркатурой. Резьба портала въездных ворот исполнена в формах Возрождения, наиболее ранних в украинской архитектуре. Несмотря на наличие по углам замка пяти громадных башен, замок лишен сурового величия, подавляющего человека. На примере архитектуры Бережанского замка можно предугадать направление дальнейшей эволюции украинских оборонительных сооружений.

В XVI в. появляются небольшие частновладельческие замки, либо треугольные в плане с тремя башнями на углах (в Токах, Высичке или Зинькове), либо квадратные с четырьмя угловыми башнями (в Сутковцах), или прямоугольные (в Кудринце, рис. 16), либо, наконец, пятиугольные с пятью башнями (в Сатанове, Черткове и Гусятине). Для них характерна чрезвычайная простота архитектуры, почти полное отсутствие декора. Они очень выгодно расположены на местности и благодаря компактным объемам выглядят внушительно.

3. АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩА

Деревянных городских и замковых жилых зданий XIV—XVI вв. на Украине не сохранилось, поэтому судить о них можно только по литературным источникам. О типе сельского жилища у нас нет данных, но можно полагать, что оно было похожим на простейшие жилища, известные по описям городов и замков XV—XVI вв., однокамерные, затем двухкамерные, состоящие из избы и сеней или из избы, сеней и коморы (кладовой). Распространенным было жилище, состоящее из комнаты, небольшой комнатки и коморы. Наиболее часто встречается в описях тип жилища из двух жилых комнат и сеней посередине, так называемая «хата на две половины». Размер такого дома был 4×10 саженей. Размеры жилых комнат различны, чаще всего 3×4 сажени. Дома были рубленые, всегда обмазанные глиной и побеленные, кровли — гонтовые и тесовые. Вдоль продольной стены, где был вход, устраивался ганок-крылечко или открытая галерея на столбиках.

Более нарядными и живописными были дома на подклете. В нижнем ярусе, часто полуподвальном, были кладовые, а в верхнем — жилье. В жилые комнаты вели лестницы, открытые с навесом на столбах либо закрытые. И в замках, и в городах были богатые жилые дома, часто двухэтажные с большим числом разных помещений и сложной планировкой. Из описи замка в Старом Константинове узнаем, что жилой дом стоял внутри его укреплений. В первом этаже дома помещались сени, кухни и большой зал с восемью окнами. Во втором этаже находилась столовая и большой зал с восемнадцатью окнами и открытой галереей вокруг.

Большие жилые дома имели галереи, крылечки, наружные лестницы, башенки, иногда балконы и эркеры с шатровой кровлей или куполом с флюгером. Перила, двери и галереи иногда расписывались или украшались резьбой. Различные по величине срубы, галерейки, крылечки, лестницы и переходы, башенки и купола придавали

застройке замка живописный вид. Не менее живописной была городская застройка: одно- и двухэтажные дома с галерейкой, крылечками и «опасаньем», поставленные в ряд по красной линии, создавали своеобразный облик улицы.

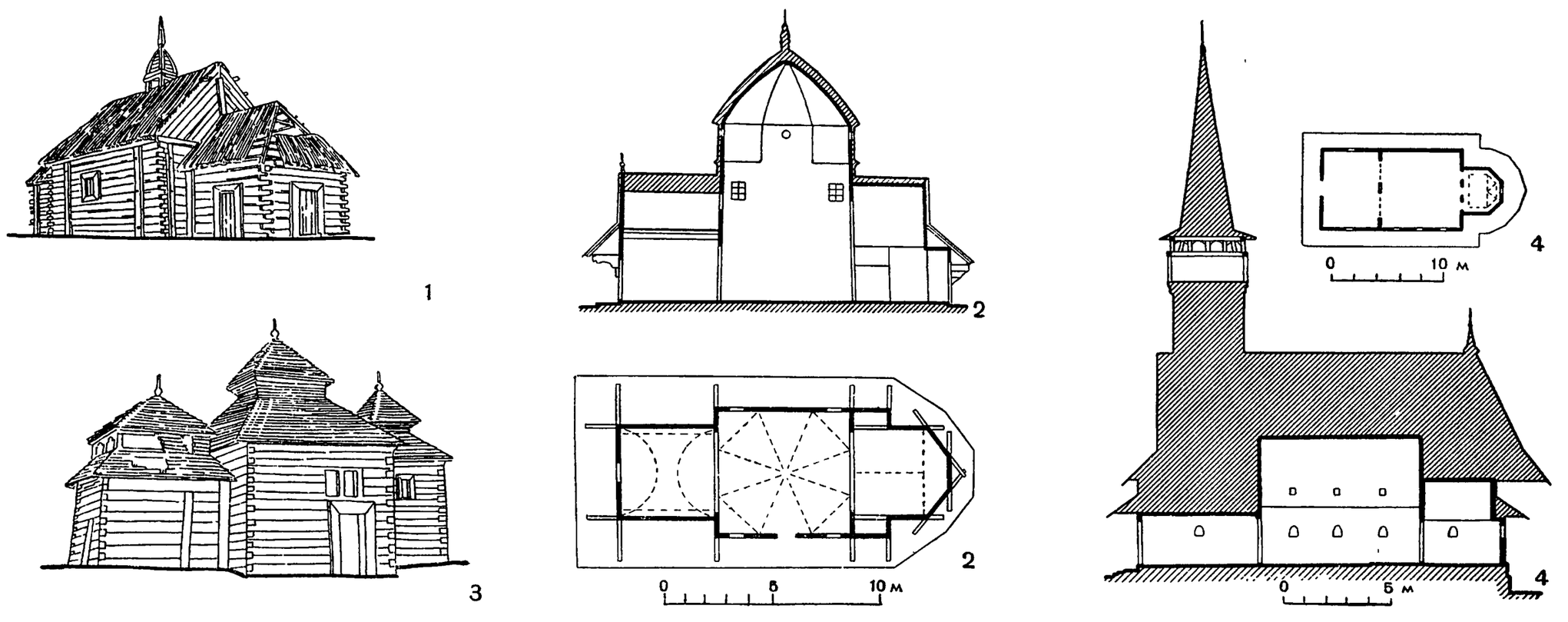
Интерьеры жилища были различными по богатству и разнообразию. В простейшем жилище для челяди иногда находились только черная печь, стол и лавки. В богатых жилых комнатах устраивались белые печи, изразцовые, из простых и расписных изразцов. Из археологических находок известны красивые изразцы с рельефными изображениями. Наиболее частыми изображениями являются геометрические или растительные орнаменты, среди сюжетных наиболее распространены изображения всадника или пешего воина.

Наиболее древними из сохранившихся без переделок каменных жилых сооружений являются кельи в монастыре в Зимно (XV в.). Они состоят из двух сеней и четырех комнат, т. е. в развитом виде повторяют тип народного жилища. Фасады очень просты — гладь кирпичных стен, лишенных декоративного убранства, нарушается лишь оконными проемами.

Богатыми и сложными по планово-пространственной организации были жилые дома Львова, частью сохранившиеся после пожара 1527 г. Их можно с уверенностью датировать XV веком. После пожара многие жилые дома — «каменицы» — были перестроены, но, видимо, с сохранением основных стен и планировки в первом этаже и подвале. Особенность этих домов заключается в том, что в число помещений входили и нежилые помещения разного назначения, чаще всего торговые. Этим было обусловлено наличие в первом этаже сеней и расположенного рядом служебного помещения. Жилые комнаты находились на втором этаже. В львовских «каменицах» сохранились некоторые готические детали — порталы, окна и нервюрные своды. Возможно, во многих жилых каменных домах Львова XV в. были деревянные переходы, галереи, крылечки, выходившие на улицу, ибо после пожара 1527 г. магистрат вынес строжайшее запрещение устраивать их. Из описей видно, что интерьеры каменных жилых домов зажиточных горожан украшали изразцовые печи, камины, резные мебель и потолки, фресковая роспись, дорогое оружие и знамена на стенах.

4. АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ

Церкви — единственный вид деревянных построек XVI в., сохранившихся до наших дней и то лишь в небольшом числе. Обычно они сооружались из отборного дубового леса. Рубка стен и устройство кровель выполнялись с большой тщательностью. К XVI столетию сложилось большинство известных типов деревянных церквей, что указывает на большое мастерство и изобретательность умельцев-строителей предыдущих столетий.



17. *1* — Сычин (Волынской обл.), деревянная церковь, XVI в.; *2* — Подлески (Львовской обл.), деревянная церковь, XVI в.; *3* — Суходолы (Волынской обл.), деревянная церковь, 1580 г.; *4* — Стеблевка (Закарпатской обл.), деревянная церковь, XVII в.

Простейший и, видимо, наиболее древний тип — трехсрубная бескупольная церковь «хатного» типа. Внутри здание разделено двумя поперечными стенами на три части — притвор, помещения для молящихся и алтарь. Но снаружи еще нет четкого деления объемов, так как все срубы одной ширины и объединены одной кровлей; такова церковь в с. Лисниках, Львовской области (конец XVI в.).

Другой тип имеет более совершенную объемно-пространственную организацию в виде трех срубов разной ширины, с плоскими потолками, но с двускатной различной по высоте на центральном и боковых срубах крышей, как в церкви с. Сычин на Холмщине (XVI в., рис. 17, *1*). Интересен еще один тип церкви, имеющий более четкое членение трех срубов не только в плане, но и в объеме, где высокий средний сруб накрыт невысоким восьмигранным шатром на низеньком четверике, как, например, в церкви с. Целиев на Подолии (конец XVI в.). Этот тип храма наиболее характерен для Подолии. На Волыни он представлен старым собором (1505) в г. Ковеле с его монументальным завершением центрального сруба.

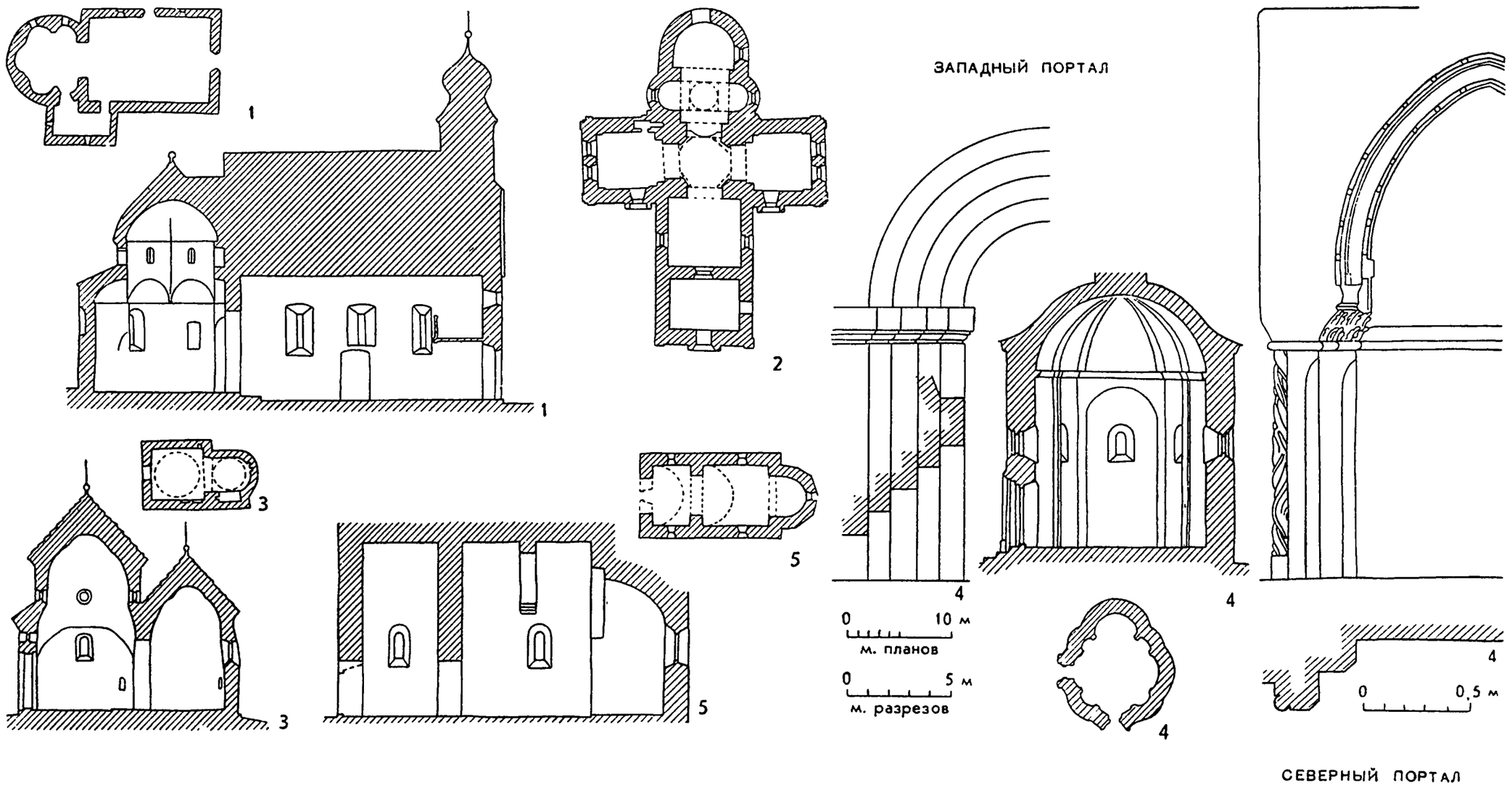
18. Львов. Армянская церковь, 1363 г. Апсиды (фото Г. Н. Логвина)

Церковь села Подлески, Львовской области (XVI в., рис. 17, *2*), имеющая главу только над центральным срубом, поднятую на высоком восьмигранникe, и покрытые простой двускатной кровлей боковые срубы, приобрела четко выраженную центрическую композицию. В интерьере также доминирует открытое доверху пространство центрального сруба, боковые срубы имеют плоский потолок. Это наиболее типичная схема украинской одноглавой церкви. Переход от четверика к восьмерику осуществляется без устройства парусов — треугольное пространство зашито плоским дном.

Церковь св. Духа (середина XVI в.) в с. Потеличе, Львовской области представляет архаичный тип храма, у которого центральный сруб завершен четырехгранной пирамидой с одним «заломом», как называют на Украине своеобразную форму, когда на срезанную на определенном уровне четырехгранную пирамиду ставили невысокий вертикальный срубик, в свою очередь накрытый четырехгранной пирамидой. Алтарь также был накрыт рубленой восьмигранной пирамидой. Необыкновенную красоту интерьеру придает ее уникальная роспись, выполненная в темперной технике в 20-х гг. XVII в.

Наиболее совершенным образцом трехсрубного трехглавого типа является церковь в с. Малнове, Львовской области конца XVI в. Здесь главы поставлены на невысоких восьмигранных барабанах. Широкая галерея — «опасанье» — охватывает всю церковь.

В XVI столетии известны также трехчастные трехглавые церкви с четырехгранными однозаломными пирамидальными верхами и колокольней над притвором, какова церковь в с. Суходолы на Волыни (1580, рис. 17, *3*). Этот храм является как бы прототипом позднейших храмов «бойковского» типа, распространенных на Бойковщине, для которых характерна колокольня над притвором одной высоты с восточным верхом. Позже развитие этого типа найдет свое завершение в «бойков-



19. *1* — Горяны (Закарпатской обл.), ротонда XIII в.; *2* — Лавров (Львовской обл.), церковь Онуфрия, XV в.; *3* — Зимно (Волынской обл.), Троицкая церковь, 1465—1475 гг.; *4* — Владимир-Волынский (Волынской обл.), Васильевская церковь, конец XIII — начало XIV в.; *5* — Лужаны (Черновицкой обл.), Успенская церковь начала XV в.

ских»[1] храмах, имеющих целый каскад (до шести) заломов.

В XVI в., видимо, сложился также тип «лемковского» храма, отличающегося от общеукраинских трехчастных трехглавых храмов своей асимметрией, обусловленной наличием над притвором высокой колокольни, господствующей в силуэте храма. Памятником этого типа является церковь в Патне (XVII в.). Наличие большого числа горизонтальных членений, нарастающая динамика масс, сочная игра светотени придают храмам этого рода большое своеобразие. Наконец, как можно судить по дошедшим до нас памятникам начала XVII в., в XVI в. были также широко распространены храмы готического типа, состоящие из трех равных по ширине срубов с трехчастным делением интерьера на притвор, неф и алтарь. Над притвором возвышается, как и у «лемковских» церквей, большая башня-колокольня, значительно превышающая остальные верхи церкви и сделанная не рубленой, а каркасной. Эти колокольни своим внешним видом почти не отличаются от крепостных башен замков, известных по гравюрам XVI—XVII вв. Примером подобной композиции может служить церковь в селе Стеблевка, Закарпатской области, первой половины XVII в. (рис. 17, *4*).

Типы храмов с высокой башней-колокольней над притвором свидетельствуют о взаимосвязях украинской архитектуры с архитектурой соседних народов — чехов, словаков, поляков, румын и мадьяр.

Строительство больших монастырских или городских соборов в XIV в. продолжало традиции культового зодчества XII—XIII вв. Собор Юра и армянский собор во Львове и собор Ивана Богослова в Луцке, построенные в XIV в., были близки к типу четырехстолпных крестовокупольных трехапсидных храмов. Из них сохранился с большими переделками только армянский собор во Львове, имеющий много черт, роднящих его с архитектурой Армении (рис. 18). Из небольших культовых сооружений хорошо сохранилась уникальная по своей плановой и объемно-пространственной организации Васильевская церковь во Владимире-Волынском (рис. 19, *4*). В архитектуре этого небольшого храма-ротонды

[1] Бойки, лемки и гуцулы — название отдельных этнических групп украинского народа.

мы отчетливо видим как прямую связь с архитектурой предыдущего периода, так и новые черты.

Васильевская церковь, сооруженная в конце XIII — начале XIV в., в плане представляет собой центрическое сооружение, состоящее из комбинации четырех больших конх, ориентированных по странам света, и четырех меньших — между ними. Выступающие дугообразные части плана точно вписываются в окружность, за исключением восточной, служащей алтарной апсидой, центр которой сдвинут на восток на толщину стены. Криволинейные лепестковые очертания плана повторяются в своде храма, состоящем как бы из восьми сомкнутых лоткообразных долей. Все декоративное богатство храма заключается в его порталах. Западный — типичный древнерусский перспективный портал, в то время как северному свойственны элементы готики, говорящие о знакомстве волынских мастеров с архитектурой Запада. Самый тип круглого центрического сооружения в западных землях Украины был известен еще в XII—XIII вв. (ротонда в Горянах, рис. 19, *1*).

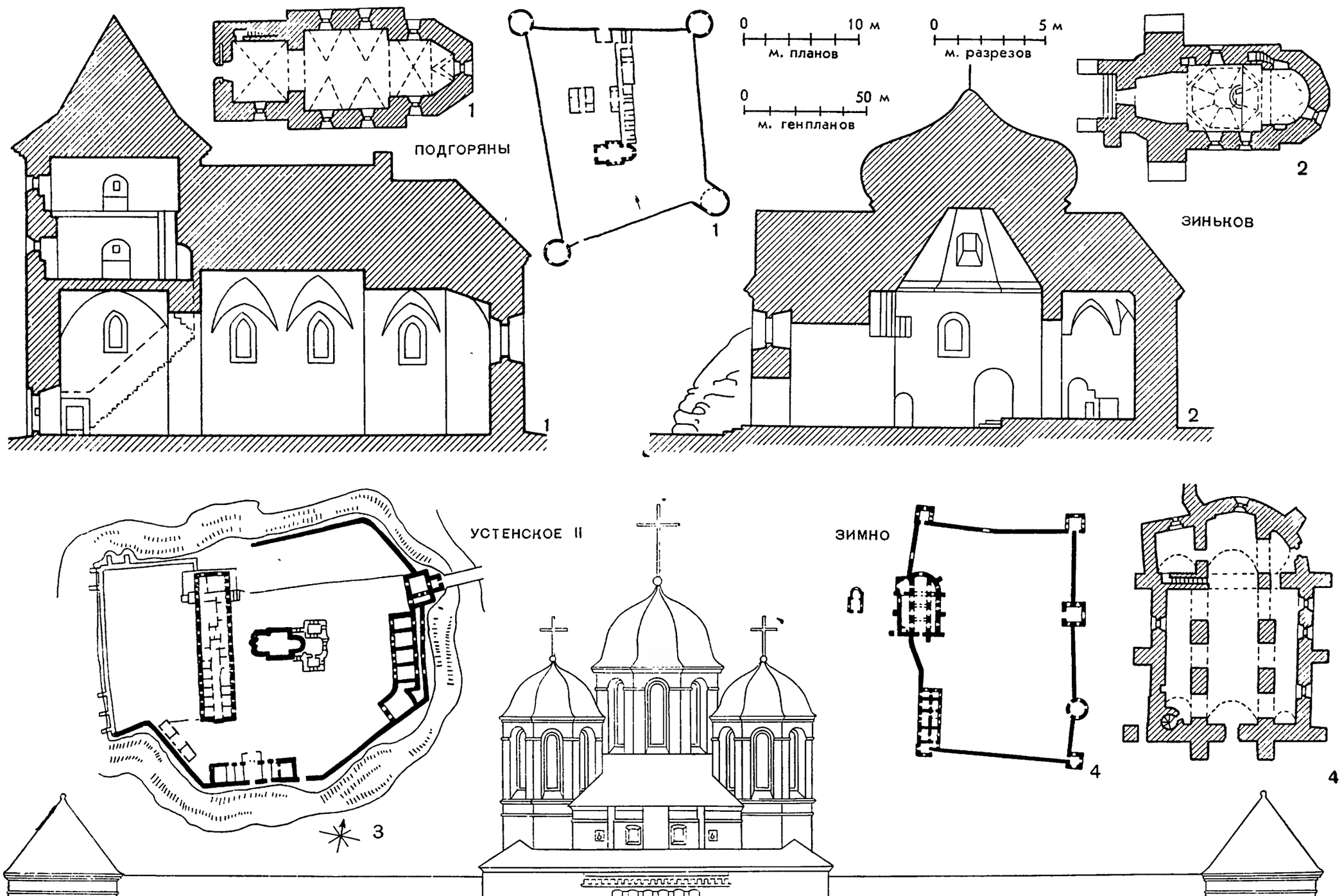
Благодаря пожертвованиям знати землями и крестьянами монастыри в XV в. перестраиваются в первоклассные крепости. В 70-х гг. XV в. восстанавливается Печерский монастырь в Киеве и, видимо, в ту же пору сооружаются деревоземляные укрепления вокруг верхней Лавры взамен укреплений, уничтоженных в XIII в. На Волыни превращаются в крепости монастыри Зимно, Межиричи, Пересопница, Дермань, а в Галичине — Унев, Лавров и др.

Архитектура монастырей-крепостей мало отличается от архитектуры замков. Наиболее ярко выражены крепостные черты в монастыре в Зимно, расположенном на левом берегу р. Луг, близ города Владимира-Волынского (рис. 20, *4*). Здесь еще в древности проходил из Киева через Луцк важнейший путь в Западную Европу — Сухая дорога, определивший стратегическое значение монастыря-крепости. Монастырь, законченный строительством уже в XV в., расположен вдоль берега реки. Прямоугольный в плане, он обнесен стенами с башнями по углам, а с южной напольной стороны имеет главную надвратную и круглую башни. Простые призматические объемы башен украшены пояском поребрика, проходящим под карнизом. На одном из сохранившихся участков стены виден сетчатый ромбовидный орнамент, выложенный из поливных кирпичей. С северной стороны в систему укреплений включены соборная церковь и корпус келий, приспособленные к обороне. За пределами монастырских стен с северной стороны у подножия соборной церкви близ входа в пещеры располагается небольшая однонефная увенчанная двумя куполами Троицкая церковь (рис. 19, *3*).

Монастырь в Дермани расположен на месте древнего городища и окружен глубоким рвом и валом. Его план имеет неправильную форму (рис. 20, *3*). В монастыре сохранились большая надвратная башня, сильно переделанная четырехстолпная однокупольная церковь и корпус келий.

Монастыри в Уневе и Межиричах (рис. 20, *5*) имеют аналогичную с Зимно регулярную планировку, но каменные укрепления они получили позже — в XVI—XVII вв., когда Межиричский собор был приспособлен к обороне путем устройства на закомарах парапетов и бойниц. В Уневе же однонефная церковь XV в. имеет бойницы по всему периметру ее чердака.

Первоначально приспособление церковных сооружений к обороне не вносило существенных изменений в их наружный облик. Наиболее ранняя из них Богоявленская церковь в Остроге, сооруженная в XV в., — типичный четырехстолпный, трехапсидный, пятиглавый храм, продолжающий традиции древнерусского зодчества XII—XIII вв. Своды центрального нефа и трансепта значительно возвышаются над угловыми частями. Поставленные очень тесно главы имеют удлиненные барабаны; в отличие от древнерусских глав в Острожской церкви высота барабана превосходит его диаметр в два с половиной раза. Благодаря тесной постановке вытянутых глав храм получил стройный башнеобразный вид. В Богоявленской церкви были белокаменные готические наличники на окнах и два белокаменных готических портала, уничтоженные при перестройке храма в 80-х гг. XIX в. так же, как и килевидное завершение закомар. Барабаны куполов расчленены по горизонтали поясками и декорированы плоскими нишами. На северном фасаде, где стена церкви продолжала крепостную стену, парапет обхода с бойницами был украшен плоскими нишами, наподобие глухой аркатуры.



20. *1* — Подгоряны (Тернопольской обл.), монастырь-крепость, XVI—XVII вв.; *2* — Зиньков (Хмельницкой обл.), Троицкая церковь, 1521 г.; *3* — Устенское II (Дермань, Ровенской обл.), монастырь, XV—XVI вв.; *4* — Зимно (Волынской обл.), монастырь, 1465—1495 гг., Успенская церковь; *5* — Межирич (Ровенской обл.), Троицкий монастырь, XV—XVII вв.; *6* — Бучач (Тернопольской обл.), церковь в Монастырьке, XVI в.

Церковь Троицы в Межиричском монастыре близ Острога, построенная одновременно с Богоявленской и являющаяся ее репликой, первоначально не была приспособлена к обороне. Лишь в конце XVI в. были устроены прикрытые кровлей парапеты на закомарах, чем ее пропорции были искажены. Западный фасад имеет декоративную аркатуру на кронштейнах, а барабаны лишены декоративных ниш (рис. 20, *5*). В Успенской церкви в Зимно для обороны был приспособлен чердак. По сводам был устроен настил, что заставило отказаться от угловых глав и поставить вместо них четыре башенки с бойницами, что придало храму своеобразный вид. Ход на чердак в виде винтовой лестницы находится в северо-западном углу. Постановка храма в системе укреплений напоминает расположение острожской церкви. В отличие от последней композиция церкви в Зимно не центрическая, а базиликальная (рис. 20, *4*). Готические контрфорсы и тяжелые пропорции придают ее облику известную архаичность.

Небольшая церковь в Уневе не имеет угловых башен. Это базилика с двускатным покрытием и простыми фронтонами. Оборонительное назначение храма определило и характер его архитектуры — гладь лишенных декора стен нарушается лишь поясом бойниц, идущих по верху здания. Интерьер с его крестовыми сводами с гуртами, консольными готическими капителями и иконостасом выглядит менее сурово.

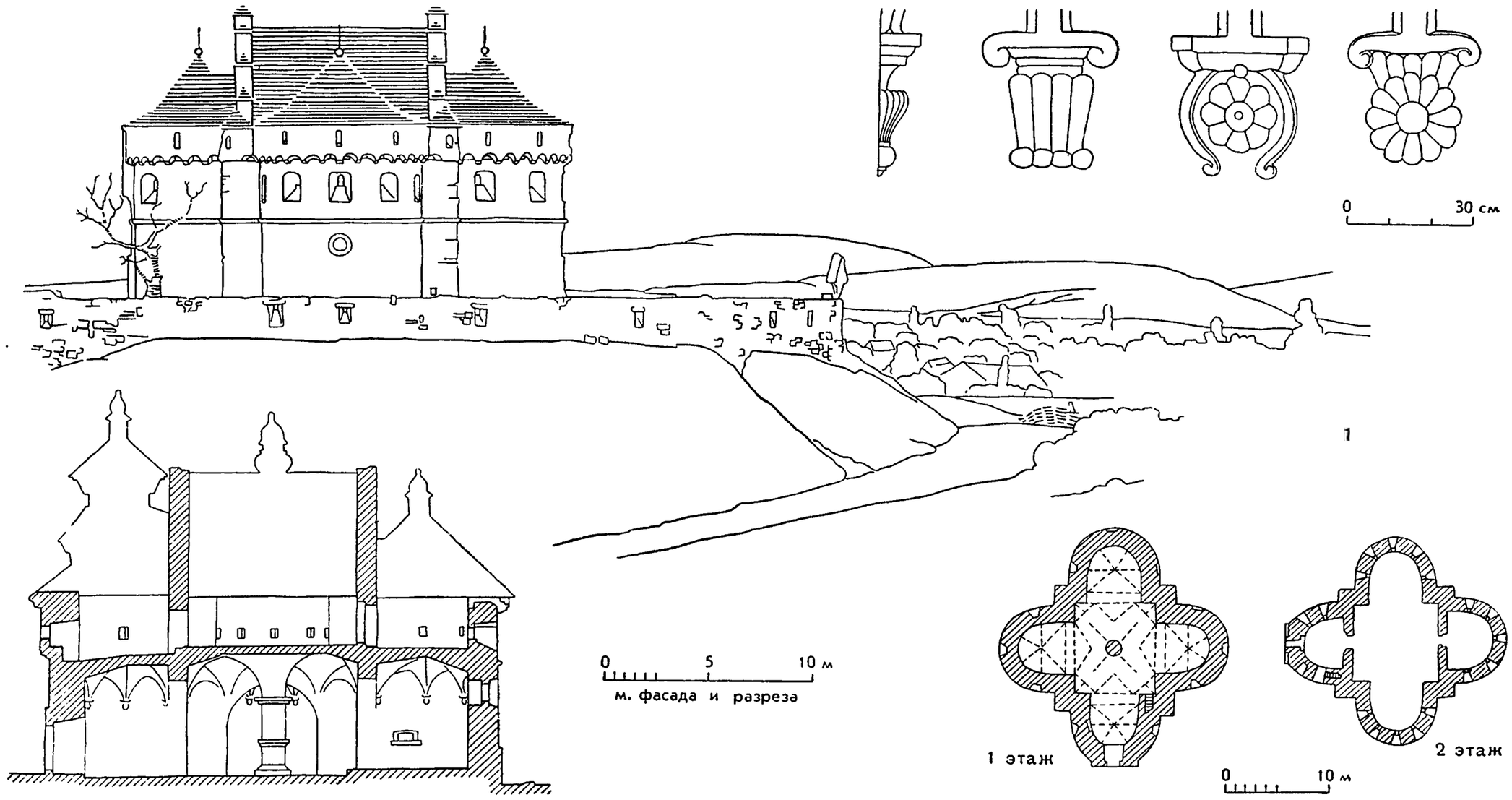
Наряду с храмами-крепостями сооружались и обычные церкви. Таковы церкви Дмитрия и Покрова в Луцке — однонефные бескупольные храмы, перекрытые цилиндрическими сводами с распалубками. Они лишены декора, но гармоничные соотношения их объемов, уют интерьеров сообщают этим храмам своеобразную красоту.

В культовом строительстве наряду со старым, традиционным крестовокупольным четырехстолпным храмом получают большое развитие однонефные трехчастные храмы с куполом и без него, а также так называемые трехконховые храмы, распространенные в славянских странах Балканского полуострова и в Молдавии, с которыми Украина находилась в тесных связях. Наконец, что особенно важно, в XV в. возникает сомкнутый срезанный свод и прием завершения каждого членения плана башенообразным объемом. Наиболее интересным памятником этой группы является Успенская церковь в Лужанах (1453—1458), однонефная с граненой снаружи и круглой внутри апсидой и притвором одной ширины с нефом (рис. 19, *5*). Церковь и притвор перекрыты цилиндрическим сводом одной высоты, апсида — конховым сводом. Хотя храм трехчастный, но притвор еще не выделен ни в плане, ни в объеме. Он отделен от пространства церкви лишь небольшой аркой. В Троицкой церкви в Зинькове (1521) притвор у́же и ниже средней части, увенчанной усеченным шатром (рис. 20, *2*).

В XV в. в западных районах появляются храмы, имеющие небольшие апсиды с севера и юга, как, например, в монастыре в Лаврове в Галиции, в Хотинском замке и в Монастырьке в Бучаче (рис. 20, *6*). Позднее эти храмы получают большое распространение на Подолии. Наиболее интересен храм Онуфрия в Лаврове (рис. 19, *2*). К главному прямоугольному помещению, увенчанному куполом на высоком барабане с востока, севера и юга, примыкают полукруглые апсиды, а с запада — притвор. Фасады просты, лишь под карнизом здания проходит поясок поребрика. Храм отличается большой монументальностью, апсиды придают живописность его массам. В притворе храма сохранились в значительных фрагментах высокохудожественные фрески. Красочная гамма построена на сочетании охристо-желтых, белоснежных, светло-синих и коричнево-красных цветов.

В храме Хотинского замка к небольшому прямоугольному помещению с востока примыкает полуциркульная в плане апсида, с севера и юга в толще стен имеются две апсиды-конхи незначительной глубины, на запад выходит открытый притвор-крыльцо. Западный фасад почти целиком занят огромным полуциркульным порталом с богатой белокаменной резьбой в романо-готических формах (рис. 10). В церкви сохранились незначительные остатки фресок, отличающихся яркой, сочной цветовой гаммой.

Между 1465—1475 гг. в Зимненском монастыре была построена маленькая надпещерная церковка св. Троицы — первое звено в серии блестящих по конструктивным и художественным достоинствам украинских трехкупольных или крестовых пятикупольных храмов (рис. 19, *3*).



21. Сутковцы (Хмельницкой обл.). Покровская церковь, 1467 г. Проект реконструкции церкви, разрез, планы и консольные капители интерьера

Церковь состоит из небольшого квадратного помещения с полуциркульной апсидой, к которой с южной стороны примыкает миниатюрная ризница, похожая на такие же маленькие ризницы, прячущиеся под галереей деревянных храмов. Церковь перекрыта сомкнутым сводом, на который опирается невысокий барабан, завершенный куполом. Апсида также перекрыта куполом, опирающимся в её круглой части непосредственно на стены, а в прямоугольной — на небольшие плоские паруса. Здесь каждое членение плана завершается самостоятельным башнеобразным объемом, что со временем станет яркой самобытной чертой украинского зодчества. То же относится и к применению нового конструктивного приема — срезанного сомкнутого свода. Этот прием открывает путь к созданию своеобразной и исключительно эффектной композиции украинских купольных храмов с высотно раскрытым внутренним пространством.

В композиции культовых сооружений заметно большое влияние оборонной архитектуры. К началу XVI в. сложилось несколько типов храмов, приспособленных к обороне. В трехчастных бескупольных церквах целям обороны служит башня над притвором, как, например, в Петропавловской церкви в Каменце-Подольском (1530) и церкви монастыря в Подгорянах (XVI—XVII вв., рис. 20, *1*). Такая башня снабжена бойницами различного назначения. Иногда кроме башни над притвором к обороне приспосабливается и чердак над нефом и алтарем, как, например, в церкви Николая в Теребовле (XV в.). Ход в башню и на чердак обычно располагался в толще стены притвора.

Оригинально приспособлена к обороне церковь Успения в Межиборже (XVI в.), где кроме башни над притвором устроена башня и над центральным нефом. Снаружи церковь выглядит трехчастным, трехкупольным сооружением, хотя ее неф перекрыт цилиндрическим сводом с распалубками. Эти церкви обычно лишены декоративных деталей и украшены лишь скромными порталами.

Наиболее законченным типом церкви, приспособленной к обороне, является церковь-крепость в с. Сутковцах на Подолии (рис. 21). Она расположена на небольшом холме невдалеке от р. Ушицы, против Сутковецкого замка. К центральному квадратному помещению церкви примыкают четыре апсиды в виде башен. Здание имеет

22. Сутковцы. Покровская церковь (фото Г. Н. Логвина)

23. Выжняны (Львовской обл.). Костел, 1400 г.

два этажа, каждый из которых приспособлен к обороне, так как имеет бойницы различного устройства и назначения, кроме того, под церковью имеется глубокий подвал. На втором ярусе кроме обычных бойниц по всему периметру расположен пояс машикулей. На углах церкви устроены маленькие башенки-фонарики. Первый этаж — собственно церковь — перекрыт сложной системой сводов: апсиды — нервюрным готическим звездчатым сводом, а центральное помещение — цилиндрическими сводами, опирающимися на стены и центральный столб. Пяты нервюр обработаны консольными капителями и украшены белокаменными резными розетками. Интерьер, несомненно, производил сильное впечатление контрастом освещенных и затененных мест, красотой сводов и фресковой росписи (скрытой под позднейшими наслоениями).

Архитектура сутковецкой церкви отличается простотой и выразительностью композиции. Ее четыре мощных крытых гонтовыми шатрами цилиндрических объема вместе с центральным объемом, перекрытым двускатной кровлей, с готическими уступчатыми фронтонами на торцах напоминают небольшой замок (рис. 22).

К XV в. относятся готические костелы во Львове, Дрогобыче и Выжнянах (рис. 23). Для них характерны удлиненные апсиды, готические нервюрные своды и контрфорсы. В то же время в них есть ряд деталей, чаще встречающихся в костелах, построенных на Украине, и реже — в Польше, в чем можно усмотреть влияние местной архитектурно-строительной культуры. Таковы, например, опорные столбы, несущие своды этих, как правило, зальных зданий. Небольшие однонефные костелы почти ничем не отличаются от украинских трехчастных храмов, только отсутствие куполов и наличие контрфорсов и стрельчатых окон в какой-то мере придают им готический характер.

Исключительно хорошо сохранилась готическая архитектура костела в Дрогобыче (XV в.). Прямоугольное в плане зальное помещение разделено четырьмя опорными столбами на три нефа, перекрытых нервюрными сводами. С востока примыкает граненая апсида, перекрытая также нервюрными сводами. Со всех сторон здание окружено контрфорсами, поставленными по оси опорных столбов и внутренних стен. Большие плоскости стен и контрфорсы украшены сетчатыми ромбовидными орнаментами, вы-

полненными из кирпича с темно-красной поливой; в костеле сохранились прекрасные готические белокаменные порталы.

Готика как конструктивная и стилевая система не имела широкого распространения в украинской архитектуре, где она проявилась главным образом в архитектурных деталях. Это объясняется не только тем, что в храмовом строительстве культивировался центрально-купольный тип храма, но также и тем, что, когда в украинских землях возродилось каменное строительство, готика как стилевая система становилась в Европе уже пройденным этапом.

Украинская архитектура XIV—XV вв. прошла сложный путь развития, отвечая на запросы, выдвигаемые жизнью.

Наряду с развитием древнерусских традиций в градостроительстве с его свободной планировкой в конце XIV — начале XV в. появляются города, подчиненные регулярной планировочной схеме. В основе новых приемов застройки, новых типов городских жилищ лежат местные традиции, однако начинает сказываться влияние архитектуры западноевропейских стран.

Татаро-турецкая опасность вызвала усиление оборонительного строительства, наложившего свой отпечаток на архитектуру в целом. Архитектурный облик городов определяется укреплениями с их высокими башнями. В эту эпоху формируется тип монастыря-крепости, близкий к магнатским замкам, с той разницей, что композиционным центром здесь является собор.

В каменном культовом зодчестве помимо продолжения развития типов крестово-купольных храмов XII—XIII вв. возникают трехчастные в плане храмы, перекрытые сводами либо куполами. Особенно важным было появление приема завершения куполом каждой части таких храмов, что станет наиболее типичным в последующие столетия. Новые требования, предъявленные к культовым зданиям, вызвали появление новых конструкций сводчатых перекрытий либо новых и оригинальных их сочетаний.

На формирование новых типов каменных храмов с объемно-пространственной структурой, не имевшей аналогии в мировом зодчестве, известное влияние оказало деревянное зодчество, в свою очередь получившее ряд черт, характерных для каменной архитектуры. Была создана объемно-пространственная композиция башнеобразного объема, открытого снизу доверху. В конструкции был применен прием постановки восьмерика на четверик при помощи плоских парусов или срезанной пирамиды (с 70-х гг. XV в.).

Наряду с трехчастными однокупольными, бескупольными и трехкупольными храмами появляются храмы, имеющие с севера и юга небольшие полуциркульные или граненые апсиды, что было обусловлено тесными культурными связями с Молдавским княжеством. При сходных чертах украинские храмы значительно отличаются от своих молдавских аналогов и отражают вполне самостоятельную разработку объемно-пространственных форм. Украинские трехконховые храмы имеют менее сложный переход к куполу, чем молдавские, и внутреннее пространство их не раздроблено на отдельные части, как в молдавских, а объединено широкими арками. В XIV—XV вв. сформулировалось несколько типов храмов-крепостей, причем в зависимости от объемно-пространственной композиции возникает тип приспособления храма к обороне.

Черты самобытного творчества проникают и в архитектуру оборонительных сооружений, проявляясь в деталях, повторяющих привычные формы деревянной народной архитектуры. В оборонной архитектуре можно встретить орнаментальные украшения из кирпича (Хотинский замок), сходные с мотивами украинского народного прикладного искусства.

В это же время совершается замена большеформатной плоской плинфы более дешевым и простым в производстве брусковым кирпичом. Применение кирпича улучшило качество кладки и, упростив выполнение различных декоративных деталей, обогатило каменную орнаментику.

Три столетия (с XIV по XVI в.), трудные для украинского народа, внесли существенный вклад в разработку типологических, конструктивных и художественных сторон строительного искусства Украины и подготовили почву для блестящего подъема украинской архитектуры в XVII—XVIII вв.

ГЛАВА 2

АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

С 1569 г., после образования единого Польско-Литовского государства — Речи Посполитой, подвластные Литве украинские земли были включены в состав так называемых коронных земель, т. е. Польского государства. Несмотря на тяжелые внешнеполитические условия, росли товарное производство и обращение и в связи с этим развивалось строительство городов.

Рост благосостояния городов и укрупнение феодальных владений в XVI в. создают условия для широкого использования в строительстве не только дерева, но и камня и кирпича, хотя дерево в жилищном, особенно в сельском строительстве, продолжает играть преобладающую роль. Важной особенностью многих кирпичных построек в Чернигово-Северской земле является применение лекального кирпича. На Подолии и в западных областях использовались местные породы известняка и песчаника, причем способы возведения стен были различны. Наиболее распространенным видом кладки, особенно в оборонных сооружениях, являлась кладка из постелистого, грубо околотого камня на известковом растворе. В большинстве культовых и жилых зданий Львова и близлежащих городов часто применялась кладка из гладкоотесаных, а иногда рустованных квадров. Реже встречается третий прием кладки (преимущественно в Тернополе, его окрестностях и на Волыни) из рваного бутового камня с грубо околотой поверхностью и с последующей разделкой швов.

Большое распространение имели также приемы возведения стен и сводчатых перекрытий зданий смешанным способом из кирпича и камня, что было характерным для районов, где имелись месторождения строительного камня. Кирпичные стены или сплошь облицовывались камнем, или же только их детали (карнизы, пилястры, наличники окон и дверей и т. д.) выполнялись в камне. Кирпичные своды также часто имели каменные детали в виде замковых камней, нервюр, консольных капителей. Образцы каменных наличников были найдены и в самом Киеве при разборке руин Успенской церкви Киево-Печерской лавры (и, по-видимому, относятся ко времени поновления церкви во второй половине XVI в.).

Основными видами сводов в рассматриваемый период были те же, что и раньше, но сложных готических сводов в это время уже почти не применяют. Купола в западных землях часто украшают кессонами. Применялся прием постановки барабана на своеобразную систему из арок, образующих в плане квадрат (часовня Трех Святителей во Львове). В толще каменных стен оборонных сооружений укладывались деревянные брусья-связи. Часто для погашения распора применяли железные связи, что позволяло увеличить пролет свода, уменьшить толщину стен, отказаться от устройства контрфорсов, свойственных предшествующему периоду.

Лепные украшения в архитектуре фасадов зданий в то время применялись редко, чаще они использовались в отделке интерьеров (купол капеллы Боймов и алтарь в костеле Марии Магдалины во Львове). Наружная роспись, выполненная тех-

никой сграффито, почти не сохранилась (башни монастыря в Межириче).

Высокого мастерства достигла в то время художественная обработка металла в архитектуре, особенно во Львове. Об этом свидетельствуют сохранившиеся образцы железных или окованных железом дверей, оконных решеток армянского монастыря, образцы замков, петель и т. п., хранящиеся во львовских музеях.

Важным архитектурным элементом богатого жилого дома, замковых и дворцовых помещений были печи с поливными изразцами или керамическими плитками с орнаментальными или сюжетными изображениями.

В качестве строительного материала широко применялось дерево. Сохранившиеся традиции его художественной обработки и общий подъем ремесел обусловили высокое совершенство изделий из дерева. В дереве выполнялись различные архитектурные детали, предметы обихода и мебели в жилищном строительстве, иконостасы, алтари, скамьи и другие предметы в культовых зданиях. С половины XVI в. резчики по дереву широко используют ренессансные мотивы.

Об организации строительства и производства строительных материалов того времени сведений мало. Из архивных источников известно лишь о существовании кирпичных заводов и каменоломен, как государственных, так и монастырских или принадлежащих феодалам, а иногда и цеховой верхушке строителей.

В качестве строительных рабочих феодалами использовались крепостные крестьяне, иногда пленные турки, как это имело место при строительстве города Жолквы. Монастыри и крупные города также использовали труд крестьян из приписанных к ним сел. Строительством чаще всего руководили крепостные мастера. Наряду с этим крупная шляхта, украинцы и поляки приглашали к себе архитекторов и строителей из Италии, Франции, Голландии. У князей Острожских долгое время работал Томазо Кастелли из Лугано, у Збаражских и Конецпольских — дель-Аква и француз Боплан, работавший также и в других местах на Украине. Первоначальный проект замка в Збараже был составлен Скамоцци.

Наиболее охотно иностранные мастера работали в городах, где они становились равноправными гражданами и жили интересами городской общины. Во Львове, как наиболее крупном городе на западных землях, был создан в 1572 г. специальный цех строителей, первоначально в основном состоящий из итальянских мастеров, работавших и на Подолии, Волыни, в Закарпатье и воспитавших значительное число местных мастеров.

К цеху строителей, кроме мастеров — камнетесов и каменщиков, относились также и резчики — «сницари», а позже — иногда мастера-плотники и даже граверы. Мастера-каменщики выполняли в большинстве случаев не только строительные работы, но и работу архитектора, проектируя здания и осуществляя руководство строительством. При вступлении в цех необходимо было сдать экзамен, заключавшийся в выполнении в течение 1—2 дней нескольких упражнений, характер которых определялся в зависимости от профессий. Членом цеха мог быть мастер-горожанин, учениками могли быть жители и других городов. Социальные, а с конца XVI в. и религиозные ограничения затрудняли доступ в цех строителей украинцев, что не мешало им проявить свои способности и талант, работая по найму у цеховых мастеров, но имена их история не сохранила.

Развитие украинской культуры, проходившее в борьбе украинского народа за свою независимость против социального, национального и религиозного гнета, завершается победой в народно-освободительной войне 1648—1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого и воссоединением Украины с Россией. Наряду с прогрессивными гуманистическими тенденциями в культуре Польши того времени все бóльшую роль получало реакционное, клерикальное направление. В борьбе с ополячиванием, окатоличиванием украинский народ, развивая свою культуру, опирался на традиции Киевской Руси, на поддержку русского народа. В то время развивает свою страстную полемическую деятельность Иван Вышенский. Иван Федоров во Львове и Остроге печатает свои книги, несколько позже Петр Могила основывает в Киеве Академию. Однако, если в литературе, религиозной полемике деятели украинской культуры обращались к украинскому языку, художники — к художественному наследию Древней Руси и иконам «Московского письма», то в западных землях в строительстве православных церквей их заказчики

и строители охотно используют художественные и конструктивные приемы архитектуры итальянского Возрождения, что проявилось главным образом в архитектурных деталях. В то же время архитектура монументальных сооружений на западных землях Украины не могла не испытывать мощного влияния народного зодчества, отразившегося, в частности, на формировании львовской архитектурной школы с ее характерными особенностями. Немаловажную роль сыграли также архитектурные взаимосвязи с Молдавией. Влияние народной деревянной архитектуры еще более сказалось в каменном строительстве центральных и северо-восточных районов Украины как в приемах композиции сооружений, так и в использовании в них конструктивных приемов, свойственных деревянному зодчеству. Таков, например, способ перехода от четвериков основных объемов к шестерикам или восьмерикам завершений при помощи плоских парусов, применяемый в оборонном и культовом строительстве.

1. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

В конце XVI и первой половине XVII в. на Украине заметно расширяется городское строительство. Развиваются старые города, многие села превращаются в города и местечки, создается большое число новых городов и слобод. В развитии слобод были заинтересованы магнаты и шляхта, получавшие в пять — десять раз больший доход с города, чем с поселения, на основе которого они возникали.

В образовании городов и местечек были заинтересованы и крестьяне, которые, становясь мещанами, избавлялись от панщины и, несмотря на большие налоги, находились в более выгодном экономическом и правовом положении. Важным фактором в создании новых городов была и защита от татарских набегов. Местечки чаще всего возникали возле укрепленных замков, где можно было укрыться во время длительной осады, но часто имели и свои укрепления. К 40-м гг. XVII в. на Украине насчитывалось около 1000 населенных пунктов, имевших права городов или местечек. Следует отметить, что эти местечки были небольшими и первоначально насчитывали иногда не более ста дворов. В 1630—1640 гг. население многих городов на центральных землях значительно увеличилось.

Большое строительство в эти годы ведется в крупных государственных («королевских») городах — Киеве (рис. 1), Львове, Каменце-Подольском (рис. 2) и многих городах, принадлежащих крупным феодалам. Быстрыми темпами застраивался Киев. Восстанавливались его храмы, расширялись оборонные сооружения на Подоле и Печерске, замок на Киселевке, укрепления Верхнего города и подворья Софийского монастыря. Судя по проектам реконструкции планировки Подола после пожара 1811 г., в центре его была торговая площадь со зданием ратуши, которую окружала свободно разбросанная нерегулярная застройка.

На западных землях самым крупным городом был Львов, состоявший из центральной части, укрепленной каменными стенами и башнями, и пригородов, имевших деревоземляные укрепления. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. были проведены значительные работы по расширению и устройству новых укреплений. К крепости XIV—XV вв. примкнуло новое кольцо стен и башен. Новые башни были круглыми и открытыми со стороны города. У городских ворот были устроены предвратные укрепления — барбаканы. Городские укрепления Львова насчитывали около пятидесяти башен.

Католические монашеские ордена, наводнившие украинские земли во второй половине XVI в., соорудили во Львове ряд монастырей в черте города (доминиканцы) и на территории его укреплений (иезуиты, бернардинцы). Над городом на высокой замковой горе расположился так называемый «Высокий замок», основанный древнерусскими князьями; в укреплениях центра города, в его северо-западном углу, находился так называемый «Низкий замок».

В частных городах, находящихся во владении феодалов, важную роль играл обычно возвышающийся над застройкой города замок владельца, имевший возможность в случае необходимости вести оборону и против городского населения (Острог, рис. 3; 4, Межибож, Бучач и др.). Планировка этих городов сохранила старую радиальную или радиально-кольцевую систему.

1. Киев. План центральной части города и Подола конца XVII в.

2. Каменец-Подольский. План города. Гравюра 1699 г.

Примером строительства города на основе единого генерального плана в западных районах могут служить города Жовква (Нестеров) и Броды, застройка которых осуществлялась в основном на рубеже XVI—XVII вв. Они представляли собой укрепленный геометрически правильной формы замок с торговой площадью перед ним и примыкающей к ней регулярной жилой застройкой, окруженной стенами. В Жовкве работал архитектор Прихильный, в Бродах — венецианец дель-Аква и француз Боплан.

Особый интерес представляет собой строительство новых городов в Северской Украине, бывшей тогда южной окраиной русского государства. В 30—50-х гг. XVII в. тысячи украинцев, главным образом казаки и их семьи, уходили в пределы русского государства и основывали там новые поселения и укрепленные города. Так, группой казаков численностью около тысячи человек во главе с Яцком Остряниным был основан в 1638 г. город Чугуев. После неудачного сражения казацких войск с поляками в 1651 г. под Берестечком Богдан Хмельницкий, по свидетельству современных документов,... «повелел народу вольно сходить с городов, скидаючи набитки ку Полтавщине також и за границу у Великую Россию, а бы там городами оседали. И от того часу стали оседать: Сумы, Лебедин, Харьков, Ахтырка и все слободы даже до речки Дону казацким народом».

Вновь создаваемые на землях Слободской Украины города строились на протяжении небольшого времени. Это можно было сделать, только установив определенный порядок отвода земли под усадьбы, порядок их группировки, что в известной мере определяло регулярность планировки города. Обычно эти города размещались у рек и имели более или менее правильное в плане укрепленное ядро с крепостью внутри и с преимущественно прямоугольными кварталами жилой застройки. Судя по поздним

планам, таков был г. Сумы, размер укрепленного ядра которого достигал по длине оси 750 *м*. Вокруг этого ядра со временем образовались новые кварталы более свободных в плане очертаний.

Регулярность планировки характерна также и для Острогожска, основанного, как и Чугуев, переселенцами из Украины и бывшего во времена Богдана Хмельницкого одним из полковых городов, включенных в Белгородскую черту. Город был построен заблаговременно, и жители (1000 семейств) застали в нем уже готовые дома на небольших усадьбах в 320 $м^2$, к которым примыкала земля для огорода, «клуни» (риги) и тока площадью около 500 $м^2$. Укрепленный городской посад имел небольшую крепость в центре с торговой площадью перед ней. В центральных областях Украины, в среднем Приднепровье и на землях к югу и юго-востоку от Белой Церкви было много поселений, о градостроительном характере которых трудно сейчас судить ввиду их плохой сохранности.

В середине XVII в. путешественник сириец Павел Алеппский провел свыше двух месяцев на Украине, побывав в ряде городов и сел Брацлавщины, Киевщины и Переяславщины по дороге из Молдавии в Москву. Он отмечает, что каждый город здесь имел укрепления, иногда в два или

4. Острог. Замок. Башня Новая или Круглая

три ряда опоясывающие поселение. Внутри города имелось еще одно укрепленное ядро — крепость или замок феодала. Жилая застройка свободно размещалась на усадь-

3. Острог (Ровенской обл.). Замок, XIV—XVI вв.

бах с обширными садами. Силуэт укреплений города дополняли многоглавые деревянные церкви.

2. АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩА

Жилых зданий XVI — начала XVII в. в центральных областях и на Левобережной Украине не сохранилось, и об их архитектуре можно судить по описаниям и более поздним постройкам, которые сохраняют в себе известные черты преемственности. В западных областях, на Подолии и Волыни, благодаря долговечности материала камня сохранились целые ансамбли жилой застройки городов, относящиеся к этому времени.

Наиболее полно сохранился ансамбль жилой застройки XVI—XVII вв. во Львове, где со второй половины XVI в. в городе строились преимущественно каменные здания. Многие старые дома перестраивались в формах Возрождения. Судя по местонахождению остатков и фрагментов готической застройки, открытых во время ремонта зданий в XX в., можно считать, что при застройке после пожара была сохранена старая планировочная структура города XIV—XV вв. Всего в пределах города было около 300 жилых зданий, бóльшая часть которых с теми или иными переделками дошла до наших дней. Рыночная площадь была застроена богатыми домами, а рядовые жилища, расположенные в кварталах, хотя и сохраняют с ними типологичную общность, выглядят значительно скромнее.

На планировку жилого дома влияли форма и размеры участков. Это обычно прямоугольник со сторонами 10—12 *м* по улице и 20—30 *м* в глубь квартала. Здания, размещенные на рядовых участках, имели несколько вариантов планировки первого этажа. Наиболее распространенным был вариант, при котором на улицу выходило два помещения: одно из них — сени, а другое, в зависимости от профессии владельца, служило для конторских или торговых целей. По длине здание обычно членилось на три части. За помещениями, выходившими на улицу, находились лестничная клетка и небольшая темная комнатка, а далее располагались большая жилая комната и коридор, связанные со двором.

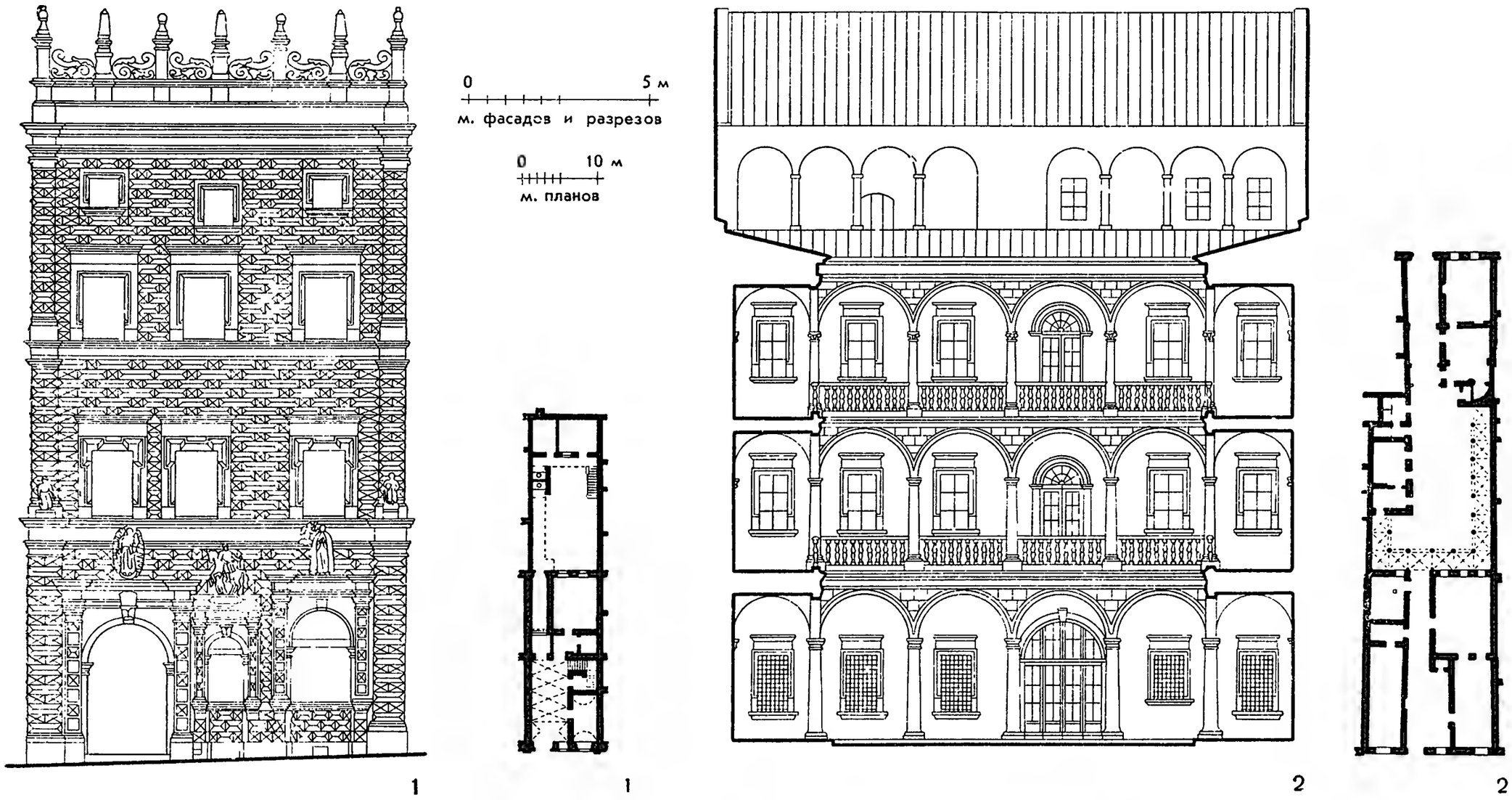
Наиболее типичным для планировки второго и последующих этажей было устройство в сторону улицы двух жилых помещений: «светлицы» с двумя окнами и «избы» с одним окном. Со стороны двора была большая жилая комната и коридор с выходом на открытую галерею.

Крыши, обычно двускатные, а иногда и более сложной формы, были скрыты за высоким аттиком и имели сток воды к середине уличного фасада. В небольшом дворе часто располагался двух- или трехэтажный флигель. Помещения первого этажа перекрывались цилиндрическими или крестовыми сводами. Перекрытия помещений второго и третьего этажей, а иногда и жилых, выходящих во двор комнат первого этажа, делались плоскими. Мощные потолочные балки украшались резьбой, надписями и росписью.

В отделке интерьеров «светлиц» многих львовских камениц применялась резьба по камню. Для улучшения освещения комнат (их длина достигает 9—10 *м*) оконным проемам придавалась форма амбразуры. Оконные откосы внутри здания иногда обрабатывались в виде полуколонок, на которые опираются перемычки, имеющие очертания пологой арки. Под проемами устраивались ниши, а уширенные пьедесталы полуколонок могли служить скамьями. Стволы колонн, откосы окон и поле стены над ними покрывались орнаментальной резьбой.

Здания, примыкая друг к другу, создавали линию сплошной застройки. Оси окон этажей зачастую не совпадали по вертикали, подчиняясь требованиям внутренней планировки здания. Такого типа «каменицами» были застроены в XVI—XVII вв. площадь Рынок и примыкающие к ней улицы во Львове, ряд улиц в Каменце-Подольском, Луцке, Бродах, Жовкве (Нестерове), Белзе и в других городах. Фасады рядовых каменных домов обычно очень просты. Их декор — скромная резьба оконных наличников да несложный венчающий карниз. Устраиваемые иногда в первом этаже галереи несколько обогащают архитектуру этих домов (Броды, Бучач, Жолква, Каменец-Подольский).

Во Львове сохранилось несколько домов, стоящих по своему внешнему виду несколько особняком. Эти дома строились по заказу богатых горожан. Их фасады, расчлененные междуэтажными карнизами и поясками, украшены развитыми оконными наличниками, имеют богатый портал и за-



5. Львов. *1* — Черный дом на пл. Рынок, конец XVI в., арх. Красовский — фасад и план; *2* — Дом Корнякта на пл. Рынок, 1580 г., арх. П. Барбон, — разрез и план

тейливое аттиковое завершение. Такие дома можно встретить на площади Рынок, на Русской, Армянской и других улицах Старого города. Наибольшим богатством декора и интересной резьбой по камню отличаются так называемый Черный дом (пл. Рынок, № 4, рис. 5, *1*) и дом Корнякта (пл. Рынок, № 6, рис. 5, *2*).

Черный дом, названный так из-за его почерневшего от времени фасада, был закончен строительством в 1592 г. Вначале двухэтажный, он вскоре был надстроен третьим этажом, а в 1677 г. возводится его завершение с аттиком (рис. 6). В целом это здание благодаря оригинальной композиции фасада и своеобразной трактовке ренессансных в своей основе деталей предстает как самобытное архитектурное произведение.

Дом Корнякта был построен в 1580 г. архитектором Петром из Барбоны. Спокойные и ясные формы фасада здания несколько нарушают витиеватые формы аттика, устроенного, видимо, во второй половине XVII в. (рис. 7). Внутри здания сохранились сводчатые перекрытия с обильно орнаментованными розетками замковых камней и другими резными деталями. В этом

6. Львов. Черный дом на пл. Рынок

здании имеется дворик, ограниченный с трех сторон ярусами открытых галерей с аркадами.

Тип «каменицы» в западно-украинских городах имеет много общего с современной ему архитектурой городского жилища в Польше, Венгрии, Словакии и Чехии. Он также представляет собой переработку архитектуры народного жилья применительно к специфическим условиям средневекового города и укладу быта богатой части его населения. Свойственная народной архитектуре простота и целесообразность планировки, умелое использование декоративных средств нашли свое выражение и в архитектуре городского жилища. Однако детали этих построек отражают влияние классических архитектурных форм, хотя и получивших здесь новый своеобразный рисунок.

Жилище феодалов в этот период постепенно трансформируется в двух направлениях: увеличивается количество разного рода помещений в соответствии с ростом требований комфорта и вместе с тем усиливаются оборонительные качества замков.

7. Львов. Дом Корнякта на пл. Рынок

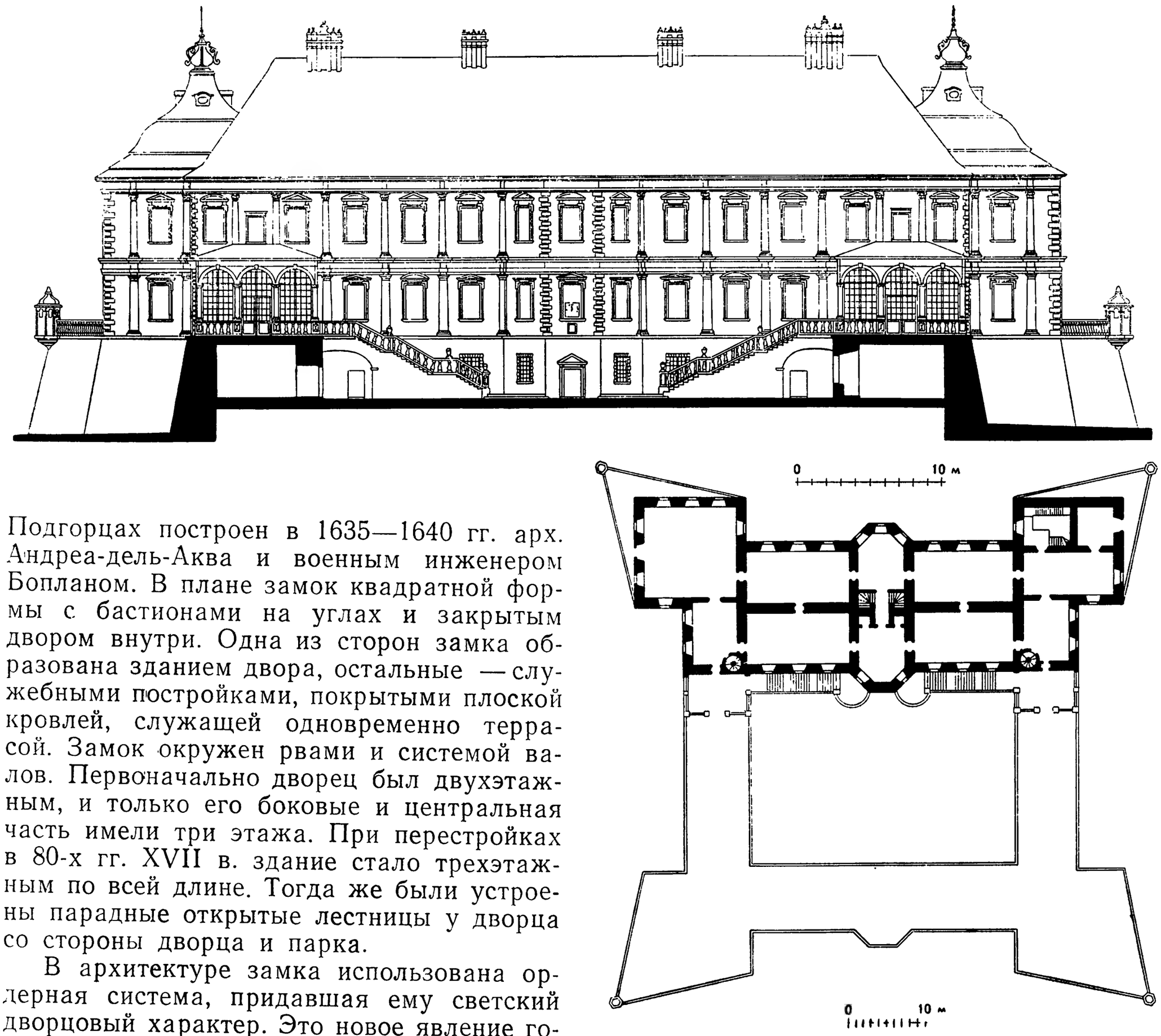
В центральных областях Украины, на Среднем Приднепровье жилища строились из дерева. По свидетельству Павла Алеппского все дворцы украинских и польских магнатов, которые он видел, были деревянными. Дубовый двухэтажный дворец Калиновского в Мацковке был обнесен крепостными стенами с башнями, на которых размещались пушки, и стоял на краю укрепленного местечка, являясь как бы крепостью в крепости. Рядом с основным дворцом располагались летние постройки. Богатым было убранство деревянных дворцов в Триполье и Прилуках. Последний остался недостроенным с 1648 г. в связи с развернувшимися военными событиями, но вокруг него уже были сделаны стены и башни.

Едва ли не единственным каменным дворцом в этих районах было небольшое сооружение, скорее, жилой дом, построенное Богданом Хмельницким в своем родовом имении — Субботове около Чигирина. По позднейшим описаниям дом был кирпичным, одноэтажным зданием с подвалами, к которому примыкала башня с узкими бойницами. Главный фасад, украшенный лепкой, резьбой и росписью, имел открытую галерею. Перед домом был фонтан со скульптурами. Усадьбу окружала система деревоземляных укреплений.

На Правобережье, особенно в западных областях Украины, дворцы и замки строились преимущественно из камня или кирпича. Здесь характерный для второй половины XVI в. тип небольшого замка, обнесенного мощными стенами, сменяется в первой половине XVII в. богатым дворцом с оборонительной системой из валов и рвов.

Примером замков раннего периода — второй половины XVI — начала XVII в. — может служить замок в Старом Селе. Он представляет в плане неправильный пятиугольник, образуемый высокими (до 15 *м*) стенами, верх которых обработан аркатурой. Его массивные неправильные в плане башни имеют сложные фигурные завершения, контрастирующие с глухими плоскостями стен. Внутри, преимущественно вплотную к стенам, размещены служебные и жилые корпуса.

Примером укрепленного замка — жилища феодала — могут служить дворцы в Подгорцах (рис. 8) и Збараже. Дворец в



8. Подгорцы (Львовской обл.). Замок, 1635—1640 гг., архитекторы Андреа-дель-Аква и Гильом де Боплан. Дворовый фасад и план

Подгорцах построен в 1635—1640 гг. арх. Андреа-дель-Аква и военным инженером Бопланом. В плане замок квадратной формы с бастионами на углах и закрытым двором внутри. Одна из сторон замка образована зданием двора, остальные — служебными постройками, покрытыми плоской кровлей, служащей одновременно террасой. Замок окружен рвами и системой валов. Первоначально дворец был двухэтажным, и только его боковые и центральная часть имели три этажа. При перестройках в 80-х гг. XVII в. здание стало трехэтажным по всей длине. Тогда же были устроены парадные открытые лестницы у дворца со стороны дворца и парка.

В архитектуре замка использована ордерная система, придавшая ему светский дворцовый характер. Это новое явление говорит о влиянии архитектуры королевских дворцов Франции, о том, что интересы защиты замка начинают уступать стремлению к комфорту и парадности. Дворцовый характер свойствен и замку в Збараже, построенному, хотя и с большими отступлениями, по проекту Скамоцци. Он также имеет в плане форму квадрата с бастионами по углам, и его дворцовый корпус трактован в формах архитектуры итальянского Возрождения.

В этот период на Украине развивается и создается много различных типов зданий. Павел Алеппский в своих описаниях упоминает деревянные здания лавок, постоялых дворов, братских богаделен и т. п. В состав городских укреплений входили здания арсеналов. Во Львове сохранились королевский и городской арсеналы, вытянутые прямоугольные в плане здания без перегородок внутри, предназначенные под склады.

В городах, имевших магдебургское право, возводились, обычно на торговой площади, ратуши. Одна из трех ратуш сохранилась в Каменце-Подольском. Здание было построено в XVII—XVIII вв. и включало необходимые для управления городом помещения. Здесь были комнаты для заседаний и склады оружия, сторожевая башня и тюрьма, здесь также размещалось в первом этаже несколько лавок.

В состав монастырских комплексов кроме храмов входило много сооружений светского характера: кельи, трапезные, библиотеки, типографии, коллегиумы, больницы и т. д. Если на восточных землях это были преимущественно деревянные отдельно стоящие свободно размещенные на территории сооружения, то на западных землях монастырские сооружения стремились сгруппировать в одном здании. Характерны здания монастырей бернардинцев, бенедиктинцев, кармелитов и армянского монастыря во Львове, образующие каре с прямоугольным внутренним двором. Вдоль здания по первому и второму этажам тянется коридор, в который с одной или двух сторон выходят однокамерные помещения, перекрытые сводами. Масштабы этих сооружений довольно значительны для того времени, а их архитектура проста и выразительна.

Из архивных документов известно о существовании в то время многочисленных производственных построек, где изготовлялись железо, стекло, кирпич, керамика, а также водяных и ветряных мельниц. Ни одно из этих сооружений не сохранилось, но судя по более поздним образцам, деревянные мельницы, например, были значительными произведениями инженерно-строительного искусства.

3. АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ

Архитектура культовых зданий и монастырей наиболее полно отражает творческое своеобразие архитектурных школ, сложившихся в различных районах Украины, взаимосвязь между народным и профессиональным зодчеством, черты самобытности украинской архитектуры,

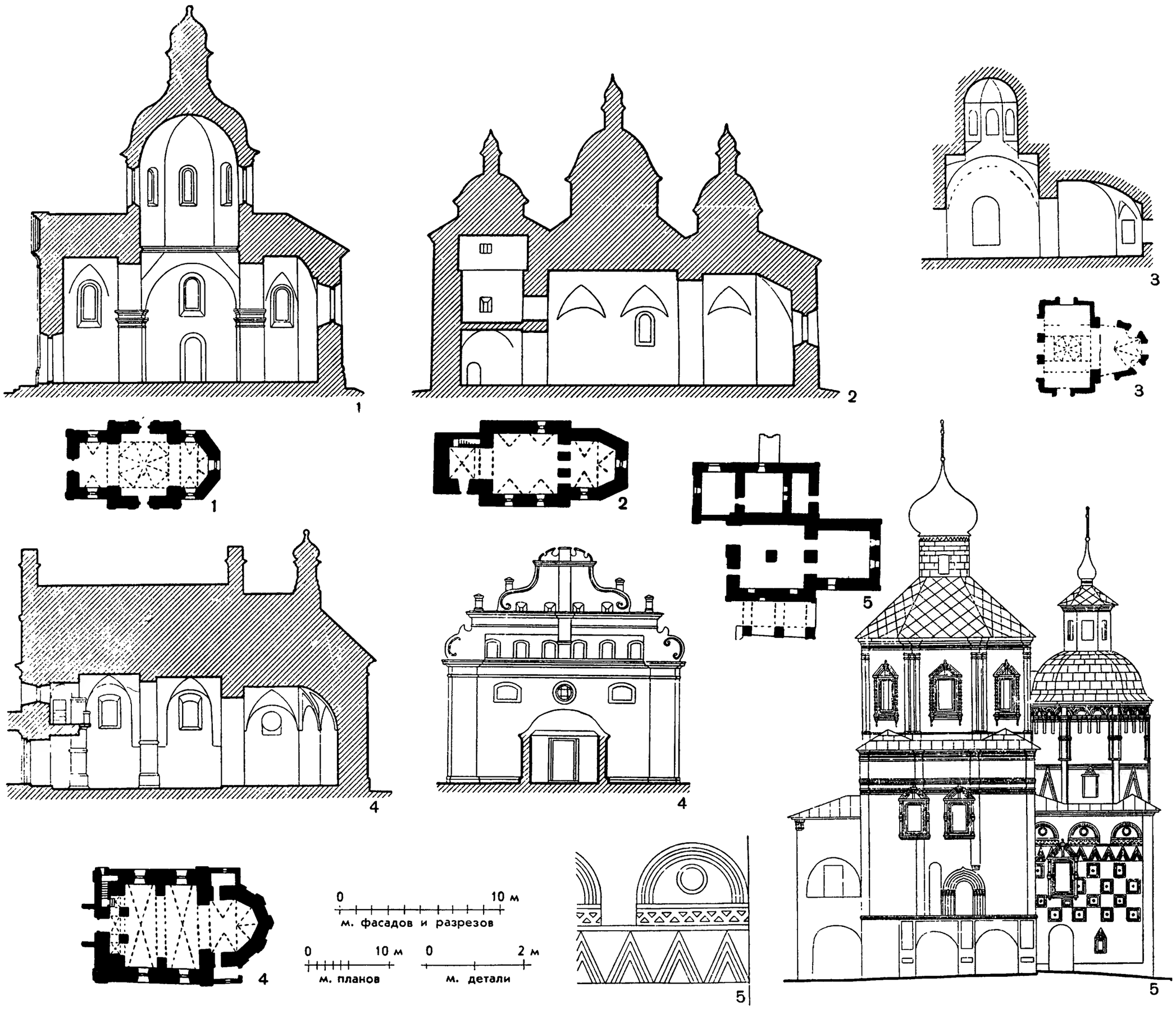
Конец XVI — начало XVII в. характеризуются взаимным влиянием архитектуры деревянных и каменных церквей, проявившимся прежде всего в общности принципов их объемно-пространственных построений.

Простейшему типу деревянного храма — «хатному» — в каменном зодчестве соответствовал храм, основное, вытянутое в плане, помещение которого перекрыто сводом; к торцам помещения примыкают пониженные объемы апсиды и притвора. Примерами сооружений такого типа могут быть церкви Преображения в Залужье (1600, рис. 9, *2*) и в монастыре Подгора близ Теребовли (XVI—XVII вв.), Ильинская церковь в Субботове (1653, рис. 9, *4*) и Михайловская в Переяславе-Хмельницком. Несмотря на общность плана, каждая из этих церквей имеет свои композиционные и стилевые особенности. Если внешний облик церквей в Залужье и Теребовле строг и монументален, то в Субботовской церкви он оживляется криволинейными фигурными фронтонами — щипцами крыши. Еще наряднее Михайловская церковь в Переяславе-Хмельницком (1646—1666). Ее фасады украшают богатые пластикой венчающий карниз и оконные наличники.

Трехчастный храм с одной, а чаще — с тремя главами едва ли не самый характерный тип украинских церквей. Судя по описаниям Павла Алеппского, деревянные храмы того времени были трехсрубными одноверхими или трехверхими и пятисрубными одноверхими или пятиверхими. Первый тип на Среднем Приднепровье был наиболее распространенным, в то время как второй, по-видимому, лишь начал применяться. Павел Алеппский отмечает характерную особенность виденных им храмов — стройность и вытянутость их объемов, что впоследствии также будет свойственно деревянному культовому зодчеству Среднего Приднепровья.

Трехсрубные одноглавые и трехглавые церкви, относящиеся к первой половине XVII в., изображены на гравюре (1691) Дионисия Синькевича, где дан общий вид Креховского монастыря (1619—1658) с его каменными стенами с башнями и комплексом строений — кельями, службами, палатой настоятеля, колокольней и двумя деревянными церквами. Главный храм состоит из трех срубов. Центральный сруб выше остальных и завершается восьмигранными барабанами, увенчанными сферическими куполами с развитыми маковками. Вокруг церкви и колокольни обходят крытые галереи — «опасания» (рис. 10, *3*).

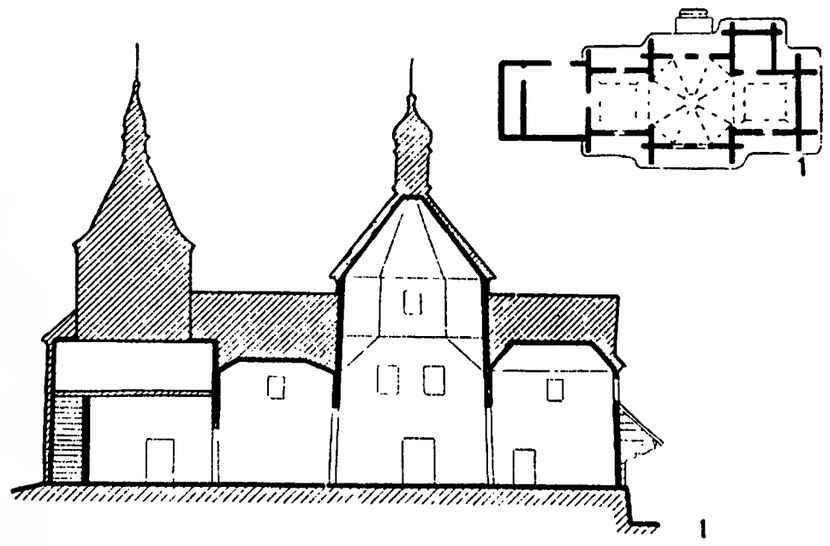
Помимо восьмигранных сферических куполов трехсрубные церкви завершались также и шатрами (Крестовоздвиженская церковь на Карвасарах в Каменце-Подольском, XVII в., рис. 10, *1*) — крутыми двускатными крышами с полицами или массивными луковичными верхами. Такие верхи можно видеть в церкви Юра в Дрогобыче (вторая половина XVII в., рис. 10, *3*), где их массивность подчеркивается контрастом с маленькими пятигранными прирубами с



9. *1* — Сулимовка (Киевской обл.), Покровская церковь, 1622—1629 гг.; *2* — Залужье (Тернопольской обл.), Преображенская церковь, 1600 г.; *3* — Новгород-Северский (Черниговская обл.), Петропавловская церковь, XVI—XVII вв.; *4* — Субботов (Черкасской обл.), церковь Богдана Хмельницкого, 1653 г.; *5* — Молченский монастырь, Сумской обл., собор Флора и Лавра, конец XVI — начало XVII в.

боков среднего четверика и двухъярусной аркадой с запада, заменившей «опасание». Таким же массивным верхом увенчана и колокольня, которой нависающий ярус звона и сужение кверху четверика придают сходство с крепостной башней. Еще проще и строже более старая (XVI в.) колокольня в Потеличах (рис. 11).

Широкое распространение трехсрубного трехглавого храма в деревянном зодчестве оказало влияние и на каменное строительство, примером чему может служить каменная церковь Благовещенья в г. Городке (1540—1600). Стены церкви выложены из камня, своды кирпичные. В плане она состоит из центрального прямоугольника, к которому примыкает притвор также прямоугольной формы и полуциркульная алтарная апсида. Здание венчают три сферических купола на небольших световых барабанах. Принцип ее композиции свидетельствует о деревянных прототипах, вместе с тем архитектура скромных, но умело скомпонованных порталов говорит о знакомстве создавших ее мастеров с классической ордерной системой.

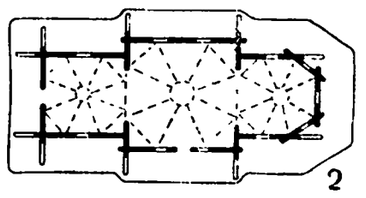


1

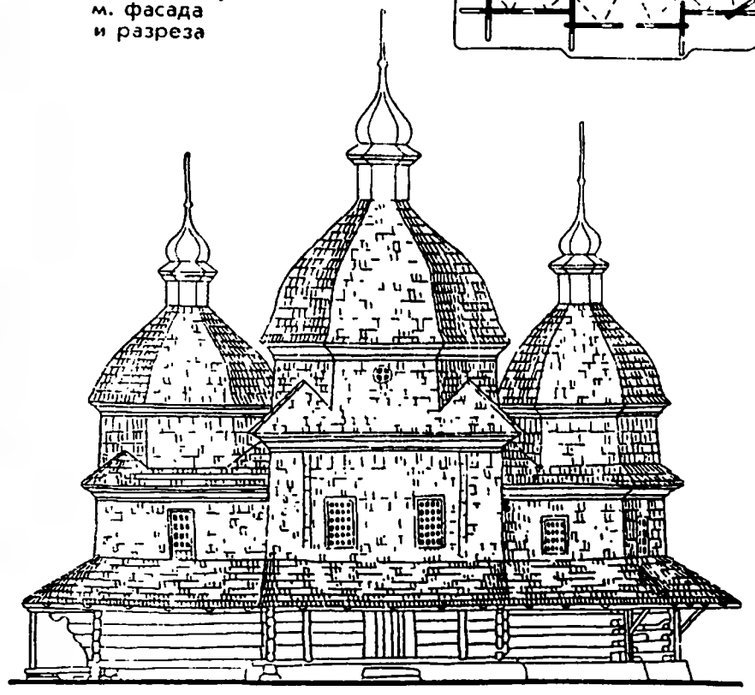
1

0 10 м
м. планов

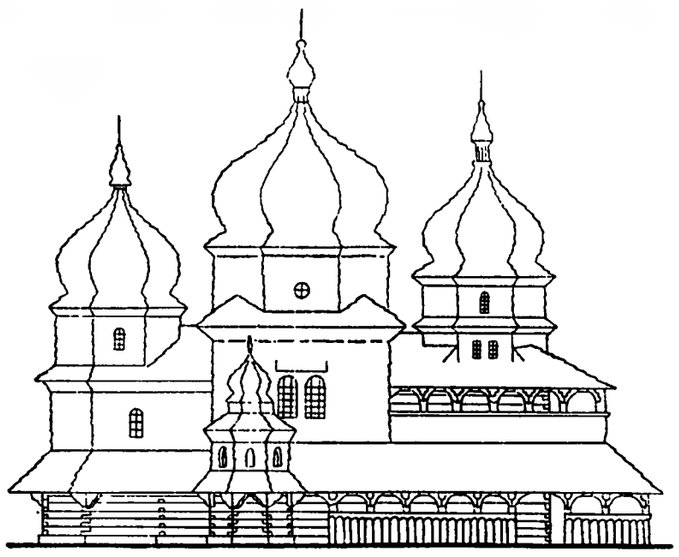
0 5 м
м. фасада
и разреза



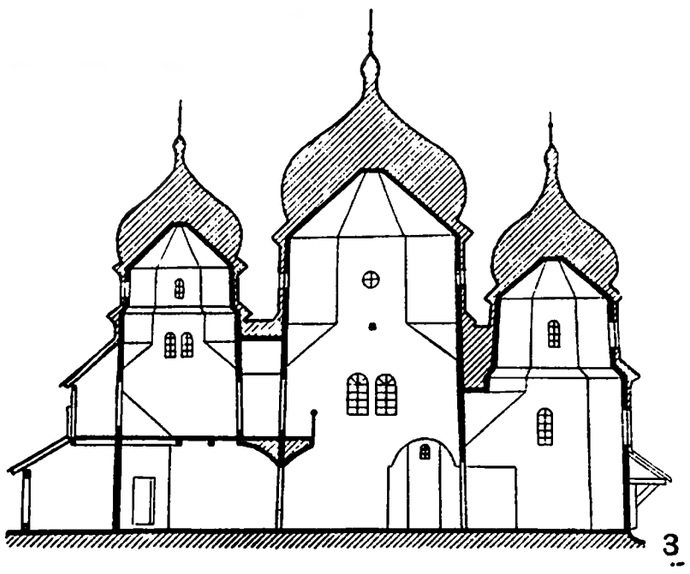
2



2

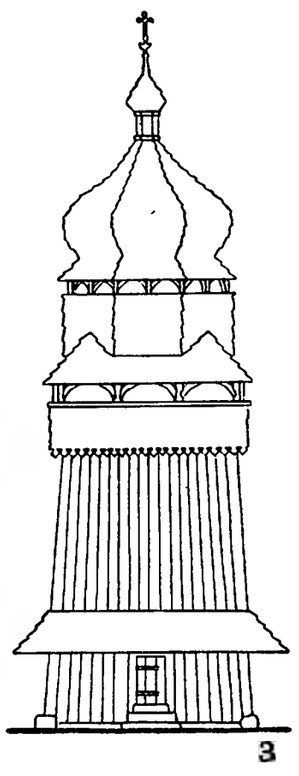


3

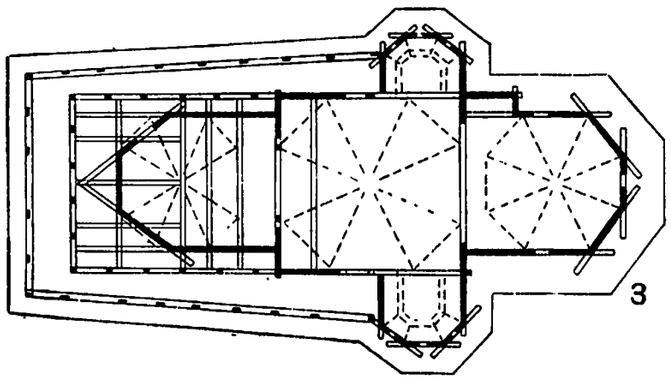


3

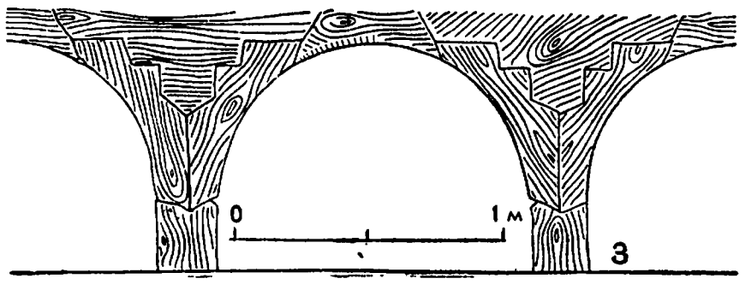
0 10 м
м. планов фасадов
и разреза ц. Юра



3

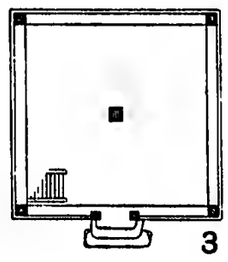


3



0 1 м

3



3

10. *1* — Каменец-Подольский, Крестовоздвиженская церковь, XVII в.; *2* — Крехов (Львовской обл.), церковь Параскевы, 1658—1724 гг.; *3* — Дрогобыч (Львовской обл.), церковь Юра, вторая половина XVII в., и ее колокольня

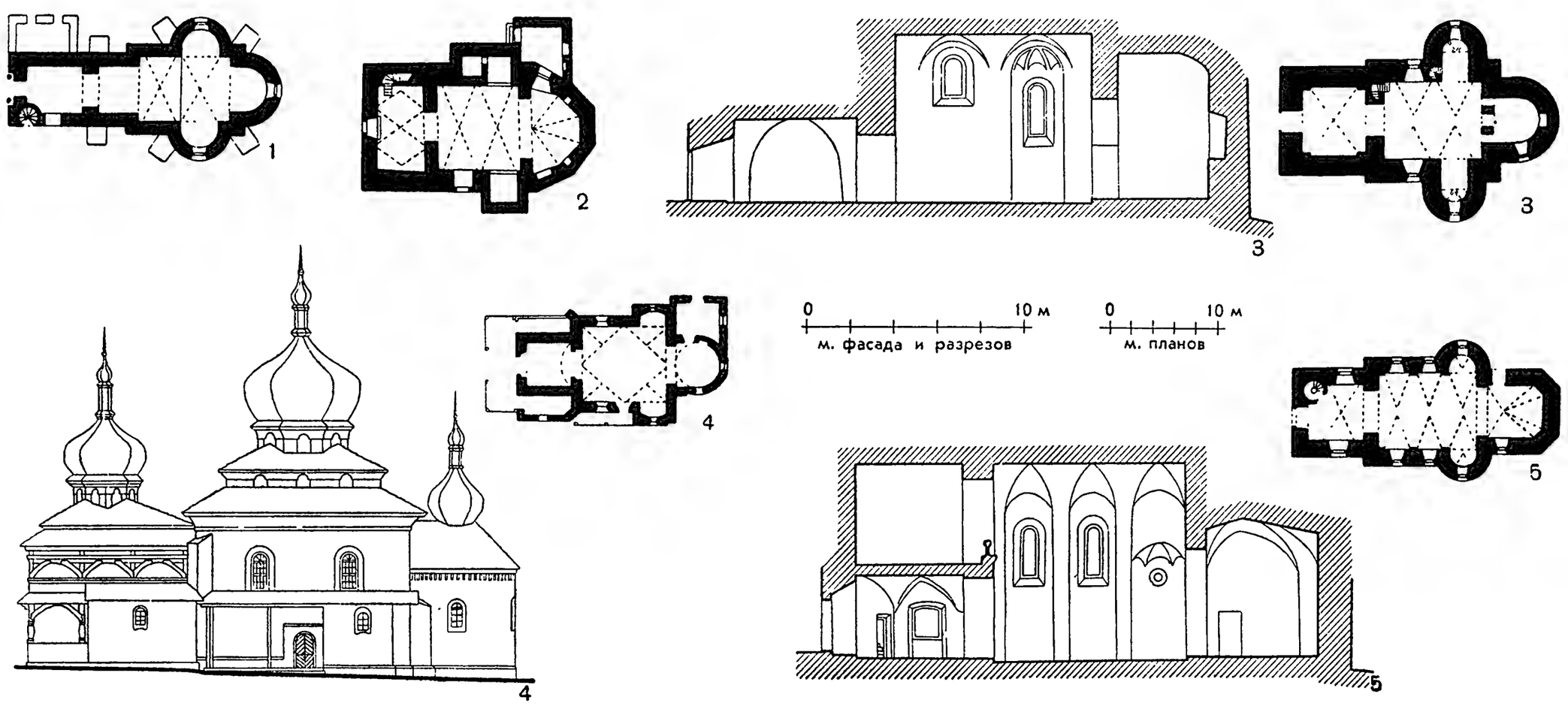
Значительную роль в борьбе против католической церкви играли православные братства, что проявилось также и в строительстве церквей. Ими строятся в это время кроме упомянутой церкви в Городке монументальные каменные церкви и другие здания во Львове, Луцке, Каменце-Подольском и других городах (рис. 12).

Примером строительной деятельности братств может служить также архитектурный ансамбль Успенской церкви во Львове, состоящий из самой церкви, построенной при участии архитекторов Павла Римлянина, Войцеха Купиноса и Амвросия Прихильного в 1591—1631 гг. (рис. 13, *1*), часовни Трех Святителей (около 1578; верхи перестроены в 1671 г.), принадлежащей предположительно творчеству Петра Красовского, и колокольни «Вежи Корнякта», построенной архитектором Петром Барбоном в 1572—1578 гг. Весь архитектурный комплекс был построен на средства Львовского братства при поддержке со стороны русских царей и молдавских господарей, содействовавших братству в его культурно-просветительной и религиозной деятельности.

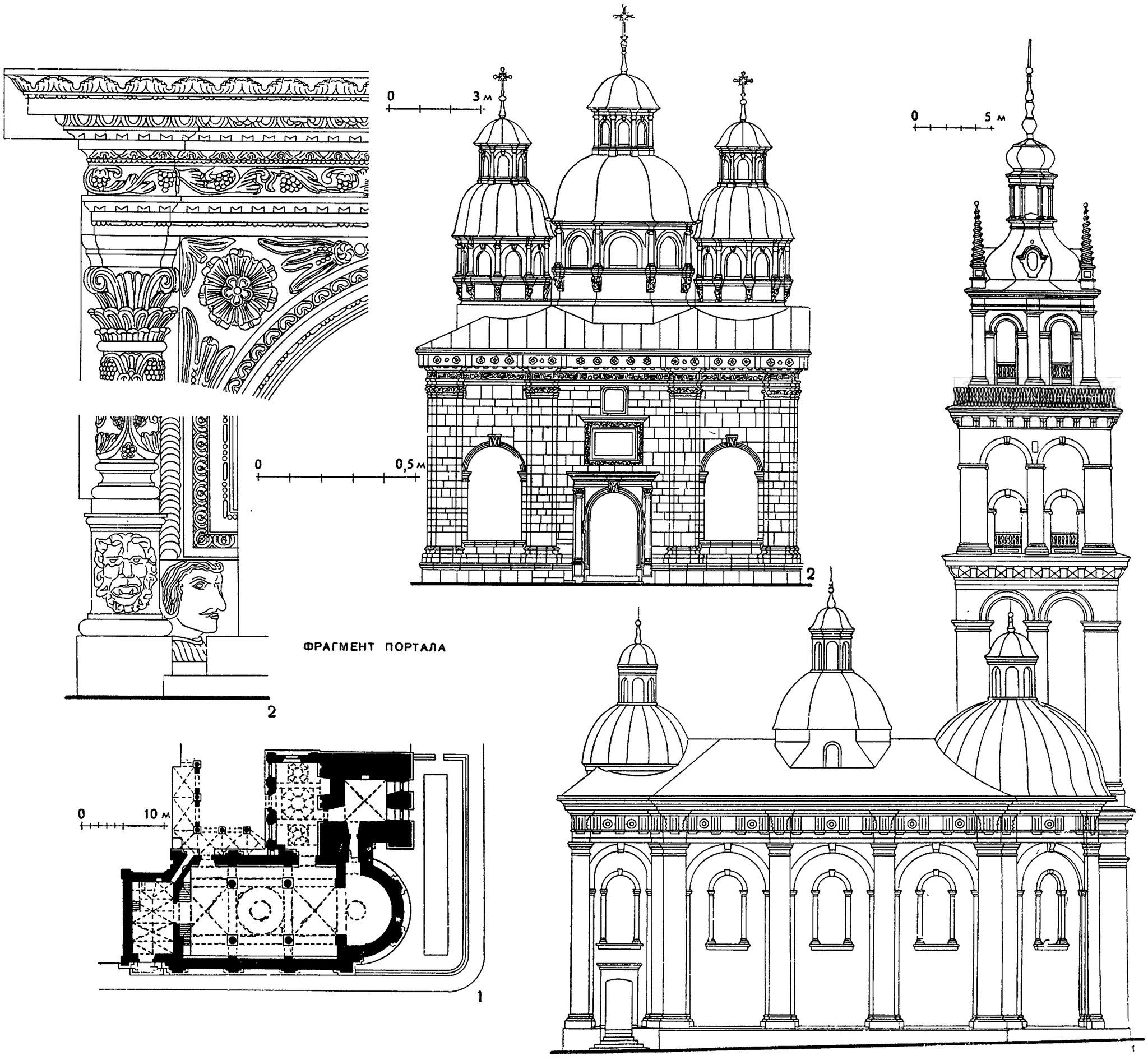
Особенности местного зодчества сказались прежде всего в объемно-пространственной композиции церкви и часовни, в которых нашел яркое воплощение тип украинской трехсрубной трехглавой церкви.

Успенская церковь состоит из размещен-

11. Потеличи (Львовской обл.). Колокольня, XVI—XVII вв.



12. *1* — Каменец-Подольский (Хмельницкой обл.), Петропавловская церковь, XV—XVI вв.; *2* — Львов, Пятницкая церковь, 1644 г.; *3* — Гусятин (Тернопольской обл.), церковь Онуфрия, вторая половина XVI в.; *4* — Нижанковичи (Львовской обл.), Троицкая церковь, XVI в.; *5* — Бучач (Тернопольской обл.), Николаевская церковь, 1610 г.



13. Львов. *1* — Успенская церковь, 1591—1631 гг., архитекторы Павел Римлянин, А. Прихильный, В. Купинос; *2* — каплица Трех Святителей, 1578—1671 гг.

ных по оси запад — восток притвора, основного объема, расчлененного на три части двумя парами столбов, и апсиды. Архитектурная идея украинского трехсрубного трехглавого деревянного храма была положена в основу объемно-пространственной композиции Успенской церкви, однако в интерьере она не нашла логического завершения, свойственного приемам деревянного зодчества, — при пяти членениях плана церковь завершается тремя куполами — через одно пространственное членение. В обработке фасадов и интерьера церкви использована ренессансная ордерная система. Фасады церкви расчленены пилястрами тосканского палладианского ордера, между которыми вписаны плоские арочные ниши с окнами, высоко поднятыми над землей. Вместе с мощным карнизом, венчающим здание, весь этот строгий декор придает ему величественный и монументальный вид. К северному фасаду церкви примыкают часовня Трех Святителей и колокольня, составляющие с ней единую композицию.

Часовня Трех Святителей, прямоугольная в плане, не имеет внутренних столбов

и пилястр. Единое внутреннее пространство часовни условно членится в поперечном направлении на три части, перекрытые тремя плотно стоящими друг к другу двухъярусными световыми восьмериками. В общем объемно-пространственном решении и силуэте здания и в его интерьере, включающем пространство восьмериков, сказалось влияние деревянного народного зодчества Украины того периода. Главный фасад часовни, расчлененный пилястрами на три части, в средней, более широкой, имеет входной портал, покрытый богатым резным растительным орнаментом, в боковых — полуциркульные окна, обрамленные наличниками (рис. 14).

Комплекс сооружений Успенской церкви завершается стройной каменной колокольней, названной по имени ее заказчика грека Корнякта. Первоначально она состояла из трех ярусов. В XVII в. был надстроен еще один ярус с высоким изящным завершением. Яруса колокольни обработаны глухими парными арками. Арки, расширяясь в каждом вышележащем ярусе, создают впечатление легкости и стройности сооружения.

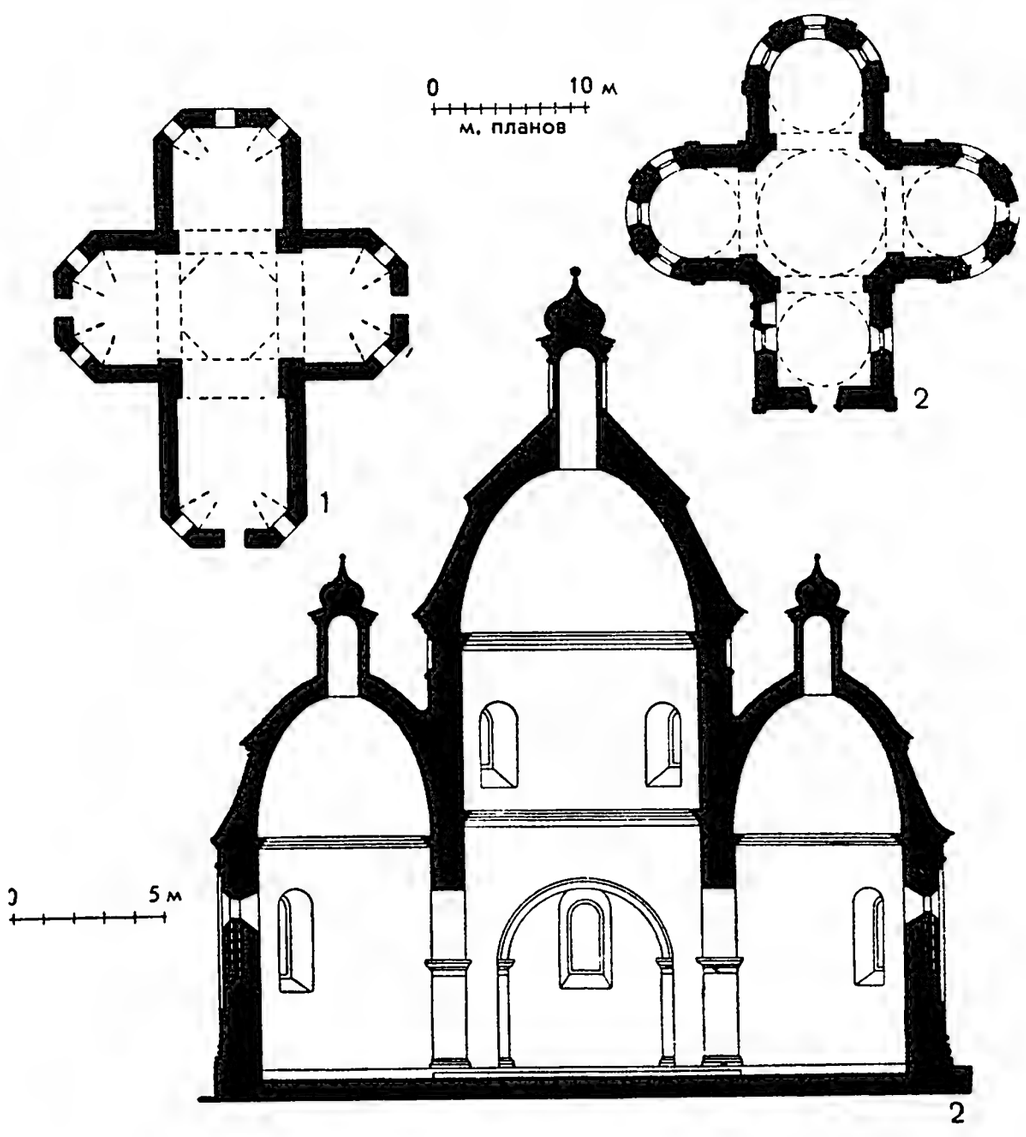
В целом этот гармоничный ансамбль, являясь одним из выдающихся произведений архитектуры в Восточной Европе того времени, ярко отражает подъем украинской культуры, искусства и архитектуры в канун национально-освободительной войны 1648—1654 гг.

По своей композиции к Успенской церкви Львовского братства близка Крестовоздвиженская церковь, построенная в 1619—1620 гг. Луцким братством. Три ее главы поставлены над алтарем, центральным помещением и притвором. Фасады церкви украшает лишь аркатурный поясок на верху стены.

В числе трехчастных церквей следует назвать небольшой трехконховый храм, получивший широкое распространение во второй половине XVI — первой половине

14—15. Львов. Каплица Трех Святителей. Тернополь. Христорождественская церковь, 1596—1598 гг.

16. Сулимовка (Киевской обл.). Покровская церковь, 1622—1629 гг.



17. *1* — Киев, церковь Николая Притиска на Подоле, 1631 г.; *2* — Низкиничи (Волынской обл.), Покровская церковь, 1653 г.

XVII в. особенно на Подолии. К этому типу храма относятся церковь Николая в Бучаче (1610, рис. 12, *5*), Петропавловская церковь в Каменце-Подольском (XV—XVI вв., рис. 12, *1*), Христорождественская церковь в Тернополе (1596—1598, рис. 15) и др.

Тип трехчастных одноглавых каменных церквей, как и в деревянном зодчестве, был менее распространенным. К нему относится один из немногих построенных в то время на Левобережье каменных храмов — Покровская церковь в Сулимовке (1622—1629, см. рис. 9, *1*). Она сооружена полковником Сулимой в его поместье и состоит из центрального объема, увенчанного восьмериком с сомкнутым сводом, и примыкающих к нему меньших объемов притвора и алтарной апсиды. Фасады и интерьер церкви очень просты и скупо декорированы (рис. 16).

Пятисрубные одноглавые и пятиглавые деревянные храмы того времени до наших дней не сохранились. У Павла Алеппского находим подробные описания церквей такого типа, среди которых выделяется собор Густынского монастыря и церковь Успения в Переяславе. Такого типа пятиглавые храмы можно видеть и на некоторых рисунках того времени. Так, на рисунке Вестерфельда изображен расположенный под Киевом Межигорский монастырь, в центре которого виден большой пятиглавый храм с круговой галереей.

В каменном культовом зодчестве сохранился ряд храмов, пятичастных в плане, с одной или пятью главами. Примерами одноглавого храма могут служить церковь Николы Притиска в Киеве (1631, рис. 17) и Успенская церковь в Золочеве (XVII в.). Центральную часть церкви Николы Притиска венчает восьмигранный барабан с куполом, а четыре ветви креста перекрыты сомкнутыми сводами.

Интересна пятиглавая Покровская церковь в с. Низкиничи на Волыни (1643—1653, рис. 17, *2*). В плане она представляет собой правильной формы равноконечный крест, три конца которого закруглены, а четвертый (западный) — прямоугольный. Центральная, более высокая, часть церкви и каждая из ветвей креста имеют высокий барабан и венчаются куполом. Фасады церкви обработаны упрощенного вида пилястрами и скромным карнизом. Вся сила художественного воздействия здания заключается в живописности композиции объ-

емов, в их почти скульптурной пластичности.

К рассматриваемому времени уже сложился и получил широкое распространение тип многоярусной отдельно стоящей колокольни, в деревянном зодчестве в основе конструкции чаще всего имеющей каркас. На многочисленных гравюрах и рисунках, посвященных Киеву XVII в. («Амфилогион», рисунки А. Вестерфельда, гравюры А. Кальнофойского), изображен целый ряд больших колоколен, расположенных возле Софии Киевской, в Киево-Печерской лавре и в других монастырях. Деревянная многоярусная колокольня Киево-Печерской лавры имела открытые галереи в двух нижних ярусах, а на четвертом, где висели колокола, — сквозную аркаду. Колокольня имела сложное завершение и венчалась крестом.

Несколько особняком среди рассматриваемых типов культовых сооружений стоит ряд построек в Северских землях, входивших тогда в состав Русского государства в Путивле и Новгороде-Северском, где работали русские мастера. Своеобразна Петропавловская церковь при трапезной Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском (XVI—XVII вв., рис. 9, *3*). Она состоит из двух частей — центральной, перекрытой куполом, и апсиды с сомкнутым сводом. Купол центральной части поддерживается барабаном, который в свою очередь опирается на две пары не одинаковых по размеру арок. Одна пара арок опирается на стены, вторая, меньшего размера, — на первую пару (конструктивный прием, характерный как для псковского, так и для молдавского зодчества и встречавшийся уже в часовне Трех Святителей во Львове).

Второе своеобразное сооружение этого периода — собор Молченского монастыря близ Путивля (рис. 9, *5*; 18), построенный в конце XVI — начале XVII в. Основное, наиболее древнее, ядро собора (теперь его алтарная часть) носит черты оборонной башни. Ее фасады декорированы широким поясом из четырех рядов расположенных в шахматном порядке ширинок. Центральная и северная части храма были пристроены к этой башне во второй половине XVII в. Позже к ним примкнули высокие паперти с лестницами, ведущими на второй ярус, где размещался сам храм. В архитектуре собора прослеживаются приемы московского зодчества того времени, в частности использование лекального кирпича, что получило в конце XVII в. широкое распространение не только в северо-восточных, но и в центральных районах Украины (Чернигов, Харьков, Изюм, Нежин и др.).

Характерные для центральных областей композиция храма и устройство верхов применялись и при восстановлении древнерусских церквей в Киеве, особенно при митрополите Петре Могиле. Восстановленные древние постройки получили завершение в виде глав луковичной формы (София Киевская, Успенская церковь Киево-Печерской лавры, Михайловский собор) или над ними устраивались верхи по типу пятиверхих храмов (Успенская церковь на Подоле, Спас на Берестове и т. п.).

Католическая церковь также вела широкую строительную деятельность на украинских землях, возводя каменные костелы, монастыри, коллегиумы. Большинство

18. Молченский монастырь (Сумской обл.). Собор Флора и Лавра, конец XVI — начало XVIII в. Фрагмент

19—20. Львов. Костел бернардинцев, 1606—1630 гг., архитекторы Павел Римлянин и В. Купинос. Львов. Каплица Боймов, 1609—1617 гг.

их сходно с костелами, строившимися на территории собственно польских земель, однако в них нашли отражение специфические особенности украинской архитектуры, подобно тому как это имело место в архитектуре синагог или армянских церквей, во многом связанной с местными традициями. Например, композиция кафедрального костела в Жовкве (Нестерове), построенного в 1604—1609 гг., сходна с типом украинского пятичастного одноглавого храма. В строительстве костела принимали участие львовские архитекторы Амвросий Прихильный и Павло Щасливый, что сказалось на его ренессансных деталях, в частности на трактовке фриза антаблемента с его сюжетными и геральдическими барельефами, напоминающего фриз Успенской церкви.

Наиболее крупный из костелов Львова — костел бернардинцев (1630, рис. 19) — возводился мастерами, работавшими над строительством Успенской церкви (Павел Римлянин, Амвросий Прихильный). В обработке главного фасада костела иезуитов во Львове (1630), трехнефной базилики, с небольшими изменениями использован тип церкви Джезу Виньолы. В родовых усыпальницах богатых купеческих фамилий Львова — Боймов (рис. 20; 22, *2*) и Кампианов (рис. 21; 22, *1*) — начала XVII в., большое внимание уделено пластическому декору, причем обилие его в каплице Боймов превращает главный фасад скорее в памятник декоративной скульптуры. Архитектура этих каплиц близка архитектуре львовских камениц и ансамбля Успенской церкви.

Кроме православных и католических храмов во многих городах Украины строились в это время храмы армян-униатов и синагоги. Во Львове, Каменце-Подольском, Язловце и других городах издавна существовали колонии армянских купцов и ремесленников. Нередко они строили для себя каменные храмы и монастыри, в убранстве

21. Львов. Каплица Кампианов, конец XVII — начало XVIII в., арх. Павел Римлянин

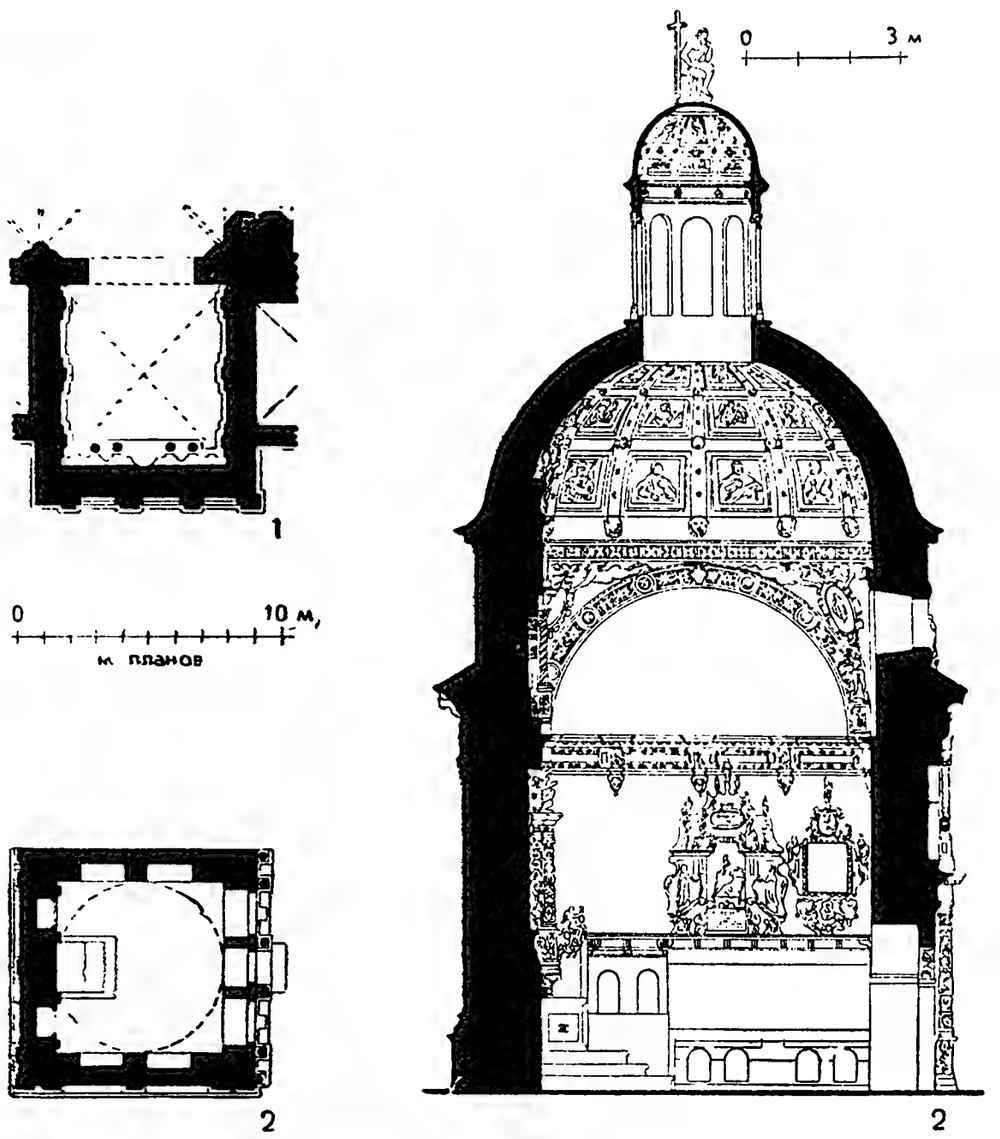
которых широко применялась резьба. Особенно крупные работы велись в XVI—XVII вв. по застройке ансамбля армянского монастыря во Львове, заложенного в XVI в.

В конце XVI и на протяжении XVII в. во многих городах, в особенности в западных районах, ведется строительство каменных синагог (Луцк, Броды, Гусятин). На их облик повлияли требования духовных и светских властей, не допускавших, чтобы здания синагог превышали высоту костелов или церквей и выделялись среди городской застройки. Это и определило общий характер композиции синагог в виде прямоугольного объема, лишенного архитектурного завершения, свойственного культовым зданиям, что придавало им светский характер. Особенно это сказалось в архитектуре деревянных синагог XVII—XVIII вв., в композиции и деталях которых было много общего с городскими домами зажиточных мещан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архитектура Украины второй половины XVI и первой половины XVII в. развивалась в сложных условиях борьбы за национальную культуру, за сохранение своего языка, религии, обычаев. Все это, содействуя укреплению национального самосознания украинского народа, наложило печать своеобразия и на архитектуру этого периода. Общность украинского народа, проявившаяся в языке, в различных сферах материальной и духовной деятельности, нашла свое отражение и в общности типов жилых, гражданских и культовых сооружений, в общности строительных и художественных приемов народного зодчества.

Именно народная архитектура позволяет говорить о едином характере украинской архитектуры этого времени. Вместе с тем в народном, особенно культовом, деревянном зодчестве к этому времени начинает проявляться творческое своеобразие различных школ (Среднее Приднепровье, Слобожанщина, Волынь, Подолия, Прикар-



22. Львов. *1* — каплица Кампианов; *2* — каплица Боймов

патье и Закарпатье), которое станет характерным для них в последующий период. Большая высота и стройность объемов деревянных церквей центральных и северных районов, приземистость волынских храмов, многоярусность и преобладание горизонтальных членений в постройках Прикарпатья, элементы готики в закарпатском типе храма с высокой башней над притвором — все это можно проследить в деревянном зодчестве Украины XVII в.

Стилевые особенности архитектуры отдельных районов Украины более четко проявились в монументальном, каменном строительстве.

Каменные сооружения возводились главным образом в западных районах страны, однако даже немногие каменные постройки центральных и северо-восточных районов свидетельствуют о том, что и здесь имелись свои местные приемы в строительстве.

Каменное строительство Киева и Среднего Приднепровья этого времени имеет очень много общего с архитектурой деревянных сооружений, однако ей принадлежит ведущая роль. Примером другой школы может служить архитектура северных районов (Путивль, Новгород-Северский), где заметно влияние московской архитектуры, проявившееся и в общей композиции, и в типах сооружений, и в деталях.

Наибольшее значение имела архитектурная школа, охватывающая почти все правобережье Украины с центром во Львове. Отличительная особенность этой школы — освоение и переработка архитектуры итальянского Возрождения. Этому способствовало влияние архитектуры польского Ренессанса, а также участие в строительстве итальянских мастеров, живших во Львове, и наличие цеха строителей и резчиков по камню в этом городе.

В это время на Украине, как и в соседних странах (Польша, Россия и др.), начинается применение классической ордерной системы. Творческая переработка классического наследия, глубокое влияние народного зодчества способствовали тому, что каменное зодчество западных областей во главе со Львовом, несмотря на связи с архитектурой собственно польских земель, носило свойственный только ему характер.

Таковы три школы, три слагаемых направления в архитектуре Украины второй половины XVI — первой половины XVII в., на основе которых расцвело в последующем своеобразное искусство архитектуры украинского барокко.

ГЛАВА 3

АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — 20-е гг. XVIII в.

Украинский народ столетиями вел ожесточенную классовую борьбу против феодалов и против казацкой старшины. Эта борьба отягощалась национально-освободительной борьбой против польско-литовских поработителей и турецко-татарских захватчиков, достигшей в середине XVII в. своей кульминации. В борьбе обострялось и закалялось национальное самосознание украинского народа; развитие его культуры происходило под постоянным влиянием живительных народных сил.

После воссоединения с Россией в 1654 г. левобережная Украина переживает период экономического и культурного подъема. Дух и стиль народной жизни в это время ярко и отчетливо выявились во всех сферах культуры. Наступает расцвет и архитектурно-строительной деятельности. Здесь, на территории Левобережья, была создана своеобразная, самобытная архитектура, которая с полным основанием может быть отнесена к наиболее значительным явлениям монументального зодчества прошлого. В западных областях Украины, находившихся до конца XVIII в. под властью польской шляхты, строительство развивалось слабее.

Умеренные природно-климатические условия Левобережья благоприятствовали строительству и в известной мере определяли и его характер. Отсутствие скальных грунтов исключало распространение строительства из камня, взамен которого применялся кирпич, чему способствовало обилие на Украине необходимого сырья. Традиционной отраслью экономики Украины было производство стекла и керамики, употреблявшихся и для целей строительства. Металл применялся в ограниченном количестве (устройство кровель, связи сводов). Его ввозили из России и выплавляли на древесном угле из болотных руд в северных районах Украины. Благодаря обилию леса издавна были развиты профессии плотников, столяров и «тертичников», изготовлявших кровельный гонт.

В строительстве на Левобережье и Поднепровье кирпич применялся для кладки стен фундаментов и сводчатых перекрытий. Наиболее распространенный размер кирпича в XVII—XVIII вв. — 8×16×32 *см*. Однако не только в отдельных постройках одного комплекса, но даже в одном здании можно обнаружить кирпич различных размеров. Наряду с обычным кирпичом в XVII в. продолжали изготовлять кирпич старых образцов — желобчатый и крупноразмерный (47×47×11 *см*). Почти во всех зданиях с развитой пластической обработкой фасадов применялся лекальный кирпич.

Большинство сводчатых перекрытий гражданских зданий — в каменицах, бурсах, кельях, трапезных и т. д. — бесстолпные, редко встречаются перекрытия одностолпные (трапезная Никольского монастыря в Киеве конца XVII в. и трапезная Новгород-Северского монастыря середины XVII в.) и двухстолпные (трапезная Софрониевского монастыря, XVII в.). С большим мастерством построены пирамидальные композиции культовых зданий. Пять куполов располагались крестообразно по странам света, образуя так называемое украинское пятиглавие.

Чаще всего строительство велось без проекта; иногда проект заменял макет. Моделью, по которой надо было строить, обычно служили уже существовавшие здания. В 70—90-х гг. XVII в. в особых случаях строительство велось по чертежам. Так, например, из переписки гетмана Самойловича с игуменом Мгарского монастыря по поводу строительства собора этого монастыря видно, что Самойлович располагал чертежами этого здания. Строительные навыки часто передавались по наследству. Известны целые коллективы родственников-однофамильцев одной строительной специальности — «муляры», «тесляри», «тертичники», бригады «муровщицкого художества» и т. д. Подготовка строительных кадров осуществлялась также в строительных цехах, особенно на Правобережье. В строительстве Левобережья и Поднепровья большую роль в конце XVII в. играли русские зодчие, прибывшие из Москвы для строительства особо значительных зданий (Старцев, Аксамитов, Устинов) и под руководством которых воспитывались местные мастера. Следует заметить также, что на Украине в ту пору были распространены различные западноевропейские издания, прямо или косвенно относящиеся к архитектуре, что также служило источником распространения архитектурных знаний.

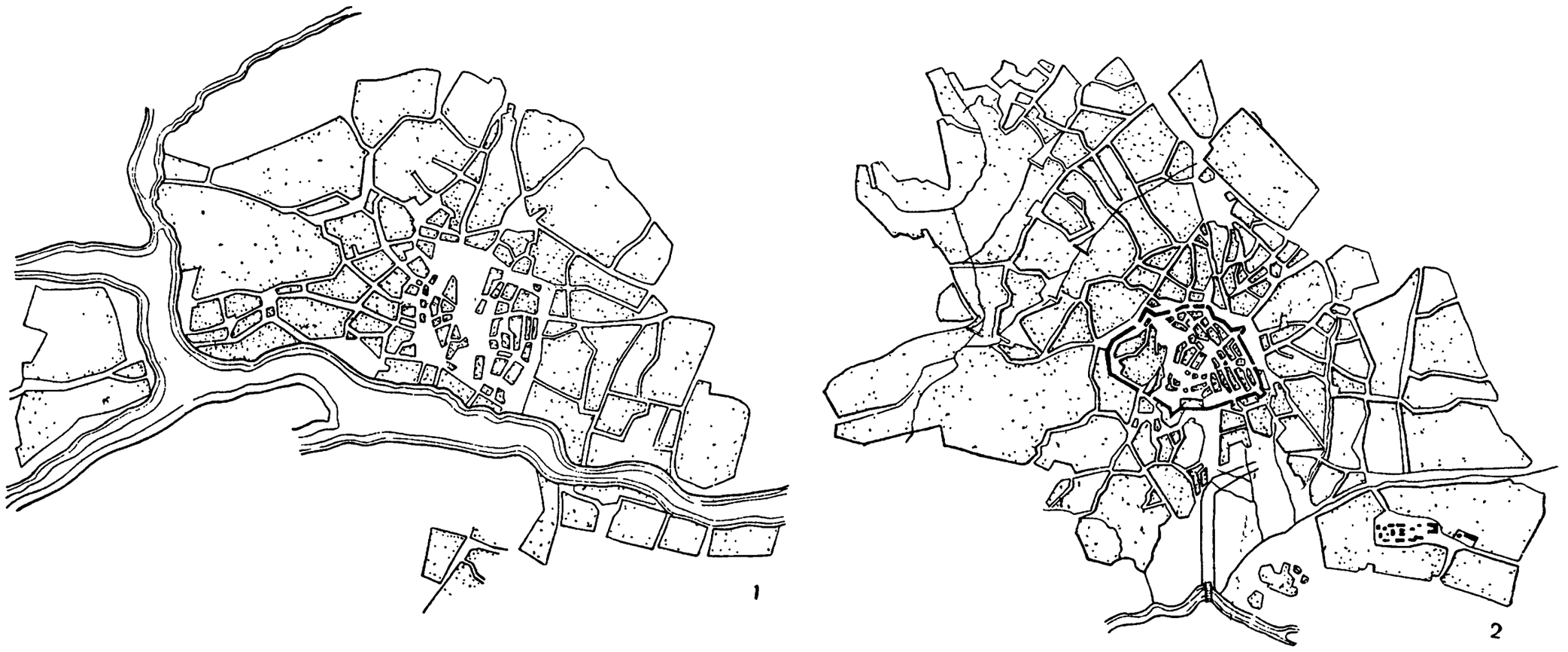
1. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

С XVII в. активная градостроительная деятельность отмечается прежде всего в восточных районах — на так называемой Северщине и несколько позже на Слобожанщине, которые являлись окраинами русского государства. Поселения здесь носили пограничный, военный характер. Таковы были города Чугуев, Сумы, Ахтырка, Лебедин, входившие в оборонную Белгородскую черту XVII в. В состав этой черты входило 27 городов. О возникновении этих городов сказано в предыдущей главе. Самые южные поселения такого типа входили в так называемую украинскую линию, сооруженную сравнительно поздно — в 30—60-х гг. XVIII в. и состоявшую из 17 крепостей. Главным городом этой линии был Изюм.

С начала XVIII в. военная обстановка, хозяйственный уклад и, как следствие этого, навыки народа, не особенно расположенного к городской скученности, начинают изменяться. Развивается полотняная, суконная, кожевенная, табачная, пороховая и другие мануфактуры, зарождается промышленность, усиливаются товарно-денежные отношения. Растут и города, которые постепенно приобретают регулярный вид. В создании архитектурных ансамблей городские деревоземляные укрепления — их расположение, конфигурация и характер — продолжали играть определенную роль, хотя и не столь значительную, как раньше. Конфигурация этих сооружений, а следовательно, и плана города в целом была различной — в виде четырехугольника (гг. Лебедин, Прилуки), круга (Нежин, рис. 1, *1*, Чугуев, Путивль) или иных очертаний. Первоначальные укрепления были небольшими. Составленные в начале XIX в. регулярные планы городов по площади в десятки раз превышали первоначальное ядро. Существовали также различные варианты линейного построения плана, что определялось характером рельефа, направлением реки или дорог. Например, план г. Сумы (1769) принял трапециевидную форму. Очертания укреплений иногда повторялись направлением улиц, расположенных внутри цитадели. Такова была древняя часть г. Ахтырки.

В городах, расположенных на возвышенности, можно наблюдать более свободную конфигурацию первоначального ядра и укреплений, отвечающих рельефу местности. Таков, например, план центральной части г. Лубны. Военно-оборонительные требования влияли на построение планировочной сетки города главным образом тем, что привязывали главные магистрали к крепостным воротам (Путивль, Глухов, рис. 1, *2*, Конотоп и др.). Обычно строения городов были обращены к улицам торцами и даже углами не только на второстепенных, но и на главных улицах; к тому же эти дома располагались свободно, с неравномерными и большими отступами. В центре тогдашней столицы Украины — Глухове при многих усадьбах были сады, огороды и тому подобные угодья сельского характера.

Из приведенных примеров видно, что многие города Левобережья по существу мало отличались от застройки крупных сел. В этом отношении исключение составляет застройка и общий вид города Чигирина. Судя по изображениям XVII в., военная столица Украины времен Хмельницкого была довольно плотно застроена. Сравнитель-



1. *1* — Нежин, план XVIII в.; *2* — Глухов, план XVIII в.

но плотная застройка была и в наиболее древних городах — Киеве и Чернигове.

Наиболее важное место в городском ансамбле долгое время занимали монастырские комплексы. Их живописная застройка, создаваемая благодаря большому разнообразию зданий, придавала городу неповторимый силуэт. Характерной чертой украинских городов было обилие зелени, о чем свидетельствуют многочисленные документы и записки путешественников.

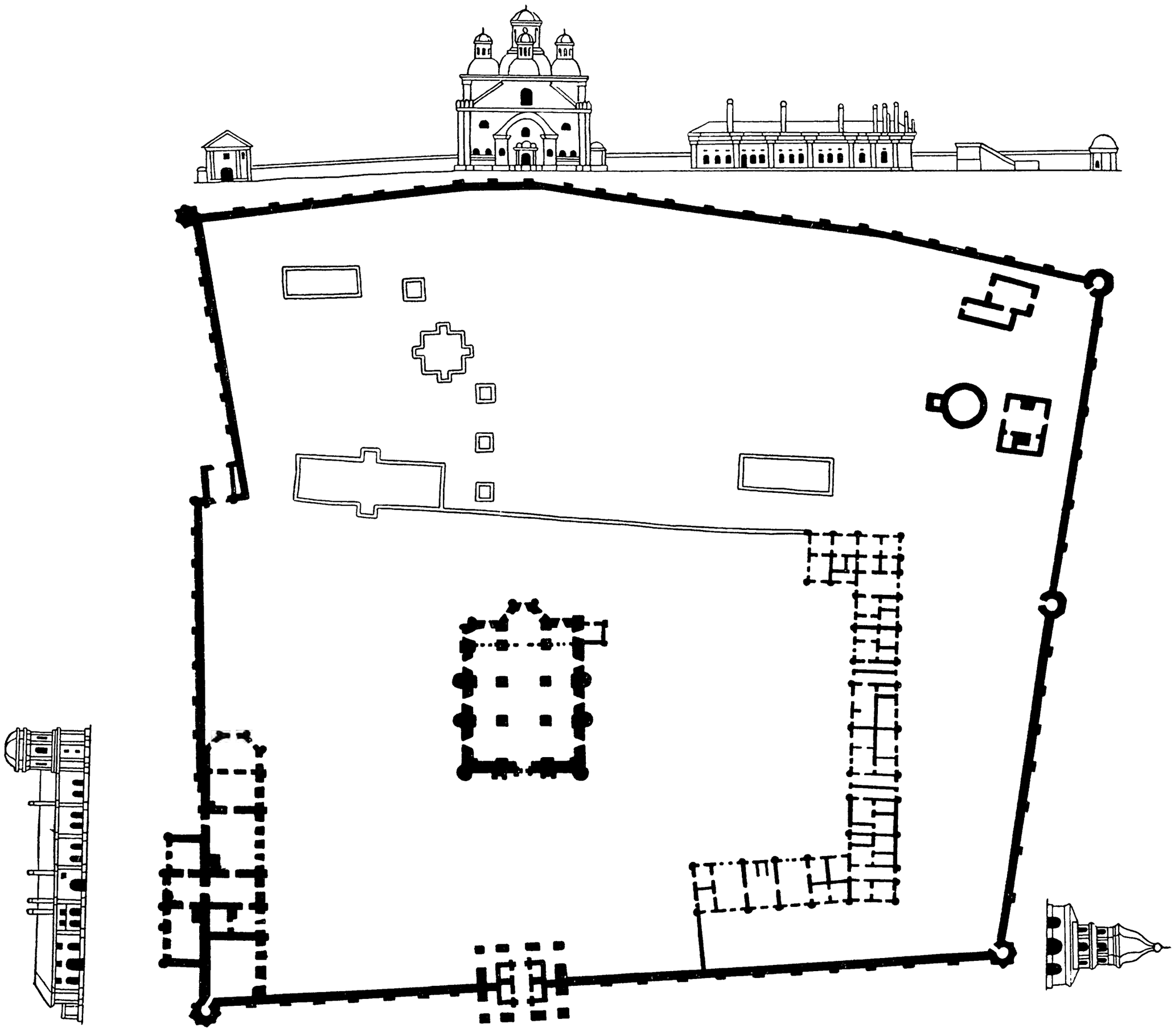
Все сказанное о характере городов и архитектурных ансамблей Левобережья и Поднепровья в XVII—XVIII вв. можно обобщить следующим образом: в рассматриваемый период продолжается интенсивный процесс заселения Левобережья и Поднепровья, образования и роста новых городов. Основным фактором, определявшим характер застройки, было имущественное положение застройщика. Рядом с владениями — дворцами феодалов ютились бедные постройки городских мещан и ремесленников. Среди жалких лачуг бедноты в Субботове, Чигирине, Батурине, Глухове, Гадяче высятся блестящие гетманские дворцы, а в Чернигове, Седневе и других городах расположились старшинские усадьбы, олицетворяя положение в обществе их владельцев.

Обстановка острой антифеодальной и национально-освободительной борьбы вызывала передвижение больших масс населения и в значительной мере ограничивала рост плотности застройки некоторых городов, ее скученности, так характерной для западных городов. Наоборот, здесь создавались предпосылки для свободной ландшафтной планировки, подчас мало отличавшейся от сельской (Борзна, Нежин, Батурин).

В большинстве случаев эти города, располагаясь на возвышенном берегу рек (Лубны, Хорол, Гадяч и др.), подчиняли свой план природным условиям — рельефу, изгибам реки. Лишь в редких случаях их планировка приближалась к геометрически правильной схеме (Путивль, Чугуев, Нежин с их радиально-кольцевой схемой плана).

Не только города, но и небольшие населенные пункты были окружены укреплениями, которые оказывали большое влияние на формирование планировочной схемы города, в частности расположением главных городских ворот (Глухов, Путивль, Киев).

Наиболее организованными архитектурными ансамблями были комплексы монастырей. Основными компонентами их являлись собор, колокольня, трапезная и кельи, различные по своим объемно-пространственным характеристикам. Распространенным типом загородных ансамблей также были загородные монастыри, которые располагались как на возвышенном месте (Глуховско-Петропавловский, Молченский, Рыхловский монастыри), так и на спокойной местности (Максаковский, Густынский, Гамалеевский — рис. 2, Крупицко-Батуринский, Спасо-Преображенский в Новгоро-



2. Гамалеевский монастырь (Сумская обл.). Генеральный план

3. Новгород-Северский. Спасо-Преображенский монастырь, конец XVII в. *1* — генеральный план; *2* — главные ворота, — дворовый фасад, план и деталь фасада

4. Новгород-Северский. Спасо-Преображенский монастырь. Надвратная башня (фото М. П. Цапенко)

де-Северском, рис. 3; 4). Расположение отдельных зданий в них было свободным, асимметричным, подобно городским ансамблям того времени.

2. АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

Домашний способ производства, ремесло и зачаточная мануфактура не требовали возведения особых зданий, отличающихся от обычных хозяйственных построек. Даже выплавка металла производилась в деревянных сараях, как это видно из чертежа 1732 г. с. Деменки на Черниговщине. Вполне понятно, что производственные здания такого рода до нашего времени не сохранились.

Здания жилого и общественного назначения сохранились лишь в небольшом количестве. Они сходны по своей структуре и в большинстве случаев принадлежат к немногочисленным вариантам построек с простым покамерным построением плана (дом Кочубея в Батурине, каменица Полуботка в Любече, рис. 5, так называемый дом Полуботка в Чернигове и др.). Рядовой жилой дом — деревянный или каменный — следовал типу обычной сельской «хаты на две половины». Дворы гетманов и старшин состояли из большого количества разного рода хозяйственных построек — сараев, кухни, бани, погреба, конюшни и т. д.

Единственный хорошо сохранившийся памятник жилого строительства, отличающийся декоративным убранством фасадов, — дом Лизогуба в Чернигове (конец XVII в., рис. 6). В плане — это слегка вытянутый прямоугольник с соотношением сторон 3 : 4. Все его четыре фасада решены с одинаковой степенью выразительности — сильный рельеф декора, подчеркнутый светотенью, производит живописное и в то же время монументальное впечатление. Здание покрыто высокой двускатной крышей. Под всем зданием расположен подвал, перекрытый сводами, по высоте равный помещениям основного этажа. Планировочная структура отражена на фасадах широкими пилястрами. Произвольная разбивка оконных проемов — результат позднейших переделок. Можно предположить, что первоначально здание было двухэтажным или же оно предполагалось быть таким, но почему-то не было достроено. Дом Лизогуба — типичный пример «всефасадности», обычной для украинской архитектуры того времени, по существу одинаковые фасады имеют лишь некоторое различие в прорисовке деталей (рис. 7).

План так называемой Лизогубовской каменицы в Седневе также представляет прямоугольник, но более вытянутых пропорций (1 : 2,5). Внутренняя планировка повторяет схему «хаты на две половины»: в центре — вход с сенями, по сторонам от них симметрично расположено по два помещения. Здание перекрыто сводами и имеет подвал, повторяющий планировку первого этажа. Ему свойственны оборонные черты, как и многим другим зданиям того времени, в частности небольшому сооружению, именуемому домиком Петра I в Киеве (1704), хорошо сохранившемуся до наших дней. Объемно-планировочная структура этого здания отличается от рассмотренных выше и уникальна в украинской архитектуре. К его основному двухэтажному прямоугольному объему с одной стороны пристроено крыльцо с аркадой во втором этаже, а с другой — две круглые башни,

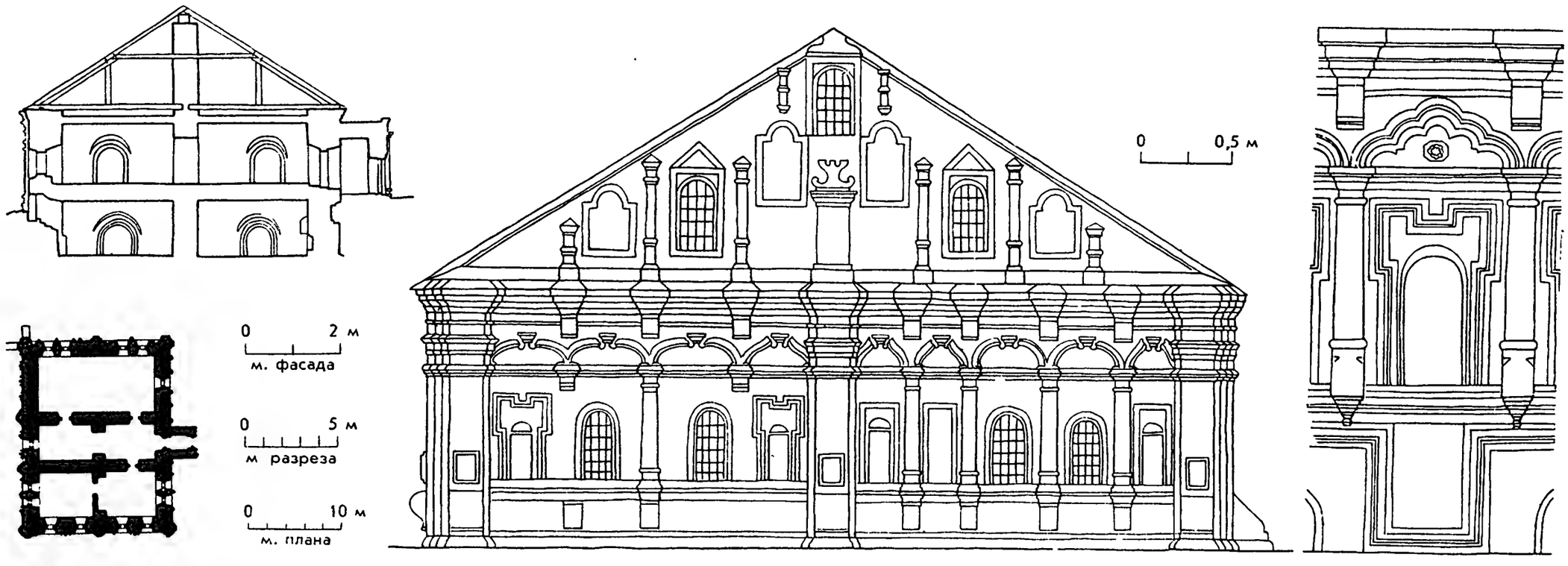
5. Любеч. Каменица Полуботка, начало XVIII в. Общий вид

несоразмерно большие по сравнению с домом. Можно допустить, что эта постройка является своеобразной романтической реакцией на существовавшие ранее каменицы-крепости, башни и оборонный характер которых были оправданы исторической ситуацией, а здесь имели скорее чисто декоративный смысл.

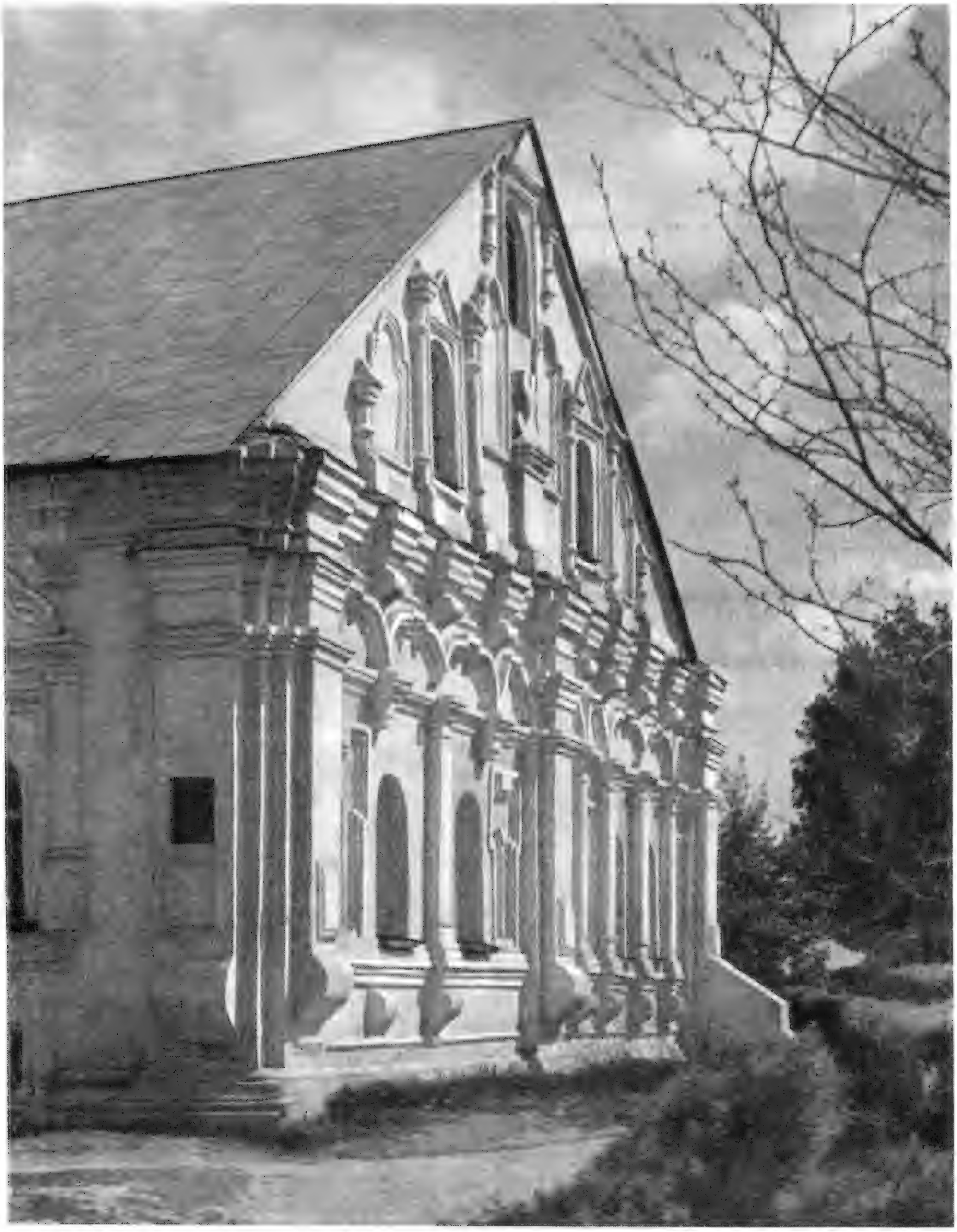
Дальнейшим развитием жилых зданий камерного типа являются монастырские кельи. Составленные в ряд жилые комнаты образуют вытянутый, низкий, одноэтажный корпус. Начиная со второй половины XVII в. сооружение таких зданий получило широкое распространение — кельи Киево-Печерской лавры, Елецкого и Троицкого монастырей в Чернигове, Введенского в Нежине (рис. 8, *1*), Гамалеевского, Домницкого, Рыхловского и многих других монастырей.

В большинстве случаев фасады келейных корпусов очень просты. Они или совсем гладкие, или расчленены редко расставленными пилястрами. Исключением служат три корпуса келий Елецкого монастыря в Чернигове — северный, восточный и юго-западный — древнейшие памятники такого рода (рис. 8, *2*). В северных кельях декор ограничен простым кирпичным карнизом, а в восточных — выделены своеобразные наличники, объединяющие по три окна, подчиняя их четкому ритмическому рисунку фасада. Жилые корпуса обычно располагались в линию или «глаголем», как, например, в Гамалеевском, Елецком и Троицком монастырях в Чернигове. Почти всегда внутренние перегородки в них были капитальными, так как каждая комната перекрывалась отдельным сводом (кельи Новгород-Северского монастыря и др.).

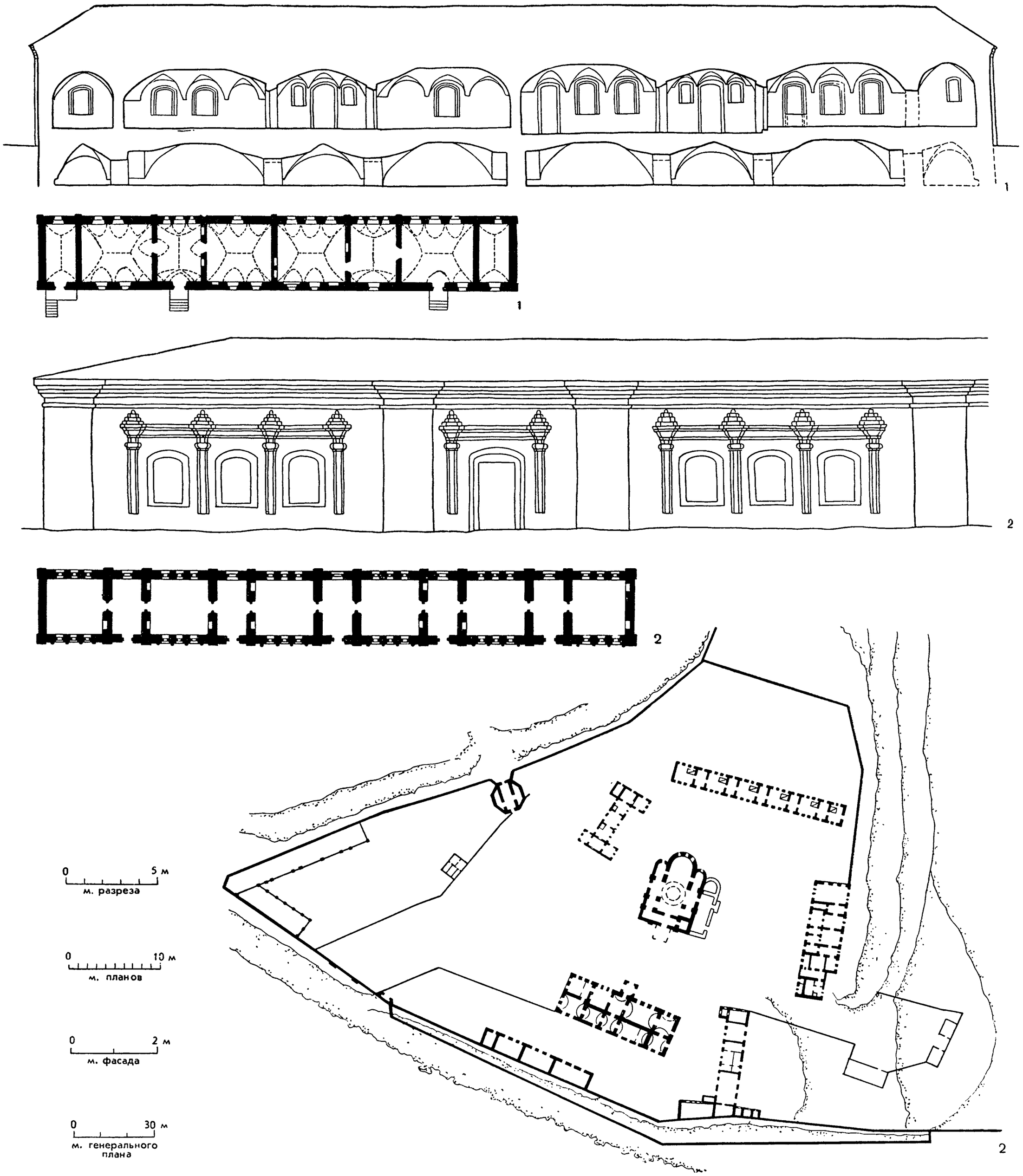
Простейший вид жилого здания, который можно назвать линейно-камерным, постепенно усложняется, а со временем уступает место более развитым схемам. Длина жилого корпуса сокращается за счет сдвоенного ряда комнат-камер, по концам здания появляются ризалиты с живописными высокими фронтонами. Примером такого дома является митрополичий дом Софий-



6. Чернигов. Дом Якова Лизогуба, конец XVII в. Западный фасад, разрез, план и фрагмент северного фасада



7. Чернигов. Дом Якова Лизогуба.
Общий вид

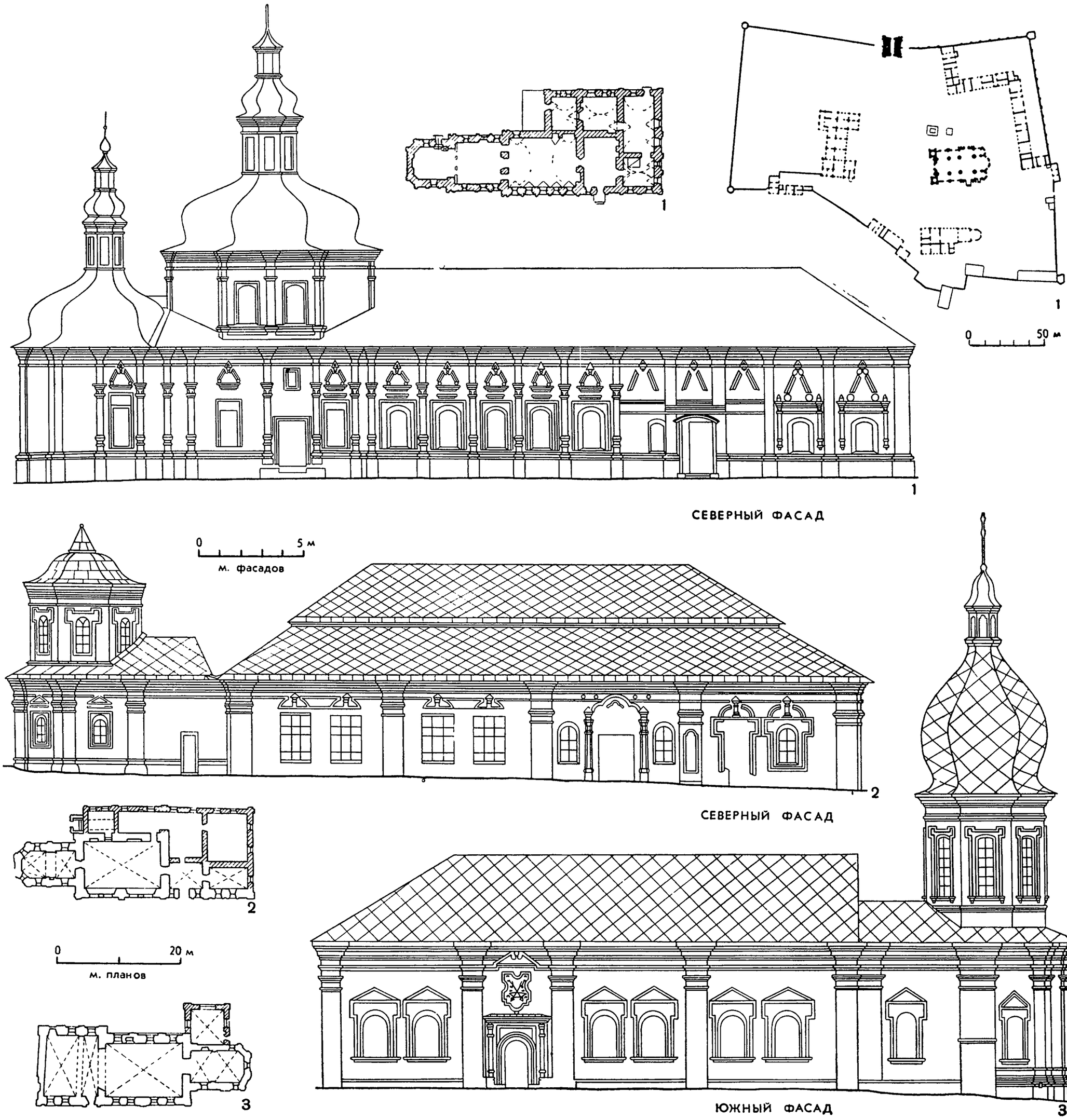


8. *1* — Нежин, Введенский монастырь, кельи; *2* — Чернигов, Елецкий монастырь, — генеральный план, восточные кельи

ского заповедника в Киеве (так называемый дом Заборовского) [1].

Среди дошедших до нас памятников гражданской архитектуры рубежа XVII—XVIII вв. встречаются постройки типа «двухкамерной хаты», состоящей из жилой комнаты и сеней. В Любече сохранилась так называемая каменица Полуботка — небольшой каменный склад-хранилище, которая по своему планировочному решению именно такова. Массивные стены, небольшие оконные проемы, отсутствие признаков

[1] Одноэтажный корпус этого здания построен неизвестным мастером в 1720 г., в 1731—1757 гг. был надстроен второй этаж и сделаны высокие фронтоны.



9. *1* — Чернигов, Троицкий монастырь, — генеральный план, трапезная; *2* — Киев, Михайловский монастырь, трапезная; *3* — Киев, Выдубецкий монастырь, трапезная

10. Киев. Выдубецкий монастырь. Трапезная. Фрагмент фасада (фото М. П. Цапенко).

отопления и обширный подвал — все это говорит о том, что здание не было жилым. Возможно, что в первом этаже было помещение типа канцелярии, а в подвале — склад. Фасады этого здания очень просты. Оконные и дверные проемы были украшены овальными наличниками довольно примитивных очертаний, а углы — спаренными пилястрами (см. рис. 5).

Подобную композицию имеет арсенал Галагана в Прилуках. Маленькое здание по углам украшено лопатками; верхний карниз включает в себя пояс поребрика; с двух сторон здание имеет высокие фронтоны. Редким памятником такого же одно-камерного типа является так называемый теремок в Красном селе (бывшее Старое село), Сумской области. Здание, первоначально одноэтажное с подвалом, относится к первой трети XVIII в., но вскоре оно было перестроено и надстроено. Оба его этажа перекрыты коробовыми сводами. Таков же в принципе корпус Благовещенского монастыря в Нежине (20-е гг. XVIII в.). Первый этаж его был жилым, а второй — служил складом для товаров и продовольствия, которыми зачастую торговали монастыри. Оба этажа этого здания также перекрыты сводами.

Оригинальна архитектура монастырских трапезных. Их композиция построена на сочетании горизонтальных и вертикальных объемов. Некоторые из них, например бесстолпная трапезная Троицкого монастыря в Чернигове, по выразительности форм являются подлинным архитектурным шедевром (рис. 9, *1*). Это сооружение входит в группу памятников начала XVIII в. черниговской архитектурной школы. Особенностью композиции трапезной является то, что у ее церкви не один купол, как обычно, а два. Внутреннее пространство куполов церкви открыто снизу доверху, как это принято в украинской деревянной архитектуре. Это, между прочим, единственная двухкупольная церковь, сохранившаяся на Левобережье.

Сильное впечатление производит пластика фасадов этого здания. В ней несомненны черты сходства с архитектурой черниговского дома Лизогуба. Однако здесь главный фасад более четко выражен, строго рассчитано место каждой архитектурной детали. Все его части — алтарь, главный объем церкви, обеденный зал и вспомогательные помещения — исполнены, хотя и в едином духе, но по-разному. Наиболее богат обеденный зал, примыкающие к нему вспомогательные помещения значительно скромнее. Энергичный ритм пилястр главного фасада, глубокие оконные проемы, характерные треугольные фронтоны над окнами увязаны в единую гармоничную композицию.

Интересна трапезная Выдубецкого монастыря (1696, рис. 9, *3;* 10) с тонкой лепкой портала и фриза. Впрочем, несколько вычурный характер этой лепки дает основание предполагать, что она выполнена позже или неоднократно подновлялась. Такими же были трапезные Максаковского, Густынского и Михайловского-Златоверхого монастырей (XVII в.); последняя сохранилась до наших дней, но ее наружные формы изменены перестройкой (рис. 9, *2*). Все вышеназванные трапезные были одноэтажными и бесстолпными — цилиндрический свод опирался на наружные стены. Исключением являются построенные по русскому образцу одностолпная трапезная Никольского монастыря в Киеве, двустолпная трапезная Молченского монастыря около Путивля и двухэтажная старая трапезная Киевско-Печерской лавры.

3. АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ

В XVII в. культовые деревянные сооружения были относительно небольшими и простыми по композиции. В XVIII в. они значительно усложняются, увеличиваются

их размеры, появляются церкви со сложным многокупольным завершением. Дальнейшее развитие получают все основные типы зданий: церкви хатного типа без купольных завершений, трехсрубные церкви одно-, двух- и трехглавые и, наконец, крестообразные в плане девятикамерные церкви с числом куполов от одного до девяти.

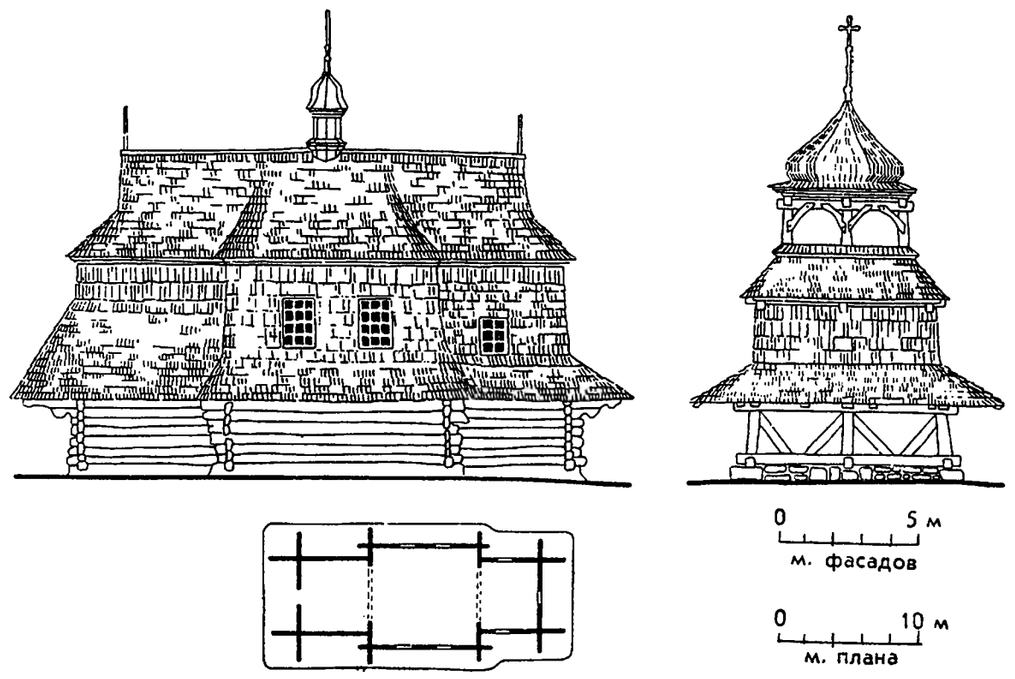
Церкви хатного типа строились и в XVII в., например Успенская церковь в Черткове, Тернопольской области — простая вытянутая постройка под одной крышей. Даже алтарная часть ее ни в плане, ни в объеме ничем не выражена. Маленькая главка на кровле почти не заметна и здание мало похоже на культовое (рис. 11).

Более многочисленны трехсрубные церкви. К ним относится небольшая по размеру, простая и логичная по композиции церковь Юрия в с. Старые Хутора, Винницкой области (1726). Хорошо сохранившаяся церковь Николая в Виннице (1746) представляет собой развитие этого типа. Развитой оригинальной композицией трехсрубного, но двухкупольного типа является уже упоминавшаяся церковь в Карвасарах в Каменце-Подольском (XVII в.) с гармоничным сочетанием вертикальных и горизонтальных членений.

Группа сложных крестообразных сооружений из дерева широко распространяется позже, однако этот тип известен был и ранее. Такова церковь в Манявском скиту в Западной Украине, построенная в 1676 г. и позже перенесенная в с. Надвирное, Львовской области. Примерами сохранившихся пятисрубных крестообразных однокупольных зданий являются церковь Николая в Лебедине, Сумской области (начала XVIII в., перестройка 1783) и церковь Николая в Новгороде-Северском (начала XVIII в.).

Своеобразие объемно-плановых, декоративных и конструктивных решений в украинском каменном зодчестве рассматриваемого периода обусловлено тем, что многое в них взято из более древнего деревянного зодчества.

Тип трехчастного однокупольного здания представлен Ильинской церковью на Подоле в Киеве, небольшой постройкой, хорошо сохранившейся до наших дней (1692). Она имеет четкие и ясные пропорции основных объемов, отвечающих внутреннему пространству. Декор ее фасадов сдержан, но немногочисленные детали хорошо прорисованы (рис. 12). Оконные наличники по манере исполнения близки московской архитектуре.

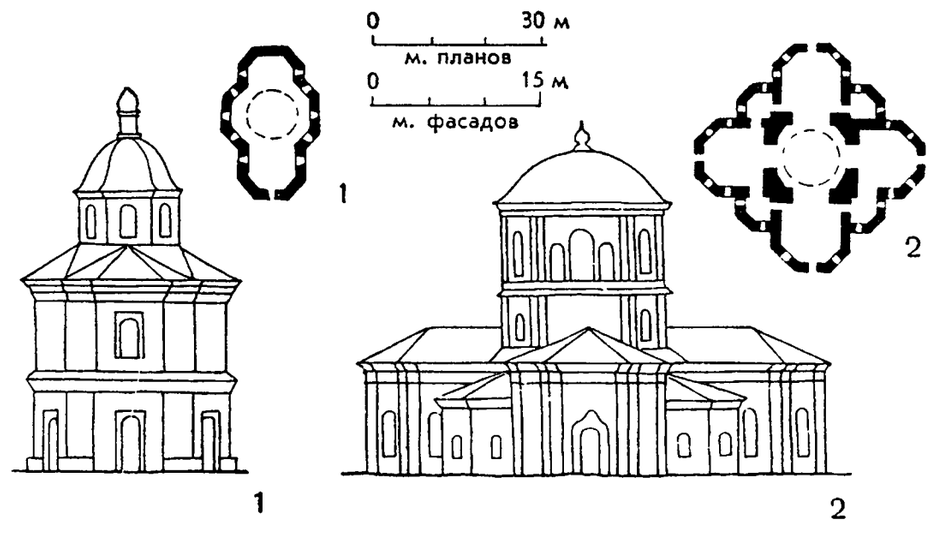


11. Чертков (Тернопольской обл.). Успенская церковь и колокольня, XVII в.

Подобная объемно-пространственная композиция характерна для многих украинских зданий, имеющих развитую вертикальную ось. Более того, тенденция к сохранению этого принципа прослеживается в самых различных структурных вариациях. Устойчивость трехкамерной системы определяется ее конструктивной простотой и функциональной целесообразностью.

В культовом зодчестве XVIII в. характерная для предыдущего периода трехчастная схема получает дальнейшее развитие.

В качестве примера приведем один из самых оригинальных и древних каменных трехкупольных трехчастных храмов — Рождественский собор в Стародубе (рис. 13). По не очень точным данным собор построен в 1617 г. В 1677 г. он горел и был восстановлен в конце XVII в.; вторично горел в



12. *1* — Киев. Ильинская церковь на Подоле, — фасад и план; *2* — с. Седнев, Черниговской обл., церковь, — фасад и план

13. Стародуб. Рождественский собор. Общий вид

1744 г. Однако первоначальный вид здания не очень изменен. При четко выраженном трехкамерном построении это здание существенно отличается от обычных церквей такого рода. Каждая его часть имеет в плане свою форму: притвор — четырехугольный, главный неф — восьмиугольный, а апсида — пятигранная.

Плановое построение этого здания повторяется в другом сооружении — стародубской церкви Иоанна Предтечи (1720), но при сходстве планов декоративное убранство ее не имеет ничего общего с Рождественским собором. Наивная простота декора здесь уступила место строгой системе. Объемное решение этого здания во многом напоминает архитектуру Георгиевского собора Выдубецкого монастыря в Киеве. И тут и там грани объемов подчеркнуты угловыми пилястрами со своеобразными волютами обратного выгиба.

Постройки городов Стародуба и Глухова имеют много общих черт и образуют одну типологическую группу. Это подтверждается сравнением двух рассматриваемых стародубских церквей с Петропавловским собором Глуховского монастыря, имеющим аналогичное с ними плановое решение: квадратный притвор, восьмигранный главный объем и шестиугольная апсида. Пропорции его более стройны, чем в Рождественском соборе Стародуба. Собор Петропавловского монастыря был построен в 1695—1696 гг. «записным государским мастером каменного дела Матвеем Ефимовичем».

Дальнейший анализ построек этого типа приводит нас к сохранившейся в г. Глухове — столице Украины в XVIII в. — церкви Николая (1696). Это здание оригинальной архитектуры с изысканными пропорциями и стройным силуэтом также имело трехкупольное завершение (вместо западного притвора в XIX в. была возведена колокольня).

Необходимо отметить еще два сооружения этой группы. Двухэтажный трехкамерный Воскресенский собор в Сумах (1703), отличающийся своим декором типично русского рисунка — оконными наличниками и пучками полуколонок на углах здания, и второе — Харьковский Покровский собор (1689) — подлинная жемчужина среди украинских трехкупольных высотных построек, в котором с поразительной органичностью сочетаются украинские и русские архитектурные традиции. По пропорциям и силуэту Покровский собор — типичная «трехбанная» — трехкупольная украинская церковь. Но если наружные объемы здания выдержаны в традиционном национальном характере, то его план решен по-новому — разные по назначению части — церковь, колокольня и трапезная — объединены в единую композицию.

Несколько в стороне от рассмотренных композиционных схем стоит церковь Ильи в городе Коропе, Черниговской области. Это редкий пример сочетания церкви-крепости с массивной башней явно оборонного характера.

Самобытностью отличается группа украинских памятников с крестообразным планом. Условно их можно назвать пятикамерными, это четыре апсиды и подкупольное пространство. В ряде случаев между ветвями креста можно видеть еще по одной небольшой камере. В плане такое здание воспринимается девятикамерным, хотя эти добавочные камеры обычно гораздо ниже основного объема. Такого рода крестообразные схемы были на Украине излюбленными потому, что они отвечали стремлению местных зодчих к симметричной композиции зданий с равноценными фасадами, выгодными для размещения здания на открытых, хорошо обозреваемых со всех сторон местах.

Развитый крестообразный план помимо своей практической целесообразности отличается и большой художественной выразительностью. Бесстолпная система удобна тем, что позволяет создавать просторное,

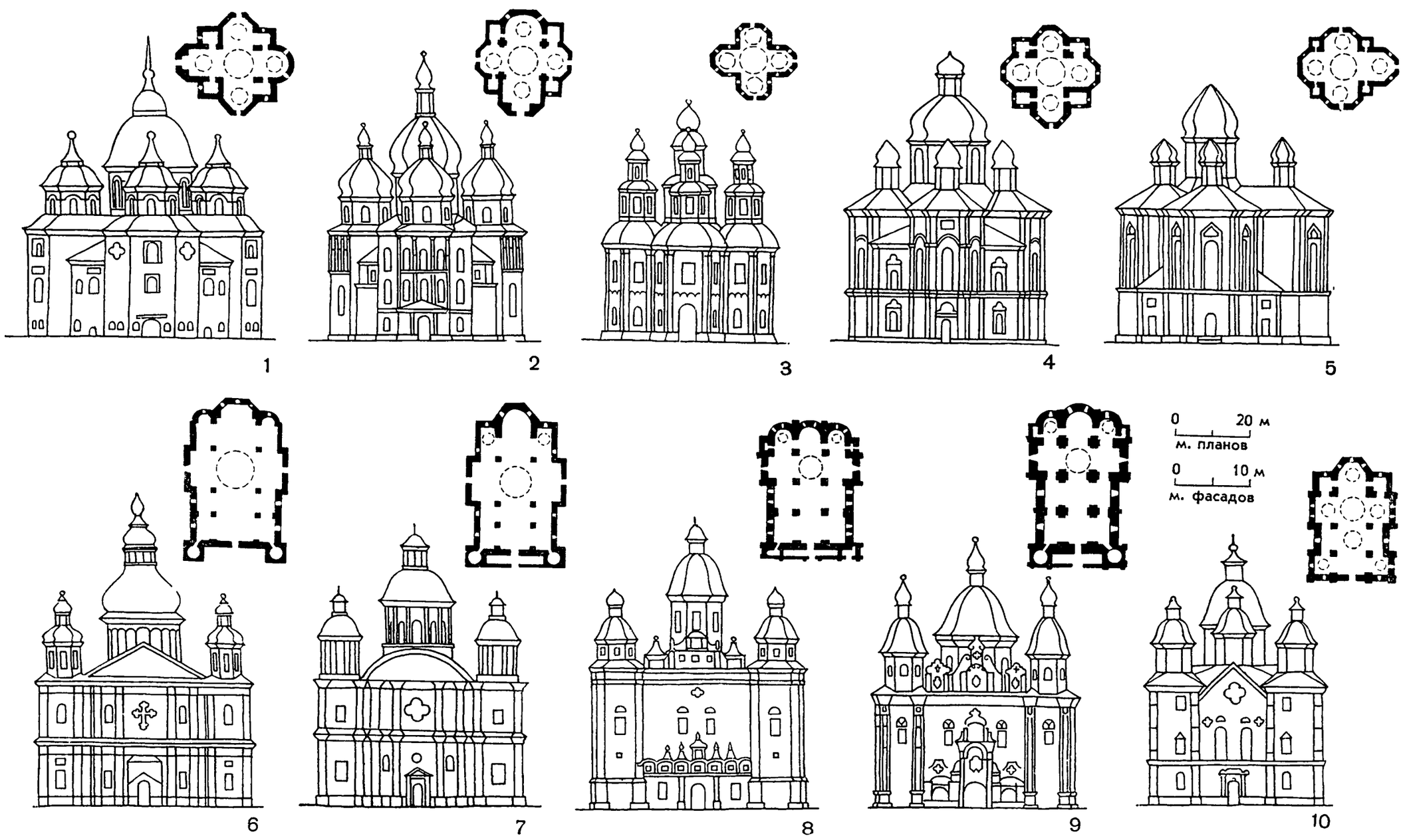
хорошо обозреваемое и отлично освещенное внутреннее пространство; самое же главное — в ясности конструктивной схемы, легко выполнимой в строительстве. Все здания этой группы были построены на протяжении сравнительно короткого срока — с 1680 по 1730 г.

Наиболее раннее пятикупольное крестообразное сооружение — Николаевский собор в Нежине (1669, рис. 14,*1*). Возможно, что именно он служил прототипом подобных церквей. Основные массы памятника сгруппированы в компактный объем, габариты которого вписываются в равносторонний треугольник. Это достигнуто за счет понижения высоты угловых объемов против основного массива. Пирамидальность композиции подчеркивается ступенчатым размещением барабанов и куполов.

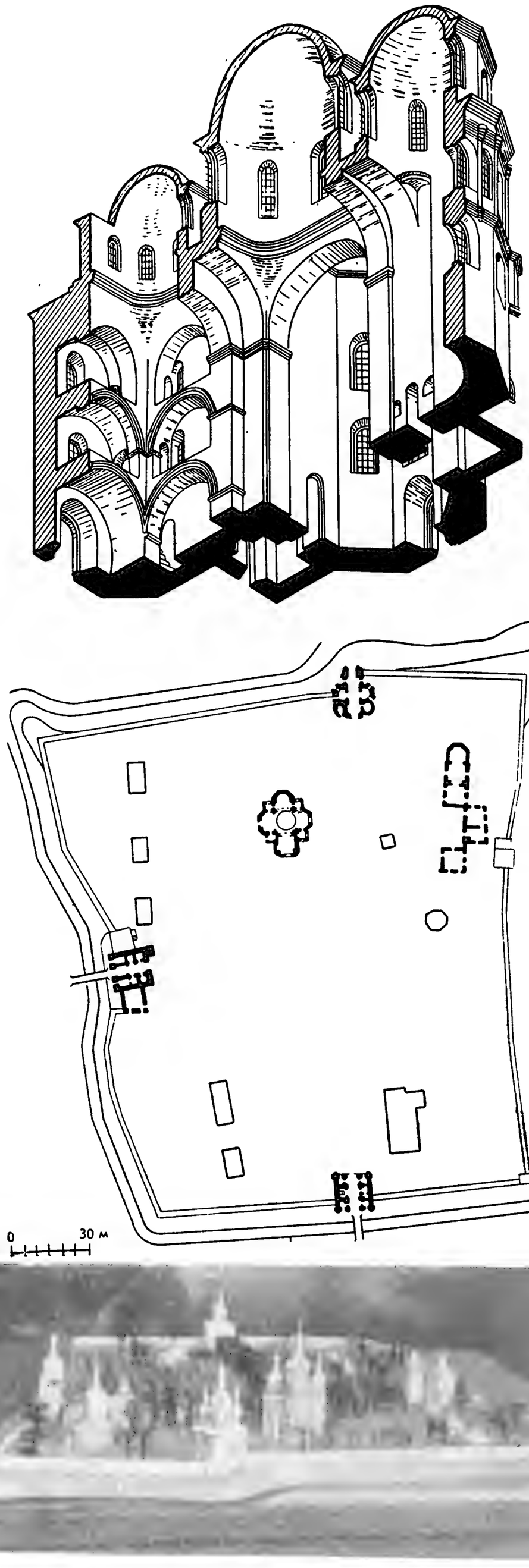
Интересен собор Благовещенского монастыря в Нежине. Он строился в 1705 г. известным московским зодчим Григорием Устиновым по заказу духовного деятеля петровского времени Стефана Яворского. Архитектура здания сохраняет традиции украинской архитектуры — оно центрично и «всефасадно», но в то же время его пятиглавие скомпоновано по-московски: четыре дополнительных купола поставлены по углам. В плане они имеют овальную форму. Архитектура здания в целом является своеобразным сплавом русских и украинских строительных приемов.

Типичный памятник рассматриваемой группы — пятикупольный Спасский собор в Изюме (1684, рис. 14,*3*). Здесь четко выражены симметрия, пирамидальность силуэта и пятичленность плана. Столь же интересен второй памятник этой группы — Троицкий собор Густынского монастыря (1676, рис. 14,*2*; 15; 16). Не будет преувеличенной оценка его как одного из лучших произведений украинской архитектуры XVII в.

Для истории украинской архитектуры ансамбль Густынского монастыря особенно замечателен тем, что в нем интересны и ре-



14. Церкви конца XVII — первой четверти XVIII в. *1* — Нежин, Николаевский собор; *2* — Густынский монастырь, Троицкий собор; *3* — Изюм, Преображенский собор; *4* — с. Лютеньки (Полтавской обл.), Успенская церковь; *5* — Новгород-Северский, Успенский собор; *6* — Чернигов, Троицкий монастырь, собор; *7* — Мгарский монастырь (Полтавской обл.), собор; *8* — Киев, Никольский собор; *9* — Киев, Братский монастырь, собор; *10* — Полтава, Крестовоздвиженский монастырь, собор



15—16. Густынский монастырь (Черниговской обл.), Троицкий собор, аксонометрический разрез, генеральный план; макет

шение комплекса в целом, и архитектура каждого здания. Интересна и история его строительства, связанная с именами выдающихся людей и замечательными событиями в истории украинского народа [1].

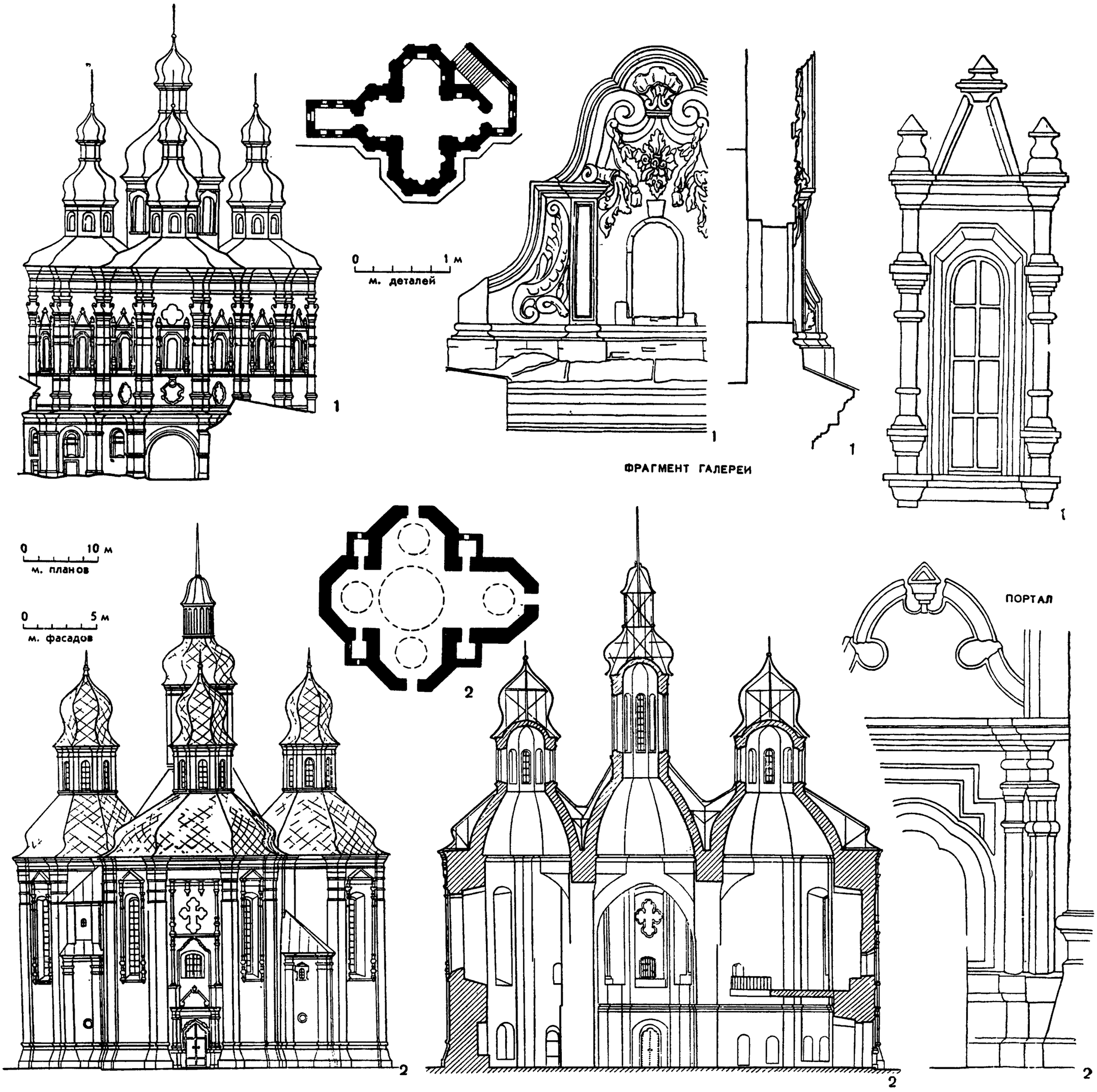
Особенно интересен интерьер собора, напоминающий театральный зал с ярусами лож своими тремя ярусами ниш в западной, южной и северной стороне притвора. Архитектура этого выдающегося комплекса не смогла не оказать заметного влияния на последующее строительство. Черты этой архитектуры заметны в зданиях Максаковского и Крупицко-Батуринского монастырей. Влияние Густынского собора заметно и в Спасском соборе в Прилуках (1716).

Прекрасную группу памятников этого же типа составляют: церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (1698, рис. 17, *1*; 19), церковь в с. Лютеньках, Полтавской области (1686, рис. 14, *4*), Георгиевский собор Выдубецкого монастыря в Киеве (1701, рис. 20), Успенский собор в Новгороде-Северском (конец XVII в.), Екатерининская церковь в Чернигове (1715, рис. 18) и церковь в с. Сорочинцах (1732). Объемно-плановое решение этих зданий в принципе является одинаковым, но каждое из них имеет свои особенности.

Собор Выдубецкого монастыря и церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры поражают изысканностью и богатством пластического убранства, придающего мажорное, приподнято-торжественное звучание их архитектуре. Каждая грань этих сооружений отмечена сильно раскрепованными угловыми пилястрами с оригинальными капителями. Рисунок оконных наличников роднит их с Екатерининской церковью в Чернигове, где с неменьшим мастерством выполнены эти детали. Белый цвет стен, передающий целую гамму разнообразных оттенков, в зависимости от окружения и освещения, богатство архитектурных форм наделяют неповторимым очарованием эти памятники, отмеченные подлинной национальной самобытностью.

Достопримечательностью Сорочинской церкви является своеобразный декор ее фасадов, выполненный в духе народного твор-

[1] «Фундатором» дошедших до нас каменных построек был гетман Самойлович. Еще в конце XVII века была составлена и дошла до нас летопись Густынского монастыря, в которой подробно излагается история строительства его зданий.



17. *1* — Киево-Печерская лавра, церковь Всех Святых на Экономических воротах; *2* — Чернигов, Екатерининская церковь, 1715 г.

чества. Здесь и стилизованные изображения образцов местной флоры, и народных вышивок, и порезок по дереву.

Дальнейший шаг в развитии этой композиционной темы можно видеть в архитектуре Вознесенского собора в Переяславе (1700). Четыре добавочные камеры созданы здесь за счет трехъярусных лоджий, являющихся развитием подобного приема, отмеченного в Густынском Троицком соборе (см. рис. 14, *2*), но здесь такие лоджии сделаны и в восточной части здания. С помощью этого приема зрительно увеличивается высота помещения и обогащается архитектура интерьера.

Интересным представителем этого же типа сооружений является однокупольная церковь в с. Седневе (1690, рис. 12, *2*). Глав-

18. Чернигов, Екатерининская церковь, 1715 г.

ная особенность седневской церкви заключается в своеобразной компоновке объемов. Мощный центральный купол доминирует над центром крестообразной композиции. Таким образом, крестообразный характер здания здесь четко выявлен и легко воспринимается как в плане, так и в объемах изнутри и снаружи.

Приведенные примеры говорят о том, что в течение XVII столетия в монументальном культовом зодчестве Левобережья и Киева развиваются параллельно несколько типов церквей: трехчастные — одно- и трехкупольные, а также и пятикамерные — одно- и пятикупольные. В тех же хронологических границах существуют еще два вида культовых зданий: трехкупольные и многокупольные храмы с прямоугольным планом, с внутренними столбами. Оригинальным комбинированным типом храма такого рода являются кубовидные здания, по древней традиции увенчанные тремя куполами, — собор в Ромнах (1689) и собор Фроловского монастыря в Киеве (1732).

Собор в Ромнах по своей объемно-плановой структуре отличается от всех рассмотренных ранее примеров. Если там трехкупольные завершения вырастают на расчлененном массиве, то в данном случае внешне — это монолит. Гладь его фасадов нарушается лишь пилястрами и двумя рядами окон с простыми обрамлениями. План сооружения, имеющий прямоугольные внешние очертания, внутри приобретает крестообразные членения за счет четырех опорных столбов. Собор в Ромнах открывает новую страницу в типологическом развитии монументальной архитектуры Украины.

Дальнейшим развитием этого типа служат многокупольные (обычно пятикупольные) здания с прямоугольным планом. Причем основной объем здания занимает не вертикальное положение, как прежде, а горизонтальное. Планы этих сооружений сходны с планами западноевропейских базилик. Вместе с тем в них возрождаются традиции величественных многостолпных соборов Киевской Руси. Реставрация древнерусских храмов, предпринятая в первой половине XVII в., не могла не вызвать общественного интереса к этим работам, оказавшим немалое влияние на творчество украинских зодчих.

Старейшим зданием подобного рода является собор Троицкого монастыря в Чернигове (рис. 13, *6*; 21), оконченный строительством в 1679 г.* Средний карниз четко делит массив здания по горизонтали на две части, что не применялось в крестообразных зданиях. Западный фасад фланкируется двумя выступами, увенчанными восьмигранными барабанами и куполами. Внутри этих башен размещены лестницы на хоры. В предшествующих зданиях интерьер обычно решался просто, никаких декоративных украшений не было, за исключением резного иконостаса. Тут мы видим обильную лепку и живопись. В архитектуре этого здания заложены принципы, отличные от тех, которые известны по памятникам других типов. План более развит, интерьер сложнее, хотя наружный объем здания решен компактно и цельно.

Почти одновременно с Троицким собором около г. Лубны был построен главный собор Мгарского монастыря (1692, рис. 14, *7*). Объемно-плановое построение собора идентично черниговскому. Его достопримечательность — лепные украшения, особенно богатые на фасадах, были выполнены в 30—40-х гг. XVIII в. Сохранились документы, освещающие это строительство. «Майстер Мурарски, бысть немец из Вильни, зовомый Иван Баптиста», не достроив собор, умер, при нем каменные работы были выполнены наполовину. Строительство собора завершилось по договору мастером Афанасием Пирятинским (очевидно, уроженцем г. Пирятина), а плотничьи работы вел «тесельский майстер» — Демьян Ворона. Следует заметить, что Баптиста имел в качестве подмастерья Мартына Томашевского.

Мгарский собор по сравнению с Троицким более собран. Его внутреннее пространство, устремленное вверх, теряет базиликальный характер; боковые нефы выражены слабо, к тому же они здесь двухъярусные, а не трехъярусные, как в Черниговском Троицком соборе.

План собора Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве (1709) трудно отличить от плана Мгарского собора, но в их объемном решении и декоративной обработке имеются существенные различия. Это единственно сохранившееся на Украине семикупольное здание такого рода. Расположение этих куполов в плане сочетает украинское

---

* Авторство этого здания приписывалось Адаму Зерникау. Однако сопоставление даты постройки собора и времени пребывания Зерникау на Украине не подтверждает этого.

19. Киев. Печерская лавра. Церковь на Экономических воротах. Фрагмент (фото Г. Н. Логвина)

крестообразное пятиглавие с двумя башнями с западной стороны, как это делалось в памятниках Киевской Руси (см. рис. 14, *10*).

В пластической обработке Черниговского и Мгарского соборов отражено влияние классической архитектуры. В соборе Крестовоздвиженского монастыря этого нет. По горизонтали здание лишь слегка разделено узким карнизом на две неравные части. Угловые пилястры расчленены по длине своеобразными жгутами, как это было в храмах Стародуба и Глухова. Своеобразием отличаются оконные проемы и их декоративное обрамление. Здесь применено несколько типов окон — от квадратных до сильно вытянутых; рисунок наличников и порталов также разнообразен и чрезвычайно живописен.

Полтавский собор был начат строительством, когда были закончены первые два собора. Его строители, приняв за основу их плановое решение, в композиции объемов и в деталях отходят от ренессансно-барочных приемов и продолжают линию самобытной национальной архитектуры.

Таким образом, появление храмов нового типа не изменило развития традиционных приемов; этот новый тип вскоре стал трансформироваться под воздействием местных строительных традиций, особенно проявившихся в архитектуре собора Гамалеевского

20. Киев. Выдубецкий монастырь. Георгиевский собор (слева), трапезная (в глубине), XVII—XVIII вв. (фото М. П. Цапенко)

монастыря (1735). Строивший его зодчий не только изменил по сравнению с Черниговским прототипом объемную композицию, но и по-своему сделал фасады. Для Черниговского и Мгарского соборов характерны четкие горизонтальные членения и ренессансные детали. В соборе Гамалеевского монастыря горизонтальные членения отсутствуют, а имеющиеся по углам выступы лишь подчеркивают вертикальную композицию собора, следуя традициям украинского зодчества.

В конце XVII в. было построено еще два здания подобного рода — собор Никольского монастыря (1689), переименованный в XIX в. в Военно-Никольский (рис. 14, *8*; 22) и собор Братского монастыря (1693, рис. 14, *9*) в Киеве. Автором этих зданий был московский зодчий Осип Старцев — один из первых крупных русских зодчих, строивших на Украине.

Киево-Братский монастырь был главным центром знаменитых братств — культурно-просветительных организаций на Украине, морально возглавлявших национально-освободительную борьбу. Этот монастырь, как и Никольский, принадлежал к числу тех, к которым запорожское казачество и его руководители питали особую привязанность и которые они всячески опекали. В архитектуре этих мощных, величественных сооружений нашли воплощение национальное самосознание и торжество народа, победоносно завершившего национально-освободительную борьбу.

После бурных лет борьбы за независимость наступила относительно мирная пора, принесшая расцвет материальной и духовной культуры, сравнительный достаток в народных низах, изобилие и роскошь в верхах. Идеалами силы, величия и героизма была насыщена нравственная атмосфера того времени. Все это требовало новых архитектурных образов, отличающихся импозантностью, представительностью. Ответом на это требование был Никольский собор — могучий, лаконичный, лишенный элементов дешевой красивости (рис. 22).

В Братском соборе Старцев сохраняет угловые пилястры, а в Никольском заменяет их полуколоннами на высоких пьедесталах, зрительно поддерживающими карниз с фризом. Так в строительстве Приднепровской Украины появился ордер. Осип Старцев, взяв за образец украинские здания, создал произведения в духе местных

21. Чернигов. Троицкий монастырь. Собор. Вид с запада

22. Киев. Никольский собор

традиций. Крупному московскому архитектору не трудно было понять стиль и постороение украинского зодчества, тем более, что к моменту расцвета его творчества существовал оживленный обмен культурными ценностями между Россией и Украиной.

По-иному, чем в Поднепровье и Левобережье, протекала архитектурно-строительная деятельность в западных землях Украины, находившихся почти до конца XVIII в. под властью шляхетской Польши. В конце XVII — начале XVIII столетия на Правобережье строили мало. Правда, в отдельных магнатских поместьях строительство иногда велось руками заезжих мастеров. Но в целом же экономика этих районов была в состоянии упадка, что препятствовало строительству в крупных масштабах.

Если в восточных частях Украины архитектура была наделена чертами самобытности и яркого своеобразия, то архитектура западных районов выглядит иначе. Колонизаторская политика шляхты, естественно, приводила к подавлению национальной украинской культуры и к распространению западных архитектурных форм. Поскольку шляхта принадлежала к римско-католической церкви, то, естественно, она насаждала распространенные по всей католической Европе формы барочной архитектуры. И сейчас еще на фоне типично украинского пейзажа высятся барочные, с готическими чертами костелы в Виннице, Бердичеве, Меджибоже и других местах. Такие сооружения, как бы сами по себе ни были они значительны, не относятся к сфере украинской национальной архитектуры.

Примеры синтеза архитектуры со скульптурой в практике строительства Левобережья и Поднепровья в XVII — начале XVIII в. крайне немногочисленны. Живопись в архитектуре была более распространена. О монументальной живописи в украинской архитектуре XVII в. довольно много говорится в записках Павла Алеппского; он указывает, что стены почти всех виденных им, в основном деревянных, церквей были внутри покрыты росписями, и сообщает, что в Киеве «среди казацких живописцев есть много искусных мастеров, которые обладают большой изобретательностью ума в изображении людей как они есть». Сочетание народных сочных архитектурных форм с реалистической манерой живописи — таковы отличительные черты этого синтеза. Это можно видеть на примере сохранившейся росписи Троицкой церкви Киево-Печерской лавры. Эта живопись — вполне светская по манере письма, наделена чертами местного национального колорита.

На Украине был распространен прием использования живописи в виде так называемых парсун и колтрин, т. е. портретных изображений на холсте, коже и дереве, помещаемых в зданиях общественного назначения, в том числе культовых. Известно, что в несуществующей субботовской церкви, в которой был похоронен погибший в бою сын Хмельницкого Тимофей, висел портрет последнего. Портрет самого Богдана Хмельницкого после его смерти находился в Ильинской церкви в Субботове, где он был похоронен.

В XVII—XVIII вв. украинские зодчие создали множество иконостасов, являющихся настоящими произведениями искусства. Особенно замечательными были иконостасы в Елецком и Троицком соборах в Чернигове, Софийском, Никольском, Братском и Лаврском соборах в Киеве, а также Сорочинской, Лютенской, Роменской и других церквах.

В XVII в. и примерно в первой трети XVIII в. декоративное убранство фасадов выполнялось в кирпиче. Декорирование плоскостей и объемов с помощью лепки получает распространение с 30-х гг. XVIII в. и достигает очень высокого художественного уровня.

* * *

Из обзора украинской архитектуры второй половины XVII — начала XVIII в. видно, что украинские зодчие, развивая накопившиеся веками традиции, с большим мастерством создавали новые типы зданий, исполненные национального своеобразия. Украинской архитектуре того времени не было чуждо и западноевропейское зодчество, приемы которого осваивались применительно к местным условиям. В этом процессе обновления и совершенствования зодчества особая роль принадлежит взаимному контакту с русской архитектурой, благотворное влияние которой очевидно.

ГЛАВА 4

АРХИТЕКТУРА 20—80-х гг. XVIII в.

Начавшееся при Петре I формирование могущественной Российской империи сопровождалось постепенным объединением Украины с Россией и ликвидацией остатков украинского старшинского «автономизма».

Тесное единение украинского народа с русским имело большое значение для развития культурной жизни Украины. Начавшееся в Петровскую эпоху новое направление в развитии русской архитектуры, характеризующееся большим размахом строительства административных, военных и производственных зданий, широким использованием элементов классической ордерной системы, оказало влияние и на архитектуру Украины.

Дворянство и духовная знать, особенно Елизаветинского времени, уже не довольствуется скромными по размерам и по убранству деревянными или каменными жилыми домами XVII — начала XVIII в. В планировке и отделке дворцов проявляется стремление к показной парадности. Дворец не мыслится без длинной анфилады богато украшенных помещений. Это новшество в большей мере проявилось в светском строительстве, чем в монастырском, придерживающемся консервативных взглядов. К тому же церковь в это время уже потеряла свое ведущее положение в культурной жизни, особенно после упразднения Петром I патриаршества.

Богатство архитектурных форм и пышная отделка помещений в той или иной степени были свойственны всем монументальным постройкам на Украине в XVIII в. Однако архитектура отдельных территорий Украины в силу разных исторических условий имела свои местные особенности.

В архитектуре Киева, Левобережья и Слобожанщины продолжали развиваться традиции монументального зодчества и декоративного искусства XVI—XVII вв., сложившиеся под влиянием народного искусства. В развитии этой архитектуры в XVIII в. большую роль сыграли русские мастера, работавшие на Украине (И. Шедель, В. Растрелли, И. Мичурин, И. Неелов и Андрей Квасов).

Иная обстановка сложилась на западе Украины. Правобережье и Галиция до конца XVIII в. находились под властью шляхетской Польши, где феодальная анархия и произвол магнатов тормозили экономическое развитие страны. После высокого расцвета архитектуры Львова и других городов западных земель Украины во второй половине XVI — начале XVII в. наступила пора затишья в строительстве, и только во второй половине XVIII в. был построен ряд выдающихся зданий, отразивших большое влияние польского барокко. В течение XVIII в. Львов, как и Варшава и Вильно, был центром сосредоточения художественных течений, что заметно отразилось на развитии архитектуры его и связанных с ним городов. В то же время в отдельных наиболее богатых польских поместьях осуществлялось крупное строительство. Во дворцах и костелах, возводимых в это время, насаждалась архитектура, отличная от местных традиций. Пренебрегая не только украинской, но и польской национальной культурой, для строительства наиболее зна-

чительных сооружений привлекались французские и итальянские архитекторы и инженеры.

Подъем экономической и культурной жизни на Левобережье и в Киеве после воссоединения Украины с Россией и приток населения в эти районы явились предпосылкой для интенсивного развития городов и сел на основе сложившихся ранее укрепленных поселений со сложной системой узких улиц и площадей. Застройка городов была свободной, с большим количеством зелени, и состояла преимущественно из деревянных зданий.

В XVIII в. был завершен процесс формирования крупных архитектурных комплексов. Своеобразные черты ансамблевой застройки этих комплексов характеризуются новым пониманием связи зданий с природой и наличием в ансамбле сооружений высотной композиции.

Монастыри, расположенные на возвышенных местах, занимали господствующее положение по отношению к окружающей местности и раскрывались для обозрения издалека. Построенные в XVIII в. высокие колокольни и купола церквей, видные на десятки километров, служили ориентиром, отличались богатством силуэта. Предпринимались сложные строительные работы для создания террас на возвышенностях, где располагался храм и откуда открывались живописные виды на окружающую местность. Равнинное же расположение комплексов благоприятствовало устройству монастырских стен правильной конфигурации, приближающейся к прямоугольнику.

Наряду с развитием этих местных особенностей можно видеть, как в XVIII в. петербургские и московские приемы строительства дворцов со службами и регулярными парками переносятся на Украину.

Хотя дворцовые комплексы не имели большого градостроительного значения, но в их планировочно-композиционных приемах намечались новые градостроительные идеи. Композиция дворца, служб и парка подчинена оси симметрии, а решение всего комплекса и даже города подчинено расположению дворца.

Таким образом, в XVIII в. симметричность композиции зданий и комплексов постепенно вводится в практику планировки и застройки украинских городов; к концу же XVIII столетия она получила развитие при строительстве новых городов на юге и крупных усадеб на востоке Украины.

В XVIII в. в некоторых городах и селах Украины зарождается новый тип промышленных зданий, впоследствии приобретший важное градостроительное значение. Известно, что в XVIII в. Украина славилась производством железа, поташа, пороха, стекла; успешно развивается суконная и парусно-полотняная мануфактура, для наиболее крупных предприятий строились специальные здания. Однако все эти здания бесследно исчезли, и не имеется возможности остановиться на их рассмотрении.

В XVIII в. Украина сделала значительный шаг вперед в развитии строительной техники. После краткого перерыва, вызванного запрещением Петра I «всякого каменного строения», строительство из кирпича возобновилось в больших масштабах на Левобережье и в Киеве. Это новое строительство отмечено не столько разработкой новых объемно-пространственных композиций, сколько совершенствованием известных уже конструктивных систем и улучшением качества кирпича и кирпичной кладки.

Развитие кирпичного строительства вызвало изменение размеров кирпича и приемов кладки. Крупный брусковый кирпич XVI — XVII вв. постепенно заменяется кирпичом меньших размеров.

Применение классического ордера в постройках Украины середины XVIII в. потребовало новых материалов и конструкций для осуществления больших выносов карнизов и изготовления капителей, метоп, триглифов и замковых камней. Для этих целей иногда изготовлялись крупные керамические блоки, соответственно профилям карнизов и капителей; некоторые из них имели размеры $80\times80\times10$ *см* и связывались с кирпичной кладкой металлическими креплениями. Изысканием высококачественных глин и разработкой технологии производства кирпича и керамических блоков занимаются крупнейшие архитекторы того времени — И. Шедель, А. Квасов и др.

Совершенствование строительной техники способствовало появлению новых конструктивных решений. Вместо прежней кладки толстых стен с забуткой в XVIII в. переходят к кладке всей толщи стены из кирпича с более тонким швом, что уменьшало последующую ее осадку и избавляло от закладки внутрь стены деревянных связей. Отделка стен штукатуркой и профилирован-

ными тягами способствовала повышению мастерства штукатурных и лепных работ. Геометрическая правильность очертаний зданий, четкость углов и вертикальность стен даже в самых сложных по конфигурации зданиях середины XVIII столетия говорят о совершенстве методов разбивки зданий и их возведения.

Крупный масштаб некоторых построек XVIII в. требовал решения сложных инженерных задач. Так, сооружение самой высокой для того времени в России Лаврской колокольни (96 *м*) потребовало устройства сложных ребристых фундаментов из камня глубиной до 13 *м* и диаметром 32 *м*. Возведение колокольни и других зданий Киево-Печерской лавры потребовало решения еще одной сложной инженерной задачи — борьбы с оползнями в районе ее расположения. Это заставило русских инженеров Дебоскета и Голикова построить на откосах правого берега Днепра мощные подпорные стенки, сдерживающие движение грунта до сего времени. С технической стороны большой интерес представляет сооружение искусственных террас Андреевского собора и Печерской лавры в Киеве и соборной церкви в Почаеве, береговых устоев при сооружении моста в Глухове, а также водопровода в Киеве.

В западных украинских землях в XVIII в., как и прежде, монументальные сооружения возводились большей частью из местного камня, кирпича или же были смешанной конструкции. В XVIII в. явно порываются связи между монументальным зодчеством господствующего класса и народной архитектурой. Монументальные постройки возводятся мастерами-каменщиками, плотниками, лепщиками по детальным чертежам и указаниям архитекторов.

Хотя в XVIII в. на Украине каменное зодчество имело сравнительно большое распространение, но все же основная масса городских построек была деревянной, а небольшие города и села были сплошь застроены деревянными зданиями. Достаточное количество дерева на Украине способствовало развитию деревянного зодчества. И если в жилых постройках творчество народа в условиях классового общества было ограничено рамками быта и скудных средств, то талант народных мастеров ярко проявил себя в постройках культовых. Тут украинские плотники и резчики создавали настоящие шедевры, отличающиеся самобытностью и высокой художественной культурой. Во многих городах и селах в XVIII в. строились деревянные церкви, размеры которых свидетельствовали о значительном развитии техники срубных построек. Так, например, церковь в Лебедине (Сумской области) имела высоту до основания креста 26 *м*, церковь в Ромнах — 28 *м*, а в Березне (Черниговской области, рис. 1) — 34 *м*. Это в 1,5—2 раза больше высоты деревянных церквей XVI—XVII вв.

1. Березна (Черниговской обл.). Вознесенская церковь, 1761 г. (мастер П. Шелудько)

При сооружении крупных деревянных зданий фундаменты нередко делались кирпичными, ленточными. С особой тщательностью делалась пригонка венцов сруба и рубка углов. Народные мастера хорошо знали свойства дерева и так решали конструкцию сруба, что усадка даже самых высоких зданий была равномерной. Наружные стены и крыши покрывались гонтом. В XIX в. гонт на стенах заменялся дощатой обшивкой, а

гонтовые кровли — железными, при этом почти везде уничтожались «опасания», окружавшие здание и защищавшие от сырости нижние венцы сруба.

Своеобразие экономического и культурного развития различных районов Украины способствовало развитию местных архитектурно-строительных приемов, которые особенно проявились в Полесье, горных районах Карпат, Правобережье и Левобережье со Слобожанщиной.

1. АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

Массовая застройка сел и городов Украины в XVIII в. осуществлялась в основном из дерева. Все деревянные здания того времени давно исчезли, и судить о них можно только в самых общих чертах по сохранившимся описаниям и «абрисам», схематично изображающим их план или внешний вид. Крестьянское жилище состояло обычно из сеней и примыкающих к ним одного или двух жилых помещений. Жилье ремесленников и других горожан и мелкой казацкой старшины отличалось от крестьянского бóльшими размерами и количеством помещений, группировавшихся вокруг сеней или светлицы, и внутренней отделкой.

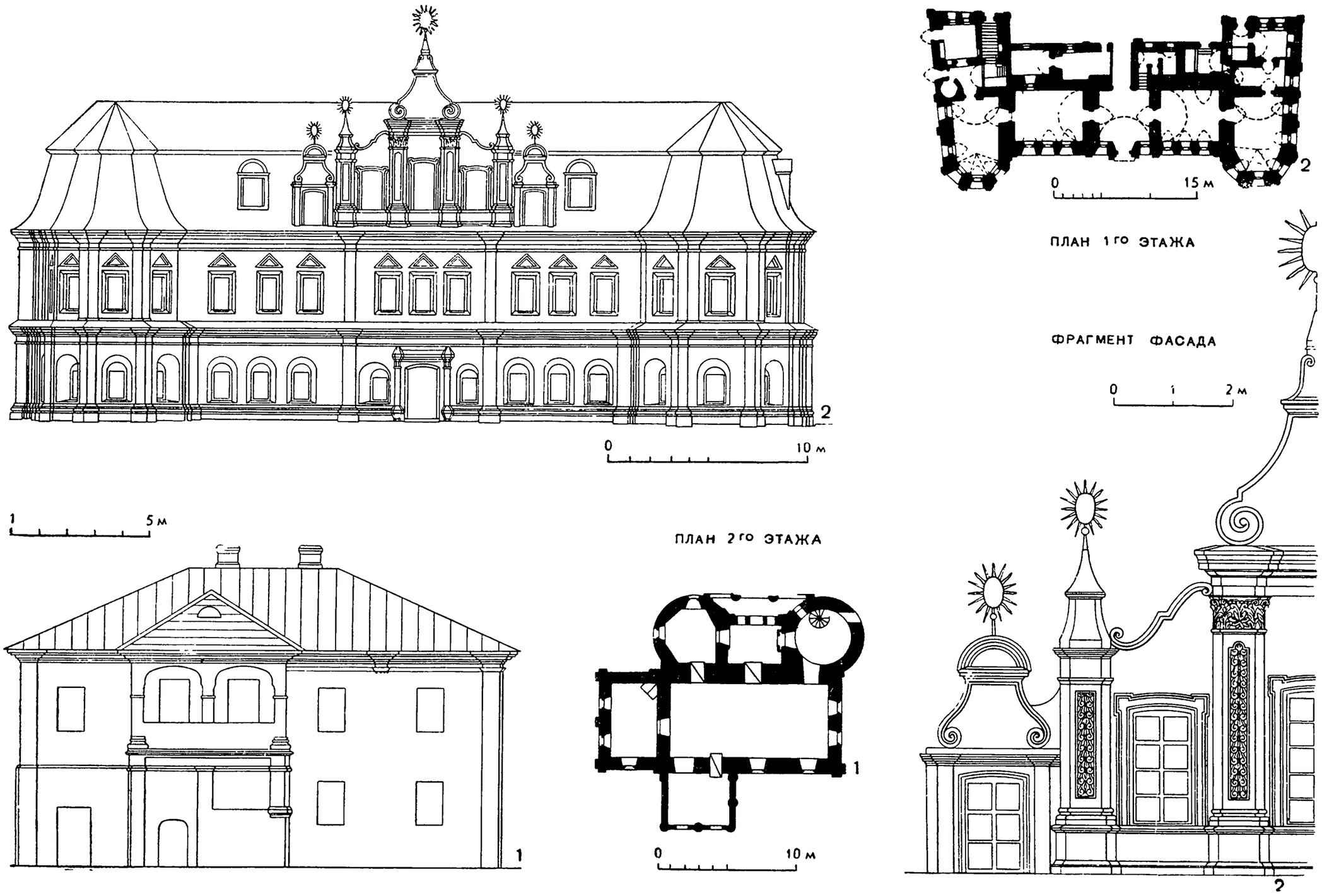
Традиционному плану крестьянской хаты близка планировка каменных монастырских келий, например в Киево-Печерской лавре, Чернигове, Виннице и других городах. Обычно одноэтажный корпус келий состоит из ряда секций, в состав которых входят сени и одно или два жилых помещения по бокам сеней. Каждая секция имеет самостоятельный вход снаружи. Фасад длинного корпуса келий ритмически расчленен широкими лопатками и входами в секции. Этот принцип планировки типичен также почти для всех капитальных жилых и даже учебных зданий первой половины XVIII столетия.

Среди построенных в XVIII в. жилых зданий многие строились десятилетиями, неоднократно перестраивались, как, например, дом Петра I в Киеве на Подоле (рис. 2, *1*) и митрополичий дом близ Софийского собора в Киеве, упоминавшийся в предыдущей главе. Мощные граненые выступы по бокам последнего напоминают пятигранные объемы украинских церквей второй половины XVII в., но сделанное позже венчание центральной части решено в виде изящного барочного фронтона.

С митрополичьим домом композиционно связаны ворота Заборовского. Это — небольшая по размерам, но замечательная по своим архитектурным достоинствам постройка, созданная в 1746 г. архитектором И. Шеделем на средства митрополита Заборовского и названная его именем. Территория собора и митрополичьего дома была ограждена высоким кирпичным забором. Ворота и связанные с ними служебные помещения расположены почти по оси митрополичьего дома с глубоким отступом от Георгиевского переулка, образующего перед воротами площадку в виде трапеции, сужающейся от улицы к воротам. Такая постановка проезда была типична почти для всех монастырских ограждений XVIII в. независимо от того, как оформлялся проезд — колокольней, надвратной церковью или специально построенными воротами. Ворота Заборовского — типичное произведение барокко. По богатству и сочности форм и живописности светотеней это произведение в украинской архитектуре первой половины XVIII в. не имеет себе равных.

И. Шедель построил в Киеве несколько зданий, но только ворота Заборовского и колокольню Софийского собора он украсил замечательным по своей сочности и богатой пластике лепным орнаментом. Этот прием, возможно, послужил образцом подобному декору, появившемуся и на других зданиях (поздние фронтоны Никольского и Братского соборов и барабанов Софийского собора в Киеве, церкви в Мгаре и Барышевке и др.). Особенностью этого орнамента является его невысокий рельеф и отличная проработка деталей. Рисунок ветвей и листьев подчеркнут линиями, имитирующими прожилки стебля и листьев растений. Орнамент подчеркивается цветной окраской обычно в два тона: белые выступающие части на светло-синем, зеленоватом или охристом поле стены. Все это придает стене исключительно богатый вид — ее поверхность напоминает дорогую ткань, шитую золотом и серебром. Впечатление нарядности и богатства отделки зданий усиливалось керамическими вставками, яркой окраской крыш, золочением глав и куполов, умелым сочетанием архитектуры с богатой природой.

Крупнейшей жилой постройкой XVIII в. на Украине можно считать двухэтажное



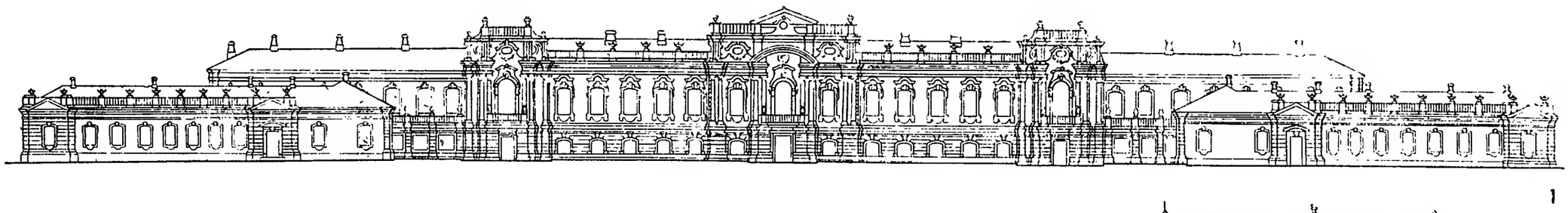
2. Киев. *1* — дом Петра I на Подоле, первая половина XVIII в.; *2* — митрополичий дом на Софийском подворье, XVIII в.

здание бурсы в подворье Софийского собора, построенное в 1763—1767 гг. архитекторами М. Юрасовым и Ф. Поповым: длина его около 108 *м*. Строилось оно как здание монашеских келий, затем было переделано под бурсу, но одно время служило покоями митрополита. Хотя в планировке здания использован старый прием блокирования ячеек из сеней и двух помещений по бокам, но уже видны и новые элементы — коридор во всю длину здания по его оси и два выступа на главном фасаде. Фасад бурсы членится пилястрами, отвечающими внутренним поперечным стенам. Крыша здания имеет «залом», типичный для высоких крыш XVIII в.

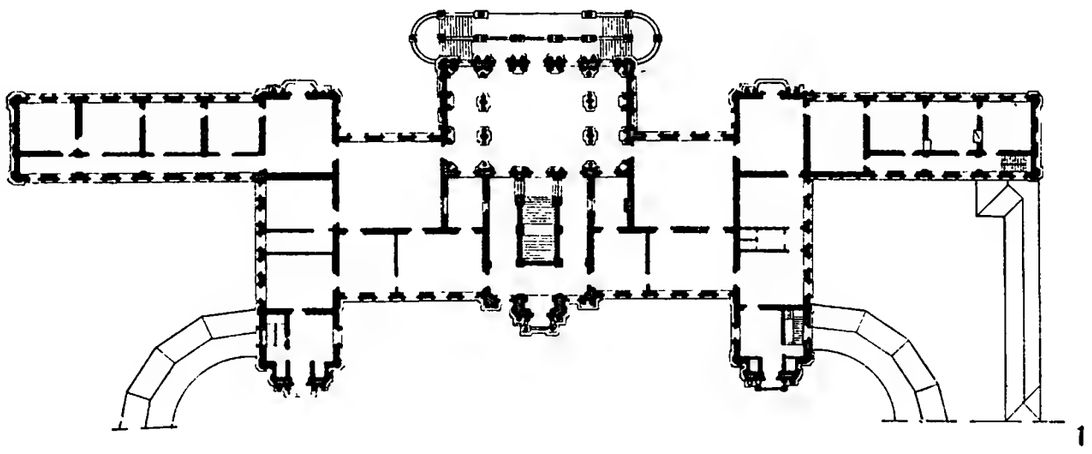
В развитии городских жилых домов прогрессивную роль сыграли дома-«близнецы» в Кременце, купеческий дом в Нежине и др. Дома в Кременце отличаются четкостью планировки и простотой объема. В них видны уже основные черты городского многоэтажного секционного дома со внутренними лестницами, получившего развитие в строительстве XIX в.

Наряду с такими сооружениями, как дом Петра I и митрополичий дом в Софийском подворье в Киеве, на Украине были построены здания, отразившие значительные изменения в архитектуре резиденций крупных светских и духовных магнатов.

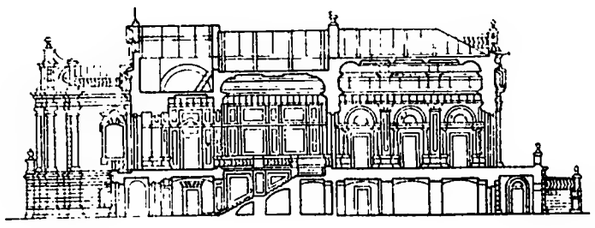
Еще со второй половины XVII в. некоторые дворцы Польши стали строиться по оси симметрии, объединяющей парадный двор и парк (дворец Вилянув около Варшавы). Это новшество в начале XVIII в. распространяется и на украинские земли. Одно из первых сооружений этого типа — дворец Вишневецкого в Вишневце, построенный между 1731 и 1744 гг. (рис. 3, *3*). П-образное в плане двухэтажное здание дворца и связанные с ним службы строго симметрично расположены вокруг внутреннего парадного двора, имеющего три проезда по продольной и поперечной оси. По центральной продольной оси на главном фасаде дворца



1



1



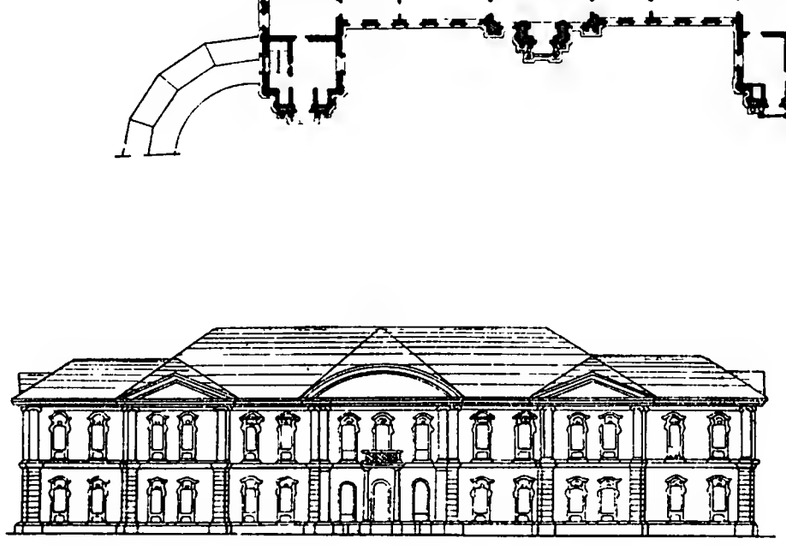
1

0 10 20 м

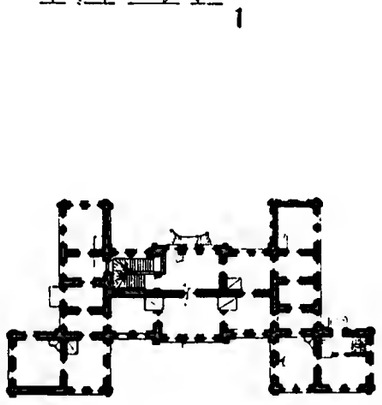
м. фасадов и разреза

0 20 40 м

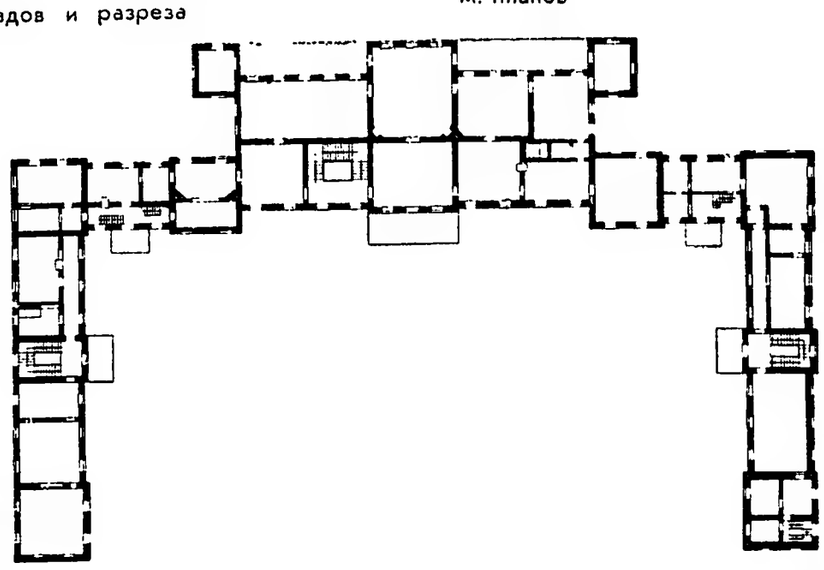
м. планов



2



2



3

3—4. Киев. *1* — царский дворец, 1752—1755 гг., арх. И. Мичурин, — фасад, разрез и план 2-го этажа; *2* — Кловский дворец, 1754—1758 гг., архитекторы П. Неелов и С. Ковнир, — фасад и план 1-го этажа; *3* — Вишневец, Тернопольской обл., дворец Вишневецких, 1731—1744 гг., план 1-го этажа

расположены парадный вход и вестибюль, подчеркнутые выступом с фронтоном и портиком; этой же оси подчинена и композиция парка.

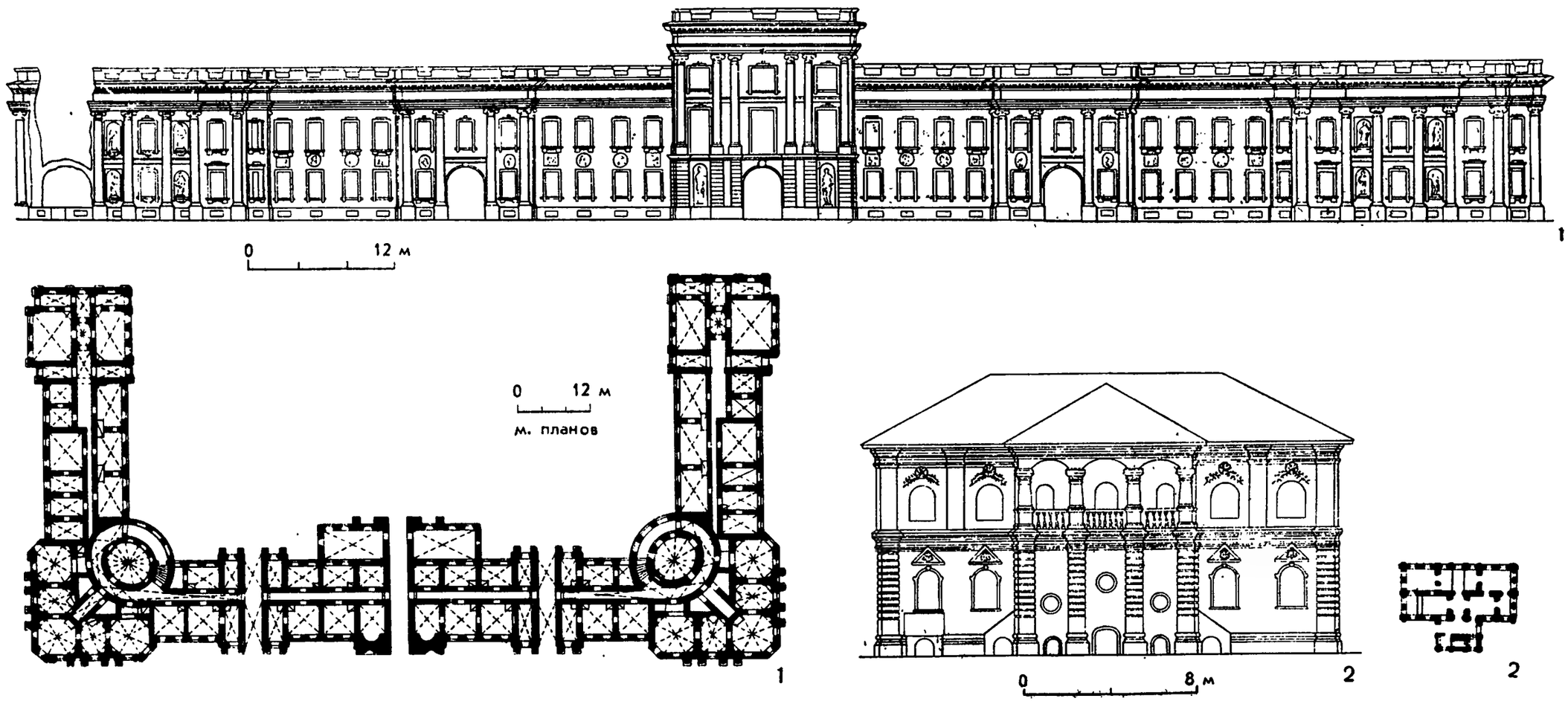
Несколько позже Вишневецкого дворца были построены дворцы — царский (1752—1755, арх. И. Мичурин, рис. 3—4, *1*) и Кловский (1754—1758, арх. П. Неелов и С. Ковнир, рис. 3—4, *2*) в Киеве. В отличие от Вишневецкого композиция киевских дворцов менее строга. Хотя в общей композиции этих дворцов можно обнаружить некоторое сходство, в их архитектуре имеется существенное различие.

Общим для этих дворцов является двухрядное расположение помещений в центральной части и удачное размещение входа и лестницы. Но архитектура Кловского дворца решена сдержанно, в духе небольших зданий Петербурга петровского времени. Архитектура же царского дворца, построенного по образцу дворца в Перове арх. Растрелли (дворец не сохранился), отличается богатством форм, а его террасы органически связывают здание с парком. Здание царского дворца сильно переделано. Проект дворца Разумовского в Глухове, составленный позже арх. Квасовым, напоминает царский дворец в Киеве.

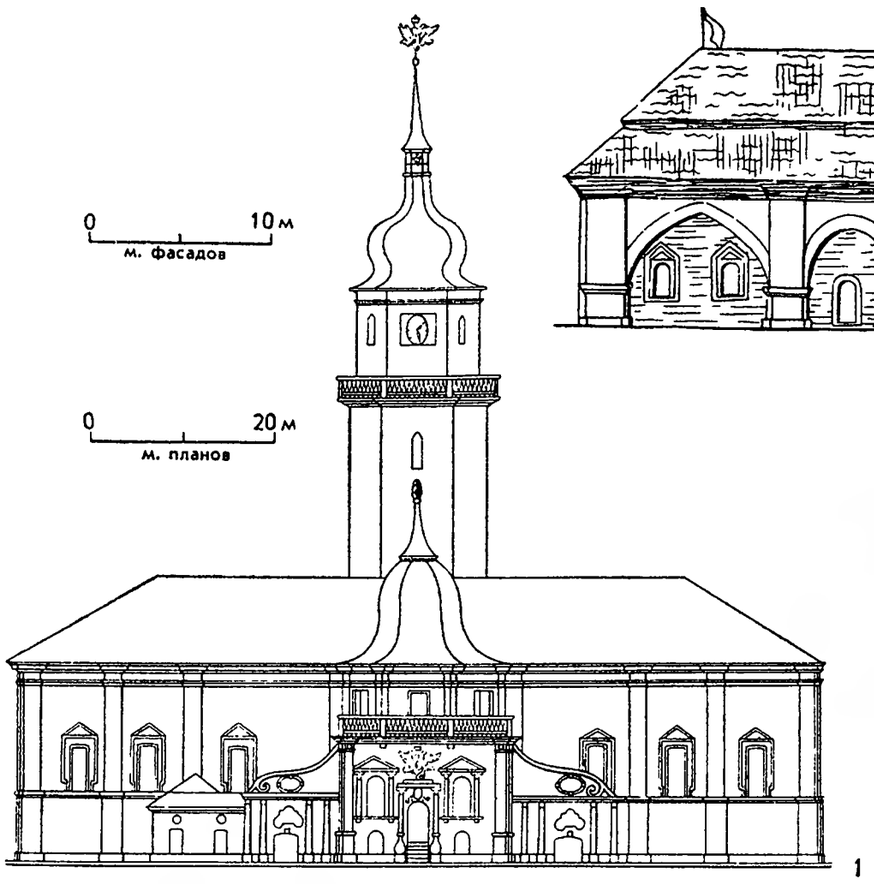
Важным этапом в развитии типа дворцово-административных зданий на Украине было строительство в 1768—1782 гг. здания Малороссийской коллегии в Глухове по проекту А. Квасова (рис. 5,*1*). Это было крупное трехэтажное здание П-образной формы с угловыми ризалитами и выступами по бокам центрального проезда. Для каждой административной единицы в здании была выделена группа помещений с коридорной планировкой, образующая изолированный отсек. По углам здания были расположены многоугольные залы, перекрытые сводами. Пилястры и полуколонны членили его фасад. Здание было разобрано в XIX в.

Автор здания коллегии А. Квасов много сделал для развития украинской архитектуры. Начало его работы на Украине относится к 1748 г., когда он был направлен в Козелец для строительства дворца Разумовских и собора. Андрей Квасов работал на Украине над крупными ансамблевыми композициями. Сохранились выполненные им эскизы планировки кварталов Глухова, где находилась резиденция гетмана Украины, и эскиз торговых рядов с аркадой в первом этаже. Предполагается участие Квасова в создании колокольни Козелецкого собора. Много сделал А. Квасов по воспитанию мастеров-зодчих на Украине.

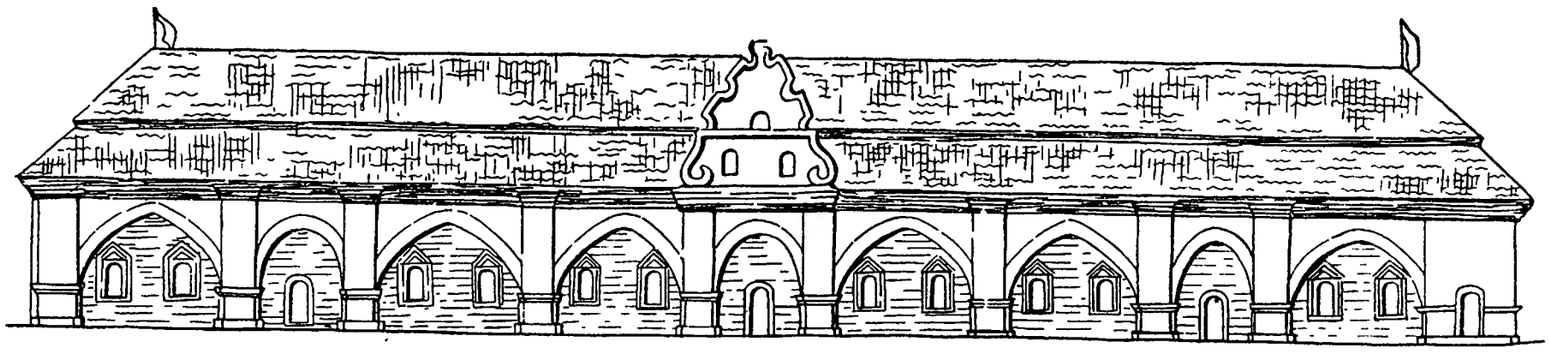
Украинская архитектура XVIII в. обогатилась несколькими сооружениями нового типа — учебными заведениями и зданиями городского самоуправления. Главнейшие из них Духовная академия в Киеве, Ковниров-



5. *1* — Глухов (Сумской обл.), Малороссийская коллегия, 1768—1782 гг., арх. А. Квасов, — фасад и план 1-го этажа; *2* — Козелец (Черниговской обл.), магистрат, около 1765 г., арх. И. Григорович-Барский, — фасад и план 1-го этажа

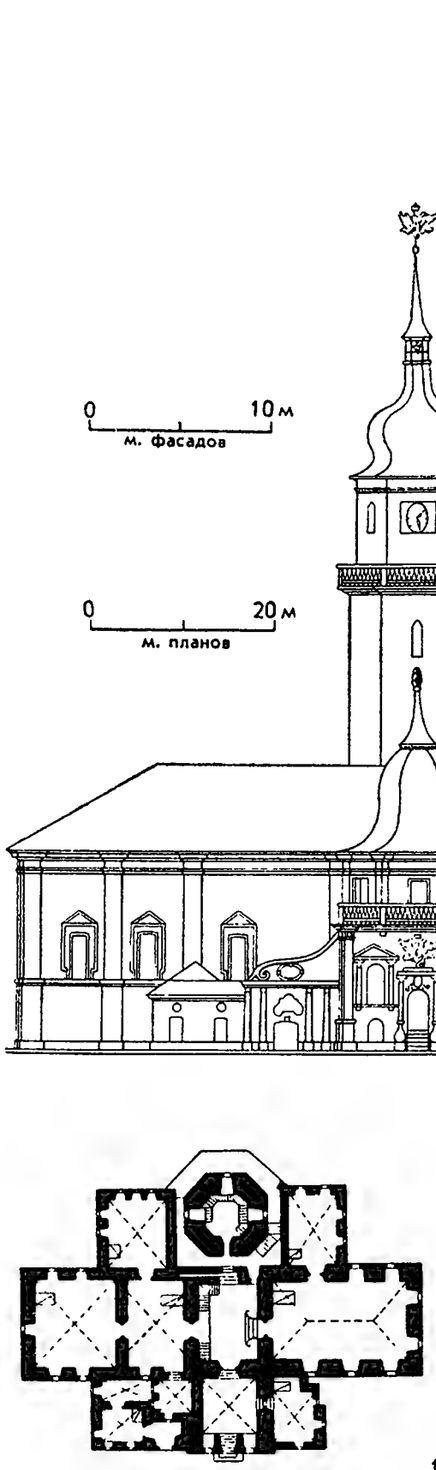


1

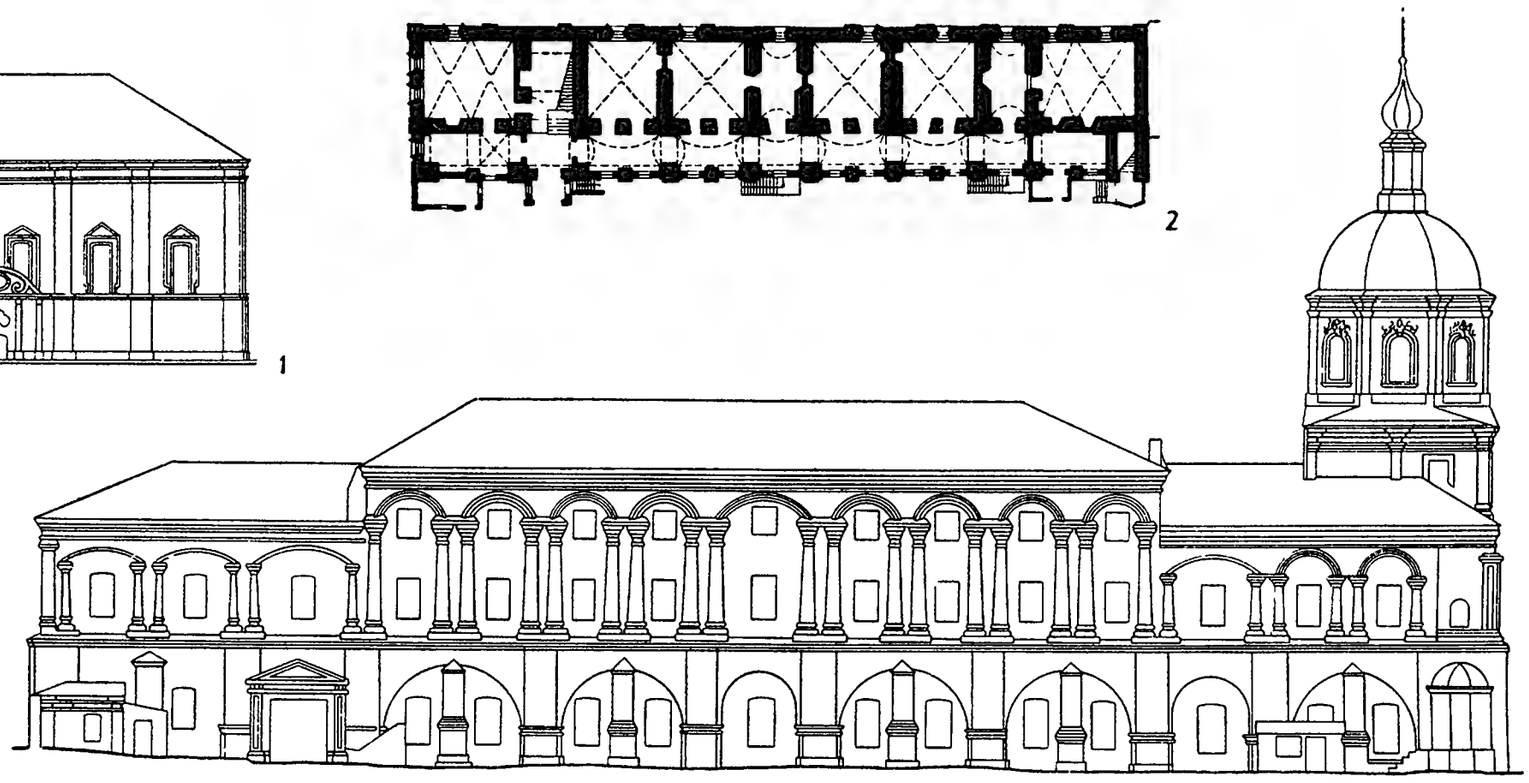


Вариант реконструкции 2

2



1



2

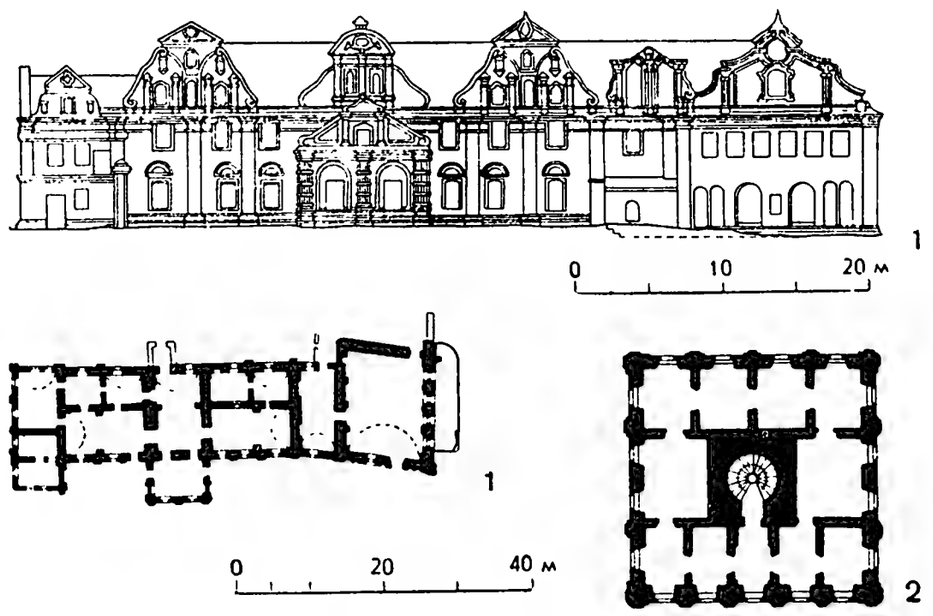
6. Киев. *1* — магистрат, XVIII в., — фасад и план 1-го этажа; *2* — академия на Подоле, 1704—1740 гг., вариант реконструкции, — план 1-го этажа и фасад

ский корпус в Киево-Печерской лавре, магистраты в Козельце (рис. 5, *2*) и Киеве (рис. 6, *1*), ратуша в Бучаче.

Начатый постройкой в 1704 г. учебный корпус Духовной академии был потом надстроен И. Шеделем и окончен в 1740 г. (рис. 6, *2*). Это обширное двухэтажное здание, по главному фасаду которого в первом и втором этажах тянется открытая галерея-аркада для сообщения между аудиториями. Через каждые две аудитории располагались обширные сени, служившие для рекреации, а в теплое время этой цели служила галерея. Планировка здания академии отражена в ритме аркады, имеющей через каждые две крупные арки одну меньшую, отвечающую сеням-рекреации. В торце здания была церковь с однокупольным верхом.

Крупные арки первого этажа опирались на мощные прямоугольные пилоны, арки же второго этажа меньшего размера и опираются на колонны, шаг которых равен половине шага пилонов первого этажа. После перестройки И. Шеделем здание приобрело целый ряд барочных атрибутов: двухъярусную крышу, спаренные колонны, резко выступающий центральный резалит с «переломом» и купол над церковью в торце здания (рис. 7).

7. Киев. Академия на Подоле, 1707—1740 гг. — макет



8 *1* — Киев, Печерская лавра, Ковнировский корпус, 1721—1722 гг., арх. С. Ковнир, — главный фасад, план 1-го этажа; *2* — Бучач (Тернопольской обл), ратуша, 1750 г., арх. Б. Меретин, план 2-го этажа

В гражданской архитектуре Украины конца XVII—XVIII в. открытые аркады имели широкое распространение. Кроме здания Духовной академии аркады сохранились в дворовой пристройке Всехсвятской надвратной церкви Киево-Печерской лавры и в доме Петра I в Киеве, в магистрате Козельца и других зданиях. Если к этому добавить, что многие деревянные церкви XVII—XVIII вв. имели «опасания» на столбиках, станет ясным, что аркады, или навесы, играли значительную роль в архитектуре городов и сел.

После пожара 1718 г. в Киево-Печерской лавре велось обширное строительство; тогда была начата постройка одного из интереснейших сооружений Киева первой половины XVIII столетия — Ковнировского корпуса (рис. 8, *1*). Корпус, названный именем его строителя Степана Ковнира, расположен за Успенским собором Лавры, в восточной части главной площади Древнейшая часть здания — помещение между южным и северным крыльями — построено в конце XVII в. и, судя по недавно открытым фрагментам портала и карниза, имело интересные архитектурные кирпичные формы, свойственные русской архитектуре XVII в. Старое южное крыло Ковнировского корпуса было самостоятельным зданием монастырской хлебопекарни; время его постройки относится к началу XVIII в. В 1721—1727 гг. на север от хлебопекарни С. Ковнир построил новое одноэтажное здание книжной лавки. Это было симметричное сооружение с тремя фронтонами. В 1746—1773 гг., после пожара, С. Ковнир отстраивает здание хлебопекарни, книжной лавки и типографии и пристраивает тамбур.

Наболее интересная деталь Ковнировского корпуса — его фронтоны. Известно, что еще в XVI столетии в монументальном культовом зодчестве древнерусские закомары заменялись пофронтонным покрытием, что в известной степени объяснялось переходом от свинцовой кровли к гонтовой и черепичной. Фронтоны эти имели простые треугольные очертания, которые сохранялись и в XVII в., находя применение в зданиях самого различного назначения. Фронтоны Ковнировского корпуса, располагаясь в ряд по главному фасаду, отличаются разными формами и сложностью очертаний, и только два из них, стоящие по концам корпуса, сходны между собой. При всем этом они

9 Киев Печерская лавра, Ковнировский корпус, 1721—1773 гг , арх. С. Ковнир

10. Ратуша в Бучаче. Общий вид

объединены единым стилем, единым приемом основных членений (рис. 9).

Ковнир занимался этим зданием несколько десятилетий. Его фронтоны строились в разное время, что отразилось на их форме и характере декора. Если первые фронтоны отличаются сдержанной и несколько плоскостной трактовкой форм, своеобразием рисунка и наличием мотивов народного искусства, то во фронтонах, построенных Ковниром 25 лет спустя, больше экспрессии, пластичности: полуколонки, тяги и волюты резко выступают из поля стены; в деталях и декоративной лепке явно выражены черты барокко.

Автор Ковнировского корпуса, выдающийся строитель XVIII в. Степан Ковнир (1695—1786) был выходцем из народа. Родился он в селе Гвоздове, под Киевом. О молодых годах Ковнира известно мало, кроме того, что он много ходил по Украине и что в возрасте 25 лет попал в положение «подданного» Киево-Печерской лавры. Можно полагать, что строительному делу Степан Ковнир учился на постройках лавры, особенно на восстановительных работах после пожара 1718 г., когда отстраивалась Успенская церковь, строились жилые дома, монашеские корпуса, типография, колокольня. Степан Ковнир специальной архитектурно-строительной подготовки не имел, бóльше того, есть основание думать, что он был неграмотным и если научился писать, то очень поздно. Свыше шестидесяти лет занимался Степан Ковнир строительной деятельностью в Киево-Печерской лавре и ее владениях. За это время он построил колокольни на дальних и ближних пещерах, церковь и колокольню в Василькове, церковь в Китаеве и другие здания.

С именем другого выдающегося украинского архитектора XVIII в. Ивана Григоровича-Барского связана постройка здания магистрата в Козельце (около 1756, рис. 5, *2*). Это небольшое стройное здание, прямоугольное в плане, с выступающим посередине главного фасада крыльцом с колоннами. Основной его объем разделен капитальными стенами в продольном и поперечном направлении. Зодчий подчеркнул образ и назначение сооружения лепной геральдикой в треугольном обрамлении над полуциркульными окнами первого этажа.

Почти одновременно с Козелецким магистратом, около 1750 г., архитектор Бернард Меретин построил ратушу в Бучаче (рис. 8, *4*; 10). По оригинальности замысла, смелости решения и изяществу пропорций она может быть отнесена к числу выдающихся произведений XVIII в. Ратуша расположена в низкой части города, в центре городской площади, и обладает одинаковой выразительностью и на близком расстоянии, и при осмотре ее с прилегающих к городу возвышенностей. В плане здание квадратное. Его двухэтажный объем служит как бы мощным стилобатом, в центре которого высится стройная 35-метровая башня. Переход от стен здания к башне решен уступом в виде большого цоколя. Стены здания и башни членятся тонко прорисованными пилястрами и завершаются раскрепованными антаблементом и парапетом. Оконные проемы и щипец над входом украшены богатой орнаментикой, столбы же парапета увенчаны скульптурами, из которых, к сожалению, осталось только пять. Высокое мастерство исполнения, выразительность пластики и жестов дают основание считать эти произве-

дения выдающимися памятниками монументальной скульптуры XVIII в. Вся композиция здания построена на подчеркнутом устремлении вверх. Однако в его архитектуре видны уже признаки упадка барокко, выразившегося в несколько вялой пластике стен, в измельченности деталей и в некоторой «сухости» их рисунка.

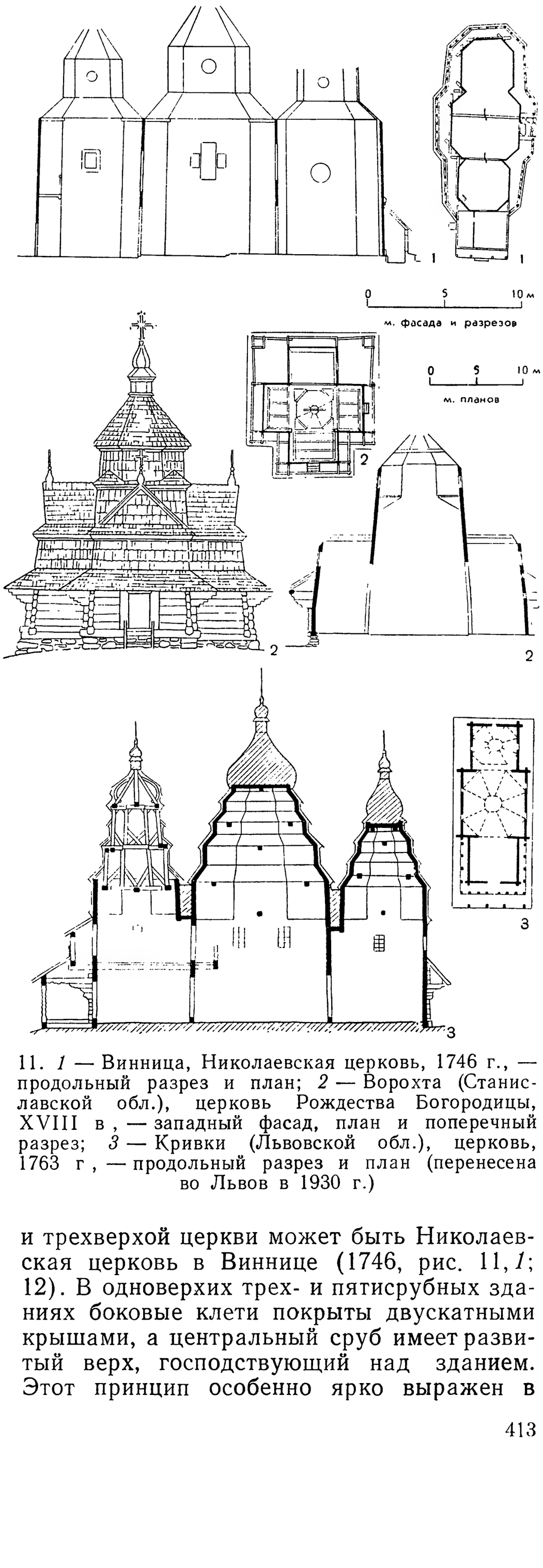
2. АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ

В церковном зодчестве XVIII в. на Украине можно отметить три основных направления.

Первое направление характеризуется дальнейшим развитием традиционных приемов, сложившихся в капитальном церковном строительстве Киева, Левобережья и Слобожанщины во второй половине XVII в. Это возведенные из кирпича Екатерининская церковь в Чернигове (1715), Преображенский собор в Прилуках (1716) и Покровская церковь в Сорочинцах (1732), рассмотренные в предшествующей главе и являющиеся последними представителями этого типа храмов на Левобережье и Черниговщине.

На Слобожанщине храмы этого направления преимущественно трехкамерные с многоярусными верхами, типа Покровской церкви в Харькове 1689 года, строятся вплоть до начала XIX в. К ним относятся: Троицкий собор Ахтырского монастыря (1724--1727), Вознесенский собор Хорошевского монастыря (1754—1759), Николаевская церковь в Харькове (1764—1770), Покровская церковь в Сумах (1783—1796) и др. В них с поразительной последовательностью воспроизводятся в кирпиче формы деревянной трехсрубной церкви с их восьмериками и срезанными восьмиугольными шатрами так, что внутренний вид каменной церкви с побеленными стенами в общем не отличается от внутреннего вида деревянных церквей.

В XVIII в. традиции трех-, пяти- и девятикамерных церквей с развитыми ярусными верхами получили высокое развитие в деревянном народном зодчестве. В общей композиции деревянной церкви объединяющим элементом является центральная клеть; она и по ширине, и по высоте больше остальных и объединяет вокруг себя боковые объемы. Примером трехсрубной



11. *1* — Винница, Николаевская церковь, 1746 г., — продольный разрез и план; *2* — Ворохта (Станиславской обл.), церковь Рождества Богородицы, XVIII в , — западный фасад, план и поперечный разрез; *3* — Кривки (Львовской обл.), церковь, 1763 г , — продольный разрез и план (перенесена во Львов в 1930 г.)

и трехверхой церкви может быть Николаевская церковь в Виннице (1746, рис. 11, *1*; 12). В одноверхих трех- и пятисрубных зданиях боковые клети покрыты двускатными крышами, а центральный сруб имеет развитый верх, господствующий над зданием. Этот принцип особенно ярко выражен в

12. Винница. Николаевская церковь

компактных одноверхих пятисрубных церквах гуцулов (в Ворохте, рис. 11, *2*; 13, Ясине и др.).

В пятисрубных пятиверхих зданиях средний сруб значительно выше боковых, располагающихся симметрично по отношению к центральному и подчиняющихся ему. Однако если гуцульская церковь характерна компактностью объема, то пятисрубные церкви Приднепровья и Слобожанщины являются примером пространственной компактности, объединяющей несколько многоярусных верхов в один силуэт, приближающийся к законченной пирамидальной форме. Ярким примером такой компактности может служить девятиверхая церковь в Новомосковске (1773—1781, мастер Я. Погребняк).

Наряду с этим необходимо отметить заметную общность пропорционального чле-

13. Ворохта. Церковь Рождества Богородицы

нения, к которой в большей или меньшей степени приближаются лучшие памятники XVIII в. в центральной Украине (например, церкви в Ярышеве на Подольщине, Ходорове, Тараще и Сыняве на Киевщине). Общие очертания плана церкви приближаются к квадрату, сторона которого равна высоте здания.

Отклонения от указанной пропорциональности в западных и восточных районах Украины имеют определенную закономерность. В западных районах общая высота церковного здания равна длине его только в развитых типах церквей, например в бойковских, но чаще она несколько меньше. В центральных и восточных районах Украины здание растет вверх, и в общей композиции преобладает вертикальное направление. На Левобережье и Слобожанщине лучшие типы церковных зданий также отклоняются от указанного правила в сторону увеличения высоты по сравнению с длиной. Это особенно заметно при сравнении таких выдающихся памятников народного деревянного зодчества Украины, как бойковская церковь во Львове (перевезена из с. Кривки, рис. 11, *3*) и церковь Калнышевского в Полтаве (перевезена из г. Ромны).

Большим разнообразием форм и богатством творческой фантазии отличаются бойковские церкви. Они имеют те же самые составные части, что и трехсрубные церкви Приднепровья и Слобожанщины, т. е. три сруба и многоярусные верхи над ними. Пропорции составных элементов башни отличаются решительным преобладанием горизонтальных членений; повторяясь несколько раз с постепенным уменьшением ширины, они создают ритмическую уступчатость башни. Все здание, кроме первого яруса под навесом, обшивается гонтом, что еще больше связывает воедино вертикальные отрезки стен с короткими скатами крыш.

В центральных и восточных районах Украины в XVIII в. был широко распространен иной архитектурный тип, примером которого может быть церковь Калнышевского в Полтаве. Церкви Приднепровья и Левобережья имели большую высоту и свой прием вертикальных членений основного сруба гранями восьмерика, что еще больше подчеркивает их устремление в высоту.

В деревянных церквах Левобережья и Слобожанщины ясно выступают два основ-

ных элемента: высокие рубленые стены и венчания в виде двух- или трехъярусных верхов, причем средний на один или несколько ярусов больше боковых. Форма верхов резко отличается от церковных верхов западных областей тем, что здесь двух- или трехъярусный верх значительно у́же несущего сруба и состоит из чередования усеченного шатра с восьмериком. Нижний массив церкви объединяется карнизом, общим для центрального и бокового сруба. По своим объемам и пропорциям деревянные церкви Левобережья и Слобожанщины родственны каменным украинским храмам конца XVII—начала XVIII в.

Высоким мастерством исполнения отличаются интерьеры деревянных церквей Приднепровья и особенно Слобожанщины и Черниговщины. Высокое центральное помещение в них большими проемами соединено с боковыми. Форма этих проемов, прорезанных в срубе, интересна разнообразием криволинейных очертаний, хорошо читающихся в условиях контрастного освещения интерьера. Стены сруба и многоярусного покрытия делались с небольшим наклоном внутрь помещения. Этот прием, придавая зданию лучшую устойчивость, зрительно увеличивал высоту здания.

Следует сказать, что отмеченные здесь композиционные особенности деревянных церквей Слобожанщины и Левобережья в равной степени относятся к упомянутым выше каменным церквам Слобожанщины.

Другое направление в церковном зодчестве, преимущественно второй половины XVIII в., получило распространение в Киеве и в связанных с ним городах. Для него характерны замена пятигранной формы ветвей креста прямоугольной или полукруглой, расположение боковых глав церкви по диагонали, как в древнерусских храмах, и построение композиции фасадов на основе ордерной системы. Лучшими памятниками этого направления являются: Андреевский собор в Киеве (1747—1753), собор Рождества Богородицы в Козельце (1752—1764), церковь Антония и Феодосия в Василькове (1756—1758), Покровский собор в Ахтырке (1753—1762) и церковь в с. Воронеж Сумской области (1767, рис. 14).

В 1747—1753 гг. по проекту Растрелли был сооружен Андреевский собор в Киеве (рис. 15), строительство которого было поручено архитектору Московской дворцовой конторы И. Мичурину. В 1747 г. Мичурин

14. Село Воронеж (Сумской обл.). Михайловская церковь, 1767 г.

переехал в Киев и на месте со своими помощниками проводил разработку детальных чертежей и моделей. Андреевский собор расположен на северной оконечности древнего Киева, возвышающейся над Подолом и прилегающими днепровскими склонами. Собор настолько удачно вписался в ландшафт, что кажется, будто он вырастает из приднепровских гор.

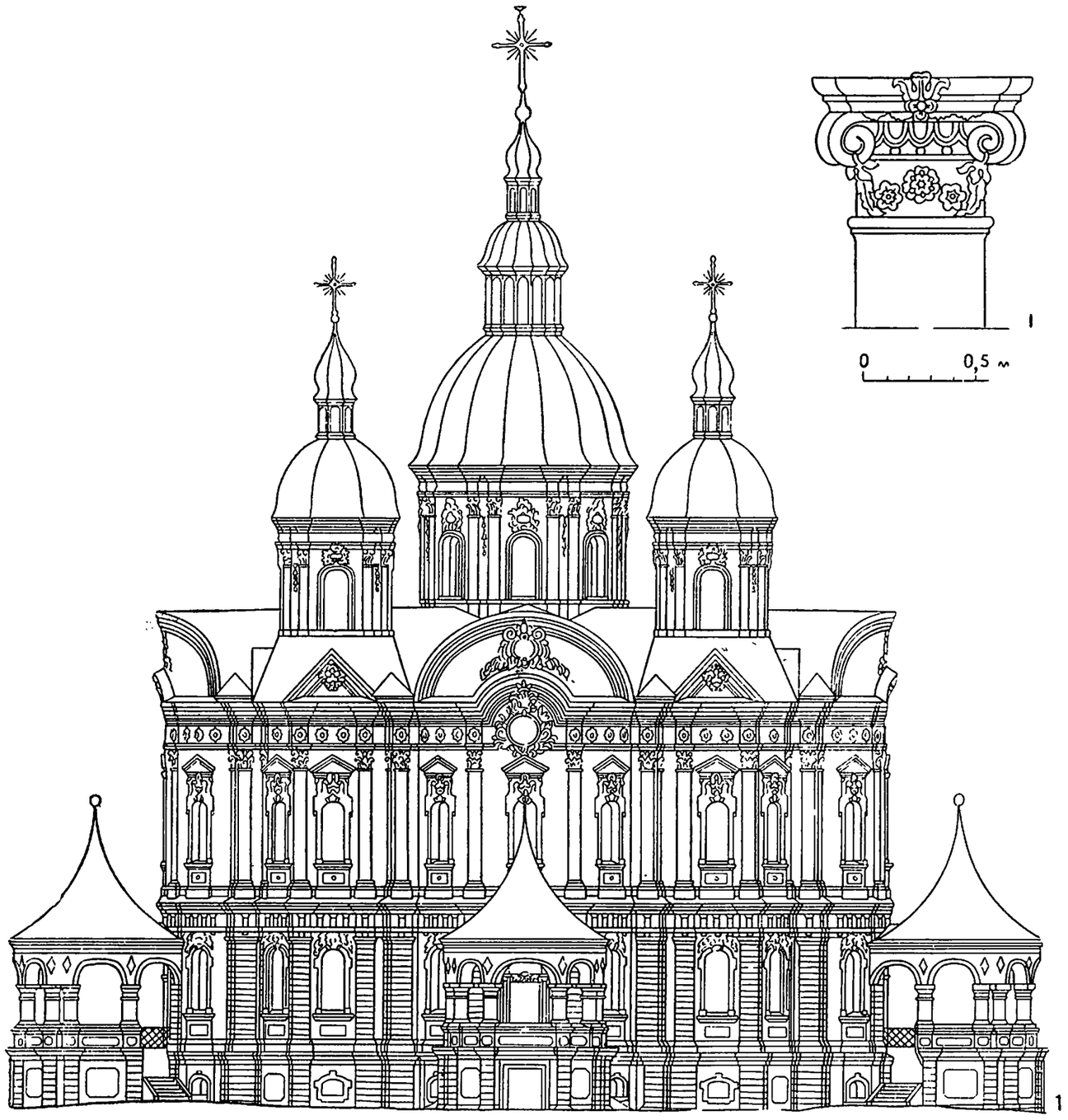
План Андреевского собора имеет вид греческого креста, западная часть которого удлинена для устройства притвора. В углах креста поставлены мощные пилоны, завершенные четырьмя стройными главками. Собор венчает традиционное пятиглавие, при этом боковые главы расположены по диагонали здания, что было необычным для украинского церковного зодчества XVII—XVIII вв. Иконостас, престол, кафедра и царское место были изготовлены в Петербурге по проекту Растрелли и в разобранном виде доставлены в Киев.

Собор Рождества Богородицы в Козельце (рис. 17, *1*), построенный в 1752—1764 гг. А. Квасовым и отделанный И. Барским, в плане представляет собой квадрат с четырьмя внутренними опорами и примыкающими со всех четырех сторон полукруглыми

15. Киев. Андреевский собор, 1747—1753 гг., арх. В. Растрелли

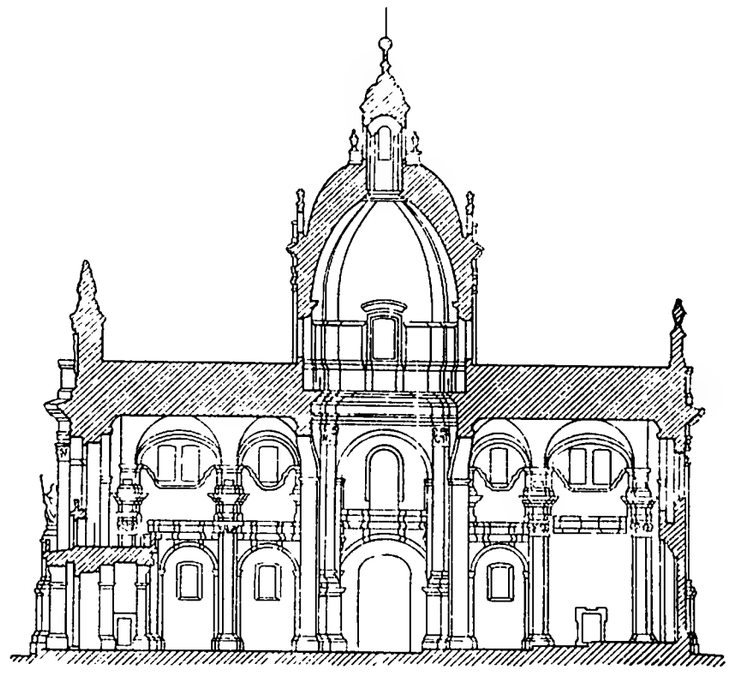
9. Киев. Брама Заборовского, 1746 г., арх. *И. Шедель.*

16. Почаев (Тернопольской обл.). Лавра

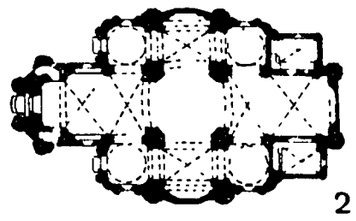

0 5 10 15 м

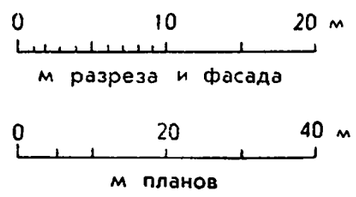
1

0 0,5 м

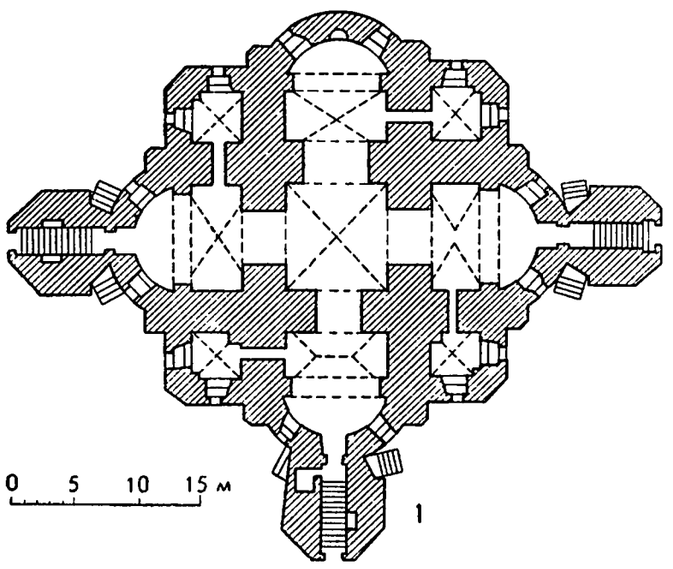


2

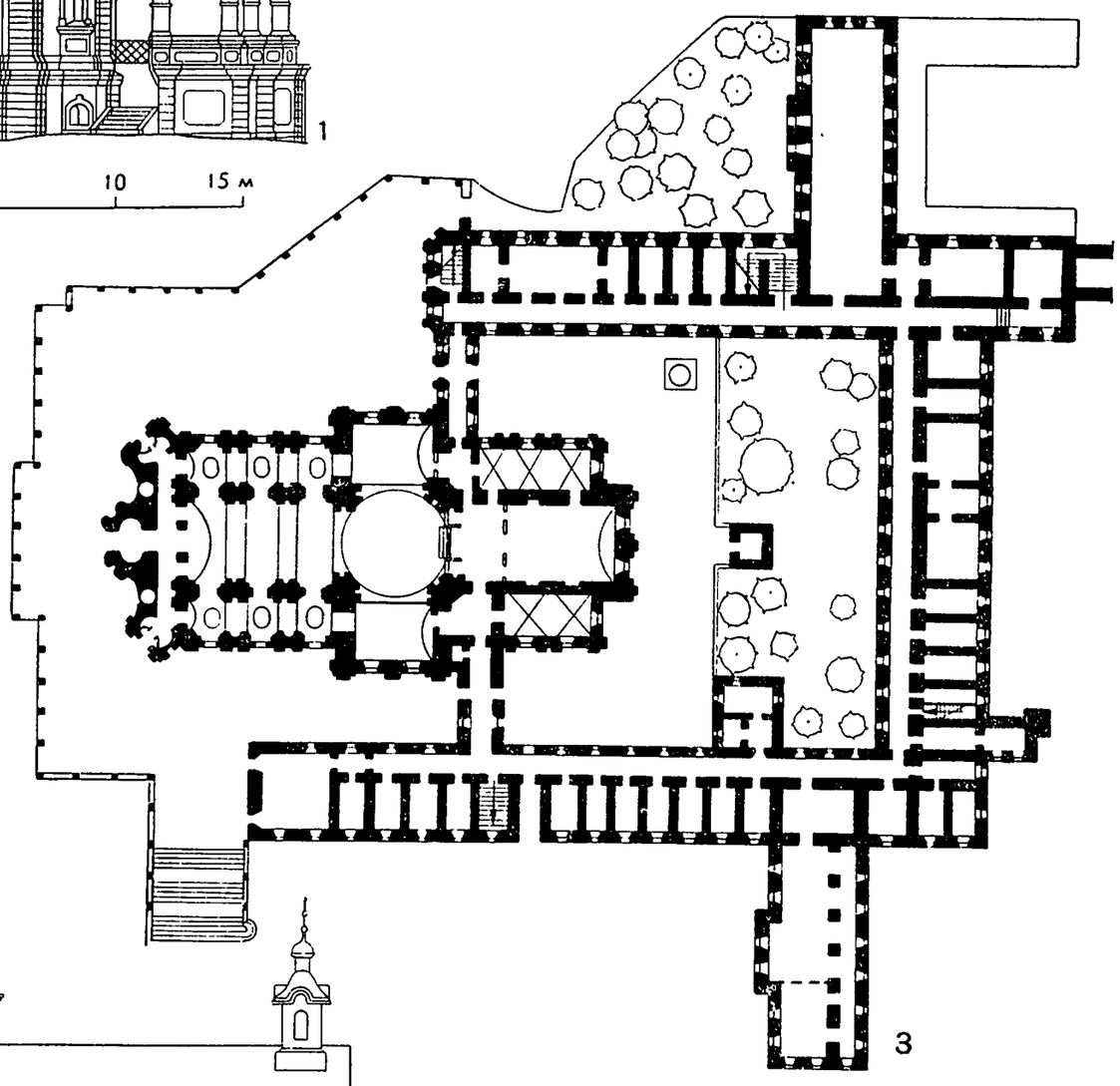



0 10 20 м
м разреза и фасада
0 20 40 м
м планов

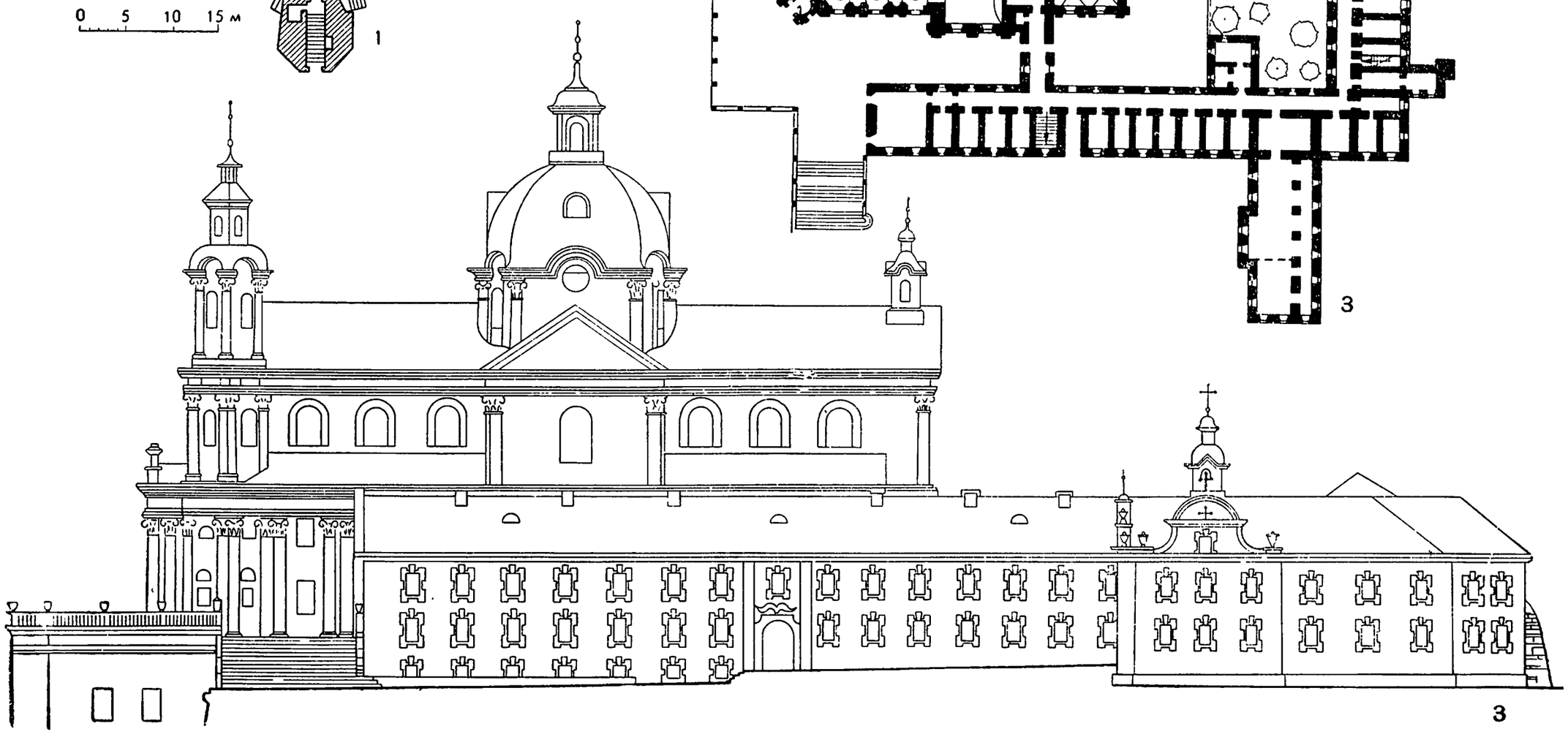
2


0 5 10 15 м

1



3



3

17. *1* — Козелец (Черниговской обл.), собор Рождества Богородицы, 1752—1764 гг., архитекторы А. Квасов и И. Григорович-Барский, — западный фасад и план и капитель второго яруса фасада; *2* — Львов, собор Юра, 1746—1762 гг., арх. Б. Меретин, — продольный разрез и план; *3* — Почаев (Тернопольской обл.), лавра, 60—70-е гг. XVIII в., — южный фасад и план

апсидами. Снаружи нижний ярус обработан горизонтальным рустом. Лопаткам этого яруса соответствуют пилястры второго, более высокого яруса. Мотив пилястр и лопаток служит главным средством архитектурной композиции фасадов и интерьера. По мастерству и тонкости выполнения деталей интерьера, профилей карнизов, тяг и капителей Козелецкий собор не имеет себе равных среди памятников украинской архитектуры третьей четверти XVIII в. И. Барский покрыл собор внутри лепным орнаментом, размещение и построение которого связано с общей композицией сооружения. Следует упомянуть об иконостасе собора, выполненном с исключительным искусством. Квасов, объединив помещения Козелецкого собора в единое пространство, предвосхитил этим композицию, свойственную церковной архитектуре классицизма конца XVIII и начала XIX в.

Объединение внутреннего пространства характерно и для сооруженной И. Барским церкви в с. Лемеши (1760—1761), квадратной в плане с полукружиями апсид, примыкающих со всех четырех сторон. В интерьере этой церкви нет отдельно стоящих опор, все ее внутреннее пространство объединяет купол. Фасады четверика снабжены на углах пилястрами и завершаются раскрепованным антаблементом и треугольными фронтонами. Покровский собор в Ахтырке хотя и имеет четыре внутренних опорных столба, пространство его интерьера решено цельным и открытым.

Иван Григорьевич Барский строил очень много, и можно без преувеличения сказать, что во второй половине XVIII столетия архитектура Киевского Подола определилась в основном постройками Барского. Основные черты творчества Барского проявляются в одном из типичных для него сооружений — в надвратной церкви Кирилловского монастыря (1760). На основе обычной трехкамерной церкви он впервые на Украине соединил церковь и колокольню путем резкого выделения по высоте среднего объема. Благодаря этому сравнительно низкие бо-

18. Львов. Собор Юра. Общий вид. Фрагмент западного фасада

ковые камеры приобрели вид многогранных апсид, а все сооружение — уступчатую, стройную композицию.

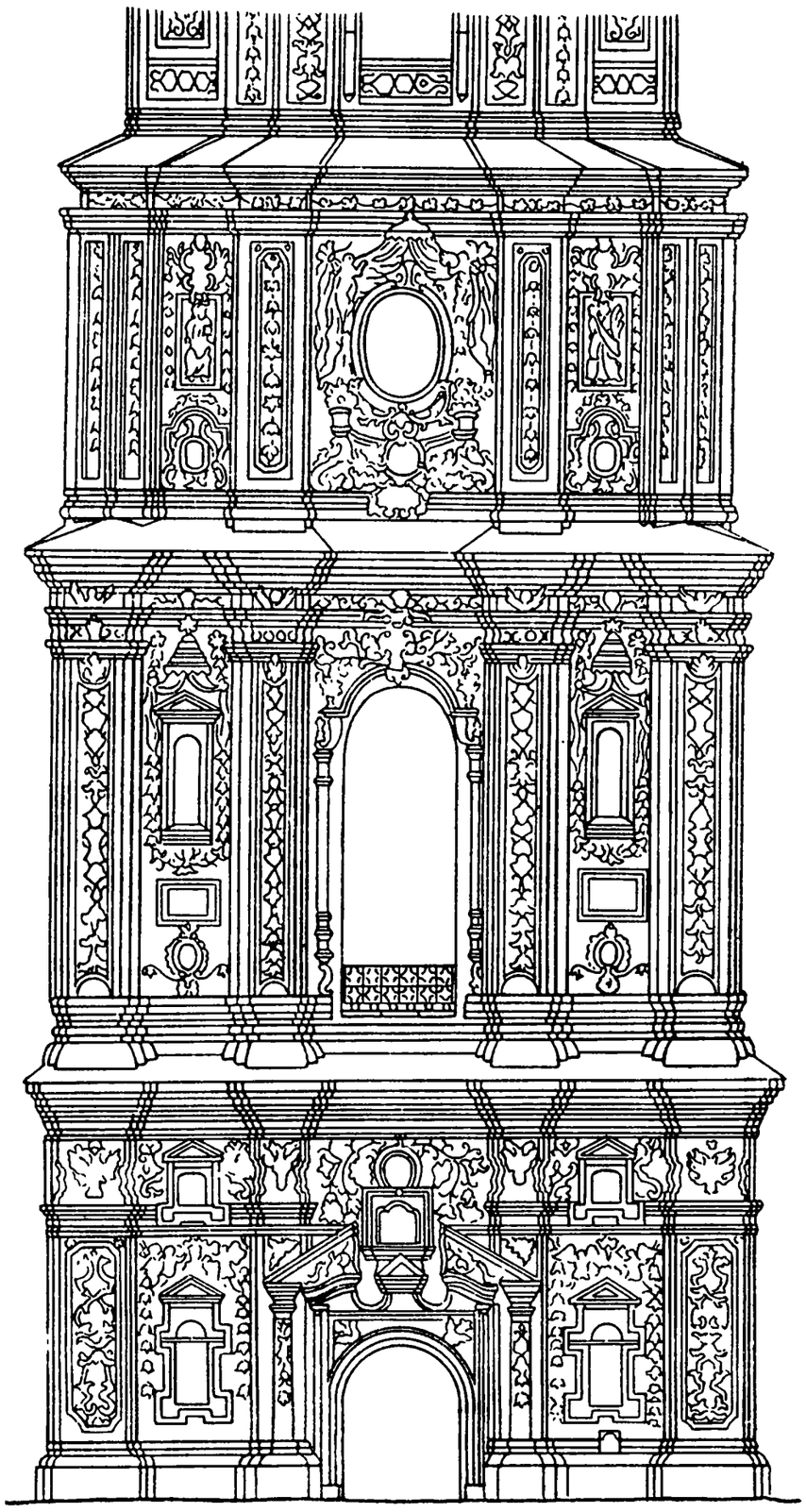
В Кирилловской церкви-колокольне пилястры основного среднего яруса имеют вытянутые пропорции, что проявляется и в других работах Барского — в церкви Красногорского монастыря и Набережно-Никольской церкви в Киеве и связано, очевидно, с желанием придать сооружению изящество и стройность. Лепка капителей церкви-колокольни характеризуется несколько натуралистической трактовкой растительного орнамента. В своих произведениях Барский проявил себя крупным мастером. Его искусство было тесно связано с лучшими традициями украинской архитектуры XVIII в. и отличалось яркой творческой индивидуальностью.

Третье направление в культовом строительстве XVIII в. характерно для униатских церквей и католических костелов в западных украинских землях. В большинстве это трехнефные сооружения в стиле польского

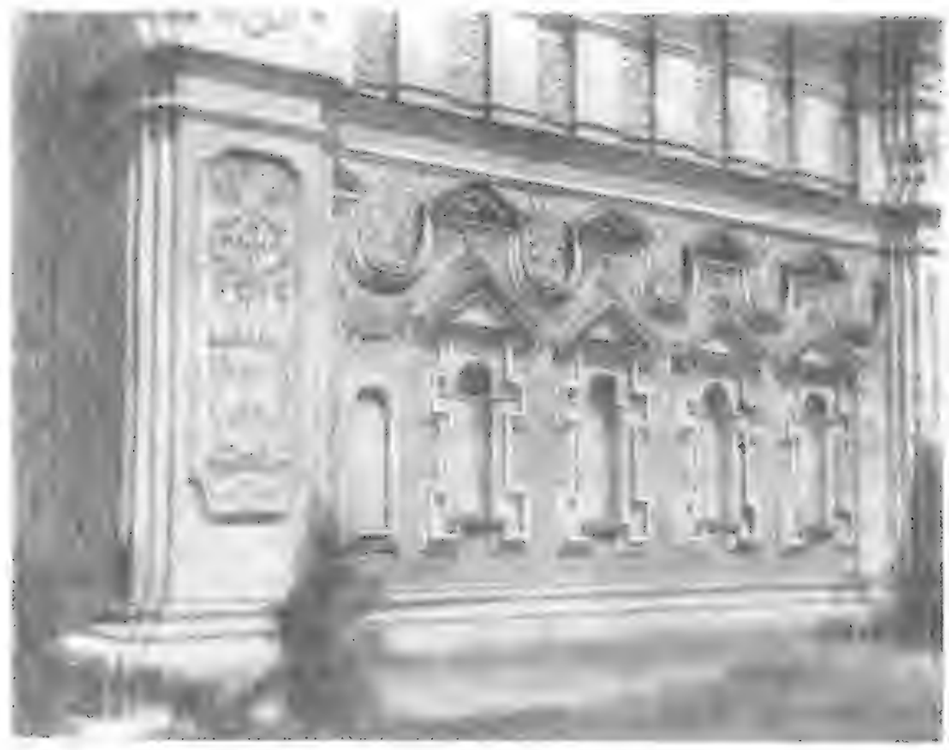
19. Львов. Доминиканский костел, 1754—1779 гг., архитекторы М. Урбанык и Ян де Витт

20. Киев. Колокольня Печерской лавры, 1731—1745 гг., арх. И. Шедель

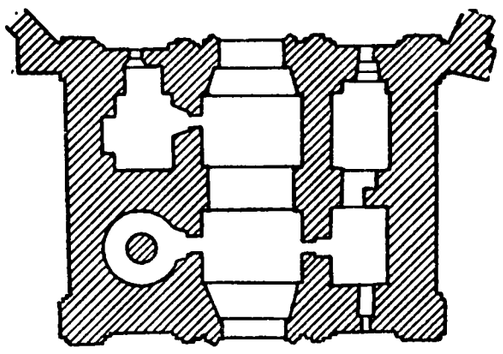
барокко с эллиптической формой нефов или овальным планом, с крупным ордером и сильными креповками карниза. Значительные постройки этого типа имеются во Львове. Величественный собор Юра, построенный по проекту арх. Меретина (рис. 17, *2*; 18), расположен на холме, несколько в стороне от центра города. Собор стоит на террасе и увенчан куполом на барабане. В здании обращают на себя внимание тонко выполненные сложные по профилю каменные карнизы, капители, парапеты и монументальная скульптура главного фасада, особенно фигура св. Юра скульптора Пинзеля, венчающая выступ главного фасада собора. Малые архитектурные формы всего комплекса — столбы ограды, решетки, вазы, ворота, лестницы — также выполнены с высоким мастерством и могут быть отнесены к лучшим архитектурным произведениям XVIII в.



2



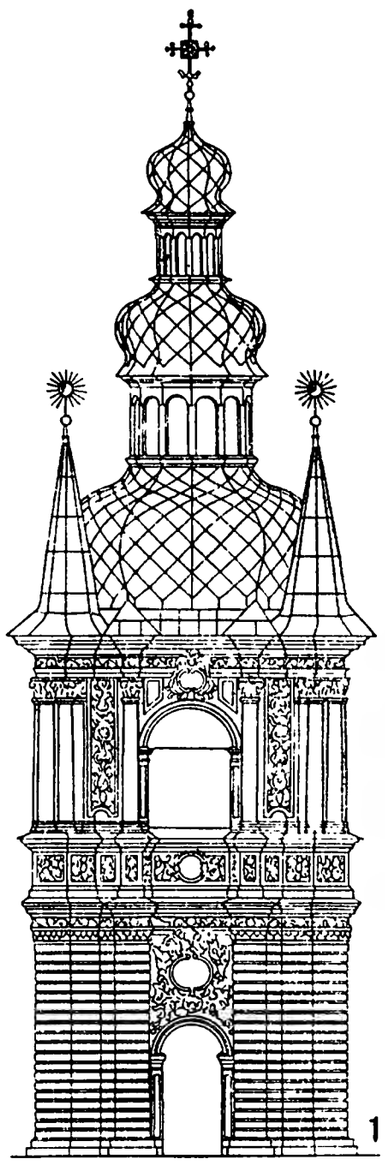
21. Киев. *1* — Печерская лавра, колокольня на дальних пещерах, 1754—1761 гг., арх. С. Ковнир; *2* — колокольня Софийского собора, XVIII в.: деталь первого яруса и план



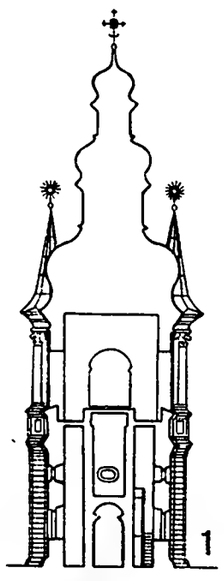
0 4 8 м

0 4 м

м. фасада



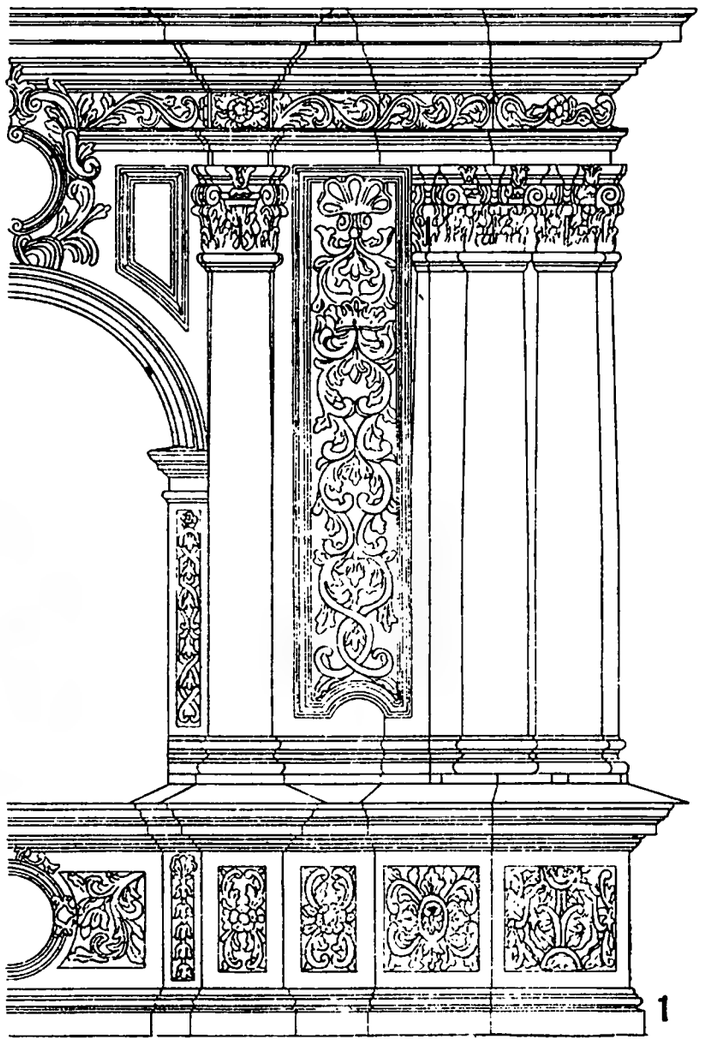
1



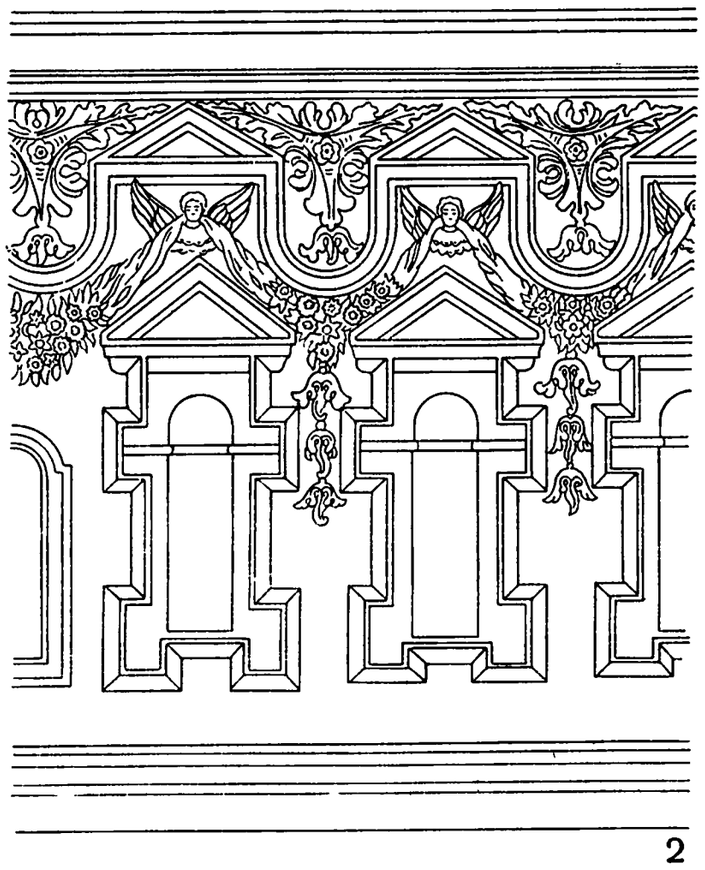
0 8 м

0 4 м

ФРАГМЕНТ ФАСАДА



1



2

ФРАГМЕНТ 1 го ЯРУСА ЮЖНОГО ФАСАДА

0 1 2 м

м. фрагментов

Несколько своеобразным примером католического костела может служить костел доминиканского монастыря во Львове (рис. 19), построенный в 1754—1779 гг. львовским архитектором Мартином Урбаником по проекту известного инженера и архитектора Яна де Витта. Основу здания составляет овальное центральное пространство, окруженное капеллами с примыкающими к нему тамбуром и алтарной частью. Здание венчает вытянутой формы купол на барабане с фонарем. Удачные по пропорциям и рисунку купол и барабан исходят от традиций Ренессанса, но в барочной интерпретации — со спаренными колоннами и раскрепованным карнизом на фасаде. Барочными формами отмечен и тамбур входа, украшенный сильно раскрепованным карнизом с изломанными линиями фронтона. Все здание, и особенно внутреннее пространство, отличается слаженностью пропорций и тонкостью прорисовки деталей. Смелость решения, богатство отделки и сильные членения здания делают его одним из лучших произведений барокко.

К крупным сооружениям XVIII столетия принадлежит комплекс Почаевской лавры, удачно расположенный на высоком холме. В его составе собор с двумя высокими башнями на главном фасаде и трапезная с богатым барочным фронтоном, построенные в 60—70-х гг. (рис. 16; 17, *3*).

Интересным памятником католического культового зодчества XVIII столетия на Украине является ансамбль иезуитского коллегиума в г. Кременце (1731—1734). Основу ансамбля составляет большой костел—базиликально-крестовокупольное здание с закругленными выступами трансепта.

XVIII столетие знаменуется окончательным формированием типа монументальной многоярусной колокольни.

Первые сооружения этого типа в Киеве, например нижние два яруса колокольни Софийского собора (рис. 21, *2*), имеют квадратную форму плана, членения стен раскреповками и лопатками и обильные украшения стен лепкой. В последующих постройках (Большая лаврская колокольня, рис. 20, и колокольни на Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, колокольни в Козельце, Мгаре, Троицком монастыре в Чернигове и др.) складывается характерная для украинской архитектуры XVIII столетия композиция колокольни, многоярусной в плане, с постепенным уменьшением кверху ширины ярусов, энергичной, рельефной обработкой каждого яруса трехчетвертными или полными колоннами и расположением по ярусам определенных архитектурных ордеров. В этой группе сооружений несколько особняком стоят две колокольни — на Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской лавры. Они имеют только два яруса при квадратной форме плана.

Колокольня на Дальних пещерах имеет два яруса — нижний квадратный, рустованный и верхний, обработанный колоннами на срезанных углах и богатой лепкой. Завершается колокольня высокой многоярусной главой с четырьмя шпилями на углах над угловыми колоннами (рис. 21, *1*).

На развитии архитектуры колоколен XVIII столетия не смог не отразиться переход от приемов барокко к строгой системе классики. Эта эволюция сказалась главным образом на архитектурных формах, но не на выборе места колокольни в ансамбле монастыря. Колокольни по-прежнему располагались свободно по сложившейся ранее типично феодальной традиции, не придерживающейся в планировке ансамбля строгой осевой композиции.

Архитектура 1720—1780 гг. является завершающим этапом большого пути развития украинской архитектуры XVI—XVIII вв. То, что является показательным и характерным для архитектуры XVIII столетия, — ансамблевая застройка, живописность, выразительный силуэт и подчеркнутая пластика объемов, пышный декор — имеет непосредственную связь с архитектурой предыдущих периодов.

В то же время в строительстве XVII в. зарождаются черты зданий нового типа — жилых, дворцовых, административных и учебных, окончательное формирование которых произошло в XIX столетии.

XVIII век знаменуется также и тем, что в это время на первый план выходит дипломированный архитектор и сходят со сцены безвестные мастера, возводившие многочисленные каменные сооружения предыдущих веков; только в народном деревянном зодчестве народные мастера трудились еще и в XIX в. Последним из таких мастеров в каменном строительстве был Степан Ковнир — одна из колоритнейших фигур XVIII столетия.

ГЛАВА 5

АРХИТЕКТУРА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Конец XVIII — первая половина XIX в. отмечены в архитектуре Украины формированием классицизма в общем потоке развития архитектуры России. Однако новый стиль на Украине появился на 10—15 лет позже, чем в России.

Украина середины XVIII в. еще сохраняла старые формы управления, и лишь в 1780-х гг. она получает то же административное и социальное устройство, что и Россия, а в конце XVIII в. возрастает удельный вес Украины в экономической и политической жизни России вследствие исторических событий, развернувшихся в конце XVIII в. в северном Причерноморье, где Россия вела длительные войны с Турцией и осваивала освобожденные земли.

В развитии архитектуры Украины конца XVIII — первой половины XIX в. определились три основных этапа.

Первый этап — 1770—1796 гг. — характерен развитием градостроительства в Причерноморье и Нижнем Поднепровье, а также строительством крупных дворцово-парковых ансамблей. Второй этап — 1796—1830 гг. — связан с реконструкцией старых украинских городов и развитием гражданского строительства на территории всей Украины. Во второй половине XVIII в. на Украине увеличивается развитие промышленности, вызванное необходимостью материального обеспечения и вооружения выросших армии и флота. В первой половине XIX в. получают развитие капиталистические предприятия, постепенно вытесняющие помещичьи производства. Украина становится составной частью общероссийского внутреннего рынка. Продукция сельского хозяйства и промышленного производства реализуется на ярмарках (в Ромнах, Харькове, Киеве, Елизаветграде и др.). Третий этап — 1830—1861 гг., — совпадающий с началом промышленного переворота на Украине, вызвал застройку городов многоэтажными жилыми зданиями и сооружение фабрично-заводских предприятий и крупных общественных зданий.

Архитектура Украины на протяжении этого периода все более сближается с русской и западноевропейской, и постепенно стираются национальные особенности в городском, государственном и крупном частновладельческом строительстве. Этому способствовали правительственные мероприятия по реконструкции и застройке городов, а также участие в проектировании и строительстве на Украине выдающихся русских зодчих — Старова, Казакова, Захарова, Стасова, Мельникова и др. Наряду с ними приглашались из Петербурга такие архитекторы, как Кваренги, Камерон, Тома де Томон и др. На Украине работали также архитекторы, привлекавшиеся непосредственно из-за границы, — Станзани, Боффо и др. Творчество местных архитекторов формировалось в большинстве случаев в архитектурных мастерских и школах русских архитекторов и строителей Петербурга и Москвы. К ним относятся Петр Ярославский, Андрей Меленский, Павел Дубровский и др.

Старые традиции украинской архитектуры сохранились главным образом в на-

родном строительстве в селах и местечках. Жилые дома типа украинской хаты продолжали строить на окраине городов и даже в черте регулярной застройки (где они не выходили на линию застройки улицы). В городском жилище, фасады которого выполнялись по типовым проектам, вплоть до XX столетия продолжает широко применяться резьба по дереву.

1. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Старые города Украины, сложившиеся в феодальную эпоху, не имели благоустройства и отличались хаотической застройкой. Указ правительства 1763 г. об изготовлении генеральных планов городов был распространен и на Украину. Но русско-турецкая война, начавшаяся в 1763 г., и осуществление мероприятий по освоению огромных территорий Причерноморья отодвинули на задний план реконструкцию старых украинских городов.

Выход России к Черному морю способствовал возникновению новых городов на юге Украины, где создавались крепости и верфи для строительства флота. В короткий исторический срок были заложены Екатеринослав (1777), Херсон (1778), Мариуполь (1780), Николаев (1789), Одесса (1794) и другие города. Некоторые из них, например Елизаветград и Александровск, возникли на месте крепостей, входивших в систему оборонных линий Российской империи на юге.

Закладка новых городов в ряде случаев происходила поспешно без серьезных инженерных изысканий, почему допускались крупные просчеты и ошибки, исправление которых обходилось казне дорого. Это видно на примере Екатеринослава и Херсона.

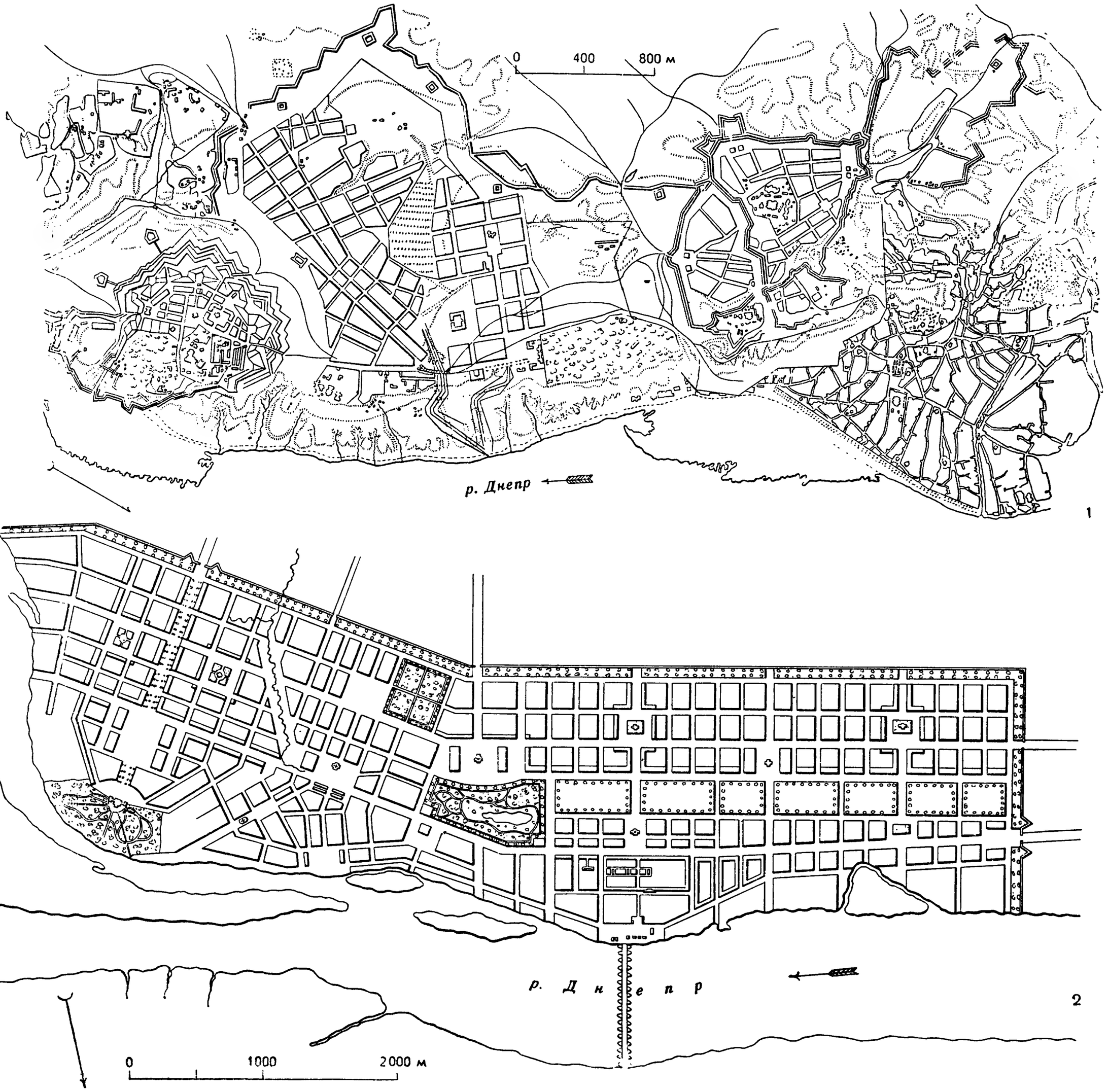
Екатеринослав был основан в 1777 г. при впадении в р. Самару правого ее притока — р. Кильчени. План города не был увязан с конкретными природными условиями. Его форма — в виде многоугольной звезды — образована системой укреплений с выступающими треугольными бастионами. Прямоугольная сетка улиц и площади были разбиты в середине кольца укреплений. При осуществлении этого плана успели построить здания уездных учреждений, два училища для дворян, церкви и дома ремесленников и купцов. Вскоре обнаружились и губительно сказались на людях нездоровые условия, свойственные данной местности, окруженной болотами. Город заглох, и в 1787 г. на берегу Днепра был заложен Екатеринослав Второй.

Екатеринослав (рис. 1, *2*) как центр Новороссии должен был, по мысли Потемкина, стать третьей столицей империи и превзойти по своим размерам Петербург. Фантастичность замысла хорошо видна по проекту, составленному членом Парижской и Петербургской академий К. Геруа, утвержденному в 1786 году. Проект отличался излишествами и не учитывал конкретных природных условий. На живописной прибрежной местности была разбита сухая, геометрически правильная сеть улиц с помпезной центральной площадью, с колоссальными сооружениями «по вкусу греческих и римских зданий» и с собором, превосходящим размерами знаменитый собор св. Петра в Риме.

В связи с нереальностью проекта возникла необходимость в новом плане, составление которого было поручено архитектору И. Старову.

По этому проекту, утвержденному в 1790 г., центром города служит полукруглая парадная площадь перед дворцом наместника края, к которой сходятся три лучевые магистрали. Средняя магистраль трактовалась в виде основного проспекта, по оси которого на открытой площади располагался собор. Площадь, по замыслу Старова, должна была объединить ансамбль административных и общественных зданий (присутственные места, гостиный двор, почта и др.). Кроме центральных площадей было предусмотрено несколько второстепенных, рыночных. По склону холма вокруг центральной части города запроектирована кольцевая магистраль, а перпендикулярно среднему лучу от площади проложена улица, дававшая начало дороге на Кременчуг.

Застройка центральной нагорной части при всех достоинствах ее новой планировки продвигалась медленно ввиду оторванности этой части города от Днепра и недостатка питьевой воды. Население предпочитало селиться в низменной части вдоль Кременчугской дороги ближе к Днепру. Развитию этой части города способствовало строительство здесь в 1790-х гг. суконной и чулочной фабрик. Близ них выросли служебные помещения и рабочий поселок.



1. *1* — Киев, план 1787 г., арх. И. Меллер и А. Шувалов; *2* — Екатеринослав (Днепропетровск), план 1817 г.

В 1778 г. в устье Днепра были заложены крепость и город Херсон, сочетавший в себе порт, военную гавань и верфи русского флота на Черном море. Крепость примыкала непосредственно к верфям, а к западу и к востоку от нее, отделенные эспланадой, выросли два «форштата» — мещанский и военный, где селились купцы, рабочие, ремесленники и военнослужащие. Город строился под руководством русских военных инженеров генерал-поручика Ганнибала, полковника Германа, а с 1784 г. инженер-полковника Корсакова. Проектные работы выполнял архитектор Буржуа.

План крепости, стиснутой между двумя оврагами в направлении Днепра, получил продолговатую форму. В планировке форштатов, составляющих собственно город, обращает на себя внимание логичная увязка сети улиц с природными условиями, функционально обоснованное размещение в плане города площадей и хорошо найденный масштаб их. В 1794 г. был основан литейный двор, а в 1798 г. построен канатный завод. Внутреннее пространство крепости в короткий срок было застроено крупными сооружениями, составившими целостный архитектурный ансамбль с Екатерининским собором в центре. В 1784—1785 гг. между крепостью и купеческим форштатом был разбит парк в 14 десятин и посажено 10 200 деревьев.

В дальнейшем выявилось, что место, поспешно избранное для Херсона, неудобно для судостроительной верфи. Река была мелководна, что усложняло строительство здесь крупных военных кораблей. Для этой цели более пригодным было место при впадении в Черное море реки Ингул. Здесь в 1789 г. был основан г. Николаев.

Генеральный план Николаева составлен архитектором Старовым и военными инженерами Де-Волланом и Князевым. Недалеко от города были основаны небольшие поселения — Богоявленск, резиденция Потемкина, а также урочище Спасское. Крепость здесь отсутствовала. Побережье было занято хорошо укрепленной адмиралтейской верфью, от которой начинался город. В основу планировки Николаева положена прямоугольная система с центральной площадью, разбитой на пересечении двух магистральных улиц. На площади построены магистрат, церковь Григория Армянского с колокольней, гостиный двор и пр. Проектирование этого комплекса осуществлял Старов, создавший архитектурный ансамбль, отличающийся единством стиля.

В 1792 г. началось строительство третьей крепостной линии, в состав которой входила крепость Хаджибей на берегу Черного моря, возле которой в 1794 г. была основана Одесса с удобной гаванью для военных и торговых судов. Первый утвержденный план города был составлен инженер-полковником Де-Волланом. В проекте тщательно разработана система портовых сооружений с молами, обслуживающими зданиями и многоугольной в плане крепостью. Порт являлся основным фактором, определившим схему прямоугольной планировки Одессы с главными магистралями, выходящими к морю. Планировка города, предложенная Де-Волланом, сохранилась в своей основе до нашего времени.

Присоединение к России Крыма в 1783 г. способствовало развитию на полуострове промышленности, земледелия, садоводства и торговли, а также и градостроительства. Интересен первый генеральный план Симферополя — губернского города Таврической губернии, составленный в 1794 г. В планировке Симферополя прямоугольная сетка улиц сочеталась с трехлучевой системой. Центр города представляла полукруглая соборная площадь со зданием присутственных мест и дворцом. Этот план был осуществлен лишь в незначительной мере, так как в царствование Павла I Таврическая губерния была упразднена и строительство ее центра приостановлено. После восстановления Таврической губернии Симферополь продолжал строиться, но генеральный план его был изменен.

Среди городов Крыма в конце XVIII в. выделяется Севастополь, поражающий темпами строительства. Основанный в 1784 г., уже через три года он имел, по описаниям французского посла графа Сегюра, 400 домов, несколько складов, адмиралтейство, городские укрепления, госпиталь, пристани. Сегюр признал застройку города «подвигом необыкновенной деятельности». До наших дней сохранился один из ранних планов города, из которого видно, что при размещении военных и гражданских строений большое внимание уделялось положению бухты и рельефу местности. Предварительного проекта планировки города, видимо, не было, и вопросы застройки разрешались на месте.

В развитии городов Поднепровья и левобережной Украины последней трети XVIII в. не произошло заметных изменений, несмотря на меры, принимавшиеся правительством. В 1782 г. Межевая экспедиция при Сенате назначила в губернские и уездные города Украины землемеров, на которых были возложены геодезическая съемка городов, изготовление их планов и составление проектов реконструкции. Работы проходили по инструкции «Комиссии строения Санкт-Петербурга и Москвы», которая выработала основные нормативы противопожарных и санитарных мероприятий. В процессе планировки обращалось внимание на установ-

ление определенных разрывов между строениями, застройку некоторых кварталов огнестойкими зданиями, устройство пожарных депо и т. д. Для улучшения санитарного состояния города предлагалось делать сточные канавы на улицах, выносить кладбища за черту города.

Составленные и одобренные на местах проекты планировки городов передавались на заключение в «Комиссию строения Санкт-Петербурга и Москвы», которая после внесения необходимых изменений направляла их на утверждение. В 80-х гг. XVIII в. многие старые города Украины получили утвержденные планы. Существенное значение для регламентации строительства и городского землепользования имело установление границ города, которые обозначались на месте рвами и земляными валами. В городах Харьковского и Киевского наместничеств старые укрепления, как правило, оставались почти нетронутыми, что видно по планам Харькова, Чугуева, Сум и других городов, составленных в 1786 г. Сохранение укреплений обусловливалось стратегическими соображениями.

При сохранении крепости в городе, естественно, сохранялась историческая преемственность схемы новой планировки и существовавшей до этого застройки, не допускавшей абстрактной геометризации. Новая планировка исходит в основном из принципа совершенствования исторически сложившейся схемы города. Это заметно, например, в плане Сум, где в центре при слиянии рек Сумы, Псела и Сумка находится старая крепость. Планировка города, расчлененного реками на три части, подчинена единому замыслу, заключающемуся в прокладке большинства улиц по направлению к крепости, почему план города приближается к радиально-кольцевой схеме.

Регулярная планировка применялась лишь на свободных территориях, как это было, например, в проекте планировки Киева (1787, рис. 1,*1*), составленном Меллером и Шуваловым, где новые кварталы были разбиты в районе Липок между существовавшими в то время крепостями Старым Киевом и Печерской крепостью. В пределах же каждой из крепостей, а также в Печерском форштате предусмотрено было лишь выпрямить улицы и местами расширить. Проекты перепланировки старых украинских городов, утвержденные в конце XVIII столетия, во многих случаях оставались нереализованными из-за войн с Турцией, строительства новых черноморских портов и создания военного и торгового флота, поглощавших большие средства.

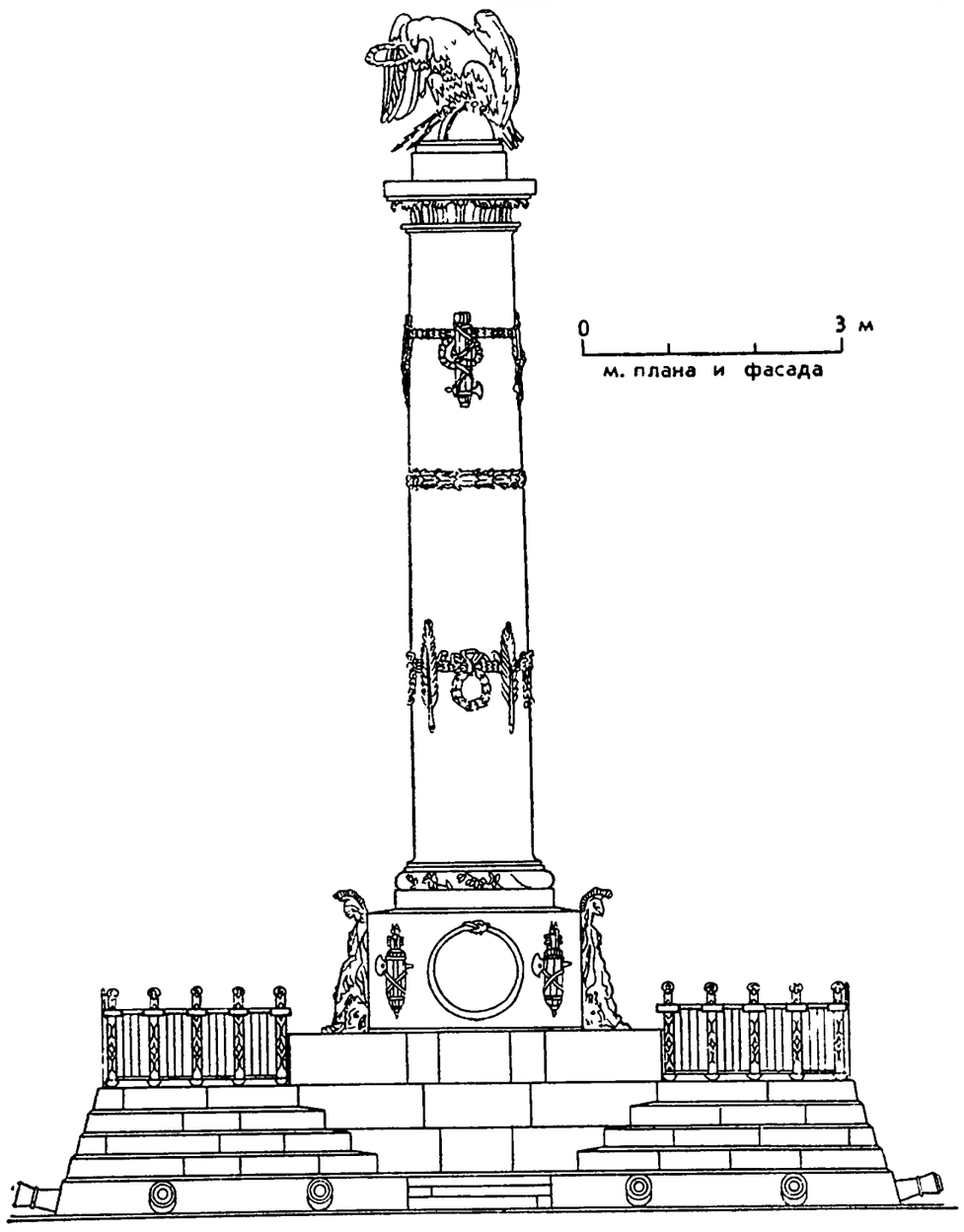
К концу XIX в. многие города Украины потеряли свое оборонное значение, что повлекло в ряде случаев уничтожение древних земляных валов. В этот период увеличиваются ассигнования на реконструкцию таких городов, как Киев, Харьков, Чернигов, Сумы, Новгород-Северский и др., значение которых как административных центров губерний и уездов все более растет. Развитию городов Украины в начале XIX в. способствовал рост промышленности и торговли, вызвавший приток населения и оживление строительства. Правительство отпускает средства на строительство зданий административных, культурно-просветительного назначения и учреждений Приказа общественного призрения; улучшается и благоустройство городов. Во многих городах появляются каменные мостовые, тротуары и уличное освещение.

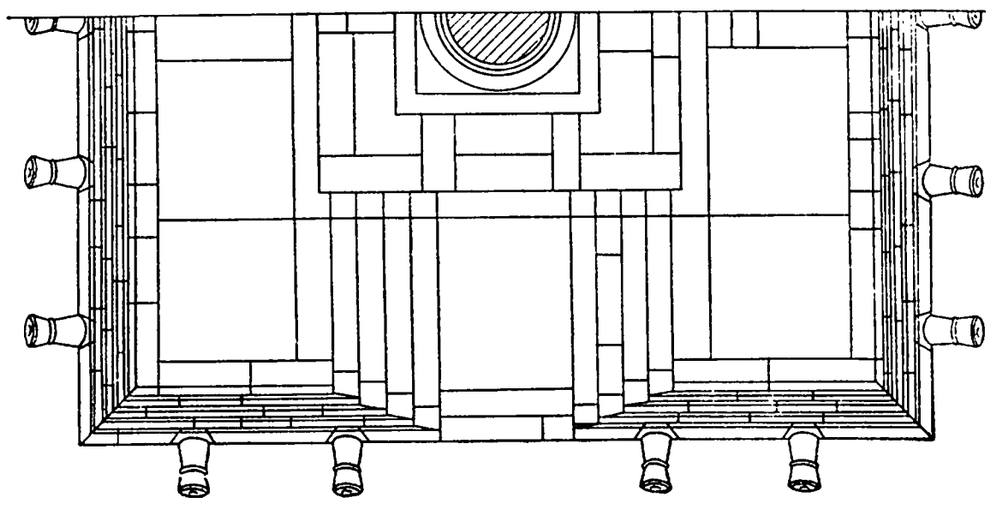
Конкретные условия развития городов Украины потребовали составления новых проектов планировки, а в ряде случаев — существенной переработки генеральных планов, утвержденных в конце XVIII в. В этот период получает распространение геометрическая регулярная планировка. Прямые улицы прорезают старые земляные укрепления и прокладываются на местности без учета рельефа, береговых линий рек и существующих зеленых насаждений.

В Киеве в это время сливаются воедино три разобщенные раньше части. Между старым городом и Печерском по плану 1787 г. застраивается район «Липки», а части города, раньше заключенные в кольцо укреплений, также перепланированы и объединены по плану 1837 г. с районом «Новое строение». После пожара на Подоле в 1811 г. был сделан архитектором В. Гесте новый проект планировки, согласно которому вместо скученной застройки с узкими путаными улицами должны быть проложены прямые, широкие магистрали. В центре этой части города сделана обширная Контрактовая площадь, где предполагалось возвести Контрактовый дом и почту (был построен только Контрактовый дом).

Новым центром Киева по плану начала XIX в. предусматривалось сделать район Печерска, где на пустыре против царского дворца было построено по проекту А. Ме-

2. Полтава. Круглая площадь, 1808 г. (художник Ф. Алексеев, гравировал К. Ческий)





ленского здание губернских Присутственных мест с площадью — плац-парадом, а вдоль кромки днепровских склонов посажена липовая аллея. Здесь же предполагалось устройство нового гостиного двора. Но в 30-х гг. в связи со строительством новой Печерской крепости административный центр был перенесен в район Старого города, на вновь расчищенную Софийскую площадь.

В первой половине XIX в. коренным образом изменилась планировка Чернигова, Черкасс, Александровска, Прилук и ряда других городов. Интересен проект реконструкции Полтавы, объявленной в начале XIX в. губернским городом. Здесь сказалось новое понимание задач планировки, ломающее прежнее представление о городе как о замкнутой схеме улиц в окружении крепостных стен. В это время были срыты валы старой крепости и вновь пробитые прямые улицы образовали единую сеть, увязанную с новым центром города — круглой площадью, вынесенной на свободную территорию (рис. 2). В центре площади по проекту Томона поставлен в 1811 г. замечательный памятник — монумент Славы в честь разгрома шведов под Полтавой в 1709 г. (рис. 3), являющийся центром композиции площади с расходящимися восемью лучевыми магистралями.

По периметру площади возведены здания губернских присутственных мест, дом губернатора, кадетский корпус, дворянское

3. Полтава, монумент Славы, 1805—1811 гг., арх. Т. Томон, скульптор Ф. Щедрин. Фасад и план

собрание, почтамт и др. Для большинства сооружений использованы типовые проекты зданий для губернского города, составленные А. Захаровым. Все сооружения объединены стилистически в единый ансамбль, являющийся ярким образцом отечественного градостроительства начала XIX в. Общий архитектурный замысел несколько проигрывал из-за несоответствия больших размеров площади и масштаба окружающих ее строений. Это несоответствие было впоследствии сглажено превращением площади в парк.

При составлении новых генеральных планов городов Новороссии в основе сохранялась планировочная схема более ранней застройки (Херсон, Николаев, Елизаветград и др.). Это видно на примере плана города Екатеринослава, утвержденного в 1817 г., в котором сохраняется планировка центра по проекту Старова и получает развитие часть города, возникшая вдоль Кременчугской дороги, которая использована для создания одного из лучших проспектов города (рис. 1, *2*).

Развитие морского порта Одессы, получившей ряд льгот по внешней торговле, способствовало расширению территории города и увеличению количества населения. Генеральный план Одессы, утвержденный в 1814 г., зафиксировал сложившуюся структуру города на основе плана 1794 г. и определил перспективу дальнейшего его роста. Новый план предусматривает деление города на две части. Разбитые на прямоугольные кварталы, они повернуты друг к другу под углом 45°. Такое решение продиктовано природными условиями и транспортными требованиями. Принятая сетка улиц обеспечивает удобную связь города с побережьем и вносит разнообразие в архитектуру его застройки.

Классическая схема, примененная в генплане Одессы, основана на выявлении трех главных осевых магистралей: Пушкинской, определившей начало Приморского бульвара, Екатерининской, замыкающейся памятником Ришелье, и Александровской, связанной с парком и двумя базарными площадями. Интересно задуман Приморский бульвар, протянувшийся вдоль берега по верхней террасе и соединенный с портом эффектной широкой лестницей (рис. 4), построенной в 1837—1841 гг. Центральным узлом композиции является полукруглая площадь с памятником Ришелье в центре (скульптор И. Мартос, рис. 5).

Площадь по дуге обстроена двумя симметрично расположенными зданиями, предназначенными для присутственных мест и Петербургской гостиницы. Автор этого ансамбля архитектор А. Мельников сумел из

4. Одесса. Лестница Приморского бульвара, первая половина XIX в., арх. Ф. Боффо

двух разных по назначению зданий создать единую композицию, хотя их фасады и не дублируют друг друга. Здание Присутственных мест расчленено шестью ионическими пилястрами, а фасад гостиницы украшают пилястры коринфского ордера с орнаментированным фризом. Это отступление от полной симметрии оживило общую картину площади.

Памятник Ришелье, решенный предельно лаконично, со статической фигурой на строгом пьедестале здесь очень уместен. Он зрительно завершает широкую лестницу и хорошо увязан с архитектурой застройки полукруглой площади. Границы бульвара с двух сторон композиционно закреплены зданиями Старой биржи и дворцом Воронцова.

Процесс реконструкции охватил в начале XIX столетия также и города западной части Украины, находившейся в то время под властью Австро-Венгрии. Во многих городах были срыты валы, прокладывались широкие улицы, проводились работы по озеленению. Во Львове на месте валов образовались новые бульвары и площади, окружившие старый город. В общем же реконструкция этого города осуществлялась без единого плана, по частям, не затрагивая коренных вопросов перепланировки уличной сети. Причиной, в известной степени, были крупные каменные строения, которые из экономических соображений не представлялось возможным сносить. Поэтому даже в центре города оставались узкие улицы-коридоры, куда редко проникает солнце.

В первой половине XIX в. почти для всех губернских и уездных городов Украины были составлены и утверждены генеральные планы городов. Но в условиях царизма большие градостроительные идеи, заложенные в проектах, оставались неосуществленными. Это видно, например, на архитектурном облике бульвара им. Т. Г. Шевченко в Киеве и на центральном проспекте Екатеринослава, застроенных одно- двухэтажными обывательскими домами, не соответствующими крупному масштабу запроектированных магистралей.

2. АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКОГО ЖИЛИЩА

До конца XVIII в. городское массовое жилище мало чем отличалось от сельского. Даже в первой половине XIX в. в городах еще можно было видеть украинские невысокие «хаты на две половины» крытые соломой. В некоторых городах, как, например, в Чернигове, встречались даже курные избы.

В связи с ростом купеческого сословия, появлением в городах чиновников и наплывом дворянства меняется и характер городского жилища. Помещения начинают специализироваться — возникают спальня, гостиная, столовая и т. д. Окна и двери ста-

5. Одесса. Ансамбль застройки площади с памятником Ришелье, первая половина XIX в., арх. А. Мельников

6. Одесса. Жилой дом с торговыми помещениями на Греческом базаре, первая половина XIX в.

7. Одесса. Двор галерейного дома, первая половина XIX в.

новятся больше, появляются деревянные полы и веранды. В губернских городах — Киеве, Одессе, Харькове — строятся двухэтажные дома зажиточной части населения. В городах возводятся по типовым проектам дома высших государственных чиновников (губернаторов и вице-губернаторов), военнослужащих и дворцы крупных магнатов — Разумовского в Киеве, Воронцова и Потоцкого в Одессе и др.

Жилые здания обычно рассчитывались на одну семью. В начале XIX в. строятся одно- и двухэтажные дома для сдачи в наем. В 40—60-х гг. появляются блочные дома и зарождается прообраз секции. В первой половине XIX столетия под влиянием обязательного введения типовых фасадов изменился внешний облик городского жилища. Городское жилье этого периода в большинстве случаев представляет собой еще тип усадебного дома с хозяйственным двором, садом, службами и часто с жилыми флигелями для слуг.

В Одессе, Херсоне, Николаеве и других причерноморских городах распространен тип многоэтажного галерейного дома, оправданный экономически и отвечающий мягкому южному климату (рис. 6; 7; 8). Галереи окружали дворы, в центре которых обычно помещался каменный бассейн (цистерна) для сбора дождевой воды. Интересны сводчатые перекрытия, распалубки, пилястры и ниши въездов во дворы в Одессе.

В Крыму, где в городах было много татар, караимов и представителей других национальностей, строили дома с соблюдением традиционных национальных принципов планировки и форм. В Бахчисарае, Евпатории, Феодосии и других городах сохраняются восточные дворики и внутренние галерейки. Однако зажиточная часть мест-

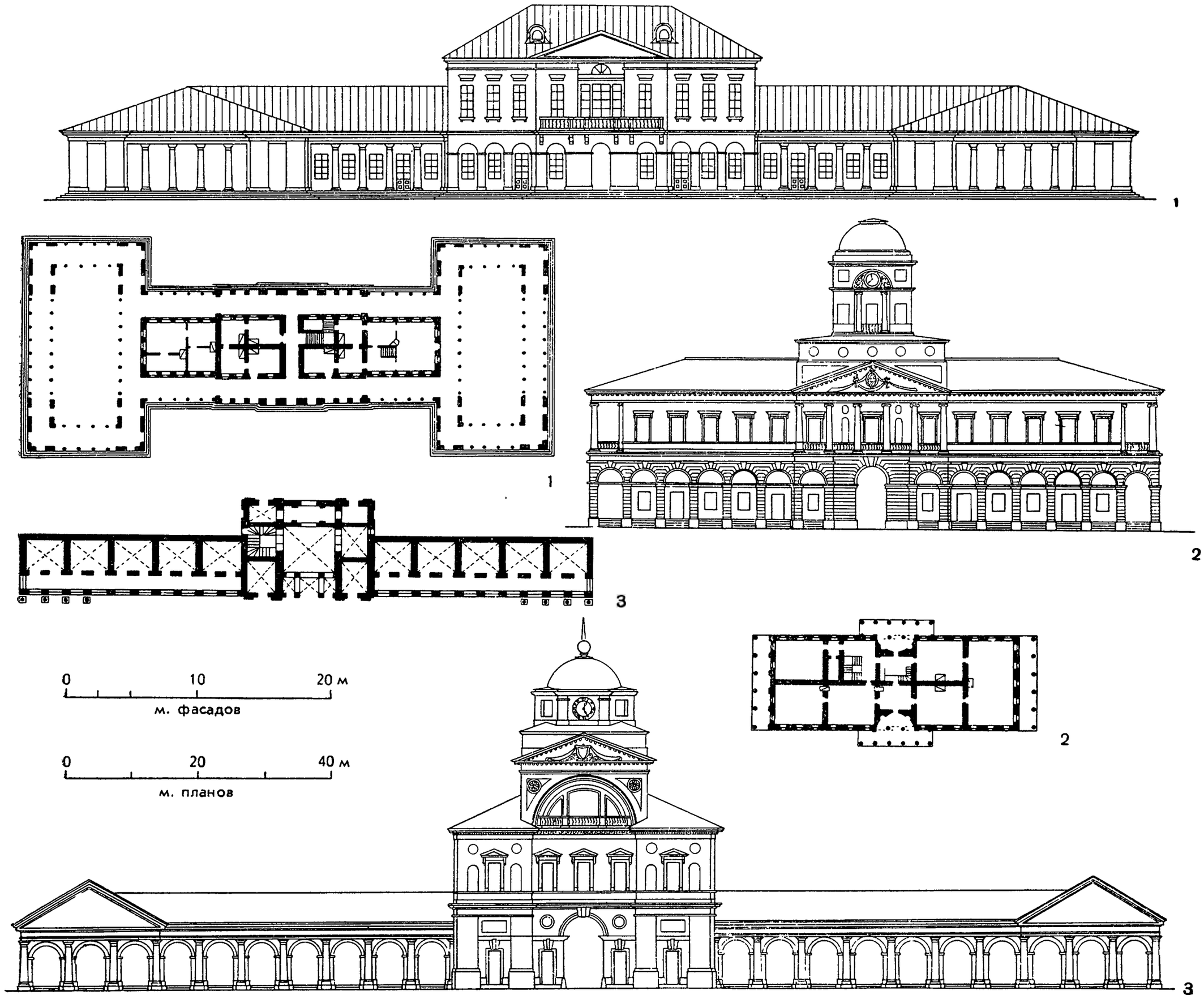
8. Одесса. Колодезь во дворе жилого дома, первая половина XIX в.

ного населения возводит одно- двухэтажные дома в европейском духе с использованием классических форм, что особенно заметно на главных улицах, где местная знать селилась рядом с купечеством и чиновниками, прибывающими из России.

3. АРХИТЕКТУРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

В конце XVIII — первой половине XIX в. строительство общественных зданий приобрело в городах Украины более широкий размах по сравнению с предшествовавшим периодом.

Одним из характерных видов сооружений того времени были магистраты, нередко входившие в ансамбль застройки городских центров. Это были обычно здания симметричной композиции с главной осью, акцентированной широким проходом, и башней с часами, объединяющие административные и торговые помещения. Таковы магистраты в городах Николаеве (рис. 9,*1*), Кременчуге (рис. 9, *2*), Нежине (рис. 9,*3*). Первое из них, построенное по проекту И. Старова на высоком берегу р. Ингула,



9. Городские магистраты конца XVIII в.: *1* — в Николаеве арх. И. Старов, — фасад и план 1-го этажа; *2* — в Кременчуге (Полтавской обл.), — фасад и план 2-го этажа; *3* — в Нежине (Черниговской обл.), — фасад и план 1-го этажа

являлось основным в ансамбле застройки площади. Менее представительным было одноэтажное здание магистрата в г. Чернигове, построенное в 1780 г. В малых городах Левобережья здания магистратов и ратуш скромнее по размерам и архитектуре (магистрат в Конотопе, ратуша в Переяславе и др.).

Отзвуком на указ Екатерины II 1785 г. о строительстве в губернских и уездных городах империи зданий присутственных мест явилось возведение в начале XIX в. на Украине большого количества типовых зданий уездных присутственных мест в городах Тараще, Василькове, Сквире, Черкассах, Чигирине, Звенигородке и др. Получило широкое распространение и размещение административных учреждений в старых приспособленных для этого домах, закупаемых казной у частных владельцев.

Положительное влияние на архитектуру казенных зданий имело распространение на Украине «образцовых» проектов выдающегося зодчего А. Захарова. Наиболее полно это проявилось при создании ансамбля городского административного центра на круглой площади в Полтаве (рис. 10,*6*). В период с 1805 по 1811 г. пять из восьми сторон площади были застроены по проектам Захарова зданиями губернских (рис. 10,*1*) и уездных (рис. 10,*2*) присутственных мест, домами генерал-губернатора (рис. 10,*5*), губернатора (рис. 10,*4*) и вице-губернатора (рис. 10,*3*). По проектам других архитекторов тогда же были построены здания почтамта и дворянского собрания, а в 1834—1841 гг. здание кадетского корпуса. Стилистическое единство зданий этого ансамбля достигнуто симметрией общей композиции, гармоничностью пропорции и общностью рисунка декора фасадов.

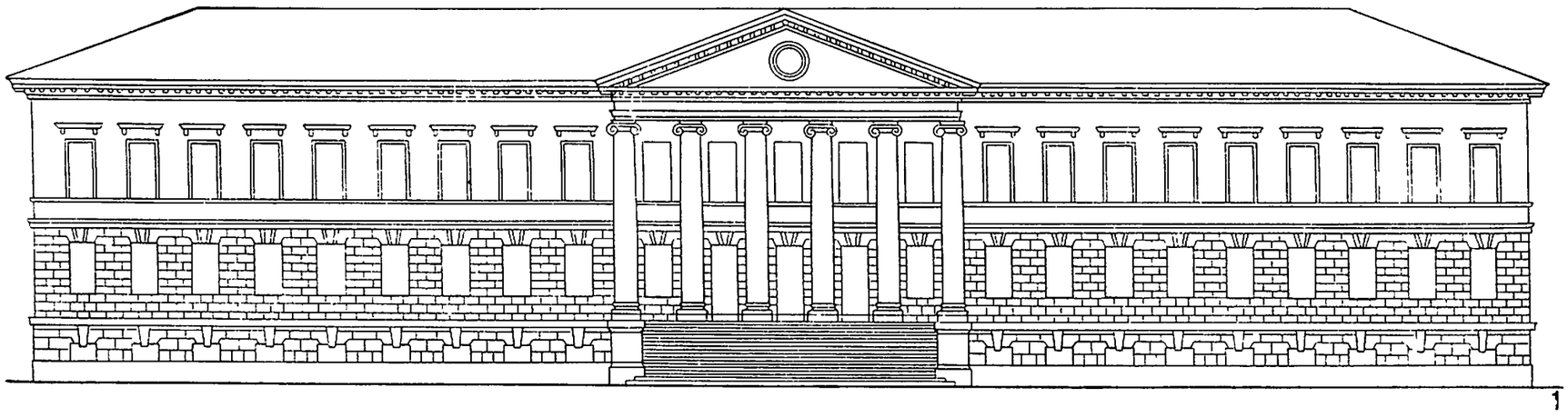
Застройка первоначального административного центра в Киеве на Печерске против царского двора была начата со здания губернских присутственных мест. Построенное в 1805—1809 гг. по проекту арх. А. Меленского в излишне монументальных формах, украшенное центральным портиком главного входа, оно являлось одним из первых наиболее крупных общественных зданий города в стиле русского классицизма. В архитектуре зданий присутственных мест и гостиницы, на полукруглой площади в Одессе, построенных в 1826—1829 гг., уже наблюдается отказ от колонных портиков и усложнение конфигурации плана.

Черты упадка классицизма видны в архитектуре здания бывших присутственных мест на площади Б. Хмельницкого в Киеве, построенного в 1854—1857 гг. по проекту архитекторов М. Иконникова, И. Штрома и К. Скаржинского, в сооружениях штабных комплексов военного ведомства Елисаветграда, Кременчуга и др. Формы классической школы достигли на Украине предельного упрощения, нередко переходящего в казенный штамп в таких сооружениях, как казармы, провиантские склады, кордегардии, цейхаузы, съезжие дворы и др. Многие сооружения в украинских городах строились по «апробированным» проектам: тюремные замки, гауптвахты, пересыльные дома и др. Характерны тюремные замки в Чернигове, Киеве, Полтаве, Нежине и Печенегах, отличающиеся своеобразием и подчеркнутой суровостью архитектуры.

Большое внимание уделяется в рассматриваемый период созданию городских торговых площадей, неотъемлемой частью которых были гостиные дворы и торговые ряды. Иногда в комплекс сооружений торговых площадей входили контрактовые дома, здания складские, пожарной и полицейской службы.

Торговые сооружения располагались в центре площади или по периметру ее застройки, или вдоль прилегающих улиц. В первом случае примером может служить гостиный двор в г. Белая Церковь (начало XIX в., рис. 11,*1*), отличающийся выразительностью общей композиции и гармонией пропорций. Это одноэтажное на подвалах, квадратное в плане сооружение с просторным внутренним двором. По внешнему и внутреннему периметру стен здания к сводчатым торговым помещениям примыкают арочные галереи, прерываемые по оси каждой из сторон здания портиками с проходами во внутренний двор. Тот же композиционный прием имели гостиные дворы в Харькове, Умани, Киеве и других городах. Примером другого приема в размещении торговых сооружений являются: ансабль застройки площади Старого базара в Одессе (сохранились лишь ее остатки), торговые ряды в Новгороде-Северском и Нежине, в Симферополе и Стародубе (рис. 11,*2*, рис. 11,*3*) и др. Общее в их архитектурной композиции — большая протяженность прямоугольных в плане корпусов с арочными или колонными галереями, за которыми расположены торговые помещения.

Среди торговых сооружений представляют интерес здания Контрактового дома в Киеве и Старой биржи в Одессе (рис. 11,*3*). Первое из них было построено на Подоле в 1817 г. по проекту арх. В. Гесте и по замыслу автора являлось составной

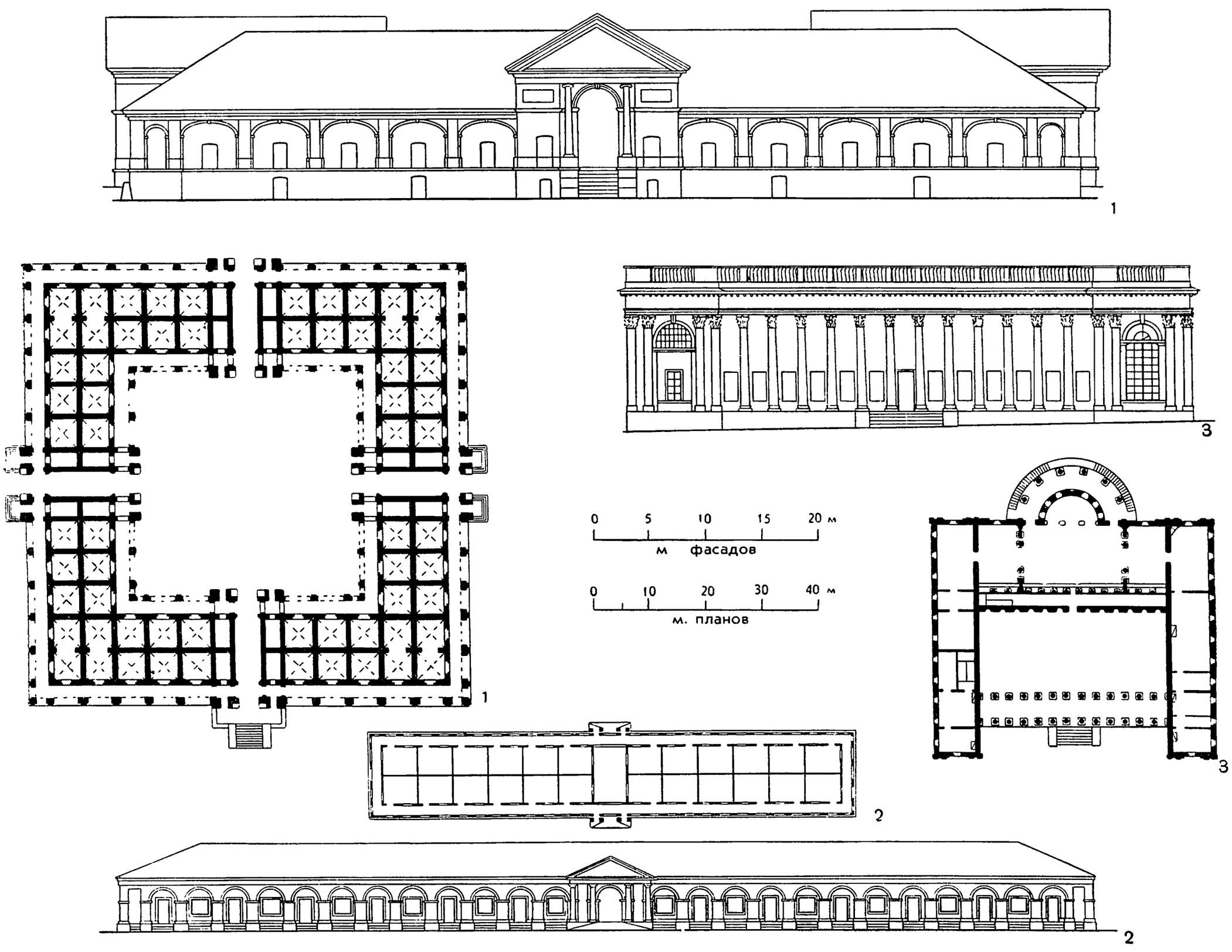


10. Полтава. Ансамбль круглой площади, 1805—1811 гг., арх. А. Захаров. Главные фасады и планы первых этажей: *1* — губернских присутственных мест; *2* — уездных присутственных мест; *3* — дома вице-губернатора; *4* — дома гражданского губернатора; *5* — дома генерал-губернатора; *6* — генеральный план площади

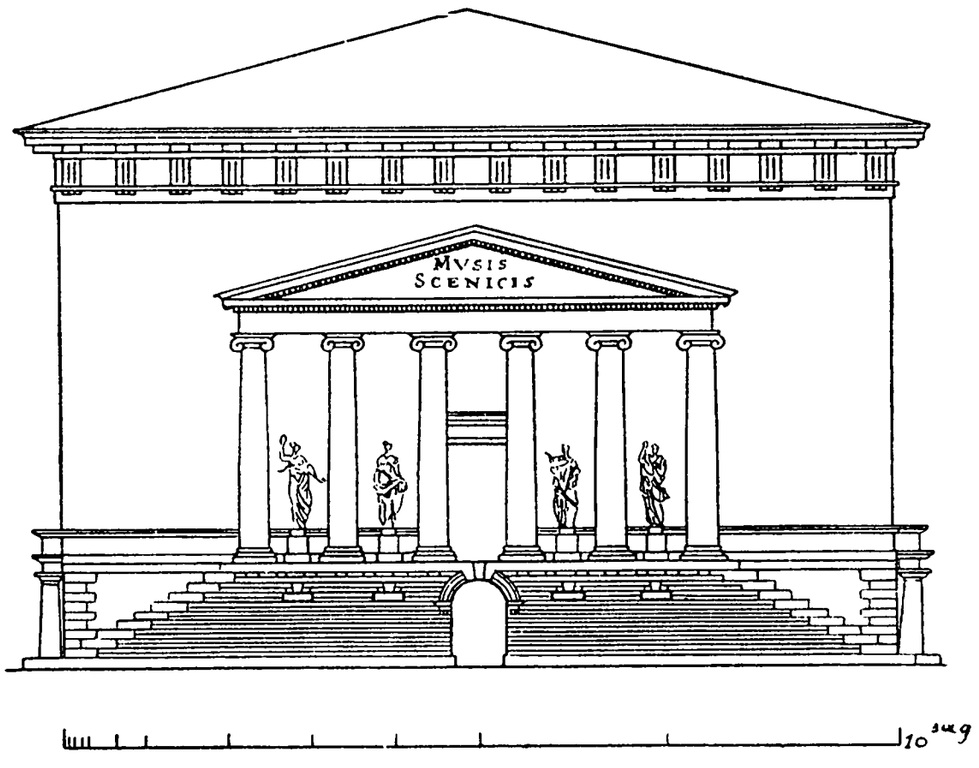
частью неосуществленного комплекса, в котором центральное место отводилось зданию магистрата. Здание Старой биржи построено в 1829—1834 гг. на нынешней площади Коммуны в юго-восточной части Приморского бульвара. До перестройки в 1871 г. это сооружение имело симметричный план П-образной формы. Двойная колоннада коринфского ордера на главном фасаде вела в обширный внутренний двор, оправданный климатическими условиями юга и самим назначением здания.

В начале XIX в. на Украине появились театральные здания и дома дворянских собраний. Первые театры были построены в Киеве, Одессе и Полтаве. Одесский театр (рис. 12), построенный в 1804—1809 гг. по проекту арх. Тома де Томона, располагался на возвышенной и открытой с моря местности неподалеку от Приморского бульвара. Внешний вид театра представлен лаконичным объемом с мощным шестиколонным портиком ионического ордера на главном фасаде. Архитектурное построение плана театра основано на классическом приеме симметрии по продольной оси. К залу театра вместимостью 800 мест примыкали кулуары, связанные двумя парадными лестницами с фойе и вестибюлем. Обращают внимание большие размеры сцены и ограниченное количество вспомогательных помещений при ней.

Дома дворянских собраний представляли собой совершенно новый, характерный для того времени тип здания — клуба привилегированного общества. Назначение зда-



11. *1* — Белая церковь (Киевской обл.). Гостиный двор, начало XIX в., — фасад и план; *2* — Стародуб, бывш. Черниговской губернии, торговые ряды, — фасад и план; *3* — Одесса, Старая биржа, 1829—1834 гг., — фасад и план



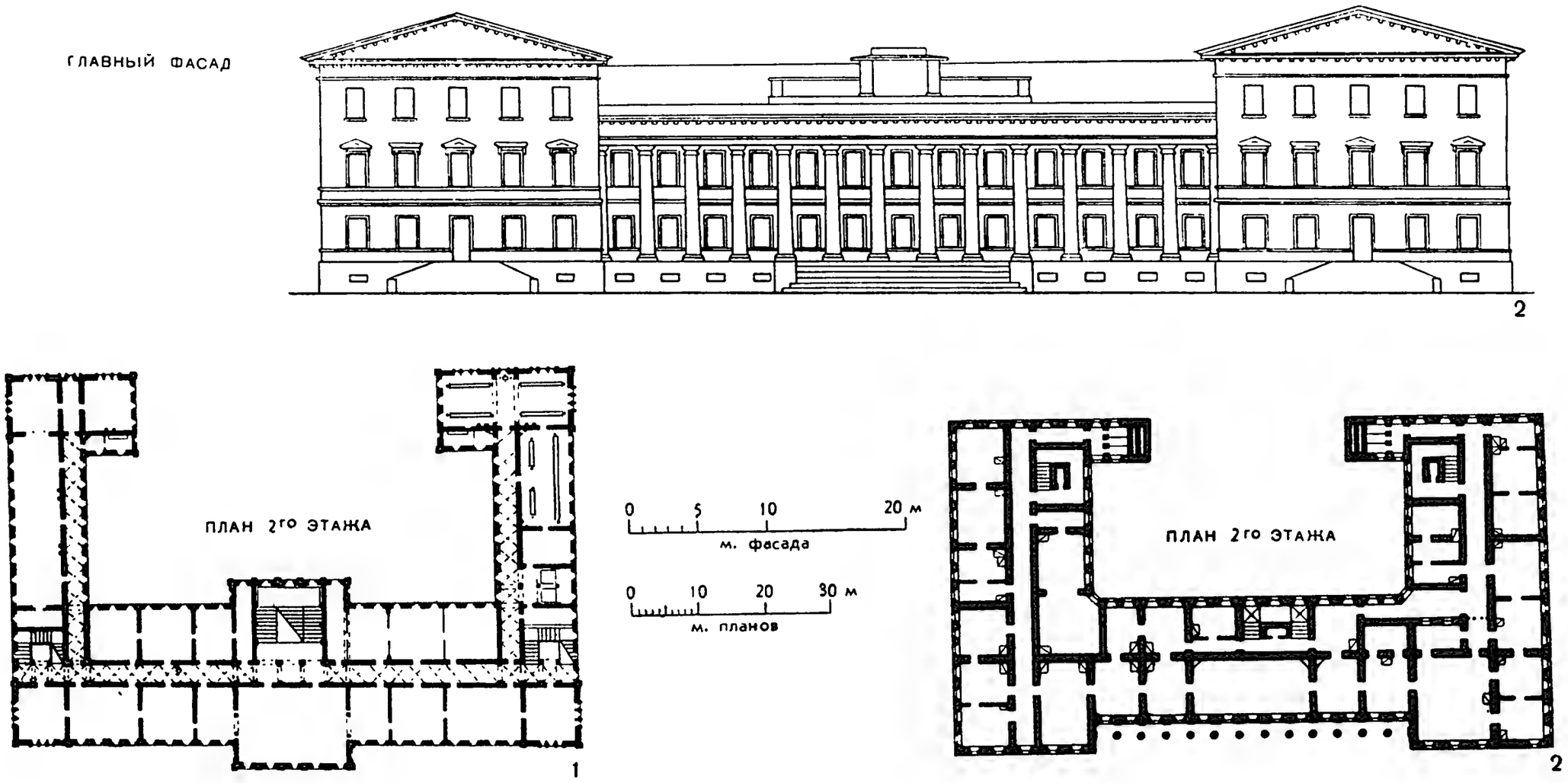
12. Одесса. Театр, 1804—1809 гг., арх. Т. Томон (копия с чертежа Т. Томона)

ния определяло состав его помещений, их взаимосвязь и внешнюю архитектуру с традиционным колонным портиком на главном фасаде (дома дворянских собраний в Полтаве, 1810, рис. 13,*2*; Харькове, 1820; Киеве, 40-е гг. XIX в., и др.).

Быстрый рост промышленности и торговли и общий подъем культуры городского населения вызвали необходимость строительства различных учебных заведений. В первой половине XIX в. получает развитие строительство начальных школ, гимназий, духовных училищ и учебных заведений закрытого типа (лицеи, кадетские корпуса, институты благородных девиц). В Харькове и Киеве были построены здания университетов.

Для начальных городских школ проектировались небольшие одноэтажные зда-

13. *1* — Киев, университет, 1837—1843 гг., арх. В. Беретти, — фасад и план 1-го этажа; *2* — Полтава, дом дворянского собрания, 1810 г., — фасад и план 2-го этажа; *3* — Киев, институт благородных девиц, 1838—1842 гг., арх. В. Беретти, — фасад и план 2-го этажа; *4* — типовое здание уездного училища, — фасад и план 2-го этажа



14. *1* — Киев. Вторая гимназия, 1850 г., арх. В. Беретти, план 2-го этажа; *2* — Нежин (Черниговской обл.), лицей И. Безбородко, 1824 г., арх. Л. Руска, — фасад и план 2-го этажа

ния, архитектура которых отвечала лишь их утилитарному назначению (рис. 13,*4*). Более сложными по архитектуре являлись здания гимназий и других средних учебных заведений, в том числе и закрытого типа, усложненных дополнительной развитой группой помещений пансионата. Примером средних учебных заведений могут служить вторая Киевская гимназия на бульваре им. Т. Г. Шевченко (1850, арх. А. В. Беретти, рис. 14; 15), Полтавская губернская гимназия (1841), Херсонская гимназия (1840) и др.

Из учебных заведений закрытого типа следует отметить здание бывшего лицея И. А. Безбородко, построенное в 1824 г. по проекту арх. Л. И. Руска в Нежине (рис. 14,*2*) с колоннадой большого ордера в средней западающей части, и здание Петровского кадетского корпуса на круглой площади в Полтаве (1834—1841). В архитектуре этого крупного сооружения наряду с удачно найденными пропорциями основных членений видны некоторая схематичность планировки и излишняя измельченность деталей, свидетельствующие об отходе от принципов русской классической школы начала XIX в. По своим размерам это здание вырывается из масштаба застройки площади, хотя и выдержано оно в характере архитектуры всего ансамбля.

Среди институтов благородных девиц, построенных в Киеве, Харькове, Одессе и Полтаве, наиболее интересен Киевский, сооруженный в 1838—1842 гг. по проекту арх. В. И. Беретти (рис. 13,*3*). Институтская усадьба размещена на возвышенности, отделенной от прилегающих улиц с трех сторон крутыми склонами. Такое обособление здания института от городской застройки получило дальнейшее развитие в замене богатого парадного подъезда двумя скромными входами на торцовых фасадах. Зда-

15. Киев. Вторая гимназия. 1850 г.

16. Киев. Университет

ние масштабно благодаря умелому использованию ордера и хорошо увязано с природным окружением.

Здание Киевского университета (1837—1843) занимает главное место в задуманном В. И. Беретти архитектурном ансамбле на пересечении нынешних бульвара им. Т. Г. Шевченко и Владимирской улицы (см. рис. 13,*1*). В основу композиции университета положена взаимосвязь главного и второстепенных корпусов, образующих парадный внутренний двор. Композиция главного фасада построена на контрасте плоскости стены вытянутого по горизонтали фасада и вертикалей колонн мощного ионического портика. Строгие пропорции, лаконизм и сдержанность декора придали зданию университета большую художественную выразительность и монументальность, соответствующие ведущей роли этого здания в ансамбле (рис. 16). Перекрытия основных помещений университета сделаны сводчатыми, причем использование нескольких видов сводов внесло разнообразие в решение интерьера помещений. Широкое применение нашел металл. Из него сделаны конструкции перекрытий, базы, капители, половые плиты и кронштейны венчающего карниза.

17. Одесса. Первая городская больница, 1805 г., арх. Т. Томон

С начала XIX в. на Украине развивается строительство больниц, богаделен, сиротских, инвалидных и воспитательных домов.

Комплексы лечебных заведений обычно размещались на городских окраинах. Основное внимание уделялось планировочной и функциональной стороне лечебных заведений, а их внешний архитектурный облик был сдержанным и скромным.

В 30-х гг. начинает осуществляться строительство больниц по типовым проектам местных архитекторов Кедрина, Данилова и др. Небольшие деревянные на ка-

менном фундаменте и под железной кровлей больницы были построены по утвержденному в 1844 г. «нормальному» проекту в городах Полтавской губернии — Хороле, Прилуках, Переяславе, Миргороде, Лохвице и др. Для таких городов, как Полтава, Ромны, Кременчуг, были составлены арх. А. Карташевским проекты богоугодных заведений, представляющих собой развитый комплекс сооружений симметричной композиции. Примером крупных лечебных зданий выразительной архитектуры может служить Первая городская больница в Одессе (рис. 17), построенная из местного камня в 1805 г. по проекту арх. Томона, и военный госпиталь в Феодосии (1846—1851).

Следует упомянуть о Черноморском госпитале в Херсоне, строившемся по проекту А. Захарова в 1813 г. и представлявшем собой скомпонованный с большим искусством комплекс зданий, а также о неосуществленном проекте госпиталя в Одессе, составленном в 1804 г. арх. Томоном.

Расширение почтовых связей в стране с начала XIX в. требовало строительства почтовых станций, осуществлявшихся как по индивидуальным, так и по типовым проектам. Во многих местечках, селах и по малым трактам Украины в 1804—1806 гг. были построены небольшие здания почтовых станций. В 20-х гг. XIX столетия велась разработка более совершенных и разнообразных проектов почтовых станций. Общим в симметричной композиции комплекса строений почтовых станций было размещение их вокруг близкого к квадрату обширного двора с двумя въездами по обеим сторонам от основного здания. Тыльную сторону участка занимали конторы и сараи для сбруи лошадей, а по бокам — навесы для повозок и экипажей. По фасадной линии застройки углы участка закреплялись небольшими помещениями кухни и ямщицкой (проект Студеницкой станции в Житомирской обл.).

Общественные здания строились в рассматриваемый период на Украине преимущественно по проектам местных архитекторов, из которых некоторые прошли большую практическую школу у крупных столичных зодчих. Нередко принимали участие в проектировании общественных и культовых сооружений для Украины такие известные мастера архитектуры, как И. Старов, А. Захаров, Д. Кваренги, Т. Томон, В. Стасов и др. Заметное распространение получило строительство по так называемым «образцовым» проектам, обусловившее стилистическое единообразие городской застройки и утверждавшее государственный стиль эпохи.

4. АРХИТЕКТУРА ДВОРЦОВ И УСАДЕБ

Конец XVIII — первая половина XIX в. ознаменовались широким размахом строительства на Украине загородных дворцов вельмож и барских домов в дворянских поместьях, чему способствовали сближение с Россией украинского дворянства и связи его верхов с русским престолом.

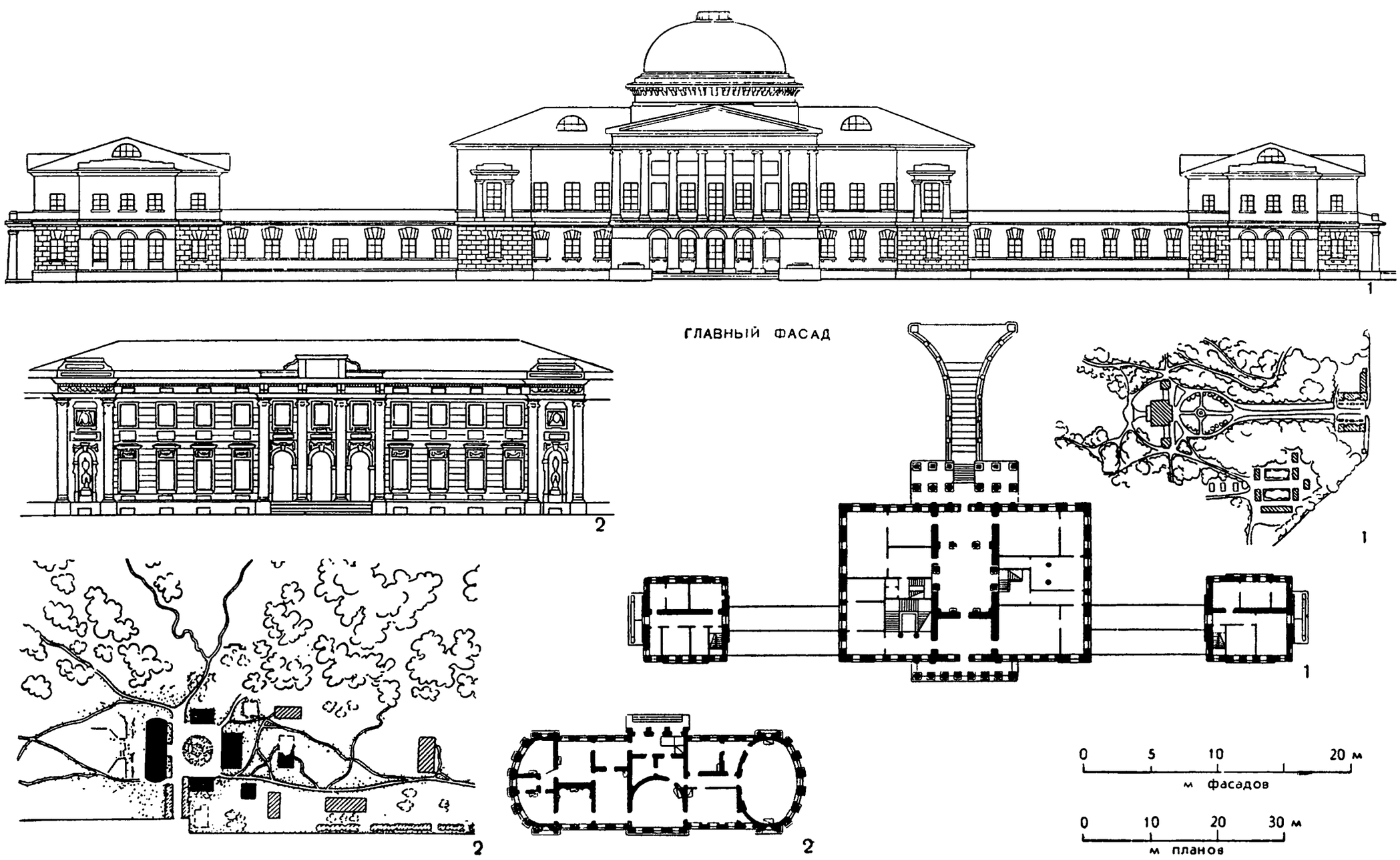
Неотъемлемой частью дворцово-усадебных ансамблей крупных помещиков становятся парадные дворы, окаймленные барским домом и служебными флигелями. Большое внимание уделяется архитектурному решению въезда в усадьбу. Вокруг усадебного комплекса развивается пейзажный парк с живописным прудом, павильонами, мостиками и руинами. Вблизи дворца возводились церковь и хозяйственные постройки, иногда — фамильный мавзолей. Усадебные комплексы обычно располагались в некотором отдалении от села на возвышенности с учетом их господствующего положения на местности.

К числу наиболее ранних памятников дворцово-усадебного зодчества на Украине относится усадьба Мерчик, Харьковской области (рис. 18,2). Она была построена в 1778 г. по проекту известного украинского архитектора П. А. Ярославского, ученика В. И. Баженова. Ядро усадебного комплекса составляли барский дом, два флигеля и служебный корпус, обрамлявшие прямоугольный парадный двор. Хозяйственные постройки и церковь расположены в стороне. В решении генерального плана усадьбы композиционная ось еще не получила четкого выражения. Здесь размещение группы многочисленных хозяйственных сооружений и главного въезда носит случайный характер, и только ядро комплекса подчинено осевому решению. Переходным элементом от барского дома к парку служил регулярно спланированный партер, полого спускавшийся к пруду. Парк площадью свыше 25 *га* с беседками, гротом и мостиками являлся одним из ранних пейзажных парков на Украине.

Барский дом еще содержит ряд помещений криволинейных очертаний, свойственных барокко. Черты переходного этапа от барокко к классицизму с явным влиянием ранних работ В. И. Баженова прослеживаются и в архитектуре фасадов. Ось главного фасада барского дома акцентирована группой сильно выступающих каннелированных пилястр с капителями ионического ордера, усложненными гирляндами. Этот же мотив перенесен на пилястры крайних ризалитов и закругления торцов здания. В противоположность декоративно насыщенному главному фасаду парковый фасад при тех же членениях менее пластичен. Интерьеры основных помещений, особенно двухсветного овального зала, отличаются богатством и изысканностью отделки. Фасады флигелей и служебного корпуса скромнее, но выдержаны в характере архитектуры барского дома и не нарушают стилевого единства ансамбля.

К памятникам дворцово-усадебного зодчества последней трети XVIII в. на Украине относятся дворцы в местечке Почеп и с. Качановке на территории бывшей Черниговской губернии. Первый из них был построен украинским архитектором А. Г. Яновским по проекту В. Деламота для графа К. Разумовского. Генеральный план этого комплекса представляет собой сложную замкнутую композицию. Обширный двор перед дворцом с боков ограничен полукруглыми в плане флигелями, а спереди — служебным корпусом с проездом посередине. По одну сторону от этой группы зданий располагался двор с хозяйственными постройками, а в некотором отдалении — церковь, построенная в 1765—1777 гг. по проекту того же зодчего. По сравнению с декоративно насыщенными фасадами барского дома в Мерчике почепский дворец отличается сдержанностью и строгостью архитектуры.

Дворцово-усадебный комплекс в Качановке (рис. 19) состоит из главного здания (конец XVIII в.), двух флигелей, ограничивающих с боков парадный двор, и церкви. Хозяйственные постройки расположены по одну сторону основной аллеи пейзажного



18. *1* — Сокиренцы (Черниговской обл.), усадебный комплекс, 1829 г., арх. П. Дубровский, — генеральный план, план 2-го этажа и главный фасад дома; *2* — Мерчик (Харьковской обл.), дворец 1778 г., арх. П. Ярославский, — генеральный план, план 2-го этажа и главный фасад

19. Качановка (Черниговской обл.). Дворец конца XVIII — начала XIX в.

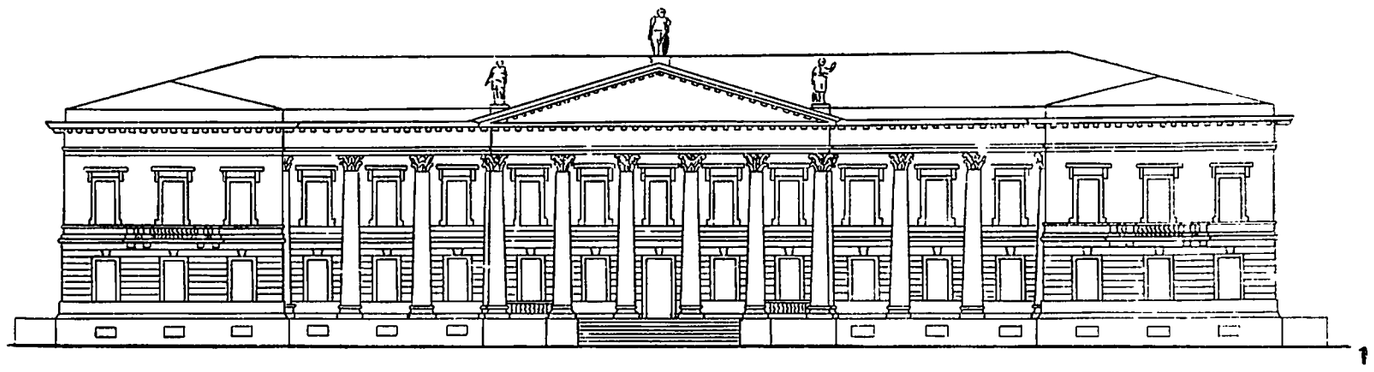
парка, завершенной по концам ядром усадебного комплекса и церковью. Привлекает внимание тождество архитектуры главного и заднего фасадов дворца при различной их композиции. К числу ранних больших усадеб на Украине относятся Очкин, Черниговской обл., Константиновка, Харьковской обл. и др.

Однако тип дворцовой усадьбы получил наиболее полное выражение на севере и северо-востоке Украины. К их числу относятся дворцово-усадебные ансамбли в Ляличах и Хотени, построенные по проектам Д. Кваренги.

Дворцово-усадебный ансамбль в имении П. Завадовского в Ляличах (рис. 20,*2*) был создан в конце XVIII в. на той части территории бывшей Черниговской губернии, которая ныне отошла к БССР. В основе его планировки лежала схема, типичная для русских больших усадеб того времени. Дворцовая группа сооружений состояла из трехэтажного с подвалами дворца, примыкавших к нему по бокам одноэтажных флигелей криволинейного в плане очертания, и двух зданий оранжерей, фланкирующих парадный двор. Развитая группа хозяйственных и служебных строений расположилась по обе стороны центральной аллеи и как бы замыкала вместе с липовой аллеей парадный двор с юго-западной стороны. К садовому фасаду дворца примыкал партер, переходивший за прудом в огромный пейзажный парк с «Летним домиком» и павильоном «Храм благодарности».

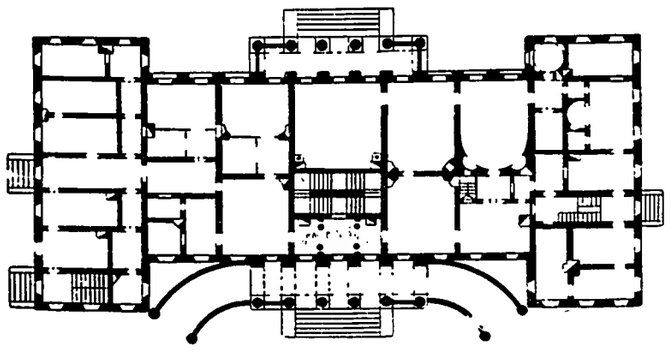
Нижний этаж дворца заключал в себе вестибюль, приемные, кабинет владельца и ряд служебных помещений. Во втором этаже располагались парадные залы, из которых круглый занимал центральное место. Третий, небольшой высоты этаж предназначался для жилья семьи владельца дворца, в подвале располагались кухня, кладовые и многочисленные хозяйственные помещения, а в крыльях — комнаты для гостей. Архитектурный облик дворца прост, выразителен, отличается строгостью пропорций и сдержанностью декора. В интерьерах парадных помещений широко использованы колонны, пилястры, карнизы, филенки и пр. Наряду с ценными породами естественного камня и дерева нашли применение монументальная роспись, зеркала, гобелены, скульптура и лепка. В отливке лепных изделий использовано ограниченное количество форм, усиливавшее стилевое единообразие внутреннего убранства.

Дворцово-усадебный комплекс в с. Хотень, Сумской области был создан также в конце XVIII в. (рис. 20,*1*). От основного въезда на территорию усадьбы вела широкая аллея, вливавшаяся в парадный прямоугольный двор перед главным фасадом дворца. С боков этот двор был ограничен



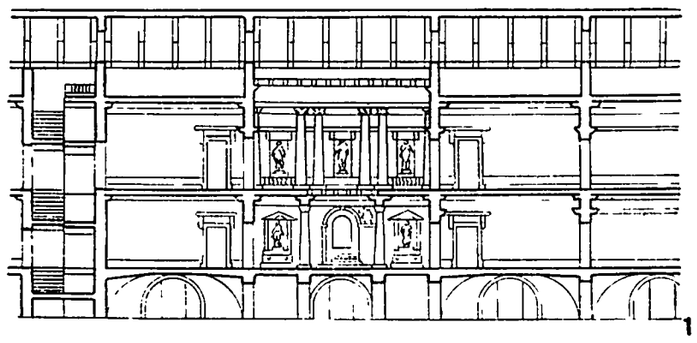
1

ПАРКОВЫЙ ФАСАД



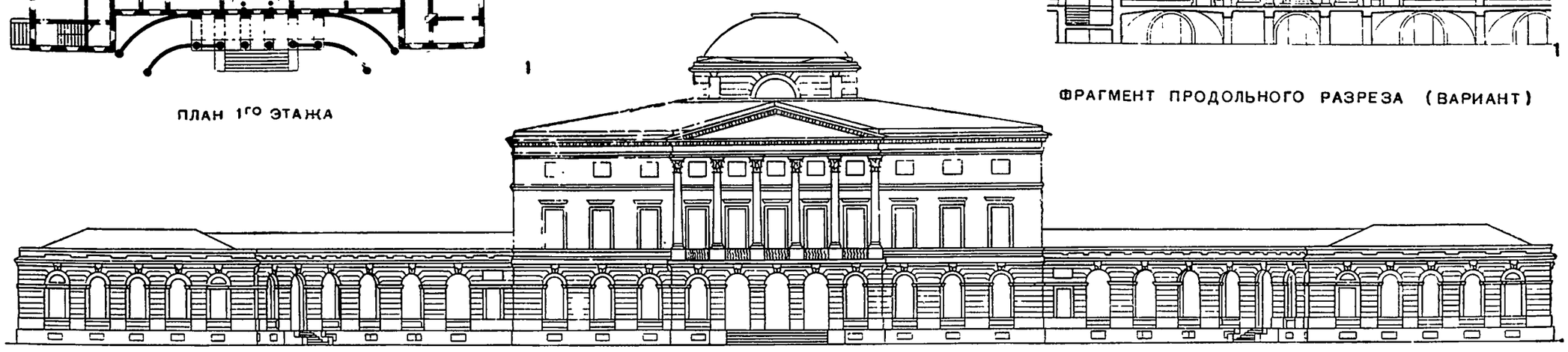
1

ПЛАН 1ГО ЭТАЖА



1

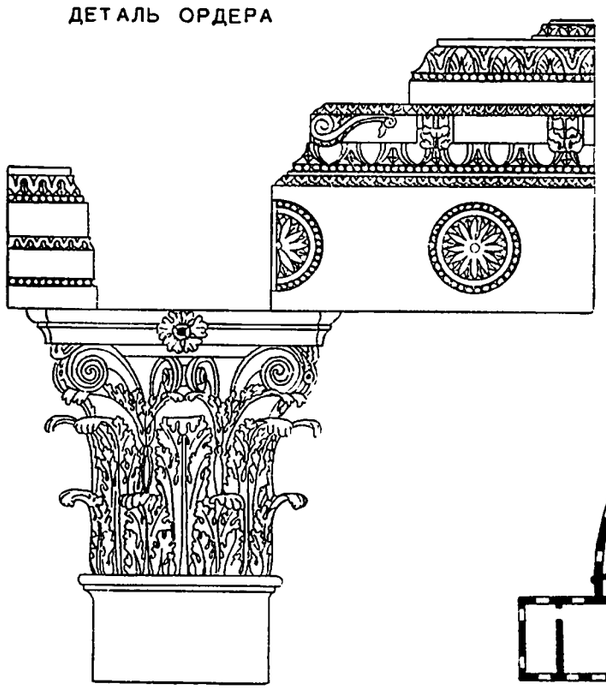
ФРАГМЕНТ ПРОДОЛЬНОГО РАЗРЕЗА (ВАРИАНТ)

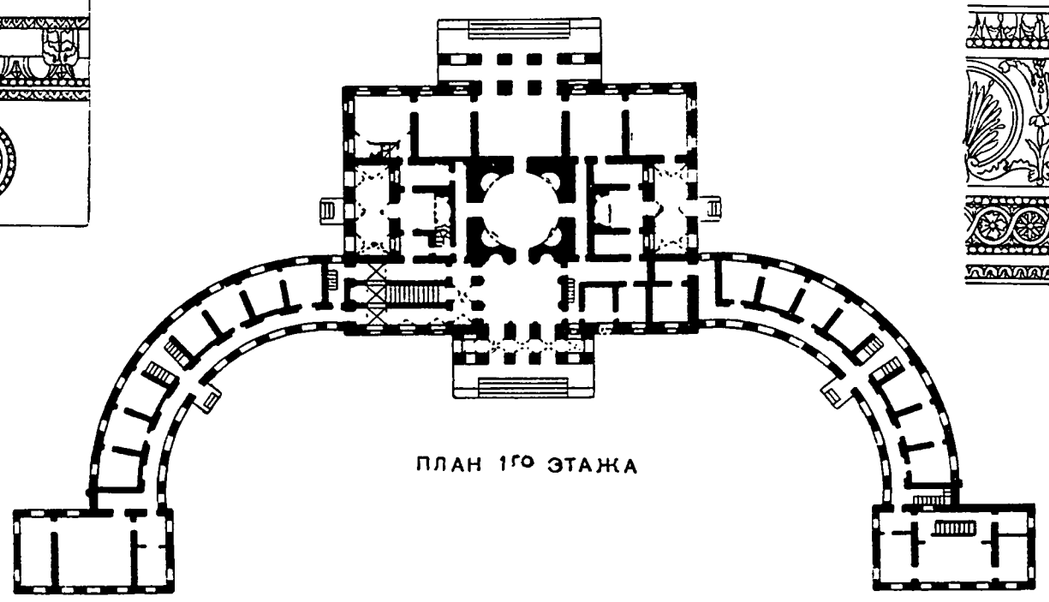


2

ГЛАВНЫЙ ФАСАД

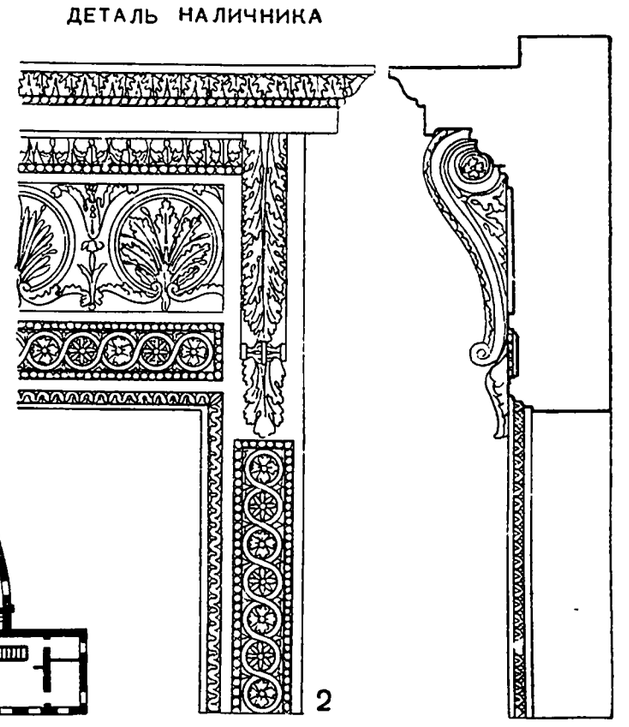
ДЕТАЛЬ ОРДЕРА



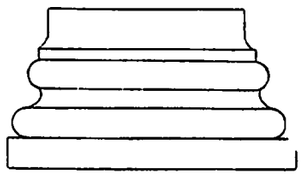


ПЛАН 1ГО ЭТАЖА

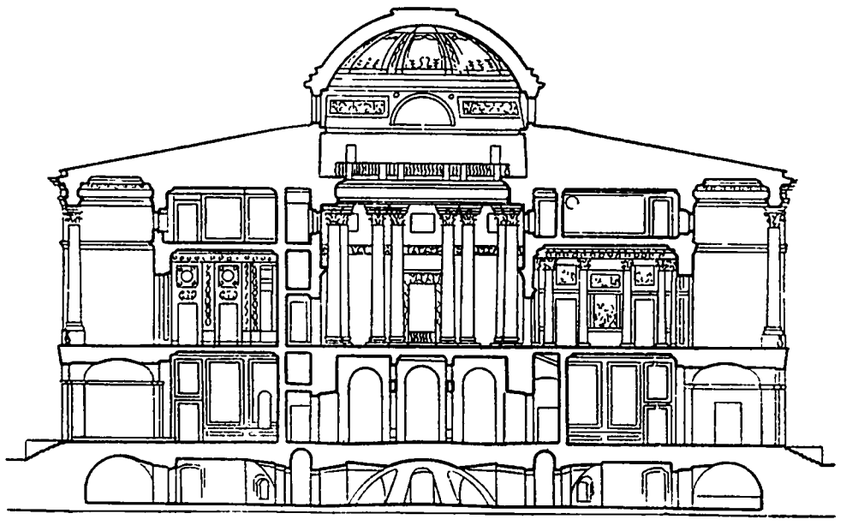
ДЕТАЛЬ НАЛИЧНИКА



2

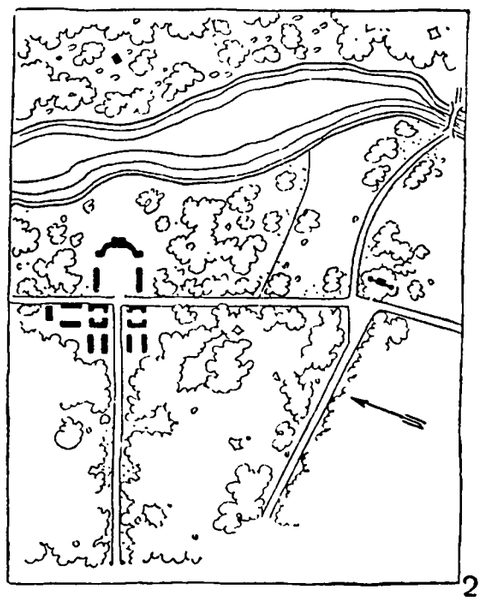


2



ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ

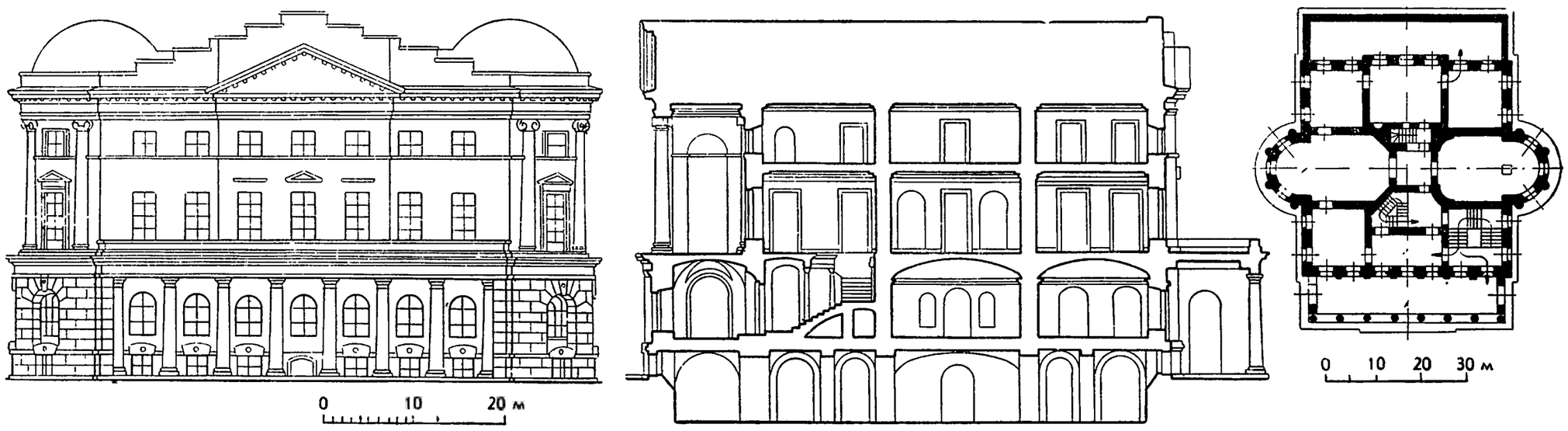
2



2

0 10 20 30 м
м. фасадов
0 20 40 60 м
м. планов
0 0,5 1 м.
м. деталей

20. *1* — Хотень (Сумской обл.), Дворец конца XVIII в., арх. Д. Кваренги; *2* — с. Ляличи, бывш. Черниговской губернии. Дворец в имении П. В. Завадовского, конец XVIII в., арх. Д. Кваренги



21. Батурин (Черниговской обл.). Дворец К. Разумовского, 1799—1803 гг., арх. Ч. Камерон, — фасад, продольный разрез, план 1-го этажа

двумя двухэтажными флигелями. На значительном расстоянии от дворцовой группы сооружений под горой размещались оранжереи, служебные и хозяйственные постройки. За дворцом простирался большой пейзажный парк. Архитектура дворца отличается законченностью и простотой композиции, хорошими пропорциями основных членений и благородством форм. Композиционным центром фасадов служат шестиколонные портики коринфского ордера, завершенные фронтонами и скульптурой. Интерьеры парадных помещений обладают цельностью замысла, комфортом и изяществом. Здесь широкое применение нашли лепные карнизы, скульптурные фризы, кафельные печи, барельефные вставки и богатая по цветовой гамме художественная роспись плафонов.

К числу замечательных памятников дворцово-усадебного зодчества на Украине относится также дворец последнего ее гетмана К. Разумовского в с. Батурине, Черниговской области. Строительство этого дворца по проекту Ч. Камерона длилось с 1799 по 1803 г.

Батуринский дворец (рис. 21) расположен на живописном плато и господствует над долиной р. Сейм. По обеим сторонам от дворца размещались симметрично двухэтажные флигеля, соединенные с ним каменной оградой. К дворцу примыкал партер, переходивший в большой с вековыми деревьями пейзажный парк. Планировка сравнительно небольшого дворца компактна и сохраняет традиционную поэтажную группировку помещений. Внешний вид дворцового здания характеризуется строгостью и изяществом форм. Главный фасад обогащен стройным восьмиколонным портиком греко-ионического ордера, поднятым на высоту первого этажа. Он соединен со стеной палладианским приемом при помощи арок и увенчан пологим фронтоном. Полуротонды со стороны боковых фасадов перекрыты куполами и украшены полуколоннами того же греко-ионического ордера. Более скромен фасад, обращенный в парк. Строительство дворца характерно широким применением камня-песчаника. По своему расположению на местности, выразительности, оригинальности общей композиции и богатству интерьеров Батуринский дворец относится к числу ценных памятников архитектуры на Украине.

Кроме рассмотренных примеров дворцово-усадебного зодчества в этот период на Украине был создан ряд крупнопоместных, а также большое количество средних по величине и мелких дворянских усадеб. К числу характерных крупных усадеб могут быть отнесены усадьбы Павла Галагана в с. Сокиренцы (рис. 18,*1*) и Петра Галагана в с. Дегтяры, Черниговской области, построенные в 1825—1830 гг. по проекту украинского арх. П. Дубровского.

В основу планировки этих усадеб положена центрально-осевая композиция с расположением барского дома в глубине парадного двора. Комплекс зданий сокиренской усадьбы состоял из барского дома, двух служебных флигелей при въезде в усадьбу, хозяйственных построек и большого пейзажного парка. Двухэтажный барский дом с портиками на длинных сторонах фасада и декоративным куполом в центре соединен переходами с флигелями. Особенностью этого здания является пандус, примыкавший к открытой веранде и связывавший парадные помещения с парком

22. Сокиренцы. Дворец. Вид со стороны сада

(рис. 22). Этот же прием, но с заменой пандуса лестницами повторен во дворце с. Дегтяры. Менее значительная по объему, но интересная по архитектуре отдельных сооружений усадьба К. Разумовского в Яготине, Полтавской области была построена на возвышенном берегу р. Супоя в конце XVIII в. по проекту арх. А. Менеласа.

В архитектуре этих усадебных комплексов, как и усадьбы в с. Графское, Харьковской области, заметно влияние зодчих московской школы русского классицизма. К числу характерных примеров крупнопоместных усадеб на Украине следует отнести также усадьбы в селах: Диканьке, Полтавской области, Ракитном, Великом Бурлуке, Бездрике, Алексеевке, Харьковской области и др. Большое значение в ансамблях крупнопоместных усадеб приобретают служебные флигеля, оранжереи, конюшни, каретные сараи и другие хозяйственные сооружения, построенные в классических формах и нередко объединенные в одну архитектурную композицию с барским домом. Часто одним из компонентов усадебного ансамбля была церковь, но она не играла в нем существенной роли.

Основной состав средних и мелких помещиков на Украине представляла казацкая старшина, стремившаяся с получением дворянских прав к освоению «столичной моды». Это нашло отражение в проникновении в архитектуру их усадеб классических композиционных приемов и форм.

Примером многочисленных усадеб помещиков среднего достатка являются Хатное, Токари, Васильевка, Должик, Куяновка, Ракитное, бывш. Харьковской губернии и др. Эти усадьбы отличались более свободной планировкой с учетом местных природных условий, сравнительно развитым составом хозяйственных построек, чистым двором перед барским в большинстве случаев одноэтажным домом, иногда с мезонином и традиционным портиком. Показная роскошь дворцовых усадеб сменилась в среднепо-

местных имениях чертами хозяйственной деловитости.

Для мелкопоместных усадеб характерен небольшой барский дом с белоколонным крыльцом-портиком, утопавший в зелени садов. Хозяйственные постройки располагались обычно вблизи дома и отличались примитивностью архитектуры. Таковы усадьбы Сосновка, Липцы, Железняк, Кровное, Пожня, Малыжино бывш. Харьковской губернии и др.

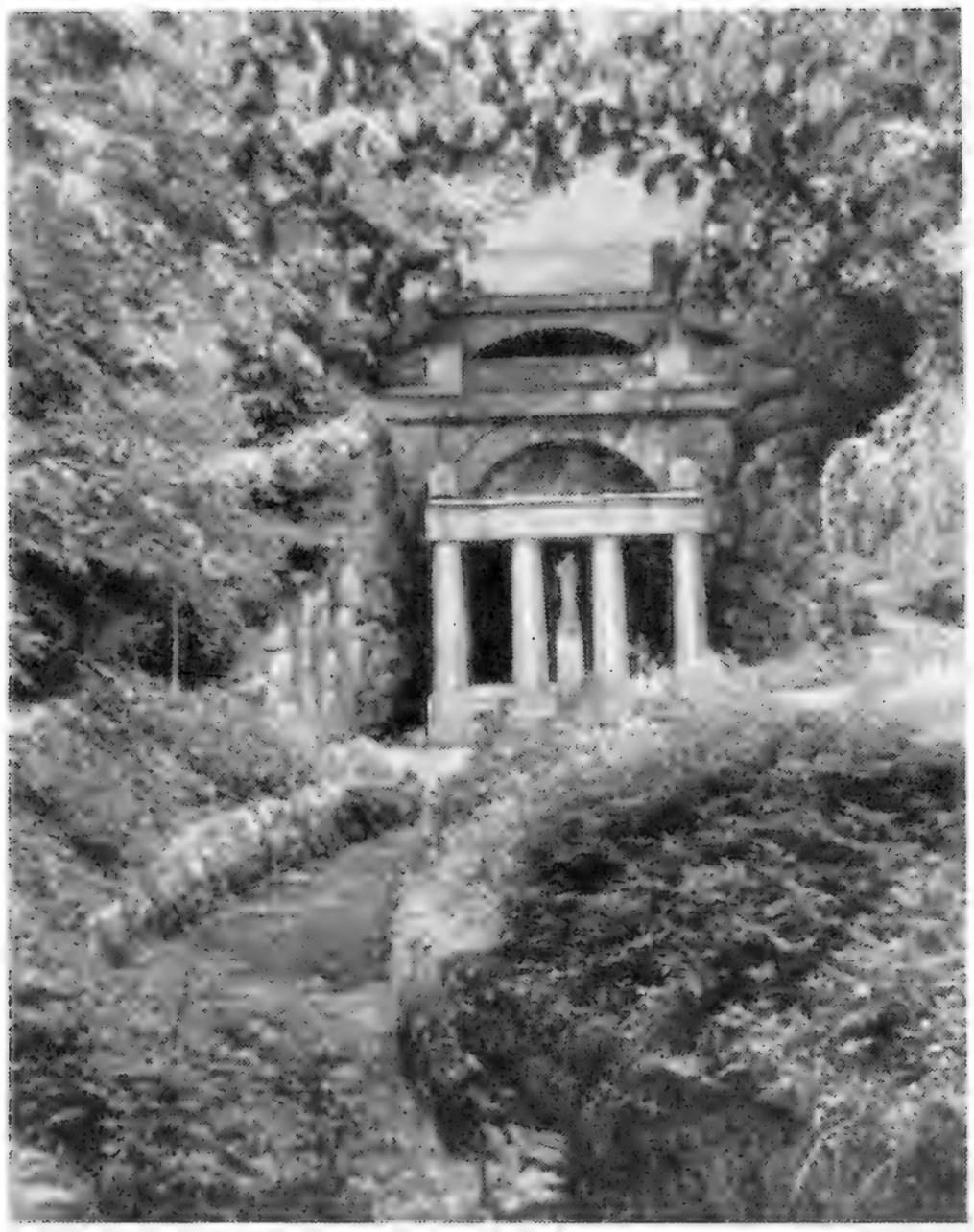
Для усадебного зодчества Правобережья в имениях польских магнатов и шляхты также характерны формы классицизма, но в планировке и отдельных деталях были свои особенности. Так, перед барским домом разбивался партер круглой и эллиптической формы с живописно разбросанными группами деревьев. Партер окаймляла дорога, ведущая к главному входу в дом, покрытый, как и флигеля, высокой черепичной кровлей. Служебные постройки нередко выносились за границы парадного пространства (Межиричи-Корецкое, бывш. Волынской губернии) или располагались отдельно от основного здания, сохраняя симметрию общей композиции (Верховня, Житомирской области), или объединялись с барским домом крытыми одноэтажными переходами чаще криволинейного в плане очертания (Пятничаны, бывш. Подольской губернии). Сооружение помещичьих усадеб в Галиции уступало по своим масштабам их строительству на Левобережной Украине. Характерны усадьбы в виде скромных зданий с колонными портиками и высокими гонтовыми кровлями.

Дворцово-усадебное зодчество на Украине в рассматриваемый период приобрело массовый характер и качественно иные черты. Наибольшего развития оно достигло в конце XVIII—начале XIX в., после чего начался период постепенного затухания, обусловленный изменениями, которые вносило в жизнь дворян развитие капиталистических отношений.

На большей части Украины в основу усадебного зодчества были положены композиционные приемы и формы, выработанные в строительстве русских усадеб второй половины XVIII в. Наиболее полно и в чистом виде классическое направление проявилось в архитектуре дворцово-усадебных ансамблей, построенных по проектам известных зодчих и их воспитанников из числа талантливых украинских архитекторов. В усадебном зодчестве среднего и мелкопоместного дворянства переплелось влияние форм русского классицизма и местных традиций (учет природных условий в размещении и планировке усадеб, народные мотивы в решении интерьеров, архитектурные детали).

Выдающимся примером парковой архи-

23. Умань (Черкасской обл.). Лестница у пруда в парке «Софиевка»



24. Умань. Грот Венеры в парке «Софиевка», 1796—1800 гг.

тектуры на Украине служит парк «Софиевка» в г. Умани, Черкасской области (рис. 23; 24). Строительство этого парка в бывшем имении Потоцкого продолжалось с 1796 по 1859 г. с 30-летним перерывом в начале XIX в. Главная ось композиции парка проходит по руслу р. Каменка, где руками крепостных было создано четыре искусственных озера, перепланированы склоны оврагов и нагромождены скалы. В начальный период создания парка были построены гроты, лабиринт, охотничий павильон и водная система с гидравлическими сооружениями, установлена античная скульптура. Наиболее живописной является территория парка между Нижним и Верхним озерами, соединенная с основным входом широкой аллеей. В более поздний период произошло расширение парка и строительство по проектам архитектора А. Н. Штакеншнейдера новых павильонов и входа в парк. Одним из важнейших элементов композиции парка «Софиевка» является водная система с ее озерами, водопадом и сетью каналов, неразрывно связанных с архитектурно-пространственным решением всего комплекса сооружений.

Другим замечательным примером паркостроения на Украине является ландшафтный парк «Александрия», расположенный на живописном берегу р. Рось на окраине г. Белая Церковь. Ядро планировочной структуры парка составлял комплекс сооружений второй половины XVIII в. из трех двухэтажных домов резиденции Браницких, так называемый «Дидинец», смежный с ним участок «Варна», четыре одинаковых корпуса для гостей и танцевальный павильон. Силами крепостных в этом парке были созданы искусственные скалы для водопадов и каскадов, произведены засыпка оврагов, устройство запруд и островов. В восточной части парка сосредоточены основные насаждения и сооружения малых архитектурных форм, а западную часть занимает огромный массив дубового леса. Ценность парка «Александрия» заключается в его замечательной по подбору и разнообразию растительности, которая гармонично сочетается с гладью многочисленных водоемов и парковыми постройками (амфитеатр-колоннада, павильон Потемкина, Китайский мост, павильон «Эхо» и др.).

Особое место занимает дендропарк в Тростянце, Черниговской области, площадью около 200 *га*. Основу его композиции составляет пластическая обработка рельефа и комбинированные посадки разнообразной растительности по сторонам большого пруда, являющегося композиционной осью парка. В Тростянце блестяще разрешена задача создания парка в открытой степной местности.

Из других крупных парков, созданных в этот период на Украине, заслуживают внимания парки в Яготине, Киевской области, в Покорщине, Черниговской области, Печорский парк в Винницкой области и др.

5. АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ

В церковной архитектуре второй половины XVIII в. на Украине начинается постепенный отход от барочных форм. Внутренний декор становится скромнее, и его роль постепенно ограничивается выявлением структурных элементов интерьера. Примером переходного типа храмов могут служить Троицкая церковь в с. Вишняки,

Полтавской обл. (1794), Набережно-Никольская в Киеве (1772—1785) и др. Происходит сильное сокращение строительства монастырских храмов наряду с увеличением количества городских церквей. Строится много сельских церквей, часто входящих в ансамбль помещичьих усадеб. Основным строительным материалом становится кирпич. Архитектура церквей находит выражение в лаконичных объемах, завершенных полусферическим куполом на высоком световом барабане. На фоне гладких плоскостей стен выделяются портики. Трех- и пятикупольные храмы теперь строятся на Украине сравнительно редко.

Продолжается и деревянное культовое строительство по-прежнему с широким использованием приемов и форм народного зодчества. Примером могут служить в Житомирской области трехсрубные деревянные церкви в селах Каменный Брод и Рясне, пятисрубная — в с. Межиричке и др. Однако в силу указа Синода 1803 г. строительство церквей в «малороссийском стиле» было по сути дела прекращено. Исключение составляли лишь западноукраинские земли, входившие с конца XVIII в. в состав австро-венгерской монархии. Здесь на протяжении первой трети XIX в. продолжалось, хотя и в значительно сокращенном объеме, строительство деревянных церквей в формах местных народных традиций (церковь в с. Ясиня, Закарпатской области, 1824, и др.).

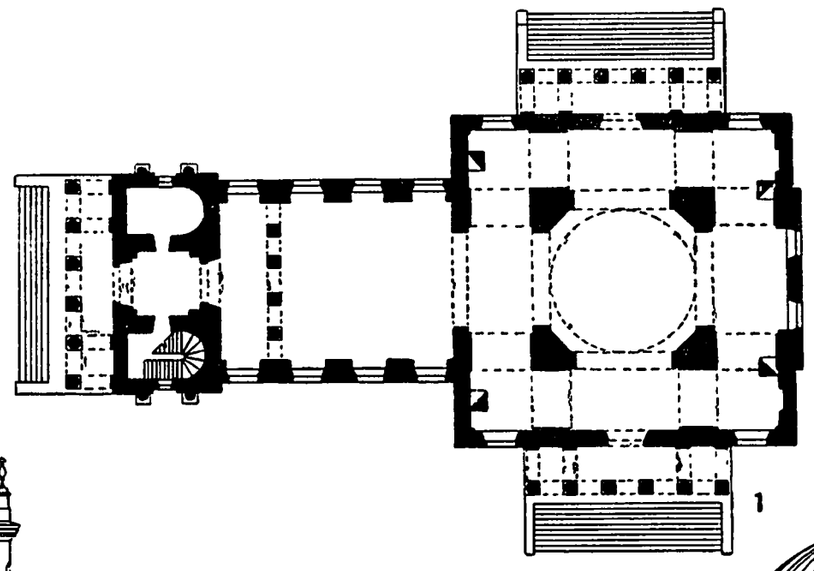
По своим композиционным приемам каменное культовое зодчество этого времени на Украине может быть разделено на пять основных групп. К первой, наиболее распространенной группе, продолжавшей традиции предшествующего периода, относятся церкви крестообразные в плане, однокупольные с портиками входов (Всехсвятская в г. Нежине конца XVIII в.; Преображенская в с. Великий Бурлук, Харьковской области, 1820—1830; Никольская в г. Ромны, Полтавской области, 1816, и др.).

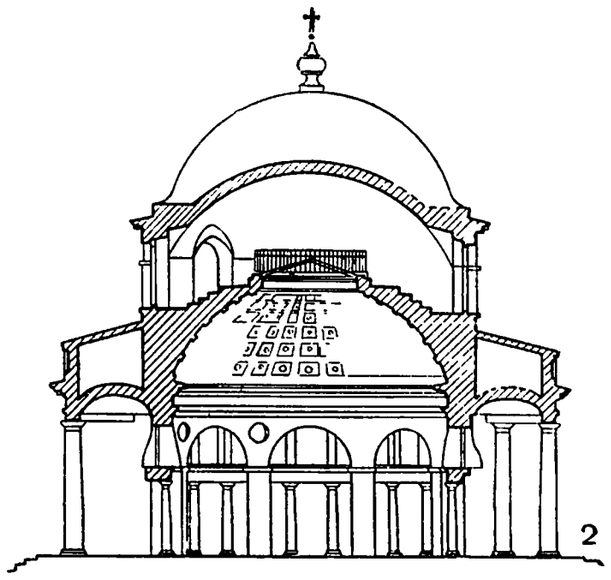
Из них оригинальна своей объемно-планировочной композицией Преображенская церковь, авторство которой приписывается арх. В. П. Стасову. Дальнейшая трансформация церквей этой группы идет по пути заполнения входящих углов креста помещениями одной высоты с основным объемом, увенчанным куполом на высоком барабане. Представителями второй группы церквей являются: пятикупольный собор Преображенского монастыря в г. Новгороде-Северском (рис. 25), построенный по проекту Кваренги в 1796—1806 гг., соборные храмы в городах Кременчуге (1809) и Болграде (1833—1838, рис. 26,*3*), церковь в с. Чернобай, Черкасской области (1808, рис. 26,*4*) и др.

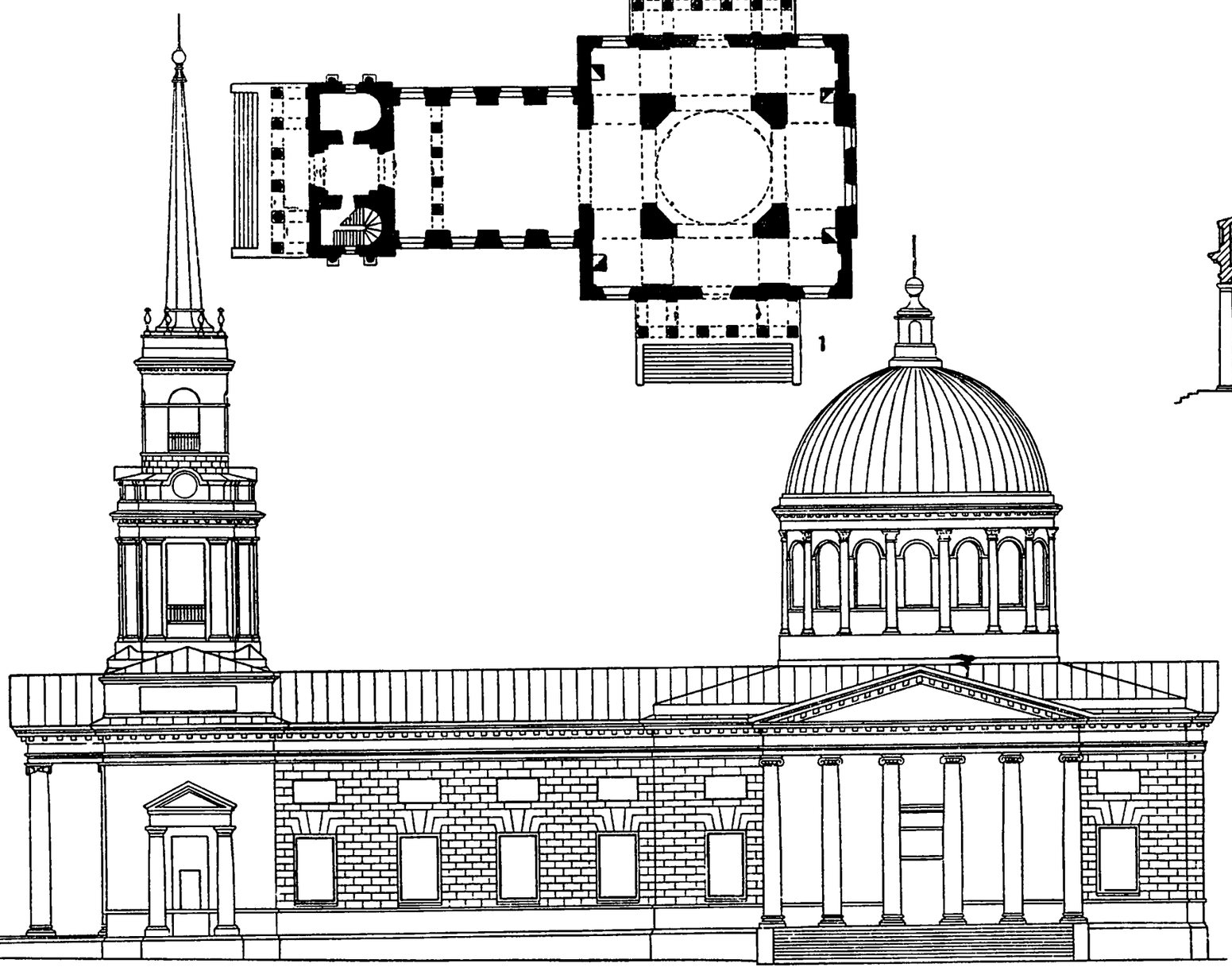
Третью группу церквей составляют кубические с трапезной, имеющие колокольню над основным входом. Типичным примером сооружений этой группы служит Преображенский собор в г. Екатеринославе (рис. 26,*1*), построенный по проекту А. Захарова 1806 года в 1830—1835 гг.

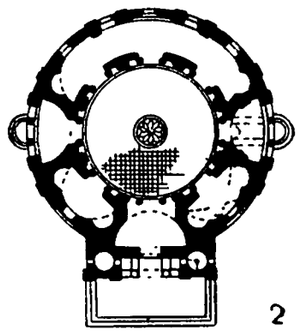
Круглые в плане однокупольные церкви образуют четвертую группу. Среди них Никольская церковь в с. Диканьке, Полтавской области (рис. 26,*2*), построенная по проекту Н. А. Львова в 1794 г., церковь в с. Кунье, Харьковской области (1814, рис. 27), церковь в Яготине (конец XVIII в.)

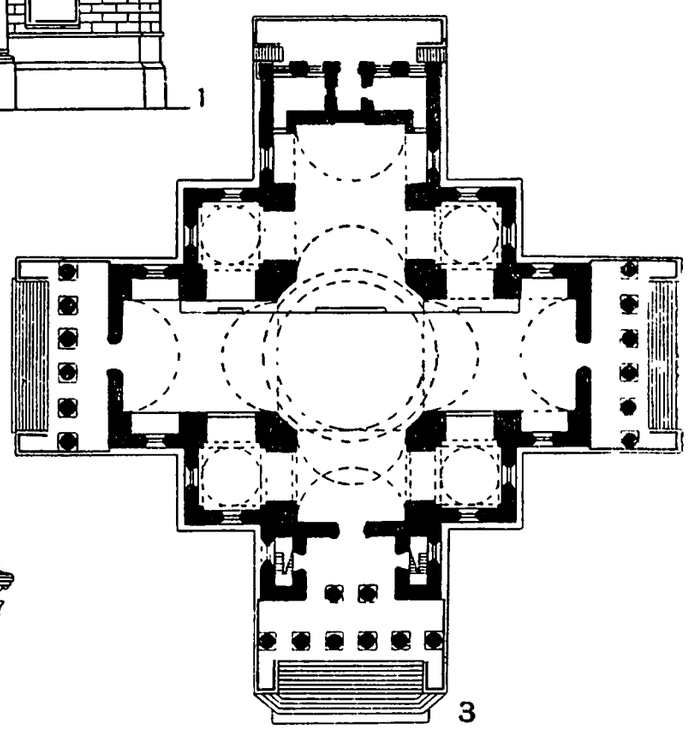
25. Новгород-Северский (Черниговской обл.). Преображенский собор Спасо-Преображенского монастыря, 1796 г., арх. Д. Кваренги

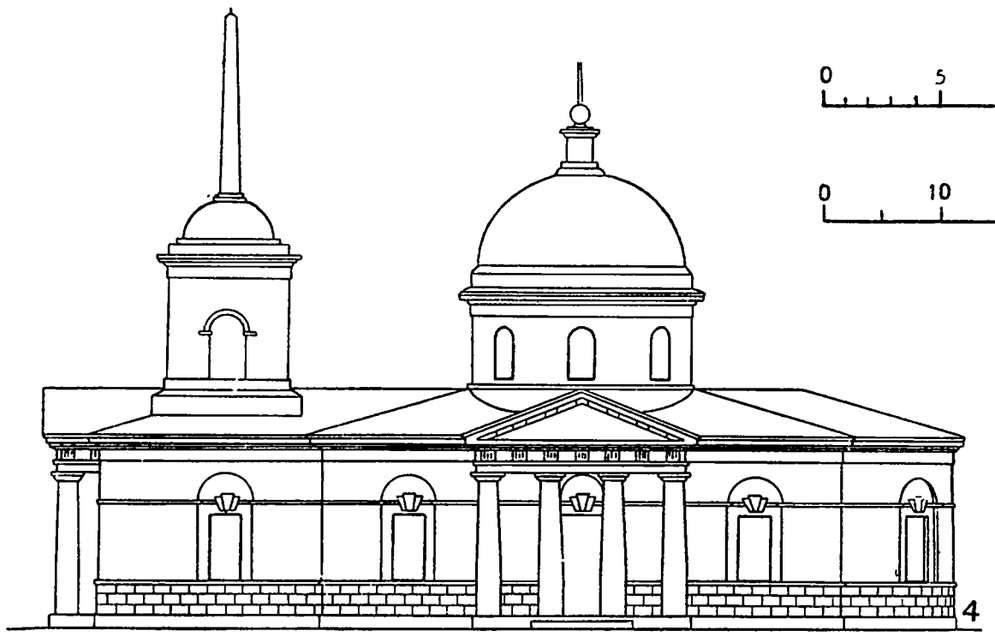


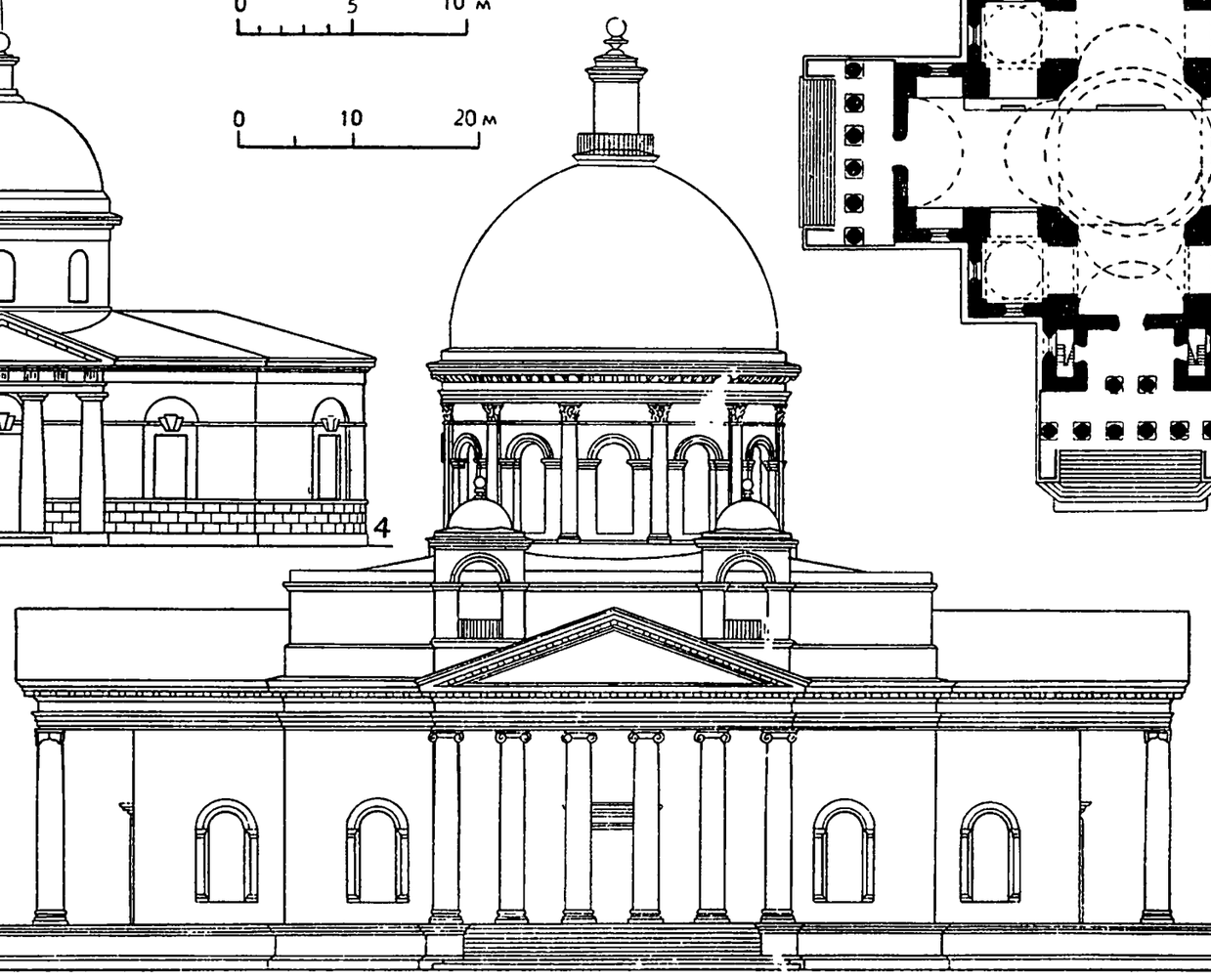


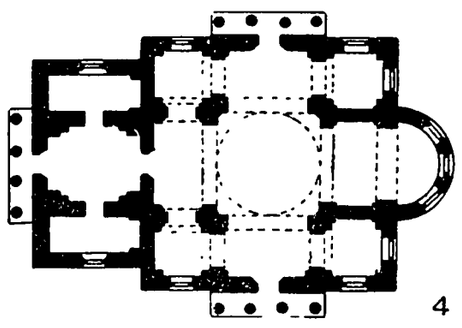


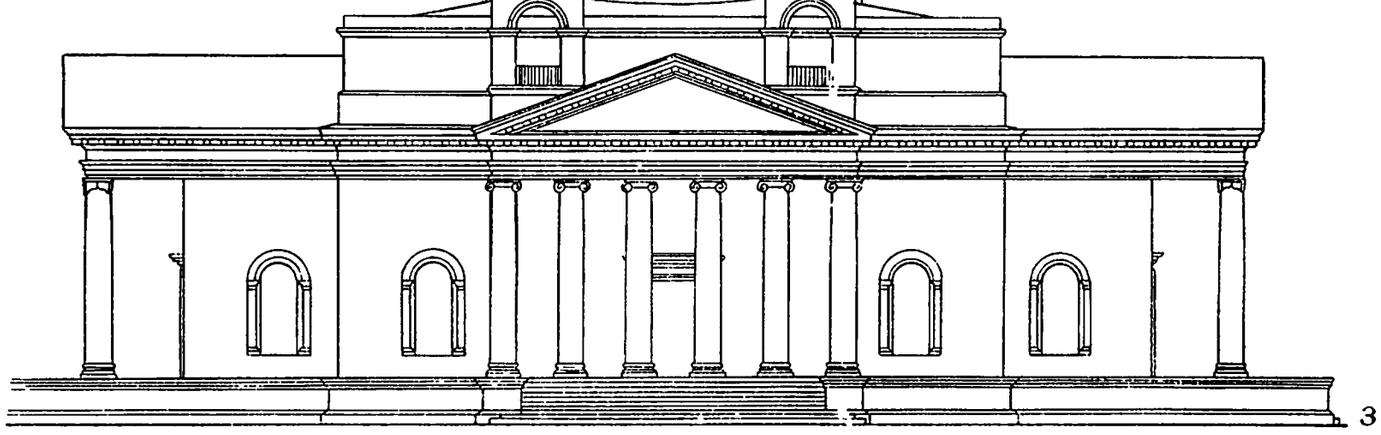












26. *1* — Екатеринослав, Преображенский собор, 1806—1835 гг., арх. А. Захаров, — план и фасад; *2* — Диканька (Полтавской обл.). Никольская церковь, 1794 г., арх. Н. Львов, — разрез и план; *3* — Болград (Одесской обл.), Преображенский собор, 1833—1838 гг., — фасад и план; *4* — Чернобай (Черкасской обл.), церковь, 1808 г., — фасад и план

27. Кунье (Харьковской обл.). Церковь, 1814 г.

28. Славгород (Сумской обл.). Церковь, 1808 г.

и др. Прямоугольные в плане храмы составляют последнюю группу. К их числу относятся: церковь в с. Бабаи, Харьковской области, построенная в 1782 г. по проекту П. А. Ярославского; оригинальные по композиции периптеральные храмы в г. Славгороде, Сумской области (1808, рис. 28), и Петропавловская церковь в Севастополе (1845).

Интересным памятником культового зодчества периода классицизма на Украине является колокольня Успенского собора в Харькове (рис. 29), построенная в 1833 г. по проекту украинского арх. Е. Васильева. Это созданное по инициативе горожан в честь победы над Наполеоном сооружение и поныне сохраняет свое значение высотной доминанты города.

В первой половине XIX в. на Украине в некоторых помещичьих усадьбах появляются разнообразные фамильные мавзолеи. В одних случаях они имеют вид ротонды, увенчанной полусферическим куполом (мавзолей в с. Рогань, Харьковской области, и в Болграде), или в форме пирамиды с обелисками по углам в с. Славгороде, или кубической формы (Куяновка, Харьковской области, Старая Водолага, Харьковской области).

Строительство небольших церквей в городах и селах осуществлялось в основном по проектам епархиальных архитекторов, однако уже в первые десятилетия XIX в. делаются попытки типизации в культовом зодчестве. В 1824 г. Министерством внутренних дел было издано «Собрание планов, фасадов и профилей типовых каменных церквей с кратким наставлением в способах постройки и исчисления потребных материалов».

Угасание архитектуры русского классицизма в 30—40-х гг. XIX в. нашло отраже-

29. Харьков. Колокольня Успенского собора, 1833 г., арх. Е. Васильев

ние в культовом зодчестве. Был издан циркуляр о рассылке составленных архитектором К. Тоном чертежей церквей, эклектически сочетавших «византийские» и древнерусские» формы, что сказалось и в архитектуре ряда украинских церквей.

6. АРХИТЕКТУРА ПРОМЫШЛЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Зарождение и развитие промышленности на Украине вызвало строительство производственных сооружений: мельниц, кирпичных заводов, фабрик тонких сукон и чулочной в Екатеринославе, оружейных мастерских в Кременчуге, литейно-пушечных мастерских и канатной фабрики в Херсоне, помещения обслуживания и вспомогательных мастерских при судостроительных верфях, салотопных и свечных заводов, литейных мастерских цветного металла (по литью колоколов), фабрик по изготовлению мыла и т. д. В Луганске на базе донецких углей и криворожской руды зарождалась металлургия.

При строительстве зданий, предназначенных для производства и находящихся за чертой города, требовалось лишь, чтобы строения были прочные и хорошо защищенные от осадков и ветра. Для второстепенных зданий использовались самые дешевые и примитивные подручные материалы. В описях конца XVIII в. встречается перечень объектов на судоверфях в Херсоне и Николаеве из плетней и камыша. Огнестойкие материалы применялись лишь для строительства капитальных зданий и предназначенных для огнеопасных производств. До наших дней сохранился чертеж производственных зданий артиллерийского, так называемого делового двора в Киеве, где производился ремонт оружия и различного рода приспособлений для артиллерийских обозов. Это в большинстве своем простые строения в виде бараков и просто навесы.

Размещение предприятия в центральной части города требовало, чтобы его архитектура соответствовала художественному облику главного проспекта. Сохранившийся до нашего времени каменный корпус суконной фабрики в Екатеринославе, датированный концом XVIII в. и приписываемый арх. Ф. Волкову, вероятнее всего был построен в начале XIX в., когда обстроенная с обеих сторон Кременчугская дорога превратилась в главный проспект города. Именно тогда возникла необходимость соорудить монументальное здание, украшенное дорическими колоннами и рустовкой.

Интересен литейный завод со сверлильными и точильными машинами, построенный в Херсонской крепости секунд-майором Струговщиковым в 1791 г., состоявший из трех расположенных по технологическому потоку и связанных между собой низкими крытыми помещениями литейного двора и высоких корпусов механической обработки пушечных стволов. В этих корпусах, для обеспечения лучшей освещенности, окна расположены в три ряда.

Одним из значительных зданий эпохи классицизма является Киевский арсенал, построенный в 1784—1801 гг. военным инженером И. Меллером. Здание, почти квадратное в плане, имеет внутренний двор с пандусом для вкатывания пушек на второй этаж. Стены арсенала сложены из светлого киевского кирпича красивой фактуры. Декоративные элементы здания весьма сдержанны и сводятся лишь к рустовке стен и простому карнизу. Портал главного входа обработан пилястрами с мотивами дорического ордера.

Зарождение и развитие на Украине нового стилистического направления — русского классицизма осуществлялось в условиях благотворного влияния передовой русской архитектуры. В строительстве новых украинских городов Причерноморья и возведении построек в богатых усадьбах принимали участие крупные русские зодчие.

Архитектура классицизма, достигшая в первой трети XIX в. на Украине наивысшего расцвета, с 30—40-х гг. вступает, так же как и архитектура России, в полосу упадка — становится сухой, измельченной, эклектичной. Лишь в сельском строительстве продолжают развиваться типы поселений, крестьянских жилищ и усадеб, созданные украинским народом в предшествующем веке.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АРХИТЕКТУРА БЕЛОРУССИИ

ГЛАВА I

АРХИТЕКТУРА XIV—XVI вв.

В начале XIV в. завершилось образование Великого княжества Литовского, в состав которого вошла Белоруссия. Западнорусские княжества на ее территории были вынуждены пойти на объединение с Литвой перед угрозой разорения Ордой и Орденом. Борьба с татаро-монголами и Орденом, а также усиление Московской Руси заставили Литовского великого князя пойти на союз с Польшей. В 1385 г. в замке Крево была заключена уния: оба государства объединились под властью Ягайло. Принимая унию, Ягайло обязался обратить подвластное население в католичество, однако первоначально великие князья, а затем короли для укрепления единства шли на признание православной церкви.

Поражение Ордена в Грюнвальдской битве (1410 г.) создало возможности для мирного развития городов, чему способствовало правительство. В XV—XVI вв. ряд крупных городов получает самоуправление, так называемое Магдебургское право. Растут зарубежные торговые связи. Особенно усиливается торговля хлебом. Растет могущество крупных феодалов, для которых формой борьбы за власть становится кальвинизм (конец XV — первая половина XVI в.). Для борьбы с реформацией в 1569 г. король призывает иезуитов. В том же году вследствие неудач в войнах с Иваном Грозным он заключает Люблинскую унию, объединившую Великое княжество Литовское и Польшу в Речь Посполитую. Экономический гнет усиливался гнетом религиозным. При содействии иезуитов в 1596 г. в Бресте заключается уния, подчинившая православную церковь римской курии.

Белоруссия — край древней строительной культуры, обладал опытными строительными кадрами. Во второй половине XVI в. городские строители организовались в цехи.

В Белоруссии преобладало деревянное строительство. Из дерева возводились все виды сооружений вплоть до замков, однако они не сохранились, так же как и фахверковые здания «прусского мура» и глинобитные постройки.

В каменном зодчестве широко использовался валун. В ряде случаев (замки) стены возводили целиком из валунной кладки, иногда выровненной кирпичом, и лишь откосы проемов и углы облицовывались кирпичом. Иногда бутовая кладка составляла ядро стены между кирпичными верстами. Вдоль стены закладывали дубовые связи. Целиком кирпичными были своды, причем значительные по пролету и по высоте своды удерживались сравнительно тонкими контрфорсами. Предпочтение отдавалось сотовым и нервюрным (крестовым и звездчатым) сводам.

Кирпич имел значительные размеры — до 8×16×32 *см*. Перед обжигом на постели наносились продольные полосы, отчего такой кирпич называется бороздчатым. Кладка велась на известковом растворе, в который иногда добавлялся молотый кирпич — цемянка. Леса опирались на готовые стены, о чем свидетельствуют ярусы отверстий на поверхности кладки.

Наружная поверхность зданий не штукатурилась. При сплошной кирпичной обли-

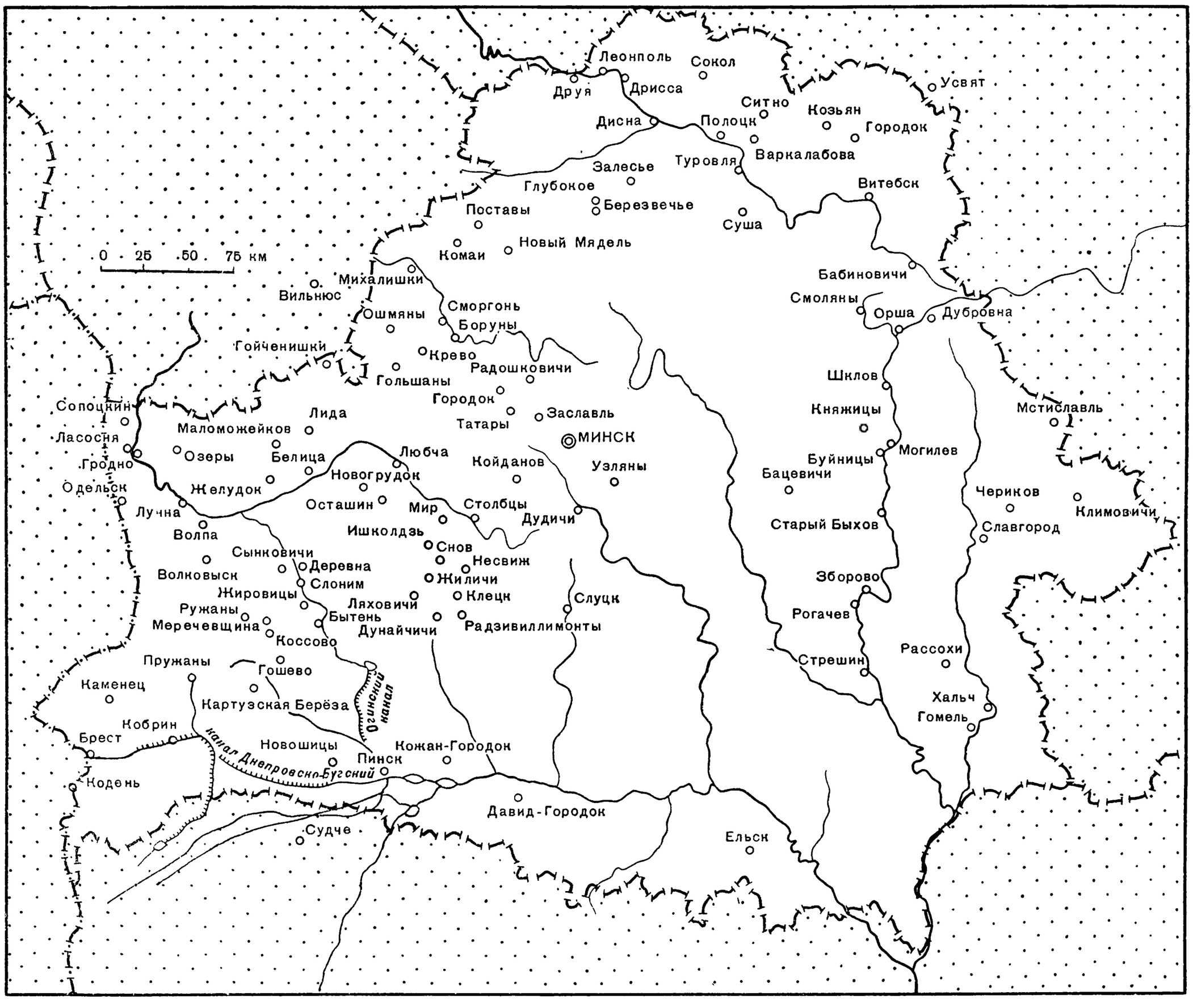
цовке применялся кирпич-железняк, темные тычки которого составляли узор. Употреблялся также цветной глазурованный и фасонный кирпич.

Крыши покрывались гончарной черепицей или, чаще, гонтом. Очертание проемов было стрельчатым, лучковым или полуциркульным.

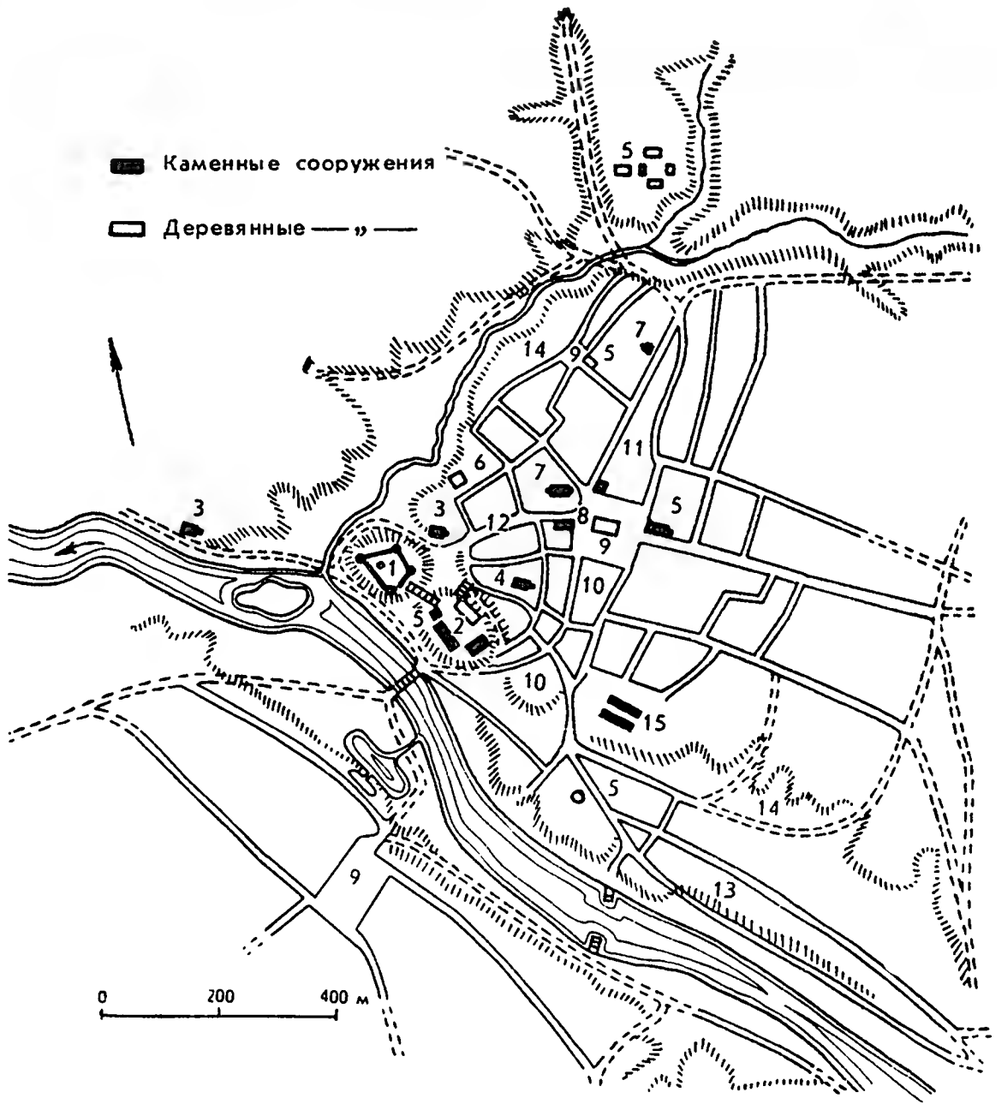
Градостроительство. Великое княжество Литовское получило от западнорусских княжеств развитую сеть городов. Как и прежде, они были средоточием торговли и ремесла и одновременно, особенно в XIV в., крепостями. Основу обороны города составлял замок. Некоторые большие города (Полоцк, Могилев) имели и городские укрепления.

Структуру города до XV в. определяли задачи обороны. Нерегулярные узкие улицы и рыночная площадь стягивались к замку, куда укрывалось и который обороняло городское население. После ослабления военной напряженности, с подъемом благосостояния городов, уличная сеть развивается, рыночная площадь и новые кварталы получают регулярную форму. Кроме замка, возникает новый административный центр — ратуша, стоящая обычно на рыночной площади.

Примером средневекового города служит Гродно (рис. 1). Его ядром явилась пограничная крепость Древней Руси Городно или Городня, у устья неширокого притока Немана. К исходу XIV в., несмотря на вра-



Карта Белоруссии



1. Гродно. Гравюра 1568—1572 гг.

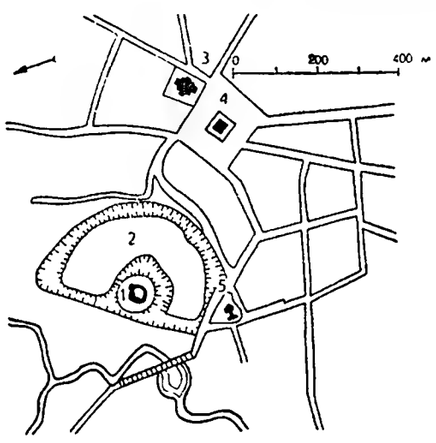
1 — замок; *2* — Дом короля; *3* — Малая церковь; *4* — соборная Пречистенская церковь; *5* — приходской костел; *6* — ратуша; *7* — церковь; *8* — королевские конюшни

План середины XVI в. (реконструкция Е. Д. Квитницкой)

1 — замок; *2* — Дом короля; *3* — монастырские церкви; *4* — соборная Пречистенская церковь; *5* — приходские церкви; *6* — синагога; *7* — приходские костелы; *8* — ратуша; *9* — рынки; *10* — Великая улица; *11* — Виленская улица; *12* — Замковая улица; *13* — Подол; *14* — кладбища; *15* — королевские конюшни

жеские набеги, особенно набеги крестоносцев (с 1284 г.), город достигает значительных размеров. Он развивается на высоком правом берегу Немана, по одну сторону от за́мка, расположенного на месте древней крепости. Оборону замка усиливают дополнительные укрепления — Нижний замок и полукольцо каменных православных церквей-крепостей. Окруженные мощными стенами два монастыря (Большой Коложанский и Малый) и две каменные церкви, одна из них соборная, стояли как форпосты над глубокими рвами Верхнего, или Старого, замка. Под защитой замков находилась переправа через Неман. От нее начиналась Великая улица, приводящая к рынку. Далее, от рынка ее продолжение — Виленская улица переходила в дорогу на Вильну. Второй магистралью являлась дорога на Смоленск. Ее продолжением была Замковая улица, соединявшая рынок и за́мки. По Замковой улице и между этой улицей и притоком Немана тянулись еврейские кварталы. Здесь была выстроена деревянная синагога. Возле рынка находился деревянный костел, основанный князем Витовтом около 1389 г. У подножия прибрежных холмов располагался Подол, где жили кожевенники и плотовщики. Сеть улиц между магистралями была нерегулярной. По окраинам находились большие кладбища (православное и еврейское).

В XV—XVI вв. город занимал значительную территорию. В 1496 г. он получает Магдебургское право, в результате чего на рыночной площади строится ратуша. Город, таким образом, в отличие от русских и подобно западноевропейским городам получает два административных центра — замок и ратушу. Возникшие позднее на востоке кварталы с широкими улицами были параллельны сторонам рыночной площади, также получившей регулярные очертания. В новой, Занеманской части возникает второй оптовый рынок. Кроме двух монастырских церквей, город имеет шесть приходских православных храмов и только два костела, причем второй появляется лишь в 1551 г.



2. Клецк. Гравюра рубежа XVI—XVII вв. план к ней (реконструкция Е. Д. Квитницкой)

1 — замок; *2* — преддверие замка; *3* — церковь; *4* — ратуша; *5* — приходский костел

Положение изменяется после Люблинской унии. На рубеже XVI—XVII вв. на месте королевских конюшен строится заложенный самим королем великолепный каменный костел бернардинцев (1595—1618 гг.), положивший начало строительству целого ряда монастырских костелов (см. гл. 3 рис. 1). Православные церкви строились местным населением. Так, круглый храм на Подоле — церковь Честного Креста — принадлежала цеху кожевенников.

Ослабление военной напряженности ведет к снижению оборонного строительства. На Нижнем замке среди развалин крепостных стен строится обширный королевский дворец (Дом короля). Повышается благоустройство города, улицы мостятся камнем, в 1541 г. проводится водопровод. Общее представление о Гродно дает гравюра 1568—1572 гг. (см. рис. 1). Выделяется новый центр со зданием ратуши и храмами.

В менее крупных городах соблюдались те же принципы планировки. Таков небольшой Клецк (рис. 2), расположенный возле подпертой плотиной речки.

Наполняемые ею рвы отделяли от города Старый замок, расположенный на высоком холме, и огибающее его дополнительное укрепление с более поздним обширным дворцом. На некотором удалении от укреплений находилась регулярная рыночная площадь. Улицы подходили в основном к углам площади, что разгружало ее в базарные дни. На площади располагалась старинная православная церковь. Основанный в 1450 г. приходский костел, оконченный на средства королевы Боны, находился на краю города.

Развивались не только старые города, но и закладывались новые. Сохранились

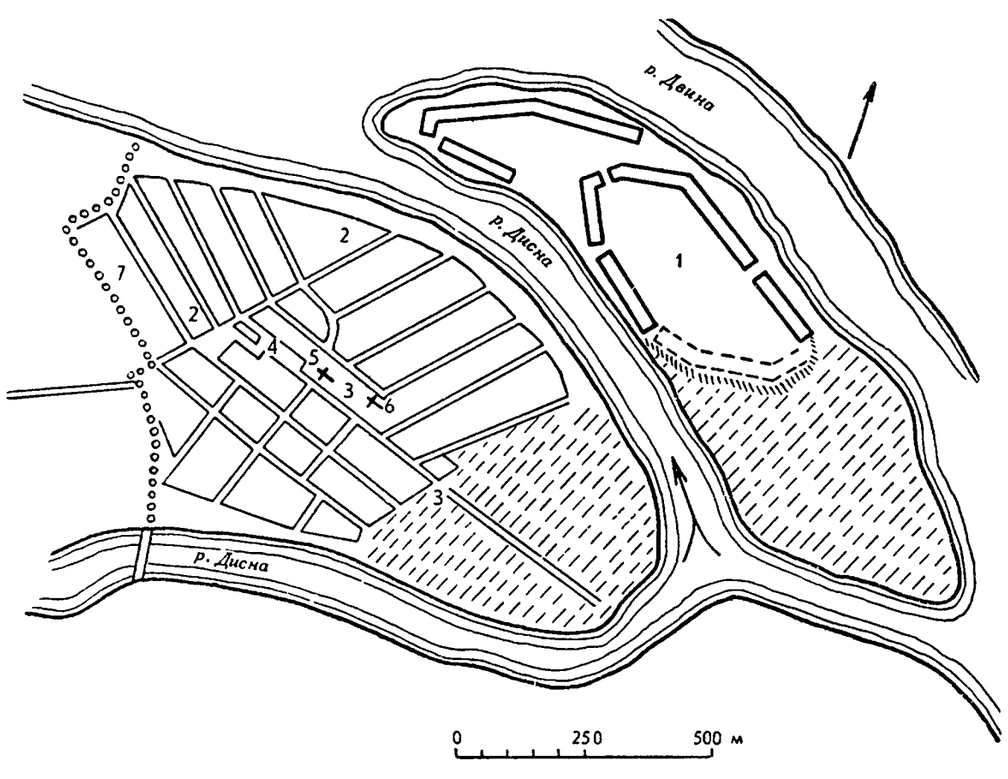
сведения о сравнительно поздно заложенной Дисне.

В начале 1563 г. войска Ивана Грозного взяли крупнейший опорный пункт и город на Двине Полоцк. В том же году в качестве замены утраченной крепости по приказу короля закладывается замок Дисна. Возведенный на острове у слияния Двины и Дисны, замок соседствовал с ранее построенным здесь Копцом, получившим после сооружения Нового замка название Старого замка. Копец (от «копать»), крепость на насыпном холме, издавна защищал небольшое поселение у устья Дисны.

Новый замок Дисна — мощное эллипсообразное укрепление — был окружен высокими насыпными валами с девятью башнями. Первоначально в замке был небольшой рынок. Под защиту Нового замка потянулось окрестное население. Новый город по заранее намеченной сетке улиц заложили на полуострове в устье против замка (рис. 3). Две основные магистрали соединялись под острым углом, что было вызвано формой полуострова. Параллельные кварталы были ориентированы на эти улицы, в стыке которых находилась прямоугольная рыночная площадь. Рядом с ней жители выстроили деревянную Воскресенскую церковь. Позднее, в 1581 г. по инициативе короля возводится деревянный приходский костел.

В 1569 г. город получает Магдебургское право. На рынке строится ратуша. Горожане укрепляют город: с суши он отделяется поставленным на земляном валу остроколом с тремя деревянными башнями.

Русское правительство со своей стороны старалось обеспечить оборону завоеванных земель. В 60-х гг. сооружен целый ряд регулярных по очертаниям крепостей (Козьян, Красный, Ситно, Суша, Туровля и др.), кольцом окруживших Полоцк. Одна из них — Сокол располагалась против Дисны.



3. Дисна. План конца XVI в. (по О. Хедеману)

1 — замок; *2* — Замковая улица; *3* — Воскресенская улица; *4* — рыночная площадь; *5* — Воскресенская церковь; *6* — приходский костел; *7* — городские укрепления

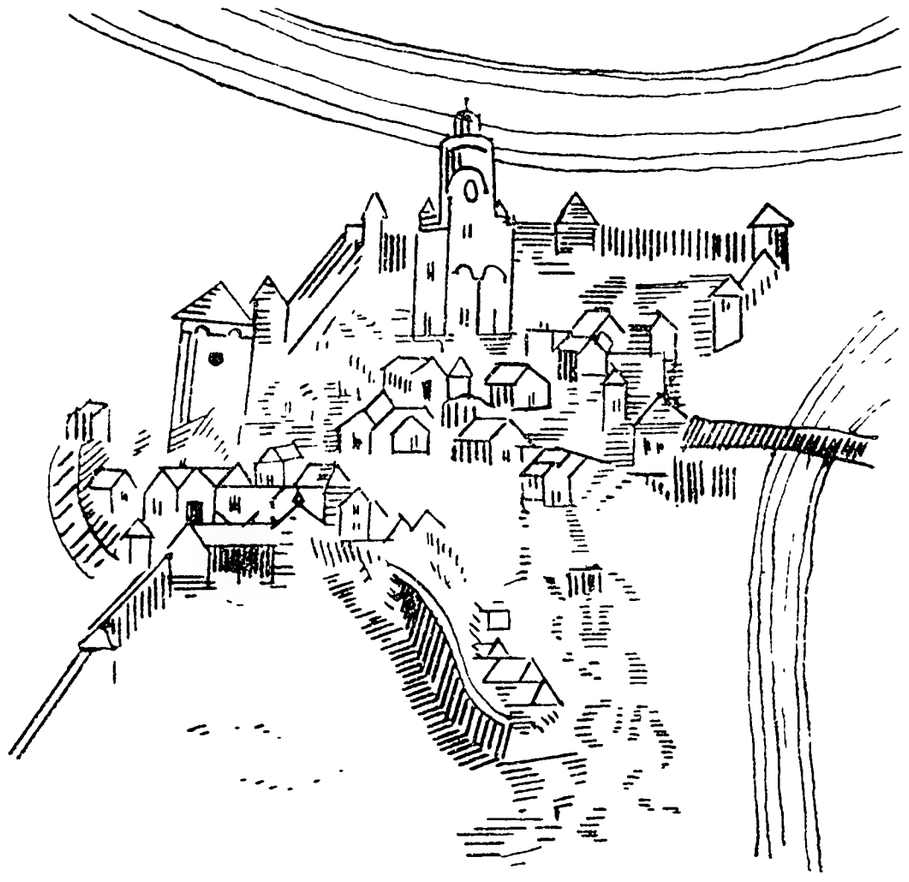
Жилые дома рассматриваемого периода не сохранились. Некоторое представление о них дают описи помещичьих имений XVI в. Дома строились преимущественно из дерева, покрывались соломой или гонтом. Сооружались также фахверковые и глинобитные дома. Количество комнат на этаже обычно не превышало шести. Очень часто дом состоял из сеней, светлицы и кладовой. Здания имели один («дом при земле») или два этажа (на подклете). В подклете хранились запасы продуктов. Планировка подклета повторялась на втором этаже. Зачастую план был симметричным: «светлиц две об одной сени», «светлиц две против себе», т. е. планировка дома сводилась к двум соединенным сенями комнатам. В парадных комнатах обычно стояли столы, вдоль которых тянулись лавки. В окна вставляли круглое или прямоугольное зеленое стекло, промасленную бумагу, полотно.

Недалеко от жилого дома стояли хозяйственные постройки, причем помещения различного назначения были в отдельных зданиях. Амбары, так же как в Скандинавии, сооружались в два этажа с галереей в каждом. Подобные же усадьбы строились в городах купечеством и шляхтой. Рядовое население жило в курных избах.

Замки. Монументальное строительство в рассматриваемый период было в первую очередь оборонным. Тактике завоеваний Ордена, основанной на системе замков, опорных пунктов в завоеванных странах, население противопоставило свою систему замков. Местный замок — крепость — сооружался не только городским, но и всем окрестным населением (волостью). Замки строились в труднодоступной местности, зачастую на месте городищ или древнерусских крепостей.

Каменные замки сооружались в исключительных случаях. Деревянные замки XIV в. не дошли до нашего времени даже в описаниях. Они возводились в очень короткое время. Известно, например, что в 1384 г. князь Витовт, чтобы помочь своему изнемогающему гарнизону, осажденному в замке Гродно, приказал на другом берегу Немана насыпать холм (копец) и строить замок.

В строительной схеме замков нашли отражение как традиции более раннего строи-



4. Полоцк. Фрагмент гравюры 1579 г., слева проезжая каменная башня замка

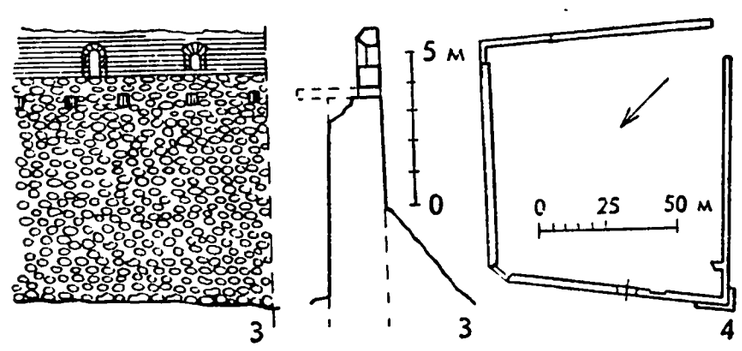
тельства местных крепостей, так и принципы строительства крестоносцев. В XIV в. одновременно возводились замки двух типов. В первом основу обороны составляла мощная башня — донжон, во втором оборонные устройства состояли из стен и башен.

В сооружениях первого типа получают развитие приемы строительства XIII в., характерные для так называемых «столбов» — высоких многоярусных круглых каменных башен, где внизу находился склад боеприпасов и продовольствия, а выше, на деревянных настилах, размещались защитники (башни Каменца, Гродно, Бреста). Башни стояли вблизи входа в замок, чаще всего деревянный. Подобные же башни сооружались в Скандинавии, Прибалтике, Польше, Венгрии, Югославии.

В XIV в. продолжают строиться каменные донжоны, однако в них устраиваются проезжие ворота, а башня становится прямоугольной. Так, во вновь отстроенном после нападения крестоносцев в конце XIV в. деревянном замке в Новогрудке проезжие ворота были устроены в мощной квадратной (сторона 11,4 *м*) каменной башне, стоявшей в наиболее уязвимом месте, на противоположной от города стороне замка. Украшенная поливным и профилированным кирпичом башня была включена в стены — дубовый острокол, тянувшийся по краю холма. Вторым каменным сооружением в замке была небольшая церковь.

Конфигурацию, аналогичную замку в Новогрудке, имел замок Полоцка, отличающийся бóльшими размерами. Судя по гравюре XVI в. (рис. 4) и описям, замок состоял из деревянных укреплений, тянувшихся по периметру холма, которые со стороны Большого Посада включали в себя мощную проезжую каменную башню. На территории замка находился каменный собор св. Софии и несколько монастырей.

Второй тип замка XIV в. может быть представлен замками в Лиде, Крево, Витебске и Гродно. Первые два, расположенные на ровной местности, имели почти регулярную форму, два других — очертания холма. Сходство этих сооружений с замка-



5. Лида. Замок, первая половина XIV в. *1* — фрагмент стены (фотография конца XIX в.); *2* — рисунок конца XIX в.; *3* — фасад и разрез стены; *4* — план

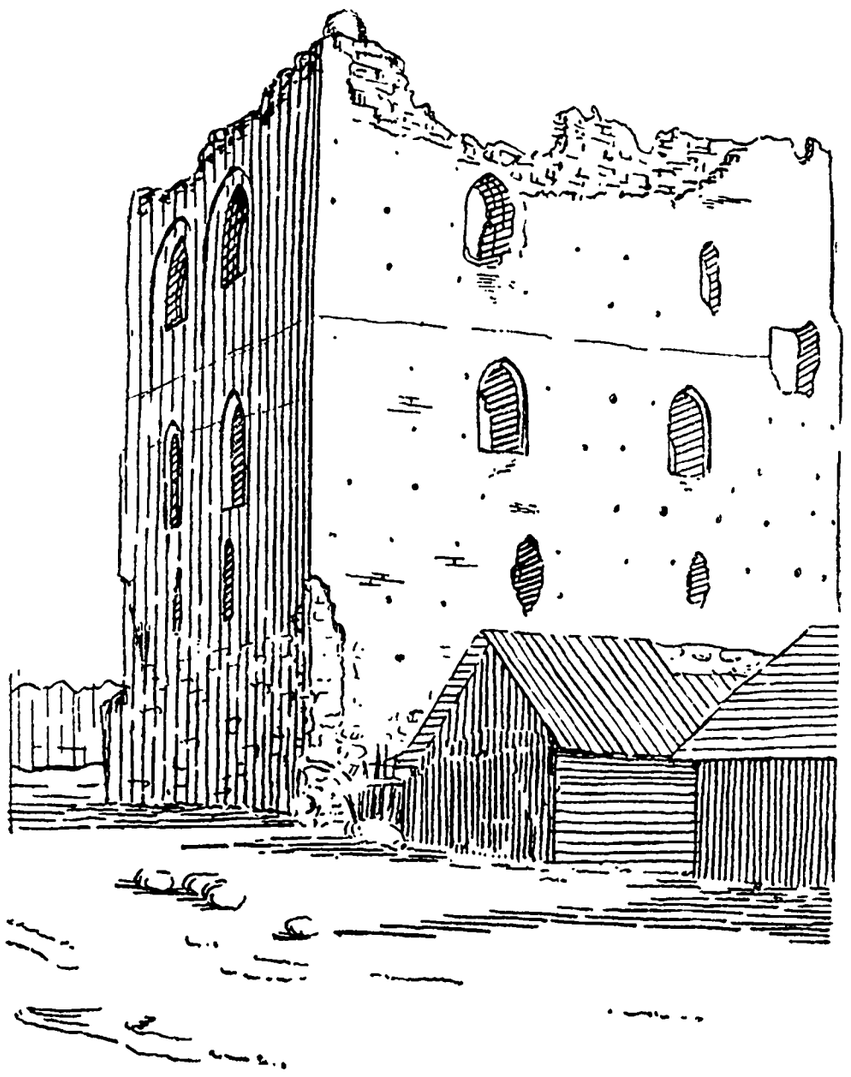
ми крестоносцев прослеживается как в строительных конструкциях (аналогичная кладка), так и в общей конфигурации: стены с двумя угловыми башнями по диагонали располагались по квадрату (Лида, Крево), основное здание было встроено в одну из стен (Витебск, Гродно).

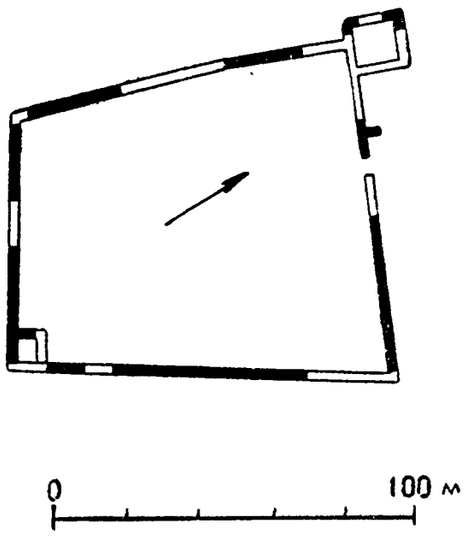
Однако имеются и существенные отличия замков, объясняющиеся их разными назначениями. Рыцарские замки (конвентхаузы) имели развитую сеть помещений, также сооружающихся в камне (залы собраний, трапезные, спальни и т. д.). В местные же замки население, не проживающее в них, собиралось на время опасности, и поэтому строения замка состояли из немногочисленных деревянных построек, занимавших мало места в периметре мощных каменных стен.

Замок в Лиде построен в первой половине XIV в. (рис. 5). Замок находился на небольшом возвышении в окружении воды. По верху мощных стен (толщиной 2 *м*) шел боевой ход, защищенный каменной стенкой с часто расположенными бойницами. По диагонали плана стояли две высокие башни. В одной из башен была устроена часовня. Со стороны въезда на стене у бойниц выступал небольшой эркер, в котором находился набатный колокол, созывающий население в замок во время вражеского нападения. Декоративное украшение стен сводилось к аркатурному поясу.

Замок в Крево — столице князя Ольгерда (рис. 6) был построен в два строительных периода в первой половине XIV в. Боевая площадка шла по верху стен толщиной 2,5 *м*. Стены окружал водяной ров. У въезда находилась массивная, четырехъярусная башня, служащая не только для обороны, но и для жилья владельца. Жилые помещения освещались небольшими стрельчатыми окнами, обведенными по фасаду также стрельчатым кирпичным профилем. В подземельях башни находилась тюрьма.

Замок в Гродно (рис. 7), отстроенный князем Витовтом на рубеже XIV—XV вв., имел пять башен, соединенных высокими стенами толщиной 3 *м*. Круглая высокая башня рядом с проезжей башней являлась «столбом» XIII в., охранявшим въезд. Остальные башни были квадратными (сторона около 12 *м*). Высокий холм грозил оползнями, и поэтому башни и стены были укреплены контрфорсами. Примыкающий к стене, обращенной к





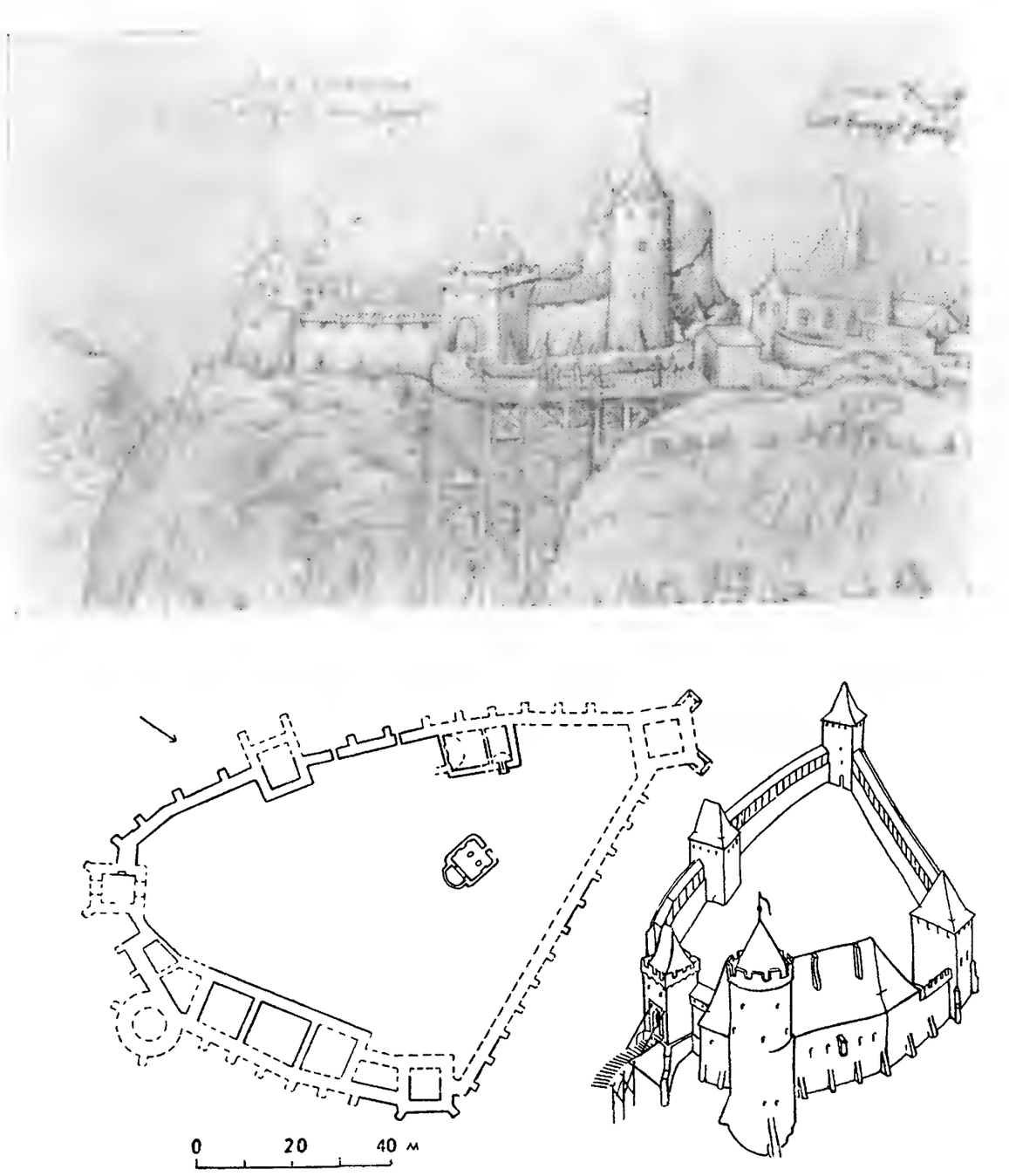
6. Крево. Замок, первая половина XIV в. Северная башня (с фото 1910 г.) и план

городу, дворец был небольшим (45×15 *м*), комнаты располагались в один ряд.

Ворота замка были защищены расположенным через сухой ров Нижним замком, также окруженным каменными стенами с контрфорсами. Сооружение двух замков не было правилом, это было характерно только для резиденции князей. Два замка было в Витебске. Верхний замок, отстроенный в камне князем Ольгердом, также состоял из каменных стен, башен и дворца, встроенного в стену.

Во второй половине XIV в. появляются пушки, не имевшие вначале большой разрушительной силы. Лишь в конце XV в. замки постепенно начинают приспосабливаться к новому виду оружия. Позднее, в конце XVI в., с увеличением мощи артиллерии каменные стены заменяются земляными бастионами (Несвиж).

После Грюнвальдской битвы строительство замков несколько ослабевает; во второй половине XV в. в связи с усилением феодалов оно вновь расширяется.



7. Гродно. Замок, рубеж XIV—XV вв. Фрагмент гравюры 1568 г., план и реконструкция замка Я. Войцеховского

На рубеже XV—XVI вв. был выстроен один из выдающихся памятников архитектуры Белоруссии — замок в Мире (рис. 8). В нем получили развитие оба типа замков XIV в.: здесь есть и мощная проезжая башня, и угловые башни по углам квадрата стен. Структура башен каменного Мирского замка с переходом от четверика к восьмерику напоминает памятники деревянного строительства.

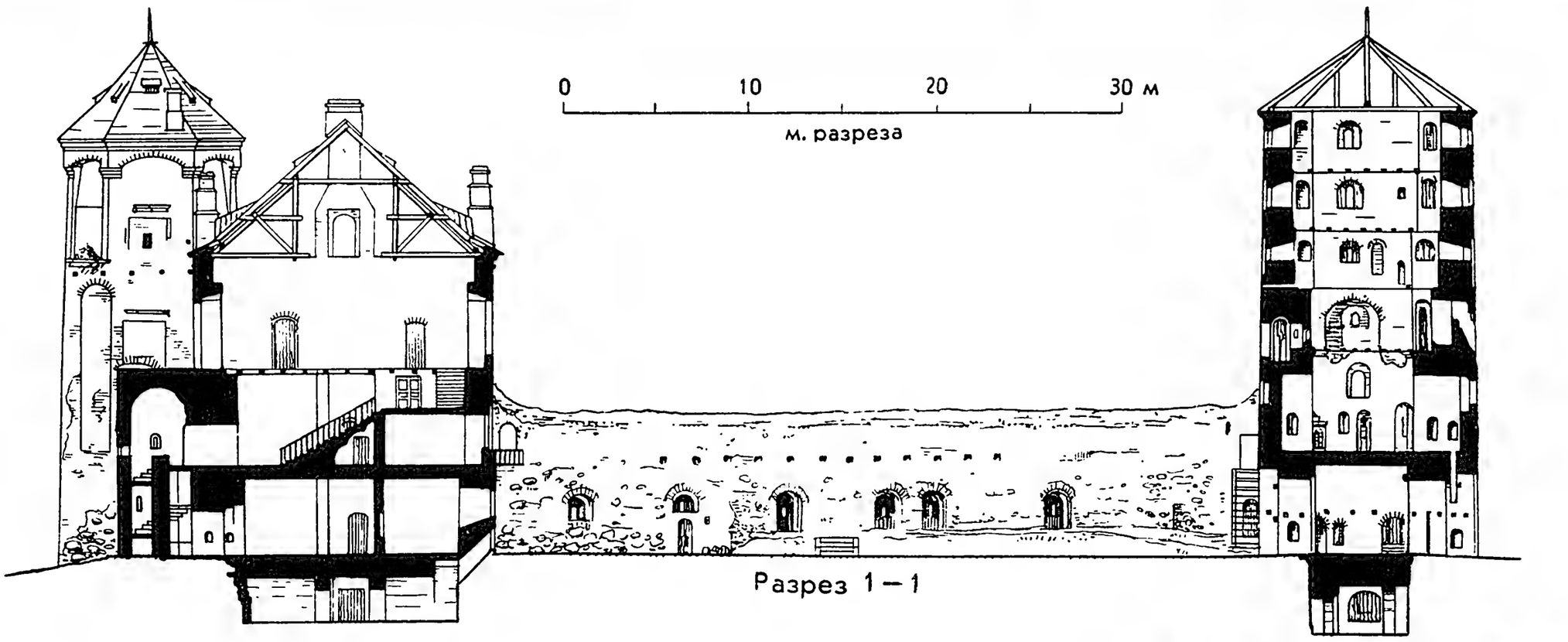
Замок стоит на возвышении, когда-то окруженном рвами с водой. Проезжая башня располагается посередине стороны замка, обращенной к городу. Здесь же на стене был устроен эркер для набатного колокола. Пропорции башен, отношение четверика к восьмерику и декор различны. Наиболее выразительным декором обладают две башни, обращенные к городу. Характерны ниши с гирьками, углубления которых были заштукатурены и побелены. Подобная декорация была широко распространена в Польше, Прибалтике и Скандинавии. Для удобства ведения артиллерийского боя башни сильно выступают от стен. Нижние этажи перекрыты сводами, которые могут выдерживать тяжелые орудия. Этажи связывались проложенными в стенах винтовыми лестницами. Проезжая башня была снабжена подъемным мостом и опускной решеткой; на втором ярусе находилась часовня, в подземелье — тюрьма. Бойницы в стенах шли в два ряда: поверху и в галерее на высоте около 8 *м*.

Первоначальное жилое строение было деревянным: владелец заботился прежде всего о создании убежища. Каменный дворец появился значительно позднее (во второй половине XVI в.).

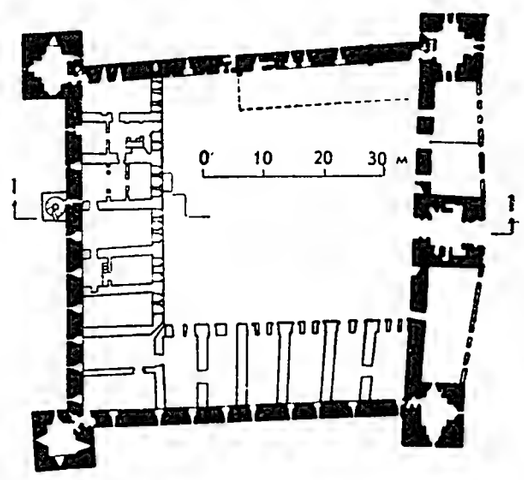
Не все замки XVI в. обладали такой выразительной архитектурой, как замок в Мире. Отстроенный после нашествия татар в 1503—1505 гг. каменный замок в Новогрудке удовлетворял в основном оборонным требованиям. Он имел неправильную, обусловленную рельефом форму плана (рис. 9) и состоял из пяти квадратных соединенных стенами башен, одна из которых, проезжая, была выстроена на остатках башни XIV в. Архитектурный облик сооружения определялся массивными формами стен и башен, как бы высеченных из одного куска камня.

От XVI в. сохранились описания деревянных замков. Они близки к русским крепостям. Стены состояли из приставленных друг к другу и заполненных землей и камнями срубов (городней). Эти укрепления хорошо сопротивлялись ядрам пушек. Для предохранения от пожаров городни обкладывались дерном. В особенно мощных замках наружные стены делались из нескольких слоев («стен») бревен. По верху городен шла боевая площадка, ее защищал деревянный прикрытый крышей брустверс бойницами. Башни состояли из срубов, поделенных на ярусы мостами — деревянными перекрытиями, на которых стояли пушки. Стены башен, особенно со стороны неприятеля, также делались из нескольких слоев.

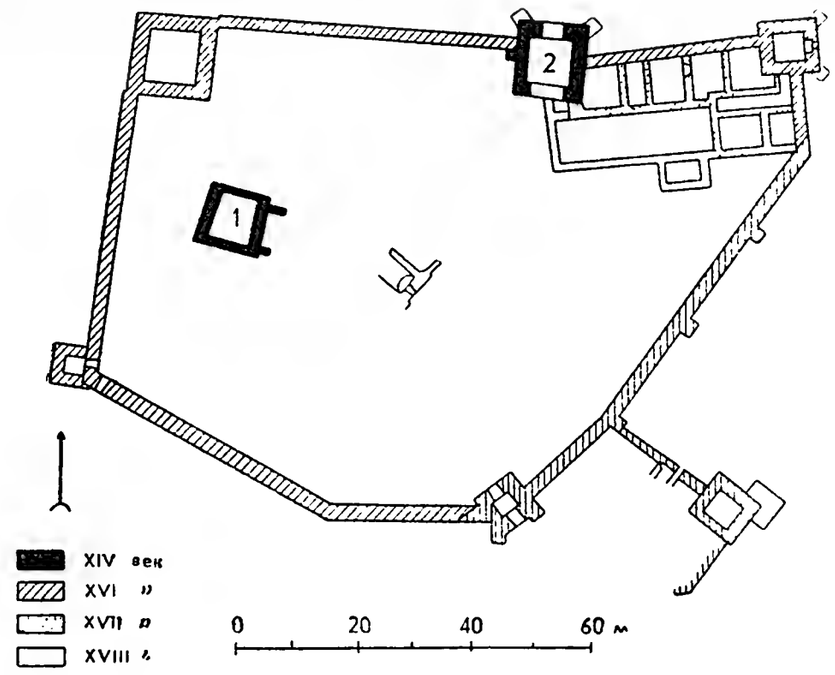
Примером большого королевского замка является замок Полоцка (опись 1552 г.), стоявший на «высокой, самородной горе» при слиянии Двины и Полоты. Его укрепления содержали 204 городни (имевшие необычайную толщину в пять стен) и 9 башен, две из которых были проезжими с подъемными мостами, перекинутыми через ров. Общая длина укреплений



составляла около 1550 *м*. Башни рубились в три стены. Каждая имела свое название, обозначавшее или ее местоположение, или село, или городское общество, которое выстроило эту башню. Часть территории замка занимали городские жители (104 двора), часть принадлежала церквям (65 дворов), часть — панским дворам (65 дворов) и жилищу военачальника, состоящему из пяти до-



8. Мир. Замок, рубеж XV—XVI вв. Вид со стороны въезда, разрез и план (фото и обмеры А. Я. Митянина)



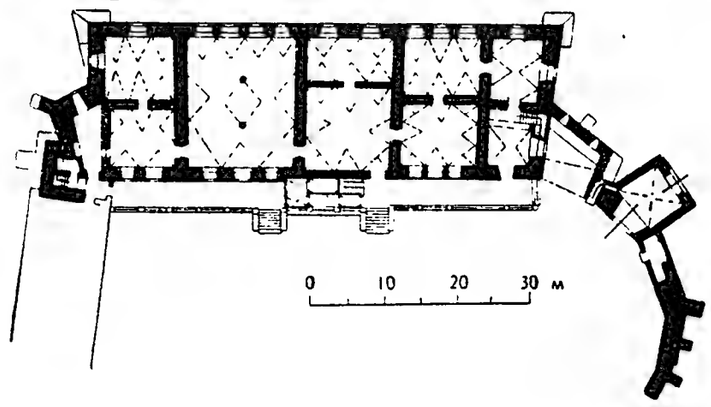
9. Новогрудок. Замок, XIV — начало XVI в. *1* — церковь; *2* — башня

мов, один из которых был нарублен на стенах замка. В замке было построено два монастыря и пять церквей, древнейшая из которых — церковь св. Софии — была каменной. Рядом с ней находился владычный двор. Во второй половине XVI в. был отдан приказ о выселении горожан из замка.

В 1563 г. замок был взят русскими войсками. Большой Посад был выжжен и уцелевшие жители переселены в Заполотье. Взамен укреплений Большого Посада по приказу царя был возведен перед воротами замка новый, так называемый Стрелецкий замок, защищенный рвом и валом с идущим поверху деревянным тыном и башнями.

Менее значительный по размерам королевский замок в Орше (опись 1560 г.), стоявший на возвышении при впадении Оршицы в Днепр, имел 101 городню и 5 башен. Башни, кроме проезжей (у города) — целиком деревянной, были деревянными только в верхних частях, а до половины — каменными. Деревянные части башен и парапеты над городнями были обиты снаружи лемехом. Со стороны города часть парапета над городней выступала в виде эркера и здесь висел «звон великий» для набата. В замке жили горожане (8 домов), шляхта и драбанты-стрельцы, стояла церковь и весьма скромное жилище короля. Королевская усадьба находилась около замка.

Примером небольшого владельческого замка является замок в Радошковичах (опись 1549 г.). Замок был построен «в виде корабля» между двух озер, образованных запруженными речками, и от суши отделялся рвом с водой. У рва стояла прямоугольная (10×4 сажени) четырехъярусная проезжая башня с подъемным мостом. Над воротами, во втором ярусе, находились сени, приспособленные к обороне, и большая светлица. На третьем ярусе стояла пушка. Четвертый ярус — восьмигранная башенка, окруженная галерейкой, обшитой гонтом, и покрытая куполом из жести. Башни соединялись городнями. Кроме проезжей, в замке была одна восьмиугольная и две квадратные башни, в одной из кото-



10. Гродно. Дворец Стефана Батория в Старом замке, около 1580 г. Фрагмент гравюры рубежа XVI—XVII вв. и план первого этажа

рых была часовня, а в другой — сокровищница. На территории замка находились только два небольших деревянных дома на подклетах. Все усадебные постройки, даже арсенал, были за его пределами. Характерно, что во владельческих замках башни имеют не только оборонное, как, например, в замках Полоцка и Орши, но и бытовое назначение, что привело впоследствии к их устойчивому сохранению.

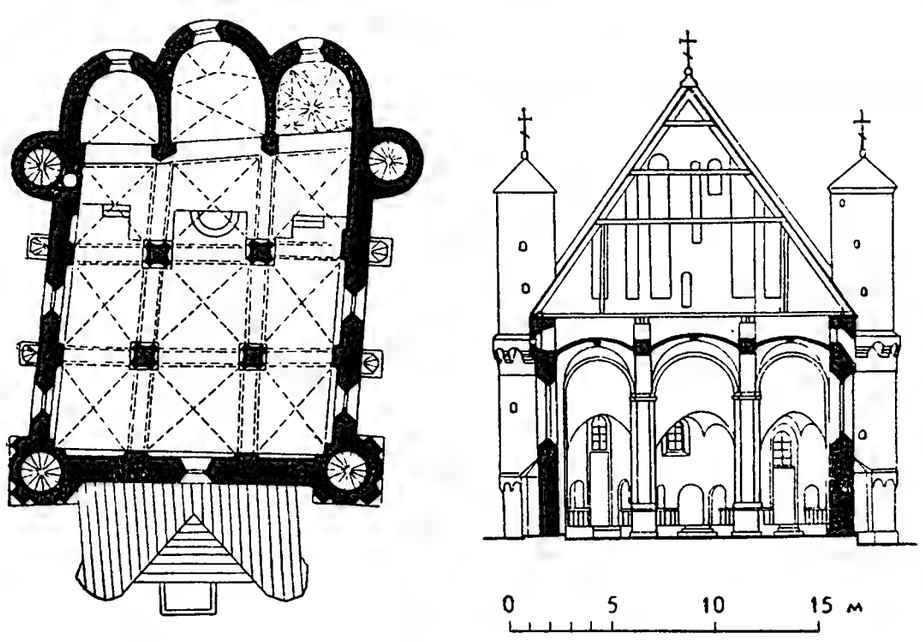
В кольце стен как каменных, так и, по-видимому, деревянных замков иным становится дворцовое здание.

В XVI в. изменяется жилище владельца замка, оно становится бóльшим по размерам и более парадным. Примером служит дворец Стефана Батория в Старом замке Гродно (около 1580, рис. 10). На месте дворца Витовта был выстроен большой (21 × 60 *м*) двухэтажный корпус с нерегулярной разбивкой помещений. Первый, сводчатый, этаж занимали комнаты стражи, архив, сокровищница, кладовые и канцелярия. Покои короля находились на втором, с балочными перекрытиями, этаже, на который вела прямая лестница в ризалите. Фасады дворца были украшены резьбой по камню и сграффито. Особенно пышные украшения имели высокие щипцы, орнаментированные в духе нидерландского ренессанса. Замок не перестает быть оборонным, однако количество башен сокращается здесь до двух. Они получают богатое декоративное одеяние и завершаются фигурными шлемами.

Культовые сооружения XIV и почти всего XV в. не сохранились. Отсутствуют и их описания. По летописным источникам известно, что строились православные церкви и монастыри. Сооружались также языческие капища. После официального признания католичества, крещения Литвы в 1387 г., в крупных городах начинают возводиться костелы, на первых порах деревянные.

Некоторое представление о культовых каменных зданиях XIV в. дают раскопки двух домовых церквей в замках Гродно и Новогрудка. Здания имели в плане неправильный квадрат (сторона 11 *м* в Новогрудке, около 9 *м* в Гродно) с примыкающей широкой апсидой (см. рис. 7, 9). Уцелевшие фрагменты позволяют сделать важный вывод: общие контуры сооружений и их местоположение, аналогичное расположению церквей в русских крепостях, свидетельствуют о связях с русской архитектурой и с архитектурой центральной Европы. Более подробные сведения относятся к концу XV началу XVI в. В отличие от церквей конца XIV в. в памятниках этого времени ясно видна связь с европейской архитектурой, в частности с готикой Польши, Прибалтики и Скандинавии. Строятся каменные однонефные, трехнефные зальные и (реже) базиликальные храмы. В памятниках деревянного зодчества, о чем свидетельствуют и более поздние сооружения XVII в., вероятно, удерживались традиции русской архитектуры. Однако в Белоруссии еще в XVI в. строили деревянные церкви столбчатой конструкции, известные в Норвегии под названием став-кирок. Строительство таких церквей в Скандинавии прекратилось в XIV в.

11. Гродно. Церковь Честного Креста Фрагмент гравюры 1568 г.



12. Сынковичи. Церковь, первая половина XVI в.

На гравюре Гродно 1568 г. (рис. 11) видна деревянная церковь Честного Креста, конструкция которой возможна лишь из поставленных стоймя бревен или брусьев. Это предположение подкрепляется описанием 1588 г. неоконченной Успенской церкви православного Лещинского монастыря под Пинском: «з бруся тесаного, в столъпъ збудованая».

В описании содержатся также сведения о других постройках монастыря. Он был окружен забором из «дылей» — вертикально вкопанных деревянных пластин. Над воротами находилась звонница. Монахи жили в одном корпусе, как в католических монастырях. Однако в отличие от последних трапезная стояла «в одной связи» с теплой церковью.

Среди каменных культовых построек выделяются православные церкви-крепости в Сынковичах и Маломожейкове (рис. 12, 13), обе — первой половины XVI в. Своеобразен тип этих сооружений с башнями по углам, по общим очертаниям аналогичный местным замкам. В башнях находились винтовые лестницы, которые вели к бойницам оборонного пояса, огибающего церковь под крышей над сводами. Лестницы освещались бойницами, распределенными также по всей высоте башни. В алтарной части бойниц не было. Обе церкви являются зальными трехнефными сооружениями. Подобная структура свойственна кирпичной готике и неизвестна русскому строительству. Однако общая конфигурация плана близка к планам русских четырехстолпных церквей. Высокие двускатные кровли (черепичные или гонтовые) замыкали громадные, превышающие высоту стен, кирпичные щипцы, украшенные оштукатуренными нишами разнообразных очертаний. Подобные щипцы украшали церкви Швеции и Финляндии. Однако в местных церквах-крепостях ряды ниш образуют более связанную, ярусную композицию. Фасады церквей оставались неоштукатуренными.

Весьма вероятно, что церковь в Сынковичах строили те же мастера, что и замок в Мире: очертания ее ниш и пояс машикулей близки по характеру к декору и бойницам одной из башен этого замка (см. рис. 8). Особенностью этой церкви является также то, что снаружи поверхность ее трех апсид с помощью тромпов образует в уровне покрытия единую поверхность, облегчающую устройство крыши. Этот прием был, вероятно, достаточно распространен, о чем свидетельствуют, например, апсиды Троицкой церкви в Вильнюсе.

Церковь в Маломожейкове во второй половине XIX в. подверглась значительным перестройкам. Особенно пострадал ее западный фасад, к которому был добавлен притвор, а башни значительно надстроены. В этой церкви оштукатуренными нишами украшены не только щипцы, но и наружные стены. Еще в начале XIX в. сохранялись герсы — опускные железные двери за входными дверями.

Обе церкви освещены высокорасположенными небольшими окнами с железными решетками. Примечательны своеобразные кирпичные своды. В Сынковической церкви нефы перекрыты простыми крестовыми сводами с нервюрами. Лишь сотовые своды диаконника в апсиде напоминают свод одной из башен Мирского замка. Своды Маломожейковской церкви значительно богаче. В центральном нефе их нервюры образуют довольно сложный звездчатый узор, близкий рисунку нервюр сводов церквей Прибалтики.

10. Мир. Замок, рубеж XV—XVI вв. Правая от въезда угловая башня. Фото *А. Я. Митянина.*

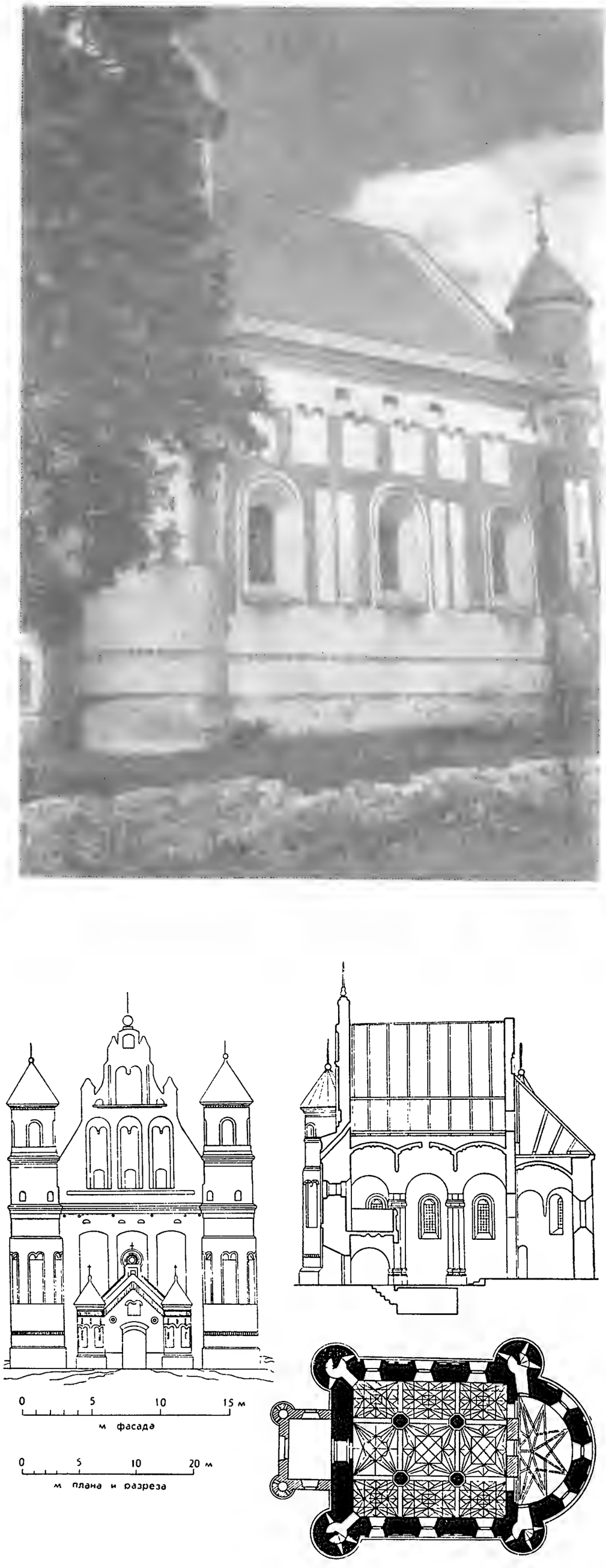
В боковых нефах церкви — сотовые своды. Стены внутри церкви были оштукатурены и, вероятно, расписаны фресками. Полы обеих церквей кирпичные.

К рассмотренным церквям близка монастырская церковь в Супрасли (1509—1511) на территории Польши. Она имела аналогичное построение и оборонные устройства, но церковь венчал купол и на алтарной стене были устроены бойницы.

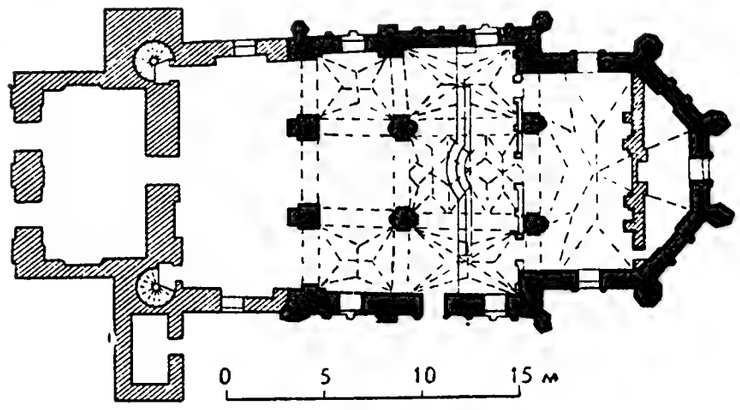
Не все церкви Белоруссии возводились как оборонные сооружения. Кафедральный соборный храм св. Бориса и Глеба в Новогрудке (окончен в 1519 г.) не имел крепостного назначения (рис. 14). Он был сооружен на месте более ранней церкви (сложенной из плинфы). Это зальное здание с сильно выступающим граненым хором, высокими стрельчатыми окнами, высокой крышей, ограниченной острыми щипцами, и звездчатыми нервюрными сводами, было близко современным ему западным храмам. В 1632 г. западная стена была почти полностью разобрана и достроена новая часть с двубашенным фасадом. Благодаря сохранившимся боковым фасадам и фрагментам главного щипца можно составить представление о первоначальном виде здания. Оно не было оштукатурено. Изящная сетка выпуклого орнамента из профилированного кирпича является своеобразной перефразой аркатуры романских соборов. Орнамент органически включал и стрельчатые, позднее расширенные окна, и шестиугольные контрфорсы. Главный западный фасад и оба щипца содержали тот же орнамент.

Щипец был главным украшением фасада таких церквей, о чем свидетельствует дошедший до нас в рисунке XIX в. фасад за́мковой зальной четырехстолпной церкви св. Духа в Кодне (рис. 17), построенной около 1530 г. и близкой по типу к Новогрудской. Как и церковь в Маломожейкове, она имеет на главном фасаде круглое окно — отголосок роз готических соборов. Наряду с оштукатуренными нишами щипец украшали поливные вставки с изображениями святых.

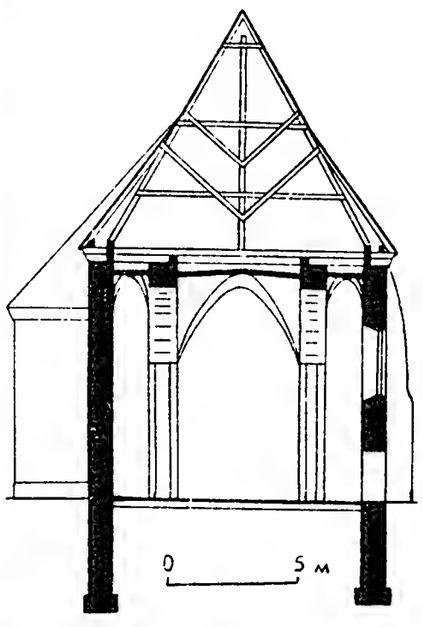
К тому же кругу построек, что и церкви Новогрудка и Кодня, относится приходский костел в Ишколдзи (1472, рис. 15). Это трехнефное зальное сооружение с очень узкими (до 1,35 *м*) боковыми нефами также имеет далеко выступающий граненый хор, высокую двускатную крышу и нервюрные крестовые и звездчатые своды. Щипец украшают плоские ниши, меньшие ниши деко-

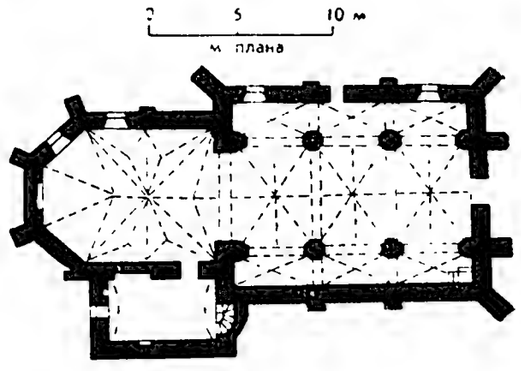


13. Маломожейков. Церковь, первая половина XVI в. На разрезе — первоначальный вид церкви



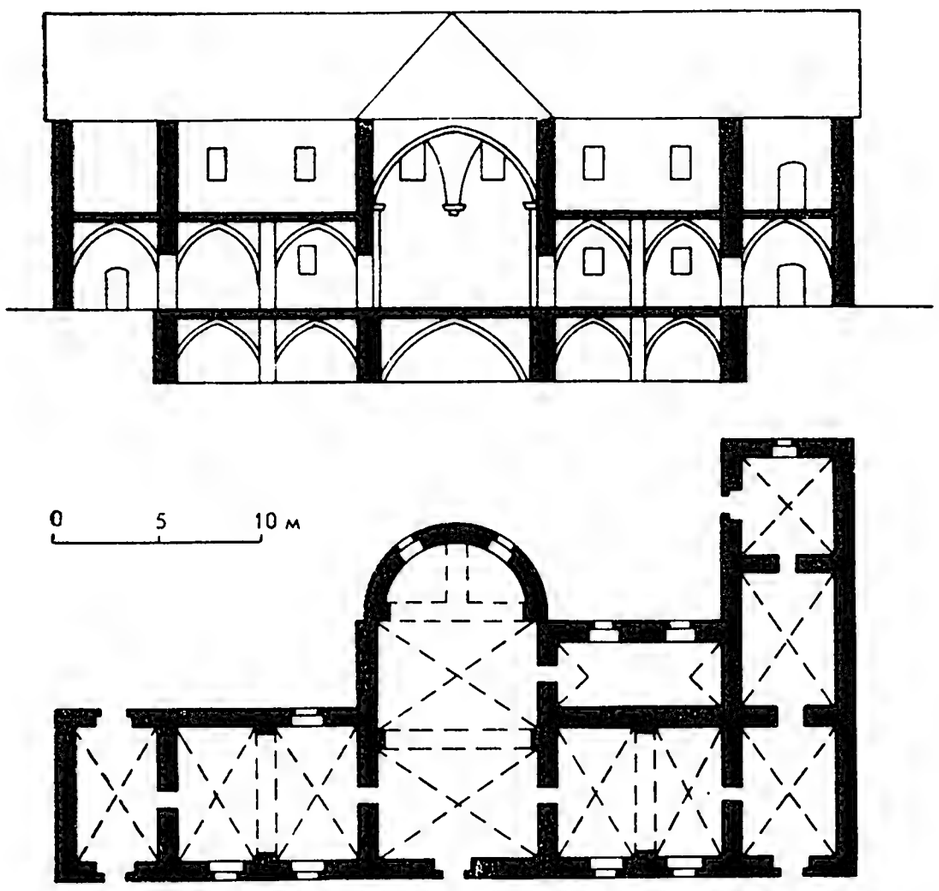
14. Новогрудок. Собор св. Бориса и Глеба, 1519 г. Боковой вид, план с показанием первоначальных частей



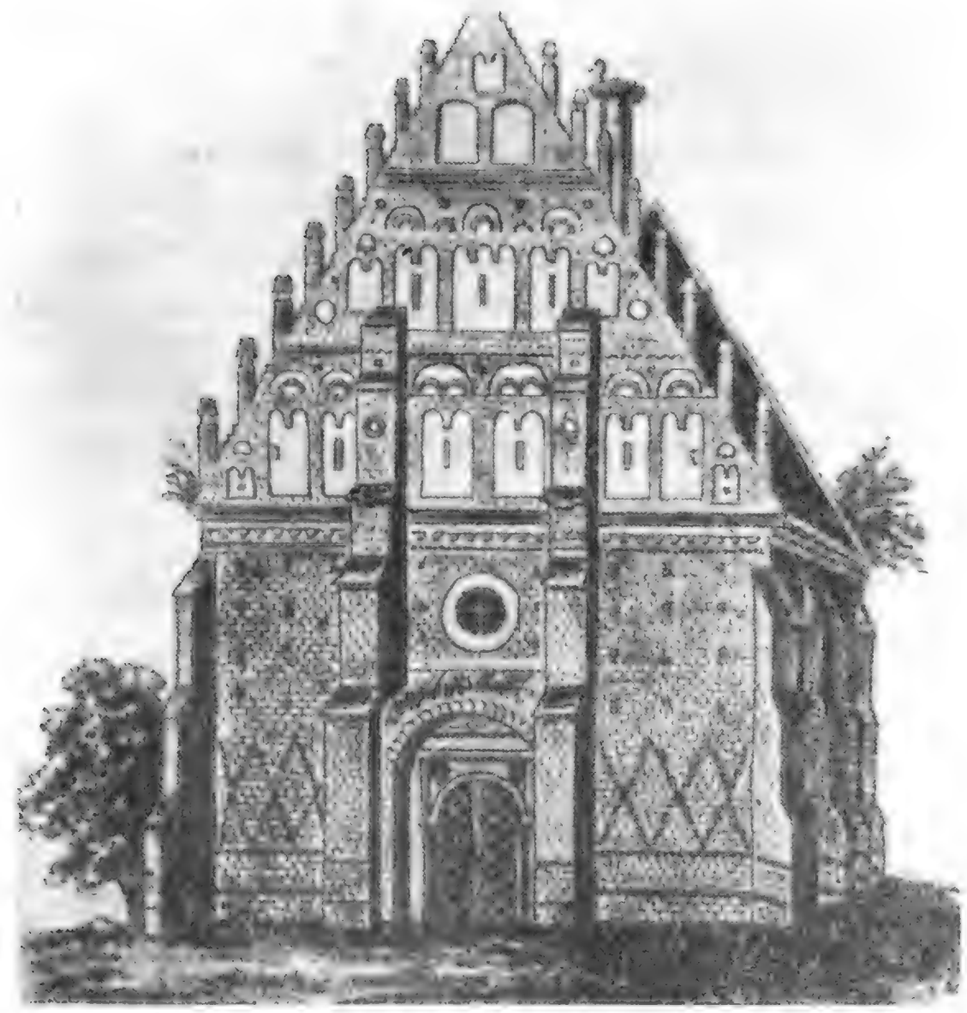


15. Ишколдзь. Приходский костел, 1472 г. (штукатурка поздняя)

рируют контрфорсы. Нижние части стен орнаментированы, подобно церкви в Кодне, сетчатой кладкой. Костел был построен владельцем местечка рядом со своей усадьбой и его стена, обращенная к господскому дому, представляет собой брандмауэр. Вообще, северные фасады (храмы в Кодне, Ишколдзи) иногда не имели окон как церкви Швеции.

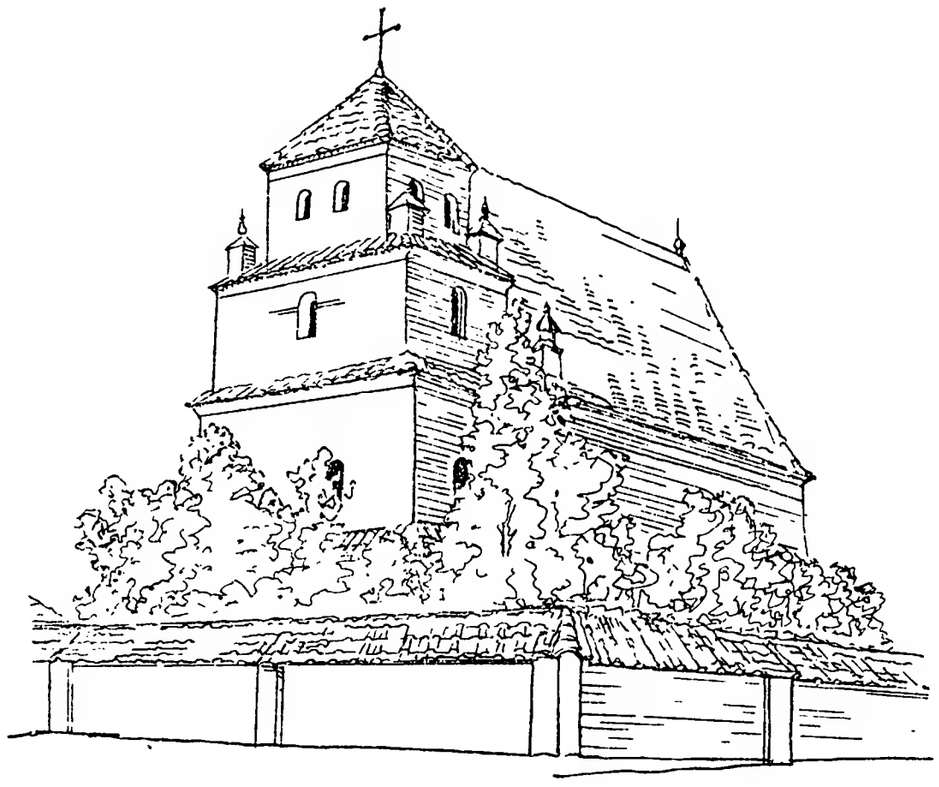


16. Гродно. Дом призрения св. Духа, 1551 г. Разрез и план

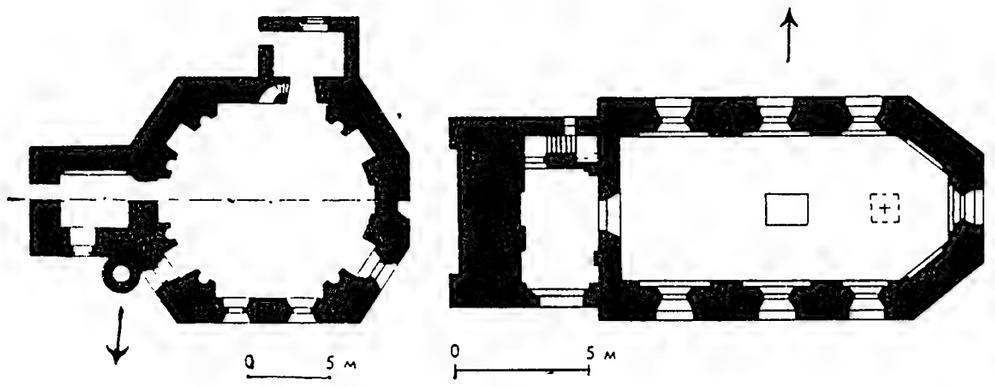


17. Кодень. Замковая церковь св. Духа, около 1530 г.

18. Койданов. Кальвинский сбор, первая половина XVI в.



19. Осташин. Кальвинский сбор, вторая половина XVI в.



20. Сморгонь. Кальвинский сбор, 1553 г.

Рассмотренными храмами не исчерпывалось все многообразие каменных построек Белоруссии. К данному периоду относятся однонефные храмы: Преображенская церковь в Заславле (1557), костел францисканцев в Пинске (1510) и более сложные, как, например, известные по гравюрам Гродно XVI и начала XVII в. базиликальная православная церковь на рынке и Пречистенская соборная церковь с высокой квадратной башней. Пречистенская церковь была окружена крепостной стеной с круглой надвратной башней. Колокольня стояла отдельно.

К этому ряду памятников достаточно близко примыкали каменные реформаторские церкви, «кальвинские сборы», часто с оборонными устройствами. Трехнефный зальный с граненым хором храм в Койданове (первая половина XVI в.) имел круглые бойницы по боковым фасадам и в мощной башне, расположенной в торце над входом (рис. 18). Он был окружен стеной с девятью каменными башнями, возможно, оставшимися от более раннего замка.

Несохранившиеся однонефные сборы в Деревне и Осташине (вторая половина XVI в., рис. 19) были перекрыты сводами и имели мощную башню у входа. Значительное утолщение приземистой башни сбора в Осташине усиливало ее оборонные качества.

Несколько обособленно от этих памятников стоит сбор в Сморгони (1553, рис. 20), очертания которого вызваны, по-видимому, стремлением приспособить здание к нуждам проповеднического культа: план имеет вид вытянутого восьмиугольника. Сооружение венчает подъемистый (стрела 8 *м*) сферический купол, снаружи отчасти скрытый высоким аттиком, декор которого свидетельствует о некотором родстве с формами нидерландского ренессанса. У входа так же, как и в других сборах, стоит квадратная в основании восьмигранная некогда очень высокая башня.

Примерно к этому же времени (1551 г.) относится дошедший до нас в архивных чертежах шпиталь — дом призрения св. Духа в Гродно (рис. 16). Он предназначался для 24 призреваемых и двух прислужников. В центре симметричного уличного фасада находился однонефный костел с ризницей. Каждая группа помещений (для мужчин и женщин) по его сторонам имела свой вход с улицы.

За три века, несмотря на тяжелые войны XIV в., произошло не только увеличение площади городов, но создалась новая структура города, с двумя административными центрами — замком и ратушей, появилась регулярная планировка рыночной площади и новых кварталов.

Каменное строительство развертывается под знаком защиты края. Белоруссию покрывает сеть замков. Развитие артиллерии ведет к изменению структуры крепостных стен и башен, а затем к появлению земляных бастионов в каменных замках. Постепенно замки начинают отвечать не только задачам обороны, но и задачам представительства. Расширяется количество дворцовых комнат, создаются парадные помещения, усиливается декоративное убранство.

В церковном каменном строительстве, несмотря на наличие разнообразных культов, проводится в основном идентичная строительная программа. Строятся преимущественно однонефные или зальные церкви, завершенные высокой щипцовой кровлей. Особый интерес представляют церкви-крепости, фортификационные элементы которых близки замковому зодчеству.

Зодчество в целом характеризуется наличием элементов, как русской, так и западноевропейской архитектуры.

ГЛАВА 2

АРХИТЕКТУРА XVII в.

В XVII в. значительно усиливается польское влияние, так как Белоруссия продолжает входить в состав Речи Посполитой. Крупный феодал-магнат, экспортирующий хлеб за границу, становится центральной политической фигурой. Королевская власть постепенно теряет свое значение. Города лишаются участия в управлении страной. Социальный гнет отягощается гнетом религиозным. Для противодействия католическому наступлению население организуется в православные братства, группирующиеся вокруг монастырей и приходских церквей. В Белоруссию устремляются многочисленные католические ордена, всячески поддерживаемые магнатами и королем. Основными типами монументального строительства становятся католический монастырь и замок магната. Как центры латифундий магнатов развиваются частновладельческие города-крепости. Королевские, или свободные, города останавливаются в своем развитии, приходят в упадок, особенно усилившийся после опустошительных войн 1654—1667 гг.

Преимущественное по отношению к цехам положение шляхты ведет к укрупнению цехов, объединивших ремесленников различных профессий. В силу этого в списке цехов ряда городов в XVII в. нельзя найти отдельного цеха каменщиков. Чаще всего самостоятельный цех имеют плотники, так как основным строительным материалом было дерево.

До нашего времени дошли некоторые сведения о цехе каменщиков Гродно, существовавшем с XVI в. Во главе цеха стояли ежегодно избираемые старшины. Споры решались на суде в цеховом доме. Мастера могли иметь до трех учеников. Обучение было трехгодичным, по окончании его выдавался аттестат, в котором ученик рекомендовался как «товарищ» (подмастерье). Прием в мастера («мистры») горожан из другого города сопровождался экзаменами: принимаемый изготовлял в определенном масштабе проект какого-либо здания и подсчитывал расход стройматериалов. Количество «товарищей» при каждом мастере было ограниченным для снижения конкуренции.

В ряде случаев среди местных мастеров практиковалось строительство зданий по образцам существующих сооружений.

Монастыри имели своих архитекторов, часто приглашались монахи-архитекторы из-за границы. При больших монастырях-коллегиумах уже в XVII в. началось обучение основам архитектурного мастерства (иезуитский коллегиум в Полоцке). Многие монастырские архитекторы обучались за границей. Магнаты также имели своих придворных архитекторов, как отечественных, так и иноземных.

Плотники достигли высокого мастерства в изготовлении деревянных конструкций. Особенно сложными были стропильные покрытия, имевшие вид многослойной, с вертикальными стенками, крыши. Стены возводились обычно из брусьев-пластин, что позволяло экономно использовать древесину (из одного бревна получалось 2 бруса). Фундаментами под деревянные постройки чаще всего служили отдельно заложенные по углам или связанные раствором валуны.

Довольно широкое распространение получили фахверковое строительство («прусский мур») и глинобитные постройки.

Кирпичные сооружения возводились как исключение. В зданиях с большой толщиной стен применялась забутовка, для связи по периметру стены прокладывались бревна или металлические связи с анкеровкой снаружи стены.

Каменные конструкции характерны большой массивностью. Бут применялся не только для забутовки и фундаментов, но он, как правило, включался и в кладку поверхности кирпичной стены, так как кирпичные здания в отличие от предыдущего периода штукатурились как изнутри, так и снаружи. Профилировка производилась с помощью выпусков околотого кирпича, который зачастую клался не только плашмя, но и на ребро (для получения вала) и даже вертикально (обрамление или откос

проема). Продолжает применяться для лучшей связи с раствором бороздчатый кирпич.

В зависимости от района строительства применялся кирпич различных размеров, однако его длина и ширина варьируются в сравнительно небольших пределах: 32—25 и 18—15 см. Наибольшие колебания приходятся на толщину кирпича — от 4,5 (Могилев) до 8 см (Гродно). При небольшой толщине кирпича делаются очень толстые швы, достигающие толщины кирпича, что приводит к большой экономии последнего.

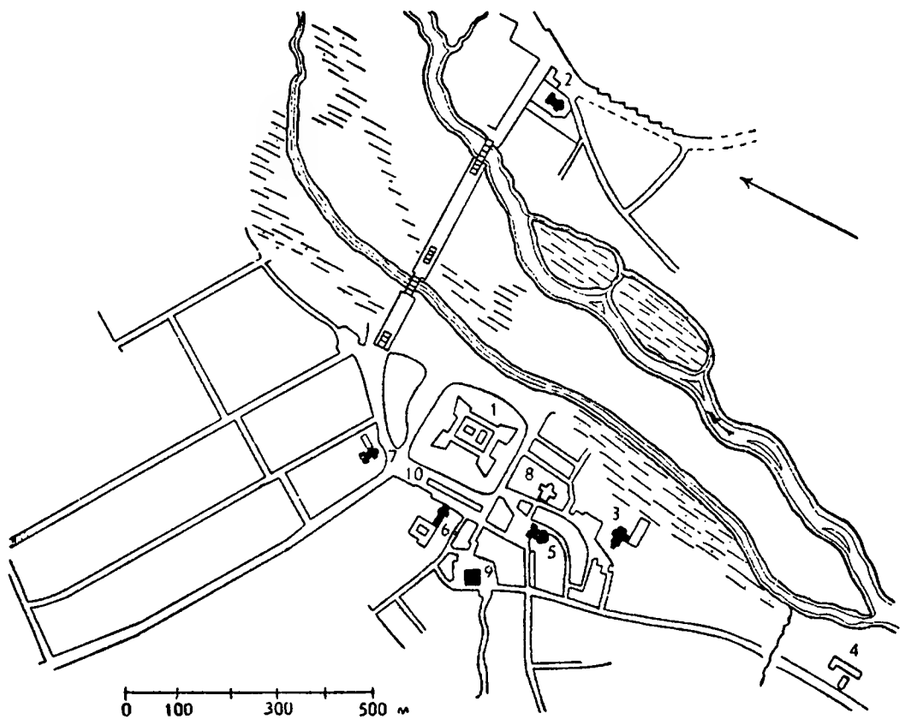
Кирпичные своды отличаются большим разнообразием форм. Видимые затяжки не применялись. Кровли кирпичных зданий, как правило, гонтовые или из гончарной черепицы. Деревянные здания часто крылись соломой.

В каменных зданиях (в храмах и замках) в частые свинцовые переплеты окон вставлялось белое стекло. В деревянных сооружениях переплеты были также из дерева, а в рамы вставлялось зеленое стекло или бумага (в жилых зданиях).

Градостроительство. Организация укреплений повлияла на всю структуру города XVII в. Представляется возможным классифицировать города следующим образом.

Города, не имеющие наружных укреплений. К этой категории относятся в первую очередь наиболее простые поселения, так называемые местечки. Они принадлежали какому-либо феодалу и назывались владельческими городами.

Архитектурным центром города являлись резиденция феодала или монастырь. Местечко отличалось от деревни лишь наличием рынка, и, подобно деревне, оно растягивалось вдоль торговых путей, а рядовые постройки не отличались от курных изб. В случае вражеского нашествия жители прибегали к защите стен замка или монастыря. Планировка таких поселений складывалась стихийно.



1. Слоним. План конца XVII в. (реконструкция Е. Д. Квитницкой)

1 — замок; *2* — каменный приходский костел (1595 г.); *3* — костел бернардинцев (1639 г.); *4* — костел бенедиктинок (1669 г.); *5* — костел доминиканцев, 1680 г., каменный с 1747 г.; *6* — костел бернардинок, 1670 г.; *7* — костел каноников латеранских, 1635 г.; *8* — Спасская униатская церковь; *9* — синагога, 1642 г.; *10* — рынок

Известные по летописям с XIII в. Гольшаны представляли собой расположенное вдоль дороги селение, к северо-востоку от которого находился высокий холм с деревянным замком князей Гольшанских. Во второй половине XVI в., когда открытый замок на холме стал уязвимым для пушек, новый владелец Гольшан—Сапега оставляет старую резиденцию и в начале XVII в. возводит новую на равнине. Главная улица городка примыкает к замку. На рынке в 1618 г. основывается укрепленный францисканский монастырь. Таким образом, небольшие Гольшаны оказываются связанными с каменными замком и монастырем.

Аналогичные принципы планировки можно проследить в Геранонах, Ляховичах, Картузской Березе. В последнем местечке дома мещан тяготеют к картезианскому монастырю, который был владельцем города и от которого город получил свое название.

К менее распространенному типу принадлежат крупные города, в которых оборонными сооружениями являлись укрепленные католические монастыри и замки. Таким городом в XVII в. был Слоним (рис. 1).

В XVI в. Слоним быстро развивается; в 1532 г. получает Магдебургское право. Организуются цехи, строится каменный приходский костел. С 1631 г. и почти до конца столетия здесь собирались генеральные сеймы Великого княжества Литовского. В XVII в. Слоним был коронным, или свободным, городом.

В XVII в. центром города являлся замок, расположенный на левом берегу р. Щары. Около замка в месте пересечения торговых путей находилась торговая площадь. Кварталы северо-западной части отличаются не только величиной, но и относительно регулярной планировкой, вероятно, возникшей в XVI в.

Господствующие на юго-западе высоты делали бесполезным сооружение непрерывных укреплений против артиллерийского обстрела.

Система укрепленных монастырей у устья торговых магистралей, кроме оборонного значения, имела также определенное идеологическое воздействие. Расположенные среди городской застройки монастыри с их школами, библиотеками, богадельнями

являлись очагами распространения католицизма. Семь православных церквей было закрыто, уцелела лишь одна униатская церковь.

Города с внешними укреплениями. Таковыми являлось большинство крупных городов Белоруссии. Во владельческих городах строительство укреплений зачастую было связано с перепланировкой города по единому проекту. В так называемых коронных, или свободных, городах коренная ломка структуры города не проводилась.

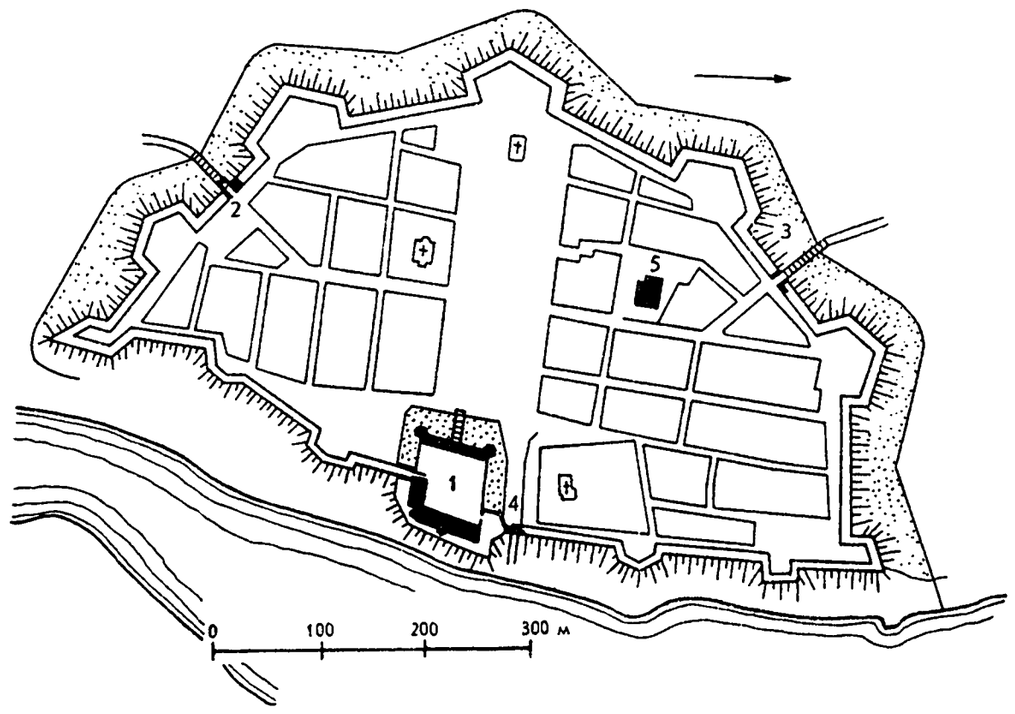
К владельческим городам-крепостям, подвергшимся частичной или полной перепланировке, могут быть отнесены Старый Быхов, Несвиж, Слуцк и Любча.

В 1590 г. владелец Старого Быхова гетман Ходкевич получает грамоту на превращение города в крепость. Основное строительство происходит около 1610—1619 гг. После 1621 г. город перешел в род Сапегов, которые усилили его укрепления. Наружный контур города приближается к полукругу диаметром 800 *м*. Город стоит на обрывистом берегу, откуда открывается широкий вид на противоположную сторону Днепра, болотистую, изобилующую заливными лугами (рис. 2).

Город был окружен укреплениями из земляных валов, рвов, бастионов и равелинов. Восточную сторону укреплений усиливал замок. Замок располагался на оси симметрии городского плана, перед ним простиралась огромная торговая площадь. Системой взаимно перпендикулярных улиц город делился на кварталы. Главная улица соединяла симметрично расположенные ворота и пересекала площадь в середине ее длинных сторон. Ворота (Могилевские и Рогачевские) связывали Быхов с другими крепостями по Днепру. От Днепра к замку вели особые так называемые Подольные ворота. Вся застройка города, кроме трех ворот, замка и синагоги, была деревянной. Синагога являлась вторым после замка узлом обороны в городе.

Отношение к еврейскому населению во владельческих городах было иным, чем в коронных. В коронных городах конкурирующие с евреями торговцы и ремесленники старались всячески ограничить права евреев. Во владельческих городах заинтересованные в повышении благосостояния города владельцы сами привлекали евреев-имигрантов и наделяли их особыми привилегиями.

В 1584—1616 гг. крупнейший магнат Радзивилл Сиротка проводит реорганизацию Несвижа. Имеются сведения, что в перестройке участвовали итальянские мастера. Сохранилась гравюра Несвижа рубежа XVI—XVII вв., которая вместе с планом конца XVIII в. дает возможность представить город в начале XVII в. (рис. 3).



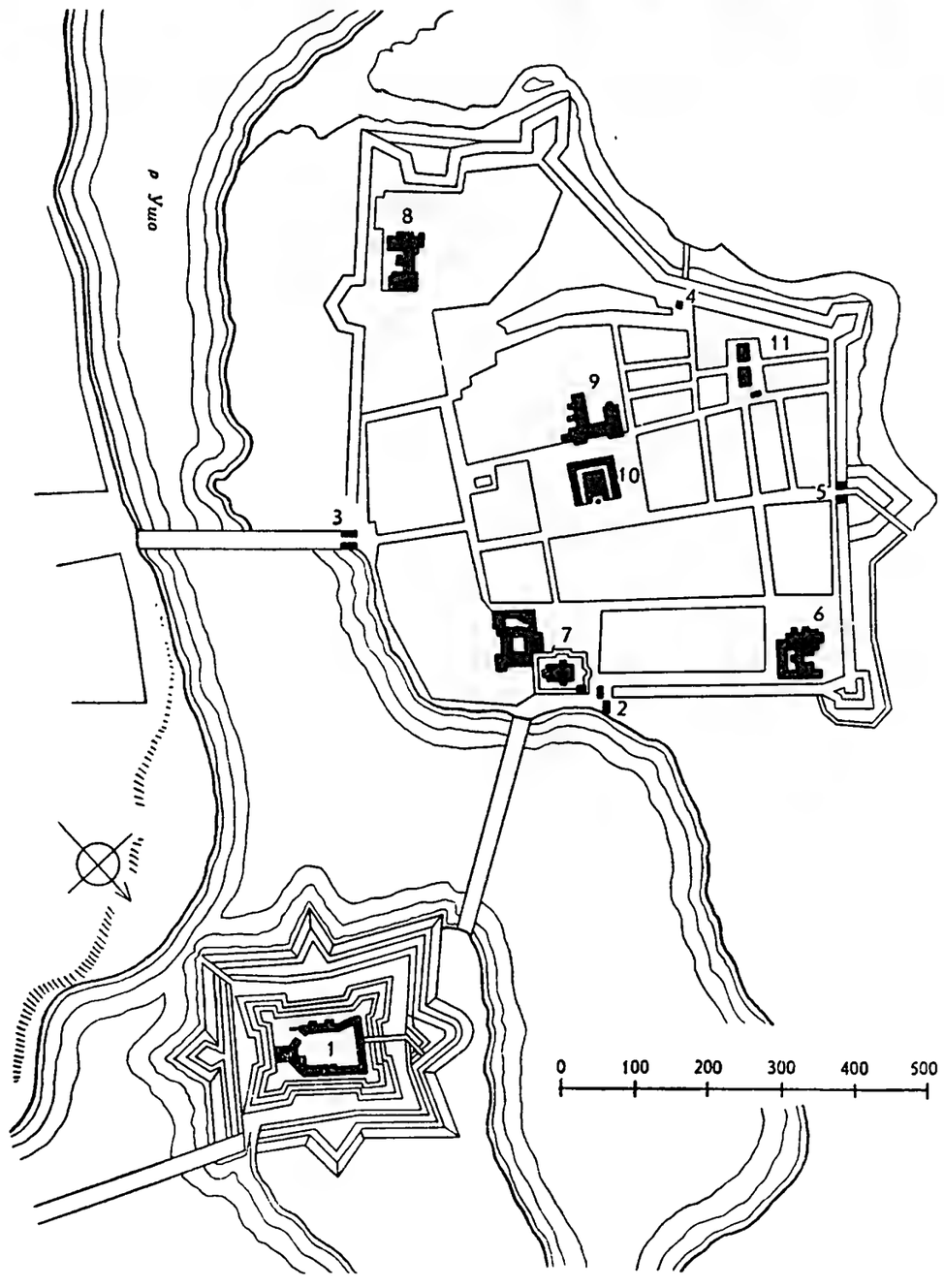
2. Старый Быхов. План 1781 г.

1 — замок; *2* — Рогачевские ворота; *3* — Могилевские ворота; *4* — Подольные ворота; *5* — синагога

Замок заложен в 1583 г. на месте более раннего замка, на искусственном озере. Сообщение с городом осуществлялось по длинному деревянному мосту, разбираемому во время осады.

Город имел почти квадратный план. Подобно Старому Быхову, он был окружен системой земляных валов и рвами. За валами тянулись предместья. Каменные ворота с башнями располагались примерно в середине сторон квадрата. Три угла плана занимали каменные культовые сооружения: северный — монастырь бернардинцев (с 1598 г.), южный — монастырь бенедиктинок (с 1590 г.), несколько вынесенный за пределы квадрата (у его подножия расположено болото), западный — снабженный оборонными башнями православный храм (впоследствии упраздненный). Угол, ближайший к замку, был защищен цитаделью и иезуитским монастырем — коллегиумом с огромным храмом (с 1584 г.), расположенным у въезда на плотину.

Город получил прямолинейную планировку. Основными артериями были две улицы, направление которых совпадало с ориентацией замка: одна от Замковых ворот к главному фасаду ратуши и другая перпендикулярная ей — от Слуцких до Виленских ворот. Рыночная площадь имела



3. Несвиж. Гравюра рубежа XVI—XVII вв. и план конца XVIII в.

1 — замок; *2* — Замковые ворота; *3* — Слуцкие ворота; *4* — Клецкие ворота; *5* — Виленские ворота; *6* — монастырь бернардинцев; *7* — иезуитский монастырь-коллегиум; *8* — монастырь бенедиктинок; *9* — монастырь доминиканцев, 1672 г.; *10* — ратуша; *11* — синагога

приближающуюся к квадрату форму. Ее центр занимала ратуша.

В прочих частях город получил также регулярную планировку. Магистраль от четвертых, Клецких, ворот была второстепенной. Она вела к улице, отведенной для жительства евреям, и на ночь запиралась по обоим концам.

После войны новые города-крепости во второй половине XVII в. не сооружались. Происходило лишь возобновление поврежденных укреплений.

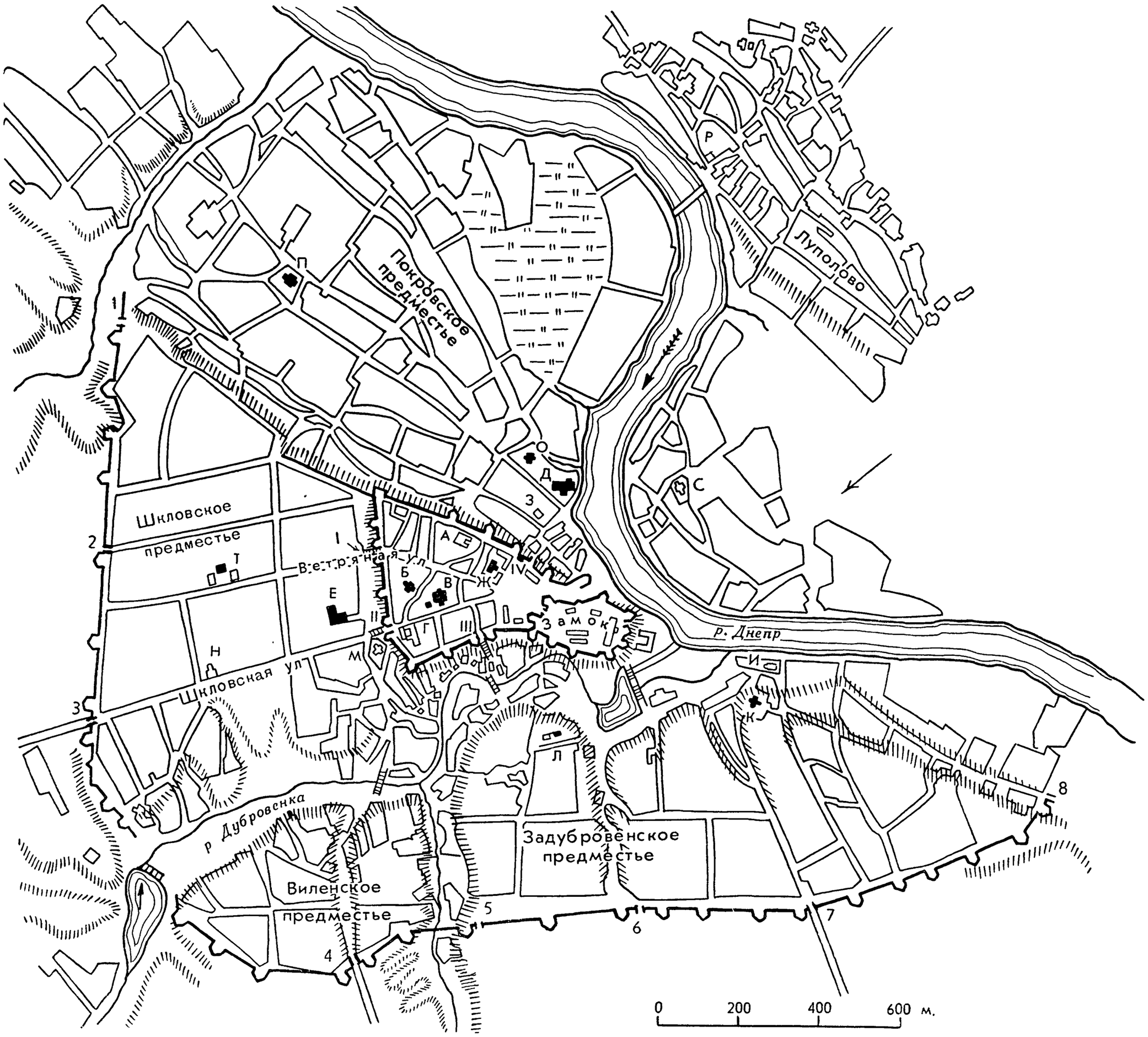
Так же как и во владельческих городах, укрепления коронных городов резко отделяют город от предместий.

Коронный город Могилев первоначально был рыбацким поселением, тяготеющим к замку при слиянии Днепра и Дубровенки (рис. 4).

В XV—XVI вв. происходит быстрый рост города. В 1526 г. на месте старого сооружается новый большой замок, причем ведутся значительные земляные работы.

В 1577 г. город получает Магдебургское право. В 1588 г. строится мост через Днепр, по которому проходят дороги из России и Украины.

В начале XVII в. укрепления замка состояли из возобновленных после восстания Наливайко (1595) деревянных стен и башен, отделенных от города рвом. Укрепления вокруг Нагорского посада, примыкающего к замку, возобновлены не были. Королевский инженер в 1601 г. разрабаты-



4. Могилев. План второй половины XVII в. (реконструкция Е. Д. Квитницкой)

Ворота Старого города: *I* — Встряные; *II* — Королевские; *III* — Дубровенские (Малые); *IV* — Олейные; ворота Нового города: *1* — Курденевские; *2* — Ледвеевы; *3* — Шкловские; *4* — Виленские; *5* — Уструшненские; *6* — Трисненские; *7* — Быховские; *8* — Папинские; монументальные сооружения. *А* — Спасский монастырь; *Б* — приходский костел; *В* — Богоявленский братский монастырь; *Г* — иезуитский коллегиум; *Д* — бернардинский монастырь; *Е* — кармелитский монастырь; *Ж* — ратуша; *З* — синагога; *И* — Ильинская церковь; *К* — Успенская церковь; *Л* — Борисоглебская церковь и каменный купеческий дом; *М* — Воскресенская церковь (ближняя); *Н* — Воскресенская церковь (дальняя); *О* — Покровская церковь; *П* — Никольская церковь; *Р* — Петропавловская церковь; *С* — Троицкая церковь; *Т* — дом Антошкевича

вает проект сооружения вокруг Нагорского посада (Старый город) и части ранее не защищенных городских предместий (Новый город) двух цепей укреплений, состоящих из рвов и земляных валов с бастионами, что потребовало сноса некоторого количества жилых домов. Наличие в городе двойной власти — ратуши и королевского замка — привело к тому, что проект был осуществлен на протяжении 1609—1633 гг.

Старый город имел план, приближающийся к треугольнику. Две длинные стороны Кругового, или Ближнего, вала крутыми скатами, неудобными для подъезда, обрывались к Дубровенке и Днепру. Третья более короткая сторона, огражденная глу-

боким рвом, служила подъездом со стороны главных торговых путей, ведущих на рынок возле замка. Соответственно этому складываются двулучевая планировка Старого города и размещение городских ворот.

Дороги, ведущие из России и Украины, у моста (раньше — перевоза) через Днепр сливались в улицу, приводящую к Ветряным воротам, от которых начиналась одна из двух магистралей Старого города. В XVI в. и ранее улица эта была главной в городе и называлась Великой Княжеской (вела в княжеский замок). Возле городских ворот в Старом городе на ней была построена первая деревянная ратуша (1578). В связи с тем, что в XVII в. основной поток товаров, идущих через Могилев, направляется не на восток, а к Балтийскому морю через Шклов и Литву, Княжеская улица теряет свое значение. Ратуша переносится к самому рынку, ворота улицы сооружаются не из камня, а из дерева, и улица получает название Ветряной по находящейся поблизости мельнице. Главной улицей становится другая, также ведущая на рынок улица — Великая Шкловская. В валах Старого города она получает великолепные каменные так называемые Королевские ворота (1656—1660), земляной вал около ворот облицовывается камнем.

Кроме двух упомянутых, Старый город имел еще одни проезжие ворота. Существовала также еще одна — Быховская дорога, связывавшая могилевскую крепость с другой крепостью на Днепре — Старым Быховым. Она проходила под зáмковой горой вдоль Днепра и упиралась в мощные каменные ворота у крутого подъема на рынок. Еще двое каменных ворот — Олейные (1646 г.) и Малые — служили пешеходам для прохода с рынка к еврейскому участку и для схода к реке Дубровенке.

В Полевой, или Дальний, вал Нового города не вошли предместья, лежащие в низине. Крутые скаты, отделяющие от них Новый город, считались достаточно надежной защитой, и в этих частях Новый город был лишен защитных устройств.

Улицы Нового города на ровных местах имеют прямолинейную, приближающуюся к регулярной планировку, сложившуюся в XVI в. Основной магистралью является Шкловская улица.

Восемь ворот Полевого вала Нового города были деревянными, основные — Шкловские, Виленские и Быховские, располагались на главных дорогах.

Горожане тщательно заботились об обороне города. На средства города и волости содержался специальный гарнизон, закупалось оружие (пушки и стенобитные орудия) и боеприпасы. При осаде города вооружалось все мужское население. Особенно тщательно охранялись городские ворота, здесь сторожа («пляцовые») вели круглосуточное дежурство. Во время осады ворота тщательно замуровывались. Ворота были необходимы и для сбора всевозможных пошлин, составлявших важную статью городского дохода. Одной из таких пошлин был так называемый бруковый сбор, на который производилось мощение улиц. В мирное время ночью по валам города ходила специальная противопожарная охрана; начало и конец дня возвещал обходивший валы барабанщик.

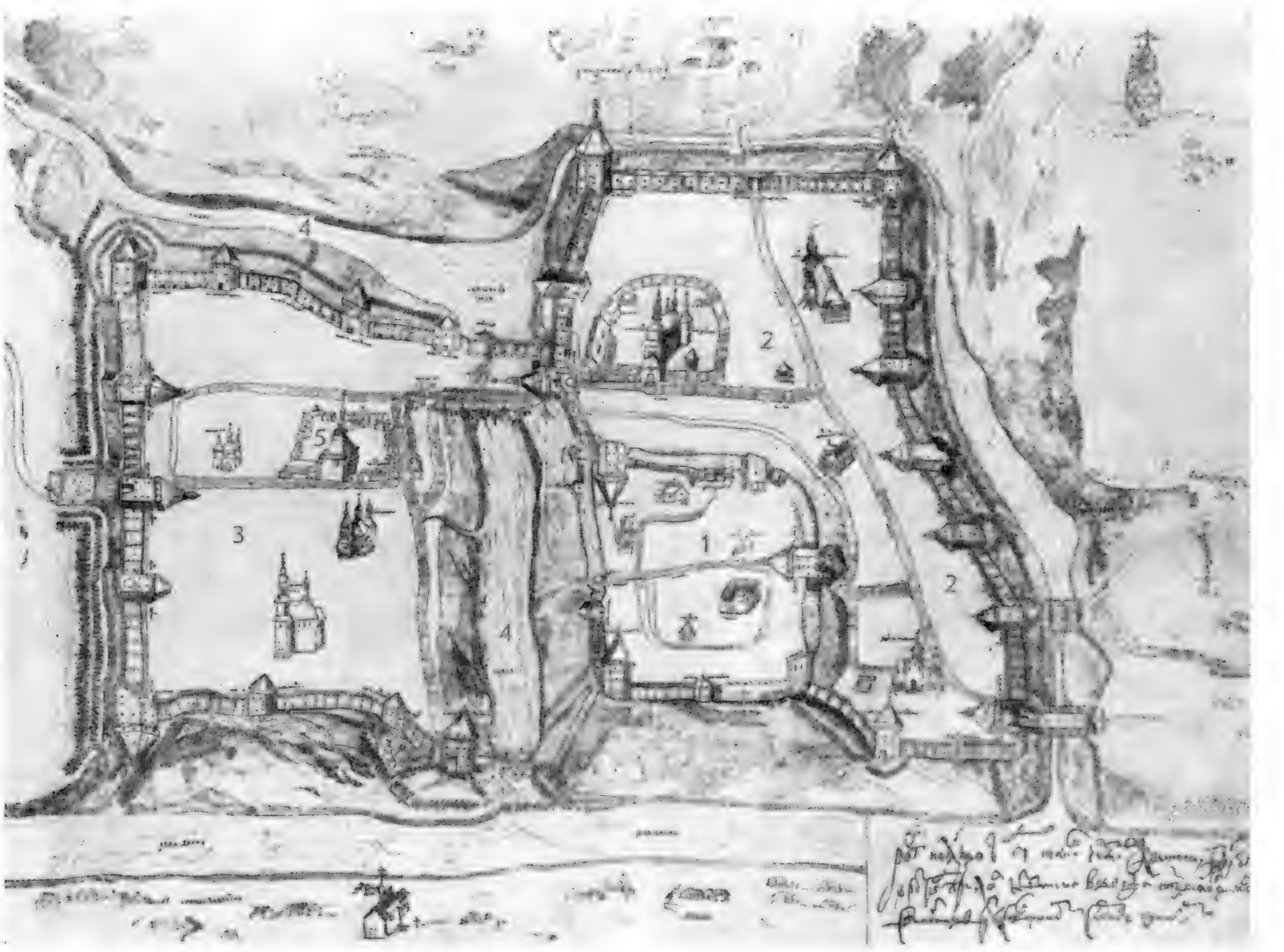
Ремонт и подсыпка валов составляли постоянную заботу ратуши.

Наиболее ярко политика правящих классов нашла выражение в строительстве культовых зданий.

В 1588 г. в Старом городе при православном Спасском монастыре, известном с XV в., организуется братство. В ответ на это в Старом городе через улицу возводится приходский (фарный) костел (1592—1604). В 1619 г. после восстания против введения унии все православные церкви были запечатаны, а Спасский монастырь отдан униатам. Однако в том же году православное братство приобретает землю в центре города для построения нового монастыря, но только в 1636 г. происходит закладка каменной Богоявленской церкви и других монастырских построек. В 1632 г. сейм вынужден учредить в Могилеве православную кафедру.

После Андрусовского перемирия религиозная борьба возобновляется. В 1667 г. создается младшее братство, объединяющее молодежь. В Новом городе основывается ряд новых православных церквей с братствами. В 1677 г. горожане вытесняют из Спасского монастыря униатов и утверждают здесь православную кафедру. Однако в 1678 г. настоятель приходского костела приглашает в Могилев иезуитов. В дальнейшем иезуиты захватывают около четверти земель в Старом городе, строят каменный коллегиум и костел. С 1692 г. возводится каменный кармелитский костел, в 1698 г. основывается бернардинский монастырь.

Старый город был не только религиозным, но и административно-торговым центром Могилева. С 1679 г. на его рыночной площади возводится новая каменная ратуша, а еще раньше — двухэтажный дом купеческого братства и другие цеховые дома.



5. Витебск. «Чертеж» 1664 г. (север — слева чертежа)

1 — Верхний Каменный замок; *2* — Нижний замок; *3* — Взгорье; *4* — р. Витьба; *5* — ратуша

В конце XVII в. (1697) стольник Петра I Петр Толстой, посетивший Могилев, описывает его следующим образом: «Город Могилев велик и около города посады великие, много в посадах садов. Тот город Могилев много больше Смоленска. Кругом посадов город земляной, от реки Днепра зачат и паки к реке Днепру приведен. Верхний город земляной же, зело высок; в городе двое проезжих ворот, да двое деревянных, башен кругом нет... На посаде мещанских богатых домов зело много строения каменного, многие дома деревянного хорошего строения... В том городе улицы вымощены диким камнем, рядов в Могилеве много, в которых зело много для продавания всяких товаров изрядных; в рядах лавки каменные».

В другом коронном пограничном с Россией городе—Витебске—в XVII в. целиком сохраняется структура плана XVI в. До нашего времени дошел «чертеж» 1664 г., дающий представление об укреплениях города и его важнейших зданиях (рис. 5). Укрепления были возобновлены по приказу русского правительства местными мастерами после 1655 г. и следуют линиям плана XIV—XVI вв. Витебск, как и многие древнейшие белорусские города, состоял из двух частей: замковой и посада (Взгорье) за рекой Витьбой.

Витебск стоял на пересечении торгового пути Смоленск — Полоцк — Рига с перевалом от Днепра к Двине. Кроме того, он был связан с цепью крепостей, возводимых против России. Путь с юга через подъемный мост подходил к большим проезжим Заручьевским воротам Нижнего замка. От них начиналась Великая улица, которая шла мимо каменных стен Верхнего замка, мимо его ворот, называемых Тёмными, сворачивала к мосту через Витьбу у Витебских ворот. Эти ворота связывали торговую и замковые части города. Непосредственно рядом с мостом находился торгово-админи-

стративный центр города — гостиный двор и ратуша. Дорога Смоленск — Рига, вливаясь в Великую улицу, на торговой площади сворачивала к переправе через Двину. Главные улицы города имели бревенчатую мостовую.

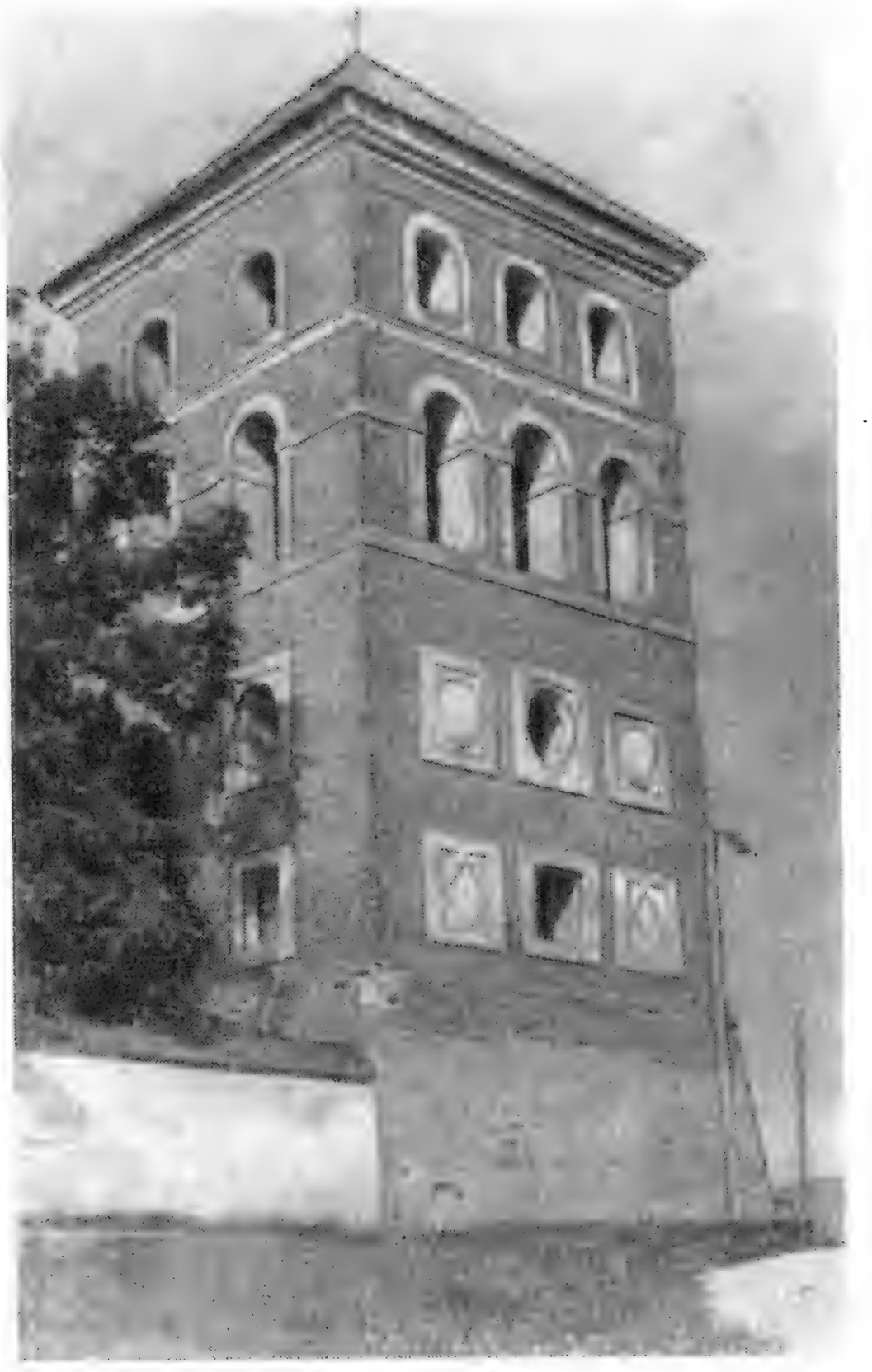
Местоположение церквей определялось торговыми путями. Они ставились у главных ворот или вблизи торговой площади.

В XVII в. коронные города Белоруссии продолжают развиваться по средневековой схеме, определяемой торговыми путями. Как и в предыдущий период, в городе два центра — резиденция феодала и ратуша. Во вновь реконструируемых городах-крепостях, принадлежащих феодалам, регулярная планировка охватывает весь город, причем здесь также сохраняется два архитектурных центра — замок и торговая площадь.

В небольших городах укрепляется только резиденция феодала. В укрепленных городах оборонный пояс резко отделяет собственно город от предместий.

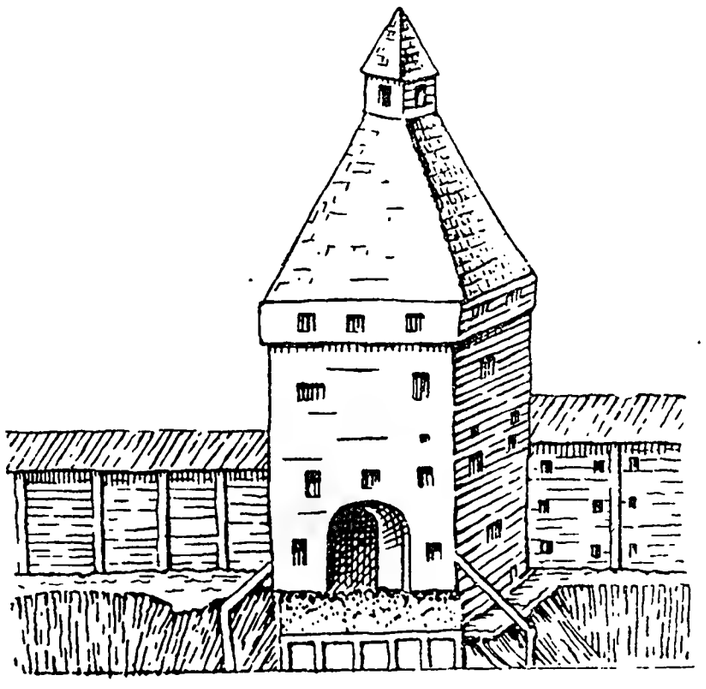
Католические монастыри в отличие от монастырей более раннего времени занимают в городе узловые пункты.

Городские укрепления. Деревянные и дерево-земляные укрепления защищались рвами и водными рубежами. Земля, вынутая из рва, использовалась как основание для стен. Между башнями без соблюдения определенного расстояния тянулись деревянный тын или, чаще, городни. Представление о деревянных и дерево-земляных укреплениях дает «чертеж» Витебска 1664 г.



7. **Несвиж.** Башня Замковых ворот, конец XVI в. Вид со стороны въезда

Башни разделялись на глухие и проезжие (рис. 6). Делались еще так называемые «бычки» — прирубы к городням для постановки орудий. В плане башни имели квадратную или восьмигранную форму (некоторые башни в Полоцке были шестигранными). Мостами-перекрытиями башни делились на два-три яруса — «боя» — для постановки пушек. К каждой башне со стороны города был «приделан ганок для пушечного взволоку, крыт тесом». Наиболее мощные башни ставились по углам крепости и над воротами. Проезжие башни делались квадратными. Из них более сложную форму имела башня Витебских ворот, соединяющая обе части города у моста через Вить-



6. Витебск. Суражские ворота на Взгорье. Фрагмент «чертежа» 1664 г.

бу. Квадратная в основании башня на высоте 17 венцов переходила в восьмигранник — прием, широко распространенный как в деревянном, так и в каменном строительстве.

Покрытие башен представляло собой тесовый шатер. На некоторых высоких башнях поверх шатра сооружались «тропила» — фонари, в которых отбывалась караульная служба.

Деревянная крепостная архитектура Белоруссии была близка архитектуре деревянных укреплений русских городов и монастырей. Здесь более, чем в каменном зодчестве, питающемся в значительной мере западноевропейскими источниками, сохранились старые связи и традиции. Городни сооружались до 60—70-х гг. XVII в. Посетивший Белоруссию в конце XVII в. П. Толстой нашел здесь только земляные укрепления.

Структура земляных укреплений имеет большое сходство со структурой западноевропейских валов и бастионов.

Известно, что в начале XVII в. в Литве и Белоруссии работали архитекторы-фортификаторы из Голландии — ван Лаер и Нонхард. В частности, ван Лаер укреплял Смоленск. Известно также, что многие местные мастера обучались строительному делу за границей.

В месте пересечения валов дорогами ставились деревянные и каменные ворота.

В первой половине века ворота устраивались в крепостных башнях, что было связано с традициями предыдущего столетия, а также с опытом деревянного зодчества. Воротами-башнями были ворота Старого Быхова и Олейные ворота в Могилеве (1646 г.), массивное квадратное в плане сооружение с контрфорсами. Второй этаж, где находилась часовня, был расчленен снаружи плоскими нишами с гирьками, близкими декору башен замка в Мире.

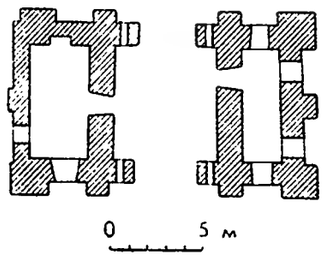
На гравюре Несвижа рубежа XVI—XVII вв. (см. рис. 3) можно видеть другой тип ворот — ворота, фланкированные башней. Сохранившаяся башня Замковых ворот (рис. 7) — мощное, кирпичное, почти квадратное сооружение, прорезанное небольшими проемами. Даже арочная галерея третьего яруса, где, вероятно, находился колокол, отличается массивностью столбов.

К середине века появляется новый тип безбашенных ворот, отличающихся большой массивностью; так, длина проезжей части Слуцких ворот Несвижа (1700) составляет 10,3 *м* (рис. 8). Под воротами иногда устраивался склад пороха (Олейные ворота в Могилеве) и тайники к воде.

В первом ярусе Слуцких ворот в Несвиже находится проезд, каморка сторожа и лестница, во втором — часовня. Здание укрепляют мощные контрфорсы. Неглубокий рельеф декора подчеркивает массивность сооружения.

Замки. Деревянные замки не сохранились и известны только по описаниям. Из описи (1623 г.) замка Усвят известно, что его укрепления отличались от укреплений Витебска главным образом протяжением стен и количеством башен. Замок не имел регулярных очертаний: шесть башен отстояли одна от другой на расстоянии 3—13 городен. Кроме проезжих ворот имелись потайные ворота, над которыми был построен деревянный княжеский дом (как и в предыдущий период — прием соединения жилого здания с крепостной стеной). Через ров к проезжей башне вел подъемный мост. Внутри укреплений размещались жилые дома шляхтичей-офицеров, избы гарнизона, церковь, цейхгауз и хозяйственные постройки.

Новое в развитии деревянного за́мкового строительства можно обнаружить при сопоставлении описей Могилевского замка от 1604 и 1663 гг. В начале века укрепления замка состояли из располагавшихся по неправильному прямоугольнику семи дере-



8. Несвиж. Слуцкие ворота, 1700 г. Вид со стороны въезда и план

9. Любча. Проезжая башня замка, начало XVII в.

вянных граненых башен — «кругляков», соединенных городнями (13—26 городен между башнями).

Башни имели 3—4 перекрытия-моста. Возле башен были вырыты окопы. От города замок отделялся рвом, через который был перекинут мост к надвратной башне, где помещалась также тюрьма и висел надвратный колокол.

Внутри за́мковых укреплений для 12—16 пушкарей и старосты со свитой были построены одноэтажные деревянные дома (наибольший имел 4 комнаты и кладовую). Здесь же находились хозяйственные постройки. В замке стояла ветхая православная Воскресенская церковь.

По описи 1663 г. вместо деревянных башен и стен по трем сторонам значатся земляные валы с бастионами (проект 1601 г., осуществлен в 1633 г.). Со стороны города возобновляются деревянные укрепления (без башен) с воротами и деревянным мостом через ров.

Повышение требований к вместительности и парадности господского дома находит выражение в строительстве обширного жилища старосты — представителя короля. «Дом большой, в половину замка» стоит против городских ворот,... «перед ним большая галерея на столбах, крытая гонтом». Кроме столовой, в доме имелось шесть комнат и подвалы. Увеличивается количество хозяйственных построек.

До начала XVII в. замок, как и русские крепости, имел отдельно стоящую церковь. В последующее время традиция угасает, Могилевский замок по описи 1663 г. утрачивает такую церковь.

В сооружении каменных замков первой половины XVII в. обнаруживается две тенденции. Более значительным является строительство, тяготеющее к образцам европейской фортификации (замки в Несвиже, Старом Быхове, Гольшанах). Менее значительно строительство в местных традициях, примером которого является замок Радзивиллов в Любче (рис. 9), перешедший к Радзивиллам в 1606 г., замок начал строиться, вероятно, вскоре после этого.

Замок расположен на высоком укрепленном валунной кладкой берегу Немана. Весь комплекс окружен глубоким рвом, сообщающимся с рекой. По углам почти квадратного плана стояли башни. Сохранились проезжая башня и одна из угловых. Расположение и конфигурация башен имеют больше сходства с замками предыдущего столетия, чем с иностранными крепостями.

Башни в Любче не связаны с жилым зданием. В противоположность земляным укреплениям с бастионами здесь, как и в деревянных укреплениях, башням отводится основная роль в обороне. Крепостные стены, судя по фундаментам, имели толщину 1,3 *м* и не были особенно значительными, а башни поражают своей массивностью. Надвратная башня представляет собой мощный куб, несущий примерно равную ему по высоте восьмиугольную призму, — прием, известный по деревянному зодчеству (Витебские ворота в Витебске) и по каменным башням Мирского замка. Небольшие окна второго и третьего

этажей предназначались для пушек, круглые отверстия у кровли — для ведения ружейного огня.

Другая башня — квадратная в основании, верхний и нижний ярусы предназначались для ружейной стрельбы, средний — для пушечного боя. Гладкие оштукатуренные стены придают сооружению лаконичный, выразительный облик.

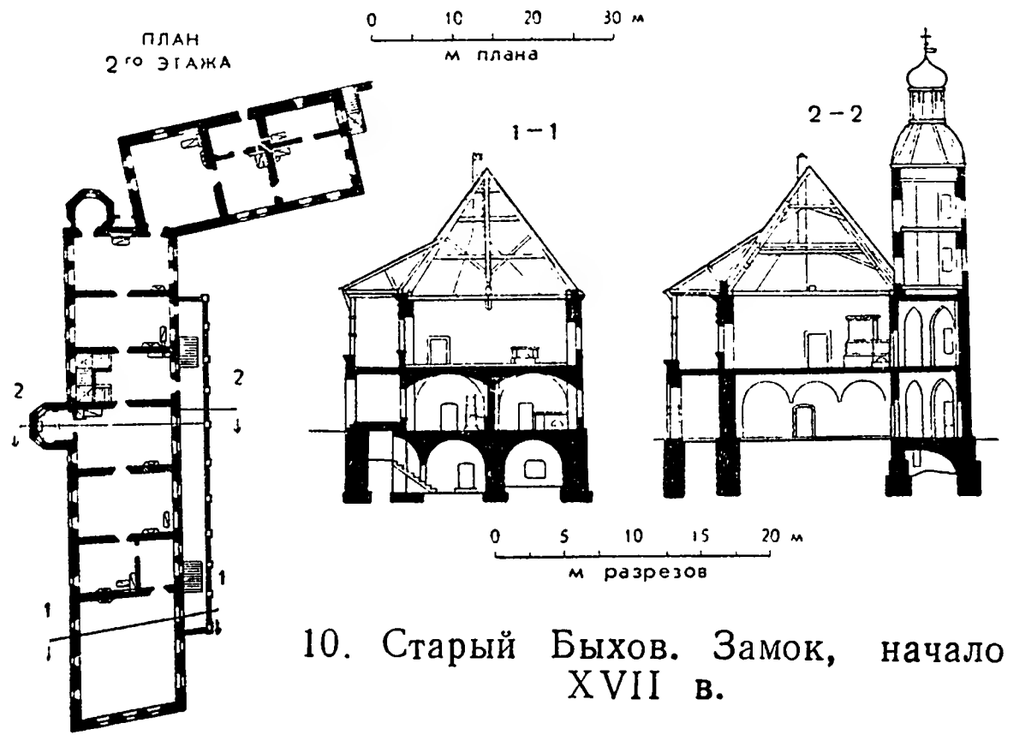
Наиболее значительным среди замков первой группы является Несвижский замок (заложен в 1583 г.). Замок изменен пристройками XVII и XVIII вв. Его первоначальный вид можно представить по гравюре (см. рис. 3). От замков предыдущего периода его отличают устройство валов и бастионов. Валы закрывают весь первый этаж здания.

Укрепления вокруг замка содержали два кольца водных рубежей; уровень воды поддерживался шлюзами. Через внутреннее кольцо был перекинут подъемный мост, приводивший к массивным каменным воротам, за которыми простирался обширный двор, окруженный тремя зданиями. Против ворот находились княжеские покои — главный корпус замка. Восьмигранные башенки по углам здания уже не имели оборонного значения. Центр фасада был выделен сильно выступающим ризалитом.

Справа от входа находился массивный трехэтажный корпус с высокой часовой башней — наблюдательным пунктом. Вероятно, в этом корпусе были казармы гарнизона и хозяйственные помещения. Поперечные стены делили сооружение на ряд одинаковых помещений с анфиладным расположением дверей. Первоначально декор был сосредоточен, что характерно и для монастырских построек этого периода, в верхних, видимых над укреплениями частях. Сохранившиеся порталы близки к итальянским образцам.

Третьей постройкой был двухэтажный хозяйственный корпус слева от въезда. Сводчатые конюшни были устроены в валах замка, по стороне, ближайшей к мосту, ведущему в Несвиж.

Замок в Старом Быхове (рис. 2, 10), сооруженный в начале XVII в., сохранился частично. В отличие от замка в Несвиже он был включен в систему городских валов и, в свою очередь, со стороны города был отделен рвом с водой. Через ров на площадь вел подъемный мост. Как



10. Старый Быхов. Замок, начало XVII в.

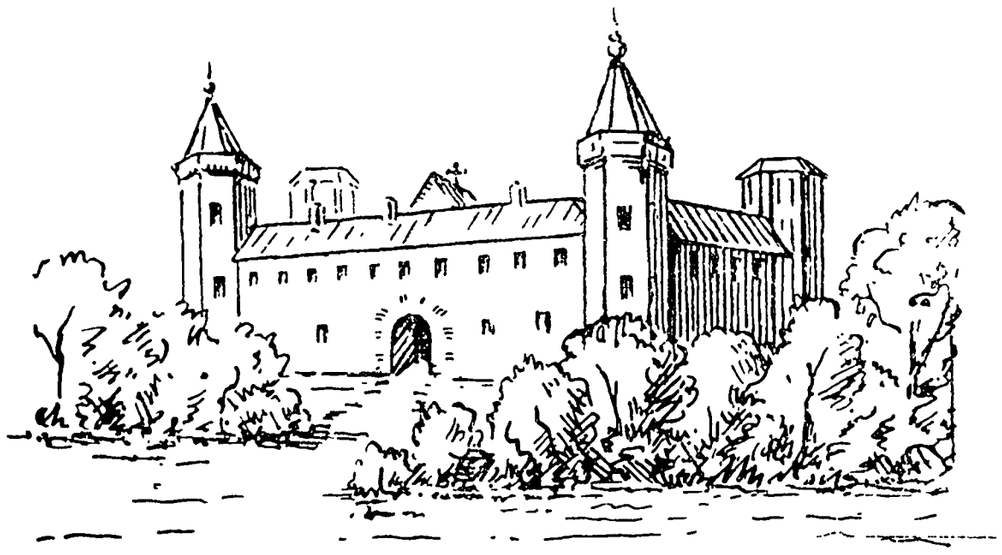
и Несвижский замок, он окружен бастионами и валами, однако фортификационное устройство имело и само здание (две восьмиугольные башни со стороны города).

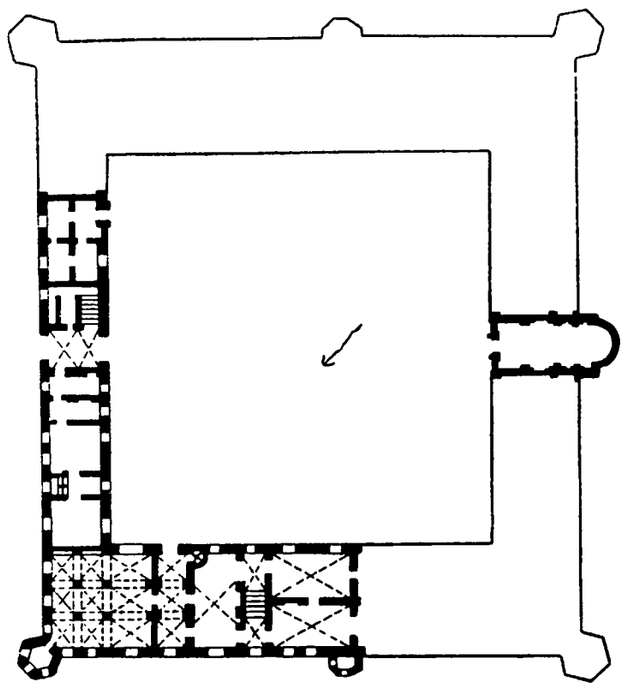
Ворота от городской площади приводили на за́мковый двор. С севера его отделяла каменная стена с проходом к городскому валу. С юга находился двухэтажный корпус со сводчатыми амбарами в первом и жилыми помещениями во втором этажах, а также тянулась стена с проходом на городской вал.

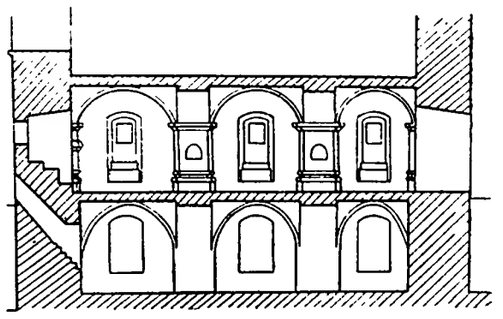
На фасаде главного, расположенного против ворот, корпуса основным архитектурным акцентом была двухэтажная галерея, в первом этаже — каменная со сводами, во втором — деревянная. Галереи широко применялись в деревянном строительстве, как жилом, так и крепостном (ганки башен), и эту особенность вряд ли следует считать заимствованной, например, из Италии. Тот же прием строительства существовал и в Польше.

Первый сводчатый этаж главного корпуса занимали кладовые и, возможно, мастерские. Второй этаж делился на две половины. Помещения справа от главной лестницы в больших сенях занимала хозяйка. Слева находились аппартаменты хозяина. В торце размещалась большая парадная столовая, вход в которую вел через особые сени. За башнями главного корпуса сохранялась лишь роль сторожевых вышек. Их помещения занимали кабинеты владельцев замка, часовня и т. д.

Топки печей выводились за стены покоев. Чаще всего печи топились из сеней. Если это было невозможно, делались небольшие пристройки вне основных стен.







11. Гольшаны. Замок, начало XVII в. Общий вид — рисунок XIX в., план первого этажа сохранившихся частей замка, разрез главного зала и подвала

Во внутренней планировке отсутствует четкая организация вокруг какого-либо центра. Поперечные стены делят здание на помещения одинаковой длины, анфиладно связанные между собой.

Архитектурная отделка интерьеров не сохранилась. Окна замка имели частые свинцовые переплеты и были застеклены.

Замок не всегда входил в систему городских укреплений; и в то же время он мог не отделяться, как Несвижский, от города. Таким был замок Сапегов в Гольшанах (рис. 11). К настоящему времени сохранились развалины примерно одной четвертой части сооружения. Валы исчезли, частично уцелел только ров с водой. Замок представлял собой прямоугольное (88,6×95,6 *м*), замкнутое здание с квадратным двором (около 60 × 60 *м*). Окружающие двор строения имели три этажа. По одной из длинных сторон располагались въездные ворота. Против них находилась домовая каплица (часовня), в отличие от предыдущего периода стоящая не отдельно, а включенная в здание. Она была почти лишена декора.

Фасад со стороны ворот отличался монументальной простотой. Гладкие расчлененные узкими поэтажными поясами стены фланкировали стройные шестигранные башни. Арочный портал был обрамлен архивольтом. Сравнение фасада этого замка с фасадом замка в Мире выявляет перемены в архитектуре, происшедшие в течение столетия. Вместо мощных оборонных стен XVI в. здесь — фасад жилого дома. Нет надвратной башни. Башни замка стали меньше и стройнее, в них располагались жилые и хозяйственные помещения. Однако замок не потерял оборонного значения. Башни по-прежнему являются сторожевыми, а разница в величине окон первого этажа дворового и наружного фасадов свидетельствует о том, что сводчатый первый этаж во время осады является убежищем. Сохранившиеся части сооружения лишены декора.

Композиция наружного фасада замка в Гольшанах напоминает современные ему западноевропейские замки, например замок Боссенштеен под Антверпеном (XVII в.) или также под Антверпеном замок Клейдаель (1518—1622). Однако замок в Гольшанах отличается другими пропорциями, массивностью, несколько иной планировкой помещений.

Ввиду малой сохранности замка трудно судить о его планировке. Можно утверждать только, что сторона справа от входа предназначалась для парадных помещений, так как в угловой части располагался большой квадратный зал, крестовые своды которого опирались на четыре столба (подобный зал в Вавельском замке в Кракове, 1502—1532). Как и в замке Старого Быхова, зал в Гольшанах не занимает центрального положения в композиции замка.

Зал в Гольшанах не сохранил внутреннего убранства, судя по описаниям прошлого века, его стены были покрыты живописью. К наружному углу примыкала находящаяся в башне комнатка со сводами, покрытыми лепниной геометрического характера, близкой к лепнине костельных сводов этого периода.

На втором этаже в башне сохранился почти в первоначальном виде небольшой кабинет, купол которого покрыт штуковыми кессонами. Штуковая декорация ками-

на свидетельствует о своеобразно понятых методах декорировки по гравюрам Фредемана де Фриса (рис. 12).

В развалинах замка в Смолянах, вероятно, современника гольшанского замка, на фасаде башни находится штуковое обрамление, детали которого близки деталям камина в Гольшанах (рис. 13) и в еще большей степени свидетельствуют о связях с нидерландской архитектурой.

На территории Речи Посполитой городом, где наиболее полно сказались традиции голландской архитектуры, был Гданьск. Здесь в 1602—1605 гг. А. ван Обберген построил арсенал, который явился образцом для зданий многих городов, связанных с Гданьском.

Более скромные поместья Белоруссии также сохраняют оборонные черты, как об этом свидетельствует замок в Гойченишках, построенный голландцем Петром Нонхардом в 1611—1612 гг. (рис. 14). Нонхард был шефом королевских фортификаций в Литве, за что ему были пожалованы Гойченишки. Прямоугольное в плане здание окружено водяным рвом и имеет по углам круглые башни с бойницами и ризалит в центре главного фасада. Первый этаж перекрыт сводами, второй имеет плоские деревянные потолки. Главный фасад имеет много общих черт с замками Нидерландов. Однако, несмотря на то что замок в Гойченишках строил архитектор-голландец, зданию присущи те же черты суровой простоты, которые отличают замки Белоруссии.

Сравнение белорусских замков с замками соседней Польши не выявляет существенных отличий ни в общей архитектурной композиции, ни в планировке зданий. Такие замки, как замок в Баранове (1579—1602) и замок в Красичине (1598—1614), подобны по своим планам и размерам замку в Гольшанах. Отличие заключается в основном в обильной декоративной обработке.

Во второй половине XVII в. успехи военной техники существенным образом влияют на структуру оборонных сооружений в феодальных поместьях. В «Краткой науке строительства»[1] 1659 г. настоятельно рекомендуется отказаться от строительства замков в виде здания с двором, закрытым с четырех сторон, а строить одно-двухэтажные здания с открытым двором — курдонером. По мнению автора, замки не могут служить крепостями, так как их стены не выдерживают артиллерийского огня и должны целиком скрываться за земляными укреплениями. Кроме того, их возведение нерентабельно из-за больших затрат. В сооружениях второй половины XVII в. оборона сосредоточивается на валах и ба-

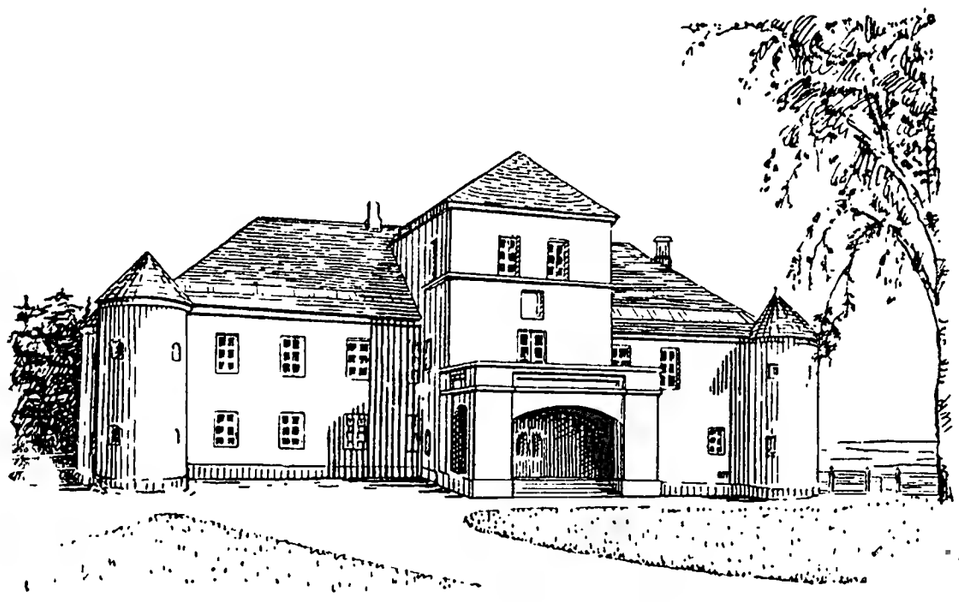
12. Гольшаны. Камин на втором этаже в угловой башне замка

[1] Krótka nauka budownicza dworòw, pałaców, zamków podług nieba i zwyczaju pólskiego. Opracował Adam Miłobędzki, Wrocław, 1957.

13. Смоляны. Фрагмент замка, конец XVI — начало XVII в.

стионах; здание располагается вокруг открытого двора.

В послевоенное время усиливается стремление магнатов к роскоши, к подра-



14. Гойченишки. Замок, 1611—1612 гг., арх. Петр Нонхард

жанию европейскому образу жизни. В композиции внешних объемов и в распределении помещений намечается стремление к симметрии и осевому построению. «Краткая наука» рекомендует группировать помещения дворца вокруг сеней и столовой. Новым является широкое применение декора в интерьере и на фасадах здания.

К этому времени относится перестройка Несвижского замка (рис. 15). Перестраивается и надстраивается главный дворцовый корпус, к нему прибавляются новые трехэтажные части. Вместе с двумя другими перестроенными корпусами они образуют открытый двор. Усложняется отделка фасадов, стены членятся пилястрами. Особенно богатую штуковую декорацию получает главный корпус. Его дворовый фасад не имеет башен. Ризалит надстраивается и завершается фронтоном. Тимпан фронтона, поля откосов по бокам ризалита и промежутки между пилястрами украшаются штуковым рельефом.

В XVIII в. были перестроены ворота перед замком. По-видимому, в это же время оба крыла дворца соединены двухэтажной галереей. В ансамбле Несвижского замка воплотилось характерное для второй половины XVII в. стремление к созданию больших открытых дворов, окруженных монументальными зданиями.

Начатый в 1701 г. замок Вишневецкого в предместье Пинска Каролине, несмотря на то что он был тогда же окружен бастионами и валами с подземными сводчатыми ходами, имел поблизости обширный регулярный парк. По-видимому, одновременно со строительством замка подвергся регулярной перепланировке Каролин. Весь комплекс свидетельствует о развитии дворцово-усадебного типа поместья.

В первой половине XVII в. как в общей конфигурации каменного замка (группировка вокруг внутреннего двора), так и в отдельных его частях (сторожевые башни) видна связь с крепостной архитектурой предыдущего периода. Отличие заключается в вынесении средств защиты за пределы строений замка, в развитии анфиладно связанных помещений парадного назначения.

Во второй половине XVII в. окруженное бастионами здание замка окончательно утрачивает оборонный характер. Двор превращается в открытый курдонер, вблизи замка разбивается сад. Декор здания

сводится в основном к регулярной разбивке фасада плоскими пилястрами.

Городское жилое строительство XVII в. было в основном деревянным. Классовая дифференциация населения нашла отражение не только в структуре жилого дома, но и в расположении строений на участке. Дома небогатых мещан состояли из двух помещений и выходили фасадом на красную линию улицы. Небольшие окна выходили на улицу и в огород позади дома. Большое место в избе занимала печь, вдоль стен шли лавки. Перед отапливаемым помещением находились холодные сени. Рядом с уличным фасадом стояли ворота с калиткой.

В более развитом типе дома к холодным сеням примыкали хозяйственные помещения. В глубине участка ставилось гумно, часто — баня. На очень узком участке на улицу выходят торцовый фасад дома и ворота рядом с ним (рис. 16, *1*, *2*). Избы топились по-черному и были крыты соломой или гонтом. Иногда избы ставились на подклете, который использовался в качестве кладовой или холодного хлева.

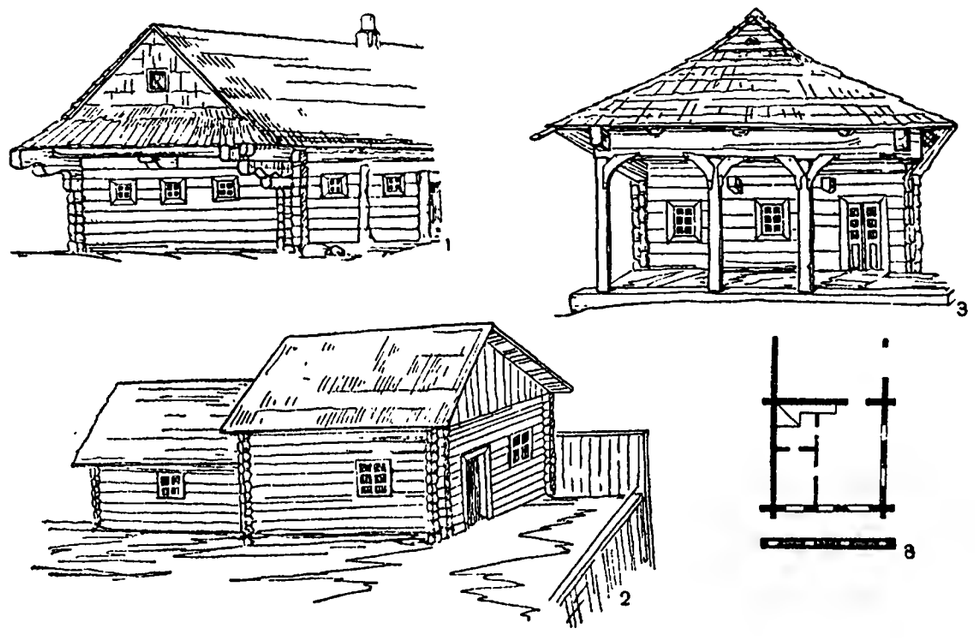
Дома рядовых торговцев являлись развитым типом той же избы (рис. 16, *3*). Вход с торца по улице вел в лавку, рядом с которой находилась кладовка и жилая комната с печью, обогревающей также лавку. Дым выходил в отверстие на щипце полувальмовой крыши. В глубине располагался склад. На фасаде устраивалась крытая аркадная галерея, которая использовалась для торговли и выставки товаров.

Дома зажиточных горожан строились на участках значительной ширины. Как правило, строение отодвигалось в глубину участка. Здания повернуты к улице длинной стороной; перед домом до ворот тянулся сад, за домом располагался хозяйственный двор.

Аналогичные дома строились в помещичьих усадьбах. Таков глинобитный дом в Осташине (1670) с высокой крышей и крыльцом-ганком перед входом.

Деревянные дома зажиточных горожан не дошли до нашего времени, но «чертеж» Витебска 1664 г. сохранил изображения двух таких домов. Это дом Горского на подклете и с галереей и дом Шапкина. Последний состоит из двух двухэтажных на подклете корпусов. Входом служит шестигранная башня. Судя по описаниям деревянных жилых домов Могилева, для хранения ценностей строились каменные отдельно стоящие от дома кладовые. Деревянные жилые дома на подклетах известны

15. Несвиж. Замок, с 1583 г. Вид со двора, фрагмент и план



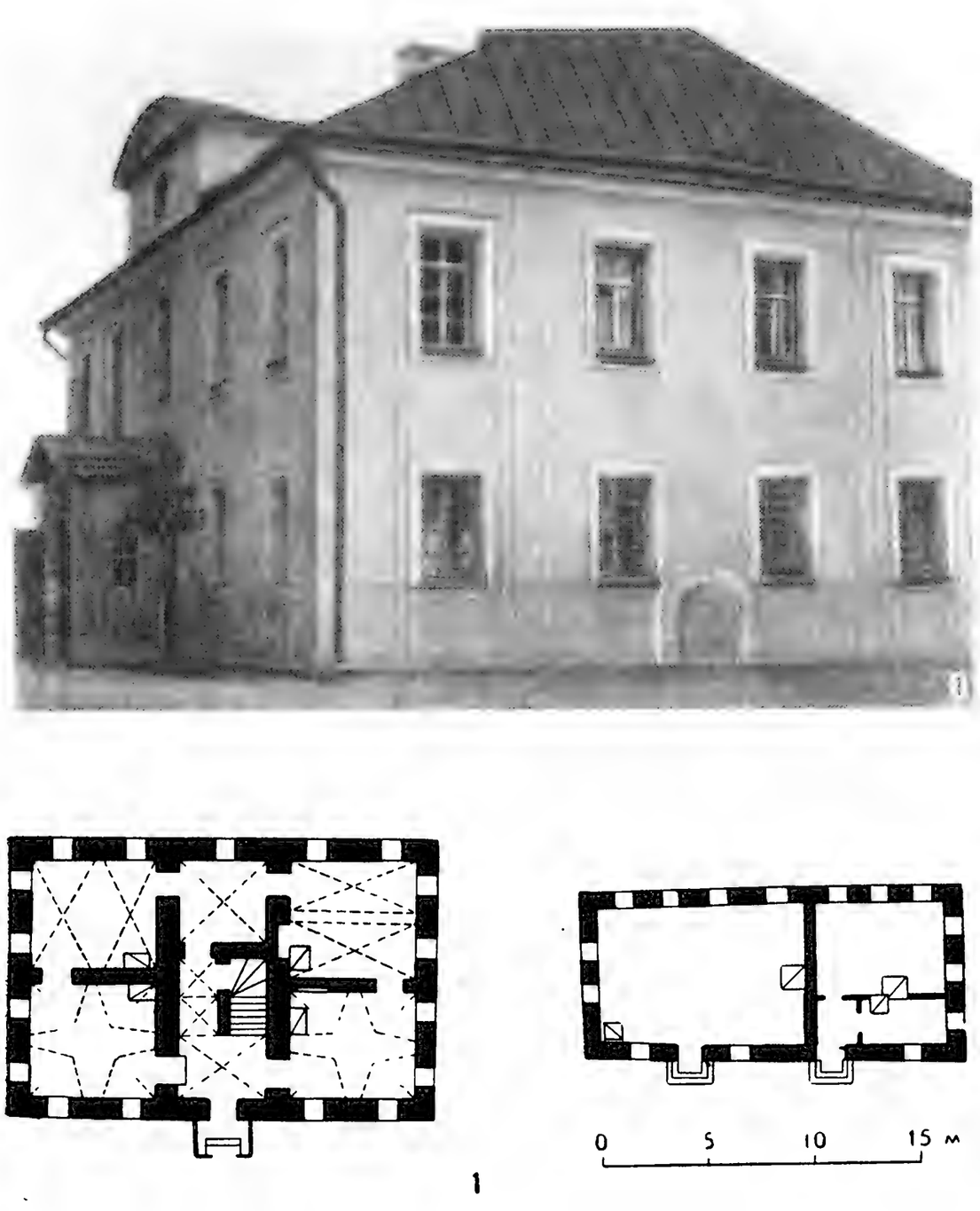
16. Жилые деревянные дома XVII в. *1* — дом из Несвижа; *2* — дом на «чертеже» Витебска 1664 г.; *3* — дом торговца в Мире

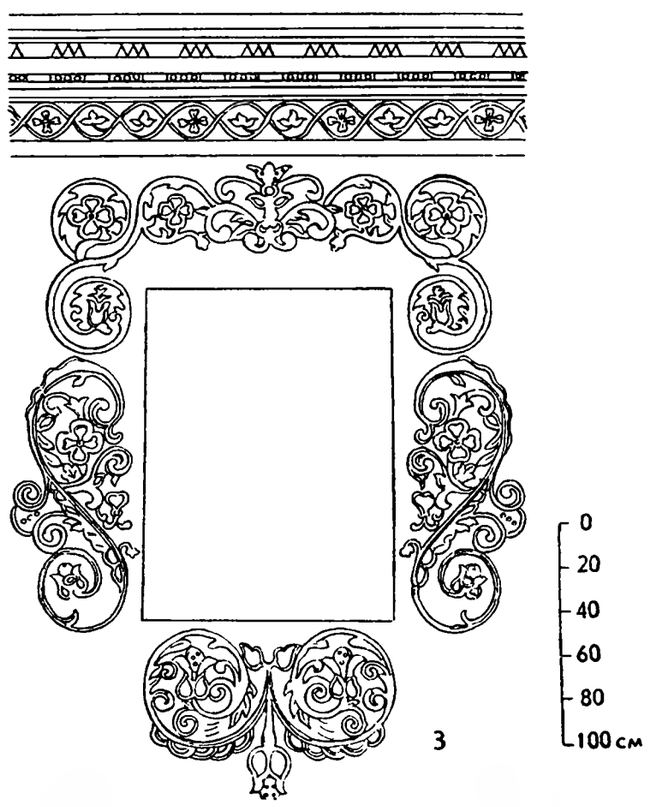
и по описям помещичьих имений. В подклетах располагались хозяйственные помещения.

В Полоцке и Могилеве сохранились каменные жилые дома зажиточных горожан (конец XVII в.). «Дом Петра I» в Полоцке имеет в плане форму неправильного прямоугольника (рис. 17, *2*). Перекрытие верхнего этажа деревянное. Жилой этаж находился над сводчатым полуподвалом.

О могилевском доме бургомистра Захария Антошкевича (рис. 17, *1*) стольник Петра I Петр Толстой в 1697 г. записал в своем дневнике: «Дом имеет тот мещанин немалый, строение во дворе каменное, строение и уборы у него в палатах хорошие и сосудов серебряных немало». Двухэтажный дом стоит в глубине двора. Под всем зданием находятся глубокие сводчатые подвалы. Первый этаж состоит из перекрытых разнообразными сводами парадных покоев: столовой, гостиной, приемной, симметрично сгруппированных вокруг сеней. Жилым был второй, имеющий деревянные потолки, этаж дома, повторяющий планировку первого этажа. Кухня и склады находились вне дома в отдельных постройках.

Четкая структура плана выявлена на фасадах — простых симметричных, поделенных плоскими пилястрами-лопатками. Главный фасад завершен мезонином с лучковым фронтоном.





17. Жилые каменные дома конца XVII в. *1* — Могилев, дом Антошкевича; *2* — Полоцк, «дом Петра I»; *3* — купеческий дом в Задубровенском предместье. Обрамление окна, планы первого этажа и подвала

18. *1* — Витебск. Дом Огинского по «чертежу» Витебска 1664 г.; *2* — Гродно. Амбар монастыря бригидок, около 1634 г.

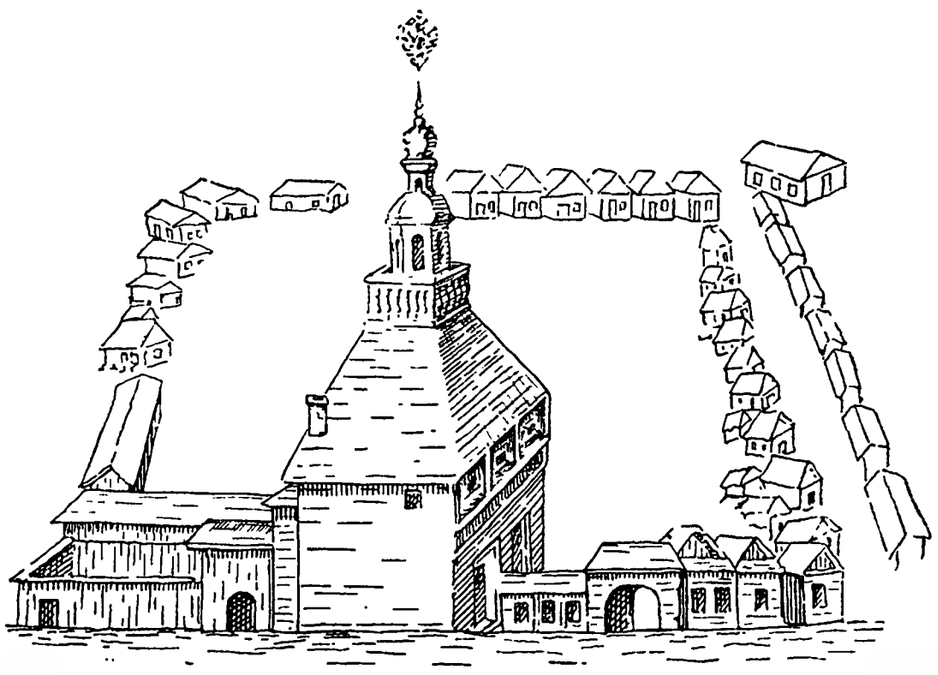
В Могилеве же, в Задубровенском предместье, находится одноэтажный «старинный купеческий дом», названный так на плане XVIII в. и позднее перестроенный в Борисоглебскую церковь. Судя по уцелевшим подвалам дом имел несимметричный план (рис. 17, *3*). Он делился на две половины: парадную слева от входа и жилую. Парадная часть состоит из двух довольно больших комнат, одна из которых сохранила цилиндрический свод с распалубками. Дом имеет замечательную наружную обработку. По сырой штукатурке вокруг окон выдавлен палкой узор, напоминающий кружева. Карниз дома украшен таким же выдавленным меандром и перлами. Нехитрое, но изящное украшение сделало нарядным это небольшое, приземистое здание.

Описанные дома зажиточных горожан не исчерпывают всех типов каменных жилых домов XVII в. Так, на «чертеже» Витебска 1664 г. показан дом Огинского (рис. 18, *1*), единственный тогда каменный дом в Витебске. Здание примечательно сочетанием каменных и деревянных частей. Двухэтажная деревянная башня служит входом; на второй этаж башни ведет открытая лестница. Дом огибает открытая деревянная галерея. К одному из торцов примыкает башнеобразная часть с фигурным завершением. Живописная композиция дома несколько напоминает дворец в Коломенском, в постройке которого участвовали белорусские мастера.

Некоторое понятие о хозяйственных постройках при богатом доме дает амбар (около 1634 г.) во дворе гродненского монастыря бригидок. Строение примечательно двухъярусной арочной лоджией (рис. 18, *2*). Аналогичные арочные переходы имели жилые дома. По-видимому, подобные переходы имели дворы деревянных монастырей, замков и галереи-брустверы с внутренней стороны укреплений. Традиция сооружения галерей на столбах в дворовых фасадах городских домов и складов сохранилась почти до конца XIX в.

Жилые дома XVII в. делятся на две категории. Рядовые жилища горожан тяготеют к крестьянской избе. Дома зажиточных горожан во многом схожи с домами поместий. Вместе с тем в городском деревянном зодчестве применяются иные типы домов, отличающиеся живописностью силуэта, свободой планировки. Крайне ограниченный материал затрудняет исследование этого вопроса.

Феодальный город имел большое количество разнообразных **общественных сооружений,** принадлежавших церковным братствам, ремесленным цехам, купеческим братствам, магистрату: братские школы, цеховые дома, корчмы, купеческие дома,



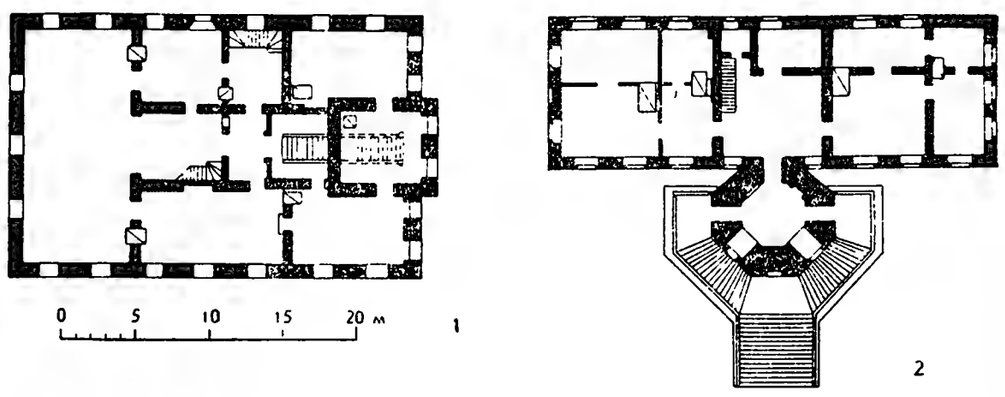
19. Ратуша по «чертежу» Витебска 1664 г.

ратуши, гостиные дворы, богадельни — больницы, бани и т. д. Ни одного из перечисленных сооружений, кроме нескольких каменных ратуш, не сохранилось.

О деревянных, наиболее многочисленных ратушах можно судить до некоторой степени по изображению на «чертеже» Витебска 1664 г. Здесь представлено двухэтажное здание с высокой четырехскатной крышей с башней в центре (рис. 19).

К фасадам каменных ратуш примыкала многоярусная часовая башня с колоколом, зачастую превышающая колокольни католических монастырей. Подземелья башни служили тюрьмой.

Ратуша в Несвиже (с 1596 г., рис. 20, *1*), как и все каменные постройки начала XVII в., отличается массивностью объема, простотой форм, скупостью декоративных деталей. Симметрично скомпонованному наружному объему соответствовала симметричная внутренняя планировка. Одномаршевая лестница вела на второй этаж к большому занимающему всю ширину здания залу для заседаний магистрата, суда и театральных представлений. Первый этаж имел кирпичные своды, второй — плоские деревянные потолки.



20. *1* — Несвиж. Ратуша, с 1596 г. Общий вид, план второго этажа, торговые ряды; *2* — Могилев. Ратуша, 1679—1697 гг. Общий вид, план второго этажа

С трех сторон, оставляя свободным главный фасад, ратушу окружают массивные аркады гостиного двора, также относящегося к XVII в. Весь этот комплекс венчала высокая с фигурным шлемом башня ратуши, сохранившаяся меньше чем в половину своей высоты.

Вторая половина XVII в. отличается более развитыми пространственными формами.

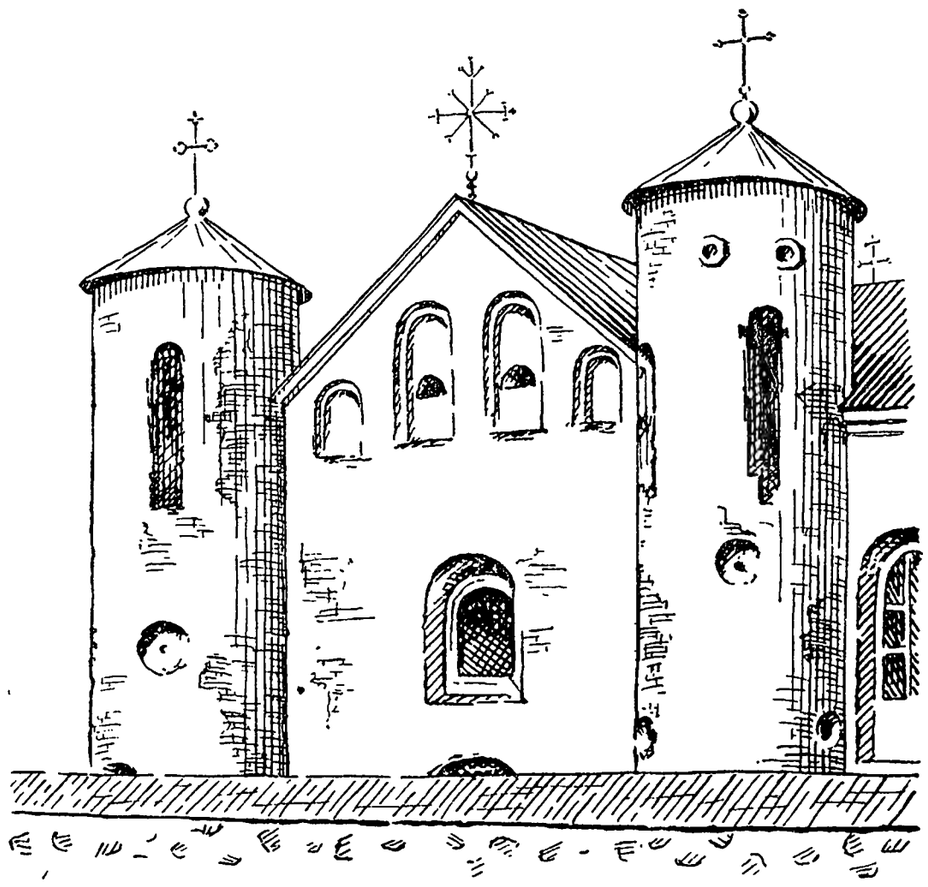
Могилевскую ратушу (1679—1697, рис. 20, *2*) строили белорусские мастера Феска и Игнат. Примыкавший к ратуше двухэтажный с аркадами в каждом ярусе гостиный двор, как и весь ансамбль рыночной площади, не сохранился. Не сохранились и когда-то стоявшие перед ратушей ворота. В отличие от несвижской ратуши башня здесь была значительно вынесена за плоскость фасада. На уровне первого этажа ее огибала широкая лестница.

В первом, сводчатом, этаже ратуши размещались харчевня, архивы и канцелярские помещения. Главным этажом был второй, в котором находился большой парадный зал (перегорожен). Организация плана этого этажа восходит к плану жилого дома (дом Антошкевича в Могилеве).

Культовые сооружения. Наиболее многочисленными культовыми сооружениями были католические монастыри и костелы. Как правило, они строились на средства того или иного магната. Особенно обширные монастыри строились для приглашенных в Великое княжество Литовское в 1569 г. иезуитов, в руках которых было сосредоточено школьное образование.

Каменные костелы первой половины XVII в. можно разделить на две группы: к первой относятся сооружения, развивающие архитектурные традиции каменной белорусской архитектуры, — это монументальные, простые по композиции, лаконичные по декору, однонефные, значительно реже — трехнефные здания. Новые барочные черты можно отметить лишь в декоративных деталях. Ко второй группе относятся купольные иезуитские базилики, знаменующие появление элементов барокко в композиционной структуре сооружений.

В первую группу памятников входит большинство сооружений. Костелы, как и замки, имеют в ряде случаев традиционный оборонный характер церквей-крепостей, более отчетливо выраженный в ранних сооружениях. Небольшой крепостью являлся костел в Комаях (1603—1606), сохранивший главный фасад от XVII в. Простой, завершенный треугольным щипцом фасад зажат между двумя круглыми башнями с бойницами (рис. 21). Со стороны алтаря также заметны следы башен. Четыре внутренних столба делили интерьер на три перекрытые сводами нефа.



21. Комаи. Костел, 1603—1606 гг.

Значительно лучше сохранился костел бернардинцев в Слониме (рис. 22), строительство которого было начато в 1639 г. Он имеет ряд характерных для описываемой группы памятников черт: однонефный план, включающий сакристию (две часовни по сторонам костела построены в 1668 и 1750 гг.), пресбитериум, отделенный от нефа и заканчивающийся полукружием, покрытие в виде цилиндрических сводов с распалубками, высоко расположенные арочные окна, скупую наружную декорацию главным образом в верхних частях здания.

На фасаде доминирует высокая восьмигранная башня-колокольня, четырехгранная в основании, усиленном мощными контрфорсами. Башня являлась не только сторожевым пунктом, но также и крепостным сооружением, так как в арочных нишах восьмерика имелись круглые бойницы. Декоративным украшением являются, как и на фасадах замков, узкие профилированные пояски ярусов башни. Лишь вход в основании башни имеет обрамление, несколько напоминающее портал башни в Любче. Более тонкое декоративное оформ-

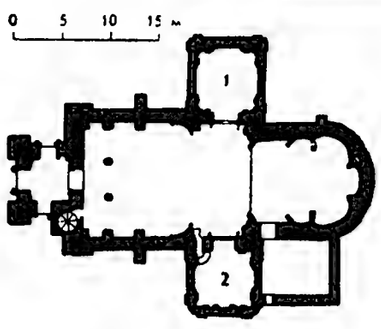
ление сосредоточено на двух верхних ярусах башни.

Интерьер отличается той же суровой простотой. Широкие простенки членятся воспринимающими распор цилиндрических сводов столбами-пилястрами. Как и стены, свод почти лишен декора, лишь замковая полоса имеет геометрические лепные узоры. Первоначальный алтарь утрачен, существующий относится к XVIII в. Сохранилась органная трибуна.

Костел гродненского монастыря бригидок (1642—1651) не имел оборонного значения, несмотря на аналогию в общей структуре с костелом бернардинцев в Слониме. Здесь за воротами оборонной монастырской стены видны очень тонко выполненные с богатой рельефной штуковой декорацией порталы костела; фасад костела имеет более сложный декор в плоском рельефе, что характерно для XVII в. (см. рис. 27).

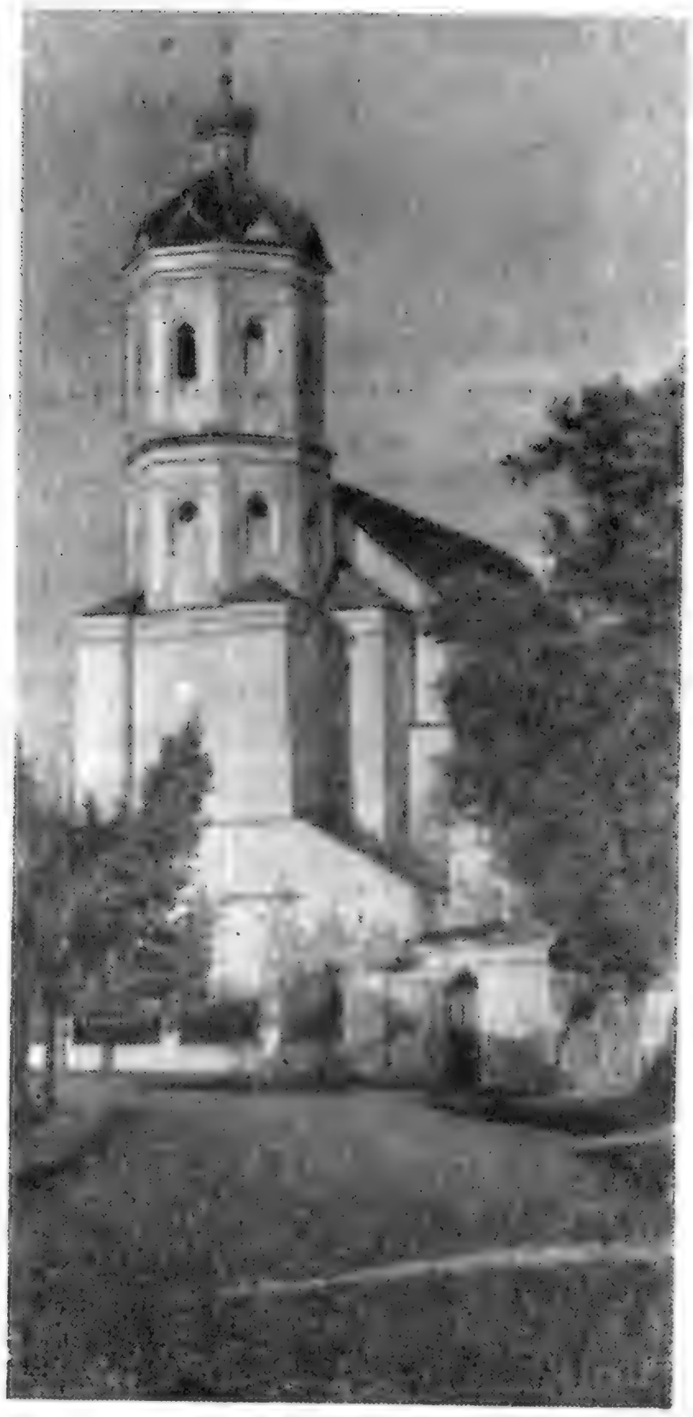
Необходимо отметить, что некоторые храмы первой половины XVII в. имели своды, богато украшенные штуковым орнаментом, представляющим сочетание геометрических линий (бернардинский костел в Друе, 1646, униатская Успенская церковь в Жировицах, 1650). Своды и арки доми-

23. Столбцы. Доминиканский костел, 1640 г.

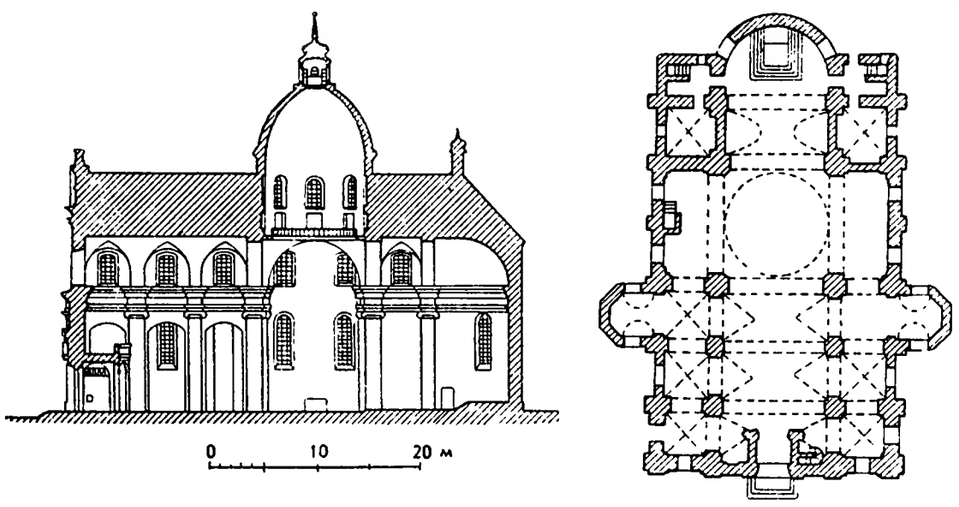


22. Слоним. Костел бернардинцев, с 1639 г. Общий вид, портал, план

1 — часовня 1668 г.; *2* — часовня 1750 г.



25. Гродно. Костел иезуитов, 1647—1663 гг. (башни перестроены в XVIII в.)



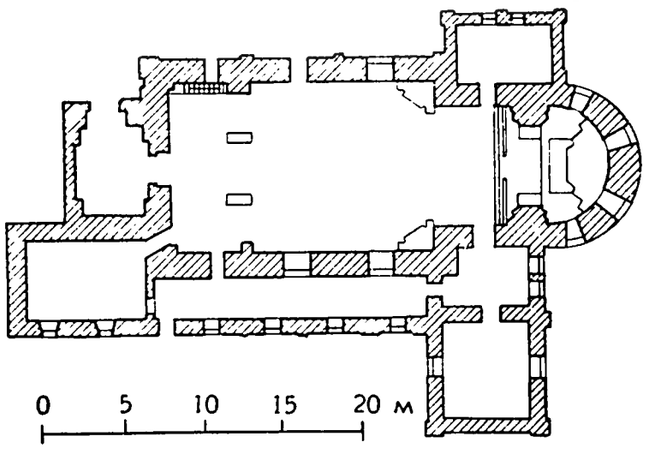
24. Несвиж. Костел иезуитов, 1584—1593 гг.

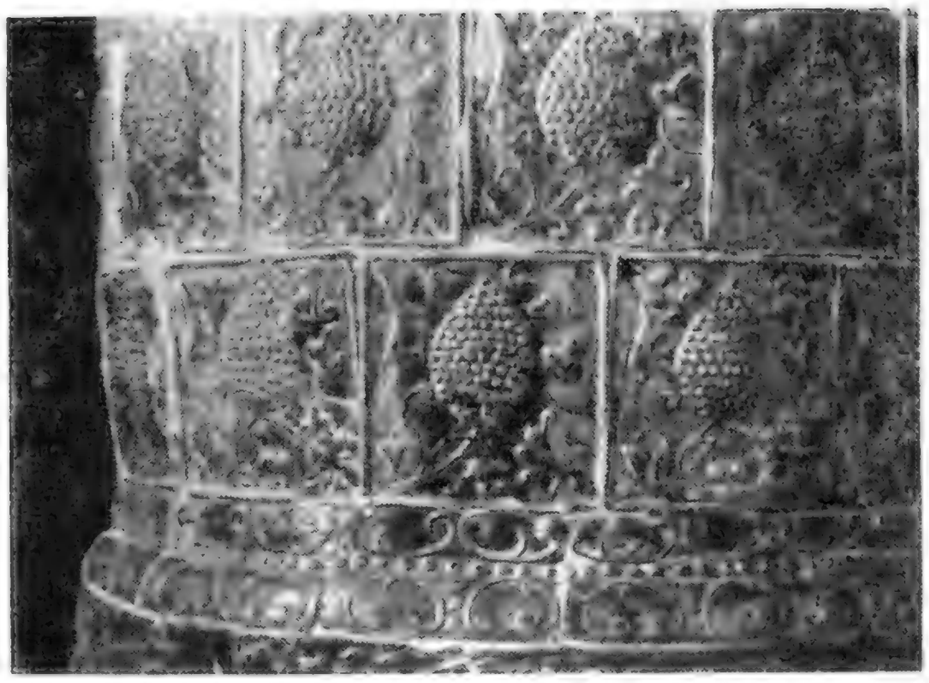
никанского костела в Столбцах (1640) были украшены сложным переплетением растительного орнамента, включающего картуши (рис. 23). По характеру декоративной обработки костелы Белоруссии имели сходство с костелами Польши так называемой любельской группы. Переход от кирпичных гуртов к лепному орнаменту сводов произошел, по-видимому, в начале XVII в. Так, своды костела бернардинцев в Гродно (1595—1618) еще имеют кирпичные гурты. Декоративные украшения близки к декору итальянской и нидерландской архитектуры.

Костелы иезуитов, проекты которых утверждались в Риме, составляют вторую группу. Наиболее ранним памятником на территории не только Белоруссии, но и всей Речи Посполитой, был иезуитский костел в Несвиже (1584—1593, рис. 24) — купольная базилика, сооруженная итальянцем иезуитом Яном Бернардони из Комо (около 1542—1605).

В основу плана костела положен план храма Иль Джезу в Риме (1568). Определяющим композицию масс сооружения становится купол. Главный фасад костела отличается большей простотой, чем прототип. Здание массивно и по-крепостному замкнуто, декор выполнен в плоском рельефе. Фрески интерьеров костела позднее были переписаны заново.

По аналогичному плану возводились костелы иезуитов в других городах (Грод-





26. Слоним. Костел бернардинок, окончен в 1670 г. Общий вид, план, фрагмент фасада, фрагмент печи

но, Пинске, 1635). В отличие от несвижского они имели две башни. Верхи башен и купол костела в Гродно (1647—1663, рис. 25) перестроены в XVIII в. Плоские пилястры ярусов фасада отмечают деление здания на три нефа. Типичен фронтон между башнями, имеющийся и на других иезуитских костелах XVII в.

Во второй половине XVII в. в культовом зодчестве основной тип сооружений не меняется, но так же как и в гражданских зданиях получают развитие декоративные формы. В этом отношении характерен костел бернардинок в Слониме (окончен в 1670 г., рис. 26). Башня костела по-прежнему массивная, прорезана не бойницами, а окнами. Она не так нераздельно связана с фасадом, а выступает из его плоскости. Костел повернут к площади апсидой, поверхность которой строитель украсил фигурной штуковой рамой, заключавшей, по-видимому, икону.

Если башня обращена к улице, она также выносится за фасад (костел францисканцев в Орше, 1680). Двубашенные фасады второй половины XVII в. в основном следуют традиции фасадов иезуитских костелов первой половины века. Их отличает более мелкая деталировка декоративных элементов.

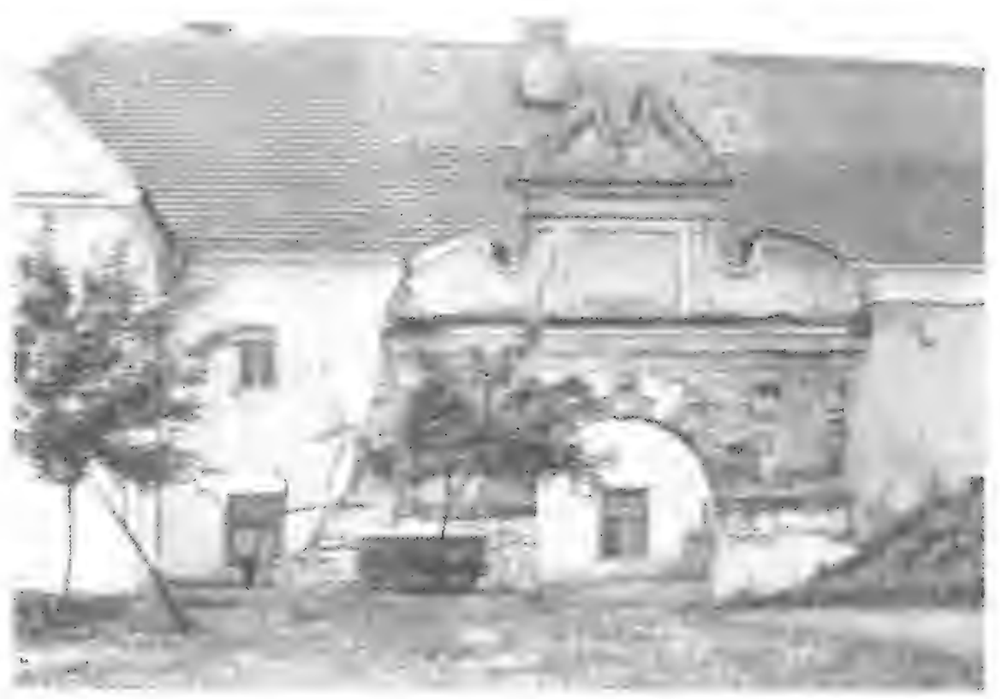
Интерьеры костела бернардинок в Слониме отличаются несколько более подробной деталировкой, чем костелы первой половины века, введением раскреповок, богатыми капителями пилястр. Декор сводов повторяет декор сводов костела бернардинцев в Слониме. Во второй половине XVII в. наиболее богато декорированным среди костелов Литовского княжества был интерьер костела св. Петра и Павла на Антоколе в Вильнюсе. На территории Белоруссии пышным содержащим растительные мотивы штуковым декором был украшен интерьер костела в Михалишках (1653).

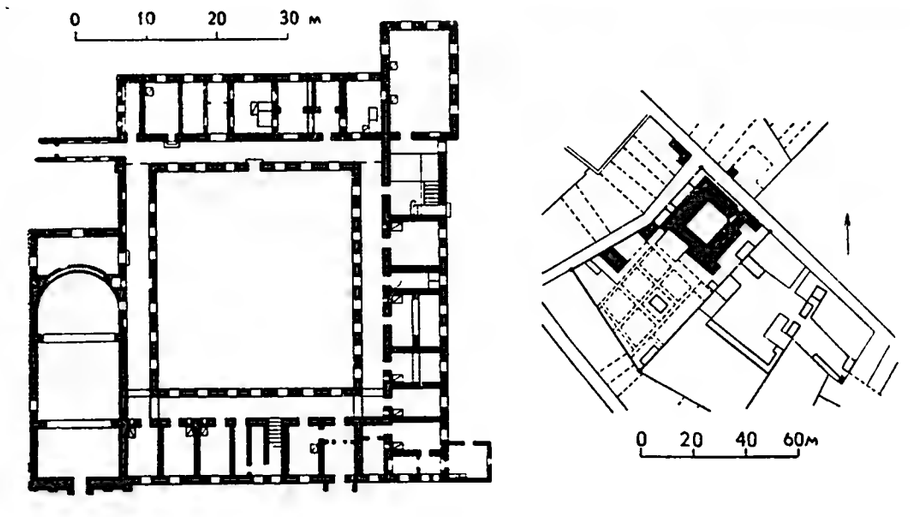
Замечательным памятником малых форм XVII в. является изразцовая печь в одной из ризниц костела бернардинок в Слониме. В XVII в. большое количество

белорусских мастеров переселилось в Российское государство, где ими было введено производство многоцветных рельефных изразцов. На территории самой Белоруссии слонимская печь — единственный сохранившийся памятник этого вида искусства, хотя по старым инвентарям и предметам, находимым при раскопках, можно судить, что изразцы применялись в большом количестве.

Деревянные монастыри не сохранились.

Каменный монастырь бригидок в Гродно (1642—1651) является характерным примером монастырского ансамбля первой половины века. Как и феодальный замок, монастырские корпуса, как правило, организуются вокруг внутреннего двора (рис. 27). Основной ячейкой жилых корпусов служит келья — ее последовательное повторение приводит к ритмичному расчленению фасадов. Двери помещений жилых корпусов выходили в светлые коридоры, обходящие внутренний двор. Как исключение можно упомянуть окруженный аркадами двор иезуитского коллегиума в Несвиже. Весь первый этаж перекрыт сводами. В трехэтажных зданиях сводами перекрывались обычно два первых этажа. В двухэтажном здании обычно во втором этаже сводчатые только коридоры. В углу, ближайшем к хозяйственному





27. Гродно. Монастырь бригидок, начат в 1642 г., освящен в 1651 г. Общий вид, ворота проезжие и пешеходные (фрагмент), план, генплан

двору, на противоположной костелу стороне располагалась выступающая в виде ризалита группа из больших помещений: трапезной с цилиндрическим сводом на первом этаже и библиотекой — на втором. Здание келий примыкало к костелу, причем в женских монастырях ход в костел находился на втором этаже и вел на органную трибуну, изолированную от прихожан. Здание отличается большой простотой. Гладкие, увенчанные небольшим карнизом стены регулярно прорезаны проемами. Само здание лишено фортификационных приспособлений, что не было правилом; так, францисканский монастырь (1618) в Гольшанах имел по углам корпуса крепостные башни.

Иногда возвышающиеся над монастырской стеной части здания покрывались несложным декором барочного характера (иезуитский коллегиум в Несвиже). Дворовые фасады не имеют декора.

Здания и сад монастыря бригидок в Гродно обнесены высокой (около 5 *м*) массивной кирпичной стеной. По углам стены находились восьмигранные оборонные башни (верхушки перестроены).

Через снабженные огражденными дополнительными стенами ворота прихожанин мог попасть только в костел. Большими художественными достоинствами обладает архитектура ворот, их богатый декор контрастирует с гладью стены. Завершения ворот стены вдоль главного фасада костела близки по общему контуру завершению костела и связывают таким образом растянутую гладкую монастырскую ограду с его высоким фасадом. Только ворота хозяйственного двора были проезжими (см. рис. 27). По декоративному оформлению и, особенно, по очертанию завершения они близки к русскому барокко.

Наиболее интересным комплексом второй половины XVII в. является монастырь картезианцев (картузов) в Картузской Березе, основанный в 1648 г. (рис. 28). Для строительства был приглашен итальянский зодчий. Костел был освящен в 1666 г., а все строительство судя по надвратной надписи окончено в 1689 г. Сохранились лишь фрагменты монастырских построек; более подробные сведения о них дают архивные чертежи начала XIX в.

Монастырь имел крепостные стены с башнями и был окружен рвом. По сравнению с крепостными сооружениями начала века башни кажутся менее массивными благодаря неглубокому плоскостному рельефу. Главным входом в монастырь служили мощные, во всю ширину подходивших к ним зданий, сводчатые ворота, так же как и башни, снабженные бойницами. На втором этаже ворот находилась традиционная часовня. Ворота украшал богатый декор, весьма близкий к декору костела. Плоскому фасаду костела противопоставлялся круглый завершенный куполом барбакан при входе — прием, широко распространенный в белорусской архитектуре этого периода.

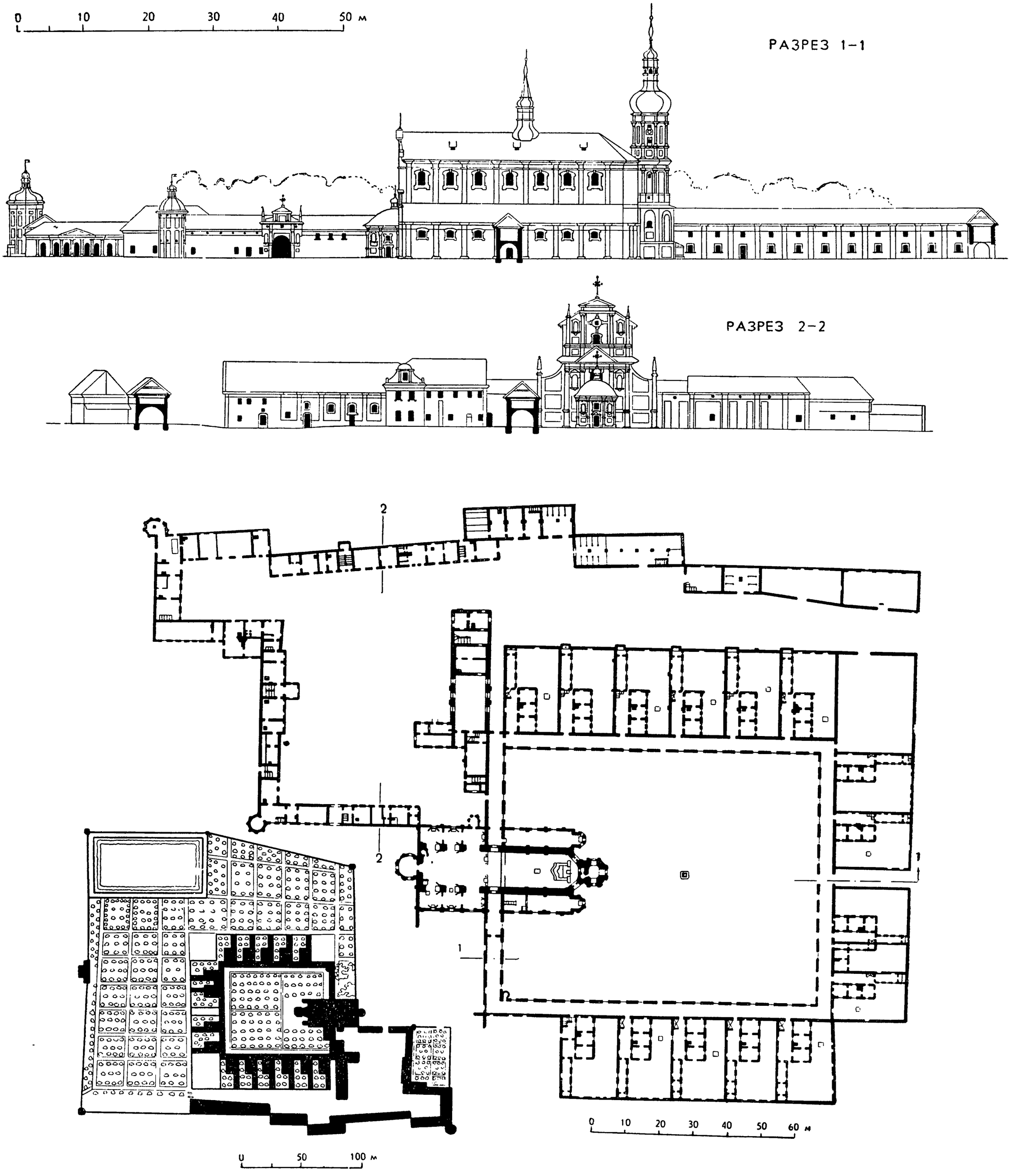
Главные ворота приводили во двор, предназначенный для обслуживания посетителей и хозяйственных нужд монастыря, где находились богадельня (шпиталь), аптека, приемные, кельи рядовых монахов, трапезная, библиотека и хозяйственные помещения. Здания, обслуживающие прихожан, располагались ближе к входу.

Согласно уставу картезианцев монахи-затворники имели отдельные кельи. Кельи располагались вокруг прямоугольного двора и были связаны с костелом особым проходом, исключающим общение с внешним миром. Костел был разделен на две части. Передняя (при наружном входе) предназначалась для мирян и рядовых монахов, другая, отделенная от передней, — для затворников.

На прямоугольный двор выходила огромная башня-колокольня, своего рода донжон, с исключительно мощными стенами и небольшими окнами. Винтовая лестница была устроена в толще стены, на ярусах размещались пушки. Подобно башне могилевской ратуши колокольню снаружи расчленяют неглубокие ниши.

На стене монастыря сохранилась часовня-капличка (рис. 29). Подобные капелички, представляющие собой высокий постамент, завершенный небольшим сооружением со статуей святого, восходят к традиции придорожных поклонных крестов. Это был наиболее распространенный тип часовни, но иногда это были небольшие костелы, как, например, каменная каплица Изидора (1625) в Несвиже (рис. 29), близкая по архитектуре к часовне замка в Гольшанах.

Необходимо отметить, что в архитектуре католических каменных костелов ру-



28. Картузская Береза. Монастырь картезианцев, 1648—1689 гг.

29. Картузская Береза. Монастырь картезианцев. Каплица, вторая половина XVII в. Несвиж. Каплица Изидора, 1625 г.

бежа XVI и XVII вв. впервые проявляются отчетливые черты барокко в организации пространственной системы сооружения. В Белоруссии оно получает иную, близкую к традиционным монументально-простым формам зодчества трактовку.

Вторая половина XVII в. знаменуется дальнейшим развитием барóчного декора, постепенным сокращением крепостного строительства, стремлением к обособлению отдельных частей здания.

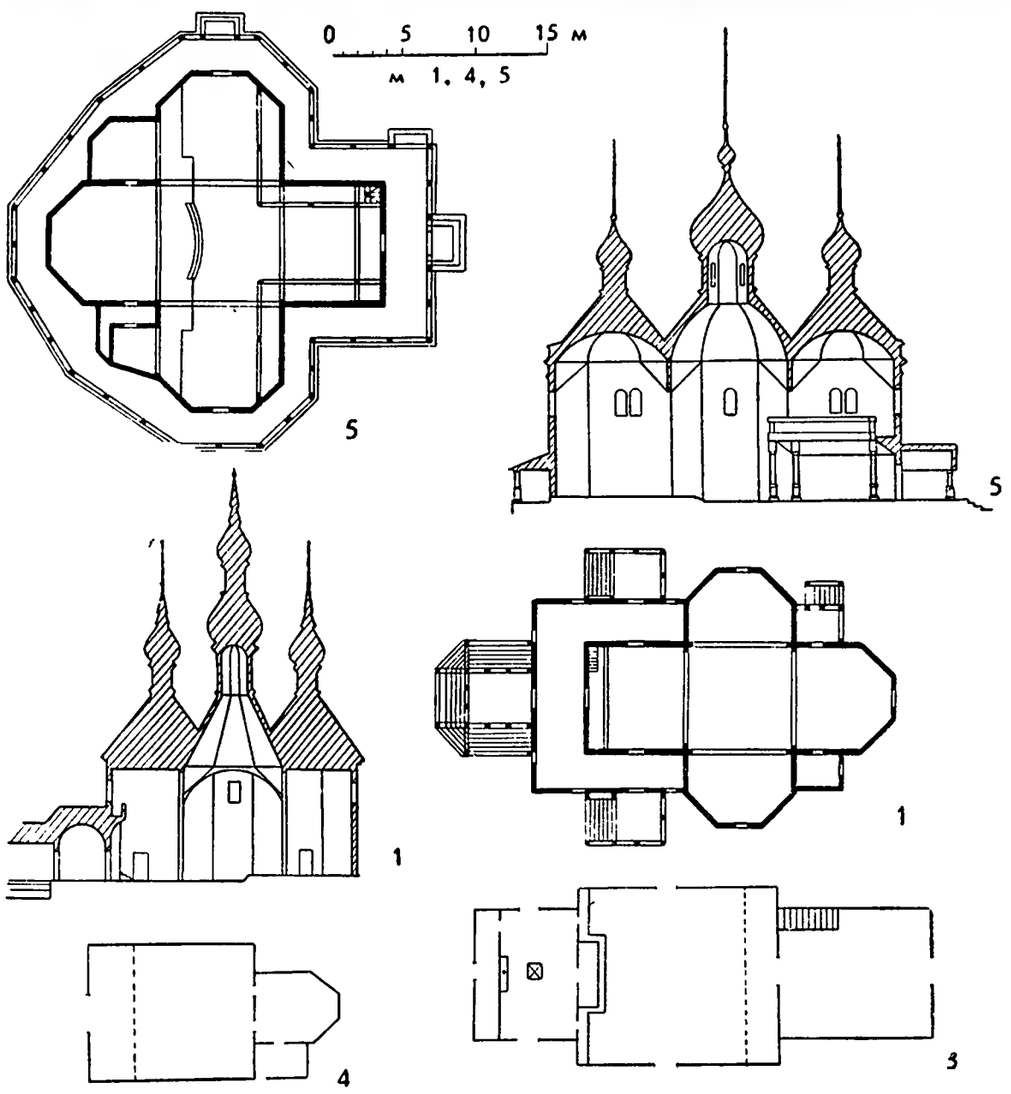
Православные деревянные церкви и соборные монастырские храмы как на Украине, так и в Белоруссии близки к русским церквам.

Православные храмы возводились как оплот в борьбе против католицизма. Так, оршанский Богоявленский Кутеинский монастырь (лавра) был основан в 1623 г. на средства и по ходатайству могилевского братства после того, как в Могилеве были закрыты все православные церкви и Спасский монастырь. Братчики Могилева решились на строительство монастыря в Могилеве только в 1636 г. С Могилевским братством была связана целая сеть провинциальных монастырей (оршанские Кутеинские мужской и женский — 1631, Буйницкий Свято-Духовский — 1633, Варкалабовский—1641, Тупичевский Свято-Духовский около Мстиславля — 1641).

Крещатые в плане церкви имеют равные по длине ветви креста (рис. 30). Завершение различных форм: либо над центральной частью и ветвями креста ставятся шатры, увенчанные главами (Ильинская церковь в Витебске, 1643 г., рис. 30, *1*), либо кровля имеет скаты по граням, а в центре помещается восьмигранный барабан с главой (соборный храм Богоявленского монастыря в Орше, 1623—1635, рис. 30, *2*, холодная церковь Тупичевского монастыря у Мстиславля, 1641). К алтарной части примыкают небольшие пристройки — ризница и пономарская. У западной ветви креста устроена открытая на фигурных столбах галерея или закрытая паперть. В последнем случае (Ильинская церковь в Витебске) к паперти пристроены крыльца, поддерживаемые резными столбиками.

Кровли — гонтовые, брусчатые стены снаружи обшиты шелевкой — вертикально поставленными досками. Под крышей их прикрывала горизонтально лежащая доска с вырезанными по нижнему краю арочками. Большие арочные окна располагались высоко над полом. В частые свинцовые и деревянные переплеты были вставлены небольшие стекла. Дверные полотна обшивались досками с помощью специально выкованных гвоздей. Полы делались из прямоугольных и восьмиугольных кирпичных плит или были деревянными.

При входе часто устраивались хоры. Стены покрывала живопись. Главным украшением являлся иконостас. Шести-

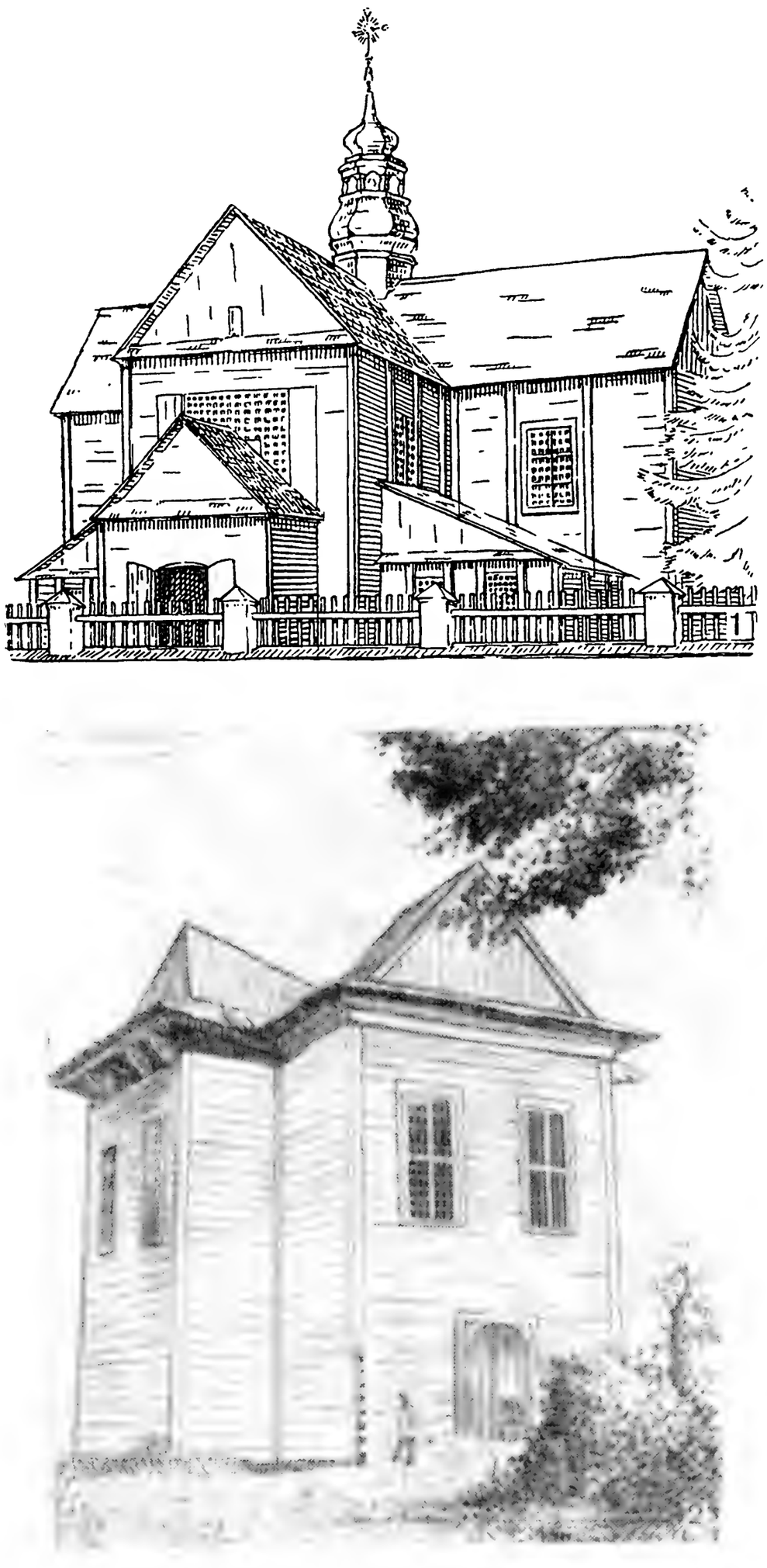


30. Деревянные церкви XVII в. *1* — Витебск. Ильинская церковь, 1643 г.; *2* — Орша. Собор Богоявленского монастыря, 1623—1635 гг.; *3* — Судче, бывш. Минской губ., церковь; *4* — Добровое, около Волковыска, церковь; *5* — Витебск, Троицкая церковь Маркова монастыря, 1689—1691 гг.

ярусный иконостас Оршанской церкви покрывала замечательно тонкая резьба.

Часто под деревянной церковью в каменном подвале со сводами была другая «пещерная» церковь и имелось несколько комнат для хранения казны и ценностей.

Более распространенным типом была церковь из трех поставленных по оси срубов с шатровым покрытием. Подобный тип трехчастной церкви был широко распространен на Руси и Украине. Такова церковь в Судче (бывшей Минской губернии), где к основному помещению для молящихся примыкает колокольня, основание которой служит сенями (рис. 30, *3*). Колокольню увенчивает традиционная открытая галерея. Церковь срублена из брусьев и обшита шелевкой. Деревянные гвозди составляют характерный узор на поверхности здания.



31. *1* — Аннополь около Минска. Костел, XVII в.; *2* — Большие Жемки Могилевской обл. Костел, XVII в. (башня над средокрестием разрушена)

Еще более простым вариантом была церковь, состоящая из сруба с прирубленным хором, завершенным главкой (теплая церковь Тупичевского монастыря, 1641, церковь в с. Добровом, близ Волковыска, рис. 30, *4*). Были церкви, представляющие собой сруб, увенчанный главой.

Церкви Белоруссии отличаются от украинских более стройными, вытянутыми пропорциями. Они светлее, так как их окна значительно больше. Завершения белорусских церквей лишены сложной замысловатости украинских.

Новшества в архитектуре второй половины XVII в. касаются главным образом декоративной обработки здания. Так, деревянная Троицкая церковь Маркова монастыря в Витебске (1689—1691) имела план, аналогичный планам церквей первой половины XVII в. (рис. 30, *5*), но была окружена открытой галереей на фигурных столбах. Стремление к декоративности проявилось и в отдельных деталях: входные двери церкви покрыты рельефными изображениями.

Строительство деревянных костелов XVII в. было тесно связано со строительством православных церквей (рис. 31). И те, и другие храмы возводились местными плотниками. Костелы близки православным храмам XVII в., имеющим в плане равноконечный крест. Их отличает главным образом прием завершения здания: каждая ветвь крестового в плане костела покрывалась двускатной крышей. Небольшая башенка помещалась над средокрестием. Вероятно, подобно православным церквям существовали костелы, состоящие из трех поставленных по оси срубов и из одного сруба.

В каменных православных церквах первой половины XVII в. наблюдается, с одной стороны, общая с деревянным зодчеством тенденция к созданию центрической композиции, а с другой — стремление подражать архитектуре западноевропейских храмов и местным костелам. В за-

32. Орша. Успенский собор Кутеинского женского монастыря близ Орши, 1631—1635 гг.

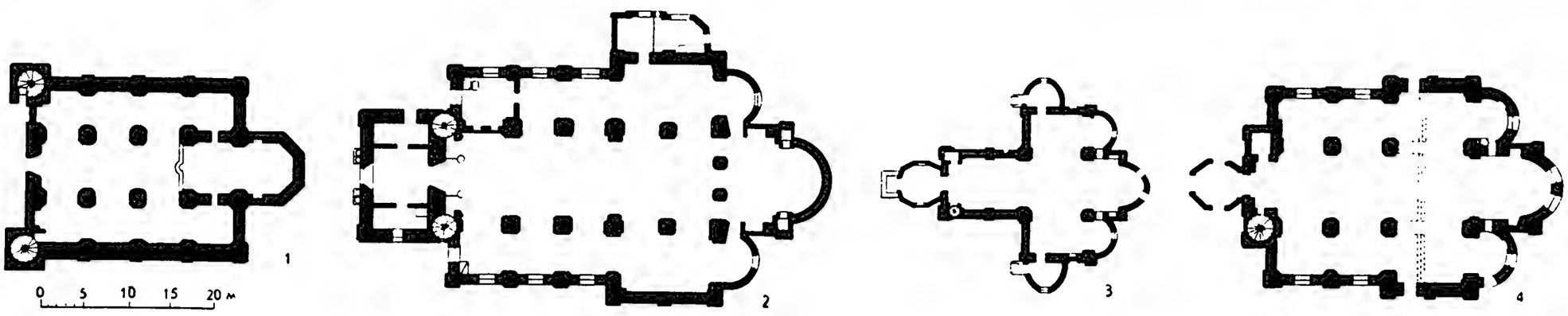
висимости от этого строятся храмы двух типов. Примером первого типа храма является крещатый Успенский соборный храм Кутеинского женского монастыря близ Орши, оконченный в 1635 г. (рис. 32). Ветви креста завершаются щипцами, восьмигранный барабан в средокрестии увенчивается куполом. Наружный декор собора лаконичен и сосредоточен на высоких щипцах.

Ко второму типу зданий относится Петропавловская братская церковь в Минске (с 1612, рис. 33, *1*), перестроенная во второй половине XIX в. Церковь представляла собой базилику с граненым хором. С противоположного торца ее фланкировали две башни крепостного типа. Окна церкви высоко подняты над уровнем земли. Декор сведен к плоским пилястрам и тонким горизонтальным тягам.

Величественный Богоявленский собор Братского монастыря в Могилеве (с 1636) (не сохранился) также базилика (рис. 33, *2*), еще более удлиненная в сравнении с минской церковью (десять внутренних столбов вместо шести). Пространство между столбами и стенами, исключая алтарную часть, было занято хорами. В 1700 г. был надстроен купол, в XVIII в. здание также подверглось некоторым перестройкам. На главном фасаде к XVII в. относятся части, расположенные ниже щипца и башен, хотя первоначально храм имел и щипец, и две башни, но другой конфигурации. Арочные ниши с гирькой на главном фасаде собора свидетельствуют о связи с приемами декора православных церквей предыдущего периода. В целом композиция плоского, поделенного горизонтальными тягами, не связанными с членениями внутреннего пространства, фасада с двумя башнями и щипцом между ними близка к композиции фасадов костелов. Интерьер собора с настенной живописью и золоченым резным иконостасом восхищал современников.

Стены богатых белорусских церквей по русской традиции были внутри сплошь покрыты живописью. В рядовых церквах, как деревянных, так и каменных, стены были побелены.

Каменные церкви второй половины XVII в. наследуют традиции предыдущего периода. Церкви первого типа сохраняют планы, свойственные деревянному зодчеству,



33. *1* — Минск. Петропавловская церковь, 1612 г.; *2* — Могилев. Богоявленский собор братского монастыря, 1636 г.; *3* — Могилев. Успенская церковь, 1670 г.; *4* — Могилев. Никольская церковь, 1669—1672 гг.

как, например, Покровская (1668—1687) и Успенская (с 1670) в Могилеве (рис. 33, *3*). Крестообразный план со сторонами равной величины получил некоторое изменение в Успенской церкви. Ветви креста в направлении север — юг шире остальных. Западная ветвь значительно удлинена по сравнению с восточной. В силу этого все здание церкви вытянулось в продольном к алтарям направлении. Купол, как и в первой половине XVII в., завершает крещатое в плане здание православного храма. Вероятно, эти изменения возникли отчасти под влиянием католических, в частности местных иезуитских, купольных базилик, имеющих осевое направление плана. При этом две ризницы и притвор Успенской церкви имеют вид закругленных пристроек (как, например, сени в костеле Картузской Березы). Декор — более четкий, более насыщенный, чем прежде, подчеркивает основные членения сооружения. Некогда это небольшое, стоящее на пригорке над Днепром здание было очень эффектно, благодаря сочетанию беленых стен с зеленой поливной черепицей, покрывающей купол, крыши и скосы подоконников.

Близка к архитектуре костелов представляющая второй тип зданий монастырская Никольская церковь в Могилеве (1669—1672). При традиционном для православного храма плане здание имеет фасад, родственный фасадам католических храмов: деление на ярусы, высокий щипец между башнями. Сравнение с близким по композиции фасадом братского Богоявленского собора в том же Могилеве выявляет разницу декоративной обработки: глухая аркатура более поздней церкви покрыта лепным орнаментом.

В интерьере Никольской церкви сохранился иконостас XVII в. с замечательной сквозной резьбой (рис. 34). Резьбой были украшены и сельские церкви (рис. 35).

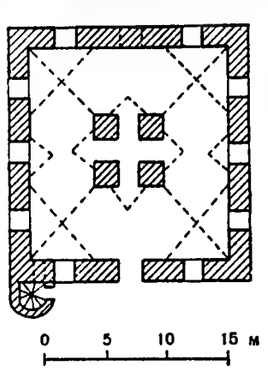
В середине XVII в. белорусские мастера были переселены в Россию, где они положили начало объемно-скульптурной деревянной резьбе.

Изощренность и многообразие форм деревянной резьбы местных больших церковных иконостасов отчасти объясняется связями с западной архитектурой. Известно, что в XVII в. Гданьск экспортировал резные иконостасы на восток (иконостас церкви в Супрасли).

Синагоги являлись центром общественной и религиозной жизни еврейской общины. В конце XVI в. усилился темп еврей-

34. Могилев. Иконостас Никольской церкви, вторая половина XVII в.

35. Вороniловичи близ Ружан. Царские врата, XVII в.

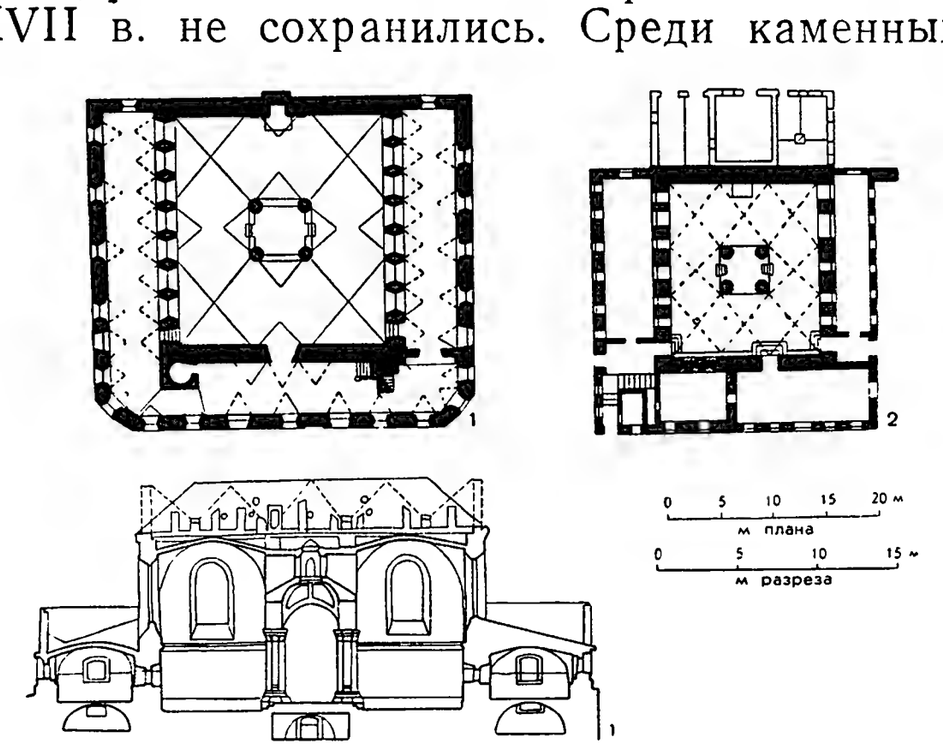


36. Старый Быхов. Синагога, начало XVII в.

ской иммиграции и к началу XVII в. в Речи Посполитой концентрируется половина еврейского населения всей Европы, причем в наибольшей степени в восточной части страны.

В XVII в. повышаются требования к вместимости синагоги, изменился характер богослужений, что способствовало возникновению так называемой девятипольной (перекрытие состоит из девяти равнопролетных сводов) синагоги, элементы которой имели общие черты с остальным гражданским и культовым строительством.

Деревянные синагоги первой половины XVII в. не сохранились. Среди каменных



37. *1* — Пинск. Синагога, 1640 г. *2* — Слоним. Синагога, 1642 г.

построек наиболее ранней является синагога в Старом Быхове, возведенная в начале века (рис. 36).

Многопольность позволила расширить зал, сделать его более вместительным. Идеи центричности барокко выражаются в размещении в центре обширного квадратного зала бимы — ораторской трибуны — сложного многоярусного сооружения (четыре каменных столба, соединенных арками по высоте). Развитие пространственной формы — купола — исключалось, так как высота синагоги регламентировалась властями. Бима объединяла внутреннее пространство здания, при ночных богослужениях в ней помещался фонарь, льющий свет через арки, что не только дополнительно фиксировало центр, но и создавало особую динамику освещения.

В силу системы перекрытия каждая стена в интерьере получила однообразное, подчеркивающее центричность зала расчленение. Пяты сводов опираются, подобно сводам костелов, на пилястры. Между пилястрами стену симметрично прорезают проемы. На восточной стене в центре, между пилястрами, находится алтарь — шкаф для хранения торы. Наиболее выразительным, выпуклым декором обладали алтарь и бима. Пол бимы приподнят на несколько ступеней от пола зала, ее первый ярус перекрыт небольшим куполом, изнутри покрытым штуковым многоцветным орнаментом.

Внешний вид синагоги отличался большой сдержанностью. Здание господствовало над рядовой деревянной застройкой благодаря значительным размерам. Синагога в Старом Быхове имеет 20×21 *м* в плане и высоту 11 *м*. Главный фасад отличается расположенной на углу башней с лестницей, по которой проходили женщины на галерею вдоль западной стены. Вход для мужчин — в центре западного фасада. Башня имела также и оборонное значение: лестница сообщалась с входом в подвалы и отсюда мимо входа на галерею приводила на чердак. Здесь в аттике, венчающем стену, были прямоугольные и круглые бойницы (заделаны). Помимо этого синагогу защищали толстые (1,75 *м*) стены. Оконные проемы были подняты высоко над землей.

Несколько другого типа была не сохранившаяся синагога в Пинске (1640). Она имела более развитый план (рис. 37,*1*).

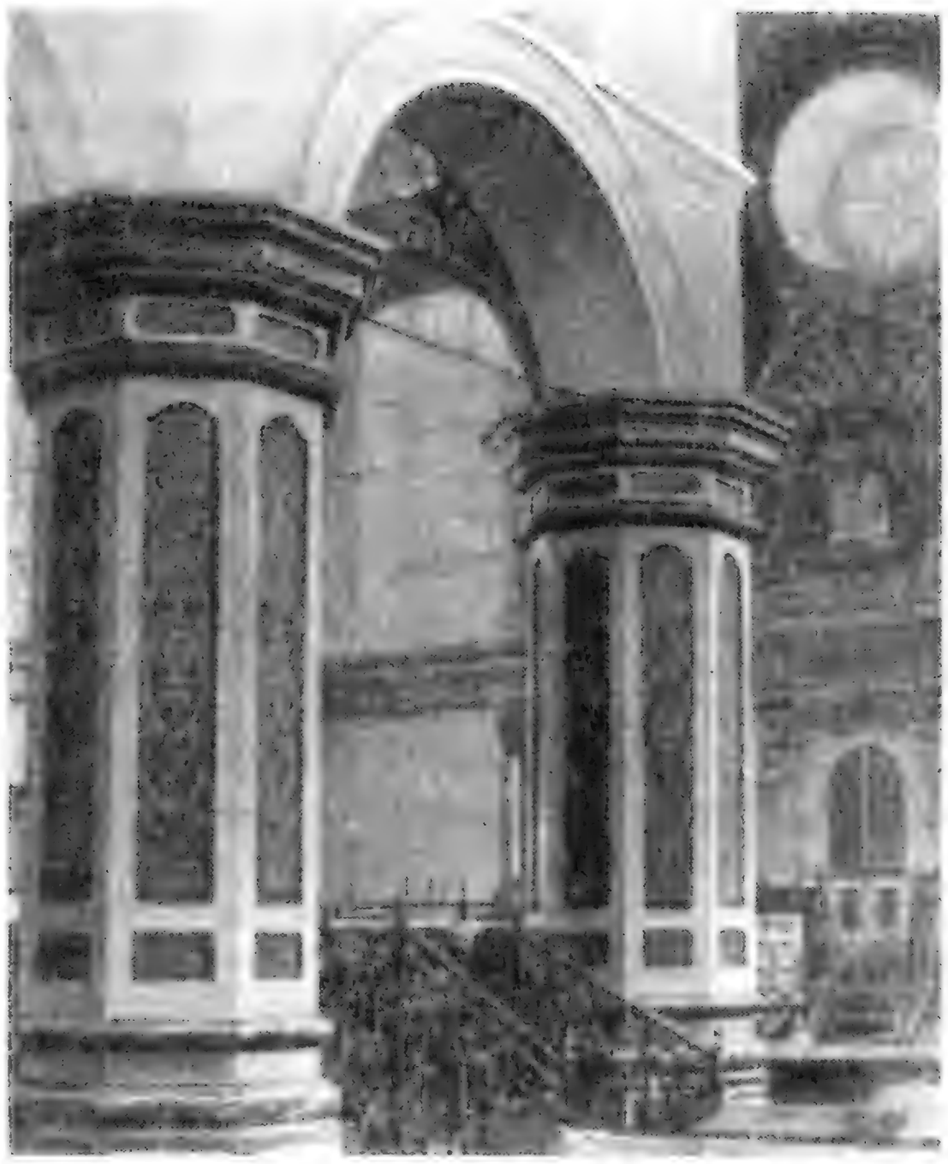
38. Слоним. Синагога, 1642 г. Общий вид, интерьер

Ее центральный зал со всех сторон, кроме алтарной, был обстроен более низкими помещениями. С севера и юга это были освещенные небольшими окнами помещения для женщин. С запада примыкали сени, служившие тамбуром и местом суда.

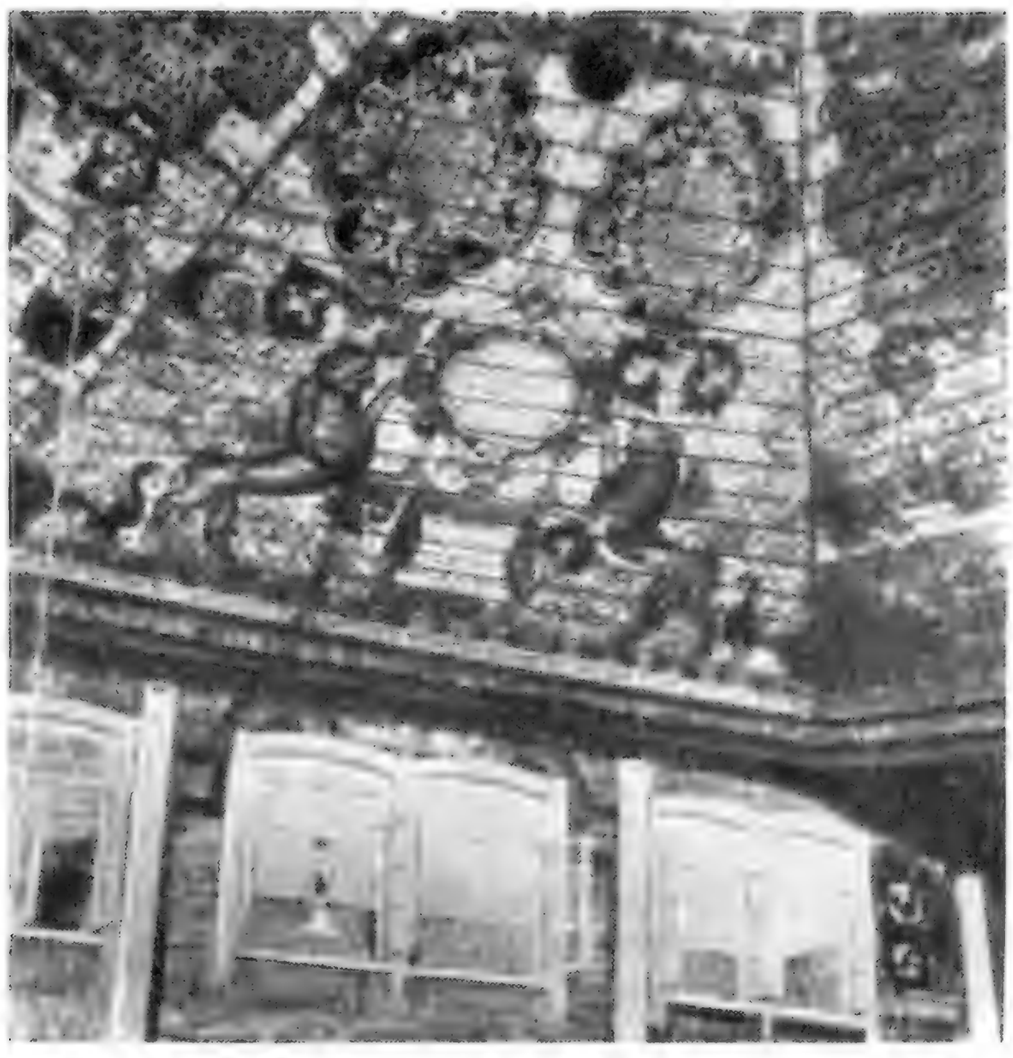
Синагога в Слониме (1642) имеет план, аналогичный предыдущему (рис. 37, *2*, 38). Покрытие отличается единством: применены только крестовые своды. Главный фасад подобен фасадам костелов. По сравнению с синагогой Старого Быхова черты оборонного характера здесь выявлены меньше.

Каменные синагоги второй половины XVII в. не сохранились. Возможно, что после опустошительных войн середины столетия они вообще не возводились.

39. Могилев. Синагога, конец XVII в. Роспись интерьера, 1710 г., мастер Хаим сын Исаака Сегала из Слуцка



Некоторое представление о деревянных постройках дает синагога в Могилеве (конец XVII в.). Ее внешний вид определила высокая гонтовая ломаная четырехскатная крыша, скрывающая восьмигранный шатер, изнутри обшитый досками (рис. 39). Вероятно, на подобную форму покрытия, соз-



дающую центрический интерьер, повлияли шатры православных храмов.

Кроме синагоги, еврейской общиной строились такие здания, как ритуальная баня, пекарня, школа, танцевальный зал, здание кагала, библиотека. Они не сохранились, и какие-либо описания этих сооружений отсутствуют.

Господство феодальной верхушки наложило определенный отпечаток на белорусскую архитектуру XVII в. Основным типом монументального строительства становится замок и католический монастырь. В начале столетия эти здания строятся как крепостные сооружения, во второй половине века оборонные устройства постепенно исчезают.

Массовая жилая застройка состоит из деревянных построек. Стремление городского населения к независимости находит выражение в строительстве ратуш, зданий общественного назначения и культовом строительстве, проводимом цеховыми и религиозными братствами. Испытываемый страной политический и экономический застой приводит к стабилизации типов строительства. Рост коронных городов останавливается. Развитие получают лишь владельческие города — центры магнатских латифундий.

В ряде случаев каменное и деревянное зодчество идут различными путями. Деревянные постройки сохраняют старый уклад, особенно рядовое городское и сельское жилище. Каменное строительство в большей степени подвержено влиянию новых форм. Как стиль иезуитской архитектуры, изменивший структуру здания, появляется барокко. В гражданской архитектуре оно касается сначала области декора и лишь во второй половине столетия в связи с изменением средств обороны и повышением требований к комфорту меняются планы дворцов.

ГЛАВА 3

АРХИТЕКТУРА XVIII в.

В течение почти всего XVIII в. Белоруссия продолжала входить в состав Речи Посполитой. Страна все более отставала от передовых стран Европы. Во второй половине века передовые магнаты стремятся найти выход из охватившего страну кризиса в реформаторских преобразованиях. Однако реальных следов в экономике эта деятельность почти не оставила. Речь Посполитая была поделена между более сильными соседями (разделы 1772, 1793 и 1795 гг.), и Белоруссия отошла к России.

По-прежнему экономика Белоруссии была подчинена экспорту сельскохозяйственных продуктов.

Особенно тяжелые последствия оставила Северная война 1700—1721 гг., от которой с трудом оправились разоренные города. Надежным средством порабощения Белоруссии по-прежнему остаются монашеские ордена. Новых монастырей почти не возникает, зато все более расширяют свои владения существующие резиденции. Определяющим типом монументального строительства остается дворец феодала и католический монастырь. Духовные и светские феодальные резиденции получают различную градостроительную характеристику. Монастыри широко раскрываются к городу, дворцовые ансамбли отделяются, отгораживаются от него.

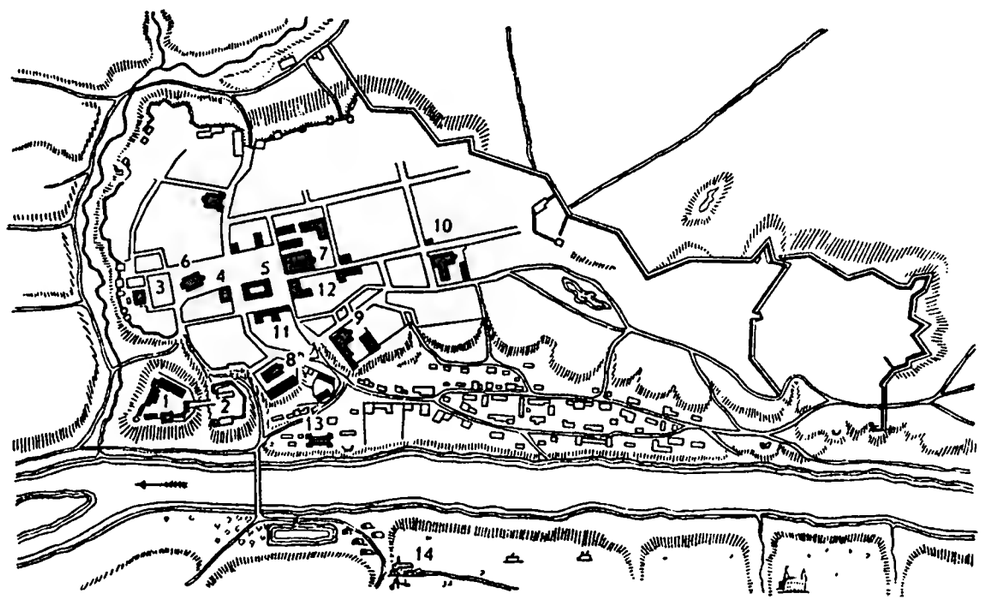
Архитектурные кадры делились на архитекторов, обслуживающих магнатов, архитекторов-монахов, получивших образование в монастырских школах, и цеховых мастеров. Поставщиком иноземных архитекторов остается Северная Италия. Короли Август II и Август III, одновременно Саксонские курфюрсты. приглашают ряд архитекторов из Дрездена (Кнобель, Яух, Пёппельман). Очень часто архитектор, приглашенный королем, работал не только при дворе, но и строил для придворных (Джузеппе Сакко). Придворные архитекторы имели учеников, как правило, родственников (семья Фонтана) или земляков. В ряде случаев придворными архитекторами были местные мастера. Магнаты не содержали специальных архитектурных заведений, но основы мастерства будущие архитекторы могли получить в частных кадетских корпусах, где преподавалась архитектура (кадетский корпус в Несвиже). В виде исключения можно упомянуть строительную школу, организованную графом Тызенгаузом на Городнице в Гродно. Ученики обучались строительству как дворцов, так и хозяйственных построек.

Монастыри также приглашали зодчих со стороны (местных и из-за границы), однако крупные ордена содержали архитектурные школы. Наиболее значительным учебным заведением был иезуитский коллегиум в Полоцке. Курс был поделен на архитектуру обывательскую (гражданскую) и архитектуру рыцарскую (военную).

Для строительной техники XVIII в. характерно значительное облегчение каменных конструкций, уменьшение поперечных сечений элементов и увеличение их высоты. В кладку стен перестает вводиться валунный камень. Он применяется главным образом в фундаментах и цоколях. В области деревянных конструкций особенно изощренных форм достигают покрытия синагог.

Градостроительство. Планировка городов сохраняет уклад XVI—XVII вв. Усиливается расширение феодальных владений за счет городских земель. Небольшие участки горожан располагались на окраинах и в неудобных местах.

Сохранившиеся планы Гродно показывают стабильность городской сетки. На плане 1706 г. (рис. 1) торговым центром является та же, что в XVI в. (см. гл. 1, рис. 1), прямоугольная площадь. Костелы, возведенные в основном в XVII в., сосредо-



1. Гродно. План 1706 г.

1 — Старый замок; *2* — Нижний замок; *3* — синагога; *4* — ратуша; *5* — торговые ряды на рынке; *6* — приходский костел; *7* — иезуитский костел; *8* — костел бернардинок; *9* — костел бернардинцев; *10* — костел бригидок; *11* — дворец Радзивиллов; *12* — дворец Батория; *13* — дворец Огинского; *14* — костел францисканский

точены на главной площади и основных магистралях. Конец XVIII в. не вносит существенных изменений в планировку. Город остается в границах XVI в.

Происходит дальнейшее, правда, не столь интенсивное, как в XVII в., строительство феодальных резиденций. Переносится на новое место и возводится из камня кармелитский монастырь (костел 1738—1765 гг., монастырь рубежа XVIII—XIX вв.) и вновь (в 1729 г.) основывается деревянный бонифраторский монастырь. Перестраиваются дворцы магнатов, увеличивается количество им принадлежащих каменных зданий, особенно на улице между рыночной площадью и замком. Крупным мероприятием было строительство Нового замка на месте Нижнего замка, оконченное в 1751 г.

Белорусские города в основном состояли из деревянных сооружений. В типичном рядовом городе Дубровне (рис. 2) силуэт города определяют возвышающиеся над деревянной жилой застройкой деревянные культовые и общественные здания.

В более крупном Витебске над рядами деревянных домов поднимаются каменные башня ратуши и колокольни монастырей (рис. 3). В облике города больше общих черт с городами Польши и Западной Европы, чем с городами соседней России.

Главная торговая площадь города сохраняет прежнюю конфигурацию, но окружающие ее здания с течением времени меняют облик и ориентацию, в результате чего площадь в ряде случаев получает иной архитектурный акцент. Характерным примером является ансамбль Ратушной площади в Витебске.

2. Дубровна, рисунок 1784 г.

3. Витебск, рисунок конца XVIII в.

Сравнение с «чертежом» Витебска 1664 г. выявляет разницу в организации площади (см. гл. 2, рис. 5). В XVII в. пространство перед ратушей было окружено цепью лавок. Ратуша и Воскресенская церковь образовали два самостоятельных замкнутых комплекса.

В XVIII в. цепь торговых зданий на площади разрывается, в нее включается новая каменная Воскресенская церковь, теперь уже не православная, а униатская, (1772) и бернардинский монастырь с величественным каменным костелом (1737—1755, осв. 1768). Храмы и ратуша занимали участки, положение которых было определено в XVII в. (рис. 4). Многократно возобновляемая после пожаров ратуша получает к 1775 г. современный облик (кроме третьего, более позднего, этажа). Фасад ратуши, прежде закрытый деревянными лавками, теперь открыт к мосту через р. Витьбу, связывающему торговую и административную части города. Также в сторону моста, в сторону замков повернута Воскресенская церковь. Прежняя ориентировка на восток, безусловно, подчинила бы церковь ратуше, уравняла бы ее с бернардинским костелом и придала бы площади более регулярный характер. Однако изменение ориентации не разрушило ансамбля площади. Причина единства состоит в ритме однотипных высоких башен сооружений. Другим связывающим элементом ансамбля является двухэтажный гостиный двор. Живописной организации ансамбля особый колорит придает сравнительно небольшое пространство средневековой площади.

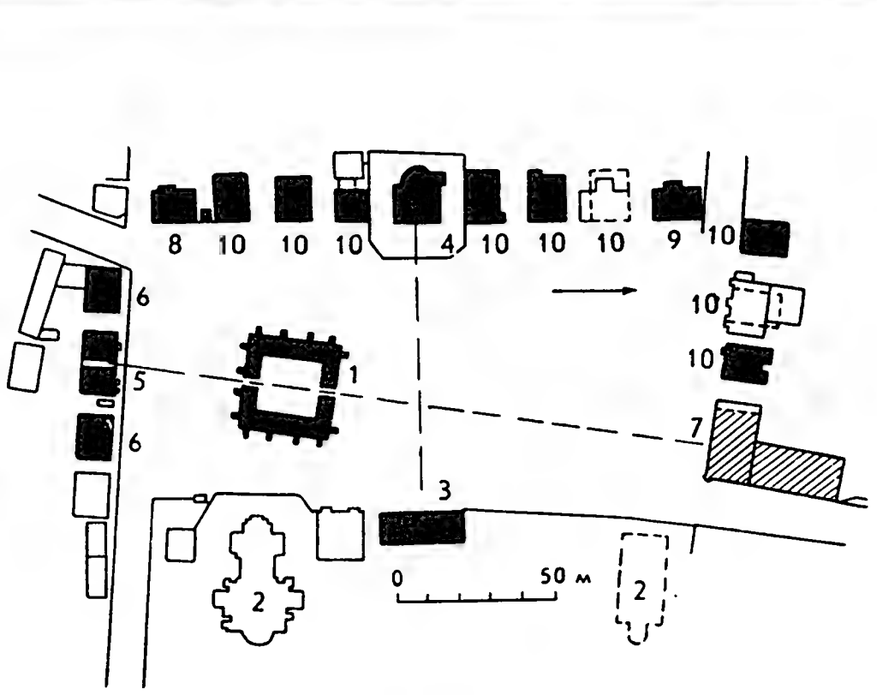
Планировка коронных городов в XVIII в. или не менялась, или эти изменения носили локальный характер. Во владельческих городах в результате реформаторской политики во второй половине XVIII в. в ряде случаев проводятся коренные преобразования уличной сети. В имениях, во владельческих городах, на коронных землях возводятся фабрики. Но крепостной труд настолько малопроизводителен, что предприятия банкротятся.

Один из выдающихся деятелей своего времени гетман Михаил Огинский перестраивает центр Слонима. Возле выпрямленного русла Щары он строит огромный дворец, театр и типографию, выписывает иностранных мастеров и поселяет их в специальном поселке при сооруженной неподалеку от дворца фабрике. Проводится знаменитый канал Огинского. Магнат Радзивилл, построив фабрику в Тройчанах, преобразует одну из частей Слуцка.

Наиболее крупные градостроительные мероприятия были проведены министром финансов Антонием Тызенгаузом. Прежде чем заняться промышленным строительством на подведомственных землях, он проделал опыт в своем имении — Поставах. Здесь он выстроил вместе с дворцом 21 каменное строение. Была заново реконструирована рыночная площадь (рис. 5). Только два деревянных храма (костел и униатская церковь) остались от первоначальной застройки по одной стороне

4. Витебск. Ратушная площадь. Гравюра конца XIX в., план конца XVIII в.

1 — ратуша; *2* — Воскресенская церковь; *3* — монастырь бернардинцев; *4* — гостиный двор; *5* — мост



5. Поставы. Рыночная площадь. Западная сторона и план

1 — рынок; *2* — храмы; *3* — школа; *4* — суд; *5* — кафе; *6* — гостиницы; *7* — аустерия; *8* — лечебница и канцелярия; *9* — заезжий дом; *10* — дома ремесленников

площади. Остальные стороны были застроены новыми композиционно связанными между собой зданиями административного назначения, гостиницами и домами ремесленников. Живописное разнообразие сближает поставскую площадь с ансамблями Витебска, Минска и других крупных городов Белоруссии. Площадь получила приближающуюся к прямоугольнику форму. При обходе площади каждая предыдущая улица была перпендикулярна последующей. Площадь была связана с промышленными сооружениями: восточная магистраль вела к бумажной фабрике, южная — к дворцу, вблизи которого также располагалась фабрика.

С большим градостроительным размахом было проведено строительство в Гродно. По своей инициативе и по поручению короля как управляющий всеми королевскими имениями в Литве Тызенгауз задумал превратить узловые пункты этих имений в культурно-промышленные центры. По этому замыслу Гродно должен был стать главным среди них городом.

Для улучшения сообщения были проложены дороги, строились плотины, мосты, каналы (Тызенгауз начал строить Днепро-Бугский канал, называемый тогда Королевским).

С 1765 по 1780 г. на Городнице в соседстве с городом было возведено 80 зданий

(рис. 6), функционировало 21 промышленное предприятие, 3 тыс. крепостных работало на фабриках. За ними наблюдали и обучали их 70 выписанных из-за границы мастеров. Было организовано значительное количество учебных заведений. Во всех школах обучались крепостные. Был основан театр с труппой крепостных актеров, обученных иноземцами.

Планировка Городницы основывалась на принципе распределения отдельных групп зданий по назначению. Каждая регулярно распланированная группа была четко связана с остальными.

Главная магистраль — улица Роскошь — предназначалась в основном для приезжих (на улице размещались две корчмы, ресторан и кафе). Здесь же было построено 20 домиков для иностранных рабочих.

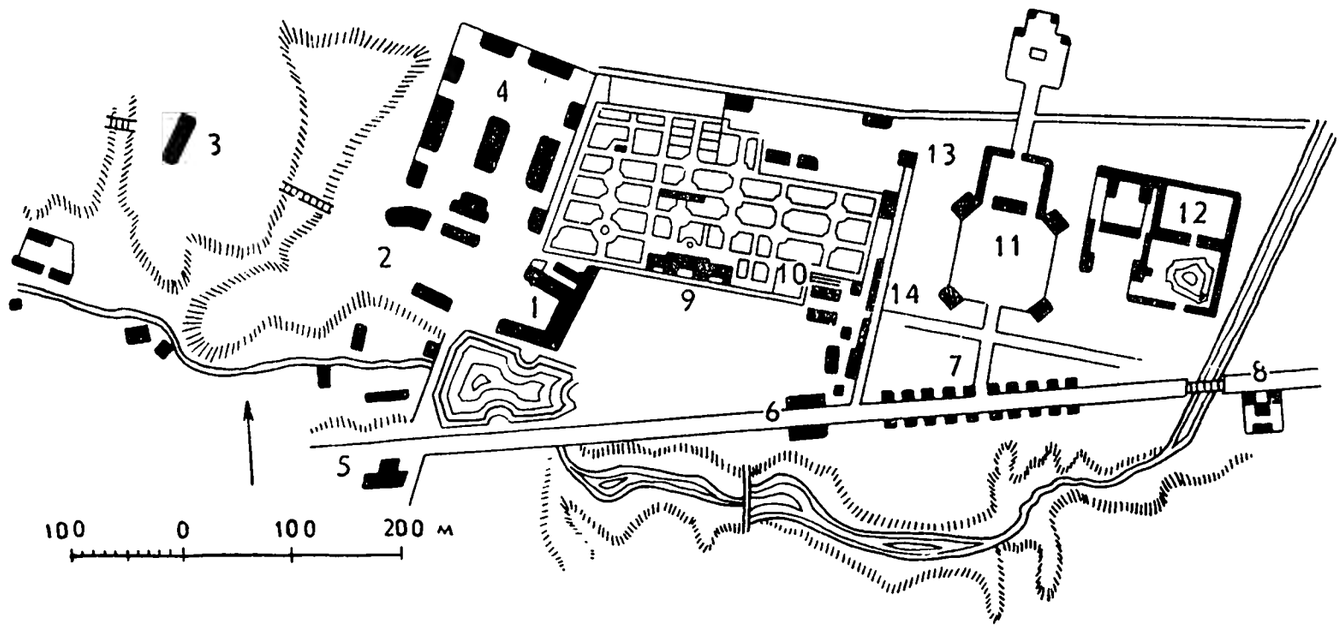
Главная магистраль шла непараллельно трассировке основных построек, что объясняется условиями местности, пересеченной глубокими оврагами. Ядром композиции являлся огромный дворец Тызенгауза, выходивший к парадным площадям и на главную магистраль. От улицы Роскошь его отделял пруд. Одна из сторон дворца была обращена к большой площади, вокруг которой группировались учебные заведения, другая (курдонер) — к длинной площади, находящейся за мостом-плотиной. Крутые овраги не позволили создать симметричную композицию этой площади. Затруднение было преодолено тем, что одно из ведущих зданий на площади — Музыкальный флигель — получило изогнутую форму. Это позволило замкнуть площадь и одновременно открыть ее перспективу к расположенному через овраг дворцу администратора. Площадь занимали в основном административные здания. В овраге вдоль площади находились промышленные предприятия. Не связанные с остальной планировкой, они вразброс тянулись вдоль реки. По другую сторону площади находился обширный хозяйственный двор. К дворцу и школам примыкал ботанический сад. За ним находились предприятия и столовая для рабочих. Столовую связывала с домиками иностранных рабочих улица, по одной стороне которой расположены кузницы, а по другую — мануфактуры, занимающие углы квадратной площади. Небольшой отрезок улицы также вел от площади мануфактур к домикам иноземцев. У края участка, над рекой, располагался фольварк — летняя дача графа.

В целом весь застроенный участок Городницы представляет собой помещичью усадьбу с хозяйственным двором, садом и заезжими домами, к которой были присоединены поселок иноземных рабочих, промышленные предприятия и учебные заведения.

Еще более обширный комплекс был запроектирован Тызенгаузом в находящейся близ Гродно деревне Лососне. Проект (рис. 7) был осуществлен частично.

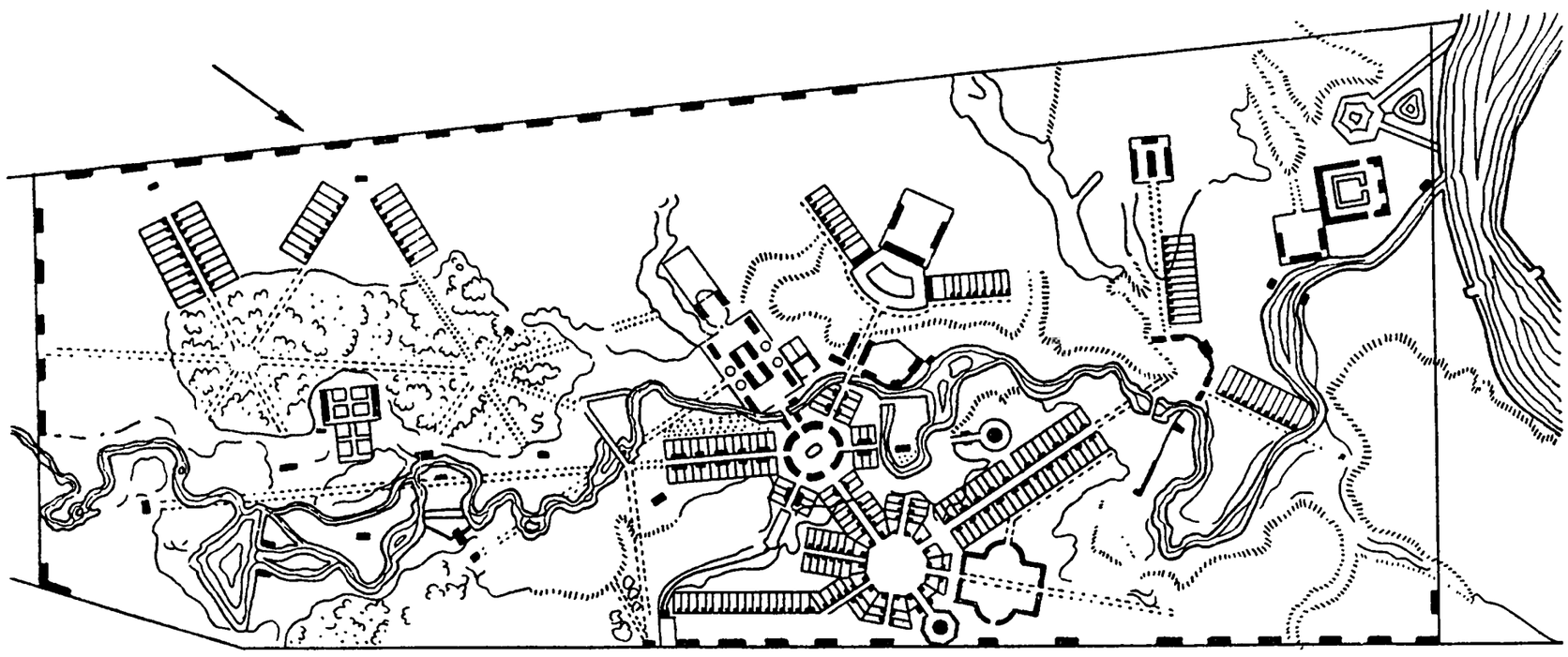
На планировку комплекса Лососни в сильной степени повлияли французские образцы. Она представляет собой сочетание регулярных площадей, от которых звездообразно расходятся магистрали, застроенные административными зданиями, мануфактурами, складами и домами рабочих. План накладывался без связи с рельефом местности, например одна из магистралей пересекала реку восемь раз

Промышленные предприятия учреждались не только в городах, а часто и в самой помещичьей усадьбе. Примером может служить регулярно распланированная усадьба Теолинского в районе Орши по дороге из Дубровны в Любавичи (рис. 8).

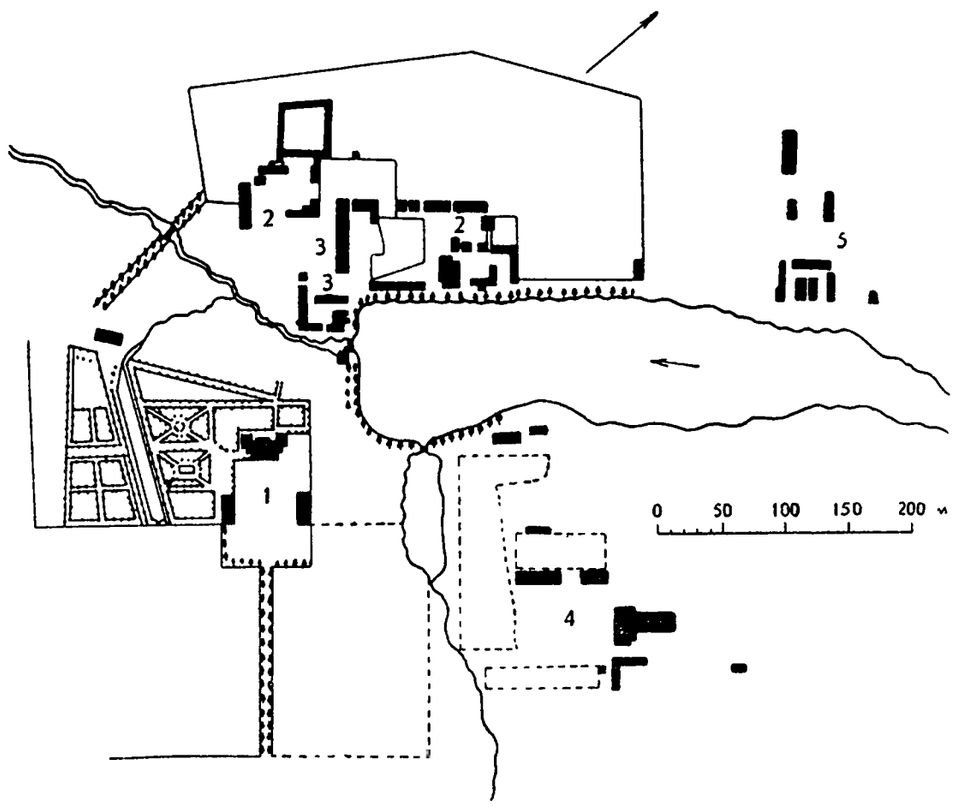


6. Городница, предместье Гродно. План 1780 г.

1 — дворец Тызенгауза; *2* — Музыкальный флигель; *3* — дворец администратора; *4* — хозяйственный двор; *5* — корчма «Нищета»; *6* — кафе и ресторан; *7* — дома иностранных рабочих; *8* — корчма «Роскошь»; *9* — медицинская школа и кадетский корпус; *10* — строительная школа; *11* — мануфактуры; *12* — фольварк; *13* — столовая для рабочих; *14* — кузницы



7. Лососня. Проект 60—70-х годов XVIII в.



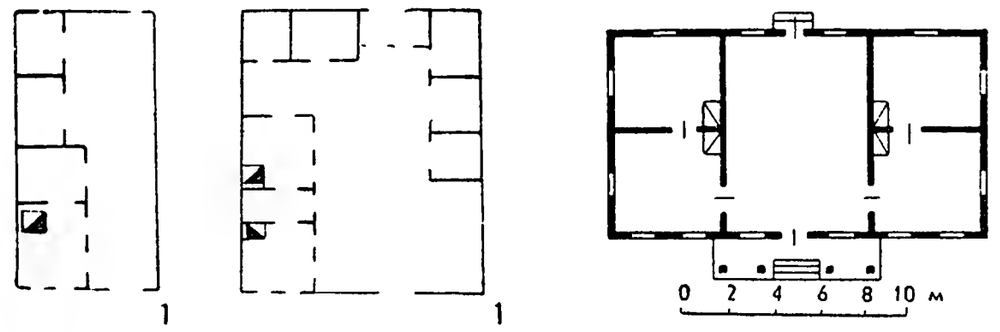
8. Усадьба Теолинского по дороге из Дубровны в Любавичи. План конца XVIII в.

1 — господский дом; *2* — хозяйственный двор; *3* — ревендучная фабрика; *4* — каретная фабрика; *5* — черепичный завод

Жилое строительство. Усадьбы. Крестьянские усадьбы XVIII в. не дошли до нас. Однако обмерные чертежи и исследования середины XIX в. могут служить вспомогательным материалом для изучения некоторых особенностей усадебного строительства, если учесть традиционность уклада крестьянской усадьбы. На рис. 9, *1* приводятся два типа крестьянской усадьбы. В бедных усадьбах изба и хозяйственные постройки тянутся по краю участка. Более богатый комплекс, состоящий из двух жилых хат, соединенных сенями, послужил, вероятно, ячейкой, из которой развилась планировка помещичьего жилого дома.

Помещичий дом располагался обычно на небольшом пригорке. Наиболее примечательной частью строения была высокая ($^1/_2$—$^2/_3$ общей высоты) крытая соломой или гонтом крыша, крутые скаты предохраняли покрытие от затекания воды. Благодаря расположению на пригорке и высокой крыше низкое одноэтажное здание имело достаточно импозантный вид.

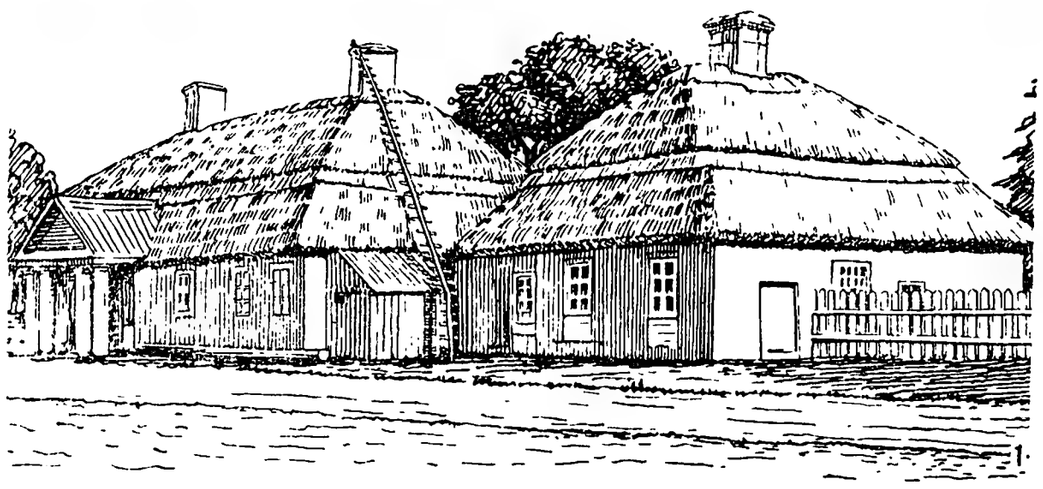
Перед домом простирался большой поросший травой двор, окруженный хозяйственными постройками. Позади находились сад и пасека. Главный, деловой, обращенный к двору фасад был ориентирован на юго-восток. К главному фасаду пристраивалось крыльцо (ганек) на 2—6 столбах (отсюда помещик наблюдал за работами, летом ганек служил террасой). Входные двери ганка вели в сени, тянущиеся во всю ширину дома, с выходом в сад. Сени были наиболее «общественной» частью дома. Здесь происходили семейные празднества, а в крупных имениях шумели местные сеймы. Сюда же собирались гайдуки в случае военной опасности. Сени освещались и обогревались большим камином. По стенам висело оружие, охотничье снаряжение, военные трофеи, портреты предков. Сени делили дом на две половины. В мужской половине находились канцелярия, гостиная, комнаты сыновей и мужской челяди, иногда часовня-каплица, на женской половине — спальня хозяев, девичья, «аптечка» (святилище хозяйки — кладовка, наполненная вареньями, лекарствами и т. д.), и ком-



2

9. *1* — два типа крестьянской усадьбы; *2* — рядовой план дома небогатого помещика XVIII в.

10. Меречевщина. Дом Костюшко, до 1746 г.



11. *1* — Новошницы. Дом Гедройцев, первая половина XVIII в. Общий вид и план; *2* — Дудичи. План дома Юзефа Прозора, 1789 г.

наты дочерей. Впоследствии в более обширных имениях сени были разделены на две части. В передней — «антикамере» — сидели гайдуки, по стороне сада располагался «салон».

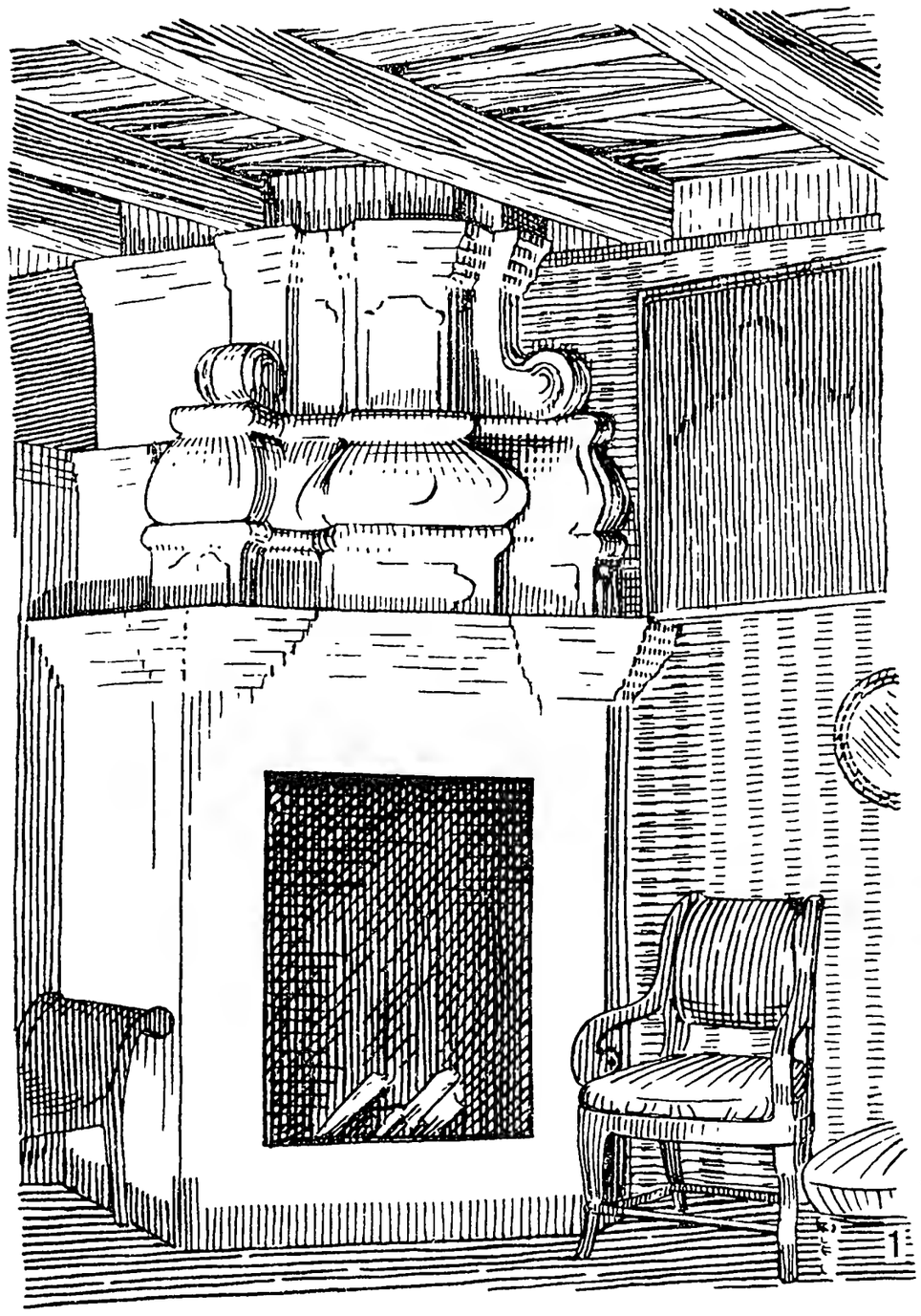
Дом рубился из брусьев, только некоторые хозяйственные постройки имели бревенчатые стены. Иногда стены были глинобитными или фахверковыми.

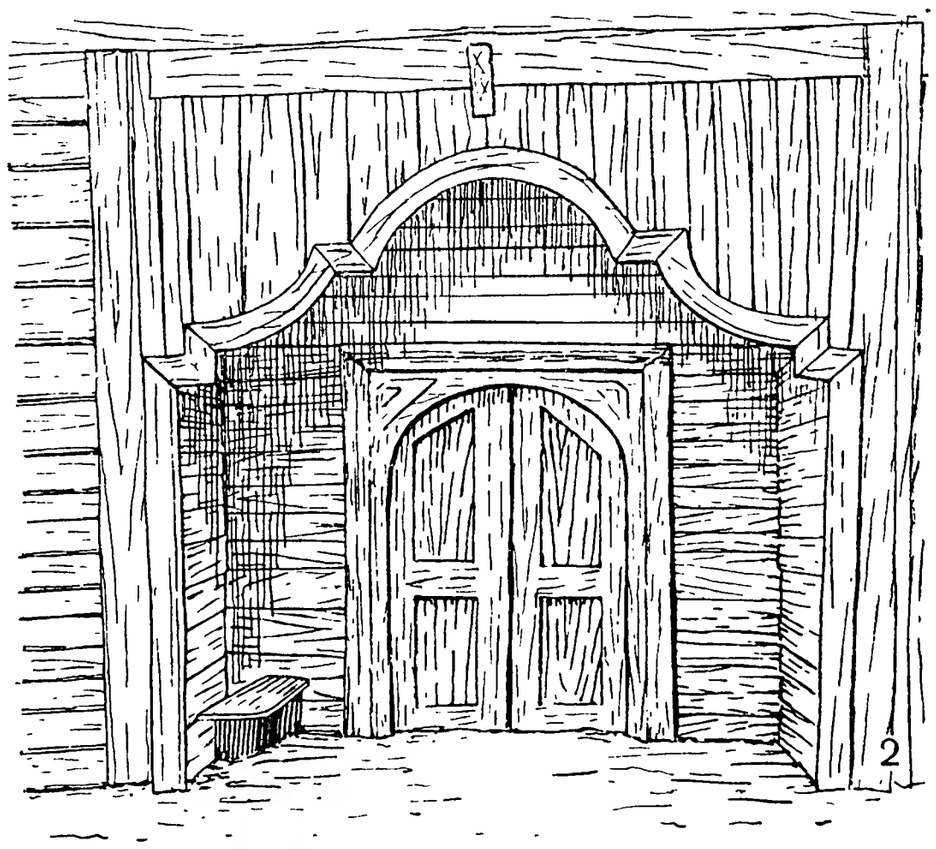
В доме небогатого помещика по сторонам сеней располагалось по две комнаты (так называемый пятичастный дом, рис. 9, *2*). Ширина строения была значительной, поэтому высокая крыша для сокращения длины стропил иногда имела ломаный профиль. На чердаке хранились различные припасы. Примером является дом из Меречевщины, где в 1746 г. родился Тадеуш Костюшко (рис. 10).

Отличительной особенностью здания было крыльцо и высокая ломаная крыша. Обрамленные гладкими наличниками окна (иногда стекло заменял промасленный пузырь или бумага) имели частый переплет. Увенчанное треугольным фронтоном крыльцо впоследствии сменилось колонным портиком.

В имении богатых помещиков план дома усложняется. В XVII в. к традиционной схеме обычно добавлялись так называемые «алькежи» (боковушки), башнеобразные выступы, крытые самостоятельной крышей, ведущие происхождение от зáмковых башен XVI — начала XVII вв. В алькежах, как правило, размещались спальни. Алькежи сохранились и в некоторых помещичьих домах XVIII в., в основном в виде развитых крыльев дома. На рис. 11, *1* представлены план и задний фасад (крыльцо более позднее) жилого здания имения Гедройцев в Новошицах, недалеко от Пинска (первая половина XVIII в.). Каждое крыло снаружи трактовано как отдельное здание.

Замечательны очень сложные, снабженные лишь одной дымовой трубой сращения печей (см. план). Это объясняется тем, что налоги брались «подымно», по количеству труб (обычно дом имел 2 трубы). Поэтому печи оборудовались очень длинными дымоходами и все сращения напоминали чудовищного паука. Печи снаружи облицовывались кафелями чаще





12. *1* — дом в имении Летевщизна, камин, XVIII в.; *2* — дом в имении Залесье, боковой вход, XVIII в.

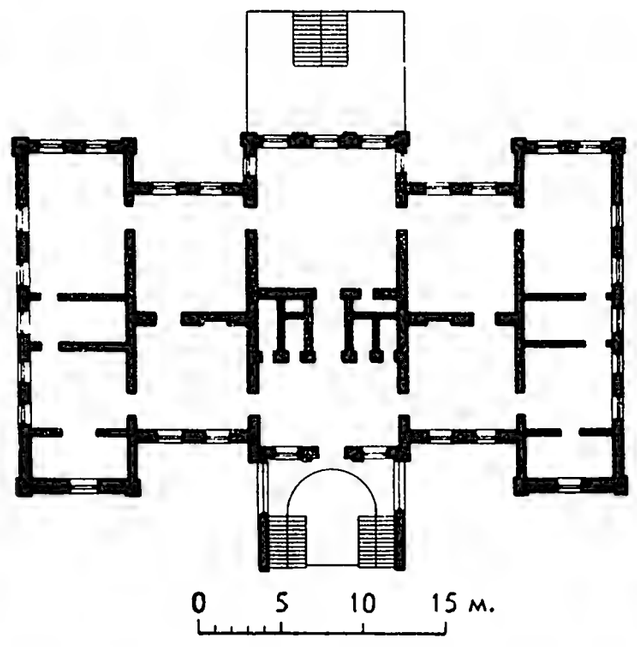
всего с зеленой поливой. Сверху они имели своего рода корону из фигурных изразцов, внизу опирались на мощные лапообразные устои. Топка всегда производилась из сеней.

Иногда рядом с печами ставились камины (рис. 12, *1*), которые служили не столько для тепла, сколько для освещения.

Как и в крестьянских избах, балки потолка были открыты снизу. Обычно на прогоне вырезался год постройки, крест, иногда герб. В парадных комнатах на балки приколачивался грубый холст, который затем белили. Стены в некоторых случаях штукатурили и белили. Полы — глинобитные или дощатые. Брусчатые стены снаружи обшивали вертикальными досками — шелевкой. Резьбой покрывали полотна дверей и потолочные балки.

Обычно главный вход имел вид крыльца на столбах. Боковые входы устраивались в глубоких прямоугольных нишах. Фигурное обрамление одного из таких входов в имении Залесье (Дисненский район) представляет собой фестонную арку (рис. 12, *2*), характерную для культового каменного зодчества Белоруссии.

Еще более развитым типом являлся дом в Дудичах (Минская обл., 1789), в



13. Леонполь. Помещичий дом, 1750 г.

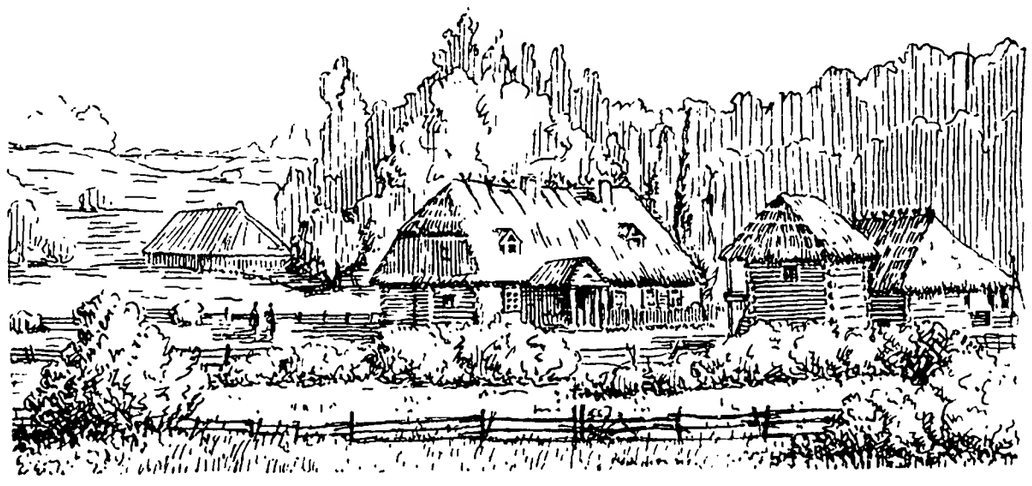
усадьбе воеводы Юзефа Прозора. Центральный корпус занимали парадные помещения и комнаты хозяев (рис. 11,*2*), одно из крыльев — комнаты для домочадцев, другое — часовня.

Каменные жилые дома усадеб повторяют планировку и наружные очертания деревянных домов, но имеют ясно выраженную стилистическую характеристику; строились они в значительно меньшем количестве (Татары под Минском, вторая половина XVIII в.; усадьба Леонполь, 1750, рис. 13; дворец в Гануче, 1765; загородный королевский дворец Станиславово под Гродно, до 1780). Дома штукатурились как внутри, так и снаружи. Крыша двойная, приближающаяся по типу к мансардной, или высокая двускатная.

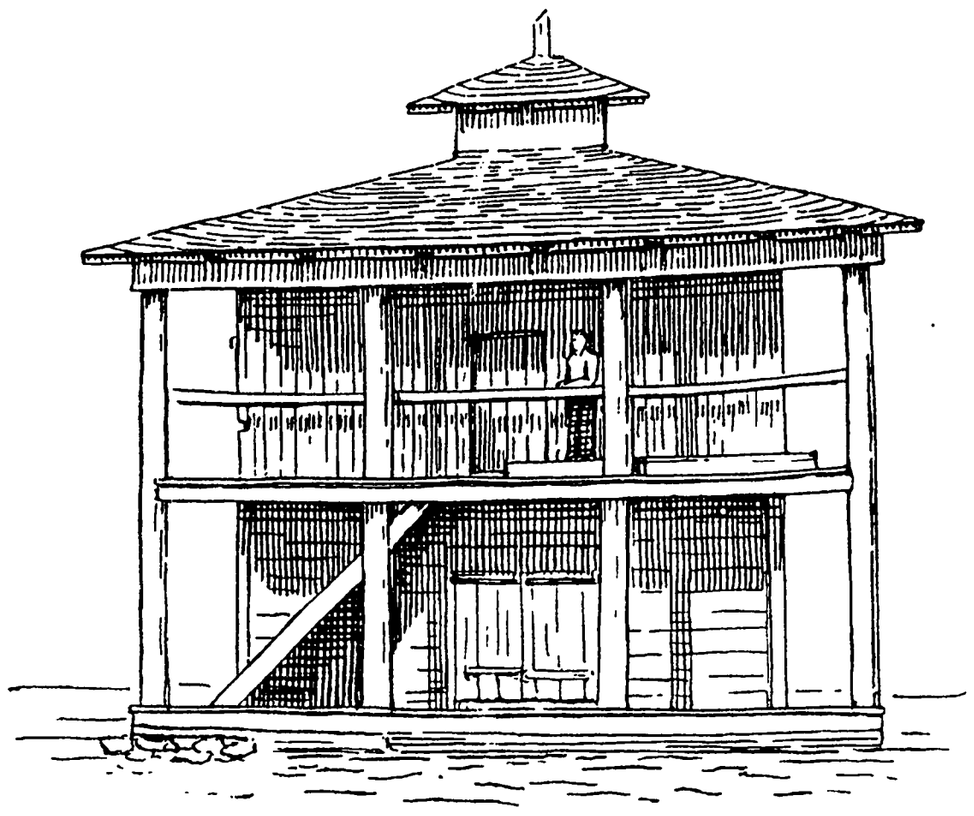
Дома были тесно связаны с дорогой, ведущей к принадлежавшим владельцу деревне или местечку (Поставы, д. Пески около Картузской Березы, Желудок). Хозяйственные постройки, в их числе кухня, стояли отдельно и более или менее регулярно следовали ориентации дома, принцип симметрии не соблюдался (рис. 14).

Среди подсобных зданий усадьбы наибольший интерес представляет амбар (рис. 15), который в летнее время становился жилым. Амбары были одноэтажными и двухэтажными с галереями. Прочие хозяйственные постройки только размерами отличались от крестьянских построек. Такой же простотой отличались производственные здания усадьбы (рис. 16).

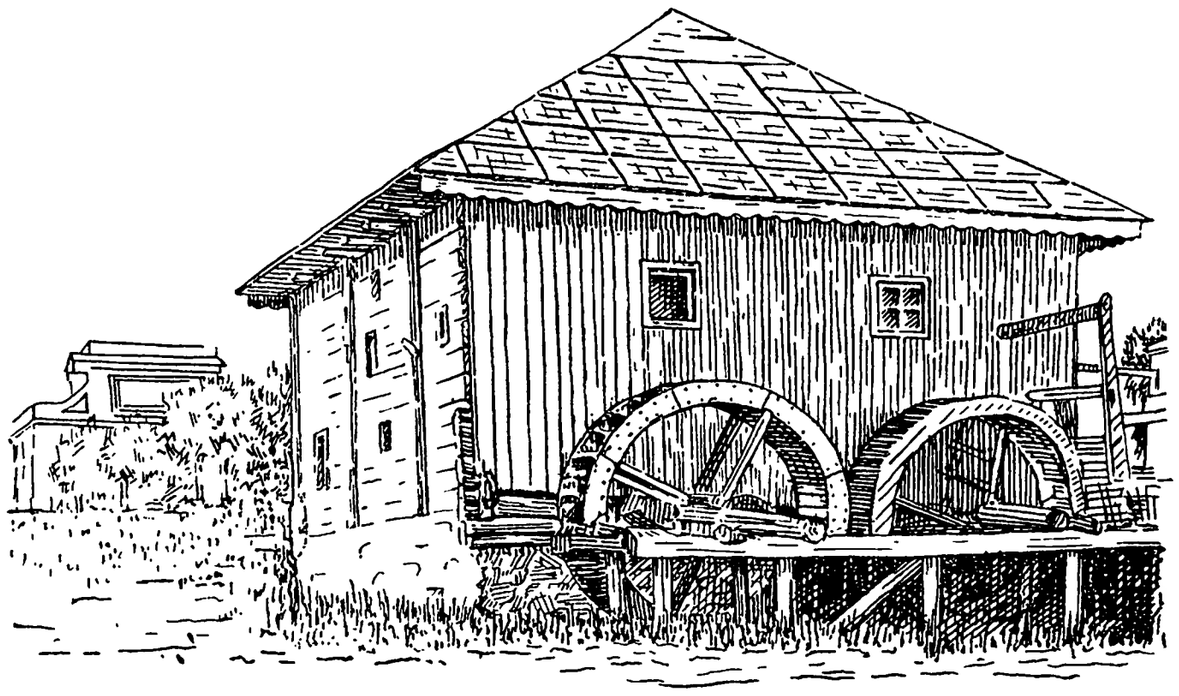
Городское жилое строительство. Дома рядовых ремесленников и купцов в XVIII в. в большинстве случаев строились из дерева. Ни один из них не сохранился. В ограниченном количестве уцелели каменные дома. В первой половине XVIII в. в наружном облике домов произошли изменения: исчезает арочная лоджия перед уличным фасадом. Одной из причин этого явился спад товарооборота, сделавший излишним большую выставку товаров. Лишь некоторые дома сохраняют перед фасадом галерею на столбах. Обычно дома имеют гладкие фасады. Примером является каменный дом на Замковой ул. в Гродно (рис. 17,*1*, 18,*1*). Несмотря на скупость архитектурного оформления дома производили благоприятное впечатление красочным сочетанием беленых по штукатурке стен и черепичных кровель. В доме под одной крышей находятся производственные, складские и



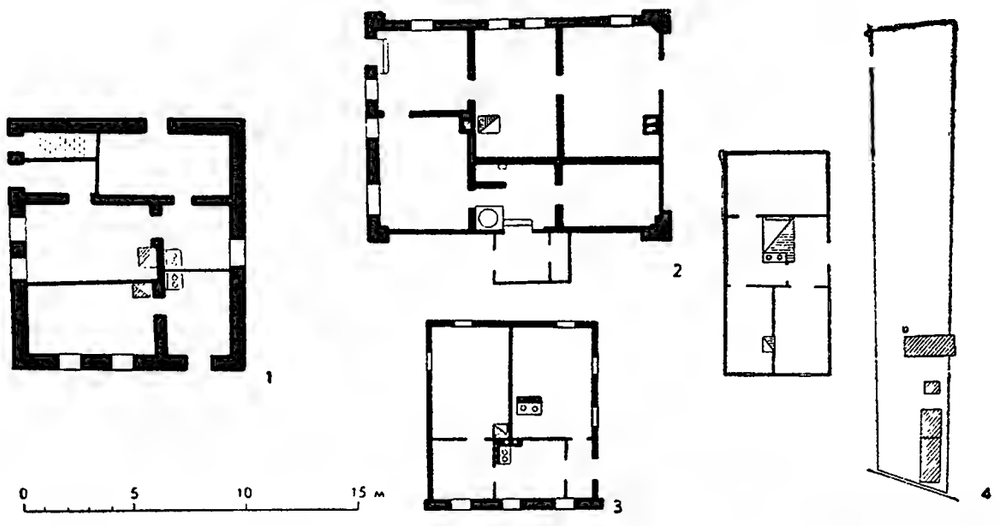
14. Заосье. Господская усадьба, XVIII в. Дом — 30-е годы XIX в. — на месте более раннего дома



15. Бацевичи. Амбар, XVIII в.



16. Несвиж. Мельница, 1783 г.



17. *1* — Гродно. Жилой дом по Замковой улице, вторая половина XVIII в.; *2* — Поставы. Дом ремесленника, 60-е годы XVIII в.; *3* — Гродно. Дом иностранного рабочего на Городнице, около 1765 г., арх. Ю. М. Мёзер; *4* — Каменец. Дом по ул. Гоголя, XVIII в.

жилые помещения. Каждая группа помещений отделена друг от друга, по-видимому, из противопожарных соображений капитальными кирпичными стенами. В толще стен прокладывались металлические связи. Потолки деревянные с мощными выступающими балками.

Более развитым домом того же типа является дом на рынке Несвижа (1721). Под торгово-складские помещения отведен первый этаж. В мансарде, обведенной с фасада фигурным щипцом, расположены жилые комнаты (рис. 18, *2*). Дом имеет плоский фасад, придвинутый к линии застройки.

Дома ремесленников на рынке в Поставах (рис. 5; 17, *2*) построены по сходному плану. Здесь впервые на территории Белоруссии проводились принципы типовой застройки. Здание состоит из жилой и производственной частей, две большие комнаты по главному фасаду отведены под мастерские. Оформление фасада имеет плоскостной характер. Конструкция стен свидетельствует о стремлении к экономии стоимости, так как только уличная стена сложена

18. *1* — Гродно. Жилой дом по Замковой улице, вторая половина XVIII в.; *2* — Несвиж. Жилой дом на рынке, 1721 г.; *3* — Гродно. Дом иностранного рабочего на Городнице, около 1765 г., арх. Ю. М. Мёзер; *4* — Каменец. Дом по ул. Гоголя, XVIII в.

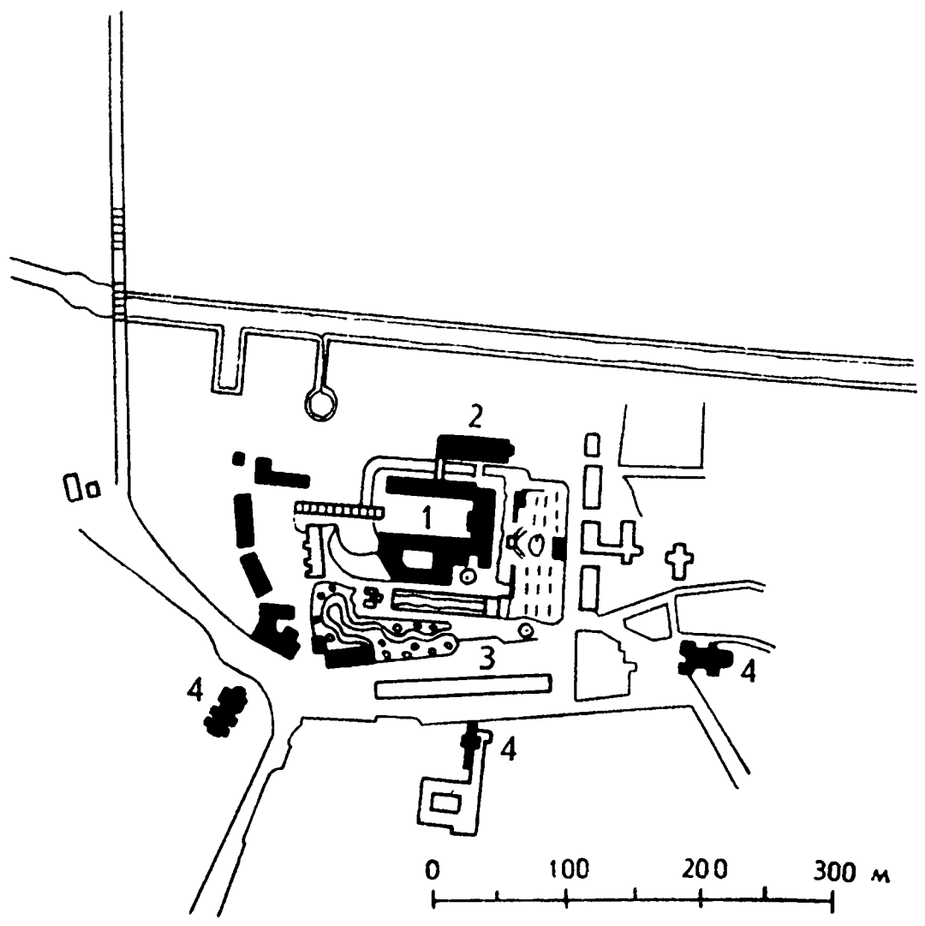
целиком из кирпича. Она является как бы ширмой, за которой скрываются деревянные долевые стены; с противоположного торца стены забраны в угловые кирпичные столбы. Первый этаж противоположного торца также срублен из деревянных брусьев, щипец — фахверковый.

Этот принцип еще более последовательно проведен в домах поселка для иностранных рабочих на Городнице арх. Мёзера (рис. 17, *3*; 18, *3*). Двадцать домов, размещенных по обеим сторонам улицы, имели затейливые плоские фасады, разнообразие которых достигалось варьированием формы щипца кирпичного фасада. Это позволило придать примитивному деревянному строению вид городского дома. Здесь, так же как в Поставах, применено типовое проектирование.

Дома сельского типа строились близ окраин города, где население занималось сельским хозяйством, а в небольших местечках — не только на окраинах, но и в центре. Один из наиболее ранних домов в г. Каменце (рис. 17, *4*; 18, *4*) близок к крестьянской хате. Здесь также под одной крышей с жилыми помещениями и кладовой размещается хлев. Стены срублены из брусьев большой высоты (до 50 *см*). Полувальмовая крыша крыта соломой. Отдельные элементы сплочены деревянными гвоздями и штырями. Характерно отсутствие декоративных деталей. Дом несколько отстоит от красной линии и повернут к улице торцом. Вход, как в крестьянских хатах, находится на длинной стороне. Дом тянется по одной стороне удлиненного участка. За домом располагается огород и далее — гумно.

Дома дворян в большинстве случаев представляют собой подобие жилого дома помещичьей усадьбы. В XVIII в. для помещиков было обычаем переезжать в город после передачи хозяйства взрослым детям. Поэтому город насчитывал значительное количество подобных сооружений — «двориков».

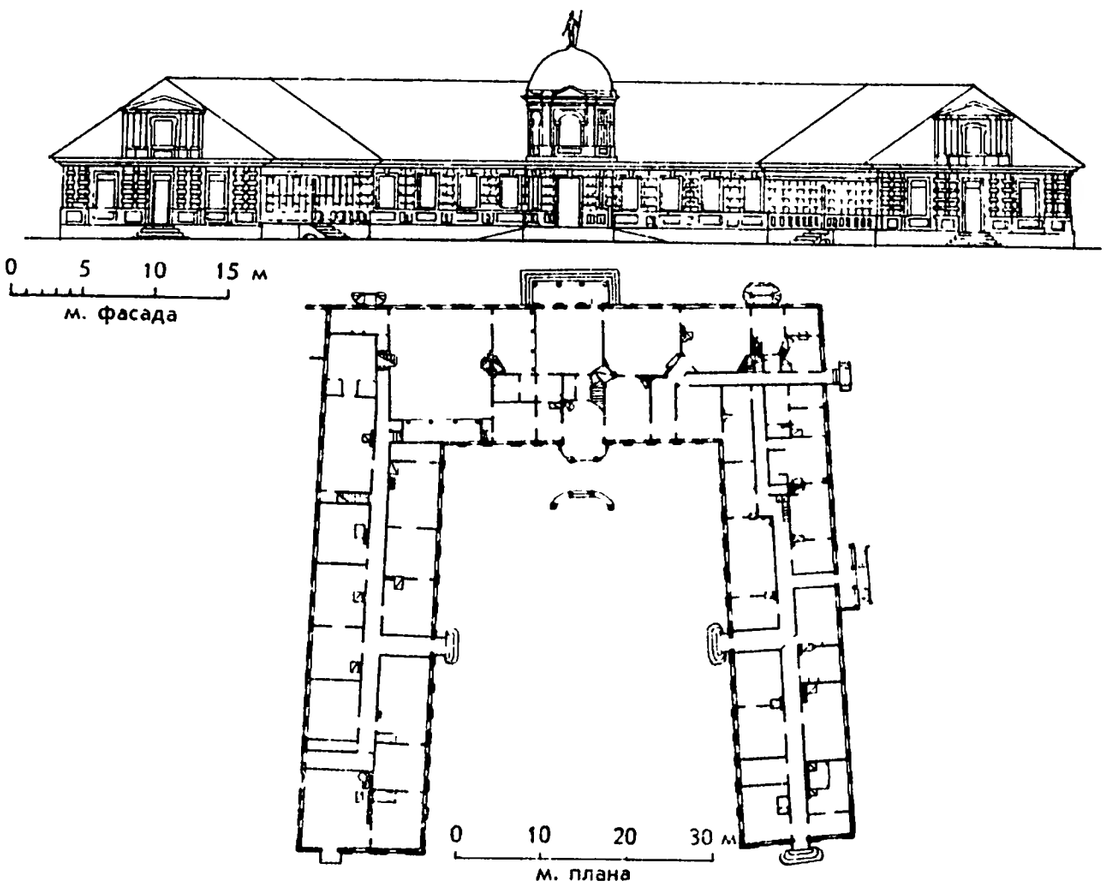
Дворцы знати, как правило, располагались на местах более ранних дворцов и замков. Так, например, дворец Огинского в Слониме начал строиться около 1768 г на месте замка. Дворец (не сохранился) высился на высоком берегу р. Щары, один из рукавов которой был выпрямлен. Ориентация построек совпадала с новым руслом (рис. 19). Дворец состоял из обширного



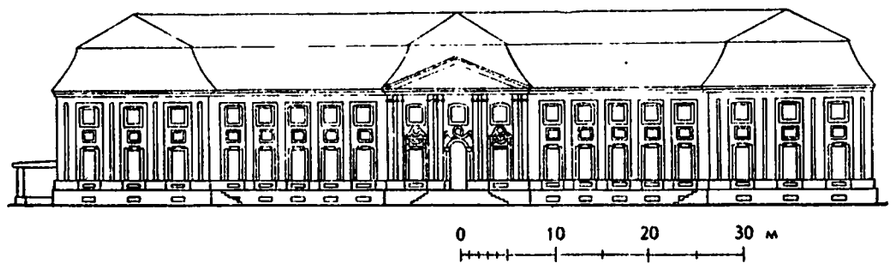
19. Слоним. Центр города по плану 1796 г. *1* — дворец Огинского; *2* — театр; *3* — рынок; *4* — костелы

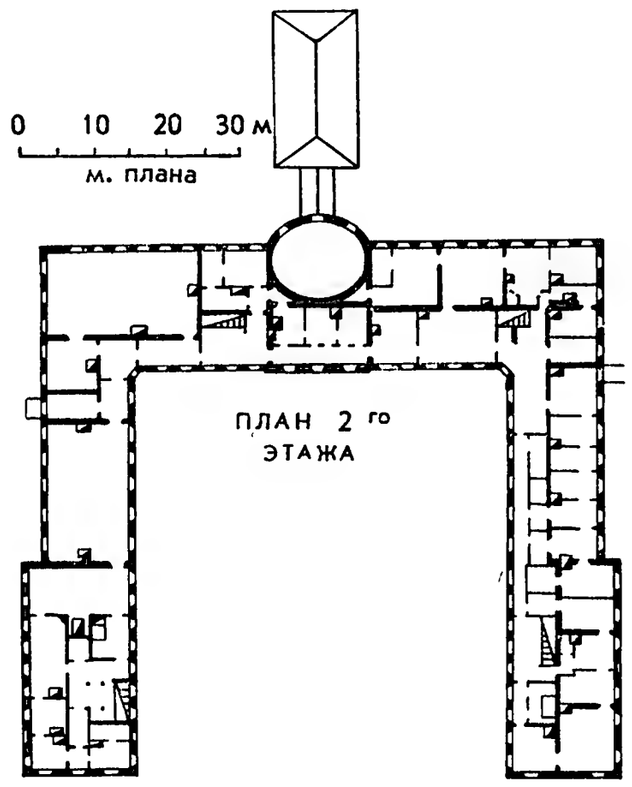
одноэтажного каменного здания и боковых одноэтажных деревянных флигелей. Вместе с каменным корпусом они содержали 116 помещений. Здание было поднято на прямоугольное возвышение, укрепленное подпорной стенкой. У ее подножья на противоположной от курдонера стороне размещался регулярный сад.

От торговой площади дворец отделяли небольшой сад и пруд. Дворец не был обращен к городу и отделялся от него рядом преград (подпорной стенкой, садами, рекой). Подобное же изолированное положение занимал каменный дворец Тызенгауза на Городнице, около 1765 г.



20. Гродно. Дворец Тызенгауза на Городнице, около 1765 г.





21. Гродно. Новый за́мок, окончен к 1751 г. Главный фасад, план, въездные ворота

гауза на Городнице (рис. 6; 20). От магистрали его отделял большой пруд. Главный вход был обращен не к городу, а к примыкающей к дворцу площади. Дворец был одноэтажным сильно растянутым П-образным зданием. Главный вход акцентирован двухэтажной башенкой с куполом. Декорация наружных стен сводилась к двойным пилястрам в простенках. Пилястры были расчленены квадрами «дикого» камня, выполненного в штукатурке. Фасад имеет самобытный облик благодаря растянутой неширокой ленте стен и высокой двускатной крыше, типичной для местного помещичьего дома.

Во внутреннем расположении помещений нет регулярности. Слева от вестибюля находились парадные комнаты вместе с большим приемным залом. Справа тянулись покои владельца. В крыльях размещались конторы. Парадные залы с резными каминами итальянского мрамора были украшены живописными плафонами.

Наиболее роскошный дворец, каменный королевский Новый замок в Гродно (рис. 21), был окончен к 1751 г. Проекты для дворца и для укреплений были изготовлены Матеусом Даниелем Пёппельманом (1662—1736). Строил дрезденский архитектор Иоганн Фридрих Кнобель (1724—1792), внесший изменения в проект (в частности, по своему проекту он выстроил небольшой дворцовый костел). Дворец, как и дворцы знати, не связан с городом: он скрыт за поворотом улицы, ведущей из города, и даже при выходе из-за поворота был закрыт цепью служебных строений. Главный въезд был обращен к мосту, который вел в Старый замок, благодаря чему оба замка связывались в ансамбль, господствующий над Неманом. В плане дворец имел традиционную П-образную форму с курдонером, открытым к главному въезду.

Курдонер использовался для размещения многочисленных карет, которые во время съезда знати рядами тянулись вдоль стен здания. Перед решеткой курдонера и на наружном дворе были привязаны тысячи верховых коней (ни один магнат не приезжал во дворец без свиты).

Дворец был двухэтажным, с подвалами. Помимо своего прямого назначения он был предназначен для заседаний сеймов. На главной оси основного первого этажа располагались вестибюль, парадная столовая, так называемый «Круглый зал», и небольшой придворный костел. Круглый зал простирался до высоты второго этажа и был перекрыт куполом, украшенным штуком. Помещения по обеим сторонам зала анфиладно связывались между собой. В левом углу дворца помещалась огромная Посольская палата. Следующий большой зал (в крыле) — тронная Сенаторская палата для заседаний, охватывающая высоту обоих этажей, имел наверху застекленную галерею, где располагались королева со свитой и иноземные послы. Особенной роскошью внутреннего убранства отличались

украшенные живописью Круглый зал, Сенаторская палата и костел.

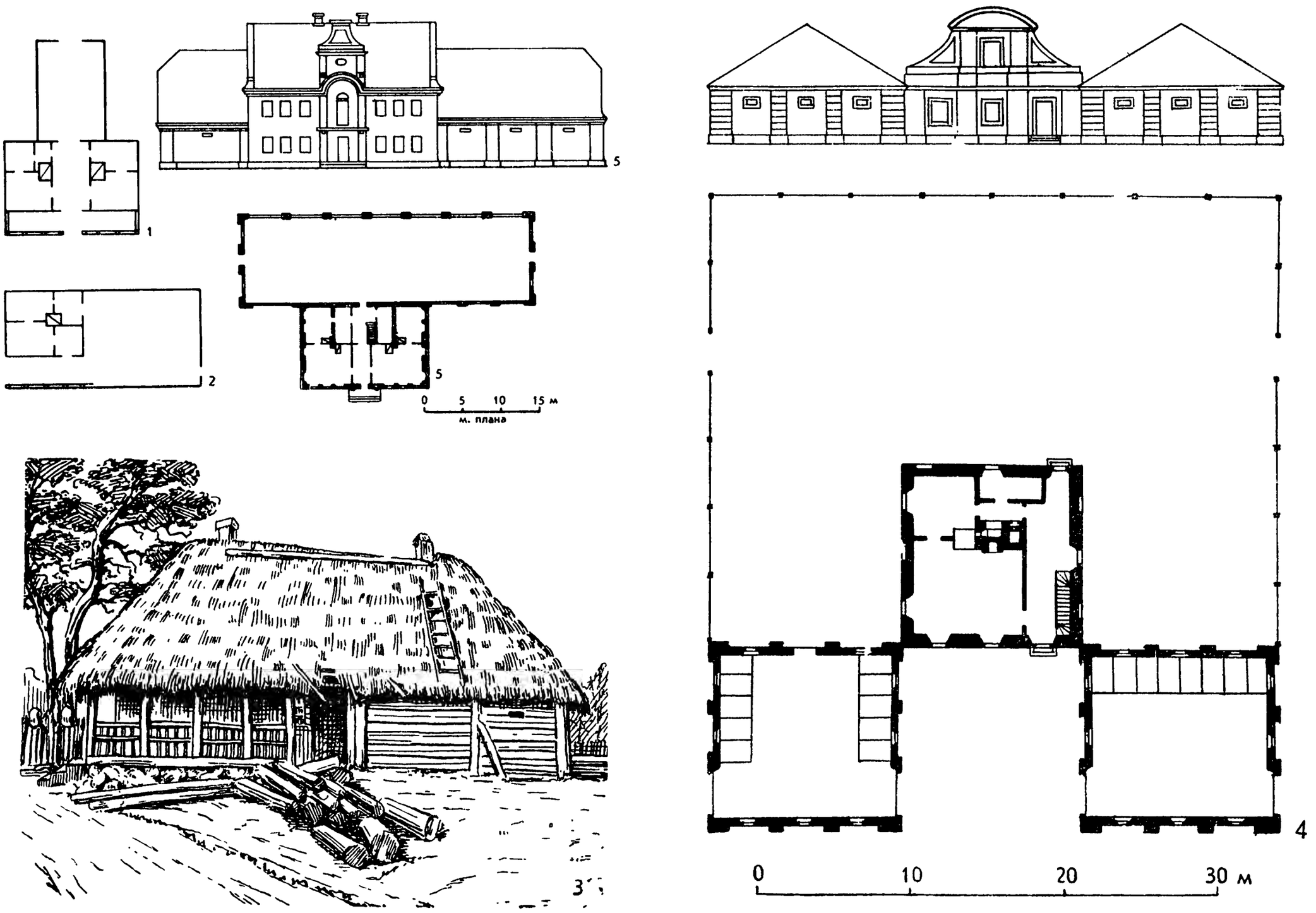
Наружное архитектурное оформление сводилось к лентам пилястр, связывающих этажи. В целом облик здания приближается к западным (французским) образцам. В первоначальном виде дворец не сохранился. Уцелели только ворота, ведущие к замку.

Общественные здания сохранились в очень малом количестве. Не дошли цеховые дома, госпитали, цейхгаузы, общественные бани, не сохранились театры, возводившиеся при дворцах магнатов. Уцелевшие каменные здания подверглись значительной перестройке. Деревянные здания известны главным образом по материалам исследований XIX в.

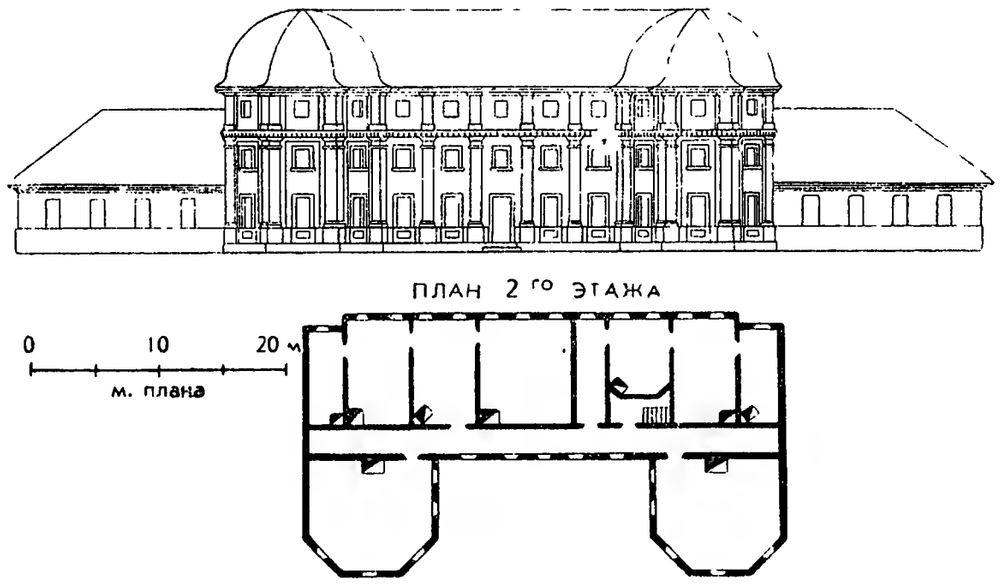
Корчма — это одно из непременных строений как деревни, так и города (рис. 22). Каменные здания назывались аустериями.

Корчма ставилась при въезде или в центре деревни, неподалеку от костела, и являлась местом собрания: в ее галереях по вечерам устраивались танцы молодежи, в главном зале (шинковне) праздновались также свадьбы. Деревенские корчмы были деревянными одноэтажными крытыми соломой сооружениями. Их можно разделить на два типа. К первому относятся здания, рассчитанные на большое количество постояльцев (рис. 22, *1*). Фасад занимали галереи с проездом-проходом, по одной стороне которого располагались комнаты приезжих, по другой — главная зала и жилье арендатора. Проезд вел в примыкающую к жилому зданию конюшню, где находились также и повозки. Иногда конюшня расширялась до размеров фасада жилого здания и все сооружения покрывались одной крышей.

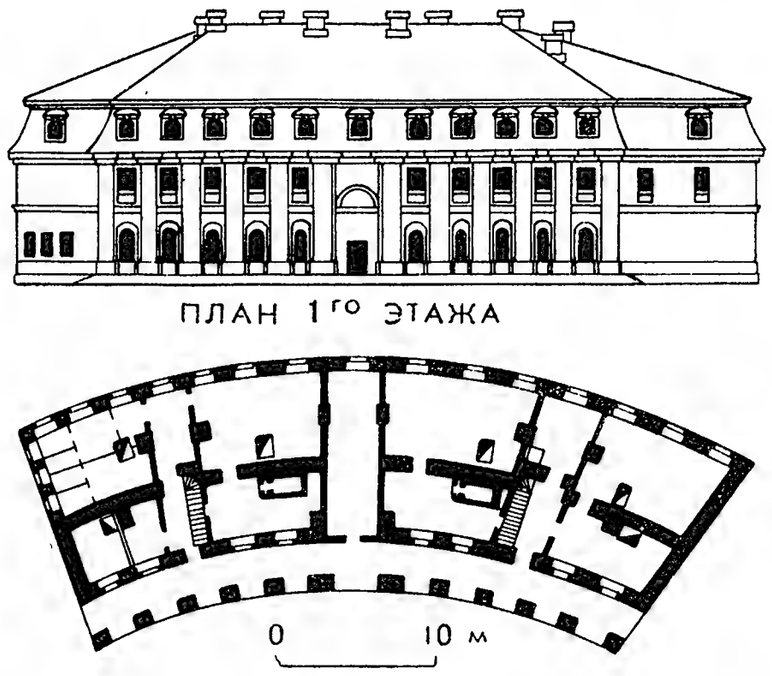
В постройке второго типа, предназначенной для меньшего количества постояль-



22. *1* — тип большой деревенской корчмы; *2* — тип малой деревенской корчмы; *3* — корчма на дороге близ Минска; *4* — Гродно. Корчма «Роскошь» на Городнице, около 1765 г., арх. Ю. М. Мёзер; *5* — Гродно. Корчма «Нищета» на Городнице, около 1765 г.



23. Гродно. Медицинская школа и кадетский корпус на Городнице, около 1765 г.



24. Гродно. «Музыкальный флигель» на Городнице, около 1765 г.

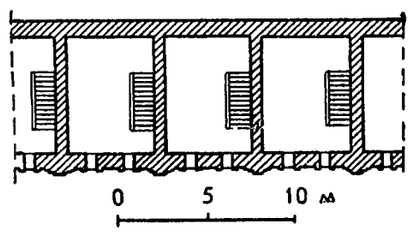
цев, на фасад выходили и жилые комнаты, и конюшня. Проезд иногда располагался в центре фасада (рис. 22, *2*, *3*). Все сооружение имело единый характер.

Городские корчмы при том же составе отличались различным расположением помещений. Практиковалось разъединение конюшни и гостиницы — гостиница в Поставах по южной стороне площади, корчма «Роскошь» на Городнице (арх. Ю. М. Мёзер, рис. 22, *4*) и объединение их — корчма «Нищета» на Городнице (рис. 22, *5*), где к кирпичной двухэтажной с мансардой гостинице, как в деревенских корчмах примыкал обширный сарай-конюшня. В первых двух этажах располагались комнаты для приезжих, в мансарде — в основном кладовые. Конюшня была построена из деревянных брусьев, забранных в кирпичные столбы.

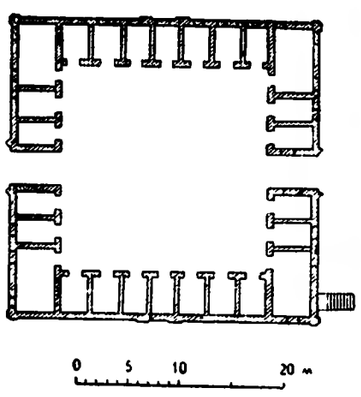
Школы. Преобразования, проводимые магнатами во второй половине XVIII в., привели к распространению светского типа школ во владельческих городах.

На Городнице были открыты школы землемеров, счетоводов, строительного искусства, ветеринаров, кадетский корпус. Школа ветеринаров была впоследствии преобразована в медицинское училище, при котором были созданы музей, библиотека и ботанический сад. Был разработан проект Академии наук с обсерваторией при ней. Новые школы пришлось принудительно комплектовать из крепостных.

До нашего времени сохранились, хотя и значительно перестроенные, здания бывших медицинской и музыкальной школ на



25. Витебск. Ратушная площадь и гостиный двор, вторая половина XVIII в. (рисунок конца XVIII в.) и план второго этажа гостиного двора



26. Поставы. Рынок, 60-е годы XVIII в. План, общий вид, северные ворота

Городнице. В первом, кроме медицинской школы (15 чел.), находился кадетский корпус (около 20 чел.). В силу двойного назначения здания в каждом этаже были две большие шестиугольные аудитории (рис. 23). В основу композиции фасада была положена привычная композиция фасада помещичьего жилого дома с выступами.

В здании «Музыкального флигеля» (рис. 24) в основу взят фасад театрального здания, тип которого к тому времени уже сложился в Западной Европе. Первый этаж имел арочную галерею, проемы и пандус которой как бы рассчитаны на многочисленную толпу. В действительности за ними находились три неширокиx входа в классы первого и второго этажей. В мансардном этаже, видимо, жили учащиеся. На примере фасада школы видно, что здесь заимствование привело к появлению функционально неоправданного элемента.

Гостиные дворы. Деревянные, самые многочисленные постройки не сохранились. Уцелели каменные гостиные дворы Витебска и Постав. Идентичность декора гостиного двора и ратуши в Витебске свидетельствует о вероятности сооружения этих зданий одним мастером. В первом арочном этаже находились лавки, во втором этаже и подвалах — склады. Фасад (рис. 25) состоял из многократно повторенной ячейки. Скромная архитектурная обработка фасада гостиного двора подчеркивает сложность убранства храмов и ратуши.

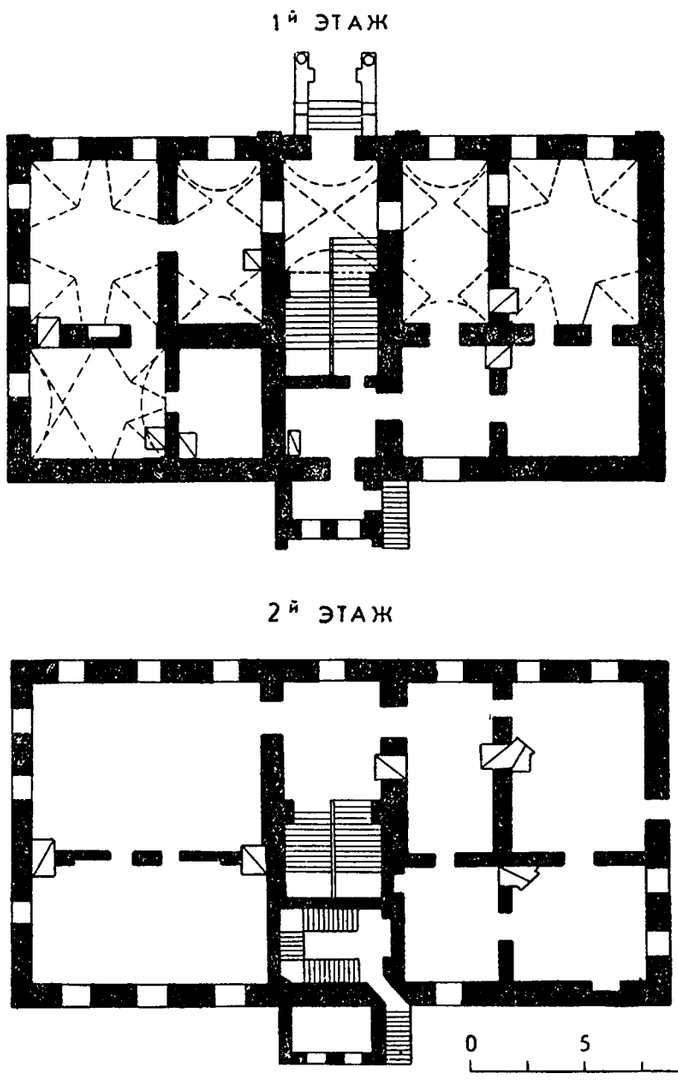
В противоположность Витебскому гостиному двору Поставский рынок господствует на площади. Он расположен на открытом месте и его видно со всех подходящих к площади улиц (рис. 26). Его архитектура поэтому получает иное звучание. Здание представляет в плане квадрат (28,5×28,5 *м*). Первоначально его наружные стены были сплошными, их прорезали лишь южные и северные ворота и незаметные окна подвала. Позднее наружные стены были пробиты многочисленными проемами и подперты контрфорсами. Над стенами, закрывающими невысокие лавки, простирается аттик, значительно увеличивающий высоту сооружения, что не только способствовало впечатлению внушительности, но и делало

более безопасным хранение товаров. Черепичная крыша за аттиком была односкатной, обращенной во двор.

Степень декоративного убранства стен повышалась снизу вверх. Над раскрепованным карнизом аттика по осям пилястр стояли вазы, на четырех углах, на пьедесталах — статуи. Наиболее украшенной частью были ворота, одинаковые на северной и южной сторонах. Контур проема имеет сложную характерную для проемов монументальных зданий форму. Контраст спокойных и насыщенных динамикой элементов подчеркнул значение проема. Две другие стороны рынка были отмечены в центре фасада сближенными пилястрами и лепным контуром проема ворот, что нарушало монотонность стены. Дворовая сторона не имела архитектурного оформления.

Ратуши. Данный период может быть представлен каменной ратушей Витебска (рис. 4, 27). Здание представляет собой как бы пьедестал высокой многоярусной башни. Башня состоит из разнообразно оформленных ярусов, высота которых динамично убывает кверху. Сооружение завершалось фигурным шлемом (не сохранился).

Планировка помещений аналогична планам ратуш и жилых домов XVII—XVIII вв.



27. Витебск. Планы ратуши, вторая половина XVIII в. Верхняя сторона чертежей обращена к площади

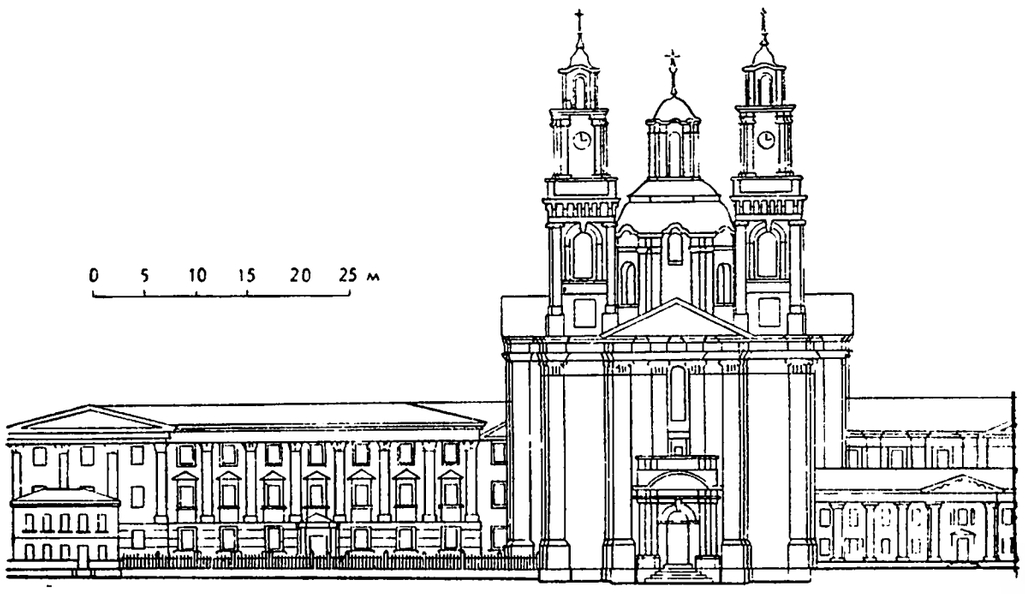
Общественные здания Белоруссии XVIII в. по составу и планировке помещений продолжают традиции предыдущего столетия. Изменения касаются в основном внешнего декора.

Культовая архитектура. Каменные костелы и униатские церкви. Северная война привела почти к полному прекращению монументального строительства. Немногочисленные здания этого периода построены в основном по принципам архитектуры второй половины XVII в. Примером может служить иезуитский костел в Полоцке (рис. 28), начатый в конце XVII в. и освященный в 1745 г. Массивные наружные объемы купольной базилики расчленены плоскими пилястрами. Между башнями находится традиционный для строительства иезуитов фронтон.

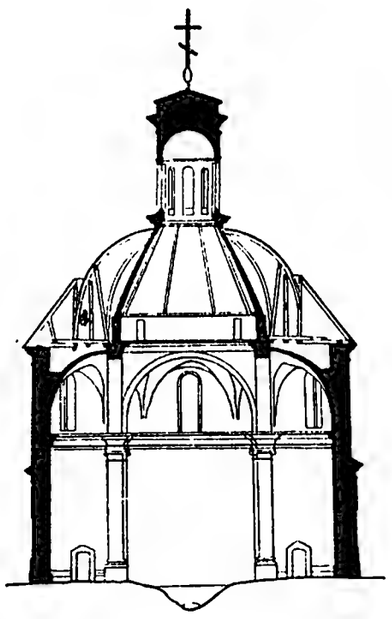
Униатские каменные храмы начала XVIII в., так же как во второй половине XVII в., представляют в ряде случаев своеобразный сплав архитектурных форм католического храма и деревянного православного зодчества, имеющего общие корни с русской архитектурой, с ее центрическими деревянными храмами. Примером является униатская монастырская церковь в Бытене, начатая строительством в начале XVIII в. и освященная в 1710 г. (рис. 29), в которой центральное пространство, завершенное шатром внутри и куполом снаружи, окружено четырьмя крестообразно расположенными помещениями. Высокая двубашенная фасадная пристройка, как ширма, закрывала более простые части здания. План имел вытянутую характерную для католических храмов форму.

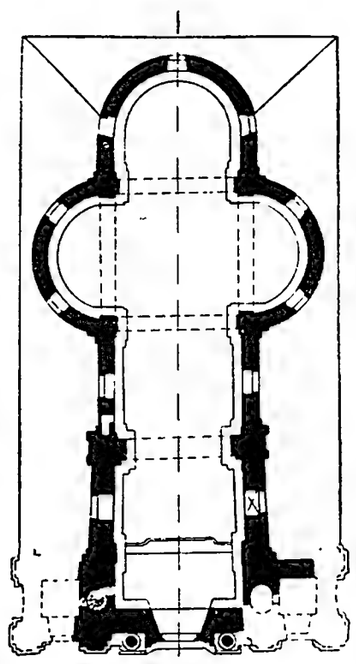
Одна из самых больших церквей этого периода — униатская монастырская церковь в Гродно (1720—1751), также имеет почти крестчатый план (рис. 30). Высокий купол композиционно дополняют завершенные фигурными шлемами колокольни у боковых ветвей. Помещенная среди кривых и узких улиц на месте старинной церкви-крепости, она является одним из памятников, определяющих силуэт города не только своими размерами, но и четкостью объемов. Лаконичным массам сооружения соответствует невысокий рельеф членений.

Стиль культового зодчества после Северной войны носит в литературе название «виленского барокко» (первым зданием этого направления был костел Якуба в

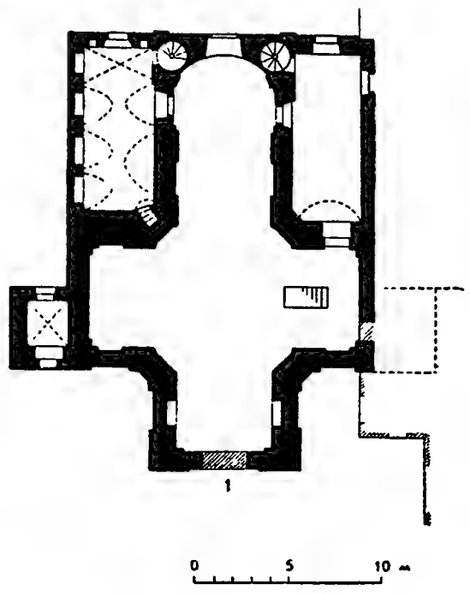


28. Полоцк. Костел иезуитов, освящен в 1745 г.





29. Бытень. Униатская монастырская церковь, начало XVIII в., освящена в 1710 г. Разрез, план



30. Гродно. Униатская монастырская церковь, 1720—1751 гг. *1* — первоначальный главный вход

Вильнюсе, 1727). Католическая реакция, достигшая наивысшего подъема в XVIII в., и застойность социально-экономической жизни страны выражаются в том, что новый вариант барокко не привел к изменению планировочной структуры культового каменного здания.

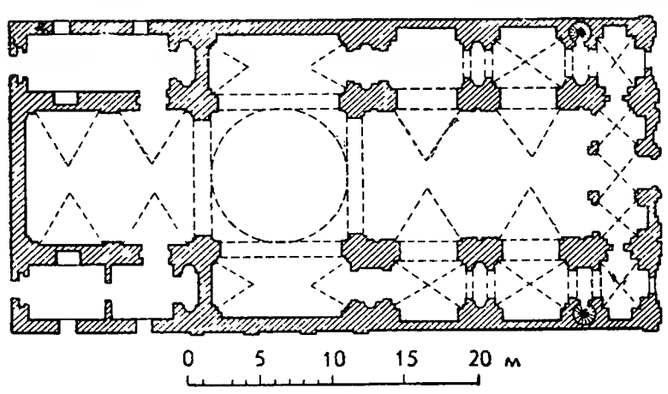
Характерно усложнение силуэта, облегчение, ажурность масс сооружения. Фасад венчается или сложным резным щипцом, или двумя стройными вытянутыми башнями. Увеличивается площадь проемов, меняется их форма. Иной становится декоративная обработка: место плоских пилястр занимают полуколонны, антаблементы искривляются, в изобилии применяется лепнина.

Наступление католической реакции выразилось также в том, что униатские храмы в основном теряют отличие от костела.

На новое архитектурное направление повлияло творчество североитальянских архитекторов позднего барокко, так как культовая архитектура Белоруссии была непосредственно связана с центром католического мира — Италией. Известно, что проекты иезуитских монастырей и костелов утверждались в Риме.

В отличие от храмов северной Италии костелы имеют значительно более стройные и вытянутые пропорции. Они могут соперничать с готическими соборами Западной Европы. Ажурность сооружений еще более увеличивается венчающими башни сложными шлемами, металлическими крестами и вазами. Вертикализм культовой архитектуры — явление, характерное именно для Литвы и Белоруссии. Украинскому барокко это не присуще.

Первым памятником «виленского барокко» в Белоруссии, в котором новое направление нашло наиболее полное выражение, был костел кармелитов в Глубоком, освященный в 1735 г. Костел является



31. Глубокое. Костел кармелитов, 1735 г. План, фасад, фрагмент

перестройкой здания 1639 г. (рис. 31), от которого сохранились две приземистые башни на заднем фасаде. В результате перестройки костел был расширен и превращен в трехнефную базилику с четырьмя башнями. Купол добавлен в 1895 г. Прежде к костелу примыкали окружающие квадратный двор огромные монастырские корпуса.

На архитектуре зданий отразился новый подход к массе сооружения: оно перестает быть рассчитанным на фасадную точку зрения, общие контуры воспринимаются как сложный силуэт среди невысокой застройки. Другой признак нового стиля — появление многоярусных пирамидальных с вытянутыми пропорциями башен на главном фасаде.

Высокий щипец между башнями еще более усложнил силуэт главного фасада. Башни возводились не только как вместилища колоколен и часов, но и как своего рода маяки католической церкви среди города и его окрестностей.

Еще одним нововведением было обогащение главного фасада декоративными деталями. Все подчинено цели создать впечатление богатства, ошеломить сплетением деталей. Ярусы фасада опоясаны ломающимися поясами профилей. Соединяющие их пилястры и колонны сгруппированы в многозвенные сращения.

В других памятниках 30-х гг. XVIII в. новое направление отразилось не в такой сильной степени. Выстроенный по проекту итальянского архитектора грандиозный иезуитский костел св. Стефана в Полоцке (осв. в 1745 г.), продолжающий в основном традиции второй половины XVII в., имеет вытянутые пропорции и высокие ярусные башни (см. рис. 28).

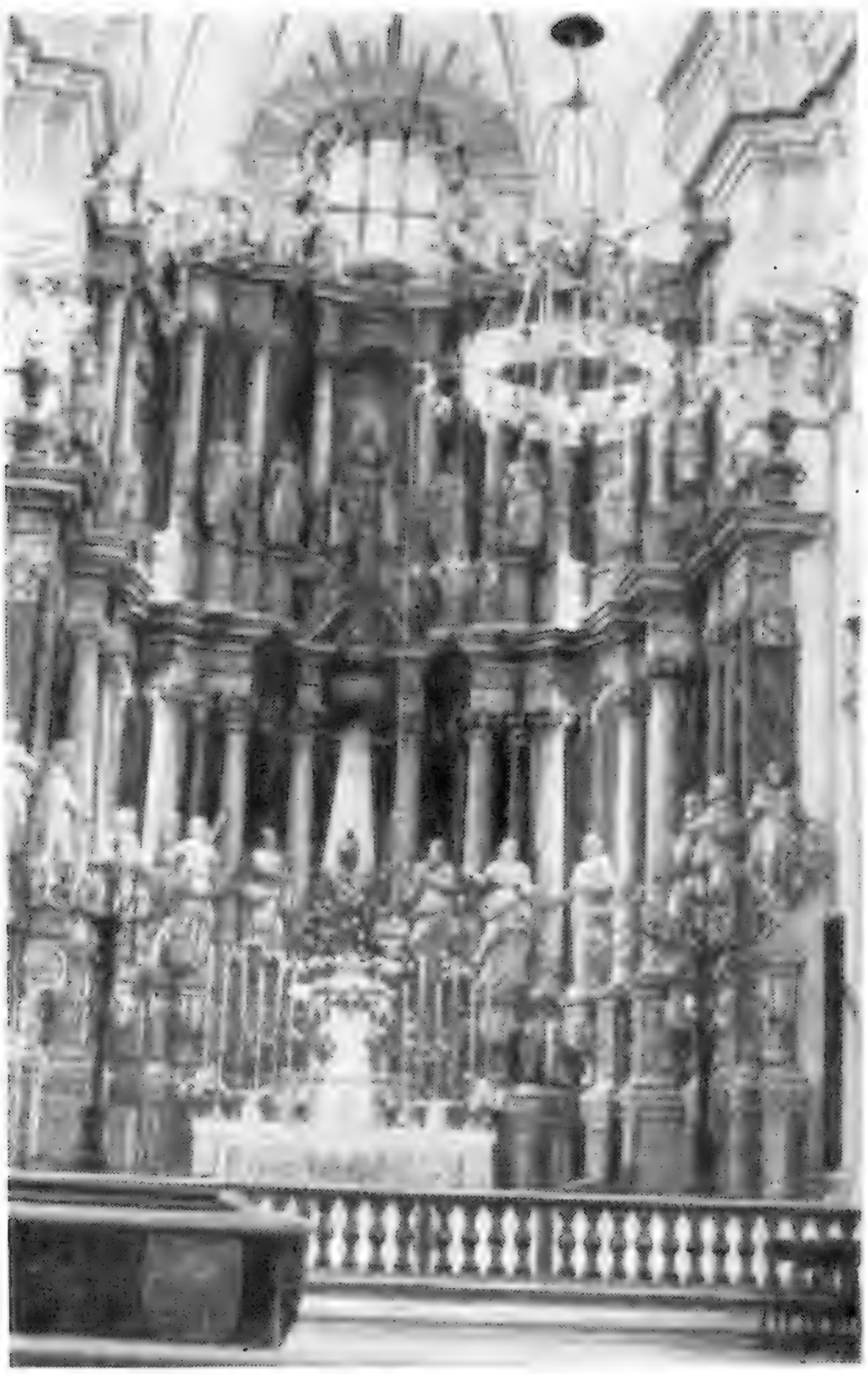
Тенденция обогащения силуэта видна и в сооружениях, подвергающихся перестройке. Два костела в Гродно — иезуитский (см. гл. II, рис. 25) и бернардинский — получают около середины XVIII в. фигурные башни со сложными шлемами.

Насыщенные пластикой формы украшают интерьеры. Замечателен резной из дерева когда-то отделанный под мрамор главный алтарь иезуитского костела в Гродно (1704—1760, рис. 32). Это как бы лес колонн с фигурами между ними. Главный алтарь дополняют алтари у промежуточных опор. Полихромия громадных картин в алтарях усиливается фресками сводов.

Алтари, более поздние, чем костел, как правило, удачно вкомпонованы в интерьер (рис. 33). Во фрески сводов включались элементы архитектуры, чтобы создать иллюзию раскрывшегося над головами неба (костел кармелитов в Могилеве, 1752).

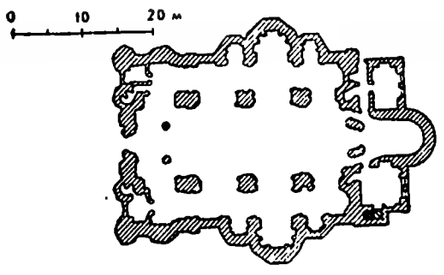
Следующим по времени после костела в Глубоком узловым памятником является униатский монастырский собор св. Софии в Полоцке (рис. 34), построенный варшавским каменщиком Блажеем Косинским в 1738—1750 гг. В отличие от костела в Глубоком собор не загромождeн деталями, в нем более последовательно проведен принцип ярусного деления фасада. Вертикали раскрепованных пилястр дают возможность зрительно начать башни с уровня земли, что сообщает им стройность. Пилястры выделяют не только боковые оси, но и центральную ось, подчеркнутую высоким щипцом главного фасада. Впервые щипец появляется также и над пресбитериумом. Это разнообразит контуры здания и уравновешивает башни главного фасада. Собор был построен на месте православного храма XI в., части которого умело включены в новое сооружение. Замечательна трехъярусная каменная алтарная преграда — переработка в камне деревянного иконостаса.

Несколько позднее возводятся две униатские монастырские церкви в Орше (осв. в 1758 г.) и в Березвечье (1756—1763), которые можно рассматривать как следующий этап в развитии нового стиля, получившего здесь наиболее полное выражение (рис. 35). Церкви — трехнефные базилики (купол оршанской церкви — позднейший). Они идентичны по компоновке, общему распределению объемов: главный фасад состоит из двух башен и центральной, завершенной щипцом части. Поперечный неф, увенчанный с каждой стороны резными щипцами, равный по высоте среднему нефу, прорезает более низкие боковые нефы. Расположенные на одном уровне щипцы, таким образом, образуют как бы корону



32. Гродно. Главный алтарь иезуитского костела, 1704—1760 гг.

33. Слоним. Главный алтарь костела бернардинок, 1756—1764 гг.



34. Полоцк. Собор св. Софии, 1738—1750 гг. Главный фасад, фрагмент иконостаса, план

здания. В более ранних сооружениях XVIII в. декор фасада по традиции XVII в. не связан с декором остальных частей. В церквах Орши и Березвечья декоративная обработка едина для всех частей. Равновесие декоративного оформления подчеркивает равновесие масс здания.

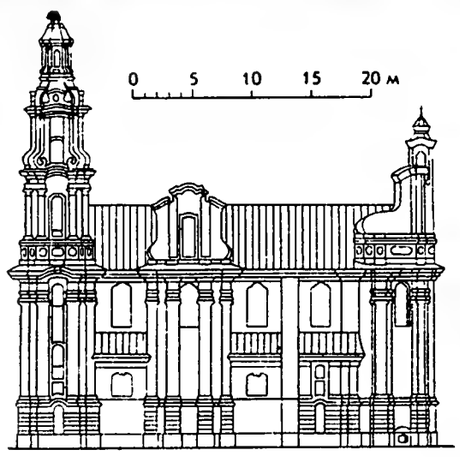
На фасадах рассматриваемых церквей впервые в архитектуре Белоруссии появляются проемы с фигурными контурами. До этого они применялись только в интерьерах (собор св. Софии в Полоцке).

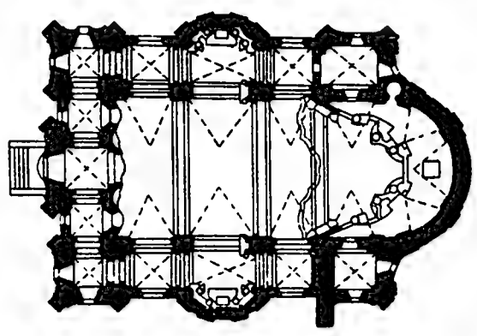
Интерьер березвечской церкви обладает большой цельностью, более равномерным распределением украшающих средств и большей компактностью. Каменный иконостас полоцкой Софии не имеет продолжения в примыкающих частях интерьера. Каменный иконостас Березвечской церкви пологими арками соединяется с аналогичными обрамлениями боковых алтарей. Ему соответствуют алтари приделов и промежуточных устоев. Раскреповки алтарей дополняются раскреповками пилястр, обрамляющих устои. Большую роль в организации интерьеров играли резные контуры проемов. Разнообразные по величине и форме резные арки пронизывают все пространство церкви. Ажурные иконостасы, открывающие взгляду расположенное за ними пространство храма, имела и украинская архитектура (храм св. Юры во Львове).

Небольшие костелы и униатские церкви сохраняют, хотя и в упрощенном виде, схему крупных сооружений. Примерами являются два приходских храма: униатская Воскресенская церковь в Витебске (1772, арх. Николай Смык) и приходский костел в Слониме (1775, рис. 36). Оба храма — однонефные сооружения с двумя ажурными башнями на фасаде. Между башнями помещается высокий шипец. Боковые стороны имеют оформление, аналогичное главному фасаду.

Униатская монастырская церковь в Борунах (1755—1770), трехнефная базилика, имеет более развитую композицию (рис. 37), так как башни-колокольни (одна осталась недостроенной) несколько отстоят от главного фасада.

Среди интерьеров небольших церквей замечателен интерьер костела в Гольшанах, представляющего собой относящуюся ко второй половине XVIII в. перестройку костела XVII в. Плоская алтарная

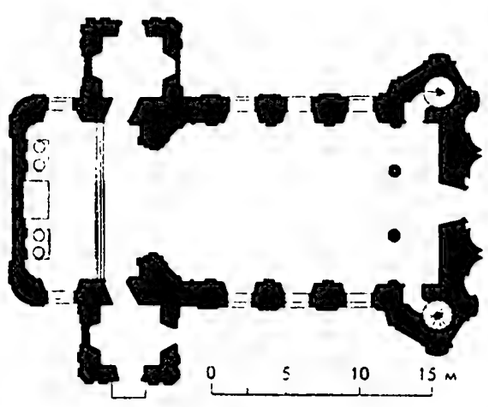




35. Березвечье. Униатская монастырская церковь, 1756—1763 гг.

часть средствами перспективной живописи превращена в большую украшенную колоннами и скульптурой апсиду (рис. 38). Фреска исполнена с таким мастерством, что даже самое близкое рассмотрение не нарушает иллюзии.

Каменные храмы-часовни также несут черты нового стиля. В 1769 г. в Жировицком униатском монастыре были выстроены Богоявленская и Крестовоздвиженская церкви (рис. 39). «Высотные» элементы первой сведены к охватывающему торец резному щипцу. Портал имеет типичный резной контур. Иногда высокий резной щипец заменял башни в крупных костелах.



36. Слоним. Приходский костел, 1775 г.

Крестовоздвиженская церковь (рис. 40) является кальварией, храмом, посвященным распространившемуся в XVIII в. обряду имитации паломничества в Иерусалим. Для стекающихся к монастырю паломников кальвария должна была казаться гол-

37. Боруны. Униатская монастырская церковь, 1755—1770 гг.

гофой — местом казни Христа. Храм расположен на холме. Внутри сделана занимающая половину храма лестница. В каждую ее ступеньку были вделаны мощи. По лестнице поднимались на коленях. На алтарной стене над лестницей была написана еще одна лестница, как бы ее продолжение, окруженная арками, ведущими к куполу, под которым находится распятие.

Две вытянутые башни храма расположены не рядом, а одна за другой по торцам здания. Башни делают заметным этот небольшой храм еще на подступах к монастырю.

К небольшим культовым сооружениям относятся каплицы. Особенно многочисленными были деревянные каплицы. Они

38. Гольшаны. Фрагмент фрески главного алтаря францисканского костела, вторая половина XVIII в.

представляли собой небольшие срубы, увенчанные главкой (рис. 41), или навесы со статуей или распятием на столбах.

Еще большее распространение получили деревянные кресты. Они имели высоту до 5 *м* и, так же как и каплицы, возводились по обету. Особенно высокими были кресты у деревенских околиц. Среди ровных полей они имели значение ориентиров.

Каменные каплицы представляли собой чаще всего массивное ярусное сооружение, на пьедестале под каменным балдахином помещалась статуя святого. Наиболее замечательна каплица св. Доминика в Слониме, поставленная доминиканцами при въезде в город, на границе своих владений, в 1745 г. (рис. 42). Она имеет вытянутые формы, ее очертания приближаются к башням костелов. Соответственно размерам сооружения детали упрощены, от сложности барокко взят лишь общий контур.

В 70—80-х гг. архитектура Белоруссии принимает формы классицизма, вначале в гражданском строительстве, в противоположность барокко. Культовые постройки еще долго сохраняют старый облик.

Деревянные костелы и церкви. Если в XVII в. деревянные костелы, возводившиеся местными плотниками, по организации плана были похожи на православные церкви, то в XVIII в. в связи с усилением католической реакции происходит изменение плана и внешнего вида деревянного костела. Костел приближается к каменному одно- или двубашенному типу, что было редким исключением в более раннее время (однобашенный костел в Медведичах, 1645). Характерен деревянный двубашенный приходский костел в Новом Мяделе (конец XVIII в., рис. 43). В приходском костеле в Слуцке между башен был щипец с изогнутым завершением. Во второй половине XVIII в. униатские церкви в ряде случаев уподобляются костелам.

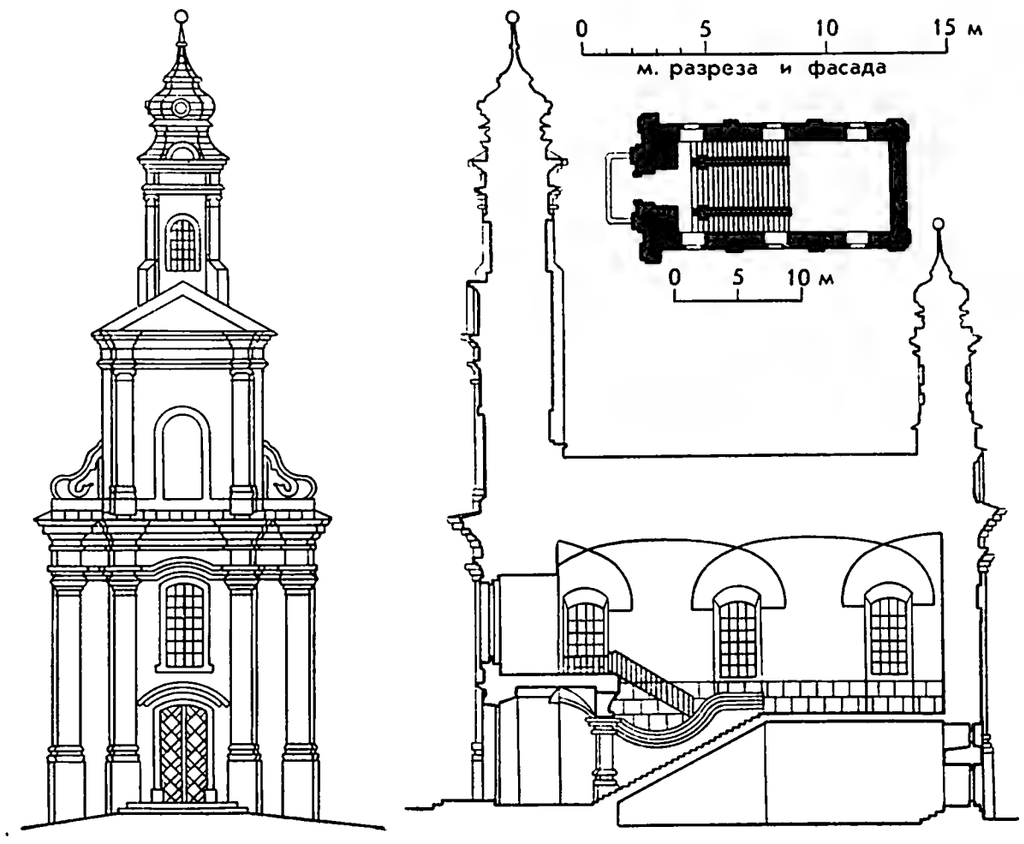
Деревянные православные церкви в течение всего периода в основном продолжают следовать традициям деревянного культового зодчества XVII в. По-прежнему строятся крещатые в плане пятичастные церкви — Воскресенский монастырский храм в Дисне (1730), церковь православного кладбища Орши (1782, рис. 45), трехчастные — церковь села Зборова, близ Рогачева (1749, рис. 44) и Георгиевская кладбищенская церковь в Давид-Городке (1724);

одночастные с прирубленным алтарем — Георгиевская церковь в Жировицах (рис. 46), Петропавловская церковь в селе Большая Изва близ Новогрудка (1737).

Деревянные монастыри не сохранились.

Каменные монастыри XVIII в. в отличие от замкнутых, загороженных стенами монастырей XVII в. открыты к городу, дают широкий доступ толпе, что объясняется усилившимся влиянием католицизма. Ограда почти не скрывает украшенные щипцами расчлененные пилястрами монастырские здания. Перед костелом и корпусами образуется широкий двор для молящихся (рис. 47). Одним из первых монастырей, где были намечены новые принципы организации зданий, был иезуитский коллегиум в Орше (с 1690).

Так же как в светском строительстве,



40. Жировицы. Крестовоздвиженская церковь, 1769 г.

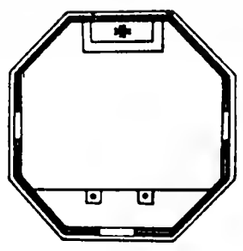
39. Жировицы. Богоявленская церковь, 1769 г.

особое значение придается воротам, превратившимся в самостоятельное сооружение. Ворота монастыря бернардинцев в Слониме (начало XVIII в.) имеют фасад, представляющий собой как бы уменьшенную копию безбашенных фасадов костелов (рис. 48). Кроме въездного проема ворота имеют по бокам пешеходные калитки.

В ряде случаев монастыри строятся без уличных оград. В первую очередь — это иезуитские коллегиумы, а также некоторые монастыри, в составе которых имелись лавки (монастырь бернардинцев в Витебске).

Архитектурная декорация зданий обычно сводится к плоским пилястрам. При значительном протяжении здания, особенно если оно обозримо издали, этот декор придает сооружению большое единство и монументальность (базильянский монастырь в Витебске, с 1743, иезуитский коллегиум в Витебске, 1716).

Самым большим монастырем в Белоруссии был иезуитский коллегиум в Полоцке (рис. 49). С 1750 г. сгоревший деревянный (каменным был только костел) монастырь отстраивается в камне. Тщательно подготовляется основание сооружения: его прорезают подземные каменные водостоки. Из-за близких грунтовых вод в стенах устанавливаются вентиляционные ходы, в подвалах — водоспуски. Трехэтажное здание монастырского корпуса, занимающее площадь 7180 $м^2$, имело в плане Е-образную форму. К Двине выходил гладкий фасад с парадным входом. Сред-



41. Дунайчичи около Клецка. Каплица, 1760 г.

ний выступ на противоположной стороне имел два этажа с трапезной на первом этаже и музеем с библиотекой во втором. К трапезной примыкала одноэтажная кухня. Остальные 105 помещений (из них 91 келья) были разделены капитальными стенами. В плане, так же как в XVII в., повторяется одна и та же ячейка — келья, что определяет и разбивку фасада здания. Перекрытия всех этажей сводчатые. Отопление — посредством теплых (с ходами для тепла) полов. Камины и печи применялись как исключение. Под всем зданием тянулись подвалы.

В 1773 г. орден иезуитов был распущен. Однако императрица Екатерина, надеясь найти в иезуитах опору, разрешает им остаться в Белоруссии. Центром своей деятельности они избирают Полоцк и начинают расширять коллегиум. Параллельно костелу строится трехэтажный флигель (закончен к 1778 г.), в котором в первом этаже находилась книжная лавка, во-втором — сначала училище, а потом типография, в третьем — театр. С другой, северной, стороны к костелу пристраивается двухэтажный флигель, изламывающийся в плане и соединяющий костел с главным корпусом. К 1780 г. здания для служб заменяются одно- и двухэтажными каменными зданиями, которые следуют очертаниям рва замка, поворачивают к югу и замыкаются двухэтажным зданием с воротами. Рядом помещалась аптека с лабораторией и сушильней для трав. Кроме хозяйственных помещений цепь построек содержала ряд мастерских (столярную, токарную, слесарную и т. д.) и суконную фабрику.

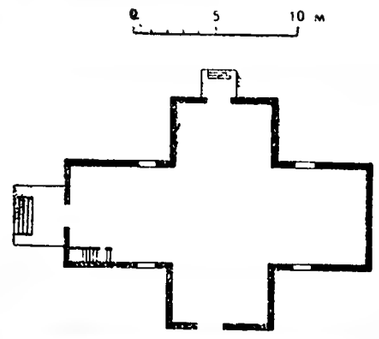
В 1785 г. в Полоцк в качестве главы ордена прибыл архитектор и математик

42. Слоним. Каплица св. Доминика, 1745 г.

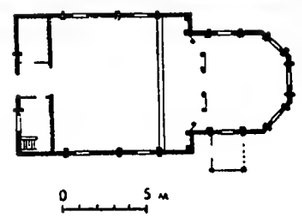
43. Новый Мядель. Приходский костел, конец XVIII в.

44. Зборово близ Рогачева. Церковь, 1749 г.

Габриель Грубер. Театральный и главный корпуса соединяются корпусом, в котором размещается картинная галерея, музей, химическая лаборатория, обсерватория и ряд кабинетов (архитектурный, физический, естественно-исторический, этнографический и пр.). Последними постройками иезуитов были два флигеля южнее аптеки, в которых было общежитие семинаристов и богадель-



45. Орша. Церковь православного кладбища, 1782 г.

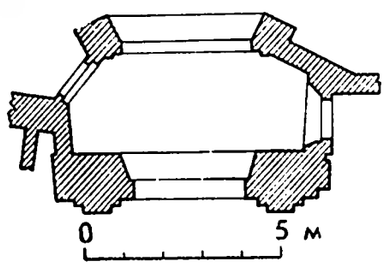


46. Жировицы. Георгиевская церковь, конец XVIII в.

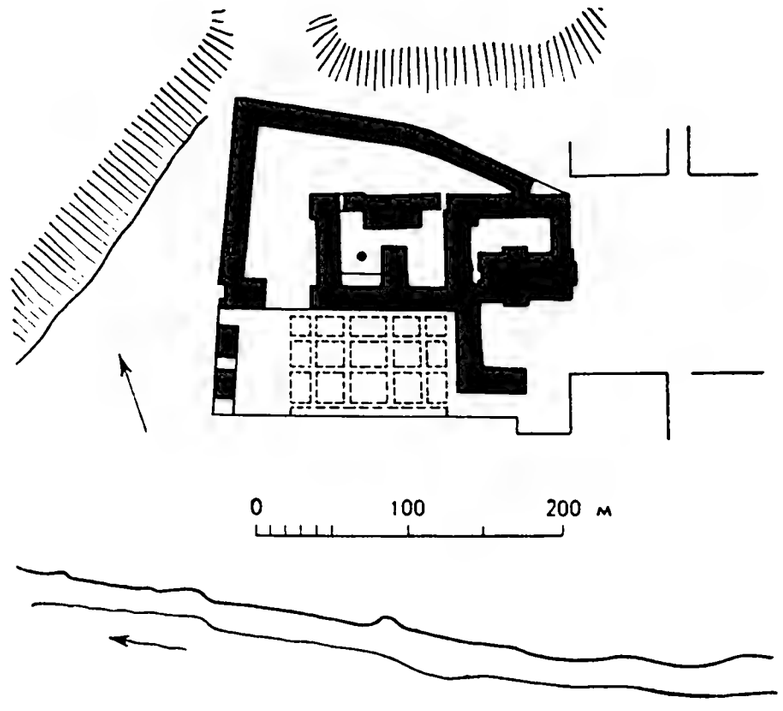
47. Пинск. Двор францисканского монастыря, вторая половина XVIII в.

ня. Южный скат холма был подперт каменной подпорной стенкой, на образовавшейся террасе разбит регулярный сад.

В 1812 г. коллегиум был превращен в иезуитскую академию наук и приравнен



48. Слоним. Ворота монастыря бернардинцев, начало XVIII в.



49. Полоцк. Иезуитский коллегиум, 1750 г. — конец XVIII в., костел, 1745 г.

к университету. Это высшее учебное заведение иезуитов представляло собой феодальный монастырский усадебный комплекс с присоединенными к нему учебными помещениями.

В противоположность замкнутым, сосредоточенным вокруг двора монастырям XVII в. главный корпус коллегиума — это величественное сооружение с длинным обращенным к открытому пейзажу фасадом. Аналогичны принципы планировки в ряде крупных монастырей XVIII в. — базильянском монастыре в Витебске, иезуитском коллегиуме там же, монастыре в Березвечье, однако некоторые монастыри часто по традиции XVII в. организованы вокруг внутреннего двора (монастырь бернардинок в Слониме, начат в 1764 г.).

Православные каменные монастыри строились как исключение. Примером является семинария и монастырь в Могилеве (60-е гг. XVIII в., арх. Ян Кристоф Глаубиц). Расположение на участке, группировка и архитектурная декорация зданий аналогичны соответствующим элементам католического монастыря.

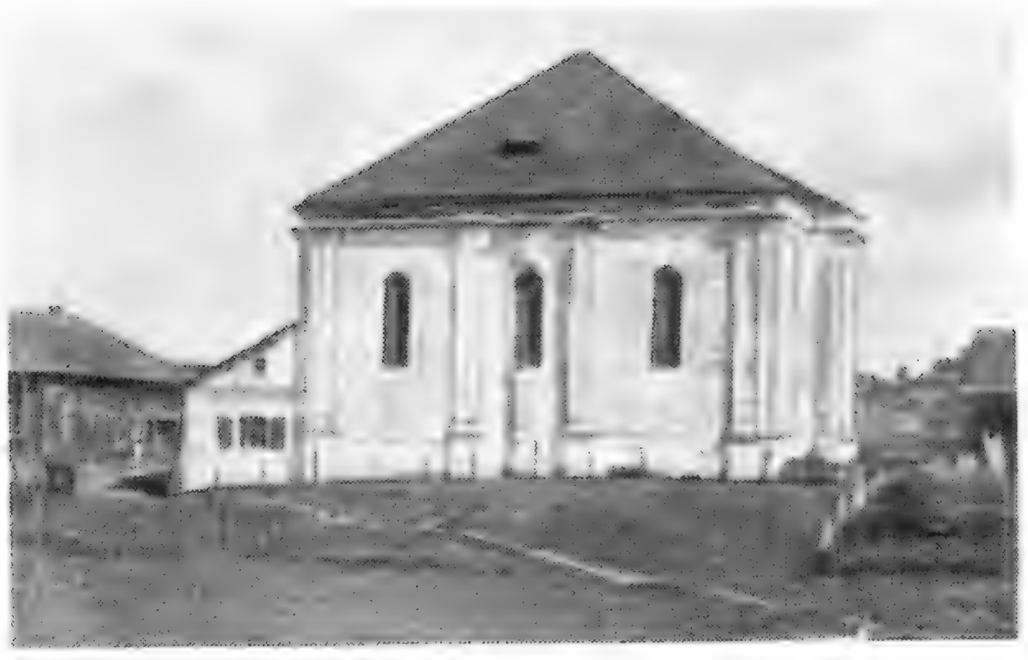
Синагоги. Как каменные, так и часто деревянные синагоги XVIII в. сооружаются по строительной схеме каменных синагог XVII в. В каменных синагогах изменяются лишь декоративные детали. Девятипольная синагога в Друе (рис. 50) расчленена плоскими раскрепованными пилястрами — мотив, общий для всего монументального строительства Белоруссии в XVIII в. В интерьере высокий, трехъярусный резной деревянный алтарь получает особое развитие.

Деревянные синагоги Белоруссии не со-

хранились, они уничтожены в последнюю войну [1].

Синагоги не представляют собой явления, чуждого строительству Белоруссии. Как детали, так и целые фрагменты этих зданий находят себе аналогию в гражданском строительстве края. Синагоги делятся на две группы. К первой относятся более сложные здания богатой общины, в которых главный зал (для мужчин) перекрыт отдельной крышей (синагоги в Гродно, Озерах, Волковыске, Олкениках). Алькежи на северо- и юго-западных углах синагоги близки башням замков. Во втором этаже они зачастую украшаются ажурными арочными галереями. Высокая многослойная крыша, более сложная, чем в жилых домах, и алькежи определяют внешний облик здания. Наружный декор сводится к резьбе карнизных досок и дощатому узору дверных полотен. Деревянной обшивке завершения интерьера придается вид купола, что характерно для барокко с его отрицанием специфики строительного материала. Для перехода от квадрата плана к восьмигранному куполу используются паруса. Грани купола волнообразно искривляются в виде как бы тканого шатра над головами молящихся. Поверхность свода расписывалась орнаментом, имеющим аналогию в узорах народных вышивок и тканей. Наиболее ранним примером сооружений этой группы является синагога в Волпе (начало XVIII в., рис. 52, *1*). Высокий главный зал, покрытый трехъярусной крышей, окружен со всех сторон, кроме восточной, где был алтарь, одноэтажными помещениями — сенями и молельнями для женщин.

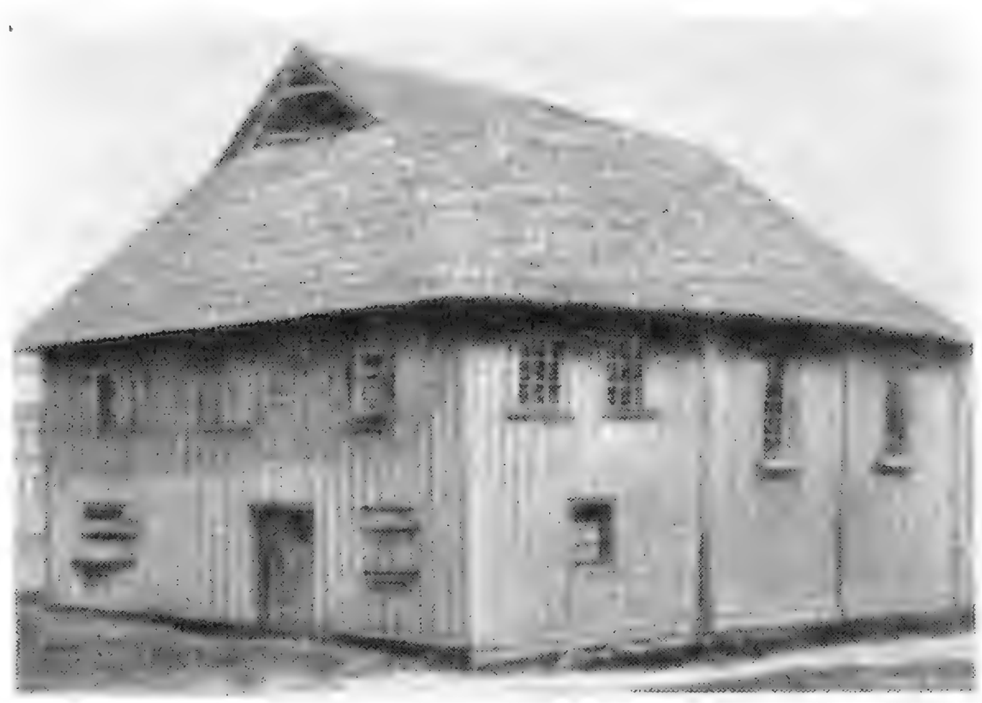
В главном зале четыре столба поддерживают высокий трехъярусный купол. Каждый ярус купола фиксирован парапетом из балясин. Высота парапета и резной доски под ним уменьшались от яруса к ярусу, отчего усиливался эффект перспективного сокращения, и зал выглядел выше, чем в действительности (один из исследователей полагал, что высота его равна 30 *м*, в натуре она была равна 14 *м*). Волнообразная дощатая поверхность купола с большим искусством вписана в систему стропил. Каждому ярусу купола соответствовали изломы крыши, в силу чего достигается



50. Друя. Синагога, 1766 г.

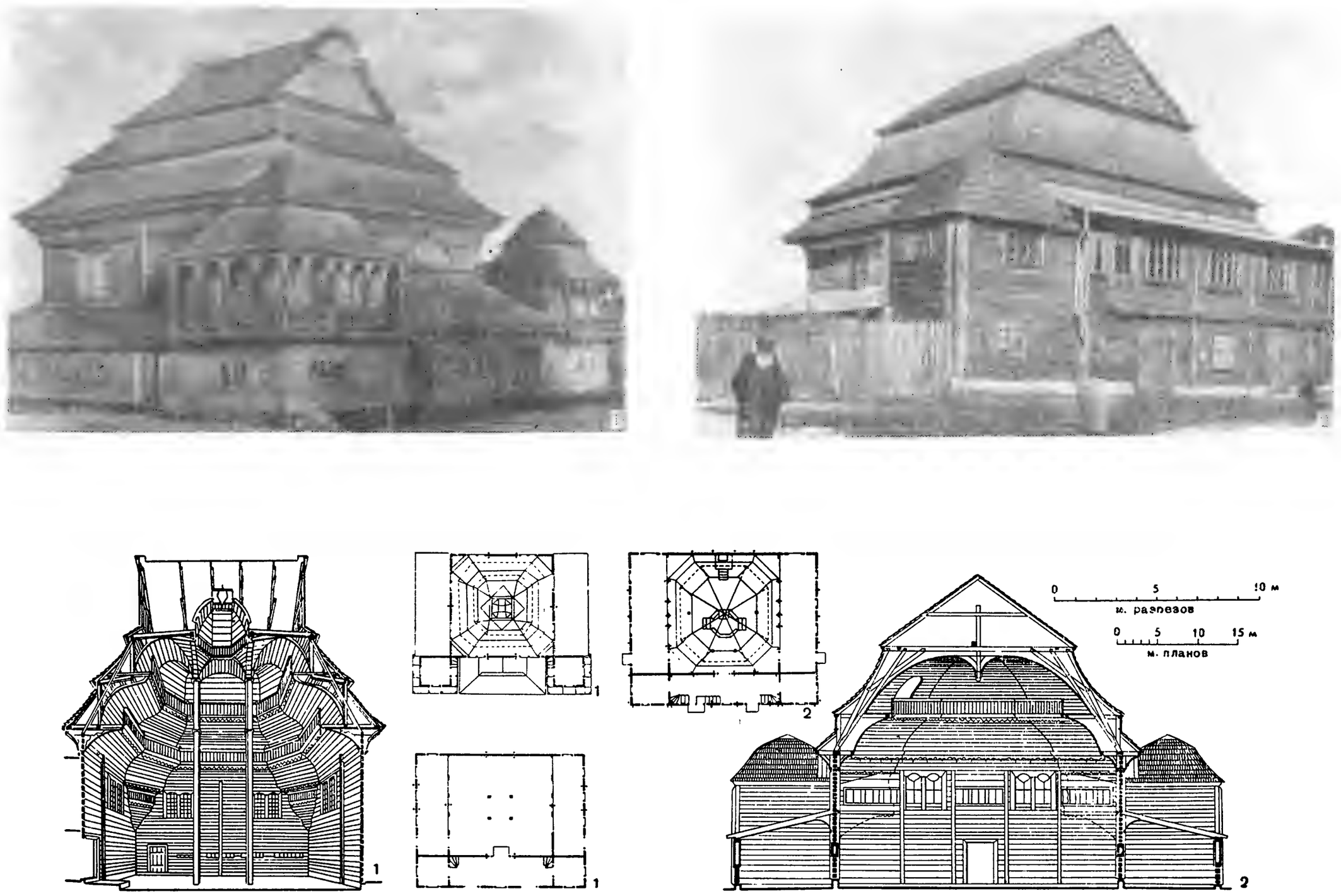
связь наружного и внутреннего пространства. Основное декоративное убранство интерьера сосредоточено на биме и алтаре, покрытых резьбой, включающей растительный и животный орнамент. Схема синагоги Волпы прослеживается и в более поздних зданиях (синагога в Олкениках, вторая половина XVIII в.).

Гораздо чаще обрешетка в центре купола опирается не на биму, а на укрепленный



51. Одельск. Синагога, вторая половина XVIII в.

[1] Материал собран главным образом в капитальной работе ученых Пехотковых. Piechotkowie M. i K. Bożnice drewniane. Warszawa, 1957.



52. *1* — Волпа. Синагога, начало XVIII в.; *2* — Гродно. Синагога, вторая половина XVIII в.

в стропильных фермах подвесок, оформленный в виде гирьки. Внутреннее пространство при этом получает более цельную центрическую форму. Самый развитый интерьер имела синагога в Гродно (вторая половина XVIII в.). Здесь двухъярусный купол над квадратным главным залом так же, как в синагоге в Волпе, иллюзорно повышается (рис. 52, *2*). В более простых сооружениях купол не имел ярусов и в разрезе представлял собой две кривые, смыкающиеся у гирьки (синагога в Сопоцкине, вторая половина XVIII в.).

Синагоги второй группы — это большие здания с высокой двускатной или вальмовой крышей, напоминающие деревенские одночастные храмы (церковь в Большой Изве). Более простой интерьер главной залы имеет цилиндрический (синагога в Одельске, рис. 51) или сомкнутый свод (синагога в Лунне).

В Белоруссии достаточно широко был распространен еще один вид культовых сооружений: мечети, которые строило татарское население, осевшее здесь еще во времена князя Витовта (ум. в 1430 г.). Ряд городов (Слоним, Новогрудок) имел целые улицы, заселенные татарами. Уцелевшие деревянные мечети, относящиеся к довольно позднему времени, представляют собой здания, ассимилировавшие как строительные конструкции, так и внешний облик местных деревянных христианских храмов. Минареты, вынесенные на фасад и не отличающиеся от деревянных колоколен, еще более усиливают это сходство (мечети в Крушинянах и Даубучишках).

Господство феодальной реакции сказалось в приостановке развития городов, в слабом гражданском строительстве, во внедрении в городскую застройку типов зданий крестьянской и помещичьей усадьбы. Новая застройка в коронных городах не ведет к изменению структуры города. Лишь

монастырские ансамбли из замкнутых противопоставленных городу комплексов превращаются в открытые, выходящие на площади и улицы сооружения. Дворцы знати ставятся, как правило, безотносительно к городу.

Основным строительным материалом остается дерево. Рядовое жилое строительство, как деревянное, так и каменное, осуществляется по традиционным планировочным схемам.

Барокко по сравнению с XVII в. приобретает новый характер.

Наиболее отчетливую стилевую характеристику получают культовые каменные здания.

Деревянные костелы по внешним контурам приближаются к каменным.

ГЛАВА 4

АРХИТЕКТУРА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX вв.

Воссоединение Белоруссии с Россией (1772—1795) было поворотом в судьбах края. Под влиянием русской экономики Белоруссия стала быстро развиваться.

Широкие градостроительные работы велись при участии русских архитекторов. Значительный круг местных мастеров окончил Петербургскую академию художеств.

Влияние русской архитектуры можно наблюдать и в некоторых постройках 70—90-х гг. XVIII в. в западных районах страны, присоединенных позднее. Определяющим видом монументального строительства здесь остается дворец магната, культовая архитектура по сравнению с архитектурой предшествующего времени теряет значение.

После воссоединения города застраиваются кирпичными зданиями, появляются большие кирпичные заводы, увеличивается количество каменщиков. Ремесленники по-прежнему организованы в цехи. При больших усадьбах работают крепостные мастера.

Магнаты приглашали мастеров из Италии, Франции и соседних стран (Джузеппе Сакко, 1735—1798, Карло Спампани, 1750—1783, Габриэль, Ян Беккер, Михаил Шульц, 1769—1815).

Градостроительство. Города восточной Белоруссии были включены в планы переустройства городов России. Проектным планам присущи черты планов русских городов. Составление планов городов можно разбить на четыре этапа: I—1778 г. — первая и самая большая партия планов (Бабиновичи, Витебск, Климовичи, Полоцк и др.); II—1800 г. — серия планов городов Минской губернии; III — первая половина XIX в. — планы городов Бреста, Минска (новый), Пинска и др.; IV — середина и вторая половина XIX в. — планы западных городов.

С конца XVIII в. определялись новые принципы проектирования, основанные на идеях классицизма. Планам, как правило, придавались формы прямоугольников или правильных многоугольников.

Проекты в основных чертах были осуществлены в первой половине и середине XIX в. Капитальная застройка: монастыри, ратуши, каменные жилые дома, а также закрепившиеся улицы и площади учитывались при переустройстве. Сложившиеся ансамбли почти всегда являлись началом композиции плана.

Небольшие города иногда переносились на новое место (Климовичи, рис. 1). Здесь принципы регулярности проведены последовательнее. Иногда регулярные планы проектировались без учета рельефа местности; они осуществлялись частично и подвергались коррективам (Чериков).

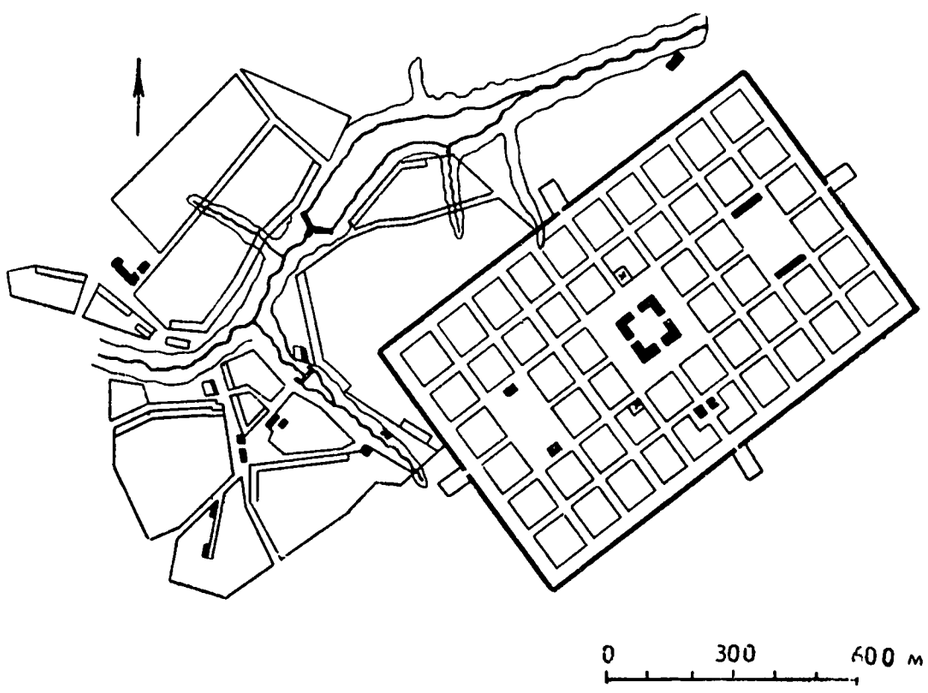
Перепланировка подчинялась интересам господствующего класса: лучшие земли отводились для административных учреждений и домов знати, беднейшее население оттеснялось к окраине и в предместья. Города разбивались на районы и кварталы с обязательными правилами застройки. На окраинах строили деревянные дома, в центре возводились каменные здания.

Композиционными осями служили главные улицы. Центральная площадь обычно размещалась в месте пересечения осей. Этим достигались не только выделение

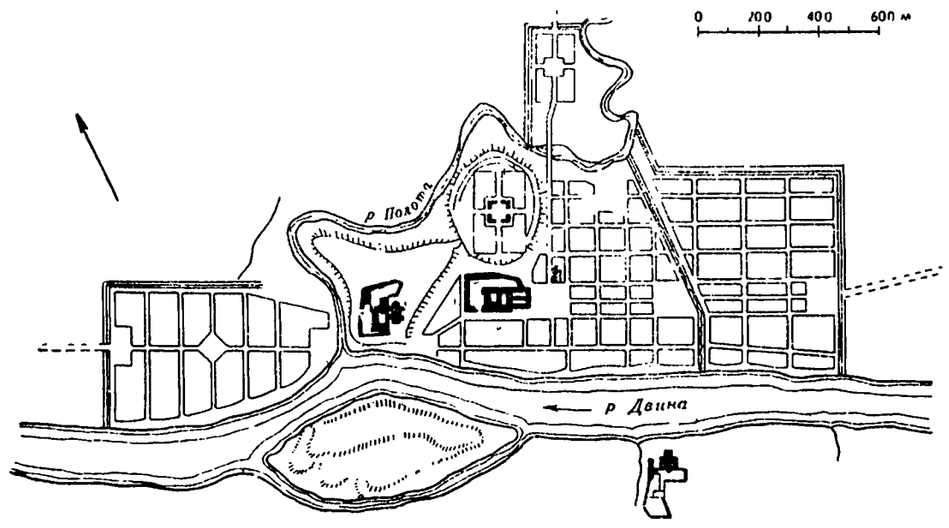
центра, но и привязка его к отдельным частям города. В больших городах проектируемый центр обычно совмещался с исторически сложившимся главным ансамблем города. Архитектура центра определялась как новой застройкой, так и монументальными зданиями предшествующих столетий, что придавало своеобразие главным площадям.

Новый план Полоцка (рис. 2) учитывал существующую уличную сеть и капитальные сооружения. Ранее сложившаяся прямоугольная сеть приобрела геометрическую четкость, чему способствовал равнинный характер территории. Упорядочение свелось к ликвидации узких улиц, укрупнению кварталов, увеличению ширины основных улиц. Особое внимание было уделено созданию центра из двух площадей, связанных тремя параллельными улицами. Средняя, главная, улица являлась осью композиции. Прямоугольная площадь перед зданиями иезуитской академии и костела (постройки впоследствии были переданы кадетскому корпусу) была главной. В ансамбль площади во второй половине XVIII в. вошли административные здания. Вторая площадь, выше по течению реки, служила торговым центром. По проекту в ее застройку вошли здания магистрата (не осуществлено), торговых рядов, склады, амбары и жилые дома. В городе было намечено устройство еще нескольких рыночных площадей для продажи сена и дров, молочных продуктов и пр.

Несмотря на излишнюю схематичность проектных планов, недостаточный учет



1. Климовичи. План, 1778 г.



2. Полоцк. План, 1778 г.

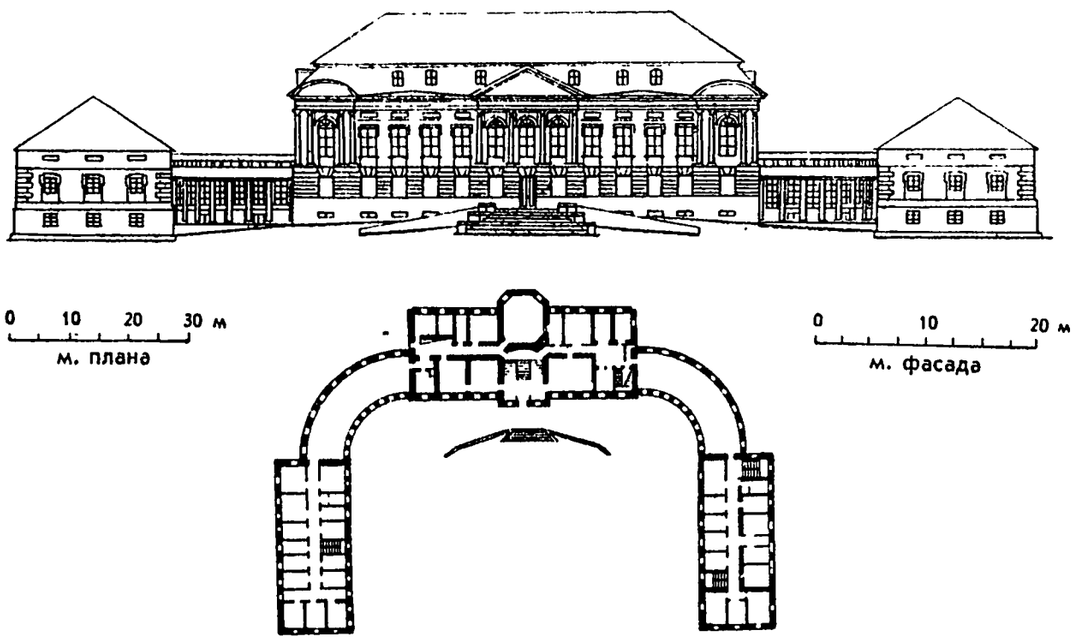
рельефа местности и перспектив развития городов, регулярная планировка была прогрессивным явлением; город планировался как единое целое, сгруппированное вокруг регулярного центра. Важно отметить массовость планировочных работ.

Дворцовое строительство. После воссоединения началось обширное строительство дворцово-усадебных комплексов дворянами, получившими от царского правительства земли в Белоруссии. Дворец занимал центральное место в композиции. К концу XVIII в. на смену регулярным приходят пейзажные парки. Многие парки больших усадеб создавались с участием русских мастеров, однако важнейшая роль принадлежала местным крепостным садоводам.

Дворцы были, как правило, симметричными зданиями, с анфиладно расположенными парадными помещениями в центре. Во второй половине XVIII в. в западных районах также формируется новый тип дворца, имеющий открытый план, связанный с окружающей природой.

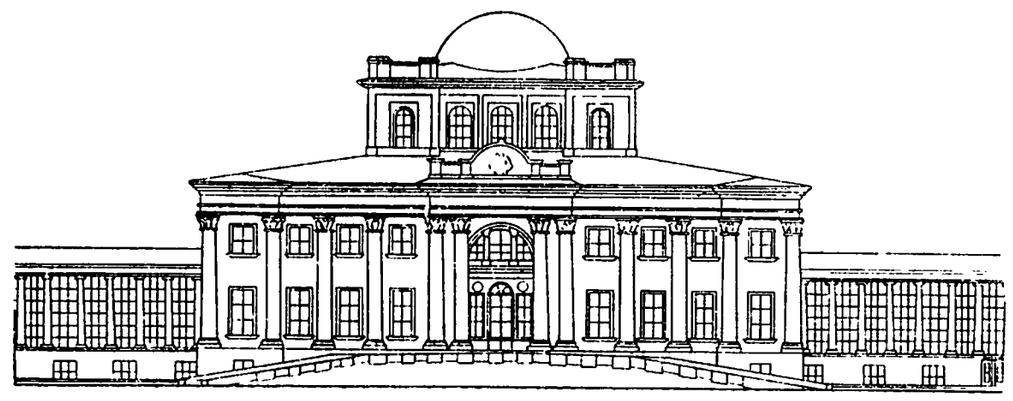
Дворец в Свяцке (1779 г., арх. Д. Сакко) расположен среди прудов и каналов, охватывающих его живописным полукольцом (рис. 3). Дворец состоит из центрального корпуса и двух флигелей, построенных позднее. Центральная, более высокая часть расположена на вершине холма. Центр подчеркивают выступ среднего ризалита, пандус, широкая лестница. Размещение более высоких парадных помещений во втором этаже обусловило выделение этого этажа на фасаде.

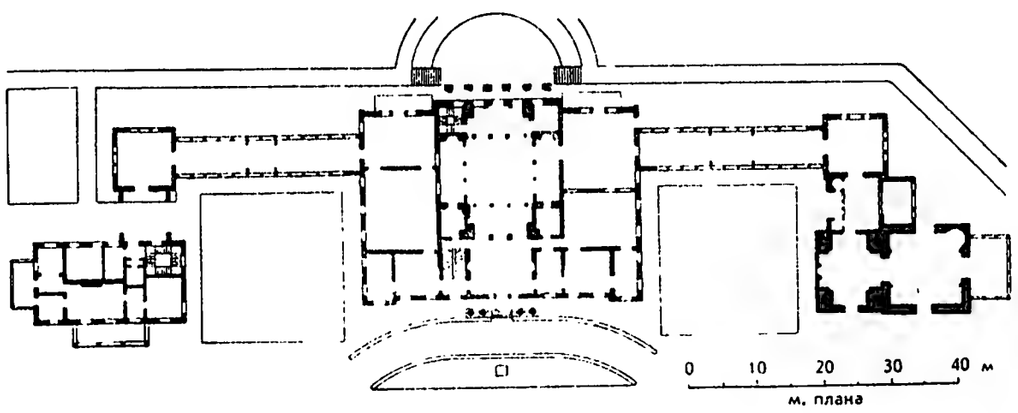
В план введены различные по форме анфиладно связанные залы и кабинеты. Оформление парадных залов второго этажа носило черты как барокко, так и классицизма. Стены главного зала украшались



3. Свяцк. Дворец, 1779 г., арх. Д. Сакко

4. Ружаны. Дворец, 1788 г., арх. Ян Беккер





5. Гомель. Дворец Румянцева, с 1785 г.

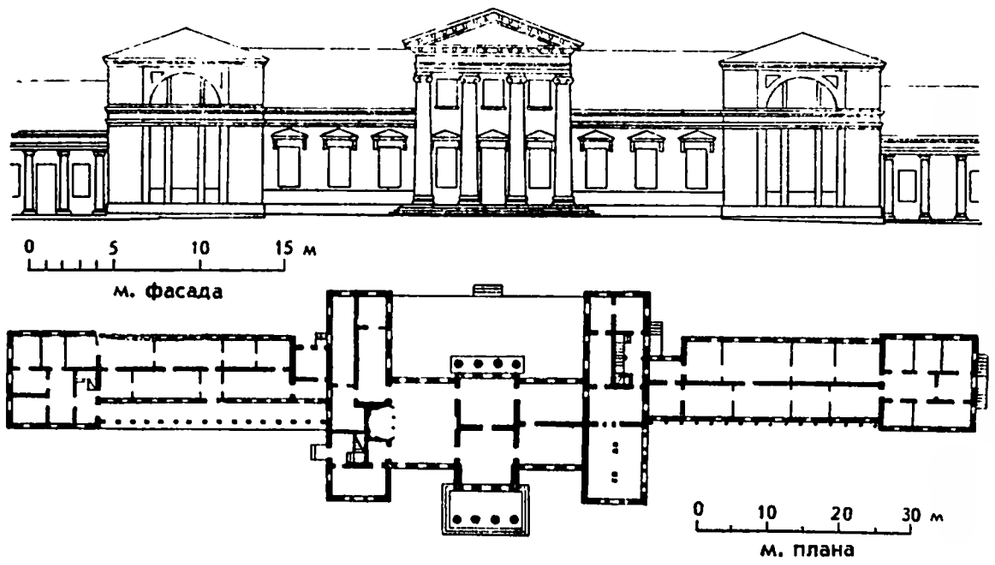
колоннами, наличники дверей изящным рельефом, в нишах стояли камины со скульптурами. Роспись стен изображала романтические пейзажи, античные статуи, вазы и пр.

Дворец в Ружанах (рис. 4) является произведенной Яном Беккером перестройкой (1788 г.) раннего здания. Дворец находится на холме над городом и состоит из главного и двух симметричных боковых корпусов. В замкнутом обширном парадном дворе основное место занимает центральный корпус, содержащий парадные помещения. На противоположной стороне высятся каменные монументальные ворота, украшенные гирляндами мореного дуба. Дерево применено и в аркаде, объединяющей дворец с корпусами.

Памятником, отразившим особенности русского классицизма, является дворец Румянцева в Гомеле (рис. 5), заложенный в 1785 г. Дворец расположен на высоком берегу Сожа. Планировка примыкающего к дворцу Гомеля свелась к двухлучевой системе улиц, обращенных к дворцу. Главный корпус — двухэтажный объем с повышенной центральной частью, завершенной куполом. В центре находится квадратный зал с гостиными в глубоких нишах. Построение плана восходит к русским дворцам. Основным элементом декорации зала являются коринфские колонны, покрытые искусственным белым мрамором. Интерьеры были украшены живописью и лепниной. В 1794—1805 гг. по бокам главного корпуса были построены галереи и павильоны. В 1837—1848 гг. сооружены павильон и многоярусная южная башня.

Грандиозный дворец Рдултовского в Снове (начало XIX в., рис. 6), несмотря на большую длину (около 140 *м*), не кажется монотонным, так как сооружение разбито на отдельные разновысотные части. В середине, в первом этаже, располагаются парадные помещения. Фасад дворца близок к фасаду дворца Потемкина в Днепропетровске (арх. И. Старов). Однако Сновский дворец более изыскан в трактовке центра и имеет более развитое построение.

Другой большой ансамбль был создан в начале XIX в. в Жиличах (рис. 7). Вначале был возведен главный П-образный корпус, позже к нему пристроили крыло с церковью. Образовавшийся двор открылся к парку. Сооружение напоминает городской дворец. В нем нет связи с примыкаю-



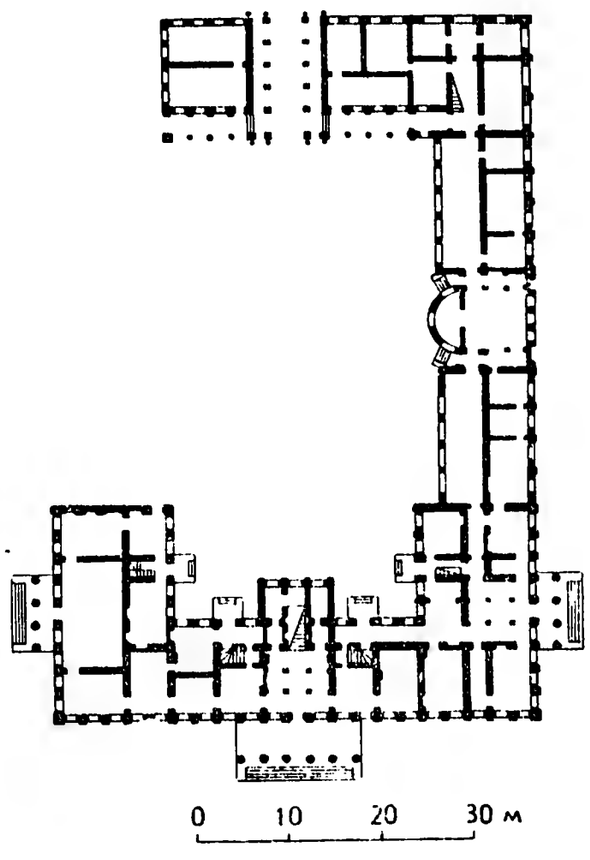
6. Снов. Дворец Рдултовского, начало XIX в.

щим поселением, как во дворцах Гомеля и Снова. Почти замкнутый комплекс является самостоятельным ансамблем.

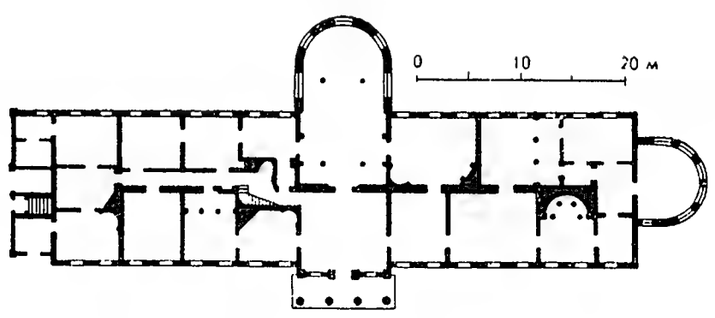
Жилое строительство. Рядовые усадебные дома тяготели к усадебным дворцам. Обычно к дому примыкали парадный двор и парк, иногда регулярный у дома. На первом этаже находились парадные помещения, на втором или антресолях — жилые комнаты.

Архитектура классицизма оказала влияние на формы деревянного зодчества. Распространились деревянные колонны, антаблементы и пр., в связи с чем изменились пропорции ордера: увеличился пролет между колоннами, утонились стволы, уменьшилась высота антаблемента, упростились профили. Деревянная обшивка стен стала имитировать каменный руст.

В небольших деревянных усадебных домах местные традиции были более устойчивыми. Здесь характерны симметричные



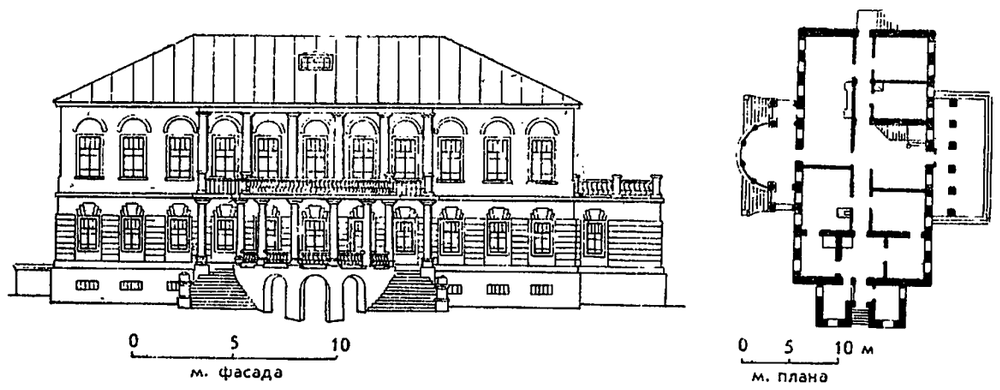
7. Жиличи. Дворец, начало XIX в.



8. Радзивиллимонты. Жилой дом усадьбы, начало XIX в.

планы, высокие крыши и скромные фасады с деревянными дорическими портиками посередине. Иногда центральная часть здания выполнялась из камня. Встречается одновременное применение дерева и камня в конструкции стен.

Дом усадьбы в Радзивиллимонтах представляет собой симметрич-



9. Хальч. Жилой дом усадьбы, начало XIX в

ный деревянный корпус, центральная часть которого частично сложена из кирпича. Внутренние стены кирпичные. Важным элементом композиции является деревянный покрашенный дорический портик. Обшивка стен имитирует руст. Белый портик хорошо рисуется на зеленоватых проросших мхом стенах (рис. 8).

Зал в центре выходит к парку. Благодаря тому что колонны смещены к стенам, зал очень просторен. Небольшой полукруглый зимний сад находится в торце дома. Впечатлению «открытости» зимнего сада способствовали не только частые большие окна. Есть основание полагать, что простенки были расписаны деревьями и цветами, что зрительно сливало помещение с парком.

Усадьба в Хальче имеет планировку, построенную по оси, проходящей через поставленное на краю обрывистого спуска к реке главное здание (рис. 9). Два одинаковых деревянных флигеля с портиками на торцах образуют перед ним парадный дворик, открытый к въезду. Дом двухэтажный; первый этаж каменный, второй деревянный. Декор имитирует каменные формы.

Планы обоих этажей одинаковы. Парадные комнаты, в том числе главный зал с выходом на террасу, занимают второй этаж.

Жилые дома в городах в ряде случаев строились по «образцовым» или повторным проектам, что облегчало строительство и способствовало ансамблевой застройке городов.

Особенно широкий размах «образцовое» строительство принимает в первой половине XIX в. В 1809—1812 гг. были выпущены альбомы проектов жилых домов, утвержденные правительством. Реализация облегчалась тем, что допускались отступления от утвержденных типов. Альбомы являлись средствами внедрения определенного комплекса художественных приемов. Широкое распространение получило и повторное строительство. В этом случае по апробированному в натуре проекту строилось несколько зданий.

Для городских рядовых домов, имеющих простой, невзыскательный декор, характерна торцовая ориентация. Под крышей размещается мансарда (рис. 10).

С XIX в. в городах появляются особняки, выходящие на красную линию улицы. Деревянный дом такого типа сохранился

в Гомеле (рис. 10, *2*). Детали имитируют каменные формы.

Рядовые деревянные дома сельского типа близки к крестьянским избам. По традиции они располагаются на узких и длинных участках, поставлены торцом к улице и отделены от нее палисадником. Вход в сени по длинной стороне. В торце располагаются обычно две комнаты, а в противоположной стороне — кладовые. Хозяйственные постройки находятся за домом, примыкая к нему, или в глубине участка. Наиболее интересными являются амбары, часто двухъярусные с галереей на квадратных столбах.

Общественные здания представлены ратушами, торговыми рядами, корчмами, разнообразными административными зданиями. Торгово-административный комплекс сохранился в Шклове (рис. 11, *1*, конец XVIII в.). К увенчанному башней зданию ратуши примыкают торговые ряды, образующие прямоугольный двор. Центральный проезд помещался под ратушей и был ориентирован на главный магазин.

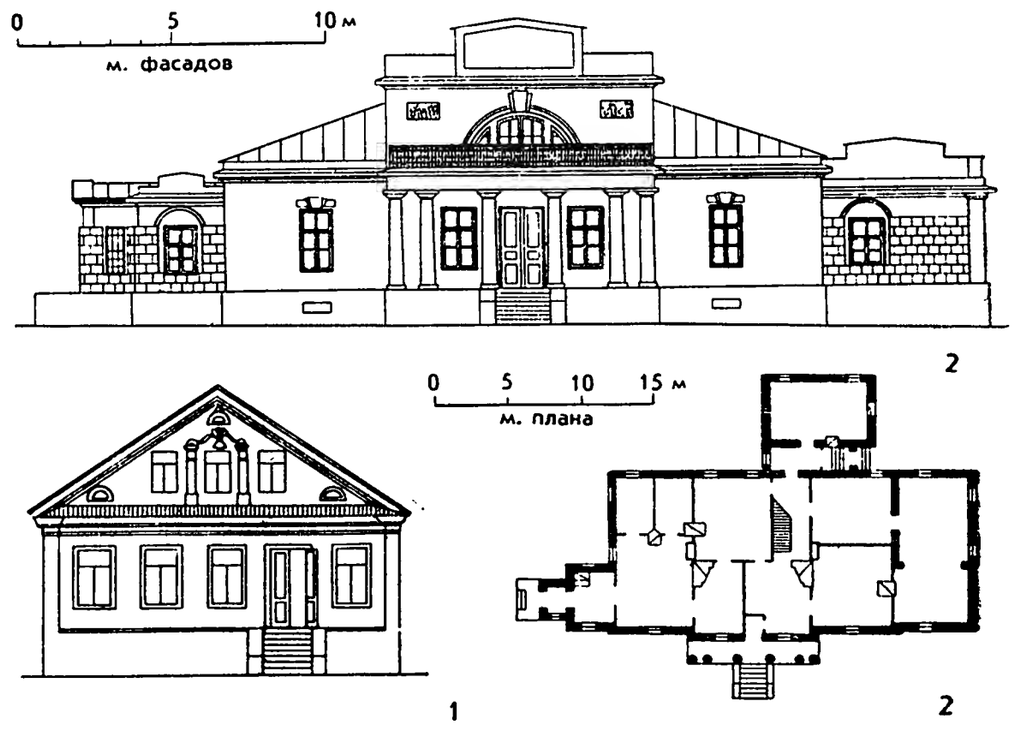
В 30-х гг. XIX в. в Новогрудке на месте деревянного рынка были построены каменные ряды (рис. 11, *2*). Два вытянутых одноэтажных корпуса стояли друг против друга. В каждом корпусе, украшенном дорическими колоннадами, фронтон выделял центр.

К тому же времени относятся каменные ряды в Лиде и Пружанах — низкие протяженные симметричные здания, поставленные в середине или по контуру площади. Фасады состояли из многократно повторенной ячейки. Как правило, торговые ряды строились в формах классической архитектуры, при этом излюбленным ордером, часто имитировавшимся в дереве, был дорический.

Деревянные торговые ряды не сохранились. Некоторые из них (ряды в Полоцке, Клецке и Давид-Городке) известны по документам. Деревянные ряды сходны с каменными. Иногда они проектировались в камне и дереве одновременно (Пружаны).

Корчмы, так же как и в предыдущий период, представляли собой простой объем, покрытый полувальмовой крышей. Со стороны главного вытянутого фасада размещался навес, который придавал зданию живописный характер.

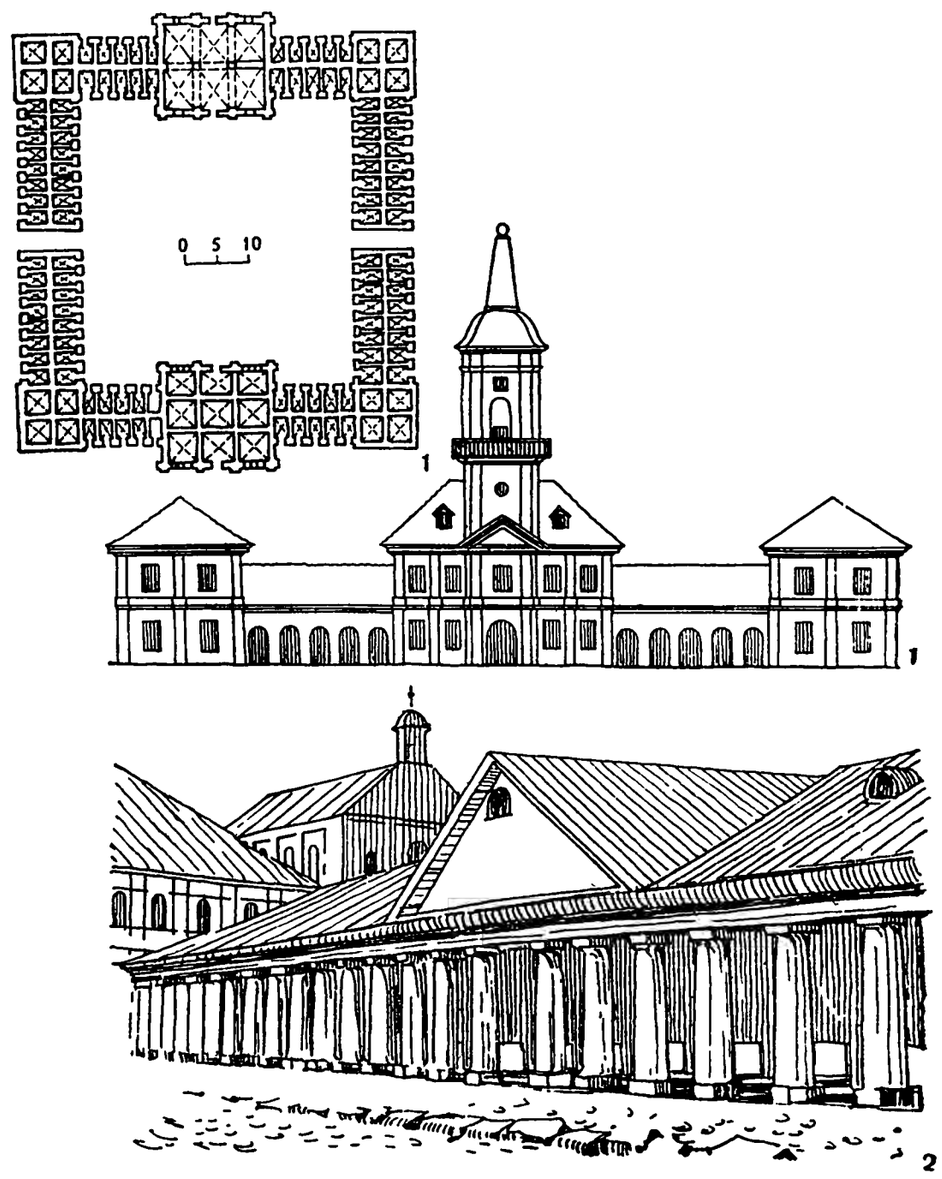
Городские постоялые дворы отличались от сельских корчм составом помещений и



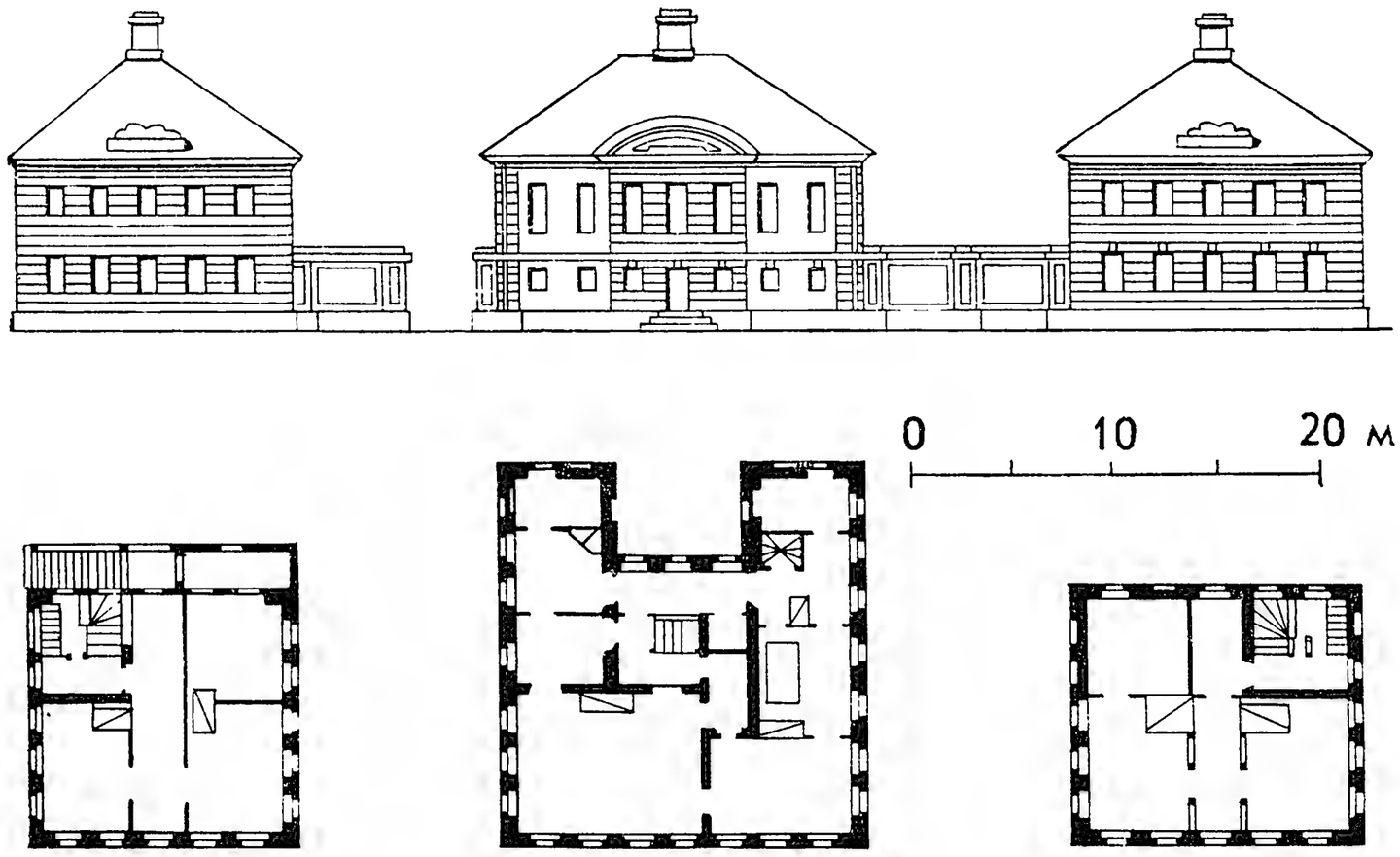
10. *1* — Новогрудок. Жилой дом на торговой площади, первая половина XIX в.; *2* — Гомель. Жилой дом, первая половина XIX в.

размерами. Въезд располагался с торцов здания, жилые помещения находились по сторонам сеней.

Корчмы обычно были деревянными. В каменных наблюдается большее разнообразие в планировке и объемном постро-



11. *1* — Шклов. Ратуша и торговые ряды, конец XVIII в. *2* — Новогрудок. Торговые ряды, 30-е годы XIX вв.



12. Казенные дома в Полоцке для губернатора, магистрата и земского суда

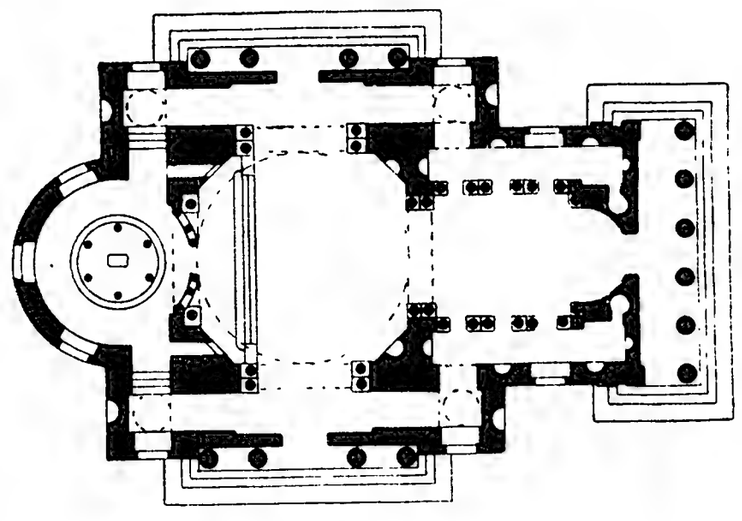
нии. Иногда жилая часть составляла отдельное здание — гостиницу. Конюшня и каретник оставались деревянными.

Другие общественные здания почти не сохранились. Следует выделить театр в Гродно, который был заложен в 1780 г. рядом с дворцом Тызенгауза. Скромная архитектура небольшого театра подчинена архитектуре дворца.

После воссоединения Белоруссии с Россией началось интенсивное строительство дорог и сопутствующих им служебных зданий. Почтовые станции создавались по принципу повторного строительства и часто занимали значительное место в населенном пункте (Кобрин).

Типовое и повторное строительство в Белоруссии в конце XVIII — начале XIX вв. применялось и для зданий административно-общественного назначения и различных складских сооружений. Здания губернского правления в Витебске, Полоцке (рис. 12), уездных управлений в Городке, Дриссе, Себеже и других городах представляли собой компактные двухэтажные дома.

В конце XVIII в. в **культовом строительстве** намечается переход к простоте и сдержанности декора.



13. Могилев. Собор св. Иосифа, 1781—1798 гг., арх. Н. А. Львов

Наиболее ранним и значительным памятником классицизма был собор св. Иосифа в Могилеве (арх. Н. А. Львов, 1781—1798, рис. 13). В основу плана был положен квадрат, к которому по оси восток — запад примкнули апсида и притвор. Отношение высоты к длине собора (1 : 2) резко отличалось от отношений, принятых в барóчных храмах. Некоторую приземистость придавал сооружению также пологий на невысоком барабане купол. Фасады строги и сдержанны. В противовес им интерьер был насыщен рельефом и живописью. Его украшали парные ионические колонны, ниши со статуями и скульптурные медальоны. Декор дополняли композиции В. Боровиковского. Интерьер был отделан искусственным полированным мрамором: светло-желтым—стены, зеленым—колонны.

Собор св. Петра и Павла в Гомеле (1809—1819, арх. Кларк) в плане имеет форму вытянутого креста. Над средокрестием возвышается купол на высоком барабане, благодаря чему сооружение родственно могилевскому собору (рис. 14). В соборе получило дальнейшее развитие сочетание портика и купола.

С конца XVIII в. широко распространилось строительство церквей в форме ротонд (костел св. Иосифа в Лиде, начало XIX в.).

Другой разновидностью центрических сооружений являются церкви в Стрешине и Славгороде. К кубическому объему церкви в Стрешине примыкают четыре одинаковых апсиды. Сооружение венчает купол.

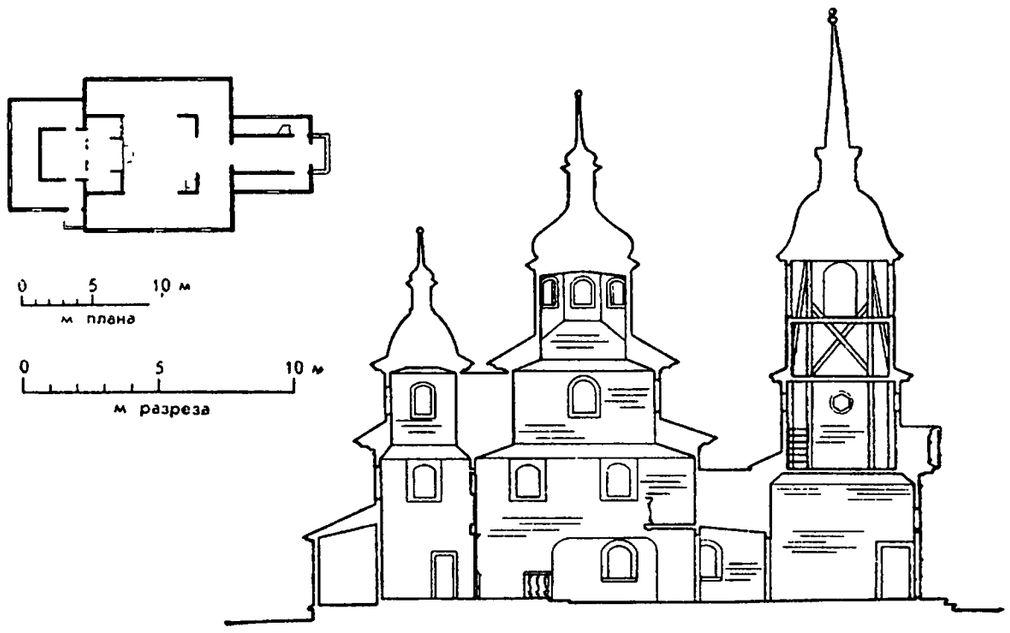
Деревянные церкви сводятся к традиционным односрубным, с алтарным прирубом, трехсрубным и пятисрубным храмам. Впечатление нарядности создавали венчающие части: шатры, купола и главки.

Церкви с одним большим сферическим куполом встречаются преимущественно в восточной части Белоруссии (в Ельске, Гомеле, Рассохах). В центральных и западных районах распространены церкви с несколькими ярусами и системой шлемовидных куполов (в Слуцке, Рубеле, Кожан-Городке).

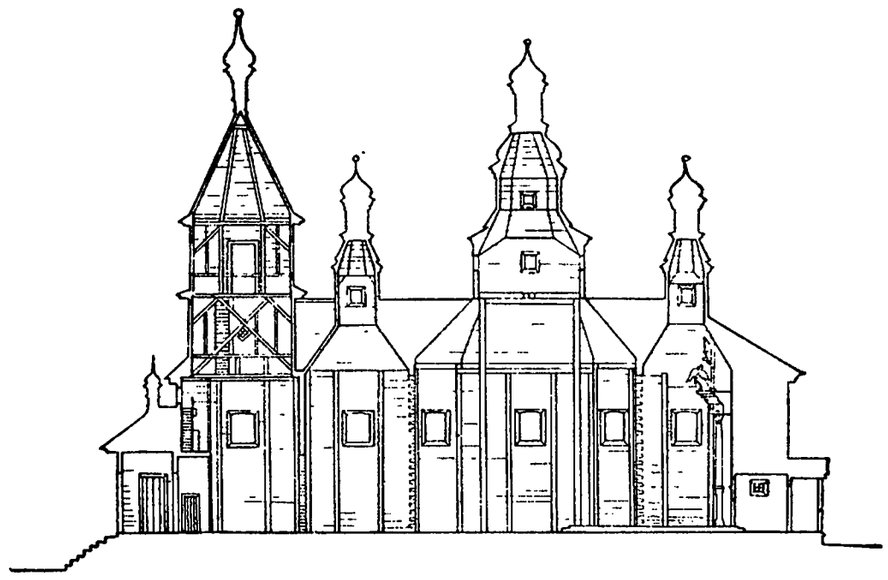
Брусчатые стены обшивались досками вертикально, горизонтально, наискось или в «елку». Часто в одном сооружении встречается сочетание разных обшивок.

Наиболее распространенным был второй тип храма, трехсрубные церкви (Михайловская в Слуцке, Ильинская в Гомеле, Крестовоздвиженская в деревне Гошево, Брестская область). Михайловская церковь в Слуцке (рис. 15) состоит из трех срубов и одноэтажной галереи, окружающей церковь. Высота шатров нарастает к западу. Силуэт покрытий, пропорции отдельных частей здания и контраст между большими

14. Гомель. Собор св. Петра и Павла, 1809—1819 гг., арх. М. Кларк



15. Слуцк. Михайловская церковь, конец XVIII в.



16. Кожан-Городок. Николаевская церковь, 1818 г.

поверхностями стен и легкими барабанами и куполами создают впечатление величия, свойственного большим деревянным церквам.

К третьему типу пятисрубных храмов относятся Николаевская церковь в Кожан-Городке (1818, рис. 16) и Троицкая церковь в Ельске (конец XVIII в.). Колокольни расположены над входами. Центрическое построение подчеркнуто средним срубом, выделяющимся размерами. Николаевская церковь богато украшена внутри резьбой и скульптурой.

В архитектуре происходит сближение приемов и форм деревянного и каменного строительства. Близки к Петропавловскому собору в Гомеле деревянные церкви Троицкая и Ильинская в Ельске.

В деревянной Троицкой церкви в Шклове материал дорических колонн, антаблемента, фронтона и стен имитирует камень. Подражание каменным формам особенно заметно во внутреннем убранстве.

В конце XVIII в. классицизм стал единственным архитектурным направлением, в духе которого создавались все сооружения. Подъем экономической и культурной жизни, наступивший после воссоединения Белоруссии с Россией, стимулировал строительство. Новые, прогрессивные идеи проникают в градостроительство и архитектуру. Массовые градостроительные мероприятия изменили планировочную структуру и художественный облик городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении шести веков архитектура России, Украины и Белоруссии прошла через три этапа, хронологические рамки которых различны для каждой из них. На первом этапе архитектура начала возрождаться после татарского нашествия, и в ней еще только зарождались национальные особенности.

На втором этапе национальные особенности достигли своего наивысшего развития, причем это было наиболее заметно в русской архитектуре второй половины XV—XVI вв., времени подъема национального самосознания всех слоев населения, вызванного свержением татарского ига и сложением могущественного национального централизованного государства, и в архитектуре Восточной Украины после 1654 г. В архитектуре Западной Украины и Белоруссии, остававшихся в составе Польши, национальные особенности были менее заметны и развивались главным образом в народном зодчестве — крестьянских избах и сельских деревянных церквах.

XVII и XVIII вв. были временем наступления третьего этапа развития, когда архитектура России, Украины и Белоруссии стала сближаться как между собой, так и с архитектурой западноевропейских стран. На первых двух этапах города развивались еще на единой древнерусской основе, но в русских городах господствовал кремль, возле которого располагался торг, что обусловило господство радиальной системы планировки. В украинских и белорусских городах, кроме замка, заменившего кремль, возник второй центр — рыночная площадь с ратушей и городским собором. На третьем этапе, с конца XVIII в., как русские, так и украинские (кроме Западной Украины) и белорусские города реконструировались по регулярным планам, разрабатывавшимся в Петербурге.

Наряду с общими с Россией типами зданий (таких как сельский и городской жилые дома, городские и монастырские укрепления и православная соборная, монастырская и приходская церкви) на Украине (особенно Западной) и в Белоруссии появились феодальные замки, ратуши, католические костелы, синагоги, церкви-крепости. С конца XVIII в. типы городского и усадебного дворца на Украине и в Белоруссии все более сближались с русскими, а административные здания, учебные заведения и т. п. строились одинаково по всей империи, нередко по типовым проектам.

И в области строительной техники одинаковым для России, Украины и Белоруссии приемам возведения рубленых стен и покрытий деревянных зданий и кирпичным цилиндрическим и сомкнутым сводам и куполам на световых барабанах сопутствовали свойственные только русской архитектуре кирпичные шатры и крещатые своды или специфически украинские приемы перехода от четвериков к восьмерикам и между восьмериками каменных церквей. Некоторые конструктивные особенности украинских и белорусских построек XV—XVI вв. — стрельчатые арки, нервюрные (а в Белоруссии и сотовые) своды и уступчатые контрфорсы — говорят об усилении связей с Западом. На третьем этапе развития кирпичные купола большего пролета, сложные деревянные висячие стропила,

подвесные потолки и мостовые фермы применялись в России, на Украине и в Белоруссии.

Уже в древнерусской архитектуре XII — начала XIII в. ясно обозначились национальные особенности, отличавшие ее от архитектуры соседних народов и получившие дальнейшее развитие в XIV—XVII вв. Это был русский стиль с разнообразными местными вариантами.

Так же сильно были выражены национальные особенности и в архитектуре Левобережной Украины и Киева XVII— середины XVIII вв., где декоративные элементы Возрождения и барокко в их польской трактовке подчинялись местным художественным традициям.

В Белоруссии и Западной Украине в XV—XVI вв. были созданы своеобразные центрические церкви-крепости, где местные черты сочетались с готическими и романскими. Во второй половине XVI—XVII вв. в каменной архитектуре господствовали Возрождение и барокко, не уничтожившие ее национальных особенностей, позволяющих говорить о местных вариантах этих стилей.

О русском барокко можно говорить лишь с XVIII в., но именно как о русском, подобно русскому классицизму второй половины XVIII— начала XIX в., наделенному большим национальным своеобразием. Эти стили говорят не об утрате русской архитектурой ее национального характера, но лишь об усилении экономических и культурных связей России с другими странами, приведших к появлению в ней черт этих общеевропейских стилей, к которым каждая страна пришла своими путями и трактовала их по-своему. В русском барокко особенно следует отметить сочетание богатого убранства фасадов и интерьеров с рациональностью планировки и четкостью объемов, облегчившими переход к классицизму. Классицизм в России совпал по времени с необычайным расцветом градостроительства, своими масштабами далеко превзошедшего градостроительство Западной Европы. В это время в России появился ряд архитектурных ансамблей с простыми и строгими формами зданий. То же относится и к архитектуре Украины и Белоруссии конца XVIII — начала XIX вв., где, как и в России, классицизм господствовал до 1830—1840-х гг.

В русских, украинских и белорусских постройках XIV—XVI вв., а отчасти и XVII в. композиция зданий и формы их деталей имели самобытный и цельный характер. Позднее такое единство сохранилось в народной архитектуре. В работах архитекторов-профессионалов XVIII — первой половины XIX в. с большим искусством сочетались новое назначение зданий и различные строительные материалы с ограниченным числом «канонических» композиций и форм. Но в позднем классицизме в одинаковых приемах построения зданий разного назначения, в несоответствии канонизированных фасадов изменяющимся планам и в выполнении одинаковых форм в различных строительных материалах уже наметился разрыв между функциональной, конструктивной и художественной сторонами архитектуры, подготовлявший пути будущему стилизаторству и эклектике.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ЛИТЕРАТУРА

АРХИТЕКТУРА РОССИИ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Бунин А. В. История градостроительного искусства. М., 1935.

Всеобщая история архитектуры. Краткий курс, т. I—II. М., 1958—1963.

История русской архитектуры. Изд. 2-е. М., 1956.

История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, т. I—III. М., б. г.

История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. Н. Лазарева и В. С. Кеменова, т. I—VIII. М., 1954—1963.

Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

Историческая выставка архитектуры 1911 г. Спб., 1912.

Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

Очерки истории строительной техники России XIX — начала XX в. М., 1964.

Памятники древнерусского искусства, вып. 1—4. Спб., 1908—1912.

Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1958

Рихтер Ф. Ф. Памятники древнего русского зодчества. Тетр. 1—4. М., 1851—1854.

Русское зодчество, вып. 1—6, М., 1953; вып. 7, М., 1957.

Суслов В. В. Памятники древнерусского зодчества, вып. 1—7. Спб., 1895—1901.

Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Л.—М., 1953.

Шквариков В. А. Планировка городов России XVII — начала XIX в. М., 1954.

Глава 1

Борисевич Г. В., Тюрин В. П., Чистяков Г. П. Опыт реконструкции деревянной жилой застройки древнего Новгорода. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 15. М., 1963.

Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. В кн.: «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964.

Жилище древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. IV. М., 1963.

Каргер М. К. Новгород Великий. Л.—М., 1961.

Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М., 1962.

Максимов П. Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 12. М., 1960.

Спегальский Ю. П. Псков. Л.—М., 1963.

Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, т. II. XIII—XV столетия. М., 1962.

Максимов П. Н. К характеристике памятников московского зодчества XIV—XV вв. В кн.: «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 12. М.—Л., 1949.

Огнев Б. А. Некоторые проблемы раннемосковского зодчества. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 12. М., 1960.

Глава 2

Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, т. II. XIII—XV столетия. М., 1962.

Максимов П. Н. К характеристике памятников московского зодчества XIV—XV вв. В кн.: «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 12. М.—Л., 1949.

Огнев Б. А. Некоторые проблемы раннемосковского зодчества. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 12. М., 1960.

Глава 3

Власюк А. И. О работах зодчего Алевиза Нового в Бахчисарае и в Московском Кремле. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 10. М., 1958.

Раппопорт П. А. Русское шатровое зодчество конца XVI в. В кн.: «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12. М., 1949.

Рзянин М. И. Иван Великий. М., 1946.

Роговин Н. Е. Церковь Вознесения в Коломенском (XVI в.) М., 1942.

Соболев Н. Н. Василий Блаженный (Покровский собор). Под ред. Д. П. Сухова. М., 1949.

Чиняков А. Г. О некоторых особенностях древнерусского градостроительства. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 12. М., 1960.

Шенников А. А. Крестьянские усадьбы в XVI—XVII веках. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 14 и 15. М., 1962 и 1963.

Глава 4

Брайцева О. И. Новые конструктивные приемы в русской архитектуре конца XVII — начала XVIII в. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 12. М., 1960.

Гольденберг П. и Гольденберг Б. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX веков. М.—Л., 1935.

Машков И. П. Архитектура Новодевичьего монастыря в Москве. М., 1949.

Подключников В. Н. Три памятника XVII столетия. М., 1945.

Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII века. М.—Л., 1963.

Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

Тельтевский П. А. Зодчий Бухвостов. М., 1960.

Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966.

Глава 5

Аркин Д. Е. Русский кодекс-трактат XVIII в. «Должность архитектурной экспедиции». В кн.: «Архитектурный архив», сб. 1. М., 1946.

Аркин Д. Е. Растрелли. М., 1954.

Денисов Ю. М., Петров А. Н. Зодчий Растрелли. Л., 1963.

Бондаренко И. Е. Архитектурные памятники Москвы, вып. 2—3. М., 1905.

Михайлов А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954.

Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955.

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. Л.—М., 1950.

Русская архитектура первой половины XVIII века. Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1954.

Глава 6

Безсонов С. В. Крепостные архитекторы. М., 1938.

Белехов Н. Н., Петров А. Н. Иван Старов. М., 1950.

Белецкая Е. А. Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова. М., 1956.

Белецкая Е. А., Крашенинникова Н. Л., Чернозубова Л. Е., Эрн И. В. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX веков. М., 1961.

Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961.

Власюк А. И., Каплун А. И., Кипарисова А. А. Казаков, М., 1955.

Гримм Г. Г. А. Н. Воронихин. Чертежи и рисунки. М.—Л., 1952.

Кириченко Е. И. Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770-е—1830-е гг.). В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 14. М., 1962.

Крашенинникова Н. Л. Ансамбль Голицынской больницы. М., 1955.

Крашенинникова Н. Л. и Тельтевский П. А. Дом Пашкова. М., 1957.

Михайлов А. И. Баженов. М., 1951.

Ощепков Г. Д. Архитектор Томон (1751—1813). М., 1950.

Панов В. А. Архитектор А. Н. Воронихин. М., 1937.

Синявер М. М. Адмиралтейство. М., 1948.

Талепоровский В. Н. Кваренги. М., 1954.

Талепоровский В. Н. Чарльз Камерон. М., 1939.

Тихомиров Н. Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955.

Харламова А. М. «Золотые комнаты» дома Демидова. М., 1955.

Харламова А. М. Колонный зал Дома Союзов. М., 1954.

Харламова А. М. К истории развития русского сельского зодчества. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 15. М., 1963.

Глава 7

Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX в. Свердловск, 1960.

Бондаренко И. Е. Архитектурные памятники Москвы, вып. I. М., 1904.

Будылина М. В. Планировка и застройка Москвы после пожара 1812 г. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 1. М., 1951.

Иконников А. В. Планировочные традиции в народном зодчестве. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 14. М., 1962.

Никитин Н. П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л., 1939.

Пилявский В. И. Зодчий Росси. М. — Л., 1951.

Пилявский В. И. Зодчий Стасов. М.—Л., 1963.

Прибыткова А. М. Первые металлургические заводы на Алтае. В кн.: «Архитектурное наследство», сб. 15. М., 1963.

Покровская З. К. Архитектор О. И. Бове. М., 1964.

Тарановская М. З. Ансамбль площади Островского, улицы Зодчего Росси и площади Ломоносова в Ленинграде. Л., 1962.

Тарановская М. З. Здание академического театра имени А. С. Пушкина (б. Александринский) в Ленинграде. Л., 1956.

Тарановская М. З. Публичная библиотека и павильоны Аничкова дворца. Л., 1957.

Глава 8

Бенуа А. Н. и Лансере Н. Е. Дворцовое строительство Николая I. В кн.: «Старые годы. 1913 г. июль — сентябрь».

Оль Г. А. Архитектор А. П. Брюллов. Л.—М., 1955.

Торжественное чествование 29 октября 1901 года столетней годовщины со дня рождения академика архитектуры Михаила Дормидонтовича Быковского. М., 1903.

АРХИТЕКТУРА УКРАИНЫ

Бессонов С. Архитектура Западной Украины. М., 1946.

Драган Михайло. Українські дерев'яні церкви. Львів, 1937.

Ернст Ф. Українське мистецтво XVII—XVIII вв. Київ, 1950.

Логвин Г. Архітектурний комплекс в Зимно. Зб. Архітектурні пам'ятники». Київ, 1957.

Нариси історії архітектури Української РСР (дожовтневий період). Київ, 1928.

Павлуцкий Г. Древности Украины, вып. I. Деревянные и каменные храмы. Киев, 1919.

Січинський В. Вежа і дім Корнякта у Львові. Львів, 1935.

Січинський. В. Сутківська твердиня. Львів, 1929.

Сіцінський. С. Оборонні замки західного Поділля XIV—XVII ст. Київ, 1949.

Холостенко М. Архітектура України XIV—XVII ст. «Архітектура Радянської України», 1940, № 8.

Юбилейное издание в память 300-летия основания Львовского Ставропигийского братства, т. 1. Львов, 1888.

Юрченко П. Дерев'яне зодчество України. Київ, 1955.

Юрченко П. Кам'янець-Подільська фортеця. Зб. «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1957.

Яблонский Д. Порталы в украинской архитектуре. Киев, 1950.

Losinski W. Sztuka Lwowska w XVI—XVII wieku. Lwow, 1898.

Mańkowski. Lwowskie kościoly barokowe. Lwow, 1932.

АРХИТЕКТУРА БЕЛОРУССИИ

Егоров Ю. А. Градостроительство Белоруссии. М., 1954.

Институт строительства и архитектуры. Минск. Сборник научных работ, вып. 1—5. Минск, 1958—1961.

Иодковский И. И. Замок в Мире. «Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при имп. Московском археолог. об-ве», т. 6. М., 1915.

Иодковский И. И. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси. «Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при имп. Московском археолог. об-ве», т. 6. М., 1915.

Кацер М. С. Белорусская архитектура. Минск, 1956.

Квитницкая Е. Д. Архитектура Белоруссии 14—18 вв. «Искусство стран и народов мира», т. 1. М., 1962.

Квитницкая Е. Д. Планировка Гродно XVI—XVIII вв. В кн.: «Архитектурное наследство», [сб.] 17. М., 1965.

Квитницкая Е. Д. Строительство Тызенгауза в Гродно. В кн.: «Архитектурное наследство», [сб.] 11. М., 1958.

Сапунов А. Витебская старина, т. 5. Витебск, 1888.

Чантурия В. А. Архитектура Белоруссии конца XVIII — начала XIX века. Минск, 1962.

Gürtler R. Roboty konserwatorskie na górze zamkomei w Nowogródku. «Ohrona zabytków sztuki», zesz. 1—4, cz. 1, Warszawa, 1930—1931.

Hedemann O. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934.

Piechotkowie M. i K. Bóznice drewniane. Warszawa, 1957.

Morelowski M. Zarysy syntetyczne sztuki Wileńskiej od gotyku do neoklasycyzmu. Wilno, 1939.

Tatarkiewicz Wł. Świack. Warszawa, 1937.

Taurogiński B. Z. dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937.

Wojciechowski J. Stary zamek w Grodnie. Warszawa, 1938.

2. УКАЗАТЕЛЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПО МЕСТУ ИХ НАХОЖДЕНИЯ

А

Авчурино.
Усадьба. Мельница, 256
Александров (Александрова слобода)
Монастырь Успенский. Кельи, 109
Церковь-колокольня, 90, 147
Александров-Свирский монастырь.
Собор Троицкий, 135
Александровск.
Планировка, 424, 428
Александровская мануфактура (под Петербургом), 267
Церковь, 241
Алексеевка.
Усадьба, 444
Александровское, село.
Церковь, 132
Алферовское.
Часовня, 129
Алексеевское, село.
Планировка, 310, 311
Аннино.
Церковь, 132, 133
Аннополь.
Костел, 496
Антверпен.
Замок Боссенштеен под Антверпеном, 480
Замок Клейдаель под Антверпеном, 480
Арпачево.
Усадьба. Дом, 221
Архангельск.
Двор гостиный, 96, 118, 119
Завод канатный, 241
Крепость, 52
Монастырь Михаило-Архангельский. Собор, 135, 136
Палата приказная, 118
Архангельское, усадьба (ныне санаторий Советской Армии).
Ансамбль дворцово-парковый. Дворец, 250, 252, 253, 304
Астрахань.
Кремль, 56
Планировка, 201, 294
Собор Успенский, 151, 153
Ахтырка.
Монастырь Троицкий. Собор, 413
Планировка, 365, 384
Собор Покровский, 415, 419

Б

Бабаи.
Церковь, 449
Бабиновичи.
Планировка, 532
Баранов.
Замок, 481
Баранчинский завод, 306
Барышевка.
Церковь, 406
Батурин.
Дворец гетманский, 385
» Разумовского, 247, 443
Дом Кочубея, 387
Планировка, 385
Бахчисарай.
Дома жилые, 431
Бацевичи.
Амбар, 511
Белая Слуда, село.
Церковь Владимирской божьей матери, 80
Белая Церковь.
Двор гостиный, 433, 435
Парк «Александрия». Ансамбль, 446
Белгород на Днестре.
Укрепления, 342, 346, 348
Белгород.
Планировка, 201
Бездрик.
Усадьба, 444
Белза.
Дома жилые (каменицы), 368
Бердичев.
Костел, 402
Бережаны.
Замок, 351, 352
Бережно-Дубровский погост.
Церковь, 128
Березвечье.
Монастырь, 528
Церковь, 521—523
Березна.
Церковь, 405
Березники, деревня.
Дом Кубенина, 265
Беседы, село.
Церковь Рождества Христова, 91
Бобрики.
Усадьба. Дом, 244
Боголюбово (близ Владимира).
Церковь, 36
Богородицк.
Планировка и застройка, 202, 257, 260
Усадьба. Дом, 244
Богословский завод. 269, 306
Болград.
Мавзолей, 449
Собор, 447, 448
Большая Изва, село.
Церковь Петропавловская, 525, 530
Большие Жемки.
Костел, 496
Борзна.
Планировка, 385
Борисоглебский монастырь (близ Ростова).
Ворота, 100, 101
Звонница, 139, 140
Корпус настоятельский, 68
Укрепления, 58, 60
Бородава, село.
Церковь, 80, 82
Боруны.
Церковь монастырская, 522, 524
Бояна.
Церковь, 32
Братск.
Острог. Башня, 100
Братцево.
Усадьба близ Москвы, 237
Брест.
Башня, 458
Планировка, 532
Броды.
Дома жилые (каменицы), 368
Планировка, 366
Синагога, 381
Брусенец, село.
Изба, 264, 265
Буйницы.
Монастырь Свято-Духовский, 494
Булатниково.
Дворец (проект), 216

Бучач.
Замок, 364
Планировка, 364
Ратуша, 410, 412
Укрепления, 347, 349, 350
Церковь в Монастырьке, 357, 358
Церковь Николая, 375, 378
Быково.
Усадьба, 250
Бытень.
Церковь монастырская, 518, 519

В

Валдай.
Монастырь Иверский. Собор, 137
Трапезная, 119, 121
Варшава.
Дворец Вилянув близ Варшавы, 407
Варзуга, Мурманской обл.
Церковь Успенская, 125, 127
Варкалабова.
Монастырь, 494
Василево.
Усадьба. Грот, 253
Мост, 253, 255
Васильевка.
Усадьба, 444
Васильевское.
Часовня, 129
Васильков.
Присутственные места, 433
Церковь Антония и Феодосия, 412, 415
Введенское.
Усадьба. Дом, 255
Великие Луки.
Укрепления, 56
Великий Бурлук.
Усадьба, 444
Церковь Преображения, 447
Великий Устюг.
Дом Шилова, 185, 186
Церковь Вознесения, 130, 132
Великое, село.
Планировка, 310—311
Вепрж, река.
Мост Петербургско-Моск. ж. д., 313, 314
Веребье.
Мост Петербургско-Моск. ж. д., 313
Версаль.
Планировка, 164
Верхнеисетский завод, 270, 307, 309
Верхненевьянский завод, 307
Верхнетагильский завод, 307
Верхнетуринский завод, 306
Верхнешайтанский завод, 269, 307
Верхние Матигоры, село.
Церковь, 131
Верхняя Кокшеньга, село.
Церковь Афанасьевская, 266
Верхняя Салда.
Завод, 267, 308
Планировка, 295, 296
Верхний Уфалей.
Планировка, 296
Верхняя Уфтюга, село.
Церковь Дмитриевская, 91, 265
Верховня.
Усадьба, 445
Верхотурье.
Собор Троицы, 188, 190
Вершино.
Погост. Церковь Георгиевская, 126
Вешняки, село.
Церковь, 133
Вильнюс.
Костел св. Петра и Павла на Антоколе, 490
— Якуба, 518
Церковь Троицкая, 464
Винница.
Замок, 344
Костел, 402
Монастырь, кельи, 406
Церковь Николая, 393, 413, 414
Витебск.
Ворота Витебские (Волконский круглик), 475, 476, 478; Заручьевские, 475; Суражские, 476; Темные, 475
Двор гостиный, 476, 505, 506, 516, 517
Дом Горского, 483
— на «чертеже» 1664 г., 484
— Огинского, 485
— Шапкина, 483
Замки: Верхний Каменный, 458, 459, 475; Нижний, 459, 475
Застройка, 504
Коллегиум иезуитский, 525, 528
Костел бернардинский и монастырь, 505, 506
Монастырь базильянский, 525, 528
Мост через р. Витьбу, 475, 505, 506
Планировка, 475, 532
Площадь Ратушная. Ансамбль, 504—506, 516
Правление губернское, 538
Ратуша, 475, 476, 486, 504—506, 517, 518
Укрепления, 475, 477
Церковь Воскресенская, 505, 506, 522
— Ильинская, 494, 495
— Троицкая Маркова монастыря, 495, 496
Виченца.
Вилла Ротонда, 255
Вишневец.
Дворец, 407—409
Вишняки.
Церковь Троицкая, 446
Владимир.
Присутственные места, 294
Собор Дмитриевский, 294
— Успенский, 42, 71, 294
Владимир-Волынский.
Планировка, 341
Укрепления 343
Церковь Василия, 355, 356
Водоватово, село.
Церковь, 126
Волковыск.
Синагога, 529
Волкостров.
Часовня, 129
Вологда.
Дом архиерейский, 96, 111, 185, 186
— Барша, 261
— Губернского правления, 261
Особняк возле Сретенской церкви, 261
Собор Софийский, 85
Церковь Мироносицкая, 133
Волпа.
Синагога, 529, 530
Волхов, река.
Мост Петербургско-Моск. ж. д., 313
Вольск.
Планировка, 296
Волынское.
Усадьба. Церковь, 150, 151
Воробьево.
Дворец, 115
Воронач.
Крепость, 24
Воронеж.
Застройка Большой Дворянской улицы по «образцовым» проектам (канцелярия, палата казенная, семинария), планировка и застройка, 202, 244, 257, 260, 318
Воронеж, село.
Церковь, 415
Вороиловичи, село.
Церковь, 499
Ворохта.
Церковь, 413, 414
Воткинский завод, 309
Выбуты.
Церковь, 27
Выйский погост.
Церковь, 82
Выжняны.
Костел, 360
Высичка.
Замок, 352
Вытегорский погост.
Церковь Покрова, 187
Вяжищский монастырь (близ Новгорода).
Трапезная, 120
Вязьма.
Крепость, 99
Монастырь Ивановский. Церковь Одигитриевская, 133

Г

Гадяч.
Дворец гетманский, 385
Планировка, 385
Гамалеевский монастырь.
Ансамбль, 385, 386
Кельи, 388
Собор, 400, 401
Гануч.
Дом жилой в имении, 511
Гатчина.
Дворец, 197
«Приорат», 234
Гданьск.
Арсенал, 481
Гдов.
Крепость, 24
Церковь Успения, 31, 32
Гераноны.
Планировка, 470
Глазов.
Планировка, 257
Глинки.
Усадьба. Дом, 177
Глубокое.
Костел и монастырь кармелитов, 519—521
Глухов.
Дворец гетманский, 385, 409
Коллегия малороссийская, 409
Монастырь Петропавловский, 385
— Собор, 394
Мост, 405
Планировка, 384, 385, 409
Ряды торговые, 409
Церковь Николая, 394
Гойченишки.
Замок, 481, 482
Гольшаны.
Замок князей Гольшанских, 470
— Сапегов, 470, 478, 480, 481, 492
Монастырь францисканский, 470, 492
— Костел, 522, 524
Планировка, 470
Гомель.
Дворец Румянцева, 534
Дом жилой, 537
Планировка, 534
Собор св. Петра и Павла, 539, 540
Церковь Ильинская, 539
Гордеевка, село.
Церковь Смоленская, 142—145
Городище, село (близ Коломны).
Церковь, 39, 41
Горенки.
Усадьба, 250
Городня.
Усадьба близ Калуги, 237
Городок (БССР)
Управление уездное, 538
Гороховец.
Дом Белова, 106, 107
— Канунникова, 109
— Румянцева, 106
— Сапожникова, 108
— Селина, 107, 108
— Шумилиной, 107, 108
Горький.
Дом в Крутом переулке, 108
— Пушникова, 107—108
Церковь Рождественская, 143—145
— Успенская, 132, 134
Гошево, деревня.
Церковь Крестовоздвиженская, 539
Графское.
Усадьба, 444
Гребнево.
Усадьба, 250
Гродно.
Башни, 458
Городница:
— Академия наук (проект), 516
— Дома иностранных рабочих, 507, 512
— Дворец администратора, 507
— — Тызенгауза, 507, 513, 514, 538
— Кафе, 507
— Корчма «Нищета», 507, 515, 516
— Кузница, 507
— Мануфактуры, 507
— Мост-плотина, 507
— Планировка, 507
— Предприятия промышленные, 507
— Ресторан, 507
— Столовая, 507
— Театр, 538
— Фабрика, 507
— Флигель «Музыкальный», 507, 516, 517
— Фольварк Тызенгауза, 507
— Школа землемеров, 516
— Медицинский корпус и кадетский, 507, 516, 517
— Счетоводов, строительного искусства, 507, 516
Дом призрения св. Духа, 467, 468
Дворец Витовта в Старом замке, 459, 463
— Огинского, 504
— Радзивиллов, 504
— Станиславово под Гродно, 511
— Стефана Батория в Старом замке, 462, 463
— — — на рынке, 504
Дом жилой по Замковой улице, 511, 512
— короля (королевский дворец), 455, 456
Замок Верхний, или Старый, 455, 458—460, 504, 514
— на левом берегу Немана, 457
— Нижний, 455, 456, 504
— Новый, 504, 514
Конюшни королевские, 455, 456
Костел бернардинок, 504
— бернардинцев, 456, 489, 504, 520
— иезуитский, 489, 490, 504, 520, 521
— приходский, 455, 504
— св. Духа, 455
— францисканский, 504
Крепость Городно или Городня, 454
Монастырь Большой Коложанский, 455
— бонифраторский, 504
— бригидок, 491, 492, амбар, 485, костел, 488, 504
— кармелитский, 504
— малый, 455
Мост в Старый замок, 514
Планировка, 454, 455, 503, 504
Ратуша, 454—456, 504
Ряды торговые на рынке, 504
Синагога на правом берегу, 455, 504
— деревянная, 529, 530
Церковь домовая в Старом замке, 463
— Малая, 455
— на рынке, 468
— соборная Пречистенская, 455, 468, 518
— униатская, 518, 519
— Честного Креста, 456, 463, 464
Грузины, усадьба.
Дом, 220—221
Мельницы ветряная и водяная, 253, 255, 256
Гурьев.
Двор гостиный, 96
Густынский монастырь.
Ансамбль, 385, 396. Собор, 378, 395—397
Трапезная, 392
Гусятин.
Замок, 352
Синагога, 381
Церковь Онуфрия, 375

Д

Давид-городок.
Ряды торговые, 537
Церковь Георгиевская кладбищенская, 524
Даубучишки.
Мечеть, 530
Дворяниново.
Усадьба Болотова, 221
Дегтяры.
Усадьба Петра Галагана, 443, 444
Деменки.
Сараи для выплавки металла, 387
Деревна.
Сбор кальвинский, 468
Дермань.
Монастырь. Ансамбль, 356, 357

— Кельи, 356
— Церковь, 356
Диканька.
Усадьба, 444
Церковь Никольская, 447, 448
Дисна.
Замок Новый, 457
Копец, или Старый замок, 457
Костел приходский, 457
Планировка, 457
Ратуша, 457
Укрепления городские, 457
Церковь Воскресенская, 457, 524
Днепропетровск.
См. Екатеринослав
Добровац.
Церковь, 32
Добровое, село.
Церковь, 495, 496
Добромиль.
Замок, 352
Добрянка.
Планировка, 270
Должик.
Усадьба, 444
Домницкий монастырь.
Кельи, 388
Доможирка, село.
Церковь, 29, 31
Дорогобуж.
Планировка, 201
Дрисса.
Управление уездное, 538
Дрогобыч.
Костел, 360, 361
Церковь Юра, 372—374
Друя.
Костел бернардинский, 488
Синагога, 528, 529
Дубровицы.
Церковь Знамения, 150
Дубровна.
Застройка, 504
Усадьба Теолинского на дороге из Дубровны в Любавичи. Дом господский, завод черепичный, фабрики ревендучная и каретная, 507, 508
Дудичи
Дом Юзефа Прозора, 509, 510
Дунайчичи.
Каплица, 526
Дьяково, село.
Церковь Иоанна Предтечи, 86, 87, 90

Е

Евпатория.
Дома жилые, 431
Екатеринбург (Свердловск).
Завод, 268
Планировка, 270, 295, 296
Плотина завода, 267
Екатеринослав (Днепропетровск).
Дворец Потемкина, 534
Заводы кирпичные, 450
Мельницы, 450
Планировка и застройка, 260, 424, 425, 429, 430
Собор, 257, 447, 448
Фабрика тонких сукон, 424, 450
Фабрика чулочная, 424, 450
Елгава.
Дворец, 163
Елгомский погост.
Церковь Богоявленская, 124
— Троицы, 188
Елизавето-Пожевский завод, 267
Елизарово, село. Церковь Никиты, 91
Елисаветград.
Комплекс штабной, 433
Планировка, 424, 429
Ельск.
Церковь Ильинская, 539, 540
— Троицкая, 540
Ершово, село.
Церковь, 301

Ж

Железняк.
Усадьба, 445
Жиличи.
Дворец, 534, 535
Желудок.
Дом господский, 511
Жировицы.
Монастырь. Церковь Богоявленская, 523, 525
— — Георгиевская, 525, 527
— — Крестовоздвиженская, 523, 525
— — Успенская, 488
Жовква (Нестеров).
Дома жилые (каменицы), 368
Костел кафедральный, 380
Планировка, 366

З

Залесье.
Имение. Дом жилой, 510
Залужье.
Церковь Преображения, 372, 373
Заостровье, село.
Церковь Богородицы, 188
Заосье.
Усадьба, 511
Зарайск.
Кремль, 56
Заславль.
Церковь Преображенская, 468
Збараж.
Замок, 363, 370, 371
Зборово, село.
Церковь, 524, 527
Званка.
Усадьба, 252
Звенигород.
Собор Успенский на городке, 36—38, 41
Звенигородка.
Присутственные места, 433
Зимно.
Монастырь, Ансамбль, 356, 357
— Кельи, 353
— Церковь Троицкая, 355, 356
Зиньков.
Замок, 352
Церковь Троицкая, 357, 358
Златоуст.
Планировка, 296
Знаменка, село.
Церковь, 204
Золочев.
Церковь Успенская, 378

И

Иван-город.
Укрепления, 53, 56
Иерусалим.
Храм Воскресения, 138
Ижевск.
Планировка, 296
Ижма, село.
Церковь, 128
Изборск.
Башня Вышка, 25
— Рябиновка, 25
— Таловская, 25
— Темная, 25
Ворота, 25
Крепость, 23—25, 56
Измайлово, усадьба
Ворота, 103
Мост каменный, 122
Плотина, 122
Церковь Иосафа, 145—147
Изюм.
Собор, 395
Илимск.
Башня, 100
Иосифов-Волоколамский монастырь.
Башня Германова, 101
— Кузнечная, 101
— Мироносицкая, 101
— Петровская, 101
Палата трапезная, 66
Планировка, 97
Собор, 69
Укрепления, 57, 100—101
Ирбит.
Планировка, 260
Иркутск.
Церковь Крестовоздвиженская, 189, 190
Исады, село.
Дом жилой каменный, 184, 185
Ишколдзь.
Костел приходский, 465—467

К

Кадриорг.
Дворец, 161
Казань.
Городок университетский с главным корпусом, анатомическим театром, библиотекой, обсерваторией, 294—295
Дом Казанкина, 108
Кремль, 56
Монастырь Ивановский, 138
Планировка, 201, 202

Калуга.
Больница, 263, 294
Двор гостиный, 258, 259
Дворянское собрание, 226, 263
Дом Кологривовых, 263
— Коробова, 108
Мост каменный через Березуйский овраг, 200, 258
Планировка, 257—259
Площадь Соборная, 258
Присутственные места, 201, 258
Собор, 257, 258
Церковь Жен Мироносиц, 258
— Иоанна Предтечи, 258
— Косьмы и Дамиана, 258
— Успенская, 258
Калязин.
Монастырь Макарьевский. Палата трапезная, 66, 67
Каменец.
Башня, 458
Дом жилой, 512, 513
Каменец-Подольский.
Богадельня, 321, 322
Больница, 321, 322
Ворота Русские и Польские, 341
Дома жилые (каменицы), 368
Замок, 349—351
Лавки, 341
Мосты, 341
Планировка, 341, 349
Ратуша, 341, 371
Укрепления, 341
Церковь в Карвасарах, 372, 374, 393
— Петропавловская, 359, 375, 378
Каменный Брод.
Церковь, 447
Каменское, село.
Церковь, 39, 41, 42
Каменский завод.
Корпуса доменные, 269
Каргополь.
Планировка, 201
Церковь Благовещенская, 136
— Воскресенская, 136
— Рождества Богородицы, 130
Картузская Береза
Монастырь картезианский, 492—494
— Костел картезианцев (картузов), 492,499
Планировка, 470
Кафа.
Укрепления, 342
Качановка.
Комплекс дворцовый, 440, 441
Кемь.
Собор Успенский, 187
Киев.
Академия духовная, 409—411
Арсенал, 450
Бульвар им. Шевченко, 430
Бурса, 407
Водопровод, 405
Ворота Заборовского, 406
Гимназия вторая, 437
Двор артиллерийский (так называемый деловой), 450
— гостиный, 428
Дворец царский, 408, 409, 427
— Кловский, 408, 409
— Разумовского, 431
Дом Дворянского собрания, 436
— Контрактовый на Подоле, 427, 434, 435
— митрополичий, 388, 391, 406, 407
— Петра I, 387, 388, 406, 407, 411
Замок на горе Киселевке, 344, 345, 364
Замок тюремный, 433
Застройка, 364, 385, 419, 427, 431
Институт благородных девиц, 436—438
Крепость Печерская, 427, 428
— Старого Киева, 427
Магистрат, 410
Монастырь Братский. Собор, 395, 401, 402, 406
— Выдубецкий. Собор Георгиевский, 394, 396, 400
— — Трапезная, 391, 392, 400
— Кирилловский. Церковь надвратная, 419, 420
— Красногорский. Церковь, 420
— Михайловский. Собор, 379
— — Трапезная, 391, 392
— Никольский. Собор (позднее Никольский военный), 395, 401, 406
— Никольский. Трапезная, 383, 392
— Печерский. Ансамбль, 356
— — Кельи, 388, 406
— — Колокольня на ближних пещерах, 412, 422
— — — Колокольня большая, 405, 420, 422
— — — на дальних пещерах, 412, 421, 422
— — — деревянная, 379
— — Корпус Ковнировский, 409—412
— — Лавка книжная, 411
— — Собор Успенский, 362, 379, 411, 412
— — Типография, 411, 412
— — Трапезная старая, 392
— — Укрепления, 356, 364
— — Хлебопекарня, 411
— — Церковь Троицкая, 402
— — Церковь на Экономических воротах, 396, 397, 400, 411
— Фроловский. Собор, 399
Планировка, 341, 364, 365, 385, 425, 427, 428
Почта на Контрактовой площади на Подоле, 427
Присутственные места на Печерске, 428, 433
Присутственные места на площади Богдана Хмельницкого, 433
Ратуша на Подоле, 364
Собор Андреевский, 163, 175, 405, 415, 416
— Софийский, 379, 402, 406, 407
— — колокольня, 379, 406, 422
— — укрепления, 364
Станции почтовые, 323
Стенки подпорные у Печерской лавры, 405
Театр, 435
Тюрьма, 433
Укрепления Подола, 364
Университет, 436, 438
Форштат Печерский, 427
Церковь Десятинная, 282
— Ильинская на Подоле, 393
— Набережно - Никольская, 420
— Николы Притиска, 378
— Спаса на Берестове, 379
Кижи, погост.
Ансамбль, 266
Церковь Покровская, 266, 267
— Преображенская, 187, 266
Кизляр.
Планировка, 296
Кий, остров.
Монастырь Крестный. Кельи, 109
— Церковь, 137
Килри.
Рига, 256
Кимжа.
Колокольня, 129
Кинешма.
Часовня, 138
Киржач.
Церковь Спасская, 133, 134, 147
Кириллов-Белозерский монастырь, 58
Башни, 101
Палата больничная, 68, 69
— казенная, 68
Собор, 69
Стены, 60, 100
Китаево.
Церковь, 412
Кишинев.
Больница, 322
Клецк.
Дворец, 456
Замок Старый, 456
Костел приходский, 456
Планировка, 456
Ратуша, 456
Ряды торговые, 537
Укрепление, 456
Церковь, 456
Климовичи.
Планировка, 532, 533
Клин.
Станция почтовая, 323
Кобрин.
Станция почтовая, 538
Кобыла.
Крепость, 24

Кобылье городище, село
Церковь, 27—29, 31
Ковель.
Собор старый, 354
Кодень.
Церковь замковая, 465, 467
Кожан-Городок.
Церковь Николаевская, 539, 540
Козелец.
Дворец Разумовских, 409
Магистрат, 409, 410, 412
Собор Рождества Богородицы, 409, 415, 418, 419
— — — Колокольня, 409, 422
Козлов.
Планировка, 98
Козьян.
Крепость, 457
Койданов (Дзержинск).
Сбор кальвинский, 467, 468
Кола.
Собор, 128
Коломенское.
Усадьба. Ворота, 103
— Дворец деревянный, 485
— — Екатерининский, 304
— Церковь Вознесения, 83— 85
— — Казанская, 133
Коломна.
Кремль, 56, 57
— Собор Успенский, 36, 38, 134
— Хоромы царские, 62
— Церковь Воскресенская, 36
— — Успенская, 91
Комягино, село.
Церковь, 130
Комаи.
Костел, 487
Кондопога.
Церковь Успения, 265, 266
Конотоп.
Магистрат, 433
Планировка, 384
Константиновка.
Усадьба, 441
Копорье.
Крепость, 56
Короп.
Церковь Ильи, 394
Коротояк.
Крепость, 100
Кострома.
Гауптвахта, 259
Двор гостиный, 259, 263
Дворянское собрание, 226
Дом Акатова, 259
Дом генерал-губернатора, 263
Каланча пожарная, 259
Кремль, 259
Монастырь Ипатьевский. Собор, 134
Планировка, 257—260, 293, 294
Площадь Сусанинская с гостиным двором, присутственными местами, окружным судом, гауптвахтой и пожарной частью, 294
Присутственные места, 263
ряды торговые, 263
Церковь Воскресения на Дебре, 136
Котельники, село.
Церковь, 132
Кочуново, село.
Планировка, 310, 311
Красное, село.
Усадьба, 204
Красное, село (б. Старое село).
Теремок, 392
Краков.
Замок Вавель, 480
Красичин.
Замок, 481
Красный.
Крепость, 457
Красный Рог.
Усадьба, 221, 222
Красный Яр.
Острог, 100
Крево.
Замок, 458, 459
Кременец.
Дома-«близнецы», 407
Замок, 344, 345, 352
Коллегиум иезуитский, 422
Планировка, 341
Укрепления, 342, 347
Кременчуг.
Заведения богоугодные, 439
Комплекс штабной военного ведомства, 433
Магистрат, 432
Мастерские оружейные, 450
Собор, 447
Крехов.
Монастырь. Ансамбль, 372
— Собор, 372, 374
Кривки.
Церковь, см. Львов.
Кровное.
Усадьба, 445
Кронштадт.
Собор Андреевский, 241
Крупицко-Батуринский монастырь.
Ансамбль, 385, 396
Крушиняны.
Мечеть, 530
Кудринец.
Замок, 351, 352
Кузнецк.
Крепость, 99
Кузьминки.
Усадьба. Двор конный, мавзолей, оранжерея, павильоны Египетский, музыкальный, 292, 303
Кулига (Дракованово), село.
Колокольня, 128, 129
Кунгур.
Планировка, 260
Кунье.
Церковь, 447, 449
Кургоминское, село.
Церковь, 127
Курово, село.
Церковь, 151
Курск.
Дом Ромодановских, 108
Планировка, 294
Кушерецкое, село.
Церковь, 127
Кушвинский завод, 306.
Куяновка.
Мавзолей, 449
Усадьба, 444
Кыштым.
Завод Ново-Кыштымский, 267, 269
Планировка, 295, 296
Кянда, село.
Планировка, 310

Л

Лавров.
Монастырь, 356
— Церковь Онуфрия, 355, 358
Лайский завод.
Кричный цех (проект), 308
Лебедин.
Крепость, 98
Планировка, 98, 366, 384
Церковь Николая, 393, 405
Ледский погост.
Церковь, 80, 82
Лемеши.
Церковь, 419
Леонполь.
Дом жилой в имении, 510, 511
Летевщизна.
Дом в имении, 510
Лососня.
Планировка, 507, 508
Лида.
Замок, 458, 459
Костел св. Иосифа, 539
Ряды торговые, 537
Липцы.
Усадьба, 445
Лисники.
Церковь, 354
Лондон.
Дворец Уайтхол, 210
Лохвица.
Больница, 439
Лубны.
Монастырь Мгарский близ Лубен. Собор, 384
— Планировка, 384, 385
Лужаны.
Успенская церковь, 358
Лунна.
Синагога, 530
Луцк.
Дома жилые (каменицы), 368
Замок, 342, 343, 345
Планировка, 341, 342
Синагога, 381
Собор Иоанна Богослова, 355
Укрепления, 342, 347
Церковь Дмитрия, 358
— Крестовоздвиженская, 377
— Покрова, 358
Львов.
Арсенал городской, 371
— королевский, 371
Дом Корнякта (пл. Рынок, 6), 369, 370

— Черный (пл. Рынок, 4), 144, 369
Дома жилые, 353, 368, 369
Замок «Высокий», 345, 364
Замок «Низкий», 364
Каплица Боймов, 362, 380, 381
— Кампианов, 380, 381
Костел Марии Магдалины, 360, 362
Монастырь Армянский, 372, 381
— — Церковь, 354, 355
— бернардинцев, 364, 372, 380
— доминиканский, 364, 372
— — Костел, 420, 422
— иезуитов, 364. Костел, 380
— кармелитов, 372
Планировка, 341, 364, 430
Площадь Рынок, 341, 368
Ратуша, 341
Собор Св. Юра. 355, 418—420, 522
Укрепления, 342, 364
Церковь из с. Кривки, 413, 414
— Пятницкая, 375
— Успенская, 375—377, 380
— — Колокольня («Вежа Корнякта»), 375, 377
— — Часовня Трех Святителей, 362, 375—377, 379
Любеч.
Каменица Полуботка, 387, 388, 391, 392
Люблино.
Усадьба Дурасова, 235, 250
Любча.
Замок Радзивиллов, 478
Планировка, 471
Лютенки.
Церковь, 395, 396, 402
Лявля, село.
Церковь, 82
Ляличи.
Усадьба Завадовского, 441, 442
Ляховичи.
Планировка, 470

М

Макарьев на Унже.
Планировка, 263
Макарьино (на р. Коже).
Церковь, 127
Максаковский монастырь.
Ансамбль, 385, 396
Трапезная, 392
Малнов.
Церковь, 354
Маломожейков.
Церковь, 464, 465
Малыжино.
Усадьба, 445
Мантуя.
Церковь Сант-Андреа, 75
Марково, село.
Церковь, 134
Манявский скит, см. Надвирное.
Маркушевский монастырь.
Ворота, 100, 103
Марфино, усадьба.
Церковь, 182, 183
Масельга, село.
Церковь, 125
Мацковка.
Дворец, 370
Мгарский монастырь.
См. Лубны
Медведичи.
Костел, 524
Медведково, село.
Церковь Покрова, 91
Межибож (ныне Меджибож).
Замок, 349—352, 364
— Церковь Успения, 359
— Костел, 402
— Планировка, 364
Межигорский монастырь.
Церковь, 378
Межирич.
Монастырь. Ансамбль, 356, 357
— Церковь Троицы, 356—358
Межиричи-Корецкое.
Усадьба, 445
Межеричка.
Церковь, 447
Мелетово, село.
Церковь Успенская, 28, 29
Меречевщина.
Дом Костюшко, 509
Мерчик.
Усадьба, 439, 440
Милан.
Замок Сфорца, 55, 64
— Палаццо дукале, 65
Минск.
Корчма на дороге близ Минска, 515
Планировка, 532
Церковь Петропавловская. 497, 498
Мир.
Дом торговца, 484
Замок, 460, 461, 464, 478, 480
Митино.
Усадьба. Погреб-павильон, 255
Михалишки.
Костел, 490
Михалково.
Усадьба, 204
Михнево.
Усадьба. Церковь, 78
Могилев.
Ворота укреплений:
Быховские, 473, 474
Ветряные, 473, 474
Виленские, 473, 474
Дубровенские (Малые), 473, 474
Королевские, 473, 474
Курденевские, 473
Ледвеевы, 473
Олейные, 473, 474
Папинские, 473
Трисненские, 473
Уструшненские, 473
Шкловские, 473, 474
Ворота перед ратушей, 487
Двор гостиный, 487
Дом Захария Антошкевича, 473, 484, 487
— купеческий, перестроенный в Борисоглебскую церковь, 473, 484, 485
— купеческого братства, 474
Дома цеховые, 474
Замок, 472—474, 477, 478
— Дома жилые, 475, 483
— Дом старосты, 478
— Церковь Воскресенская, 478
Кладовые каменные, 483
Коллегиум иезуитский с костелом, 473, 474
Костел приходский (фарный), 473, 474
Мельница, 474
Монастырь бернардинский, 473, 474
— Братский, Богоявленский, 473
— Церковь соборная Богоявленская, 474, 497—499
— кармелитский, 473
— — Костел, 474, 521
Монастырь Спасский, 473, 474, 494
Мост, 472, 474
Планировка, 473, 474
Ратуша, 473, 474, 486, 487, 492
Ряды торговые, 475
Семинария и монастырь православный, 528
Синагога, 473, 501
Собор св. Иосифа, 234, 257, 538, 539
Укрепления городские, 454, 472, 473, 475
Церковь Воскресенская (Ближняя), 473
— (Дальняя), 473
— Ильинская, 473
— Никольская, 473, 498, 499
— Петропавловская, 473
— Покровская, 473, 499
— Троицкая, 473
— Успенская, 473, 498, 499
Можайск.
Больница, 322
Крепость, 99
Моздок.
Планировка, 296
Молченский Софрониевский монастырь.
Ансамбль, 385
Собор, 373, 379
Трапезная, 383, 392
Москва.
Арсенал в Кремле, 178, 212
Белый город, 49, 56, 92
Благородное Собрание (дом Долгорукого-Крымского), 212, 224—226
Больницы:
— Голицынская, 193, 201, 231, 232, 270, 292
— Градская, 288, 291, 292
— Павловская, 201, 236

Вокзал Николаевской ж. д., 323, 328, 329
Ворота:
— Воскресенские, 96, 116, 178
— Красные, 178, 179
— Триумфальные у Тверской заставы, 290, 291
Город Земляной. См. Скородом
Госпиталь Военный в Лефортове, 235
Дворы:
— Гостиный, 48, 67, 96, 118
— Житный на Басманной, 118
— — у Калужских ворот, 118
— Монетный в Китай-городе, 96, 116, 119, 120
— Печатный в Китай-городе, 96, 118—120
— Посольский на Ильинке, 67
— Хамовный (монетный) в Кадашевской слободе, 96, 116, 118, 119, 132
Дворцы:
— Анненгофский, 177
— Безбородко. Парк (проект), 234
— Большой Кремлевский (проект В. И. Баженова), 203, 204
— Большой Кремлевский (арх. К. А. Тон), 328, 329
— Великокняжевский в Кремле (каменный), 39, 62, 64
— Головинский, 201, 203
— Лефортовский, 115—117, 176, 177
— Михаила Павловича на Остоженке, 301
— Нескучный, 304
— Петровский, 193, 216, 220
— Потешный в Кремле, 114, 116
— Теремной в Кремле, 54, 114, 115, 148
Дома
— Апраксиных, 176, 177, 207
— на Басманной, 109
— Воспитательный, 210, 211, 212, 214, 270
— Гагарина, 288, 300, 301
— А. Н. Голицына на Б. Лубянке, 206, 208
— Губина, 225, 226
— Демидова, 223, 224
— Долгова, 203
— Ермолова, 208
— Инвалидный и Госпиталь (проект), 211
— Калинина и Павлова, 226, 227
— по Капельскому переулку, № 12, 317, 318
— Лопухина (музей Л. Н. Толстого), 301, 302
— Луниных, 292, 300, 301
— Мусина-Пушкина, 235
— Пашкова (старое здание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина), 203, 226, 227
— Прозоровского, 203, 223
— Румянцева, 207, 208
— Сверчкова, 108, 109
— Селезневых (Хрущева), 301, 302
— Симона Ушакова, 108
— по Спасочигасовскому пер., 317, 318
— Хрящева, 226, 227
— Яцковой в Кожевниках, 107
Китай-город, Великий посад, 48, 49, 55, 56
— Варварские ворота, 55
Колокольня Ивана Великого в Кремле, 35, 49, 54, 75, 77, 79, 138, 173
— церкви Дмитрия Солунского, 138
Кремль, 34, 35, 47, 48, 54, 55 (см. также отдельные памятники Кремля по общему алфавиту гражданской и церковной архитектуры Москвы)
— Башни:
— — Боровицкая, 54, 101
— — Кутафья, 54, 55
— — Никольская, 101
— — Собакина, 54
— — Спасская, 54, 101, 102
— — Троицкая, 55, 101
— Стены, 54
Кригскомиссариат, 214
Манеж, 289—291, 293
Митрополичий дом Крутицкий, 96, 112, 113
— Терем, 112, 113
Монастыри:
— Алексеевский, 49
— Богоявленский. Собор, 69, 150
— Вознесенский в Кремле. Собор, 35
— Высокопетровский, 49
— — Церковь Петра митрополита, 150, 151
— Данилов, 49
— Донской, 49
— — Колокольня, 97
— — Планировка, 97
— — Собор (новый), 151, 153
— — Собор (старый), 78, 80, 97
— — Стены и башни, 97, 101
— Зачатьевский, 49
— Ивановский, 49
— Крестовоздвиженский, 49
— Никитский, 49
— Новодевичий, 49, 104
— — Колокольня, 153, 154
— — Планировка, 97
— — Собор, 85
— — Стены и башни, 101
— — Трапезная, 119, 121
— — Церковь Преображения, 141
Новинский, 49
— Новоспасский, 49
— — Собор, 69, 134
— — Трапезная, 119
— — Церковь Знаменская, 232
— Рождественский, 49
— — Собор, 85
— Симонов, 49
— — Собор, 36
— — Стены и башни, 57, 101
— — Трапезная (новая), 119, 121, 151
— — Трапезная (старая), 63, 66, 67
— — Укрепления, 57
— Спасо-Андроников, 49
— — Собор, 39—41
— — Трапезная, 66, 67
— Спасский в Кремле, 35
— Сретенский, 49
— Страстной, 49
— Чудов в Кремле. Собор, 35
Мост каменный (через р. Неглинную), 55
Мост Большой Каменный, 122
Палаты:
— Аверкия Кириллова, 106, 107, 130
— Волкова (Юсупова), 110
— Волконского, 68
— Голицына, 110, 111
— Грановитая, 54, 62—66, 114
— Золотая, 114
— Набережная, 114
— Оружейная, 235
— Патриаршие в Кремле, 54, 112, 113
— Посольская в Кремле, 67, 68
— Троекурова, 111, 151
— Украинцева, 108
— Хованских, 107, 108
Памятник Минину и Пожарскому, 212, 288
Планировка и застройка, 46, 96, 287, 288
План (проект), 1775 г., 205, 206, 287
Планировка Кремля, 34, 35, 44—48, 53, 54, 92, 96
Площади:
— Красная, 48, 212, 287, 288, 289
— Соборная в Кремле, 35, 48, 54, 64, 71—75, 97, 112
— Театральная, 288—290
Приказы в Кремле, 54, 97, 116
Приказ Земский на Красной площади, 96, 116, 118, 168
— Посольский в Кремле, 67, 68
Ряды торговые на Красной площади, 212, 288, 289, 291, 292
Сад Александровский, 288, 290
Сенат в Кремле, 193, 201, 208, 211—214, 270
Склады Провиантские, 309, 310
Скородом, 49, 56, 92

Соборы:
— Архангельский в Кремле, 35, 54, 75, 77, 130, 134, 141
— Благовещенский в Кремле, 35, 39, 41, 42, 54, 64, 74. 75
— Покрова на Рву (собор Василия Блаженного), 48, 86, 88—90, 96
— Спаса на Бору в Кремле, 35, 54
— Успенский в Кремле, 35, 54, 64, 71—75, 78, 85, 86, 92, 112, 134, 151
Совет Опекунский на Солянке, 291—293
Странноприимный дом (Институт Склифасовского), 232. 233
Сухарева башня (Ворота Сретенские Земляного города), 122, 123
Театр Большой, 286, 289, 290
Театр Малый, 290
Терем Дмитрия Донского в Кремле, 35
Университет, 212, 214, 230, 270, 291—293
Усадьба Найденовых (Усачевых) на Земляном валу, 292, 302, 303
Храм Христа Спасителя, 328
Церкви:
— Анны, см. Зачатия Анны
— Антипия, 78
— Архангела Гавриила («Меншикова башня»), 179—182
— Благовещенская на Ваганькове, 78
— Богоявления в Елохове, 304
— Большое Вознесение, 301
— Воскресения в Кадашах, 141, 142, 153
— Всех Скорбящих радости, 204, 288
— Двенадцати Апостолов, 134
— Григория Неокесарийского, 131, 140
— Зачатия Анны в Китай-городе, 78
— Знамения на Шереметевом дворе, 148
— Иоанна Воина, 182
— Климента, 183
— Николы «Большой Крест», 141, 155, 174
— Николы в Мясниках, 78
— Николы в Столпах, 131, 140
— Николы в Хамовниках, 131, 132, 138
— Николы на Берсеневке, 130
— Параскевы Пятницы, 145
— Покрова в Рубцове, 78, 80, 81
— Ризположения в Кремле, 54, 74, 75
— Ризположения на Донской улице, 153
— Рождества Богородицы в Путинках, 130, 133, 138
— Рождества Богородицы на Сенях в Кремле, 35—37, 54
— Спаса за золотой решеткой в Кремле, 114
— Трех святителей на Кулишках, 131
— Трифона в Напрудной слободе, 78, 80
— Троицы в Никитниках, 130, 131, 138
— Троицы в Хохлах, 150
— Университетская, 293, 304
— Успения в Печатниках, 153
— Успения на Покровке, 146, 148, 153, 174
— Филиппа митрополита, 201, 214, 215
«Частные» дома:
— Пятницкий, 321
— Сретенский, 320, 321
— Яузский, 321
Мста, река.
Мост Петербургско-Московской ж. д., 313
Мукачев.
Замок, 342, 345, 347, 352
Муром.
Монастырь Троицкий. Церковь Казанская, 133
Муромский монастырь.
Церковь Лазаря (перенесена в Кижский погост), 82, 83

Н

Надвирное.
Церковь, перенесенная из Манявского скита, 393
Нахичевань.
Планировка, 296
Собор, 257
Невьянск.
Завод, 157, 267
Планировка, 157, 270, 296
Нежин.
Дом купеческий, 407
Лицей И. А. Безбородко, 437
Магистрат, 432
Монастырь Благовещенский.
Корпус с жилыми и складскими помещениями, 392
— — Собор, 395
— — Введенский. Кельи, 388, 390
Планировки, 384, 385
Ряды торговые, 433
Тюрьма, 433
Церковь Всехсвятская, 447
Немцево, усадьба, 252
Ненокса.
Церковь Троицы, 81, 187
Несвиж.
Ворота Виленские, 471, 472
— Замковые, 471, 472, 476
— Клецкие, 472
— Слуцкие, 471, 472, 477
Дом жилой, 484
— на рынке, 512
Замок, 471, 472, 478—480, 482, 483
Каплица Изидора, 492, 494
Мельница, 511
Монастырь бенедиктинок, 471
— бернардинцев, 471, 472
— доминиканцев, 472
Монастырь-коллегиум иезуитский, 471, 472, 491, 492
— — Костел, 471, 489
Мост 471, 479
Планировка, 471
Ратуша, 472, 486, 487
Синагога, 472
Укрепления, 459, 471
Храм православный, 471
Нестеров
см. Жовква
Нижне-Исетский завод, 267
Нижний Новгород.
Двор гостиный, 263
Главное ярмарочное здание, 263
Кремль, 56, 57
Монастырь Благовещенский.
Церковь при трапезной, 133
— Печерский, Собор, 134
Планировка, 45, 46
Церковь Рождественская, 143—145, 151. 153, 154
— Успенская, 145
Нижний Тагил.
Завод, 267—269, 307
Планировка, 270, 295, 296
Нижняя Салда.
Завод, 270, 307
Низкиничи.
Церковь Покровская, 378
Николаев.
Верфь, 426, 450
Двор гостиный, 426
Дома галерейные, 431
Корпус кадетский, 241
Магистрат, 426, 432
Планировка, 260, 424, 426, 429
Церковь Григория Армянского, 426
Николо-Погорелое.
Усадьба, 220
Никольский монастырь близ Москвы
Церковь, 126
Никольское. Усадьба подмосковная.
Дом, 105
Никольское. Тверской губ.
Усадьба, 252. 256
— Дом 254, 255
— Зернохранилище, 252, 256
— Кузница, 253
— Погреб-пирамида, 252, 254
— Церковь-мавзолей, 253, 254, 257
Никольское-Гагарино, усадьба, 222
Никольское-Урюпино, село.
Церковь, 134
Николо-Карельский монастырь.
Башня надвратная, 100
Нилова (Столобенская) пустынь на озере Селигер.
Церковь, 126
Новгород.
Башня Владимирская, 13

— Часовая,16
Двор архиепископский, 15
— гостиный, 96
Дворец епископский, 16
Детинец, 12, 13
Дом в Вулковом переулке, 15
— воеводский, 96
— Марфы Посадницы на улице Рогатице, 15
Застройка жилая, 14
Конец Гончарский, 13
— Загородский, 13
— Неревский, 12
Корпус Никитский, 16
Монастырь Зверин. Церковь Симеона Богоприимца, 23
— Лазаревский. Церковь, 23
— Сковородский. Церковь, 20
— Хутынский. Собор, 85
— — Церковь Григория, 75, 90
Окольный город. Белая (Алексеевская) башня, 13
— Стены, 13, 24
Палата Евфимиева, 15, 16, 63
Планировка, 12
Склады хлебные, 16
Собор Знаменский, 136
— Софийский, 20, 73
Софийская сторона, 12, 13
Торговая сторона, 12, 13
Укрепления, 13, 56
Церковь Благовещения на Городище близ Новгорода, 18
— Власия, 22
— Воскресенская на Мячине, 21, 23
— Двенадцати Апостолов в Пропастех, 22
— Димитрия Солунского на Славкове, 22, 23, 31
— Ильинская на Славне, 21
— Иоанна Богослова на Витке, 20, 21
— Иоанна Предтечи на Опоках, 21
— Климентовская на Иворовой улице, 23, 31
— Мироносицкая на Ярославовом дворище, 21
— Николы Белого, 18, 19
— Николы на Липне близ Новгорода, 16—18, 31
— Перынского скита близ Новгорода, 17
— Петра и Павла в Кожевниках, 22
— Петра и Павла на Славне, 20
— Рождества на поле, 20
— Сергиевская, 16
— Спаса на Ковалеве близ Новгорода, 18, 20
— Спаса Преображения на Ильине улице, 19, 20, 22
Спасо-Нередицкая близ Новгорода, 17, 31
— Успения на Волотовом поле близ Новгорода, 18, 20
— Федора Стратилата на Ручье, 19, 20, 22, 27, 31
— Федора Стратилата на Софийской стороне, 18
Ярославово дворище, 12
Новгород-Северский.
Монастырь Спасо-Преображенский. Ансамбль, 385—387
— — — Кельи, 388
— — — Собор, 447
— — — Трапезная, 379, 383
— — — Церковь Петропавловская, 373
Планировка, 341
Ряды торговые, 433
Собор Успенский, 395, 396
Церковь Николая, 393
Новогрудок.
Замок, 458, 460, 462
Церковь в замке, 458, 462, 463
Дом жилой на торговой площади, 537
Ряды торговые, 537
Церковь соборная св. Бориса и Глеба, 465, 466
Ново-Иерусалимский монастырь.
Скит, 112
Собор, 132, 137—139, 175
Трапезная, 122
Часовня, 132, 138
Новомосковск.
Церковь, 414
Новошицы.
Дом жилой, 509
Новый Мядель.
Костел приходский, 524, 527

О

Одельск.
Синагога, 529, 530
Одесса.
Базар старый. Ансамбль, 433
Биржа старая, 430, 434, 435
Больница городская № 1, 438, 439
Госпиталь, 240, 439
Гостиница Петербургская, 429, 430, 433
Дворец Воронцова, 430, 431
— Потоцкого, 431
Дома галерейные, 431
— жилые, 431
Институт благородных девиц, 437
Крепость, 426
Лестница Приморского бульвара, 429, 430
Памятник Ришелье, 429, 430
Планировка, 424, 426, 429, 430
Площадь полукруглая, 429, 430, 433
Портовые сооружения, 426
Присутственные места, 429, 430, 433
Театр, 435, 436
Озеры.
Синагога, 529
Олесько.
Укрепления, 347, 350
Олкеники.
Синагога, 529
Ольгово.
Усадьба, 250
Опалиха.
Деревня. Дом Зуевых, 311
Ораниенбаум.
Дворец Меншикова, 161
— Китайский, 197, 216, 217
Катальная горка, 197, 216, 217
Орел.
Гимназия, 323
Оренбург.
Гимназия, 323
Планировка, 201
Орехов.
Укрепления, 56
Орша.
Замок, 462, 463
Коллегиум иезуитский, 525
Костел францисканцев, 490
Монастырь Кутеинский женский, 494
— — — Собор Успенский, 497
Монастырь Кутеинский мужской Богоявленский (Белорусская лавра), 494
— — — — — Соборная церковь, 494, 495
Церковь монастырская, униатская, 521, 522
— православного кладбища, 524, 527
Осиново, село.
Церковь Введения, 265
Останкино.
Усадьба Шереметевых. Дворец, 248, 250, 251
Осташин.
Дом помещичий, 483
Сбор кальвинский, 467, 468
Осташков.
Дом Щетинина, 108
Планировка, 201, 202, 257, 294
Остров.
Ворота Никольские, 25
Планировка, 24
Станции почтовые, 323
Укрепления, 23, 56
Остров, село.
Церковь Преображения, 90, 91
Островоозерский монастырь.
Корпуса жилые, 101, 103
Острог.
Дом «мурованный», 348, 349
Замок кн. Острожских, 144, 364, 367
Планировка, 364
Укрепления, 347
Церковь Богоявления, 348, 356, 358
Острогожск.
Планировка, 367
Отрада.
Усадьба. Мавзолей, 292
Ошевенский погост.
Ворота и ограда, 103
Очкин.

Усадьба, 441
Очерский завод, 268, 306
Очер.
Планировка, 296

П

Павловск.
«Вольер», 248
Дворец, 247, 248, 249
Колоннада Аполлона, 248, 249
Мавзолей, 240, 249
Павильон Розовый, 237, 249
Павильон «Трех граций», 248, 249
«Храм дружбы», 248, 249
Панилово, село.
Церковь Никольская, 82, 83
Пантна.
Церковь, 355
Париж.
Дом Инвалидов, 211
Площадь Согласия, 243
Пафнутьев-Боровский монастырь, 60
Палата трапезная, 66, 67
Укрепления, 57
Пелла.
Дворец, 234
Переславль-Залесский.
Монастырь Горицкий. Ворота, 101
— Данилов. Собор, 85
— Никитский. Собор, 85
Церковь Никиты Столпника, 78
Церковь Петра Митрополита, 90, 91
Часовня Федоровского монастыря близ Переславля-Залесского, 138
Часовня Черниговская близ Переславля-Залесского, 151
Пересопница.
Монастырь, 356
Переяслав (ныне Переяслав-Хмельницкий).
Больница, 439
Планировка, 341
Ратуша, 433
Собор Вознесенский, 397
Церковь Михайловская, 372
— Успения, 378
Перово.
Дворец, 409
Пермь.
Планировка, 296
Пески, деревня.
Дом господский, 511
Пешношский монастырь.
Церковь-колокольня, 75
Петербург (Ленинград).
Адмиралтейство, 241—244, 270, 271, 279
Академия наук, 230
Академия художеств, 196, 208—210, 212, 214, 234, 270
— — Рисовальный корпус, 286
Арсенал, 203, 210
Банк ассигнационный, 230, 233, 270
Библиотека публичная им. Салтыкова-Щедрина, 234, 277, 279
Биржа, 234, 239, 240, 270, 271, 279
Бойня, 310
Вокзал Московский, 323, 428
Ворота у Нарвской заставы, 283
— у Московской заставы, 283, 284
Дача принца Ольденбургского, 328
Двенадцать коллегий, 170—172
Двор гостиный, 157, 196, 210, 212
Дворцы:
Аничков, 196
Белосельских - Белозерских, 330, 332
Воронцова, 163, 164, 167, 168
Зимний, 196, 197, 204
Летний на Фонтанке, 164
Мариинский, 328, 330
Меншикова на Васильевском острове, 161
Михайловский (позднее Русский музей), 274, 276, 277, 281, 330
Мраморный, ныне Ленинградский филиал музея им. В. И. Ленина, 196, 197
Дворец и парк на Елагином острове, 274, 281, 282
— Николаевский, 330, 332
— Петра в Летнем саду, 161, 162
— Строганова, 163, 196, 236
— Таврический, 244—246
— Черкасского, 161
— Чесменский, 198, 216
— Шереметевых, 175
— Шувалова, 175
Дома:
Аракчеева, 229
Брискорна, 300
Веймарна, 206, 207
Гернгроса, 300
Демидова, 284
Жилой Академии наук, 229
Комиссии духовных училищ, 299
Кочневой, 228, 229
Лаваля, 240
Лобанова-Ростовского, 284
№ 17 на ул. Гоголя, 206
№ 34 по Литейному проспекту, 317
№ 8 на Невском проспекте, 206
№ 10 на Невском проспекте, 206
Оливье, 299, 300
Пашковых, 228
Салтыковых, 228, 229
Сафонова, 206, 207
Стенбок-Фермора, 299
Строганова на Черной речке, 236
Тычинкина, 300
Чаплина, 300
Чернышева, 206, 207
Чичерина, 206
Замок Михайловский (Инженерный), 204, 234, 281
Институты:
Александровский, 198
Горный, 238, 239, 244, 271
Смольный (проект), 203
Казармы Павловские, 282, 283
Колонна Александровская, 275, 279, 284
Конюшни придворные, 282, 283
Костел Екатерины, 196
Крепость Петропавловская, 157, 173
— — Невские ворота, 234
Кунсткамера, 168, 170—172
Лавра Александро-Невская. Собор, 215, 244
Мануфактура Александровская, 267
— Невская бумагопрядильная, 316
— Новая бумагопрядильная, 316
— Российская бумагопрядильная, 316
Марсово Поле, 282, 283
Министерство иностранных дел, 274
Монастырь Смольный, 163, 174, 191
— — Собор, 173—175
Мост Эрмитажный через Зимнюю канавку, 199
Набережная Дворцовая, 197, 199
Новая Голландия, 197, 210
Павильоны Аничкова дворца, 279
— парковый на берегу Мойки, 276
Палаты Кикина близ Смольного двора, 161
— Шафирова, 161
Памятник Петру I, 162, 279, 319
Памятник Николаю I, 319
Планировка, 157, 158, 196, 240, 273, 274
Площади:
Александринская, 274, 276—279
Дворцовая, 198, 274—276, 279, 281
Исаакиевская, 319
Манежная, 281
Михайловская (площадь Искусств), 274, 276, 277
Сенатская (площадь Декабристов), 274, 279—281
Чернышева, 276, 277
Порт Галерный (проект), 241
Почтамт, 234, 270

Проспект Невский, 158, 167
Сад Летний, 161, 162, 164
— — ограда, 198
Сальный буян, амбары, 240
Сенат и Синод, 274, 279—281
Склады Провиантские (проект), 241, 244
Соборы:
Исаакиевский, 284—286
Казанский, 236—240, 244, 271
Никольский военно-морской, 174, 175
Петропавловский, 162, 171—173, 180
Троицкий, 284
Совет Опекунский, 286
Театр Александринский, 274, 276—279
— Большой, 240
— Каменноостровский, 286
— Эрмитажный, 233
Улица Театральная (улица зодчего Росси), 274, 276—279
Церковь Анны, 198, 215
— Владимирская, 215
— Екатерины у Калинкина моста, 328
— Екатерины лютеранская, 198
— Симеона и Анны, 172, 173
Штаб гвардейского корпуса, 324, 325
— главный, 274—276
Экзерциргауз, 324
Эрмитаж Новый, 328, 332
— Малый, 196, 197
— Старый, 197

Петергоф.
Бельведер, 332
Виллы Николая I, 332
334
Вокзал, 332, 335
Дворец Большой, 163, 173
Колоннада Большого каскада, 237
Конюшни дворцовые, 332, 334
Коттедж, 332
Павильон на Царицынском острове, 333
Планировка, 331
Фабрика гранильная, 198

Петровское-Барятинских.
Церковь, 132, 133

Петровское. Усадьба Демидовых, 201

Петровское-Дурнево.
Усадьба, церковь, 148, 151

Петровское-Разумовское.
Усадьба, 210

Петрозаводск.
Завод Александровский, 267

Печенеги.
Тюрьма, 433

Пинск.
Замок Вишневецкого на Каролине, 482
Костел иезуитов, 490
Монастырь Лещинский с Успенской церковью, 464
Монастырь францисканский, 528
— Костел, 468
Планировка, 532
— предместья Каролин, 482
Синагога, 500

Пияла, село.
Церковь Вознесенская, 127, 128

Подгора.
Церковь монастырская, 372

Подгорцы.
Дворец-замок, 370, 371

Подгоряны.
Монастырь, 357

Подлески, село.
Церковь, 353, 354

Подмоклое, село.
Церковь, 183, 184

Подпорожье, село.
Церковь Владимирская, 188

Подсосенье, село.
Церковь, 126

Пожевский завод, 269, 270, 308—309

Пожня.
Усадьба, 445

Покорщина.
Парк, 446

Полазнинский завод, 267

Полоцк.
Дом Петра I, 484
Дома казенные для губернатора, магистрата и земского суда, 538
Замок, 458, 460, 462, 463
Башня проезжая, 458
Замок Стрелецкий, 462
Коллегиум иезуитский, 503 525—528, 533
Костел, 518—520, 525, 526, 533
Правление губернское, 538
Магистрат (проект), 533
Планировка, 532, 533
Ряды торговые, 533, 537
Собор Св. Софии, 458, 462, 521, 522
Укрепления городские, 454, 462

Полтава.
Гимназия губернская, 437
Дворянское собрание, 428, 433, 436
Дом богоугодных заведений, 439
— вице-губернатора, 433, 434
— генерал-губернатора, 433, 434
— губернатора, 428, 433, 434
Корпус кадетский, 428, 433, 437
Крепость старая, 428
Монастырь Крестовоздвиженский. Собор, 395, 399
Монумент Славы на Круглой площади, 240, 428
Планировка, 428
Площадь круглая. Ансамбль, 428, 433, 434, 437
Почтамт, 429, 433
Присутственные места губернские, 428, 433, 434
— — уездные, 433, 434
Театр, 435
Тюрьма, 433
Церковь Покровская (Калнышевского), см. Ромны

Потеличи.
Церковь св. Духа, 354
Колокольня, 373, 375

Помялово.
Церковь, 125

Порхов.
Крепость, стены, 13, 14, 25
— башня Малая, 14
— — Средняя, 14
— ворота Никольские, 14

Поставы.
Аустерия, 506
Гостиницы, 506, 516
Дворец, 505, 506, 511
Дом заезжий, 506
— лечебницы и канцелярии, 506
Дома ремесленников, 506
Кафе, 506
Костел, 505
Площадь рыночная, 505, 506
Рынок или гостиный двор, 506, 517, 518
Суд, 506
Фабрики, 506
Церковь, 505
Школа, 506

Почаев.
Лавра. Ансамбль, 418, 422
Собор, 405, 417, 422
Трапезная, 422

Почеп.
Дворец Разумовского, 440

Прилуки.
Арсенал Галагана, 392
Больница, 439
Дворец, 370
Планировка, 384, 428
Собор Спасо-Преображенский, 396, 413

Пружаны.
Ряды торговые, 537

Прямухино.
Усадьба, 221

Псков.
Башня Гремячая, 24
Ворота Великие, 24
— Свинузские, 24
— Сокольские, 24
Город Довмонтов, 23, 24
— Окольный, 24
— Средний (Старое и Новое Застенье), 23, 24
Дом в Сокольем пер., 108
Дом Жукова, 106, 108
— Меншиковых, 105, 106, 108
— Лапина, 105
— на Школьной улице, 106
— Трубинских, 108, 109
— Ямских, 108, 109
Завеличье, 23
Запсковье, 23, 24

Захаб Образский, 24
Кром, 23
Монастырь Мирожский. Собор, 25, 27, 31
— Середкин близ Пскова. Церковь, 31
— Снетогорский близ Пскова. Собор, 25, 26, 31
Палаты Поганкиных, 105, 106
Планировка и застройка, 244, 260
Собор Троицкий, 26—28, 31, 135, 136
Торг, 24
Укрепления, 56
Церковь Богоявления с Запсковья, 28, 30, 31
— Варлаама Хутынского со Званицы, 27, 30
— Василия с Горки, 27, 28, 30
— Воскресения со Стадища, 27, 30
— Георгия со Взвоза, 27
— Иоакима и Анны, 29, 30
— Космы и Дамиана с Гремячей горы, 134
— Космы и Дамиана с Примостья, 27—29, 31
— Николо-Каменноградская, 31, 32
— Никиты мученика, 30
— Николы со Усохи, 27, 28, 31
— Одигитриевская, 137
— Петра и Павла, 29
Преполовения, 30
— Сергия с Залужья, 30
— Спаса с Жабьей лавицы, 30
— Успения с Пароменья, 28—31
Псково-Печерский монастырь.
Укрепления, 58
Пулково.
Обсерватория, 324, 325
Путивль.
Планировка, 341, 384, 385
Пучеж.
Церковь Преображенская на горе, 261
Пучуга, село.
Церковь, 126, 127
Пятничаны.
Усадьба, 445

Р

Радошковичи.
Замок, 462
Радзивиллимонты.
Усадьба. Дом жилой, 536
Рассохи.
Церковь, 539
Ракитное.
Усадьба, 444
Ракульский погост. Колокольня, 129
Режевский завод, 307
Романов-Борисоглебск (Тутаев).
Собор Воскресенский, 136
— ограда собора, 103, 132
— Крестовоздвиженский, 136
Рим.
Пантеон, 208
Площадь дель Пополо, 200
Собор Петра, 424
Церковь иль Джезу, 489
Рогань.
Мавзолей, 449
Рождествено, село.
Церковь, 151
Ромны.
Богоугодные заведения, 439
Собор, 399
Церковь Покровская (Калнышевского), 402, 405, 414
— Никольская, 447
Ростов.
Валы земляные, 99
Двор архиепископский (митрополия), 96, 100, 101, 111, 112, 137
— Палата Белая, 111, 112
— — Красная, 111
— Терема, 112
— Церковь Иоанна Богослова, 137
— Спаса на Сенях, 111, 137
Собор Успенский, 35
Соборная звонница, 138
Стены и башни, 96
Монастырь Спасо-Яковлевский. Собор, 257
Ростов-на-Дону.
Планировка, 296
Ростовское, село.
Церковь, 186
Рубель.
Церковь, 539
Ружаны.
Дворец, 534
Рундале.
Дворец, 163, 168
Рыхловский монастырь. Ансамбль, 385
Кельи, 388
Рязань.
Собор Успенский, 151—153
Рясне.
Церковь, 447

С

Саввин-Сторожевский монастырь (близ Звенигорода).
Дворцы, 115, 151
Звонница, 138
Собор, 37, 38
Трапезная, 119
Саратов.
Планировка, 263
Сатанов.
Замок, 352
Саунино, село.
Церковь, 127
Свияжск.
Крепость, 52
Святск.
Дворец, 533, 534
Себеж.
Крепость, 55
Управление уездное, 538
Севастополь.
Адмиралтейство, 426
Госпиталь, 426
Планировка, 426
Склады, 426
Укрепления городские, 426
Церковь Петропавловская, 449
Седнев.
Дом (каменица) Лизогуба, 387
Усадьба старшинская, 385
Церковь, 393, 397
Семенов.
Планировка, 260
Середниково.
Усадьба, 250
Серпейск.
Планировка, 202, 257
Серпухов.
Кремль, 58
Сиворицы.
Усадьба, 222, 244
Сийский монастырь.
Колокольня, 138
Симбирск.
Здания административные на Главной улице, 318, 319
Симферополь.
Дворец, 426
Планировка, 426
Присутственные места, 426
Ряды торговые, 433
Ситно.
Крепость, 457
Скала.
Укрепления, 374
Сквир.
Присутственные места, 433
Славгород.
Церковь, 449, 539
Славгородок.
Мавзолей, 449
Церковь, 449
Слоним.
Ворота монастыря бернардинцев, 525, 528
Дворец Огинского, 505, 513
Замок, 470, 513
Каплица св. Доминика, 524, 526
Костел бенедиктинок, 470
— бернардинок, 470, 490, 521
Монастырь бернардинок, 528
Костел бернардинцев, 470, 487, 488, 490
— доминиканцев, 470
— каноников латеранских, 470
— приходский, 470, 522, 522
Планировка, 470, 505
Синагога, 470, 500, 501
Театр, 505, 513
Типография, 505
Фабрика, 505
Церковь Спасская, 470, 471
Слуцк.
Костел приходский, 524
Планировка, 471
Фабрика поясов, 505
Церковь Михайловская, 539

Смоленск.
Стены крепостные, 59
Церковь Михайло-Архангельская, 39
Смоляны.
Замок, 481, 482
Сморгонь.
Сбор кальвинский, 467, 468
Снов.
Дворец Рдултовского, 534, 535
Сокол.
Крепость, 457
Сокиренцы.
Усадьба Павла Галагана, 440, 443, 444
Соликамск.
Дом воеводский, 116
Колокольня, 138
Собор Троицкий, 132
Соловецкий монастырь.
Мельница, 68, 70
Палата трапезная, 64, 66
Укрепления, 61
Солотчинский монастырь.
Трапезная, 120
Сольвычегодск.
Введенский монастырь. Собор, 140, 142—145, 151
Хоромы Строгановых, 62
Церкви деревянные, 81
Сопоцкин.
Синагога, 530
Сорочинцы.
Церковь Покровская, 396, 402, 413
Софрино (Сафарино).
Дом Салтыкова, 111
Церковь, 150
Спас Вежа, село.
Церковь, 124
Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере.
Собор, 69
Спасо-Прилуцкий монастырь
Башни, 100, 101
Спасский погост.
Ворота и ограда, 103
Спасское, усадьба.
Ротонда-зернохранилище, 252, 256
Старая Водолага.
Мавзолей, 449
Старая Ладога.
Крепость, 56
Церковь Георгиевская, 17
Старица.
Успенский монастырь. Собор, 86
Стародуб.
Ряды торговые, 433, 435
Собор Рождественский, 393, 394
Церковь Иоанна Предтечи, 394
Старое село.
Замок, 370
Старые Ключищи, село.
Церковь, 126
Старые Хутора.
Церковь, 393
Старый Быхов.
Ворота Могилевские, Подольные, Рогачевские, 471
Замок, 471, 478—480
Планировка, 471
Синагога, 471, 500, 501
Укрепления, 471, 479
Старый Константинов.
Замок, 352
Стеблевка.
Церковь, 353, 355
Столбцы.
Костел доминиканский, 488, 489
Стрешин.
Церковь, 539
Студениц.
Станция почтовая, 439
Субботов.
Дворец гетманский, 370, 385
Церковь Ильинская, 372, 373, 402
Судак (Солдайя).
Укрепления, 342
Суджа.
Планировка, 98
Судче.
Церковь, 495, 496
Суздаль.
Монастырь Александровский.
— Ворота, 103
— Ризположенский. Ворота, 101, 103
— Спасо-Евфимиев. Башня надвратная, 101, 103
— — Звонница, 138
Палаты архиерейские, 112
Суланда, село.
Церковь, 81
Сулимовка.
Церковь Покровская, 373, 378
Сумы.
Планировка, 366, 367, 384, 427
Собор Воскресенский, 394
Укрепления, 427
Церковь Покровская, 413
Супрасль.
Церковь монастырская, 465, 499
Сутковцы.
Замок, 352
Церковь, 359, 360
Суханово, усадьба.
Мавзолей, 301, 304
Суходолы.
Церковь, 353, 354
Суша.
Крепость, 457
Сылвинский завод, 307
Сынковичи.
Церковь, 464
Сынява.
Церковь, 414
Сычин.
Церковь, 353, 354

Т

Таболово.
Усадьба. Церковь, 182, 183
Таганрог.
Планировка, 98, 99, 157
Укрепления, 157
Тайцы.
Усадьба, 244
Тайнинское, село.
Церковь, 131, 132
Тараща.
Присутственные места, 433
Церковь, 414
Татары.
Дом в имении, 511
Татьянино, село.
Планировка, 310, 311
Тверь (Калинин).
Дворянское собрание, 226
Дом архиерейский (Путевой дворец), 201, 274
Дома № 39 и 59 по Советской улице, 201
Кремль, 200
Планировка, 199—201
Площадь Красная, 200
Площадь торговая, 200
Площадь Фонтанная, 200, 201
Присутственные места, 201
Тейково.
Церковь Ильинская, 133
Тихвин (Тихвинский посад).
Дома жилые, 104, 105
Монастырь Успенский. Часовня, 132
Теребовля.
Церковь Николая, 359
Тернополь.
Церковь Христорождественская, 377, 378
Тобольск.
Двор Меновой (гостиный), 96, 118
Кремль, 98, 99
Планировка, 50, 98, 99
Токари.
Усадьба, 444
Токи.
Замок, 352
Толгский монастырь.
Ворота, 100
Томск.
План 1830 г., 294
Торжок.
Монастырь Борисоглебский.
Собор, 234, 257
Планировка, 46
Церковь Вознесенская, 124, 126
Торопец.
Планировка, 257
Триполье.
Дворец, 370
Троице-Сергиева лавра, 36
Колокольня, 178, 180, 182
Палаты больничные, 120, 122
Скит Гефсиманский, церковь, 126
Собор Троицкий, 37—39, 42
Собор Успенский, 85
Трапезная, 63, 67, 119—121, 151
Укрепления, 57
Церковь Духовская, 75, 76, 90, 147
Церковь Зосимы и Савватия, 122

Часовня надкладезная, 151
«Чертоги», 115, 117
Троицкое-Голенищево, село.
Церковь, 133
Троицкое-Лыково, село.
Церковь, 147—149
Тростянец.
Дендропарк, 446
Тула.
Дворянское собрание, 226
Кремль, 56, 57
Тупичев.
Монастырь Свято-Духовский, 494, 496
Туровля.
Крепость, 457
Турчасово, село на р. Онеге.
Церковь Преображенская, 266
Тюмень.
Планировка, 263
Тярлево.
Школа земледелия, 256

У

Уборы, село.
Церковь, 147—151
Углич.
Монастырь Алексеевский.
«Дивная церковь», 91, 92, 133
Монастырь Паисиев близ Углича. Ворота, 100
Палаты княжеские, 65, 66
Планировка, 45, 46
Собор Спасский, 66, 69
Уйма, село.
Церковь Никольская, 188
Умань.
Двор гостиный, 433
Парк Софиевка, 445, 446
Уна, село.
Церковь, 81
Унев.
Монастырь. Ансамбль, 356
Церковь, 356, 358
Усвят.
Дома жилые, 477
Укрепления замковые с башнями, воротами и княжеским домом, 477
Цейхгауз, 477
Церковь, 477
Усолье.
Дом Строгановых, 185, 186
Усть-Выя.
Часовня, 129
Усть-Паденга, село.
Церковь, 124
Устюжна.
Церковь Казанская, 142, 144
Уткинский завод, 267, 307
Уфа.
Планировка, 263

Ф

Феодосия.
Дома жилые, 431
Госпиталь военный, 439
Укрепления, 342
Ферапонтов-Белозерский монастырь.
Собор, 69, 71
Фили.
Церковь Покрова, 147, 149
Флорищева пустынь.
Монастырь. Планировка, 97

Х

Хальч.
Планировка усадьбы. Дома жилые усадебные, 536
Харино, село.
Планировка, 310, 311
Харьков.
Двор гостиный, 433
Дворянское собрание, 436
Институт благородных девиц, 437
Планировка, 366, 427
Собор Покровский, 394, 413
Собор Успенский, колокольня, 449
Укрепления, 427
Университет, 436
Церковь Николаевская, 413
Хатное.
Усадьба, 444
Херсон.
Верфь, 425, 426, 450
Гимназия, 437
Госпиталь Черноморский при порте, 241, 439
Двор литейный, 426, 450
Дома галерейные, 431
Завод канатный, 426, 450
Крепость, 425, 426, 450
Мастерские литейно-пушечные, 450
Планировка, 424—426, 429
Собор Екатерининский, 426
Хмелита.
Усадьба, 252
Ходоров.
Церковь, 414
Холмогоры.
Дом архиерейский, 111
Колокольня, 138
Собор, 134, 136, 138
Хорол.
Больница, 439
Планировка, 385
Хорошево.
Усадьба. Церковь, 78
Хорошевский монастырь.
Собор Вознесенский, 413
Хотень.
Усадьба, 441, 442
Хотин.
Замок, 342, 345, 347, 348, 358, 361
— церковь, 358
Хуст.
Замок, 345, 347, 352
Хырлэу.
Церковь, 41

Ц

Царицыно.
Беседка парковая «Миловида», 235
— — «Нерастанкина», 235
«Ворота фигурные», 216, 218, 219
Дворец, 216, 218, 219
«Дом оперный», 216, 218, 219
«Дом хлебный», 216, 218, 219
Корпуса кавалерские, 216, 218, 219
«Мост фигурный», 216, 218, 219
Павильоны дворцовые, 216, 218, 219
Царское Село (Пушкин).
Бани холодные с агатовыми комнатами, 248
Ворота Орловские, 197
Галерея Камеронова, 248, 250
Дворец Екатерининский, 163—166, 191, 204
Колонна Чесменская, 197
Павильоны:
«Адмиралтейство», 216
«Большой каприз», 216
«Китайский театр», 216
«Монбижу», 175
«Эрмитаж», 175
Сад висячий, 248
Целиев.
Церковь, 354
Цывозеро, село.
Колокольня, 129

Ч

Чаростров.
Часовня, 129
Чебоксары.
Дом Зелейщикова, 108
Дома жилые, 105
Чекуево, село.
Церковь Преображения, 128
Чериков.
Планировка, 532
Черкассы.
Планировка, 428
Присутственные места, 433
Черкизово-Старки, село
Церковь, 204
Чернигов.
Дом Лизогуба, 387—389, 392
— Полуботка, 387
Застройка, 385
Избы курные, 430
Магистрат, 433
Монастырь Елецкий. Кельи, 388, 390, 406
— — Собор, 402
Монастырь Троицкий. Ансамбль, 391
— — Кельи, 388, 406
— — Колокольня, 422
— — Собор, 395, 399—402
— — Трапезная, 391, 392
Планировка, 341, 428
Тюрьма, 433
Усадьба старшинская, 385
Церковь Екатерининская, 396—398, 413

— Ильинская, 32
— Пятницкая, 39, 42
Черноисточинский завод, 307
Чернобай, село.
Церковь, 447, 448
Чертков.
Замок, 352
Церковь Успенская, 393
Чигирин.
Дворец гетманский, 385
Застройка, 384
Присутственные места, 433
Чугуев.
Планировка, 366, 367, 384, 385
Укрепления, 427
Чухчерьма, село.
Церковь Ильинская, 128
— Васильевская, 80

Ш

Шенкурск.
Собор, 128
Ширков.
Погост. Церковь, 125, 126
Шклов.
Ратуша, 537
Ряды торговые, 537
Церковь Троицкая, 540
Шуерецкое, село.
Церковь Пятницкая, 127
Шуя.
Больница, 322
Собор, 261

Ю

Юксовичи, село.
Церковь, 82
Юркино, село.
Церковь, 78
Юромский погост.
Церковь Архангела Гавриила, 127
— Ильинская, 188
Юрьев-Польской
Собор, 35

Я

Яготин.
Парк, 446
Усадьба Разумовского, 444
Церковь, 447
Якутск
Острог, 100
Ям.
Крепость, 56
Яндомозеро, село.
Церковь, 127
Ярополец.
Усадьба, 250
Ярославль.
Башни городских укреплений, 99
Дом генерал-губернатора, 257
— Иванова, 106
— «Соборный», 111
Лицей Демидовский, 258
Монастырь Афанасьевский, 258
Планировка, 201, 257, 258, 294
План 1778 г., 257
Присутственные места, 257
Церковь Ильинская, 135, 258
— Иоанна Златоуста в Коровнинках, 103, 134, 136, 138
— — — — колокольня, 138
— — Предтечи в Толчкове, 135, 136, 151
— — — — колокольня, 153
— — — — ограда, 103
— Николы Мокрого, 135, 136
— Петра и Павла, 151
— Рождественская. Колокольня, 138
— Спаса на городу, 136
Ярышев.
Церковь, 414
Ясиня.
Церковь, 414, 447

3. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗОДЧИХ, СКУЛЬПТОРОВ И ХУДОЖНИКОВ-МОНУМЕНТАЛИСТОВ

А

Аква дель Андреа, 363, 366, 371
Аксамитов Дмитрий Васильевич, 115, 117, 176, 384
Алоизий (Алевиз Новый), 53, 75, 133
Алоизий ди Каркано (Алевиз), 53, 64, 65
Андреев Иван, 98
Аргунов Павел Иванович, 248, 251
Аргунов Федор Семенович, 175

Б

Баженов Василий Иванович, 194, 203, 204, 207, 216, 218, 219, 225, 226, 236, 241, 270
Баптиста Иван, мастер мурарски, 399
Барбон Петр, 369, 375
Барма, 88
Барский Иван Григорьевич, 409, 412, 415, 418, 419, 420
Басин Петр Васильевич, 286
Беккер Ян, 532, 534
Белозеров Владимир Иванович, 182, 183
Бенуа Николай Леонтьевич, 332, 334, 335
Беретти Александр Викентьевич, 437
Беретти Викентий Иванович, 436—438
Бернардони Ян, 489
Бетанкур Августин Августинович, 290
Бизяев Петр Алексеевич, 248, 251
Бланк Иван, 208
Бланк Карл Иванович, 194, 211
Блондель Жак Франсуа, 210, 222
Блюм Ганс, 94
Бове Осип Иванович, 272, 287—292, 298, 300
Болотов А. М., 299
Бон Фрязин, 77
Боплан Гильом, 363, 366, 371
Борисов Григорий, 60
Боровиковский Владимир Лукич, 539
Боффо Франц Карлович, 423, 429
Бренна Викентий Францевич, 247, 274
Брунеллеско Филиппо, 74
Бруни Федор Антонович, 286
Брюллов Александр Павлович, 324—328
Брюллов Карл Павлович, 286
Буржуа, 425
Бухвостов Яков Григорьевич, 147, 149, 151, 153
Быковский Михаил Доримедонтович, 314

В

Валлен-Деламот Жан Батист, см. Деламот
Васильев Никифор, 103
Васильев Евгений Алексеевич, 449
Вахрамеев Гурий, 115
Виньола Джакомо Бароцци, 94 222, 380
Витали Иван Петрович, 286, 291, 293
Витрувий Поллион, 222
Витт де Ян, 420, 422
Возоулин Антипа, 134
Возоулин Лаврентий, 134
Волков Матвей Степанович, 313
Волков Федор Иванович, 450
Воллан де Франц Павлович, 426
Ворона Демьян, 399
Воронихин Андрей Никифорович, 234, 236—240, 244, 247, 248, 270, 271, 295
Вриз Вредеман де, 94, 481
Выродков Иван Григорьевич, 52

Г

Габриэль Жак-Анж, 210
Габриэль Якуб, 532
Галовей Христофор, 101
Гаскойн К. И., 267
Гау Э. П., 327
Герард Фердинанд (Федор) Иванович, 197
Гербель Николай Федорович, 168, 170
Герн де, 250
Геруа Клод, 424
Гесте Вильям (Василий Иванович), 262, 287, 425, 434
Глаубиц Ян Кристоф, 528
Гонзага Пьетро ди Готтардо, 238, 248
Готман Андрей Данилович, 326
Граве В., 222
Григорьев Афанасий Григорьевич, 272, 287, 292, 298, 301, 302, 304
Григорович-Барский, см. Барский И. Г.
Грубер Габриель, 527
Губа Карп, 131
Гурьев Семен Емельянович, 193
Гусев Петр Иванович, 263

Д

Даниил Черный, 42
Данилов Федор Иванович, 438
Дебоскет Даниил, 405
Деламот Валлен Жан-Батист Мишель, 194, 196, 197, 206, 208, 209, 270, 440
Дементьев Савва, 114, 117
Демут-Малиновский Василий Иванович, 276, 279
Джиларди Антонио из Виченцы (Антон Фрязин), 53
Джонс Иниго, 210
Дикушин Григорий Ефимович, 248, 251
Дубровский Павел Андреевич, 423, 440, 443
Дюрер Альбрехт, 55

Е

Егоров Петр, 198
Еготов Иван Васильевич, 234, 235
Еропкин Петр Михайлович, 158, 161, 162, 196
Ефимов Николай Ефимович, 319, 328
Ефимович Матвей, 394

Ж

Жилярди Дементий (Доменико) Иванович, 272, 287, 292, 293, 298, 300
Жилярди Джованни (Иван), 292, 301
Жуков Илья Данилович, 304

З

Замараев Гавриил Тихонович, 292
Зарудный Иван Петрович, 179, 180
Захаров Адриан Дмитриевич, 229, 234, 240—244, 257, 270, 297, 298, 423, 433, 434, 439, 447

Зеленин Иван, 104, 105
Земцов Михаил Григорьевич, 161, 162, 168, 170, 172, 173, 178, 196
Зерникау Адам, 399

И

Иван Баптиста, см. Баптиста Иван
Иванов Дмитрий, 178
Иванов Михаил, 103
Игнат, 487
Игнатьев Трофим, 100, 101
Иконников Михаил Степанович, 433

К

Кавос Альберт Катаринович, 290
Казаков Матвей Федорович, 194, 200, 201, 211—216, 218, 220, 223—226, 234—236, 270, 271, 292, 423
Камерон Чарльз, 238, 247—250, 271, 423, 443
Кампорези Франческо, 248
Канова Антонио, 248
Карташевский Антип, 439
Кастелли Томазо из Лугано, 363
Каширин Иван Антонович, 263, 294
Кваренги Джакомо, 114, 167, 232, 233, 240, 271, 327, 423, 439, 441, 442, 447
Квасов Алексей Васильевич, 194, 165, 196, 201, 206
Квасов Андрей Васильевич, 164, 165, 403, 404, 409, 415, 418, 419
Кедрин Иван Степанович, 438
Киавери Гаэтано, 168, 170
Кларк Матвей, 539
Кленце Лео фон, 327, 328
Клодт Петр Карлович, 283, 286, 303
Кнобель Иоганн Фридрих, 503, 514
Князев Иван Иванович, 426
Ковалев Ларион, 112, 113
Ковнир Степан Демьянович, 408, 409, 411, 412, 421, 422
Кокоринов Александр Филиппович, 194, 208—210, 270
Комаров Александр Зиновьевич, 272, 305—308
Конрад Кристофор, 178
Константинов Антипа, 114, 115, 133
Конь Федор Савельевич, 56, 59
Коринфский Михаил Петрович, 295
Коробов Иван Кузьмич, 162, 178, 196, 208
Корольков Алексей, 118, 119
Косинский Блажей, 521
Костоусов Дмитрий, 118, 122
Костоусов Леонтий, 118
Красовский Аполлинарий Каэтонович, 314
Красовский Петр, 369, 375, 376
Кубенин А., 265
Кузнечик Иван, 122, 131
Кулон Шарль Огюстен, 193
Купинос Войцех, 375, 376, 380

Л

Лаер ван, 477
Леблон Жан-Батист Александр, 159
Легран Николай Николаевич, 214
Леклерк С., 222
Лем Иван, 194, 196, 222
Леонардо да Винчи, 55
Логановский Александр Васильевич, 286
Лохоцкий Максим, 135
Луценко Кирилл Алексеевич, 307
Львов Николай Александрович, 214, 222, 234, 252—255, 257, 447, 538, 539

М

Макаров Терентий, 146
Малахов Михаил Петрович, 269
Мартос Иван Петрович, 429
Маттарнови Георг-Иоганн (Иван Степанович), 168, 170
Мёзер Ю. М., 512, 513, 515, 516
Меленский Андрей Иванович, 423, 427, 428, 433
Мельников Абрам Иванович, 423, 429, 430
Мельников Степан Петрович, 304
Менелас Адам Адамович, 332, 444
Меллер И., 425, 427, 450
Меретин (Мердерер) Бернард, 411, 412, 418—420
Метлин Николай, 294
Микетти Николай, 161
Миронов Алексей Федорович, 248, 251
Михайлов Андрей Алексеевич, 272, 286, 289, 298
Михайлов Иван, 114, 117
Мичурин Иван Федорович, 162, 178, 403, 408, 409, 415
Монферран Огюст-Рикар (Август Августович), 275, 284, 285, 319
Мякишев Дорофей, 151, 153

Н

Назаров Елезвой Семенович, 232
Неверов Иван, 118, 120
Неелов Василий Иванович, 194, 216, 403
Неелов Илья Васильевич, 198, 216
Неелов Петр Васильевич, 408, 409
Никитин Петр Романович, 199—201, 258
Нонхард Петр, 477, 481, 482

О

Обберген Антониус ван, 481
Овсянников Михаил Алексеевич, 300
Огурцов Бажен, 114, 115
Орловский Борис Иванович, 284

П

Павел Римлянин, 375, 376, 380
Палладио Андреа, 222
Паньков Петр Яковлевич, 260, 294
Паскаль Евгений, 290
Пель А., 300
Пёппельман Матеус Даниель, 503, 514
Перро Клод, 222
Петрок Малый, 48, 55, 77, 138
Петров Семен, 114, 117
Пименов Степан Степанович, 276, 279, 282, 283
Пинзель, 420
Пирятинский Афанасий, 399
Плавов Петр Сергеевич, 286
Погребняк Яким, 414
Попов Ф., 407
Посник (Постник Яковлев), 88
Потапов Парфен, 119
Потапов Петр, 146
Потехин Павел, 103
Премацци Луиджи (Людвиг Осипович), 327
Претвич Иов, 350
Прихильный Амвросий, 350, 375, 376, 380
Прохор из Городца, 42
Пятницкий Петр Гаврилович, 295

Р

Растрелли Бартоломео Франческо (Варфоломей Варфоломеевич), 162—165, 167, 168, 173—175, 177, 183, 197, 204, 326, 327, 403, 409, 415, 416
Римлянин Павел, см. Павел Римлянин
Ринальди Антонио, 194, 197, 216, 217
Роденбург Ян ван (Ян Корнилов), 99
Росси Карл Иванович, 247, 262, 272—282, 297, 298, 324
Рублев Андрей, 39, 41, 42
Руска Луиджи, 228, 262, 271, 297, 298, 437

С

Сакко Джузеппе, 503, 533, 534
Свиязев Иван Иванович, 272, 305, 306, 309, 314
Серлио Себастьяно, 222
Скамоцци Виченцо, 94, 363, 371
Скаржинский Ксаверий Алоизиевич, 433
Скотти Дементий Карлович (Доменико), 276
Скотти Иван Карлович (Джованни — Батиста), 276
Служка Иван, 344
Смык Николай, 522
Соколов Егор Тимофеевич, 234
Сокольников Кузьма Семенович, 260
Солари Пьетро Антонио (Петр Фрязин), 53, 62—64
Спампани Карло, 532
Спиридонов Федор, 111, 131
Станзани, 423

Старов Иван Егорович, 194, 196, 215, 244, 245, 253, 257, 270, 423, 424, 439, 534
Старцев Дмитрий Михайлович, 118, 119
Старцев Осип Дмитриевич, 112, 113, 119, 384, 401, 402
Стасов Василий Петрович, 272, 274, 282—284, 297, 298, 300, 309, 310, 328, 423, 439
Стрижаков Василий Яковлевич, 304
Сухотин Федор, 98

Т

Теребенев Александр Иванович, 328
Тимофеев Иван Тимофеевич, 291
Токарев Николай Андреевич, 279
Томон Тома де Жан, 234, 238—240, 248, 270, 271, 423, 428, 435, 436, 438, 439
Томашевский Мартын, 399
Тон Константин Андреевич, 287, 326, 328, 329, 450
Трезини Доменико Андреа (Андрей Петрович) 158—161, 170—173
Трискорни Александр, 248
Турчанинов Сергей, 142
Тюрин Евграф Дмитриевич, 293, 304

У

Уланка, 99
Урбаник Мартин, 420, 422
Устинов Григорий Иванович, 116, 171, 395
Ухтомский Дмитрий Васильевич, 178, 179, 180, 182, 194, 200, 201, 203
Ухтомский К. А., 327
Ушаков Ларион, 114, 115, 133

Ф

Федорок, 346, 348
Фельетен Юрий Матвеевич, 194, 197, 198, 215, 216
Феофан Грек, 35, 42
Феска, 487
Фиораванти Аристотель, 53, 64, 71—74
Фонтана Джованни-Марио, 161, 176
Фрис Фредеман де см. Вриз Вредеман де
Фурсов Петр Иванович, 294
Фрязин Антон, см. Джиларди Антонио из Виченцы
Фрязина Марк, 53, 62—64

Х

Хаим, сын Исаака Сегала из Слуцка, 501

Ч

Чеботарев Александр Петрович, 307
Чевакинский Савва Иванович, 174, 175, 197, 203
Чоглоков Михаил Иванович, 122

Ш

Шамбре Фреар де, 194
Шарлемань Иосиф Иванович, 310
Шарутин Трефил, 114, 115, 118, 120
Шебуев Василий Козьмич, 286
Шедель Иоганн Готфрид (Иван Иванович), 161, 403, 404, 406, 410, 420
Шелудько Панас, 405
Шестаков Федор Михайлович, 290, 301, 309, 310
Шинкель Карл Фридрих, 328, 330
Шлютер Андреас, 161
Штакеншнейдер Андрей Иванович, 319, 328, 330, 332, 333, 446
Штауберт Александр Егорович, 326
Штром Иван Васильевич, 433
Шульц Михаил, 532
Шустов Смарагд Логинович, 286
Шумахер Иван Яковлевич, 180

Щ

Щасливый Павло, 380
Щедрин Феодосий Федорович, 428

Э

Экк, Шарль, 309

Ю

Юрасов М., 407

Я

Яновский Алексей Гаврилович, 440
Ярославский Петр Антонович, 423, 439, 440, 449
Ярцев Аникита Сергеевич, 267
Ясныгин Иван Денисович, 257, 258, 260
Яух Даниель Ян Иоахим Христиан, 503

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение — П. Н. Максимов 7

Часть первая. АРХИТЕКТУРА РОССИИ

Глава 1. **Архитектура Новгорода и Пскова конца XIII — начала XVI в.** — П. Н. Максимов 11

Глава 2. **Московская архитектура XIV — первой половины XV в.** — П. Н. Максимов 34

Глава 3. **Архитектура второй половины XV—начала XVII в.** — А. Г. Чиняков 43

Глава 4. **Архитектура второй четверти — конца XVII в.** — П. Н. Максимов, О. И. Брайцева (культовая архитектура конца XVII в.) 94

Глава 5. **Архитектура 1700-х — 1750-х гг.** — П. А. Тельтевский 156

Глава 6. **Архитектура второй половины XVIII — начала XIX в.** — А. И. Власюк, А. М. Харламова. (Усадьбы провинции второй половины XVIII в.) 192

Глава 7. **Архитектура 1810-х — 1830-х гг.** — М. И. Рзянин 272

Глава 8. **Архитектура 1840-х — 1850-х гг.** — И. В. Эрн 313

Часть вторая. АРХИТЕКТУРА УКРАИНЫ

Глава 1. **Архитектура XIV — первой половины XVI в.** — Г. Н. Логвин . . . 339

Глава 2. **Архитектура второй половины XVI — первой половины XVII в.** — Ю. А. Нельговский 362

Глава 3. **Архитектура второй половины XVII — 20-е гг. XVIII в.** — М. П. Цапенко 383

Глава 4. **Архитектура 20-х — 80-х гг.** — П. Г. Юрченко 403

Глава 5. **Архитектура последней трети XVIII — первой половины XIX в.** — Н. А. Грицай (общественные здания), И. А. Игнаткин . . . 423

Часть третья. АРХИТЕКТУРА БЕЛОРУССИИ

Глава 1. **Архитектура XIV—XVI вв.** — Е. Д. Квитницкая 453

Глава 2. **Архитектура XVII в.** — Е. Д. Квитницкая 469

Глава 3. **Архитектура XVIII в.** — Е. Д. Квитницкая 503

Глава 4. **Архитектура конца XVIII—начала XIX в.**—В. А. Чантурия . . . 532

Заключение — П. Н. Максимов 541

Приложения:

1. Литература 545

2. Указатель архитектурных памятников — В. В. Ахова (ч. I, гл. 1, 4, 5, 6, 7; ч. III), Е. И. Кириченко (ч. II), Т. Н. Самохина (ч. I, гл. 2, 4) 548

3. Именной указатель зодчих, скульпторов и художников-монументалистов — В. В. Ахова (ч. I, гл. 1, 4, 5, 6, 7; гл. III), Е. И. Кириченко (ч. II), Т. Н. Самохина (ч. I, гл. 2, 4) 564

Иллюстрации выполнены под руководством *О. И. Брайцевой.* Подбор иллюстраций и разработка тоновых и графических таблиц выполнены *О. И. Брайцевой* (ч. I, гл. 1, 2, 4), *Л. К. Игнатьевой* (ч. I, гл. 6), *Н. Д. Крапивиной* (ч. I, гл. 5, ч. III), *С. Д. Крыжицким* (ч. II), *А. М. Харламовой* (ч. I, гл. 3, 6) Усадьбы провинции 2-й половины XVIII в. (гл. 7), *И. В. Эрн* (ч. I, гл. 8). В подборе иллюстраций и разработке таблиц принимали участие авторы соответствующих глав.

Опечатки к V тому ВИА

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
46	правая	23-я снизу	две стороны медали	две стороны того
52	»	24-я снизу	динамическому	динамичному
558	»	2-я снизу	Говге	Говче
585	подпись	к рис. 7	Нове замки, схема плана, 1580 г.;	Нове Замки, схема плана, 1567 г.
586	левая	7-я сверху	1580	1567
645	»	16-я сверху	Колотвар	Коложвар
648	средняя	8-я сверху	Пенсхерст Плейс, 442	**Пенсхерст Плейс** Поместье, 442

Научно-исследовательский институт теории, истории
и перспективных проблем советской архитектуры

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

ТОМ VI. АРХИТЕКТУРА РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ
XIV — первой половины XIX вв.

СТРОЙИЗДАТ. МОСКВА, К-31, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, д. 9.

РЕДАКТОРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА Г. М. АНЦИФИРОВА, С. Л. БОГИНА, В. С. МАСЛЕННИКОВ.

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА В. В. ЛАЗУРСКОГО

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ А. А. ГОЛОВКИНОЙ, Л. Н. БРУСИНОЙ

КОРРЕКТОРЫ Л. П. АТАВИНА, А. Н. ПОНОМАРЕВА

Сдано в набор 11/XI 1966 г. Подписано к печати 23/II 1968 г. Т-15916. Формат 84×108¹/₁₆. Бум. л. — 18,05. Усл. печ. л. — 59,64 + 10 вклеек 1,05 усл. печ. л. (Уч.-изд. л. 63,14). Тираж 12 000 экз. Изд. № VIII—8827/VI. Заказ № 725. Цена 4 р. 92 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Опечатки

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
109	левая	24-я снизу	архитектора дома Канунникова	архитектуру дома Канунникова
214	правая	3-я сверху	Знание	Здание
Там же	там же	24-я сверху	дворцом	двором
»	»	25-26 сверху	получившие	получившими
259	правая	2-3 снизу	элементы казенщины, схематизма	элементы казенщины, что приводило в ряде случаев к схематизму
288	левая	3-4 снизу	Скорбященскую на Ордынке	Скорбященскую церковь на Ордынке
302	левая	5-6 снизу	фундаментов и построек.	фундаментов построек.
446	левая	5-я снизу	А. Н. Штакеншнейдера	А. И. Штакеншнейдера
548	левая	9-я сверху	Александров-Свирский	Александро-Свирский
Там же	там же	18-я сверху	Александровское	Алексеевское
»	»	22-я сверху	Алексеевское	Андреевское
»	»	4-я снизу	153	152
550	средняя	24-я снизу	— Счетоводов	— Школы счетоводов
Там же	там же	29-30 сверху	516	516 «Роскошь», 507, 515, 516
555	средняя	33-я сверху	— — Спасская, 54, 101, 102	— — Спасская, 54, 101, 102 — — Тайницкая, 54, 55
559	левая	22-я снизу	Царицынском	Царицыном
560	правая	27-я сверху	318, 319	318
Там же	там же	12-я снизу	522, 522	522, 523
565	левая	29-я сверху	165, 196	196

Поправки

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
74	правая	2-я сверху	московские	русские
107	правая	8-я сверху	1—3,4	1, 3, 4
119	левая	16-18-я сверху	изразчатым фризом наверху и оконными наличниками	изразчатый фриз наверху и оконные наличники
125	подпись к рис. 39	2-я снизу	Волоколамской	Великолуцкой
127	левая	13-15-я снизу	Архангельской области, именовавшиеся в документах XVII в. «древяна клетски верх шатром».	Архангельской области.
134	левая	1-2-я сверху	конструкция	реконструкция
135	правая	4-я сверху	архитектуре XVII в.	архитектуре XVII в. в Верхнем Поволжье
221	правая	4-я сверху	I — усадебный двор	I — усадебный дом
Там же	там же	3-я снизу	передний	парадный
317	правая	19-20-я сверху	которые	и
347	подпись к рис. 10	2-я снизу	XIII — XIV вв.	XIII—XV вв.
368	правая	9-я снизу	Жолква	Жовква
371	левая	6-я сверху	двора	дворца
Там же	там же	16-я сверху	дворца	двора
373	подпись к рис. 9	4-я сверху	конец XVI — начало XVII в.	конец XVI — начало XVIII в.
396	правая	26-я сверху	рис. 18	рис. 17, 2; 18
412	правая	21-я сверху	1756	1765
521	левая	5-я сверху	(1704—1760,	(с 1736 г.,
Там же	правая	2-я сверху	1704—1760 гг.	(с 1736 г.)
523	левая	5-я снизу	(рис. 39).	(рис. 39, 40).
545	левая	4-я сверху	М., 1935	т. I. М., 1953
Там же	правая	13-я сверху	О работах	О работе
567	оглавление	17-я снизу	20-х-80-х гг.	20-х-80-х гг. XVIII в.